К 2 Ш316
Шахматов А. А.
Мордовский этнографический
сборник
121666

121666

МОРДОВСКІЙ

121666/1

ПРОБЕ... 48 Г.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

СОСТАВЛЕНЪ

А. А. Шахматовымъ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ОПИСАНІЕ СЕЛА ОРКИНА САРАТОВСКАГО УѢЗДА А. Н. МИНХА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1910.

Саратовского... им. Н. Г. Чернышевского
БИБЛІОТЕКА

17р-95

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1910 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Предисловіе.

Матеріалъ, вошедшій въ составъ настоящаго сборника, въ значительнѣйшей части собранъ въ 1905 и 1906 гг. въ двухъ мордовскихъ селахъ Саратовскаго уѣзда *Сухомъ Карбулакѣ* и *Оркинѣ*. Сухой Карбулакъ (мордва называетъ его Арчиловъ, Арчилоўвеле)[1]) находится верстахъ въ шестидесяти отъ Саратова къ сѣверу, въ направленіи къ г. Вольску; Оркино (иначе Кучугуры)[2]) отстоитъ отъ Саратова приблизительно въ такомъ же разстояніи въ сѣверозападномъ направленіи и расположено верстахъ въ пяти отъ большой дороги, ведущей изъ Саратова въ г. Петровскъ. Оба эти села населены мордвой — эрзей, при чемъ русскихъ въ обоихъ селахъ сравнительно очень немного. Недалеко отъ Оркина, верстахъ въ трехъ отъ него, имѣется еще мордовское поселеніе въ деревнѣ Косолаповкѣ; здѣсь мордва живетъ вмѣстѣ съ русскими, составляющими половину населенія этой деревни; въ Косолаповкѣ я не былъ, но отъ тамошнихъ жителей мнѣ пришлось записать нѣсколько пѣсенъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ вмѣстѣ съ оркинскими. Другихъ мордовскихъ поселеній, кромѣ трехъ названныхъ, въ Саратовскомъ уѣздѣ нѣтъ; но весьма вѣроятно, что нѣкогда мордва была въ этомъ

1) По имени грузинскаго царевича Арчила, которому нѣкогда принадлежали земли, занятыя впослѣдствіи мордовскимъ селеніемъ.

2) Оркино по имени одного изъ первыхъ поселенцевъ, мордвина Орьки; названіе Кучугуры встрѣчается въ малорусскихъ мѣстностяхъ; напр. въ Конотопскомъ уѣздѣ Черниговской губ. есть д. Кучугуры или Кочугуры (Списки насел. мѣстъ, Черниговская губернія, № 1321); въ Сосницкомъ уѣздѣ той же губерніи Кучугуры (тамъ же, № 2948). Въ словарѣ украинской мовы, изд. редакціей «Кіевской Старины», слово кучугу́ра приведено со значеніемъ холмъ, куча; кучугу́ри со значеніемъ холмистая мѣстность.

Саратов... им. Н. Г. Чернышевского БИБЛИОТЕ...

уѣздѣ распространеннѣе; возможно, что окончательному обрусѣнію мордвы въ другихъ селеніяхъ Саратовскаго уѣзда содѣйствовало то обстоятельство, что селенія эти не заключали въ себѣ столь густого мордовскаго населенія, какъ Оркино и Сухой Карбулакъ. Въ пользу предположенія о нѣкогда болѣе широкомъ распространеніи мордвы въ Саратовскомъ уѣздѣ можно указать на нѣкоторыя географическія названія: на трактѣ изъ Саратова въ Вольскъ, верстахъ въ тридцати отъ Саратова, имѣется рѣчка Мордово и селеніе съ тѣмъ же названіемъ (извѣстное болѣе подъ именемъ Вольновка); въ другую сторону отъ Саратова недалеко отъ тракта Саратовъ-Петровскъ, верстахъ въ тридцати отъ самаго Саратова, имѣется деревня Губаревка: названіе это всего вѣроятнѣе возводить къ мордовскому слову губор-губыр (холмъ, бугоръ), причемъ это подтверждается другимъ названіемъ Губаревки, бывшимъ раньше болѣе обычнымъ среди исключительно русскаго населенія этой деревни, — Бугарёвка, Бугрёвка (отъ бугоръ)[1]). Мордва ж нѣкогда и въ Аткарскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь ея нѣтъ со мъ; это доказывается географическими названіями; приведу римѣръ, названіе рѣчки Колышлей; одноименная рѣчка извѣстна и въ Пензенскомъ уѣздѣ (лей — по-мордовски рѣка). Отмѣчу въ Камышинскомъ уѣздѣ въ Золотовской волости русскую деревню Мордово. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время Оркино и Сухой Карбулакъ оказываются наиболѣе южными поселеніями мордвы на правой сторонѣ Волги (впрочемъ, П. И. Мельниковъ въ своихъ очеркахъ указывалъ на двѣ мордовскія деревни въ Астраханской губерніи: вѣроятно, мордва явилась здѣсь въ результатѣ позднѣйшаго переселенія).

Описаніе Оркина съ надлежащими этнографическими и статистическими указаніями дано ниже, на стр. 681 и слѣд. сборника, въ статьѣ А. Н. Минха, извѣстнаго изслѣдователя этнографіи и археологіи Саратовскаго края; статья эта была составлена еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія; я глубоко

1) Мѣстное преданіе сообщаетъ о томъ, что названіе Губаревки произошло отъ имени казака Губарева, перваго поселенца въ этой мѣстности.

признателенъ А. Н. Минху за то, что онъ предоставилъ ее въ мое распоряженіе и далъ мнѣ возможность включить ее въ составъ моего сборника. Кромѣ описанія, даннаго Минхомъ, укажу еще на описаніе Оркина, записанное мною со словъ мѣстнаго жителя и помѣщенное въ I отдѣлѣ сборника. Тамъ же дано описаніе и Сухого Карбулака, при чемъ разсказчики охотно дѣлились и сохранившимися преданіями о началѣ селеній и о послѣдующихъ ихъ судьбахъ. Не буду поэтому повторять данныхъ, приведенныхъ тамъ, относительно Оркина и Сухого Карбулака; укажу только, что въ настоящее время въ Оркинѣ насчитывается до 6000 душъ обоего пола, а въ Сухомъ Карбулакѣ до 3000.

При собираніи образцовъ народнаго творчества въ обоихъ названныхъ селахъ я оказался въ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ. Свои занятія мордовскимъ языкомъ я началъ съ Романомъ Ѳедоровичемъ Учаевымъ, бывшимъ въ то время учителемъ Новопольской церковно-приходской школы Саратовскаго уѣзда. Р. Ѳ. Учаевъ уроженецъ Сухого Карбул[illegible]а; біографическія данныя о немъ см. въ настоящемъ сборник[illegible]; на стр. 636—642, 646—649. Замѣтивъ его прекрасныя спос[illegible]сти и условившись съ нимъ относительно подробностей тра[illegible]пціи мордовскихъ звуковъ (Р. Ѳ. Учаеву вообще не приходилось или приходилось очень рѣдко передавать родную рѣчь на письмѣ), я просилъ его съѣздить въ Сухой Карбулакъ и тамъ записать изъ устъ народа преданія, сказки, пѣсни и т. п. матеріалъ. Р. Ѳ. Учаевъ весьма удачно справился со своей задачей; къ концу лѣта 1905 года онъ доставилъ мнѣ большое собраніе фольклористическаго матеріала, при чемъ, будучи музыкантомъ, присоединилъ къ пѣснямъ и записи мотивовъ. Весь этотъ матеріалъ, провѣренный мною въ отношеніи точной передачи звуковъ при перечитываніи текстовъ вмѣстѣ съ Р. Ѳ. Учаевымъ, напечатанъ въ настоящемъ сборникѣ почти безъ измѣненій или точнѣе съ тѣми измѣненіями, необходимость которыхъ выяснилась при совмѣстномъ моемъ съ Р. Ѳ. Учаевымъ ихъ обсужденіи. Въ прошломъ году я посѣтилъ самый Сухой Карбулакъ и убѣдился изъ весьма значительнаго

числа собственныхъ своихъ записей [1]), насколько точно Р. Ѳ. Учаевъ передавалъ свою рѣчь. Впрочемъ, и раньше мнѣ пришлось слышать сухокарбулацкій говоръ не отъ одного Р. Ѳ. Учаева; между прочимъ кое-что записано было мною въ 1906 году отъ его матери, старушки лѣтъ 60-ти; эти мои записи помѣщены въ сборникѣ вмѣстѣ съ записями самого Р. Ѳ. Учаева, но отличены латинскимъ шрифтомъ (Р. Ѳ. Учаевъ пишетъ только русскими буквами), см. стр. 155—157, 646—650 сборника. Латинскимъ же шрифтомъ я напечаталъ то, что записалъ со словъ самого Р. Ѳ. Учаева для того, чтобы отличить мои записи отъ его записей, см. стр. 43—46, 636—645, 650—653 сборника.

Съ оркинскимъ говоромъ я познакомился въ августѣ 1905 года, когда впервые посѣтилъ Оркино и записалъ тамъ много сказокъ и пѣсенъ. Потомъ я тщательно изучалъ особенности этого говора при помощи Василія Степановича Саюшкина, оркинскаго уроженца, бывшаго въ то время сельскимъ писаремъ въ д. Бѣгучахъ Петровскаго уѣзда. Въ концѣ августа предложилъ мнѣ свои услуги Іосифъ Александровичъ Цыбинъ, постоянный житель Оркина, бондарь по профессіи. І. А. Цыбинъ оказался человѣкомъ въ высокой степени одареннымъ; необыкновенная память и развитая фантазія дѣлаютъ его неистощимымъ разсказчикомъ; подъ его диктовкой я исписалъ много листовъ бумаги; часть этихъ записей помѣщена въ настоящемъ сборникѣ. І. А. Цыбинъ пытался передавать мордовскую рѣчь на письмѣ русскими буквами, но это ему не удавалось дѣлать такъ точно и отчетливо, какъ Р. Ѳ. Учаеву, несмотря на придуманныя имъ діакритическіе знаки (р̑, л̑ для обозначенія глухихъ р, л; г̑ для обозначенія задненёбнаго); для образца я помѣстилъ въ сборникѣ нѣкоторыя изъ записей І. А. Цыбина, см. стр. 430—431, 446—449, 489—492, 630—635, 667—674. Мои записи по Оркину не ограничивались однимъ І. А. Цыбинымъ; кое-что я записалъ отъ В. С. Саюшкина, отъ Татьяны Учуськиной, отъ

1) Эти записи (подкрѣпленныя частью и фонографическими отпечатками) не вошли въ составъ настоящаго сборника, и такъ черезмѣрно разросшагося.

Анастасьи Кожайкиной, а также еще отъ нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ. Въ I приложеніи къ сборнику я помѣстилъ двѣ пѣсни, записанныя въ 1904 году учителемъ Ложкинымъ (стр. 674—679), а въ отдѣлѣ оркинскихъ пѣсенъ записи, сдѣланныя въ концѣ семидесятыхъ годовъ учителемъ Леонтьевымъ по порученію А. Н. Минха, см. стр. 431—434, ср. еще стр. 483—484, 486—487.

Во всякомъ случаѣ я особенно обязанъ за помощь и руководство Р. Ѳ. Учаеву и І. А. Цыбину; приношу имъ здѣсь свою глубокую благодарность.

Оркинская мордва меньше, чѣмъ сухокарбулацкая, поддалась вліянію русскаго населенія; это видно между прочимъ изъ того, что въ Оркинѣ мордва не разсталась со своимъ національнымъ костюмомъ; по крайней мѣрѣ въ 1906 году женщины еще почти совсѣмъ не носили платьевъ русскаго покроя, хотя и горько жаловались на насмѣшки, которымъ онѣ подвергаются въ русскихъ селеніяхъ (напримѣръ, въ большомъ торговомъ селѣ Озеркахъ, отстоящемъ отъ Оркина въ пяти верстахъ). По этимъ жалобамъ а также по сѣтованіямъ на неурожай марены, изъ которой добывается красильное вещество, необходимое для изготовленія нѣкоторыхъ частей женской одежды, я въ 1906 году дѣлалъ заключеніе о томъ, что время перехода оркинскаго населенія къ русскому платью весьма близко. Въ связи съ общей приверженностью оркинской мордвы къ старинѣ стоитъ и то, что пѣсни и старинные обряды держатся здѣсь гораздо устойчивѣе, чѣмъ въ Сухомъ Карбулакѣ. Оркино не теряетъ связей съ другими мордовскими селеніями, расположенными въ сосѣднемъ Петровскомъ уѣздѣ, хотя оркинцы и отличаютъ свое нарѣчіе даже отъ ближайшихъ сосѣдей, которыхъ называютъ «мурзями»; подобныя связи служатъ причиной сохраненія въ Оркинѣ мордовской старины и ограждаютъ оркинцевъ отъ слишкомъ быстраго обрусѣнія. Напротивъ, Сухой Карбулакъ окруженъ русскими поселеніями; ближайшія мордовскія селенія Вольскаго уѣзда отстоятъ отъ Сухого Карбулака верстахъ въ сорока; мордовская старина стала тамъ забы-

ваться, и уже въ очень давнее время жители Сухого Карбулака бросили свой національный костюмъ. Забываются также и свои пѣсни; мордва поетъ русскія пѣсни, а мордовскія развѣ только въ пьяномъ видѣ, какъ сообщаютъ мѣстные наблюдатели. Въ старину, какъ припоминаютъ старые люди, пѣсенъ было больше и ихъ пѣли охотнѣе; въ настоящее время рѣдко кто знаетъ больше двухъ-трехъ мордовскихъ пѣсенъ; многіе помнятъ только отдѣльные обрывки тѣхъ или иныхъ пѣсенъ.

Живѣе сохраняются въ Сухомъ Карбулакѣ преданія. Замѣчательно, что въ 1909 году мнѣ разсказывали тѣ самыя преданія о началѣ Сухого Карбулака, которыя въ 1905 году записалъ Р. Ѳ. Учаевъ, при чемъ употребляли одинаковыя выраженія, приводили одинаковыя подробности. Одно изъ помѣщенныхъ мною въ сборникѣ преданій — о томъ, какъ мордовская земля перешла во владѣніе русскаго князя (стр. 46—48), несомнѣнно книжнаго происхожденія; въ немъ упоминаются Волжскіе Болгары; преданіе это появилось въ печати въ семидесятыхъ годахъ. Но замѣчательна наивная передача его: въ концѣ разсказчикъ дѣлаетъ замѣчаніе, изъ котораго можно заключить, что подъ русскимъ княземъ онъ разумѣетъ бывшаго своего помѣщика.

Что касается сказокъ, то бо̀льшая часть ихъ не представляетъ чего-либо оригинальнаго; эти сказки извѣстны и русскимъ, хотя возможно, что мордва сохранила весьма древнія черты при передачѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Не привожу при сказкахъ ихъ русскихъ параллелей, хотя и сознаю всю важность подобныхъ указаній въ систематически подобранномъ сборникѣ; не дѣлаю ссылокъ и на обнародованныя уже мордовскія сказки во II выпускѣ Образцовъ мордовской народной словесности (Казань 1883), а также въ «Proben der mordwinischen Volksliteratur. Gesammelt von H. Paasonen» (Helsingfors 1894), и другихъ изданіяхъ. Весьма желательно появленіе работъ, посвященныхъ вопросу о сказочномъ репертуарѣ мордвы — эрзи и мокши, а также систематическихъ собраній этихъ сказокъ. Уже теперь видно, что нѣкоторыя сказки заимствованы мордвой не отъ русскихъ. Любо-

пытно опредѣлить происхожденіе нѣкоторыхъ именъ, встрѣчающихся въ сказкахъ, какъ напр. Дячка Най-Най въ сказкѣ, помѣщенной на стр. 356—370, Мазы Дамай, Карясъ въ сказкѣ, напечатанной въ Обр. морд. нар. слов. II, стр. 118.

При пѣсняхъ я сдѣлалъ нѣсколько ссылокъ на однородныя или тождественныя пѣсни, извѣстныя изъ другихъ сборниковъ мордовской словесности. Спеціально относительно весьма распространенной пѣсни о Литювѣ (стр. 521—526) напомню, что разборъ ея былъ предложенъ М. Г. Халанскимъ въ его изслѣдованіи «Южнославянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ» (стр. 365 и сл.). Въ пѣсняхъ мордва обнаружила несомнѣнно самостоятельное творчество. Содержаніе ихъ весьма разнообразно, такъ же разнообразенъ и размѣръ; преобладаетъ десятисложный стихъ, укладывающійся въ четырехъ стопахъ. Важно отмѣтить обиліе пѣсенъ историческаго содержанія; систематическое собраніе и разработка ихъ со стороны сюжета были бы благодарнѣйшими задачами для изслѣдователя. Въ Оркинѣ, а въ особенности въ Сухомъ Карбулакѣ пѣсни, какъ отмѣчено, забываются; но замѣчательно, что выдающіяся событія въ жизни села вызываютъ и до сихъ поръ попытки облечь разсказы о нихъ въ пѣсенную форму; мнѣ извѣстна одна оркинская пѣсня, составленная въ 1905 году по поводу случившагося въ селѣ убійства, и одна сухокарбулацкая, описывающая народное волненіе 1906 года; та и другая пѣсня оказываются подражаніями существующимъ стариннымъ пѣснямъ. Есть полное основаніе думать, что въ мѣстахъ съ болѣе густымъ мордовскимъ населеніемъ сохранилось обильное количество старыхъ пѣсенъ, неизвѣстныхъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Житель Сухого Карбулака И. Ѳ. Мироновъ сообщилъ мнѣ нѣсколько интересныхъ пѣсенъ съ историческимъ содержаніемъ. Въ нихъ упоминается о борьбѣ эрзи съ мокшей; называются имена мордовскихъ князей или военачальниковъ; по провѣркѣ оказалось, что И. Ѳ. Мироновъ записалъ эти пѣсни отъ своей тещи родомъ изъ Аслановки Вольскаго уѣзда; поэтому онѣ не вошли въ настоящій сборникъ. Обращаю вниманіе на весьма распространенную въ Сухомъ Карбулакѣ

пѣсню объ императорѣ Павлѣ Петровичѣ (стр. 558—560), извѣстную и въ другихъ мордовскихъ поселеніяхъ.

Нѣкоторыя пѣсни пришлось записать прозой въ виду того, что сообщавшія ихъ лица затруднялись передать ихъ поточнѣе.

Загадочна пѣсня о Лушѣ, проклятой еще въ утробѣ матери (стр. 434—436; 556—558); варіантъ къ ней въ записи А. Вальда 1849 года, помѣщенъ въ приложеніи I, стр. 679—680. Особенною симпатіей пользуются: пѣсня объ Агутѣ (стр. 533—534), извѣстная мнѣ теперь въ нѣсколькихъ варіантахъ, пѣсня о Дарюшѣ (стр. 553—555), о Кемельте (стр. 562—564), о Сюмургѣ (стр. 564—568). Весьма распространенна пѣсня «Лугава яке сыре алаша» (стр. 429—434, 555—556).

Выше указано, что̀ именно вошло въ составъ двухъ первыхъ приложеній къ сборнику. Въ III приложеніи я помѣстилъ краткій очеркъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей говоровъ Сухого Карбулака и Оркина. Съ большою признательностью называю здѣсь книгу Г. Паасонена Mordvinische Lautlehre (Helsingfors, 1903), которая помогла мнѣ разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ фонетики. Не могъ я согласиться признать за Паасоненомъ (см. его Mordw. Lautlehre, стр. VII—VIII, а также Mordvinische Chrestomatie, Helsingfors, 1909) долгими или полудолгими, шумныя глухія согласныя въ положеніи ихъ между гласными, а также между r, l, n, m и гласными; напр. въ словахъ buka, aťa, modasa я слышалъ краткія k, ť, s въ противоположность напр. словамъ poloka (по пологу), veťä (о водѣ), tamasa (пусть онъ купитъ), гдѣ k, ť, s дѣйствительно долги.

Относительно передачи мордовскихъ звуковъ въ текстахъ замѣчу слѣдующее: l обозначаетъ ɬ, т. е. русское л несмягченное; l̥ и r̥ обозначаютъ глухія l и r, извѣстныя въ оркинскомъ говорѣ передъ глухими мгновенными; ŋ обозначаетъ задненёбное n (болѣе подходящимъ знакомъ было бы ŋ); ė означаетъ e средняго ряда, передъ которымъ согласныя произносятся твердо; ʒ означаетъ сочетаніе dz, звонкую аффрикату, соотвѣтствующую глухому c; ȯ означаетъ o средняго ряда (звукъ между o и ö). Другіе знаки

не нуждаются въ оговоркахъ. Ударенiе я обозначалъ точкой за буквой, выражающею гласную. Не всегда при скорой записи мнѣ удавалось обозначить мѣсто ударенiя въ слогѣ, а потому многiя слова оказываются приведенными безъ ударенiя. Передавалъ я звуковую сторону рѣчи такъ, какъ я ее слышалъ; на основанiи этого я воспроизводилъ и тѣ особенности, которыя вызываются положенiемъ слова въ связной рѣчи; я писалъ tuiй zyv́il (свинина), хотя z замѣнило s въ началѣ слова syv́il (мясо) только благодаря положенiю послѣ звонкой согласной; но иногда (въ особенности въ Оркинѣ) слышится и tuiй syv́il; это отмѣчено и въ моихъ записяхъ. То же относится и къ конечнымъ гласнымъ a, e, вмѣсто которыхъ (при томъ условiи, когда a восходитъ къ α) слышится y, i въ связной рѣчи. Р. Ѳ. Учаевъ держался тѣхъ же пріемовъ.

А. Шахматовъ.

Апрѣль 1910 г.

Саратовского Г... ун...
БИБЛИОТ...
им. Н. Г. Чернышевс...

Отдѣлъ I. Преданія.

А. Оркино.

Mi·ńik v̓äl̓iń't ta·rkasa śed̓iki·l̓ä ul̓ńi·śt rozbo·jńek̓eń statt. Mon mar̓i·ń syr̓i lo·mar̓iń p̓el̓d̓ä v̓ä·χ̓kiń ta·rkada, šty śesa· är̓ä·ś Śt̓eńka· Ra·źin. Śe ta·rkaś ńejga·k p̓ek̓ par̓ć't̓ä soda·v̓ä: ozór·nė·jška pa·nda karda·zyń po·nasa, l̓äm̓i·za i ńejga·k: K̓äv̓i·ń ka·rdaz; kunčkav̓i·cynza gu·byr, gu·byryń't̓ p̓r̓a·sa tumav̓iŕńä, a śef't̓ ku·nčkasa, gu·byryń't̓ p̓r̓a·sa ko·lmy ki·l̓iχ't̓, ki·l̓iχ́niń ala l̓išma·p̓r̓a. Ar̓a·t̓ńä kor̓tė·t̓, šty śe ta·rkasyń't̓ sama·j är̓ä·śt̓ rozbo·jńek̓ńä, a uša p̓el̓ksėza pa·ndyń't̓ v̓äχ́kiń p̓e·l̓ej prok o·r̓ta. A krugo·myza a·slyn ka·rdaz. Sa·maj pa·ndyń't̓ p̓r̓a·va aščy v̓i·ŕńä prok la·ta, a alksy·za prok k̓ä·v̓iń śt̓e·na. Śe śt̓e·nań't̓i m̓er̓et̓

На мѣстѣ нашей деревни были нѣкогда разбойничьи притоны. Я слышалъ отъ старыхъ людей насчетъ одного мѣста, что тамъ жилъ Стенька Разинъ. Это мѣсто и теперь можно очень хорошо узнать: огромная гора, похожая на дворъ, имя ея и теперь: Каменный дворъ; на серединѣ ея бугоръ, на бугрѣ дубовый лѣсокъ, а на самой серединѣ, на вершинѣ этого бугра три березы, подъ березами родникъ. Старики говорятъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ жили разбойники, а наружная сторона той горы съ одной стороны похожа на ворота. А вокругъ нея какъ есть дворъ. По самой вершинѣ горы—лѣсокъ, словно крыша, а низъ ея словно

Ќäv̀i·ń ka·rdaz ča·ma. Karda·zyńť äjsta v̀ä ṕe·ľej aščy·ť kafta pantt sä·ŕiχť, a pona·st prok ťä·χťiŕiń poťť. Ńe pantnyń ľäm̀i·st Karau·ľnyj pantt. Aťäťńä jofńe·ť, ź̀a·rda äŕäś Śťe·ńka Ra·žin, to ńe pa·ntnyń laŋksa syń vanfńi·śť kija·va juty·ćat i bu·ta to·sta mo·dańť pačk uľńi·ś v̀eťaf ćeṕ. Kodak ńeje·ť ju·tyćat, to syń i nockofcèź śe ćeṕeńť, a śe ćeṕeńť ṕä·sa uľńi·ś śulma·f ba·jaga. Jalga·st, koda·k maŕa·syź śe ba·jagańť, i ľiśi·ť kila·ŋks. A śeďi tovò·la pokš ki ṕe·ľej uľä la·tka, ľäm̀i·za Ba·ńa la·tka, byta syń śe·zèń jakśi·śť bańa·s paŕa·ma. A śe latkyńť tomba·ľä uľi Čakš la·tka. Śe la·tkyńťi jakśi·śť m̀iń̀ik ďedu·žynyk Paznyń kašä·ń ṕiďiḿä: iśťama syn st uľńi·ś koje·st. Eščo v̀ä·χkiń ta·rkasa uľä panda ľäm̀i·za Koźe·lèń-strup. Śe pa·ndyńť a·ly la·tka, ľäm̀i·za Koźe·lèń-strup-la·tka. I vot m̀ä·śť jofńe·ť m̀iń̀i·k ruzy·ń aťa·nyk: kyda· v̀äľi·ś ťesa· ara·śiľ, śe latksyńť äŕä·śť rozbo·jńekť; uľńi·śť źe·-m̀ľaŋka·st. Źeḿľaŋka·syńť syń äŕći·śť i uľńi·ś mary·st v̀ä·χki ťä·χ-tiŕ· Kyda v̀äľi·ťńä karmašť oza·ma malaṷ, syń duma·śť kadu·mynza

---

каменная стѣна. Эту стѣну называютъ лицевою стороной Каменнаго двора. Въ сторонѣ отъ этого двора расположены двѣ высокія горы, а видъ ихъ словно дѣвичьи титьки. Имя этихъ горъ—Караульныя горы. Старики разсказываютъ, что когда жилъ Стенька Разинъ, то разбойники на этихъ горахъ подкарауливали проѣзжавшихъ по дорогѣ, и будто оттуда сквозь земли была протянута цѣпь. Какъ только увидятъ проѣзжающихъ, они и дернутъ эту цѣпь, а къ концу этой цѣпи былъ привязанъ колоколъ. Какъ услышатъ ихъ товарищи тотъ колоколъ, они и выйдутъ на дорогу. А еще дальше къ большой дорогѣ есть оврагъ по имени Банный оврагъ: будто они ходили туда париться въ баню. А по другой сторонѣ этого оврага Горшковый оврагъ. Въ этотъ оврагъ наши дѣды ходили варить кашу для Бога: такой у нихъ былъ обычай. Еще въ одномъ мѣстѣ есть гора по имени Козлиный срубъ. Подъ этой горой оврагъ по имени «оврагъ Козлинаго сруба». И вотъ что разсказываютъ наши русскіе старики:

ťe tarka·ńť i tuji·ms dalšy. Dumašť i syrga·šť, a še ťä·χťiŕińť kady·ź źeḿľaŋka·ńťi, ṕekstéź i tušť. A ťäχťi·ŕińť pokšëst ṕek véčke·ľćä. Žaľ ďänza ma·ŕäv́ä. Kyda· moľćť v́äṕe·ľej, son ḿeŕä: ēχ, bratcy, v́eď mon sońćčav́i·ća ṕerčatkam stufty·ńä; tyń ažida sa·sta, a mon čyjńan, nať, sajsa· i sasa·tadyź». Moľć źeḿľaŋkańťi, ľiť́ťi·źä ťäχťi·ŕińť i ḿeŕć ťänza: «ḿiń ńej tuta·na ťe·sta, a ton ńesa·k ona še ťuža pa·ndyńť; še pandyńť ala u·lä ruz v́ä·ľińä, moľť še v́äľińťi i äŕa·k, a ďiďi ľiša·t ḿiŕďi·ńiń i karḿi·ť äŕa·vuma ťäť jarma·kt, sak ťej; panžyk źeḿľa·ŋkańť i kučyk ḿiŕďi·t jarma·k ḿä·ľga; źa·ra ťäŋk ä·ŕäv́iť, šńara i saji·da, a tońć iľa· sua, a ďiďi tońć suva·t źeḿľa·ŋkańťi, to ton ťesk kadu·vat». I tuš jalga·nza sasa·ma. A ťe tuš Loχa· ṕe·ľej: še v́äľińińť ľä·ḿiza uľńi·š Lo·χa. Moľć to·zéń i ara·š v́ä·χki loma·ńńiń i äŕa·š kecė·nza robò·ťńekeks. A v́äχki u·ľńiš še v́ä·ľisyńť kodamy ďiďi Paznyń o·znėća ćo·ra. Rusny ḿeŕńešť ťänza· Byhamo·l.

A ḿińik v́ä·ľiš karma·š toža oza·ma: ṕe·ŕvėj saš O·ŕka a·ťa

когда здѣсь не было этого села, въ этомъ оврагѣ были разбойники; у нихъ были землянки. Въ тѣхъ землянкахъ они жили, и была съ ними одна дѣвушка. Какъ по близости стали населяться села, они рѣшили оставить это мѣсто и уйти подальше. Рѣшили и собрались, а ту дѣвушку оставили въ землянкѣ, заперли ее и ушли. А дѣвушку очень любилъ ихъ атаманъ. Ему стало жаль ея. Когда они ушли далеко, онъ говоритъ: «эхъ, братцы, вѣдь я позабылъ свою перчатку самобойную; вы, идите потихоньку, а я, знать, сбѣгаю, возьму ее и догоню васъ». Пришелъ онъ къ землянкѣ, вывелъ дѣвушку и сказалъ ей: «мы теперь отсюда уйдемъ, а ты видишь вотъ ту желтую гору; подъ той горой есть русская деревушка, иди въ ту деревню и живи, а если выйдешь за мужъ и нужны будутъ тебѣ деньги, приходи сюда; отопри землянку и пошли своего мужа за деньгами; сколько вамъ понадобится, столько возьмите, а сама ты не входи; а если ты сама войдешь въ землянку, то ты тамъ останешься». И пошелъ онъ догонять

kolmy ćora·nza maṛta i uĺńi·śť ťäχťi·ŕinza. Ḿäjĺä saś Ḱĺim. Še Ḱĺimyś, jońeť, ṕeḱ zdoro·u uĺńi·ś. Äŕä·ś son tatar v́ä·ĺisa i ḿäźiń kisa b́idi so·nza čavyksyĺiź. Son sajś du·b́ina i v́äť vo·ŕǵeć i saś to·ža ťej. Son O·ŕka a·ťäń ťäχťiŕinza sa·jiźä koźa·jkaks i karma·ś äŕa·ma. Ḿä·jlä saś Učи·ś aťa.

Vot v́äĺi·ś karma·ś ala·myń a·lamyń puru·myma, a śe ťä·χťiŕiś, kona· Loχa·s tuś, äŕäś äŕäś robȯťńeḱeks, koźa·jkaks ḱijak ä·synza a·sajä. Son sa·jiźä Bahamol ćo·rańť i koṛtėźä äśťä·nza, uŕvaksćť i tuśť äŕa·ma Oŕka v́ä·ĺij. Vot iśťa a·lamyń a·lamyń i pru·mś́e·la v́ä·lä.

Mon ikiĺi koṛtėń: Koźeleń-strup-latksta kyda· tuśť rozbo·jńeḱńä i kyda ťäχťi·ŕińť no·ldėź, koda Loχas pačkyć, koda· äŕäś, koda· v́eńčä·ś i koda· ťej ḿäḱij äŕa·ma saś Kučaguryńťi. Karmaśť äŕa·ma. Syń ḿäźd́ija·k äśť ṕišť. Koda·k ťäst äŕäv́iť jarma·kt, ḱiĺd́i·ť ala·ša, mo·ĺeť źeḿĺaŋka·ńťi, ṕeščėť źary ťäst äŕä·v́ä; ńeť ĺi·śiť, e·ščo moĺe·ť. Iśťa· i äŕäśť. Čačć ćo·rast Ḿi·ška, uĺńi·ś ṕeḱ ṕi-

---

товарищей. А эта пошла къ Лоху: имя той деревушки было Лохъ. Пришла она туда и опредѣлилась къ одному человѣку и жила у него работницей. А въ той деревнѣ жилъ какой-то (постоянно) молившійся Богу мужчина. Русскіе называли его Богомоломъ.

А наше село также стало населяться: первымъ пришелъ старикъ Орька съ тремя своими сыновьями, и были у него (также) дочери. Послѣ пришелъ Климъ. Тотъ Климъ, сказываютъ, былъ очень сильный. Онъ жилъ въ татарской деревнѣ, и его за что-то захотѣли убить. Онъ взялъ дубину, убѣжалъ ночью и также пришелъ сюда. Онъ взялъ въ жены дочь старика Орьки и сталъ жить. Потомъ пришелъ старикъ Учусь.

Вотъ село и стало понемножку собираться, а та дѣвушка, которая ушла въ Лохъ, жила въ работницахъ; въ жены никто ея не бралъ. Она взяла и приговорила себѣ Богомола; они поженились и ушли жить въ Орькину деревню. Вотъ такъ понемногу и собралось цѣлое село.

ja·ńića, syń sońďänza kazna·ńť äźiź ńeťńä. Ḿiška·ń ćora·nza uĺńi·śť ko·lma: Ṕetruχa, Ignaška da Še·mka. Ṕetru·χań ćora·za uĺńiś a·ńćik väχki: Iva·n, Iva·nyń ćora·nza vä·ťä: väśi salda·tt. Pokšė·ńť ľäń Ḿi·ška, ombȯ·ćeń še·mka, kolmȯ·ćeń Zaχa·rka, ńiľićiń Davy·dka, väti·ćiń Ǵŕi·ška. Ǵŕiška·ś, Davytkaś i Zaχarkaś ńejgak služba·syt, a ńeť ku·cyt. Vot syń zyńć jo·ńeśť i tarkańť ńeťńeź, a syńďäst baba·st ńeťńe·źä ko·sy kazna·ś aščä·. Mon jońe·ń ťäť Ḱĺi·mda, koda son saś, koda uŕvaksć, sajś koźa·jka Oŕka·ń dä·χťiŕ. Ḱĺimy·ń ćora·nza uĺńi·śť ńiľä: pokšė·ńť ľäńi·za La·ŕa, ombȯ·ćeń Troša, kolmȯćeń Ba·lgoŕ, ńiľićiń Va·śiľ. Laŕä·ń ćora·nza uĺńišť ka·fta: Ŕeďa·j i Ḿi·ša. Ḿišä·ń ćora·nza ńiľä: Aki·ń, Oχa·, E·nśej, Pa·vol. Ŕeďäń ćora·nza väťä: Iĺija·, Zota·, Vaśa·, Ilka·, Dro·ńä. Ňeť väśi žiťť Iĺija·da ba·ška. Trošä·ń uĺńi·ś ćora·za I·van, Iva·nyń ćora·nza ńi·ľä: pokšėńť ľäńiza Onta·, ombȯćekšėńť Makśi·ń, kolmȯ·ćeńť Ḱifor, ńiľićińť Iva·n. Onta·ń ćo·ranza kafta: Iogy·ŕ i Ľo·va. Iogy·ryń ćora·nza ka·fta: Ḿiki·l,

---

Я раньше говорилъ, какъ разбойники ушли изъ «оврага Козлинаго сруба» и какъ они оставили дѣвушку, какъ она дошла до Лоха, какъ жила, какъ повѣнчалась и какъ пришла сюда опять жить въ Кучугуры. Стали они жить. Они ни въ чемъ не нуждались. Какъ становились имъ нужны деньги, запрягутъ лошадь, поѣдутъ къ землянкѣ, насыплютъ сколько имъ нужно; эти деньги выйдутъ, поѣдутъ еще. Такъ они и жили. Родился у нихъ сынъ Михаилъ, онъ былъ большимъ пьяницей, они ему не показывали клада. У Михаила было три сына: Петръ, Игнатій и Семенъ. У Петра было только одинъ сынъ Иванъ, у Ивана пять сыновей: всѣ они стали солдатами. Старшему имя Михаилъ, второму Семенъ, третьему Захаръ, четвертому Давыдъ, пятому Григорій. Григорій, Давыдъ и Захаръ и теперь на службѣ, а эти дома. Вотъ они сами разсказали и показали мѣсто, а имъ показала ихъ бабушка, гдѣ находился кладъ. Я разсказалъ тебѣ про Клима, какъ онъ пришелъ, какъ поженился, взялъ въ жены Орькину

Śťa·pan. Mi̯ki·lyń ćora·za ara·ś. Sťapa·nyń vä·χkä. Ivan a·ťäń ńiľi ćora·nza: Iu̯ka, Da·ńil, A·ndŕej, Io·gyŕ, i sońć žiu̯, godė·nza kau̯ksyńgäm̀iń vä́ťiška [1]).

M̀iń̀ik vä·lisa uľi·ť lomaťť eščo· śedľ ṕeķ syŕi·ť, i ńe lo·maťń̀iń

дочь. У Клима было четыре сына: старшему имя Ларіонъ, второму Трофимъ, третьему Балгорь, четвертому Василій. У Ларіона было два сына: Ѳедоръ и Михаилъ. У Михаила четыре сына: Акимъ, Аѳанасій, Евсѣй, Павелъ. У Ѳедора пять сыновей: Илья, Зотъ, Василій, Иларіонъ, Андронъ. Эти всѣ, кромѣ Ильи, живы. У Трофима былъ сынъ Иванъ, у Ивана четыре сына: старшему имя Антонъ, второму Михаилъ, третьему Никифоръ, четвертому Иванъ. У Антона два сына: Егоръ и Леонтій. У Егора два сына: Николай и Степанъ. У Николая нѣтъ сына. У Степана одинъ сынъ. У старика Ивана четыре сына: Ивка, Данила, Андрей, Егоръ, и самъ онъ живъ, лѣтъ ему около восьмидесяти пяти. [1]).

Въ нашемъ селѣ есть люди еще болѣе старые, и разсказывать

---

1) Къ этимъ родословнымъ впослѣдствіи мнѣ была сообщена поправка: «Куяповъ пришелъ изъ Яблонки Вольскаго или Хвалынскаго уѣзда. Онъ былъ русскій. Звали его Сергѣемъ. У него былъ сынъ Петръ. Петра прозвали Богомоломъ, потому что онъ все славилъ Бога, когда его билъ отецъ; отъ него потомъ Богомоловы. У Петра былъ сынъ Василій. У Василія—Василій, Иванъ, Тимоѳей. Василій принялъ къ себѣ въ домъ зятя, а мужского потомства не имѣлъ. Тимоѳей пошелъ на службу и померъ. У Ивана сыновья: Семенъ, Михаилъ, Андрей, Захаръ, Давыдъ, Григорій (Андрей померъ, остальные живы). Еще пришелъ Виртянъ; его окрестили и назвали Василіемъ а отца его звали Ѳедоромъ. У Василія были сыновья: Дрига (Григорій), Онта, Гавря, Мирёнъ. Мирёнъ былъ слѣпой. Дрига померъ бездѣтнымъ. У Антона сыновья: Обрамъ, Сема, Елисѣй, Сема. У Обрама—Алексѣй, Прока, Васька. Прока и Васька померли. У Алексѣя сыновья: Василій, Трохимъ, Стяпанъ (Стяпанъ померъ бездѣтнымъ, Трохимъ живъ). Василій померъ; съ сыновья: Максимъ, Иванъ, Сема (живы). У Гаврилы сына Василіева сынъ Иванъ, а у Ивана Емелька, Фёдатъ, Акимъ Мирёнъ; ихъ сыновья живы сейчасъ всѣ.—Антонъ и потомки ихъ получили фамилію «Вертянкины», а Гаврилу прозвали «Кимяй» (дорога назадъ); теперь фамилія ихъ «Кечайкины».

mon ťäť jofńeńest aka·rman. V́äśi loma·ťńä v́äχ́ťi-v́äχ́ťi a jo·ńev́eť. Iofta·n ťäť v́äχ́kä. Mińik v́ä·ĭnyk pokš: äsy·nʒa kolėnǵä·mińśada lo·mań ćo·rat da ava·t źary·ja. Mon robȯtakšnan paŕť i mońďäń kańńi·kšnyť śeďikiĭiń čuft. V́ä škańä kanćť ťäń do·ska, ķäĭi·za kolmy va·ksyška, krugo·myza pa·myŕiŕ'. Karńi·ń lakśi·mä i vanu·ma, slojga·nʒa ašyza ara·ś. Mon ďe čufctyńť saji·ń ṕreť́, ko·sta iśťama čufty·ś saji·ӱś. Saś ťe aťä·s paŕińť mäĭga; mon o·zėń, targa·ftyńä i karńi·ń käu̯kśńi·mińʒa, a syŕä aťä·ťńä ṕek v́ečksėź jofńe·mańť ńeńeń, ki paŕćťi äsy·st kulcy·nä. Mon i käu̯kśťi·ńä so·nʒa: «Ďe·daj! kosta ton ďe doska·ńť saji·k?» — «Ťe doska·ńť? Ťe doska·ś avyĭ va·syldyń».—«A ko·stėń?»—«Dy vot kostėń; vant, mon ťäť ńefca·.» Śťäś i ĭiść lata·lga i ńeť́ć su·rca pa·nda ča·mas i ńeŕć: «Vot ťe·sta». Mon ńera·n ťänʒa: «Dy son kosta praś śezėń? Śe·sa v́iŕ gak ara·ś; ťesa goĭ zatt». Son i ńeŕä: «Ťesy uĭńi·ś v́iŕ». Mon ńeŕa·n ďänʒa·: «A v́eď mon apo·mńasa».— «Xm! kosta toń·ďäť, ćora·m, pomńa·ms; mon v́äjksy·ńǵäńiń v́äťi godan i to

---

тебѣ объ этихъ людяхъ я не буду. Обо всѣхъ людяхъ по одиночкѣ не разскажешь. Разскажу тебѣ объ одномъ. Наше село большое; въ немъ тридцать сотенъ человѣкъ мужеска полу да женщинъ много. Я дѣлаю кадушки и мнѣ приносятъ старинный лѣсъ. Однажды мнѣ принесли доску, шириной около трехъ четвертей, со всѣхъ сторонъ обкрошенную. Я сталъ тесать ее и осматривать, по слоямъ ея бѣли нѣтъ. Я заинтересовался этимъ деревомъ; откуда взялось такое дерево. Пришелъ этотъ старикъ за кадушкой, я сѣлъ, угостилъ его папиросой и сталъ его разспрашивать, а старые люди очень любятъ разсказывать тѣмъ, кто хорошо ихъ слушаетъ. Я и спросилъ его: «Дѣдушка! откуда ты взялъ эту доску?» — «Эту доску? Доска эта не издалека».— «А откуда?»— «Да вотъ откуда; смотри я покажу тебѣ». Онъ всталъ и вышелъ изъ подъ сарая и показалъ пальцемъ на уклонъ горы и сказалъ: «Вотъ отсюда». Я говорю ему: «Да какъ она туда попала? Тамъ нѣтъ даже лѣса; здѣсь одни сады». Онъ и говоритъ: «Здѣсь былъ лѣсъ».

apo·mńasa, a moń ďedužym jońe·ś mońďä·ń; son v́äśi sodasy·ń-ʒä, kodatt ťija v́iṕť uĺńi·śť, kua· rozbo·jńekť uĺńi·śť, kosy kalmy·st uĺńi·śť, kyda· apak ľämďä uĺńišť. Mon käu̯kśťi·ńä: «Kosa?» Son ńeṕć ťäń surca: «Vona śe·sa; śeks i ḿeŕeť śe pandyčamańťi: ka·l-mazyr. Śe pandyčamasyńť, vona śe ta·rkasyńť ńejga·k koda·k čudiki·ĺkska v́ä·diś moĺä·, lija·sta kandylast štaftä. Moń ďedužym ťäťa·za ťej äŕama saś. Kyda· rozbojńekńä ťe·sta straćť, ťezė·ń saśť äŕi·ćat. Oŕka a·ťäś saś v́eŕeṕe·ĺďä, końovózy jak modań kualma uĺńi·ś; a osta·tka loma·ťńä saśť kona kosta poŋgś: at, Bahamol saś Loχa·sta, Ramaďo·ŋkou̯ saś, kor̤téť, Ćibiŕcta, a Capĺi·n zaś—śe v́idïpara Ćibiŕcta uš vorǵe·ć. Išťa· v́äĺi·ś i prumś. Kona saldatčy·ďä voŕǵe·ć, a konat rozbojdï ḿäjĺä kaduu̯śť; a kyk ćeŕkoańť ťäjiḿi karmašť, koda·bidï narodéś äź satnä ćeŕkova·ńťi, pokš kila·ŋga jak kuńći·śť E·ŕʒat da karmaṕńišť ťesa· äŕa·ma. Ńeń uš kuńći·ź avy·ĺ

Я ему говорю: «А вѣдь я не помню».—«Гм! Откуда тебѣ, сынъ мой, помнить; мнѣ девяносто пять лѣтъ, и то я не помню, а мнѣ разсказывалъ мой дѣдушка; онъ все зналъ, какіе по этимъ мѣстамъ были лѣса, по какимъ мѣстамъ были разбойники, гдѣ было ихъ кладбище, когда они были некрещены».—Я спросилъ: «Гдѣ?» Онъ показалъ мнѣ пальцемъ: «Вотъ тамъ; оттого и называютъ этотъ склонъ горы кладбищемъ. На томъ склонѣ горы, вотъ въ томъ мѣстѣ и теперь, когда вода идетъ ручьями, она другой разъ вымываетъ гробы. Отецъ моего дѣдушки пришелъ сюда на жительство. Когда разбойники разошлись отсюда, сюда пришли жители. Старикъ Орька пришелъ съ верхней стороны, у него была и бумага на землю, а остальные люди пришли кто откуда попался; вотъ Богомолъ пришелъ изъ Лоха, Рамадёнковъ пришелъ, говорятъ, изъ Сибири, а Цаплинъ пришелъ—тотъ ужъ прямо убѣжалъ изъ Сибири. Такъ и собралось село. Кто убѣжалъ отъ солдатчины, а кто остался послѣ разбойниковъ; а какъ стали строить церковь, если народу не хватало для церкви, ловили Эрзяковъ даже на большой дорогѣ и заставляли жить здѣсь. Этихъ ловили ужъ не мужики, а въ то время

mužykť, a śe po·rava uĺńi·ś starystanyk Maźa·rkiŋkań ro·dėń; śe pervoj stary·stanyk uĺńi·ś.

«Kyda vä̀ĺi·ś eščo araśiĺ, tesy äŕäśť rozbo·jńekť, a Petroskėjeś uĺńi·ś. Rozbo·jńekńä tesa grabaśť, a goro·tca uĺńišť išťatt loma··ńist: uskśi·śť täst vina·, poroχt, ružy·jat, syvi·ĺť, i bidï saldatt syť vä̀šńi·mä rozbo·jńekeń, ńeť syť jofta·ma. A ton kiť duma·t uĺńišť jalga·st? Po·pǫ́ś dy go·lovaś. Vot popǫ́·ś i golo·vaś pek śupa·lgaćť peĺďest i duma·śť kodaja·k kadu·myst. Popǫ́·ś saś i me·ŕä: «Vot mäśť, bra·tcy, aźi·da testa·, ato syť salda·tt, kuńćiťadyź, mi·ńďäńik kak golovaňť marta amė·ńems; a bidä aku·lcynysamiź, peńa·ćada äś la·ŋgyzyŋk, a mon ästy·ŋk otka·zan». — «Koda otkaza·t?» — «Išťa·k i otka·zan». — «A mi̇ń jofta·tadyź.» — «A tyŋ́k akä·mťadyź.» — «Kämsa·mi̇ź». — «A mon moĺan da śičas jofta·tadyź, vot tyŋ́k i kuńći·ťadyź». Synst ke·žėst saśť, sa·jiź i poŕe·ź po·pǫ́ńť. Vot śeks i mėŕe·ť: Popǫ́ń čė·Ĺńa la·tka. So·nzy čėĺńazy ja·k testk uĺńi·ś. A golo·vaś mäśť täjś? Uskś boćke·ńä pu·ŕä, uskś pi·va, a jutky-

---

у насъ былъ староста изъ Мазяркинова роду; тотъ былъ нашимъ первымъ старостой.

«Когда села еще не было, здѣсь жили разбойники, а Петровскъ (уже) существовалъ. Разбойники грабили здѣсь, а въ городѣ у нихъ были такіе люди: привозили имъ вина, пороху, ружья, мяса, и если приходили солдаты искать разбойниковъ, то эти (люди) приходили сказать. А кто, ты думаешь были ихъ товарищами? Попъ и голова. Вотъ тотъ попъ и тотъ голова сильно разбогатѣли отъ нихъ и рѣшили какъ нибудь ихъ оставить. Попъ пришелъ и говоритъ: «Вотъ что, братцы, идите отсюда, а то придутъ солдаты, истребятъ васъ и намъ съ головой не вырваться; а если вы меня не послушаете, пеняйте на себя, а я отъ васъ отрекусь?»—«Какъ ты отречешься?»—«Такъ и отрекусь».—«А мы скажемъ про тебя.»—«А вамъ не повѣрятъ».—«Намъ повѣрятъ.»—«А я пойду да сейчасъ скажу про васъ; вотъ васъ и переловятъ». Они разсердились и повѣсили попа. Вотъ поэтому и называютъ: «оврагъ попова пчельника». У него былъ

zyst śpirt kaja·ś, saś ťäst i karma·ś mary·st guľä·jama. Iśťa śi·ḿdińʒä, v̀äśi prakšnyśť kulyi·ŕictyt. Son saji·ńʒä, ṕŕast i käŕ-ćińʒä. A·ńćik vanfty·ćast, ko·na uĺńiś v̀äṕe·ľä, śe·ki kadu·ų́ś. Śe pandyńťi, kosa ťäŕćińʒä, Božadom ḿeŕe·ť. A vot kyda· v̀äľi·ś karma·ś äŕa·ma, oza·śť ona śeľej čy·ŕińťi; śeks i ḿeŕe·ť: Äŕa·maľej, a son śesty ja·k kośke·ľ.

«Maźarkań čèĺńa la·tksa uĺńi·ś pokš ľi·śma; syń vaľi·ź zo·nʒa, a Čakš la·tksa iśťa·myška, keľi, uĺńi·ś ľi·śma; rozbo·jńekńä sra·zu o·bòz pona tozė·ń jaći·śť i ṕekstèź, kizda·sy ḿä·źniń. A kyda·ḿiń ka·rḿińik äŕa·ma, ťesy v̀äď ara·śiľ, nu oźe·rat ṕek lama uĺńi·śť; a śija· uĺńi·śť isťatt v̀äťť, avyĺ utka·t dy maćiχť, ľeb̀eťť ka·k äŕći·śť. A Po·jkaľ e·ŕkeńt sodasak? — «Soda·sa». — Ḿäźi äjstynʒa soda·t? — «Mon pomńan śi·ľdij ko·ŕett to·sta». — Aa! śiľdi·j goŕe·tt, a mon pomńa·n, śija· uĺńiś iśťa·myška pojpu·la, a

---

тамъ и пчельникъ. А что сдѣлалъ голова? Привезъ боченокъ меду, привезъ пива, а въ нихъ влилъ спиртъ; пришелъ къ нимъ и сталъ съ ними гулять. Такъ напоилъ ихъ, что всѣ попадали мертвецки пьяными. Онъ взялъ ихъ и срубилъ имъ головы. Только караульный, который былъ въ отдаленіи, тотъ остался. Ту гору, гдѣ онъ ихъ зарубилъ, называютъ Божедомомъ. А вотъ какъ стало заселяться село, они садились вотъ по тому берегу рѣки; оттого и называютъ ее «Жительская рѣка», а она и тогда была сухая.

«Въ «оврагѣ Мазяркина пчельника» былъ большой родникъ; они его завалили, а въ «Горшковомъ оврагѣ» былъ, говорятъ, такой же родникъ; разбойники втискали туда сразу обозъ шерсти и запрудили его неизвѣстно для чего. А когда мы стали жить, здѣсь не было воды, но было очень много озеръ. А по тому мѣсту были такія воды, что водились не только утки и гуси, но даже лебеди. А знаешь Осиновое озеро? — «Знаю». — Что ты о немъ знаешь? — «Я помню тамъ кочки». — Аа! кочки, а я помню, по тому мѣсту былъ такой осинникъ, а какъ пойдешь черезъ осинникъ къ озеру, туда нельзя ступить, пропадешь. Вся земля трясется. Тамъ то-

pojpulyńť pačk koda·k ju·tat e·ŕkeńť ṕe·ľej, tozė·ń čalga·ms ńeľʒa·, juma·t. V́äśi mo·daś ťe·ŕńä. Śezėń skaļt vajśi·śť; koda·k tozė·ń čalǵä i tu·jä mo·dańťi, baraχťa·ma karḿä, śedija·k tujä· i śńarç bara·χťä, źarc soųśe·ḿ aju·ḿä. Vot koda·tt uľńi·śť oźe·rat ťija·!

A v́äľi·nyk karma·ś oza·ma Äŕa·ma ľejeńť to·na bo·kas. A ťija·uľńi·ś bo·lȯta. Śe·sa o·na uľńi·ś Oŕkań karda·zyza, ćela ďe·śťena, väśij dy·ncy ṕiŕa·f, i mośťa·f v́ä·si u·ľńiś ču·fca. A kyda· karma·śť äŕa·ma naro·dėś bo·ľšy, śesta· ťija·jak bolȯta·ťńä karma·śť kośke·ḿä, ťi·ja jak karma·śť oza·ma. A jagy·daťńä uľńi·śť śeďikilä χyť ľeďeź ľeťť, a v́iŕ ja·gydaťńiń kijak äś ko·čkśä jak: uľńi·śť i ińʒi·χť i čeųk i aťama·ŕť i v́ädi·ńʒiχť, a sara·zyń źäľḿi·ťńiń laŋks kijak äź va·nny jak. A paŋkńä, Vo·spoďi! moń pomńamga jak χyť ko·jḿesa kyrga·k. A v́iŕi·ś kodam' uľńi·ś! Ko·sy ńej va·na od ka·lmyťńä, śe··sa iśťa·tt kiľi·χť uľńiśť oχva·ta po· tŕi. A kosy ńej va·na Ḱäľila·tkyś, śesa iśťa·my uľńi·ś tumyv́i·ŕ, stra·ś źa·ryška äčki·za, a Ǵŕišalatks äśť ja·kśi jak. Ǵŕišaľiśmańť avy·ľ ṕeǩ umyk mu·jiź gak. Ona Gor-

---

пули коровы; какъ ступитъ туда и пойдетъ подъ землю; начнетъ выкарабкиваться, пойдетъ дальше и до тѣхъ поръ будетъ выкарабкиваться, пока совсѣмъ не пропадетъ. Вотъ какія были озера по этому мѣсту.

«А село наше стало населяться по ту сторону «Жительской» рѣки. А по этому боку было болото. Тамъ вонъ былъ дворъ Орьки, цѣлая десятина, весь онъ былъ огороженъ тыномъ и весь вымощенъ деревомъ. А какъ стало селиться больше народа, тогда и тутъ болота начали высыхать и стали селиться и по этому боку. А ягодъ было въ старину хоть косой коси, а лѣсныхъ ягодъ никто даже и не собиралъ; была и малина и калина и вишня и водяная малина, а на костянику никто и не смотрѣлъ. А грибы, Господи! и на моей памяти хоть лопатой греби. А какой былъ лѣсъ! Гдѣ вотъ теперь новое кладбище, тамъ были такія березы, въ три обхвата. А гдѣ теперь вотъ Широкій оврагъ, тамъ былъ дубовый лѣсъ, страсть какой толстый, а въ «Гришинъ оврагъ» даже не ходили

bačyń kăŕafyś, ťe·sk i ľiśmaṕŕäńť kak sodasa·k. Polo·žym, ńej son ko·śkś. A a·źika Igíŋka·ńiń, synst uľä anduma očkėst tu·myń to·sta u·skuf, ďedu·žyst u·skiźä, źary·ška; dy vot i ḿińi·k ton kä·ų̈kśńat doskańť ăjsa. Son vot ko·sty saji·f'. (D'edu·žym jofńe·źä). V́äľi·ś palć bez ma·lava datla·, a Iurta·jiŋkań ka·duų̈śť; synct uľńi·śť utu·myst. Vot ḿiń v́ä·χkiń i ramі·ńik. Son čapu·ft vany ťe pandy ča·mastyńť. Śesty äśť pi·ľcä v́i·ŕińť äjsa, a doska·ks la·znyź lazny·śť, i vot ńe do·skaťńä kadu·ų̈śť śe u·tumstyńť. Tosy· uľńi·śť kijaksyks i suų̈śi·kiks. Utumyś na·ksać, a kija·ksyś kadu·ų̈ś. Ńej vana v́äďg̈aḿiń god, koda ḿiń dä·jińik ľija· u·tum i śe kija·ksyńť käpi·dińik ťe utumy·ńťi. Doska·ťńiń piľći·ńik troks kaftuų̈ kaftuų̈, i to vačkamstyst kotėńek ku·ńćińik.

«A vot mon stufty·ńä ťäť jofta·ms. Kyda· uľńi·ś utu·myś će·la, ťija· Puga·čt juta·śť. Syń bojar dy pop poų̈śe·śť jala. Kro·potovóń boja·ryńť poa·ksyľiź, a son kudyn̈za kadyźä, da ťej. Alaśäńť no·l-

---

Гришинъ родникъ не очень давно и нашли. Вотъ Горбачева порубка, тутъ же узнаешь и голову родника. Положимъ, онъ теперь высохъ. А пойди-ка къ Игнатьевымъ, у нихъ есть дубовая колода, вывезенная оттуда, ихъ дѣдушка вывезъ давно; да вотъ ты спрашиваешь о нашей доскѣ. Она вотъ откуда взята. (Мнѣ это разсказалъ дѣдушка). Село сгорѣло безъ малаго до тла, а Юртаевы остались: у нихъ были амбары. Вотъ мы и купили одинъ амбаръ. Онъ срубленъ вотъ съ того склона горы. Тогда не пилили лѣсъ, а, раскалывая его, кололи на доски, и вотъ эти доски остались отъ того амбара. Тамъ онѣ и служили половицами и сусѣками. Амбаръ сгнилъ, а полъ остался. Теперь вотъ пятьдесятъ лѣтъ, какъ мы выстроили другой амбаръ, и тотъ полъ мы перенесли въ этотъ амбаръ. Доски мы распилили поперекъ на двое; и то мы брались вшестеромъ, чтобы ихъ накладывать.

«А вотъ я забылъ разсказать тебѣ. Когда амбаръ былъ цѣлъ, по этой мѣстности проходили Пугачевцы. Они все вѣшали господъ, и поповъ. Они хотѣли повѣсить барина Кропотова, но онъ оставилъ

dėźä, sońć mińďäńik ḿeŕä: «Ќekšėḿeź; mońć kak pary ťäŋk ťäjan». D'edužym i ke·kšėźä utumy·ńťi, dy to·n duma·k, koda äźi·ź muk, vot ko·sy pä·jdïmaś. D'edam suvaftyźä u·tums, a suu̯śi·kńi uĺńi·śť pe·škśeť śu·ryda. Son su·u̯śiks śurypo·c va·ĺiźä laŋks, a kurgy··zynʒa maksć nu·dïj, iĺa·zy ĺeṕe·ja. Puga·čńi i käu̯kśńi·śť i ṽäš··ńi·śť, äź mujiu̯ däst. Utu·myńťiį gak, keĺi, suu̯śi·śť. Vany·ť, ṕe·škśä śu·ryda, ḿäźija·k ara·ś, i tušť. A sonʒa ḿäjĺä no·ldėź. Eščo· Xrancu·st suu̯śi·śť ťäńi·k, kudga· äŕä·śť, ḿäjĺi kou̯ bi·ďä saji·ź.

«Ćeŕko·vanyk vaśńa· uĺńi·ś ona śe·sa, kosy ńej ćaso·u̯ńeńeś a·ščä, a ko·sy ńej Maźa·rkiŋkat, śesa uĺńi·ś iśta·myška bo·lota, a jo·ftaṽi jak. Sezė·ń jala ṽiŕ vaĺä·śť.

«Vot mon däť jofńe·sa, koda· karma·ś ṽäli·ś pokšėlga·duma i straduma, tomba·ĺdä vaśńa· oza·śť kaĺgurys, iśťaža ṽä po·ŕatkas, i karmaśť śe poŕa·tkańťi ḿeŕe·ḿä Kaĺgu·ra. Saraj a·ťa oza·ś to-

---

свой домъ, да сюда. Лошадь онъ пустилъ, а самъ къ намъ; говоритъ: «Спрячьте меня, и я вамъ сдѣлаю добро». Дѣдушка мой и спряталъ его въ амбаръ; да ты подумай, вотъ гдѣ было смѣху когда его не нашли. Дѣдушка ввелъ его въ амбаръ, а сусѣки были полны хлѣба. Онъ завалилъ его въ сусѣкѣ въ хлѣбъ, а въ ротъ далъ ему камышевую дудку, чтобы онъ не задохнулся. Пугачевцы и спрашивали и искали, не нашли. Говорятъ, они заходили и въ амбаръ. Видятъ, полонъ хлѣба, ничего въ немъ нѣтъ, и ушли. А его потомъ выпустили. Еще заходили къ намъ французы, жили по избамъ, потомъ куда-то ихъ взяли.

«Церковь у насъ сначала была вотъ тамъ, гдѣ теперь часовенка, а тамъ, гдѣ теперь Мазяркины, было такое болото, что и не разскажешь. Въ это болото постоянно валили лѣсъ.

«Вотъ я скажу тебѣ, что, когда село стало увеличиваться и разселяться, сначала селились на той сторонѣ, у ивовыхъ кустовъ, также въ одномъ порядкѣ и стали называть этотъ порядокъ Каль-

vȯ·loų i karma·śť meŕe·ḿä Sara·jiń po·ŕatka. Ḿäjľi oza·ś Ku·daš aťa i karma·śť ḿeŕe·ḿä Kuda·šyń ku·ŕiŋka. Ḿäjľi karma·śť oza·ma Äŕa·my ľe·jenť ťe bo·kas, a ťesy· uĺńi·ś, mon däť ḿeŕeń, bo·lȯta, a bolȯta·ńť veŕi päś karmaśť ḿeŕeḿä Veŕeṕä·; a kyda· bolȯ·taś karma·ś kośke·ḿä, karmaśť ťija ja·k oza·ma u·ľćasa i pućť ťänza ľäḿ Pro·(v)al u·ľća. Ḿäjľi čuṇśť ľi·śma po·kš; vädi·ś äjsy·nza para, nu sońć veŕä; karmaśť śezė·ń gak oza·ma i pućť ľäḿ śe u·ľćäńťi Veŕiľi·śma u·ľća.

«A vot mon ḿä·śť ťäť jofta·n: ton zoda·sak ḿäks Ľe·kaŕiŋka·ńiń ḿe·ŕeť i·śťa, a faḿi·ľijast Popo·ft, a Subo·tkiŋkań äľä Zolȯ·ŋkań Podmaŕo·ft? — «Ara·ś» — Vot kulcy·nyk, mon däť jofńe·sėń. Śediki·ľä poṕńä· syńć ka·k sokśe·śť. Vot popȯ·ńť uĺńi·ś ćora·za. Kizda·sy, ḿäks popȯ·ks äźi·ź putt. A so·n, kyda· ťäťaza ku·lyś, son karma·ś ľeća·ma, i karma·śť ťänzy ḿeŕńe·ḿä: «ľe·kaŕ» a sonzy· äjdinza ľekaŕľäųkst. A faḿiľijasa śorma·ľisyź Popo·f.

гура (ивовый кустъ). Старикъ Сарай сѣлъ на ту сторону и стали называть: Сараевъ порядокъ. Потомъ поселился старикъ Кудашъ и стали называть Кудашевымъ курмышомъ. Потомъ стали селиться на этой сторонѣ «Жительской» рѣки, а здѣсь было, какъ я тебѣ говорилъ, болото, а верхній конецъ болота стали называть Верхнимъ концомъ; а когда болото стало высыхать, стали селиться и на этомъ мѣстѣ улицей и дали ей имя Провальная улица. Затѣмъ вырыли большой родникъ, вода въ немъ хорошая, но самъ онъ глубокъ; стали селиться и здѣсь и назвали эту улицу улицей Верхняго родника.

«А вотъ что я тебѣ разскажу: знаешь-ли почему Лѣкаревыхъ такъ прозываютъ, а фамилія ихъ Поповы, а почему Суботкиныхъ или Золинкиныхъ, а фамилія ихъ Пономаревы?—«Нѣтъ».—Вотъ послушай, я разскажу тебѣ. Въ старину и попы сами пахали. Вотъ у попа былъ сынъ. Неизвѣстно почему, его не сдѣлали попомъ. А онъ, когда отецъ его померъ, сталъ лѣчить, и его стали называть лѣкаремъ, а дѣтей его лѣкарятами. А по фамиліи ихъ всегда писали

A Zolo·ŋkań deda·st uĺńi·ś ponama·ŕ. Ćora·za toža iśťa·k kadu·u̯ś. Karmaś sokśe·ḿä, a pygavo·rkaza uĺńi·ś «zylato·j». Sońć pokš uĺńi·ś i karma·śť ťänza· ḿeŕeḿä Zo·la, a ćora·za čačć a·lkińi da kä·ľij. Ṕŕäv́i·nza kizda·sy koda·tt; mo·žna ḿeŕems čo·žža ṕŕä·ü̯. Pućť ťä·nza pro·ďešča: voz mo·na, ośḿe·na pa·pa, i šäjŕiť ťänza i·śťa u·ĺćasa: Zo·la, voz mo·na, ośḿe·na pa·pa. Koda·k ľiši uĺća·u̯, ä·χńi i šäŕǵi·dïť iśťa·, a son ḿä·ľgast čyjńä, da šou̯nä, vaľǵi·jza ä·čkä. Sonza la·ŋksa koda apä·jdïť, taba·kyń ǵis karma·fcyź mora·ma — mo·rä, karma·fcyź mora·ftuma — mora·ftä, karma·fcyź kiščy·ḿä—ki·ščä».

A moń po·mńamga, mon däť jofta·sa, ťäjśť od u·ĺća, čoťńa·ńť tozė·ń puty·ź, a tašty·ńť ḿiji·ź ku·dyks. Śedï ḿä·jľä väľi·styńť palćť ńiľišatt ku·da, śesta v́ä·ľińť v́ä·śi odo·u̯ ara·fniź. Śe·sta a·ťa palć, äχť źara ďiďä palćť, a źa·ra skoťe·na palć, źara sarast

---

Поповыми. А дѣдушка Золинкиныхъ былъ пономаремъ. Сынъ его тоже остался безъ должности. Онъ сталъ пахать, а поговоркой его было слово «золотой». Онъ выросъ и его стали называть Золой, а сынъ у него родился низенькій и широкій. Умъ его, кто его знаетъ, какой; можно сказать, что онъ идіотъ. Дали ему прозвище: возъ м., осьмина х., и кричатъ ему такъ на улицѣ: Зола, возъ м., осьмина х. Какъ онъ выйдетъ на улицу, дѣти и кричатъ такъ, а онъ бѣгаетъ за ними и бранится, голосъ у него густой. Когда надъ нимъ не смѣются, его заставляютъ за табакъ пѣть — онъ поетъ, заставляютъ пѣть духовныя пѣсни — поетъ, заставляютъ плясать — пляшетъ».

А и на моей памяти, скажу я тебѣ, сдѣлали новую улицу, поставили тамъ контору (сборную), а ту старую продали подъ домъ. Послѣ этого изъ деревни выгорѣло 400 домовъ, тогда всю деревню перепланировали за ново. Тогда сгорѣлъ старикъ, сгорѣло сколько

palćť! Śesta· ńe tošto maćťi·mä äľi mäźińgak ľiťťi·mä, ѵäśi narodėś a·ńćik kapša·ś voŕge·ďeḿä kińi·ń goų pa·ra. Vot śe požardyńť mä·jľä, ťä·jśť kolmy uľćat, uľća·ťńiń kä·ľijsta kady·ź, oza··fńiḿä karma·śť lado·m: koda·k ńiľi ku·dyt, jala pro·vólka. Rauźy kudy·ťńiń toža po·mńasyń, avyľ ďek umy·k ťäѵi·ś uľńi·ś. Ťäjśť ѵäľi·zynyk u.čyľńa, a vaśńa· po·p tona·fńiś. Ńej mińik čeŕkovanyk kak od, kä·ѵiń; ťeńga·k pokšėlga·ftyź i mora·fńiḿä arćikšńi·ťana, ŕegentėnėk kak mińćińik, a ŕe·gentėńť ľäľa·za psalo·mšeķeks ľi.ść, a Kosė·jiŋkań ćora·st ťiľigraf i·styks ľi·ść. Mäjľä moń po·mńamgak uľńi·ś ska·lyń gu·luma, ďek lama skaļt ku·lćiśť, a śedi mäjlä uľńi·ś loma·ńiń gu·luma, da pomńa·n: ѵäśť loma·ń čaųśť i kaji·ź bujaraks; ľäḿi·za uľńi·ś Doda·j Vańa. Śedi mä·jľä väχki poaśť i ľiťťiź pa·kśas; kozė·ń poѵe·ź śe uľćaṕi·ńińťi ńejga·k ḿeŕeť Dušy·lofka. Da vot ńej avy·ľ umyk čaųśť loma·ń, ľäḿi·za uľńi·ś Mi·kil, prodėšča·za «Čykyda·j».

то дѣтей, а сколько скотины сгорѣло, сколько куръ! Тогда не то что тушить, или что нибудь вытащить, но весь народъ только спѣшилъ убѣжать кому куда можно. Вотъ послѣ этого пожара сдѣлали три улицы, оставили улицы широкими, стали селить въ порядкѣ: какъ четыре дома, всякій разъ проулокъ. Черныя избы я также помню, дѣло было не очень давно. Построили въ нашемъ селѣ школу, а сначала училъ попъ. Теперь у насъ и церковь новая, каменная, и эту расширили и мы становимся пѣть, и регентъ изъ нашихъ; а старшій братъ регента вышелъ въ псаломщики, а сынъ Косынькиныхъ вышелъ въ телеграфисты. Потомъ и на моей памяти былъ падежъ коровъ, очень много пало коровъ, а потомъ былъ людской моръ, и помню я: однажды убили человѣка и бросили въ баракъ. Имя его было Додай Ваня. Послѣ этого одного человѣка задушили и вытащили въ поле; конецъ улицы, гдѣ его задушили, и теперь называютъ Душиловкой. Да вотъ теперь недавно убили человѣка, имя его было Николай, прозваніе его «Чикидай».

A vot moⁿďäⁿ jofńe·ś eščo syŕä a·ťa: śedĭkiĭi starystaťńi jak araśiĭťé vä·ĭisyńť, a go·lovaťńä äśť ma·ŕćiu̯ gak, a uĺńi·ś väĭisa pokšéś; uĺńiś iśťama a·ťa ṕeǩ ṕŕä·vij, i ḿeŕńe·śť ťänʒa· ťäťu·ž. Son väĭi·syńť uĺńi·ś i stary·sta i ťäťa·, son i čaviĭ, son i žaĭi·Ĭ. Ḿäśť χoťe·l, ńeń i ťäjś. Ḿiń toža goďau̯ĭńik bo·jarnyń gak, kaby a·vuĭ zon. Vä́śť Vä́ź́ńi·nyń moda·ńť käŕämsta saś bojar ćeṕ ma·ṛta i karmaś ćeṕeń targa·mynʒa vi·cta ḿińi·k pakśä·ńť laŋks. Son koda·k a·ŕć tozė·ń, ḿeŕć: «Lotka·da, kou̯ moĭda·da? ťe ḿińi·k pakśäś, ťej iĭa·dy jaka·». Boja·ryś ḿeŕä: «Ton ḿä·źat?» A son ḿeŕä: «Mon iśťamyža loma·ńan, koda·mat i ton». — «Ton moń maṛta iśťa· iĭa· koṛta·; mon mary·t koṛta·ma aka·rman».— «A ńe χočeš mary·n goṛta·ma, ve'a·ft i stupa·j ťesta at ǵŕeχa·». Boja·ryś šäĭ-ǵi·źä čama·s, ve'a·fć i tuś. Iśťak i pakśa·nyk kaduu̯ś. Ombò·ćeďä Soky·ryń boja·ryś väĭi·ńť laďa·kšnyźä ala luga·ńť miji·ms i miji·-ksyĭiź. Ťäťu·ž kyda· ma·ŕaś, kosty biďä saś, i äśśi[1]) makst. Boja·ryś

А вотъ мнѣ разсказывалъ еще древній старикъ: въ старину въ деревнѣ не было и старостъ, а о головахъ и не слышали, а былъ сельскій старшина; былъ такой очень умный старикъ, и называли его «тятюжъ». Онъ былъ на селѣ и староста и отецъ, онъ и наказывалъ, онъ и жалѣлъ. Что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Мы тоже угодили бы барину, если бы не онъ. Однажды, во время обмѣра Вязминской земли, пришелъ баринъ съ цѣпью и сталъ тянуть цѣпь прямо на наше поле. Онъ, какъ прискакалъ туда, сказалъ: «Остановитесь, куда вы идете? Это наше поле, не ходите сюда». Баринъ говоритъ: «Ты кто?» А онъ говоритъ: «Я такой же человѣкъ, какъ и ты».—«Ты со мной не говори такъ; я не стану говорить съ тобой».—«А не хочешь со мной говорить, вели повернуть и ступай отсюда отъ грѣха». Баринъ плюнулъ ему въ лицо, повернулъ и ушелъ. Такъ и осталось наше поле. Въ другой разъ Сокурскій баринъ уговорилъ было міръ продать ему нижній лугъ и продали было. Когда тятюжъ услыхалъ, онъ откуда-то вернулся,

1) äsi.

ṕeḱ ḱeže·jaf́ć laŋgyzyŋza; koŗta·ś iśt́a·tt Kokla·ć́t; Kokla·ć́ńä karma·śt́ mary·ŋza ṕŕija·ctva v́e·t́ama, karma·śt́ goś́te·ks t́äŋza sa·kšnuma, i so·n zyńd́äst karma·ś jakśi·ḿä. Syń so·ŋza ĺif́ti·ź pa·kśaų i po·v́eź, i ńejga·k śe ĺiśmańt́i ḿeŕe·t́: T́at́už ĺi·śma, a ĺiśma·ś Sokyryń domba·ĺä; vaśńa· uĺńi·ś ĺä·ḿiza Pojga·ĺ ĺi·śma.

Ńej śed́i ḿä·jĺä v́äĺi·nyk pokšė·lgać, i t́äjśt́ od u·čyĺńa, kolmy u·čyt́iĺ́t́ äjsy·ŋza: v́ä·χkiś u·čyt́iĺ́, dy kaft' učyt́iĺa·vat. B́iblio··t́ekanyk uĺä· čoťńa·sa; čajny·nyk uĺä·; čajny·syńt́ gramafo·n.

Vaśńa· sady·ń toŗò·χ v́äĺi·syńt́ araśiĺ́t́. Śeft́ ṕe·rvoj puć́t́ umaŕčufta sad Baγamo·lòv́enkat́. Syńd́eď́est ḿäjĺä Moŗò·z D́ŕi·ga. Ńeńd́eď́ä ḿäjĺä puć́t́ Kandry·ŋkat; ńeńd́eď́ä ḿäjĺä D́edury·ŋkat: ńeń sady·st aťama·ŕiń. Śed́i ḿäjĺä Mardźa·j Ṕe·t́ka aťama·ŕiń i uma·ŕiń, śed́i ḿäjĺä Tu·lka Ṕi·ĺka. Tu·lka Ṕi·ĺkań zady·za pokš i vad́ŕa·; t́eťe·d́ä makśńiźä kolmy ćaśńiń ä·styŋza i sa·jś kisyŋza

---

не отдалъ. Баринъ очень разсердился на него; подговорилъ такихъ хохловъ; хохлы стали вести съ нимъ пріязнь, стали приходить къ нему въ гости, и онъ сталъ похаживать къ нимъ. Они вытащили его въ поле и задушили, и теперь еще тотъ родникъ называютъ «Тятюжевымъ родникомъ», а родникъ на той сторонѣ Сокура; сначала имя его было «Осиновый родникъ».

Теперь, послѣ того наше село расширилось, построили новое училище; въ немъ три учителя: одинъ учитель да двѣ учительницы. Библіотека у насъ въ конторѣ; у насъ есть чайная; въ чайной граммофонъ.

Сначала въ селѣ совсѣмъ не было у насъ садовъ. Прежде всѣхъ разсадили яблоновый садъ Богомоловы. Послѣ нихъ Григорій Морозъ. За нимъ разсадили Кондратьевы; за этими Дѣдушкины; ихъ садъ вишневый. Потомъ Ѳедоръ Мардзяй вишневый и яблоновый, потомъ Филиппъ Тулка. Садъ Филиппа Тулки большой и хорошій; въ нынѣшнемъ году онъ сдалъ три части въ немъ

kafta śatt komś v̓ä·ťiji ce·lkovoj. Syńďeďest ṁäjľä puć́t sad Gavŕišyŋkat, neńďeďä ṁä·jľä Ṕŕä·šńik Vaśka; sońďeďenʒa ṁä·jľä Va·śiŋkat; ńe·ńďeďest ṁäjľä Aťakški·ŋkat; Aťakški·ŋkada ṁä·jľä Kuluṁi·ŋkat; Kulu·ṁiŋka ṁä·ľga Topȯ·ŋkat, a ńe·ńďeďä ṁäjľä Kosė·jiŋkat, a ńe·ńďeďä ṁäjľä karmaśt iśťa· ozafńiṁä ärva tunda, ärva śokśńä, ki źarys kä·ńiŕä. Ńej v̓äχ́ki pandyčamanyk v̓ä·śi pižy·ldä prok ro·ŋna v̓iŕ.

Kada· v̓äľi·ś karma·ś puru·muma i puru·mś po·kšsta v̓äťiśa·tt lo·maťť, śe·sta karma·śt śilko·m ľaṁďa·ftumyst. Ťäjśt ťäst će·ŕkova i ṁeŕćt ťäst: «ramśida pa·zavat». Syń ramśi·śt v̓äśi Mi·kilat i ṁeŕńe·śt ťänʒa· ru·zyń Veŕepaz. Popȯ·ś karma·fńiś äsy·st ozno·ma, a syń äśt o·znėšä. Iśťa· ťäviś kua·ć moľć. Po·pȯś ṁä·śt dumaś ponama·ŕinʒa maŗta? Vot koda son dä̈jś. So·ńć suv́i ku·duŋ lomańi·ńťi, a ponama·ŕinʒa ķekščė pazavau·gylyńť ekšc. Suv́i ku·dyńťi, käu̯kscy kudaa·zyryńť: «oznė·śat ru·zyń Veŕe-

---

и взялъ за нихъ 225 рублей. Послѣ нихъ разсадили садъ Гаврюшины, послѣ тѣхъ Василій Пряшникъ, послѣ него Васильевы; послѣ нихъ Кочетковы; послѣ Кочетковыхъ Кулумины, послѣ Кулуминыхъ Топонькины а послѣ нихъ Косые, а послѣ нихъ стали разсаживать каждую вёсну, каждую осень, кто сколько успѣетъ. Теперь одинъ склонъ нашей горы весь зеленѣется, словно лѣсъ.

Когда село стало собираться и увеличилось до пятисотъ человѣкъ, тогда заставляли ихъ креститься силкомъ. Построили имъ церковь и сказали имъ: «накупите иконъ». Они всѣ купили иконы св. Николая и называли его русскимъ Богомъ. Священникъ заставлялъ ихъ молиться, а они не молились. Такъ продолжалось долго. Что же придумали священникъ съ пономаремъ? Вотъ какъ онъ сдѣлалъ. Самъ онъ войдетъ въ домъ къ человѣку, а пономаря спрячетъ за уголъ, гдѣ икона. Войдетъ въ домъ, спроситъ хозяина

pa·zyńťi?» Ťe ḿeŕä: «oznė·šan».— «A ma·ńčat äsyn?» — «Ara·ś, käu̯kśťi·k sońće·nza». Ťe a·rė koľeŋkalaŋks, če·kä-pokä· i šäŕ-ǵidä: «Микола милостивый, скажи мнѣ, молится тебѣ сей рабъ съ чадами, или нѣтъ?» A śe u·gyľyńť e·kšsta i ḿe·ŕä: «нѣтъ!» Še·-sty po·póś śe lo·mańiń ṕeľdä sajä· väťi ce·lkovyχť šeńǵi·s, šty son ao·znė. A ḃiďä ombò·ćeďä sy, šesta kä·ḿiń. Väχki lomań ḿäšť ťäjś? Po·póś kyda tuś ke·ctènza, son kežèńba·čk Ḿi·kiľańť šä·Ľ-ḿinza saji·ńžä dy ta·rǵińžä. Popó·ś saś, vany Ḿi·kilańť šäľḿi·nza targa·ft. Śesta po·póś sa·jś ṕeľďenza komś vä·ťija ce·lkovoj i tuś. Rama·fć od pa·zava. Ťe ra·maś od. Popó·ś saś, va·nyźä. «Ra-ḿiť?» — «Raḿi·ń».— «Oznė·šat?» — «Oznė·šan». Popò·ś tagy käu̯-kśťiźä Ḿi·kilańť, tagy ḿe·ŕä: «нѣтъ!» Ṕetnacať rubľe·j ṕeľďe·nza sajś. Mäjľä ťe ḿäšť ťä·jś lo·mańiś? Saji·źä paza·vańť, ľiťi·źä ka·rdazuu̯. Sonza uľńišť anduma·sa ko·lmy tu·vynza. Son śe pa·-zavańť tu·vyń ṕiľga·luu̯ ka·jiźä. Po·póś saś, paza·vaś ara·ś. Käu̯-kśńä: «Dy pa·zavat kosa?» — «A ki so·dasy? Ćäj mon äsynza a

---

дома: «молишься ты русскому Богу»? Тотъ скажетъ: «молюсь».— «Не обманываешь меня»?—«Нѣтъ, спроси его самого». Потомъ становится на колѣни, перекрестится и закричитъ: «Никола милостивый, скажи мнѣ, молится сей рабъ съ чадами или нѣтъ?» А тотъ изъ за угла и скажетъ «нѣтъ»! Тогда священникъ возьметъ съ человѣка пять рублей за то, что онъ не молится. А если придетъ въ другой разъ, то десять. Что же сдѣлалъ одинъ человѣкъ? Когда священникъ ушелъ отъ него, онъ въ сердцахъ взялъ и вырвалъ у Николы глаза. Пришелъ священникъ, видитъ, что глаза у Николы вырваны. Тогда священникъ взялъ съ него двадцать пять рублей и ушелъ. Заставилъ купить новую икону. Этотъ купилъ новую. Священникъ пришелъ, осмотрѣлъ ее. «Купилъ»?—«Купилъ».—«Молишься»?—«Молюсь». Священникъ спросилъ опять Николу, (тотъ) опять говоритъ: «нѣтъ»! Взялъ съ него пятнадцать рублей. Что же сдѣлалъ потомъ этотъ человѣкъ? Взялъ икону, вытащилъ ее на дворъ. У него откармливались три

ki·ŕďan; sońćeń Pazyń vo·ľaza, koų duṁä, toų mo·ľä». Popò·ś ṕäďäś ä·zynʒa: «biďi, ṁeŕä, atusak ťej, śa·dy ce·lkovoj ṕe·ľďet saja·n.»— «Dy ko·sta mon sajsa? Veď mon Veŕepa·zyńť maṛta aja·kśan. Ki-zdasy· koų son tuś. Äχńi· ńeje·ź by·ta sonʒa, iśa·k jaka·ś ka·r-dazga, a koų duś ńe zna·j. Aďada, paža·lyj, väšńi·syńik». Ľiśćť, karmaśť väšńi·ṁä; väšńi·śť, väšńi·śť; ara·ś kosèja·k. Popòś i ṁeŕä: «Koda· so·dat väšńi·ķ, nu muji·k; a biďä amu·sak, to śa·dy ce·lkovoj ṕeľďet, dava·j śiča·s». Ťe vancy· ťäťť apaṛt. Moľć kar-dyńť ma·las i šä·ŕǵić: «vantta·, bačka·, o·na še· doska u·gylnyś ruda·jsyńť avy·ľ ľi son?» — «Ta·rǵika!» Ta·rǵiź. Vany·ť, pra·vdyj son. Popòś ṁe·ŕä: «Dy ton ṁäks ťe·zèń kajiķ?» — «Ara·ś», ťe ṁeŕä. «Dy e·na ṁäks son ťe·sa?»—«Dy veď mon azda·sa; vany·k, guľäjäś väť; dy kudu·ų samsta kudykäŋkšyś äź mu·jių, suva·ś ťe käŋkšyńťi i·ŕictyń pačk i praś ru·dazyńťi; a tu·vyťńä kodatt! Syń ša·jťan ito čalkši·ť. A mon ďiva·n, koda ešču äźi·ź säų koŕ-ṁe·ńeśeń!» Popòś i ṁe·ŕä: «ṁäšť keŋǵe·ľat? ṁińik Veŕepa·zynyk

---

свиньи. Онъ бросилъ ту икону свиньямъ подъ ноги. Пришелъ священникъ, иконы нѣтъ. Спрашиваетъ: «а икона твоя гдѣ»?— «А кто ее знаетъ? Чай я ея не держу; своя Божья воля, куда задумаетъ, туда пойдетъ». Священникъ присталъ къ нему: «если, говоритъ, ты ее не принесешь сюда, я возьму съ тебя сто рублей». —«Да откуда я его возьму? Вѣдь я не хожу съ Богомъ. Кто знаетъ, куда онъ ушелъ. Дѣти, кажется, видѣли его вчера, онъ ходилъ по двору, а куда ушелъ; не знаю. Пойдемте, пожалуй, поищемъ». Вышли, стали искать; искали, искали; нигдѣ нѣтъ. Священникъ и говоритъ: «какъ знаешь, ищи, но найди, а если не найдешь, то сто рублей съ тебя, давай сейчасъ». Этотъ видитъ — дѣло плохо. Подошелъ къ хлѣву и закричалъ: «смотри-ка, батюшка, вотъ этотъ уголокъ доски въ грязи, не онъ ли»?—«Вытащи-ка!» Вытащили. Смотрятъ, правда она (икона). Священникъ говоритъ: «да ты отчего ее сюда бросилъ»?— «Нѣтъ», отвѣчаетъ тотъ. «Такъ какъ же она тамъ»?— «Да вѣдь я не знаю; видно, гулялъ

v́ina·da aśi·ḿä». — «Nu moža ugaŕijäś da ľiść v́ä·ńiľij». — «Tagy·ke'ŋgeľat, v́eď son ču·ftyń, a·ńćik śo·rmaduf lomańľi·ks, a son a śi·ḿä, a ja·rcä, a u·gaŕijä, a ja·kä». — «A ḿäks ena koṛtä, a čuf'ńä· ako·ŕχńeť, a son at ke'ŋgeľä ťäť, buta mon ao·znan däŋza». Śe·dï ḿäjľä popò·ś pańďa iśťa käu̯kśńims. Ala·myń a·lamyń karma·śť naro·dèś kak čaŕkyďiḿä i ozno·ma. A ńej oznė·ť ṕeķ i sodè·ť kiń́i·ń oznė·ť; äŕv́ä·χki pa·zavańť ľäḿi·za sońćeń.

A vot mon jofta·n ďäť, koda·my uľń́i·śkulu·ma, ľäḿi·nza jak a·zdasa. Ton loma·ńiś jaly ḿeŕet sodė·ćat, azda·sak ľi, koda·ma śe kulu·maś? Loma·ńiś koda·k pry, v́äśi ra·uškadä i ku·lä. Śesta vot koda kulći·śť; kalma·ma jak äśť kä·ńiŕkśńä. Ḿä·jľä v́älińť ćury·ź-ṕiŕiź, ala·myń a·lamyń lo·tkaś. A eščo· uľń́i·ś ku·luma,

---

ночью, да идя домой, не нашелъ избной двери, вошелъ въ эту дверь съ пьяна и упалъ въ грязь; а свиньи какія! онѣ шайтана и того затопчутъ. А я дивлюсь, какъ онѣ его кормильца еще не съѣли». Священникъ и говоритъ: «зачѣмъ ты клевещешь? нашъ Богъ не пьетъ вина».—«Но, можетъ быть, онъ угорѣлъ и вышелъ на дворъ».—«Опять клевещешь, вѣдь она (икона) деревянная, только расписана по образу человѣка, а она не пьетъ, не ѣстъ, не угораетъ, не ходитъ».—«Такъ какъ же она говоритъ, а деревья не говорятъ; а она вотъ клевещетъ тебѣ, будто я ей не молюсь». Послѣ этого священникъ пересталъ такъ спрашивать. Понемногу народъ сталъ также понимать и молиться. А теперь много молятся и знаютъ, кому молятся; у каждой иконы свое имя.

А вотъ я разскажу тебѣ, какой былъ моръ, и имени его я не знаю. Ты человѣкъ знающій—всѣ говорятъ, не знаешь ли, что это за моръ? Человѣкъ, какъ заболѣетъ, весь почернѣетъ и помретъ. Тогда вотъ какъ помирали; не поспѣвали даже хоронить. Потомъ село «окружили», и (моръ) понемногу прекратился. А еще

gara·zda ṁäjľä: lomaṅi·ńťi ṕäďä ṕśku·n i uksnu·ma i samy·nza targa·tyť; loma·ńiś ṕiščy·fťä kafty-kolmy čy i kulä, a ľija· ṽiχi·ṁä. Aty vot avy·ľ umyk uľńiś, ťeṅ ton gak po·mńasa·k! — «Da, ťeṅ mon pomńä·sa, mon eščo beŕäṅ godèńť kak pomńäsa, kyda jarcy·ńik aṅćik katfa·ń pača·lkśiďä dy kotoŕńe·kťä».—X'e, brat, ara·źdä ťe beŕäṅ god? Sura u·ľńiś, muśka vaďŕaľ, katfaťńä partyḷť, ťe äŕamyś ešcy ma·śińća iki·ľiń beŕäṅ go·tnèṅ ko·ŕas. Moṅ po·mńamga väšť uľńišť kolmy gott ŕac beŕä·tť. Tašty śu·ryťńiṅ sä·ṽiź, ṁiṅ ma·rčty ja·rcyńik, a ďedu·žym jo·fńeś: śe śiśiṁ gott uľńišť, śesta loma·ťńä sè·ŕada jarca·šť. Lomaťńä jaka·šť prok su·ľij [1]). Tožy, brat, lamy· ťäf'ńi· uľńišť; ikiľi ṽiď avyľ išťa äŕä·šť, koda· ńej: śu·ryt la·ma, ṁiji·k—ja·rmakńiṅ źeps; śu·ryt araś, moḷť baza·ruu, ramak. A baza·ryś uľńi·ś śedìki·ľä aṅćik Ṕetrośkè·jsa, a śury·ś uľńi·ś pondè·ś ṕä·tak, a ṕifcy·ćäťńä uľńišť ǵŕi·vna čys. Dy ju-

---

былъ моръ гораздо позже: къ человѣку привяжется поносъ и рвота, и судорога ведетъ его; человѣкъ пострадаетъ два три дня и помретъ, а другой оправится. А то вотъ недавно былъ, и ты его (этотъ моръ) помнишь!—«Да, я его помню, я еще помню и плохой годъ, когда мы ѣли только картофельные блины и тертый картофель».—Хе, братъ, развѣ плохой былъ этотъ годъ? Былъ ячмень, конопли были хорошіе, картофель хорошій, это житьё еще маслянница противъ прежнихъ плохихъ годовъ. На моей памяти однажды три года подъ рядъ были плохи. Старый хлѣбъ съѣли, мы ѣли лебеду, а дѣдушка мой разсказывалъ: тѣ семь лѣтъ были (плохими), тогда люди ѣли желуди. Люди ходили какъ тѣни. Тоже, братъ, много было дѣла; вѣдь раньше жили не такъ, какъ теперь: хлѣба много, продай—деньги въ карманъ; хлѣба нѣтъ, иди на базаръ, купи. А базаръ въ старину былъ только въ Петровскѣ, а хлѣбъ былъ по пятаку за пудовку, а молотильщики по гривнѣ на день. Да проѣхать нельзя никакъ; черезъ лѣса (ѣхать) боишься: либо звѣрь

---

1) su. liχť.

ta·ms kak a koda·, ʹvi·ŕχńiń bačk páľa·t: ľiby źʹveŕ śeźńe·ťanʒat, ľiby loma·ń ʒaudа·nʒat. Śeďiki·ľä avyľ baza·ṛt, ńe·ľńećat kak ara·śiľť, sopožńekť ka·k ara·śiľť; ńäśť kak äśť ramśä, äśť ńi·kšńi jak.

тебя съѣстъ, либо человѣкъ убьетъ. Въ старину не то, что базаровъ, а даже мельницъ не было, и сапожниковъ даже не было; и ничего не покупали и не продавали. [1])

---

1) Мнѣ не пришлось записать другихъ преданій, связанныхъ съ с. Оркинымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, записанныя въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, помѣщены ниже въ приложеніи, въ очеркѣ А. Н. Минха. Впрочемъ, Мордва вспоминаетъ еще Тющаня (Tʹuśčäń ińazyr), подъ подданствомъ котораго она находилась. «Царь Тющань, разсказываютъ они, ушелъ съ народомъ за большія воды, а мы подались сюда», но откуда онъ ушелъ неизвѣстно. Старики и сейчасъ вспоминаютъ Тющаня, говоря такъ: «Bʹiďä Tʹuščäń kʹäpiďä vojna, śesta pi̯ŋgiś kʹuryk juńä; son bʹiďä karńä ojovama vʹäśij mastyrńiń čaʒsyńʒä; ńäjlʹäʳ i pi̯ŋgiś kak juńä» (т. е. если Тющань начнетъ войну, тогда міръ скоро погибнетъ; если онъ начнетъ воевать, онъ разоритъ всѣ страны; потомъ и міръ погибнетъ). Ср. пѣсню «Тюштя азоро» въ Обр. морд. нар. сл. I, № XX.

Б. Сухой Карбулакъ.

Мон терьдень эстянь кафты сизьгемень годца атят, и от месть сынь монянь ёфьнесть:

Миникь велесь, Арчиловось, ащи уш колмошка сяды готт. Васня сон ульнись ольнэй, а мельи тееўсь барцкыикс. Те велень народэсь пурнаўсь лия-лия стороната — улить састь Алофкаста, Селябаста, Топорофкаста, Губажста и Яксярцта. Губажинь народэсь ульнисть татарт и кувать сынь эрясть апак лемть. Мон атятьнинь кеўкьстень—косы ащить се велетьне, костьі састь миникь покщаныкъ, ну сынь и сыньць аздасызь.

Б. Сухой Карбулакъ.

Я призвалъ къ себѣ двухъ семидесятилѣтнихъ стариковъ и вотъ что они мнѣ разсказали:

Наше село Арчиловъ существуетъ уже около трехъ сотъ лѣтъ. Сначала оно было вольнымъ, а потомъ барскимъ. Населеніе этого села собралось съ разныхъ сторонъ—есть пришедшіе изъ Аловки, Селябы, Топоровки, Губажа и Яксяра. Губажевскіе были татары и они долго жили некрещеными. Я спросилъ стариковъ, гдѣ находятся тѣ деревни, откуда пришли наши дѣды, но они и сами не знали.

Миникь покщанык састь эсь олясыст, а ауль боярт ускизь, эль дерьдезь. Сынь года састь тезэнь эряма, теса эсть эря кить как. Таркась те ульнись чава; соказь мода эзь ульни. Ульнисть тесы аньцяк эрькть, вирьть, ветьть и лугат. Миникь покщатьне сётыки содасть, шты те таркась ульнись боярынь.

Ве монянь ёфнеця атяньть покщанsа покщаза, лемезы ульнись Паул атя, ульнись васинь зыця миникь веленьтень [1]). Кода покщаныкпурнаўсть миникь велень дарканьтинь [2]) и кармасть думама велень зрояма, Паул атясь и мере: «атянят-цёранят, лац-ли минь дейтяна? [3]) ведь де модась боярынь—пузякс ломанинь. А боярты ведь а роботэть, ломань видисы пряст трить; бути минь дезэнь [4]) озатана, то миникь эйтьни кармить боярынь зепень бещеме, боярынь гарьцимп-орчама, боярынь андума». Атятьни мереть: «Паул атя! тонь валыт виде; аньцяк [5]) от месть: тесы таркась пара, ведь-вирь-луга лама. Минь эсь

Наши предки пришли по собственной волѣ; ихъ не приводили и не призывали господа (помѣщики). Когда они пришли жить сюда, здѣсь никто не жилъ. Мѣсто это было пустое; земля была не вспахана. Здѣсь были только озера, лѣса, рѣки и луга. Наши предки всётаки знали, что это господское.

Дѣдъ дѣда одного изъ стариковъ, разсказывавшихъ мнѣ (это), по имени старикъ Павелъ, былъ первымъ прибывшимъ въ нашу деревню. Когда наши предки собрались на мѣсто нашего села и начали думать о постройкѣ села, старикъ Павелъ и говоритъ: «старики-мужики, хорошо ли мы дѣлаемъ? вѣдь эта земля принадлежитъ барину—лѣнивому человѣку. А баре вѣдь не работаютъ, кормятся благодаря людямъ; если мы здѣсь поселимся, то дѣти наши будутъ наполнять господскій карманъ, будутъ обувать-одѣвать барина, будутъ кормить барина». Старики говорятъ: «Дядя Павелъ! твое слово правильное; но только вотъ что: здѣсь мѣсто хорошее, воды,

---

1) веленьтей. 2) тарканьтий. 3) тейтянак. 4) тезэй. 5) аньцик.

пряныk анцыникь, и боярыньтинь [1]) ули мези максумс». И миникь покщаныk пуцьть кудыт и кармасть эряма.

Коты вайгильбень даркашка Арчилоўдэньть розбойникинь отаман Плетьнёў, ве шкани Арчиловоньть марты сроясь вели Ключь. Ключь велесэньть ней-гак эреть Плетьнёвоньть родэнsа.

Москоўсы эрясь сюпаў бояр Опраксин; сопsы ульнисть ламы моданsы, и конань моданsы лангкс састь эрямы миникь покщаныk и появась Ключь велесь. Марясь Опраксин Арчилоўдэньть ды Ключтыньть, радувась, шты састь тендзы истяк роботэцят и прянь зиньдизь напустясь Арчиловоў. Сась, пурныньsи миникь атятьнинь и мери: «атянят! мон радувинь, жды тынь зыди монь мода лангкс; эряды, сокады — видиды, мон дынгкь пельди мези як а саян». Мерьць истя [2]) Опраксинць [3]) и тусь. Эрясть ащисть аламус покщаныk, пуцьть кудынить, тейсть кардаскить.

лѣсу, луговъ много. Мы прокормимъ себя, и будетъ что дать барину». И наши предки поставили дома и стали жить.

Въ шести верстахъ отъ Арчилова разбойничій атаманъ Плетнёвъ построилъ въ одно время съ Арчиловомъ село Ключи. Въ селѣ Ключахъ и теперь живутъ потомки Плетнёва.

Въ Москвѣ жилъ богатый баринъ Апраксинъ [1]); у него было много земли, и ему принадлежали земли, на которыя пришли, (съ тѣмъ чтобы) поселиться наши предки и на которыхъ появилось село Ключи.

Узналъ Апраксинъ про Арчиловъ и Ключи, обрадовался, что къ нему пришли даровые работники, и сломя голову пустился въ Арчиловъ. Пришелъ, собралъ нашихъ стариковъ и говоритъ: «старички! я обрадовался, что вы пришли на мою землю; живите, пашите, сѣйте, я съ васъ ничего не возьму». Сказалъ такъ Апраксинъ и уѣхалъ. Пожили-пожили немного наши предки, построили домишки, устроили дворишки.

---

1) боярыньтий. 2) истяня. 3) Опраксинысь.

[1]) Степанъ Степановичъ.

Сась Опраксин боярысь, ванцы покщанык тейсть кой месть и думе: «ней эряви путумс лангызыст авуль бокш пандума, вишка пандумадыньть атуить, кудыст-кардазыст а кацызь». Пурнынъзи Опраксин боярысь атятьнинь и мере: «атянят, тынь эрятады монь мода лангкса, а монянь мези як а пантада, тынь пандыды монянь хуть [1]) ортаста!» Атятьни алуфтасть. Се шканьть Павул атясь арасиль кудыса, мельи сась, сонянзы ёфтасть, шты боярысь веши пандумы ортаста, сон и мере: «атянят! ней де пузякс пинись карми миникь зепенэк урядама, сётыки эряви теемс от месть; кафты кардайс колмы кардайс теемс ве орта». Атятьни кулцынызь Паул атяньть. Арчилоўсэньть кудытьни ульнисть ищё алама, ащисть ве поряткаса, и атятьни васыдизь кардазыст вейц и порятканьть кунчкас тейсть ве орта и кармасть лисними и суўсими ве ортава.

Ютасть зяры бути готт, сась Опраксин боярысь Арчиловоў,

Пріѣхалъ баринъ Апраксинъ, видитъ, что наши предки построили кое-что, и думаетъ: «теперь нужно положить съ нихъ небольшую плату; отъ небольшой платы они не уйдутъ, не оставятъ своихъ домовъ и дворовъ». Собралъ баринъ Апраксинъ стариковъ и говоритъ: «старички, вы живете на моей землѣ, а мнѣ вы ничего не платите; вы платите мнѣ хоть съ воротъ!» Старики обѣщали. Въ то время старика Павла не было дома; потомъ онъ вернулся, и ему разсказали, что баринъ просилъ платы съ воротъ, онъ и говоритъ: «старики! теперь этотъ лѣнивый кобель будетъ обчищать наши карманы; всётаки надо вотъ что сдѣлать: на два-три двора ставить одни ворота». Старики послушали старика Павла. Въ Арчиловѣ домовъ-то было еще немного, стояли они въ одномъ порядкѣ, и старики соединили свои дворы въ одно и въ серединѣ порядка поставили одни ворота и стали выходить и входить одними воротами.

Прошло сколько-то лѣтъ; пріѣхалъ баринъ Апраксинъ, со-

1) куть, хыш, кыш.

пурныньsи атятьнинь и мере: «мон зынь ярмак мельга». Атятьни мереть: «зяры сави макссынкь». Боярысь мере: «зяры ортанк?» Атятьни мереть: «вейке!» — «Кода вейке?» — «Истя и вейке». Тусь боярысь орта лоўнома и лоўнэсь аньцяк ве орта. Опраксин боярысь кежеяўсь и мере: «мон кармафтадызь пандумы турбаста». Атятьни мереть: «мези аразьди, карматана пандумы турбаста». Боярысь тусь. Атятьни синтризь турбаст и тейсть раужы кудыт. Ютасть зяры бути готт, сась бояр Опраксин ярмак мельга; атятьни пурнаўсть. Боярысь кеўкьстеньsи атятьнинь, зяры турбаст. Атятьни мереть: «миникь турбанык арасть».— «Кода арасть?» — «Истя и арасть». Тусь Опраксин боярць турба лоўнома, эзь мук ве турба-як. Седияк кежеяўсь боярысь, кармафтыньsи цёратьнинь пандумы вальмаста. Цёратьни тейсть лазынь вальма вельтямут. Сась боярысь ярмак мельга. Цёратьни пекснезь вальмаст и мереть: «миникь вальманык арасть». Тусь боярысь вальма вешнеме, эзь мук ве вальма-як. Боярысь ванцы,

---

бралъ стариковъ и говоритъ: «я пришелъ за деньгами». Старики говорятъ: «сколько приходится, мы отдадимъ». Баринъ спрашиваетъ: «сколько у васъ воротъ?» Старики отвѣчаютъ: «одни»!—«Какъ одни?»—«Такъ и одни». Пошелъ баринъ считать ворота и насчиталъ только одни ворота. Баринъ Апраксинъ разсердился и говоритъ: «я заставлю васъ платить съ трубъ». Старики говорятъ: «такъ что же, будемъ платить съ трубъ». Баринъ ушелъ. Старики сломали свои трубы и устроили черныя избы. Прошло сколько-то лѣтъ; пріѣхалъ баринъ Апраксинъ за деньгами: старики собрались. Баринъ спросилъ стариковъ, сколько у нихъ трубъ. Старики отвѣчаютъ: «у насъ нѣтъ трубъ».—«Какъ нѣтъ?»—«Такъ и нѣтъ». Пошелъ баринъ Апраксинъ считать трубы, не нашелъ ни одной трубы. Еще больше разсердился баринъ, заставилъ мужичковъ платить съ оконъ. Мужички сдѣлали дощаныя оконныя ставни. Пріѣхалъ баринъ за деньгами. Мужички закрыли свои окна и говорятъ: «у насъ нѣтъ оконъ». Пошелъ баринъ искать окна, не

атятьни соньдедэнsы превейть, и пуць лангызыст оброк, сизьгемень вети цолковой насыгнацыю эрьва ойменьть лангкс.

Опраксин боярыньть ульнисть кафты тейтеренsа. Покш тейтереньть лемезы Наталья Стёпануўна, а вишкининьть — Софья Стёпануўна. Опраксин боярысь максыньsи тейтеренsы мирьдининь *Московоў; покш тейтереньть — князь Голицынынь экшс*, вишкининьть — князь Щербатувунь экшс.

Опраксин боярысь, тейтеренsы максумады икили, сась Усофка велес; се велесэньть сопsы ульнись отчинный ганторазa; пурныньsи веси олостень атятьнинь и мери тест: «атянят, монь моданьть вакссы ули ламы мода, конань хозяиныnsы вишка пакшат сирётат, прозваньяст Шахматуфт; раминкь сынцт моданьть и ультяды тыньць хозяинт» [1]). Атятьни Опраксин боярыньтинь мереть: «минь апак дума а рамасыникь, васьня думатана». Лисьсть атятьни боярыньть кецты и тусть Шахматуў боярнытьнинь мо-

---

нашелъ ни одного окна. Баринъ видитъ, что старики умнѣе его, и положилъ на нихъ оброкъ, семьдесятъ пять рублей ассигнаціями на каждую душу.

У барина Апраксина были двѣ дочери. Имя старшей дочери Наталья Степановна, а младшей Софья Степановна. Баринъ Апраксинъ отдалъ своихъ дочерей замужъ; старшую дочь—за князя Голицына, младшую — за князя Щербатова.

Баринъ Апраксинъ, прежде чѣмъ отдать замужъ дочерей, пріѣхалъ въ село Усовку; въ томъ селѣ была вотчинная контора; онъ собралъ старковъ со всей волости и говоритъ имъ: «старички, около моей земли большой земельный участокъ, хозяевами котораго состоятъ маленькія дѣти, сироты, по фамиліи Ш-вы; купите ихъ землю и вы будете сами хозяевами». Старики говорятъ барину Апраксину: «мы не сообразивши не купимъ; сначала подумаемъ». Вышли старики отъ барина и пошли посмотрѣть

---

1) азырт.

даст ваннума. Модась атятьнинь мельц тусь, сынь мольцьть Опраксин боярыньтинь и мерсть: «минь думиникь Шахматувунь моданьть рамамс».

Шахматуў боярнытьни-сирётатьни ульнисть Опраксин боярыньть родэнsы эль содаўксынsы, эль жабранsы участкань гувалт. Сон мольць Шахматуфнининь, рамизи модаст цёратьнинь лемс, а купчиньть теефтези соньценsы лемс. Сесты шкась ульнись истяма: цёра лемс купчий теемс ульнись нельsя. Секс Опраксин боярць теефтези купчиньть соньценsы лемс, куш моданьть рамизи цёратьнинь лемс, и купчиньть Опраксин боярць путызи отчинный ганторас (Усофкас). От истя Арчиловонь, Усофкань, Кумарофкань, Ключинь, Андрёфкань и Софьинань атятьни рамизь Жахматуўскый бустышиньть, эль Жахматуў боярньть моданsа. Моданьть эйсты ульнись кемготова тысиця вети сятт ведьгемень дестина. Те моданьть атятьни рамизь и ярмакнинь Опраксин боярньть вельди пандызь.

землю барчатъ Ш-выхъ. Земля понравилась старикамъ; они пришли къ барину Апраксину и говорятъ: «мы надумали купить землю Ш-выхъ».

Барчата сироты Ш-вы были родственниками барина Апраксина, или его знакомыми, или сосѣдями по участку. Онъ отправился къ Ш-вымъ, купилъ ихъ землю на имя крестьянъ, а купчую велѣлъ сдѣлать на свое имя. Тогда время было такое: на имя крестьянъ нельзя было дѣлать купчей. Отъ того баринъ Апраксинъ велѣлъ сдѣлать на свое имя, хотя и купилъ землю на имя крестьянъ, а купчую баринъ Апраксинъ положилъ въ вотчинную контору (въ Усовку). Вотъ такимъ образомъ старики Арчилова, Усовки, Комаровки, Ключей, Андреевки и Софьина купили Шахматовскую пустошь или землю барина Ш-ва. Земли было 16550 десятинъ. Старики купили эту землю и уплатили деньги черезъ барина Апраксина.

Седы мельи Онраксин боярысь тусь Московоў и тосы максыньзи тейтерензы мирьдининь; теды мон уш кортэнь.

Онраксин боярыньть цёранзы арасильть, сон явизи веси моданзы и хресьянынзы кафты содамунзы юткува. Князь Голицыннынь[1]) максызи Арчиловоньть, Ключиньть ды Кумарофкапьть. А Щербатуў гнязиньтинь остатка[2]) велетьнень. От истяня Арчиловонь атятьни тееўсть князь Голицынынь хресьяныкс. Князь Голицын боярысь ульнись пара, сон чурысты сакшныкшнысь хресьянынзы туртуў. Мельи князь Голицынысь кулысь, эстедэнзы мельи эйть эзь гатт. Князь Голицында мельи кудынь-бряфтыкс кадуўсь сонзы козяйказы Наталья Стёпануўна. Наталья Стёпануўнась пекь кежэйсты пурнась оброконьть, и цёратьни кармасть вешеми барщина. Бояравась радувась и Арчиловонь народэсь курукты тееўсь барцкыикс; колмы чить наро-

---

Послѣ этого баринъ Апраксинъ отправился въ Москву и тамъ отдалъ дочерей замужъ; объ этомъ я уже говорилъ.

У барина Апраксина не было сыновей, онъ раздѣлилъ всю свою землю и своихъ крестьянъ между двумя своими зятьями. Князю Голицыну онъ далъ Арчиловъ, Ключи и Комаровку, а князю Щербатову остальныя деревни. Вотъ такимъ образомъ Арчиловскіе старики сдѣлались крестьянами князя Голицына. Князь Голицынъ былъ добрый, онъ рѣдко пріѣзжалъ къ своимъ крестьянамъ. Потомъ князь Голицынъ померъ, не оставилъ послѣ себя дѣтей. Послѣ князя Голицына хозяйкой осталась его жена Наталья Степановна. Наталья Степановна очень строго собирала оброкъ, и крестьяне стали просить барщины. Барыня обрадовалась, и Арчиловскіе крестьяне вскорѣ стали барскими; три дня крестьяне работали на барыню, а три дня на себя. Прошло шестьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ Арчиловскіе крестьяне стали барскими. Потомъ наступили голодные года, и народу нечего было ѣсть.

---

1) Голицыныньтинь, Голицыныньтий. 2) кадувикс.

дэсь роботась бояраньтинь, а колмы чить эстянsа. Кодгемень год ютась се шкастыньть, кода Арчиловонь народэсь тееўсь барцкыикс. Мельи састь голодь готт и народнэнь немезьды ульнись ярцамс. Пурнаўсть Наталья Степануўнань үресьянынsы сонянsы и мереть: «сюрынык миникь а чаче, ант эйсэнэк». Наталья Стёпануўнась мере: «мон дынгкь андумангк а карман, мон дынгкь митядызь», и миньsи, тантарали туивиль....

От месть ёфьнесь монянь ве баба. Арчилоў велень дарканьть муизи васинь гулый Гараськась. Муизи Гараська крута пандыньть и пандыньть вакссы роўна тарка, роўна таркась велень даркакс пара, и думась Гараська тезэнь велень зрояма. Стяўсь

Крестьяне Натальи Степановны собрались къ ней и говорятъ: «у насъ не родится хлѣбъ, корми насъ». Наталья Степановна отвѣчаетъ: «я не стану васъ кормить, я васъ продамъ», и продала, провалилась бы она сквозь землю....[1]).

Вотъ что мнѣ разсказала одна старуха. Мѣсто села Арчилова нашелъ Герасимъ «первоумершій»[2]). Нашелъ Герасимъ крутую гору и около горы ровное мѣсто; ровное мѣсто было удобно подъ постройку села, и Герасимъ рѣшилъ построить здѣсь

1) Слѣдующій за симъ разсказъ касается событій, слишкомъ близкихъ къ намъ по времени, а посему опускается. 2) Первымъ въ селѣ Сухомъ Карбулакѣ померъ нѣкто Герасимъ, котораго, въ дни поминовенія усопшихъ, поминаютъ всѣ старухи.

Гараська сэрей цуфта, валксь чуфтыньть пряс гулькине. Гараськась думе, шты те содаўксысь пара; голопкась—пизынь бурный. Тусь Гараськась перьть велева якама, народэнь бурнама. Пурнаўсь народ; велень даркась мельц тусь; сроясть веле. Крута панцтыньть лисьсь сал ды кальга. Атятьни пурнаўсть ве таркас и мереть: «Атянят, дайти салыньть ды кальганьть валясьникь ды ассыникь, ата бояр деды мари ды город дезэнь зрое, а миникь паньцамизь». Рамасть атятьни кошма, вельтезь салыньть ды кальганьть и азызь.

Лия ёфнесь. Велень дарканьть мунзи Учай атя. Учай атясь ульнись васинь гулый Гараськаньть ляляза, а монь покщам. Монь вамильям «Учаеў» — предпрадедадын, Учай атядыньть.

село. Поставилъ Герасимъ высокое дерево, сѣлъ на дерево голубь. Герасимъ рѣшилъ, что это хорошій знакъ; голубь—собиратель гнѣзда. Пошелъ Герасимъ по окрестнымъ селамъ собирать народъ. Собрался народъ; понравилось мѣсто подъ село; построили село. Изъ крутой горы выходили соль и кальга[1]). — Старики собрались въ одно мѣсто и говорятъ: «старички, давайте завалимъ соль и кальгу да проклянемъ, а то объ этомъ узнаетъ баринъ и построитъ здѣсь городъ, а насъ прогонитъ». Старики купили кошму, покрыли соль и кальгу и прокляли.

Другая разсказала слѣдующее. Мѣсто села нашелъ старикъ Учай. Старикъ Учай былъ старшимъ братомъ первоумершаго Герасима, а моимъ предкомъ. Моя фамилія Учаевъ отъ прапрадѣда, старика Учая.

---

1) Синяя краска.

1 21666

Миникь таркатьнинь эйсы ульнисть колмы учаскат. Князь Грузин ѕаревичинь авуль бокш учаска, Стёпан Стёпанычинь Опраксинынь авуль бокш учаска, Ш. боярынь бокш учаска. Арчиловонь народэсь ульнисть апак лемьть, а Грузин ѕаревичинь ульнись мелезы сынцт лемьдемс. Сон бурнынь ѕи атятьнинь и мери тест: «атянят, лемьдеда, мон денгкь модам максса». Атятьни лемьсть и Грузин ѕаревичинь моданьть саизь. Мельи атятьни рамизь и Ш. боярыньть моданѕа. Грузин ѕаревич ульнись безроднэй [1]), апак урьвакст, курук кулысь, и модаза кадуўсь атятьнининь.

Одѕёра, оддейтерь, довець, дова лангкс урок путумс ульнись нельѕя. Секс князись покш тейтерьть макснись цёра пакша экшс: тейтересь эсь паинѕы роботасэ и мирьдиньть паиньть роботасэ. Макснись князись тейтерьть сыри атя экшс; тейтересь роботасы

1) роцтома.

Въ нашихъ мѣстахъ было три участка: небольшой участокъ Грузинскаго царевича, небольшой участокъ Степана Степановича Апраксина, большой участокъ барина Ш. Арчиловскіе крестьяне были некрещеные, а Грузинскому царевичу хотѣлось ихъ крестить. Онъ собралъ стариковъ и говоритъ имъ: «старички, креститесь, я вамъ отдамъ свою землю». Старики крестились и взяли землю Грузинскаго царевича. Потомъ старики купили землю барина Ш. Грузинскій царевичъ былъ безродный, неженатый, онъ скоро померъ, и земля его осталась старикамъ.

На молодого парня, молодую дѣвушку, вдовца и вдову нельзя было класть урока. Поэтому баринъ выдавалъ немолодыхъ дѣвушекъ за ребятишекъ: дѣвушка сработаетъ свою долю и сработаетъ долю мужа. Баринъ выдавалъ дѣвушекъ за старыхъ людей; дѣ-

соньценъы паиньть и сыри мирьдиньть частиньть. Теды ульнисть ламы прянь юмафтумат. Бути тейтереньть мирьдизы пакша, эль атя, тейтереньть мелезы моли мирьдиньть кис роботамс, и сон эль эсьпрянъы юмаўсэ, эль юмаўсы мирьдиньть. Те парьцьти нефьтезь морэса «Машутыне» и «Исинь заифьть одерьвась». Мельи князись кармась одъёратьнинь, оддейтерьтьнень, довецьнень и доватьнинь пурнакшнумаст олоснэй управас. Пурнавить одъёрат и оддейтерьть пакшат, а довецьть и доват сыть уш сырить. И тесы князись эзь гочка: сыри баба макссы цёрапакшанинь; тейтерьбакша макссы сыри атянинь; уш аздан, года Пазысь кирьць. Кона одъёраньть эль оддейтереньть тятязы а макссы сенень, конанинь гнязись макссэ, кундасы се ломаниньть князись сакалда, ветьни-ветьни сакалды управаваньть, макссы розгасы ча(в)умс. Ащить истятт анык ломатть и розгат, чаўсызь пеликулумс ломаниньть розгаса.

вушка сработаетъ свою собственную долю и часть мужа. Вслѣдствіе этого было много убійствъ. Если у дѣвушки мужъ мальчикъ или старикъ, дѣвушкѣ надоѣстъ работать за мужа, и она или самое себя убьетъ, или убьетъ мужа. Это очень хорошо показано въ пѣсняхъ «Машуточка» и «Вчера взятая молодушка». Потомъ баринъ сталъ собирать молодыхъ парней, молодыхъ дѣвушекъ, вдовцовъ и вдовъ въ волостное правленіе. Соберутся молодые парни и молодыя дѣвушки (еще) дѣти, а вдовцы и вдовы придутъ уже старые. И тутъ баринъ не выбиралъ: старую бабу выдастъ за мальчика; дѣвочку выдастъ за стараго старика; ужъ не знаю, какъ терпѣлъ Богъ. Если который отецъ не отдаетъ мальчика или дѣвочку за того, за кого отдаетъ баринъ, возьметъ этого человѣка баринъ за бороду, поводитъ его за бороду по правленію (и) прикажетъ высѣчь его розгами. Такіе были (для того) приготовленные люди и розги, высѣкутъ человѣка розгами до полусмерти.

[1]) «Алька лялянь ульнисть кевийкии годэнsа, кода сонsы урьвакстызь. Чиясть тенsы покш тейтерь. Пурнаўсь поездэ́т, кармасть церьковаў зыргамы венчама. Ванцызь, Алька лялям арась; вешьнесть-вешьнесть, муизь Алька лялянь ульцяста. Алька лялям ялга ютксы нальксись кознаса. Кармасть сонsы терьдеманsа, сон а моле.—«На теть кафты кознат, адя!» мереть Алька лялянинь. — «Дайти ниле, молян!» мери Алька лялям. Максстъ тенsы нили кознат, саизь, озафтызь, тусть церьковаў венчамуст».

---

[2]) «Монь авань ульнисть комсь колмова годэнsа, кода сонsы максызь мирьдининь каўксы готцы пакшанинь. Матидиви чёкшни

«Старшему моему брату Александру было 18 лѣтъ, когда его поженили. Просватали ему взрослую дѣвушку. Собрался ихъ поѣздъ, стали они собираться въ церковь вѣнчаться. Видятъ, что нѣтъ брата Александра; искали-искали, нашли брата Александра на улицѣ. Братъ Александръ игралъ въ козны съ товарищами. Стали звать его, онъ не идетъ.—«На тебѣ двое козенъ, иди!» говорятъ брату Александру. — «Дайте четыре, пойду!» отвѣчаетъ братъ Александръ. Дали ему четверо козенъ, взяли его, посадали и поѣхали въ церковь вѣнчать ихъ».

«Моей матери было двадцать три года, когда ее отдали замужъ за восьмилѣтняго мальчика. Уснётъ мужъ ея вечеромъ

1) Разсказъ одной старухи с. Сухого Карбулака.
2) Разсказъ другой старухи.

мирьдизы ужинды икили эземс, авам тарка ацэ, каясы таркас мирьдинsа. Авам соньценsа алуў ацы перена, а мирьдинsы алуў ацы ватула: уш пекь чурьцикшнысь. Авань зыть кеженsы мирьдинsы ланкс, чаўсы, а сон моли ды аванцтынь беняце. Авазы лацисы-луцисы ды пара».

Пакшакс урьвакснисть авуль зыньць Арчиловонь народэсь, а сынцт кармаўсь князись. А князись кармаўсь пакшат урьвакснимн от мейсь: бути одsёра, оддейтерь, довець эль дова, сыняст цела оброк нельsя путумс, а пель оброк; а бути одsёрась эль довецесь урьвакстызь, то сыняст путыть цела пай (роботамс). Секс пакшат князись урьвакснись, штобу седи ламы пайть тенsы роботаст.—От кода князись кармаўсь мирьдининь лисиме ве сыри

до ужина на скамейкѣ, мать моя постелетъ ему постель (и) положитъ въ постель своего мужа. Мать моя подъ себя стелетъ перину, а подъ своего мужа дерюгу: ужъ очень онъ мочился. Матушка разсердится на своего мужа, побьетъ его, а онъ пойдетъ и пожалуется своей матери. Мать его уйметъ да ладно».

Мальчиками женились Арчиловскіе крестьяне не сами, а ихъ заставлялъ баринъ. А баринъ заставлялъ жениться мальчиковъ вотъ почему: на парня, дѣвушку, вдовца или вдову нельзя накладывать цѣлаго оброка, а полъ оброка; а если парень или вдовецъ поженятся, то на нихъ кладутъ цѣлый пай (сработать). Поэтому баринъ женилъ мальчиковъ, чтобы на него сработали какъ можно больше паевъ.—Вотъ какъ баринъ заставлялъ выходить замужъ

довене, кона ульнись оддушьяса. «Лисьть мирьдининь!» серьгець лангызынsы князись. «Вай! божалыйсты кадумак! мезень мон мирьдининь молецян!» аварьдизь мери бабинись. «Коли мирьдининь а молят, кажный[1]) буряни кант Калмулаткsты кафты ведрат ведь, ды вант, чуба вец иля орча, орчак аньцяк нурька суматть!» мери князись. Аньцяк буря чи, туи авась Калмулаткуў вец курьця лангкса, орчи аньцяк суманнить. Канцыньsи авась ведратьнинь управа икилиў, валуўсызь ды кучсызь гудуў. Пищиўсь-пищиўсь авинись, лиссь ве атининь мирьдининь, кармась цела пай роботама. Эрясь авинись седы мельи кафты готт ды кулысь; ванат, Калмулаткsты ведень ганлимась ойменеnsы саизе.

---

1) эрьва.

одну старую вдову, которая была чахоточная. «Выходи замужъ!» крикнулъ на нее баринъ. «Охъ, пожалуйста оставь меня! (ужъ) какая я невѣста!» съ плачемъ говоритъ старушка. «Если не пойдешь замужъ, то въ каждую бурю приноси съ Калмалатки[1]) два ведра воды, да смотри не надѣвай шубы (когда пойдешь) за водой, надѣвай только коротенькій зипунъ!» приказываетъ баринъ. Какъ только день съ бурей, пойдетъ эта женщина въ Калмалатку съ коромысломъ и надѣнетъ только зипунокъ. Принесетъ женщина ведра передъ правленіе, велятъ вылить ихъ и отошлютъ её домой. Мучилась-мучилась бабёнка, вышла замужъ за одного старика и стала работать цѣлый пай. Пожила бабёнка послѣ этого два года и померла; видно, ношеніе воды изъ Калмалатки взяло ея душеньку.

---

1) Оврагъ въ двухъ или трехъ верстахъ отъ села.

*

121666

Весть ве бояр сась Арчиловоў киска марта. Кафты гоццы пакшини авулдась палкасы кискансы лангс. Боярысь (прязы правуль) саизи се пакшаньть и сезьнефтези кисканьть кецта.

Те боярысь охотась Арчиловонь баксява, вецельди неесь кафты пакшат и мере: «нолдэнгка кискатьнинь — сезьнесэзь эль арась». Кискатьни эсть сускт. Сесты боярысь вельтеньзи пакшатнинь зверень гетьца, и кискатьни сезьнезь.

Князиньть ульнись кривой здарыстаза, кона палкасы чаўсь досьмерьть зярыя ломань, и ламы лият.

Арчиловось ащи роўна таркаса. Велесэньть ветешка сяды кудыт, ломатьни кафтышка тысиця, реветь колмошка сяда, скалт кафтышка сяда, алашат колмошка сяда, лия скотинат арасть. Душовой моданык колмы сятт десятина. Сядышка десятина веленьть ала, кафты сятт паксяса. Велесэньть ули церькова, учительня, велень и олостень управат. Народэсь сокеть мода,

---

У барина былъ кривой староста, который перебилъ палкой до смерти много людей, были и многіе другіе.

Арчиловъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ. Въ селѣ имѣется до пятисотъ домовъ, людей около двухъ тысячъ, овецъ около трехъ сотъ, коровъ около двухъ сотъ, лошадей около трехъ сотъ, другой скотины нѣтъ. Нашей надушной земли — триста десятинъ. Около ста десятинъ подъ селомъ, въ поляхъ двѣсти десятинъ. Въ селѣ есть церковь, училище, сельское и волостное правленія. Крестьяне пашутъ землю, сѣютъ хлѣбъ, землю берутъ

видить сюра, моданьть сайнить боярынь гецта. Лацить эрьѕятьни веси перьть велетьнень марта; велетьни рузынь. Сяды комсь вайгильбень даркасы Арчилоў веледэньть Уза ведь лангксы ащить Эрьѕя велеть: Вергезом, Пумбра, Шмалак и Мокшы вели Эрмиёфка.

Сисимь вайгильбень даркасы Арчилоўдэньть ули вели Голицына. Арчиловоньть марты Голицынаньть ютксы ули вирь. Се вирьцыньть чуфьни ульнисть пекь эчкть. Вирись ульнись незнай гинь, аньцяк Голицынань ѕёратьни керясть эйстэнѕы чуфьнинь, буты сыньцист вирьцта. Кода миникь атятьни састь Арчиловонь велень дарканьтинь и кармасть срояма, то ве атя, лемезы Одай, кармась кудыкс чуфт усксими Голицынань вирьцтыньть. Моли, кери тумут, лазнысыньѕи чачкуў-цачкуў и аныкпелькст уске. Голицынань ѕёратьни марясть и думасть Одай атяньть кунда-

---

у барина. Дружатся эрзяки со всѣми окрестными селеніями; селенія эти русскія. Въ ста двадцати верстахъ отъ села Арчилова, на рѣкѣ Узѣ, находятся эрзянскія селенія: Вергезомъ, Пумбра, Шмалакъ и мокшинское село Еремѣевка.

Въ семи верстахъ отъ Арчилова находится село Голицыно. Между Арчиловомъ и Голицынымъ лѣсъ. Въ этомъ лѣсу деревья были очень толстыя. Не знай чей былъ этотъ лѣсъ, во всякомъ случаѣ Голицынскіе крестьяне рубили въ немъ деревья, какъ бы въ своемъ собственномъ лѣсу. Когда наши предки пришли на мѣсто села Арчилова и начали строиться, одинъ старикъ, по имени Одай началъ возить лѣсъ на домъ изъ Голицынскаго лѣса. Пойдетъ, нарубитъ дубьёвъ, переколетъ ихъ на двое и возитъ готовыя половинки. Голицынскіе крестьяне услышали и рѣшили поймать

мунsа. Озасть вети эль гота цёрат ласте, тусть вирьганьть вешнеманsа, эзезь мук; муизь аньцяк мушкырынsа [1]), конань эйсы лазны тумутьнинь. Думасть саиманsа, а кандуве; кучсть кильдинь [2]) алаша мельга, кода як путызь ридванц, ускизь гудуў: онкстэзь весса, мушкырыньть эйсы каўксы понт. Русны мереть, «пасиба, соньценsы Одаиньть эзенекь мук, соньць, ванат, мушкырдыньть как стака — ирьдизынык лоўнэленьsе».

Князись тейсь пири пакся кунчкас, кеменчка вайгильбень даркас Арчилоўдэньть. Теликунчкане, кода князиньть сюрытьни Арчилоўсы пирисыньть пифцувить, сон Арчиловонь народэньть паньцэ паксясы пириньтинь (Зимовьяў). Пани князись Зимовьяў поти пакша марты авat. Сыть Арчиловонь народэсь Зимовьяў,

1) барц. 2) кильдизь.

старика Одая. Сѣло пять или шесть крестьянъ верхомъ, пошли искать его по лѣсу, не нашли его; нашли они только молотъ, которымъ онъ кололъ деревья. Вздумали взять молотъ, не въ силахъ они его унести; послали за запряженною лошадью, кое какъ положили на телѣгу, привезли домой, взвѣсили на вѣсахъ— въ молотѣ восемь пудовъ. Русскіе говорятъ: «спасибо, что мы не нашли самого Одая, самъ онъ, вѣроятно, тяжелѣе даже молота — пересчиталъ бы онъ наши рёбра».

---

[1]) Баринъ устроилъ гумно въ серединѣ поля, въ разстояніи около десяти верстъ отъ Арчилова. Въ серединѣ зимы, когда обмолотятъ въ Арчиловѣ на гумнахъ барскій хлѣбъ, онъ погонитъ Арчиловскихъ крестьянъ на гумно въ поле (въ Зимовьё). Гонитъ баринъ въ Зимовьё (и) женщинъ съ грудными дѣтьми. Придутъ

1) Разсказъ относится ко временамъ крѣпостного права.

су(в)амс некозэй, эжнемс некоса. Наргась как князись Арчиловонь народэньть!

Arčilo·ц ѵeľeńť kunčkas ka·zna ťejś ka·bak. A Arčilo·vońť ṕeŕť ѵe·ľeva ka·bakt a·raśť. Sy·ť eŕva či·ńi ṕe·ŕť ѵe·ľesty[1]) loma·ťť, konatt sa·lava ḿikšńi·ť ѵi·na, saji·ť Arčilovoń ga·bakstyńť ozė·ń oz ѵi·na, tu·jiť. Ḿińik bo·jaryńť karda·jsy e·ŕeť la·my ro··boťńikť. Roboťńi·kńiń kuž źa·rdy ja·rmakt i e·ŕva či·ńi i·ŕictyt. Arčilo·voń ga·bakstyńť ѵi·nańť sa·jsyź ṕeŕť ѵeľe·va dy boja·ryńť roboťńi·kńi śi·ḿiť, a ľija·ťńi duḿi·ť, šty iśťa· ṕeķ śi·ḿiť Arčilovoń na·rodėś. Śeks ѵeśi ḿeŕeť Eŕźa·ťńińiń ṕija·ńićat.

Арчиловскіе крестьяне въ Зимовьё, зайти некуда, погрѣться негдѣ. Ужъ и мучилъ баринъ Арчиловскихъ крестьянъ!

По серединѣ села Арчилова казна устроила кабакъ. А въ сосѣднихъ съ Арчиловомъ селеніяхъ нѣтъ кабаковъ. Каждый день изъ сосѣднихъ селеній приходятъ люди, которые тайно продаютъ вино, возьмутъ изъ Арчиловскаго кабака возами винà и уѣдутъ. Во дворѣ нашего барина живетъ много работниковъ. У работниковъ всегда есть деньги, и каждый день они пьяны. Вино изъ Арчиловскаго кабака берутъ по сосѣднимъ селеніямъ да пьютъ его барскіе работники, а иные думаютъ, что такъ много пьютъ Арчиловскіе крестьяне. Поэтому всѣ называютъ Эрзяковъ пьяницами.

---

1) ѵeľeńeń ezga.

Arčilo·voń Eŕźa·tńiń moda·st ṕeќ ala·ma. Syńćist mo·ďańť ro·botasyź i bu·ti ľija ro·bota a·mujiť, syń a·šćiť i·śťak. A iśťak aščima·dy jaly ḿeźija·k sy ṕŕeźezėt. Ľija E·ŕźaś aščima·dy moľi źiŕiń za·lama, ľija luga·ń za·lama, a ľija pulct sa·lė. A salamy E·ŕźaťńiń dona·ftyńźi barckyj ga·rďazyś. Li·jasty E·ŕźaś ašči, ḿešť kak a·duḿe. Sy ťenzy sodaźiks lo·mań barckyj ga·rdajsta, keŭќ·šti, ḿešť ťejńikšńat; ťe ka·rčinzy ḿeŕe: «ḿešť ťejńan? iśťa·k a·ščan». Tona ťenzy i ḿeŕe: «moľť śe po·rava barckyj gardazuŭ; mon ďeť ḿeźija·k jo·kstan». Ťe moľe, i tona ťenzy ožža·t, ṕikst, kšńiń źa·ŋga eľ ľija ḿeźija·k jo·ksty i ḿeŕe: «vant, iľak ńe·ťť»[1]). Tuji lo·mańiś, salasy ḿeźi ťenzy maksy so·daźiks loma·ńiza. Ľija ťeŭsty jak i·śťaža. Ľija lo·mańiś vački pulct umala·ŋksty barckyj biŕiŭ. Mo·li vaksyzynzy oďje·šćiќ, ḿeŕe: «da·j aša·[2]), usksa·k krandazyńť eśťať». Loma·ńiś vancy—kra·ndazyńť saji·ms mo·žna, maksy a·ša, dy usksy kra·ndazyńť sońćenzy ṕiŕis. Śedy ḿeľje, oďje·šćikiś

1) iľa·ź ńeќ. 2) Это слово употребляется мордвой вмѣсто рубль, для того чтобы ихъ не поняли русскіе.

У Арчиловскихъ Эрзяковъ земли очень немного. Обработаютъ они свою землю и если не найдутъ другой работы, они сидятъ праздно. А отъ празднаго сидѣнія всегда что-нибудь (дурное) придетъ на умъ. Иной Эрзякъ отъ (празднаго) сидѣнія идетъ воровать лѣсъ, другой воровать траву, а иной воруетъ снопы. А воровству Эрзяковъ научилъ барскій дворъ. Другой разъ Эрзякъ сидитъ (праздно) и ни о чемъ (дурномъ) не думаетъ. Придетъ къ нему знакомый человѣкъ съ барскаго двора, спроситъ, что онъ подѣлываетъ; этотъ въ отвѣтъ ему говоритъ: «что я буду дѣлать? сижу праздно». Тотъ ему и скажетъ: «приди въ такое-то время на барскій дворъ; я тебѣ кое-что суну». Этотъ пойдетъ, а тотъ сунетъ возжи, веревки, желѣзныя вилы или другое что, и скажетъ: «смотри, не показывай». Пойдетъ мужикъ, украдетъ то, что ему дастъ знакомый. И въ другомъ дѣлѣ такъ же. Иной мужикъ сложитъ на барское гумно снопы съ загона. Подойдетъ

eĺ ĺi·ja barckyj ga·rdazyń robo·ćńik ńejeć so·daviks Eŕʒa, ko·nańiń źardy ja·k ńeźi ja·k pro·vožaśť, sa·jiťťiť kecténʒy vina i śi··ńiť peĺďenʒa. Eŕʒa· ćńi auĺť čala bu, a synct barckyj ga·rdazyś vi·jcy karma·ćty sa·lama, i vina·dy Eŕʒa·ćńi peķ a·śińiť, a Arčilo·voń ga·bakstyńť vina·ńť śimsy·ź peŕť veĺeń na·rod i ba·rckyj ga·rdazyń robo·ćńikť.

Barckyj boraṅi[1]) Arčilo·voń narodèś bruďaśť[2]) veŕeńe·ĺńećeń ve·ďeńť. Eŕʒaťńi bru·ďiť, a veďeś a bruďa·ve. Koda· Eŕʒa·ćńi eśť čara, veďeś aki·ŕďive, dy śeke. Narodèńť ma·rta u·ĺńiś barckyj zdarysta. Barckyj zda·rystaś narodèńť mu·ŕńi, ča·ve, ńeks ćest veďeś abruďa·ve. Čiŕbŕa Iĺjaś ńeŕe: «peŕčatka·zy kodaja·k asa·laví

1) Barckyj borava; barščina p'iŋgiva. 2) bruďaś.

къ нему объѣзщикъ (и) скажетъ: «дай рубль, увезешь себѣ возъ». Мужикъ видитъ, что можно взять возъ, даетъ рубль, и привезетъ возъ на свое гумно. Потомъ объѣзщикъ или другой работникъ съ барскаго двора увидятъ знакомаго Эрзяка, которому когда-то что-то проводили, заставятъ его купить себѣ вина и пьютъ отъ него. Эрзяки и не подумали бы воровать, а барскій дворъ силкомъ заставляетъ ихъ красть, и вина Эрзяки не очень пьютъ, а вино изъ Арчиловскаго кабака пьютъ крестьяне окрестныхъ селеній и работники барскаго двора.

Въ барское время Арчиловскіе крестьяне прудили воду «верхней мельницы». Эрзяки прудятъ, а вода не запруживается. Какъ не вертѣлись Эрзяки, воду нельзя удержать, да и всё. Вмѣстѣ съ крестьянами былъ барскій староста. Барскій староста бранитъ крестьянъ, бьетъ ихъ за то, что вода не запруживается. Илья кривая голова говоритъ: «какъ бы украсть

udalynyk oŋǵećańť». Mujiǔś išťamy lomań, salyźi starystań ṕeŕčatkanza, ma·kssyźi Čiŕbŕa I·ľjańťiń. Čiŕbŕa I·ľjaś ko·rtaftyźi ṕe·ŕčatkańť, ka·jiźi plo·ťenańť a·luǔ, vaľiź beŕčatka·ńť, ṕeďeś lo·tkaś. Bru·ďaǔś bru·dyś, na·rodèś tuś kudu·ǔ, a barckyj zda·rystaś tuś ka·rdazuǔ· O·mboći čińť ra·na va·lćki saś ba·rckyj gardajsty lomań A·rčiloǔ ṕeľeńťen, ka·rmaś pa·ńimi kalmuń ǯu·ṕićat. Lo·mańi ḿeŕeť: «Ḱiji [1]) kuly·ś?» Pa·ńićaś ḿeŕe: «barckyj zdarystaś». Lomańi ḿeŕeť ka·rčynza: «Čiŕbŕa Ľjańť, motŕi [2]), kuať atarnat».

«Даўна-даўна миникь Эрьсятьнинь ульнись миньцинико мастырыык», весть монянь мери покщам. Мон мерян: «кода? косы ины миникь мастырысь [3])?» — «Ули покш ведь Раў, Раў веденьтень [4]) бры лия ведь Кама. Камань ведьбрамусыньть эрясть

1) Ki. 2) vanat. 3) мастырць. 4) веденьтей.

перчатку лающаго за нами человѣка». Нашелся такой человѣкъ, укралъ у старосты перчатку, далъ ее Ильѣ кривой головѣ. Илья кривая голова заговорилъ перчатку, бросилъ ее подъ плотину, перчатку завалили, вода остановилась. Прудъ запрудился, крестьяне пошли по домамъ, а барскій староста пошелъ во дворъ. На другой день рано утромъ съ барскаго двора пришелъ въ село Арчиловъ человѣкъ (и) началъ выгонять рыльщиковъ могилы. Люди говорятъ: «кто померъ?» Выгонявшій отвѣчаетъ: «барскій староста». Люди говорятъ ему въ отвѣтъ: «у Ильи кривой головы, смотри, долго не протрясешься».

«Давно-давно у насъ у Эрзяковъ была своя собственная земля», говоритъ мнѣ однажды мой дѣдушка. Я говорю: «какъ? гдѣ же наша земля?» — «Есть большая рѣка Волга, въ рѣку впадаетъ другая рѣка Кама». При устьи Камы жили Болгары и

Болгарт ды Татарт. А Рауньть томбале, Болгартнынь ды Татартнынь мастырыст карча, ульнись Эрьзянь мастыр. Миникь ульнись миньциникь князиныкь, ды сонянзы [1]) чугун бряньть марта мастырысь эзь гирьдифьть [2]). Миникь модат ульнисть парт; вирь, луга ульнисть зяры мелет; секс миникь мастырыньть ланкс Рузынь зельми прась. Миникь мастырыньть вакссы ульнись Рузынь мастыр. Рузынь гнязись ульнись миникь князьдыньть превей. Сась Рузынь гнязись миникь князиньтинь [3]) ды мере: «миикь модат!»—«Мезиаразьди, эль а миса», мери миникь князись. И сынь ладясть истя: Рузынь гнязись варчи эсь народэнзы юткстыс [4]) ломань; се ломаниньть киргава тапарямс пикст, зяры ломаниньтинь гирьдивить, и зяры мода се пиксысь захвате, се модась Рузынь гнязиньтинь. Рузынь гнязись варчась вииў ломань, тапарясь киргавазы чувини карькске, зяры тензы кандуви ды ветези миникь князиньтинь. Мельи кармасть се карькснньть калафтумы ды

1) соньдянза. 2) кирьдиў. 3) князиньтий. 4) эсь нароцтэньть.

Татары. А на той сторонѣ Волги, напротивъ земель Болгаръ и Татаръ, была земля Эрзяковъ. У насъ былъ свой собственный князь, но онъ со своей головой, похожей на пустой чугунъ, не могъ удержать этой земли. У насъ были хорошія земли; лѣсу, луговъ у насъ было сколько угодно; оттого русскіе позавидовали на нашу землю. Рядомъ съ нашей землей была русская земля. Русскій князь былъ умнѣе нашего князя. Русскій князь пришелъ къ нашему князю и говоритъ: «продай свою землю!» «Отчего же, или не продамъ», отвѣчаетъ нашъ князь. И они поладили на слѣдующемъ: русскій князь выберетъ въ своемъ народѣ человѣка; вокругъ шеи этого человѣка (должно) навертѣть веревку, сколько можетъ удержать и сколько захватить земли эта веревка — земля эта (будетъ принадлежать) русскому князю. Русскій князь выбралъ сильнаго человѣка, навертѣлъ вокругъ его шеи столько тонкой бечевочки, сколько онъ могъ вы-

миникь моданьть кругом даргама; таргасть-таргасть ды се карькысь веси Эрьзянь мастырыньть перька [1]) сатыць. Сесты уш миникь князиныкь кармасть ульнимн Руст. Улильдяря князись тоньцеть мастырынь ломань, ялы жалялиньзить», мери покщам.

Теды покщам марясь Самарскый губерьняса. Весть князись кучиньзи брус мельга покщедень. Покщам зесты ульнись одзёрэне. Самара гороцты сынь васьсть Эрьзянь атине, тостэнь эреця, сон дест теды ёфьнесь.

Ваны месть ёфьнесь ве баба: «Монянь нень ёфьненьзи Салда атясь, сон Бугач пиньть как содасэ», мери бабась. (Салда кулысь кафты сятт готца). «Тесы вели арасиль, а вели алуў даркась пара. Колмы атят тусть орожьянинь. Орожьясь мерьць атятьнининь

1) перьть.

держать, и повелъ его къ нашему князю. Потомъ они начали развертывать эту бечевку и протягивать ее вокругъ нашей земли; протягивали-протягивали вокругъ, и та бечевка хватила вокругъ всей Эрзянской земли. Съ тѣхъ поръ нашими князьями стали Русскіе. Если бы князь былъ человѣкомъ твоей земли, онъ бы все-таки тебя пожалѣлъ», говоритъ мой дѣдъ.

Объ этомъ дѣдъ мой узналъ въ Самарской губерніи. Однажды князь послалъ дѣда моего съ другими (крестьянами) за брусьями. Дѣдъ мой былъ тогда молодымъ человѣкомъ. Въ городѣ Самарѣ они встрѣтили старичка Эрзяка, тамошняго жителя; онъ имъ объ этомъ разсказалъ.

Вотъ что разсказала одна старуха: «Мнѣ это разсказалъ старикъ Салда, онъ знаетъ и Пугачевское время», говоритъ старуха. (Салда умеръ двухсотъ лѣтъ). «Тогда не было села, а подъ селомъ красивое мѣсто. Три старика пошли къ ворожеѣ. Ворожея при-

велень дарканьтинь голмы стольть теемс. Састь атятьни, мольцьть Олешка латкуў, дейсть столь. Аньцяк ойсесть ярцама, валксь ажия пряс сезьган. Стясть атятьни, тусть колмы ведень брамс. Тейсть атятьни столь. Аньцикь ойсесть ярцама, валксть кафты гулькинить вакан грайс ды ваканцтыньть клюкить. Тусть атятьни тагы орожьяньтинь. Орожьясь мере: омбоцн таркась седи пара, озада колмы ведень брамс. Мельи кармасть народ бурнама и веленьть сроезь», — мери бабась.

Ве бабининь ёфнема:

N юты ульцява, пакша ёрць кискансы ланґкс. N бакшаньть печкезе, пидизе и мерьць лакееньтей максуманзы столанґкс. Лакеесь саизи куфнясты пидизь бакшаньть и тусь кардазыньдрокс кандуманзы боярыньтинь. Кардазыньдрокс ютамсты лакееньть мейсь бути пильгизы поиґксь ды пупурьдясь сон. Пидизь бакшась тёрёлканьть ланґксты прась, а кискатьни капудизь ды

казала старикамъ поставить три обѣда на мѣстѣ села. Пришли старики, пошли въ Олешкинъ оврагъ, поставили обѣдъ. Только лишь сѣли кушать, сѣла на оглоблю сорока. Встали старики, пошли къ тремъ воднымъ источникамъ. Поставили старики обѣдъ. Только лишь сѣли кушать, сѣли двѣ голубки къ краю чашки и клюютъ изъ чашки. Пошли старики опять къ ворожеѣ. Ворожея говоритъ: второе мѣсто лучше, селитесь у трехъ водныхъ источниковъ. Потомъ народъ сталъ собираться и построили село», — говоритъ старуха.

сэвезь. Лакеесь мольць боярыньтинь ды мере: «ведь бакшаньть кискат капудизь ды сэвезь». А N лакееньтей мере: «кисканинь гискань зьмерьть».

Ве бабининь ёфнема:

Сы сокамы ланта. Боярысь паньцыньзи цёратьнинь зокама. Кадыньдяряй зёрась ґелезьня, чавить-чавить эйсэнзы, тия-тува жывсты кацызь.

Ве бабининь эрямы чинза, конань[1]) зоньць ёфненьзе:

Монь уш сяды годэн. Ульнисть кафты, колмы ли годэн, кода мон гадувинь зирётакс. Тятянь лемезы ульнись Аляксяндра, а явань Матирна. Се шканьть народ ульнисть барцкыйть. Аньцяк кенерьцьть кулума тятян аван, князись саизы тятянь барычиньть

1) конатьнинь.

Разсказъ одной старушки:

Придетъ пашня. Баринъ пошлетъ мужиковъ пахать. Если оставитъ мужикъ цѣлизну, бьютъ-бьютъ его, еле живымъ его оставятъ.

Жизнь одной старушки, которую она сама разсказала:

Мнѣ ужъ сто лѣтъ. Мнѣ было два или три года, когда я осталась сиротой. Отцу имя было Александръ, а матери Матрена. Въ то время народъ былъ барскимъ. Лишь только успѣли помереть мой отецъ и мать, баринъ взялъ себѣ имущество моего отца,

эстянsа, мон гадувинь менель алуў. Пасиба, листь кувалман бары ломатть: саимизь монь Змирчонынгкат. Смирчонынгкань гецы мон эрень гемень готт; сынцт кецыяк эрямусь ульнись пары, аньцякъ секс, шты лиясы эрямс ульнись некоса. Ульнисть каўксывейксы годэн, а монь уш Смирчонэнькат кармафтымизь веденьбенгень ганлиме.

Ве шкани мон роботэнь барчтинаса, ульнинь оддейтерьне. Мольць ваксызынык кривойсь[1]). — Те кіе? мери кривойсь. — Те сирёта, Кириинь Аляксяндрань дейтерь, мери народэсь.—Мольць кривойсь чокшни кантораў и мери князиньтий: «мон зырынь Оганинь муинь гозяйка». Князись мере: «се мези аразьде, венчамс ды арафтумс урок». Монь венчемезь зырынь Ога марта; ульнисть сесты монь геветеи годэн. Каўксыньгемень год эрень мирьди экшса, а ней ветеци гоц дован.

Кода монь максымизь мирьдининь, народ ульнись оброкса. Машты тундынь робота, князись максы цёратьнининь билетт,

1) кривоесь

я осталась подъ открытымъ небомъ. Спасибо, вышли ко мнѣ добрые люди: меня взяли Смирновы. У Смирновыхъ я жила десять лѣтъ; и у нихъ житье было хорошее только потому, что жить въ другомъ мѣстѣ было негдѣ. Мнѣ было восемь-девять лѣтъ, а Смирновы ужъ заставляли меня носить воду и дрова.

Однажды я работала на барщинѣ, была я взрослою дѣвушкой. Близъ насъ проходилъ кривой (барскій староста).—Это кто? спрашиваетъ кривой.—Это сирота, дочь Кирѣя Александрова,—отвѣчаетъ народъ.—Пошелъ кривой вечеромъ въ контору и говоритъ князю: «я нашелъ жену старому Агаѳону». Князь говоритъ: «это ничего не значитъ, повѣнчать и назначить урокъ». Меня повѣнчали со старымъ Агаѳономъ, мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ. Я жила за мужемъ восемьдесятъ лѣтъ, а теперь пятый годъ я вдова.

Когда меня отдали замужъ, народъ былъ на оброкѣ. Кончится весенняя работа, князь даетъ мужикамъ билеты, посылаетъ

кучсыньsи Узинаў роботама. Роботэть цёратьни Узинасы котэшка недля, сыть кудуў, макссызь ярмакнинь гнязиньтий оброконь гис.

Сыть цёратьни Узинасты, кармаўсыньsи князись тикшынь ледеме. А зярц цёратьни роботэть Узинаса, се шканьть князись аватьнинь гецты канават чувуфтэ. Ёрдат-ёрдат, ауль гедет, а ирьдизыт как сэредеть.

Ве шкани атясь барцкый аўняса пулцт костясь, а монь бенгген арасть. Кармасть народ виривь зыргама. — Саимизь монь гак! мерян мон жабратьнининь.—Адя! мереть шабратьне. Кильдинь боводень, дуинь виривь, а теўсь ульнись тели кунчкане. Моленекь виривь, геренекь оснэнь, лифьтиникь вирьушуў. Монь sёратьнинь марты друк озом эзь геряфт[1]), вирьушуў гак лифьтини озэньть ломаньды мельи. Аньцикь алашам вирьцтыньть лифьтине, нолдэне обозэньть мельга, лець мелезэн—узиримь вирьц стуф-

1) геряў

ихъ работать на Узень. Поработаютъ мужики на Узени недѣль съ шесть, придутъ домой, отдадутъ деньги князю за оброкъ.

Придутъ мужики съ Узени, князь заставитъ косить траву. А сколько времени мужики работаютъ на Узени, въ это время князь заставляетъ женщинъ рыть канавы. Кидаешь-кидаешь, не руки одни, а и ребра болятъ у тебя.

Однажды старикъ сушилъ снопы въ барскомъ овинѣ, а у меня не было дровъ. Народъ сталъ собираться въ лѣсъ. — Возьмите и меня! говорю я шабрамъ. — Иди! говорятъ шабры. Запрягла я, поѣхала въ лѣсъ, а дѣло это было въ серединѣ зимы. Мы пріѣхали въ лѣсъ, нарубили возы, вывезли изъ лѣса. Мой возъ не былъ нарубленъ вмѣстѣ съ мужиками, и я вывезла возъ послѣ людей. Лишь только я вывела свою лошадь изъ лѣса и пустила ее за обозомъ, я вспомнила, что позабыла свой топоръ въ лѣсу. Мужикамъ я не сказала, вернулась назадъ въ лѣсъ за своимъ топоромъ. Лошадь пошла за обозомъ, а я сама вернулась,

тыне. Цёратьнининь эзень ёфта, веляфтынь мекеў вирiў узиримь мельга. Алашам дусь обозэньть мельга, а моньць веляфтынь, узириньть муине, лисинь вирьцтыньть и туинь обозэньть сасама. Чиинь циинь, обозэсь эзь засафт, сизинь, гарминь гельмеме. Народэсь пачкицьть кудуў, фатясть: мон арасян; веси веленекь веляўсть монь вешнеме. Муимизь, гулысты кудуў ускимизь.

Князиньть ульнись пекь ламы видинь зюрыза; ве пирись эзь гелькть. Князись тейсь пакся кунчкас пире, Арчиловоньть эйсты кеменьчка вайгильбень даркашка. Князиньть ульнись мелезы сезэй деемс од веле. Се веленьть сроякcылизи козяйканsы лемс; кудытьнинь бутыксыль барт, вельтяксылиньsи кшниса. А бурьмистыньтинь зе таркась эстянsы ульнись мелезы саимс. Сон бурнась арасчисы ломатть, калафниньsи кудынист, паниньsи зимовьяў. Минь ульниникь беднэйть, бурьмистысь кудынык калафтызи, панимизь зимовьяў. Вешкани, тели кунчкани, мон боздаинь аламуды роботас. Бурьмистысь ускcь ток лангкс ведьбоцька, кай-

---

нашла топоръ, вышла изъ лѣса и пошла нагонять обозъ. Бѣжала-бѣжала, обозъ я не нагнала, устала, стала мерзнуть. Народъ подошелъ къ дому и замѣтилъ, что меня нѣтъ; всѣмъ селомъ вернулись искать меня. Нашли меня, обмертвѣвшею привезли меня домой.

У князя было очень много посѣяннаго хлѣба; одно гумно не могло вмѣстить. Князь устроилъ въ серединѣ поля гумно, въ разстоянiи около десяти верстъ отъ Арчилова. У князя была мысль построить тамъ новое село. Это село онъ строилъ во имя своей жены; дома онъ ставилъ хорошiе, крылъ ихъ желѣзомъ. А у бурмистра была мысль взять то мѣсто себѣ. Онъ собиралъ бѣдныхъ людей, разрушалъ ихъ избушки, угонялъ ихъ на зимовьё. Мы были бѣдны, бурмистръ разрушилъ нашъ домъ, погналъ насъ на зимовьё. Однажды въ серединѣ зимы я немного запоздала на работѣ. Бурмистръ привезъ на токъ бочку воды, велѣлъ снять мнѣ одежду и облилъ меня въ серединѣ зимы на току

сифтиньsи орчамун, экшелемемь тели кунчкани ток лангксы кельми веца. Мельи зимовьясты панимизь мекеў Арчиловоў.

Тунда, сокамы маштызь, гнязись максы цёратьнининь билетт, кучсыньsи Узинаў роботакшнума; улизы мейсы оброк пандумс. А кода сы кочкомы лангa, бурьмистысь кочкомы кармаўсыньsи аватьнинь. А кенереньдяряй авась уманsы кочкома, бурьмистысь чаўсэ. Ве ава истя пекь чаўсь, натай авась кулысь.

Ве бабининь ёфьнема:

Монь бовнямга миникь велесы арасиль барцкый гардаз. Мельи сась веленьтень боярць, кармафтымизь барцкый гардазынь зрояма. Конатьнинь гармафтыньsи аўнянь дееме, конатьнинь гудынь дееме, конатьнинь ганавань цуума, конатьнинь цуфтынь озафниме. Тейненекь кирьпицьть, канлиникь сёвотть.

холодной водой. Потомъ съ зимовья насъ погнали назадъ въ Арчиловъ.

Весной, по окончаніи пашни, князь дастъ мужикамъ билеты, пошлетъ ихъ на Узень работать; пусть будетъ чѣмъ заплатить оброкъ. А когда настанетъ время полки, бурмистръ заставитъ женщинъ полоть. А не успѣетъ женщина выполоть свой загонъ, бурмистръ бьетъ ее. Одну женщину такъ билъ, что она даже померла.

Разсказъ одной старушки:

На моей памяти въ селѣ нашемъ не было барскаго двора. Затѣмъ пришелъ въ село баринъ и заставилъ насъ строить барскій дворъ. Кого заставилъ дѣлать овинъ, кого избу, кого рыть канаву, кого сажать деревья. Дѣлали мы кирпичи, носили глину.

Ве баба от месть ёфьнесь:

Ух! цёракай, мери бабась. — Ульнись монь бовнямга Цебарька баба; сон гулысь кафты сятт готца, сон Бугач ийтьнинь барьцти поўненьзе. Седикили лиси Цебарька ульцяў, озы кудыбокас и мере: «вай, бурнаўды як ваксызын, кулцынымизьга [1]), месть мон ёфьнян денгкь Пугач ийтьнида». Народэсь пурумить [2]), арцить Цебарькань берька [3]) ды кулцыныть. Цебарька карми ёфьнеме: «Когда сыть Пугачнэ, минь веси кекшнетяна. Пугачны варчтыть, кияк арась, кармить миникь маньчиме: «мазый ават, пары ават, лисида! Пугач мекеў дусь, Губан бинитьни мекеў дусть!» А минь зодасыникь, сон маньче, а листяна. Мельи тонадыникь, карминикь Пугачнынь марты ве таркасы эряма. Пугачны кресьятт эсть токше, сынь боярtнынь бекь эзезь вечькть. Аньцяк Пугачись муи бояр, брянsы керясы ды ёрцы прок кисканьть. Боярtны ванцызь—дефьть берятть, кармасть кресьянкс орчнеме.

1) кулцынымизьгак 2) прумить 3) берьть

Одна старуха вотъ что разсказала:

Ухъ, сынокъ, говоритъ старуха.—На моей памяти была баба Цебарка (имя); она умерла двухсотъ лѣтъ, она хорошо помнила Пугачевское время. Въ старину (бывало) Цебарка выйдетъ на улицу, сядетъ на завалинку и скажетъ: «эй, собирайтесь-ка близъ меня, послушайте меня, что̀ я разскажу вамъ о Пугачевскомъ времени». Народъ соберется, станетъ вокругъ Цебарки и слушаетъ. Цебарка начнетъ разсказывать: «Когда придутъ Пугачевцы, мы всѣ спрячемся. Пугачовцы видятъ, что никого нѣтъ, начнутъ насъ манить»: хорошенькія женщины, добрыя женщины, выходите! Пугачевъ ушелъ назадъ, Кубанцы собаки ушли назадъ!» А мы знаемъ, что онъ заманиваетъ, не выходимъ. Потомъ мы привыкли, стали жить съ Пугачевцами въ одномъ мѣстѣ. Пугачевцы крестьянъ не трогали, они очень не любили господъ. Лишь только Пугачевъ найдетъ барина, онъ срубитъ ему голову и броситъ словно собаку. Господа видятъ—дѣло плохо, начали одѣ-

А кресьятны боярtнынь ланґкс кежейть, ёфтасызь боярыньть Пугачныннь. Пугачны молеть боярыньтинь и кевькссэзь: дон гият?—Кресьянан! мери боярысь. — Нефьтетя кедет! мери Пугачись. Боярысь нефцэньsе. — Тонь гедет пекь ашыт, тон эряват поамсъ,—и поасызь боярыньть. Истя Пугачны боярtнынь веси и поўсекшнэзь. Сень гуалт Пугачныннь басиба; куа Пас мери тест якамуды, сия пары неест. Ауль аньцяк боярtнынинь-берянь дейсть Пугачнэ, миняникь [1]) как сынь ламы горя тейсть: пекь ламы ават, тейтерьть сынь заласть. Лиясты авась лиси пенґкс, вец, муськиме, эль лияў гоў гак, капутьцызь Бугачнэ, саласызь эсь мастырызыст. Вешкани саласть тейтерь, максызь Датарнынь гозяйкакс. Мельи саласть одsёра, максызь зе тейтереньтень нянькакс, а се цёрась се тейтереньть ялаксыза [2]).

1) миньдяникь 2) См. пѣсню: «Вирь чирисы эрьзянь sёрась пенґкть кере». (Прим. Р. Учаева).

ваться по крестьянски. А крестьяне сердиты на господъ, скажутъ Пугачеву про барина. Пугачевцы подойдутъ къ барину и спросятъ его: ты кто?—Я крестьянинъ! скажетъ баринъ.—Покажи-ка свои руки! скажетъ Пугачевецъ. Баринъ покажетъ. — Твои руки больно бѣлыя, тебя надо повѣсить, — и повѣсятъ барина. Такимъ образомъ Пугачевцы и перевѣшали всѣхъ господъ. За то спасибо Пугачевцамъ. Куда Богъ прикажетъ имъ идти, тамъ пусть они увидятъ хорошее. Однако не только господамъ дѣлали зло Пугачевцы, и намъ они сдѣлали много горя: они крали очень много женщинъ и дѣвушекъ. Другой разъ женщина выйдетъ за дровами, за водой, постирать или куда въ иное мѣсто,— Пугачевцы схватятъ ее, потащутъ въ свою землю. Однажды украли дѣвушку, отдали ее въ жены татарину. Затѣмъ украли мальчика, дали въ няньки къ той дѣвушкѣ, а мальчикъ былъ братомъ той дѣвушки.

Отдѣлъ II. Обычаи.

А. Оркино.

Ḿiṅi·ḱ śeďiḱi·ľä apak ľäṁďakyḽť. Oznė·śešť äś ko·jsèst. Syṅ vot kyda· o·znėšešť. Kočkše·šť syŕä a·ťa. Śe uĺṅiś Ńiškipa·zyst, a eščo·uĺṅiś pa·zyst ṁä·ṅiľca; śeṅen uĺṅiś ľäṁ Ve·ŕepaz. O·znoma ta·rkast uĺṅiś vä·χki latksa, latksyṅť o·źera, o·źeraś säŕi·j, oźerańt kra·jsa ku·da. Śe ku·dyṅťi puru·mkšnyšť ozno·ma. Kona· čystyṅť puru·mums ozno·ma, Ńiškipa·zyst kuźä kudypo·tmarc, a naro·dėś puru·ṁä kudy·ṅťi; kandy·ť ṁiṅićuna: ki vaz veťä·, Ḱi ŕe·vä veťä, ki tuva paṅä; ṅeṅ jala Veŕepaznyṅ; i karṁi·ť ozno·ma. Ozno·m-

---

Наши были въ старину некрещеными. Они молились по своему. Вотъ какъ они молились. Выбирали старика. Это былъ ихъ Нишкипазъ, а еще у нихъ былъ богъ на небѣ; тому имя было Верепазъ. Мѣсто молитвы было у нихъ въ одной долинѣ; въ той долинѣ было озеро, озеро глубокое, а на берегу озера домъ. Они собирались на молитву въ тотъ домъ. Въ тотъ день, когда должно собраться на молитву, ихъ Нишкипазъ залѣзетъ на подволоку, а народъ соберется въ домъ; нанесутъ всякую всячину: кто приведетъ теленка, кто приведетъ овцу, кто пригонитъ свинью; это все для Верепаза; и начнутъ молиться. Молясь, говорили

sta i·śťa korta·śť: «Ńiśki Pas, Pokš Pas, koŕme·ńeć, makst ťäńi·ķ šu·ra», a śe Ńiśkipazyś kudypo·tmarcta karčyzyst sa·sta me·ŕä: «maksa·n!» Syń ta·gy väšy·ť: «Ńiśki Pas, Pokš Pas, koŕme·ńeć uľi·za o·lgėza ažyja·ška».—«Uľä·!»—«Ńiśki Pas, Pokš Pas, koŕme·ńeć, kolózy·za uľi·za ťäžaṕä·ška».—«Uľä!»—«Roźe·ńť źorna·za uľi·za ṕäńč ńäčka». — «Uľä·!» — «A skoťe·nańťi makst čumbra·čy». — «Maksa·n!» — «Skoťe·naś vä·śij rašta·za.»—«Raštä·!»—«I äśťäńiķ makst čumbra·čy».—«Maksan!»—I iśťa: väšyť ńäźi me·ľezėst para. Ńäjľä śe Ńiškipa·zyś kyŕńa·ftä kudypo·tmarctyńť väc i uji· väďa·lga sa·ńdij pu·lys i kekšä· śezė·ń. Śesta naro·dėś strady·ť kudga.

A mon stufty·ńä jofta·ms. Oznoma·da i·kiľä, syń jakśi·śť väľiń ba·ńas. Baṕa·ś uľńi·ś ľi·ja la·tksa. Śe la·tkyńť ľäṁiza ńejga·k Baṕala·tka. Kyda ba·ńasyńť pa·ŕiť, ľi·šiť to·sta, moľe·ť Čakš la·tkuu.

такъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, дай намъ хлѣба», а тотъ Нишкипазъ съ подволоки въ отвѣтъ имъ говоритъ потихоньку: «дамъ!» Они опять просятъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, да будетъ у него (у хлѣба) солома толщиной съ оглоблю». — «Будетъ!» — «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, да будетъ его колосъ съ конецъ тяжа». — «Будетъ!» — «Зерно ржи да будетъ съ черенокъ ложки».—«Будетъ!».—«А скоту дай здоровье».— «Дамъ!» — «Скотина вся да принесетъ приплодъ». — «Принесетъ приплодъ!»—«И намъ дай здоровье».—«Дамъ!» — И такимъ образомъ просятъ что̀ для нихъ хорошо. Затѣмъ тотъ Нишкипазъ соскочитъ съ подволоки въ воду и поплыветъ подъ водой къ камышамъ и спрячется туда. Тогда народъ разойдется по домамъ.

А я забылъ разсказать. Передъ молитвой они ходили въ мірскую баню. Баня находилась въ другой долинѣ. Имя той долины и теперь Банялатка. Послѣ того какъ они вышарятся въ банѣ,

Śe ta·gy ľi·ja. Śe la·tksyńť ärć́i·ś ʼvä·ľiń čakšyst. Śe latksyńť obe·ďeľ́t, a ḿäjľä tukšny·śť ozno·ma śe Ńiškipa·zyńťi. Iľa duma·, syń išťa šäji·cta jakšišt śe Ńiškipa·zyńťi oznėśe·ḿä: syń išťa· jakši·śť oznė··śeḿä godėńťe kaŋkśť ko·lmokśť, ato śe Ńiškipa·zyś jakši·ś ʼvä·ľiva ʼvä·t. Moľi vaľma·luŋ i kulcy·nä, ki ḿä·źi ʼväšä. Tosy·ʼväľińi·ķ ʼväšy·ť, ʼväľiń täŋ ʼväšy·ť, a ťesa śeḿejańi·k ʼväšy·ť, śeḿe·jań ḿe·lka ťäťť ʼväšyť. Ķi·ńiń ḿäźi ä·ŕäʼvä, śe śeń i ʼväšä. Ķi ʼväšä: «Ńiški Pas, na kant moń ćorė·ńeńeń tonačiŋ», ki poŋkst pa·naŗt, ki aļt, ki uma·ŗť, kiń ḿä·źiza u·ľä. Ķi ḿäźi ku·čä, son ḿeŕä: «makscy·ń»! Makscyź ťänza vaľmava, son ańe·javä; son sa·jsyńʒä i tujä·. A ƀiďä pokš lo·mańiś kuly·ś, syń avy·ľ ańćik poŋkst pa··naŗt kučńi·śť, umaŗť dy aļt; ʼvinaja·k kučńišť, tabakt ka·k kučńi·śť. Syń śe·sta duma·śť: kona· kulä·, śe tonačy·sa jarcä·. Ƀiďä ḿä·źi toŋ kuča·t, son ńeďä ja·rcä tosa·, a ƀiďä ḿäźija·k aku·čat ťänza, son tosa va·čä ärä· i raŋgä. Śeks išťa· i kučńi·śť. A ƀiďä kuly·ś lo·mańiś daŋno·, sońďeďenʒa ḿäjľä ťe·sa uš uľi·ḿä karńi·ť nućka·ń

они выйдутъ оттуда, пойдутъ въ Чакшлатку (горшечную долину). То опять другая (долина). Въ той долинѣ стоялъ мірской горшокъ. Въ той долинѣ они обѣдали, а потомъ ходили молиться тому Нишкипазу. Не подумай, чтобы они часто такъ ходили молиться тому Нишкипазу: они такъ ходили молиться въ годъ два-три раза,— а то тотъ Нишкипазъ хаживалъ по ночамъ по селу. Подойдетъ подъ окно и слушаетъ, кто чего проситъ. Тамъ просятъ всѣмъ селомъ, просятъ о мірскомъ дѣлѣ, а здѣсь просятъ всей семьей, просятъ о мелкихъ семейныхъ дѣлахъ. Кому что нужно, тотъ о томъ и проситъ. Кто проситъ: «Нишкипазъ, возьми неси моему сынку на тотъ свѣтъ», кто (даетъ) штаны и рубашку, кто яйца, кто яблоки, у кого что есть. Кто чего посылаетъ, (а) онъ говоритъ: «отдамъ!» Дадутъ ему въ окошко, а его не видно; онъ возьметъ это и пойдетъ. А если умеръ взрослый человѣкъ, они посылали не только штаны и рубашку, яблоки и яйца; они посылали также вино, посылали также табакъ. Они тогда думали: кто умретъ,

nu·ćkat, to śeńeń śe kuly·źiś jakśä· vanftu·myŋza, koda· by šajťan ńäźiŋza jak äśśä saj, koda by äjdiŋza avy·ľćä pola·ft. Śe kuly-loma·ńińťi ńeŕńešť: ćur!

Mińi·k ńejga·k käńi·ť ťänza. Koda·k äjdińť laųśc pucy·ź, väl'ťa·syź i ćura·syź piŕa·syź. Daža äśpŕa·nyk kak śäji·cta piŕći-syńik ńejga·k. Pry·ńer: koda· sy bu·ŕa ča·raź, śesta· ńiń gortatana: ćur Paššа·ŋgyť, ćur Paššа·ŋgyť[1]). Iśťa· koŗtė·ť buŕeńť juta·ms. A eščo· źardy äŕä χaľe·ra, χyť skaly·ń, χyť loma·ńiń, śesta tuji·ť väľińi·k ćuŕa·ma piŕa·ma. Nu tosa avy·ľ iśťa piŕi·ť; sa·jiť so·ka i uski·ť äjsyŋza ťäχťiŗť, avyľ ava·t (avaťnä avyľ vańkst, ńeť akuńćiť, ćora·ťnä ja·k aku·ńćiť, a·ńćik odʒo·rat kuńći·ť). Iśťa·ju·tyť väľiń krugo·m karkstu·ma narodė·ś, väšiń puly·st pľeťeškast no·ldaft. Kua moľe·ť, śija väši koŗtė·ť sa·lava: ćur Paššа·ŋgyť, i juty·ť väľi·ńť krugo·m. Mäjľä tu·jiť väši väľi·ń uľća·ťnä äzga, iśťa·ža soka·syńť bo·ŕozda ťäji·ť, a ko·sy u·ľä sy·ŕä a·ťińä äľi ba·bińä,

1) Вмѣсто Pas čaŋgyť.

тотъ съѣстъ на томъ свѣтѣ. Если что пошлешь туда, онъ это тамъ съѣстъ, а если ничего не пошлешь ему, онъ будетъ жить тамъ голоднымъ и рыдать. Поэтому они такъ и посылали. А если человѣкъ умеръ давно, и здѣсь послѣ него будутъ уже внуки отъ внуковъ, то къ нимъ тотъ покойникъ ходитъ караулитъ, какъ бы шайтанъ не взялъ у нихъ чего-нибудь, какъ бы онъ не обмѣняль ихъ дѣтей. Такому покойнику они говорили: чуръ!

У насъ теперь и вѣрятъ въ него. Когда кладутъ ребенка въ зыбку, его покроютъ зачуряютъ и «огородятъ». Даже и самихъ себя мы и теперь часто «огораживаемъ». Напримѣръ: когда настанетъ буря съ вихремъ, тогда мы говоримъ: чуръ, помилуй Богъ, чуръ, помилуй Богъ! Такъ говорятъ до конца бури. И еще: когда бываетъ моръ, хоть коровій, хоть людской, тогда ходятъ всѣмъ селомъ чурать и «огораживать». Но тамъ огораживаютъ не такъ; возьмутъ соху и везутъ ее дѣвушки, не женщины (женщины не чисты, онѣ не берутся, мужики также не берутся, берутся только

śezė·ń ťäji·ť kŕost so·kasyńť, prok śe lo·mańiń makšny·syź kuluma·ńťi. Koda·k ʼväśi ju·tasyź, ḿäjľä straľi·ť ku·dga, a jakśi·ť ʼväť.

Nu ḿińi·k ńejga·k kadu·ųśť lama śedĭki·ľiń obò·ćanyk i ozno·manyk. Koda śedĭkiľä jakśišť Bańala·tkuų i Čakšla·tkuų obedama, ḿińik ńejga·k ťe ko·jenėk ʼveťeʼvä, a·ńćik ľija·ks. Pry··ḿer. Kyda· lo·mańiś ku·lä, ka·lmasyź, po·ḿenasyź; kafty čy·ťju··tyť, a kolmòce čyńť ka·rča ʼva·styńť čo·kšńestėńť ušty·ť ba·ńa. Puru·ḿä naro·d, pa·ŕiť tosa, vaśńa· ćora·t, ḿäjľä ava·t a śeťť ḿäjľi kaduʼvä sy·ŕi ba·bińä, i śe baʙi·ńiś sajsy· kuly·ćäńť pana·ryŋza i saji· päjľ i saji· groš. Pana·ryńť ka·jasy bańa·käŋkš po·rògòńť troks i karḿä·saji·ḿä; kärč ke·ďezėnza grošėńť sajsy·, a ʼviť ke-

---

холостые парни). Такимъ образомъ пройдетъ вокругъ села народъ, снявши пояса, у всѣхъ распущены волосы и косы. Гдѣ идутъ, тамъ всѣ говорятъ потихоньку: чуръ, помилуй Богъ! и пройдутъ вокругъ села. Потомъ пойдутъ по всѣмъ улицамъ села и такъ же проводятъ борозду сохой, а гдѣ есть старый старикъ или старушка, тамъ сохой обводятъ крестъ, точно будто отдаютъ того человѣка смерти. Когда обойдутъ всё, тогда разойдутся по домамъ а ходятъ ночью.

У насъ и теперь осталось много старинныхъ обычаевъ и молитвъ. Какъ въ старину ходили въ Банялатку и обѣдать въ Чакшлатку, такъ у насъ теперь ведется этотъ обычай, но по другому. Напримѣръ. Когда умретъ человѣкъ, его похоронятъ и устроятъ по немъ поминки; пройдетъ два дня, а наканунѣ третьяго дня въ ночь съ вечера топятъ баню. Народъ соберется, парится тамъ, сначала мужчины, затѣмъ женщины, а послѣ всѣхъ останется старая старушка, и та старушка возьметъ рубашку покойника и возьметъ ножъ и возьметъ грошъ. Броситъ она рубашку черезъ

ďezėnʒa pəji·ľiń', ko·ḿä pana·ryń' v́äľksc i karḿä· loŋno·ma: «Mi·ťrij (bidä ku·lyćäń' ľäḿiza Mi·ťrij, äľä koda to·sa kulyćäń' ľäḿiza, iśťa i ḿeŕä), sak paŕa·ma, šlï'-nardyť kedńe·t pilʹgi·ńit, ťäŕdi·ť mary·t pokščä·ťńiń baba·ťńiń, syńďa·st ušty·ť, syń ga·k toń ťäŕťa·dyź; ťäi̯ť śeďä iña·ldyź, ton oc syćat ä·ŕićat. A tyń, pokšča·t baba·t, iľada pokška·ńä, kulcynyŋk eña·ldumanʒa, pŕiḿi·ŋk jutky·zyŋk, sa·dy v́äχca šľa·ma narda·ma». Vot karḿä· äŕv́äχkiń ľämsa ťäŕďiḿä; konat ťänʒa śeńť ma·laviks roďńa·, śeń śeńť i·kiľij kundasyj ľäḿi·nʒa. Pry·ḿer: Marfa. «Ton, Marfa, avyľ čužyj lo·mańat, sak, jalgat kak ťäŕďi·ť; ton gak, Dŕiga, ḿińćińik, ton gak sak, maryt kak v́eťa·k, šlï·ť nardy·ť kaŕa·zyt lo·važat». I karḿi loŋno·ma źara pomńä äŕv́ä·χkiń sońćeń ľä·msa kuly·ćäńť roďńa·nʒa raśki·nʒa. Mäjľä sońće·ń raśki·nʒa: «tyń gak, mońćeń roďńaťńä, sada· paŕa·da»· Tagy ka·rḿä ľämsa ťäŕďiḿä äŕv́äχkiń, kona·ń pomńa·syńʒä: «a tyń Miťŕijiń raśkt ro·ďńat, iľady ķežė·jaft, bidï syń syť; kodaja·k v́äχca·v́äχca v́ädï·ś sa·tä, pary·ś lama,

---

порогъ банной двери и станетъ брать; въ лѣвую руку возьметъ грошъ, а въ правую ножъ, нагнется надъ рубашкой и станетъ причитывать: «Дмитрій (если имя покойника Дмитрій, или какое имя тамъ у покойника, такъ она и назоветъ), приди париться, вымой вытри ручки-ножки, позови съ собой дѣвушекъ и бабушекъ, для нихъ ты топилъ, и они также тебя позовутъ; зови упрашивая, ты новый пришелецъ и житель. А вы, дѣдушки и бабушки, не гордитесь, послушайте его просьбу, примите его въ вашу среду, придите вмѣстѣ мыться и вытираться». Вотъ она начнетъ звать каждаго по имени; кто ему ближе всѣхъ родня, имена тѣхъ она переберетъ прежде всѣхъ. Напримѣръ: Марѳа. «Ты, Марѳа, не чужой человѣкъ приди и позови также подругъ; и ты, Григорій—нашъ, и ты приди и веди съ собой, вымой-вытри спину и кости». И начнетъ причитывать, сколько вспомнитъ, называя каждаго родственника покойника по его имени. Наконецъ, и своихъ родственниковъ: «и вы также, мои родные, приходите попарьтесь». Опять начнетъ

ťeńńä u·ľiť». Mäjľä pu·tä polókla·ŋks koḿe·lènʒa to·völoų. Očkeńeńťe kaji· v́äďńä, puty käčińä ńäďińť v́äďińťi. Karḿi· śuky··ńakšnuma i koṛta·ma: «nu, pokšča·t baba·t, sady v́äśi v́äśi v́äśi, a ḿäjľä· moľe·da kšy sa·lda jarca·ma»; i tujä· śe ku·dyńťi, kosa·kuly·ś śe loma·ńiś. A·rä iḱiľćä ugylc stoľe·kšc. A iḱiľćä u·gylcyńť kuly·ćäńť oďe·žanʒa (bi·ďi ćora, poŋkst panaṛt, a bi·ďä a·va, ru·ćat pa·naṛt), i ozä· la·ŋgyzyst, pucyj śe grošèńť la·ŋgyzyst. Mäjľi·karḿiť puru·muma v́äva·ńctyćat i syŕi·ť i ott. Iäŕv́äχkiś ka·ndä kšy sal; ki kandä· kšy salyńť maṛta groškä, ki śv́ećeńä, ki a·lnä, ki ču·ŕkińä, kiń ḿäziza uľä, śe śeń i ka·ndä. Koda·k kona sy vaka·nynʒa maṛta, sajsy· kyrgama ṕeľenʒa i makscyj śe baḃińi·ńťi. Sońć śuky·ńä mo·das, ḿäjľä śťi, kšysa·lynʒa ke·cénʒa ko·ḿä ka·rksams, a babi·ńiś karḿä· kyrkśi·ḿä grošèńť äľi aly·ńť äľi čuŕkańť. Koda·k v́äšť kyrka·dä, ľäḿ gundä·; v́äśi kandy·ćäńť ľäḿi·st kuńći·syńʒi, äŕv́ä·χkińiń ḿeŕä: «sada· kšysa·lyń varčama, a·t vana roďńaŋk saś, kšy sal ťäŋk kanć, sada·, jarca·da, uľi·stada

---

звать каждаго, кого вспомнитъ, по имени: «а вы, Дмитріевы родственники, не сердитесь, если они придутъ; какъ нибудь вмѣстѣ каждому хватитъ воды, пару много, есть метлы». Потомъ она положитъ на полку комель въ ту сторону. Въ корыточко нальетъ воды, положитъ ковшичекъ черенкомъ въ воду. Начнетъ кланяться и говорить: «ну, дѣдушки-бабушки, приходите всѣ-всѣ-всѣ, а затѣмъ приходите ѣсть хлѣба соли», и пойдетъ въ тотъ домъ, гдѣ умеръ тотъ человѣкъ. Станетъ въ передній уголъ за столъ. А въ переднемъ углу платья покойника (если мужчина, то штаны и рубашка, а если женщина, то руця и рубашка), и сядетъ она на нихъ и положитъ на нихъ тотъ грошъ. Потомъ станутъ собираться ночные караульщики и старые и молодые. И каждый несетъ хлѣбъ соль; а съ хлѣбомъ солью кто несетъ грошикъ, кто свѣчку, кто яичко, кто луковку, что у кого есть, тотъ то и несетъ. Какъ придетъ кто съ чашкой, возьметъ предметъ для скобленія и дастъ его старушкѣ. Самъ онъ поклонится въ землю, потомъ встанетъ,

ṕeškśeť, va·či iľa·da a·ščä, a tyń śeńǧi·sa oznė·da V́eŕepa·znyń. V́eŕepazyś maksy·za i kudys i karda·js i pakśa·s». Koda·k v́äśi loŋnoŋśť ľä·mńä, baba·ś alamy·da ṕŕanza ko·mafcy prok śu·kyńä, a śury·ń sa·lyń gandy·ćäś śu·kyńä mo·das, ńäjľä śti i pucy·j vaka··nynza stoľla·ŋks. Sońć o·zä v́äṕeľej. Ḿäjľi i·śťa ombò·ćä arä· śu··ryń salyń kandyća. Baba·ś iśťa·ža loŋnä·, a ťe iśťa·ža aščä. A kona·t iki·ľij zaśť i oza·śť v́äṕe·ľej, ńeť ba·kuľakšnyť. Koda·k v́ä·śi pu·ruńiť, koda·k maŕa·syź kury·k peľev́ä· sy, kapšyť śeďä ku·ryk u·žynama, aťakšyń mora·ms, źarc pokšča·ťńä baba·ťńä äśť tuk. A užyna·ma kyda· ka·rńiť, o·znėť ťäjiť, o·jśeť v́äśi, baba·ś śti·, sa·ji groš i karńä kyrkśiṅinza oďežäťńä v́ä·ľksca i karńä· ťärďi·mä v́äśi ku·la raśkńi·ń roďńaťńiń: «sa·da ojśe·da marynyk, arći·da krugo·mganyk, jäŕćńi·da da paŋt ťä·ńik är·ćida, iľady ṕeńäća kšysa··lyńť laŋks; ńäźďi ńińć ja·rctana, śeďi· i tyń jarca·da». Žarc son iśťa loŋnä, naro·dėś aščä v́äśi·j śťa·da ṕŕäń ko·maftyź. Kyda ńeť v́äśi lo·ŋnoŋśť, saji čakškis śätkińiť, ka·ji laŋgyzyst la·dyńńiť, sa·ji

---

нагнется до пояса, съ хлѣбомъ съ солью въ рукахъ, а старушка начнетъ скоблить грошъ или яйцо или луковку. Какъ разъ ширкнетъ, помянетъ имена всѣхъ приносящихъ и каждому скажетъ: «придите отвѣдать хлѣба соли, а то вотъ ваша родня пришла, принесла вамъ хлѣбъ-соль, кушайте, будьте сыты, не останьтесь голодными, а вы за то молитесь Верепазу. Верепазъ да дастъ и въ домъ и во дворъ и въ поле». Когда переберетъ всѣ имена, старуха нагнетъ немного голову, будто кланяется, а принесшій зерно и соль кланяется въ землю, потомъ встанетъ и поставитъ чашку на столъ. Самъ сядетъ въ сторонѣ. Послѣ того такъ же другой, принесшій зерно и соль. Старуха такъ же причитываетъ, а этотъ такъ же стоитъ. А тѣ кто пришли впередъ и сѣли въ сторонѣ, тѣ поговариваютъ. Когда всѣ соберутся и когда замѣтятъ, что скоро настанетъ полночь, они спѣшатъ какъ можно скорѣе поужинать до пѣнія пѣтуховъ, пока дѣдушки и бабушки не ушли. А когда начнутъ ужинать, помолятся и всѣ сядутъ, старуха вста-

kaša čakš, kaša čakšyńť laŋks ṕraka, o·mbóće ķeďezénʒa sa·ji sa·ldyrks, sa·ldyrksyńť laŋks la·dyn ča·kšķińť i jaķä· stoľχńeń krugo·m, a jaka·msta koṛtä: «Ńiški pas, Pokš pas, ko·ŕńeńeć, čačy·za kšysaly·ś ťäńi·ķ i rozńe·ś i sury·ńiś i toʒźerneś i čužny·ś i víški·ś i ksnaʒńi·ś i čyča·víćäś i muški·ńiś i ľonnė·ś i čynžara·myťńä i arbu·snä i dytnä· i uma·ŕťńä i kuja·rχnä i durakkujarχnä[2])». Kyda· ja·kä, kodamy śurysa·l ńe·jä, jala ṕŕańť śu·kyńasy i śury·ńť ľäńi·nʒa ku·ndasy; iśťa· jaķi·ťäjä, o·zä, saldy·rksyńť ara·fcy, kšyńť pu·cy; kašaćakšyńť ma·kscyj śťŕapuχa·ťńińiń[3]). La·dyn čakškińť ara·fcy pa·zava u·gylc. Śesty i ńeŕä: «nu davajťi ńäźiŋk uľä·, ńäźä Pas ťäŋk maksć, iľa·dy víśťä·jstynyk, iľa·da päľ pokšča··ťńiďä». Oďeža·ťńiń la·ŋks pu·tä od ćapla·ška, od päńčkä. Koda·k koda·ma pi·šča pu·tyť, son kŕosta·syj vakanyńť päńčca, a·myľďä ä·jstynʒa alama i kaja·syj ńäjǵäńiŕť śe ćapla·škińiń'ti. Kaja·msta ńe·ŕä: «jarca·k, jarca·k, Mi·ťa, jalga·t kak ka·vańiť». Mäjľä

1) lady·tt. 2) duja·kuja·rχnä. 3) śŕapuχa·ťńińiń. (стар.).

нетъ, возьметъ грошъ и начнетъ скоблить его надъ одеждами и начнетъ звать всѣхъ покойныхъ родственниковъ: «приходите, сядьте съ нами, встаньте кругомъ насъ, покушайте и добра намъ желайте, не пеняйте на хлѣбъ-соль; что мы сами ѣдимъ, то и вы кушайте». Пока она такъ причитываетъ, всѣ стоятъ, наклонивъ голову. Когда она всѣхъ ихъ переберетъ, она возьметъ въ горшокъ угольковъ, положитъ на нихъ ладону, возьметъ горшокъ каши, на горшокъ каши (положитъ) пирогъ, возьметъ въ другую руку солоницу, на солоницу горшокъ съ ладономъ и ходитъ вокругъ столовъ, а ходя говоритъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, да уродятся у насъ хлѣбъ-соль и ржица и ячменёкъ и пшеничка и просцо и полбица и горошекъ и чечевица и конопельки и ленокъ и подсолнечники и арбузы и дыни и яблоки и огурцы и тыквы». Когда она ходитъ, какую увидитъ хлѣбъ-соль, непремѣнно поклонится и назоветъ хлѣбъ по имени; такъ она походитъ, сядетъ, поставитъ солоницу, положитъ хлѣбъ; горшокъ съ кашей

sońć amy·ľďä i korčta·msta ḿe·ŕä: «nu, Ḿiťa·, uľi·za čäńfkit, pačkyďiza ťäť; nu jä·ŕćńida». Śesta ṽä·śij druk kaja·ṽiť jarca·ma, ańćik ṕäńčť maŕäṽiť kaldyrdu·mada. Śe ška·ńä ǩija·k ḿäšť kak ako·ṛtä, a·ńćik noske·ť da jarcy·ť. A kyda ṕäki·st ṕeške·ďeť ćakćak ku·fćims, syń ku·fćimańť ta·rkas u·kśńiť: ūχ, ťäjä, ūχ, ťäjä, ūχ, ťäjä, koda·myška loma·ńiś pa·ryľ», i ṽäśi iśta. Karḿi·ť ukśńi··ḿä i paryloma·ńist ä·jsa jofńe·ḿä. Kyda· u·žynyť soųśe·ḿ, baḃi··ńiś du·ḿä: «Ka·ńa u·ľä, ka·ńa ara·ś, eščo ḿäźist kak», i ḿeŕä: «nu slava Bo·γu, eščo· uľi ḿäźiń ka·k, śťakšnu·ms äŕä·ṽä». Ḿäjľi śtiť, o·znéť, ľiśi·ť stoľekšsta, baba·ś sa·jsyńʒä ćapla·škińť i ṕäńčki·ńť, kšy pa·myŕkskiť sajä, čuŕka lo·ṕeńeť, umaŕ bo·ǩeńeť, al lu··kškiť, oďeža·nʒa sajsy·ńʒä i ľiśä· u·ľćaų. Ary čukšṕŕas i karḿävaka·nnyńť äjsa kyrkśi·ḿä: ćaplaškińť kyrkśisyj, ṕäńčkińť ky·rkśisyj, kyrkśä i oďežanʒa äjsa, kyrkśä· ko·mada, a osta·tka narodéś toža a·šćiť ko· mada. Kyrkśimsta baḃińiś eńa·ldä pokščäťńińiń baba·tńińiń: «iľa·st ṕeńäćä, kodamy kšysa·l uľńi·ś, možy ǩiń-

---

отдастъ стряпухамъ. Горшокъ съ ладономъ поставитъ въ уголъ къ образамъ. Тогда она скажетъ: «ну давайте, что у васъ есть, что Богъ вамъ далъ, не стыдитесь насъ, не бойтесь предковъ». На одежду она поставитъ новую деревянную чашечку, новую ложечку. Когда поставятъ какое нибудь кушанье, она перекреститъ ложкой посуду, немного черпнетъ изъ нея и наотмашь выльетъ это въ деревянную чашечку. Выливая, она говоритъ: «Ѣшь, ѣшь, Митя, и угости также товарищей». Потомъ она сама помѣшаетъ и покушавши скажетъ:—«Ну, Митя, да будетъ и у тебя частичка(?), пусть дойдетъ до тебя; ну, кушайте». Тогда всѣ вдругъ бросятся ѣсть, слышенъ только грохотъ ложекъ. Въ это время никто ничего не говоритъ, только сопятъ и ѣдятъ. А когда они насытятся, станутъ трудно дышать; вмѣсто стону укаютъ: «Ухъ, ухъ, ухъ, какой человѣкъ былъ хорошій», и всѣ такъ начнутъ вздыхать и говорить о хорошемъ человѣкѣ. Когда отужинаютъ совсѣмъ, старушка подумаетъ: «не знай есть, не знай нѣтъ у нихъ еще чего нибудь», и скажетъ: «ну, слава Богу, еще есть у васъ

ga·k stuf́ć t'ár'd'ims jarca·ma; śesta nady, t'ä·nʒa kandy·da m'áźi ka·duuś; il'a·ża p'eńáć'ä, t'esk savy', t'esk jarca·vy'. Mon v'eď m'eŕeń čyja·k i bańa·sa i stol' ekšca: sa·da v'äši, jarca·da, a uš kak stufty··ńä, tak na·da, t'änʒa kandyŋk». Ńekeń i jorcéńʒä čukš́ŕas, ńe kšypa·myŕkskiťńiń loa·žaťńiń i ćapla·škińistyńť kaja·syńʒä i tuji·po·taź ortańti. Mäjl'i v'äši ŕrast karńi·ť koma·fńiḿä; ä·ŕva komaftu·mstyńť jala m'eŕe·ť: «prošča·jti, prošča·jti, prošča·jti». A va·ndyj ul'i·ť poḿe·nkat. Iśťaža puru·m'iť čyť, iśťaža kšysa·l kandy·ť loma·ťńä, iśťaży ba·b'iń'iś ky·rkśä, iśťaža čukš́ŕaų ga·k l'i·śńä. Eščo· v'äjksy čyť po·ḿeńeť. V'äjksy čyń karčyja·k i·śťaža v'ävanćńi·ť; ko·ty ńä·dl'anʒy poḿena·syź; iśťaža p'eľ go·dénʒa poḿena·syź i godé·nʒa poḿena·syź i ja·la v'ä vanfńi·ť är'va· poḿena··myńť ka·rča.

Eščo· poḿena·kšnyť kalmyla·ŋgyń čysta. Śestä v'ä ava·nfńiť; t'äjńiť bra·gat, t'äjńi·ť pu·ŕiť, sajńi·ť v'i·na, ṕići·ť sa·rast, ŕesta·ń

что-нибудь, надо вставить». Потомъ встанутъ, помолятся, выйдутъ изъ за стола: старуха возьметъ деревянную чашечку и ложечку, возьметъ хлѣбныя крошечки, луковичные листочки, половинки яблокъ, яичныя скорлупки, возьметъ его одежду и выйдетъ на улицу. Станетъ въ сорное мѣсто и начнетъ выскабливать чашку; поскоблитъ деревянную чашечку, поскоблитъ ложечку, скоблитъ и его одежду, скоблитъ нагнувшись, а остальные также стоятъ нагнувшись. При скобленіи старушка настойчиво проситъ дѣдушекъ и бабушекъ: «чтобы не пеняли на то, какова была хлѣбъ-соль; можетъ быть, позабыли позвать кого нибудь къ ѣдѣ; въ такомъ случаѣ возьмите, отнесите ему что осталось; пусть онъ не пеняетъ; если бы пришелъ сюда, поѣлъ бы здѣсь. Вѣдь я говорила давеча и въ банѣ и за столомъ: придите всѣ, покушайте, а ужъ если я его забыла, такъ возьмите, отнесите ему». Это она и броситъ на то мѣсто, гдѣ выбрасываютъ соръ, тѣ хлѣбныя крошечки и кости; и выльетъ изъ деревянной чашечки, и пойдетъ задомъ къ воротамъ. Потомъ всѣ начнутъ наклонять свои головы; каждый, наклоняя голову, все время говоритъ: «прощайте, про-

sy·ʹviľ; ńeń ʹväśi sa·jsyź i tuji·ť kalmylaŋks. Saji·ť ma·ryst poʹńena·ńijat i aščä·äŕʹväχkiś äś ka·lmynʒa la·ŋksa. Aščä· i lajšä·. Bʹidʹi lajšä· odava· loma·ńińgis, šestä· ńeŕä·: «duga·j, duga·j, a O·kśa» (älʹi koda· ľä·ńiza tosa), a bʹidʹi ava täχʹti·ŕinʒa ki·sä la·jšä, šesta· lajšy·msta ńeŕä: «ťaka·j, ťaka·j, a Ka·ťa (älʹi koda· ľäńi·za to·sa), mazyj ťaka·j, a Ka·ťa; ńäks ťaka·j kady·ńikʹ, nuža·s goŕa·s kaji·ńikʹ, ki ńe·j pʹrińi·ń čaųśi·syj»... A bʹidʹi täχʹti·ŕ lajšy a·vanʒa ki·sa, še·stä sra·zu[1]) šäŕgiďä täχʹti·ŕiš: «uχ, ava·kaj goŕma·kaj, uχ, koŕńe·ńećkä aʹvi·ńiń, uχ, aʹvi·ńiń ďiŕi·ńiń, ńäks ton aʹvi··ńiń kady·ńikʹ, nužas goŕa·s kajińikʹ»... A bʹidä lajšy·ť ćoraloma··ńiń ģis, šesta šäŕģi·ďiť: «pola·j, pola·j, a I·van, mazy·j pola·j, a I·van».... Bʹidä ava ćora·nʒa kis lajšä·, še·sta še ńeŕä: «ńäks ton äjdńiń kadyńikʹ, nužas goŕa·s kaji·ńikʹ»... A bʹidʹi koźa·jka ńiŕ-

1) šesk.

щайте, прощайте». А завтра будутъ поминки. Такъ же собираются днемъ, люди такъ же приносятъ хлѣбъ-соль, старушка такъ же скоблитъ, она такъ же выходитъ на сорное мѣсто. Ещо въ девятый день поминаютъ. И на канунѣ девятаго дня такъ же бодрствуютъ ночью; поминаютъ шесть недѣль; такъ же поминаютъ въ полугодовой день и въ годовой день, и передъ каждымъ поминаніемъ бодрствуютъ ночь.

Еще поминаютъ въ родительскій день. Тогда ночью не бодрствуютъ; приготовляютъ браги, дѣлаютъ пури, возьмутъ вина, сварятъ куръ, приготовятъ жареное мясо; все это возьмутъ и пойдутъ на кладбище. Возьмутъ съ собой поминанія, и каждый становится на своей могилѣ. Стоитъ и вопитъ. Если вопитъ молодая женщина по женщинѣ, тогда она говоритъ: «сестрица, сестрица, а Окся» (или какъ тамъ его имя), а если женщина вопитъ по своей дочери, тогда, воя, она говоритъ: «дитятко, дитятко, а Катя (или какъ тамъ ея имя), красивое дитятко, а Катя; отчего, дитятко, ты меня оставило, бросило меня въ нужду и горе, кто теперь поищетъ въ моей головѣ»... А если вопитъ дочь по матери, то дочь сразу закричитъ: «ухъ, матушка-кормилица, ухъ, корми-

dĭnʒa ki̯s lajšä·, śe śäŕǵiďä: «duga·j, duga·j, a I·van, mazy·j duga·j a Ivan»... Ńäjľä syť popt, služyť pokš pana·ťida i tuji·ť kalmy·ťńiń laŋga poń̓ena·ńijäń̓ loŋno·ma. Kyda·ʋäśi lo·ŋnêsèź, tu··jiť. A ava·ťńä karńi·ť śe·sta śiń̓iń̓ä i jarca·ma, ʋäɣ̓ki·st ʋäɣ̓ki·st kavańama kona·t śeďä mala·syt; śiń̓i·ť i jarcy·ť ṕŕäʋi·st čaraka··dums, i äŕʋäɣ̓kä śiń̓ima jarcamyńť äjsta kajśi·ť lomańiń ṕŕa·päs moda poc ńińićuna, i kšy i braga· i puŕä· i syʋi·ľ, puťńi·ť će·la aļt.

Puťńi·msta jala koŗtèť: «na· vany ťäť (kundasy ľäńi·nʒa), śiń̓ť jarca·k, vačy i·ľa uľť i äśťäńik pary äŕći·k». Ḿä·jľä śťakšny·ť i straľi·ť ku·dga. A sy·ńďeďest ḿäjľä puru·ńiť śezèń stada ki·ska i karńi·ť čuŋnu·ma i tarkśi·ḿä ḿäźi syń dozè·ń kadny·śť i säʋi··ńist, a kyda säŋsy·ź, kyda ala·my kadu·ʋä tosa, ańćik ťi·ja tu·a ṕäki·st aṕe·škeďeť ki·skaťńiń, śesty tuŕga·dyť, karńi·ť ʋäɣ̓kist ʋäɣ̓kist ä·jsa śeźńeḿä i käṕi·dĭť isťamyška žalť, ƀidĭ ʋäť goďa··vat ma·las, na·tyj če·ŕet duƀiško·m śtiť.

лица моя матушка, ухъ матушка моя кормилица, зачѣмъ ты, матушка, меня оставила, бросила меня въ нужду и горе»... А если вопятъ по мужѣ, тогда закричатъ: «половина моя, половина моя, а Иванъ, красивая половина моя, а Иванъ»... Если вопитъ мать по сынѣ, тогда та говоритъ: «зачѣмъ ты, дитятко, меня оставило, бросило меня въ нужду и горе»... А если жена вопитъ по своемъ мужѣ, то она кричитъ: «дружокъ, дружокъ, а Иванъ, красивый дружокъ, а Иванъ»... Потомъ приходятъ попы, служатъ большую панихиду и пойдутъ по могиламъ читать поминанія. Когда прочтутъ всѣ поминанія, уходятъ. А женщины начинаютъ тогда пить и ѣсть, угощать другъ друга, которыя между собою ближе, пьютъ и ѣдятъ до потери сознанія, и каждая отъ питья и ѣды выбрасываетъ кое-что на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ голова (похороненнаго) человѣка, и хлѣба, и браги, и пури, и мяса; кладутъ и цѣльныя яйца.

Ставя (это), все время говорятъ: «на вотъ тебѣ (имя рекъ), пей ѣшь, не будь голоденъ и для насъ желай хорошее»». Затѣмъ

Kalmylaŋgyń čyńť karča toža ušńi·ť bańä·t i jakśiť paŕa·ma, a pokščäťńiń babaťńiń ťäŕχńi·syź, i mon maŕi·ń la·myń ku·rksta, šty śe västyńť ńejeť, koda sakšny·ť baňäńťi paŕama, väśi paraćik-paraćik syť, väśi ašy·syt; kona·t syť, kona·t tuji·ť, i išťa· syń syť i tuji·ť aťa·kšyń mo·rams. Kodak aťakš mo·rä, to śesta srazy juńi·ť. Mon mońć vanfńi·ń, nu ńäźi ja·k äźi·ń ńeк; poe·tomu[1]) mon avy·ľ śvato·jan, a synct ńekšńe·sèź ja·la ba·bińiť, kona·t šäjicta ja·kśiť pońenka·va. Syń i·śťaży jofńe·ť i·ńičyń obe·ďńäń zavytyŕ-ńäń jutksta jakśi·ť kalmalaŋks kŕisto·zovama; prat, keľä, modańť laŋks ko·mada, čèŕet no·ldasyť i ńe·ŕat: «Ќŕistos voskŕeś», a syń do·sa prok brumt byzaka·dyť. Nu val ača·ŕkyďiv̆ä; tozė·ń mon äźi·ń jaka·.

1) śeks.

встаютъ и расходятся по домамъ. А послѣ нихъ собираются туда стаи собакъ и начинаютъ вырывать и вытаскивать то, что они здѣсь оставили, и съѣдать это, а какъ съѣдятъ, когда здѣсь останется немного, и только кое-гдѣ собаки не наѣдятся, тогда онѣ подерутся, станутъ рвать одна другую и поднимутъ такой крикъ, что если ночью угодишь близко, то даже волосы станутъ дыбомъ.

Наканунѣ родительскаго дня также топятъ бани и ходятъ париться и призываютъ дѣдушекъ и бабушекъ, и я слышалъ отъ многихъ, что въ эту ночь видятъ, какъ приходятъ въ баню париться; всѣ приходятъ попарно, всѣ въ бѣломъ; кто приходитъ, кто уходитъ; и такимъ образомъ они приходятъ и уходятъ до пѣнія пѣтуховъ. Какъ запоетъ пѣтухъ, то тогда они сразу исчезаютъ. Я и самъ караулилъ, но ничего я не видѣлъ; поэтому я не святой, а ихъ видятъ все тѣ старушки, которыя часто ходятъ по поминкамъ. Онѣ также разсказываютъ, что ходятъ христосоваться между пасхальной обѣдней и заутреней на кладбище; упадешь, говорятъ, нагнувшись на землю, распустишь волосы и скажешь: «Христосъ воскресъ», а они тамъ жужжатъ точно шмели. Но слова не разберешь; я туда не ходилъ.

A ńińi·k eščo· lamy jofńe·ť, bu·ta mo·žna muji·ms ńevidimka[1]) lovažyńä. Śe mujims vo·t koda. Varčams rauży katka, kosėja·k väχkija·k ašy po·nėńeza iľa·za uľ, i saji·ms kona· skalyś dum rauža i pervoj va·zyjäś i pe·rvoj[2]) poťa·ftumań lo·fca i že·ŕkala. Śe·sta moľems peľevä ška·ńä ba·ńas i pidi·ms ba·ńasa śe lofcėńť äjsa śe katkaś ćelo·m. Kyda· son uš pi·jä pi·jä, väśij ka··ladä. Śe·sta karma·ms lovažyńiťńä väχťä-väχťä sajńi·ms kurks; i vanums žeŕkala·va, äŕväχkä lova·žyńińť ku·rksa kiŕdimsťa. Koda·k poŋgä śe ńevidimka lova·žyńiś, śesta· žeŕkala·syńť mäźija·k a ńe·jävä. Vot śe marta mäjľä koų χočėš aźa·, mäśť χo·čėš ťäjńik, kija·k ańe·ťanʒat. Ťeń mon äźińä sna·rfńä. Trudna· pek muji·ms vä·śij druk, štoba i katka· ra·uža i skal ra·uža, dy tagy pervoj vazava, dy taga pe·rvoj poťaftu·ma.

---

1) ańejavíks 2) vašiń raz.

А наши еще много разсказываютъ, будто можно найти косточку невидимку. Вотъ какъ ее можно найти. Поискать черную кошку, чтобы на ней не было ни одной бѣлой шерстинки и взять у коровы, которая совсѣмъ черная и отелилась первый разъ и первый разъ доится, молока и зеркало. Тогда пойти въ полночную пору въ баню и сварить въ банѣ въ этомъ молокѣ цѣликомъ ту кошку. Когда она ужъ сварится, то вся развалится. Тогда (надо) начать брать въ ротъ косточки по одной и смотрѣть въ зеркало въ то время, какъ держишь во рту каждую косточку. Какъ попадется та невидимка косточка, тогда въ зеркалѣ ничего не видно. Вотъ съ той (косточкой) иди затѣмъ куда хочешь, дѣлай что хочешь, и никто тебя не увидитъ. Этого я не пробовалъ. Очень трудно найти всё вдругъ, чтобы и кошка была черная и корова черная да притомъ съ первымъ телкомъ, да при томъ при первомъ доеніи.

A eščo· ḿińiḱ jofńe·ť byta možna muji·ms; ińičysta oʙeďńa zau·tyŕńa ju·tksta kuźi·ms kudypo·tmarc, karma·ms kuźi·ḿä, kyda· ṕervoj baja·gaś va·čkyďä, kuźi·ms i v́äšńi·ms, byta to·sa mu·jat lo·mań ṕiľksynʒa ḱeḿť; ńe ḱeḿťńiń ta·rģiť ṕiľkstynʒa i šeďi ku·ryk ba·jagańť kolmȯ́ceďä vačkyďima·zynʒa čyχ́ť, a ʙiďä akä·ńiŕat śe po·rańť ä·jsta, to juḿi·ť, śeźńe·ťadyź; a ʙiďä käńi·ŕat valgu·ma ńe ḱeḿťńeń äjsa, ḿä·jľä mo·žna jaka·ms; ńe ḱeḿťńä iśťa ṕeḱ jaki·ť, koda·k v́äśť ša·gat śiśiń vaľģijṕäť. I ľäḿi·st ńe ḱeḿťńeń śeḿijorctnyχ́ť. Mon kuźńi·ń, naťuća·skam a·raśiľ: v́äšńi·ń, v́äšńi·ń, ḿäźija·k äźi·ń muk. Ṕeŕekladyń troks pryń, ńe·ŕeḿ gak taṕi·ńä, valģiń i kińińga·k äźiń jofńä·, i ńej kouga·k asyrkśan, dy koda· ʙiďä akäḿiŕv́ijak, a ḿińi·k źary·ja jofńe·ť, kosty ḿä·źä mo·žna sajims, štuka·ťńä ṕeḱ udo·ʙnèχ́ť[1]) i rama·ź ara·mav́iť i muji·ź amu·jiv́iť. Nu mon ńej uš asna·rfńan ḿäľga·st jaka·ma.

1) eŕv́aikst

А еще наши разсказываютъ, будто можно найти; между пасхальной обѣдней и заутреней (надо) взлѣзть на подволоку, начать лѣзть, когда ударитъ въ первый разъ колоколъ, взлѣзть и искать; будто здѣсь можно найти сапоги на человѣческихъ ногахъ; эти сапоги сними съ ногъ и какъ можно скорѣе бѣги до третьяго удара колокола, а если не успѣешь въ это время, то пропадутъ, тебя разорвутъ; а если успѣешь слѣзть въ этихъ сапогахъ, то затѣмъ можно ходить. Эти сапоги ходятъ такъ скоро, что въ одномъ твоемъ шагѣ семь верстъ. И названіе этимъ сапогамъ семивёрстные. Я лазилъ, но видно, у меня не было счастія; искалъ, искалъ, и ничего не нашелъ. Упалъ я черезъ перекладъ, разбилъ даже себѣ морду, слѣзъ и никому не разсказывалъ, и теперь никуда не собираюсь, да какъ то и не вѣрится, а наши много разсказываютъ, гдѣ что можно взять, штуки очень удобныя, и не купишь ихъ и не найдешь. Но я теперь ужъ не попробую ходить за ними.

Ńej syrkśa·n kazna·ń darga·ma, a ḿińi·ḱ äjsty·st jofńe·ť ṕeḱ la·ma. Popóń čeľńa la·tksa u·ľi źe·mľaŋka. Śe źemľaŋka·syńť kolma čatt[2]). Vä·χkisyńť ṕižä·, ombóćesèńť śi·ja, kolmó·ćesèńť kyk zo·lóta. Kunčkasa ča·nyńť laŋksa aščä· kaṽjo·r samaľo·t, laŋksy·nʒa ašča· pa·zava Boži ma·ťiŕiś ko·mada ṽeľa·ftuf. Pazavańť laŋksa ṕŕi·staľet; ńeń Śťeńka Raźin puty·ńʒä i putu·mstyst ḿeŕć: «Ḱi χočèt moń ta·rkasa uľi·ḿä, moń ǵŕeχen saji·ḿist, moń parym äjsa vaśka·ma, to kady·ḱ śe sajsy· ṕŕistaľe·tèńť ṽiťkeďezènʒa, a paza·vańť ḱäŕč ke·dezènʒa i ľeťcè·j pa·zavańť ṽicta śä·dijs. I śesta· karḿä· ḿäśť χočèt ńeń ťä·jńä, i jarma·kńiń sajsy··ńʒä i samaľotèńť sajsy·, ańćik sońće·ń ojḿeza uľi· Śťeńka·ń ta·rkasa. A bratcy moi·! Śťeńkań soda·syŋḱ ko·sa? Tyń duma·tada, son kuly·ś. Son äź gu·la, son äŕi ṽiŕca. A vot mon ďäť jofńe·sa, koda son äŕä·. Son iśťa·my ta·rkasa äŕä, kijak i mala·v' a mo·ľeṽä, a sońć žiṽ. Sonʒa Ṽeŕepa·s äŕďi·kstyźä, modaś a ṕŕi·masy, a Ṽe-

2) čant.

Теперь я собираюсь рыть клады, а наши разсказываютъ о нихъ очень много. Въ долинѣ (называющейся) Поповъ пчельникъ есть землянка. Въ той землянкѣ три чана. Въ одномъ мѣдь, въ другомъ серебро, и въ третьемъ золото. На среднемъ чанѣ постланъ коверъ самолётъ, на немъ лежитъ икона Божьей Матери, перевернутая ничкомъ. На иконѣ пистолетъ; это все положилъ Стенька Разинъ и когда клалъ это, сказалъ: «кто хочетъ быть на моемъ мѣстѣ и взять мои грѣхи и блаженствовать съ моимъ добромъ, то пусть тотъ возьметъ пистолетъ въ правую руку свою, а икону въ лѣвую и прострѣлитъ икону прямо въ сердце. И тогда станетъ дѣлать что хочетъ, и деньги возьметъ и самолётъ, но только его душа будетъ на Стенькиномъ мѣстѣ. А братцы мои! Знаете вы, гдѣ Стенька? Вы думаете, что онъ померъ. Онъ не померъ, онъ живетъ въ лѣсу. А вотъ я тебѣ разскажу, гдѣ онъ живетъ. Онъ живетъ въ такомъ мѣстѣ, куда и близко никто не можетъ подойти, а самъ онъ живъ. Его проклялъ Богъ, земля

ŕepas ojḿe·nʒa a·sajsy. Son i a·ščy bo·kom, käü̯ buly jutksa. Kodak čyza va·lǵä i puru·ḿiť äzynʒa ŕiŕctyńť i gu̯χť i vatra·kšt i ḿätka·st i ḿińiń̮u·nyń gatt i karḿiť äjsynʒa poťa·ma; čynʒa śťams kacyź ańćik o·jḿeńť dy lovaža·ťńiń a šädijstynʒa ŕä·χki guj a tu·kšny jak, čyńi·k ŕäńi·k poťä·. Vot ŕät iśťa· poťa·syź, a čop taga· kasä· äzy·nʒa ťela·; koda·k čo·kšńeś sy, tagy iśťa·, i ṕi·ŋǵińť ju·mams, keľä, son iśťa· karḿä· äŕa·ma. A bidä kija·k ľeťcė·j paza·vańť i sajsy· pary·nʒa, śe äŕamy·dynʒa ḿäjľä tarka··zynʒa arä·.

Śedïkiľä äŕamyś ṕek pary·ľ. Moda·ś la·myľ, ki źary du·ḿä, śe śńary so·kä; nu śesta· soka·myś uľńi·ś ṕek beŕäń. Moda·ńť ä·zga čačńiś iśťamyška puŕe·j [1]), a so·kaŕä jak. A soka·ťńä koda·tt uľńi·śť! Ṕek beŕä·ťť: sta·kat, aka·ńńiŕi umaškat, sošńe·kat ara·śiļť; paľiću·ťńä uľńi·śť tu·myń, podvoχńä uľńi·śť ľäŋǵi·ń. So··

1) uśkaz.

его не принимаетъ, а Богъ не принимаетъ его души. Онъ и лежитъ на боку на каменистой землѣ. Когда сядетъ солнце, соберутся къ нему изъ лѣса и змѣи и лягушки и ящерицы и всякіе гады и начнутъ его высасывать; съ восходомъ солнца оставятъ только душу и кости, а съ сердца одинъ змѣй и не сходитъ, сосётъ день и ночь. Вотъ ночью такъ высосутъ, а днемъ опять выростетъ на немъ тѣло; какъ настанетъ вечеръ, опять то же; и говорятъ, что онъ будетъ такъ жить до скончанія свѣта. А если кто-нибудь прострѣлитъ икону и возьметъ его добро, тотъ, послѣ своей жизни, станетъ на его мѣсто.

Въ старину житье было очень хорошее. Земли было много, кто сколько задумаетъ, тотъ столько пашетъ, но тогда пашня была очень плохая. По землѣ родился такой пырей, что ея и не вспашешь. А сохи какія были! Очень плохія: тяжелыя, никакъ

kśeśť beŕäńcta, nu śury·ś čačńi·ś ṕeḱ. Śesta·iśťa· robòta·śť: ťeľeńe·ḱ kizyńi·ḱ. Nujima·styńť nu·jiť nu·jiť, a konatt kadu·v́iť, sa·jiť žė·ŕďa, kiľďiť kafta a·lašat ṕä·vanza i v́eťńe·sėź alaša·ťńiń žė·ŕ-ďańť marta uma·ńť laŋga; prafcy·ź śury·ńť v́a·luų. Nukšny·śť lo·vóń prams, jakšamyt, oďeža·sa rykafća·sa, a jala nuji·ť. Śesta lotke·ť, koda· loų vaľa·syj śury·ńť. Śesta karńi·ť pulf u·skśiḿä [1]), a ṕiŕćńišť ťeľä ku·nčkańä, žarda mańiχ́ť. Uľńi·śť aų́ńat; ńe aų́ńät-ńiń äjsa košńešť pulft i ṕiŕćńi·śť. Śe·stä ṕiŕćńi·śť avyľ jarma·kta, koda ńe·j, a zajo·m oďino·kyχ́ńä. V́aśńä v́ä·χ́kińiń ṕifcyť, ḿäjľä ombò·ćeńeń, a avaťńä ṕiščaka·t čop ṕifcyť, v́äńbe·ŕť ščyŕďi·ť. Sčyŕkšny·śť kak avyľ iśťa·: avy·ľ ṕŕa·χ́asa ki·ščyź, a ščy·ŕisa. Gaz ga·k śe·sta ara·śiľ; śesta tol ǯe·ųsa a·ščikšńišť; ṕšti·ćkat kak ara-śiļ'ť. Pećka·ťńä jak avyľ iśťa·tt uľńi·śť; avyľ kiŕṕićin, a v́icta śo··vóńeń: čavyź čav́iť—i ṕećka, a turba·t o·ų́šä a·raśiļ'ť; iśťa·k ä·ŕćišť.

1) pulfyń uskśimä.

не донесешь, сошниковъ не было; палицы были дубовыя, подвои были изъ лыка. Пахали плохо, но хлѣбъ хорошо родился. Тогда вотъ какъ работали: и всю зиму и все лѣто. Въ жнитво жнутъ-жнутъ, а что останется,—возьмутъ жерди, запрягутъ двухъ лошадей по концамъ и водятъ лошадей вмѣстѣ съ жердью по загону; свалятъ хлѣбъ подъ одно. Жали до снѣга,—холода—въ одеждѣ и въ рукавицахъ, а все-таки жнутъ. Тогда перестанутъ, когда снѣгъ завалитъ хлѣбъ. Тогда начнутъ возить снопы, а молотили посединѣ зимы, когда вёдро. Были овины; въ этихъ овинахъ сушили снопы и молотили. Тогда молотили не за деньги, какъ теперь, а одинокіе—взаймы. Сначала обмолотятъ одному, потомъ другому, а женщины бѣдняжки весь день молотятъ, всю ночь прядутъ. И пряли не такъ (какъ теперь), не пряхами съ пляcомъ, а веретенами. И керосину не было тогда; тогда сиживали при лучинахъ; и спичекъ не было. И печки были не такія; не кирпичныя, а прямо глиняныя; бьютъ собьютъ (глину)—и печка, а трубъ совсѣмъ не было; жили такъ (безъ трубъ).

Ťäχťiŕχńä paća·t äšť ka·ńńikšńä, a kizna· a ťe·ľńa·, dy paćat oųšä ara·šiļť. Miŕďińiń ľi·šä, god vä pu·lysa jaǩä·, ćo·ka kańńä·, a ḿäjľä čačtamyzynza ćokóftu·ma jaǩä·, a kyda· ča·čtä, šesta pŕazy·nza šlyga·n butä·. Kyda· ča·čtä pe·rvoj, äjďińť ľä·ḿďasyź, purna·syź ka·fty pe·ľďeń roďńa·st väši, ťäji·ť šťińi·jat i karḿi·ť guľä·jama. Guľä·jiť gu·ľäjiť, ḿäjľä karḿi·ť kaša·s kaja·ma: är·vä·χki zba·baj lomańiś[1]) jaly groš kajä, a occačtyćäš karḿi· kaźńi··ḿist, kińi·ń ruća·, kińi·ń pana·r, kińi·ń poŋkst, a malavi·ksnyńiń ru·ćat pa·nart i poŋkst panart, a ko·nat šeďi väpä·ľä ńeńe·ń na·rdamyst, a roďńa·ń raskiń äjďi·sty konat kudga·t, kińi·ń pi·ľi·kst, kona·ńiń kŕost, a bidi pokš ťä·χťiŕť, ńe·ńeń surkst.

A šeďiki·ľä kyda·putyť ku·da; bidi lomańiń ta·šta ku·dyza ara·šiľ, to ťäji·ť jurta·va. A ťäjńi·šť vo·t koda. Pruḿi·ť väť sodė·ća ba·bińiť, muji·ť tolkä·ü, saji·ť rauža sa·raz, ka·rdaz ku·nčkas ťä-

1) zba·b'i lomańiś.

Дѣвушки не носили платковъ, ни лѣтомъ ни зимой, да платковъ совсѣмъ не было. Выйдетъ замужъ, въ теченіе года ходитъ съ одной косой, носитъ кисть, а послѣ того, какъ родитъ, ходитъ бозъ кисти, а когда родитъ, тогда надѣнетъ на голову шлыганъ. Когда родитъ въ первый разъ, окрестятъ ребенка, соберутъ всѣхъ родственниковъ своихъ съ обѣихъ сторонъ, устроятъ крестины и начнутъ гулять. Гуляютъ-гуляютъ, потомъ начнутъ бросать въ кашу: каждая чета бросаетъ по грошу, а роженица начнетъ ихъ дарить, кому рупю, кому рубашку, кому штаны, а близкимъ рупю и рубашку, штаны и рубашку, а тѣмъ, кто болѣе далеки, полотенца, а дѣтямъ родственниковъ, которыя (остались) по домамъ, кому серёжки, кому крестъ, а если взрослыя дѣвушки—то тѣмъ кольца.

А въ старину, когда поставятъ домъ, если у хозяина не было стараго дома, то сдѣлаютъ юртаву. А дѣлали вотъ какъ. Соберутся ночью знахарки старушки, найдутъ кремень, возьмутъ черную курицу, выроютъ въ серединѣ двора ямочку, въ ямочкѣ за-

ji·ť ja·ḿińä, jaḿińińťi ṕäčksy·ź śe sa·razyńť, nolda·syź ṽäŕi·nza tozėń; nolda·msta koṛtė·ť oznė·ť: «čačy·za oc äŕićäńiń od juṛta·va, ulï·za loma·ńińť ṽiďga pa·ra i skoťe·nanza ṽi·ďga i karda·zganza. Ľija· juṛta·vat naśḿeχ ťäjńiḿä[1]), skoťe·nanza kola·ma iľaza no·lda, sońć kak loma·ńńiń iľa·za jaka·; äŕa·za sońćeń karda·jsa, uχa·-žuvaza sońćeń karda·jsa, sońćeń skoťenanza ḿä·ľga; skoťenaś ulï·za va·ďŕa, rašta·zy lama, a vot ḿiń ťänzy pu·ttana kšysal i syṽi·ľńä i ṽäľkskä· i čėńa·ųkskiť». I vački·ť śe jama·ńťi ṽäŕińť laŋks kšysa·l i čėńaųkst i lofcy· i ṽä·lks i sajsy·ź ṽeľťa·syź śe tol ǵäüsyńť. «Ḿäźä ḿäjľä li·šä śeń äjsta?» ťäükśťińä mon moń jofńe-čäńť. «A vot ḿä·źi: juṛtava ča·čä śe ṽäŕińť ä·jsta».—«A ko·dama son?»—«Da raźi ton äźi·ť maŕćä?»—«Maŕći·ms mon maŕći ń, nu äźi·ń ńe·kšńä».—«E, dy ton ńekšńeüľeť! sonza avyľ äŕṽäχkiś ńesė·j, a bidä χočėš ńeje·ḿenza, to Ivankupalyń ka·rča, oza·k izama·luų

1) muskyl'ama.

рѣжутъ ту курицу, выпустятъ туда ея кровь; выпуская кровь, говорятъ и молятся: «да родится у новаго жителя новая юртава, да будетъ она доброй по отношенію къ хозяину и къ его скоту и къ его двору. Пусть не позволитъ другимъ юртавамъ дѣлать на смѣхъ, портить его скотину, и пусть сама она не ходитъ къ чужимъ людямъ; пусть живетъ въ своемъ дворѣ, ухаживаетъ въ своемъ дворѣ, за своею скотиной; пусть скотина будетъ хорошая, пусть много плодится, а вотъ мы ей положимъ хлѣба соли и мясца и сливочекъ и выжимокъ[1])». И кладутъ въ эту яму на кровь хлѣбъ-соль, выжимки и молока и сливокъ и возьмутъ покроютъ то кремнемъ. «А что потомъ изъ того выйдетъ?» спросилъ я у моего разсказчика. «А вотъ что! изъ той крови родится юртава». —«А какова она собой?» —«Да развѣ ты не слыхивалъ?» — «Слыхать то я слыхалъ, но не видывалъ.» —«Э, да ты ее могъ бы увидѣть! ее

1) Разнаго рода мелкое обрѣзное мясо, изъ котораго растоплено и выжато все сало.

i vant ala·šat laŋks. Son konań ʼvečksė·j i uŕa·dasyj, ǵŕiva·nʒa jak kodasy·j, koromynʒa jak ʼvitcy·j; a ľija· juŗta·vaś saly dy andä·, a kona·ń aʼve·čksėj, śeń pulynʒa jak tarkśi·syj, ǵŕivanʒy jak tarkśi·syj, a bidä azyryś aḿi·syj, kunst očks kak kajśi·syj».—«Mon, ďeda·j, vanu·ǫľiń, dy moń ala·šam ʼväχki ja·k ara·ś; stala byť [1]), moń juŗtavam gak ara·ś. Koda ža son mońďä·ń ńeje·ms?»—«Son i maŕa·ms mo·žna; bidi koda·my jak ťäť beda· uľä, son la·jšyḿä karḿä·, a bidä kežėnʒy safcyť, son śkiŕa·tanʒat». — «De·daj, a kyda· lo·mańiś kudy·nʒy ḿisyj äli polafcyj, koda žy śe juŗta·vaś marynʒy tujä· äli tosk ka·duʼvä».—«Da ara·źdä možna juŗta·va tosk kadu·ms tašta ta·rkas; s.nʒy ikiľij gak ťäŕći·ź». — «A bidä aťäŕćiź?»—«Dy vot ḿäśť: moń ďäť avy·ľ keľesa äli kodaja·k jofńe·sa; mońďäń baba·m jo·fńežä:

«Synct tiťäńgu·ca ťäti·dist palćť i pućť li·ja ta·rkas ku·da,

1) vanat.

не всякій увидитъ, а если ты хочешь ее увидѣть, то ты, наканунѣ Ивана Купалы, сядь подъ борону и смотри на свою лошадь. Она (юртава) которую (лошадь) любитъ и вычиститъ ее и заплететъ ей гриву и поправитъ ей кормъ; а другая юртава крадетъ и кормитъ; а которую не любитъ, у той и хвостъ оборветъ и гриву вырветъ, а если хозяинъ не продастъ ея, то опрокинетъ даже ее спиной въ колоду.»—«Я, дѣдушка, посмотрѣлъ бы, да у меня нѣтъ ни одной лошади; стало быть, у меня нѣтъ и юртавы. Какъ же мнѣ ее увидѣть?»—«Ее и услышать можно; если у тебя какая нибудь бѣда, она начинаетъ вопить; а если разсердишь, то она тебя ощиплетъ».—«Дѣдушка, а если хозяинъ продастъ свой домъ или промѣняетъ его, то какъ юртава — уходитъ ли съ нимъ или остается тамъ?»—«Да развѣ можно оставить юртаву тамъ на старомъ мѣстѣ: ее позовутъ сначала». — «А если не позовутъ?»— «Да вотъ что: я разскажу тебѣ не по слуху или не какъ-нибудь; мнѣ разсказала бабушка моя слѣдующее:

«Въ родительскомъ домѣ сгорѣли ихъ родители, и они поста-

a putumazy·nʒa äŕäšť tesk źemľaŋki·ńisa. Mäjľä uskśiź kurmy·st karmy·st; alašast va·ďŕat. Sašť osta·tkada, oza·fńiź äjdï·st, proščäšť ta·rkanť maṛta i syrga·šť. Nō! Alašaś no·ck, a·syrgaväj, tagy·no·ck, ta·ga a·syrgavä. Vačkyďiź ala·šäńť, sa·žynčka moľć, lotkaś. Mäjiń tala·u? Karma·ftyźä ava·nť pańiḿä, a sońć uda·lda vanu·ma. Va·nä, čaryji·nʒa avéľa·fńivit. Šäŕǵićť sodė·ća ba·bińiť; ńeť sra··zu[1]) faťäšť. «Dy ton ju·ṛtavat sajiḱ?»—«Araś».—«Dy ḿäks?»—«Dy mon kosta sajsa·».—«E·ka glu·pyjat[2]), dy ton eńa·ldyź eńal-duglïḱ, ťäŕďiź ťäŕďiǔlïḱ; son tońďeďet i·kiľij mo·ľeźeľ».—«Dy ńej ḿäšť ťäjńims?»—«Mäšť χočėš, ńej ťä·jńiḱ». Loma·ńiś[3]) ta·ndać, karma·ś eńa·lduma baḃińiťńi·ńiń, a syń i ḿeŕeť: «nu vot ḿäšť ťä·χť; kiľďa·k trojka, dy karma·k a·vaŕďiḿä dy ťäŕďiḿä ä·syngа, a ḿiń toža karma·tana laćiḿinʒa». Ťe pra·vdyj karma·ś eńa·lduma. «Iuṛta·vińiḿ koŕḿeńećkeńeḿ, upro·sťamak, koŕmaj; mon od lo·ma-

1) šesk. 2) čavyřevat. 3) lomańć.

вили домъ въ другомъ мѣстѣ, а до окончанія постройки жили здѣсь въ земляночкѣ. Потомъ они перевезли домашнюю утварь; лошади у нихъ были хорошія. Пріѣхали они въ послѣдній разъ, дѣтей посадили, простились съ мѣстомъ и тронулись. Но! Лошадь дернетъ, не трогается впередъ, опять дернетъ, опять не трогается впередъ. Ударили лошадь, прошла она съ сажень, остановилась. Что за оказія? (Отецъ) приказалъ матери погонять, а самъ сталъ смотрѣть сзади. Смотритъ, колёса не вертятся. Позвали знахарокъ старушекъ; тѣ сразу поняли.—«Да ты взялъ свою юртаву?» —«Нѣтъ».—«Да отчего?» — «Да я откуда возьму ее?» — «Эка ты глупый, да ты усиленно просилъ бы ее, усердно позвалъ бы ее; она впередъ тебя пошла бы». — «Да теперь что дѣлать?» — «Теперь дѣлай что хочешь». Мужикъ испугался, сталъ упрашивать старушекъ, а онѣ и говорятъ: «ну, вотъ что сдѣлай; заложи тройку и начни плакать и звать её, а мы тоже будемъ уговаривать». Этотъ въ самомъ дѣлѣ сталъ упрашивать: «юрта-вушка, кормилица, прости меня, кормилица; я человѣкъ молодой,

ńan, koje·ŋk kyrdaŋk äźi·ń zoda, aty mon iki·ľij gak ťärďi·ülĭ-ťiń»; a babi·ńiťńä čuvi·ź ja·mińiń', targi·ź kä·vińť, purny·ź vä·ŕ-χńiń i karma·śť eńa·lduma: «i·ľa ŕe·ńäćä, juŕta·va ma·tuškam, mińvä́peľďeń loma·ťťana ito ťä·t mеŕďana; son od lo·mań, syŕi lo·mańiza ara·ś, ŕŕauș pu·tyćaza ara·ś; oza·k mary·nʒa, son uskta·nʒat, ďiďi ńe χočėš ja·lga moľeńä». I putyź śe kävińť śe kran-dazyńťi i syrga·ftyź ala·šäťńiń. Ton mäśť duma·t; sońć moľä·ja·lga, alašäťńiń bo·kasa, a kranda·zyś čava, ańćik kävíś to·sa, a ala·šäťńińiń kojkak u·skuvä, a koda·k pačkyćť ŕe·sėk tarkas, čary·χńä tuśť stuŕića·va, i kodaja·k asa·jivä.—A mon i mеŕeń ťänʒa: «dy možy kävińť äsa pudo·ų sto uĺńiś?»—«Eka dura·kat, ved ton maŕi·ť, syŕi ba·bińiť saji·ź i puty·ź, ara·źďä śesa sto pudo·ų? Ŕeķ la·ma ŕeľ po·nda. A son oza·ś, śeks i staka·. Son čauș čauș alašäťńiń äsa, karma·ś eńa·lduma juŕtavańťi, valgy·zy śe. Druk alašäťńä syrga·śť i tuśť a·rdyź.

обычаевъ и нравовъ вашихъ я не зналъ, а то я впередъ бы тебя позвалъ». А старушки вырыли ямочку, вытащили камень, собрали кровь и стали упрашивать: «не пеняй, юртава матушка, мы люди посторонніе и то тебѣ скажемъ: онъ человѣкъ молодой, у него нѣтъ стараго человѣка, нѣтъ кто бы наставилъ его на разумъ; садись съ нимъ, онъ тебя довезетъ, если не хочешь идти пѣшкомъ». И положили онѣ этотъ камень на телѣгу и погнали лошадей. Ты что думаешь: самъ онъ идетъ пѣшкомъ, рядомъ съ лошадьми, а телѣга пустая, на ней только камень, а лошади еле-еле везутъ, а когда проѣзжали по песчаному мѣсту, то колеса уходили по ступицы, и никакъ не возьмешь (возъ). А я ему и говорю: «да, можетъ быть, въ камнѣ было пудовъ сто»? — «Экій ты дуракъ, вѣдь ты слышалъ, что его взяли и положили старушки, развѣ тамъ сто пудовъ! Много очень, если полпуда. А она сѣла, потому и тяжело. Онъ билъ билъ лошадей и сталъ упрашивать юртаву, чтобы та сошла. Лошади вдругъ тронулись и пошли вскачь».

Von mon ďäť äźi·ń jö·fńä: koda· od godéń ka·rča jakśišť ki·ví·sa kajśi·ḿä, kolmy ki u·lys kulcynu·ma, ceŕkova käŋkš la·ŋks vannu· ma, píŕi·s kolȯ·zéń targa·ma. Ľiši·ť pa·kśas píŕi 'daluų i ko·sė kiś jä·ví i ťej i toų, ko·lmoų, śezė·ń mo·ľeť čėŕe·ń stra··ťtyź, karkstu·ma, kŕosto·ma; pryť päki·śkä laŋks; koų ga·k ava··nyť i pŕast a käpśisyź i kulcy·nyť. Bďä go·dėś para u·ľä, śe·sta maŕäv́ä čyky·rf, prok pulft uskiť, a bďä beŕäń, kaldyrf maŕäv́ä, prok koųgak ardy·ćat. A bďä kulu·ma ska·lyń u·ľä, śesta skaļt pary·ť, a bďä čumbra· go·dėś uľä·, śesta skaļt kečkeŕeť, a bďä lomańiń kulu·ma uľä·, lajšy·ma maŕäv́ä, a bďä kuluma au·ľä, morė·ćat maŕäv́iť. — «A kulu·mat äŕći·śť šedïki·ľij, ďeda·j?» — Ena ḿäźä, i skaly·ń i tuvyń i loma·ńiń. Dy ton iľa· dońä·, mon ďäť ḿäjľä źardy jak joñesėń, a ńej vot kulcy·nyk, koda· kolȯ·zėń targa·ma jakśi·śť. Moľe·ť píŕi·s, oďe·ńeja va·kss, i pájsa targi·ť o·lgeńä i tuji·ť mary·nza i varča·syź. Bďä ko·lȯzėś peškśä, to śeń z babi ära·msta v́äśiḿi ta·rkaza uľiḿi karḿä· peškśä, a bďä

Вотъ я тебѣ не разсказалъ, какъ наканунѣ Новаго года ходили лить свинецъ, слушать на распутіи трехъ дорогъ, смотрѣть въ церковныя двери, выдергивать колосья на гумнѣ. Выйдутъ на поле за гумна и гдѣ дорога расходится и туда и сюда, въ три стороны, туда придутъ съ распущенными волосами, безъ поясовъ, безъ крестовъ; упадутъ ничкомъ; никуда не смотрятъ и не поднимаютъ головъ и слушаютъ. Если годъ будетъ хорошій, тогда слышится скрипъ, будто везутъ снопы, а если плохой, то слышится грохотъ, точно куда-то скачутъ. А если будетъ моръ на коровъ, тогда ревутъ коровы, а если будетъ здоровый годъ, тогда коровы стучатъ рогами, а если будетъ людской моръ, слышится вопль, а если не будетъ мора, слышно какъ поютъ. — «А въ старину, дѣдушка, бывали моровыя повѣтрія?» — Какъ же, и коровьи и свиныя и людскія. Да ты не приставай, я потомъ тебѣ когда-нибудь разскажу, а теперь вотъ послушай, какъ ходили выдергивать колосья. Пойдутъ на гумно къ одонью и зубами дергаютъ соломинку и уйдутъ съ нею и разсматриваютъ. Если ко-

ko·lózéś čava, to ďedně·jsta äŕa·ma karńi·ť. A ceŕkovavakss jakśi·śť vanu·ma, ŕäχťi ŕäχťi lo·mań ary· i vanä·. Ќiń ńe·jä juta·myda va·kska, śe ťe go·ctéńť ku·lä. Ќińi·ќ paťa·m iśťa ja··kaś ŕäśť. Vany, lomań sy äzynza, vany-va·ny lo·mańińťi, a lo·mańiś sońć. Tanda·ć i napy·śťaś kudu·ŋ. Saś i jofta·ś ava·ńiń. Sońć praś séŕe·ďeńä i kuly·ś.

Ќińiќ ŕä·ľisa, ďidī loma·ńiś ača·čńä, śe ŕeќ ńeľa·ftä. Mukšnu··ŕiť iśťatt ba·bat; mon zoda·n ŕäχkä, ńeŕńeť ťänza Laba·n baba. Son mašty ťäjńińä, mon ŕeќ paŕćťä so·dasa·. Son ťä·jä čapa·ksyń ńa·ka, śe byta äχť, i moľeť ŕeľeŕäť ačačńi·ća a·vańť maŗta ľej ǯy·ŕis. Ava·ś pry ko·mada, karkstu·ma, kŕosto·ma, čéŕe·nza no·l-daź. A baba·ś karńä· ńäśť ďi·ďä toška·ma. To·šką-to·šką, puŋśä-

---

лось полный, то въ семейной жизни у него во всемъ будетъ достатокъ, а если колосъ пустой, то они станутъ жить бѣдно. А къ церкви ходили смотрѣть; по одному человѣку станутъ и смотрятъ. Кого увидятъ проходящимъ мимо, тотъ въ этомъ году помретъ. Наша старшая сестра такъ пошла однажды. Видитъ, идетъ къ ней человѣкъ, смотритъ-смотритъ на человѣка, а человѣкъ-то она сама. Испугалась она и пустилась бѣжать домой. Пришла и разсказала нашей матери. Сама заболѣла и померла.

Въ нашей деревнѣ, если женщина не родитъ, то очень тужитъ. Можно найти такихъ старухъ; я знаю одну, ее называютъ баба Лабанъ. Она умѣетъ ворожить; я отлично ее знаю. Она сдѣлаетъ куклу изъ тѣста — это будто ребенокъ, и пойдутъ въ полночь вмѣстѣ съ нерожающей женщиной на берегъ рѣки. Женщина упадетъ ничкомъ, безъ пояса, безъ креста, распустивъ свои волосы. А старуха начнетъ что-то нашептывать. Пошепчетъ-пошепчетъ, подуетъ-подуетъ и скажетъ: «на, вотъ этого тебѣ, а

puŋśä i ḿe·ŕä: «na, vany ťeń tońďäť, a ḿińďäńiḱ makst tońće·ť. Miń toń ǵecta v́äšťa·na i ḿińć tońďäť maksta·na.» Śtiť i tu·jiť. Śedï ḿäjľä ava·ś i karḿä· čačńi·ḿä. A kona· a·vańť kulći·ť äjdï·nʒa, śe vot koda· ťäjńä. Moľä sodė·ća ba·bíńi maṛta ṕeľev́äť, ťäjä čėńa·ŋkst, ara·fcyńʒä bańa ku·nčkas; syńć lï·śiť, kä·ŋkšyś pa·nʒada. Vot ava·ś ary ńiľïṕiľǵilaŋks i karḿä udalyṕe·ľdä po·taź bańäńťi suvama; sońć šta·pa. Suv́ä· i pača·lgyńť v́äľkska. I koda·k pača·lgyś juta··v́ä, karḿä kiska·ks jarca·ma, a baba·ś aščä· i ťaŕďä: «sada· oďe·ŕ·vam maṛta jarca·ma, a ḿäjľä goŕa·nsty maksy·da pomo·ga; uľï·st ä·jdïnʒa ču·mbrat, paṛt». Vot śeďiḿäjľä i karḿä· ava·ś čačńi··ḿä, i äjdï·nʒa žiť́ uľïḿi ka·rḿiť.

A nalkśi·ľińiḱ vot koda·. Ťäχťi·ŕχńä saji·ļť ku·da, śiv́i··diļť nudïjsy mo·rėća, i śe ku·cyńť son mo·rėľ, a syń ťaū ťäji·ļť. A vot ro·štovań garča, kaľadań čy·styńť, at ńej ḿeŕeť sočė·ľńek,

---

намъ дай своего. Мы просимъ у тебя и сами мы даемъ тебѣ». Встанутъ и уйдутъ. Послѣ этого женщина начнетъ рожать. А у которой женщины дѣти умираютъ, та вотъ что дѣлаетъ. Она пойдетъ со старушкой знахаркой въ полночь, сваритъ солянку, поставитъ ее посреди бани; сами онѣ выйдутъ, а дверь отперта. Вотъ женщина становится на четвереньки и начинаетъ, пятясь задомъ, входить въ баню; сама она нагая. Войдетъ, (переступивъ) и черезъ сковороду. И когда она минетъ сковороду, начнетъ ѣсть по собачьи, а старуха стоитъ и зоветъ: «идите кушать вмѣстѣ съ молодухой, а потомъ дайте помощь ея горю; да будутъ ея дѣти здоровыми, хорошими». Вотъ послѣ того и начнетъ женщина рожать, и дѣти ея будутъ жить.

А игрывали мы вотъ какъ. Дѣвушки брали избу, нанимали играющаго на тростяхъ пѣсенника, и въ той избѣ онъ игралъ, а онѣ работали (свою) работу. А вотъ наканунѣ рождества, въ день

a ja·rcyť mäźďi·jak čop; a śe·sta avy·ľ išťa uľni·ś: täχťiŕχńä śe čystyńť guľa·jiľt, jarcyľť sy·víľďä i sy·vílińť maŗta jakś·iľť raśkist laŋga; ki·ńiń zyť, kava·ńiť, a syń vina täst maksy·ť. Išťa· roštova·vasty·ť; išťa godė·ś paŕćťä ju·taza, vešela·sta i čumbračysta; a roštova·styńť čop-čop ťäχťiŕχńä morćeť, uľća kunčkasa, a jakša·myťńä ko·datt uľńi·śť, a syń paćaťtu·myt, čėŕe·st natyj a·šyt ojmeko·kššėńťe, a čama·st prok ja·kśťiŕä väŕ, a ked'e·st prok to·l balä, i äśť sėŕeľä jak, a prostu·da ľämińť monga·k avyľ umy·k sodamyŋga karńi·ń; iki·ľä ťe araśiľ valy·ś.

Buala go·tnä moń po·mńamga kona· robò·tama ama·štuvä, śeń kaŗť praksta·t ara·śiľť; sodak, käńiń goc kińgak ara·ś, väši ke·pä ťeľeńe·k kizyńi·k, a ćora·tńä uŕvakstu·myzyst poŋksto·ma jakśi·śť.

коляды, а теперь его называютъ сочельникомъ, не ѣдятъ ничего весь день; а тогда было не такъ; дѣвушки въ этотъ день гуляли, ѣли мясо и съ мясомъ ходили по роднымъ; къ кому придутъ, угощаютъ, а они даютъ имъ вина. Такъ встрѣчаютъ рождество; такъ да пройдетъ годъ отлично весело и здорово; а на рождество дѣвушки поютъ цѣлый день по серединѣ улицы, а какіе бывали холода, а онѣ безъ платковъ, волосы даже побѣлѣютъ отъ (ихъ) дыханія, а лица ихъ точно красная кровь, а руки ихъ точно огонь горитъ, и даже не хварывали, а слово простуда и я недавно сталъ знать; прежде не было этого слова.

Въ былые годы на моей памяти у того, кто не годится (по малолѣтству) работать, не было ни лаптей, ни портянокъ; знай, что всякій, кому нѣтъ десяти лѣтъ, ходилъ босой всю зиму и все лѣто, а парни ходили безъ штановъ до женитьбы.

Dy śe·sta uŕva·kśńišť kak avyĺ išťa·; godė·nza kämźi·šiṁgä, a popò·ś aṽe·nčä: «učyk, keĺä, źa·rdy kämga·u̯ksuva to·pòďeť, a biďä au·čat, a·źi aŕχiŕe·jńeń». Syń jožo·ft; sońďänza makst, son ďäť śorma·dä śorma; da aźä tou̯ eščo usk. Śe·sta mo·žna, śe·sty ṁe·ŕeť. A śe·sta — ton Ľe·kyŕiṋkań soda·syť?—synct ďeda·st uĺńi·ś pop, ṁińik tašty ćeŕkova·syńť. Śe·ńeń vot koda·: koda·k čėťveŗť ṽi·na, dy tuĺä·u̯ks godo·u̯ dvuχ, dy ma·ćij, i kämgo·tova go·ca u·ŕvakśńiś. Mon mońć kämgotova go·ca uŕva·kstufan, a ťäťa·m kämgaftuvysa. Dy ton Ľova a·ťäńť pomńa·sak? — «E·na ṁä·źä! ćäj ŕac ä·ŕińik». — Nu vot son toža kämga·ftuva go·ca u·ŕvakstuf. Son jofńe·ś mońďäń. Dy son ṁeŕć, baba· ťänza sajśť komśśi·šiṁgä go·ca. Mon śedï oda·n, a baba· saji·ń komś ka·u̯ksyva go·ca. Śedïki·ĺä komśṽä·ťijä gotta ikiĺä i äśť makśńi jak i äśť sa·jiṁi jak; ťe sa·maj od ńeṽe·sta.

Да тогда и женились не такъ (какъ теперь); семнадцать лѣтъ ему, а попъ не вѣнчаетъ: «жди, говоритъ, пока не исполнится восемнадцать, а если не будешь ждать, то иди къ архіерею». Они хитрые; дай ему, онъ тебѣ напишетъ письмо, да ступай еще отвези туда. Тогда можно, тогда разрѣшатъ. А тогда — ты знаешь Лѣкаревыхъ? — ихъ дѣдъ былъ попомъ, въ старой нашей церкви. У него вотъ какъ (было): если четверть вина, да поросенка годовъ двухъ, да гуся, онъ вѣнчалъ и шестнадцати лѣтъ. Я самъ женился шестнадцати лѣтъ, а отецъ мой двѣнадцати. Да ты помнишь старика Леонтія? — «Какъ же! чай мы рядомъ жили». — Ну вотъ, онъ тоже женился двѣнадцати лѣтъ. Онъ мнѣ сказывалъ. Да онъ сказалъ (мнѣ), что ему взяли бабу двадцати семи лѣтъ. Я очень молодой, а бабу взялъ двадцати восьми лѣтъ. Въ старину раньше двадцати пяти лѣтъ и не отдавали и не брали; это самая молодая невѣста.

Vot koda· ḿiń śedʹikiľä počt̕ täjńińik. Ko·ńeklaŋksa äŕći·śt̕ jaža·ma käf̕t̕. V́äχki·ś ala, a ombóćeś laŋksa; laŋksy·ńtʹiń śulma·f̕ pa·lka, a palka·ńt̕ o·mbóće pä·za śulma·f̕ po·tólyks; v́eŕćä käuŋsyńt̕ va·ŕa; śe va·ŕäńti kaji·t̕ śu·ra i śe pa·lkadyńt̕ karńi·t̕ čara·fńiḿä, i śury·ś ńe kä·fńiń ju·tksa jaža·v́ä i ľiśä· krugo·m ńe kä·fńiń ju·tkuva końe·keńt̕ la·ŋks. Vot ńet̕ uľńišt̕ počtė·nėk.

Ńej ńesa·k, avanyk koda avat̕ńä äŕi·t̕. Ramak t̕äst kručoŋka, ramak t̕äst sapy·ń, ramak t̕äst gary·z, rama·k t̕äst kryžy·vat, rama·k t̕äst iki·ľgapaća, ramak t̕äst surkst, ramak t̕äst ṕiľi·kst; a śedʹiki·ľi ḿäźi jak t̕äst ara·śiľ, a ko·tat, a kolė·šat. Ḿiń vot koda äŕi·ńik: v́idʹit̕a·na muška i ava·tńińiń kodė·ľeńek kaŕt̕; ḿäjľä·son koda· so·dä iśt̕a i zabo·tä; ḿińik ṕe·ľdʹä ḿäźija·k iľa käükśńä, a ḿińdʹä·ńik dava·j i poŋkst i pana·ŗt i praksta·t i vaŕga·t i ćulka·t i ofćena·nyk kak t̕äji·t̕ i tundy·ń nujima·nyk kak nuji·t̕; i

---

Вотъ какъ мы въ старину добывали муку. На кровати были жерновые камни. Одинъ внизу, а другой на верху; къ верхнему была привязана палка, а другой конецъ палки былъ привязанъ къ потолку; въ верхнемъ камнѣ дыра; въ эту дыру насыплютъ зерна и начнутъ вертѣть этой палкой, и зерно мелется между этими камнями и выходитъ со всѣхъ сторонъ изподъ этихъ камней на коникъ. Вотъ это было нашей мукой.

Теперь посмотри, какъ женщины живутъ безъ заботы. Купи имъ кручонки, купи имъ мыла, купи имъ гарусу, купи имъ кружевъ, купи имъ передникъ, купи имъ кольца, купи имъ серьги; а въ старину у нихъ ничего не было, ни ботинокъ, ни галошъ. Мы вотъ какъ жили: посѣемъ коноплю и сплетёмъ женщинамъ лапти; а потомъ она какъ знаетъ, такъ и промышляетъ; отъ насъ пускай не спрашиваетъ ничего, а намъ давай и штаны и рубашки и портянки и варежки и чулки и даже овчины онѣ намъ надѣлай и ве-

ä·jdït kak orčė·ť i ťäχťi·ŕit kak anyksty·k. A any·kstamyťńä ṕeķ lamy äŕauśť. Kodak čy·jasyź—kaźńiť, koda·k ma·kscyź—kaźńi·ť, koda·k ra·štä—kaźńi·ť. Vot ḿäks kua·ć i äŕći·kšnyśť ťäχťi·ŕks. Ton tońć duḿiķ, loma·ńiś ṕŕäv̀i·jat, źary äŕäv̀ä any·kstams ťäχťi·ŕińťi, dy duḿiķ źarda· any·kstams; v́eď ava·ś mary·nyk nuji· kizyń-bäŕť, ṕifcä· ťeľeńbäŕť; sola·fńima la·ŋga ṕifcums ńeľža·, son koct kodä·; a vot du·maka, źardy son ščy·ŕďä? V́eď mušky·ś a·äŕä·v̀ä any·-kstams; vaśńa· targa·ms, ḿä·jľä naksa·ftums, ḿäjľä čalga·ms, ḿäjľä tombams, a ḿäjľä ščyŕďi·ms; dy kudyń ťäv̀i·t ka·k ťäji·ķ[1]): ušt-java·ft, sara·zyt tuvy·t andy·ť. Śe·sta ava·fńä i·śťa äŕäśť: ščyŕďi·msta äśť ma·ďńä, a ščyŕďä-ščyŕďä i ma·ťidïv̀ä o·zada; a ľija·ń eščo· äjdï·nga źa·ryja; käńiť krugo·m. Ńe ťäf́ńi v̀ä·śi synct uľńi·śť, i ćora·fńiń la·myľ ďäv̀i·st. Ťeľeńbäŕť uskśi·ťana, a kizyń-bäŕť pakśa·sa robóta·tana. A oďe·ŕvanyk, kona·ń sa·jsyź, aťa·fynza

1) ťäji·ť.

сенную жатву намъ сожни, и дѣтей твоихъ она одѣнь и дочь твою она снаряди. А снаряженіе требовало очень многаго. Какъ только просватаютъ — дарятъ, когда отдадутъ—дарятъ, когда родитъ — дарятъ. Вотъ почему и жили долго въ дѣвкахъ. Ты самъ подумай, человѣкъ ты смышлёный, сколько надо приготовить дѣвушкѣ, да подумай, когда приготовить; вѣдь женщина жнетъ съ нами все лѣто, молотитъ всю зиму; во время оттепели нельзя молотить, она ткетъ холстъ; а вотъ подумай, когда она прядетъ? Вѣдь коноплю надо приготовить; сначала дёргать; затѣмъ сгноить, затѣмъ смять, затѣмъ столочь, а ужъ потомъ прясть; да дѣлай (при этомъ) твое домашнее дѣло: топи печку, корми куръ и свиней. Тогда женщины жили такимъ образомъ: при пряденіи не ложились, а попрядётъ она попрядётъ да заснётъ сидя; а у другой еще много дѣтей: поспѣвай вокругъ. Эти дѣла были всѣ ихъ, а и мужикамъ было много своихъ дѣлъ. Всю зиму мы возимъ, а въ теченіе всего лѣта работаемъ въ полѣ. А молодушка, которую у насъ возьмутъ замужъ, не увидитъ своего свекра босымъ въ те-

kepipiľgi·nza kolmy gott ańe·sėńžä. I oďe·ŕvaś raštaṇmy·zynza stoľekšc a o·jśä, a śta·dy ja·rcä; ärŕvä·χkińiń śiṁi·ms kandä· i jarca·my käńi·ŕiza.

Eščo ṁińiḱ narodėnėk ṕek ṕäľiť šäľṁiďimada i ťeń kuvalma ṁińiḱ uľiť lama karča ṁeŕemanyk. Pryṁer. Bďä lomańiś ťäť ṁeŕä: «eχ, koda ton spraŕiť», äľi «koda ton śupalgadyť», äľi «kodama äjďit vaďŕa», väśi ńeń karča ṁeŕńeť mińišunyks. Ḱi ṁeŕä: «mykyryzyn šäľṁit, vaćizyn ṕäjit», ato: «pśi žaṛt šäľṁizyt, ṕičä saṛt mykyryzyt», äľi:» tfu! käťť čovȯṛt šädijizyt, šišiṁ pakšań kotkȯdaft šäľṁizyt čamazyt». A bidä ki ṁeŕä šoṇnomsta: «na, mykyrym palyḱ», šeń karča ṁeŕńeť: «ćućńä mykyryzyt, daj Vospodi, uľist», ato: «ŕäŕ apara orma mykyryzyt».

ченіе трехъ лѣтъ. И молодуха, пока не разродится, не садится за столъ, а ѣстъ стоя; каждому подаетъ пить, а ѣсть пусть поспѣваетъ.

Еще народъ нашъ очень боится глазу, и отъ него у насъ много встрѣчныхъ словъ[1]). Напримѣръ. Если человѣкъ скажетъ тебѣ: «эхъ, какъ ты поправился», или «какъ ты разбогатѣлъ», или «какъ хорошъ твой ребёнокъ», всѣ напротивъ этого говорятъ повсячески. Кто скажетъ: «глазъ твой мнѣ въ задъ, зубъ твой мнѣ въ калъ», а то: «горячіе уголья тебѣ въ глазъ, сосновыя иглы тебѣ въ задъ», или: «тьфу! камни и пеньки тебѣ на сердце, муравьи съ семи полей тебѣ въ глаза и въ лицо». А если кто скажетъ въ ссорѣ: «на, поцѣлуй мой задъ», то въ отвѣтъ на это говорятъ: «дай, Господи, чтобы у тебя въ заду были французы», а то: «тебѣ въ задъ (болѣзнь) ракъ».

---

1) Т. е. такихъ которыми можно сглазить.

Vospodï Pas čaŋgyť, čoksńeń zoŕa Maŕija, valćkiń zoŕa Daŕija, vanumak, Veŕäpas, koŕńeńeć, iľamak makst koŕńeńećkeń, dušman lomańńiń säv́ims, oža śäľńińiń śäľńidïms, ṕiž̌ä śäľńińiń osòďams, ćur Pas čaŋgyť, ćur ańiń, ćur ańiń [1]).

Kodak vasyďiť kafta lomąťť, i biďä v́äχkiś karńä ďivama ombòćeńť laŋks i biďä ńeŕä, koda ton sprav́iť, iľa kodama äjďit vaďŕa, śesta ombòćeś ńeŕä: «ťfu! käťť čovòŗt śiśiń pakśań kotkòdaft śäľńizyt čamazyt, (iľa:) vaćizyn ṕäjit, mykyryzyn śäľńit.

Kalmalaŋgyń oznoma. Suvamsta ńeŕä: Pokščat babat, roďiťiľť prav́idnyχť uľist čańfiŋk; satana ťäŋk ľäzyń poľga ńäľga, ńeńkséń sėťks ńäľga. Ḿäjľä moľä śe kalmyńť laŋks, konań äjsa śeťť iki̇ľij

1) Эту молитву читаютъ на сонъ грядущій старухи для огражденія отъ душмана (губителя) и глаза.

Господи, Боже помилуй, вечерняя заря Марія, утренняя заря Дарья, охрани меня, Всевышній кормилецъ, не отдавай меня, кормилецъ, на съѣденіе дурному человѣку, на сглазъ желтому глазу, на осуду зеленому глазу, чуръ, Боже помилуй, чуръ аминь, чуръ аминь.

Когда встрѣтятся два человѣка, и если одинъ начнетъ смотрѣть на другого и если скажетъ, какъ ты поправился, или какъ хороши твои дѣти, тогда другой скажетъ: «тьфу! камни и пеньки и съ семи полей муравьи тебѣ на глаза и на лицо», (или:) «твои зубы на мой калъ, твои глаза на мой задъ».

Моленіе на могилахъ. Входя (она) говоритъ: Дѣдушки бабушки, праведные родители, да будутъ ваши милости, мы приходимъ къ вамъ за пользой и исцѣленіемъ, за перемѣной и облег-

kalmaf syŕä lomań, pŕaṕäzyŋza aščä stoľešńek (od koct), koctéńť laŋks putä zakuskíńiť, ńädńä, sajä groškä i karńä äjsyŋza kyrgama, a kyrgamsta karńä eńalduma śe kalma azyryńťi. Meŕä: Kalmyń ušydyj Ťuma aťa i pižä äχť Kiŕej, väšńida išťama lomań, šta ľäzyń poľgań väšńića, ľäzyń poľgań tujića, ńeńksėń sėťksėń maksyća.

Mäjľä taga ńeŕä: «Pokščat babat, uľiza čańfiŋk, uľiza ńilyšťiŋk. Vana syńik, vana (ľäń sėŕeďećäńť) maṛta, ľäzyń poľga ńäľga, ńeńks sėťks ńäľga. Mäjsta saś, ńäjsta uľć? Moža saś šumsta, moža saś zdorcta, moža śtamsta pramsta, beŕäń valyń ńeŕemsta. Vana, koŕńeńeć, syńik, vana, koŕńeńeć tyŋk laŋks pidíń pańiń stŕapńanyk maṛta, ranań piščanyk pojlanyk maṛta, aša skaťerynyk maṛta, maksyda (имр.) uproščėńija». Mäjľä säṇsyŋžä i ńeŕä: «Paśiba paśiba ńeńksėń sėťksėń maksyćańiń, ľäzyń sėťksėń tujićańin. Van ťäŋk, koŕńeńećken, kyrgan ponda pižä ponda śija,

---

ченіемъ. Потомъ она идетъ на ту могилу, гдѣ всѣхъ прежде похороненъ старый человѣкъ, постелетъ со стороны головы столешникъ (новый холстъ), на холстъ положитъ закусочки, медку, возьметъ грошикъ и начнетъ имъ ширкать, а ширкая начнетъ просить хозяина той могилы. Скажетъ: Положившій начало кладбищу, Тимоѳей старикъ и малое дитя Кирей, ищите такого человѣка, который ищетъ пользу и исцѣленіе, приноситъ пользу и исцѣленіе, даетъ перемѣну и облегченіе.

Потомъ опять скажетъ: «Дѣдушка, бабушка, да будетъ ваша милость. Вотъ мы пришли, вотъ вмѣстѣ съ (имя болящаго), за пользой и исцѣленіемъ, за перемѣной и облегченіемъ. Съ чего пришло, съ чего сталось? Можетъ быть, пришло съ шума, можетъ быть, пришло со вздора, можетъ быть, со вставанія и съ паденія, съ произношенія дурного слова. Вотъ, кормилецъ, мы пришли, вотъ, кормилецъ, къ вамъ съ испеченными и состряпанными кушаньями, съ раннею пищею и питіемъ нашимъ, съ бѣлою скатертью нашею, дайте (имр.) прощеніе». Потомъ она съѣсть

v́äśiṁiṅiṅ satftyk, v́äśiṁiṅiṅ ušarftyk; koṕejkań koṕejkań javíṅk, ďeńeškań ďeńeškań javíṅk, v́äśiṁiṅiṅ uĺiza, v́äśiṁiṅiṅ satyza, ĺäzyń poĺgań maksyćäńiń, ṁeńksėń sėťksėń tujićańiń. «Ṁäjĺä ćurasy ṕiŕasy krugom sėŕeďećäńť, kolmȯkśť śukyńä modas i tujiť kuduu̯.

Pas čaŋgyť, ćurasa ṕiŕasa (имр.), śiźgäṁiń śiśiń ćur, śiźgäṁiń śiśiṁ aṁiń.

Ežžama. Ńiškipas čaŋgyť. V́eŕepazyń čačć ṕervȯj mastyryza, mastyr laŋks čačć ṕervȯj moda slojeza, tosa čačć modańť laŋks śovȯń slojeza, V́eŕepazyńť śovȯńeńť äjsta ťäjśť pećka. Ṁäjĺä V́eŕepazyńť śovȯńeńť äjsta ťäjśť čakš. V́eŕepazyńť modańť laŋks čačć víŕ. Še víŕińť äjsta käŕäśť tumyń ṕeń. Moĺä ďeduška Ṁiśej uźiŕiŋza maṛta. D'eduška Ṁiśej, ṁäśť jakat? Dy vot ṁäśť jakan, käŕasa ťe tumyńť i ušca śe

---

это и скажетъ: «Спасибо, спасибо давшему перемѣну и облегченіе, принесшему пользу и облегченіе. Вотъ, вамъ, кормильцъ мои, я чиркаю пудъ мѣди и пудъ серебра, сдѣлайте такъ, чтобы всѣмъ хватило, чтобы всѣмъ досталось; по копейкѣ раздѣлите, по денежкѣ раздѣлите, пусть будетъ всѣмъ, пусть хватитъ всѣмъ, давшимъ пользу и исцѣленіе, принесшимъ перемѣну и облегченіе». Потомъ зачураетъ больного вокругъ, трижды поклонится въ землю, и пойдутъ домой.

Богъ помилуй, я зачурала (имр.) семьюдесятью семью «чурами», семьюдесятью семью «аминями».

Приговоръ. Нишкипазъ, помилуй. У Бога родилась его первая земля, на поверхности земли родился его первый земляной слой, потомъ на землѣ родился его глиняный слой, изъ глины Всевышняго сдѣлали печку. Потомъ изъ глины Всевышняго сдѣлали горшокъ. На землѣ Всевышняго родился лѣсъ. Въ этомъ лѣсу срубили дубовый пень. Идетъ дѣдушка Моисей съ топоромъ. Дѣдушка Моисей, что ходишь? Да вотъ что хожу, срублю этотъ

ṕeckańť. Vot koda palä ṕeckasyńt tumyń ṕäŋǵiś, iśťa palyza (имр.) śädʹijiza (имр.) ḿäĺga. Koda laḱä V́eŕepazyńť čakšyza, tarka eźeń a mujä, iśťa (имр.) lakaza śädʹijiza (имр.) ḿäĺga. Ńiškipazyń mastyr laŋks čačć eĺďeza. Ńiškipazyń koda vašija eĺďeza, koda eĺďeś veckśä vašyŋza i praftä ḿäĺganza, večkessa i praftyza (имр.) (имр.) ḿäĺga. Ńiškipazyń čačć skalyza (и т. д.)—guĺḱiń̈ä — ćanava — ṕišmar, — žavŕonka...

Ḱäĺḿiŕŕima. Iḿiv́ädʹiń̈ť kunčkasa ostrov, ostrovòńť kunčkasa tuma, tumyńť ala stoĺ, stoĺ ekščéńť iŕicta lomatť, šiḿiť, guĺäjiť, väχki väχkist laŋks šavyŕkšnyšť, väχkist väχkist äjsa pozòŕeť, tumyńti šulmaft kolma väŕǵist, väχkist väχkist äjsa šeźńeť noznėť. Koda ńe väŕǵisnä väχkist väχkist äjsa šeźńeť noznėť, iśťa (имр. имр.) marta šeźńeza noznėza.

дубъ и истоплю эту печку. Вотъ какъ горятъ въ печкѣ дубовыя дрова, такъ пусть горитъ (имр.) сердце за (имр.). Какъ кипитъ горшокъ Всевышняго, не находитъ мѣста, такъ пусть кипитъ (имр.) сердце за (имр.). У Нишкипаза на землѣ родилась кобыла. Когда ожеребится Нишкипазова кобыла, какъ любитъ кобыла своего жеребенка и гонится за нимъ, (такъ) пусть любитъ и гонится (имр.) за (имр). У Нишкипаза родилась корова и т. д.—голубка,—ласточка, — скворецъ, — жаворонокъ, и т. д.

Отговоръ. Посреди большого моря островъ, посреди острова дубъ, подъ дубомъ столъ, за столомъ пьяные люди, пьютъ и гуляютъ, другъ на дружку покачнулись, другъ дружку срамятъ; къ дубу привязаны три волка, другъ друга рвутъ терзаютъ. Какъ эти волки рвутъ терзаютъ другъ друга, такъ (имр.) вмѣстѣ съ (имр.) пусть рвутъ терзаютъ.

Tumyńť ala kandyma. «Iṅiv̓äďiń tombaľďä saś baba, kšńiń śaŋk kedėnʒa, kšńiń kopejat piľginʒa, kšńiń palka kecėnʒa v̓erej käpidiźä, aluų vačkydiźä, mastyryń päṛť straftyźä komaftyźä. Mäńiliń päṛť säń kačamyks noldėźä (имр.) urmanʒa tarvynʒa. Śe babaś strafcyńǯä kalafcyńǯä šumsta safynʒa, zdorcta safynʒa i prama tarkań narfyćinʒa i v̓äď narfyćinʒa i tol narfyćinʒa i varma narfyćinʒa. Śe babaś strafcyńǯä, śe kalafcyńǯä, śe varma mäľga noldasyńǯä».

Koṛtaftuma kardazyń kuvalma. «Juṛtyń kiŕdij juṛtava, käŕäń ǯočkėń Bas, koŕmeńeć, aščyk kardajsa, vanyť skotenat tońć, aščyk kisyst košagaks, äŕv̓äχ̓kä tarkas čaŕťtimak dušman lomańďä, tolda, čaŕťtimak v̓äšiṁä tarkas».

Какъ кладутъ (больного) подъ дубъ. «Съ той стороны большого моря пришла старуха: желѣзныя вилы ея руки, желѣзныя копья ея ноги, желѣзную палку она подняла рукою своею кверху, ударила книзу, вокругъ земли разложила, опрокинула. Вокругъ неба она пустила синимъ дымомъ (имр.) болѣзни и болести. Та старуха разгонитъ разоритъ притку отъ шума, притку отъ вздора, болести (?), причиненныя паденіемъ, болести (?), причиненныя водою, болести (?), причиненныя огнемъ, болести (?), причиненныя вѣтромъ. Та старуха разгонитъ ихъ и разоритъ, по вѣтру пуститъ ихъ».

Заговоръ насчетъ двора. «Содержащая корень дома юртава, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица, будь на дворѣ, сама смотри за скотиной, будь для нея какъ стѣна, наставь меня на разумъ на каждое дѣло, (ограждая) отъ злого человѣка, отъ огня, наставь меня на разумъ на всякое дѣло».

Śokśńa ṕäčkiť žèrtvaks aťakš, käv́iń́ť laŋks noldasyź v́äŕiń́ť. Ṕäčkimsta ḿeŕä ṕäčkićäš: «Jurtyń́ ǵiŕďij jurtav́iń́iḿ, käŕäń́ žočkèń Bas, koŕḿeńećkeḿ, toń́ ľäms ṕäčkiń́ä, aščyk äŕv́äźki tarkasa ťicań narmyń́iń́ ǵisa, kardajsy skoťenań ǵisa raštamga rapyndamga». Ḿäjľi ṕiďisyź, pucyź stoľlaŋks, täjiť braga, käṕiďiť osks tagy iśťa: «Pas čaŋgyť, Pas čaŋgyť, koŕḿeńećkemat, jurtyń́ ǵiŕďij jurtav́iń́iḿ, käŕäń́ žočkèń Pas koŕḿeńećkeḿ, vana, ṕiďiń́ik pańiń́ik ašy ked'ńesa, čožža ḿeľńesa, vana, koŕḿeńećkemat, jurtyń́ ǵiŕďij jurtav́iń́iḿ, käŕäń́ žočkèń Pas, koŕḿeńećkeḿ, ṕeškśä stoľńeḿ maŕta äŕan, ṕeškśä stoľńeḿ maŕta oznan». Sajä kaša čakškä, stoľeńť laŋga käpśä i koŕtä: «Vot jurtyńǵiŕďij jurtav́iń́iḿ, käŕäń́ žočkèń Pas, koŕḿeńeć, źara kašasyńť jamkskiť, śńara makst äŕama čy». Ḿäjľä saldyrkscyńť tokasy i ḿeŕä:» «Jurtyńǵiŕďij jurtav́iń́iḿ, käŕäń́ žočkèń Pas, koŕḿeńećkeḿ, źara saldyrkscyńť salnyť, śńara makst śeńejazynyk čumbrań paryń́ čy». Syv́iľiń́ť käṕiťcy i ḿeŕä: «Vana, saraskä ṕäčkiń́ ľäḿizyt, Pas čaŋgyť, Pas koŕḿeńeć, vana oznėtana, v́eŕej

---

Осенью рѣжутъ въ жертву пѣтуха, пустятъ кровь на камень. При рѣзаніи рѣжущая говоритъ: «Содержащая корень дома юртавушка моя, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, въ твое имя я зарѣзалъ, будь на всякомъ мѣстѣ за птицу, на дворѣ за скотину, чтобы она плодилась и тучнѣла». Потомъ сварятъ его, поставятъ на столъ, приготовятъ брагу, поднимутъ моленіе опять такимъ образомъ: «Боже помилуй, Боже помилуй, ты моя кормилица, содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, вотъ, мы сварили испекли бѣлою ручкой, съ легкимъ намѣреніемъ; вотъ, ты моя кормилица, содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, я живу съ своимъ полнымъ столикомъ, я молюсь съ своимъ полнымъ столикомъ». Возьметъ горшечекъ каши подниметь надъ столомъ и скажетъ: «Вотъ, содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица, сколько въ кашѣ крупинокъ, столько дай дней жизни». Затѣмъ дотронется до солонки и скажетъ: «Содержащая корень дома юртавушка,

käpiťcyńik ked'enèk, mastyruų noldasyńik śuk pŕanyk. Vana, koŕmeńećkenèk, oznètana kuca śeṁejań ģis, maksyzat kuca śeṁejańiń čumbra paryčy, kardajsy skoťenańiń ra·štams rapyndams. Juṛtyń ģiŕdij juṛtavíńiṁ, käŕäń ǯočkéń Pas, koŕṁeńećkeṁ, ašč'yk tońć, koŕṁeńećkeṁ, košagaks». M'äjľä lotket i kaŕṁit jarcama.

B'id'ä pry äχt, śukyńafńisyź: «Juṛtyń ģiṛdij juṛtavíńiṁ, käŕäń ǯočkéń Pas, koŕṁeńećkeṁ, v'ečkat jakijd'ä, v'ečkat pakijd'ä, v'ečkat äŕijd'ä ašč'yjd'ä, v'eč'k šťićady pryćady jak. Moža, praś (имр.) laŋgyzyt, moža son tomb'eńǯet', a ton sonzy tomb'ek; uprošťek, juṛtavíńiṁ, koŕṁeńećkeṁ, uprošťek» (louṇoms kolmòkšt i śukyńafńims).

богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, сколько въ солонкѣ крупинокъ, столько дай добра нашему семейству». Поднимет мясо и скажетъ: «Вотъ, я зарѣзалъ въ твое имя курочку, Боже помилуй, Боже кормилецъ, вотъ мы молимся, кверху поднимемъ наши руки, къ полу опустимъ поклонныя наши головы. Вотъ, ты наша кормилица, мы молимся, въ домѣ за семейство, чтобы ты дала въ домѣ семейству здоровья, во дворѣ скотинѣ размножаться и тучнѣть. Содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, будь ты сама, кормилица моя, стѣною». Потомъ перестанутъ и начнутъ ѣсть.

Если упадетъ ребенокъ, заставятъ его кланяться: «Содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, ты любишь ходящихъ, любишь проходящихъ, любишь живущихъ и пребывающихъ, люби и встающихъ и падающихъ. Можетъ быть, упалъ (имр.) на тебя, можетъ быть, онъ тебя ушибъ, а ты его ушибла; прости, юртавушка, кормилица моя, прости» (читать трижды и заставлять кланяться).

Biďä lomańińťi sy karča, śesta oznėť kolma paznyń: Ѵiďä čyńpaznyń, Saśpaznyń, Ćaspaznyń. Oznėť iśťańa:

Stoĺ laŋks ašėyť stoĺešńek, putyť stoĺešńekeńť laŋks iśťamyža koctkä, štyba ѵäśij tokast koctkeńťe. Putyť čumbrakšy, saldyrks, kaša čakškä, kafta śukyrnyť, ѵäχkiś Saśpaznyń, ombóćeś Ćaspaznyń. Mäjĺä kyrvaśtiť pazava ugylc ćela śѵeča, a ešco ѵäχkä käŕiť čačk rovnasta i kyrvaścyź käŋkšyń kafta bokava i karńńiť oznoma śѵeča päťńiń palums, a oznomsta baběińiś arä stoĺeńť ikiĺij. Tokasyj čumbrakšyńť i meŕä: «Ѵiďä čyńpas, koŕmeńeć, ѵiďä čy, ѵiďä ki». Mäjĺä tokasyńʒä śukyrnyťńiń i tujä käŋkšlaŋguų oznoma. Śukyńä mastyruų lamykśť i ińaldä Saśpaznyń i Ćaspaznyń. Ѵäšymsta koŗtä iśťa: «Śaśpas, Ćaspas, koŕmeńeć, panʒadyń käŋkšca ѵäšťana Ivannyń meŋksėnʒa sėtksėnʒa, makst täntaŕmeńks, sėtks, poĺga». Mäjĺä kašadyńť päńčkä säüsy i käŕä ѵiška koćomńä, säüsy i śukurnyťńiń

Если человѣку попритчится, тогда молятся тремъ богамъ: богу цѣлаго дня, богу притокъ, богу времени. Молятся такъ:

На столъ постелютъ скатерть, на скатерть постелютъ такой кусокъ холста, чтобы всѣ дотрогивались до этого холста. Поставятъ хлѣбъ, солонку, горшечекъ каши, двѣ лепешки, одну богу притокъ, другую богу времени. Затѣмъ въ божницѣ зажгутъ цѣльную свѣчку, а еще одну разрѣжутъ ровно пополамъ и зажгутъ ихъ по обѣимъ сторонамъ двери и начнутъ молиться до тѣхъ поръ, пока сгорятъ концы свѣчей, а во время молитвы старушка становится передъ столомъ. Она дотронется до хлѣба и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, цѣлый день, цѣлый путь». Затѣмъ она дотронется до лепешекъ и пойдетъ молиться къ дверямъ. Поклонится много разъ въ землю и проситъ бога притокъ и бога времени. Молясь, говоритъ такъ: «Богъ притокъ, богъ времени, кормилецъ, въ растворенныхъ дверяхъ просимъ для Ивана перемѣны и облегченія, дай ему перемѣну, облегченіе и лѣгость». Потомъ она съѣстъ ложечку каши и срѣжетъ маленькую горбушку,

ästa ćutkin säv́ä. Mäjľä ńe ostatkaťńiń ancyńžä v́äśij äś śeńejanctyj.

Putyť čumbrakšy, kašačakš, saldyrks; käŕiť odgoctloskótkä ńiľi ugylca. Śe odgoctkeńť acyź stoľeńť kunčkas i čumbrakšyńť i saldyrksyńť i kaša čakškińť i v́äďbŕa arafcyź išťa, štyba v́äśij tokast koctloskótkeń laŋks; kyrvaśtiť kafty śv́ečat i karńiť oznoma. Sèŕeďećaś pry komada, a oznèćaś karńä lounoma. Sajsyj čumbrakšyńť, käpiťcyj i ńeŕä: «Saśpas, Ćaspas, V́idïčyńbas, koŕńeńeć, vany, ťäť ťejeńek čumbrakšy ašy kedńesa, čožža ńeľńesa; Ivan ďäť śukyńä, śuk pŕińä kadä, a ton makst ťänza čumbračy, sètkskä ńeńkskä, poľga ľeka». Mäjlä sajsyj kašačakšyńť, käpiťcyj i ńeŕä: «V́idïčyńbas, koŕńeńeć, vany, źara kašačakšcyńť jamkskiť, śńara makst Ivannyń čumbračyť». Mäjľä käpiťcyj saldyrksyńť i ńeŕä: «V́idïčyńbas, koŕńeńeć, źara saldyrkscyńť salnyť, śńara Ivannyń makst

---

съѣстъ, и отъ лепешекъ чуточку съѣстъ. Затѣмъ эти остатки ставитъ всей своей семьѣ.

Поставятъ большой кусокъ хлѣба, горшокъ каши, солонку; вырѣжутъ лоскутокъ новаго полотна четырехугольный. Тотъ новый кусочекъ полотна постелютъ на середку стола и поставятъ хлѣбъ и солонку и горчешекъ каши и водицу такъ, чтобы всѣ дотрогивались до лоскутка полотна; зажгутъ двѣ свѣчи и начнутъ молиться. Больной упадетъ навзничь, а молящаяся начнетъ причитывать. Возьметъ хлѣбъ, поднимет его и скажетъ: «Богъ притокъ, Богъ времени, Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, вотъ мы приготовили тебѣ хлѣбъ бѣлыми ручками съ легкимъ намѣреніемъ; Иванъ тебѣ кланяется, оставляетъ поклонъ, а ты дай ему здоровье, облегченьице перемѣнушку, пользу лёгость». Потомъ она возьметъ горшокъ каши, поднимет его и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, вотъ, сколько въ горшкѣ каши крупи-

čumbrańbaryčyt». Mäjli käpitcyj vädńńt i mećä: «Vidičyńbas, koŕmećeć, koda vädńńńt kiŕcak vańksta, iśta Ivannyń gak täjik vańksta».

Pidit tuvyń bŕa i täjit čeńaukst i väśi rodèś purumit śeft rod bl'emasty i śeft syŕi babińiś sajsy śe tuvyńt pŕäńt i mol'et jurtavań gävińti i väśi lańčyt; babińiś i karmä mećemä: «Jurtyń giŕdij, jurtava, käŕäń čočkèń Bas, koŕmećeć, vana tät l'ämizyt päčkińik tua, i väśi pŕäńt kandyńik tońät, a äśtäńik mäzi ton gadat? A ton mińdäńik makst śemejańti čumbrań paryčy, skoćenańtij gak makst čumbrań baryčy, raštast rapyndast». Mäjli ćoraś sajsy tuvyń bŕäńt i tujä marynza pičyń gajsa tuvyń garc. A ńet sajit väśi väχtä väχtä suskumńä i tujit mäjl'ä kudga i jarcama i gul'äjama.

нокъ, столько дай Ивану здоровья». Затѣмъ подниметъ солонку и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, сколько въ солонкѣ крупинокъ соли, столько дай Ивану здоровья и добра». Потомъ подниметъ воду и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, какъ ты чисто содержишь эту водицу, такъ и Ивану очисти».

Жертвоприношеніе во время рождества. Варятъ свиную голову и приготовляютъ выжимки, и всѣ родные сходятся со всего рода племени, и всѣхъ старшая старушка возьметъ ту свиную голову, и пойдутъ на камень юртавы и всѣ присядутъ; старушка и начнетъ говорить: «Содержащая корень дома, юртава, Богъ сруба, кормилецъ, вотъ въ твое имя мы зарѣзали свинью и всю голову принесли тебѣ, а намъ ты что оставишь? А ты намъ дай для семьи здоровья, и для скотины дай здоровья и добра, чтобы плодилась и тучнѣла». Потомъ мужикъ возьметъ свиную голову и пойдетъ съ нею въ свиной хлѣвъ, находящійся въ сосновомъ бору. А тѣ всѣ возьмутъ по одному кусочку и пойдутъ затѣмъ по домамъ и ѣсть и гулять.

Kocomońť laŋksa čéńaŋkst sajiť väźťä väźťä, säŋsyź i tujiť kuduŋ. A tuvyń pŕańť sajsy syŕä babińä i tujä pičyń gajsa tuvyń karduŋ i karmńä oznoma, a kyda oznovä, tujä kuduŋ i karmńiť kuca obedama. Oznéť išťa: «Juŗtyń kiŕďij, vana kaša čakš, źara äjsyŋza jamkst, śńara makst ťäńik para». Sajsyj tuvyń pŕäńť i meŕä: «Juŗtyń kiŕďij, vana tuvyń pŕa, tańtij duź ťäť, makst ťäńik čumbračy».

Ruŋgyń oŋksńema. Sajiť jakśtiŕä suŕä i tujiť prama tarkańti, a babińiś karmńä oznoma. Pŕaŋza krugum suŕińť oŋkstasyj i meŕä: «Mastyr ava, mastyr pas! makst pŕazyŋza pŕińä, säŕizyŋza säŕńä, ruŋgyzyŋza ruŋga, keďńezéŋza keďńeť, piľgizyŋza piľgińiť, śäľmińizyŋza śäľmińiť», i karmńä väšińä uproščéńija. «Mastyr ava, mastyr Pas, uprośťek Ośkań. Oška praś laŋgyzyt, toń tombeńźeť, oto ton tombek Oškań, uprośťek. Moža Oška praś äjdit kakšyt

---

На горбушку возьмутъ выжимокъ по одному кусочку, съѣдятъ и пойдутъ домой. А старая старушка возьметъ свиную голову и пойдетъ въ свиной хлѣвъ, находящійся въ сосновомъ бору, и начнетъ молиться, а когда помолится, пойдетъ домой, и начнутъ дома обѣдать. Молятся такъ: «Содержащая корень дома, вотъ горшокъ каши, сколько въ немъ крупинокъ, столько дай намъ добра». Возьметъ свиную голову и скажетъ: «Содержащая корень дома, вотъ свиная голова, сладкій запахъ тебѣ, намъ дай здоровье».

Мѣряніе стана. Возьмутъ красную нитку и пойдутъ на мѣсто паденія, а старушка начнетъ молиться. Вкругъ своей головы смѣряетъ нитку и скажетъ: «Матушка земля, Богъ земли! дай на вершину его головку, на ростъ его ростъ, на станъ его станъ, на ручки его ручки, на ноги его ножки, на глазки его глазки», и начнетъ просить прощенія: «Матушка земля, Богъ земли, прости Осипа. Осипъ упалъ на тебя, тебя ушибъ, и ты ушибъ Оську, прости его. Можетъ быть, Оська упалъ на твоихъ дѣтей, прости

laŋks, nućkat äjdït uproštek. Kuvať učyk šuk piŕińinza, Oškań kuryk maksyk čumbračyńinza». Mäjľä šukyńä i ńeŕä: «Paśiba, mastyr ava, mastyr Pas, ńeńksėń sėtksėń maksumazyt, poľgań ľekań maksumazyt». I tujä, a śe suŕińť kacy tosk i kadä kšy kočomńä käńžińiška, kolma jamkskiť, kafta kolma salnyť, väχkä komóľa pŕa, koctloskótkä da kyrgä groš, šeńgak tosk kacy, i tujiť kuduų. Kuduų moľemsta ńäkij a vannyť.

Äχt kakšyń orožėjama. Äjdïś avańť beŕemasa, a orožėjaś arä karčyzynza i sajä keďézėnza päjiľ i karńä äjdïńť äjsa kärćiḿä päkä laŋga sastyńä i karńä louoma: «Ńiški pas čaŋgyť. Mäjsta saś, ńäjsta uľć täŋza, moža saś šumsta, moža saś zdorcta, moža saś jarcamsta, šiḿimsta, moža saś poťaftumsta. Mäjsta saś, ńäjsta uľć? Koda ťe kšńiś undyksta taracta jaų́s, išťa (имр.) urmaza

---

своего внука и дитя. Долго ты ждала поклонной головушки, отдай скорѣе Осипово здоровьице». Потомъ поклонится и скажетъ: «Спасибо, матушка земля, Богъ земли, за то, что ты далъ перемѣну облегченіе, за то что ты далъ легость и облегченіе». И пойдетъ, а ту нитку оставитъ тамъ и оставитъ горбушку хлѣба съ ноготокъ, три крупинки пшена, двѣ три крупинки соли, одну верхушку хмелинки, лоскутокъ холста и скобленный грошъ, и тотъ тамъ оставитъ и пойдутъ домой. Идя домой, назадъ не смотрятъ.

Ворожба надъ дѣтями. Ребенокъ въ рукахъ матери, а ворожея становится противъ него и возьметъ въ руки ножъ и начнетъ скоблить по ребенку вдоль живота потихоньку и начнетъ причитывать: «Нишкипазъ помилуй. Съ чего пришло, съ чего сдѣлалось ему, можетъ быть, случилось отъ шума, можетъ быть, отъ вздору, можетъ быть, отъ ѣды, отъ питья, можетъ быть, отъ кормленія. Съ чего пришло, съ чего сдѣлалось? Какъ это желѣзо отдѣлилось

tarvyza javyza aša ľićastyŋza ponastyŋza, šädʹijstyŋza, šädʹij grućtyŋza, vʹiť kärč bokastyŋza, ojmʹeń targama tarkastyŋza. Kolma ojmʹenza a mon käŕasyń, a mon päčksyń, Ńiški pazyń saś lomańiza, saś mastyr laŋga jakamsta. Śe maksä ľäza poľga, śe maksä meńks sètks».—Ťe loŋnoms kolmòkśť. Mäjľä pazaŕińisa tokšésak, i päńďa.

Kudykiľij kafty käŋkš jutks araftyť komada paŕ, laŋgyzyŋza acyť stoľešńek, stoľešńekeńť laŋks acyť koct loskòtkä ńiľä ugylca, štyba ugylyŋza uľist iśťamyška rovnasta, štyba väχkä jak suŕä konajak bokasyńť iľazy uľ lišnyj. Mäjľä śe loskòtkeńť laŋks putyť kšy, saldyrks; saldyrksyńť laŋks śťaftyť śveča i kyrvaścyź śe švečäńť i kona lomańiń laŋks duńiť, śe baběńiś i mʹeŕä: «Eŕks Pas, koŕmʹeńeć, Ośka mʹeŕć beŕäń valyŋza. Pazyń goďaŋś beŕäń ćasyza,

---

отъ ствола и вѣтки, такъ (имр.) болѣзнь пусть отдѣлится отъ бѣлаго лица и кожи, отъ сердца, отъ груди, отъ праваго и лѣваго бока, отъ мѣста, вытягивающаго душу. Три его дыханія не я срѣзалъ, не я обрѣзалъ, пришелъ человѣкъ Нишкипаза, пришелъ послѣ хожденія по землѣ. Онъ дастъ легость облегченіе, онъ дастъ облегченье перемѣну».—Это причитывать три раза. Потомъ потрогаешь образкомъ, и довольно.

Въ сѣняхъ между двумя дверьми поставятъ навзничь кадушку, на нее постелютъ скатерть, на скатерть постелютъ четырехугольный лоскутокъ полотна, чтобы углы его были такъ ровны, чтобы ни одна нитка ни на одномъ боку не была лишнею. Потомъ на тотъ лоскутокъ поставятъ хлѣбъ, солонку; на солонку поставятъ свѣчу и зажгутъ ту свѣчу и на котораго человѣка думаютъ, та старушка скажетъ: «Богъ проклятія, кормилецъ, Осипъ сказалъ дурное слово. У Бога случилось плохое времячко, а Иванъ случился при выходѣ или входѣ; прости, Богъ проклятія, кормилецъ,

a Ivan godaų̯ś ĺišimsta suvamsta; uprośťek, Eŕks Pas, koŕḿeńeć, makst Ivannyй ḿeńkskä sėťkskä, śťaftyk, pičkaftyk, noldėk jakama, staka robòtań robòtama. Ḿäjľä śukyńiť kavyńist i ḿeŕeť: «Paśiba ťäť, Eŕks Pas, koŕḿeńeć, ḿeńksėń sėťksėń maksumazyt». Baƀińińť ikiľä oznomsta sėŕeďeć̀äńť panar, ḿäjľä sajsy śe panaryńť i makscy sėŕeďeć̀äńťi, rau̯žyńť kajafcy, a ťeй orčafcy. Kajamsty ḿeŕä: «rau̯ža panaryńť ma̯rta Ivan skoŕp̀enza boľeśťenza kajavyza, čumbračynza ma̯rta vasyďiza, a ašyńť ma̯rta orčavyza ḿeńksėza sėťksėza. Eŕks Pas, koŕḿeńeć, ŕeď son Ivanyś glupyj, a sodä ḿäźä jak, a ton prośťek, Eŕks Pas, korḿeńeć, uprośťek uš, p̀ičkaza». Ḿäjľä paŕińť la̯ŋksta sajsyź i purnasyź, a kodamyjak sy ńiščyj i ńeй ŕäśij makscyź, kšyńť i koctėńť.

дай Ивану перемѣнушку облегченьице, подними его, вылѣчи его, пусти его ходить, тяжелую работу работать. Потомъ они оба поклонятся и скажутъ: «Спасибо тебѣ, Богъ проклятія, кормилецъ, за то, что ты далъ перемѣну и облегченіе». Во время молитвы передъ старухой (лежитъ) рубашка больного, потомъ она возьметъ ту рубашку и дастъ больному, грязную заставитъ скинуть, а эту велитъ надѣть. Во время скидыванія она говоритъ: «вмѣстѣ съ грязной рубашкой Иванъ пусть скинетъ свою скорбь и болесть, пусть встрѣтитъ съ здоровьемъ, а вмѣстѣ съ чистой рубашкой пусть надѣнется его перемѣна и облегченіе. Богъ проклятія, кормилецъ, вѣдь онъ Иванъ глупый, ничего не знаетъ, а ты прости, Богъ проклятія, кормилецъ, ужъ прости, пусть выздоровѣетъ». Потомъ возьмутъ съ кадушки и уберутъ, а какому-нибудь нищему, который придетъ, всё это отдадутъ, хлѣбъ и полотно.

Panar v́elkska kortaftuma. Noroṇ ava, Noroṇ pas, koŕmeńeć, miŕiń ʒ́äχäŕiń tŕij; miŕ ʒ́äχäŕ tŕat vanat, miŕńiń ʒ́äχäŕńiń para ťäjat, i v́iťat i päťat i šäďij v́iťat, makst meńkskä sėtkskä i Ivannyń gak.

Mäjľä panaryńť käŋkš porógóń troks orčafcyź sėŕeďećäńť laŋks.

Juŗtyń gírďij juŗtava, makst Ivannyń oftėń šardyń v́ij robótams käpíďims valftums i alašańťi gak makst sokams v́iďims.

Pídíť kušľat, arafcyź stoľlaŋks, oznomsta arćiť v́äšij šeńjom udaluṇ, a ikiľij arä syŕä baďińä i karńä kušľań oznoma. Oznomsta meŕä:

Заговоръ надъ рубашкой. Норовъ ава, Норовъ Богъ, кормилецъ, питающій весь міръ[1] (?); ты кормишь и соблюдаешь весь міръ, всему міру ты дѣлаешь добро, и поправляешь, и направляешь, и сердце поправляешь, дай перемѣнушку и облегченьице также и Ивану.

Потомъ черезъ дверной порогъ надѣнутъ рубашку на больного.

Молитва передъ пашней. Содержащая корень дома, юртава, дай Ивану силу медвѣдя на работу, поднимание, опускание и лошади дай — на пахание и сѣяние.

Великій четвергъ. Сварятъ кисель, поставятъ его на столъ, во время молитвы всѣ станутъ всей семьей позади, а впередъ станетъ старая старушка и начнетъ замаливать кисель. При молитвѣ она скажетъ:

---

1) Ср. мокш. šäχäŕ «Stadt» (у Paasonen Mordv. Lautlehre, с. 116, съ вопр. знакомъ).

«Pas čaŋgyť, koŕńeńeć, koŕńeńećkeń, Pas čaŋgyť, aščyk śurynyk salynyk kis, ńäźä moda laŋks kajińik, ńäźä moda poc valińik».

«Moróz aťa, vana moróz aťa, vana kuśľa päńčkä śińť; čaft pińińinyk, lučy čaft bolóta da luga», i pucy kuśľa päńčyńť veŕ vaľmas śeńejańť jarcams, a ńäjľä sajsy i sońć säusy.

Śedikiľä śeńejasa ťäjńišť išťa. Mujiť vírcta koŕen laŋksta koškä läjks. Śe koškä ľäjkscyńť čaviť guj i vanftyť äjsyŋza kuca i bidi śeńejasyńť ńäźijak juńä i amujivä, śesta śe śeńejań ataś purnasy väši väkuca śeńejaŋza i śe gujiń žauma palkańť pucy käŋkš porógóń troks i väši śeńejaŋza pańcyj śe palkańť troks. Kona salyńžä, ńäjľä śe koškä śe ľäjksyńť laca.

«Помилуй Богъ, кормилецъ, помилуй Богъ, побудь ради нашей хлѣба-соли, которую мы бросили на землю и которую завалили въ землю».

«Морозъ старикъ, вотъ, морозъ старикъ, вотъ, выкушай ложечку киселя, убей нашъ овесъ, лучше убей болота и луга», и положитъ она кисельную ложку на верхнее окно (на печкѣ), пока семья ѣстъ, а потомъ возьметъ и сама съѣстъ.

Въ старину въ семьяхъ дѣлали такимъ образомъ. Найдутъ въ лѣсу сухую лутошку на корню. Той сухой лутошкой убьютъ змѣю и берегутъ ее въ домѣ, и если въ семьѣ пропадетъ что-нибудь и не найдется, тогда старшій въ той семьѣ соберетъ всю семью въ одну избу и положитъ ту палку, которою убита змѣя, поперекъ порога и погонитъ всю семью черезъ ту палку. Кто укралъ, тотъ потомъ высохнетъ, подобно той лутошкѣ.

Nalkśimat.

Końčke·sa. Śäľńi·nʒa vä·χkiń śulma·syź i ara·fcyź kudyku·nčkas, a osta·tkaťńä karńi·ť krugo·mganʒa sa·lava jaka·ma, ko·sta lančy·ź, a lija i ma·dä ma·styruų[1]), a kona eźe·ms sala·va kuźä·; a ode·ćäś ke·ďenʒa ťä·tksyńʒä i ja·kä ku·dyńť krugo·m, ku·ńćä, väšńä. So·n jakä śńarc, źa·rda ťä·nʒa po·ɣǵä kija·k. Ko·nań ku·ndasy, śeń śäľńi·nʒa śu·lmasyź. Śe i karńä· taga iśtakuńći·ńä i väšńi·ńä.

Kuŕi·sa. Ḱuŕi·sa vaśńa· ka·jiť kińi·ń sa·tä kuŕa·ms. Arä·, čama·nʒa ara·fcy śťe·nas, śäľńi·nʒa końa·syńʒä i aščä·. Śńarc aščä·, źa·rdy ťänʒa śä·ŕǵidiť: väšńi·k. Śe·sta karńä· son väšńi·ńä. Kyda· vä·šńä, kiń ńe·jä, śe karńä· čyji·ńä, a son karńä· äsy··nʒa kunda·ma; źarc son ńäľga·nʒa čyjä, osta·tkaťńä stara·jiť śe ška·ńä tožy čyji·ms kuŕa·ma ta·rkas. Vot ďiďä son kińgak

1) ḱijakss.

Игры.

Игра въ жмурки. Завяжутъ одному глаза и поставятъ посреди избы, а остальные начнутъ ходить вокругъ него крадучись, гдѣ въ присядку, а другой и ляжетъ на полъ, а кто потихоньку влѣзетъ на лавку; а тотъ, кто водитъ, растопыритъ свои руки и ходитъ вокругъ горницы, ловитъ, ищетъ. Онъ ходитъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не попадется ему. Кого онъ поймаетъ, тому завяжутъ глаза. Тотъ и начнетъ опять такъ же ловить и искать.

Игра въ прятки. Въ игрѣ въ прятки сначала бросятъ жребій, кому достанется водить. Онъ станетъ, обернетъ лицо къ стѣнѣ, зажмуритъ глаза и стоитъ. Стоитъ до тѣхъ поръ, какъ ему закричатъ: ищи. Тогда онъ начнетъ искать. Когда онъ ищетъ, кого если увидитъ, тотъ начнетъ убѣгать, а онъ начнетъ его ловить; пока онъ за нимъ бѣжитъ, остальные въ это время стараются также добѣжать до мѣста, гдѣ водятъ. Вотъ если онъ кого-ни-

ku·ndä, śe i karmä· kuŕa·ma. A biďä kija·k täŋza apoŋgä, śe·sta tagy son karmä· kuŕa·ma.

Kaba·nca. V́äχki·ś a·rä kuŕa·ma, a osta·tkaťńä kekšnė·ť. Mäjľä son źarda sońďä·nza šä·ŕgiďiť, śe·sta son karmä· v́äšńi·mä Ko·nań mu·sy, šeń äsa sa·sä i ča·v́ä kuŕa·ma ta·rkańťi čyjims. Osta·tkaťńä źa·rc so·n v́ä·χkińť maŕta čyjńä·, v́ä·ši noró·χťeť čyji··mä kuŕa·ma ta·rkas. Kona·ń osta·tkada ľäba·sy, šeńe·ń i kuŕa·ms. A biďä kiŋga·k a ľäbä, to äšťä·nza mäki·j kuŕa·ms.

Kaľa·sa. Suv́i·ť stru·ps v́ä·tińist. Suva·msta šä·ŕgiďiť: kaľasa·! I v́äši kapšyť śe ška·ńä aŕći·mä ugylga. Kona akä·ńiŕä, šeńe·ń oďa·ms. Oďe·ćäś a·rä kunčkav́i·c, mäjľä ja·kä u·gylga i äŕv́äχkiń kä·ükšnä: kaľa·, kaľa·, ko·sa? A ńeť ńe·ťťeť kou ťäst pa·ra. Ńeťťemsta mėŕe·ť: kaľa· vo·nėksa, i śe ška·ńä ńeťťä oďeća·ńti su·rca. Śe tujä tou, a ńeť śe ška·ńä pola·fńiť v́äχkist v́äχkist maŕta tarka·t, a oďećäś śe ška·ńä, biďä fa·ťä, ko·nań gak ta·rkas kapšä·ara·ma. Kiń ta·rkas a·rä, śe·ńeń oďa·ms. Nalkśiť, nalkśiť; mė·ľest

---

будь поймаетъ, тотъ и начнетъ водить. А если никто ему не попадется, то онъ опять начинаетъ водить.

Игра въ кабана. Одинъ становится водить, а остальные спрячутся. Потомъ онъ, когда ему закричатъ, начнетъ искать. Кого найдетъ, того онъ догоняетъ и хлопаетъ (чтобы не допустить) взбѣжать на мѣсто, гдѣ водятъ. Остальные, пока онъ бѣгаетъ съ однимъ, норовятъ всѣ взбѣжать на мѣсто, гдѣ водятъ. Кого онъ наконецъ хлыстнетъ, тому и водить. А если онъ никого не хлыстнетъ, то ему самому опять водить.

Игра въ кисель. Въ пятеромъ войдутъ въ срубъ. Входя кричатъ: въ кисель! И всѣ въ это время спѣшатъ стать по угламъ. Кто не поспѣетъ, тому водить. Водящій станетъ по серединѣ, потомъ ходитъ по угламъ и спрашиваетъ каждаго: кисель, кисель, гдѣ? А тѣ показываютъ, кому какъ понравится. Показывая, говорятъ: кисель, вонъ гдѣ, и въ это время показываетъ водящему пальцемъ. Онъ пойдетъ туда, а они въ это время помѣняются другъ съ другомъ мѣстами, а водящій въ это время, если замѣтитъ,

kyda· moľeť, koda·k šä·ŕǵiďiť: kona· ka·duv́ä, suksyjä·ś, suksyjä·ś. Śe ška·ńä pŕäń po·ldań śi·ńdiź kapšyť tarka·st kadnu·myst i śeďä ku·ryk čyji·ms u·ľćaų.

Žarca. Ža·rca javi·ť kaftuų źary uľćť loma·ťńä i kaji·ť ki-ńi·ń vačky·ďims žary·ś. Ťäji·ť kafty na·šat. Ko·nańiń sa·tä vačky·ďims, neť ary·ť v́ä· jo·noų, a osta·tkaťńä ary·ť ombȯ́ćä jo·noų. Ńeť vačky·ťcyź, v́äχ́kiś žary·ńť, a jalga·nza karńi·ť da·lšy sala·-mynza. A ńeť o·mbȯ́ćä jo·ncta karča čav́i·ť žary·ńť, pańi·ť ńä·kij. Kona·t i·kiľij pańcy·ź, ńeť i vačky·ďiť. Žary·ś ču·ftyń kruglo·voj; ärv́äχ́kiń ǵeca du·bina, ńe dubina·ťńiń äsa pa·ńiť. Ľija·sta išťa-pańćiť, turva·st ka·k ta·pśisyź.

Skrakľa·sa. Skrakľa·sa nalkśi·ť i·śťa: ťäji·ť ko·ta ču·ftyń nu·ŕka palkińiť kuva·lmyst vaksyń vaks i ťäji·ť ozorno·j kru·g i javi·ť ka·ftuų źa·ryńist uľćť. Ärv́ä·χ́kiś äś jalga·nza ma·ŗta i är-

---

поспѣшитъ стать на чье-либо мѣсто. На чье мѣсто онъ станетъ, тому водить. Играютъ играютъ; когда пройдетъ охота, какъ закричатъ: «кто остался, очервивѣлъ, очервивѣлъ». Въ это время сломя голову и не жалѣя ногъ (опрометью) спѣшатъ оставить свои мѣста и какъ можно скорѣе выбѣжать на улицу.

Игра въ шаръ. Въ игрѣ въ шаръ дѣлятся на двѣ партіи, сколько было людей, и кидаютъ жребій, кому бить шаръ. Устраиваютъ два назначенныхъ мѣста. Кому достанется ударить, тѣ становятся на одну сторону, а остальные становятся на другую сторону. Тѣ ударяютъ, одинъ (ударитъ) шаръ, а другіе начинаютъ гнать его дальше. А тѣ съ другой стороны ударяютъ шаръ навстрѣчу и гонятъ его обратно. Кто впередъ угонитъ, тѣ и ударяютъ. Шаръ круглый деревянный; у каждаго въ рукахъ дубина, этими дубинами они гонятъ. Другой разъ такъ гоняютъ, что даже разобьютъ себѣ губы.

Игра въ чушки. Въ чушки играютъ слѣдующимъ образомъ: приготовятъ шесть деревянныхъ короткихъ палочекъ въ длину по четверти и проводятъ большой кругъ и дѣлятся на двѣ партіи, сколько ихъ было. Каждый со своимъ товарищемъ и у каждаго

v̓äχkiń ǵeca para kedjoŋks. Ťäji·ť ka·fta buχť, kaji·ť kińi·ń iki··ľij čaums. Kona·ńiń i·kiľij sa·tä, ńeť ary·ť vasy·la bu·jińti i karḿi·ť jovŕa·ma skrakľäťńiń laŋks, a skrakľä·ťńä ara·ftuť kru·gyńť ku·nčkas, ara·ftuft i·śta: ala kolma aščy·ť bo·kom, laŋksy·st kafta ńeť ka·k bokom, a śeťť laŋksa v̓ä·χkä, śe śtada. Vot i jo·vŕeť. Koda·k kala·dyť, śesta· ary·ť mala·sa bu·jińti i karḿi·ť čau·ma; kiť śeďä la·ma ľiťťiť krukstyńť, ńeť i karḿi·ť jalga·st la·ŋksa ja·ka·ma. Jaki·ť to·zéń, kozéń jalga·za jorcė·j kedjo·ŋksyŋza. Koda v̓äśi ka·ńńisyź skrakľa·ťńiń, ara·fnysyź, śesta· ńeť ombóncnä karḿiť i·kiľij čau·ma, a ńeť uš synct ḿä·ľga.

Ošca. Ťäji·ť krug, krugo·mganza ńiľi v̓ä·tä ja·ḿińiť; kunčka··syŋza po·kš śeďä ja·ma. Ťäji·ť čuftyń žar i kaja·syź kunčka·sa ja·mańti, śeń ľäḿi·za oš, a jama·ńť oš ja·ma. Jara·fnysyź ko·nat karḿi·ť nalkśi·ḿä o·šca dubi·nast v̓äśi žaryńť laŋks oš ja·mańti. Arći·ť i·śta krugo·mganza i kodak ḿeŕe·ť, ki käńiŕä, ärv̓äχkiś kaja·v̓ä śe ška·ńä ja·ḿińis, štyba dubi·na päza aščy·za jaḿińi·syńť, a

---

въ рукѣ хорошая ручная дубинка. Устраиваютъ два буя, бросаютъ жребій, кому прежде бить. Кому достанется впередъ, тѣ становятся въ дальній буй и начинаютъ бросать въ чушки, а чушки поставлены посреди круга и поставлены слѣдующимъ образомъ: внизу три лежатъ бокомъ, сверху ихъ двѣ — тѣ также лежатъ, а на самомъ верху одна — та стоякомъ. Вотъ и бросаютъ. Какъ только разсыплютъ, тогда становятся на ближній буй и начинаютъ бить; кто больше всѣхъ выкинетъ изъ круга (чушекъ), тѣ и начнутъ ѣздить на товарищахъ. Ѣздятъ туда, куда товарищъ броситъ свою дубинку. Когда снесутъ всѣ чушки и поставятъ ихъ, тогда тѣ изъ другой партіи начнутъ бить впередъ, а эти ужъ послѣ нихъ.

Игра въ городки. Проведутъ кругъ, вокругъ него устроятъ четыре или пять ямочекъ; въ серединѣ его самую большую яму. Сдѣлаютъ деревянный шаръ и бросятъ въ среднюю яму; середину и называютъ городомъ, а яму городской ямой. И положатъ тѣ, кто станетъ играть въ городки, всѣ свои дубинки въ городскую

ko·na ka·duv̓ä, akä·ńiŕä jaḿi·ńis, śeńe·ń oď̓a·ms. Śe·sta sajsy·ź žary·ńť oš jama·styńť i vačky·ťcyź krukstyńť, a oď̓e·ćäś čyjä·ḿäĺganza i karḿä· äsy·nza dubina·sa pańi·ḿä ḿäki·j oš ja·mańti. A ńeť karḿi·ť ano·ldamynza, čau·ma karḿi·ť ka·rča dubina·sa; a oď̓e·ćäś śe ška·ńä noŕȯ·χťä dubina·sa jaχydï··ćäńť va·ŕas ara·ftums sońće·ń dubi·napänza. Je·śĺi son kä·ńiŕä iki·ĺij putu·ms dubinapä·nza konańga·k va·ŕas, to śe·ńeń ara·ms, a śeńe·ń oď̓a·ms. A bi·ďä kińga·k va·ŕas akä·ńiŕä i sonza· žary·nza nolda·syź ťä·nza praftu·ms oš ja·mańti, śe·sta «kala·ć» šäŕġidïť, i śe ška·ńä v̓äśi čovȯr karḿi·ť v̓äšńi·ḿä äšťa·st ĺija· va·ŕat, a kona·akä·ńiŕä ko·zėńga·k, śeńe·ń oď̓a·ms.

Ḿä·ćca. Ḿäćca· nalkśi·ť źarda jaki·ť alašava·ksc, boĺšy tu··nda. Ťäji·ť ĺä·ŋġiń ḿäć, ťäjńi·ť äŕv̓äχki lo·mańiś äšťä·nza ja·ḿińä; ťäjńiť ä·syst v̓ä jo·ŋga ja·ḿińiť. I karḿi·ť ḿäćińť äsa käv̓i·ŕkšńi-

---

яму на шаръ. Станутъ такъ вокругъ нея и какъ только скажутъ, всякій, кто поспѣетъ, бросится въ это время въ ямку, чтобы конецъ его дубинки оказался въ ямѣ, а кто останется и не поспѣетъ подойти къ ямкамъ, тому водить. Тогда возьмутъ шаръ изъ городской ямы и вышибаютъ его изъ круга, а водящій бѣжитъ за нимъ и начинаетъ гнать его дубиной назадъ въ городскую яму. А тѣ начинаютъ не пускать шаръ, начинаютъ ударять дубинками на встрѣчу; а водящій въ это время старается поставить конецъ своей дубинки въ ямку того, кто размахиваетъ дубинкой. Если онъ поспѣетъ поставить впередъ конецъ своей дубинки въ чью-либо ямку, то ему надо стать, а тому водить. А если онъ не поспѣетъ ни къ чьей ямкѣ и допустятъ его шаръ упасть въ городскую яму, тогда закричатъ «разрушено», и въ это время всѣ вмѣстѣ начнутъ искать себѣ другихъ ямочекъ, а кто не поспѣетъ никуда, тому водить.

Игра въ мячъ. Въ мячъ играютъ, когда караулятъ лошадей, больше весной. Сдѣлаютъ изъ лыка мячъ, каждый устроитъ себѣ ямку; устроятъ они себѣ ямочки въ одной сторонѣ. И начнутъ ка-

ḿä, jaḿińi·ťńiń laŋga. Ќiń ja·ḿińis pry, śe kapy·ťcy, a ostatka·ťńä čyji·ť, a son ko·nań kä·ńiŕa, śeń i čaŕä· ḿä·ćceńť. Ko·nań va·čkyťcy, śe karḿä· käŕi·ŕkšńiḿä.

Ќiča·sa. Ťäji·ť ńiľi u·gylca krug i kaji·ť kaftuų źa·ryńist uľćť; äŕŕäχkiś äśi jalga·nʒa ma·ŗta i karḿi·ť nalkśi·ḿä. Ќičä·ś če·ťŕeŕťi poltora·[1]), kavyńist ṕä·nʒa lakśiŕť ala·myda, a ќičä pa·lkaś arčyńčka, i byva·jit bo·ľšy[2]) i śeďä ŕiškińiť. Ќi·ńiń koda·my pa·ra, śe iśťa·mysa i čaŕä. Čaŕi·ť i·śťa. Ќičä·ńť kaja·syź kru·gyńťi, a čaŕi·ćäś arä· koda· ťänʒa pa·ra i vačkyťcy kičä·ńť ṕäs. Ќičäś kyŕńa·ftä. Son śe ška·ńä noro·χťä kičäpa·lkasyńť śeďä ṕe·ќ vačky··ďiḿinʒa, štyby son śeďä va·suų ľiŕťa·za. Śe·sta śe va·čkyďimaś loo·ŕä ka·ftys. A ƀidä vačkyťcyj ki·čäńť ča·ŕićäś kičä·ńť ṕe·ŕvoj, a son kyŕńa·ftä ṕeќ i ľiŕťä· krugy·ńť tona bo·kas a to·kaŕi ťä·nʒa kyŕńa·ftumsta, śesta ťe loo·ŕä ŕäχkis i ľäḿi·nʒa bu·ka, a ľija·sta

1) o·mbóće ṕeľ vaksyška. 2) uľit i śeďä pokšt.

тать мячъ по ямкамъ. Въ чью онъ упадетъ ямку, тотъ схватитъ его, а остальные убѣгаютъ, а онъ, кого успѣетъ, того и ударитъ мячомъ. Кого онъ ударитъ, тотъ и начнетъ катать.

Игра въ чижъ. Устроятъ четырехугольный кругъ и дѣлятся на двѣ партіи, сколько ихъ будетъ; каждый и начинаетъ играть со своими товарищами. Чижъ четверти въ полторы, съ обѣихъ концовъ немного затесанъ, а палка чижова длиной въ аршинъ, бываютъ и больше и еще меньше. Кому какая нравится, тотъ такою и бьетъ. Бьютъ слѣдующимъ образомъ. Чижъ помѣстятъ въ кругъ, а бьющій станетъ, гдѣ ему нравится, и ударитъ въ конецъ чижа. Чижъ подпрыгнетъ. Онъ въ это время старается ударить его палкой какъ можно сильнѣе, чтобы онъ какъ можно дальше полетѣлъ. Тогда этотъ ударъ считается за два. А если бьющій чижа ударитъ чижа въ первый разъ, а онъ высоко подпрыгнетъ и полетитъ на ту сторону круга и не задѣнетъ его, подпрыгнувъ, тогда это считается за одинъ (ударъ) и называется быкомъ, а въ другой разъ договариваются взять быкъ назадъ и (ударить снова).

koṛta·syź ƀuka·ńť saji·ms. Vot ka·jiť kińiń i·kiľij ča·ums i karḿi·ť ńeť čau·ma źa·rys la·ďasyź lo· voms tosa, ko·mśes äľi ńiľiń-gä·ḿińc ä·ľi ṽäďg̈äḿińc i karḿi·ť čau·ma. Ko·nańiń i·kiľij sa·tä, ṽäχkiś čaṽä; źara ťäjä, ombȯ·nćńeń ä·sta ľiśä· jalga·za, karḿä·täŋza· ńamśi·ḿä. Koda·k kru·gyńťi kičä·ś pry, śesta· ńama·ų̣ś. Śe·sta karḿä· ťe ča·uma, karḿi pandu·ma źarys pa·nduṽiť ťä·ŋza, a ľija· pancy·ńʒ̈a da eščo· laŋgy·zyst ťä·jä kä·ḿiška äľi käṽäťi·iška. Kona·t i·kiľij ťäji·ť śńara źarys ladi·ź, to osta·tkaťńiń äŕṽäχkiś äśi ja·lganza kučcy·j ďeŕks. Kučcy·j i·śťa: čaṽä kozė·ń, kičäza ľi·ffä čavyź a kičäpa·lkańť jo·rdėź jorcė·j, kozė·ń jo·rdoṽä. Śesta ťe kru·kstyńť tu·jä ṽä ṕiľg̈i la·ŋksa kyŕńa·fńiḿä kičäpa·lkań purna·ma, i koma·msta i saji·msta i ḿäki·j vasuų̣ kyŕńa·fńimsta ƀi··ďä ombȯ·ćä ṕi·ľg̈inza laŋks čalga·ṽä, śesta· o·doų̣ kucyj ďeŕks, a ƀiďä ača·lgaṽä, śe·sta pa·ńďä; i ṽäśi äś so·ńćeń jalga·nza iśťa·

Вотъ бросаютъ жребій, кому впередъ ударить, и они будутъ бить столько разъ, сколько они тамъ договорятся считать — до двадцати или до сорока или до пятидесяти разъ и начнутъ бить. Которой партіи достанется бить впередъ, то одинъ (изъ нея) бьетъ; сколько тотъ сдѣлаетъ (ударовъ), изъ другой партіи выйдетъ его товарищъ и начнетъ кидать ему въ кругъ. Если чижъ упадетъ въ кругъ, то (значитъ) онъ попалъ. Тогда начинаетъ бить этотъ и начинаетъ платить, сколько сможетъ заплатить, а другой заплатитъ и еще сдѣлаетъ на нихъ (на ту партію) съ десятокъ или съ пятнадцать. Кто прежде сдѣлаетъ столько, на сколько уговаривались, то каждый изъ остальныхъ посылаетъ своего товарища прыгать на одной ногѣ. Посылаетъ его слѣдующимъ образомъ: куда онъ ударитъ, чижъ его полетитъ вслѣдствіе удара, а палку отъ чижа онъ бросаетъ броскомъ, куда она попадетъ. Тогда этотъ пойдетъ изъ круга, прыгая на одной ногѣ, подбирать палку отъ чижа, и если во время нагибанія, во время хватанія и прыганія взадъ-впередъ онъ наступитъ на другую ногу, тогда снова тотъ его пошлетъ прыгать на одной ногѣ, а если онъ не наступитъ, тогда довольно;

kučńi·syj, ḿäjľä ńeť karḿi·ť iki·lij čau·ma, kona·t ďerks jaka·śť.

Ru·zyń kičä·sa. Arćiť źa·ryńist uľćť nalkśi·ćäťńä i karḿi·ť kičä·sa kaja·ma. Kajśi·ť i·śťa: vitkeďezėnza kičäpa·lkańť, a käŕćke·ďezėnza ki·čäńť; kičä·ńť kaja·syj kičäpa·lkańť väľksc, a kičäpa·lkasyńť karḿä· alda tokšė·ḿenza, a osta·tkaťńä lounė·ť źa·rykśť ťä·nza toka·vä. Kona· śeťť lamykśť toka·syj i·śťa kičä·ńť, śe śeťť i·kiľij karḿä· čau·ma, a kona· śeďä a· lamykśť, śe karḿä· ťä·nza ńamśi·ḿä; a ḿä·jľä ťe karḿä· ča·uma; iśťa·k i ťävi·st ŕado·m moľä· Kona· śeťť a· lamykśť toke·žä kičä·ńť, śe śeťť ḿäjľä karḿä· čau·ma, a čau·msta ki źa·ra ťä·jä lo·unėť; kona· i·kiľij ťä·jä käḿiń, śe ľiśä, a kona· śeťť ḿä·jliś kadu·vä śeńe·ń oďa·ms, a oďe·ťi·śťa: kona· śeťť i·kiľij ľiśä·, śe śeťť i·kiľij karḿä· oďa·ma. Kičä·ńť va·čkyťcyj, a oďe·ćäś karḿä· čy·jńiź čyjńi·ḿä i kičäńť ä·sa ńamśi·ḿä, a oďe·ćäś a·rä krugyńť vä·lksc i karḿä· kičäpa·lkasyńť joza·ma krugyńť

и всѣ посытаютъ такъ же своихъ товарищей, а потомъ, начинаютъ бить впередъ тѣ, которые ходили на одной ногѣ.

Игра въ русскій чижъ. Становятся сколько будетъ игроковъ и начинаютъ бросать чижомъ. Бросаютъ слѣдующимъ образомъ: въ правую руку онъ возьметъ палку отъ чижа, а въ лѣвую чижа; чижа броситъ поверхъ палки, а палкой онъ начнетъ подталкивать снизу, а остальные считаютъ, сколько разъ ему это удастся. Кто больше всѣхъ попадетъ такимъ образомъ въ чижа, тотъ станетъ бить прежде всѣхъ, а кто меньше разъ, тотъ начнетъ бросать ему въ кругъ, а потомъ этотъ начнетъ бить; такъ ихъ дѣло и идетъ къ ряду. Кто всѣхъ меньше (разъ) попадалъ въ чижа, тотъ начнетъ бить послѣ всѣхъ, а во время ударянія считаютъ, кто сколько разъ попадетъ; кто первый попадетъ десять разъ, тотъ выходитъ, а который останется послѣднимъ, тому водить, а водятъ слѣдующимъ образомъ: кто выйдетъ всѣхъ прежде, тотъ прежде всѣхъ начинаетъ водить. Онъ ударяетъ чижа, а водящій начинаетъ бѣжать бѣгомъ и бросать чижа въ кругъ, (при чемъ) водящій становится надъ кругомъ и начинаетъ вертѣть (тереть) надъ

v̓ä·ľksca i ano·ldama kičä·ńť äsa. I oďä· śńarc, źarda kičä·ś ńa··mav̓ä, sońďeďenʒa ḿä·jľä karḿi·ť ľijä·ťńä jak iśťa·ža oďa·ma. Kyda v̓ä·śi oďa·syź, śe·sta son čav̓ä· śeť́ i·kiľij ičav̓ä· kafty ke·ca pervaj, a ḿä·jľä karḿi·ť čau·ma v̓ä ke·ca.

Molòka·sa. Pruḿi·ť kuća·s; v̓äχki·ś ästyst ľiśä· jutkstyst, arä v̓äpeľej i karḿä· śäjŕi·ḿä: mo·lòka·! a ńeť ťe·sta karčy·zynʒa śäŕǵidiť: čāvo! Śe tosta śä·ŕǵiďä: daj, rabo·ťńik!—U kavo·? Śe·sta son śä·ŕǵiďä kiń du·ḿä: u Iva·n! alï u Jo·gyŕ, alï u Dŕi·ga, ki ḿe·ľezènʒa tu·jä, śeń i śä·ŕǵiťcy. Konań śä·ŕǵiťcyj, śe čyjä· sońďä·nʒa, a ńeť krukstyńť čav̓i·ť čyji·msta ä·synʒa kińi·ń koda· pa·ra: ki kyrgasan la·ŋga, ki pŕä la·ŋga, ki·ńiń kua to·kav̓ä. I son iśťa· śäjŕi··syńʒä v̓äśi: śesta kona· ka·duv̓ä śeť́ ḿä·jľis, ťe karḿä tovò·lda i·śťaža śäjŕi·ḿist. Iśťa· i nalkśi·ť.

Čysa kouṣa. Čy·sa ko·ṵsa arći·ť v̓äśi v̓ä ta·rkas; v̓äχki·ś arä·ava·ks, a osta·tkaťńä kuńći·ť uda·lynʒa; v̓ä·śi kiŕďi·ť v̓äχkist v̓ä·χ-

---

кругомъ палкой и не пускать къ себѣ чижа. И водитъ до тѣхъ поръ, пока чижъ не попадетъ въ кругъ, а послѣ него другіе начинаютъ водить такимъ же образомъ. Послѣ того, что всѣ поводятъ, онъ ударяетъ прежде всѣхъ и сначала бьетъ двумя руками, а потомъ начнутъ бить одной рукой.

Игра въ молоко. Собираются въ кучу; одинъ выйдетъ изъ среды ихъ, станетъ въ сторонѣ и начнетъ кричать: молоко! А тѣ въ отвѣтъ ему кричатъ: чего! Тотъ тогда закричитъ: дай, работникъ!—У кого? Тогда онъ крикнетъ на кого подумаетъ: у Ивана, или у Егора, или у Григорія, кто ему понравится, того онъ и крикнетъ. Кого онъ крикнетъ, тотъ прибѣжитъ къ нему, а эти изъ круга бьютъ его, какъ кому захочется: кто по шейнымъ жиламъ, кто по головѣ, кто куда попадетъ. И онъ такъ всѣхъ перекличетъ: тогда тотъ, кто остался послѣднимъ, начнетъ съ той стороны ихъ перекликивать. Такъ и играютъ.

Игра въ солнце и мѣсяцъ. Для игры въ солнце и мѣсяцъ всѣ становятся на одномъ мѣстѣ; одинъ становится маткой, а остальные схватятъ его сзади; всѣ держатъ одинъ другого съ заду,

kist äsa uda·lda, ki čuba·da, ki suma·ńdä, a ʼväχ́kä· kadu·ʼvä va··rakaks i karʼmä· uda·lda kuńći·ʼmä ʼväχ́tä-ʼvä·χ́tä nalkśi·ćätńiń äsa, a sońć čyjńä· i pižńä: vārk, vārk! Kyda ku·ńćä peľeška·st kuńći··ʼviť, ńeť kuńći·ť ʼväśi va·rakaʼńť uda·luu i vara·kaś karʼmä· pižńa··ma sońće·ń oťteľenza maṛta: kou, kou! A ńeť, ombȯće oťte·ľeś, karʼmi·ť pižńa·ma: čyj! čyj! A ńeť pižńi·ť: kou! kou! I karʼmi·ť ʼväχ́·kist ʼväχ́kist äsa äśta·st mańa·ma, ʼmäjľä kundy·ť ava·kaťńä ʼväχ́·kist ʼväχ́kist äjs i karʼmi·ť äśta·st uskuma. Koda·k kona· ava·kaʼńť sala·syź, śeń ʼväśi karʼmi·ť pŕäla·ŋga kalga·mynza.

Gala·ńčasa. Purny·ť ʼvä·ti käüńiť i norȯ·χ́teť piža·kaduma. Kona· kä·ńiŕä iki·ľij pižńä: ćiŕ ko·n! A ombȯ·ćeś pi·žńä: pat ko·n! A kolmȯ·ćeś pižńä·: taraka·n! Mä·jľä karʼmiť nalkśi·ʼmä. Nalkśi·ť i·śta: ńiľi kä·üńiťńiń pucy·ńza ma·styruu, a ʼväχ́ki·ś ke··cenza. Te ʼvä·χ́kiʼńť kaja·syj ʼve·ŕej, śe škańä pramazy·nza kapšä·ńi·ľiťńiń a·lda kapy·dimist i käńi·ŕims śeńga·k kunda·ms ʼveŕďä.

кто за шубу, кто за кафтанъ, а одинъ остается воро́ной и начинаетъ хватать играющихъ одного за другимъ, а самъ бѣгаетъ и кричитъ: варкъ, варкъ! Когда онъ, хватая, поймаетъ съ половину ихъ, тогда эти всѣ схватятъ ворону сзади, и ворона начинаетъ кричать вмѣстѣ со своей партіей: мѣсяцъ, мѣсяцъ; а эти, принадлежащіе другой партіи, начнутъ кричать: солнце, солнце; а эти кричатъ: мѣсяцъ, мѣсяцъ; и начинаютъ перекликать одни другихъ; затѣмъ матки уцѣпятся другъ за друга и начнутъ тащить къ себѣ чужую матку. Когда вырвутъ какую матку, всѣ начинаютъ долбить ее въ голову.

Игра въ колки. Возьмутъ пять камушковъ и стараются крикнуть. Кто успѣетъ раньше, закричитъ: чуръ конъ! а другая крикнетъ: подъ конъ! а третья крикнетъ: тараканъ. Потомъ начинаютъ играть. Играютъ слѣдующимъ образомъ: четыре камня она положитъ на землю, а одинъ она держитъ въ рукѣ. Одинъ этотъ камень она броситъ къ верху; въ это время она старается, до паденія его, схватить снизу тѣ четыре камня и успѣть поймать и тотъ сверху. Сколько разъ она такъ успѣетъ, столько и счи-

Źa·rykśť iśťa· ǩä·ńiŕä, śńarykśť i loṷä· jalga·nza laŋks. Koda·k käḿińc ťäjä·, śe·sta karḿä· kamka·ma. Koda·k jupa·ďä, śesta·ťä·nza pa·ńďa. Śe·sta karḿä· jalga·za pańńi·ḿä. Koda·k kona·kona·ń laŋks ťäjä· komś ka·mkaź, to śeń iśťa· tata·rnyń ḿisy·, ḿäjľä karḿä· voźa·ź to·sta idï·ḿinza, karḿä· galańčaťńiń prafńi·ḿä i päji·ťkšńiḿä: «praśť bujara·ks, tatar paly·źä». I koda·k i·śťa komśe·ś pandu·ṷä, śesta ťänza pa·ńďa. Ḿä·jľä jalga·za karḿä·iśťa·ža nalkśi·ḿä. Ko·nań ḿi·syź, śeń laŋksa ṷä·śi jalga·nza pä·j·dïť. Vot i·śťa i nalkśi·ť.

Ńaka·sa. Ťäjńi·ť ńa·kat—ćora·t, ava·t, äχť, kakšt, žéńe·ťť, ńeṷesta·t i karḿi·ť äsy·st nalkśi·ḿä; i·śťaža koda· i loma·ťť äŕi·ť, iśťa·ža uŕṷa·kśńiť, iśťa·ža byta guľä·jiť, čačńi·ť i kulći·ť. I·śťa na·lkśiť ťäχťiŕχńiť godo·ų do ďṷenacaťi. Ḿä·jľä pa·ńďa.

Ka·ravad. Karava·ca nalkśi·ť i·śťa. Liśi·ť ťäχťi·ŗť ary·ť kru·ks i kuńći·ť keťťike·c i karḿi·ť čyŕkśi·ḿä. Kunčka·s suṷä·ṷä·χkä i karḿä· morė·ń śäjŕi·ḿä. Ťe śäŕǵiďä vaśńa· śka·mynza,

---

таютъ другъ за другомъ. Если кто исполнитъ десять разъ, то начинаетъ подкидывать съ затылка руки и ловить. Какъ только промахнется, тогда съ нея довольно. Тогда ей начинаетъ отплачивать ея товарка. Какъ только одна за другую броситъ и поймаетъ двадцать разъ, то она продаетъ ее такъ татарину, потомъ начинаетъ съ баловствомъ выкупать ее оттуда, начинаетъ бросать камушки и подсмѣиваться: «упали въ баракъ, татаринъ поцѣловалъ ее»; и когда она такъ заплатитъ двадцать разъ, тогда съ нея довольно. Потомъ подруга ея начинаетъ играть такъ же. Которую продадутъ, надъ той смѣются всѣ подруги. Вотъ такъ и играютъ.

Игра въ куклы. Сдѣлаютъ куклы—мужиковъ, бабъ, дѣтей, жениховъ, невѣстъ и начинаютъ ими играть; такъ же живутъ, какъ люди, такъ же женятъ и такъ же гуляютъ, рожаютъ и умираютъ. Такъ играютъ дѣвочки годовъ до двѣнадцати. Потомъ довольно.

Хороводъ. Въ хороводѣ играютъ такъ. Дѣвушки выйдутъ, станутъ въ кругъ и ухватятся одна съ другой за руки и начинаютъ покачиваться. Въ середку входитъ одна и начинаетъ запѣ-

a ṁä·jľä ṁäľga·nʒa ńeť ka·k. Moŕćeť moŕćeť i·śtańa, ṁäjľä ka·rṁiť kišńi·ṁä. Ќiščy·msta ťäjńi·ť i·śťa: kruks suv́i·ť kafty ťäχťiŗť, a osta·tkaťńä karṁi·ť ľa·ľi·ľa·ľi mora·ma i ťe ľaľi-ľaľińť ṕäzyjak ara·ś, a ľija·sta moréť: «nam ńi nada muzyka·, u nas svoj jeśť jazyka·»; ľija·sta mo·réť: «na jaruǵi duľa jeľi, duľa da». Ṁäjľä puru·mkšnyť ťezéń o·dʒorat nuďij maŗta i karṁi·ť mora·ma i kiščy·ṁä čo·vȯr; kona·t kiščy·mańť v́e·čksèź, a kona·t śe škańä vany·ť, kona·ť säjŕiť ṁiṁišu·nyń va·ľǵijsa, kona·t v́eške·ńeť, a ko·nat ťä·χťiŕχńä kru·ksa morė·ť. A nalkśi·ť ťäχťi·ŕχńä ćo·raťńä ma·ŗta i·śťa: ťäχťi·ŕχńä ašcy·ťkru·ksa v́ä·χc-v́äχc ku·ńćiź, a ćora·ťńä jaki·ť krugo·mgast i čav́i·ť sa·styńä udalkslaŋga keď ladyška·sa, a ťäχťi·ŕχńä ṁejǵä·ńiŗť o·žasa. A kona· ťäχťi·ŕińť vačky·ťcy koŕχńeća jalga·za, son śe ška·ńä kru·kstyńť ľi·śä, buta śeń čau·ma karṁä·ṁäľga·nʒa čyji·ṁä, a śe bu·ta ṕäľä·, karṁä· äjsty·nʒa čyji·ṁä śeďä čo·pȯda ta·rkas. Kyda čy·jä iśťa·ma ta·rkas, ko·sta kiṁiń-

---

вать пѣсню. Эта запоетъ сначала одна, а потомъ за ней и тѣ. Попоютъ онѣ такъ, потомъ начинаютъ плясать. При пляскѣ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ кругъ войдутъ двѣ дѣвушки, а остальныя начнутъ пѣть ляли-ляли, и этому ляли-ляли нѣтъ и конца; а другой разъ поютъ: «намъ не надо музыка, у насъ свой есть языка»; другой разъ поютъ: «на яругѣ дуля ѣли, дуля да». Потомъ туда собираются парни съ дудками (изъ трости) и начинаютъ пѣть и плясать вмѣстѣ; которые любятъ пляску, а нѣкоторые въ это время смотрятъ, другіе кричатъ на разные голоса, третьи высвистываютъ, а нѣкоторыя дѣвушки поютъ въ кругу. А играютъ дѣвушки съ парнями слѣд. образомъ: дѣвушки сидятъ въ кружкѣ, держась другъ за дружку, а парни ходятъ вокругъ нихъ и потихоньку ударяютъ ихъ ладонью по спинѣ, а дѣвушки наотмашь рукавомъ. А если дѣвушку ударитъ ея дружокъ[1]), то она въ то время выйдетъ изъ круга и побѣжитъ за нимъ, будто для того чтобы бить его, а тотъ будто боится и побѣжитъ отъ

---

1) Т. е. парень, котораго дѣвушка намѣчаетъ себѣ въ мужья.

gak a ńe·javä, śesta lotkä i ťäχťiŕiś čyjä·, buta kunda·syj, i ozė·ť äľä śťa·da karmi·ť koŕχńe·mä. Ľija·sta iśťa koŕχńe·ť zo·ŕas, a ľija·sta faťi·ť ľija·t ťäχťiŕińť mäľga prafty·ćat i karmi·ť laŋgyzyst mäjsa poŋkś jovŕa·ma i pańci·ź to·sta. Śe·sta śe ćora·ś purna·-syńžä jalga·nža i tujä ľija karava·dga jaka·ma väť. Väśij karava·t-nyń äzga jaki·ť ćoraťnä i·śta. Ńeť moľe·ť toų, a nona·t to·sta syť ťej; iśťa· i ja·kiť.

Ќiŕi·ń sala·ma. Koda śokśeś sy, śe·sta ťäχťiŕχńä i ćo·raťnä karava·c lo·tkeť ľiśńi·mada. Śe·sta ťä·χťiŕχńä karmi·ť ruća·ń pana·ryń vikšńi·mä ku·ca, a ćora·ťnä karmi·ť vaľma·lga jaka·ma. Jaki·ť sa·lava, a pora·ś ru·daz. Mo·ľeť va·ľmaluų, ko·mśeť sa·-styńä, va·nnyť šty·ba ťäχťi·řiś iľa·za faťa· ä·zyst. Ťäχťi·řiś vi·kšńä, a syń va·nnyť, koda·k śe nuų́si·mä ka·rmä; syń śe škańä salavi·ńä va·ľmańť pančcyź; bidi ki·řiza mala·sa, sajsy·ź ke·ca, a bidi väpe·ľä, śesta· ćora·ťniń uli·ť iśťa·tt palkavä·ľťä kŕuki·ńist. Śe kŕu·-

---

нея въ очень скрытное (темное) мѣсто. Какъ онъ прибѣжитъ въ такое мѣсто, гдѣ никто его не увидитъ, тогда онъ остановится, а дѣвушка прибѣжитъ, будто поймаетъ его, и сядутъ или стоя начнутъ разговаривать. Другой разъ такъ говорятъ до зари, а иногда хватятся другіе, ухаживающіе за этой дѣвушкой, и начнутъ бросать въ нихъ чѣмъ попало, и выгонятъ оттуда. Тогда тотъ парень соберетъ своихъ товарищей и уйдетъ гулять ночью по другимъ хороводамъ. Парни ходятъ такъ по всѣмъ хороводамъ. Эти идутъ туда, а тѣ идутъ оттуда сюда; такъ и ходятъ.

Кража клубковъ. Когда настанетъ осень, дѣвушки и парни перестаютъ выходить въ хороводы. Тогда дѣвушки начинаютъ вышивать дома руци и рубашки, а парни начинаютъ ходить подъ окна. Ходятъ тайкомъ, а пора грязная. Подойдутъ къ окну, нагнутся потихоньку, стараются, чтобы дѣвушка не замѣтила ихъ. Дѣвушка вышиваетъ, а они подкарауливаютъ, какъ она задремлетъ; въ это время они потихоньку откроютъ окно; если клубокъ ея близко, они возьмутъ его рукой, а если далеко, тогда у парней бываютъ такіе крюки на палкахъ. Этимъ крюкомъ они его

kińisyńť sa·jsyź i aďa· mary·nza. Ḿä·jľä mo·ľeť ľi·ja ta·rkas i ṽäńbä·ŕť iśťä·ńä ja·kiť, a ḿä·jľa karḿi·ť päji·tkšńiḿä täχťi·ŕχńä la·ŋksa, ki koda· ṽikšńä·; kiń koda·ma suŕi·za. Vot iśťa jakśi·ť kiŕiń zala·ma, a ľija·sta kiŕi·ńť a·ńćik saji·ḿinza ka·rḿiť, a täχ-ťi·ŕiś fa·tä, śäŕġi·ďi täťa·ncty, a śe ka·pyďä ko·ľeja äľi äŕäśi·na i napy·śťä ḿäľga·st, a ńeť čyji·ť kona·ńiń koṉpa·ra. Ľija·sta prakšny·ť ṽäχki·st-ṽäχkist ṽä·ľkska, śťi·ť i ta·gy čyji·ť. Śńarc čyji·ť, kyda ľi-jä·ń o·jḿeza pi·jä. Še·sta lo·tkeť. A ko·nań sasasyj, śeń pŕäń-ďroks äŕäśi·nasa. I iśťa· jaki·ť śokśńä ä·ŕva čo·kšńä. A·ńćik a ja·kiť ńedľačyń i praźńi·kiń ka·rča.

Laṉkava·ksc. Roštova·ńiń i ščeńeja·ńiń torgo·vyχńä ľiŕńi·ť tava·ryst äsa laṉka·sta nurc, nu·rdyńť laŋks ťäji·ť kibitkat, vačka·syź tavaryst i ľifcy·ź uľća ku·nčkas. Śesta· ṽäśi ṽä·ľista puru·ḿiť odʒo·raťńä i odďä·χťiŕχńä i salda·tkaťńä laṉka·ťńiń vaksc. Odʒo·raťńä karḿi·ť ramśiḿä la·ṉšńikńiń ke·cta, ki peśť, ki roš-

---

возьмутъ и уходятъ съ нимъ. Потомъ идутъ въ другое мѣсто и всю ночь они тамъ ходятъ, а потомъ начнутъ подсмѣиваться надъ дѣвушками, какъ которая вышиваетъ, у которой какія нитки. Вотъ такъ-то они они ходятъ красть клубки, а иной разъ, только они станутъ брать клубокъ, какъ замѣтитъ дѣвушка и крикнетъ своему отцу, а тотъ схватитъ колъ или холудину и пустится за ними, а эти убѣгаютъ куда кому любо. Иногда упадутъ другъ черезъ дружку, встанутъ и опять бѣгутъ. Бѣгутъ до тѣхъ поръ— пока у другого духъ захватитъ. Тогда остановятся. А если (отецъ) кого поймаетъ, того ударитъ холудиной по головѣ. И такъ они ходятъ по осени каждую ночь. Не ходятъ только наканунѣ воскресеній и праздниковъ.

По лавкамъ. На рождество и крещеніе торговцы выносятъ свои товары изъ лавокъ на сани, на сани придѣлываютъ кибитки, наложатъ товару и вывезутъ ихъ на середину улицы. Тогда со всей деревни соберутся парни и дѣвушки и солдатки къ лавкамъ. Парни начинаютъ покупать у лавочниковъ, кто орѣхи, кто рожки, кто пряники, кто сѣмячки, кто тыквенныя сѣмячки, кто конфеты,

ka·t, ki zaku·skat, ki ʹviďʹńi·ť, ki duja·kujar ʹviďʹńi·ť, ki kanfetkat, ki ʹmäšť ra·ʹmä, a ťäʹ́ťi·ŕʹ́ńä ärʹvä·ʹ́kä odʒo·rańť ke·cta ʹväšy·ť; ki maksä·, a ki ama·ksä, i nalkši·ť ćora·ťńä ťäʹ́ťi·ŕʹ́ńä marta, ki koda maštä, ki tolka·jiź, ki prafty·ź, ki vačky·dʹiź, i čyjńi·ť ʹvä·ʹ́kist ʹvä·ʹ́kist ʹmä·ľga čop. Kona·t tuji·ť, kona·t syť, i ťäʹvi·st išťamoľä· ṕeľeʹvä po·ras; ʹmäjľä· strady·ť ku·dga, a ľija·t roštova·sta, ščéńeja·sta i maśińća·sta arʹ́ńi·ť; odʒoratńä kiŕʹ́ńi·ť ala·šat pa··ryjsa, tro·jkasa, kona·t ʹväʹ́ťi ʹväʹ́ťä, śulmyšiť baja·gat, oza·fnyť nurdy·zyst ťäʹ́ťi·ŕť; ťäʹ́ťi·ŕʹ́ńä mo·rcėť, a ćora·ťńä arʹ́ńi·ťťiť ä·syst ʹväśij ʹväľińǵä·ľis· a ińi·čyń ostatka čysta ťäʹ́ťi·ŕʹ́ńä jaki·ť tundy·ń śtŕeča·jama. Jaki·ť paćaftu·ma, oďežaftu·ma, ṕäŕťka·st kušakt, puly·syst ľe·ntat i ćokt. Moľe·ť ʹväľińť krugo·m i morcė·ť mo·rėt ʹmińiću·nyń. Šeťť la·mykšť mora·syź: a «ʹvesna·, a ʹvesna·, a ʹvesna·, ʹvesna· kra·snaja maja·».

Tu·ndyń provóža·ma. Še·sta ťäʹ́·ťiŕʹ́ńä jaki·ť ʹvä·śij uľćä·ťńiń äzga keťťikec ku·ndaź i morcė·ť uľćä·ťńiń äzga.

кто чего купитъ, а дѣвушки выпрашиваютъ у каждаго парня; кто дастъ, а кто не дастъ, и играютъ парни съ дѣвушками, кто какъ умѣетъ, кто толкаетъ ихъ, кто повалитъ ихъ, кто ударитъ ихъ, и бѣгаютъ другъ за другомъ весь день. Одни уходятъ, другіе приходятъ, и дѣло у нихъ такимъ образомъ доходитъ до полночной поры; потомъ расходятся по домамъ. А другіе на рождество, на крещеніе и на масляницу катаются на лошадяхъ; парни повпрягаютъ лошадей парами, тройками, нѣкоторые по одной, навяжутъ колоколовъ и посадятъ въ сани дѣвушекъ; дѣвушки поютъ, а парни катаютъ ихъ по всему селу. А на послѣдній день пасхи дѣвушки ходятъ встрѣчать весну. Ходятъ безъ платковъ, безъ верхняго платья, опоясанныя кушаками, въ косахъ у нихъ ленты и кисточки. Идутъ вокругъ села и поютъ разныя пѣсни. Больше другихъ пѣсенъ поютъ пѣсню: «А весна, а весна, а весна красная моя».

Провожаніе весны. Тогда дѣвушки ходятъ по всѣмъ улицамъ, схватившись рука за руку, и поютъ по улицамъ. Выходятъ

Ľišńi·ť pa·kśaų, jaki·ť i morcė·ť a·lamys i murdy·ť ńäki·j kudu·ų.

Kozna·sa. Nalkśi·ť ra·znasta. Naľkśiť bujńi·sa, nalkśi·ť bukińi·sa i krukki·sa, gorotkesa, i la·ďaź, i oŕo·lca ka·jaź.

Bujńi·sa nalkśiť i·śťa: äŕvä·ʒki lo·mańiś śťa·ftä kozna, ťäji·ť buj i śe bujstyńť karńi·ť jovŕa·ma. Kona·t bujsta tokä·, sajä·, a kona· ato·kä, iśťa·k jo·rdä. Ќi bujsta śeťť va·suų jordä·, śe ťe ŕeľďä čėŕkssta iki·ľij ča·ŕvä; źa·ra tokä, śńara i sajä.

Bukińisa. Arafńiť žokṕeľďä čėŕks laŋks, a·vyľ va·suų ťäji·ť ľija čėŕks. Śe čė·ŕksėńť ästa karńi·ť koznaṕe·ľďä käŕi·ŕkšńiḿä pa·nyksa. Ќiń žok pry panykyza, śeńeń iki·ľij čaums; konań žo-

---

на поле, походятъ и попоютъ немного и вернутся назадъ домой.

Игра въ козны. Играютъ разно. Играютъ въ буйки, играютъ въ бычки и кружки, въ городки и съ предварительнымъ соглашеніемъ[1]) и съ бросаніемъ орла.

(Игра въ буйки). Въ буйки играютъ слѣд. образомъ: каждый поставитъ козонъ, устроитъ буй и начинаетъ кидать изъ этого буя. Во сколько козновъ попадетъ изъ буя, столько возьметъ, а въ который не попадетъ, броситъ такъ по пусту. Кто кинетъ изъ буя всѣхъ дальше, тотъ за то бьетъ впереди черты; сколько сшибетъ, столько и возьметъ.

Игра въ бычки. Ставятъ жохомъ на черту, неподалеку проводятъ другую черту. Съ той черты начнутъ отъ козновъ катать панками. Чей панокъ упадетъ жохомъ, тому бить впередъ; чей сокъ[2]) дальше всего, тотъ бьетъ прежде всего. При битьѣ,

---

1) Становятъ козны въ рядъ, и одинъ мальчикъ (однимъ козномъ) ударитъ въ рядъ; и какъ ляжетъ панокъ (т. е. козонъ, которымъ били), то бьющій беретъ панокъ и всѣ козны, которые лежатъ такъ, какъ панокъ. Если панокъ лежитъ «сокъ» (ничкомъ), то берутся всѣ тѣ козны, которые лежатъ «сокъ». Если панокъ лежитъ «бокъ» (на боку), то берутся всѣ козны, которые лежатъ «бокъ». (Замѣчаніе Р. Ѳ. Учаева).

2) Сокъ или чохъ — такъ называется положеніе козна, когда онъ лежитъ ничкомъ.

kòza śeďi va·syla, śe śeďi i·kiľij čavä. Čau·msta kyda· kozna·ťńiń toka·syńʒä i vany·ť, koda· pany·kyza aščä. Bíďä bok, to son śńary sajä·, źara tosa bokt, a bíďä žok panykyza, to žokńiń sa·j-syńʒä.

Krukkisa. Ťäji·ť kruk, kru·gyńť vä päs ťäji·ť čeŕks. Śe čeŕk-seńť laŋks ara·fńiť ko·znat, avyľ vasuu ťäji·ť čeŕkskä, śe če·ŕkseńť udalu·u karńi·ť käviŕkšńiḿä panyksa. Išťa·ža kona·ń žo·kòza śeďä va·syla, śe iki·ľij čavä·. Vačky·ťcyńʒä: źa·ra kru·kstyńť ľiŕ-ťi·ť, śńa·ra sa·jä, a bi·dä väʒki jak aľiŕťä, väʒki jak asajä, i bíďä ato·kaviť ťänʒa, toža vä·ʒki jak asa·jä: kozna·za juma·ś. I vä·śi išťa čauuyť, väśi kona źa·ra ľi·ŕťä, śńara sa·jä, a kona·t kadu·viť väśiḿiďä ḿäjľä, ńeť ḿirsko ʒť uľiť. Syń synst, bíďä kaduviť lama, odo·u na·lkśisyz, a bíďä ala·ma naŕäžasyź; naŕäžasyś—odou ńekä vaksc śťafńi·ť väʒťi väʒťä i karńi·ť taga nalkśiḿä od kon.

Gorótkesa. Väʒkä ćorèńä śťa·ŕtä väťi ko·znat šaǵi šag, čeŕk-

когда попадутъ въ бабки, смотрятъ, какъ стоитъ панокъ. Если бокомъ, то ударившій берётъ столько, сколько тамъ лежитъ бокомъ, а если его панокъ стоитъ жохомъ, то онъ возьметъ лежащія жохомъ.

Игра въ кружки. Сдѣлаютъ кругъ, въ одномъ концѣ круга проведутъ черту. На этой чертѣ поставятъ козны, неподалеку проведутъ черточку, за эту черту начнутъ катать панками. Такъ же, чей жохъ всего дальше, тотъ впередъ и бьетъ. Ударитъ: сколько вылетитъ изъ круга, столько онъ беретъ, а если ни одна бабка не вылетитъ, онъ не беретъ ни одной, и если онъ не попадетъ, то также не беретъ ни одной: бабка его пропала. И всѣ такъ бьютъ; всякій, кто сколько выбьетъ, столько возьметъ; а которыя останутся послѣ всѣхъ, тѣ (считаются) мірскими. Если останется много, они играютъ ими снова, а если немного, то приведутъ ихъ въ порядокъ; приведутъ ихъ въ порядокъ, снова поставятъ вокругъ нихъ другія бабки по одной и начинаютъ опять играть другую партію.

Игра въ городки. Одинъ мальчикъ поставитъ пять бабокъ,

stä čeŕks śezéń i aŕći·ť śe čė·ŕksėńť laŋks čaŋnu·ma. Čaŋny·ť i·śťa: väχťä väχťä lo·mań; čaví·čäś biďä toki väχkä, väχkä sa·jä, kolmy tokä, kolmy sa·jä, väťä tokä, väťä sa·jä. A biďä vä·χkä jak a tokä, vä·χki jak a sajä, kozna pandä; ka·fta tokä, kafta pa·ndä, ńi·ľä tokä, ńi·ľä pa·ndä.

Sokórnė·sa. Śťafny·syź kozna·ťńiń śä·jicta, ťäji·ť čeŕks vä pe·ľej i kozna·ťńiń peľďä karńi·ť käví·ŕkšńiḿä čeŕksėńť ekšc. Kona·ń žo·kóza śeť́ť vasyla, śeńe·ń śeť́ť i·kiľä čau·ms, a kona·ń käví·ŕďamsta čeŕksė·ńťe apa·čkyďä pany·kyza, śeńe·ń čau·ms šä·ľ-ńiń ko·ńaź.. Kí źa·ra tokä, śe śńara sa·jä, a śeť́ť ḿäjľä kona·t kadu·víť apak toka, ńeť ḿirsko·χť. Nalkśisyź a·ľä naŕä·žasyź.

шагнетъ шагъ, проведетъ тамъ черту, и станутъ на эту черту, чтобы бить. Бьютъ слѣд. образомъ по одному: если бьющій попадетъ въ одну бабку, беретъ одну бабку (которую сшибъ), если попадетъ въ три бабки, беретъ три; если попадетъ въ пять бабокъ, то беретъ пять. А если онъ не попадетъ ни въ одну бабку, то не беретъ ни одной,—платитъ бабку; сшибетъ двѣ бабки, платитъ двѣ; сшибетъ четыре, платитъ четыре [1]).

Игра въ слѣпые. Поставятъ бабки очень часто, проведутъ въ отдаленіи черту и начнутъ катать со стороны козновъ бабками за черту. Чей жохъ всѣхъ дальше, тому всѣхъ прежде бить, а чей панокъ при катаніи не дойдетъ до черты, тому бить защурившись. Кто сколько попадетъ, тотъ столько беретъ, а бабки, которыя останутся послѣ всѣхъ не тронутыми, тѣ мірскія. Или играютъ ими, или дополнятъ ихъ.

---

1) Бьющій въ городки только тогда выигрываетъ, когда сшибетъ 1, 3, 5 бабокъ, а если не сшибетъ ни одной бабки или если сшибетъ 2 или 4, то проигрываетъ. (Замѣчаніе Р. Ѳ. Учаева).

Ťäχťiŕχńiť puruńiť vä kruks, a väχkä suvä kunčkazyst i koṁä, buta ṁäšť kak karṁä kočkama a ńeť vaśńa karṁiť ťärďiṁiŋza buta bańaų moraź:

Babaj a babaj,
Aďa paŕama
Kšńiń polaťasa,
Paŕćij ťeńťkesa,
Śija väďńisa,
Kšńiń ǵŕeḃeškasa,
Ṕižyń suŕćamsa.
Babaj a babaj,
Ṁäšť ťajńat?
— Grošķeť kočkan. —
Grošķeť ṁäźńiń?
— Salmykskä raman. —
Salmykskińť ṁäźńiń?

Дѣвушки собираются въ одинъ кругъ, а одна войдетъ въ середину ихъ и нагнется, будто начнетъ что-то собирать, а тѣ начнутъ сперва звать ее, будто въ баню, при чемъ поютъ:

Бабушка а бабушка,
Иди париться
На желѣзныхъ полатяхъ
Шелковымъ вѣничкомъ,
Серебряною водицей,
Желѣзнымъ гребешкомъ,
Мѣднымъ гребнемъ.
Бабушка а бабушка,
Что ты дѣлаешь?
— Я собираю грошики. —
Грошики на что?
— Чтобы купить иголочку. —
Иголочку на что?

— Mešėkkeń stams. —
Mešėkkeńť mäźńiń?
— Käv́ńiť kočkams. —
Käv́ńiťńiń mäźńiń?
— Ṕŕaka poc. —
Ṕŕakaťńiń mäźńiń?
— Tyŋ́k äjdïŋk andums. —

Kodak išťa meŕä, dy sońć napyśťä koų ťänʒa para, a ťäχťiŕχ-ńiťńä čyjiť mäľganʒa i šäľgińiť laŋgyzynʒa i šäjŕiť tänʒa: «ťfu äš pŕazyt, ťfu äš pŕazyt».

Mäjľä tarkazynʒa ozä ľija, kona tosa χočėt, i karmhiť taga išťa nalkšimä.

— Чтобы сшить мѣшечекъ. —
Мѣшечекъ на что?
— Чтобы собрать камушки. —
Камушки на что?
— Въ пирогъ. —
Пироги на что?
— Чтобы накормить вашихъ дѣтей.—

Какъ только скажетъ такъ, то сама побѣжитъ куда ей удобно, а дѣвушки побѣгутъ за ней и плюютъ въ нее и кричатъ ей: «тьфу, на твою голову, тьфу, на твою голову».

Потомъ на ея мѣсто сядетъ другая, которая тамъ хочетъ, и начнутъ опять такъ же играть.

A eščo nalkśiť iśťańa. Puruńiť kruks i kuńćiť ketťi kec, krugyńť ťäjiť käľij i karńiť morama:

Ṕľeťeń a ṕľeťeń,
Ṕľeťeń zařažu,
Purbań uŕäźu,

i väźkiń tarkasta keďest noldasyź, i kafta ťäźťiŕźńiť keďest käṕiťcyź, a ombòćä ṕästyńť karńiť suvama ńe käṕidiť keťńä jutkuva. Kodak väśij jutaviť, ńäjľä taga iśťa kundyť i taga karńiť morama.

I nařažyť alašat, kambraśťasyź i ojśeť laśťä, keďezèst sajiť nogajkat i tujiť aŕźńińä prok kazakt. Kuva ardyť, žajŕ moľä äjstyst, i väśij ćityrdyť i kudyńińť ńäjľä iśťaža.

А еще играютъ такимъ образомъ. Собираются въ кругъ и берутся за руки, сдѣлаютъ широкій кругъ и начинаютъ пѣть:

Плетень а плетень,
Плетень заряжу
? ?

и на одномъ мѣстѣ опустятъ руки, и двѣ дѣвушки поднимутъ свои руки, а съ другого конца начнутъ входить между этими поднятыми руками. Когда всѣ пройдутъ, потомъ опять такъ же берутся и опять начнутъ пѣть.

И уберутъ лошадей, осѣдлаютъ ихъ и сядутъ верхомъ, въ руки возьмутъ нагайки и начнутъ кататься, точно казаки. Куда ѣдутъ, тамъ идетъ отъ нихъ стонъ, и все дрожитъ, и послѣ посидѣнокъ дѣлаютъ такъ же.

Pokajiś uĺńiś śeďä ikiĺiń naŕad; sonza orčńeź śokśńä kudyńiďä ikiĺä. Ťäχťiŕχnä śesta naŕažakšnyśť iśťa: orčëť pokaj päṛťkast, mešcèzest pokš śulgam, pŕazyst biśiryń pŕaśuks. Piĺist krugom karksyś—piĺisuŕiť. Piĺisuŕiś—pokš śulgamyś i pŕa śuksyś, naŕažaft väśij grušasa i goŕńepoɥsa.

Bojarpŕa. Śeďä ikiĺä bojarpŕadyńť puťńikšnyśť oṛta väĺksc, kŕiškava, i ḿeŕńeśť: šajťan asuvaŕä i kodamajak skoťenań kuluma asuvaŕä.

Покай былъ стариннымъ нарядомъ; его надѣвали осенью передъ посидѣками. Дѣвушки тогда наряжались такъ: надѣнутъ на себя покай, на грудь большую застежку, на голову бисерную повязку. Вокругъ ушей поясъ — ушныя нитки. Ушная нитка — это большая застежка и повязка, украшенныя всѣ побрякушками и погремушками.

Чертогонъ. Въ старину клали чертогонъ на ворота и подъ крышу, и говорили, что не войдетъ шайтанъ и не приблизится никакой скотскій падёжъ.

Б. Сухой Карбулакъ.

Од годэнь гарча тейтерьть соцеть.

1) Ёрцэзь готаст орта вельксна и кинь говолоў гота прязы пры, товолоў мирьдининь годяве.

2) Лисить орта лангкс и мереть: онгкт онгкт, кискине, коса монь мирьдинимь?

3) Кайсить кивиса. Кинь киризы пры ашысты кудряўста, се мирьди экшсы ули уцяскаў; а кинь гивизы пры чоподасты валаняста, се мирьди экшсы ули грешнэй.

4) Путыть столангкс колмы чапкат. Ве чапканьть алы сурьцям, омбоцень алы кольця, а колмоцень алксызы чава. Кода чап-

---

Б. Сухой Карбулакъ.

Наканунѣ новаго года дѣвушки гадаютъ.

1) Бросятъ башмаки черезъ ворота, и у кого на какую сторону упадетъ носъ башмака, та на ту сторону угодитъ замужъ.

2) Выйдутъ за ворота и скажутъ: лай лай, собачка, гдѣ мой муженёкъ?

3) Бросаютъ оловомъ (растопленнымъ въ воду). У кого олово упадетъ бѣлымъ и кудрявымъ, та будетъ счастлива за мужемъ; а у кого олово упадетъ темнымъ и гладкимъ, та будетъ несчастна за мужемъ.

4) Положатъ на столъ три шапки. Подъ одной шапкой гребешокъ, подъ другой кольцо, подъ третьей шапкой пусто. Когда

катьнинь бутыть, тейтерьтьни а ваныть, а мельи каждый[1]) дейтересь сан ве чайка. Кинь цапкась сурьцям марта, сень мирьдизы ули щёголь[2]), кинь гольця марта, се мирьдининь лисе, а конань цапкась чава, се те годэньть мирьдининь а лисе.

5) Якить кулцынума ломань вальмалуў. Бути марить[3]) кортэть горяда, то и сыняст ули горя, а бути кортэть парыда, то и сыньдяст ули пара.

6) Суваштыть кудыс пенги берема и вачкить пенгкнень кафты куцяс; ве куцяньтинь[4]) пенгеньть путумсты мереть: «суўсикс», а омбоци куцяньтинь путумсты мереть: «мешэкс.» Кинь остатка пенгесь годяви суўсикс, се годяви сюпаўнинь; а конань остатка пенгесь годяви мешэкс, се годяви арасьчисынинь.

7) Лисить ульцяў и кеўкстеть ютыця ломань, кода лемеза. Код лаоманьць[5]) ёфтэ, истя ули мирьдинsы лемеза.

кладутъ шапки, дѣвушки не смотрятъ, а потомъ каждая дѣвушка беретъ одну шапку. У кого шапка съ гребешкомъ, у той мужъ будетъ щеголемъ, у кого съ кольцомъ, та выйдетъ замужъ, а у которой пустая шапка, та въ этомъ году не выйдетъ замужъ.

5) Ходятъ слушать подъ чужія окошки. Если услышатъ, что говорятъ о горѣ, то и имъ будетъ горе, а если говорятъ о хорошемъ, то и имъ будетъ хорошо.

6) Вносятъ въ домъ беремя дровъ и раскладываютъ дрова на двѣ кучи; когда кладутъ полѣно въ одну кучу, говорятъ: «въ сусѣкъ», а когда кладутъ въ другую кучу говорятъ «въ мѣшокъ». У кого послѣднее полѣно придется въ сусѣкъ, та угодитъ за богатаго; а у которой послѣднее полѣно придется въ мѣшокъ, та угодитъ за бѣдняка.

7) Выйдутъ на улицу и спрашиваютъ проходящаго человѣка, какъ его имя. Какъ скажетъ человѣкъ, такъ будетъ имя ея мужа.

---

1) эрьва. 2) прянефтей. 3) маринъдяряйть. 4) куцяньтий. 5) ломанись.

8) Коншаста колозэнь даргама якить. Кажный дарги зняры колост, зяры ломатть семьясынsa. Бути кининь годяви[1]) колостома олга, сень земьясты эль гулы кияк, эль мирьдининь лиси, эль залдатыкс туе.

9) Якить кулцынума ки улыс, эль анґксима лангкс; карксыст крёстэст каясызь и саить мартыст помила и кулцыныть. Чачума годнэнь марить озэнь цикырдума, голодь годнэнь марить чавы крандазынь галдырдума, кулуманинь марить лайпыма.

Парц марить пара, беряньц марить берянь. Ки улыса и анґксима лангкса молитват а лоўнэть, аньцяк яла лецьнеть: «помила-помила-помила».

Одгодэнь гарчи васьня бабатьни пидить сараст, уткат, мацийть, туляўкст, алт, ой-зюкурт, каша чакш и кшы и не сьряпнятьнинь а токасызь чёкшнес. Сы одгодэнь гарчи весь, сайсызь

1) годявиньдяряй.

---

8) Ходятъ выдергивать колосья изъ коппы. Каждый выдергиваетъ столько колосьевъ, сколько людей въ его семьѣ. Если кому-нибудь угодитъ солома безъ колоса, у того изъ семьи или умретъ кто-нибудь, или выйдетъ замужъ, или уйдетъ въ солдаты.

9) Ходятъ слушать на перекрестокъ дороги или на прорубь; поясы и кресты сбросятъ и возьмутъ съ собой помело и слушаютъ. Къ урожайному году услышатъ скрипъ телѣгъ (со снопами), къ голодному году услышатъ стукъ пустой телѣги, къ смерти услышатъ заплачку по покойникѣ.

Къ добру услышатъ доброе, къ худу услышатъ худое. На перекресткѣ дороги и у проруби молитвъ не читаютъ, только все поминаютъ: «помело-помело-помело».

Наканунѣ новаго года сначала старухи наварятъ куръ, утокъ, гусей, поросятъ, пекли яйца, лепешки на маслѣ, горшокъ каши и хлѣбъ, и не тронутъ эту стряпню до вечера. Настанетъ ночь передъ новымъ годомъ, старухи возьмутъ эту стряпню и пойдутъ

бабатьни не сьряпнятьнинь и туить ведь берекеў ознома. Ацыть столешникь мастуруў, вачкасызь зьряпнятьнинь и прыть конелька лангкс и кармить ознома истяня: «Нишки Пас, Покш пас, Вери Пас, корьменецькемат! чачизы сюра, мастырынsы лазыза. Макст, корьмай, прязынsы зёрна. Нишки Пас, Покш Пас, Вери Пас, корьменецькемат! ванцтыкь буряда, цярахманда, благый бизимада; макст прязынsы росэне, корёнэзэнsы летькене. Нишки Пас, Покш Пас, Вери Пас, корьменецькемат! макст весеми тарка: чачи сюрува, раштыкильдимга, тицава-нармуньга[1]) и чумбрачинива! и сожденеnsы максыза». Ве баба сти, кшиньть кепетьцы, мекеў буцы и мере: «Покщат, бабат, кулыйть, юмийть! мода поцы рунгынгк, Вери Паз икили ойменгк, ознэда, радияда Нишки Пазнынь, Покш Пазнынь, Вери Пазнынь, корьменецьнень и чачи сюрынь гис и скотенань гис и тицань-нармунинь гис и веси народэнь гис; максызы корьменецесь чумбрачи, сождене роботамс, эрямс,

1) Слово нармунь исчезло изъ живого говора въ Сухомъ Карбулакѣ.

молиться на берегъ рѣки. Постелютъ на землю скатерть, разложатъ стряпню и станутъ на колѣни и начнутъ молиться такимъ образомъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, ты мой кормилецъ! да уродится хлѣбъ, да растрескаетъ онъ землю. Дай, кормилецъ, на верхушки его зёрна. Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, ты мой кормилецъ! соблюди отъ бури, отъ града, отъ нехорошаго дождя, дай росцу на верхушки, сырость на корни. Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, ты мой кормилецъ! дай всякую всячину на урожайный хлѣбъ, на плодящійся скотъ, на птицу и на здоровье! и да дастъ онъ легость». Одна женщина встанетъ, подниметъ хлѣбъ, положитъ обратно и скажетъ: «Дѣдушки, бабушки, покойники, пропащіе! ваши тѣла подъ землей, ваши души передъ Верипазомъ; молитесь, желайте добра Нишкипазу, Покшпазу, Верипазу, кормильцу и за урожайный хлѣбъ и за скотину и за птицу и за весь народъ; да дастъ кормилецъ здоровье и лёгость на работу, на жизнь и проживаніе». Встанетъ женщина, опять подни-

ащимс». Сти бабась, тагы кепетьцы кшыньть. Кшыньть марты кепси и лия сьряпнятьнинь. И карми бабась пасиба ёфтама Пазыньтинь ютась[1]) годэньть кис истя: «Пасиба, Нишки Пас, пасиба Вери Пас, пасиба, корьменець, весеми тарказыт: чачи сюрызыт и скотеназыт и тицазыт-нармунизыт и чумбрачизыт и сожденезэт» (а бабатьни ащить яла конелька лагкса). Мельи бабатьни стить и кшыньть паласызь и мереть: «Я поровонь[2]) гирьдий, норовава[3]), матушка, макст чумбрачи».

Одгодэнь гарчи тешнесэзь борца веси кенгкшэст вальмаст.

Одгоцты сьряпаить тувинить, пещенеть, каша чакш.

Кщеньясты пидить конькат цёратьнининь и скотенанинь[4]), а аватьнининь саразынь бизыт.

Кщеньясты арьтынить алашасы ульцява и морэть.

Масиньцясты кажный[5]) гудысыньть пидить брага, а пива

1) Такъ. 2) Значеніе этого слова въ Сухомъ Карбулакѣ неизвѣстно. 3) Тоже. 4) скотинанинь. 5) эрьва.

метъ хлѣбъ. Вмѣстѣ съ хлѣбомъ поднимаетъ и другія кушанья. И начнетъ эта женщина спасибо сказывать Богу за прошлый годъ слѣдующимъ образомъ: «Спасибо, Нишкипазъ, спасибо, Покшпазъ, спасибо, Верипазъ, спасибо, кормилецъ, за всякую твою всячину: за урожайный твой хлѣбъ и за твою скотину и за твою птицу и за твое здоровье и за твою лёгость (а женщины все стоятъ на колѣняхъ). Затѣмъ женщины встанутъ, поцѣлуютъ хлѣбъ и скажутъ: «Ну, держащая урожай, Норовава, матушка, дай здоровья».

Наканунѣ новаго года замѣтятъ (ставя знакъ креста) мѣломъ всѣ двери и окна.

На новый годъ готовятъ свинушки, орѣшки, горшокъ каши.

На крещеніе испекутъ коньки (печеніе изъ сдобнаго тѣста въ видѣ дуги) для мужиковъ и для скотины, а для женщинъ «куриныя гнѣзда» (печеніе, видомъ похожее на курицу).

На крещеніе катаются по улицѣ на лошадяхъ и поютъ.

На масляницу каждый варитъ въ своемъ домѣ брагу, а пиво

пидить веленекь ведьцириса; недлянь берьть гуляить и арьтьнить. Остатка чинь цокшненьть якить прощама веси родэст туртуў; тосы ярцыть яишницяда. Сыть прощамсты, орчнеть кулынь одежат и мадьнить. Се веньть сынь учнисть пинги ютама чи.

Нилиньгемень зьветэень цине тейнекшнэсть жаврёнкат.

Благавещеньянь цисты покш пост, ям гак эсть пице. (Благавещеньясты нармунь бизы а тее).

Велекэй бостэнь нилицикс недьляста кажный семьясыньть теть зняры хрёст, зяры семьясыньть ломатть. Кона хрёстэньть поц путыть ярмак, конань боц—тоўзеры зёрна, конань—розь зёрна, конань—проса зёрна. Конанинь заты хрёстэсь ярмак марта, сень ярмакынзы улить те гоцтэньть лама; конанинь заты хрёст тоўзеры зёрна марта, сенень чачи тоўзера; конань γрёстэзы проса зёрна марта, сенень броса чаче...

Юты иничись, остатка чиньть тейтерьтьни туить моразь

варятъ всѣмъ селомъ на берегу рѣки; цѣлую недѣлю гуляютъ и катаются. Вечеромъ послѣдняго дня ходятъ прощаться ко всѣмъ роднымъ; тамъ ѣдятъ яишницу. Придутъ съ прощанія, надѣнутъ одежду покойниковъ и лягутъ. Въ эту ночь они ждали (нѣсколько разъ) конецъ міра.

Въ день святыхъ сорока (мучениковъ) дѣлывали жаворонки.

Въ день Благовѣщенія большой постъ, не варили и щей. (Поговорка: на Благовѣщеніе птица гнѣзда не вьетъ).

На четвертой недѣлѣ великаго поста въ каждой семьѣ приготовятъ столько крестовъ, сколько въ семьѣ людей. Въ который крестъ положатъ монету, въ который пшеничное зерно, въ который ржаное зерно, въ который просяное зерно. Кому достанется крестъ съ монетой, у того въ этомъ году будетъ много денегъ; кому достанется крестъ съ пшеничнымъ зерномъ, у того уродится пшеница; у кого крестъ съ просянымъ зерномъ, у того уродится просо...

Пройдетъ Пасха, въ послѣдній день дѣвушки уйдутъ съ пѣс-

иничинь бровожама. Веленьть маласы панды ланґксы ульнись килийне. Се килийниньть алы тейтертьни ярцыть алды, ойзюкурды, морэть. Мельи килийниньть наряжасысь паця панґкскисы, письверекь ал лукшсы, и туить кудуў.

Хоменэй недьлянь офторьниксты сьряпаить, пидить брага ды пива и туить калмы ланґкс кулынь лемень гундама. Цёратьни молеть ласти и кандыть вина, пива, брага; аватьни молеть ялга, кандыть сьряпнят. А кинь пакшанsы лама, се кильди алаша и моли кильдинь[1]) алашаса. Молеть калмы ланґкс, пуцызь зьряпнятьнинь кулыньть пряпес, а сыньць сюкунить пильги пезенsы и мереть: «Покщат, бабат! сыникь леменґк кундама, мода челькенґк явума, а тынь весень дерьденґкь, веси родьнятьнинь, раськнинь, можэт улить лия велень гулыцят, вирьц плутаицят, вец ваицят, толц палыцят, иляст ульть вепели ащицят, сельмень зявадыцят. Весень андынґкь, симдинґкь и каванинґкь». Мельи стить, молеть

1) кильдизь.

нями провожать Пасху. Вблизи села на горѣ была березка. Подъ той березкой дѣвушки ѣдятъ яйца, лепешки на маслѣ и поютъ. Потомъ нарядятъ берёзку лоскутками, скорлупами яйца, свареннаго въ смятку, и пойдутъ домой.

Во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ стряпаютъ, варятъ брагу и пиво и пойдутъ на могилы поминать имена покойниковъ. Мужики ѣдутъ верхами и везутъ вино, пиво, брагу; женщины идутъ пѣшкомъ, несутъ стряпню. А у кого много дѣтей, тотъ заложитъ лошадь и ѣдетъ на заложенной лошади. Придутъ на кладбище, поставятъ стряпню надъ головой покойника, а сами поклонятся надъ ногами и говорятъ: «Дѣдушки, бабушки! мы пришли помянуть ваши имена, отдѣлить (отъ васъ) вашу земляную пыль, а вы призовите всѣхъ, всѣхъ родственниковъ, свойственниковъ, можетъ быть, есть покойники изъ другихъ деревень, есть заплутавшіеся въ лѣсу, потонувшіе въ водѣ, сгорѣвшіе въ огнѣ; чтобы не было въ сторонѣ стоящихъ, глазами завидующихъ; накормите, напоите и угостите всѣхъ». Затѣмъ онѣ встанутъ, по-

сьряпнятьнинь ваксс, тапить ал, навить метьц пряка, синьтрисызь и яўшисызь вейкест-вейкест ланга (бути нищий зы и сенень максыть) и кармить ознома истя: «Нишки Пас, Покш Пас, Вери Пас, корьменець! лифтингкь кульцятьнинь грехста». Мельи калмуньть почотцэзь пряка крошкасы, ал грошкасы и кармить винады, пивады, брагады симиме.

Озьнесеньянь цини сьряпаить пачалксить, ищо кой-месть и кашачакш; пуцызь зьряпнятьнинь столангкс; прыть конелька лангкс и кармить ознома истя: «Пас чангить, Нишки Пас, Покш Пас, Вери Пас, корьменець! чачи сюры чачизы, мастырынзы лазызы, верьди пизимкс пизизы, алды лисьмакс лисиза. Зярынь дарка норовонь гирьдий нороваваньть кепетьца, зьнярынь зэрцы касыза. Зярынь дарка каша чакшыньть кепетьца, зьнярынь дарка просась касыза. Макст, корьменець, прязынзы росэни, корёнэзэнзы летькене. Чачизы, корьмай, зюры, а роботэйнень цумбрань барычи». Мельи сайсызь, столешникиньть ацасызь порог лангкс и

дойдутъ къ стряпнѣ, расколютъ яйца, макнутъ хлѣбъ въ медъ, разломаютъ и раздадутъ по всѣмъ (если придетъ нищій, то и тому дадутъ) и начнутъ молиться слѣдующимъ образомъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, кормилецъ! отпустите мертвымъ грѣхи!» Затѣмъ обсыплютъ могилу крошками хлѣба, крошками яицъ и начнутъ пить вино, пиво и брагу.

На Вознесенье стряпаютъ блины и еще кое что и горшокъ съ кашей; поставятъ стряпню на столъ; упадутъ на колѣни и начнутъ молиться слѣдующимъ образомъ: «Боже помилуй, Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, кормилецъ! да уродится урожайный хлѣбъ, да растрескаетъ онъ землю, да дождитъ сверху дождемъ, да пойдетъ снизу ключемъ. На какую высоту я держащій подниму держащую урожай Нороваву, до такой высоты пусть онъ выростетъ. На какую высоту я подниму горшокъ съ кашей, на такую высоту пусть выростетъ просо. Дай, кормилецъ, на верхъ его росцу, а на корни его сырость. Да уродится, кормилецъ, хлѣбъ, а рабочему (дай) хорошую здоровую жизнь». Затѣмъ

сьряпнятьнинь вачкасызь лангызынsа, а сыньць ютыть кудыкилиў, прыть конелька лангкс и сюкунить кудыпелеў порог лангкс и мереть: «Покщат, бабат, кулыйть, юмийть, мода поцы рунгынгк, Покш Паз икили ойменгк, ознэда радияда Покш Пазнынь и чачи сюрува и раштыкильдимга, тицава-нармуньга, чумбрань барычива. Я Пас чангить, Пас чангчить я». Мельи стить и кармить сьряпнятьниды ярцама.

Сы кизы Микила, пурнавить тейтерьтьни утум ваксс и вийцы кундыть кафты тейтерьть, наряжасызь одзёракс, карьцить пильгизыст кемьть, путыть прязыст чапкат, орчафтыть лангызыст цёрань понкст и панарт, кедезэст тонгеть перчаткат и максыть кедезэст илифть. И наряжыть кафты тейтерьть бояравакс, и туить ульцянь гувалт. Тейтерьтьни молеть кец куньцизь ряп-ряц и морэть. Бояртны молеть тейтерьтьнень икили и кии ары тейтерьтьнень гарча, сень вачкитьцызь илиўса. Бути ульцясы ащить [1]) авat,

1) ащиньдяряйть ульцясы.

возьмутъ, постелютъ столешникъ на порогъ и наложатъ на него стряпню, а сами они отойдутъ въ сѣни, упадутъ на колѣни и поклонятся на порогѣ въ сторону дома и скажутъ: «Дѣдушки, бабушки, покойники, пропащіе, ваши тѣла подъ землей, ваши души передъ Покшпазомъ, молитесь, желайте добра Покшпазу и за урожай хлѣба и за плодящуюся скотину, за птицу, за здоровье. Ну, помилуй Богъ, помилуй Богъ». Затѣмъ встанутъ и начнутъ ѣсть стряпню.

Придетъ лѣтній Никола, дѣвушки соберутся около амбаровъ и силкомъ схватятъ двухъ дѣвушекъ, нарядятъ ихъ парнями, надѣнутъ имъ на ноги сапоги, надѣнутъ имъ на голову шапки, надѣнутъ на нихъ мужскіе штаны и рубашки, надѣнутъ имъ на руки перчатки и дадутъ имъ въ руки прутья. И нарядятъ двухъ дѣвушекъ барынями и пойдутъ вдоль улицы. Дѣвушки идутъ взявшись за руки въ рядъ и поютъ. Баре идутъ передъ дѣвушками, и кто зайдетъ на встрѣчу дѣвушекъ, того ударятъ они прутомъ. Если на улицѣ будутъ женщины, то онѣ остановятъ ба-

сынь лоткаўсызь бояраватьнинь. Аватьни и тейтерьтьни пурнавить крукс и кармить морама, а боярты и бояраватьни кармить кищиме. Васьня кищи ве боярысь бояравапзы марта, а мельи омбоцесь. Мельи тагы арцить ряц-ряц и туить тагы ульцянь гувалт. Вассызь авап, тагы лоткаўсызь. Пачкидить бояраватьни вели пеў, кайсисызь одежаст и туить мекеў удалга.

Петровонь цини провожеть ёсна. Веси велень дейтерьтьни сезьнеть тьветкат и теть тьветэнь γрёст. Наряжасызь ломань лаца: каить ланганзы шаль, жерелкат и туить мартьинзы ульцянь гувалг моразь, вери песта алы пеў. Сыть алы пеў, сайсызь ёснаньть лапксты шалиньть ды жерелкатьнинь и каясызь ёснаньть вец.

Звижыньянь гарчи чистыньть алт теленень кекшэть.

Покроўсты кармить свадьбат и молеть загоўня вищ.

Роштовасты карми роштова ютка и моли одгоц.

Роштовань васинь цеўбеньть сайсызь и туить ломань валь-

рынь. Женщины и дѣвушки соберутся въ кругъ и начнутъ пѣть, а баре и барыни начнутъ плясать. Сначала пляшетъ одинъ баринъ съ барыней, а потомъ другой. Потомъ опять станутъ въ рядъ и пойдутъ опять вдоль улицы. Встрѣтятъ женщинъ, опять остановятъ ихъ. Дойдутъ барыни до конца села, скинутъ свои одежды и пойдутъ назадъ задами.

На Петровъ день провожаютъ весну. Дѣвушки всего села нарвутъ цвѣтовъ и сдѣлаютъ крестъ изъ цвѣтовъ. Нарядятъ его какъ человѣка; накинутъ на него шаль, борки и пойдутъ съ нимъ вдоль улицы съ пѣснями, съ верхняго конца на нижній. Придутъ на нижній конецъ, снимутъ съ весны шаль и борки и бросятъ весну въ воду.

Наканунѣ Воздвиженія прячутъ на зиму яйца.

Съ Покрова начинаются свадьбы и идутъ до заговѣнья.

Съ Рождества начинаются святки и идутъ до Новаго года.

Возьмутъ конецъ первой лучины рождественской и пойдутъ слушать подъ чужія окна, каждый человѣкъ о своемъ дѣлѣ. Если

малуў кулцынума, эрьва ломаньць эсь теўдэнsа. Бути пары кортамут марить[1]), думить пара тест уле; бути берянь гортамут марить, думить берянь дест уле.

Роштова юткsты оддейтерьтьни и одsёратьни якить ульцява и морэть морэт:

Ягу-ягу-ягу! Кинь булызы кувака...[2])

Оддейтерьтьни и одsёратьни тейнеть роштова юткsты роштованъ гудыт истя:

Веси одsёратьни и оддейтерьтьни пурнавить ве чавы кудыс и кармить морамы тейтерьтьни и цёратьни ве таркасы мининьsюнынь виськс морэт. Наряжыть ве одsёра офтэкс и кармить сонsы киштифтиманsа. Кармить баранынь ваткама: поводьцэзь sёраньть понгкс ошкурда пикс вельди и ваткасызь лангкстыnsы панарныкь понгкснэкь. Тееть нешке: тапарить ве одsёра олкса, араўсызь угулц нешкекс и кирвайсызь. Остаткань белеў гармить роштованъ гудысыньть потковама. Одsёратьни и оддейтерьтьни ойсеть

1) маринъдяряйть. 2) См. въ отдѣлѣ пѣсенъ.

слышатъ хорошій говоръ, то думаютъ, что имъ будетъ хорошо; если слышатъ дурной говоръ, то думаютъ, что имъ будетъ плохо.

На святки дѣвушки и парни ходятъ по улицѣ и поютъ пѣсни:

Ягу-ягу-ягу! У кого коса длинна...

Дѣвушки и парни устраиваютъ на рождественскія святки домà слѣдующимъ образомъ:

Всѣ дѣвушки и парни собираются въ одинъ пустой домъ, и начнутъ пѣть дѣвушки и парни вмѣстѣ разныя срамныя пѣсни. Одѣнутъ одного парня медвѣдемъ и начнутъ заставлять его плясать. Начнутъ драть барана: повѣсятъ парня за кругъ штановъ на веревкѣ и снимутъ съ него рубашку и штаны. Сдѣлаютъ улей: обмотаютъ одного парня соломой, поставятъ его въ уголъ, какъ улей, и зажгутъ. Подъ конецъ начнутъ подковывать въ рождественскомъ домѣ. Мальчики и дѣвушки сядутъ по лавкамъ. А

эземга. А ве одзёра туи аксялга якамы потковамы и весень гарьгарьксыст и карьбиликсыст керьцесэньзе.

Калядакшныть роштовань гарчи чиньть валцке. Пакшатьни орчеть, карьцить, саить мешект и, кажный ялганзы марты, туить калядама вальмалга. Веси калядамутьнинь морцекшнэсэзь ве вайгильца, и веси калядыцятьни морэть ве вайгильца.

Роштовань гарчи пидить куслят, пуцызь порог лангкс и кармить ознома истя: «мороз, мороз, иля чафт пиниме, чафт лён ды мушка, мастыр ваксс вачкидить». Мельи куслятьнинь сэўсэзь.

Роштовань гарчи пидить лемьям: печкеть тува, керясызь пеки алксыньть и пидисызь капстафтума и салтума и сэўсэзь. Пидить ламы пива, брага и цела недьля гуляить.

Неемсты первой од гоў мереть: «здороў, од гоў, бря матушка,

одинъ парень пойдетъ ходить подъ лавками и подковывать, и разрѣжетъ онъ у всѣхъ оборы лаптей и сережки, гдѣ вдѣвается оборъ.

Колядуютъ наканунѣ рождества утромъ. Дѣти одѣнутся, обуются, возьмутъ мѣшки, и каждый съ товарищемъ пойдетъ колядовать подъ окошками. Всѣ поютъ колядки на одинъ голосъ, и всѣ колядовщики поютъ на одинъ мотивъ.

Наканунѣ рождества сварятъ кисель, поставятъ его на порогъ и начнутъ молиться слѣдующимъ образомъ: «морозъ, морозъ, не бей овесъ, бей лёнъ и конопель, ударь ихъ о землю». Затѣмъ съѣдятъ кисель.

Наканунѣ рождества сварятъ щи: заколютъ свинью, вырѣжутъ мякоть подъ брюхомъ, сварятъ безъ капусты и безъ соли и съѣдятъ. Сварятъ много пива и браги и гуляютъ цѣлую недѣлю.

Когда увидятъ въ первый разъ молодой мѣсяцъ, говорятъ: «здорово, молодой мѣсяцъ, голова матушка, ты мой кормилецъ; пусть

тебя увидятъ корьменецькемат; моньдедэн икили сизьгемень зисимь аньдямут неедезь, тоньдять улимс чумбра кшышка, а монянь Эли: цумбра чи». «....тонять сиянь рогенеть, монянь цумбрань бары чи».

Кона чиньть куды путумы кармить, се чиньть кининь гак мезиняк а максыть, кабу кудыньть уцясканsы а максумс.

Сокамы лисимсты, скотина рамамсты, скотина чачумсты мезиняк а максыть, кабу уцяска а максумс.

Васинь раз зараз алые, алыньть кундасызь варьгань бачк и кеверькшнэсэзь суфтимса.

раньше меня семьдесятъ семь аньдямовъ[1]), тебѣ быть съ здоровый хлѣбъ, а мнѣ—здоровіе». Или: «...тебѣ серебряные рожки, а мнѣ здоровіе».

Въ тотъ день, когда начнутъ строить домъ, никому ничего не даютъ, чтобы не отдать счастія дома.

Когда выѣзжаютъ пахать, когда покупаютъ скотину, когда телится скотъ, ничего не даютъ, чтобы не отдать счастія.

Снесётся курица первый разъ, яйцо возьмутъ черезъ варежку и покатаютъ въ рѣшетѣ.

---

1) По объясненію Учаева, аньдяма здѣсь означаетъ черта.

Кии рами алаша, сенень алашань ɣозяиныс панцт поводэньть голэй гец а макссэ, а чуба полэнь бачк, кабу уцясканьть а максумс.

Бути пиўцуви копна, копнаньть таркас пурныть мода (наоз) гуцине, штобу сы годны сезэнь гопна улиза.

Сокамы лисимсты столанкс ацыть столешникь, путыть кшы, салдыркс, кирвастить сьвеча и ознэть.

Мушкы видимсты орчеть калады панарт, штобу мушкысь панаркс чачиза.

Кто купитъ лошадь, тому хозяинъ лошади не дастъ конца повода въ голыя руки, а—черезъ полу шубы, чтобы не отдать счастія.

Если обмолотятъ копну, на мѣсто копны соберутъ кучку земли (навоза), чтобы и на будущій годъ здѣсь была копна.

Когда выходятъ пахать, на столъ стелютъ скатерть, ставятъ хлѣбъ, солонку, зажигаютъ свѣчу и молятся.

Когда сѣютъ коноплю, надѣваютъ рваныя рубашки, чтобы конопля уродилась на рубашки.

Картухань бутумсты сокамы алашаньть пулынзы сюлмасызь. Кодашка сюлмусь, истяшкат картухатьни чачист.

Buťi śudyť lomań, lo·mańiń orčama, lo·mańiń ga·ŕćima, skal, eľ a·laša, śe· jümia·rė, a so·u̯śem a·jümе. Sy ṕeľiv́e śu·dyź lo·mańiś eľ ľijaś mėžeś kak po·javi modalaŋks—loma·ńiks, utka·ks, tuvu·ks, ala·šaks, ťikšiv́eza·ŋkaks, ľeŋginoša·ks eľ ľijaks mе·źeks kak. Jaki modańť la·ŋga dy tandafńi loma·ťť.

Кода сеелесь эсь прянзы сюдызе. Сеелесь ульнись скалчка. Ве шкани сеельць мольць киява ды серьнесь. Мурдась сеелесь мекеӱ ды пильгизы соньцензы вацьс валясь. Сееленьть састь кежензы ды мере: «эсь вацишкат сак». Аньцяк сеелесь истя мерьць,

---

Когда сажаютъ картофель, связываютъ хвостъ пашущей лошади. Какъ великъ узелъ, такими же пусть уродятся картофелины.

Если проклянутъ человѣка, одежду человѣка, обувь человѣка, корову или лошадь, это пропадетъ, а совсѣмъ не погибнетъ. Настанетъ полночь, проклятой человѣкъ или другое что появится надъ землей — въ видѣ человѣка, утки, свиньи, лошади, вязанки травы, связки лыка или и инымъ образомъ. Ходитъ по землѣ и пугаетъ людей.

Какъ ёжъ самого себя проклялъ. Ёжъ былъ ростомъ съ корову. Однажды ёжъ шелъ дорогой и обклался. Вернулся ёжъ назадъ и попала нога его въ свой калъ. Ёжъ разсердился и сказалъ: «очутись (сдѣлайся) съ собственный твой калъ». Лишь только ёжъ это сказалъ, онъ очутился съ собственный свой калъ. Послѣ этого

сась эсь вацишканьа. Седы мельи сеелесь кармась веседы визьдиме; аньцяк моли сееленьть ваксс кияк, сон брянъы кекшсэ, уш чаманъы кининь гак а неўсэ.

От месть ёфьнесь ве бабине:

Тунда сурить пидитяня: лакаўсыникь суритьнинь бси веца, седи чефьть улить. Мельи карматана суритьнинь ямудума: косьнемаст чинь гарча. Ямудувить суритьни, карматана коцтэнь годама. Лисить цёратьни сокама, миньгак мартыст (се шканьтинь гоцтэнэк маштыть). Лисить сюрытьни, вельтясыньъи лопа, карматана сюрытьнинь гочкома. Седикили чинцарамут арасильть. Сы нуима-шка, карматана нуиме. Сюрыт седикили ульникшныстъ парт. Нуивить сюрытьне, туить пулцт усксимат. Пулцт усксимады мелье, пири роботат. Седикили барщинасы пиўцат чокшни кафты сьвечань балумс. Сат кудуў, карит пракстат как а кенереть

ёжъ сталъ стыдиться всѣхъ; лишь только кто-либо пройдетъ къ ежу, онъ спрячетъ свою голову, а лица своего никому не покажетъ.

Вотъ что мнѣ разсказала одна старушка.

Весной мы варимъ нитки: обвариваемъ горячею водой нитки, онѣ бываютъ мягче. Затѣмъ мы начинаемъ (?) нитки, чтобы онѣ сохли противъ солнца. Когда нитки (?), мы начинаемъ ткать полотно. Выѣдутъ мужики пахать, и мы съ ними (къ этому времени наши полотна окончатся). Взойдутъ хлѣба, покроетъ ихъ трава, мы начинаемъ полоть хлѣба. Въ старину не было подсолнечниковъ. Придетъ время жатвы, мы начинаемъ жать. Хлѣба въ старину бывали хорошіе. Сожнутся хлѣба, пойдетъ возка сноповъ. Послѣ возки сноповъ работы на гумнѣ. Въ старину молотишь на барщинѣ вечеромъ столько времени, во сколько сгораютъ двѣ свѣчки. Придешь домой, лапти и онучи не успѣютъ высох-

коськеме, а Мала (барцкый здарыста) уш пане. Юты сёксесь, сы теле. Пакшатьни кармнтъ нальксиме: кона галындаса, кона курнса (кекшнемкаса), кона ой цакшса. Тейтерьбакшатьни мерьнесть ялгаст туртуў: Брачкай, Сиякай, Ялгакай.

Седикили чопачатьни эрясть ломатьнинь марты човор. Ванат прок ломань (цопачась), сы ваксызыт, тейтерь марты нальксе, кортэ, а кутьмиринзы варчтамс а макссэ. Сонзы кутьмиризы арась, сюлынзы пекензы ушысыт. Чопачатьни лисьнисть срастикс: пакшакс лисе, туукс, тикши стогакс, везанкакс, ленги ношакс. Аньцяк свадьба, чопачатьни веси пурнавить: пекь гуляямуньть вечксэзь; сыньдедэст парьцьти кияк эзь гишне.

Мон геўкстени бабаньть: «нейсь—арась срасть?»—Ох! неень-неень! мери бабась и кармась ёфьнеме: Весть молян Лёвинькань баняньть вакска, а баняньть бокаса (веденьть чириса) керянь ветла корён лангкса ащи ведьавась. Ащи озады чуфты корёнэньть лангкса, пильгинзы нурьгить веденьтень, кецензы пижынь зурь-

---

путь, а Мала (барскій староста) ужъ гонитъ. Пройдетъ осень, придетъ зима. Ребята начнутъ играть: кто въ колки, кто въ прятки, кто въ горшокъ масла. Дѣвочки говорили другъ другу: Братецъ, Сестрица, Дружокъ.

Въ старину черти жили вмѣстѣ съ людьми. Видишь, словно человѣкъ (чертъ), подойдетъ къ тебѣ, играетъ съ дѣвушкой, разговариваетъ, а посмотрѣть на свою спину не даетъ. У него спины нѣтъ, внутренности его наружи. Черти выходили оборотнями: выйдетъ мальчикомъ, свиньей, стогомъ сѣна, вязанкой, пучкомъ лыкъ. Только лишь свадьба, соберутся всѣ черти; очень любятъ гуляніе; лучше нихъ никто не плясалъ. Я спросилъ старуху: «Видѣла ли ты или нѣтъ оборотня?» — Охъ! видѣла-видѣла! говоритъ старуха, и начала разсказывать: Однажды я прохожу близъ бани Львовыхъ, а на заваленкѣ бани (наберегу рѣки), на корнѣ срубленной ветлы водяная. Сидитъ она на корнѣ дерева, ноги опущены въ воду, а въ рукѣ зеленый гребень; рѣзкими движеніями (?) че-

цям; рукстимь-рукстимь, зудри черенsа. Аньцяк неемемь, года цяхазиве и веденьтень юмась. А ве срасть неень ломанинь бонаса; лиссь мельнеця сэденьть алды ды моле мельган.—«А кода, бабай, срасстыньть менемс?» кеўкстени мон бабаньть. — Я, срасстыньть менемс можна — мери бабась. Ванцак, моли мельгат срастись, саикь ды хрёстэкь киньть; хрёстэньть велькска а ютэ. Лиякс менемс срастиньть эйсты от кода, — мери бабась. Веляфт удалы пельди ды чийть. Срастись чии-чии мельгат, ванцы пильги слеттнэ ащить мекеў, ды веляфтэ.

«Винас кулыйда месть как эзеть маря?» кеўкстени мон бабаньть.—Охъ, маринь, ламы маринь.—И кармась бабась ёфьнеме:

Мон ульнинь ищо тейтерь бакша, моленекь Каналейкаў нуиме. А Каналейкасы ламы эрькьть, а се эрькьненень гайсикшныть винас-кулыйть. Сась ве, минь мадьнинкь удума. Аньцяк кармата нувазимиме, винас-кулыйтьни чиить, капутьцызь алдынык кеньденьть, туить чиизь. Минь гадуфтана ванькс мода ланкс;

шетъ свои волосы. Лишь только я ее увидѣла, она какъ захохочетъ, и исчезла въ водѣ. А одного оборотня я видѣла въ образѣ человѣка; вышелъ изъ подъ мельничнаго моста и пошелъ за мной.— «А какъ, бабушка, избѣжать этого оборотня?» спросилъ я старуху.— Этого оборотня, говоритъ старуха, избѣжать можно. Видишь, идетъ за тобой оборотень, возьми да перекрести дорогу; онъ не перейдетъ черезъ крестъ. Другимъ образомъ убѣжать отъ оборотня—вотъ какъ, говоритъ старуха. Обернись задомъ и бѣги. Оборотень побѣжитъ-побѣжитъ за тобой, увидитъ, что слѣды ногъ обращены назадъ, и вернется обратно.

«А слышала ты что-нибудь объ умершихъ отъ вина (опойцевъ)?» спросилъ я старуху. — Охъ, слышала, много слышала. И начала старуха разсказывать:

Я была еще дѣвочкой, мы ходили жать въ Каналейку (урочище). А въ Каналейкѣ много озеръ, а въ тѣ озера бросали опойцевъ. Пришла ночь, мы легли спать. Только лишь начнемъ мы засыпать, опойцы бѣгутъ, схватятъ изъ подъ насъ войлокъ и уй-

стятана, кучсыникь цёратьнинь геньденьть вешнеме. Молеть цёратьни, мусызь геньденьть костыяк эрьки бокасты, канцызь. Аньцяк тагы мадьштяна минь, дагы винас-кулыйтьни кеньденьть алдыныкъ ноцкоўсэзь. — Вайхь уш! ламы нарьгамы нарьксикшныстьлангксынык винас-кулыйтьне! мери бабась, и ойменsы стакасты таргизе.

Кияк сыргиньдяряй гиланкс, озны истя: «Нишки Пас, Покш Пас, Вери Пас, корьменець! пары карча, апары вакска; макст, Вери Пас, алашаньтинь офтэнь-зярдынь вий!»

Бути сыргить киланкс, а пецькаст уштызь, сесты саить палка ды стяўсызь бецьканьть карча. Бути пецькась апак уштъ,

---

дутъ бѣгомъ. Мы остаемся на голой землѣ; встаемъ, посылаемъ мужиковъ искать войлокъ. Идутъ мужики, найдутъ войлокъ гдѣ нибудь на берегу озера, принесутъ его. Только лишь мы опять ляжемъ, опять опойцы выташутъ изъ подъ насъ войлокъ. — Охъ, ужъ! много мученій причинили намъ опойцы! сказала старуха и тяжело вздохнула.

Всякій, кто собирается въ дорогу, молится слѣдующимъ образомъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, Веripазъ, кормилецъ! доброе на встрѣчу, а недоброе въ сторону; дай, Веripазъ, лошади силу медвѣдя-оленя»[1]).

Если собираются въ дорогу, а печка затоплена, тогда возьмутъ палку и поставятъ ее противъ печки. Если печка не зато-

---

1) Р. Ѳ. Учаевъ замѣчаетъ: «встарину медвѣдя называли сярда».

сесты пецькась пекстазь заслонца. А уштызь бецьканьть заслонцы пекстамс нельзя, пекстасызь балкаса, стяфтыть пецьканьть карча палка.

Мельнецянь зрояма. Плотьникьни кильдить тройка, туить лия велеў и салыть тосты пакша эль оддейтерь — одзёра. Ускызь залазь ломаниньть, уштыть баня, штасызь и алфтасызь мельнеця алуў. Мельи чувить васинь звайньтинь латка, озаўсызь латкыньтинь залазь бакшаньть, пуцызь брязынзы сваиньть и чаўсызь бачканза. Кода пакшаньть озафтыть латкыньтинь, мереть: «ульть мельнецянь гирьдий, мельнеця авакс». Мельи мельнецяньтинь мереть: «а тон ищо ломаниньбря иля вещ а плотьниксты, а мельнексты, а яжицяста; ней макстана теть ломань бря». Теды ули мора: «Каргыцькаць Акамкань руцяза».

плена, тогда она закрыта заслонкой. А затопленную печку нельзя закрыть заслонкой, ее запираютъ палкой, поставятъ палку противъ печки.

Постройка мельницы. Плотники закладываютъ тройку, ѣдутъ въ другую деревню и украдутъ оттуда ребенка, а то молодую дѣвушку или молодого парня. Привезутъ украденнаго человѣка, истопятъ баню, вымоютъ его и обѣщаютъ подъ мельницу. Потомъ выкопаютъ яму для первой сваи, посадятъ украденнаго ребенка въ яму, поставятъ на его голову сваю и вобьютъ въ него. Когда сажаютъ ребенка въ яму, скажутъ: «будь держащимъ мельницу, матерью мельницы». Потомъ скажутъ мельницѣ: «а ты не проси ещо человѣчьей головы ни отъ плотника, ни отъ мельника, ни отъ помольца; теперь мы даемъ тебѣ человѣчью голову». Объ этомъ есть пѣсня: «Загрязнилась у Акамки рубашка»[1]).

---

1) См. эту пѣсню въ отдѣлѣ пѣсней.

Бути ломаниньть кини суды пряза, сон мере: «вереў гине, чачтыця марян, алуў гине, кульця марян».

Кининьдяряй ломаниньть кедьгуньчказа, мере: «ванат, казни тень максыть».

Кининьдяряй ломаниньть щёказа, мере: «течи, ванат, мекс как аварьдян».

Кининьдяряй ломаниньть коняза, мере: «ванат, ки марты як здоровакшнан».

Если у кого чешется конецъ носа, онъ говоритъ: «кверху чешется, узнаю о родившемся, книзу чешется узнаю объ умершемъ».

Если у кого чешется ладонь, онъ говоритъ: «видно, мнѣ дадутъ подарокъ».

Если у кого чешется щека, онъ говоритъ: «видно, я сегодня отъ чего-нибудь заплачу».

Если у кого чешется лобъ, онъ говоритъ: «видно, я съ кѣмъ-нибудь поздороваюсь».

Arčilo·voń na·rodėś eŕʒa·ń mo·rėt mo·ŕćeť ču·rysta. E·ŕʒań mo·ra maŕať a·ńćak i·ŕicty lo·mańiń gu·rksta; sy·ŕi loma·ťť e·ŕʒań mo·ry śe·ŕǵeďeť a·ńćak śesta, ko·da mo·raŕiť ru·zyń mo·rast, a od lo·maťť śe·ŕǵeďeť e·ŕʒań mo·ry ṕejeďe·mańǵis. E·ŕʒań mo··rėt ko·naťńiń mo·ŕćesėź ńejga·k: Iva·nyń Ma·ťŕaś, Sy·ŕi ta·tarčaś, Mašuty·ńiś, Adï·dy ja·lgat, i ĭijat kojkoda·tt. A ĭija mo·rėťńeń eĭ zdu·fnyśiź. Od lo·maťť ĭi·jat so·dėť kojkoda·tt eŕʒań mo·rėt, a ĭi·jat kodatt kak azdy·ť. E·ŕʒań mo·rėt mo·žna ma·ŕams śedï ko·rtakšuų ba·bińi eĭ a·ťińi ṕe·ĺďe. Morėť ruzy·ń mo·rėt: Praššaj žišť, radošť maja, Krugom ja širaťela, Za ŕekoj na gaŕe.

Васьня эрьѕятьни эрясть покш семьяса, а ней ве цёра и се тятянѕы эйсты туе.

Арчиловскіе крестьяне рѣдко поютъ эрзянскія пѣсни. Эрзянскую пѣсню можно услышать только отъ пьянаго человѣка; старые люди поютъ эрзянскую пѣсню только тогда, когда споютъ свои русскія пѣсни, а молодые люди поютъ эрзянскую пѣсню для шутки. Вотъ эрзянскія пѣсни, которыя поютъ и теперь: Иванова Матрёна, Старый татаринъ, Машуточка, Идите подруги, и кое-какія другія. А другія пѣсни они чуть ли не забыли. нѣкоторые молодые люди знаютъ кое-какія эрзянскія пѣсни, а нѣкоторые никакихъ совсѣмъ не знаютъ. Эрзянскія пѣсни чаще всего можно услышать отъ особенно разговорчивой старушки или старичка. Русскія пѣсни поютъ (слѣдующія): Прощай, жисть радость моя, Кругомъ я сиротѣла, За рѣкой на горѣ.

Раньше эрзяки жили большими семьями, а теперь одинъ сынъ, и тотъ уходитъ отъ своего отца.

Эрьѕятьни машсть мининьѕюнынь артума. Арцьть мининьѕюнынь дикшысы и тикшы корёнца. Ожэсты (тюжасты) арцьть «ожы лопаса»; якстиристы арцьть «кей дикшы корёнца».

Кода Арчилоў велесэньть эзь ульни церькова и народэсь эрясь апак лемть, сесты лемтьнень максникшныѕть сыньць истя.

Кона пакшаньть кувать учить чачуманѕы, сень лемензы пуцызь «Учай» (учумс). Паксяс чачиця пакшаньть пуцызь лемензы «Паксяль» (пакся). Бути пакшась чачи тикшыледема ланга, сень лемезы «Тикшаль» (тикше). Кона пакшась чачи нуима ланга, сень лемезы «Нуяль» (нуимс). Кона пакшась чачи празникста, сень лемезы «Нарядге» (наряжамс). «Кочкаль» — валсты «кочкомс»; «Улиж»—валсты улимс; истя мереть пакшаньтинь, кона чачи пары гоцты, кода сюры уле, зли кона чачи, кода уж цёра уле. «Девятай»—кона чачи вейксэцекс пакша.

Эрзяки умѣли красить всякую всячину. Красили всякими травами и корнями травъ. Въ желтую краску красили «серповникомъ»; въ красную краску красили корнемъ травы марены.

Когда въ селѣ Арчиловѣ не было церкви и народъ былъ не крещеный, тогда они давали имена слѣдующимъ образомъ.

Когда долго ждутъ рожденія ребёнка, ему дадутъ имя «Учай» (отъ слова ждать). Ребенку, рожденному на полѣ, дадутъ имя «Паксяль» (отъ слова поле). Если ребенокъ родится во время покоса, имя ему «Тикшаль» (отъ слова, означающаго траву). Ребенку, который родится во время жнитва, имя «Нуяль» (отъ слова жать). Который ребенокъ родится въ праздникъ, тому имя «Нарядге» (отъ слова наряжать). «Кочкаль» отъ слова, означающаго полоть. «Улиж» отъ слова, означающаго быть; такъ называли ребенка, который родится въ хорошій годъ, когда есть хлѣбъ, или который родится, когда ужъ есть сынъ. «Девятый» —(назовутъ) ребенка, который родится девятымъ.

Цюр - Бас.

Арчиловонь эрьѕятьнинь гак ули Цюр-Базыст. Арчиловонь бабинить секи теӱ мереть: «Вай, ѕюр-бас ванынѕат!» Нееньдяряй Арчиловонь ава мезиняк апара, серьгеде: «вай ѕюр! ванумак, корьмай, истямуды». Карманьдярят киньгак кармафтума апарынь дееме (салама, эль ищо мезеньгак тееме), сон гарчит мере: «вай, ѕюр-бас, ванумам». Улиньдяряй ломанинътий горя, сон зеки теӱ дейне: «вай ѕюр, вай ѕюр, вай ѕюр!...»

Ве бабини ёфнесь:

Ведь офьни сюдынь ломатть. Седикили ломаньть сюдысизь, сон офтэкс веляфтэ. Офтэньть пильгинѕы як ломанинь, пильгалксынѕы як».

Богъ - Чуръ.

У Сукокарбулакскихъ эрзяковъ есть и богъ Чуръ. Сухокарбулкскія старушки такъ говорятъ: «ой, богъ Чуръ тебя увидитъ». Если Сухокарбулакская женщина увидитъ что-нибудь страшное, она закричитъ: «ой, чуръ! сохрани меня кормилецъ отъ этого». Если начнешь дѣлать кому-нибудь зло (красть или ещо что дѣлать), она скажетъ тебѣ: «ой, богъ Чуръ сохранитъ меня». Если человѣку приключится горе, она такъ повторяетъ: «ой чуръ, ой чуръ, ой чуръ!»

Одна старушка разсказала:

Вѣдь медвѣди проклятые люди. Въ старину, проклянутъ человѣка, онъ обернется медвѣдемъ. У медвѣдя ноги тоже человѣчьи и пятки тоже.

Ве бабини ёфнесь:

Ва курык Аньтихрист сы. Сесты ули голодь. Аньтихристысь сы, кармп сюры яўшиме, орчамут-карьцимат. Ки мези сам кецтэнзы, сень гонязынзы эль вить кедезэнзы печат путэ. А ней уш курык; сы ды сы.

Ве атя монянь мере: «куды юртават ульнисть!» И кармась ёфнеме. — «Минь весть стыникь Гашка лялянь геца; ульнинпкь Родя атя марта. Ащитяна столекшса, а куды юртавась миникь алда: а-а-а-а! а-а-а-а! Минь гургынык афтыникь ды вантана вейкенэк-вейкенэк лангкс. Мон мерян: «Родя атя, тон гулыть!» А сон моньдянь истя мере. Омбоци чокшненьть ащитяна, статана, а куды - юртавась пецька алда: а-а-а! а-а-а! — «Тон месть тандафнят, Родя атя?» мерян мон. — «Тон доньць тандафнят, Ёгор атя!» мери моньдянь Родя. А миньць ащитяна буты кулыт».

Одна старушка разсказала:

Вотъ скоро придетъ Антихристъ. Тогда будетъ голодъ. Антихристъ придетъ, начнетъ раздавать хлѣбъ, одежду и обувь. Кто что возьметъ изъ его рукъ, тому онъ положитъ печать на лобъ или правую руку. А теперь ужъ скоро; придетъ да придетъ.

Одинъ старикъ говоритъ мнѣ: «были домовыя юртавы»! И началъ разсказывать. — «Мы однажды шили у дяди Агафона; мы были вмѣстѣ съ дѣдушкой Родіономъ. Сидимъ за столомъ, а домовая юртава подъ нами: а-а-а-а! а-а-а-а! (стонетъ). Мы раскрыли рты и смотримъ другъ на друга. Я говорю: «дѣдушка Родіонъ, ты померъ!» А онъ мнѣ такъ же говоритъ. На другой вечеръ сидимъ, шьемъ, а домовая юртава изъ подъ печки: а-а-а! а-а-а!—«Ты чего пугаешься, дѣдушка Родіонъ?» говорю я.—«Ты самъ пугаешься, дѣдушка Егоръ!» говоритъ мнѣ Родіонъ. А мы сами сидимъ, точно мертвые».

Мон геўкстеи атяньть, косы эри куды юртавась. — «Пецька ала! от коса!» мери моньдянь атясь.

Ве атя мон геўкстень, ули-арась кардаз-юртава. Монянь атясь ёфнесь от месть:

Раманынькань Иванынь алашанsы ульнисть буты ледянкат, а се ульнись от мезьда. Весть мон лисинь гардазуў[1]) цокшни позда, максынь алашатьнининь дикшыть ды сувинь гудыс. Мельи бабам лиссь венелеў. Аньцяк кенерьць лисиме, кода суви мекеў, кода хлопатцы кенкшеньть, а соньць буты кула. — «Тон мекс? тон мекс?» мерян мон бабанинь, а бабам афтызи кургынsы, тетькенsи сельменsы, ды мере: «мон лисинь ды ванан, а Раманынькань Иванынь гардаз-юртавась сюлминьsи алашатьнинь икильди тикшытьнинь везанкас ды кузи латы велькска. Соньць а неяве, а тикшы везанкась моле-шаштэ и ютась латынть велък-

1) кардайс.

Я спросилъ старика, гдѣ живетъ домовая юртава. — «Подъ печкой! вотъ гдѣ!» говоритъ мнѣ старикъ.

Я спросилъ одного старика: есть ли или нѣтъ дворовая юртава?

Старикъ разсказалъ мнѣ вотъ что: «У Ивана Романова лошади были гладкія какъ ледянки, а это было вотъ отъ чего. Однажды я вышелъ на дворъ, поздно вечеромъ, далъ лошадямъ травы и вошелъ въ домъ. Потомъ жена моя вышла на дворъ. Только лишь она успѣла выйти, какъ войдетъ назадъ, какъ хлопнетъ дверью, а сама точно мертвая. — «Ты чего? ты чего?» говорю я женѣ, а жена раскрыла ротъ, вытаращила глаза и говоритъ: «я вышла и смотрю, а дворовая юртава Ивана Романова связываетъ позади лошадей траву въ вязанки и лазитъ черезъ крышу. Самое ея не видно, а вязанка изъ травы ходитъ, двигается и исчезла на

ска».—От мекс Раманынькань Иванынь алашанзы ульнисть буты ледянгкат, мери моньдянь атясь.

Ве баба ёфнесь:

«Ащан, мери, чавы кудыса, а кудыюртавась конекь алды моли пецькаалуў. Соньць кудыюртавась аша, псакань бонаса, пулызы кувака. Весть мон веть лисинь гардаз удалуў. Ванца, ащи кардаз-юртавась, прок ашы псака. Мон гундыне, саини кедезэн и туинь гудуў нефьтеманза. Кандан гардаз-юртаваньть кецэн, карминь гудыс сувама. Кардаз-юртавась скокаць кецтэн, юмась».

Месть ёфнесь ве баба:

«Вай ули кудыюртава, вай уле! мери бабась. — Кудыюртавась псакань бонасы, ашы, пулызы кувака. Мон моньць эзень

крышѣ».—Вотъ отчего лошади Ивана Романова были словно ледянки»— говоритъ мнѣ старикъ.

Одна старуха разсказывала:

«Сижу я, говоритъ, въ пустой избѣ, а домовая юртава изъ подъ кровати идетъ подъ печку. Сама домовая юртава бѣлая, по виду кошка, хвостъ ея длинный. Однажды ночью я вышла за дворъ. Смотрю, сидитъ дворовая юртава, словно бѣлая кошка. Я схватила ее, взяла ее въ свои руки и понесла домой, чтобы показать ее. Несу дворовую юрtаву въ рукахъ, стала входить въ избу. Дворовая юртава выскочила изъ рукъ, исчезла.

Что разсказывала одна старуха:

«Ой, есть домовая юртава, ой, есть! говоритъ старуха. Домовая юртава по виду кошка, бѣлая, хвостъ ея длинный. Я сама не видѣла домовой юртавы, Ефремова Евфимія разсказывала; она

некь кудыюртава, Эхьременькань Охемья ёфнесь; сон неези кудыюртаваньть кияксыньдрокс ютамста аксялды пецька алуў. Апарыс кудыюртавась аварьде, парыс кашмоле. Карминьдяряй кудыюртавась аварьдиме, сонзы кеўкьсьнеть, а сон а ёфтэ. Сы ломаниньть ланкс бедась, сон чарькиди мейсь кудыюртавась аварьць».

Седикили эрьцесть истя: эрьва ломаниньть эйдензы-какшынзы эрьва теўсты тятяст кеўкстеть и эрьва кеўкстемсты пильгизынзы сюкунить.

Ве ломань дятянзы аванзы мель эзь ван. Тусь се ломанись пирисы аўняў булцтынь гостяма. Аньцяк кенерьць сувама аўня мацтыньтинь, года аўня авась тензы вередемы, кода уруме. Тиятува ломанць меньць, аўня авась поакшнызе.

Ве ломань дятянзы аванзы мель эзь ван. Тусь се ломанись вириў, керясь ломанись оз бенге, тусь кудуў. Мольць мольць,

---

увидѣла домовую юртаву, какъ она проходила по полу отъ скамейки подъ печку. Ко злу домовая юртава плачетъ, а къ добру молчитъ. Если домовая юртава начнетъ плакать, ее спрашиваютъ, а она не говоритъ. Нападетъ на человѣка бѣда, онъ пойдемъ, отчего плакала домовая юртава».

Въ старину жили такимъ образомъ: у каждаго человѣка дѣти относительно каждаго дѣла спрашиваютъ своего отца и при каждомъ спросѣ кланяются ему въ ноги.

Одинъ человѣкъ не слушался своего отца и матери. Пошелъ этотъ человѣкъ на гумно въ овинъ сушить снопы. Только лишь успѣлъ онъ войти въ овинный подвалъ, какъ овинная женщина начала приставать къ нему и душить его. Туда сюда метался человѣкъ, овинная женщина удушила его.

Одинъ человѣкъ не слушался своего отца и матери. Пошелъ тотъ человѣкъ въ лѣсъ, нарубилъ возъ дровъ, пошелъ домой.

роўна таркас озэзы сяурыць. Понксь ломаньць озэньть алуў, цауўсь.

Нень ёфненьзи ве баба.

Орма.

«Raba Ivannyń zaś Vaśiľijiń ďeľdä. Vaśiľijiń ašy panarcta vešan milyśtkä: lama orčat, lamy kaŕat, lamuńiń pary tejat. Vešt Vaśiľijiń ďeľdä meńkskä śetkskä, dobroj zdoroŭja. Saś sonzy valyń meŕemasta, apary meľďenza kežďenza pektėnza, a moža saś Pazyń apary časta. Ulizy milyśtkit, maksyk čumbračyńinza, javik zdoroŭjanza» (kolmkšt). Kolm raz gortaftums, kolmo vejksė raz kaji vedňeť. Lounósy meŕej lanyk, mejľi van išta amuľďi, meŕej lanykt valći, mejľi tagy išta kortausy, tagy vejksė louné, tagy

---

Шелъ шелъ, на ровномъ мѣстѣ разсыпался его возъ. Попалъ человѣкъ подъ возъ, убился.

Это разсказала одна старуха.

О болѣзняхъ.

«Рабу Ивану попритчилось отъ Василія. Я прошу съ чистой рубашки Василія милость: ты многихъ одѣваешь, многихъ обуваешь, многимъ дѣлаешь добро. Попроси у Василія перемѣнушки, облегченьица, добраго здоровья. Попритчилось отъ произнесенія имъ слова, отъ дурного желанія, отъ гнѣва, отъ его боли и, можетъ быть, попритчилось отъ недобраго Божьяго времени. Да будетъ твоя милость, дай ему здоровьеце, надѣли ему здоровье» (трижды). Три раза сказать, трижды девять разъ выльетъ водицу. Считаетъ это наоборотъ (т. е. девять, восемь, семь, и т. д.), потомъ вотъ такъ зачерпнетъ, выльетъ назадъ, потомъ опять такъ же скажетъ, потомъ опять сосчитаетъ девять, потомъ опять

ńekej laŋkt laftuuŋzy troks véd valė kolmy raz, dy ńeĺji śe véďńesėńť sėŕeďeć̀äńť štasy i śimsė.

Записано отъ старушки Учаевой.

Kandyť kolma ĺiśmasta véďńä, tarǵiť kolma kŕišasta olǵeńeť Bogorodĭcańť marta, kolmy kudysta nupuńńiť tarǵiť; kolmy véjksėt šćeṕkeńeť vašiń gačamńis pucyź. Mejĺi sajsyź véďńeńť, kijaks kunčkas ṕejeĺ śalǵiť, pakšańť panaryŋzy orčaṷsyź ṕejeĺeńť laŋks i karkskiŋzy kajasyź. Araṷsyź bakšanť ṕejĺenť laŋks, suftiḿ araftyť pakšańť véĺkss i kajasyź véďńeńť pakšańť laŋks suftiḿińť pačk. Pakšyńińť tapaŕasyź, laṷś kajasyź, a panaryńť véd laŋguṷ ńeĺgast usksyź i muśksyź, i ńeŕä: «Mon ždyń nardyń Ivannyń ormaŋzy tazvuŋza, štyń nardyń gudysa, a kudyjurtava mattuškaś nakazaś tońať štamuda rućastyŋza paĺastyŋza karkskistyŋza. Véďeń ǵiŕďij véďava mattuška, štyť nardyť śijaks čudi véďńesėt i zo-

---

выльетъ три раза воду поверхъ его плечей, а потомъ тою водицею вымоетъ больного и выпьетъ ее.

Принесутъ водицы съ трехъ источниковъ, выдернутъ соломинки съ трехъ крышъ съ Богородичною молитвою, изъ трехъ избъ выдернутъ кусочки моху и три девятка щепочекъ положатъ въ первый дымокъ. Затѣмъ возьмутъ водицу, посрединѣ пола воткнутъ ножъ, на ножъ надѣнутъ рубашку ребенка и накинутъ поясокъ. Поставятъ мальчика у ножа, ставятъ рѣшето надъ головой мальчика и льютъ ту воду на мальчика черезъ рѣшето. Мальчика завернутъ, положатъ въ зыбку, а рубашку потащатъ съ собой на рѣчку и вымоютъ, и она говоритъ: «Я мою вытираю Иванушкины болѣзни, я мою вытираю въ домѣ, а домовая юртава матушка приказала тебѣ смыть съ его руци, съ его рубашки съ его пояска. Воду содержащая ведява матушка, вымой вытри серебромъ текущею водицею твоею и на золотомъ бережочкѣ вытекающимъ какъ серебро родничкомъ. Спасибо, содержащая воду ведява матушка, за твой какъ серебро вытекающій родникъ, за

lotòj ƀeŕekḱesėt śijaks ĺiśä ĺiśma ṕŕiń́isyt. Paśiba, ve̍ďeń ǵiŕďij ve̍ďava mattuška, śijaks ĺiśi ĺiśma ṕŕazyt, zolotòj ƀeŕekḱezėt i śijaks čuďi ve̍ďńezėt. Paśiba zdoroo̧jań maksumazyt, paśiba čumbračyzyt». Ḿejĺi tuji panarnyńť marty kuduo̧. V́ed laŋguo̧ moĺemsty ḿeḱeo̧ avarštė, ve̍d laŋksty samsty jak a vany udaluo̧. Sraosė. Pańďa.

Записано отъ старушки Учаевой.

Аньцяк кона кудыньтинь появи оц чачий, почотцэзь вальма ланґкнинь гулуўса, вальматынинь γрёстасызь, а оц чачиньть лаўсинзы кружасызь килиинь деньцьса и мереть: «Сьветэй цуфта, ашы килий, ванцтыкь раба (лемь кундасы) душманды (ведунды), апарыда, вень удумсты, чинь ащимсты, кепедемстэнзы, валцтумстынзы, потяфтумстынзы, андумстынзы, симдимстынза». Истя пирить-чурыть оц чачиньть кодгемень чить.

Бути авась веть а марясы аварьдимады пакшанза, омбоци чёкшненьть мадимстынзы истя ознэ: «Куды юртавинимь, авинимь,

---

твой золотой бережокъ и за серебромъ текущую твою водицу. Спасибо за то, что дала здоровье, спасибо за здоровье». Затѣмъ она идетъ съ рубашкой домой. Отправляясь на рѣку, назадъ не смотритъ, и идя съ рѣки не смотритъ назадъ. Развѣситъ рубашку. Конецъ.

Какъ только въ какомъ нибудь домѣ появится на свѣтъ новорожденный, посыпаютъ подоконники золой, крестятъ окна, а вокругъ новорожденнаго обводятъ березовой метлой и говорятъ: «Святое дерево, бѣлая береза, охрани раба (имя рекъ) отъ дурного человѣка (колдуна), отъ зла, ночью во время сна, днемъ во время бодрствованія, во время подниманія его, опусканія его, кормленія его грудью, кормленія его пищей, поенія его». Такъ охраняютъ новорожденнаго въ теченіе шестидесяти дней.

Если женщина не слышитъ ночью плача своего ребёнка, она на другой вечеръ ложась молится слѣдующимъ образомъ: «Домовая юртава, матушка, отрубленный пень, кормящій и воспитываю-

керянь цочкы три ваны Пас, корьменецькемат! иляк катт куватьц [1]) аварьдими монь эйдьнемь, стяфтумак, илямак катт вииўсты удума».

Бути пакшась пекь аварьди и кувать сэреде, се пакшаньть сайсызь вириў; тосы лазыть чуфта (бути цёра пакшась, лазыть тума; бути тейтерь бакшась, лазыть килий). Лазыть чуфта корён лангксы ащиця; лайсызь истя: кунчкавидинзы чуфтыньть лайсызь, а корёнэньть марты чуфтыпрясь ащить целаста. Чуфтыньть пачк лазуўкскаиьть пакшаньть таргасызь. Пакшаньть таргамсты мереть: «Сьветэй цуфта, ашы килий» (бути пакшась тейтерь), эль «Сьветэй цуфта, пижы тума (бути пакшась цёра), саикь раба (лемь кундэ) аварьдиманзы, нарчтыкь эйстэнзы, максыкь чумбра чинза. Чумбрачининь максумга, ормань дарвунь заимга, орчеть раба (лемь кундэ) орчамунзы, карьцить карьциманза; прястынзы чапканза, лангстынзы палянза, перькастынзы каркснпза и руцянзы палянза». Седы мельи сэредеця пакшаньть чапканзы, панарынзы, каркснпзы и руцянзы поволесэзь цуфтыньть лангси туить.

1) кувать.

щій Богъ, ты мой кормилецъ! не оставляй плакать подолгу моего ребенка, поднимай меня, не оставляй меня спать крѣпкимъ сномъ».

Если ребенокъ сильно плачетъ и долго болѣетъ, его возьмутъ въ лѣсъ: тамъ расколютъ дерево (если мальчикъ, расколютъ дубъ; если дѣвочка, расколютъ березу). Раскалываютъ дерево на корню; колютъ слѣдующимъ образомъ: колютъ середину дерева, а верхушка дерева вмѣстѣ съ корнемъ остаются цѣлы и протащатъ ребенка черезъ дерево расколотымъ мѣстомъ. Протаскивая ребенка, говорятъ: «Святое дерево, бѣлая береза» (если ребёнокъ дѣвочка) или «Святое дерево, зелёный дубъ (если ребёнокъ мальчикъ), возьми отъ раба (имя рекъ) его плачъ, сшиби съ него, дай здоровье. За то что ты дашь здоровье, за взятіе болѣзни, одѣнь на раба (имя рекъ) его платье, обуй его обувь; съ головы его шапку, съ него рубашку, съ туловища его поясъ, пеленки и рубашку». Послѣ этого развѣсятъ на деревѣ шапку, рубашку, поясъ и руцю больного ребенка и уходятъ.

Бути пакшаньть кольги пилиза, варчить венчамы кольця и вереў гасый бакша и кармаўсызь вереў гасый бакшаньть сельгенеми кольцяньть пачк сэредеця пакшаньть лангкс, вицты сэредеця пилиньтинь. Истя пакшаньть сэредеця пильгиньть сельгенесэзь кемгафтувы чокшнеть валцкить.

Ве ава сэредеця пакшаньть пари баняса, а омбоцесь ащи кенгкш удала. Кенгкш удалы ащиця авась кеўксьне: «мезя парят»? Париця авась отьвече: «кискань зыри чи». Васинь авась мере: «паряк, паряк парыниста!» Истя кеўкстеть отьвечеть колмкстъ.

Бути цёрапакшань ве алнызы покш, моли авась ведь берекс, комафты ведра, сан курьця, навасы курьцяньть вец и кармн курьцяпестэньть веденьть петьняфнями ведра потмаксыньть лангкс. Петьняфты авась ведра потмаксыньть лангкс колмы вейксэт, сайсы се веденьть кургызынзы и сы кудуў. Араўсы авась сэредеця пакшаньть вальма варянь гарча (а бути вальмасыньть варя

Если у ребенка болитъ ухо, найдутъ вѣнчальное кольцо и въ верхъ растущаго ребенка (или юношу)[1]) и заставятъ въ верхъ растущаго ребенка плевать черезъ кольцо, прямо въ больное ухо. Такъ плюютъ въ больное ухо двѣнадцать дней утромъ и вечеромъ.

Одна женщина паритъ больного ребенка въ банѣ, а другая стоитъ за дверью. Стоящая за дверью женщина спрашиваетъ: «что ты паришь?» Парящая женщина отвѣчаетъ: «собачью старость». Первая женщина говоритъ: «парь, парь хорошенько». Такъ спрашиваютъ и отвѣчаютъ трижды.

Если у мальчика одно яичко (на половыхъ частяхъ) велико, мать идетъ на берегъ рѣки, опрокинетъ ведро, возьметъ коромысло, опуститъ коромысло въ воду и начнетъ сливать воду съ конца коромысла на дно ведра. Сольётъ мать на дно ведра три раза по девять капель, возьметъ ту воду въ ротъ и пойдетъ домой. Поставитъ мать больного ребенка противъ оконной отдушины (а

---

1) Отъ 1 года до 20 лѣтъ (т. е. переживающаго періодъ роста).

арась, паньцить вальма и паньцинь вальманьть карчи араўсызь бакшаньть). Соньць авась лиси ушуў ды вальма варяваньть пакшаньть алнынзы пургасынзи курксынзы вецэньть (конань ведьбере ксты кандызе).

Иван Гупальнынь цини якить бабинить вириў тикшынь люкшань зезьнеми ормань орожьямс.

Ветькень гомолят — томбафтынь барямс.

Ведь грайга ведь нарфуць тикшыть—пакшань дандалимады резэмада.

Залык ланга коськи нарфуць тикшыть—пакшань госькемада.

Ведьга жывой дикшыть: бути пакшаньтинь сэредецяньтинь гулумс, то те тикшысынь экшэлемады мельи кулэ, а бути а кулумс, то а кулэ.

Плакунтрава — веси орматьнида.

Цяпур и шалфей барт простудада.

если въ окнѣ нѣтъ отдушины, то откроютъ окно и поставятъ ребенка напротивъ открытаго окна). Сама мать выйдетъ наружу и черезъ отверстіе окна брызнетъ изо рта водою (которую принесла съ берега рѣки) въ яичко ребёнка.

Въ день Ивана Купалы старушки ходятъ въ лѣсъ рвать травы, для того чтобы завораживать болѣзни.

Хиновникъ — парить ушибъ.

Растущія по берегамъ травы (?)—отъ испуга и чахлости ребенка.

Растущія по залогу травы (?) — отъ сухотки ребенка.

Растущія въ водахъ травы (?)[1]: если больному ребенку помереть, то онъ умретъ послѣ купанія въ этой травѣ; а если не помереть, то не помретъ.

Плакунъ трава — отъ всѣхъ болѣзней.

Богородицкая трава и шалфей хороши отъ простуды.

---

1) «Это есть какія-то травы, которыя растутъ въ водахъ».

Марья тикшэ чулкситимады и веси орматьниды, винас морямс.

Кулина тикшэ — грудинь зэремады и козомада.

Теци корён — зуксты пара.

Таргысть тикшыть — таргызимада.

Гуинь бупама тикшыть — гуинь бупамуда.

Лама тикшыть — веси орматьнида.

Эрьва орманьть орожьямс ули тикшэ.

Коськи нарфуць тикшыньть сеземсты а еряви атякшт марямс морамуда.

Тикшыньть сеземсты эряви арамс чинь гарча, штобу сультит а неемс.

Марьина трава[1])—настоять на винѣ отъ ломоты и всѣхъ болѣзней.

Акулинина трава — отъ болѣзни груди и кашля.

Белена — хороша отъ червей.

? — отъ опухоли.

Травы «ужаленіе змѣи»— отъ ужаленія змѣи.

Много травъ отъ всякихъ болѣзней.

Для излѣченія каждой болѣзни есть трава.

Когда рвешь траву —, не надо слушать пѣнія пѣтуха.

Когда рвешь траву, надо стать противъ солнца, чтобы не видѣть своей тѣни.

---

1) «Растетъ вездѣ, курнями и въ одиночку, цвѣты желтые».

Орожьямут.

Бути пакшась сэстафты ды креце, сесты орожьясь пакшаньть аваньтинь мере: «тонь бешксесы сараз гучкирьдить, ванак ней бакшась сараз лацы креце». Те орманьть истя орожьеть. Каясызь бакшаньть кардаз гунчкас, кайсить пакшаньть ланга ямкст, и кода пакшаньть лангсты сараст кармить ямкснынь глюкама, мереть: «Тица-нармунинь Пас, корьменець, саикь раба (лемь кундэ) крецямунъа».

Кона пакшаньть пекезы сэреди истя орожьеть. Мацьсызь бакшаньть кунцт, саить пыжинь γрёст, лепшеть пакшаньть пекенъы хрёссэньть и кортэть: «Чаван пщиксынъы, осодэнъы, карчи валынъы, апары думунзы, сафтынъы, причинанъы, сэрьстэнъы, кельстэнъы, теластынъы - пукшыстынъы, верьстэнъы - сывиль-

---

Лѣчебные пріемы.

Если ребенка дёргаетъ и онъ кряхтитъ, тогда ворожея говоритъ матери ребенка: «ты (будучи) беременная курицу пихнула ногой, вотъ теперь ребёнокъ кряхтитъ по куриному». Эту болѣзнь лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Положатъ ребенка посреди двора, набросаютъ на ребенка пшена, и когда куры начнутъ клевать пшено съ ребенка, говорятъ: «Богъ птицъ, кормилецъ, возьми съ раба (имя рекъ) его кряхтѣніе».

Если у ребенка болитъ животъ, лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Положатъ ребенка вверхъ животомъ, возьмутъ мѣдный крестъ, надавливаютъ животъ ребенка крестомъ и говорятъ: «Я бью его колотья, его сглазъ, противныя ему слова, нехорошія думы, притки и причины съ его роста, съ его ширины,

стынэы, сизьгемень зисимь ловажастынэы, ловажапоцы удимстынэы, сизьгемень зисимь эзьнестэнэа». Истя хрёссэньть пакшаньть лепшасы колмкстьи колмкстькортасыньэи не валтнынь. Мельи орожьясь саи колмы пеньчть и тагы колмкстьлепшасы пакшаньть пекенэа; эрьва разыньть кортаўсыньэи се валтнынь. Мельи орожьясь саи теньцьть; колмкстьтеньцьсэньть пакшаньть лепшасэ; эрьва лепшамсты кортаўсыньэи вери сёрмадызь валтнынь. (Не орожьямутьни пищиксты як).

Ве баба мининьэюнынь ормат орожьи истя: «Иниведень домбальди сы атя, пижынь цуба ланксынэы, пижинь цапка прясынэы, пижынь гемьть пильксынэы, пижынь балка лафтуў ланксынэы, пижынь ботол бесэнэы, пижынь гиска мельганэа. Пижынь гисканьть пижынь гелезы, пижынь беенэы, пижынь геньценэа. Пижынь балкасыт чавить и саить сэредецяньть орманэы тар-

---

съ его тѣла, съ его крови, съ его мяса, съ семидесяти семи костей его, съ мозга, находящагося подъ костями, съ семидесяти семи суставовъ». Такъ потискаетъ она мальчика крестомъ трижды и трижды говоритъ эти слова. Потомъ ворожея возьметъ три ложки и опять трижды потискаетъ животъ мальчика; каждый разъ она скажетъ эти слова. Потомъ ворожея возьметъ вѣникъ; трижды потискаетъ вѣникомъ мальчика; при каждомъ надавливаніи она говоритъ вышенаписанныя слова. (Эти заговоры также отъ колотья).

Одна старуха заговариваетъ всякія болѣзни слѣдующимъ образомъ: «Съ той стороны великаго моря идетъ старикъ, на немъ мѣдная шуба, на головѣ его мѣдная шапка, на ногахъ у него мѣдные сапоги, на плечахъ у него мѣдная палка, на концѣ ея мѣдная шишка, за нимъ идетъ мѣдная собака. У мѣдной собаки мѣдный языкъ, мѣдные зубы, мѣдныя когти. Ударь мѣдной пал-

вунѕа. Пижынь гискат узафтыкь, пижынь геньчсэнѕы ваткафтыкь, пижынь бейсэнѕы порефтекь, пижынь гельцэнѕы нолафтыкь, нардафтыкь, саифтикь сэредецяньть орманѕы тарвунѕа. Иниведень томбальди сы баба, пижынь руця лангксынѕа, пижынь готат цюлкат пильксынѕы, пижынь жлабикь прясынѕы, пижынь бзака кецэнѕа; пижынь бзаканьть пижынь беенѕы, пижынь бзаканьть пижынь гелезы, пижынь бзаканьть пижынь геньценѕа. Пижынь геньчсэнѕы ваткафтыкь, пижынь бейсэнѕы порефтекь, пижынь гельцэнѕы нолафтыкь сэредецяньть орманѕы тарвунѕа. Кода пурыгини алям зерьгеде, ёндол алям верьгеде; сыри тумуньть серьгетпэзь, ценень ценень лазнысызь, зардынь зардынь нолдасызь; истя сэредецяньть орманѕы ченень ценень лазнынгкь, сардынь зардынь нолдэнгкь, эйстэнѕы панингкь, чумбрачинѕы максынгкь».

кой и сними съ больного его болѣзни - недуги. Подцыкни свою мѣдную собаку, заставь ее драть мѣдными когтями, заставь грызть мѣдными зубами, заставь лизать мѣднымъ языкомъ, заставь вытереть, заставь снять съ больного его болѣзни — недуги. Съ той стороны великаго моря идетъ старуха, на ней мѣдная руця, на ногахъ у нея мѣдные башмаки и чулки, на головѣ у нея мѣдный шлабикъ, у нея мѣдная кошка, у мѣдной кошки мѣдные зубы, у мѣдной кошки мѣдный языкъ, у мѣдной кошки мѣдныя когти. Заставь ее драть мѣдными когтями, заставь грызть мѣдными зубами, заставь лизать мѣднымъ языкомъ болѣзни - недуги больного. Какъ братецъ громъ закричитъ, блеснётъ братецъ молнія; крикнутъ на старый дубъ, расколютъ его на лучины, пустятъ его на занозы; такъ же расколите болѣзни больного, пустите его на занозы, выгоните изъ него, отдайте его здоровье.

Ацы бабась столанкс коцт панкс, путы лангызынзы кшы и колмы пижынь ярмакт и карми озномы истяня: «Эрькс покща, эрькс баба, эрькс тятя, эрькс ава, эрькс ляля, эрькс уряж, эрькс патя, эрькс сазыр! Раба Олда (эль лия, ки сэредецяньть орожьяньтинь ветезе), раба Палагань (эль кода лемь сэредецяньть) гиса паньць тенкь пецька кшы (те шканьть кепетьцы кшыньть вереў и токаўсы сэредецяньть пряс). Сады веси, ярцады и симида, иляст ульть пеняцицят, саинкь урманзы тарвунзы, варчинкь меньксэнзы сэтьксэнза, максынкь чумбрачинза. Ваны раба Олда аныкстась тенкь сэредеця Палагань гисы колмы понт пижэ (се шканьть саи бабась ве пижынь ярмак столанксты и кирксисы пеельца, а мельи каясы се ярмакыньть лакумказынза), роўнасты явинкь сезенкь, иляст ульть пеняцицят; саинкь орманзы тарвунзы, варчинкь меньксэнзы сэтьксэнза, максынкь чумбрачинза» (Истя мери колмксть). Мельи бабась карми пасиба ефтамы истя: «Пасиба! Эрькс покща, эрькс баба и лиятнинь,

---

Старуха постелетъ на столъ лоскутъ холста, поставитъ на него хлѣбъ и три мѣдныя монеты и начнетъ молиться слѣдующимъ образомъ: «Дѣдъ проклинаній, бабушка проклинаній, отецъ проклинаній, мать проклинаній, старшій братъ проклинаній, невѣстка проклинаній, старшая сестра проклинаній, младшая сестра проклинаній! Раба Олда (или другая, которая привела больную къ ворожеѣ) за рабу Пелагею (или какъ имя больной) испекла цѣлую печку хлѣбовъ (въ это время она подниметъ хлѣбъ къ верху и дотронется до головы больной). Приходите всѣ, ѣште и пейте, чтобы не было пеняющихъ, возьмите ея болѣзни-недуги, найдите перемѣну-облегченіе для нея, отдайте ей здоровье. Вотъ раба Олда приготовила вамъ за больную Пелагею три пуда мѣди (въ это время старуха возьметъ со стола одну мѣдную монету и поскоблитъ ее ножомъ, а потомъ броситъ эту монету въ поясной карманъ), раздѣлите, разорвите по ровну, чтобы не было пеняющихъ; снимите ея болѣзни-недуги, найдите перемѣну, облегченіе, отдайте ея здоровье» (такъ она говоритъ три раза).

ормань дарвунь заимазынгк, чумбра чинь максумазынгк». Истя бабась пасиба ёфты колмы раз. Мельи бабась пирясы сэредецяньть пеельца.

Якить ведьбря мельга, кона пара мининьзюнынь ормада. Моли бабась ведьлангкс, хрёстасы веденьть и кармн ознома: «Чёкшнень зоря Дарья, валцкинь зоря Марья, чинь гуньчкава Улита, варма ава Марфа-Магдалина, ведень гирьдий, ведь ава матушка, ламы андат, ламы симдят, ламунинь цумбрачи максат, арьцикь парыни, яфт милыстьки, сиякс чудий ведьнестэт, золотакс кеверей геунестэт, сиякс лисий лисьма принистыт, золотань береккестэт. Макст меньксни, макст сэтьксни, макст чумбрань барычи». Мельи хрёстасы бабась веденьть и амульде (истя тей колмкстъ). Мельи бабась кармн пасиба ёфтама неки валтнынь эйса. Прымер: «Пасиба, чёкшнень зоря Дарья, валцкинь зоря Марья, чинь гуньчкава

Потомъ старуха начнетъ сказывать спасибо слѣдующимъ образомъ: «Спасибо! Дѣдъ заклинаній, бабушка заклинаній, и прочіе (помянетъ), за взятіе болѣзни, за доставленіе здоровія». Такъ сказываетъ старуха спасибо три раза. Потомъ старуха окружитъ больного ножомъ.

Ходятъ за водяной головой, которая хороша отъ всякихъ болѣзней. Придетъ старуха надъ рѣчку, перекреститъ воду и начнетъ молиться: «Вечерняя заря Дарья, утренняя заря Марья, середи дня Улита, вѣтрова матушка Марѳа-Магдалина, хозяйка воды, водяная матушка, многихъ кормишь, многихъ поишь, многимъ даешь здоровье, желай добра, яви милость небольшую, изъ серебромъ текущей водицы, изъ золотомъ катящагося камушка, изъ серебромъ выходящаго источника, изъ золотого бережочка. Дай перемѣночку, дай облегченьице, дай здоровье». Потомъ старуха перекреститъ воду и черпнетъ (такъ она дѣлаетъ трижды).

Улита, варма ава Марфа-Магдалина, ведень гирьдий, ведь ава матушка, ламунь андумазыт, ламунь зимдимазыт, ламунинь цумбрачинь максумазыт, парынь арьцимазынгк, милыстинь яўмазынгк, сиякс чудий ведьнезэнгк, золотакс кеверей кеўнезэнгк, сиякс лисий лисьма прязынгк, золотань берекезэнгк, меньксэнь максумазынгк, сэтьксэнь максумазынгк, чумбрань барычизынгк». Пасибаньть ёфтасы колмкстъ.

Жабань орожьяма. «Жабат лепшан, жабат керьцян и керязь герясынь и печкезь бечксэнь сецтэнзы, пекстэнзы, ашы пулыкс черьстэнзы, якстири верьцтэнзы, эзынестэнзы, ловажастынзы, ловажа поцты удимстынза». Мельи бабась токаўсыньзи кедензы чуўс и мере: «коськи чуўс, памури макшыс».

Потомъ старуха начнетъ сказывать спасибо тѣми же словами. Напримѣръ: «Спасибо, вечерняя заря Дарья, утренняя заря Марья, середи дня Улита, вѣтрова матушка Марѳа-Магдалина, хозяйка воды, водяная матушка, за то, что многихъ накормила, многихъ напоила, многимъ дала здоровіе, за то, что вы желали добра, за удѣленіе вами милости, за вашу водицу, текущую серебромъ, за ваши камушки, катящіеся золотомъ, за вашъ источникъ, выходящій серебромъ, за вашъ золотой берегъ, за доставленіе вами перемѣны, за доставленіе вами облегченія, за ваше доброе здоровіе». Спасибо она скажетъ три раза.

Лѣченіе жабы. «Я мну твою жабу, я рѣжу твою жабу и рѣзьмя разрѣжу зарѣжу отъ сердца, отъ живота, отъ волоса вьющагося бѣлой косой, отъ красной крови, отъ суставовъ, отъ костей, отъ мозга подъ костями». Потомъ старуха дотронется руками дерева и скажетъ: «въ сухое дерево и въ крошащееся гнилое (пусть перейдетъ болѣзнь)».

Бути нуимсты эль лия роботасты валги гриза, се гризаньть и эрьва гризаньть орожьеть истя. Варчить васинь цачий эль мельеў цачий бакша и кармаўсызь гризаньть пореме. Пакшась пейсэнзы гризаньть пори и кортэ: «гриза порян, гриза чаван (лемь гундэ) гецта, якстири верьцты, эзьнесты ловажаста; и порезь борьца и чавузь цаўса». Мельи пакшась пуви гризаньть лангкс, сельги и мере: «коськи чуўс, памури макшыс».

Пеень зэредема орожьямут. «Адамунь вейксы цёранза; вейксэсты каўкса, каўксысты сисимь, сисимсты кота, котэсты вете, ветесты ниле, нилисты колма, колмосты кафта, кафтысты вейке, вейкесты вейки як арась». Мельи пуви, сельги ды мере: «коськи чуўс, памури макшыс.»

Если во время жнитва или при другой работѣ вылѣзетъ грыжа, эту грыжу и всякую грыжу заговариваютъ слѣдующимъ образомъ. Найдутъ первороженнаго или послѣдняго по рожденію ребенка и заставятъ его грызть грыжу. Ребенокъ грызетъ грыжу зубами и говоритъ: «я грызу грыжу, я бью грыжу (помянетъ имя) изъ руки, изъ красной крови, изъ суставовъ и костей; и грызьмя сгрызу и боймя выбью». Потомъ ребенокъ дунетъ на грыжу, плюнетъ и скажетъ: «въ сухое дерево и въ крошащееся гнилое»

Заговоры отъ зубной боли. «У Адама девять сыновей; отъ девяти восемь, отъ восьми семь, отъ семи шесть, отъ шести пять, отъ пяти четыре, отъ четырехъ три, отъ трехъ два, отъ двухъ одинъ, а отъ одного нѣтъ ни одного». Потомъ дунетъ, плюнетъ и скажетъ: «въ сухое дерево и въ крошащееся гнилое».

Орожьяма пицифты, штобу лоўномс оймень апак тарга истя. «Иниведень домбальди сы баба, пилифтими марятанsат, сельмьтеми нетянsат, пильгифтими сасатанsат, кецьтеми кундатанsат, нерьтеми салмукссы пупатанsат, пейтеми порьтянsат, кирга парьтими нильтянsат» (колмксть). Эрьва лоўномадыньть мельи пицифтыньть колмксть пувамс ды вейксэксть сельгемс.

Кода пининь бапсь пичкафтыть. Озаўсы орожьясь сэредцяньть карчинsа, нефни тенsы кукушт и кортафты истя: «ячминь а ячминь, на тонять кукуш, азя базаруў, рамак узирь, герекь эсь прят». Мельи орожьясь сельги и мере: «коськи чуўс, памури макшыс». Истя кортаўсы колмы раз.

Заговоръ отъ обжога, чтобы читать его безъ перерыва дыханія слѣд. образомъ:» Съ того берега большой рѣки идетъ старуха, она услышитъ тебя безъ ушей, она увидитъ тебя безъ глазъ, она догонитъ тебя безъ ногъ, она схватитъ тебя безъ рукъ, она уколетъ тебя, какъ иголкой съ отломленнымъ концомъ, она загрызетъ тебя безъ зубовъ, она проглотитъ тебя безъ горла» (трижды). Послѣ всякаго прочтенія три раза подуть на обжогъ и девять разъ плюнуть на него.

Какъ лѣчатъ ячмень (на глазу). Ворожея посадитъ больного противъ себя, покажетъ ему кукишъ и наговариваетъ слѣдующимъ образомъ: «ячмень, а ячмень, на тебѣ кукишъ, иди на базаръ, купи топоръ, отруби свою голову». Потомъ ворожея плюнетъ и скажетъ: «въ сухое дерево, въ крошащееся гнилое дедево». Такъ она заговариваетъ три раза.

Вец прамуда. Бути ломанись пры вец и причаве, то сень орожьеть ведь берекса. Бути пешксесы ава пры вец, сень бакшанзы а кармить эряма. Бути авась чаўсы пры, се соньць причаве. Орожьеть истя. Саить од брякини, коцт панґкски, пиликст, кольцят, лентычкинить, ацасызь коцт панґкскиньть берекь ланґкс, прякининьть пуцызь лангтызынза, прякининьть вакс пуцызь кольцятьнинь, пиликснынь и лентычкатьнинь и прыть конелька ланґкса и сюкунить мастыруў и мереть: «Ведень гирьдий, ведь ава матушка, сыникь теть покш пары мельга, чумбрачинь вешеми раба Просканинь (кундасы сэредецяньть леменза). Сон баньць теть пецька пряка, рамась казьнить лоўнэт. Тейть пары раба Просканинь сиякс чудий ведьнестэт, золотакс кеверей геўнестэт, золотой береккестэт, сиякс лисий лисьма принистыт. Веси сада, пещенґкь вачи пекенґк, веси ярцада. Саинґкь казнинґк лоўнэнґк, роўнасты явинґкь сезенґкь, роўнасты саинґкь. Саинґкь Проскань орманзы тарвунза, максынґкь чумбрачинза. Кода прась

Отъ паденія въ воду. Если человѣкъ упадетъ въ воду и ему попритчится, то того лѣчатъ на берегу рѣки. Если въ воду упадетъ беременная женщина, ея дѣти не станутъ жить. Если упадетъ небеременная женщина, той самой попритчится. Лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Возьмутъ новый (мягкій) пирожокъ, лоскутикъ холста, серьги, кольца, ленточки, постелютъ лоскутикъ холста на берегу, положатъ пирожокъ, положатъ около пирожка кольца, серьги, ленточки и упадутъ на колѣни и поклонятся въ землю и поютъ: «Хозяйка воды, водяная матушка, мы пришли къ тебѣ за большимъ добромъ, просить здоровья рабѣ Прасковьѣ (поминаетъ больную). Она испекла тебѣ цѣлую печку пироговъ, она купила дары счетомъ. Сдѣлай добро рабѣ Прасковьѣ изъ воды, текущей серебромъ, изъ камушка, катящагося золотомъ, изъ золотого бережка, изъ источника, вытекающаго серебромъ. Придите всѣ, насытьте голодные свои желудки, кушайте всѣ. Возьмите свои дары счетомъ, раздѣлите разорвите ихъ по ровну, возьмите ихъ по ровну. Возьмите Прасковьины болѣзни-недуги, отдайте ей ея

Проска, можы тонь домбеньѕеть, ведень гирьдий, ведь ава матушка, ата тон домбекь сонѕа; сон донь бростятанѕат, а тон зонѕы простекь. Чумбрачинѕы максынкь, здоровьянѕы явинкь». Весть орожьясь кортаўсыньѕи не валтнынь, пиликснынь нолдасыньѕи вец. Ищо весть кортаўсыньѕи, кольцятьнинь нолдасыньѕи вец. Ищо весть кортаўсыньѕи, лентычкатьнинь нолдасыньѕи вец. А прякась ды коцт панксысь кадувить орожьяньтинь.

Сувиньдяряй экшелямсты пакшань билис ведь, сон лиси вецтэньть, лепшасы се пилиньть кецэнѕа, карми ве пильги ланкѕы скокаиме и соньць морэ: «рукамойка зойка, течи каўкстъ (эль досы зярыкстъ—колмкстъ, ниликстъ, ветекстъ, кеменькстъ) экшелень». Кода веси экшелявить, лисить вецтэньть, орчнеть и туить чиизь ведь берекстэньть, и сыньць пижнить: «кона кадуўсь ведень гирьдий ведь ава, кона кадуўсь ведень гирьдий ведь ава»...

здоровье. Когда Прасковья упала, она, можетъ быть, ушибла тебя, хозяйка воды, водяная матушка, или ты ее ушибла; она тебя проститъ; а ты ее прости. Отдайте ей ея здоровье, удѣлите ей ея здоровье». Какъ произнесетъ ворожея одинъ разъ эти слова, она опуститъ въ воду сережки. Ещо разъ произнесетъ ихъ, она опуститъ въ воду кольца. Ещо разъ произнесетъ ихъ, она опуститъ въ воду ленточки. А пирогъ и лоскутъ холста останутся ворожеѣ.

Если отъ купанія войдетъ въ уши ребенка вода, ребенокъ выйдетъ изъ воды, нажметъ это ухо рукой, начнетъ скакать на одной ногѣ, а самъ поетъ: «рукамойка зойка, сегодня два раза (или тамъ сколько разъ — три раза, четыре раза, пять разъ, десять разъ) я купался». Когда всѣ вымоются, выйдутъ изъ воды, одѣнутся и бѣгомъ отправятся по берегу рѣки, а сами кричатъ: «которыя остался, держащая воду водяная мать, который остался, держащая воду водяная мать»....

Верень лоткафтума орожьямутьни-кортафтуматьни рускс, ауль эрьзянь гельца. Крикинь орожьямутьни-кортафтуматьни рускс, ауль эрьзянь гельца.

Гуинь бутамуды кортафтыть сиянь ярмак марта, а кодатт валтнынь мереть, мон аздасынь.

Кода эрьзянь атя орожьясь рузынь ширийть. Мольць эрьзясь сторонаў тоўзера марта и сувась хватерас, а хватерасыньть ульнись ломань, конань ульнисть ламы цириинзя. Эрьзясь ёфтэзи эсь прянзы цириинь орожьецякс. Рузысь кармась эняльдумы эрьзяньть икиле. Эрьзясь вешсь од залмукс, кармась цирийтьнинь бупсими и кортафтумы истя: «Цирий Василий, ваксызынзь кемгафтувы пачк-лиўкст, аўняшкат корёнэст, чурька пряш-

---

Заговоры для останавливанія крови (произносятъ) по русски, а не на эрзянскомъ языкѣ. Заговоры отъ крика (произносятъ) по русски, а не на эрзянскомъ языкѣ.

Отъ укуса змѣя заговариваютъ съ серебряною монетой, а какія говорятъ слова, я не знаю.

Какъ старикъ-эрзякъ заговорилъ чирій у русскаго. Поѣхалъ эрзякъ на сторону съ пшеницей и заѣхалъ на квартиру, а въ квартирѣ былъ человѣкъ, у котораго было много чиріевъ. Эрзякъ объявилъ самого себя умѣющимъ заговаривать чиріи. Русскій сталъ просить эрзяка. Эрзякъ спросилъ новую иголку, началъ тыкать чиріи и наговаривать на нихъ слѣдующимъ образомъ: «Чирій Василій, рядомъ съ нимъ двѣнадцать сквозныхъ оспинъ, съ овинъ корни, съ луковицу ихъ головки». Эрзякъ

кат пряст». Колмкстъ эрьѣясь шстя кортафтыньѣи цирийтьнинь и салмукссы веси пупсиньѣе. Мольць эрьѣясь тоўзеры марты омбопеда, рузысь мере: «пасиба, тонь кортафтуматьниды монь ѣирийтьни пичкасть».

Ве ава чачсь и седы кармась сэредеме. Пурнаўсть ават кстиньяс и ойсесть столекшс обедама и кармасть кортамы чачтьщядыньтъ и мереть: «сон голазь». Ве баба мере: «ведунысь кундаве: мольть сенень, ки ланкс думат, озак столь угулц, кундыкь столь угулыньтъ кафты сурца и лоўнэк Богородицаньтъ, и ведунысь прянѣы неўсэ». Аватьни содэзь уш и чачтаньтъ колэцянѣы, и орожья бабась сыргась содамунѣа. Аватьни мереть: «Куляй бабай! ды тон Богородицаньтъ мусак?» а сон мере: «муса, муса, ина а муса?» — «Анука лоўнэкь», мереть аватьне. Бабась кармась: «Богородица обрадуванна-а-а-а, вай а муса!» Кармась

трижды такъ заговорилъ чиріи и протыкалъ всѣхъ ихъ иглой. Пришелъ эрзякъ съ пшеницей въ другой разъ, русскій говоритъ: «спасибо, отъ твоихъ заговоровъ вылѣчились мои чиріи».

Одна женщина родила и отъ этого начала хворать. Собрались женщины на крестины и сѣли за столъ обѣдать и стали говорить про роженицу и говорятъ: «она испорчена». Одна старуха говоритъ: «колдуна можно поймать; ступай къ тому, на кого думаешь, сядь противъ угла стола, возьми уголъ стола двумя пальцами и читай Богородицу, и колдунъ себя покажетъ». Женщины отгадали уже и испортившаго роженицу, и старуха ворожея собралась отгадать его. Женщины говорятъ: «Бабушка Акулина! да ты Богородицу знаешь?» а она говоритъ: «знаю, знаю, а то развѣ не знаю». — «А нука прочитай», говорятъ женщины. Старуха начала: «Богородица обрадованная, ой не знаю!» Начала опять: «Богородица обрадованная, ой не знаю!»

тага: «Богородица обрадуванна-а-а-а, вай а муса!» Аватьни мереть: «иля мольть, Куляй бабай, тонять ведун а кундаве».

Ве атя седеньгерямунзы орожьи порца: путы зепезэнзы пор зускум ды пори эйсэнзы, аньцяк косы ависькс. — Эрьзятьни ищо орожьеть седеньгеряма истя: сайсызь γрёстэст ды потеть и седейсты сэпейсь туе.

Кода эрьзятьни орожьеть нилимат. Лиси эрьзясь венелеў, кузи латыланкс и ваны весень гудытьнинь ланкс ряц; карми малавикс кудытьнинь эйста. Варчты Максиминь гудыньть ланкс, мере: «Максиминь гудыньть нильца». Варчты Онтонэнь гудыньть ланкс, мере: «Онтонэнь гудыньть нильца». Варчты Паулынь гудыньть ланкс, мере: «Паулынь гудыньть нильца».

Женщины говорятъ: «не ходи, бабушка Акулина, не поймать тебѣ колдуна».

Одинъ старикъ отъ своей изжоги лѣчится мѣломъ: кладетъ кусокъ мѣлу въ свой карманъ и грызетъ его, но только тамъ, гдѣ не совѣстно.—Эрзяки лѣчатъ изжогу еще слѣдующимъ образомъ: возьмутъ свой крестъ и сосутъ, и горечь отходитъ отъ сердца.

Какъ эрзяки лѣчатъ удушья. Войдетъ эрзякъ на дворъ, влѣзетъ на крышу и смотритъ подрядъ на всѣ дома, начинаетъ съ ближайшихъ домовъ. Посмотритъ (напримѣръ) на Максимовъ домъ, скажетъ: «Максимовъ домъ я проглочу». Посмотритъ на Антоновъ домъ, скажетъ: «Антоновъ домъ я проглочу». Посмотритъ на Павловъ домъ, скажетъ: «Павловъ домъ я проглочу».

Кода пининьбапсь орожьямс. Орожьясь арэ ломанинь карча, конань зельмсэнзы пининьбапсь, кармипининьбапсинь кукужынь нефьнеме, и соньць мере: «ячминь-ячминь, на теть кукуж, ази базаруў, рамак узирь, керекь эсь прят; тьфу-тьфу, коськи пойс; тьфу-тьфу, начкы пойс». Истя пининьбапсинь кортафтумс колмксть.

Орожьяма: «ноготцы кайсима». Сан бабась нилиньгемень боба, сюурдасыньзи коморэнзы поц, канцыньзи турванзы малас ды мере: «нилиньгемень бобенеть, ёфтады вицты, парьцьте, муиви эль арась (мези юме), уш ёфтада, ёфтада, ёфтада». И кармибобатьнинь вачкамуст куцянь-гуцянь.

Казнада.

1. Ве ломань вали казнаньть и мере: «кии кармитаргамут, сайть пельдензы сяды ломань брят». А ве ломань маризи и мере: «сяды

Какъ лѣчить ячмень. Ворожея становится противъ человѣка, на глазу котораго ячмень, начинаетъ показывать ячменю кукишъ а сама говоритъ: «ячмень-ячмень, на тебѣ кукишъ, иди на базаръ, купи топоръ, сруби себя; тьфу-тьфу, на сухую осину; тьфу-тьфу, на сырую осину». Такъ (надо повторить) три раза для заговариванія ячменя.

Ворожба: «бросаніе ногтями». Старуха возьметъ сорокъ бобовъ, смѣшаетъ ихъ въ ладони, поднесетъ къ губамъ и скажетъ: «сорокъ бобочковъ, скажите прямо, хорошо, найдется ли или нѣтъ (что пропало), ужъ скажите, скажите, скажите». И начнетъ носить бобы изъ дому въ домъ.

О кладахъ.

1. Одинъ человѣкъ закапывалъ кладъ и сказалъ: «кто станетъ тебя выкапывать, возьми съ того сто человѣческихъ головъ». А

колеят». — «Сяды ломань брят» (сон думи, шты истя тензы казнась отьвече). — «Сяды колеят». — «Сяды ломань брят». — «Сяды колеят!» Спорясть, спорясть,—валицясь и мере: «сяды колеят, тык сяды колеят». Вализи и тусь. Омбоцесь лаксись сяды колеенеть, сялгыниньзи се тарканьть кругом, и казнась лиссь.

2. Ве ломань вали казна и мере: «зярды атякшсы кармить те тарканьть сокама, сесты таргафт». Ве ломань маризи те казна валямуньть, кундась атякш, тейсь сокени и кармась се тарканьть сокамы, и казнась лиссь.

3. Ве ломань казна валямсты мерьць: «зяры ломатть мутадызь, зняра ломань брят сайть!» Муизь зе казнаньть кафты ломатть братиниск. Тусь ве братысь алаша мельга, сась кудуў и мери козяйканцтынь: «паньть мор марта сюкурт; лялям кулыньдяряй, веси ярмакни монь улить». Сы братысь ляляньтинь, а лялясь и думе: «чаўса братум ружыяса, и ярмакни кадувить монянь»,

---

одинъ человѣкъ услышалъ и говоритъ: «сто кольевъ». — «Сто человѣческихъ головъ» (онъ думалъ, что такъ ему отвѣчаетъ кладъ). — «Сто кольевъ. — «Сто человѣческихъ головъ». — «Сто кольевъ!» Спорили, спорили, — закапывающій и говоритъ: «сто кольевъ, такъ сто кольевъ». Завалилъ и ушелъ. Другой натесалъ сто колышковъ, натыкалъ вокругъ этого мѣста, и кладъ вышелъ.

2. Одинъ человѣкъ заваливалъ кладъ и сказалъ: «когда станутъ пахать это мѣсто на пѣтухѣ, тогда вынься». Одинъ человѣкъ узналъ про этотъ кладъ, поймалъ пѣтуха, устроилъ сошку и началъ пахать это, мѣсто и кладъ вышелъ.

3. Одинъ человѣкъ, заваливая кладъ, сказалъ: «сколько людей найдутъ тебя, столько возьми человѣческихъ головъ!» Нашли этотъ кладъ два человѣка, братья. Пошелъ одинъ братъ за лошадью, пришелъ домой и говоритъ своей женѣ: «испеки лепешки съ моромъ; если помретъ мой старшій братъ, всѣ деньги будутъ мои». Приходитъ онъ къ старшему брату, а старшій братъ и думаетъ: «убью я брата изъ ружья, и деньги останутся мнѣ»,

и чавизи братынsа. Ярцась соньць сюкуртныды и соньць кулысь.

4. Ве ломань казна валямсты сайсь кедезэнsы пряка сускум, ланьдясь серьнеме: ярцы, серьни и казна вали и мере: «кии чарькиди истя таргамут, сенень даргафт». Мельи се ломанись соньць думась казнаньть таргамунsа; вешнесь, вешнесь, эзь муифть. Тусь орожьянинь. Орожьясь мере: «кодак валикь, истя таргикь». Сон мольць, сайсь пряка сускум, ланьдясь се тарканьтинь серьнеме: ярцы, серьни и сокаре, и казнась муиўсь.

5. Кода казнат появакшныть. Мольць ве ломань зокама, карьбиликсызы сезеўсь. Сон дусь вириў ленге ваткама, сась стануў, ванцы—ащи пичи пе. Сон мере: «аньцяк думинь карьбиликсынь бутума, а Пазысь уш озама тарка макссь». Озась пичи пеньть

и убилъ своего брата. Самъ онъ поѣлъ лепешекъ и самъ померъ.

4. Одинъ человѣкъ, заваливая кладъ, взялъ въ руки кусокъ пирога и сѣлъ испражняться: ѣстъ, испражняется и закапываетъ кладъ и говоритъ: «кто догадается такъ же тебя вытащить, тому вынься». Потомъ этотъ человѣкъ задумалъ самъ вытащить этотъ кладъ; искалъ, искалъ, не нашелъ. Пошелъ къ ворожеѣ. Ворожея говоритъ: «какъ зарылъ, такъ и вытащи». Онъ пошелъ, взялъ кусокъ пирога и сѣлъ испражняться на томъ мѣстѣ: ѣстъ, испражняется и роетъ; кладъ и нашелся.

5. Какъ появляются клады. Пошелъ одинъ человѣкъ пахать и оборвалось у его лаптя ушко для вдѣванія оборы бечевы. Онъ пошелъ въ лѣсъ драть лыко, пришелъ къ стану[1])—смотритъ, лежитъ обрубокъ бруса. Онъ и говоритъ: «только я подумалъ придѣлывать ушко къ лаптю, а Богъ ужъ далъ мѣсто гдѣ сѣсть». Сѣлъ онъ на брусъ, придѣлалъ ушко къ лаптю

---

1) Выпряженная въ полѣ или лѣсѣ телѣга.

ланґкс, путызи карьбиликсынsы и маць оймсеме. Стясь ломанись [1]) оймсемста, а пичи песь уш арась.

6. Ве ава мольць лугаў умбраўс, мусь угулья куцини и кармась сокаряма. Сокарясь, сокарясь, мусь заслон; ищо сокарясь, мусь сундук угул килий зутцы вельтязь. Сон вализи мекеў латкыньть, тусь кудуў, зайсь застуи и мольць тагы се тарканьтинь. Вешнесь, вешнесь авась се тарканьть, эзези мук. Буты секи таркаваньть вешнесь как, а сокаряўкст, а угульят, эзь мук месть как.

7. Появакшныкшныстьказнат вашыкс, тувукс, уткакс и лиякс. Ве ломанинь ульнисть утканsа, а шабрань баба кулумазынsы казнат вешнесь. А народ гортэ: «бути появи теть казна, вачкидикь мейгенерьть, и ярмакни появить». Аньцяк лиси утка кардайсты, шабрань бабась саи палка и карми мейгенерьть чауманsа. Веси уткатьнинь бабась чаўныньsи, а казна тенsы эзь заифть [2]).

1) ломаньць. 2) заиў.

и легъ отдыхать. Всталъ мужикъ съ отдыха, а обрубка бруса уже нѣтъ.

6. Одна женщина пошла на лугъ за щавелемъ, нашла кучку угольевъ и начала рыть. Рыла, рыла, нашла заслонъ; ещо порыла, нашла уголъ сундука, покрытый березовой корой. Она завалила опять яму, ушла домой, взяла заступъ и опять пришла на то мѣсто. Искала женщина, искала то мѣсто, не нашла его. Какъ она ни искала по тому мѣсту, а не нашла она ничего, ни комковъ разрытой земли, ни угольевъ.

7. Клады появлялись въ видѣ жеребятъ, свиней, утокъ и иначе. У одного человѣка были утки, а сосѣдская старуха искала клада до своей смерти. А народъ говоритъ: «если тебѣ покажется кладъ, ударь его наотмашь, и покажутся деньги». Лишь только выйдетъ со двора утка, сосѣдская старушка возьметъ палку и начнетъ бить ею наотмашь. Старуха перебила всѣхъ утокъ, а клада она не могла взять.

Кодамы орчамусы, карьцимасы и пряс путумасы якасть и ней якить Арчиловонь народэсь.

Цёрада. Цёрась икилиў гак орчи панар ашы коцтэнь. Панарыньть кавалалксынэы кумацинь. Панар зивись торочазь цаўфтызь гоцса. Сивись путьниви ауль блащасы, а улить истятт пижынь бофт. Плаща варя панар зивись эсть пельне, а теетъ истяма петьля кодазь стамсыринь и петьляньть педяўсызь панар зивиньть ланкс. Панар зивиньть и сивиньть стаўксыньть ланга педяфтыть «сюкс».

Орчи цёрась чаўфтынь бонкст (чаўфтынь бонкст—понкст стазь цаўфтынь гоцтэнь). Конелькады верьга понксны чаўфтынь гоцтэнь, а понкс верьксны ульнисть ашы коцтэнь. Понкс верьксэньть меньцээь, меньдеўксэньть эзга ёкстэть карькс, икильди

Въ какихъ одеждахъ, въ какой обуви и въ какихъ головныхъ уборахъ ходили раньше и теперь ходятъ Арчиловскіе крестьяне.

О мужчинахъ. Мужчина прежде всего надѣваетъ рубашку изъ бѣлаго полотна. Подмышники у рубашки кумачевые. Воротъ рубашки отороченъ убитымъ полотномъ. Воротъ рубашки застегивается не пуговицами, а есть такія мѣдныя запонки. Воротъ рубашки не прокалывали для пуговицъ, а дѣлаютъ такія петли изъ нитокъ для шитва и петлю прикрѣпятъ къ вороту рубашки. На воротъ рубашки и шовъ ворота прикрѣпляютъ «сюксъ» [веревочку толщиной въ карандашъ, плетеную изъ черной шерстяной пряжи].

Надѣваетъ мужчина штаны (полотняные штаны — штаны сшитые изъ полотна съ рисунками)[1]). Выше колѣнъ штаны изъ холстяного полотна, а верхъ штановъ былъ изъ бѣлаго полотна. Верхъ штановъ скручиваютъ и въ скрученное мѣсто продѣваютъ

---

1) Чаўфтынь бонкст — штаны сшитые изъ полотна, на которомъ масляными красками набиты (натиснуты) цвѣточки или полоски.

карькс петьнень зюлмасызь. Се карьксыньтинь мерьцьть «гасьникь». Понгкснэнень гереть зепе. Зепеньть керясызь ауль бонгкс пильгинь гувалт, а понгкс пильгинь дрокс.

Цёратьнинь берька ульнисть понасуринь гаркст. Карксысь кодазь миникс цюнькс красязь зуринь, карксыньть эрьва песэньть кафты цёкт. Эрьва цёконьть эрьва сурининьть песы «плёска» Цёконьть вельккссы комафтызь горьнипоў белькс; горьниповоньть вельккссы эрьге. Кафтыниск цёкни карксыньть песы сюлмазь вейц ве эрькса.

Пильксынзы цёраньть карьть п сумань бракстат, а сумань бракстатьнинь ланга коцтэнь бракстат (ноткст). (Пулы марты карьца аньцяк ават якасть).

Панарыньть ланга цёрась орчи сёксня эль дунды збор марты сумань (збортны аньцяк удала) эль цапан; тельня панарыньть

бечевку, спереди бечевку завяжутъ узломъ. Эту бечевку называли гасникомъ. Въ штанахъ вырѣзаютъ карманъ. Карманъ вырѣзаютъ не вдоль штанины, а поперекъ ея.

Вокругъ стана у мужчины были пояса изъ шерстяныхъ нитокъ. Поясъ сотканъ изъ выкрашенныхъ въ разные цвѣта нитокъ, на каждомъ концѣ пояса двѣ кисти. У каждой кисти на концахъ ниточекъ плёска[1]). Сверху кисти наложена половинка отъ погремка, а сверху бляхи бусина. Обѣ кисти въ концѣ пояса связаны вмѣстѣ одной бусиной.

На ногахъ у мужчины лапти и онучи, а поверхъ портянокъ полотняныя портянки. (Въ лаптяхъ съ хвостами ходили только женщины).

На рубашку мужчина надѣваетъ осенью или весной сборочный кафтанъ (сборки только сзади) или чапанъ; зимой онъ надѣ-

---

1) Плеска—металлическій кружокъ очень блестящій, величиною въ діаметръ нетолстаго карандаша.

ланга орчи ашысты теень оўчинань цуба. Кизна якасть ве панарца.

Седи эрекс ломанись прязынзы путы понань жляпа, а тельня «малахай». Шляпа валяязь ревень бонаста; шляпаньть перька лента, а сыри атятьнинь кшна. Малахай—оўчинань жляпа пилимарта; покш буряни пилитьнинь нолдасызь. Цёрапакшатьни, одзёратьни и сыри атятьни якасть ве лаца, орчасть карясть ве лаца. А арасьчисы ломатьни (цёратьни) теленекь-кизыникь якасть малахайса.

Авань орчамуда. Авась икилиў гак орчи панар кочкаряды верьга. Панар икильксысь верьди керязь пельарчинынь даркашка. А штобу панарынь верьци пол угултны ияст сяурьть бокаў, се пол угултны сялгызь зюлгамуса. Панар икильксысь верьди и алуў мекь вишовазь[1]) мелкэйнеста. Панар икилькст викшникшныстъ «гулька вацинике». Панар икилькст вишовакшныстъ «перяў викш-

1) викшнизь.

ваетъ на рубашку шубу изъ бѣловыдѣланныхъ овчинъ. Лѣтомъ ходили въ одной рубашкѣ.

Позажиточнѣе человѣкъ надѣнетъ на голову шерстяную шляпу, а зимой малахай. Шляпа сваляна изъ овечьей шерсти; вокругъ шляпы лента, а у старыхъ стариковъ ремешокъ. Малахай—шляпа изъ овчины съ наушниками; въ сильную бурю спускаютъ эти наушники. А бѣдные мужики и зиму и лѣто ходили въ малахаяхъ.

Мальчики, парни и старые старики ходили одинаково, одѣвались и обувались одинаково.

О женской одеждѣ. Женщина прежде всего надѣнетъ рубашку выше пятокъ. Перёдъ рубашки разрѣзанъ сверху приблизительно на полъ аршина. А чтобы верхніе углы половъ рубашки не сваливались на бокъ, эти углы приколоты застежкой. Перёдъ рубашки сверху и до самаго низу вышитъ мелкимъ узоромъ. Переда рубашки они вышивали узоромъ, похожимъ на го-

ниўкст», «покай икилькст». Улиньдяряй банарыньть икильксызы викшнизь «гулька вацикс», се панарыньтинь мереть «гулька ваци икильга панар». Улиньдяряй банар икильксысь викшнизь «показь», се панарыньтинь мереть покай икильга панар. Бути панар икильксысь викшнизь «перяфт», се панарыньтинь мереть «перяў икильга панар». Панар ожатьнинь гувалт стыть петленень бетленень понасуре; истяжа понасури педяфтыть панар гутьмириньтинь кафтынь даркава. Истя педяфтынь зуриньть лемезы таргаўкс. Улиньдяряй банарысь таргаўкс марта, се панарыньтинь мереть «таргафт панар», «таргаўкс марты панар». Панар икильксыньтинь алуў гадыть «эльзере». Панар алганьть викшнисызь истя: эень алга педяфтыть сюкс (раужы понасуринь годазь

лубиный помётъ. Переда рубашки они вышивали узоромъ, называвшимся «перяў викшниўкст»[1]), «покай икилькст»[2]). Если передъ рубашки вышить голубинымъ пометомъ, то эту рубашку называютъ рубашкой съ передомъ «голубиный пометъ». Если передъ рубашки вышитъ какъ «показь»[3]), то эту рубашку называютъ рубашкой съ передомъ покая. Если передъ рубашки вышитъ «перяфт»[4]), то эту рубашку называютъ рубашкой съ передомъ «перяфтъ». Вдоль рукавовъ рубашки нашиваютъ шерстяныя нитки петлями; такъ же пришиваютъ шерстяныя нитки къ спинкѣ рубашки въ двухъ мѣстахъ. Названіе пришитыхъ такимъ образомъ нитокъ—дорожка. Если рубашка съ дорожками, то такую рубашку называютъ рубашка съ дорожками. Внизу переда рубашки оставляютъ прорѣшку (эльзере). Низъ рубашки вышивали слѣдующимъ образомъ: ниже всего пришиваютъ «сюксъ» (сплетенную изъ чер-

---

1) Названіе особаго рода вышивки.

2) Покай икилькс панар—рубашка, у которой передъ невышитый.

3) Рубашка, украшенная крашеными нитками при помощи иголки. При этомъ полотно мелко, хоть узоръ и выходитъ крупный (а при вышиваніи «покаемъ» полотно прокалываютъ рѣдко, и шаги выходятъ большіе; при вышиваніи «покаемъ» узора нѣтъ, и выходятъ только однообразные ряды).

4) Названіе особаго рода вышивки.

карькс). Сюксыньть велькска педяфтыть понасуринь гружува «мишара» марта. Мишара—тюжа сури тапарязь золотаса. А кружуваньть велькска панар алганьть викшнисызь пейнень бейнень.

Панарыньть ланга авась орчи «руця». Руцясь вельтясы аваньть аньцяк удалксынзы ды боканза, а икильксынзы аваньть руцясь а вельтясэ. Руцясь аламуды панардыньть кувака. Ожанзы руцяньть теенеть, нурькинить. Руцяньть верьци полбетьни лафтуў ланґксты и мещи алуў викшнизь; се викшнизь дарканьтинь лемест «мещи пельть». Руцяньть ланга кувалт стакшнызь, педяфнизь гумаць панґкснынь гинить эль понасуринь гружуват и руцяньть алга и ожапрява. Улиньдяряйть руцяньть ланга, руцяньть алга и руцяньть ожапрява кумаць кить, се руцяньтинь мереть кумаць руця. Улиньдяряйть кумаць панґксынь даркас руцяньть ланга, руцяньть алгава и руцяньть кургы ожава педяфнизь понасуринь гружуват, се руцяньтинь мереть «кружува руця». Улиньдяряйть

ныхъ шерстяныхъ нитокъ бечеву). Поверхъ «сюкса» пришиваютъ шерстяныя кружева съ «мишарой». Мишара—это желтая нитка, скрученная съ золотомъ. А надъ кружевами вышивали низъ рубашки зубчиками.

На рубашку женщина надѣваетъ «руцю». Руця покрываетъ женщину только съ заду и съ боковъ, а передъ женщины руця не покрываетъ. Руця немного длиннѣе рубашки. Рукава руци узенькіе, коротенькіе. Верхніе концы половъ руци съ плечъ и до нижней части груди вышивали; названіе этихъ вышитыхъ мѣстъ — «половинки груди». Вдоль руци сверху пришиты кумачевыя дорожки или шерстяныя кружева и тоже снизу руци и по концамъ рукавовъ. Если кумачевыя дорожки имѣются сверху руци, снизу ея и по концамъ рукавовъ руци, такую рущю называютъ «кумачевой рущей». Если вмѣсто кумачевыхъ лоскутовъ имѣются сверху руци, внизу ея и по концамъ рукавовъ руци шерстяныя кружева, такую рущю называютъ «кружевной рущей». Если поверхъ руци нашито шесть кумачевыхъ дорожекъ или шесть кружевныхъ от-

руцяньть лангксы педяфтызь готы кумаць кить эль готы кружуват, се руцяньтинь мереть «котова руця». Улиньдяряйть руцяньть лангксы кемгафтувы кумаць кить, эль гемгафтувы кружуват, се руцяньтинь мереть «кемгафтува руця». Ульнисть нилинь-нилинь ги руцяланга, ульнисть кемень-гемень ги. Руцяньть сивинѣы ланга педяфтыть понасури лапкининь-лапкининь.

Руцяньть ланга карксы авась кушак понасуринь годазь голмы эль гафты сурынь гелеса. Работамсты эль гиява молемсты авась руця полэнѣы кепетьцэньѣи ды ёкстасыньѣи кушакыньть экшс.

Руцяньть ланга путы авась пкильгапаця. Икильгапацясь нурькине.

Аваньть сюлгамузы, кона сялгызь банар мещсэнѣы, икильгапацяньть велькска неяве; а кувалмузы икильгапацяньть арась конелька вищ как. Икильгапацясь аваньть киргасы понгафтызь и сюлмамусы сюлмазь удалуў. Икильгапацяньть алгава педяфтызь гумацинь зуборкене.

дѣлокъ, то такую руцю называютъ «руцей въ шесть отдѣлокъ». Если на руцѣ двѣнадцать кумачевыхъ дорожекъ или двѣнадцать кружевныхъ отдѣлокъ, то эту руцю называютъ «руцей въ двѣнадцать отдѣлокъ». Бывало по четыре дорожки на руцѣ, бывало по десяти. Къ вороту руци пришиваютъ шерстяныя нитки лапочками.

Руцю женщины повязываютъ кушакомъ, сотканнымъ изъ шерстяныхъ нитокъ въ три или два пальца. На работѣ или въ дорогѣ женщина поднимаетъ полы руци и всовываетъ ихъ подъ кушакъ.

На руцю женщина надѣваетъ фартукъ. Фартукъ коротенькій.

Женская застёжка, которую пришпиливаютъ на груди у рубашки, виднѣется поверхъ фартука, а длина фартука не доходитъ и до колѣнъ. Фартукъ продѣвается черезъ шею женщины и завязывается сзади узломъ. Внизу фартукъ обшивается кумачевой оборочкой.

Руцяньть ланта авась сёксня эль дунда орчи збор марты сумань, а тельня ашысты теезь оўчинань цуба. Кизна аватьни якить ве панарца.

Карьцьнисть аватьни истя: васьня тапари пильгиньть ланта сумань бракста; сумань бракстаньть ланта пильги лапканьть перьть тапари коцтэнь бракста, конань лемезы «ноткс». А пильги почкэньть перьть, сумань бракстаньть ланта, тапари лия коцтэнь ашы пракста, конань лемезы «пильги-пельть». Мельи карьци пулы марты карь и пракстатьнинь дапарясыньэи карькссa.

Прясыньэы аваньть теленекь кизьникь «шлабикь». Шлабикь конясыньть эень верьга педяфтызь брозумент. Прозументэньть алга понасуринь гружува «мишара» марта. Кружуваньть алга педяфтызь «зыкс», а сюксыньть алга «поднез лента». Поднез лентаньть алда неяви «поднезэсь». Поднез мереть «бисирынь гружуванинь». Се бисирынь гружувась кодазь бейнень-бейнень; бисирнытьни лия-лия понасыт. А поднезэньть алга понтафнизь гру-

---

Сверху руци женщина осенью или весной надѣваетъ кафтанъ со сборками, а зимой овчинную шубу бѣло выдѣланную. Лѣтомъ женщины ходятъ въ одной рубашкѣ.

Обувались женщины слѣдующимъ образомъ: сначала она намотаетъ на ногу портянку; на портянку вокругъ ступни она намотаетъ полотняную портянку, названіе которой «ноткс». А вокругъ голени, поверхъ портянки, она намотаетъ другую полотняную бѣлую портянку, названіе которой «половинки ноги». Затѣмъ она обуваетъ лапоть съ хвостомъ и обмотаетъ портянки бечевой.

На головѣ у женщины зимой и лѣтомъ шлабикъ. Напереди шлабика самый верхъ обшитъ позументомъ. Подъ позументомъ шерстяныя кружева съ «мишарой». Подъ кружевами нашивается «сюксъ», а подъ сюксомъ лента подниза. Подъ лентой виднѣется поднизъ [гирлянда изъ меленькихъ оборковъ въ видѣ зубчиковъ]. Поднизомъ называютъ бисерное кружево. Это бисерное кружево плетется зубчиками; бисеринки разноцвѣтныя. А подъ поднизомъ

шат, эрькть, горьнипофт. Шлабикь удалксысь викшнизь глеткань глеткань. Се шлабикь удалкстыньть мереть «решатка удалкс шлабикь».

Бабатьни, аватьни, тейтерьтьни и пакшатьни якить, орчитькарьцить ве лаца. Аньцяк тейтерьтьни шлабикь а каньлить, а сынцт шлабикь эземс «пря сюкс». Тейтерьтьнень «пря сюксысь» викшнизь шлабикь коня лаца. Улиньдяряй дельня некь якшама, шлабикиньть эль бря сюксыньть ланга тапарить таштьі руця.

Бути роботамсты ломаниньть мешеть черенсы, новолеть сельменсы ланкс, сон зынцт сюлмасыньsи тея[1]) лентэнеса; се лентаньть лемезы «прякарькс». Прякарькссы черест сюлмисызь и цёрат и ават и тейтерьть и бабат.

1) теене.

привѣшены побрякушки, бусы, погремки. Задъ шлабика вышивается клѣтками. Объ этомъ задѣ шлабика говорятъ «шлабикъ съ рѣшетчатымъ задомъ».

Старухи, женщины, дѣвушки и дѣти ходятъ, одѣваются-обуваются одинаково. Но дѣвушки не носятъ шлабика, а у нихъ вмѣсто шлабика «головной сюксъ». «Головной сюксъ» дѣвушекъ вышитъ какъ лобъ (перёдъ) шлабика. Если зимой очень холодно, то сверху шлабика или головного сюкса навязываютъ старую руцю.

Если во время работы человѣку мѣшаютъ волосы, и они падаютъ на глаза, онъ связываетъ ихъ узкой ленточкой; названіе этой ленты «головная бечевка». Головной бечевкой связываютъ свои волосы и мужчины и женщины и дѣвушки и старухи.

Отдѣлъ III. Свадьба.

A. Оркино.

Cyjama. Ḿiń·ḱ čyja·ma koje·nėk i·śťama vaśńa· uĺńi·ś. Vaśńa· syť ŕä·ťiška a·vat, ḱä·ǖkśńiť makscy·ź aχ. Ḿä·jĺä tuji·ť. Bʹiďä makscy·ź, ḿä·jĺä ćora·t syť, ka·ndyť butu·lka ŕi·na, acy·ť stoĺe·šńeḱ, ky·rvaśťiť śŕe·ča, oznėť, nuŕťiť ćarka i karḿi·ťkava··ńama ńeŕe·stań ťäťä·ńť ä·sa, a son pokškaf·ńä, aśi·ḿä. Pokš ku··daťńä jaḱi·ť ḿäĺganza eńa·lkšnyź: śiḿť poža·lyjsta. Koda·k ćarka·ńť śi·msyj, śe·sta karḿi·ť ŕäśij śi·ḿiḿä. Buty·lkańť śi·msyź, kandy·ť be·šėnėj čėťŕeŕť, ladi·ť piťńiďä. Ḿäjĺä ava·fyś nuŕťä ća·rka

---

Сватовство. Нашъ обычай сватовства былъ сначала слѣдующій. Сперва придетъ около пяти женщинъ, спросятъ, отдадутъ ли. Затѣмъ онѣ уйдутъ. Если отдаютъ, то послѣ этого придутъ мужчины, принесутъ бутылку вина, постелютъ скатерть, зажгутъ свѣчу, помолятся, нацѣдятъ чарку и начнутъ угощать самого отца невѣсты, а онъ ломается, не пьетъ. Сваты ходятъ за нимъ, упрашивая его: выпей пожалуйста. Когда онъ выпьетъ чарку, тогда всѣ начнутъ пить. Выпьютъ бутылку, принесутъ

ví·na, sajä kurgy po·tma i purga·syj oďe·rvańť ča·mas i ḿe·ŕä: «na čamazyt víśks, a śädĭjzyt ŕíśks». Karḿi·ť čėťveŕťeńť śiḿi·ḿä, purny·ť käḿiška ro·dńat i śi·msyź ťe vína·ńť. Mäjľä ńeve·stań roďńa·ťńä pu·ruḿiť i moľe·ť žėńe·χeńťe vanu·ma žėńe·χeń. Žėńe·χeś[1]) ľi·śä, ka·ndä ťäst ća·rkań ća·rkań, a syń kaji·ť ťänza jar·ma·kt. Mäjľä moľeť ńevesta·ńti, iśťaža ńefcė·ź ńeve·stańť. Nevesta kaźńisy·ńzä aťa·fyńti ava·fyńti pa·naŗt, ćora·ťńińiń na·rdamyt, ava·ťńińiń i·kiľpa·ćat, a ḿäjľä ńeve·staś purnä· ťäχťiŗť i kučcy·ńzä žėńe·χeńť ḿäľga. Ťesa ka·vańasyź i ťäχťiŗχńä sajsy·ź žėńe·χeńť ma·ryst ńevesta·ńti. Moľe·ť ja·lga u·ľćava mo·raź. Žėńe·χeś mo·ľä uda·lyst, a ťäχťi·ŕχńä mo·ľeť i·kiľä ku·ńćiź i mo·raź:

Kak véčor pozda, paŕiń, zaguľala...

Koda·k moľe·ť ńevesťa·ńti, matka·ś i ḿe·ŕä: «Soda·my saś,

1) Žeńiχ'iś.

«бѣшеную» четверть[1]), сговорятся о кладкѣ. Затѣмъ свекровь нацѣдитъ чарку вина, возьметъ вино въ ротъ и сбрызнетъ невѣсту въ лицо и скажетъ: «возьми себѣ на лицо стыдъ, а на сердце свое печаль». Станутъ распивать четверть, соберутъ съ десятокъ родныхъ и разопьютъ это вино. Затѣмъ соберутся невѣстины родные и отправятся къ жениху смотрѣть жениха. Женихъ выйдетъ, поднесетъ имъ по чаркѣ, а они положатъ ему денегъ. Затѣмъ идутъ къ невѣстѣ и такъ же покажутъ невѣсту. Невѣста одаритъ ихъ, свекру и свекрови дастъ по рубашкѣ, мужчинамъ по полотенцу, женщинамъ передники, а затѣмъ невѣста соберетъ дѣвушекъ и пошлетъ ихъ за женихомъ. Тамъ ихъ угостятъ, и дѣвушки захватятъ съ собой къ невѣстѣ жениха. По улицѣ идутъ пѣшкомъ съ пѣснями. Женихъ идетъ за ними, а дѣвушки идутъ впереди, взявшись за руки и распѣвая:

Какъ вечоръ поздно, парень, загуляла...

Когда придутъ къ невѣстѣ, мать и говоритъ: «пришелъ зять,

1) Т. е. не входящую въ составъ кладки.

kudy ṕe·šk̑eć; lap ka·ŕiza praksta·t v́ä·šä, pucy·r nolgèza paća·v́äšä, ťeŕmona·za poŋkst v́äšä. I oza·fcyź. Son o·zä śeft́ i·kiĺij. Ťäχťi·ŕχńä, ćora·ťńä krugo·mganʒa, karḿi·ť ka·vaṅamyst. Ĺiśi· ńeṕe·staś, sa·ji ćarka v́ina, makscy·j žèńeχe·ńťej. Ombò·će sa·jä äšťa·nʒa i čaka·ńiť žèńeχe·ńť maṛta. Ḿä·jĺä krugo·m ŕad javi·t Puty·t stoĺeńť laŋks ja·jišńićä; ńeṕe·staś a·myĺd̑ä ṕäńč. Sońć äjsty·nʒa su·sk̑ä, osta·tkańť žèńeχe·ńťe makscy·j. Ńeṕe·staś kaźńi·syńʒä su·rksca, gajťa·nca, kŕo·sca i tujä karc, a žèńe·χeś kaji čava pačalgy·ńťi ṕa·tak i tujä· ńeṕe·stańťi. Karcy·ńť koŕχńeť, ńeṕe·staś kaźi t̑änʒa ŕiśḿä i pa·ća. Ḿäjĺä tuji·ť. O·mbòćä čo·kšńeńt žèńe·χeś sa·jä kaftyška ćora·t (jalga·t) i moĺä paća·ń kandu·ma. Oza·fcyź ćora·ťńä maṛta stoĺekšc, kava·ńasyź. Žèńeχeś tujä, karḿä tagy koŕχńe·ḿä, a ćora·ťńä, ka·duv́iť ťesk ťäχťiŕχńä maṛta nalkśi·ḿä. Paća·ńť ma·kscyj, ḿäk̑ij i tujä kudu·ɳ. Ḿäjĺä eŕva čokšńä jaki salava koŕχńe·ḿä saji-

---

наполнился домъ; его хлопающій лапоть проситъ портянокъ, его бурлящія сопли просятъ платокъ, его треплющіяся м. просятъ штановъ». И посадятъ его. Онъ сядетъ на самый перёдъ. Дѣвушки и парни вокругъ него; начнутъ угощать ихъ. Выйдетъ невѣста, возьметъ чарку вина, дастъ ее жениху. Другую чарку возьметъ себѣ и почекаются съ женихомъ. Затѣмъ обнесутъ кругомъ. На столъ поставятъ яичницу; невѣста зачерпнетъ ложку, сама откушаетъ изъ нея, а оставшееся отдастъ жениху. Невѣста всѣхъ подаритъ кольцами, гайтанами, крестами и отправится въ хлѣвъ, а женихъ положитъ на пустую сковороду пятакъ и пойдетъ къ невѣстѣ. Въ хлѣвѣ они поговорятъ, невѣста подаритъ ему цѣпочку и платокъ. Затѣмъ уходятъ. На другой вечеръ женихъ возьметъ съ собой двухъ-трехъ товарищей и отправится отнести платокъ. Его съ парнями посадятъ за столъ, угостятъ. Женихъ выйдетъ, начнетъ опять говорить (съ невѣстой), а парни останутся здѣсь играть съ дѣвушками. Онъ отдастъ платокъ, обратно и отправится домой. Затѣмъ каждый вечеръ до свадьбы онъ ходитъ тайкомъ сговариваться (съ невѣстой). Невѣста передъ свадьбой приглашаетъ къ

mazy·nʒa. Ńeńe·staś sajimady·nʒa i·kilä ťärdä· kolmy ńiľä ťä·χ-tiŕť. Aťa·fyś dy ava·fyś e·ŕva čokšńä jaki·ť ťäχtiŕχńiń kava··ńama. Ka·ndyť buty·lka ńi·na i ćela kšy. Išťa·jaki·ť e·ŕva čokšńä ńiľi čyť.

Sajima. Osta·tka čo·kšńestèńť moľe·ť ńeńesta·ńťij aťa·fyś i ava·fyś i ko·lmóška loma·ťť. Ńeńe·ń išťa· ńeŕeť: čyńpu·tyćat. Oza·fcyź stoľe·kšc, kava·ńasyź. Śťa·kšnyť, čyńputyćaťńiń ke·cta ťäχti·ŕχńä jarmak ńä·šyť.

Syńć moŕćeť. Sva·tyńťij moreť:

Ivan svatyś bojaryś,
Ivan svatyś azyryś!
Kajikaja doľenèk,
Kajikaja pajinyk.
B'idi kajasak doľenèk,
B'idi makscak pajinyk,

себѣ трехъ-четырехъ дѣвушекъ. Свекоръ и свекровь каждый вечеръ ходятъ угощать этихъ дѣвушекъ. Приносятъ бутылку вина и цѣлый хлѣбъ. Такъ ходятъ каждый вечеръ въ теченіе четырехъ дней.

Свадьба. Въ послѣдній вечеръ свекоръ и свекровь и (еще) съ четыре человѣка приходятъ къ невѣстѣ. Послѣднихъ называютъ такъ: «назначающіе день». Посадятъ ихъ за столъ, угостятъ ихъ. Встанутъ, дѣвушки и просятъ у «назначающихъ день» денегъ.

Сами онѣ поютъ. Обращаясь къ свату, поютъ:

Сватъ Иванъ баринъ,
Сватъ Иванъ господинъ!
Брось на нашу долю
Броська нашъ пай.
Если ты бросишь нашу долю,
Если ты дашь нашъ пай,

Čačy śuryś čačyza,
Ḱiľďaj rakšat raštaza.
B́iďi akajasak doľenėk,
V́eŕepazyś ńeťanʒat,
Ńiškipazyś čaudanʒat.

B́iďi sva·tyś amaksy jarmak, śesta ťäχťiŕχńi karḿiť po·kóŕaź mora·ma:

Ivan svatyś bojaryś,
Śiśiḿ oḿet olgėza,
Śiśiḿ śatt dolkėza,
Ṕiży kušak ṕäŕťkanʒa,
Dolžńeķenza ḿäľganʒa.

Ḿäjľa ma·ksä ťe kauksyńgä·ḿiń u·ra; tuji·ť i čyńputy·ćäťńä tuji·ť. A źarc syń ťesa aščyť, ḿäkij moľema·zyst žėńeχeńťe puru··

Уродится плодородный хлѣбъ,
Пусть расплодится (твоя) упряжная кляча.
Если не бросишь нашей доли,
Верепазъ тебя увидитъ,
Нишкипазъ тебя убьетъ.

Если сватъ не дастъ денегъ, тогда дѣвушки начнутъ пѣть съ укоромъ.

Сватъ Иванъ баринъ,
Солома у него въ семи омётахъ,
Долгу у него семь сотъ,
Вокругъ него зеленый кушакъ,
За нимъ (идутъ) заимодавцы.

Затѣмъ тотъ дастъ восемьдесятъ копеекъ; они уходятъ, и уходятъ также «назначающіе день». А пока они тамъ находятся, до ихъ возвращенія, къ жениху собираются готовящія «лукшу».

Саратовского Государстве... БИБЛИОТЕКА

ńiť lukšy·ń ťäji·ćat. Lukšy·ń ťäjićä·ťńä a·vat, kona· sy, eŕväχkiś kandy počt vakan, a azy·ryś araftä ve·dra vi·na, i karńiť ťaji·ńä: ičyť lamba·ma čapaks, sajiť kalk, ka·lkńiń pŕa·va päďafńiť čapaks; ťäji·ť pŕa·ka i pŕa·kańť poc ka·ńćiryń to·pa, i śe pŕa·kańti śalgy·nysyź ńe ka·lkńiń. Pŕa·kańť laŋks ťäji·ť kafta čapaksyń lomaťť, śäľńi·st äŕǵiń, i naŕa·žasyź ńińiśu·nysa: vatruška·sa, kanfe·tkasa; i ťäjimsty·nza morė·ť mo·rėt:

Lukša ťäjďana,
Lukša loudana.
Ḱińǵisa ťäjsyńik,
Ḱińǵisa lousėńek?
Dŕiga marta Maŕkańǵiś.
Dŕigań kšumańška papaza,
Maŕkań suftińška padyza.
Ivan svatyńť ikiľä,

Каждая изъ женщинъ, готовящихъ лукшу, приходя, приноситъ чашку муки, а хозяинъ поставитъ ведро вина, и начнутъ готовить: замѣсятъ прѣсное тѣсто; возьмутъ костриги; къ головкамъ костриги прилѣпятъ тѣсто; сдѣлаютъ пирогъ и внутрь пирога кладутъ разсыпчатый творогъ, и въ этотъ пирогъ воткнутъ тѣ костриги. Къ верху пирога придѣлаютъ двухъ людей изъ тѣста, на мѣсто глазъ ихъ бусинки, и нарядятъ ихъ разными разностями: вотрушками, конфектами; и дѣлая лукшу, поютъ пѣсни:

Мы готовимъ лукшу,
Мы сосчитываемъ лукшу,
Для кого мы ее дѣлаемъ,
Для кого сосчитываемъ?
Для Григорья и Марьи.
Дригинъ ч. съ рѣдьку,
Марьина п. съ рѣпето.
Передъ сватомъ Иваномъ,

Ivaɲ svatyńť udala
Ṕiży ṕižä kiľijńä,
Puŕä paŕ alyɲza,
Ṕižyń käčä äjsyɲza.
Koɲ čypazyś čaraftä,
Ḱäčypulyś väľaftä,
Maŕka puŕińť jaɲšyjiza,
Dʹŕiga puŕińť śiḿijiza.

Ḿäjľä koda ťäýťiŕińť ťäťanza ľäḿ, ľäḿizy·ɲza karḿi·ť mora·ma:

Proka aťäń ikiľä,
Proka aťäń udala
Kośkä kośkä kiľijńä,
Śedï kośkä kiľijńä,
Kośkä paŕ alyɲza

За сватомъ Иваномъ
Зеленая зеленая берёзка,
Подъ ней кадушка сыченаго кваса,
Въ ней мѣдный ковшъ.
Куда повернётся Богъ-солнце,
Туда поворачивается ручка ковша,
Марья разносчица сыченаго кваса,
Григорій питухъ сыченаго кваса.

Затѣмъ, сообразно тому, какъ имя отца дѣвушки, начнутъ пѣть на его имя:

Впереди старика Прохора,
Позади старика Прохора
Сухая, сухая берёзка,
Очень сухая берёзка,
Подъ ней сухая кадушка,

Vaŕaų̈ käčä äjsyn̈ža.
Koų̈ čypazyś čaraftä,
Ќäčypulyś aväĺaftä,
Śeks son i aväĺaftä,
Kańńijiza araś,
Śiḿijiza araś.

Koda·k lukšy·ś ťäji·vä, kaja·syź peckas. Karḿi·ť valćki·s kišńi·ḿä, a va·lćkä karḿi·ť kuda·ń burna·ma. Kuda·ťńä pu·ruḿiť i syrǵi·ť toų̈. Ḿäĺga·st karḿi·ť moŕće·ḿä.

Uŕidi'ų̈ aĺa, juṛtaĺa,
Vanyќ, vanyќ äś pŕińit,
Vanyќ kudajalǵińit.
Toų̈ moĺeda kijava,
Tosty sady ĺijava,
Toų̈ moĺeda latftuma,

Въ ней дырявый ковшъ.
Куда повернется солнце,
Туда не поворачивается ручка ковша.
Отъ того онъ и не поворачивается,
Нѣтъ разносчика,
Нѣтъ питуха.

Когда сготовится лукша, ее положатъ въ печь, до утра будутъ плясать, а утромъ собирать поѣзжанъ. Поѣзжане поѣдутъ и соберутся туда (къ невѣстѣ). За ними начнутъ пѣть.

Дружка молодецъ, коренной молодецъ,
Смотри, смотри за своей головкой,
Смотри за товарищами поѣзжанами.
Туда идите по дорогѣ,
Оттуда приходите по другой,
Туда идите безъ порядка,

Tosty sada ladmaṛta,
Toṷ moľeda patftuma,
Tosty sada padmaṛta.

Kodak kudaťńä moľe·ť toṷ, tovò·lda karńi·ť moŕćeńest:

Ńeť kovòldėń kudaťńä?
Ńeť kovòldėń andaťńä?
Ku(v)a saśť kudaťńä?
Ku(v)a saśť andaťńä?
Lutkua latkua,
Kafty panda jutkuva,
Śiśiń pàkśań tovòlga,
Śiśiń väľiń tombaľga.
Śija saśť kudaťńä,
Śija saśť andaťńä.
Mińiḱ araśť käŋkšynyk:

Оттуда приходите въ порядкѣ.
Туда идите безъ п.
Оттуда приходите съ п.

Когда поѣзжане пойдутъ туда, по дорогѣ туда начнутъ пѣть про нихъ:

Откуда эти поѣзжане?
Откуда эти поѣзжане?
Гдѣ прошли поѣзжане?
Гдѣ прошли поѣзжане?
По оврагамъ и долинамъ,
По расщелинамъ двухъ горъ,
По ту сторону семи полей,
По ту сторону семи селъ.
Тамъ шли поѣзжане,
Тамъ шли поѣзжане.
У насъ нѣтъ дверей:

Raškynyk pačk suvada.
Mińiќ araś pazynyk,
Padynyk laŋks oznėda.
Svaχa suka, ľišḿä,
Koťanyza ľišńä,
Śada alaša uskiźä,
Śada kuda paskiźä.

No·ldasyź; su·ŕiť, karḿi·ť lukšyńť äjsa putu·ma stolľaŋks. Ťäχťiŕχńä ano·ldėť, ŕäšy·ť jarma·k. Lukšyńka·ndyća svaχa·ś karḿi· ťäχťi·ŕχńiń äjsa mo·ŕćemä:

Ťäχťiŕńiť bojaraŕińiť,
Ťäχťiŕńiť azyraŕińiť,
Noldėńeźga, noldėńeź!
Vasyldyń tarka syń,

Пролѣзайте между нашихъ ногъ.
У насъ нѣтъ бога,
Молитесь на наши п.
Сука сваха, кобыла[1]),
У ней выходитъ задняя кишка,
Её привезла сотня лошадей,
Она у . . . . . сотню поѣзжанъ.

Ихъ пустятъ; они войдутъ и начнутъ ставить лукшу на столъ. Дѣвушки не даютъ, просятъ денегъ. Несущая лукшу сваха начнетъ пѣть, обращаясь къ дѣвушкамъ:

Дѣвушки барышни,
Дѣвушки хозяюшки,
Пустите-ка, пустите!
Я прошла большое разстояніе,

---

1) Значеніе слова ľišḿä разсказчику неизвѣстно.

Śiźišť kafty kundyjǵeďńen.
Bojaravat ťäχťiŕäχť,
Panda bokań jagydat.
Śijäń blïďas kočkomat,
Śijäń blïďas kočkomńeť,
Bojar ikïlïj putumńiť
Sur pŕińisa sajńiińńiť,
Turva pŕińisa jarcamńiť.

Ťäχťiŕχńi tu·jiť. Śestä lukšyńť svaχa·š pu·cyj stoľa·ŋks. Kuda·ťńiń o·jśefcėź stoľe·kšc. Alamy·da ka·vańasyź. A ńeve·staś o·zä uŕvaľäńť ekšc murgas i karńä ava·ŕkšńiń̇ä. Sajä keďezėnza vïkšńiń[1]) na·rdama, i arä uŕvaľäńť ikïlïj i karńä lajšyń̇ä:

Uŕvaľïńiń̇, aľïńiń̇,
Naka beŕäńčyna kaźńińä,

1) vïkšńiŕ.

Устали мои обѣ держащія руки.
Барышни дѣвочки,
На склонѣ горы ягоды.
Вы достойны, чтобы вамъ собирать въ серебря-
Собирать въ серебряное блюдо, [ное блюдо,
Ставить передъ господами,
Брать кончиками пальцевъ,
Ѣсть кончиками губъ.

Дѣвушки уходятъ. Тогда сваха поставитъ лукшу на столъ. Поѣзжанъ посадятъ за столъ. Ихъ угостятъ немного. А невѣста сядетъ за дружкой въ передній уголъ и начнетъ вопить. Возьметъ въ руки вышитое полотенце, и станетъ передъ дружкой и начнетъ причитывать:

Мой дружка, мой молодчикъ,
Возьми-ка плохенькій подарочекъ,

Lovékaja paryńiks, —
Avyĺ vaśkaź ťäjiśkä,
Avyĺ ojmaź ťäjiśkä.
Salmyks ṕŕasa kočkafkä,
Grušalaŋksa tombafkä.

I pucy·j uŕidi·vińť la·ftuŋ laŋks narda·myńť. Uŕva·ľäťńä ľi·śiť stoĺ ekščtéńť, karńi·t pary·jiń naŕa·žama, a ńevéstańť oza·fcyź stoĺ ekšc, i basla·vasyź ťaťanza avanza, kŕosna·vaza, kŕosnéj ďäťaza. Ńevéstaś samaj baslavamsty urńä: [1])

Baslavamaka,
Uχ, avakaj goŕmakaj,
Jatyń ǵeca äŕama,
Jatyń ḿeĺeń vanuma,

1) Нижеприведенное причитаніе записано отъ другого лица, а не отъ сообщившаго описаніе всего брачнаго обряда.

Сочти-ка за хорошій, —
Дѣльце не нѣжась сработано,
Дѣло (сработано), не отдыхая.
Повыбрано концомъ иглы,
На побрякушкѣ бито [1]).

И положитъ на плечи дружки полотенце. Дружки выйдутъ изъ за стола, начнутъ запрягать пару лошадей, а невѣсту посадятъ за столъ, и ее благословятъ отецъ съ матерью, крестная мать и крестный отецъ. Невѣста во время самаго благословенія причитываетъ:

Благослови-ка меня,
Охъ матушка кормилица,
Жить у чужихъ,
Исполнять волю чужихъ,

1) Съ цѣлью смягчить, сдѣлать мягкимъ (о полотенцѣ).

Jatyń gorèń ǵirďiḿä,
Kuč kijavast moľeḿä.
Baslavamaka,
Uχ, ťäťakaj ďiŕakaj,
Jatyń ǵeca äŕama,
Jatyń ḿeľeń vanuma,
Jatyń gorèń ǵirďiḿä,
Kuč kijavast moľeḿä.
Baslavamaka,
Kŕesnaví́iń́iḿ aví́iń́iḿ,
Vaśiń ťelań orčèjńeḿ.
Baslavamaka,
Kŕesnèj ťaťam goŕḿeńeḿ,
Popòń ǵectä idïjńiḿ.
Baslavaḿiźga, jat lomaťť,
Tyńćińk ḿeľeń vanuma,

Переносить укоры чужихъ,
Ходить по дорогѣ, по которой они пошлютъ.
Благослови-ка меня,
Охъ батюшка кормилецъ,
Жить у чужихъ,
Исполнять волю чужихъ,
Переносить укоры чужихъ,
Ходить по дорогѣ, по которой они пошлютъ.
Благослови-ка меня,
Крёстная моя матушка,
Первая одѣвшая мое тѣло.
Благослови-ка меня,
Крёстный мой тятенька кормилецъ,
Выручившій меня изъ рукъ попа.
Благословите меня, чужіе люди,
Исполнять вашу волю.

Tyńćińk korėń ǵirďiḿä.
B́iďi v́ečkemga sajsaḿiź,
V́eśelgaftyŋk ĺićińińk,
Ṕäjďiźiftińk kurǵińińk;
B́iďi av́ečkeź sajsaḿiź,
B́iďi akeĺǵeź sajsaḿiź,
Symyrgaftyŋk ĺićińińk,
Avaŕgaftyŋk kurǵińińk.

Baslavamyda ḿäjĺä ńev́estaś lajšä:

Uška ozan, mon ozan
Ostatkada ťuža eźeḿńes,
Ťätkań valdy vaĺmaluu.
Xyť i ozan, mon ozan,
Pulyksťäüńiḿ asajsa;
Kurgypotmań aśäjrcä

Переносить ваши укоры.
Если вы берете меня по любви,
Развеселите свои личики,
Настройте на улыбку свои ротики;
Если вы берете меня не любя,
Если вы берете меня не уважая,
Нахмурьте свои личики,
Настройте на слёзы свои ротики.

Послѣ благословенія невѣста причитываетъ:

А ну-ка сяду я сяду
Напослѣдки на желтой лавкѣ,
У свѣтлаго отцова окошка.
Хоть и сяду я, сяду,
Но не возьму своей вышивки на хвостѣ шлыгана,
Не закричитъ при раскрытомъ ртѣ

Mazyj mora valǵijńiḿ.
Proščajťija, proščajťi,
Šabrań uŕkat, uŕińin,
Šabrań alʹkat, alʹińin,
Tujiḿńidʹin moń ḿäjlʹä,
Iaumńidʹin moń ḿäjlʹä
Prumydyja, prumyda
Ṕŕäv́äŕńidʹin jarcama,
Śälʹväťkidʹin źiḿiḿä.
Bʹidä uʹńiń paryńä,
Ľećńeḿeźga paruva;
Bʹidä uʹńiń apara,
Ľećńeḿeźga aparuu̯.
Vanyḿiźga, vanyḿiź,
Koda ďäťkam naŕäžyḿiḿ
Koľenkava safjanca,

Голосокъ мой красивую пѣсню.
Прощайте-ка, прощайте,
Сосѣдскія молодки, мои молодушки,
Сосѣдскіе молодцы, мои молодчики,
Послѣ моего отправленія,
Послѣ разставанія со мной
Соберитесь-ка, соберитесь
Ѣсть кровушку моей головы,
Пить слезушки мои.
Если я была добренькая,
Помяните меня добромъ;
Если я была нехорошей,
Помяните меня зломъ.
Посмотрите, посмотрите,
Какъ отецъ нарядилъ меня
По колѣна въ сафьянъ,

Karksamńiva paŕćijsa,
Čamań ǵälis šäľväcca,
Ќävíŕi poų žäľväcca.
Vanyḿiź ga, vanyḿiź,
Bojaravan, jalǵińin.
Koda javan kuctysta,
Ťiŕiń ďäťkań kuctysta,
Śesty ksnauńiks kävíŕan,
Ťäťkań kijaks jauńiva,
Kačamńiks dy mon ľišan
Kafty košak jutkuva.

Mäjľä ťä·χťiŕť sa·jsyź ńeve·stańť kafty peľdä i ľifcy·ź kardaz ku·ńčkas; o·znofcèź; uŕidï·vïš kä·piťcyj krandajs äľi nurc. Ťäχ·ťiŕχńä aŕćiť krugo·mganza, väšij šťada, ńevestaš ku·ńčkasa, čè·ŕe·nza stra·ftuft, väľťäź šyrymka·sa. Ťäχťiŕχńä kuńćiť kettike·c,

---

По поясъ въ шелкъ,
По лицу въ слёзы,
Въ катящіяся, какъ пуговицы, слёзы.
Посмотрите, посмотрите,
Барышни, подружки.
Когда я уѣду изъ дома,
Изъ отцовскаго дома,
Тогда я покачусь горошкомъ,
По расщелинамъ отцовскаго пола,
Я выйду какъ дымочекъ
Между обоими косяками.

Затѣмъ дѣвушки возьмутъ невѣсту съ обѣихъ сторонъ и выведутъ ее посередь двора; заставятъ помолиться; дружка посадитъ ее въ телѣгу или сани. Дѣвушки станутъ вокругъ нея, всѣ стоя, невѣста посерединѣ, съ распущенными волосами, покрытая

a ńeve·staś ku·ndä ä·jzyst kafty·ń pe·ľej, i karmi· ńeve·staś lajšy·mä:

Paśiba tyŋk, jalǵińin,
Tuža aŕťkiń täjimzyŋk
Śäjiťkista śalgumzyŋk.
Äŕamńizyŋk äŕada,
Vaśkamńizyŋk vaśkada.
Maštydyja, maštyda
Ťäťaŋk ńeľest vanuma,
Avaŋk korėń kiŕďiḿä.
Mon, jalǵińin, äźiń mašt
Ťäťäń ńeľeń vanuma,
Avań korėń kiŕďiḿä.
Aporava pokòrdėź
Bojaravaks moń čyńiḿ,
Voľaks paryks äŕamńiḿ.

ширинкой. Дѣвушки возьмутся рука въ руку, а невѣста уцѣпится за нихъ, и начнетъ невѣста причитывать:

Спасибо, мои подружки, спасибо,
За то, что сдѣлали прекрасную полоску (на руцѣ),
И за то, что частенько ее прокололи.
Живите пока ваша жизнь,
Понѣжьтесь, пока ваша воля.
Умѣйте-ка, умѣйте
Наблюдать волю вашихъ отцовъ,
Переносить укоры вашихъ матерей.
А я, подружки, не умѣла
Наблюдать волю моего отца,
Переносить укоры моей матери.
Не во время обезчестили
Мое дѣвичье времячко,
Мое житье на волѣ и въ добрѣ.

Äĺ pačkyďan, jalǵińin,
Ṕŕäń jumama tarkańťij.
Vanydyja, vanyda,
Kovòloų dujä bojaravaks čyń.
Bi̇ďi tujä čyń śtamuų,
Učuḿiź ga ḿäkij,
Bojaravaks čyńizyn.
A bi̇ďi čy madi̇mauų,
Śesta iĺiḿiź uča
Bojaravaks čyńisa,
A učuḿiź, jalǵińin,
Uŕiks vardyks čyńisa.

Suva·fcyź ńevestańť sto·róškas, i son ka·rḿä tosa vä́ĺťäź ašču̇ḿä, źardy sy i suv́ä ćeŕkovas žeńeźeś; ḿäjĺä suv́ä son ga·k i

---

Уже я подхожу, подружки,
Къ мѣсту, гдѣ пропадетъ моя голова.
Смотрите-ка, смотрите,
Въ какую сторону пойдетъ мое дѣвичье житьё.
Если оно пойдетъ на востокъ,
Ждите-ка меня назадъ,
На дѣвичью жизнь мою;
А если на западъ,
То не ждите меня
Въ дѣвичьей жизни,
А ждите меня, подружки,
Въ жизни рабыни [1]).

Невѣсту введутъ въ сторожку, и она будетъ сидѣть тамъ покрытой, пока не придетъ и не войдетъ въ церковь женихъ; потомъ войдетъ и она, и ихъ повѣнчаютъ. Когда войдутъ въ домъ,

---

1) Значеніе словъ uŕä и varda разсказчику неизвѣстно, uŕiks переводятъ въ снохи (вм. urvaks), а vardyks въ лѣнтяйки. Varda значитъ, будто, дикій человѣкъ. Nuźaks varda лѣнтяй. Vardyń śura: чортовъ камень, чортовъ пальцъ.

venča·syź. Kyda syť kudu·ų, oďeŕvańť ara·fcyź ṕečka i·kiľij, zaslo··nėńť pa·nčcyź. Oďe·rvaś tozė·ń va·rčtä; ťe·stėń sva·χa sajsyj i kaja·syj karc. Kyda· oďe·ŕvańť äjsa ṽeťe·ť, a ḿiŕďiś uš to·sa učä·. Koda·k ṽeťasyź kä·ŋkšyńť laŋks, oďe·ŕvaś ku·ndä ṽeŕći kośaky·ńťi. Ťeṽeľďä karḿiť tolka·ďiḿińža uda·lda i šäŕǵi·ďiť ḿiŕďi·ńťi: «ṽäŕǵi·z, ṽäŕǵi·z, na ťäť ŕeṽä». Śe tovȍlda ku·ndasy·j ṕäkinučk i usksy·j toų. Ќäŋkšyńť śolksėź i ka·cyź. Kandy·ť täst to·zėń jajišńi·ća i ćela sa·raz i ṽi·na. Ḿäjľä syť soda·ftyćat ťäχťiŗť i maryst ćo·rėńä. Ćo·rėńeś šäŕǵiďä: «maďida kavyńińk, śtada ko·lmȍńeńk». Ńeť pa·nžyť i maksy·ť ťänza ťŕo·šneќ, a syńć śtiť, suṽiť kuc i karḿiť gulä·jama. Ťäχťiŕχńä ozėť stoľe·kšc, žėńeχeś kavańa·syńžä, i tuji·ť ťäχťiŕχńä aŕχńi·ḿä, a ťe·sa karḿi·ť śukyńa·fniḿä.

молодушку поставятъ передъ печкой, а заслонъ откроютъ. Невѣста посмотритъ туда; оттуда сваха возьметъ её и введётъ въ хлѣвъ. Когда въ него поведутъ невѣсту, женихъ уже ждетъ тамъ. Когда ее приведутъ къ дверямъ, молодушка берется за верхній косякъ. Сзади ее начинаютъ толкать отсюда (съ улицы) и кричатъ мужу: «волкъ, волкъ, на тебѣ овцу». Онъ беретъ ее оттуда поперекъ живота и втаскиваетъ туда. Дверь притворятъ и оставятъ ихъ. Принесутъ имъ туда яичницу и цѣлую курицу и вина. Потомъ приходятъ посмотрѣть дѣвушки и съ ними мальчикъ. Мальчикъ кричитъ: «ложитесь вдвоемъ, встаньте втроемъ». Тѣ отворятъ и дадутъ ему копейку, а сами они встанутъ, войдутъ въ избу и начнутъ веселиться. Дѣвушки сядутъ за столъ, женихъ угощаетъ ихъ, и отправятся дѣвушки кататься, а тамъ начнутъ заставлять кланяться [1]).

---

1) Т. е. заставятъ жениха поклониться тещѣ въ ноги и сказать «пасиба тейтерезэт» (спасибо тебѣ за твою дочь). И еще кой-кому заставятъ поклониться, а именно невѣстину отцу, крестному и крестной. Если женихъ глупъ, (молодъ, неопытенъ), онъ продѣлаетъ все, что ему велятъ, а сами они надъ нимъ смѣются. *Прим. одного изъ слушателей.*

Ńevestańť avaŕkšńima[1]).

Mäźiń źäťca mon ašťan,
Mäźiń źäťca mon ǵiŕďan?
Käťť kävińdašť šädijzyn,
Nart naryjašť potmòzėn.
Śe šädijsyńť mon ašťan,
Śe šädijsyńť mon ǵiŕďan.
Zoŕa zoŕa zoŕeńä,
Zoŕa valda ťäšťińä.
Koda javä ťäšťińiš,
Javä valdy zoŕadyńť,
Zoŕa javä ťäšťidińť,
Išťa javan, mon javan
Bojaravaks čyńidin,
Voľaks paryks äŕamdyn.

1) Записано отъ женщины лѣтъ 35.

Плачъ невѣсты.

Въ какомъ сердцѣ я нахожусь,
Въ какомъ сердцѣ я терплю?
На мое сердце тяжело легли камни,
Въ мои внутренности залегъ подорожникъ.
Въ такомъ сердцѣ я нахожусь,
Въ такомъ сердцѣ я терплю.
Заря заря, зорюшка,
Заря, свѣтлая звѣздочка.
Какъ уходитъ звѣздочка,
Уходитъ отъ свѣтлой зари,
Заря уходитъ отъ звѣздочки,
Такъ я ухожу, я ухожу
Отъ моихъ дѣвичьихъ деньковъ,
Отъ житья на волѣ и въ добрѣ.

Bojaravan, jalǵińin,
Äŕamńizyŋk äŕada,
Vaśkamńizyŋk vaśkada.
Maštydyja, maštyda
Täťkań ḿeľńeń vanuma,
Aŋkań korėń ǵiŕďiḿä.
Ilïŋkaja pokòrdaft
Aporava tyŋk čyńińk,
Voľaks paryks äŕamńińk.
Mon, jalǵińin, äźiń mašt
Täťäń ḿeľeń vanuma,
Aŋkań gorėń ǵiŕďiḿä.
Aporava pokòrdéź
Bojaravaks moń žyńiḿ,
Voľaks paryks äŕamńiḿ.
Puvi varmaś puaza,

Барышни мои подружки,
Живите пока ваша жизнь,
Попѣжьтесь, пока ваша воля.
Умѣйте-ка, умѣйте
Наблюдать волюшку отца,
Переносить укоры матери.
Вы не обезчестьте
Не во время своего времячка,
Своего житья на волѣ и въ добрѣ.
Я, подружки, не сумѣла
Наблюдать волю отца,
Переносить укоры матери.
Не во время обезчестили
Мое дѣвичье житьеце,
Мое житье на волѣ и въ добрѣ.
Пусть дуетъ дующій вѣтеръ,

Kandy varmaś kandyza,
Ograd ďeľeŭ puaza,
Ograd ďeľeŭ kandyza,
Säťmińista puaza,
Säťmińista kandyza,
Ǵeŕga ťikšy ṕiŕava
Alga čačy modava,
Ťikšy ṕiŕäń čëŕkaftyź,
Moda puľńiń syrgaftyź.
Tosy uľiť moń, uľiť
Moń bokšťeńeń baďińiń,
Moń roďńeńen, raskińin.
Bojaravat jalǵińin
Äś poravan kaduǵiť,
Syń äšťiďin ǵiškińiť.
Ṕižymazyj duǵińin,

Пусть несетъ несущій вѣтеръ,
Пусть дуетъ въ сторону ограды,
Пусть носитъ въ сторону ограды,
Пусть дуетъ потихоньку,
Пусть несетъ потихоньку
По верху по верхушкамъ травъ,
По низу по родящей землѣ,
Колыхая верхушки травъ,
Поднимая земляную пыльцу.
Тамъ есть у меня, есть
У меня дѣдушка, бабушка,
У меня родственники, свойственники.
У меня подружки дѣвицами
Остаются въ моемъ возрастѣ,
Онѣ помоложе меня.
Мои молоденькія красивыя подружки,

Prumydyja v́ätarkas,
V́ä dumńisa dumama,
V́ä valnysa koṛtama.
Maksydyja moń̈äńgak
Kaŕǵińiška tarkiń̈ä,
Kojḿilaŋga modėń̈ä.
Čamańgoŕas maksyda
Grušyńiška ḿäńiĺń̈ä.
Sajiḿiźga tyń mońgak
Alyŋk alksyń acama,
Ṕŕalyŋk ṕŕalksyń butuma.
B́idí iśt́a apara,
B́idí iśt́a ńäḿila,
Prumydyja, prumyda
Ṕŕäjumama tarkazyn
Ṕŕäv́äŕńidyn jarcama,

Соберитесь-ка въ одно мѣсто
Подумать одной думушкой,
Поговорить однимъ словечкомъ.
Дайте-ка и мнѣ
Мѣстечка съ лаптный слѣдъ,
Землицы съ лопату.
Дайте противъ лица
Съ грушу небушко.
Возьмите-ка вы и меня
Стлать подъ васъ постель,
Класть подъ ваши головы подушки.
Если такъ не хорошо,
Если такъ не мило,
Собирайтесь-ка, собирайтесь
На мѣсто моей гибели
Ѣсть мою головную кровь,

Śaľv̓aťkidïn źiṁiṁä.
Vanydyja, vanyda,
Bojaravan, jalǵińin:
Ťev̓eľďäjak p̓iźiṁ b̓äľ,
Tovòldy jak p̓iźiṁ b̓äľ,
Äľ vasyďiť karčyzyst.
Karakarča vasyďiť,
Śäjŕi blagyj buŕǵińä,
Ľeccä ťaťkań kudynʒa,
Sajsy kucty mazynʒa.
Panžydyja, panžyda,
Bojaravan, uŕińin.
A panžuv̓i tyŋk k̓äŋkškińk,
Apanžuv̓iks tyŋk käŋkškińk.
Kafty jaki p̓iľǵin: mašćť
P̓iľksta p̓iľǵi moń v̓ijńin.

Пить мои слезочки.
Смотрите-ка, смотрите,
Барыньки мои, подружки:
И съ этой стороны дождевая туча,
И съ той стороны дождевая туча.
Чуть не встрѣчаются другъ съ дружкой.
Встрѣтятся другъ съ дружкой,
Закричитъ злой громъ,
Стрѣльнетъ въ домъ отца (моего),
Возьметъ изъ дома его красоту.
Отоприте-ка, отоприте,
Барыньки мои, сношки.
Не отворяется ваша дверь,
Не отворяющаяся ваша дверь.
Обѣ ходящія мои ноги: исчезли
Мои ножныя силушки съ ногъ.

Kafty kundy moń ǵeďńen
Ќecty ќeď syń akundyť.
Apanžuví ťäń käŋkškińk
Apanžuvíks ťäń käŋkškińk.
Uχ, avakaj, goŕmakaj,
Uχ, avakaj, diŕakaj,
Jakiń, aukaj, goŕmakaj,
Jakiń gardaz jurt kivaŋk[1]),
Ćurkaŋk palkaŋk vannuma,
Śtroäń strojnaŋk vannuma,
Śtady soškaŋk lounoma.
Ťiŕiń ďätkań gardajsa
Ńiľiń ǵämiń vä soška.
[2]) *Vašiń śtaftuf soškaza,*
Putuf olgy plastyza,

1) Kardazjurt—мѣсто двора, похожее на дворъ, дворъ.
2) Здѣсь невѣста обращается къ первой сошкѣ и пласту соломы.

Обѣ берущія мои руки
Не могутъ взяться рука за руку.
Не могу отворить я вашу дверь,
Не отворяющаяся для меня ваша дверь.
Охъ, матушка кормилица,
Охъ, матушка кормилица,
Я ходила, матушка кормилица,
Я ходила по вашему двору
Смотрѣть на чурки и палки ваши,
Смотрѣть на ваши строенія,
Считать стоящія сошки ваши.
На дворѣ кормильца отца
Сорокъ одна сошка.
Сначала поставленная его сошка,
Сначала имъ положенный пластъ соломы,

Bojaravaks moń žyńiń,
Voľaks paryks äŕamńiń,
Śesa aščä paľasa,
Son valaźa ṕiŕasa.
Čamań ǵäľis šäľväcca.
Koṛtan, maryn akoṛtä,
Ќedeń väńfan, asatä,
Surbiŕińin atoket.
Išťa javan čyńidin,
Voľaks paryks äŕamdyn.

Дѣвичья моя жизнь,
Житье на волѣ и въ добрѣ,
Здѣсь сидитъ въ рубашкѣ,
Она съ гладкой головой,
Она съ лицомъ въ слезахъ.
Я говорю, она со мной не говоритъ,
Протягиваю свою руку, не хватаетъ,
Коньчики пальцевъ не касаются,
Такъ я разсталась съ жизнюшкой,
Съ житьемъ на волѣ и въ добрѣ.

Б. Сухой Карбулакъ.

Васьня женихиньть родэнзы, пилишка ломань, молеть покш кудакс невестаньтинь. Кармить чийсиманзы, чиясызь. Мельи невестаньть родэнзы молеть женихиньть кудынзы ванума, тосы аламуды симить. Мельи женихиньть родэнзы саить пряка и кафты бутулкат вина и молеть невестаньтинь, озэть эземь бряс и кармить питьни ладяма. Ладить питьни, кирвастить сьвеча, стить и веси кармить чекама. Бути невестаньть мелест максумс, то невестаньть тятязы эль лялязы саи нардама, тейсы кольцякс и се кольцяньтинь веси роттны куньцить и кармить кафты

Б. Сухой Карбулакъ.

Сначала родственники жениха, человѣка съ четыре, пойдутъ въ качествѣ сватовъ къ невѣстѣ. Будутъ сватать ее, просватаютъ ее. Потомъ родственники невѣсты пойдутъ смотрѣть домъ жениха, тамъ немного попьютъ. Затѣмъ родственники жениха возьмутъ пирогъ и двѣ бутылки вина и пойдутъ къ невѣстѣ, сядутъ впередъ и начнутъ рядить кладку. Порядятъ кладку, зажгутъ свѣчу, встанутъ, и всѣ начнутъ креститься. Если у нихъ есть желаніе выдать невѣсту, то отецъ или старшій братъ невѣсты возьметъ полотенце, свернетъ его кольцомъ, и за это кольцо ухва-

бутулкасы винаньть симиме. Симсызь зе винаньть и туить женихиньтинь зимиме. Кода роттны ащить куньцизь нардамусыньть, се шканьть женихиньть авась и невестаньть авась полафтыть прякат колмкстъ истя: женихиньть авась пряканьть максы верьга, а невестаньть авась алга. Ве чавы бутулканьть женихинь роттны сайсызь мекеӱ, а вейкень гацызь невестаньтинь. Невестаньть ялганзы пурнавить, сайсызь циямы алашаньть и туить эйсэнзы арьтьниме, куля нолдама. Сыть тейтерьтьни арьтьнимсты и се алашаньтинь ойсеть суватт сувахат и туить женихиньтинь зимиме, а женихиньть кецты тагы невестаньтинь. Мельи тееть вечеренгкат: женихись рамси гостенецьть, сан вина и туи чокшни невестаньтий. Невестаньть пурнавить ялганза. Мельи невестаньть марты женихись озэть эземь бряс столь экшс и кармить ярцамы симиме. Мельи пурнавить одзёратьни и оддейтерьтьни и кармить морамы и кищиме. Ней вечеренгкасы веси морэтьни рузынь.

тятся всѣ сродники, и станутъ пить вино изъ двухъ бутылокъ. Выпьютъ это вино и пойдутъ пить къ жениху. Пока сродники сидятъ, ухватившись за полотенце, въ это время мать жениха и мать невѣсты смѣняютъ трижды пирогъ слѣдующимъ образомъ: мать жениха отдаетъ пирогъ по верху, а мать невѣсты по низу. Одну пустую бутылку сродники жениха возьмутъ съ собой обратно, а другую оставятъ невѣстѣ. Соберутся подруги невѣсты, возьмутъ лошадь, на которой пріѣхали сватать, и поѣдутъ на ней кататься, пускать слухъ (по селу). Вернутся дѣвушки съ катанія, и на эту лошадь сядутъ сваты и свахи и отправятся къ жениху пить, а отъ жениха опять къ невѣстѣ. Потомъ устроятъ вечеринку: женихъ купитъ гостинцевъ, возьметъ вина и вечеромъ пойдетъ къ невѣстѣ. Соберутся подруги невѣсты. Потомъ женихъ съ невѣстой сядутъ впередъ за столъ, и начнутъ ѣсть и пить. Потомъ соберутся парни и дѣвушки, и начнутъ пѣть и плясать. Теперь на вечеринкѣ всѣ пѣсни русскія.

Ютыть зярыяк чить, и женихиньть тятянзы и аванзы и родэнзы молеть питьниньь гандума. Питьниньь гандумсты женихиньть тятясь авась и роттны вешеть невестаньть кецты казьнить. Женихиньть тятяньтинь банар, аваньтий зарахатт, а женихиньть роттнэнень, гонанинь бонкст, конанинь банар, зарахатт, рукават. Сайсы невестась питьниньть и туи казьнинь рамсими и веси стакшныеыньзе; сонянзы пособлеть ялганза. Ютыть кафтышка чи, женихиньть тятянзы аванзы саить пряка, бутулка вина, кильдить алаша и туить чинь бутума. Пурнавить невестаньть ялганзы и туить чинь бутумы алапасыньть арьтьниме. Сыть тейтерьтьни артьнимста, женихиньть тятятьни аватьни полаўсызь сыньцист пряканьть невестаньть тятятьнинь аватьнинь бряка лангкс и туить. Аньцикь сыть женихиньть тятянзы аванзы чинь бутумста, пурнавить родэст, кандыть роттны почт, ямкст, сывиль, алт и кармить лукшынь дееме. Ве курьникь тееть покш. Покш курьникиньтинь бутыть вейксы вещ: почт, сал, ой, гаша,

---

Пройдетъ сколько-нибудь дней, и жениховы отецъ, мать и сродники пойдутъ относить кладку. Принеся кладку, жениховы отецъ, мать и сродники просятъ отъ невѣсты даровъ. Женихову отцу рубашку, матери сарафанъ, а жениховымъ сродникамъ кому штаны, кому рубашку, сарафанъ, рукава. Возьметъ невѣста кладку, и пойдетъ накупать подарковъ и сошьетъ все; ей пособляютъ подруги. Пройдетъ дня два, жениховы отецъ и мать возьмутъ пирогъ, бутылку вина, запрягутъ лошадь и отправятся назначать день. Соберутся подруги невѣсты, и отправятся кататься на лошади. Когда дѣвушки вернутся съ катанія, отецъ и мать жениха смѣнятъ свой пирогъ на пирогъ невѣстиныхъ отца и матери и уйдутъ. Лишь только жениховы отецъ и мать вернутся послѣ назначенія дня, соберутся ихъ родственники, принесутъ сродники муки, крупы, мяса, яицъ и начнутъ готовить «лукши» (круглые пироги съ начинкой). Одинъ пирогъ съ начинкой сдѣлаютъ большой. Въ большой пирогъ положатъ девять

сывиль, алт, пачалкситъ, чурька, картуха. Покш курникиньтъ лантынsы наряжасызь миникс цюныкс. Покш курьникиньтъ ланґкс сялґитъ наряжазь дарад и курьникиньтъ каркасызь ленґкса. Те покш курьникиньтъ лемезы лукша. Лукшынь деемсты паряфнитъ ве мора каўкстъ:

Перьтъ перьтъ благый бурьгине,
Уш перьтъ ёнкски пурьгине,
И серьгедетъ верьгедетъ,
Каракарчы васыдитъ.
Кинь гудыньтъ сынь зерьгэтцезь,
Гинь гудыньтъ сынь верьгэтцезь?
Дриганъ[1]) гудыньтъ серьгетцэзь,
Дриганъ гудыньтъ верьгетцэзь.
Понаў, бонаў гилийне,

1) Имя женихова отца.

предметовъ: муку, соль, масло, кашу, мяса, яйца, блины, лукъ, картофель. Верхъ большого пирога раскрасятъ повсячески. Сверху большого пирога воткнутъ раскрашенный прутикъ, а опояшутъ пирогъ лыкомъ. Названіе этого большого пирога лукша. Готовя лукшу, пропоютъ (торжественно) дважды одну пѣсню:

Со всѣхъ сторонъ злой громъ,
Ужъ со всѣхъ сторонъ молнія,
И закричатъ и блеснутъ,
При встрѣчѣ соединятся.
На чей домъ они закричатъ,
Чей домъ они освѣтятъ?
Они закричатъ на Григорьевъ домъ,
Они освѣтятъ Григорьевъ домъ.
Кудрявая, кудрявая березка,

Седияк бонаў гилийне
Дрига атянь икиле,
Сиянь баяг' эйсэнза.
Пижынь рисьмини вельди
Вачкитьцыникь баяганьть.
Туи родга племава,
И патява сазырга.

Мельи паряфнисызь теки жа паряфниманьть. Аньцяк паряфнимсты лецьтясызь авуль женихиньть тятяньть, а невестаньть тятяньть.

Перьть, перьть благый бурьгине,
Уш перьть ёнкски пурьгине,
И серьгедеть верьгедеть,
Каракарчы васыдить.
Кинь гудыньть сынь зерьгетцэзь?

Очень кудрявая березка
Передъ старикомъ Григоріемъ,
На ней серебрянный колоколъ.
За мѣдную цѣпочку (дернувъ),
Мы ударимъ въ колоколъ.
Разойдется (звукъ) по роду и племени,
По теткамъ и сестрамъ.

Затѣмъ (торжественно) поютъ эту же пѣсню. Но при пѣніи помянутъ не женихова отца, а невѣстина.

Со всѣхъ сторонъ злой громъ,
Ужъ со всѣхъ сторонъ молнія,
И закричатъ и освѣтятъ,
При встрѣчѣ соединятся.
На чей домъ они закричатъ?

Гинь гудыньть сынь верьгетцэзь?
Дёмань гудыньть серьгетцэзь,
Дёмань гудыньть верьгетцэзь.
Дёма атянь икиле
Голэй, голэй гилийне.
Седняк голэй гилийне
Дёма атяньть икиле.
Голэй, голэй гилийсыньть
Сёвонень до баяга.
Ленги луткы вельди
Вачкидикшнызь баяганьть.
Тусь чуважга татарга,
Тусь апак лемть ломаньга.

Лукшыдыньть мельи теть тейтерень гжы. Тейтерень гжысь авуль бокш и тараткись лангксынзы вишкине.

Чей домъ они освѣтятъ?
Они закричатъ на Дементьевъ домъ,
Они освѣтятъ Дементьевъ домъ.
Передъ старикомъ Дементіемъ
Голая, голая березка.
Совсѣмъ голая березка
Передъ старикомъ Дементіемъ.
На голой, голой березѣ
Глиняный колоколъ.
За шкурку съ лыка (дернувъ),
Ударили въ колоколъ.
Разошелся (звукъ) по татарамъ и чувашамъ,
Разошелся по некрещенымъ людямъ.

Послѣ лукши готовятъ (сладкій) пирогъ для дѣвушекъ. Пирогъ для дѣвушекъ невеликъ, и прутикъ на немъ маленькій.

Тейтерень гжыдыньть мельи теесть сувахань гедьги.

Лукшытьни тееветь, женихись тарги колмы четверьть вина, суваштыть кудыньтинь колмы стольть. Ойсеть женихинь родьнятьни столь экшс, симсызь белензы винаньть и кармить уридивинь бурнама. Пурньть уридиў и кармаўсызь сонзы вина яўшыми земь брясы столеньтей. Мельи пурньть уридивиньть ялга и кармаўсызь сонзы керчпели столеньтень вина яўшыме. Симсызь и срадыть.

Омбоци валцкиньть стить и кармить поездэнь бурнама. Кажный родэсь кильди алаша, ата парый, ата кафты кудыс ве пара. А кажный авась канды кудань бряка. (Женихинь роттнэн[1]) лемест кудат). Поездэньть пурнамсты кии васиньцикс арды женихиньть кардайс, сенень вина цярка. Кода кудатьнинь поездэст пурнаве, сынь гучить ве пара невестань родэньть пурнама. А уридивись туи орта идиме. Аньцяк невестаньть ялганзы тейтерьтьни

1) родьнятьнинь.

Послѣ пирога для дѣвушекъ готовятъ небольшой пирогъ для свахъ.

Когда лукши будутъ готовы, женихъ вытащитъ три четверти вина, въ избу внесутъ три стола. Родственники жениха сядутъ за столы, выпьютъ половину вина и начнутъ выбирать дружку. Выберутъ дружку и заставятъ его разносить вино переднему столу. Потомъ выберутъ дружкѣ товарища и заставятъ его разносить вино заднему столу. Выпьютъ и разойдутся. На слѣдующее утро встанутъ и начнутъ собирать поѣздъ. Каждый родственникъ заложитъ лошадь, а то пару, а то одну пару съ двухъ домовъ. А каждая женщина принесетъ пирогъ для сватовъ. (Сватами называются родственники жениха). Когда собирается поѣздъ, кто первымъ прискачетъ во дворъ жениха, тому чарка вина. Когда соберется поѣздъ сватовъ, они посылаютъ одну пару лошадей собирать родственниковъ невѣсты. А дружка отправляется выручать ворота. Лишь только дѣвушки, невѣстины подруги, уви-

несэзь, шты уридивись арды орта идиме, пекстасызь ортаньть и нежатьцызь. Уридивись максы тейтерьтьпенень гемень эль геветеи трюшникь и тейтерьтьни ортаньть паньчсызь. Суви уридивись невестаньть кардайс и озафты тосты кафты авat, невестань ротт, конатьнинь гучсызь женихинь банарынь гандума. Ускsыньsи уридивись панарынь гандыця аватьнинь; женихись тарги зяры як вина, и аватьни веньчамы панарынsы понгксэнsы макссызь. И уридивись се аватьнинь ускsыньsи мекеў. Невестаньть родэнsы веси кандыть сюкурт и вачкасызь невестаньть сундукс, сундукуньть лангкс пуцызь тейтереньть ацамунsы и ацамутьнинь лангкс озафтыть пакша. Пурнавить веси кудатьни женихиньтинь, кармить обедама. Кудатьни обедэть, а седи сыри аватьни паряфнить:

Ярцады, кудат, ярцада,
Ярцады, андат, ярцада.
Вачи пекенгк тынь пещенькь,

дятъ, что дружка скачетъ выручать ворота, они запрутъ ворота и подопрутъ ихъ. Дружка дастъ дѣвушкамъ десять или пятнадцать копеекъ, и дѣвушки отопрутъ ворота. Дружка войдетъ во дворъ невѣсты и посадитъ оттуда двухъ женщинъ, родственницъ невѣсты, которыхъ пошлютъ отнести женихову рубашку. Дружка привезетъ женщинъ, относящихъ рубашку; женихъ вытащитъ сколько нибудь вина, и женщины дадутъ ему вѣнчальные рубашку и штаны. И дружка привезетъ этихъ женщинъ обратно. Всѣ родственники невѣсты принесутъ лепешки и наложатъ въ сундукъ невѣстинъ, на сундукъ положатъ дѣвичью постель и на постель посадятъ ребенка. Всѣ сваты соберутся къ жениху и начнутъ обѣдать. Сваты обѣдаютъ, а наиболѣе старыя женщины поютъ (торжественно):

Кушайте, сваты, кушайте,
Кушайте, сродники, кушайте.
Наполните свои голодные животы,

И симиманґк явафтынґкь.
Покш паксянь дрокс ардумста,
Тикшынь дикшынь лоўнэнґкь,
Кафтынь гафтынь сётэнґкь.
Кона тикшысь ськамунsа,
Се тикшыниньть сезенькь,
Той боцьказынґк тынь каинькь.
Покш виринь дрокс ардумста,
Чуфтынь цуфтынь лоўнэнґкь.
Кона чуфтысь лишныйне,
Кона чуфтысь ськамунsа,
Се чуфтыниньть тынь керенькь,
Той боцьказынґк тынь каинькь.
Покш велень дрокс ардумста,
Кудынь гудынь тынь лоўнэнґкь,
Кафтынь гафтынь тынь сётэнґкь.

И утолите свою жажду.
Ѣдучи черезъ большое поле,
Пересчитайте по травинкѣ,
Пересчитайте по двѣ.
Которая трава одна,
Эту травку сорвите,
Бросьте ее въ бочку съ лукшей.
Ѣдучи поперекъ большого лѣса,
Пересчитайте по деревцу.
Которое дерево лишненькое,
Которое дерево одно,
Это деревцо вы срубите,
Бросьте его въ бочку съ лукшей.
Ѣдучи черезъ большую деревню,
Пересчитайте по домику,
Пересчитайте вы по два.

Кона кудысь лишныйне,
Кона кудысь ськамунsа,
Се кудыньтинь зувада.
Уш се кудынь ломатьнинь
Вейти-вейти тынь лоўнэнгкь,
Кафтынь гафтынь тынь sётэнгкь.
Кона ломаньць лишныйне,
Кона ломаньць ськамунsа,
Се ломаниньть тынь саинькь,
Нурды (крандаз) потмаксс тынь каинькь,
Кудуў гауў тынь ускинькь.
Уридиў аля, кичаля,
Сайть тон пары ава,
Сайть тон мазый ава.
Бути саят пары ава,
Бути саят мазый ава,

Чей домъ лишненькій,
Чей домъ одинъ,
Въ этотъ домъ зайдите.
Ужъ вы людей этого дома,
Пересчитайте вы по одному,
Пересчитайте вы по два.
Который человѣкъ лишненькій,
Который человѣкъ одинъ,
Того человѣка вы возьмите,
Внутрь саней (телѣги) вы бросьте,
Домой вы отвезите.
Дружка, молодецъ, добрый молодецъ,
Возьми ты добрую женщину,
Возьми ты красивую женщину.
Если ты возьмешь добрую женщину,
Если ты возьмешь красивую женщину,

Чефти тодоў уш алыт,
Парьций гушак уш перькат,
Кримскый цапка уш прязыт.
Бути саят берянне,
Бути саят амазый,
Сеелень гедь уш алыт,
Кирмалаў цапка прязыт.

Кода кудатьни обедэть, а бабатьни паряфнить, се шканьть тейтерьтьни ойсы вадьнить кудатьнинь бряст и сакалыст и судрить. Кода женихиньть роттнэ обедэть, се шканьть невестаньть родэнзы наряжыть невестаньть венець алуў; наряжасызь, озаўсызь пецька икилиў и пурныть кафты урьвалят. Урьвалякс пурныть вейкекс роднэй ляля, а омбоцекс малавикс родьнянь, авуль зыри цёра. Урьвалятьни молеть пецька икилиў невестаньть пацясы вельтямунза. Невестась урьвалятьнинь гасьсыньзи пацяса.

То ужъ мягкую подушку подъ тебя,
Шелковый кушакъ вокругъ тебя,
Красную шапку тебѣ на голову.
Если ты возьмешь плохую,
Если ты возьмешь некрасивую,
То уже ежовую шкуру подъ тебя,
Репейную шапку тебѣ на голову.

Въ то время какъ сваты обѣдаютъ, а старухи поютъ, дѣвушки мажутъ головы и бороды сватовъ масломъ и расчесываютъ ихъ. Въ то время какъ обѣдаютъ родственники жениха, родственники невѣсты наряжаютъ ее подъ вѣнецъ; нарядятъ, посадятъ передъ печкой и выберутъ двухъ шаферовъ. Шаферами выбираютъ — однимъ родного брата старшаго, а другимъ близкаго родственника, нестараго мужчину. Шафера идутъ передъ печку накрыть невѣсту платкомъ. Невѣста подаритъ шаферовъ платками. Ша-

Урьвалятьни каить невестаньть прява паця; невестась ноцкоўсы прястыньы пацяньть и карми урьниме:

Кафты боярт, лялинин,
Тынь иляды пеняця
Седи ламы казьни ланкс.
Илянк кая, лялинин,
Чакш павиниить прязын.
Эзень донатт, лялякай,
Чакш пацясы якама.
Эзень донатт, лялинин,
Чакш пацясы якама.
Тонадынь мон, лялякай,
Валаня прянь гандума
Ветекс кодань булыса,
Павань долга цёкоса.

Фера накинутъ платокъ на голову невѣсты; невѣста сдёрнетъ платокъ съ головы и начнетъ вопить:

Оба господина, мои братцы,
Вы не пеняйте
На большіе подарки.
Не накидывайте, мои братцы,
Горшечную тряпочку на мою голову.
Я не научилась, братецъ,
Ходить въ горшечной тряпкѣ.
Я не научилась, мои братцы,
Ходить въ горшечной тряпкѣ.
Я выучилась, братецъ,
Ходить съ гладкой головой,
Въ косѣ, въ пять прядей сплетенной,
Въ кисти, какъ павлиное перо.

Мельи урьвалятьни сайсызь невестаньть кафты пельди и канцызь эземь бряс. Эземь брясы невестаньть тятянзы аванзы баславасызь, и урьвалятьни сайсызь дагы и озаўсызь невестаньть бокасы эземс.

Се шкастыньть сы женихинь бельди поезд. Аньцяк женихинь боездэсь суви невестаньть кардайс, лисить тейтерьть, невестаньть ялганзы, и кармить паряфниме[1]):

Ваны сыть уш куданык,
Ваны сыть уш анданык.
Мекс куданык раужыт,
Мекс анданык амазыйть?
Састь луткува латкува,
Рузынь галмы юткува.
Мода пульни валыньзе,
Кулуў бульни саиньзе.

1) Мотивъ приведенъ ниже.

Потомъ шафера возьмутъ невѣсту съ двухъ сторонъ и отнесутъ напередъ. Напереди отецъ и мать невѣсты благословятъ ее, и шафера возьмутъ опять и посадятъ невѣсту на боковую скамейку (лавку).

Въ это время со стороны жениха пріѣдетъ поѣздъ. Лишь только женіховъ поѣздъ въѣдетъ во дворъ невѣсты, выйдутъ дѣвушки, невѣстины подруги, и начнутъ пѣть (торжественно):

Вотъ уже ѣдутъ сваты,
Вотъ уже ѣдутъ сродники.
Отчего сваты черные,
Отчего сродники некрасивые?
Они пришли по оврагамъ и баракамъ,
Между русскими могилами.
Ихъ засыпала земляная пыль,
Ихъ покрыла золяная пыль.

Сувить женихинь родэсь, ускить мартыст вейксы прякат. Покш лукшынь гурьникиньть макссызь невестаньтинь (невестаньть кис сайсы аваза); сувахань гедыгиньть макссызь невестань аваньтинь, максыть тенэы ищо пельбутулка вина ды кал, и мереть: «ну, сувахай, нень бурныть», и сон бурнасыньзе. Мельи женихиньть авась сайсы тейтерень гжыньть, сай кедезэнэы вина цярка, вина цярканьтинь нолды ярмак, моли невестаньть пелеў. А тейтерьтьни, невестаньть ялгатьни, женихиньть аваньть а нолдасызь невестаньтинь. Сынь арыть невестаньть икилиў. И женихинь авась карми тейтерьтьнень баряфнимаст:

Боярават, тейтерьнеть,
Азырават, тейтерьнеть,
Якстирь' пильги гулькинить,
Латы краинь мазыйнить,
Латы лангынь ӡянават,

Войдутъ жениховы родственники, привезутъ съ собой девять пироговъ. Большой пирогъ дадутъ невѣстѣ (вмѣсто невѣсты его возьметъ ея мать); ручной пирогъ свахи дадутъ матери невѣсты; дадутъ ей еще полбутылки вина и рыбу и скажутъ: «ну, сваха, припрячь это», и она уберетъ. Потомъ женихова мать возьметъ дѣвичій хлѣбъ, возьметъ въ руки чарку вина, опуститъ монету въ чарку вина, пойдетъ въ сторону невѣсты. А дѣвушки, невѣстины подружки, не пустятъ женихову мать къ невѣстѣ. Онѣ станутъ передъ невѣстой. И женихова мать начнетъ пѣть, обращаясь къ дѣвушкамъ:

Барышни, дѣвушки,
Сударушки, дѣвушки,
Красноногія голубки,
На краю крыши красивыя,
На крышѣ ласточки,

Арчиловонь датушкат,
Валаня пря цянават,
Ногай локшы пулынить,
Павань долга цёкенеть.
Муравлиный здолбенеть,
Кафтуў банцма ортэнеть,
Панцувуда кафтуў,
Арады як кафтуў,
Нолдамизь гак, нолдамизь
Бояравапть икилиў,
Азыравапть икилиў,
Тынь цопода лафканьтий —
Питьний зицыпть ванума,
Тапарксынть уш ванума.
Кона сицынть киса минь,
Кона косякынть киса

Арчиловскія игрушки,
Съ гладкой головкой ласточки,
Съ хвостикомъ въ видѣ ногайской плети,
Съ кистями, какъ павлиное перо.
Муравлёные столбики,
На двое отворяющіяся воротишка,
Отопритесь надвое,
И станьте надвое,
Пустите-ка меня, пустите
Передъ барыню,
Передъ сударыню,
Вы въ тёмную лавку —
Посмотрѣть на дорогой ситецъ,
Посмотрѣть на тюкъ.
За какой мы ситецъ,
За какой тюкъ

И сядыса каинкь,
И кафтыса макссыникь.
Се косякыньть ванца,
Сицыньть приметаса.
Боярава, тон Дарья!
Азырава, тон Дарья!
Бути улят мельваный,
Бути улят корцкирьдий,
Улят бояраваныk,
Улят азыраваныk.
Кувак' ажьяс кильтядызь,
Алуў бант тонь баньтядызь,
Леўшэнь локшсы чафтадызь.
Буть' а кармат мель ванма,
Буть' а кармат кор гирьдьме.
Томбам' лангксы псаканык,

Мы и сотней оплачивали,
И по двѣ отдавали.
Я посмотрю этотъ тюкъ,
Ситецъ замѣчу.
Барыня ты, Дарья!
Сударыня ты, Дарья!
Если ты будешь угождать нашему нраву,
Если ты будешь терпѣть укоръ,
Ты будешь нашей барыней,
Ты будешь нашей сударыней.
Тебя запрягутъ въ длинныя оглобли,
Тебя погонятъ подъ гору,
Тебя будутъ хлестать мочальнымъ кнутомъ.
Если ты не станешь угождать,
Если ты не станешь терпѣть,
Ты будешь у насъ кошкой на шесткѣ,

Крилиць песы кисканык.
Нурьк' ажияс кильтядызь,
Панда пряў тонь баньтядызь,
Кшнань локшэсы чафтадызь.

Ней гарми невестась урьними женихиньть аваньть карча:

Бояраваt, ялгинин,
Азыраваt, ялгинин,
Тынь вирькс пандыкс арада,
Пекстань ортакс ащида!
Илянк нолдак, ялгинин,
Губан аваньть икилин,
Ногай аваньть малазын.
Кичкирьдь скалынь рогасан,
Алашань копитасан.

Ты будешь въ концѣ крыльца нашей собакой.
Тебя запрягутъ въ короткія оглобли,
Тебя погонятъ въ гору,
Тебя будутъ хлестать ременнымъ кнутомъ.

Теперь невѣста начнетъ вопить, обращаясь къ матери жениха:

Барыни, подружки мои,
Сударыни, подружки мои,
Станьте вы лѣсомъ и горой,
Стойте запертыми воротами!
Не пускайте, подружки,
Ко мнѣ татарку,
Близко ко мнѣ ногайку.
Я владѣю рогами бодающей коровы,
Я владѣю копытами лошади.

Кичкирьца мон ды пститца,
Кельми калмуў мон бачса.

Мельи женихинь авась канцы вина цярканьть невестаньтинь, а невестась канцы уряжынцтынь эль батянцтынь. Тона симсы, а ярмакыньть невестаньтинь макссэ.

Мельи женихиньть авась тейтерень гжынть макссы тейтерьтьненень (невестаньть ялгатьнининь) и озы эземь бряс, а тейтерьтьни карксасызь уридивиньть нардамуса. Уридивись нардамуньть киса зяры як пандэ. А невестаньть тятятьни аватьни женихиньть тятятьнинь аватьнинь и родэнsы малавикснынь газьнизызь.

Мельи невестаньть озаўсызь алашас. Уридивись сайсы невестаньть баславамы пазаваньть, веси поездэньть колмксть кружасы и туить женихиньть мельга. Уридивись ащи озады невестаньть удала невестаньть баславамы пазаваньть марта. (Неве-

---

Я бодну и лягну ее,
Я провожу ее въ холодную могилу.

Потомъ женихова мать поднесетъ невѣстѣ чарку вина, а невѣста поднесетъ ее невѣсткѣ или старшей сестрѣ. Та выпьетъ и дастъ невѣстѣ монету.

Затѣмъ женихова мать дастъ «дѣвичій хлѣбъ» дѣвушкамъ (невѣстинымъ подругамъ) и сядетъ на переднюю скамью, а дѣвушки опоящутъ дружку полотенцемъ. Дружка уплатитъ сколько-нибудь денегъ за полотенце. А невѣстины отецъ и мать одарятъ жениховыхъ отца и мать и близкихъ родныхъ его.

Затѣмъ невѣсту посадятъ на лошадь. Дружка возьметъ икону, которою благословляютъ невѣсту, окружитъ ею трижды весь поѣздъ, и пойдутъ за женихомъ. Дружка сядетъ позади невѣсты съ иконой для благословенія невѣсты. (Дружка выкупитъ также

станьть сундукуньтъ как уридивись идисы, макссы сундук ланґксы ащицяя пакшаньтинь кафтышка трюшникь).

Суви поездэсь женихиньть кардайс женихиньть мельга. Лисить кудыста крилиць ланґкс женихиньть пельди тейтерьть и кармить паряфниме:

Ондрон, Ондрон а Ондрон[1]),
Козэй ускикь сазырыт?
Арась путынь[2]) гудыза,
Арась вельтянь гереза.
Сюкуняды Карпань[3]) билькс.
Ули путынь гудыза,
Ули вельтянь гереза.
Козэй миникь Карпа чачсь?
Чачсь сиянь зон мукурь ланґкс,

1) Имя брата невѣсты. 2) путызь. 3) Имя жениха.

невѣстинъ сундукъ, и дастъ сидящему на сундукѣ отроку-мальчику или дѣвочкѣ двѣ-три копейки).

Поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ жениха за женихомъ. Изъ избы на крыльцо выйдутъ дѣвушки со стороны жениха и начнутъ пѣть (торжественно):

Андронъ, Андронъ, а Андронъ,
Куда ты привезъ свою сестру?
Нѣтъ поставленнаго у него дома,
Нѣтъ у него покрытой крыши.
Поклонитесь въ ноги Карпу:
У него есть поставленный домъ,
У него есть покрытая крыша.
Гдѣ родился нашъ Карпъ?
Онъ родился на серебряномъ пнѣ,

Кассь сиянь зон мукурь лангкс.
Кодамы толк эйсэнsа?
Сюрынь, зюрынь лоўсэньsе,
Видьминь, видьминь sётцэньsе.
Козэй зука Дарья чачсь?
Чачсь лепень зон мукурь лангкс,
Кассь лепень зон мукурь лангкс.
Кодамы толк эйсэнsа?
Кодамы цёт эйсэнsа?
Колэньгемень год эрясь,
Колмы кенерьть коцт кодась.
Сеяк суканинь эзь ловофт,
Сеяк суканинь эзь sётофт.
Икильди як нупиясь,
Удалды як пангиясь.
Сувад', лялькат, сувада

Онъ выросъ на серебряномъ пнѣ.
Какой въ немъ умъ?
Онъ пересчитаетъ по зернышку,
Онъ смѣтитъ по сѣмячку.
Гдѣ родилась сука Дарья?
Она родилась на елховомъ пнѣ,
Она выросла на елховомъ пнѣ,
Какой въ ней умъ?
Какая въ ней смѣкалка?
Она жила тридцать лѣтъ,
Она выткала три локтя холста.
И того она, сука, не могла счесть,
И того она, сука, не могла смѣтить.
И спереди она запылилась,
И сзади она заросла грибами.
Заходите, братцы, заходите

Нупунь гудыс эжнеме,
Пангты ямды ярцама.
Кодатт Дарьянь газьнинsа?
Кодатт Дарьянь лоўнэнsа?
Голицынань [1]) рогожат,
Голицынань рогожат.
Курга нардамс казямут,
Зепс путумс а маштувить.

Невестась тейтерьтьнень гарча отьвече урьнизь:

Иляда онкт, иляда,
Дрига атянь гискатьне.
Мезьды сивидистяда,
Мезьды кармафтыстяда?

1) Село Голицыно находится въ 7 верстахъ отъ Сухого Карбулака.

Въ пыльную избу погрѣться,
Грибныхъ щей покушать.
Какіе Дарьины дары?
Какіе Дарьины дары счетомъ?
Голицынскія рогожи,
Голицынскія рогожи.
Онѣ шершавы для того, чтобы вытереть ротъ,
Онѣ не годятся для того, чтобы положить ихъ въ карманъ.

Невѣста отвѣчаетъ дѣвушкамъ съ воплемъ:

Не лайтесь, не лайтесь,
Собаки старика Григорія.
За что [1]) вы наняты,
За что васъ заставляютъ (лаять)?

1) Т. е. за какое вознагражденіе.

Эли вачи пекеда,
Эли штапа лангыда,
Эли кепи пильгида?
А пешкедеть тынькь пекенгк,
А орчавить тынькь лангынгк,
А карьцивить тынькь пильгингк.
Илямизь гак покоря,
Илямизь гак досадя.
Суксуў зэрят, варяў бещ,
Наоз алы керясукст.

Мельи женихись озы невестаньть ваксс. Уридивись и урьвалятьни кружасызь боездэньть колмкстьи туить церьковаў веньчама. Ве урьваля кадуви женихиньть эземь бряс. Церьковаў ардумсты невестась урьни истя:

Остатка раз, остатка

Или за голодный животъ,
Или за нагой верхъ,
Или за босыя ноги?
Не насытятся ваши животы,
Не одѣнутся ваши верхи,
Не обуются ваши ноги.
Не укоряйте-ка меня,
Не досаждайте-ка меня.
Червивы жолуди, дырявы орѣхи,
Подъ навозомъ навозные черви.

Засимъ женихъ садится рядомъ съ невѣстой. Дружка и шафера пройдутъ три раза вокругъ поѣзда и отправятся въ церковь вѣнчать. Одинъ шаферъ остается у жениха впереди[1]). По дорогѣ въ церковь невѣста вопитъ слѣдующимъ образомъ:

Въ послѣдній разъ, въ послѣдній,

1) Т. е. въ переднемъ углу, на передкѣ лавки въ домѣ жениха.

Бояравакс чинисын,
Ардан ульцянь гувалт мон,
Губан ушма юткысы,
Ногай ушма юткса.
Косы нальксинь ды чарынь,
Мазый морэт мон морэнь;
Маций галгамс нарт чачист,
Ракшань зюлмамс кальть касыст.
Молян Базынь гудыньтинь,
Авуль Базнынь ознома,
Авуль зьвечань бутума,
Мастуруў сюкуняма.
Пары чимь юмафтума,
Мазый цимь юмафтума.

Пачкидить церькованьть икилиў, женихись валцсы невестаньть крандайсты, и сувить церьковас.

Въ барской жизни моей,
Ѣду я вдоль улицы,
Между татарской сходкой,
Между ногайской сходкой.
Гдѣ я играла и вертѣлась,
Пѣла красивыя я пѣсни;
Пусть родится трава, чтобы клевать ее гусямъ,
Пусть выростетъ тальникъ, чтобы привязывать
Я ѣду въ Божій домъ, [къ нему лошадей.
Не Богу молиться,
Не свѣчу ставить,
Не въ землю кланяться.
Я ѣду погубить свое доброе житье,
Погубить красивое житье.

Когда подъѣдутъ передъ церковь, женихъ сниметъ невѣсту съ телѣги, и войдутъ въ церковь.

Веньчеть, лисить церьковаста, женихись озаўсы невестаньть крандайс и туить женихиньтинь. Церьковасты женихиньтинь молемсты одерьвась урьне:

Якинь Базынь мон гудыс,
Эзень озна мон Базнынь,
Мастырц эзень зюкуня,
Сьвечени мон эзень бутт.
Якинь, якинь, мон якинь
Парычимь юмафтума,
Мазыйцимь юмафтума.
Бояравакс чимь арьцись
Церьковань ниль' угулга.
Таркиниза эзь ладя,
Сувась церьковас ялтарьц,
Валксь сон берестолэнть лангкс.

Повѣнчаютъ, выйдутъ изъ церкви, женихъ посадитъ невѣсту въ телѣгу, и поѣдутъ къ жениху. Возвращаясь изъ церкви къ жениху, молодушка вопитъ:

Я ѣздила въ Божій домъ,
Я не молилась Богу,
Я не кланялась въ землю,
Я не поставила свѣчки.
Ѣздила, ѣздила, я ѣздила
Терять свою хорошую жизнь,
Терять свою красивую жизнь.
Барское житье мое становилось
По четыремъ угламъ церкви.
Не успокоилась она (жизнь) на этомъ мѣстѣ,
Она вошла въ церковь въ алтарь,
Сѣла она (жизнь) на престолъ.

Таркиниза эзь ладя,
Церьковасты лисикшнысь,
Покш хрёстэньть лангкс валгыкшнысь,
Колмонь белеў зюкунясь,
Чивалгумаў зон лифтясь.
Чопода лафка лангкс валксь,
Пиринингы саизе,
Тавар лангкс полафтызе.

Сыть женихинь кардайс. Женихись невестаньть валцсы крандайсты, и сувить кудыс. Се шканьть одерьвась урьне:

Кафты боярт, лялинин,
Илямизь гак тынь суваф т,
Ломанинь до кудыньтинь:
Илямизь гак тынь цалгафт

Не успокоилась она на этомъ мѣстѣ,
Выходила изъ церкви,
Взлетѣла на большой крестъ.
Поклонилась на четыре стороны,
Улетѣла на закатъ солнца,
Она сѣла на тёмную лавку,
Взяла свою головушку,
Смѣняла себя на товаръ.

Пріѣдутъ на дворъ къ жениху. Женихъ сниметъ невѣсту съ телѣги, и войдутъ въ избу. Въ это время молодушка вопитъ:

Оба барина, мои братцы,
Не вводите-ка вы меня
Въ чужой домъ:
Не заставляйте-ка вы меня наступать

Эксксы чаўнызь гияксны.
Пелян: бара монь готан
Эска прява кандувить.
Илямизьгак тынь озафт
Салмуксcы чаўнызь эземс.
Пелян: барьций одежан
Залмукс прява каднувить.

Мельи женихиньтинь и одерьваньтинь гандыть цяркань sярканъ вина. Ветясызь одерьваньть пецька икилиў, и сон гармиурьниме:

Пецькань гирьдий, матушка,
Пецька ава матушка,
Бути улян уцяскаў,
Бути улян базичиў,
Вереў нолдэкь качамнит,

На гвоздями убитый полъ.
Я боюсь: хорошія мои ботинки
Останутся на головкахъ гвоздей.
Не сажайте-ка вы меня
На убитую иглами скамейку.
Я боюсь: шелковое мое платье
Останется на головкахъ иголъ.

Засимъ жениху и молодушкѣ подносятъ по чаркѣ вина. Поведутъ молодушку передъ печку, и она начнетъ вопить:

Держащая печку матушка,
Печная мать матушка,
Если я буду счастлива,
Если я буду удачлива,
Пусти свой дымокъ къ верху,

Алуў нолдэкь лембенет.
Эждетя тон монь гедьнен,
Пальця монь бильгинин,
Ашы килий монь зерьнемь.
Бути улян грешнэйне,
Бути улян пайстума,
Вереў нолдэкь лембенет,
Алуў нолдэкь качамнит.
Качамнисыт тон артыть
Макы лопа одежан;
Тол гельнесэт пултытя
Тюжа парьций монь церьнен.

Мельи женихиньть и одерьваньть обедаўсызь и ветясызь гозэй гак чавы карц эль утумс. Сыть невестань бельди кафты ават урьвалянь андума, а кафты лия ават одерь-

---

Пусти свою теплоту къ низу.
Согрѣй ты мои руки,
Мои зяблыя ноги,
Мой родъ, подобный бѣлой березѣ.
Если я буду несчастлива,
Если я буду безъ доли,
Пусти къ верху свое тепло,
Пусти къ низу свой дымокъ.
Своимъ дымкомъ ты окрась
Мое платье, подобное маковымъ листьямъ.
Своимъ огненнымъ язычкомъ сожги-ка
Мои волосы, подобные желтому шолку.

Засимъ жениха и молодушку кормятъ обѣдомъ и введутъ ихъ куда-нибудь въ пустой хлѣвъ или въ амбаръ. Со стороны невѣсты придутъ двѣ женщины кормить шаферовъ, а двѣ другія женщины—

вань андума. Мартыст андыця аватьни кандыть мининьзюнынь зьряпнят.

Мельи уридивись сайсыньзи урьвалятынинь эстязы гуляяма. Симсыньзи доволь винады и анцыньзи миницюныды и арьтнинъсыньзи алашаса.

Мельи веси роттны пурнавить женихиньтинь. Симить ярцыть женихиньть кеца, туить невестаньтий. Те чиньть кажный зёрась канды цолковой, а кажный авась колмы прякат. Мельи женихинь роттны пурнавить веси женихиньтинь зимиме, а невестань роттны пурнавить веси невестаньтинь зимиме. Свадьбань голмоцекс чисты эри горнэй. Горнэйстэньть тапить чакшт, вакатт, пеньчть. Горнэень циньть молеть невестаньтинь, веденьть неўсэзь и кармаўсызь гудынь деньцеме истя: «теньцекь кудыньть, авуль аньцяк куды куньчканьть, а аксялксыньгак. Кудыньть теньцекшнэкшнэкь[1]), а сортнэнь ульцяў илять кайсе».

1) теньцьнекшнэкь, теньцьнекь.

кормить молодушку. Эти женщины приносятъ съ собой всякаго рода стряпню.

Засимъ дружка возьметъ къ себѣ шаферовъ, чтобы погулять. Напоитъ ихъ вдоволь виномъ и накормитъ всякой всячиной и покатаетъ ихъ на лошади.

Засимъ всѣ родственники соберутся у жениха. Пьютъ и ѣдятъ у жениха, отправятся къ невѣстѣ. Въ это время каждый мужчина приноситъ цѣлковый, а каждая женщина три пирога. Засимъ всѣ родственники жениха соберутся къ жениху пить, а родственники невѣсты соберутся пить къ невѣстѣ. На третій день свадьбы бываетъ «конецъ свадьбы». Въ этотъ день бьютъ горшки, чашки, лошки. Въ день окончанія свадьбы отправляются къ невѣстѣ, показываютъ ей воду и заставляютъ подметать избу слѣдующими словами: «подмети избу, и не только середину избы, но и подъ лавками. Выметай избу, а сору на улицу не выбрасывай».

Кода невестаньть чиясызь, зон заима чидынзы недляды икили карми урьниме; кажный покшне, кажный валцки урьне. Васинь урьнимазы истяня:

Пижынь зурить суридян,
Мон баяга вачкидян.
Вери мастырт вачкитьца,
Веси родга племава
И патява сазырга.
Алы мастырт вачкитьца,
И кулыйга юмийга,
И покщава бабава.
Марямизь гак, марямизь,
И покщенен бабинин [1]).
Авуль гука кукурдэ,
Авуль сёкоў сёкордэ,

1) Если невѣста сирота, она поминаетъ и своихъ родителей.

Когда просватаютъ невѣсту, она, за недѣлю до дня свадьбы, начинаетъ вопить; она вопитъ каждый вечеръ, каждое утро. Первый вопль ея такой:

Я пряду мѣдныя нитки,
Я ударяю въ колоколъ.
Я ударю высоко надъ землей,
По всему роду племени,
По всѣмъ теткамъ и сестрамъ.
Я ударю внизу подъ землей
По покойникамъ и пропадшимъ,
По дѣдушкамъ и бабушкамъ.
Услышьте-ка меня, услышьте,
И дѣдушки мои и бабушки.
Не кукушка кукуетъ,
Не соловей поетъ,

Порафтумы кукиняп,
Шкамнифтими цёкоўпян.
Марямизь гак, марямизь
Кургы поцы вайгильга
И кельбрясы валпува.
Бути жальни неяван,
Коск марясынгкь вайгильнимь
Сияк саинькь оймснемь.
Монянь таркась, таркинись
Авуль лама эряве:
Карь гинишка таркине,
Койми ланга модэне.
Бути жаль а неяван,
Кучиды як, кучида,
Тынь покщенен, бабинин,

Я безвременная кукушечка,
Безвременная соловушка.
Услышьте также, услышьте
По голосу моего рта
И по словамъ, выговореннымъ кончикомъ моего
Если я кажусь жалкой, [языка.
Какъ только услышите мой голосокъ,
Тутъ же возьмите мою душеньку.
Мнѣ мѣста, мѣстечка
Нужно немного:
Мѣстечка съ лапотный слѣдъ,
Землицы на лопатникъ.
Если я не кажусь жалкой,
Пришлите-ка пришлите,
Вы дѣдушки и бабушки,

Кочкань гзнаўнить сельветькеть,
Меньдердань бещи валныть.

Максума чистынзы валцки тейтересь урьне:

Остатка раз мон ащан
Тятькань бутынь гудыса,
Лялькань валды валмала,
Урькань дюжа эземса.
Чить кофт тятькань вальманза,
Лимбазь лимби киякcысь,
Течень цини кеверян,
Сиянь боўнекс кеверян,
Тятянь гиякс яўнива.
Пижы качамкс мон лисян
Нили косяк юткува.

Какъ отборныя горошинки слёзочки,
Какъ вышелушенные орѣхи словечки.

Въ день свадьбы утромъ дѣвушка вопитъ:

Въ послѣдній разъ я сижу
Въ поставленномъ домѣ отцовскомъ,
У свѣтлаго окошка моего брата,
На желтой лавкѣ моей невѣстки.
Солнце и мѣсяцъ—отцовскія окна,
Ходенемъ ходитъ его полъ,
Нынѣшнимъ днемъ покачусь,
Покачусь серебряной пуговкой,
По поверхности отцовскаго пола.
Я выйду зеленымъ дымомъ
Между четырьмя косяками.

Кода женихиньть марты невестась сыть веньчамсты, атяфтысь ащи пазава марты кенгкш лангкса, а авафтысь пряка ды салдыркс марта; ищо авафтыньть кецы комолят. Одерьвась суви, васьня паласы пазаваньть, мельи атяфтынsы, мельи паласы пряканьть, мельи авафтынsа. Кода одерьвась палы авафтынsа, авафтысь почотцы одерьваньть комолясы и мере: «комоля лацы корьмайсь сожденeнsы максыса».

Кода женихиньть кецты туи поездэсь невестаньть мельга, сесты сайсызь лукшыньть, тейтерень гедьгиньть, сувахань гедьгиньть и ищо саить пряка; пряканьть лангкс путыть салуў гал. Се пряканьть лемеза урьвалянь гедьги. Сайсызь невестаньть, туить. А урьвалянь гедьгиньть кацызь доск. Кода свадьбась ютэ, кафты авaт невестань бельди молеть одерьвань андума, а ищо лия

Когда невѣста съ женихомъ вернутся послѣ вѣнчанія, свекоръ стоитъ вмѣстѣ съ иконой у двери, а свекровь съ пирогомъ и солонкой; еще въ рукѣ у свекрови хмель. Молодушка войдетъ, сначала поцѣлуетъ икону, потомъ свекра, потомъ поцѣлуетъ пирогъ, затѣмъ свекровь. Когда молодушка цѣлуетъ свекровь, свекровь обсыпаетъ молодушку хмелемъ и говоритъ: «да дастъ тебѣ кормилецъ лёгость, подобную лёгости хмеля».

Когда поѣздъ отправится отъ жениха за невѣстой, тогда возьмутъ лукшу, дѣвичій пирогъ, свахинъ пирогъ и еще возьмутъ хлѣбъ; на хлѣбъ положатъ соленую рыбу. Названіе этого хлѣба — шаферскій пирогъ. Возьмутъ невѣсту, отправятся. А шаферскій пирогъ оставятъ тамъ. Когда свадьба пройдетъ, двѣ женщины со стороны невѣсты пойдутъ кормить молодушку, а еще

кафты ават сайсызь урьвалянь гедьгиньть и туить урьвалянь андума.

Веси паряфниматьнинь морьцекшнэсэзь ве вайгильца:

Свадьбань мора «Агей».

Агей моры сripкаса,
Кемгафтувы срунаса.
Мекс тон, дейтерь, а кищат?
Эль донь бадыт бокаса?
Максыкь — Агей докасэ.

другія двѣ женщины возьмутъ шаферскій пирогъ и отправятся кормить шафера.

Всѣ (торжественныя) пѣсни поютъ на одинъ голосъ.

Свадебная пѣсня «Агей».

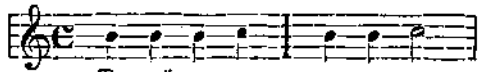
Агей играетъ на скрипкѣ,
На двѣнадцати струнахъ.
Почему ты, дѣвушка, не пляшешь?
Или . . . . . на боку?
Дай — Агей ее тронетъ.

Свадебныя плясовыя пѣсни.

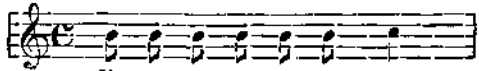

Тятям бечксь сон алаша,
Монянь макссь сон ловажа.
Порьнень борьнень, эзь борьнефьть.
Туинь мокшень гиява,
Муинь мокшень дейтерьне;
Палинизы калада,
Поти прязы ушыса.
Поти пряды кундыне,
Берекь алуў ускине.
Берекь алы кудыне,
Кудынисыньть атине.
Атясь моры нудийса,
Бабась кищи дубурца,
А соньць позны лабурца.

Отецъ мой зарѣзалъ лошадь,
Мнѣ онъ далъ кость.
Грызъ, грызъ, не разгрызешь.
Я пошелъ по мокшанской дорогѣ,
Нашелъ мокшанскую дѣвушку:
Рубашка ея разорвана,
Сиськи наружу.
За сиськи я ее поймалъ,
Подъ берегъ я ее повелъ.
Подъ берегомъ избушка,
Въ избушкѣ старичекъ.
Старикъ играетъ на дудкѣ,
Старуха пляшетъ съ грохотомъ,
А самъ онъ б.... съ шумомъ.

Тятяй роща,
Авай роща,
Адя эльдень залама,
Эльдень бадынь балама.

Кичирисы папам здясь,
Монь алапам напустясь.
Кода саян ажия,
Веси папам яжыне.

Дрон дрон дрон дрон, Дригорей,
Попань цавий Ёгорей,

Батюшка роща,
Матушка роща,
Ступай украсть кобылу,
Поцѣловать у кобылы...

На краю дороги всталъ...,
Лошадь моя побѣжала;
Какъ возьму я оглоблю,
Весь .... я разбилъ.

— — — — Григорій,
Шерстобитъ Егоръ,

Чикыр чикыр эземза,
Пона поца цекельза,
Варакатьни варныть,
Пад бонатьни тарныть.

Атямарь Марья,
Сёвонь бад Дарья,
Курьця папа Микита,
Сёвонь секель Улита.

Папам (падум) балыкь, ал максан,
Паскумады лоткафтан.

Скрипъ-скрипъ его скамья,
Подъ шерстью его с....,
Вороны воркуютъ,
..... трясутся.

Вишня Марья,
Глиняная... Дарья,
Коромысло... Никита,
Глиняный с... Улита.

Поцѣлуй мой . . ., дамъ яйцо,
Отъ . . . я тебя удержу.

Курка кищи латкса
Саразынь бад лангкса.

Коляшкасы куляшкаса,
Таштыпадысь валинкаса.

Самсон ляляй, гоў молят? (2)
Самсон ляляй, Зерёжынька, коў молят? (2)
Молян урьвань цияма, (2)
Молян урьвань, Зерёжынька, чияма. (2)
Кода урьвать лемеза? (2)
Кода урьвать, Серёжынька, лемеза? (2)

Индюшка пляшетъ въ оврагѣ,
На куричьемъ....

— — — —

Старая.... на валинкѣ.

Самсонъ, старшій братъ, куда идешь? (2)
Самсонъ, старшій братъ, Сережинька, куда идешь? (2)
Я иду сватать невѣсту, (2)
Я иду сватать, Сережинька, невѣсту. (2)
Какъ имя твоей невѣсты? (2)
Какъ имя, Сережинька, твоей невѣсты? (2)

Горьнипофка мордофка, (2)
Горьнипофка, Серёжынька, мордофка, (2)
Олдыкиминь гумаза, (2)
Олдыкиминь, Зерёжынька, кумаза, (2)
Потковамы столбаза, (2)
Потковамы, Серёжынька, столбаза (2).

Погремушка мордовка, (2)
Погремушка, Серёжинька, мордовка, (2)
Евдокимова кума, (2)
Евдокимова, Серёжинька, кума, (2)
Подкованный ея столбъ, (2)
Подкованный, Сережинька, ея столбъ (2).

Отдѣлъ III. Сказки.

А. Оркино.

Jouks.

Äŕä·ś a·ščiś ʹviŕca śä·ja i śäjä·ńť uĺńi·śť śäja ĺä·u̯ksyn̯ʒa. Son äŕva či·ńä jaka·ś ʹvi·ŕij, a synct ṕekśńe·ńʒä źe·ńĺaŋkas. Jaki jaki ʹviŕgańť, jä·ŕćńä ťejä, śiʹmi ťejä i sy ńä·kij kuduu̯ i mo·rä źe··ńĺaŋkańť va·ksca čuva vaĺʹgi·jńisa: «Śäjäĺä·u̯kskin moń, koŕńeńećken, tyń panžy·dyja, tyń ĺiśi·dyja; mon tyŋk ava·ŋk. Ví·ŕca u·ĺńiń, jarcy·ń ti·kšidä ńińiń̯ʒu·nyń tosa·, śi·ńiń ʹve·ťťä mon čudʹiki·ĺʹkskista, čuďä lofcèńeń oda·rnyvam, oda·rnystyńť kopȯ··tazyn, kopȯ·tastyńť o·čkeńes, očkeńe·stèńť ma·styru̯».

Сказка.

Жила была въ лѣсу коза, и у козы были козлята. Она каждый день ходила въ лѣсъ, а ихъ запирала въ землянку. Ходитъ ходитъ по лѣсу, поѣстъ, попьетъ и возвращается обратно домой и поетъ около землянки тонкимъ голоскомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы отоприте-ка, вы выходите-ка; я ваша мать. Я была въ лѣсу, поѣла травы, пила я воды изъ ручейка, течетъ молочко мое по вымячку, съ вымячка на копыто, съ копыта въ корытце, съ корытца на землю». Вышли козлята, высосали мо-

šä·jäľäu̯ksnä, po·ťeź lofcéńe·nʒa i suva·šť ḿä·kij. Ṕe·kstéńʒä i ḿe·ŕä: «Vady, iľa·dy pančt, v́äŕǵi·z iľi·dźź mańa·». — «Apa·nčtana, a·vaj». S̀äjäś tuś ḿäki·j v́iŕi·j, a v́äŕǵi·z maŕi·źä mo·ramsta. Saś sońďeďenʒa ḿä·jľä i karma·ś to·ža mora·ma šäja·ks, nu ä·čki vaľǵi·jsa, i·šťaža: «S̀äjäľäu̯kskin moń, koŕḿe·ńečken, tyń ľišiˑdyja, tyń panžy·dyja. Mon tyŋk avaŋk. V́i·ŕca uľńi·ń». A šäjäľä·u̯ksnä to·sta ṕižńi·ť ťä·nʒa: «Ḱeŋǵe·ľat ton, ḿińi·k ava·ń avy·ľ išťa·ma vaľǵi·jza; ḿińi·k ava·ń vaľǵi·jza čuˑv́ińä, ma·zyjńä, a toń ä·čkä dy ama·zyj». Tuś v́ä·ŕǵizyś, ḿeľe·zėnʒa ṕeķ apa·ra. Saji·źä kežéńpačk i čovaftyźä toćela·sa keľe·nʒa čuv́ińi·sta i saś ḿäkij šäjä·ľäu̯ksnyńiń i karma·ś taga· mora·ma čuˑv́ińista: «S̀äjäľäu̯kskin moń, koŕḿe·ńečken, tyń ľišidyja, tyń panžy·dyja, mon tyŋk ava·ŋk, v́i·ŕca u·ľńiń, ja·rcyń ťi·kšińdä ḿińińʒu·nyń tosa, šiḿiń v́äťťä mon čudikiľkskista, čudi lo·fcéńeḿ oda·rnyvam, odarnystyńť kopò·tazyn, kopòta·styńť o·čkeńes, očkeńe·stéńť ma··styruu̯». S̀äjäľäu̯ksnä duma·šť i pra u̯dyj, šty ava·st, käŋkšińť pa·n-

---

лочко и вошли назадъ. Она заперла ихъ и говоритъ: «Смотрите, не отпирайте, не обманулъ-бы васъ волкъ». — «Не отопремъ, матушка». Коза пошла назадъ въ лѣсъ, а волкъ услышалъ, какъ она пѣла. Пришелъ послѣ нея и сталъ тоже пѣть по козлиному, но грубымъ голосомъ, такимъ-же образомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы выходите-ка, вы отоприте-ка. Я ваша мать. Я была въ лѣсу». А козлята оттуда кричатъ ему: «Обманываешь ты, у нашей матери не такой голосъ; у нашей матери голосъ тоненькій, красивенькій, а у тебя грубый и некрасивый». Ушелъ волкъ, ему очень не по нраву. Взялъ въ сердцахъ и поострилъ на точилѣ свой языкъ очень тонко и пришелъ назадъ къ козлятамъ и началъ опять пѣть тонкимъ голосомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы выходите-ка, вы отоприте-ка, я ваша мать, я гуляла по лѣсу, я ѣла тамъ всякія травки, пила воду я изъ ручейка, течетъ молочко мое по вымячку, съ вымячка на копыто, съ копыта въ корытце, съ корытца на землю». Козлята подумали, что и вправду

žyź i ardy·ť źeńľa·ŋkastyńť. Śe ška·ńä v̓ärģi·zyś v̓äši i poų̈še·ńźä. Šäjä·ś saś, mora·ś mora·ś, šäjälä·ų̈ksyŋźa äšť ľišť. Son faťä·ś: vanyk, v̓ärģi·z po·ų̈šeńźä i ura·kać. Kady·źä v̓iŕi·ńť i tuś v̓äľi·j äŕa·ma. Ńejga·k äŕä· ɣoźa·jinyŋźa ke·ca.

Joų̈ks.

Äŕiť ašciť aťa·t ba·bat. Aťa·ń babań a äjdi·st a kakšyst. Tuś aťi·ńiś oźe·m̀ v̓idi·mä. Moľć v̓iŕ jutks, karma·ś soka·ma, moľć ťäŋźy oftė·ńä. «Mon, ģeľä, aťa, a·lašat säų̈sa·». Son m̀eŕi ťäŋźa: «uźy, vaśńa uma·m sokasa». Oftėńeś mać krandaza·luų̈, učä, źardy uma·ś soka·vä. Ŕiv̓iśki moľć. Ќäų̈kśńä a·tińiť: «Aťińä, a jaťińä, oftėńeń äźi·k ńek?» A oftėńeś m̀eŕä aťińiťi: «m̀eŕť, äźi·ńä ńek?» A ŕiv̓iśkiś m̀eŕä: «Krandazyt ala m̀äźä?» Aťińiś m̀eŕä: «palć ɟeńka». Ŕiv̓iśkiś m̀eŕä: «palć ɟeńka uľiv̓iľdaŕak, krandajs

---

это ихъ мать, отперли дверь и скачутъ изъ землянки. Въ то время волкъ всѣхъ ихъ и подушилъ. Пришла коза, пѣла, пѣла, козлята ея не вышли. Она догадалась: видно, волкъ ихъ подушилъ, и разрыдалась. Она оставила лѣсъ и пошла жить въ деревню. И теперь она живетъ у своего хозяина.

Сказка.

Живутъ поживаютъ старикъ и старуха. У старика и старухи не было дѣтей. Поѣхалъ старичекъ сѣять озимь. Пріѣхалъ на поляну, началъ пахать, подошелъ къ нему медвѣдикъ. «Я, говоритъ, старикъ, съѣмъ твою лошадь». Онъ говоритъ ему: «подожди, сначала вспашу свой загонъ». Медвѣдикъ легъ подъ телѣгу, ждетъ, когда вспашется загонъ. Пришла лисичка. Спрашиваетъ старичка: «старичекъ, а старичекъ, не видѣлъ-ли ты медвѣдика?» А медвѣдикъ говоритъ старичку: «скажи, не видѣлъ». А лисичка говоритъ: «что подъ твоей телѣгой?» Старичекъ говоритъ: «обгорѣлый пенёкъ». Лисичка говоритъ: «если-бы это былъ обгорѣлый

käpi·dïvľïk». A oftèńeś ḿeŕä a·ťińińťi: «Ќäpi·dïmak ena». Ќäpidïźä aťińiś i ṕiksty śulmy·śiźä. Ŕivi·śkiś tagy· moľć, tagy käŭkśńi a·ťińińť äjsa: «Aťińä a jaťińä, oftèńeń äźi·k ńek?» — «Ara·ś». — «A krandajsyt ḿeźä?» — «Palć ṕeńka». — «Palć ṕeńka uľivïľďaŕak, uźiŕ äjsy·nʒa ćapy·dïť u·ľivïľ». Oftèńeś ḿeŕä: «ćapy·ť ena, ćapy·ť». Nu ćapy·ć uźiŕ äjzy·nʒa. Oftèńeś kuly·ś. Ŕivïśkiś moľć aťińińťij taga. «Nu, ńej, ḿeŕi, aťińä, koda pary·m banca·k?» — «Vot panca·», aťińiś ḿeŕä, «san uma·ńť varča·ma, narvïćka tuja·n ťäť ćipakańi·k». Moľć kuduŋ a·ťińiś. Toŋgś ťuža kiśka ḿe·šèks. Uskiźä ťänʒa ŕivi·śkińťi. Ŕivïśkiś moľć. «Tujiť, ḿeŕi, ťäń narvi·ćka?» — «Tuji·ń, ḿeŕä, ona ḿešè·ksa». Ŕivïśkiś karma·ś jukśima·nʒa. Ќiśkaś koda napysťä ŕivïźińť ḿäľga. Ŕivijś ardä· nora·zynʒa, a kiśkaś ḿäľga·nza. Ŕivijś käńi·ŕć norańťi suvama, a kiśkaś oza·ś nora·ńť krajs. Ŕivïźiś käŭkśńi śäľḿinʒa äjsa:

пенёкъ, ты поднялъ-бы его въ телѣгу». А медвѣдикъ говоритъ старичку: «Такъ подними». Старичекъ поднялъ его и завязалъ веревкой. Лисичка опять пришла, опять спрашиваетъ старичка: «Старичекъ, а старичекъ, видѣлъ-ли ты медвѣдика?» — «Нѣтъ». — «А что въ твоей телѣгѣ?» — «Обгорѣлый пенёкъ». — «Если-бы это былъ обгорѣлый пенёкъ, въ него былъ-бы воткнутъ топоръ». Медвѣдикъ говоритъ: «Такъ воткни, воткни». Ну, воткнулъ въ него топоръ. Медвѣдикъ околѣлъ. Лисичка опять приходитъ къ старичку. «Ну, теперь, говоритъ, старичекъ, какъ ты заплатишь за мой добрый поступокъ?» — «Вотъ заплачу», отвѣчаетъ старикъ, «приду осматривать загонъ, принесу тебѣ насѣдку съ цыплятами». Пришелъ старичекъ домой. Всунулъ въ мѣшокъ желтую собаку. Привезъ этой лисичкѣ. Лисичка пришла. «Принесъ-ли ты мнѣ, спрашиваетъ, насѣдку?» — «Привезъ, говоритъ, вонъ въ мѣшкѣ». Лисичка начала его развязывять. Собака какъ пустится за лисицей. Лисица скачетъ въ свою нору, а собака за нею. Лисица успѣла зайти въ нору, а собака сѣла у края норы. Лисица спрашиваетъ у своихъ глазъ: «Глазки мои, матушки, какъ вы смотрѣли?»

«Śäľmińiń matu·škińiń, koda· tyń vany·dä?» Śäľmi·tńä ńeŕeť: «Vany·ńiǩ jala, koda by a prams». — «Śeńǵis täŋk raman śäľmu·kškiť». Mäjľi käuǩśńi piľǵinza äjsa: «Piľgi·ńiń matuški·ńiń, tyń goda oznėdä?» — «Mińoznė·ńeǩ, koda by śedi bojkasta ardyms dy kiśka·ńti apo·ŋgoms». — «Tyńdäŋk rama·n śeńgi·s keḿńe·ť». — «A ton, buly·ńiḿ, matuškińiḿ, koda oznė·ť?» — «Mon jala oznė·ń, koda by piľgit troks poŋgoms i ton brauľi·ť ba, i kiśkaś säü·vľiń-źiť ba». Son zajiźä pulyńť ŕivi·śkiś, norava·ńť toŋgeźä ušu·u i ńeŕä: «na·, kuťa, säv́i·k». Son duma·ś, araś tosa kiśkaś. A kiśka·ś kundy·źä puly·da i targi·źä ŕivi·źińť kak. Säv́i·źä.

(Записано отъ Т. Учуськиной).

Jouks.

Äŕiť aščiť oftėńä dy ŕivíśkä. Oftėńeś sala·ś ḿeď baŕńä, kudypotmarc putyźä. Ŕivíśkä mukšny·źä. Kuść pečkalaŋks ŕivíśkä,

---

Глаза говорятъ: «Мы все смотрѣли, какъ бы не упасть». — «По этой причинѣ я куплю вамъ очечки». Потомъ она спрашиваетъ у ногъ: «Ножки мои, матушки, какъ вы молились?» — «Мы молились, какъ бы возможно скорѣе ускакать и не попасться собакѣ». — «Вамъ я по этой причинѣ куплю сапожки». — «А ты, хвостикъ мой, матушка моя, какъ молился?». — «Я все молился, какъ бы попасть между твоихъ ногъ и ты бы упалъ, и собака съѣла бы тебя». Лисичка взяла хвостъ, высунула наружу изъ норы и говоритъ: «на, кутя, съѣшь». Она думала, что тамъ нѣтъ собаки. А собака схватила ее за хвостъ и вытащила и лисицу. Съѣла ее.

Сказка.

Живутъ поживаютъ медвѣдь и лисичка. Медвѣдь укралъ кадушечку меду и поставилъ ее на подволоку. Лисичка нашла. Влѣзла лисичка на печку, свой хвостъ она просунула въ верхнее окно; ударяетъ

pulyŋza ve̍ŕ vaĺ'mava toŋge̍ź'ä; vaĺ'ma·ńť stukä· puly·syńť. Sońć koŗtä: «Ŕiv́iśkä, a ŕiv́iśkä, aď'a babu·škaks». Sońć tagy otv́ečä·: «oftė·ńä a ḿeŕä·». Oftėńeś ḿeŕä: «ḿä·śť zdŕa koŗtat? Äĺï mon ǵiŗ'ta·n, stu·paj». Ŕiv́iśkiś käŕäś kšyṕäčť i tuś. Moĺć kudypotmarc, kuść. Karmaś ḿättiń't jarca·ma. Ṕeškeć ṕäki·za, valkś ḿäki·j. Oftėńeś käu̯kśńi· ä·jsyŋza: «koda äjdiŋk ĺ'äḿiza?» — «Ušytkśkä», ŕi·v́iźiś ḿe·ŕä. Nu ašči·ś ala·mys, vačć tagy ṕäki·za. Kuść tagy ṕećkalaŋks, toŋge̍ź'ä ve̍ŕvaĺ'mava puly·nza i koŗtä· taga: «ŕiv́iśkä, ŕiv́iśkä, aď'a babu·škaks». — «Oftėńi a ḿeŕä». A oftėńeś ḿeŕä: «ḿäśť käĺ'ť šäď'i·χť täjńať; stu·paj, äĺï mon ǵiŗ'ta·n?» Ŕiv́iśkiś ḿeŕä·: «čavy·ń ǵeťť v́iśks moĺ'ems». Ḱäŕä·ś kšy i tuś taga·. Moĺć, jarca·ś taga· i saś ḿäki·ü. Oftėńeś käu̯kśńä äjsyŋza: «koda äjdiŋk ĺ'ä·ḿiza?» A ŕiv́iśkiś otv́ečä: «kunčkav́itkskä». Nu, aščíś ťäjś, tagy vačć ṕäki·za, tagy kuść ṕećkalaŋks, toŋge·źä ve̍ŕvaĺ'mava pulyŋza i stuki· vaĺ'ńa·ńť taga·: «Ŕiv́iśkä, a ŕiv́iśkä, aď'a babuškaks». — «Oftėńi a ḿeŕä». Oftėńeś

въ окошко хвостомъ. Сама говоритъ: «Лисичка, а лисичка, иди въ бабушки». Сама опять отвѣчаетъ: «медвѣдь не велитъ». Медвѣдь говоритъ: «что зря говоришь? Или я держу, ступай». Лисичка отрѣзала кусокъ хлѣба и пошла. Пришла на подволоку, влѣзла. Начала ѣсть мёдъ. Наѣлась, слѣзла назадъ. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» — «Начаточка», отвѣчаетъ лисица. Ну, побыла немного, опять проголодалась. Влѣзла опять на печку, просунула свой хвостъ въ верхнее окно и опять говоритъ: «лисичка, лисичка, иди въ бабушки». — «Медвѣдь не велитъ». — А медвѣдь говоритъ: «что ты ломаешься? Ступай, или я тебя держу?» Лисичка говоритъ: «съ пустыми руками стыдно пойти». Отрѣзала хлѣба и опять ушла. Пошла опять, поѣла и пришла назадъ. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» А лисичка отвѣчаетъ: «Середочка». Ну, побыла немного, опять проголодалась, опять влѣзла на печку, просунула свой хвостъ въ верхнее окно и опять ударяетъ въ окошко: «Лисичка, а лисичка, иди въ бабушки». — «Медвѣдь не велитъ». Медвѣдь го-

ńeŕä: «ńäšt käl̓t šä·dï̯ť ťäjńat? Äľä mon ǵir̓ťan? Aźa·». Ŕiv́iśkiś ńeŕä: «čavyń ǵeťť v́iśks moľems». Ќäŕäś tagy· kšyṕäčť i tuś taga. Moľć, ostatkińiń̓ť säv́iźä, paŕńi·ńť šliźi narďyźä, käŕlaŋks koma··ťtyźä. Saś tagy kudu·u̯. Oftèńeś käu̯kśnä äjsy·nza: «koda ajďiŋk ľäń?» — «Šľaŋkski nardaŋkskä, käŕlaŋks komaftuŋkśä». Oftèńeś ńeŕä: «ŕiv́iśkä a ŕiv́iśkä, moń ńäźiń tag' uľä·!» Ŕiv́iśkiś käu̯kśnä äjsynza: «oftèńä, ńäźit?» — «Moń ńäď baŕńiń uľä?» — «A·źi tuji·k». Moľć čavy paŕńi·ś. Valkś tosta. «E, ŕiv́iśkä, ton jala ńeŕeť babuškaks, a ton, vanyk, ńäďiń̓ť säv́ims jakśiť». Nu ŕiv́iśkiś božä v́irä·, ńeŕä·: «ara·ś». Oftè·ńeś ńeŕä: «dava·j, vot kodama božba·ťäjďa·ńa: pećka·ńť uščy·ńik i ara·tana gajǵi pećkańť karča. Kona· ńäďvaćť śä·ŕńä?» Araśť pećkańť ka·rča. Oftèńeś aščiś aščiś, ma·tiďiu̯ś. Ŕiv́i·śkiś śaŕńi·ś ńäďvaćť. Saji·ńźä, oftèńť aluu̯ tolka·ďiźä. Śtaftyźä oftèńeńť: «Ata· jaly ǵrešè·t moń laŋks. A

воритъ: «что ты ломаешься? Или я тебя держу? Ступай». Лисичка говоритъ: «съ пустыми руками стыдно пойти». Опять отрѣзала кусокъ хлѣба и опять ушла. Пошла, съѣла остаточекъ, вымыла и вытерла кадушечку и опрокинула ее на лубокъ. Пришла опять домой. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» — «Вымытый, вытертый, на лубокъ опрокинутый». Медвѣдь говоритъ: «лисичка, а лисичка, что-то у меня опять имѣется!» Лисичка спрашиваетъ его: «медвѣдь, что у тебя?» — «У меня есть кадушечка меду». — «Ступай принеси». Пошелъ — кадушечка пустая. Слѣзъ оттуда. «Э, лисичка, ты все говорила (что ходишь) въ бабушки, а ты, видно, ходила ѣсть мёдъ». Ну, лисичка божится, клянется, говоритъ: «нѣтъ». Медвѣдь говоритъ: «давай, вотъ какую мы устроимъ божбу: вытопимъ печку и станемъ противъ пылающей печки. Кто испражнится медовыми испражненіями?» Стали противъ печки. Медвѣдь постоялъ, постоялъ, заснулъ. Лисичка испражнилась медовыми испражненіями. Взяла ихъ и подтолкнула подъ медвѣдя. Испражненія медвѣдя взяла подъ самое себя. Разбудила медвѣдя: «Вотъ, все грѣшилъ на меня. А ты,

ton, ńesak, tońć säv́ik». Oftéńeś ḿeŕä·: «prosťa·mak, äźi·ń faťa··jak, kona škańä sä·v́iń̈ä». I karma·śť ḿäki·ų̈ v́ä·ẏ́ca äŕa·ma. I ńejgak äŕi·ť.

(Записано отъ Т. Учуськиной).

Jouks.

Nuṕť — nuṕť, ä·ŕäśť a·ščíśť a·ťat ba·bat,
Nuṕť — nuṕť, u·ĺńiśť a·ťäń ba·bań käńďä ṕäki ťäχťiŕńist,
Nuṕť — nuṕť, nuďij ṕi·ĺgi ćo·ŕéńest,
Nuṕť — nuṕť, śija ro·ga ska·lnyst,
Nuṕť — nuṕť, va·ći pu·la bu·kiń̈ist,
Nuṕť — nuṕť, žéŕďa laŋga sa·raskist,
Nuṕť — nuṕť, ĺej ƀeŕe·ksa u·tkiń̈ist,
Nuṕť — nuṕť, tuśť ĺej la·ŋguų̈ ä·jďist na·lkśiḿä.

Ćoŕéńeś ky·ŕńafć, śiü̯ś nu·ďij ṕi·ĺǵiza, a ťäχťiŕńiś praś, śeźeü̯ś

видишь, самъ съѣлъ». Медвѣдь говоритъ: «прости меня, я и не замѣтилъ, въ какое время я съѣлъ». И стали опять вмѣстѣ жить. И теперь также живутъ.

Сказка.

— — жили были старикъ и старуха,
— — была у старика и старухи дочка съ войлочнымъ животомъ,
— — сынокъ у нихъ съ тростяными ногами,
— — коровка у нихъ съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ измараннымъ въ г. . . хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь
— — уточки у нихъ на берегу рѣки,
— — дѣти ихъ пошли играть на рѣку.

Мальчикъ прыгнулъ, сломалъ свою тростяную ногу, а дочка

käńdïpä·kiza. Kaduųśt aťa·ťńä babaťńä śka·myst. Äŕi·t ka·vyńist, saś vä, saś ťäst o·fta i karma·ś morama:

Nuŕt — nuŕt, ä·ŕiť a·ščiť a·ťat babat,
Nuŕt — nuŕt, uĺńiś śija roga skalnyst,
Nuŕt — nuŕt, vaći pula bu·kińist,
Nuŕt — nuŕt, žėŕďa la·ŋga sa·raskist,
Nuŕt — nuŕt, ľej ďeŕe·ksa u·tkińist.

Aťäś i ḿeŕä babańťi: «Vanta, baba·, koda pa·ŕćťä moŕćä. Đava·j utkińi·ťniń ma·scyńiǩ ťänza». Ma·ksyź ťänza. O·ftèś sävińźä u·tkaťńiń i tuś. Saś o·mboćä vä. Oftè·ś taga saś, taga moŕćä:

Nuŕt — nuŕt, äŕiť aščiť aťat babat,
Nuŕt — nuŕt, uĺńiś śija roga skalnyst,
Nuŕt — nuŕt, vaći pu·la bukińist,
Nuŕt — nuŕt, žėŕďa laŋga saraskist.

упала, разорвала свой войлочный животъ. Остались одни—старикъ и старуха. Живутъ вдвоемъ, пришла ночь, пришелъ къ нимъ медвѣдь и началъ пѣть:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь,
— — уточки у нихъ на берегу рѣки.

Старикъ и говоритъ старухѣ: «Посмотри-ка, старуха, какъ онъ хорошо попѣваетъ. Давай, отдадимъ ему уточки». Отдали ему. Медвѣдь съѣлъ уточки и ушелъ. Пришла другая ночь. Медвѣдь опять пришелъ, опять попѣваетъ:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь.

Aťä·ś i duṁä: «Ḿäśť ńej ťä·jṁiťana, baba·? Davaj, nať, saraznyń ma·kscyńik». Sajiź, ma·ksyź. Oftė·ś sä·ńiṅ̇ä, tuś. Saś o·mboćä ṽä. Oftė·ś tagy saś i karma·ś tagy mora·ma.

Nuṕť — nuṕť, äŕiť aščiť aťat babat,
Nuṕť — nuṕť, uľńiś śija roga skalnyst,
Nuṕť — nuṕť, vaći pula bukińist.

Aťäś i babaś duṁiť: «Ḿäśť ńej ťäjńi·ťana, baba·? Davaj ama·kstana». A oftėś tosty i ṁeŕä: «Ḿäks moramga ama·kstada? A·ty suvan, ty·ńćińk säụ̈ďadyź». Sa·jiź vaći puly bu·kińińť, ma·ksyź. Oftė·ś sä·ṽiźä. I taga tuś. Čokšńeś tagy saś. Oftėś tagy saś, karmaś mora·ma:

Nuṕť — nuṕť, äŕiť aščiť aťat babat,
Nuṕť — nuṕť, uľńiś śija roga skalnyst.

Старикъ и думаетъ: «Что мы теперь сдѣлаемъ, старуха? Давай, видно, курочекъ отдадимъ». Взяли, отдали. Медвѣдь съѣлъ ихъ, ушелъ. Настала другая ночь. Медвѣдь пришелъ опять и сталъ опять пѣть.

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ.

Старикъ и старуха думаютъ: «Что мы будемъ теперь дѣлать, старуха? Давай, не дадимъ». А медвѣдь оттуда и говоритъ: «Отчего вы не отдаете по моей пѣснѣ? А то войду, васъ самихъ съѣмъ». Взяли бычка съ грязнымъ хвостомъ, отдали. Медвѣдь съѣлъ его. И опять ушелъ. Пришелъ опять вечеръ. Медвѣдь пришелъ опять, началъ пѣть:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами.

Sajiź, maksyź ďeńgak. Säviźä ťeńga·k o·ftėś. Tagy tuś ʸiŕi·ų̈. Čokśńc·ś saś, oftėś tagy moľć i karma·ś morama:

Nuṕt nuṕt, äŕaśt aščiśt aťat babat,
Nuṕt nuṕt, uľńiśt käńdï päki ťäχťiŕńist,
Nuṕt nuṕt, nudïj piľġi ćorėńest,
Nuṕt nuṕt, śija roga ska·lnyst,
Nuṕt nuṕt, vaći puly bukińist,
Nuṕt nuṕt, žeŕďa laŋga saraśkist,
Nuṕt nuṕt, ľej beŕe·ksa utkińist.

«Mä·zi ńej, baba·, maksta·na ťänza säv́ims?» Aťä·ś meŕä: «toń maksta·n»; a baba·ś meŕä: «toń maksta·n». Kuśćt ṕećkalaŋks, ta·lnyt. O·ftėś učyś učyś, su·vaś. Aťä·ś baba·ńt koda·k ṕećkala·ŋksta gro·χadïźä, a baba·ś kunda·ś aťäńt ṕŕä·kcc i praśt ka·uńist. Oftėś säv́i·ńźä ka·uńist i tuś.

Взяли, отдали и эту. Съѣлъ и эту медвѣдь. Опять пошелъ въ лѣсъ. Пришелъ вечеръ, медвѣдь пришелъ опять и началъ пѣть:

— — жили были старикъ и старуха,
— — была у нихъ дочка съ войлочнымъ животомъ,
— — сыночекъ у нихъ съ тростяными ногами,
— — коровка у нихъ съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь [1]).
— — уточки у нихъ на берегу рѣки.

«Что теперь, старуха, мы дадимъ ему съѣсть?» говоритъ старикъ; «я отдамъ тебя»; а старуха говоритъ: «я тебя отдамъ». Влѣзли на печку, спорятъ. Медвѣдь ждалъ ждалъ, вошелъ. Старикъ какъ броситъ старуху съ печки, а старуха схватила старика за косы (волосы), и упали они оба. Медвѣдь съѣлъ ихъ обоихъ и ушелъ.

1) Т. е. столько, сколько помѣстится на жердь.

Jouks.

Äŕä·śť a·ščišť aťa·t baba·t. Aťä·ń ba·bań uľńi·ś ćo·rèńeza i ťä·χťiŕńiza. Äŕäšť äŕäšť, baba·ś ku·lyś. Äχńi i väši·ť ťäťä·ńť kecta oda·va». «Ťäťä·j, saχť oda·va, ťäťä·j, saχť oda·va». — «Eχ, ä·jďńiḿ, saja·n da ḿeľe·zèŋk avyľ par' u·ľa». — «Pa·ra! saχť». Vot sajś aťä·ś oda·va, karma·śť äŕa·ma. Äŕäšť äŕäšť, ava·ś i ḿeŕä äťä·ńťi. «Aźä·, durak, a·ťa, juma·ftyť ä·jďit. Śe·sta karma·n ma··ryt äŕa·ma. A bi·ďa ajumafcyť, aka·rman». Aťä·ś saji·ńźä äjďi·nza i tuś vïŕiu̯ mary·st. Uski·ńźä viŕc. Muś pa·ra po·ľana, ja·gydat la·ma. «Nu, äjďńiń, kočka·da ťesk». Maksć ťäst pa·ŕǧińiť. «A mon tuja·n o·na śe·zèń. O·na śe·sa karma·n vïŕi·ń käŕa·ma». Tuś i śulma·ś čufc žė·ŕďa ľä·ŋǧi vä·ľďä. Varma·ś puvä·, a žėŕďä·ś čufty·ńťi ja·la gajk gajk, gajk gajk. Syń kočke·ť ja·gydat i duḿi·ť, šty śe·sa ťäťa·st käŕä· ṕäŋk. Kočka·śť kočka·śť, čizy· čo··

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. У старика и старухи былъ сынокъ и дочка. Жили жили, старуха померла. Дѣти и просятъ у отца мачехи. «Тятя, возьми мачеху, тятя, возьми мачеху?» — «Эхъ, дитятки мои, возьму, да вамъ она будетъ не по нраву».— «Будетъ хороша! Возьми». Вотъ старикъ взялъ мачеху, начали жить. Жили жили, мать и говоритъ старику. «Иди, дуракъ, старикъ, погуби своихъ дѣтей. Тогда стану съ тобой жить. А если не погубишь, не стану». Старикъ взялъ своихъ дѣтей и пошелъ съ ними въ лѣсъ. Привезъ ихъ въ лѣсъ. Нашелъ красивую поляну, много ягодъ. «Ну, дитятки мои, собирайте здѣсь». Далъ имъ корзиночки. «А я пойду вонъ туда. Вонъ тамъ начну рубить лѣсъ». Пошелъ и привязалъ къ дереву жердь за лыко. Вѣтеръ дуетъ, а жердь по дереву все стукъ, стукъ, стукъ, стукъ. Они собираютъ ягоды и думаютъ, что тамъ рубитъ ихъ отецъ дрова. Собирали

pòć. Syń duśť ťätasty; moľćť. Moľćť śezėń, ťäťa·st ara·ś. Śesa·a·ńćik žė·ŕďaś śu·lmaf. Syń fatäśť, šty ťäťa·st kady·ńžä i tuśť víŕga·ńť raŋgyź čijńi·ńä. Čijśť čijśť, muśť ku·dyńä; sua·śť kudyńińťi, sua·śť — ķija·k ara·ś. «Dava·j ťesk ma·ťťana», paťä·ś ńe·ŕä. «Dava·j», ńe·ŕi bra·ťiškaś. Maćť. Vany·ť, sua·ś ja·ga ba·ba. «A, ä·jďńiń, tyń ko·sta sy·ďä?» — «Víŕcta, baba·j; ťäťanyk kady·ńiź». — «Nu, äŕa·da moń ģe·ca». I syń karmaśť äŕa·ma. Baba·ś sa·jiźä ćo·rėńeńť i kaji·źä a·ndumas i andä· ä·synza ṕeščeń toŋda. Andä· ä·synza či, kafta i ko·lma. Paťa·za muś ćokańžura i maksy·źä braťi·škancty. «Na, braťki·ń, źa·rda jagaba·baś ńeŕä, daj surny·t va·rčasa, ton źe·sta ćokańžu·ryńť ma·ksyk ťänza va·ŕavańť. Ka·dyk va·rčasy». Saś baba·ś. «Ćo·ram, daj-ka surny·t, va·rčasa, kuji·ť äľ äźi·ť». — «Na, baba·j», i jokstė·źä kurgy·zynza ćokańžu·ryńť. Su·skiźä baba·ś — ka·lgyda i noldė·źä ńäkij. «Ara·ś, ćora·m, beŕäńcta spra·víť. Nať

собирали, день смеркся. Они пошли къ отцу; пришли. Пришли туда, отца ихъ тамъ нѣтъ. Тамъ привязана только жердь. Они поняли, что отецъ ихъ оставилъ, и пошли бѣгать по лѣсу съ плачемъ. Бѣгали бѣгали, нашли домикъ, вошли въ домикъ, вошли— нѣтъ никого. «Давай ляжемъ здѣсь», говоритъ сестра. «Давай», говоритъ братишка. Легли. Смотрятъ, вошла баба-яга. «А дѣтки мои, вы откуда пришли?» — «Изъ лѣсу, бабушка; насъ оставилъ отецъ нашъ». — «Ну, живите у меня». И они стали жить. Старуха взяла мальчика и бросила его въ кормъ, кормитъ его зернами отъ орѣховъ, кормитъ его день, два и три. Сестра нашла кочедыкъ для лаптей и дала его братишкѣ. «На, братецъ, когда баба-яга скажетъ, дай я попробую твой пальчикъ, ты тогда дай ей кочедыкъ въ щелку. Пусть попробуетъ». Пришла старуха. «Сынъ (мой), дай-ка свой пальчикъ, попробую, пожирѣлъ ты или нѣтъ». — «На, бабушка»; и сунулъ ей въ ротъ кочедыкъ. Старуха укусила — жесткій, и выпустила назадъ. «Нѣтъ, сынъ мой, ты плохо поправился. Должно быть, плохо ѣлъ. Ты ѣшь побольше.

beŕäńcta jarcy·ť. Ton jarca·k śedï ṕeḱ. Mon andan äjsyt pà·rćťä». — «Jarca·n, jarca·n, baba·j». «Jarca·t da beŕä·ńcta ḿäks bi·dä sprava·t». I karma·ś äsy·nza taga· andu·ma. Karma·ś andu·ma väĺks maṛta toɳda. Anć kafta ko·lmy či i tagy ḿe·ŕä: «Daj-ka, ćora·m, sury·t varča·sa». Son ta·ga jokstė·źä kurgy·zynza ćokańźu·ryńť. Varči·źä — taga· ka·lgyda. Ta·gy ka·dyźä. Saś i kolmò··ćedä. «Daj-ka, ćora·m, varča·sa ńej surny·t». Śe kapša·myń pačk ćokańźuryńť äśä muk. Čara·ś čara·ś, maksy·źä su·rynza. Koda·k su·skiźä, ańćik ćorck moĺć. «E, ćora·m, dy ton ṕeḱ kujiť. Nu, nej liśť tej, koda· iśťa· ton mańči·ḿiḱ». I karma·ś jagababa·ś ṕećka·ń uštu·ma. Ušty·źä ṕeḱ, a paťä·ś i ḿe·ŕi bra·ťiškańťi sa··lava. «Va, braťki·ḿ, kyda ka·rḿä kojḿelaɳks oza·ftumyt, ton i iśťa· i iśťa· ṕŕat kaji·k, by·ta ama·štat ara·ma. I ḿeŕť ťä·nza: «Ba·baj, mon ama·štan. Ara·ka tońć, ńe·ťťeka koda. Śe·sta moɳga·k iśťa· ara·n, koda· ton mońďäń ńefca·k». Vot, baba·ś puty·źä

Я кормлю тебя хорошо». — «Кушаю, кушаю, бабушка». — «Кушаешь, да плохо что-то ты поправляешься». И начала она его опять кормить. Начала кормить зернами вмѣстѣ со сливками. Кормила два три дня и опять спрашиваетъ: «Дайка, сынъ мой, я попробую твой палецъ». Онъ опять сунулъ ей въ ротъ кочедыкъ. Попробовала опять — жесткій. Опять оставила его. Пришла и въ третій разъ. «Дай-ка, сынъ мой, я попробую теперь твой пальчикъ». Этотъ въ торопяхъ не пашелъ кочедыка. Вертѣлся, вертѣлся, далъ свой палецъ. Какъ укусила, хрустнуло. «Э, сынъ мой, да ты очень ожирѣлъ. Ну, теперь выходи сюда, какъ ты меня такъ обманывалъ». И начала баба-яга топить печку. Истопила сильно, а сестра и говоритъ потихоньку брату: «Смотри, братецъ мой, какъ она начнетъ тебя сажать на лопату, ты и такъ и такъ кидайся, будто не умѣешь умѣститься. И скажи ей: «бабушка, я не умѣю. Стань-ка сама, покажи-ка какъ. Тогда и я такъ стану, какъ ты мнѣ покажешь». Вотъ старуха поставила

ko·jḿenʒa i ḿeŕä·: «Nu ka, ćora·m, maťť kojḿeńť laŋks pa·ŕćťä. Cora·ś i iśťä· i iśťä· ṕŕanʒa kajśi·sy, prok tarka·za a la·ďä, prok vo·ǥśi ama·štä madï·ḿä. «Da ton maťť pa·ŕćťä, ćora·m». — «Ama··štan, baba·j. Ńe·ťťeka tońć koda. Śesta moŋga·k ma·ďan. I·śťa maďa·n, koda· ton ńefca·k». Baba·ś i ḿeŕä: «Nu, kiṗť kojḿeṕä·ńť, mon maďa·n». Mać baba·ś. Iiśťä· kiŕńića·ǥś, prosta ťäji·ǥś ki·ŕińiks. Ťäχťi·ŕńiś koda·k saji·źä ko·jḿeńť, koda·k a·ťkstyźä ṕe·ćkańťi, za·sloṅéńť pu·tyźä i kšńiń koćeŕga·nʒa ńä·židiźä. Śe to·sa a·ńćik ku·fćiḿä karma·ś: «Do·ćam, do·ćam, no·ldamak; vaľma ṕŕa·sa śijäń su·rkskiḿ uľä·. Śeń tońäť ma·ksca». — «Ja, syŕä ve·ďma, śe iśťa kak mo·ń uľä». — «Äjďńin, no·ldėḿeź. Vaľmańťi a·la moda po·ca zo·ločyny tabaki·rkam uľä, śeńga·k tyńä·ŋk ma·ksca». — «Ja, syŕi veďma, se iśťa ka·k ḿińi·k uľä». — «Ko·ŕḿeńećken, no·ldėḿeź: käŋkš po·ròg ala zolota ku·kšinym uľä. Śeńga·k tyńďäŋk maksca». — «Xa, śe iśťa ka·k ḿińik uľä». Sajiź tabaki·rkańť i zolota·kukšinyńť i tušť. Moľćť moľćť, fa·täšť:

свою лопату и говоритъ: «Ну-ка, сынъ мой, ложись хорошенько на лопату». Мальчикъ кидается и такъ и такъ, словно мѣсто не подходитъ, словно вовсе не умѣетъ лечь. «Да ты ложись хорошенько, мой сынъ».—«Не умѣю, бабушка. Покажи-ка ты сама какъ. Тогда и я лягу. Лягу такъ, какъ ты покажешь». Старуха и говоритъ: «Ну, держи ручку лопаты, я лягу». Легла старуха. И такъ она съёжилась, просто сдѣлалась клубочкомъ. Какъ схватила дѣвушка лопату, какъ швырнула ее въ печку, поставила заслонъ и подперла его желѣзною кочергой. Та начала тамъ только стонать: «Дочка моя, дочка моя, отпусти меня: подъ окномъ у меня есть серебряное колечко. Я дамъ его тебѣ.»—«А, старая вѣдьма, оно и такъ будетъ моимъ.» — «Дѣточки мои, отпустите меня. Подъ окошкомъ въ землѣ у меня золотая табакерка, и ее я дамъ вамъ». — «А, старая вѣдьма, она и такъ будетъ наша.» — «Кормильцы мои, отпустите меня; подъ дверным порогомъ у меня есть кувшинъ золота. И его я вамъ дамъ». — «Ха, онъ и такъ будетъ нашъ». Взяли они табакерку и кувшинъ золота и ушли. Шли

śijäń su·rkskiń̓ stu·ftyź[1]). Ćo·rėńeś i ńe·ŕä: «moľa·n, šajsa·». Mu·rdaś. Sua·ś ku·dyńti, va·nä. A kudga·ńť tombamla·ŋga ku·ja ču·ďä jagababa·ńť ä·sta. Ćorė·ńeś i duńä: «vanta·, son su·rym säv́iźä. Poc·tomu son ṕek tańti·j. Nuka mon va·rčasa sonʒa ku·janʒa». Koma·ś i nola·ś o·jďenʒa i ťäji·ǖś šä·jńiks. I tuś ardy·ź. Arć v́iŕgańť pa·ťancty. Pa·rä šä·jńiks. Paťä·za va·nä: «Ko·sta ťe šäji·ńiś, kodamyška ma·zyj»; a šäjińiś karčyzy·nʒa a·vaŕďä i pa·rä. Paťä·ś faťä·ś: «Eχ eχ, ťe braty·m». Nu ťäjńi·ms a ńäšť. I tuś ma·rynʒa. Moľćť moľćť v́i·ŕga, ľišćť pokš ki la·ŋks i moľe·ť kija·va. Syńć a·zdyť koų. Vany·ť, kuṕe·ćť syť ä·zyst i saji·ź šäji·ńiń̓ i ťäχti·ŕńiń̓ ma·ryst. I tuśť; moľćť moľćť, sašť goróc i karma·šť tava·ryst ä·sa ńikšńi··ńä. Mikšńi·ť. Šija· juta·ś śe ja·ga ba·bańť ťäχti·ŕiza i ńeje·źä śe šä·jńiń̓. Moľć ńiŕďi·ncty i ńeŕä ťä·nʒa: «Aźa, raḿik o·na ńe kuṕećńeń šäji·ńist; źa·ra iľa ma·kst, nu saji·k». Śe tuś. A son

1) istuftyź.

шли, хватились: забыли серебряное колечко. Мальчикъ и говоритъ: «пойду, возьму». Вернулся. Вошелъ въ домъ, смотритъ. А по дому съ шестка течетъ жиръ изъ бабы-яги. Мальчикъ и думаетъ: «смотри-ка, она съѣла мой палецъ. Поэтому она очень сладкая. Ну-ка попробую ея жиръ». Нагнулся и лизнулъ ея жиру и сдѣлался козленкомъ. И пошелъ вскачь. Прискакалъ по лѣсу къ сестрѣ. Блеетъ какъ козленокъ. Сестра смотритъ: «откуда этотъ козленокъ, какой красивый», а козленокъ въ отвѣтъ ей плачетъ и блеетъ. Сестра поняла: «Эхъ, эхъ: это братъ мой». Ну, дѣлать нечего. И пошла съ нимъ. Шли шли лѣсомъ, вышли на большую дорогу и идутъ дорогой. Они сами не знаютъ куда. Видятъ, купцы идутъ къ нимъ, и взяли они козленка и дѣвочку съ собой. И пошли; шли шли, пришли въ городъ и начали продавать свои товары. Продаютъ. Тамъ проходила дочь той бабы-яги и увидѣла этого козленка. Пришла къ своему мужу и говоритъ ему: «Ступай, купи козленочка вонъ тѣхъ купцовъ; сколько не дать, но возьми». Тотъ пошелъ. А она и думаетъ:

i duńä·: «Śe šäji·ńiś, vany·k, moń ava·ń juma·ftyźä». Śe rańi·źä šä·jińiť, ve·ŕeźä ku·duų. Śe varči·źä: ava·za ṕidï·f; saji·źä ke·žėń pačk i ṕački·źä šä·jińiť. A täχti·ŕńiś ńejga·k äŕä·bojara·vaks.

Jouks.

Äŕä a·ščä do·va ba·ba. Dova babań kolma täχtiŕinza. Ińazyrpa·zyń kuly·ś koźa·jkaza. Dovababa·ń täχtiŕχńä bakuľiť. Pokšėś ńe·ŕä: «Kyba moń ińazyrbas sajiūľińiń koźa·jkaks, väχki suskumsa väši Raśejanza ťräūľińä». A ombò·ćeś ńeŕä: «Kaby moń saji·ūľińiń, väχki koct loskòtca väši Raśejanza orčauľińä». A kolmóćeś ńeŕä: «Kaby moń zajiūľińiń ińazyrbas koźajkaks, kolmy ṕäksa ķämgaftuva ćora čačtauľiń, čiť koft końasyst, kšnikočkaŕat, käū gasymt, uśks tapardań kumańžat». A ińazyryś śe škańä kulcynyś käχkš

«Тотъ козленокъ, видишь, погубилъ мою мать». Тотъ купилъ козлёнка, привелъ его домой. Та попробовала: это испеченная ея мать; схватила она его въ злости и зарѣзала козлёнка. А дѣвочка и теперь живетъ какъ барыня.

Сказка.

Живетъ-поживаетъ вдова старуха. У вдовы старухи три дочери. У царя померла жена. Дочери вдовы старухи болтаютъ. Старшая говоритъ: «Если бы царь взялъ меня въ жены, я однимъ кускомъ накормила бы всю Россію». А вторая говоритъ: «Если бы меня взялъ, я однимъ лоскутомъ полотна одѣла бы всю Россію». А третья говоритъ: «Если бы царь взялъ меня въ жены, я въ три сноса родила бы двѣнадцать сыновей, на лбу у нихъ солнце и луна, желѣзныя пятки, каменныя темячки, колѣнки обернуты проволокой. А царь въ это время слушалъ позади двери. Услышалъ ихъ

udala. Mańińʒä koṛtamsta. Śeń sajiźä koźajkaks. Ќäṕi·ć vojna·. Ińazyrba·s tuś vojna·u̯. Śe škańä babazy stardau̯ś čačta·ma, i ki·skast karma·ś ľäu̯kśija·ma. «Nu, täŕť babu·ška». Čačta·ś ńiľi ćo·rat. Ќi·skaś ľäu̯kśijaś ńiľi ľäu̯kst. Äχńi·ń čiť koft końa·syst, kšńikočkaŕat, käü̯ gasymt. Babuškańť ḿeľc apara. Vački·ńʒä äχńiń eľezė·nza. Šäŕǵi·ć, ľišć ušu·u̯ mary·st. Šäŕǵi·ć: ťički ťički ṕeŕguľički, po·jťe ṕe·šni rusaľi·ḿški, na·ťe vam gasťi·ńčiki». Äχńi ťäjiü̯šť ticaks i liťťä·šť, a kiska ľäu̯ksnyń suvaftyńʒä babuškaś i putyńʒä ińazyravańť vaksc. Kučćť ińa·zyryńťi śorma·, šty paχva·ľnyj babat čačta·ś ńiľi kiskaľäu̯kst. Saś ińa·zyryś kudu·u̯, śolnä·ińazyravańť äjsa: «χvaľilća, ḿeŕeť, kämgaftuva ćo·rat čačta·n, a ńej, vanyk, kämgaftuva kiskaľäu̯ks ľäu̯ksyjat». Ińazyravaś ḿeŕä ťänza: «Ľeťeńďäŕä·j eščo· čačta·ms, śc po·rastyńť iľa tuk ko·u̯gak». Ṕäki·jaś taga·. Saś čačta·ma po·raza, tagy· tuś ińazyryś vo·jnau̯. Son ta·gy karma·ś čačta·ma. Ťäŕďiź dagy śe babu·škańť. Čačta·ś

во время разговора. Ту онъ взялъ въ жены. Поднялась война. Царь пошелъ на войну. Въ это время жена его собралась родить. И собака ихъ собралась щениться. «Ну, зови бабушку». Родила четырехъ сыновей. Собака ощенилась четырьмя щенками. У дѣтей на лбу солнце и луна, желѣзныя пятки, каменныя темячки. Бабушкѣ не понравилось. Наложила дѣтей въ подолъ. Крикнула, вышла съ ними наружу. Крикнула: «птички, птички, пергулички, пойте пѣсни Іерусалимскія, нате вамъ гостинчики». Дѣти сдѣлались птицами и полетѣли, а бабушка внесла въ избу щенятъ и положила ихъ около царицы. Они послали царю письмо, что хваленая твоя жена родила четырехъ щенятъ. Пришелъ царь домой и бранитъ царицу: «Ты хвалилась, говорила: я рожу двѣнадцать сыновей; а теперь вотъ, ты ощенилась двѣнадцатью щенками». Царица говоритъ ему: «если придется еще родить, на ту пору никуда не уходи». Забеременѣла она опять. Пришла пора ея родить, опять ушелъ царь на войну. Она опять начала родить. Позвали опять ту бабушку. Родила опять женщина.

taga· ava·ś. Ќiskaś tagy· ľäu̯ksy·jaś. Tagy· ba·buškaś vačkińʒä eľezė·nʒa. Śäŕġi·ć tagy i·śťa. Äχńi· ťäjiüśť tagy· ťi·caks i ľiťäśť taga·. Son tagy· suaftyńʒä babuškaś kiskaľäu̯ksnyń, tagy putyńʒä vaksyzy·nʒa. Saś tagy· ińa·zyryś. Ṕek ńeľezėnʒa apa·ra. Xoťel käŕa·mynʒa ińazyra·vańť, no kadyźä eščo· čačtamy·nʒa. Ṕäki·jaś taga·. Saś tagy· čačta·ma pora·za. Ińazyryś tuś tagy· vojna·u̯. Son dagy stardau̯ś čačta·ma. Tagy ťäŕ·ďiź źe ba·buškańť. Čačta·ś tagy ńiľi ćo·rat. Kolmȯťńä či kou̯ ma·ṛtyt, a ṽä·χkiś iśťa pro·stėj lo·mań. Kolmȯťńeń putyńʒä tagy· eľezė·nʒa ba·buškaś, ľiťtińʒä ušu·u̯ ta·ga. Śäŕġi·ć tag' i·śťa. Ťäji·üśť tagy· ťi·caks i ľiťtä·śť taga. Śe ä·jďińť kady·źä avańť vaksc. Ќiskaľäu̯ksnyń kolmȯťńeń suaftyńʒä. Kučśť ińa·zyryńťi śorma·. Saś ińa·zyryś. Ińazyravańť piŋġiďiźä boćkas ćorė·ńeń maryn̯ʒa i ṽäχki kiskaľä·u̯ks. Boćkańť noldė·źä mo·ŕas. Ujńä· ṽeďga·ńť bo·ćkaś. Ćorėńeś karma·ś kor̯ta·ma. «Eχ, ńeŕä, ava·j, kaby Ṽeŕepazyś pokš varma· nolda·vyľ, ńińi·k bu val-

---

Собака опять ощенилась. Опять бабушка наложила ихъ въ свой подолъ. И крикнула опять такъ же. Дѣти опять сдѣлались птицами и опять полетѣли. Бабушка опять внесла (въ избу) щенятъ, опять положила ихъ около нея. Пришелъ опять царь. Очень ему не понравилось. Хотѣлъ казнить царицу, но оставилъ ее еще разъ родить. Она забеременѣла опять. Опять пришла пора родить. Царь опять ушелъ на войну. Она опять собралась родить. Опять позвали ту бабушку. Опять родила она четырехъ мальчиковъ. Трое съ солнцемъ и луной, а одинъ такъ простой человѣкъ. Троихъ бабушка опять положила въ свой подолъ и опять ихъ вынесла на дворъ. Опять такъ же закричала. Сдѣлались они опять птицами и опять полетѣли. Того ребенка она оставила близъ матери. Внесла трехъ щенятъ. Послали царю письмо. Пришелъ царь. Онъ заколотилъ царицу вмѣстѣ съ сыномъ и однимъ щенкомъ въ бочку. Бочку пустилъ въ море. Плаваетъ бочка по водѣ. Мальчикъ сталъ говорить: — «Эхъ, говоритъ, матушка, если бы Всевышній пустилъ большой вѣтеръ, насъ выбросило бы волной

nasa jorda·ų̈ĺiḿiź ďe·ŕeks». Ava·ś ḿeŕä·: «Eχ, äjdńi·ḿ, kyby toń gurksta V́eŕepazyńť pi·ĺis». Nu, maŕińʒä V́eŕepa·zyś. Ḱäpi·ć bu·ŕa, jordėńʒä syńct valnasa ďeŕeks. Ćorė·ńeś koṛtä ta·ga: «Eχ, ava·j, ḿeŕä, kyby mon v́äńf́tiu̯ĺiń ked'en ďiĺǵin, boćka ṕäťńä ĺiśiv́iu̯ĺť. Ḿiń bu ĺiśiu̯ĺińik śvec». Ava·ś tagy· ḿeŕä·: «Kyby äjdńiḿ, ḿeŕä, toń gu·rksta V́eŕepa·zyńť pi·ĺis». V́äńf́tińʒä ked'enʒa piĺǵinʒa. Ĺiśćť boćka ṕä·ťńä. Syń ĺiśćť naruży ďeŕeks. Aščі·ť či, i saś v́ä. Maćť boćka ṕä·ńti [1]). Va·lćki śťaśť. Ara·ś v́äχkijak loma·ń. Moŕa ďeŕekkańť pavań dolgat aščiť. Ćo·rėńeś karma·ś nalkśi·ḿä, pava·ń dolga·ťńiń kočkśe·ḿä, kudy·ńiks äjsy·st ťäjńi·ḿä. I ḿeŕä ava·nsty: «Eχ, ava·j, ḿeŕä, kyby ńe kudyńi·ťńä ťäji·v́iĺť go·ŕńećaks». Nu, V́eŕepa·zyś maŕi·ńʒä i ťäji·ų̈śť goŕńe·ćaks. Śija· jutä· obò·z. Ćo·rėńeś ĺiść karčizyst, käu̯kśńä ä·jsyst: «Koų̈, ḿeŕä, moĺ'da·da?» — «Iḿa·zyrnyń izvoz uskta·na». Ťäjiu̯ś son gak ka·ruu̯ńiks. Ṕäďä·ś izvo·ščekńeń ča·pkas. Tuś ma·ryst. Suvaś tozė·j iḿa·zyryń ku·dys.

1) boćka ṕäs.

на берегъ». Мать отвѣчаетъ: «Эхъ, дитятко, кабы (слова) изъ твоего рта (дошли) Всевышнему въ уши». Ну, услышалъ его Всевышній. Поднялась буря, выбросила ихъ волною на берегъ. Мальчикъ говоритъ опять: «Эхъ, матушка, если бы я могъ протянуть руки и ноги, дно бочки выскочило бы. Мы вышли бы на свѣтъ». Мать говоритъ опять: «Кабы, дитятко, (слова) изъ твоего рта (дошли) въ уши Всевышнему». Онъ протянулъ руки и ноги. Выскочило дно бочки. Они вышли наружу на берегъ. Сидятъ они день, и пришла ночь. Легли они на дно бочки. Утромъ встали. Нѣтъ ни одного человѣка. По берегу моря лежатъ павлиньи перья. Мальчикъ началъ играть, собирать павлиньи перья, дѣлать изъ нихъ домикъ. И говоритъ своей матери: «Эхъ, матушка, кабы эти домики сдѣлались горницами» Ну, Богъ услышалъ его, и они сдѣлались горницами. Тамъ проходитъ обозъ. Мальчикъ вышелъ имъ навстрѣчу и спрашиваетъ ихъ: «Куда, говоритъ, вы идете?» — «Мы веземъ царскій извозъ». Обернулся и онъ мушечкой. Прилипъ къ извозчичьей шапкѣ. Пошелъ съ ними. Вошелъ туда въ цар-

Valkś śte·nas. Kulcyny, ḿäśt' koṛtä·t' izvoščekńä. V́äɣ́ki·ś i ḿeŕä·izvo·ščekeś: «Ḿäji·ń d'iva·t ńe·jeńek! Iśa·k juty·ńiḱ moŕa beŕeksèńt', araśil' ḿäźija·k, a t'ečä·juta·tana — aščit' go·ŕńećat ńeskazannyj mazy·ɣ't». A ba·buška. ba·baś ińazy·ryńt' keca kuɣarkaks äŕä·. I koṛty t'äst: «Ńet' uš i ḿä·jiń d'iva·t. Mon zo·dan d'iva·t. Vot tyk ńet' di·vat: d'ikyj śtepsa, pu·sta pa·kśasa tua ńe·ŕcènza soḱä·, pil'isy·nza v́id'ä, pulysynza izä· — vot śe tyk di·va». Ćoŕèńeś maŕi·źä śe va·lyńt'. Saś kuduṇ do·sta i ḿeŕä avancty: «ḿäji·ń d'iva·t jofńe·śt' to·sa. Vot' d'ikyj śtepsa tu·a, i sońć soḱä· i v́id'ä· i izä·. Kyby śe ḿińäńiḱ, a·vaj, do·staŕ». Ava·ś ḿeŕi t'ä·nza: «Kosta, ä·jd'ńiḿ, śe ḿińd'äńiḱ dosta·t'?» — «Mon moľa·n, ava·j, v'äšńi·sa». Tuś i muji·źä. Pańi·źä kudy·st vaksc, karma·ftyź'ä soka·ma. Juty·t' tagy· izvo·ščeḱńä. Son t'äji·ṵś tagy karuṇńiks, valkś tagy· čapka·zyst. Tuś tagy· ma·ryst, suaś ińazyryń guc tagy ma·ryst. Izvo·ščeḱńä tagy· koṛtė·t': «Vot, ḿeŕet', d'iva·t'ńä: kona·

скій домъ. Спустился на стѣну. Слушаетъ, что говорятъ извозчики. Одинъ извозчикъ и говоритъ: «Что за чудеса мы видѣли! Вчера мы проѣзжали по берегу моря, ничего не было, а сегодня проѣзжаемъ, стоятъ горницы несказанно красивыя». А бабушка старуха живетъ у царя кухаркой. И говоритъ имъ: «Это ужъ что за чудо. Я знаю чудо. Вотъ это такъ чудо: въ дикой степи, въ пустомъ полѣ свинья пашетъ рыломъ, ушами сѣетъ, хвостомъ боронуетъ—вотъ это такъ чудо». Мальчикъ услышалъ то слово. Пришелъ оттуда домой и говоритъ своей матери: «что за чудо сказывали тамъ. Вотъ въ дикой степи свинья и сама пашетъ и сѣетъ и боронуетъ. Какъ бы намъ это достать, матушка». Мать говоритъ ему: «Откуда, дитятко, намъ это достать?» — «Я пойду, матушка, найду». Пошелъ и нашелъ. Пригналъ (свинью) къ ихъ дому и заставилъ ее пахать. Проѣзжаютъ опять извозчики. Онъ опять обернулся въ мушечку, спустился опять на ихъ шапки. Опять пошелъ съ ними, вошелъ опять съ ними въ царскій домъ. Извозчики опять говорятъ: «Вотъ, говорятъ, чудо: свинья, о которой

tu·vyńť ťesy jo·fńeŋk, śe ja·k uš to·sa». Śe a·vaś tagy· ḿeŕä·: «śe a ḿä·jiń dïva. Vot mon jofta·n dïva·: «dïkyj śťe·psa e·ľdä, kämga·ftuva vaša ḿäľga·nza ja·kä, ǵŕiva·st puly·st zolotoχť». Ćorė·ńeś maŕi·ńžä i tuś kudu·u̯ da·ga. Avanctyj koṛtä·: «taga·, avaj, maŕi·ń dï·va: dï·kyj śťe·psa eľdä, kämgaftuva vašy ḿäľga·nza, ǵŕiva·st puly·st zoloto·χť. Mon moľa·n, ńeń gak ťej dusy·ń». Tuś i pańińžä ťej. Noldėńžä moŕä·ń be·ŕekka. Izvo·ščekńä tagy· juty·ť. Son ťä·jiu̯ś tagy karuu̯ńiks i tuś tagy· maryst. Suvaś tagy ińazyryńť kuc. Valkś tagy· śťe·nas. Izvo·ščekńä koṛtė·ť taga·: «Vot dïva·ťńä! Kona elďeńť jońe·ŋk ťesa·, śe jak uš synct ķeca·». A babu·ška baba·ś tagy· ḿeŕä: «ťe aḿä·jiń dï·va. Vot mon jofta·n dï·va: dï·kyj śťepsa źe·ḿľaŋka, tosy źeḿľaŋka kijakscyńť acaf po·lòk, pològėńť laŋksa käv̈iχkijä ćo·ra; nalkśi·ť ka·rtasa, kšńi kočkaŕat, käu̯gasymt, uśks tapardań gumańžat, čiť koft końa·syst». Ćorė·ńeś maŕi·ńžä taga· i tuś kudu·u̯ daga·. Koṛtä· ava·ncty:

вы разсказывали здѣсь, и та ужъ тамъ». Та женщина опять говоритъ: «то никакое чудо. Вотъ я разскажу чудо: въ дикой степи ходитъ кобыла, а за ней двѣнацать жеребятъ, гривы и хвосты золотые». Мальчикъ услышалъ это и пошелъ опять домой. Говоритъ своей матери: «опять, матушка, я узналъ чудо: въ дикой степи ходитъ кобыла, а за ней двѣнадцать жеребятъ, гривы и хвосты золотые. Я пойду и ихъ приведу сюда». Пошелъ и пригналъ ихъ сюда. Пустилъ ихъ по берегу моря. Извозчики проходятъ опять. Онъ обернулся опять въ мушечку и пошелъ съ ними опять. Вошелъ опять въ домъ царя. Спустился опять на стѣну. Извозчики опять говорятъ: «Вотъ чудо! Кобыла, о которой вы здѣсь разсказывали, и та ужъ у нихъ». А старуха бабушка опять говоритъ: «это никакое чудо. Вотъ я разскажу чудо: въ дикой степи землянка, тамъ на полу землянки постланъ пологъ, на пологу одиннадцать мальчиковъ; играютъ въ карты, желѣзные подборы, каменныя темячки, колѣнки обернуты въ проволоку, на лбу у нихъ солнце и луна». Мальчикъ услышалъ опять и пошелъ опять

«Eχ, avaj, mäji·n̈ dïva·t maŕi·n̈. Dï·kyj śte·psa źe·mĺaŋka, źe·mĺaŋka ki·jakscyńť acaf polók, pológėńť laŋksa käv'iχkijä ćora nalkśi·ť ka·rtasa, čiť koft koña·syst». Ava·ś i mėŕä·: «Ńeť ä·jdńin, toń braty·t sama·j». — «Mon, ava·j, zynct kak dosta·nu? Pańť äś lofcėzėt käv'iχkijä śu·kyr». Pańć avaś käv'iχkijä śu·kyr, saji·ńžä ćorėńeś śukyrχnyń, tuś mary·st, muji·źä źemĺa·ŋkańť, pańžiźä käŋkšinža, käv'i·ŕć v'äχki śuky·r. Sajiźä v'äχki ćoraś śukyryńť i karma·ś äjsty·nža jarca·ma i korty· ťäst: «Eχ, brat, mėŕä, te śuky·ryś prok avań lofcės pańi·ś»; a ćorėńeś maŕa·syńžä mäśť korte·ť. Kaji·ńžä v'äśi śukyrχnyń kä·ŋkškańť, sajńi·ź ešče·ťńä jak i suaś sońć kak. «Mėŕďa·dy, bra·tcy, prok avań lo·fcės pańiťť śukyrχnä, ada·da tyńć ka·k ava·ńiń». I tuśť v'äśi. Moľćť tozėj syń kak raz goŕńećaťńä i·kiliu̯, i izvo·ščekńä kak raz·pačky·ť śe·zej. Ńeť kaduu̯śť tosk ćora·ťńä, a se tuś taga· izvoščekńä marta. Moľćť tagy· tozė·j. Ṕädä·ś śte·nas. Izvo·ščekńä tagy· korte·ť: «Vot

---

домой. Говоритъ своей матери: «Эхъ, матушка, что за диво я узналъ. Въ дикой степи землянка, на полу землянки постланъ пологъ, на пологу одиннадцать мальчиковъ, играютъ въ карты, у нихъ на лбу солнце и луна». Мать и говоритъ: «Это мои дѣтки, самые твои братья». — «Я, матушка, и ихъ достану? Испеки на своемъ молокѣ одиннадцать лепешекъ». Испекла мать одиннадцать лепешекъ, взялъ мальчикъ лепешки, пошелъ съ ними, нашелъ землянку, отперъ двери, покатилъ одну лепешку. Взялъ одинъ мальчикъ лепешку и сталъ ее ѣсть и говоритъ имъ: «Эхъ, братцы, эта лепешка словно испечена на молокѣ моей матери», а мальчикъ слышитъ, что они говорятъ. Бросилъ черезъ дверь всѣ лепешки, взяли и остальные, и самъ онъ вошелъ. «Вы, братцы, говорите, что лепешки испечены словно на молокѣ матушки, идите и вы сами къ матушкѣ». И пошли всѣ. Пришли туда какъ разъ передъ горницами, и извозчики какъ разъ проходятъ тамъ. Эти мальчики остались тамъ, а тотъ ушелъ опять съ извозчиками. Пришли опять туда. Спустился на стѣну. Извозчики опять гово-

ďiva·ťńä: kona· ćora·ťńiń ťesä· jo·ńeŋk, ńeť kak uš to·sėt». Ińazyryś i ńeŕä: «Koda·tt iśťa·tt ťesä· lomaťńä. Äräv́ä vandy·j moľeńä täst». Ćorėńeś tuś i avansty koŗtä·: «Vandy·j, ńeŕä, ava·j, ińazyryś ťäńi·k sy; śŕapa·jada; äŕäv́ä son kava·ńams». Ava·ś ńeŕä: «Bydä· iń́a·zyryś sy, ton joftaft moń ģecta joųks». Nu, saś iń́a·zyryś täst, ozaftyź stoľekšc, karmaśť kava·ńamyŋza, suvaśť v́äši ćora·ťńä. Ťe corėńeś karma·ś avanzy doń́a·ma: «Ava·j, joftak joųks». Ava·ś ńeŕä·: «Mon, äjďńiń, mońć kak prok joųkskan». Ćorėńeś ńeŕä·: «Äś pŕi·ńit χoť joftė·k». Ava·ś ńeŕä·: «Moń bŕam joftams či dy v́ä satä·». A ćorėńeś ńeŕä: «čis dy v́äs i to joftė·k». Avaś karmaś pŕaňzy· jofta·ma, koda äŕäś dovababa·ś i koda kuly·ś ińazyryń kozajkaza i saji·źä sonzy· koda, koda· čačńi·ńźä ćora·ťńiń, koda· babu·škaś jumafńińźä, koda iń́a·zyryś sonza·bo·ćkas piŋģi·diźä i mo·ŕas koda· noldėźä, koda valnasy beŕeks jordė·źä. Ińazyryś kulcy·nä i duńi·, šty ťe ńeka·k moń goźa·jkam

---

рятъ: «Вотъ чудо: мальчики, о которыхъ вы здѣсь говорили, и они тамъ». Царь и говоритъ: «Какіе такіе тамъ люди? Надо завтра пойти къ нимъ». Мальчикъ ушелъ и говоритъ своей матери: «Завтра, матушка, къ намъ придетъ царь; готовьте кушанье; надо его угостить». Мать говоритъ: «Если придетъ царь, ты заставь меня разсказать сказку». Ну, пришелъ къ нимъ царь, посадили его за столъ, начали его угощать, вошли всѣ мальчики. Этотъ мальчикъ сталъ приставать къ своей матери: «Матушка, разскажи сказку». Мать говоритъ: «Я, дитятко, сама словно сказка». Мальчикъ говоритъ: «самоё себя хоть разскажи». Мать говоритъ: «Разсказывать обо мнѣ хватитъ на день и ночь». А мальчикъ говоритъ: «день и ночь, а всё-таки разскажи». Мать стала разсказывать о себѣ, какъ жила вдова старуха и какъ умерла жена царя и какъ онъ взялъ ее, какъ она родила мальчиковъ, какъ бабушка погубила ихъ, какъ царь заколотилъ ее въ бочку и какъ пустилъ въ море, какъ волной прибило ее къ берегу. Царь слушаетъ и думаетъ, что то была никакъ моя жена.

uľńiś. Śťa·ś stoľe·kšstėst i tuś kudu·u̯. Moľć, śe ba·bańť śulńiźä alašä·ń pu·lys i noldėźä dï·kyj śťeṕej. Sońć saś ńeńeń äŕa·ma.

Записано отъ Т. Учуськиной.

Jo u̯ k s.

Äŕä·śť a·ščišť aťa·t baba·t. Äjdïst araśiľť i syń ṕeť ńeľa·fćť. Nu ťäjńims a ńä·śť, kyľi ara·śť, saji·ms ako·sta. Aťäś tuś burla··čama. Ќizy·ń burla·čaś, ńäjľi sy ku·du̯. Ombȯ·ćä tu·nda; čiś uľńiś ṕśi. Son oza·ś ojńe·śeńä ńe·ĺńeća bruď va·kss. O·jmaś ťäjś, śiḿima·zy saś. Ko·maś koma·da i karma·ś śi·ńiḿä. Śiḿś, karmaś śťama. Maŕa·syj, ki ḃidï saka·ldy kundyźä. Son duḿä, ńäjś kak poŋgśť. Ťej nock, to̯u̯ nock, sakax̯nä ata·rgaṽiť. Son i ńeŕä: «Ќi to·sä, nolda·k. Ќäśť voźa·t?» — «A no·ldan!» — «Ќäks?» — «Ilʹa· śiḿńi ko·mady, vot ńäks». — «I karma·t ńej

---

Всталъ изъ за стола и пошелъ домой. Пришелъ, ту старуху привязалъ къ лошадиному хвосту и пустилъ ее въ дикую степь. Самъ пришелъ жить къ этимъ.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. Дѣтей у нихъ не было, и они очень печаловались. Ну, дѣлать нечего, коли нѣтъ, не откуда взять. Старикъ ушелъ бурлачить. Лѣто онъ бурлачилъ, а потомъ пошелъ домой. Вторая весна; день былъ жаркій. Онъ сѣлъ отдохнуть около мельничнаго пруда. Отдохнулъ немного, захотѣлось ему пить. Нагнулся въ припадку и началъ пить. Напился, сталъ вставать. Чувствуетъ, будто кто схватилъ его за бороду. Онъ думаетъ, что борода какъ нибудь зацѣпилась. Сюда дернетъ, туда дернетъ, борода не вырывается. Онъ и говоритъ: «Кто тамъ, пусти. Чего балуешь?»—«Не пущу!» — «Почему?» — «Не пей въ припадку, вотъ почему.»—«И станешь теперь такъ меня

iśťa· ǩiŕďiḿiṉ?» — «Da!» — «A źardy no·ldasamak?» — «Śesta, źarda alfta·sak moṅďäṅ śeṅ maksu·ms ḿä·źi ku·ca azdâsak. A ǩiďä a a·lftasak, väďiṅťi u·sktan». — I karma·ś usku·ma. «Užy·, iľa·mak usk! Duma·n vaśńa». I karma·ś duma·ma. «Dy ḿäźi mon aso·dan? I śeṅ zoda·sa, i śeṅ zoda·sa; prok väśi soda·syṅ ḿäźiḿ uľä». I ḿeŕć: «nu, saji·k». Liść vä·ctyṅť a·ťa, väśij śe·dėj. Targa·ś päjiľńä, targa·ś ko·ńoų prok kiųgyryṅ. I ḿeŕä: «na käŕi·k ľä·mtiḿi su·ryt, a man väŕcy·t śorma·dan śo·rma, a toṅć śorma· duma ama·štat, čeŕks ťäχť». Čeŕkstyźä su·ryṅť, ťäjṅi·ms aḿä·śť. Śe naví·źä ṕera·nʒa i ḿäśť ǩidi śorma·ć. I ḿeŕć: «nu na če·ŕkstak». Aťäś saji·źä ṕeraṅť i čeŕksta·ś. Śe tuś väc, a aťäś śťäś i tuś kudu·ų. Moľä· i duḿä·: «Ḿäźi·žy mon aso·dan? Veď väśij sodasyṅ. Moža koda·myjak to·sa tara·tkä äľi ḿäźija·k». Moľä·, iśťa·duḿä·, a šädï·jiza ŕiznä·, i pačkyć iśťa kudu·ų. Suva·ś kardazuų, baba·za liść karčizyuʒa, a ǩecėnʒa äχť. Aťäś sra·zu faťäś. «Eχ,

---

держать?» — «Да!» — «А когда отпустишь? — «Тогда, когда обѣщаешь дать мнѣ то, чего ты не знаешь въ домѣ. А если не обѣщаешь, утащу въ воду». И началъ тащить. «Погоди, не тащи меня! Сперва подумаю». И началъ думать. «Да чего я не знаю? И то знаю и то знаю; словно, всё знаю, что у меня есть». И сказалъ: «ну, возьми». Вышелъ старикъ изъ воды, весь сѣдой. Вытащилъ ножикъ, вытащилъ бумагу, словно изъ бересты. И говоритъ: «на, разрѣжь безымянный свой палецъ, а я напишу письмо твоею кровью, а ты самъ писать не умѣешь, сдѣлай черту». Надрѣзалъ палецъ, дѣлать нечего. Тотъ обмакнулъ свое перо и что-то написалъ. И сказалъ: «ну, на, сдѣлай черту». Старикъ взялъ перо и сдѣлалъ черту. Тотъ ушелъ въ воду, а старикъ всталъ и пошелъ домой. Идетъ и думаетъ: «Чего же я не знаю? Вѣдь я всё знаю. Можетъ быть, тамъ какой-нибудь сучокъ или что-нибудь (другое)». Идетъ, думаетъ такъ, а сердце его тоскуетъ, и подошелъ такимъ образомъ къ дому. Вошелъ во дворъ, старуха его вышла ему на встрѣчу, а въ рукахъ ребенокъ. Старикъ

ṁäšť mon ďäji·ń. Kady·ķ lučšy mońćeń v́ädińťi usku·ɋĺiṁiṁ». Praś i karma·ś ra·ŋguma. Baba·za i duṁä: «Ḿäks žy son raŋgä? Äŕavyĺ ťänza radu·vams. Äχť ťänza ńefťeń, a son koda·k ńejeźä i ura·kać». Baba·ś karma·ś laći·ṁinza. «Ḿäšť raŋga·t? Šťak. V́eŕepas äχť ťäńi·k maksć, a ton prok ta·ndadyť ä·jstynza. Šťak, suva·k kuc, a to loma·ťť ṕä·jdiṁi karṁiť». Aťäš šťä·ś i suva·šť. Ašćišť ťäjšť. Aťä·ś ja·la raŋgä i baba·ś karma·ś ra·ŋguma; la·ŋgyzyst va·nyź ä·jdiś kak karma·ś raŋgu·ma. Syń lotka·šť i karma·šť äjdi·ńť laći·ṁinza. Baba·ś i ṁeŕä: «Mäks ton išťa· raŋgi·ť a·ťa?» — «Eχ, ṁäźija·k ton, baba·, aso·dat. Ḿäšť mon ďäji·ń! V́eď išťa·, išťa·», i jofńe·ńźä v́ä·śij, koda· ťävi·ś uĺńi·ś. «Ḿä·źi ťäjat, nať Pazy·ńťi išťa· äŕä·v́ä; karma·tana äŕa·ma i učи·ma ṁäšť u·ĺiť, ṁäšť Pas ťäjä·. Pazy·ś ama·kscyj, tuvyś asä·ɋsyj». I karma·šť äŕa·ma. Äŕi·ť god, äŕi·ť kafta. Äŕä·šť ķä·ṁiń gott. Äjďiś kaść. Sońć ćo·ra u·ĺńiś. V́äχki v́ä·sta druk ćora·ś koda·k ky·rńafć i

---

сразу догадался: «Эхъ, что я сдѣлалъ. Пусть бы лучше онъ меня самого утащилъ въ воду». Упалъ и началъ рыдать. Старуха и думаетъ: «Отчего же онъ рыдаетъ? Ему слѣдовало бы радоваться. Я показала ему ребенка, а онъ, какъ увидѣлъ его, разревѣлся». Старуха стала его утѣшать. «Чего ты плачешь? Богъ далъ намъ ребенка, а ты словно испугался его. Встань, войди въ домъ, а то люди станутъ смѣяться». Старикъ всталъ, и они вошли. Посидѣли немного. Старикъ все плачетъ и старуха стала плакать; глядя на нихъ, и ребенокъ сталъ плакать. Они перестали и начали утѣшать ребенка. Старуха и говоритъ: «Отчего ты такъ рыдалъ, старикъ?» — «Эхъ, ничего ты, старуха, не знаешь. Что я сдѣлалъ! Вѣдь такъ и такъ», и разсказалъ всё, какъ было дѣло. «Что сдѣлаешь, знать Богу такъ угодно; будемъ жить и ждать что̀ будетъ, что̀ сдѣлаетъ Богъ. Богъ не дастъ, свинья не съѣстъ». И стали жить. Живутъ годъ, живутъ два. Прожили десять лѣтъ. Ребенокъ выросъ. Онъ сталъ юношей. Однажды ночью юноша вдругъ какъ вскочитъ и начнетъ кричать. Отецъ всталъ и

karma·ś pižńa·ma. Ťaťa·za śtaś i karma·ś käu̯kśńi·ńä: «Ḿäks, äjdńiń, ńäks ťäu̯kskiń? Ḿä·źdä tandady·t? Maťť, udy·k». — «Ama·ďan, päťa·n». — «Dy ńäźdi pä·ťat?» — «Sakšnyś koda·ma bidi a·ťa, väši śedėj i ńeŕć: śťak, ńeŕť ťaťati, kady·k kučta·nzat kou̯ äŕävä ťät moľe·ms». Aťäś faťä·ś. «Ḿäšť tä·jńims? Dava·j eščo·učy·tana, ńäšť u·liť vancy·ńik. Saś ombò·ćä väš. Ma·ďńišť. Aťä·ś tagy· saś. Tagy iśťa·ža ńeŕć. Ćorė·ńeś śtaś; käpi·ć buŕa i kudy·pŕa·st saly·źä. «Nu, baba, ťäťť apa·ŗt. Davaj, vandyj popò·ńti moľďa·na. Ḿäšť son joftä·?» Valćki śťäšť i moľćť popò·ńti i jofńe·ź ťänza vä·šij. Popò·ś i ńe·ŕä: «dava·jći, služan ďäŋk mole·ben, i kučy·ŋk z Bo·hom, kady·k mo·ľä kou̯ ďänza para. Vaśńa kady·k moľä še väďi·ńť vakse, a bidi to·sa ńäźi ja·k au·ľä, kadyk eščo·kuaja·k ja·kä». Saśť ku·duu̯, purnyź sė·ŕńeź i ńeŕćť ťä·nza: «Nu, ćora·m, iśťa· iśťa·; mon juma·ftyťiń ara·ftyťiń», ťäťäś ńeŕä. «Iśťa· iśťa· ťävi·ś uľńi·ś», i jofńe·ńžä ťänza vä·šij. Ćora·ś śtaś, oznė·ś

сталъ спрашивать: «Что, дитятко мое, что дитёнышъ мой? Чего ты испугался? Ложись, спи».— «Я не лягу, боюсь». — «Да чего ты боишься?»—«Приходилъ какой-то старикъ, весь сѣдой, и сказалъ: вставай, скажи отцу своему, пусть пошлетъ тебя куда тебѣ надо идти». Старикъ понялъ. «Что дѣлать? Давай, еще подождемъ, увидимъ, что̀ будетъ. Настала другая ночь. Легли спать. Старикъ пришелъ опять. Опять онъ сказалъ то же. Юноша всталъ; поднялась буря и сорвала крышу съ ихъ дома. «Ну, старуха, дѣло неладно. Давай, завтра пойдемъ къ попу. Что онъ скажетъ?» Утромъ встали и пошли къ попу и разсказали ему всё. Попъ и говоритъ: «Давайте, я отслужу вамъ молебенъ и пошлите его съ Богомъ, пусть идетъ куда ему желательно. Сначала пусть идетъ къ той рѣчкѣ, а если тамъ ничего не будетъ, пусть походитъ еще кое-гдѣ». Пришли домой, собрали его и снарядили и сказали ему: «Ну, сынокъ, такъ и такъ; я, говоритъ отецъ, погубилъ загубилъ, тебя. Такъ и такъ было дѣло», и разсказалъ ему всё. Юноша всталъ, помолился и пошелъ. Пришелъ къ берегу

i tuś. Moľć śe vädńńť krajs. Aščі·ś aščі·ś, ńäźi ja·k ara·ś, i tuś koų śäľńі·za ańe·jä, koų ріľіza ama·ŕä. Moľć moľć, suva·ś vіŕc. Muś vіŕctyńť tro·ṕeńä i tuś śe troṕeńe·vańť. Moľć moľć, muś ku··dyńä. Kudyńі·syńť jagaba·ba. Suaś ťänza. Baba·ś i ḿeŕä: «Ḿäśť biďі, äjdńіń, jaka·t paka·t?» Ćorèńeś jońńeńźä koų moľä· i ḿäks moľä·. «Eχ, ćora·m, kua·ť ťäť amu·jіvä. Na, mon maksan däť ki·ŕіńä. Koda·k li·śat, kaji·k ma·styruų. Koų ki·ŕіńіś kävіŕä, toų i ton ḿäľga·nza moľť. Śe moń zoda·mym aťäś; moń paťa·m ekščè··nza uľńіś; ku·lyś; kaduųś ťäχťіŕ śońďeďenza ḿäjľa, a son uŕva·ksć, sajś ľі·ja. Ťeń äjsta eščo· käví·χkijä ťäχťіŕť čačćť. Vot kozè·ń ťe ki·ŕіńіś lo·tkä o·źera krajs, ton ķekšť śezè·ń paryńі·sta i učy·k ľіŕťigu·ľkіńä. Sońďeďe·nza ḿäjľä eščo· käví·χkijä. Vačky·ďіvіť ma·styrvaksc i ťäji·vіť väši ťäχťіŕks, väši ma·zyχť i kajši·syź oďe·žast i karḿі·ť ekšè·ľama. E·kšèľeť, e·kšèľeť; ķävіχkijіťńä li·śіť, o·rčńeť, vačky·ďіvіť mastyrva·ksc, ťäjńіvіť ḿäkij gu·ľkіńiks i tuji·ť

той рѣки. Побылъ побылъ, ничего нѣтъ, и пошелъ куда глаза его глядятъ, гдѣ уши его слышатъ. Шелъ шелъ, вошелъ въ лѣсъ. Нашелъ въ лѣсу тропинку и пошелъ по той тропинкѣ. Шелъ шелъ, нашелъ избушку. Въ избушкѣ баба-яга. Вошелъ къ ней. Старуха и говоритъ: «Чего это ты, дитятко мое, ходишь шествуешь?» Мальчикъ разсказалъ, куда онъ идетъ и для чего идетъ. «Эхъ, сынокъ, долго тебѣ не найти. Вотъ, я дамъ тебѣ клубочекъ. Когда выйдешь, брось его на землю. Куда клубочекъ покатится, туда и ты за нимъ иди. Тотъ старикъ мой зять; старшая сестра моя была за нимъ; она померла; послѣ нея осталась дочь, а онъ женился, взялъ другую. Отъ той родилось еще одиннадцать дочерей. Вотъ, гдѣ этотъ клубочекъ остановится у берега озера, ты туда спрячься получше и жди летящую голубку. За ней еще одиннадцать. Онѣ ударятся о землю и сдѣлаются всѣ дѣвушками, всѣ красивыя, и скинутъ свои одежды и станутъ купаться. Покупаются, покупаются; одиннадцать выйдутъ, одѣнутся, ударятся объ землю, опять сдѣлаются голубками и пой-

ľiftа·ma. A kämga·ftuvyćiś, kona· i·kiľij saś, śe śeft ńäjľis kadu·vä e·kšèľama. Kodak kadu·vä śka·mynʒa, ton źesta sa·jiť oďe·žanʒa i kekšť mary·st. Son ľi·śä vä·ctyńť i karńä· väšńi·ńä. Väšńi väšńä, amu·jiviť, śe·sta karńä vä·šiź väšiḿä: «Ќi saji·ńʒä maksy·ŋќ». Ton ka·štmoľť. Son garńi· korta·ma: «Bďi syŕä ćoralo·mań, uľizy ťäń ťä·ťińiks, a bďi syŕä avalo·mań, uľiza ťäń a·vińiks, a bďi od ťäχťiŕ lomań, uľiza ťäń sa·zyrnyks, a bďi o·dćora lomań, uľi·za ťäń ńi·ŕďiks». Ton źesta lišť i maksy·ť».— Son moľć śe·zèń, kekšć śe ta·rkańťi. Liftäšť guľka·ťńä, koda· śe ba·baś jofta·ś; i kyda kävïχkijiťńä ľišćť i tušť, a kämga·ftuvyćiś kadu·ʂś, śesta son saji·ńʒä i kekšè·ńʒä oďe·žanʒa. Ťe ľišć väctyńť, čara·ś, čara·ś, oďe·žanʒa ara·šť, i karma·ś šäjŕi·ńä: «Ќi sajińʒä oďežam, maksy·ŋќ; bďi syŕä ćoralo·mań, uľiza ťäń ťaťińiks; bďi syŕä avalo·mań, uľi·za ťäń a·vińiks; bďi odťä·χťiŕ lo·mań, uľi·za ťäń sa·zyrnyks, a bďi odćo·ra lo·mań, uľi·za ťäń ńiŕdiks». Son ľišć i makscy·ńʒä oďe··

дутъ летать. А двѣнадцатая, которая прежде пришла, та останется купаться послѣ всѣхъ. Какъ только она останется одна, ты тогда возьми ея одежду и спрячься съ нею. Она выйдетъ изъ воды и начнетъ искать. Поищетъ поищетъ, не найдетъ ее, тогда станетъ просить и упрашивать: «Кто взялъ ее, отдайте». Ты молчи. Она начнетъ говорить: «Если старый человѣкъ, пусть будетъ мнѣ тятенькой, а если старая женщина, пусть будетъ мнѣ маменькой, а если молодая дѣвушка, пусть будетъ мнѣ сестричкой, а если молодой человѣкъ, пусть будетъ мнѣ мужемъ». Ты тогда выйди и отдай (одежду)». — Онъ пошелъ туда, спрятался въ томъ мѣстѣ. Прилетѣли голубки, какъ та старуха говорила; и когда одиннадцать вышли и ушли, а двѣнадцатая осталась, тогда онъ взялъ и спряталъ одежду. Эта вышла изъ воды, вертѣлась, вертѣлась, одежды нѣтъ, и она начала кричать: «Кто взялъ мою одежду, отдайте ее; если старый человѣкъ, пусть будетъ мнѣ тятенькой; если старая женщина, пусть будетъ мнѣ маменькой; если молодая дѣвушка, пусть будетъ мнѣ сестричкой, а если молодой человѣкъ, пусть

žanʒa. «Nu, vot ḿäśt: ťaťa·m iśťa·k ama·kcamam, a karḿä· äsy·t naŕga·ma. Nu, mon karma·n ťäť poso·bĺama. Ton koda ťezėń godäv́iť?» — «Iśťa, iśťa», jo·fneńžä ťänʒa. «E, ton uš ṣady·ća; v́äjksyńgäḿiń v́äjksy·ťńiń pŕast uš koleja pŕavat. Ńej kodak pojavat, ṣady·ća va·čkyďä ko·leja. Śeń tońďäť any·kstasy. Nu aďa· mońďäń. Mon äŕa·n baška ťäťi·ďiń[1]) ä·jsta, a syń v́äši v́äχca, ťaťa·m, oda·vam i käv́iχkijä ťäχťi·ŕist. Moń marta iĺa· päĺ. Mon ťaťa·dyn la·ma soda·n; moń avam tona·ftyḿiḿ». I ťäji·źä ćora·ńť ča·ụkaks, a sońć gu·ĺkińiks, i tuśť ĺiśťa·ma. Ĺiśťaśť kudyzy·nʒa. «Nu, vot ḿäśť, ḿe·ŕä ťäχťiŕiś. Ńej śiḿť jarca·k dy maťť ojḿešek, a va·ndyj moĺat ťäťä·ńiń. Zdoro·ụ, ḿeŕť, ďeda·j, učy·t ĺi ä·jsyn? Vot mon syń. Son śiḿďatanʒat, anta·nʒat i joftä· ťäť ro·bòta. Ton i ḿeŕť: pa·ra. Valćkiś čokšńeďeńť pŕäv́ij. Sak valćki· vanu·ma, tuji· ĺi ḿeĺe·zėt.—A ńej udy·k». Mać ćora·ś, va·lćki śťäś i tuś ďedansty. Sua·ś, śe aščä. «Zdoro·ụ, ďeďa·j, učyť ĺi ä·jsyn?» — «Koda·

1) t'ät'id'in.

будетъ мнѣ мужемъ». Онъ вышелъ и отдалъ ея одежду. «Ну, вотъ что: отецъ такъ не отдастъ, а начнетъ надъ тобой надругаться. Но я буду помогать тебѣ. Ты какъ сюда попалъ?» — «Такъ и такъ», разсказалъ онъ ей. «Э, ты ужъ сотый; головы девяносто девяти уже на остріяхъ кольевъ. Теперь, какъ только ты покажешься, онъ вобьетъ сотый колъ. Онъ приготовитъ его для тебя. Ну, иди ко мнѣ. Я живу отдѣльно отъ отцовскаго дома, а они всѣ вмѣстѣ, отецъ мой, мачеха и одиннадцать дочерей. Со мной не бойся. Я знаю больше отца; меня научила мать». И сдѣлала мальчика галкой, а самое себя голубкой, и пошли летѣть. Прилетѣли въ ея домъ. «Ну, вотъ что, говоритъ дѣвушка. Теперь пей, ѣшь и ложись отдохни, а завтра пойдешь къ отцу. Скажи: здорово, дѣдушка, ждалъ ли ты меня? вотъ я пришелъ. Онъ напоитъ тебя, накормитъ и укажетъ тебѣ работу. Ты и скажи: хорошо. Утро вечера мудренѣе. Приходи утромъ посмотрѣть понравится ли.—А теперь усни». Легъ мальчикъ, утромъ всталъ и пошелъ къ дѣду. Вошелъ, тотъ сидитъ. «Здорово, дѣдушка, ждалъ ли ты

učų·ms; davno· učy·ń». — «Vot mon syń. Ḿäšť jofta·t?» — «Ḿäšť ńej jo·ftan? Oza·k ojḿešek, dy šiḿť jarca·k, a ḿä·jľä ťävńä ja·k mo·žna jofta·ms». Son šiḿš, jarca·š, ojma·š ťäjš, ḿä·jľi šťäš. Aťäš i ḿeŕä: «Vot ḿäšť, ćora·m; ńesa·k o·na še ľejeńť?» — «Ńesa·!» — «Nu, vot ćora·m. Valćki·s ťäχť trokska·nʒa säď. Ťäji·vä?» — «Ḿäks aťä·jiv̓ä? Valćkiš čokšńe·ďeńť pŕäv̓i·j. Valćki sak vanu·ma, tuji ľi ḿeľezėt». Liść i tuś v̓icty ńev̓esta·ncty. Kua· mo·ľä ra·ŋġä. Še va·styźä i ḿe·ŕä: «Ḿäks išťa· ra·ŋgat?» — «Koda ža ťäń araŋgums?» O·na še ľejeńť troks ḿeŕć valćkis ťä·jiḿiďä säď». — «Eka ďi·vaś; ton maťť da udy·k va·lćkis, a valćki·š čokšńe·ďeńť pŕäv̓i·j». Ťe mać ḿäjľi uš u·duma. Zoŕa· la·ŋksa a·ńćik maťi·ďiųš, ťäχťi·ŕiš šťaftyźä i ḿeŕä: «Na vany ťä·t molò·tka i äsk i aźa· še ta·rkańťi. Jaka·k i stuka·k by·ta odďe·lat, a kyda· son mala·ų sa·my ka·rḿä, ton saji·k vany ťe ä·skyńť i čaft äjsynʒa byta odďela·t. Son sy i ḿeŕä: «e·ka vaďŕa·», a ton i

---

меня?»—«Какъ не ждать? давно ждалъ».—«Вотъ, я пришелъ. Что скажешь?» — «Что я теперь скажу? Садись отдохни, да пей ѣшь, а потомъ можно сказать и дѣльце». Онъ попилъ поѣлъ, отдохнулъ немного, потомъ всталъ. Старикъ и говоритъ: «Вотъ что, сынъ мой; видишь ты вонъ ту рѣку?» — «Вижу!» — «Ну, вотъ, сынъ мой. До утра сдѣлай черезъ нее мостъ. Можно его сдѣлать?» — «Отчего не сдѣлать. Утромъ приходи посмотрѣть, понравится ли тебѣ». Вышелъ и пошелъ прямо къ своей невѣстѣ. Пока идетъ, рыдаетъ. Та встрѣтила его и говоритъ: «Что ты такъ рыдаешь?» — «Какъ же мнѣ не рыдать? Велѣлъ онъ мнѣ построить мостъ вонъ черезъ ту рѣку до утра». — «Эко диво; ты лягъ и засни до утра, а утро вечера мудренѣе». Этотъ легъ потомъ ужъ спать. Только онъ заснулъ на зарѣ, дѣвушка разбудила его и говоритъ: «На, вотъ тебѣ молотокъ и гвоздей и ступай на то мѣсто. Ходи и стучи, будто отдѣлываешь а когда онъ станетъ близко подходить, ты возьми вотъ этотъ гвоздь и ударяй въ него, будто отдѣлываешь. Онъ придетъ и скажетъ: «эко хорошо», а ты и скажи ему: «не хвали во время работы, по-

ńeɟť ťänʒa: «iľa·k kšna ťäji·msta, uža· oddе·lasa, dy koda· mońć kšnasa·, a śesta ton kšnyk äľi śaldy·k». Sädińť laŋks iľa·k nolda·; ńeɟť: «ašči·k väpe·ľä, iľa· ńeša robó·ťnek lomańńiń. Źardy ťäjsa·, mon mońć ťäɟťa·n». Äsky·ńť čavík, ara·k sädińť laŋks i stuka·ťť piľksyt i kunda·k ba·ľasas. Še·sta ńeɟť: nu, aďa·. Son sy i karńi vannu·ma. Va·nnysy i ńeťä: vaďťa·, aďa· ńej ńińďäńik; mon ńesa·, ton ɟťävi·jat; azdasa kiń bťäŋsa; a ton i ńeɟť: mońćeń gak a koŋ ťäjńims. Še·sty aźi· mary·nʒa. Šesty son ojma·ftanʒat i eščo·robó·ta ťäť maksä. Mäšť ńeńńä, vanny·k; ńäšť jo·ńńä, ku·lcynyk». Moľć aťäńť marta kudyzy·nʒa. Aťäš kava·ńiźä i ńe·ťä: «vot ńäšť, ćora·m, aďa·ka vannyk paryčy·m: kodama kudy·m, kodama kar-da·zym, kodama sady·m». Veťńe·š veťńe·š äjsy·nʒa, veťe·źä vä ta·r-kas, ašči ša·dy ko·ľeja; koľeja·ťńiń ɟťa·sa lo·mań ɟťat, ańćik väýkiń laŋksa a·raš. Son i ńe·ťä: «nu, vot ńäšť, ćora·m, ńeť vany väši toń go·ńdatt uľńi·šť; nu, kšiń dobóvama äšť mašt, a mon uš syťa·n, äsyn

---

годи отдѣлаю, да когда я самъ похвалю, то тогда ты хвали или хай». На мостъ его не пускай, скажи: «стой въ сторонѣ, не мѣшай человѣку-работнику; когда сдѣлаю, я самъ тебя позову». Вбей гвоздь, стань на мосту и стукни ногами и ухватись за перила. Тогда скажи: ну, иди. Онъ и начнетъ смотрѣть. Осмотритъ и скажетъ: хорошо, ступай теперь къ намъ, вижу, ты умный; не знаю, чьимъ умомъ; а ты и скажи: и своего некуда дѣвать. Тогда ступай съ нимъ. Тогда онъ дастъ тебѣ отдохнуть и дастъ тебѣ еще работу. Что покажетъ, на то смотри; что разскажетъ, то слушай». Пошелъ со старикомъ въ его домъ. Старикъ угостилъ его и говоритъ: «Вотъ что, сынъ мой, ступай-ка осмотри мое богатство: какой домъ мой, какой мой дворъ, какой мой садъ». Водилъ водилъ его, привелъ на одно мѣсто, стоитъ сто кольевъ; на верхушкахъ кольевъ человѣческія головы, только на одномъ нѣтъ. Онъ и говоритъ: «ну, вотъ что, сынъ мой, эти всѣ были подобны тебѣ; но хлѣба добыть не умѣли, а я ужъ старъ, своимъ хлѣбомъ кормить не люблю; я вижу, ты парень дошлый, и если

kšiďä a·ndumańť aźe·čksa; mon vanca·, ton ćora·ś do·šlyjat i ƀiďi kšiďä andu·man karmat, mon ľubo·vój ťä·χťiŕiń maksca ťäť koźa·jkaks, a ƀiďi aka·rmat, mon va·ndyj ža pŕat van' ťe koľe·jańť pŕas poŋgafca. Ńesak o·na śe pandyńť?» — «Ńesa!» — «Nu, vot va·ľćkis ŕiŕi·ńť käŕi·k, peńka·tńiń targi·t, a śe ta·rkańť soke·k; ŕiŕcty·ńť ťäχť ńe·ľńeća, a soka·fyńť ŕidï·k toŋźerė·da. Valćkis nuji·k, jaža·ft počt i pańť pŕaka·t. Śe·sta mon maksca· ťäť ťä·χťiŕiń; a ƀiďi akä·ńiŕat χyť pŕaka·t pańi·ms, to pŕat käŕa·f uľä·». Ćora·ś tuś i ńeľa·ftä, kostä śńa·ryś ťäjivä. Moľć ťäχťiŕi·ńťi. A ťäχťi·ŕiś i ńerä: «Xė! Ťe ńäśť? Iľa· ńeľa·ft, ťeń ťäjsy·ńik. Vot vant, koda ťäviś tujä». Ľiść, jaχy·ć paćińi·sa i śńary· ľiŕťäśt šajťatt prok rauža päľ i käŋkśťi·ź: «ńäks ťä·ŕdïńiź?» — «Dy vot ťe pandyńť valćkis käŕiŋk targiŋk ŕidïŋk toŋźerė·da; ťäji·da ńe·ńeća i ƀećka; valćkis toŋźeŕėńť nuji·ŋk, jažyŋk i pańi·da pŕaka·t». Syń tuśť i karmaśť. A ćora·ś mać. Va·ľćki śťa·ftyźä ra·na ťä·χťiŕiś i ńeŕä: «nu, aźa· i aščik

---

будешь кормить меня хлѣбомъ, я дамъ тебѣ въ хозяйки любую дочь, а если не будешь, я завтра же воткну твою голову на верхушку вонъ этого кола. Видишь вонъ ту гору?»—«Вижу!»—«Ну, вотъ до утра сруби лѣсъ, вырой пеньки, а то мѣсто вспаши; изъ лѣса сдѣлай мельницу, а пашню посѣй пшеницей. До утра сожни, смели муку и испеки пироги. Тогда я отдамъ тебѣ свою дочь, а если не успѣешь хотя бы испечь хлѣбы, то голова твоя будетъ срублена». Парень ушелъ и груститъ, гдѣ столько сдѣлать. Пошелъ къ дѣвушкѣ. А дѣвушка и говоритъ: «Хе! Это что? Не печалься, мы это сдѣлаемъ. Вотъ, смотри, какъ пойдетъ дѣло». Вышла, махнула платкомъ и столько слетѣлось шайтановъ, словно черная туча, и спросили ее: «зачѣмъ ты насъ позвала?» — «Да вотъ на этой горѣ лѣсъ къ утру срубите, выкорчуйте, засѣйте пшеницей; постройте мельницу и печку; къ утру сожните пшеницу, смелите и испеките пироги.» Они ушли и начали (работать). А парень легъ. Утромъ разбудила его рано дѣвушка и говоритъ: «Ну, ступай и

pećka·ńť vaksca. Koda·k ťäťa·m samy ka·rńä, ton karma·k kšiťńiń tarkši·ńä. Son goda·k mo·ľä, kšis kapyďi·ńä karńä. Ton kšińť iľa·k makst kapy·dïms ťänʒa; tolkaďik gruťc i ńeŗť: koų jaća·t, mon mońć eščo· äźi·ń va·rčńä. Šińť ala·ma i varči·k tońć. Mäjľä ńeŗť: nu, na, varča·k. Dy vo·t ńäšť mon ďäť přika·zan: son ńińi·k ńäjľä ťäjsa·ńiź vśi vä čamas; mon uľa·n vïť krajsa. Koda käų̈kśťanʒat, ńeŕä: konań sajsa·k koźa·jkaks, ton byta vannyk i ńeŗť: mońďäń jala ťekä, χyť van' ťe kra·jsyńť. Son źe:sty i ńeŕä: mońdäń jaly ťekä; ańćik sodė·k ko·lmokšť. Mäjľä ťäjsa·ńiź u·tkińiks, väši vä po·nasyt, i vant: kyda suvama porò·gėń droks karma·tana, vä·ši kyŕńa·ftumsta kyŕńa·ftyť pa·ŕćťä, a mon prok pran, zopòm tokafca ma·styruų i vant ko·zėń son ara·fcamam. Mäjľä kyda käų̈kśťa·nʒat, ton i ńeŗť: va·ny ťe. Mäjľä ťäjsa·ńiź gu·ľkińiks; karma·tana ľiťťa·ma; koda· ara fńisamiź, karma·tana vanu·ma vśi šä·ľńizyt i vant ton äŕväχkiń šäľńiva. Mon doń

стань около печки. Какъ только отецъ станетъ подходить, ты начни вытаскивать хлѣбы. Какъ только онъ придетъ, онъ начнетъ браться за хлѣбъ. Ты не давай ему брать хлѣба; толкни его въ грудь и скажи: куда лѣзешь, я самъ еще не пробовалъ. Отломи немного и попробуй самъ. Потомъ скажи: ну, на попробуй. Да вотъ что я тебѣ прикажу: онъ послѣ того сдѣлаетъ насъ всѣхъ на одно лицо; я буду на правомъ краю. Когда онъ тебя спроситъ, скажетъ: какую возьмешь въ жены, ты будто осмотри и скажи: мнѣ все равно, хоть вотъ ту находящуюся на этомъ краю. Онъ тогда и скажетъ: мнѣ все равно; только узнай три раза. Потомъ онъ сдѣлаетъ насъ утками, всѣхъ одинаковаго вида; и смотри: когда мы начнемъ переходить черезъ порогъ, всѣ подпрыгивая будутъ прыгать хорошо, а я словно упаду, зобомъ коснусь пола, и смотри, куда онъ меня поставитъ. Потомъ когда спроситъ тебя, ты и скажи: вонъ эта. Потомъ онъ сдѣлаетъ насъ голубками; мы начнемъ летать; когда онъ насъ разставитъ, мы всѣ начнемъ смотрѣть въ твои глаза и ты осмотри каждую по глазамъ. Я глазомъ, который

ṕeľćä śäĺḿiḿ ľi·paťca. Ton źesty i ḿeŕť: va·ny ťe. Ḿäjľä ťäjsaḿiź ṕi·śmarχnyks: ara·fńisaḿiź vant ṕi·ľǵiva, mon ṕiľǵisurym kä·ṕiťca. Ton ḿeŕť: vany ťe. Ḿäjľä son i ma·ksca mam». Moľć ṕećka·ńť vaksc. Ara·ś, sajiźä koćeŕga·nynʒa i aščä·. Vancy·j, aťä·ś äľ zy, son i karma·ś kapša·ma tarkśi·ḿä. Aťäś koda k saś, śeďi ku·ryk kapy·ďiksyľ kšis. Son koda·k groχa·ďiźä gruťc i ḿeŕä: «Koų jaća·t? Ńesak, mon ešco· robȯ·tan, a ton uš kapša·t jarca·ma. Mon mońć ešco äźi·ń varčńä, a ton uš jaća·t». Śińć ala·ma, kaja·ś kurgyzynʒa i ḿeŕć: «nu, na varčak, tuji ľi ḿeľezėt ťäjiųksym-paṅiųksym». Aťäś i ḿeŕä: «ṕŕäv̆i·jat, ṕŕäv̆i·jat, ńe znaj ǵiń ṕŕäus' ańćik. «Nu, aďa ńej, koćka·k äśťäť ńeve·sta. Valym mon apo·lafca. Kona· ḿe·ľezėt tu·jä, śeń i saji·k». Koda ťäχťiŕiś jofńe·ś, iśťa aťäś i ťäjś. Son sodė·źä ko·lmokśť. Aťäś maksy·źä ťäχťiŕi·nʒa, a oda·vańť śäĺḿi·za praś ćorańť laŋks, ḿäks son sonʒa ťäχťiŕ äź saj, i duma·ś son juma·ftymyst. Oďe·ŕvaś srazu faťä·ś i

---

находится на твоей сторонѣ, моргну. Ты тогда и скажи: вонъ эта. Потомъ онъ сдѣлаетъ насъ скворцами: онъ поставитъ насъ, ты смотри на ноги, я подниму палецъ на ногѣ. Ты скажи: вотъ эта. Потомъ онъ и отдастъ меня». Онъ пошелъ къ печкѣ. Сталъ, схватилъ кочергу и стоитъ. Видитъ, старикъ подходитъ, онъ и сталъ поспѣшно вытаскивать. Какъ только старикъ пришелъ, то какъ можно скорѣе схватился было за хлѣбъ. Онъ какъ ударитъ его въ грудь и скажетъ: «куда лѣзешь? Видишь, я еще работаю, а ты ужъ спѣшишь ѣсть. Я самъ еще не пробовалъ, а ты ужъ лѣзешь». Отломилъ немного, положилъ въ ротъ и сказалъ: «ну, на пробуй, нравится ли мое издѣліе, мое печеніе». Старикъ и говоритъ: «ты умный, ты умный, не знаю только чьимъ умомъ. Ну, ступай теперь, выбери себѣ невѣсту. Я слова своего не измѣню. Которая тебѣ понравится, ту и возьми». Какъ говорила дѣвушка, такъ старикъ и сдѣлалъ. Онъ узналъ три раза. Старикъ отдалъ свою дочь, а мачеха позавидовала на парня, отчего онъ не взялъ ея дочери, и задумала она ихъ погубить. Молодушка сразу догадалась и гово-

ńeŕä ńiŕďinctyj: «dava·j voŕǵe·ťťana», i ťäjś ko·lma kšń śu··vyrkskiť i ťäji·ü̈śť kavy·ńist ťi·caks i tušť ĺiťťama. Ĺiťťa·śť liťťaśť, a avaś va·lćki syrgy·ść i ńeŕć ťä·χťiŕinctyj: «aźi śtafty·ť». Ťä·χťiŕiś moĺć käŋkšińť vaksc i säŕǵi·ć: «śťada·». Väχki śu·vyrkskiś i ńeŕä: «śťińi·k». Učyśť učyśť, araśť. Kučć ombò·ćä. Mäks aśťa··tada?» — «Šĺata·na». Učy·śť, učy·śť; taga· araśť. Kučć ĺija·. «Mäks aĺi·śťada?» — «Orča·tana». Učyśť, učyśť, ara·śť. Avaś faťä·ś. Kodak kä·ŋkšińť gro·χadźä, vany kija·k ara·ś i ńäźija·k äśť katt. Kučy·ńʒä ťäχťiŕinʒa sasa·myst. Ńeť ĺiťťi·ť, sasy·ť. Oďe·ŕvaś i ńe·ŕä: «kulcynyka; veď šum koda·ma biďä». Ćora·ś ńeŕä: «ńäźija·k amaŕa·n». Avaś praś moda·ńť laŋks i ńeŕć: «Äĺ zyť sazy·ryn. Mon ťäjďa·n pastuχyks, a mońć uĺa·n ŕeve·ńeks. Kyda karńiť käü̈kśńiń̓ä ä·syt, ton ńeŕť täst: «mon kolèńǵäńiń kolma gott vana·n ťe ŕe·veńeńť äjsa. Tyńďeďeŋk baška kińgak äźiń ńek». Čara·śť ťäjśť i veĺa·fćť ńäkij, a ńeť ťäjiü̈śť taga i tušť ĺiťťama. I

ритъ своему мужу: «давай бѣжимъ», и сдѣлала три хлѣбныя катушечки, и сдѣлались они оба птицами и пошли летѣть. Летѣли, летѣли, а мать утромъ проснулась и говоритъ своей дочери: «ступай разбуди ихъ». Дѣвушка подошла къ двери и крикнула: «вставайте». Одна катушечка и говоритъ: «мы встали». Ждали, ждали, нѣтъ ихъ. Послала другую: «Отчего вы не встаете!»—«Мы моемся». Ждали, ждали, опять ихъ нѣтъ. Послала другую: «Отчего вы не выходите?»—«Одѣваемся». Ждали, ждали, нѣтъ ихъ. Мать догадалась. Какъ ударитъ въ дверь, видитъ—никого нѣтъ, и ничего они не оставили. Она послала дочерей догонять ихъ. Эти летятъ, догоняютъ. Молодушка и говоритъ: «послушай-ка; вѣдь какой-то будто шумъ». Парень говоритъ: «я ничего не слышу». Женщина припала къ землѣ и сказала: «Приближаются мои сестры. Я сдѣлаю тебя пастухомъ, а сама я буду овечкой». Когда станутъ тебя спрашивать, ты скажи имъ: «я тридцать три года пасу эту овечку. Кромѣ васъ я никого не видѣлъ». Повертѣлись и вернулись назадъ, а эти сдѣлались опять (птицами) и полетѣли. И прилетѣли

ľiťťaśť kuduu̯ ťäťanctyj i karmaśť äŕa·ma iśťa śupa·u̯sta dy paŕćťä, a jo·ťtaví jak. Mon kecėst uĺńi·ń, ḿä·ťťä bra·gada śiḿi·ń, turvam laŋga čudïśť, a kurgy·zyn äśť ṕeťńä ja·k.

Jou̯ks.

Äŕä·śť a·ščiśť aťa·t ba·bat. Aťä·ń ba·bań uĺńi·śť kolma ćora·nʒa. Kaftyťńä ṕŕäv́iχ́t, kolmȯ·ćeś dura·k, ľäḿi·za Eḿe·ľä. Äŕä·śť äŕä·śť, ava·ś kuly·ś. Ä·ŕäś a·ščiś ťäťä·ś kak, kuly·ś. Äŕi·ť tŕi bra·ta: po·kšnä kavyńi·st uŕva·kstuft, a v́iški·ńiś apa·k. Dura·kńiń kij mo·ľä? Iśťa·k i ä·ŕä, ṕäŋk kä·ŕćä, v́äď ka·ndä, kou̯ ku·čeyź, tou̯ mo·ľä. V́äśť uŕä·žyza kuči·źä v́äc. V́ädï·ś uĺńi·ś ľiśma·sa. A ru·daz u·ľńiś po·raś. Kuči·ź v́äc. Son i moľć ľiśma·ńťi, karma·ś amy·ľďama, vancy· ľiśma·syńť kal. Son śe ka·lyńť ku·ndyźä, ta·rģiźä. Śe ka·lyś i ko·ṛtä ťä·nʒa loma·ńks: «Eḿe·la, nol-

---

въ домъ къ отцу его и стали жить такъ богато и хорошо, что и не разскажешь. Я былъ у нихъ, пилъ меду и браги, по губамъ текло, а въ ротъ и не капнуло.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. У старика и старухи было три сына. Двое умные, третій дуракъ, по имени Емеля. Жили, жили, старуха померла. Жилъ пожилъ и старикъ, померъ. Живутъ три брата; старшіе оба женатые, а младшій нѣтъ. Кто пойдетъ за дурака? Такъ и живетъ, рубитъ дрова, носитъ воду, куда пошлютъ, туда идетъ. Однажды невѣстка послала его за водой. Вода была въ родникѣ. А была грязная пора. Послали его за водой. Онъ и пошелъ къ роднику, началъ черпать, видитъ въ родникѣ рыба. Онъ поймалъ эту рыбу, вытащилъ. Эта рыба и говоритъ ему по-человѣчьи: «Емеля, пусти меня назадъ въ воду. Я

da·mak moń ḿä·kij vä·ďiń̍ti. Mon moń̍ć ťäť pary ťä·jȧn». — «A ḿä·źi ton moń̍dä·ń ťä·jat?» — «Ḿä·źi χočeš, śeń i ťä·jan. Ańćik ḿeŕť: pa ščučjemu veľeńju, a moń pro·źbasa, vot śe ťä·víś ťäji·víza, i ťävi·ś χyť ko·damyś soń̍ć ťäji·vä». Eḿe·ľa śaji·źä noldė·źä śe ka·lyńť i ḿe·ŕä: «pa ščučjemu veľeńju, a moń pro·źbasa vedra·t a·źida kudu·ɲ». Vedra·ťńä käpi·ć́ť i tuśť. Meľe·zėnza pa·ra, a urvaťńä ta·ndaćť i käɲkśńi·ť äsynza: «Koda· iśťa vedra·ťńä syńć saśť?» — «Mon ja·ly iśťa ka·rman». Kuči·ź sonza· päɲǵi·ń käŕa·ma. A son ľiść i ḿe·ŕä: «pa ščučjemu veľeńju, a moń pro·źbasa päɲk tyńć käŕći·vida i tyńć vačka·vyda». Kučsy·ź kuduɲ sua·fńiń̍ä. Son kä·ɳkšiń̍t pa·nčcy i ḿe·ŕä: «päɲk, tyńć suva·da». I syń̍ suvi·ť. I syńć pećkas vačka·víť. Eḿe·ľäń ťävi·za pa·ra. Aščä pećkala·ɳksa, ańćik ja·rcä da u·dä. Vädi·za so·ńć sy, päɲǵi·nza syńć käŕći·víť i ku·c suvíť i pećka·s vačkavíť. A son a·ńćik udä· i udä·. Kúčy·ť äsy·nza víŕi·j päɲks. Son ľiść karda·zuɲ, oza·ś nurc i ḿe-

---

сама сдѣлаю тебѣ добро». — «А что ты мнѣ сдѣлаешь?» — «Что хочешь, то и сдѣлаю. Скажи только: по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, пусть сдѣлается то дѣло, и дѣло, хоть какое оно нибудь, сдѣлается само собою». Емеля взялъ, выпустилъ ту рыбу и говоритъ: «по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, ступайте, ведра, домой». Ведра поднялись и пошли. Ему пріятно, а невѣстки испугались и спрашиваютъ его: «какъ такъ ведра сами пришли?»—«Я всегда такъ буду дѣлать». Послали его рубить дрова. А онъ вышелъ и говоритъ: «по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, дрова сами вы разрубитесь и сами сложитесь». Пошлютъ Емелю внести дровъ въ домъ. Онъ отворитъ дверь и скажетъ: «дрова, сами вы входите». И они войдутъ. И сами они складываются въ печь. Емелѣ дѣло его пріятно. Сидитъ на печкѣ, только ѣстъ да спитъ. Его вода сама приходитъ, его дрова сами рубятся и входятъ въ домъ и складываются въ печку. А онъ только спитъ и спитъ. Посылаютъ его въ лѣсъ за дровами. Онъ вышелъ на дворъ, сѣлъ въ сани и говоритъ: «по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, вы, сани, пой-

ŕä: pa ščučjemu ʼveľeńju, a moń pro·źbasa, nuṛt moľe·da ty·ńć ʼviŕij», i nuṛtnä· ťica·ks tuśť ʼvi·ŕij, pro·sta ľiśťa·ź ľiśťi·ť. Saś ʼvi·ŕij i ḿerä: «pa š. v., a moń pro·źbasa, ʼviŕ tońć käŕa·ft i tońć vačka·ft i tońć šulmaft». I vačka·ṷś i šulma·ṷś iśťa·myška voz, a jo·ftaʼvä jak pokš. Oza·ś son vo·zeń ṕŕa·s i ḿeŕć: «pa š. v. a moń pro·źbasa, nuṛt murda·da ḿä·kij kudu·ṷ». I nuṛtnä· šťŕela·ks tuśť ľiśťa·ma. Eḿe·ľa iśťa· karma·ś jakśi·ḿä ʼviŕga· i baza·rga. Ľaľa·nʒa ḵuca ara·śiľť, ʼväṕe·ľä ro·bòtaśť. Son ʼväśť syľ ʼvi·ŕcta. Naro·d uľńi·ś la·ma u·ľćasa i χoťiľi kunda·mynʒa. Son ťäst äź ġi·ŕdʼiṷ i tapa·ś źary·ja naro·d. Śesta· maŕä·s ästy·nʒa iḿa·zyr. I kučćť ḿäľga·nʒa. Saśť ḿäľga·nʒa. A son aščä pećkala·ŋksa, u·dä. Karma·śť äsy·nʒa śťaftu·ma. Son a śťi·. Uŕä·žynʒa käṷkśńi·ť loma·ťńiń ä·sa: «koṷ ťärcyŋk, ḿä·ks śťafcyŋk?» — «Iḿa·zyr, keľi, ťä·ŕdźä; a·t, źary naro·d tapa·ś, vanu·manʒa χočet, ḿä·jiń iśťa·ma lomań a·lašaftu·ma ja·kä». Eḿe·ľa i ḿeŕä ťäst: «aźi·da, mon san».

дите сами въ лѣсъ», и сани какъ птица ушли въ лѣсъ, просто летмя летятъ. Пришелъ онъ въ лѣсъ и говоритъ: «по щ. в., а по моей просьбѣ, лѣсъ, ты самъ нарубись, и ты самъ сложись, и ты самъ свяжись». И сложился и связался такой возъ, нельзя сказать какой большой. Онъ сѣлъ на верхъ воза и сказалъ: «по щ. в., а по моей просьбѣ, вы, сани, вернитесь назадъ домой». И сани какъ стрѣла пошли летать. Емеля сталъ такимъ образомъ разъѣзжать по лѣсу и базару. Братьевъ его не было дома; они работали на сторонѣ. Однажды онъ возвращался изъ лѣса. Народу было много на улицѣ, и его хотѣли поймать. Они не могли его удержать, и онъ потопталъ много народу. Тогда услышалъ о немъ царь. И послали за нимъ. Пришли за нимъ. А онъ лежитъ на печкѣ и спитъ. Стали будить его. А онъ не встаетъ. Невѣстки его спрашиваютъ у людей: «куда вы его зовете, для чего будите?» — «Царь, говорятъ, позвалъ его; вотъ сколько народу онъ потопталъ, хочетъ посмотрѣть его, что за такой человѣкъ, (который) ѣздитъ безъ лошади». Емеля и говоритъ имъ: «ступайте, я приду». Тѣ вышли и ушли.

Neť liśćť i tušť. A so·n ašči i udä· ṕećkala·ŋksa. Uŕä·žyŋza karma·śť täŋza eńa·lkšnuma: «aźä·, Eḿe·ľa, ata čumy·s poŋgat; ḿi·ńik gak čumynca·ḿiź to·ń ǵis, ḿäks toń ḿiń kiŕdï·ďiź. Ton tońć ḿeŕeť, šty moľa·t».—«Mon ǵäńi·ŕan!» Do·ńez uŕäžy·nza. Son i ḿeŕä: «p. š. v., a moń pro·źbasa, ṕe·ćka kandu·mak ińa·źyryńť i·kiľij, victa kudyzy·nza». Ṕe·ćkaś syrga·ś i tuś burka·laks ľiŕťa·ma i lotka·ś vi·cta ińa·zyryńť i·kiľij. Ińa·zyryś śe ška·ńä uľńi·ś täχťi··ŕinza ma·ṛta. Eḿe·ľa ńeje·źä täχťiŕi·nza i ṕeķ uš ḿeľe·zėnza tuś. I ko·ṛtä sala·va: «pa š. v., a moń pro·źbasa, ťe täχťi·ŕiś uľi·za moń koźa·jkam». Ińa·zyryś karma·ś Eḿe·ľäń käŭķśńi·ḿinza, koda· son iśťa· jakä· víŕi·j alašaftu·ma nu·rca, päŋǵi·nza syńć kä·ŕćivit, vedra·nza sy·ńć jaki·ť. Saś sońďä·nza ṕećkala·ŋksa, a son i koṛtä· täŋza: «ton avy·ľ śeń kä·ŭķśńik, koda mo·n jaka·n, a maksy·k mońďä·ń täχťi·ŕit koźa·jkaks». Ińa·zyryś ṕeķ ķežė·jaść laŋgyzy·nza i karma·ś śoŋno·mońza, a ińa·zyryń täχťi·ŕiś i ḿeŕä·: «ťäťä·j, iľa·k śoŋna, mo·n moľa·n täŋza koźa·jkaks; a ďiďä ama··

А онъ лежитъ и спитъ на печкѣ. Невѣстки начали просить его: «ступай, Емеля, а то попадешь въ вину; и насъ обвинятъ за тебя, зачѣмъ мы тебя удержали. Ты самъ сказалъ, что пойдешь». — «Я успѣю». Одолѣли его невѣстки. Онъ и говоритъ: «по щ. в., а по моей просьбѣ, ты, печка, принеси меня передъ царя, прямо въ его домъ». Печка поднялась и пошла летѣть какъ... и остановилась прямо передъ царемъ. Царь въ это время былъ со своей дочерью. Емеля увидѣлъ его дочь, и очень она ужъ ему понравилась. И говоритъ потихоньку: «по щ. в., а по моей просьбѣ, да будетъ эта дѣвушка моей женой». Царь сталъ спрашивать у Емели, какъ онъ такъ ѣздитъ въ лѣсъ на саняхъ безъ лошади, какъ дрова сами рубятся, ведра сами ходятъ, какъ онъ пришелъ къ нему на печкѣ. А онъ и говоритъ ему: «ты не спрашивай о томъ, какъ я ѣзжу, а дай мнѣ твою дочь въ жены». Царь очень разсердился на него и началъ его бранить, а царскал дочь и говоритъ: «батюшка, не брани его, я пойду къ нему

kscamak, mon ṕŕam poua·sa». Iń̂a·zyryś̀ karma·ś̀ tä·χ́tiŕiń̂t ä·sa koṛta·ma; täχ́ti·ŕiś̀ täṇza äź la·ďaṇ. Saś̀t keže·ṇza, sa·jiźä Eḿe·ľäń̂ tä·χ́tiŕiń̂t ma·ṛta, puty·ńǯä bo·ćkas, ṕekstė·ńǯä tozė·ń̂, smoľa·ftyźä boćka·ńt̂ i nolda·ftyńǯä mo·ŕas, i juma·śt̂ be·ź viśti iń̂a·zyryń̂ tä·χ́tiŕiś̀ Eḿe·ľa ma·ṛta iń̂a·zyryńt̂ i·ḱiľďä. I duḿi· iń̂a·zyryś̀, śńarc syń̂ kuly·śt̂. No syń̂ äśt̂ ku·la. Eḿe·ľa tosa udä· i udä·. Nu, iń̂a·zyryńt̂ täχ́tiŕi·ńti täjiṵś̀ tosa du·šna bo·ćkasyńt̂. Karma·ś̀ Eḿe·ľäń̂ śtaftu·ma; kojka·k syrgy·ść i sa·lava ḿeŕä: «p. š. v., a moń̂ pro·źbasa; bo·ćka ľiśt̂ o·stroṵs pa·ra ta·rḱińis śe·ďä, i śeźeft̂ tozė·j». Boćka·ś̀ ľiść o·stroṵs i śeźe·ṵś̀. Syń̂ ľiśćt boć·ka·styńt̂. Iń̂a·zyryń̂ täχ́ti·ŕiś̀ vanä· kosėja·k ḿäźija·k ara·ś̀, a·ńćik viŕ i viŕ. I ḿeľa·ftä, koda· ńej karḿi·t̂ ťesa äŕa·ma i ḿäźďä· karḿi·t̂ jarca·ma. A·vaŕďä i vanä· Eḿe·ľa laŋks. A Eḿe·ľa śe škańä salava i ko·ṛtä: «p. š. v., a moń̂ pro·źbasa, täji·viza ťezė·ń̂ ku·da i·śťama, koda·ma kosėja·k ara·ś̀, i uľi·st ťe·sa iśťa·tt slu-

---

въ жены; а если ты не отдашь меня, я себя повѣшу». Царь началъ уговаривать дочь; дѣвушка не поддалась ему подъ ладъ. Онъ разсердился, схватилъ Емелю вмѣстѣ съ дочерью, положилъ ихъ въ бочку, заперъ туда, осмолилъ бочку и пустилъ ихъ въ море, и исчезли безъ вѣсти съ глазъ царя Емеля вмѣстѣ съ царской дочерью. И думаетъ царь: теперь ужъ они померли. Но они не умерли. Емеля спитъ тамъ и спитъ. Ну, царской дочкѣ сдѣлалось тамъ душно въ бочкѣ. Начала будить Емелю, кое-какъ онъ проснулся и потихоньку говоритъ: «по щ. в., а по моей просьбѣ, ты, бочка, выйди на островъ, на самое лучшее мѣсто, и тамъ лопни». Бочка вышла на островъ и лопнула. Они вышли изъ бочки. Царская дочь видитъ, что нигдѣ ничего нѣтъ, только лѣсъ и лѣсъ. И груститъ о томъ, какъ они будутъ тамъ жить и что будутъ ѣсть. Плачетъ и смотритъ на Емелю. А Емеля въ это время потихоньку и говоритъ: «по щ. в., а по моей просьбѣ, пусть сдѣлается здѣсь такой домъ, какого нигдѣ нѣтъ, и пусть будутъ тамъ такіе слуги,

ga·t, koda·tt iṅa·zyryńť kak ara·śť». Vot iṅa·zyryń ťäχťi·ŕiś i koṛtä Eḿe·ľańiń: «koda· ńej, koŕma·j, karma·tana äŕa·ma i ko·sa?» A Eḿe·ľa i koṛtä ťä·nza: «véľa·fta ḿäǩi·j i vanta· koda·myška ku·dynyk». Ťe vé·ľaťć. Pravdyj, iśťa·myška äščä ku·da, pačk ńe·jä. I ľiśćť tosta· ḿińiń3u·nyń sluga·t i ćora·t i ťäχťi·ŕť i ava·t i váši śuky·ńakšnyť i eńa·lkšnyť ťä·st, suva·st kudy·ńťi. Ňeť tuśť kudy·ńťi, Eḿe·ľa iṅa·zyryń ťäχťi·ŕińť ma·ṛta. A sluga·ťńä moľe·ť kona·t iǩi·ľä, kona·t uda·la, kona·t boka·va. Suwa·śť ku·dyńťi, a to·sa potmȯ·za iśťa·myška va·ďŕa, a du·maṽä a śo·rmaduṽä jak, a·ńćik jo·ɳksca jofta·vä; váši pačk zolȯčeny, źeŕka·laťńä käɳkšyš·kat. Oza·śť syń stoľekšc, i sluga·ťńä karma·śť käɳkśńi·mist, ḿä·źi ťäst äŕä·vi śiḿi·ms jarcams. Eḿe·ľa váščˊ äśťä·nza kapstaja·m da ǵŕe·čäń ka·ša dy pećka·sa pi·ďiť ka·tťa. A iṅa·zyryń ťäχťi·ŕiś ḿeŕć: «dava·jťi mońäń ḿäźiŋk uľä váši». I Vo·spodi! ḿäźä· äšť ka·nt, aćik na·rmyń lo·fca a·raśiľ. Śiḿśť jarca·śť i meľe·zȅst pa·ra

---

какихъ нѣтъ и у царя». Вотъ царская дочь и говоритъ Емелѣ: «какъ мы теперь, кормилецъ, станемъ жить и гдѣ?» А Емеля и говоритъ ей: «обернись-ка назадъ и посмотри-ка, каковъ у насъ домъ». Та обернулась. На самомъ дѣлѣ, стоитъ такой домъ, всѣ насквозь видно. И вышли оттуда разные слуги и юноши и дѣвушки и женщины, и всѣ кланяются и просятъ ихъ, чтобы они вошли въ домъ. Они вошли въ домъ, Емеля вмѣстѣ съ царской дочерью. А слуги идутъ, которые спереди, которые сзади, которые по бокамъ. Вошли въ домъ, а тамъ внутренность его такъ хороша, что не придумаешь и не опишешь, только въ сказкѣ можно разсказать; вся насквозь позолоченная, зеркала какъ двери. Сѣли они за столъ, и слуги начали ихъ спрашивать, что имъ надо пить и ѣсть. Емеля попросилъ себѣ капустныхъ щей да гречневой каши да картофелю, испеченнаго въ печкѣ. А царская дочь сказала: «давайте мнѣ всѣ, что у васъ есть». И Господи! чего они не принесли, не было только птичьяго молока. Поѣли и поѣли и имъ (стало) пріятно, и легли отдыхать. Цар-

i maćť ojḿe·śeḿä. Iḿa·zyryń ťä·χťiŕiś avy·ľ kuvať u·dyś. Śťäś, tošna· ťä·nʒa maŕä·vä. A Eḿe·ľaza u·dä. Tošna·nʒa a ki·maṛta ko·ṛtams. I karma·ś son Eḿe·ľanʒa śťa·ftuma. Śe a śti·. «Ḿäśť śťakšnan?» — «Śťak, koṛta·tana!» — «Ḿäśť koṛta·tana? Kšy·t uľä, jarca·k śiḿť ḿäźďä χočeš, ḿäźi ťäť ä·ŕaváväšť, maksy·ť, a moń udu·mam saś. Udumam jä·vä, śesta śťan. A ńej ḿäśť śťakšnan». Äŕi·ť či, äŕi·ť ka·fta, äŕi·ť syń i god. Eḿe·ľäń jal' udu··maza aja·vä, a iḿa·zyryń ďäχťi·ŕiś či ju·taź tošna·za ja·la ṕŕiba·vä. Karma·ś son Eḿeľa laŋks ṕeńa·ćama. Vot äŕi·ť iśťa god i ka·fta. Iḿa·zyryń ďäχťi·ŕiś ja·la ḿeľa·ftä, a śe ja·la u·dä. Väśť iḿa·zyryń ďä·χťiŕiś moľć Eḿe·ľańiń i karma·ś a·vaŕďiź ťänʒa·eńa·lduma: «Śťa·k, Eḿe·ľa, ostatka·da eńa·ldan ťäť. Ťäjik ťävi·ḿ kona·ń mon ṕeľďe·t väšca·, a ḿäjľä· udy·k koda ťäť pa·ra; vä·śť kak aśťa·ftan». Ťe ṕŕanʒy käṕi·ďiźä i käǖkśńä: «Ḿä·źi ťäť?» «Ḿä·jiń pro·źba, ḿäźi ťäť äŕä·vi ťä·jims?» — «Dy vot ḿäźä: ťäχť moŕä·ńť troks säď». Te sa·lava i ḿeŕä·: «p. š. v., a moń pro·ź-

---

ская дочь спала недолго. Встала, ей кажется скучно. А ея Емеля спитъ. Не съ кѣмъ разговорить свою тоску. И начала она будить своего Емелю. Тотъ не встаетъ. «Зачѣмъ я встану?» — «Встань, поговоримъ». — «О чемъ будемъ говорить? Хлѣбъ у тебя есть, ѣшь и пей чего хочешь, чего тебѣ нужно попроси, дадутъ, а мнѣ хочется спать. Пройдетъ сонъ, тогда встану. А теперь зачѣмъ встану?» Живутъ они день, живутъ два, живутъ они и годъ. У Емели все не проходитъ его сонъ, а у царской дочери съ каждымъ днемъ все прибавляется тоска. Начала она пенять на Емелю. Вотъ живутъ они такъ годъ и два. Царская дочь все груститъ, а тотъ все спитъ. Однажды царская дочь подошла къ Емелѣ и начала со слезами просить его: «Вставай, Емеля, въ послѣдній разъ прошу тебя. Сдѣлай дѣло, которое я попрошу у тебя, а затѣмъ спи какъ тебѣ угодно; ни разу тебя не разбужу». Этотъ поднялъ голову и спрашиваетъ: «Что тебѣ? Что за просьба, что надо сдѣлать тебѣ?» — «Да вотъ что: сдѣлай мостъ черезъ море». Этотъ потихоньку и говоритъ: «по щ. в.,

basa ťäji·víźa moŕäń tro·ks śijäń säď zolóče·nyj ćeŕ vä·ľďä». I ťäjiŭś moŕäń tro·ks śi·jäń säď; zolóče·nyj ćeŕ vä·ľďä nu·ŕgä. I tuś ińa·zyryń ďä·χťiŕiś säďga·ńť guľä·jąma. A Eḿe·ľa śťä·ś i karma·ś ḿäľga·nza vannu·ma, iľa·za pra kodaja·k vä·c. Vanć vanć ḿä·ľganza; kuać a·ščiś. Iḿa·zyryń ďä·χťiŕiś veľa·fć ḿä·kij. Eḿe·ľa vancy· — äľzy· iḿazyryń ďä·χťiŕiś, i son tuji·ksyľ maďi·ḿä. Vancy·iki·ľinza lo·mań i vanä· ví·cta äzynza. Ťe väńŕťi·źä ke·ďenza, śe·jak väńŕťiźä, ťe čara·ftyźä ṕŕanza, śeja·k čara·ftyźä. Ťe i du··ḿä: «ḿä·jiń ťe loma·ń, sluga·t iśťa·tt araśť ku·cynza, ṕeť uš ama·zyj, ṕŕaza po·ndakš, a suma·ťńä prok so·nza. I poŋks pana··rynza iśťa·tt, kaŕinza jak iśťa·tt», i vanä· źeŕkala·vańť i duḿä·: «ä·ka, koda·myška ama·zyj ťe loma·ńiś, mon avyľińä ńeť kak». Ťe škańä suva·ś iḿazyryń ďäχťi·ŕiś i duḿä·: «vanta·, koda· son sy·rgaś apak śťaft», i käŭkśťi·źä: «Koda· ton, koŕma·j, śťiť? Äľä kija·k śťafty·ńzjiť?» — «Mon ḿäľga·t vany·ń». — «Mäśť va·nyť?»

а по моей просьбѣ, да сдѣлается серебряный мостъ на золоченой цѣпи черезъ море». И сдѣлался черезъ море серебряный мостъ; онъ виситъ на золоченой цѣпи. И пошла царская дочь гулять по мосту. А Емеля всталъ и началъ смотрѣть за ней, чтобы она не упала какъ-нибудь въ воду. Смотрѣлъ смотрѣлъ за ней; долго онъ стоялъ. Царская дочь вернулась назадъ. Емеля видитъ — подходитъ царская дочь и онъ пошелъ было лечь. Видитъ — передъ нимъ человѣкъ и смотритъ прямо на него. Этотъ протянулъ руку, и тотъ протянулъ. Этотъ повертѣлъ головой, и тотъ повертѣлъ. Этотъ и думаетъ: «что это за человѣкъ, слугъ такихъ нѣтъ въ его домѣ, очень ужъ онъ некрасивый, голова его лохматая, а зипунъ словно его. И штаны и рубашка такіе же, и лапти такіе же, и смотритъ въ зеркало и думаетъ: «эка, какой некрасивый этотъ человѣкъ, я бы и не смотрѣлъ на него». Въ это время вошла царская дочь и думаетъ: «смотри-ка, какъ онъ проснулся безъ того, чтобы его будили», и спросила его: «какъ ты, кормилецъ, всталъ? Или кто-нибудь тебя разбудилъ?» — «Я смотрѣлъ за то-

— «Päľiń, vany·ń avy·ľiť pra od sädińť la·ŋksta». — «A ńej ṁäśť ťä·jńat? Ṁäśť źeŕkala·styńť va·nnat?» — «Vana·n, ṁä·jiń śe loma·ń to·sa. Ṕeķ uš ama·zyj». — «Da śe ton, tońćeť čama·t tosta ńesa·k». — «Ńeuže·ľi mon išťam' ama·zyjan?» — «Da, išťa·mat». Śe·sta son i ṁeŕć ṕeķ: «p. š. v., a moń pro·źbasa, uľi·zan mon mazyj i ṕŕäv́ij»; i ťäji·ụ̈ś mazy·j, ajofta(v)u·maška mazy·j i ṕŕäv́i·j. I karma·śť äŕa·ma pa·ŕćťä. Äŕi·ť aščі·ť i vany·ť, moŕäńť la·ŋks, jaki·ť guľa·jama. V́ä ška·ńä vany·ť — sy kara·bľa. Saś sä·ďińť vaksc, moľe·ms ťä·nʒa a ko·ụ̈. Vot i ďiv́ä·, kosta ťe sädi·ś saji·ụ̈ś i ṁeŕä sluga·ncty: «ľi·śťa sä·ďińť laŋks, a·źika beŕekoụ̈ i käụ̈kśťa· tosta·, kodama ińa·zyryń ťe sädi·ś» Sluga·ś ľiść sädińť laŋks i tuś äzganʒa be·ŕekoụ̈. Saś beŕekoụ̈, a beŕe·ksėńť ašča· išťa·myśka kuda·, v́ä·śi χrusta·ľnyj. Pa·čk ńejä. Suwaś äjzy·nʒa i käụ̈kśńä: «koda·ma ińa·zyryń ťe kudy·ś», a Eṁe·ľa i ṁeŕä tä·nʒa: «a ton kija·t loma·ńiś,

---

бой?» — «Чего ты смотрѣлъ?» — «Я боялся, смотрѣлъ, чтобы ты не упала съ новаго моста». — «А теперь что ты дѣлаешь? Что ты высматриваешь въ зеркалѣ?» — «Я смотрю, что это тамъ за человѣкъ. Ужъ очень некрасивый». — «Да это ты, ты видишь оттуда твое собственное лицо». — «Неужели я такъ некрасивъ?» — «Да, ты такой». Тогда онъ и сказалъ громко: «по щучьему велѣнію, а по моей просьбѣ, пусть буду я красивый и умный», и сдѣлался красивый, несказанно красивый и умный. И стали жить хорошо. Живутъ поживаютъ и смотрятъ на море, ходятъ гулять. Однажды видятъ— подходитъ корабль. Подошелъ къ мосту, идти ему не куда. Вотъ и удивляется, откуда этотъ мостъ взялся, и говоритъ слугѣ своему: «выходи-ка на мостъ, ступай-ка на берегъ и спроси-ка тамъ, какого царя этотъ мостъ». Слуга вышелъ на мостъ и пошелъ по нему на берегъ. Пришелъ на берегъ, а на берегу находится такой большой домъ, весь хрустальный. Насквозь видно. Вошелъ въ него и спрашиваетъ: «какого царя этотъ домъ», а Емеля и говоритъ ему: «а ты кто такой за человѣкъ, откуда ты

kosta syť ťezė·ń?» — «Dy mon vot i·šťamy iń̇a·zyryń», karma·ś jofńeḿä sa·maj śe iń̇a·zyryńť ä·sa, kona· sonʒa boćka·s puty·ź̇ä. «Koų jaki·dä?» ḱäų̈ḱśńä· äsy·nʒa Eḿe·ľa. «Dy jaki·ńiḱ v́äśi carstvaťńiń vanu·ma. Pa·čkyďińik ťej, vanta·na säď, a ju·tavat. Iń̇a·zyrym kuču·ḿiḿ ťej ḱäų̈ḱśtiḿä, ḱiń ďe sädi·ś i štoby ḿiń̇i·ḱ alganʒa nolda·ų̈ľiḿiź̇». — «Mon ano·ldatadyź̇, a ḿeŕť iń̇a·zyryti, kadyḱ ťej zy». Ťe tuś ḿäkij kara·bľaų̈ i jofta·ś iń̇a·zyryncty. Iń̇a·zyryś ľiść i tuś; moľć Eḿe·ľäńiń, śukyńäś täʒa, zdoro·vakšnyś ma·ryʒa. Ťe oza·ftyź̇ä stoľe·kšc i karma·ś kava·ńamyʒa. Kava·ńiź̇ä pa·ŕćtä i karma·ś ḱäų̈ḱśńi·ḿinʒa: «kija·t, koų moľa·t, koų jaki·ť, ḿäśť jaka·t, ulïť ľi äjdï·t i źary äjdï·t». V́äśi ḱäų̈ḱśńiń̇ź̇ä. Son täʒa jala o·ťvečä: «Jakiń mastyrla·ŋga, mastyryń vannu·ma, goŕa·n juma·fńiḿä». — «Da ḿäji·ń̇ la·ŋgyzyt go·ŕa? Ton iń̇a·zyryt, v́äśiḿä tarka·t u·ľä». Ťe i ḿeŕä: «Vot koda·my go·ŕam. Uľńi·ś v́ä·χkä täχ́fi·ŕiḿ». — «Nu štoży, uľńi·ś?» — «I

пришелъ сюда?» — «Да я вотъ такого царя», началъ онъ разсказывать о томъ самомъ царѣ, который положилъ его въ бочку. «Куда ѣздили?» спрашиваетъ его Емеля. «Да мы ѣздили осматривать всѣ царства. Подошли мы сюда, видимъ мостъ, не перейдешь его. Мой царь прислалъ меня сюда спросить, чей это мостъ и чтобы насъ пустили (пройти) подъ нимъ». — «Я не пущу васъ, а скажи твоему царю, чтобы онъ пришелъ сюда». Этотъ пошелъ назадъ на корабль и сказалъ своему царю. Царь вышелъ и пошелъ; пришелъ къ Емелѣ; поклонился ему, поздоровался съ нимъ. Этотъ посадилъ его за столъ и началъ его угощать. Угостилъ хорошо и началъ спрашивать его: «кто ты, куда идешь, куда ѣздилъ, зачѣмъ ѣздишь, есть ли у тебя дѣти и сколько у тебя дѣтей?» Обо всемъ спросилъ его. Онъ ему все время отвѣчаетъ: «Я ходилъ по свѣту, осматривать свѣтъ, погубить горе свое». — «Да что за горе на тебя? Ты царь, у тебя все есть». Этотъ и говоритъ: «Вотъ каково мое горе. У меня была одна дочь». — «Ну, что же была». — «И вотъ у насъ тамъ нашелся такой дуракъ Емеля,

vot ńiiń·k tosa· mujiṷś iśta·ma dura·k Eńe·ľa, karma·ś alašaftu·ma jaka·ma, karma·ś narodèń tapa·ma. Mon ťärďi·ńä so·nʒa äśťäń». — «Son ńejga·k toń ǵeća äŕä?» — «Ara·ś, kulcynyk! Son saś mońďä·ń ṕećkala·ɣksa, i ťäχťi·ŕiń karma·ś čija·mynʒa. Ťäχťi·ŕiń karma·ś sońďänʒa moľe·ḿä. Moń kežė·n saśť. Sa·jiń dy kavyńi·st boćka·s smoľa·ftyń i moŕa·s no·ldaftyń». — «A avyl žaľť uľńišť ťäť?» — «Śe ška·ńa toròχ avyľ žaľť». — «A ńej?» — «Ńej ṕeќ žaľ ťä·χťiŕim. Vot kady·ńä väši ca·rstvam i tuji·ń śvetka·ńť goŕa·m strafńi·ḿä». — «A Eńe·ľäń ńej vanu·ṷľiќ?» — «Mä·śť vannan laɳgyzy·nʒa? Son ťäχťi·ŕiń jumaftu·ftyzä». — «A ťä·χťiŕit vanu·ṷľiќ?» — «Ko·sta va·ncak? Sonʒa lovaža·nʒa jak śńarc kaḷt säv́iź». — «A jeśľi bă a·vyľiź säv́? Jeśľi bă son ťesa u·ľiv́iľ, vanu·ṷľiќ?» — «Ješčo by a·vyľińä van. V́ä·śi paryčym maksu·ṷľińä da vanu·ṷľińä». — «Iľa·k ma·kśńä. Mon ďäť i·śťak ńefca·». Ťe praś koľe·nka la·ɳks i karma·ś eńa·lduma. Ťe saji·źä

началъ ѣздить безъ лошадей, началъ топтать народъ. Я позвалъ его къ себѣ». — «Онъ и теперь живетъ у тебя?» — «Нѣтъ, слушай! Онъ пришелъ ко мнѣ на печкѣ, и сталъ сватать мою дочь. Дочь моя начала (собираться) идти за него. Я разсердился. Взялъ да засмолилъ обоихъ въ бочку и пустилъ въ море». — «А тебѣ не было ихъ жаль?» — «Въ то время совсѣмъ не было жаль». — «А теперь?» — «Теперь очень жаль мою дочь. Вотъ я бросилъ все царство мое и пошелъ по свѣту разсѣять мое горе». — «А Емелю ты бы хотѣлъ теперь увидѣть?» — «Что я буду смотрѣть на него? Онъ погубилъ мою дочь». — «А свою дочь ты бы хотѣлъ увидѣть?» — «Гдѣ ее увидишь? И косточки ея теперь уже поѣли рыбы». — «А если бы онѣ ея не съѣли? Если бы она была здѣсь, ты бы хотѣлъ ее увидѣть?» — «Еще бы не хотѣть ее видѣть! Я отдалъ бы все имущество свое да увидалъ бы». — «Не отдавай. Я тебѣ даромъ покажу». Этотъ упалъ на колѣни и началъ упрашивать. Этотъ взялъ и показалъ ему его дочь. Онъ очень ужъ обрадовался. Отецъ и

i ńeťe·žä ťänʒa ťäχťiťi·nʒa. Son ṕeķ uš radu·vaš. Karma·šť ťäťa·t ťä·χťiṭť ava·ŕďiṁä i ṕäjďi·ṁä. Ṁäjľä ťäťäš i ķäu̯kšťiža ťäχťi·ŕińť: «Koda ton ťezė·ń godä·vit? A ko·sa še dura·kyš?» — «Dy ṁiń ťeskta·na ka·vyńiķ». — «Dy ko·sa son?» — «Da ťe sama·j son!» — «Ara·źďä ťe son?» — «Son». — «Ko·da son išťa· ťäji·u̯š?» — «Išťa· mašć». Še·sta iṅa·zyryš karma·š prošče·ńijäń väšiṁä Eṁe·ľäń ķecta. Ṁiŕä·šť, ṁä·jľi guľä·jašť ki zda·sy źarc. Ṁäjľi iṅa·zyryš tuš ku·du̯, a syń karma·šť ťe·sa äŕa·ma paŕćťä. Karma·šť pa·ra ala·šäń kiŕďiṁä i karma·šť äsy·st vežďe· aŕχńi·ṁä. Väška·ńä ardy·ť vi·ŕga i maŕa·syź viŕcy·ńť loma·ńiń va·ľgij, prok ķija·k äsy·nʒa gra·bä ä·ľä kinʒa· juma·ftyźä. Son lotka·š i kučy·žä sluga·nʒa: «Ažika· mujika·, ṁäšť son ṕi·žńä». Ťe tuš. Aŕχńiš, aŕχńi·š vi·ŕgańť, muš ka·fta lomaťť i käu̯kšńä· ä·syst: «tyń ṁä·jiń loma·ťťada?» — «Dy ṁiń, brat, pluťä·jävińik. Uḷť pary lo·mań, ľifti·ṁiź poža·lyjsta kila·χks. Ńeťť täńiķ kozė·ń ľiši·ms, koda· by ťäńi·k vača akulu·ms». Son saji·ńʒä i veťe·ńʒä azy·rynʒa vaksc.

дочь начали плакать и смѣяться. Потомъ отецъ и спросилъ дочь: «Какъ ты сюда попала?. А гдѣ тотъ дуракъ?» — «Да мы здѣсь оба». — «Да гдѣ онъ?» — «Да это самый онъ!» — «Развѣ это *онъ*?» — «Онъ». — «Какъ *онъ* сдѣлался такимъ?» — «Онъ такъ сумѣлъ». Тогда царь началъ просить прощенія у Емели. Помирились, потомъ погуляли, кто знаетъ сколько. Потомъ царь отправился домой, а они начали здѣсь хорошо жить. Начали держать хорошихъ лошадей и начали вездѣ на нихъ ѣздить. Однажды скачутъ по лѣсу и услышали въ лѣсу человѣческій голосъ, точно кто кого грабитъ или кто дорогу свою потерялъ. Онъ остановился и послалъ своего слугу. «Ступай-ка поищи-ка, чего онъ кричитъ». Этотъ пошелъ. Ѣздилъ, ѣздилъ по лѣсу, нашелъ двухъ людей и спрашиваетъ ихъ: «вы что за люди?» — «Да мы, братъ, заблудились. Будь добрымъ человѣкомъ, выведи насъ пожалуйста на дорогу. Покажи намъ, куда выйти, какъ бы намъ не помереть голодными». Онъ взялъ и повелъ ихъ къ своему

Azy·ryś va·nä laŋgy·zyst i sodė·ńʒä ka·vyńist. I karma·ś äsy·st käu̯kśńi·mä. «Tyń ko·stėńťada? Mä·śť tija jaka·tada?» — «Miń vasy·ldyńťana. Miń jofta·syńik, mäśť tija· jaka·tana i kiť miń loma·ťńä. Miń muži·kťana. Mi·ńik äjsta uĺńi·śť ťri bra·ta. Ťäťa·nyk ava·nyk mińi·k ka·vyńik urva·kstyĺiź, a kolmȯćeś uĺńi·ś šedi od i peĺeṕräu̯. Son išťa·k kadu·u̯ś. I äŕä·ś vä·χca ma·rynyk. Miń jaki·ńik väṕe·ĺej robȯta·kšnuma, a son äŕćiś ava·ťńä ma·ṛta vä·χca ku·ca. Vä ška·ńä miń tuji·ńik robȯta·kšnuma, a son kadu·u̯ś kuc. Pa·s sodä, mäśť son ťä·jńiś, buta viŕi·j alašaftu·ma nu·rcy jakśi·ś, da narod tapa·ś. Ińa·zyryś äšťä·nʒa ťä·ŕdiźä šeńġi·s. A son by·ta pećkalaŋksa tou̯ moĺć. Miń syńik kudu·u̯. Vanta·na, son ara·ś. Käu̯kśńi·ťana a·vaťńiń ġe·cta: «kosa son?» Syń mere·ť: «išťa· išťa·, so·nʒa ińa·zyr saji·źä». Mo·ĺeńek tou̯. Tou̯ äźi·miź nolda, a meŕćť ťäńi·k, bu·ta so·nʒa boćka·sa moŕa·s noldė·ź. Voť miń i tuji·ńik väšńi·minga. Merďa·na: žyu̯sta ä·ĺä ku·ly̯sta musy·ńik. Jaki·ńik, jaki·ńik, äź mu·jiu̯. Mińć ka·k va·ča juma·kšnyńik vi·ŕc, paśi·ba

---

хозяину. Хозяинъ смотритъ на нихъ и узналъ обоихъ. И началъ ихъ спрашивать. «Вы откуда? Зачѣмъ вы здѣсь ходите?» — «Мы издалека. Мы разскажемъ, зачѣмъ мы здѣсь ходимъ и кто мы такіе. Мы мужики. Насъ было три брата. Отецъ и мать поженили насъ обоихъ, а третій былъ помоложе и полоумный. Онъ остался холостымъ. И жилъ вмѣстѣ съ нами. Мы ходили работать на сторону, а онъ жилъ вмѣстѣ съ женщинами въ домѣ. Однажды мы пошли работать, а онъ остался дома. Богъ знаетъ, что онъ сдѣлалъ: ѣздилъ будто онъ въ лѣсъ на саняхъ безъ лошади и потопталъ народъ. Царь позвалъ его за это къ себѣ. А онъ будто пошелъ туда на печкѣ. Мы пришли домой. Видимъ, его нѣтъ. Спрашиваемъ у женщинъ: «гдѣ онъ?». Онѣ говорятъ: «такъ и такъ, его взялъ царь». Мы пошли туда. Туда насъ не не пустили, а сказали намъ, будто его пустили въ бочкѣ въ море. Вотъ мы и пошли искать его. Говоримъ, найдемъ его живымъ или мертвымъ. Ходили, ходили, не нашли. И сами мы погибли было въ лѣсу голодными, спасибо вотъ этому доброму человѣку. Онъ

va·na ťe pa·ra loma·ńiń'ťi. Son ńiń'i·ǩ muji·ńiź i l'iť'i·ńiź». — «A vanu·ɳl'iŋǩ bra·tyŋk?» — «Eššo by avy·l'ińiǩ van! Ćaj mo·da-sta targa·ɳl'ińiǩ da vanu·ɳl'ińiǩ». — «Tyk vot vany·da, ťe sa·maj mon bratyŋk Eńe·l'a». Ńeť akä·ńiť ä·synza: «Mińi·ǩ braty·nyk avy·l' iśta·ma». — «Dy sa·maj mon». — «Avyl'!» — «Tyŋk bra-tyŋk ṕŕiḿita·za uĺńi·ś koda·myjak?» — «Uĺńiś!» — «Ko·dama?» — «Ǩä·ŕč ke·cénza pazyń ďešks». Son sa·jiźä, šta·ftyźä käŕč ke·ďenza i ńefťeźä pazyń ťekšsèńť. Va·ncyź, pra·vdy son. Praśť iki·l'inza koľe·nkala·ŋksa i karma·śť radu·vaź iki·l'inza raŋgu·ma i ava·ŕ-ďińä. Son saji·ńžä ä·śťänza kaŕe·tas i murda·ś ma·ryst ńäkij kudu·ɳ i sra·dyśť i karma·śť tosa· guľä·jama. Guľäjäśť peǩ, ťäŕχńi·śť loma·ťť. Mon ga·k to·sa uĺńi·ń, ńäťťä vina·da šińiń, usyn la·ŋga čuďi·śť, nu kurgy·zyn äź pe·ťńä jak. Syń karma·śť äŕa·ma vä·χca. Äŕa·myst tuś va·ďrasta. Son ťä·st ťäjiŕć od gu·da, — va·ďŕa ku-dyś, nu avy·l' sońće·keńť końďa·ma, alamy·da šeďi beŕä·ń. Äŕä·śť ťäjśť bra·tynza i tošna·ńćť. Karma·śť ṕrast ä·jsa provožä·ftuma

---

насъ нашелъ и вывелъ». — «А хотѣли ли бы вы видѣть вашего брата?» — «Еще бы мы не хотѣли его видѣть! Чай, изъ земли бы вытащили да увидали». — «Такъ вотъ смотрите: я этотъ самый братъ вашъ Емеля». Тѣ не вѣрятъ ему: «Нашъ братъ не таковъ». — «Да я самый». — «Нѣтъ!» — «У брата вашего была ли какая примѣтина?» — «Была!» — «Какая?» — «На лѣвой рукѣ родинка». Онъ взялъ, открылъ лѣвую руку и показалъ родинку. Видятъ, вправду онъ. Пали предъ нимъ на колѣни и начали радуясь вопить и плакать передъ нимъ. Онъ взялъ ихъ къ себѣ въ карету и вернулся съ ними назадъ домой, и отъ радости они начали тамъ гулять. Гуляли много, сзывали людей. И я тамъ былъ, меду и вина пилъ, по моимъ усамъ текло, но въ ротъ не капнуло. Они начали жить вмѣстѣ. Жизнь ихъ пошла хорошо. Онъ выстроилъ имъ новый домъ,—хорошій домъ, но не сходный съ собственнымъ, а немного похуже. Пожили его братья и соскучились. Начали собираться домой. Емеля и говоритъ: «Да куда вы

kudu·ų. Eḿe·ľä i ḿeŕä: «Dy koų kudu·ų moľďa·da? Ťesk kak ku·dyŋk ṕeḱ vaďŕa·, ḿä·źiŋk asa·tnä?» — «Ko·da ḿäźinyk asa·tnä? Ćaj zoda·sak, kuca· koźa·jkanyk ḿeľa·fcaḿiź. Moľďa·na soda·fcyńiḱ i jofta·tana ťäst, šty ton žyva·t i äŕa·t ṕeḱ pa·ŕćťä». — «Aŕa·da ťesk! Mon ano·ldatadyź». A sońć sa·lava kučć koźa·jkast ḿä·ľga loma·ťť. Ńeť ťe·sa ḿeľa·ftyť, a ńesėź boľšė baba·st. A baba·st ava·ŕďiť, ḿiŕďi·st juma·šť. Druk sašť ťä·st lo·maťť Eḿe·ľäń beľďä i koṛtė·ť: «Syrga·da, ḿiń ḿäľga·ŋk syńi·k». Ńeť käüḱśńiť: «Koų?» — «Aďa·dy koų uksta·dyź». Neť ńesė·ź, šty loma·ťńä iña·zyryń beľďä, karma·šť lajšiḿä. Nu, syrga·ms syrga·šť. Ńeť saji·ź i tu·šť mary·st. Moľćť moľćť kua·ť ľi kury·k ľi. Kury·k jo·ųksėś jofńe·vä, da avy·ľ ku·ryk ťävi·ś ťäji·vä. Väχki va·lćkista Eḿe·ľäń bra·tynza šťäšť i koṛtė·ť: «Aďa·, brat, tošna·nyk χyť strafńi·syńik». Aćik ľišćť, vany·ť säďga·ńť kiť ďidä syť. Karma·šť učuma. Ńeť sašť mala·ų. Vany·ť i šäľḿi·st tu·rtuų akä·ḿiť. Saśť synct kavyńi·st baba·st. Syńć syť, syńć a·vaŕďiť.

пойдете домой? И здѣсь у васъ хорошій домъ, чего вамъ недостаетъ?» — «Какъ чего намъ недостаетъ? Чай, ты знаешь, дома тоскуютъ по насъ жены. Пойдемъ навѣстимъ ихъ и скажемъ имъ, что ты живъ и живешь очень хорошо». — «Живите здѣсь! Я васъ не пущу». А самъ онъ тайно послалъ людей за ихъ женами. Они здѣсь грустятъ, не увидятъ больше своихъ бабъ. А бабы ихъ плачутъ, — погибли ихъ мужья. Вдругъ приходятъ къ нимъ люди со стороны Емели и говорятъ: «Собирайтесь, мы пришли за вами». Эти спрашиваютъ: «Куда?» — «Ступайте, куда мы васъ повеземъ». Эти увидѣли, что тѣ люди отъ царя, и стали вопить. Но собраться собрались. Эти взяли ихъ, и пошли съ ними. Шли шли долго ли скоро ли. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Въ одно утро братья Емели встали и говорятъ: «Иди, братъ, хоть тоску нашу разсѣемъ». Только лишь вышли, видятъ по лѣсу кто-то идетъ. Начали ждать. Эти подошли ближе. Видятъ и не вѣрятъ своимъ глазамъ. Пришли обѣ ихъ жены. Сами идутъ, сами плачутъ. Повстрѣчали ихъ мужья, мужья обра-

Ka·rčuvastyź ḿirďi·st, ḿirχńä radu·vaśt, a baba·st tanda·ćt, duḿi·t synct kak Eḿe·ľa la·ca vä́ši ḿirďińi·k boćka·sa moŕa·s joŕa·syź. Nu ḿirχńä karma·śt laći·ḿist. «Mäśt lajši·ťada? Miń ťesa· karma·tana äŕa·ma. Bratynyk kak ťesa äŕä. Son ťesa· ińa·zyrks». I karma·śt äŕa·ma väχca. Äŕäśt äŕäśt, Eḿe·ľäń batka·za syŕi·ć i ťäŕďi·ffiźä äśťä·nza. I ara·ftyźä tarka·zynza. «Nu, ćora·m, äŕak moń ta·rkasa, kiŕť naro·dėńť ä·sa», a naro·dėńťi ṕŕikaza·ś: «Vot mäśt, kulcy·nyda soda·mym äsa iśťa, koda moń ä·sa kulcy·nyďä». I sońć ḿäjľä· kury·ksta kuly·ś, a Eḿe·ľa kaduų́ś tarka·zynza ińa·zyrks, a braty·nza kadu·ų́śt äŕa·ma tosk i kiŕďi·t ka·vuńist vä·χca śe ma·styryńť ä·sa i vä́ši ńej äŕi·t ṕek uća·skaų́sta.

Jouks.

Äŕäśt ašt aťa·t baba·t. Äjďi·st kakšy·st ara·šiľt. Aťa·ś tuś soka·ma, baba·ś karma·ś čeų́ksė·ń la·znyma, käŕi·źä ṕeľka·nza,

---

довались, а ихъ бабы испугались, думаютъ, что и ихъ, какъ Емелю, съ мужьями бросятъ всѣхъ въ бочкѣ въ море. Ну, мужья стали ихъ утѣшать. «Отчего вы вопите? Мы будемъ здѣсь жить. И нашъ братъ здѣсь живетъ. Онъ здѣсь царемъ». И начали жить вмѣстѣ. Жили жили, Емелинъ тесть состарился и позвалъ его (Емелю) къ себѣ. И поставилъ его на свое мѣсто. «Ну, сынъ мой, живи на моемъ мѣстѣ, держи народъ»; а народу онъ приказалъ: «Вотъ что, слушайте моего зятя такъ, какъ вы слушали меня». И самъ онъ вскорѣ померъ, а Емеля остался царемъ на его мѣсто, а братья его остались жить тамъ, и вдвоемъ держатъ вмѣстѣ ту землю, и всѣ живутъ теперь очень счастливо.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. Дѣтей у нихъ не было. Старикъ пошелъ пахать, старуха начала колоть лучину, обрѣзала себѣ

puty·źä ṕeču·rkas, karma·ś pačalkśiń ṕići·ńä. V́ä·ʒkä pačalkśä ṕidï·ś aťä·ńti, ombò·ćä ṕidï·ś babańti. Ṕeľka·ś koṛtä· ṕečurka·sa: «a mońä·ń, ava·j, ḿäźä· ṕiďa·t?» Baba·ś karma·ś v́ä·šńiḿä: «Ḱi śäjŕä· ava·j mońä·ń, uľi·za moń son ćora·m». Tagy· karma·ś pača·lkśiń ṕićiḿä, ťeń aťäńti, a ťeń baba·ńti. Taga· ṕeľka·ś śäŕ-ǵi·ć: «Ava·j, mońďä·ń ḿäźä?» Potò·m baba·ś muji·źä käŕa·f ṕelka·nza. So·n ṕečurka·sa aščä· ćo·ieńeks. «Ava·j», ḿeŕć baba·ńti: «vod mon uľa·n tyŋk ćora·ŋk. Vot ńej moľa·n, pača·lkśiť kanda·n ťätä·ńiń soka·ma tarka·s». Baba·ś vačka·ś śi·śiń pača·lkśiť, puć ḿe·šėkkes, kučy·źä kandy·ma aťä·ńti pača·lkśiń so·kama ta·rkas. Kandyńʒä pača·lkśiťńiń aťäńti so·kama ta·rkas. Aťä·ś i ḿe·ŕć: «Ko·sta toń V́eŕepa·zyś mońďä·ń kučyńʒiť?» — «Kuči·ḿiḿ moń ava·m, toń koźa·jkat: käŕi·źä pokš ṕe·ľkanza, puty·źä ṕe·čurkas, i mon ťäjiv́iń ćo·rėńeks. Son i ḿeŕć mońďäń: aźä, ćoram, pača·lkśiń ga·ndyma tońä·ť ťäťäńiń». Jutä· ki·javańť bo·jar. Ćorė·ńeś

большой палецъ, положила его въ печурку, начала печь блины. Одинъ блинъ испекла старику, другой испекла старухѣ. Палецъ говоритъ въ печуркѣ: — «а мнѣ, матушка, что испечешь?» Старуха стала искать: «Кто кричитъ мнѣ матушка, да будетъ онъ моимъ сыномъ». Опять начала печь блины — этотъ старику, а этотъ старухѣ. Опять палецъ крикнулъ: «Матушка, мнѣ что?» Потомъ старуха нашла отрѣзанный свой палецъ. Онъ сидитъ въ печуркѣ какъ мальчикъ. «Матушка», говоритъ онъ въ печуркѣ: «вотъ я буду вашимъ сыномъ. Вотъ теперь я пойду, отнесу блины батюшкѣ на мѣсто пашни». Старуха наложила семь блиновъ, положила ихъ въ мѣшокъ, послала его отнести старику блины на мѣсто пашни. Принесъ онъ блины старику на мѣсто пашни. Старикъ и говоритъ: «Откуда тебя Всевышній ко мнѣ прислалъ?» — «Меня прислала мать моя, твоя жена: она обрѣзала свой большой палецъ, положила его въ печурку, и я сдѣлался мальчикомъ. Она и сказала мнѣ: ступай сынъ мой, отнеси блины тебѣ, моему батюшкѣ». По дорогѣ проходилъ баринъ. Мальчикъ сказалъ: «Я по-

ńeŕć: «Boja·ryńť mon dra·źńińä; boja·ryś ńejeńeń; moń ńijimak bojaryńťi». Aťäś ńiji·źä boja·ryńťi. Boja·ryś maksć ńiľä valkst jarńa·k aťäńťi. Aťä·ś maksyźä ṕe·ľka ćorėńeńť bojary·ńťi. Boja·ryś saji·źä jarma·k sundyky·zyŋza, ṕe·kstėźä ćorė·ńeńť. Sundykisyńť ćorė·ńeś ašči·ś źa·rc tosta· mu·ś buraŋńä. Sundykyńť ṕeľe·źä i vaŕavańť jarmaky·nza boja·ryńť kajśi·ńžä i sońć ľišć vaŕa·ŵańť. Jarma·kynza boja·ryńť purny·ńžä i ťäťanctyj kandy·ńžä ćoŕė·ńeś, i karma·śť äŕa·ma i ašči·ńä, i ńejga·k äŕi·ť i äŕći·ť i äŕi·ť i ašči·ť.

Записано отъ крестьянина 30 лѣтъ.

Jo̯ks.

Śedïki·ľä Tro·šėńkań ro·cta uľńi·ś ŵä·ẏ́ki ćo·ra. Ťaťa·nza avanza kuly·śť, a son ka·duŋś käŵä·ťijä go·ca. Äŕi·ś śka·mynza i jarma·kynza uľi·ť i śury·za uľä· i ŵäśi pary·čiza uľä·, muśki·ćaza čovė·ćaza ara·ś. Äŕä·ś iśťa· son kolmy gott i duma·ś uŕvakstuma, da ta·gy ṕeľä·, gu·ľkaza ṕek pokš; du·ńä: «koda·k u·ŕvakstan fyjä·ťca i ku·lä». Ḿeľa·ftä. Ŵä škańä tuś ŵiŕij, käŕä·ś ṕäŋk i syrga·ś ńäki·j kudu·u̯. A ala·šyńiza uľńi·ś ḃeŕäń, ḃe·ŕäń e·ľďeńä. Son i du·ńä: «Ḿäśť, varča·sa ťe e·ľďeńť. Son ṕek ḃeŕäń,

---

дразнилъ барина; баринъ меня видѣлъ; продай меня барину». Старикъ продалъ его барину. Баринъ далъ старику четыре рубля денегъ. Старикъ отдалъ мальчика-пальчика барину. Баринъ взялъ, въ свой денежный сундукъ заперъ мальчика. Мальчикъ немного сидѣлъ въ сундукѣ, нашелъ буравчикъ. Онъ пробуравилъ сундукъ и въ дыру побросалъ деньги барина, и самъ вышелъ въ дыру. Мальчикъ собралъ деньги барина и принесъ ихъ отцу своему, и стали жить и поживать, и теперь также живутъ и поживаютъ, живутъ и поживаютъ.

---

nu ala·ša. Bʹidʹi son ćiďa·rdä, to para avaja·k ćiďa·rdä, a bidʹi son aći·ďardä, šesta avaja·k aći·ďardä. Kuść pe·ŕetkalaŋks i karma·ś joksta·ma. Koda·k jo·kstèźä, ala·šaś praś iki·ľćä piľgilaŋks, a sonʒa· uš šädʹi·jza äź gíŕt i karma·ś ńeŕge·mä. Ńeŕkś, ńeŕkś, valkś. Vanä·, ala·šaza ku·lyś, i duḿä·: «nu, au·ŕvakstan». Saś kudu·u̯ i kińińga·k äź jo·ŕnä i karma·ś äŕa·my śka·mynʒa. Ä́ŕä· god, kafty, kolma, au·ŕvakstä; käu̯kśńi·ť, ḿäks, a jo·ŕtä. Vä škańä moľć syŕipaťä·ncty. Syŕipa·ťaza kavańiźä, śiḿdʹi·źä ví·nada; ala·myń a·lamyń śiḿdʹi·źä pek. Son iŕi·ć. Ťe i karma·ś äsynʒa käu̯kśńi·ḿä: «Ḿä·ks ton au·ŕvakstat, Dʹŕi·ga, koda išťa· škamy·t äŕa·t? Paryt uľä, a kudyju·rcèt avalomań ara·ś. Uŕva·kst, ťäví·t lučšy uľä·».— «Mon uŕva·kstuu̯liń, paťä·j, da mońďä·ń ńeľźa urva·kstums». — «Da ḿäks, jala·kskiḿ?» — «I·śťak». — «Naťˊ, avy·ľ išťak; ḿäks kak, da uš uľä». — «I·śťak». — Paťä·ś faťä·ś, ḿäks son ajoftä, karma·ś taga· ŕina·da śiḿďa·mynʒa. Śiḿdʹi·źä pek i tagy karmaś käu̯kśńiḿinʒa. «Da ḿäks ton, jala·kskiḿ, ajo·ftat? Ćaj mon ťäťˊ avyľ čužy·jan; kińińga·k ajo·ftan źŕa, a možy ḿäźija·k ťäťˊ pary ťä·jan; možy guľka·t ama·štuv́ä ḿäks ka·k?» — «To·ta, paťäj, ama·štuv́ä». — «Da ḿäks ama·štuv́ä? ḿä·źiźa amaštuv́ä? Jo·ftek, ľeća·syńik mo·ža». — «Dy ko·da ľeća·syńik, paťäj, jo·ftams ťäťˊ ví·cta, lakśi·syńik štoľä?» — «Da ḿäks äŕa·vä lakśi·ms?» — «Dy vot ḿäks: pek pokš».—«Vot ešćo dʹi·vaś, tońďä·ť pokš, a ava·ťńińiń pek pa·ra». — «To·ta, avyľ pa·ra». — «Dy ton varčńik štoľä?» — «Varčńi·ms äźi·ńä varčńä·, dy soda·ms soda·sa». — «Ḿäźijak ton azda·t! Ton va·rčika; požalèj, ešče ḿe·ŕeťˊ — víški·ńä». — «Ara·ś, paťä·j; jofta·ms ťäťˊ vícta, mon varčńi·ńä».—«Nu ḿäjľä ḿä·śť, kiń varčńiťˊ». — «Dy ḿäśť, ḿäśť, dy kiń varčńi·ń?!» — «Dy ḿäks ajo·ftat, jofta·k; moža loma·ńiś uľńi·ś beŕäń». — «Dy uš kyda jofta·ms ťäťˊ pravda·sta, ton sodèľek kaŕej e·ľdʹeńeḿ?» — «Sodè·ľeńä, ḿäźi ḿä·jľä?» — «Dy vot ḿä·źi; uľńi·ń mon ví·ŕca i duḿiń; ala·šaś víďä uľńiś beŕä·ń; mon i duma·n: bidʹi ťe e·ľdʹeńeś aku·lä, to i para ava· ćiďa·rdä, a bidʹi ťe aći·ďardä, śe·sta kodamyja·k a·va aći·ďardä». — «A ḿä·jľä?» — «Dy ḿäjľä vot ḿäśť: kuźi·ń laŋgyzy·nʒa, to·ŋgeńä, son praś; äŕa·vyľ ťäń valgu·ms, a mon ä·źiń

valk; ńeŕge·ń, ńeŕge·ń, ala·šam ku·lyś. Vot mon ńäks i au·ŕvakstan». — «Eka, źa·ryška glupy·śtiś äsyt. Nu vot, mon ńäśť ťäť ńeŕan: ton saji·k i oŋkstė·k ľäŋǵi·ńisa kualmynza kolmókśť i ńä·jľä śe ľäŋǵi·ńińť ma·ŗta aźa· karava·c i vant kona·ń uda·lksyza śedî kä·ľij. Śeń uda·lksynza i oŋkstėk pukšyla·ŋga mokló·ška vic. Kona·ńiń ľäŋǵi·ńit kadu·vä, śeń iľa·k saj, a ko·nańiń ľäŋǵi·ńit asa·tä, śeńe·ń i gulkat ka·k asa·tä».—Ćora·ś o·ŋkstėźä i tuś karava·dga jaka·ma. Oŋkśńe·ś, oŋkśńe·ś, jala ľäŋǵi·ńiza ľi·šnyj; moľć vä·χki ťä·χťiŕ vakse, karma·ś šutka·sa oŋkśńeńenza ľäŋǵi·ńiza äź sa·tytt. Saś i jofńä· syŕipaťa·nctyj: «Muji·ń, syŕipaťäj; ľäŋǵińiń kak äź za·tytt peľva·ksyška; nu tolko peķ śupavyń; son amo·ľä mońď·äń». — «Wot, amo·ľä—moľä·». — «Moža i moľe·veľ da ama·kscyź». — «Makscy·ź, iľa· ńeľa·ft; mońć moľa·n čija·ma i čija·sa». Moľć čija·mynza. Vaśńä· äśť makst i malauga·k äśť no·lda. Lu·ďińźä la·ďińźä, ma·ksyź, či·jiź. Ḿä·jľä ťä·jśť sva·ďba i karma·śť äŕa·ma. Äŕiť ńe·ďľa, äŕi·ť kafta, äŕi·ť i peľgo·d. No Ďŕiga· atokšä ä·synza. Te uči·ś, uči·ś, dy i korťä vä ška·ńä Ďŕi·gańiń: «Ďŕiga, dy ton ńäks saji·ńik?» — «Ḿäks? Dy ved ńä·ks? Ko·da ńä·ks? Wot muśka·t čova·t, panar ťäń stat, kši pańa·t, nuji·ńä maryn moľa·t, pifcu·ma karma·t. A ńäźi ťäť ešco äŕa·vä?» — «Ko·da ńä·źä? Ara·źdä ton azda·sak ńäźä? Ćaj soda·sak ńäźńiń urva·kśńiť loma·ťńä. Äŕi·ť, avyľ anćik ja·la robótè·t. Robò·taź ťäť äχť ana·žuvaviť, a syŕi·dîma ma·štyma pelej ki karḿä ńäľga·t jaka·ma, ki ťäť śiḿi·ms maksä·, ki kudyt uścy·, ki odbiŋksta pŕat ča·ŗśisy? Dy kula·t čavy kuc, kalma·ms aki·ńiń uľä·, varča·myt kak kijak asy·. Kak χočeś, Ďŕiga, mon iśťa· äŕa·ma aka·rman. Bîdî χočeś paŕćti äŕa·ma, äŕa·k, a bîdî aka·rmat, to mon tuja·n äśtyt». — «Eχ, baba·, mon äŕaŋľiń». — «Dy ńäks e·na? Nať, toń ama·štuvä?» — «To·ta ama·štuvä». — «Da ńäks ama·štuvä?» — «Dy wot ńäks. Ton pomńa·sak ńińiń kaŕej e·ľďeńeńť?» — «Dy mońďä·ń ńä·źi e·ľďeńet?» — «Dy ton kulcy·nyk! Son uľńi·ś veť s norovom. Nu, mon vačkiń laŋgyzy·nza ka·tfa voz i san kudu·ŗ. Son to lotkä·, to nocko·ftä. Nockofńeś, nockofńeś iśťa·, śeŕďeškam śi·ńdiźä. Ḿäśť ťä·jńims ťäń? Čaryń, čary·ń, jok-

sta·ms aṁä·źä. Sa·jiṅä, dy ču·ramym jokstė·ṅä. Karṁiṅ ala·šäṅ pa·ṅiṁä. Son to nocko·ftä, to lotkä·. Moṅďä·ṅ ṕeḱ maŕä·ś. Ḱežė·n zaśť; koda·k zadlaŋga äškiṅä ku·laksa son prokľe·tėṅ, kodak pśtić dy ṽicta moṅ gulkaṕŕala·ŋga. Iśťä·k i čapaṅť ṽiďga ṕŕäṅť śe·źeźä. Vot ńej ṁäśť χočyš, ńeṅ i ťäjṅi·ḱ». — «Dy moža ṕŕaftu·majak ťäu̯s tujä·! Dava·j varča·syṅiḱ». — «Nuža·za ṁäźä? dava·j varča·syṅiḱ». — I karma·śť varčṅi·ṁiŋga. Varčiź ṽäśť, kau̯kśť i ko·lmokśť. Ava·ṅť ṁeľc tuś, a ćoŕa·ṅť i vou̯śi. Ḿä·jľä ťävi·ś kyda tuś paŕćťä·, ava·ś i ṁeŕä·: «Dŕiga? Ṕŕäś ćaj uľṅiś surkaftyṅ kuva·lmyza?» — «E·na ṁäźä? Uľṅi·ś». — «Eχ, modava·ŕaṅť pačk tuji·za, ńej uľiṽiľďä·ŕä kafty kolmasurda kua·ka lučšy. Paryčiś kak ṽäśi juma·vyľ i to ńekak lučšy. A to ńej krajga· jo·zä i tovȯ·lga jozä·, a prok ṁäźi bidï eščo tovȯ·lou̯ asa·tä». Śe·sta Dŕiga· karma·ś käṁi·ṁä syŕi paťancty, a babaza kuluma·zyŋga äŕďï·kśṅiś śe kaŕe·j e·lďeńeńť.

Б. Сухой Карбулакъ.

Сеене.

Пекеясь [1])—лангиясь сеенесь, тусь вирий укштуруў леўксэяма. Мольць пекшени алуў и мере: «пекшени а пекшени, нолдамака леўксэяма!» Пекшенесь мере: «пры лопенемь, цавуви леўкскет». Мольць сеенесь тумини алуў и мере: «тумини а тумини, нолдамака леўксэяма!» — «Пры сэренемь, цавуви леўкскет». Тусь сеенесь. Мольць-мольць, мусь кудыне, — ундыкски стяфтызи, палакски вельтези.—«Кудыни а кудыни, нолдамака леўксэяма!» Кудынись мере: «сувак, леўксэяк». Сувась сеенесь, колмы леўкскеть леўксэясь. Ащись-ащись сеенесь леўкскетьнень вакссa, пекенезы вачсь. Сон и мери леўкскетьненень: «ащиды, эйдякай, молян чейга-чейга якама, чей умарьды ярцамы, кельми ветьты симиме; ве потесэньть

1) И «пекиясь».

Козочка.

Заягнилась козочка, пошла объягниться въ кленовый лѣсъ. Пришла подъ липочку и говоритъ: «липочка, липочка, пусти-ка меня объягниться!» Липочка отвѣчаетъ: «упадетъ мой листокъ, убьется твой козленокъ». Пришла козочка подъ дубокъ и говоритъ: «дубокъ, дубокъ, пусти-ка меня объягниться»!—«Упадетъ мой желудóкъ, убьется твой козленокъ». Пошла козочка. Шла, шла, нашла домикъ, — пустое деревце его поставило, крапивка покрыла. — «Домикъ, домикъ, пусти-ка меня объягниться!» Домикъ отвѣчаетъ: «входи, объягнись». Вошла козочка, объягнилась тремя козлятами. Побыла, побыла козочка около козлятъ, животикъ ея проголодался. Она и говоритъ козлятамъ: «оставайтесь, дѣтки, я пойду походить по камышамъ, поѣсть камышевыхъ плодовъ, попить холод-

ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакумкасын цей умарьть». Аньцяк тусь сеенесь, сась покш кургы офтэсь и кармась морама:

«паньчт, эйкай! баньчт, эйкай! цейга-чейга якавинь, цей умарьды ярцавинь, кельми ветьты симивинь; ве потесэньть ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакумкасын цей умарьть». Маризь зея леўкскетьни, паньчсть. Офтэсь капудизи ве сея леўкскеньть, тусь мартынза. Сась сеенесь, кармась морама: «паньчт, эйкай! баньчт, эйкай! чейга-чейга якавинь, цей умарьды ярцавинь, гельми ветьты симивинь, ве потесэньть ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакумкасын цей умарьть». Паньчсть сея леўкскетьне. Сеенесь мере: «мекс аньцяк каўнингкь?» — «Авакай, закшнысь покш кургы офтэсь и колмоцень залыза». Кармась омбоцеды сыргамы сеенесь, леўкскетьненень мере: «ваныды, покш кургы офтэньтень иляды

ной воды; въ одной титькѣ принесу масло, въ другой молочко, въ поясномъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Только ушла козочка, пришелъ медвѣдь большой ротъ и началъ пѣть: «отопри, дитятко! отопри, дитятко! я находилась по камышамъ, накушалась камышевыхъ плодовъ, напилась холодной воды; въ одной титькѣ несу масло, въ другой молочко, въ поясномъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Услышали козлята, отперли. Медвѣдь схватилъ одного козленка, ушелъ съ нимъ. Пришла козочка, начала пѣть: «отопри, дитятко! отопри, дитятко! я находилась по камышамъ, накушалась камышевыхъ плодовъ, напилась холодной воды; въ одной титькѣ несу масло, въ другой молочко, а въ поясномъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Отперли козлята. Козочка спрашиваетъ: «отчего васъ только двое?» — «Матушка, приходилъ медвѣдь большой ротъ и утащилъ третьяго». Козочка стала собираться во второй разъ; говоритъ козлятамъ: «смотрите, не

паньчт! сонзы вайгилизы эчки, а монь цувине». Тусь сеенесь. Сась покш кургы офтэсь и кармась морама: «паньчт, эйкай! баньчт, эйкай! цейга-чейга якавинь, цей умарьды ярцавинь, кельми ветьты симивинь, ве потесэньть ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакумкасын цей умарьть». Маризь зея леўкскетьни и мереть: «афкань вайгильнизы чувининни, а тонь эчке; тон бокш кургы офтат, а паньчтана теть». Тусь офтэсь кузьницькаў, ца(в)уфтызи чувинисты келензы и тагы сась. Кармась офтэсь чувинисты морама; сея леўкскетьни маняўсть и паньчсть. Капуць офтэсь сея леўкски, тусь мартынза. Сась сеенесь. — «Паньчт, эйкай! баньчт, эйкай! цейга-чейга якавинь, цей умарьды ярцавинь, гельми ветьты симивинь, ве потесэньть ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакумкасын цей умарьть». Паньчсь сея леўкскесь. — «Мекс ськамут?» — «Авакай, закшнысь покш кургы офтэсь, ищо ве леўкс салась». Кармась сеенесь сыргамы колмоцеды, комафтызи кадувикс леўк-

---

отпирайте медвѣдю большому рту! голосъ его грубый, а мой тоненькій». Ушла козочка. Пришелъ медвѣдь большой ротъ и началъ пѣть: «отопри, дитятко! отопри, дитятко! я находилась по камышамъ, накушалась камышевыхъ плодовъ, напилась холодной воды, въ одной титькѣ несу масло, въ другой молочко, а въ поясномъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Услышали козлята и говорятъ: «у нашей матери голосъ тоненькій, а твой грубый; ты медвѣдь большой ротъ, мы тебѣ не отопремъ». Пошелъ медвѣдь въ кузницу, отбилъ тоненько свой языкъ и пришелъ опять. Медвѣдь началъ пѣть тоненько; козлята обманулись и отперли. Схватилъ медвѣдь козлёнка и пошелъ съ нимъ. Пришла козочка.—«Отопри, дитятко! отопри, дитятко! я находилась по камышамъ, накушалась камышевыхъ плодовъ, напилась холодной воды, въ одной титькѣ несу масло, въ другой молочко, въ поясномъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Отперъ козлёнокъ. — «Отчего ты одинъ?» — «Матушка, приходилъ медвѣдь большой ротъ, утащилъ еще одного козлёнка». Козочка начала собираться въ третій разъ, положила

скеньть чакш алуў и мери тенsа: «кишинь гак ия паньчт; бути мон зан, мон моньць как суван». Тусь сеенесь. Сась покш кургы офтэсь, морась-морась, а паньци сея леўкскесь. Мусь офтэсь варини, ёкстэзи варининьтинь перенsы и кармась пижниме: «пря, кельктъ, кельктъ, кельктъ; пря, кельктъ, кельктъ, кельктъ, кельктъ». Прясь кельксь.— «Пеки, кельктъ, кельктъ, кельктъ; пеки, кельктъ, кельктъ, кельктъ». Пекесь как кельксь.— «Мукур, гельктъ, кельктъ, кельктъ; мукур, гельктъ, кельктъ, кельктъ». Мукурысь как кельксь. Сэвези офтэсь колмоцекс сея леўкскеньть как. Сась сеенесь, колмоци леўкскесь как арась. Уштызи сеенесь кудынинъть писта; жарт тейсь ламы и кандынъsи жартнынь буяракс. Тусь офтэньть гостекс терьдеманsа. — «Офтэни, а офтэни, адя моньдянь гостекс, мон ламы сряпаинь!» Офтэсь вечкези таньтийсты ярцамуньть, сон радувась, шты сеенесь терьди эйсэнsа. Ветези сеенесь офтэньть жар марты буяракынъть чирис и мере: «дай скокаттяны те буяракыньть велькска».—«Мон а скокадиван», мери офтэсь.—«Тень велькска

оставшагося козлёнка подъ горшокъ и говоритъ ему: «никому не отворяй; если я приду, я и сама войду». Пошла козочка. Пришелъ медвѣдь большой ротъ, пѣлъ, пѣлъ, не отворяетъ козлёнокъ. Нашелъ медвѣдь дырочку, сунулъ свою морду въ дырочку и началъ кричать: «голова, пролѣзай, пролѣзай, пролѣзай» (2). Голова пролѣзла.—«Животъ, пролѣзай, пролѣзай, пролѣзай» (2). И животъ пролѣзъ. — «Задъ, пролѣзай, пролѣзай, пролѣзай» (2). И задъ пролѣзъ. Медвѣдь съѣлъ и третьяго козленка. Пришла козочка, нѣтъ и третьяго козлепка. Козочка жарко истопила домикъ; наготовила много горячихъ угольевъ и отнесла ихъ въ оврагъ. Пошла звать въ гости медвѣдя.—«Медвѣдушка, медвѣдушка, иди ко мнѣ въ гости, я много наготовила!» Медвѣдь любилъ сладко поѣсть; онъ обрадовался, что козочка зоветъ его къ себѣ. Повела козочка медвѣдя на край оврага съ горячими угольями и говоритъ: «давай прыгнемъ черезъ этотъ оврагъ» — «Я не могу перепрыгнуть», говоритъ медвѣдь.—«Черезъ этотъ оврагъ ты не можешь

а скокадиват?» мери сеенесь, и соньць скокаць. — «А нука, снарттать». Офтэсь кармась скокадими ды жартнынь боц прась. А сеенесь мере: «дай, офты, монь леўксэн; гаить, офты, монь леўксэн!» А офтэсь истя пицивсь, натай гармась и укснумы и пургама.

Атякшки ды псакине.

Ладясть атякшки марты псакине. Тусть сынь баксяў бещс. Мусть пещи чуфта. Псакинись мере: «атякш брат, кусть тон цуфтыньть ланкс, сезьнекь ды ёврекь, а мон гарман гочкама». Куссь атякшись пещи чуфтыньть ланкс, кармась пещень зезьнеми ды ёвреме. Сейсь атякшись покш куфта, ёрдэзи псаканьтий, псакась сельми ланга попксь, ды сельмезы таргаўсь.—«Мон, атякш брат, молян лангызыт управаў», мери псакась. Сась псакась управаў, мере: «монь атякшись сельмемь даргизе». Судьятьни мереть: «дай дей

перепрыгнуть?» говоритъ козочка, и сама перескочила черезъ него. — «А ну-ка попробуй-ка». Медвѣдь началъ перепрыгивать и упалъ въ горячіе уголья. А козочка говоритъ: «дай мнѣ, медвѣдь, моихъ козлятъ; выбрось, медвѣдь, моихъ козлятъ!» А медвѣдь такъ обжогся, инда сталъ и блевать и дристать.

Пѣтушокъ и кошечка.

Подружились пѣтушокъ съ кошечкой. Пошли они въ поле за орѣхами. Нашли они орѣшникъ. Кошечка говоритъ: «пѣтухъ братъ, лѣзь ты на дерево, срывай и бросай, а я начну собирать». Влѣзъ пѣтухъ на орѣшникъ, началъ срывать и бросать орѣхи. Сорвалъ пѣтухъ большую кисть и бросилъ кошкѣ; кисть угодила кошкѣ въ глазъ, и глазъ ея выкололся. — «Я, братъ пѣтухъ, пойду въ управу жаловаться на тебя», говоритъ кошка. Пришла кошка въ управу и говоритъ: «пѣтухъ вышибъ мнѣ глазъ». Судьи

атякшиньть». Тусть атякшиньть мельга. Сась атякшись. Судьятьни мереть: «тон мейсь пеаканьть сельменьы таргикь?» Атякшись мере: «а монь мейсь пещи цуфтысь понксэн зезеньзе?» — «Ну дай дей пещи чуфтыньть!» мереть судьятьне. Тусть пещи чуфтыньть мельга. Сась пещи чуфтысь. Судьятьни мереть пещи чуфтыньтинь: «тон мейсь атякшиньть понксэнзы сезеть?» — «А мейсь монь зеенесь порьнемемь?» мери пещи чуфтысь. — «Ну, дай дей зееньеньть!» мереть судьятьне. Тусть сееньеньть мельга. Сась сеенесь. Судьятьни мереть: «тон мейсь пещи чуфтыньть порьнекь?» — «А мекс монь бастухум а ванэ?» мери сеенесь. — «Ну, дай дей пастухуньть!» мереть судьятьне. Тусть пастухуньть мельга. Сась пастухусь. — «Тон мекс сееньеньть а ванат?» мереть судьятьне. — «А мекс азырызы монянь гарицьть а максэ?» мери пастухусь. — «Ну, дай дей сеяньть азырыньть!» Тусть сеяньть азырыньть мельга. Сась сеяньть азырысь. Судьятьни мереть: «тон мекс

говорятъ: «давайте сюда пѣтуха». Пошли за пѣтухомъ. Пришелъ пѣтухъ. Судьи говорятъ: «ты зачѣмъ вышибъ у кошки глазъ?» Пѣтухъ говоритъ: «а зачѣмъ орѣшникъ порвалъ мои штаны?» — «Ну, давай сюда орѣшникъ!» говорятъ судьи. Пошли за орѣшникомъ. Пришелъ орѣшникъ. Судьи говорятъ орѣшнику: «ты зачѣмъ порвалъ пѣтуху штаны?» — «А зачѣмъ меня обгрызла козочка?» говоритъ орѣшникъ. — «Ну, давай сюда козочку!» говорятъ судьи. Пошли за козочкой. Пришла козочка. Судьи говорятъ: «ты зачѣмъ обгрызла орѣшникъ?» — «А зачѣмъ за мной пастухъ не смотритъ?» говоритъ козочка. — «Ну, давай сюда пастуха!» говорятъ судьи. Пошли за пастухомъ. Пришелъ пастухъ. — «Ты отчего не смотришь за козочкой?» говорятъ судьи. — «А отчего хозяинъ не даетъ мнѣ гарнцевъ[1])?» говоритъ пастухъ. — «Ну, давай сюда хозяина козы!» Пошли за хозяиномъ козы. Пришелъ хозяинъ козы. Судьи говорятъ: «ты отчего не даешь па-

1) Положенная за каждую голову скота плата пастуху хлѣбомъ (за коровъ, напр., въ Сухомъ Карбулакѣ по 10 ф., за телятъ по 5 ф.).

сеяньть кис а максат гарицьть пастухуньтий?» — «Ту(в)ы орохом зэвезе», мери сеянь азырысь. — «Ну, дайти тей ду(в)уньть!» Тусть ту(в)уньть мельга. Сась ту(в)усь. — «Тон мейсь сеяньть азырынэы орохонэы сэвекь?» мерсть судьятьне. — «А мейсь верьгезэсь леўксэн боўсеньэе?» мери ту(в)усь. — «Ну, дайти тей верьгезэньть!» мереть судьятьне. Тусть верьгезэньть вешнеми вириў. Ней-гак вешнеть верьгезэньть, а верьгезэсь ялы а муиве.

Бука ды псака.

Ладясть буканьть марты псакась и думасть кудынь зрояма. Псакась мере: «бука брат, адя баранынь терьцэнек мартынык, седи курык[1]) кудысь путуве!» — «Адя!» мери букась. Мольцьть баранынътинь ды мереть: «баран, а баран, адя мартынык кудынь бутума!» — «Мон карцы як теленьть ютаўса, а молян мартынк

1) курук.

стуху гарицевъ за козу?» — «Свинья съѣла мой ворохъ», говоритъ хозяинъ козы. — «Ну, давайте сюда свинью!» Пошли за свиньей. Пришла свинья. — «Ты зачѣмъ съѣла ворохъ, принадлежащій хозяину козы?» говорятъ судьи. — «А зачѣмъ волкъ задушилъ моихъ поросятъ?» говоритъ свинья. — «Ну, давайте сюда волка!» говорятъ судьи. Пошли въ лѣсъ искать волка. И теперь еще ищутъ волка, а волка все не могутъ найти.

Быкъ и кошка.

Быкъ и кошка подружились между собой и задумали построить домъ. Кошка говоритъ: «быкъ братъ, пойдемъ позовемъ съ собой барана, домъ поставится какъ можно скорѣе!» — «Пойдемъ!» говоритъ быкъ. Пошли они къ барану и говорятъ: «баранъ, а баранъ, иди съ нами ставить домъ!» — «Я, отвѣчаетъ баранъ, проведу зиму и въ хлѣвѣ, не пойду съ вами ставить

кудынь бутума», мери баранысь. — «Бука брат, адя атякшиньть терьцэнекь, се паряк моле!» мери псакинись.—«Адя!» мери букась. Мольцьть атякшиньтий ды мереть: «атякш, а ятякш, адя мартынык кудынь бутума!»—«Мон нашиз ланґксы як теленьть ютаўса, а молян!» мери атякшись. — «Бука брат, адя утканьть терьцэнекь, се паряк моле!» мери псакинись. — «Адя!» мери букась. Мольцьть утканьтий ды мереть: «утка, а утка, адя мартынык кудынь бутума!» — «Монянь мейсь кудысь, мон утум бокасы як теленьть ютаўса, а молян!» мери уткась. — «Бука брат, адя терьцэнекь мацинньть, се паряк моле!» — «Адя!» мери букась. Мольцьть ды мереть: «маций а маций, адя мартынык кудынь бутума!» — «А молян, куды бокасы теленьть ютаўса», мери мацийсь. Веляўсть мекеў буканьть марты псакась, кармасть кудынь дееми и тейсть пары куда. Сась телесь. Букась маць пецька ланґкс, а псакась томбаланґкс. Кармась якшамусь баранынь шкотямунsа; сон мольць ды мере: «псака брат, нолдамака эряма!» — «Мон аздан,

---

дома». — «Быкъ братъ, идемъ позовемъ пѣтуха, быть можетъ, тотъ пойдетъ!» говоритъ кошечка. — «Идемъ!» отвѣчаетъ быкъ. Пошли они къ пѣтуху и говорятъ: «пѣтухъ, а пѣтухъ, иди съ нами ставить домъ!» — «Я, отвѣчаетъ пѣтухъ, проведу зиму и на нашестѣ, не пойду». — «Быкъ братъ, пойдемъ позовемъ утку, можетъ быть, та пойдетъ!» говоритъ кошечка. — «Идемъ!» отвѣчаетъ быкъ. Пошли къ уткѣ и говорятъ ей: «утка, а утка, иди съ нами ставить домъ!» — «Мнѣ зачѣмъ домъ, отвѣчаетъ утка, я проведу зиму и въ амбарномъ пристѣнкѣ, не пойду!» — «Быкъ братъ, пойдемъ позовемъ гуся, быть можетъ, тотъ пойдетъ!» — «Идемъ!» отвѣчаетъ быкъ. Пошли и говорятъ: «гусь а гусь, пойдемъ съ нами ставить домъ!» — «Не пойду, отвѣчаетъ гусь, я проведу зиму въ пристѣнкѣ избы». Кошка съ быкомъ вернулись назадъ, начали строить домъ и построили хорошій домъ. Пришла зима. Быкъ легъ на печку, а кошка на шестокъ. Началъ морозъ пробирать барана; онъ пришелъ и говоритъ: «кошка братъ, пусти-ка меня жить».—«Я не знаю, спроси брата быка!» говоритъ

бука братыньть кеўкьстекь!» мери псакась. — «Бука брат, нолдамака эряма!» мери баранысь. — «А нолдатан, кудынь бутума мартынык эзеть са!» мери букась. — «Коли а нолдатада, веси куды угылынк кичкирисынь!» мери баранысь. — «Ну, ну, ины су(в)ак!» мери псакась. Су(в)ась баранысь, маць кпякс кунчкас. Кармась шкотямунѣы якшамусь атякшиньть. Сась атякшись, мере: «нолдамак, псака брат, кельмень!» — «Мон аздан, бука братыньть кеўкьстекь!» мери псакинись. — «Бука брат, а бука брат, нолдамака эряма!» мери атякшись. — «А нолдатан, кудынь бутума мартынык эзеть са!» мери букась. — «Бути а нолдасамизь, веси куды боканк почаксасынь!» мери атякшись. — «Ну, ну, ины су(в)ак!» мери псакинись. Су(в)ась атякшись, куссь булдырьни пряс. Кармась кельмеми уткась, мольць и мере: «псака брат, нолдамак, эль гельман». — «Мон аздан, бука братыньть кеўкьстекь!» мери псакинись. — «Бука брат, а бука брат, нолдамака эряма!» мери уткинись. — «А нолдатан», мери букась, «ку-

---

кошка. — «Быкъ братъ, пусти-ка меня жить!» говоритъ баранъ. — «Я тебя не пущу, ты не приходилъ ставить съ нами домъ!» говоритъ быкъ. — «Если вы не пускаете, я разворочу рогами всѣ углы вашего дома!» говоритъ баранъ. — «Ну, ну, такъ входи!» говоритъ кошка. Вошелъ баранъ, легъ на середину пола. Началъ пробирать морозъ пѣтуха. Пришелъ пѣтухъ, говоритъ: «пусти меня, кошка братъ, я замерзъ!» — «Я не знаю, отвѣчаетъ кошечка, спроси брата быка». — «Быкъ братъ, а быкъ братъ, пусти-ка меня жить!» говоритъ пѣтухъ. — «Не пущу тебя, ты не приходилъ ставить съ нами домъ!» отвѣчаетъ быкъ. — «Если вы меня не пускаете, говоритъ пѣтухъ, я расшевыряю всѣ завалинки вашего дома». — «Ну, ну, такъ входи!» говоритъ кошечка. Вошелъ пѣтухъ, влѣзъ на конецъ бруса, поддерживающаго полати. Начала мерзнуть утка, пришла и говоритъ: «кошка братъ, пусти меня, чуть не замерзаю». — «Я не знаю, спроси брата быка!» говоритъ кошечка. — «Быкъ братъ, а быкъ братъ, пусти-ка меня жить!» говоритъ уточка. — «Не пущу тебя, говоритъ быкъ, ты не пришла

дынь бутума мартынык эзеть са!» — «Бути а нолдасамизь, веси мохонгк тарксисынь!» мери уткась. — «Ну, ну, ины су(в)ак!» мери псакинись. Сась мацинсь [1]), мере: «нолдамизь-гак эряма!» — «А нолдатадызь, кудынь бутума мартынык эзеть са!» мереть тепsа. — «Бути а нолдасамизь, мон гуды прясты веси понцаўксынгк ёвресэнь!» мери мацинсь. — «Ну, ну, ины су(в)ак!» мери псакинись. Кармасть веси эрямы ве таркаса. Уткась арась эземь алуў, а мацинсь куссь эземс. Юты се кудыниньть вакска нумульнь здада и мереть нумултнэ: «те мень гуда?» Кучсть ве нумул гудыньть варчама. Аньцяк нумулысь су(в)ась, баранысь стясь ды пильгинsы стукадизе. Нумулысь тандаць ды кода напусте.— «Тон мекс, тон мекс??» кармасть се нумулыньть кеўкьсьнеми лия нумултнэ. — «Мекс? кудынь азырысь от кода пильгинsы стукадизи лангызын, натай гелемь зускуўсь!» мери тест куды варчий нумулысь. Югы кудыниньть вакска ривизинь здада.— «Те мень гуда, те мень гуда??» мереть ривисьне. Кучсть ве ривизь гудыньть

1) мацийсь.

ставить съ нами домъ!» — «Если вы меня не пускаете, говоритъ утка, я выдергаю весь вашъ мохъ!» — «Ну, ну, такъ входи!» говоритъ кошечка. Пришелъ гусь, говоритъ: «пустите-ка меня жить!» — «Мы не пустимъ тебя, отвѣчаютъ ему, ты не приходилъ ставить съ нами домъ!» — «Если вы не пускаете меня, я сброшу съ вашего дома всю мякину!» говоритъ гусь. — «Ну, ну, такъ входи!» отвѣчаетъ кошечка. Стали жить всѣ вмѣстѣ. Утка помѣстилась подъ лавку, а гусь влѣзъ на лавку. Проходитъ мимо этого домика заячье стадо, и говорятъ зайцы: «это что за домъ?» Послали одного зайца посмотрѣть домъ. Лишь только заяцъ вошелъ, баранъ всталъ и топнулъ ногой. Заяцъ испугался и какъ пустится бѣжать. — «Ты что, ты что??» начали спрашивать этого зайца другіе зайцы. — «Что? хозяинъ дома вотъ какъ топнулъ на меня ногой, инда я языкъ свой прикусилъ», отвѣчаетъ имъ заяцъ, осматривавшій домъ. Проходитъ мимо домика стадо лисицъ. — «Это что за домъ, это что за домъ??» говорятъ лисицы. Послали

варчама. Аньцяк ривизись су(в)ась, баранысь стясь ды кода пильгиньть стукатьцэ. Ривизись тандаць ды кода напусте. — «Тон мекс, тон мекс??» кеўкьсьнеть эйсэнзы лия ривисьне. — «Мекс? кудынь азырысь от кода пильгинзы стукадизи лангызын, натай озавинь». Букась удысь-удысь пецьканьть лангксы и мере: «тесы, аля, пекь пси, эряви валгумс баран братыньть вакс». Валксь букась, маць баранынь ть вакс. Юты кудынинь ть вакска верьгезэнь здада. — «Те мень гуда, те мень гуда??» мереть верьгеснэ. Кучсть ве верьгез гудынь ть варчама. Су(в)ась верьгезэсь, ютась эземь бряў. Кода стить баранынь ть марты букась, кода кармить кичкиримапза. А уткась яки эземь алга ды пижне: «векь-векь, векь-векь». А атякшись чийни полок брусынь ть ланга ды пижне: «ко-ко-ко-ко, ко-ко-ко-ко!» Кода бути меньць верьгезэсь, чийсь лия верьгеснэнень ды мере: «Ну, аля, понгонень! Аньцяк сувинь, стясть кудынь азырысь ды покщаза, кода кундасамись, а вейки чийни эземь алга ды кортэ: «истя-истя-истя, истя-истя-истя», а

одну лисицу посмотрѣть домъ. Только что вошла лисица, баранъ всталъ да какъ ударитъ ногой. Лисица испугалась и какъ пустится бѣжать. — «Ты что, ты что??» спрашиваютъ ее другія лисицы. — «Что? хозяинъ дома вотъ какъ топнулъ на меня ногой, я даже присѣлъ». Быкъ спалъ-спалъ на печкѣ и говоритъ: «здѣсь, товарищи, очень жарко, надо слѣзть къ брату барану. Слѣзъ быкъ, легъ около барана. Проходитъ мимо домика стая волковъ. — «Это что за домъ, это что за домъ??» говорятъ волки. Послали одного волка посмотрѣть домъ. Вошелъ волкъ, прошелъ впередъ. Какъ встанутъ баранъ и быкъ, какъ начнутъ его бодать. А утка ходитъ по скамейкѣ и квакаетъ: «векъ-векъ» (2). А пѣтухъ бѣгаетъ по брусу, поддерживающему полати, и кричитъ: «ко-ко-ко-ко» (2). Вырвался какъ-то волкъ, прибѣжалъ къ другимъ волкамъ и говоритъ: «ну, товарищи, я было попался! только что я вошелъ, встали хозяинъ дома и его дѣдъ и какъ схватили меня, а одинъ (изъ жителей дома) бѣгаетъ подъ лавкой и приговариваетъ: «такъ-такъ-такъ» (2), а другой влѣзъ на верхъ и кри-

вейки куссь вереӱ ды пижне: «дайти сонзы тей, дайти сонзы тей!» Ищо вейки пеень зускызь ащись томбалангса, а вейки кулакынь гепедезь ащись эземса; пасиба сетьненень эзень бонгкт!»

Ёӱкс.

Ладясть атя марты офта, и кармасть ветаркасы эряма. Видисть тоӱзера. Тоӱзерэсь кенерьць. Атясь мере: «офты брат! тон месть саят?» — «Мон уш прятьнинь а сайсынь, сайсынь горёттнэнь!» мери офтэсь. Кармась атясь тоӱзерэньть нуиме. А офтэсь кармась жниваньть таргама. Атясь пиӱцы, и офтэсь пиӱцэ. Атясь понцафты, и офтэсь понцафтэ. Атясь мельнецяӱ, и офтэсь мельнецяӱ. Атясь прякат паньць, и офтэсь прякат паньць. Атясь ярцы, и офтэсь ярцэ. Атясь мере: «офты брат, нака варчитя монь брякан». Сайсь офтэсь сускум атяньть прякада, путызи кургызынзы и мере: «манимикь тон, атя брат; тонь брякат буты калацят, а монь куркс пу-

---

читъ: «давайте его сюда!» (2). Еще одинъ, ощеривъ зубы, сидѣлъ на шесткѣ, а другой сидѣлъ на скамейкѣ, поднявъ кулакъ; спасибо, что я не попался тѣмъ!»

Сказка.

Подружился старикъ съ медвѣдемъ, и стали жить вмѣстѣ. Посѣяли пшеницу. Пшеница поспѣла. Старикъ говоритъ: «медвѣдь братъ! ты что возьмешь?»—«Я ужъ не возьму верхушекъ, возьму корни!» отвѣчаетъ медвѣдь. Началъ старикъ жать пшеницу. А медвѣдь началъ выдергивать жниву. Старикъ молотитъ, и медвѣдь молотитъ. Старикъ вѣетъ, и медвѣдь вѣетъ. Старикъ на мельницу, и медвѣдь на мельницу. Старикъ испекъ пироги, и медвѣдь испекъ пироги. Старикъ ѣстъ, и медвѣдь ѣстъ. Старикъ говоритъ: «медвѣдь братъ, на-ка попробуй-ка мои пироги». Взялъ медвѣдь кусокъ старикова пирога, положилъ въ ротъ и говоритъ: «Ты меня обманулъ, старикъ братъ; твои пироги точно калачи, а моихъ нельзя даже по-

тумс как а маштувить». Омбоци годэньть видисть сёклат. Атясь мере: «офты брат, ней месть саят?» — «Уш ней а маняван, ней мон заян брят, а тон заить корёттнэнь». Кармась атясь сёклатьнинь даргама, а офтэсь кармась лопатьнинь бурнама. Атясь тейнесь сёклань брякат, а офтэсь тейнесь сёкла лопань. Атясь ярцы и офтэсь ярцэ. Атясь мере: «офты брат, нака варчитя прякан!» Сайсь офтэсь сёклань бряка и мере: «тон, атя брат, тагы манимикь, мон донь боватан». Атясь мере: «теса монь донять повамс нельзя, тонь нетядысь». — «Адя вирить, мон досы тонь боватан» мери офтэсь. Кильцьть алаша, озасть, тусть. Мольцьть - мольцьть, карчист охотьникьть. Офтэсь мере: «атя брат, монянь эряви кекшемс, ата монь гискатьни сезьнесамизь». — «Кекшть полог боц», мери атясь. Эцесь офтэсь полог боц. Охотьникьни лоткафтызь атяньть и мереть: «мези ускат!» — «Мерьть мукурь», тошки офтэсь. Атясь мере: «мукурь». — «А нука чафт эзэнзы тула!» мереть охоть-

---

ложить въ ротъ. На слѣдующій годъ посѣяли свёклу. Старикъ говоритъ: «медвѣдь братъ, ты теперь что возьмёшь?»—«Теперь ужъ не обманусь, теперь я возьму верхушки, а ты возьми корни». Началъ старикъ выдергивать свёклу, а медвѣдь началъ собирать листья. Старикъ надѣлалъ пироговъ изъ свёклы, а медвѣдь надѣлалъ изъ свекольныхъ листьевъ. Старикъ ѣстъ и медвѣдь ѣстъ. Старикъ говоритъ: «медвѣдь братъ, на-ка попробуй-ка моихъ пироговъ!» Взялъ медвѣдь пирогъ изъ свёклы и говоритъ: «ты, старикъ братъ, опять меня обманулъ, я тебя задушу». Старикъ говоритъ: «здѣсь тебѣ нельзя меня задушить, тебя увидятъ».—«Пойдёмъ въ лѣсъ, я тамъ тебя задушу», говоритъ медвѣдь. Запрягли лошадь, сѣли, поѣхали. Ѣхали-ѣхали, на встрѣчу имъ охотники. Медвѣдь говоритъ: «старикъ братъ, мнѣ нужно спрятаться, а то меня разорвутъ собаки».—«Спрячься подъ пологъ», говоритъ старикъ. Влѣзъ медвѣдь подъ пологъ. Охотники останавливаютъ старика и говорятъ: «что ты везешь?»—«Скажи, что пень», шепчетъ медвѣдь. Старикъ говоритъ: «пень».—А ну-ка вбей въ него клинъ!» говорятъ

никьне. — «Вачкидикь тулыньть мукурызын!» тошки офтэсь. Атясь вачкиць офтэньть мукурц тула. А кискатьни марясызь офты чининть, ды от кайсивить, от кайсивить.—«А нука узирь безнафт эзэнsа», мереть охотьникьне. — «Пезнафтыкь узириньть аньцяк понатьнинь боц!» тошки атяньтий офтэсь. Атясь сайсь узирь ды кода офтэньть тяпутьцэ. — «Я, атя брат, манимикь!» мерьць офтэсь ды кулысь.

Сюкур батя.

Эрясть атят бабат; атяньть арасть почтэнsа. Бабась мере: «атясь, азя, яжак; атясь, азя, яжак почт». — «Теньцекь суўсикиньть, ды паньть сюкур!» мери атясь. Бабась теньцези суўсикиньть, пидись сюкур и путызи вальма ланґкс кельмеме. Сюкурнысь криньдяўсь вальмава ды тусь кевереме. Кеверьць-кеверьць, карчинsы офта. — «Сюкур батяй, гоў молят?» мери офтэсь. —

охотники.—«Вбей въ мой задній проходъ клинъ», шепчетъ медвѣдь. Старикъ вбилъ въ туловище медвѣдя клинъ. А собаки почуяли запахъ медвѣдя и вотъ кидаются, вотъ кидаются.—«А ну-ка воткни въ него топоръ», говорятъ охотники.—«Воткни топоръ, шепчетъ медвѣдь старику, только въ шерсть!» Старикъ взялъ топоръ, да какъ тяпнетъ медвѣдя.—«Ахъ, братъ старикъ, обманулъ ты меня», сказалъ медвѣдь и околѣлъ.

Сестрица-Лепёшка.

Жили старикъ со старухой; у старика нѣтъ муки. Старуха говоритъ: «старикъ, иди намели; старикъ, иди намели муки».—«Подмети сусѣкъ и испеки лепёшку!» отвѣчаетъ старикъ. Старуха подмела сусѣкъ, испекла лепёшку и положила ее на окошко, чтобы остудить. Лепёшечка прыгнула въ окошко и пошла катиться. Катилась-катилась, навстрѣчу ей медвѣдь.—«Сестрица-лепёшка,

«Калыярынь базаруў!» — «Саимака монь гак!» — «Арак ваксызын ды арт!» Арцьть-арцьть, карчист верьгез. — «Офты патькай, гоў молят?» — «Мон аздан, зюкур батянь геўкьстекь!» — «Сюкур батяй, гоў молят?» — «Калыярынь базаруў!» — «Заимака монь гак!» — «Арак ваксызын ды арт!» Арцьть-арцьть, карчист пумул. — «Верьгез батяй, гоў молят?» — «Мон аздан, офты патькань геўкьстекь!» — «Офты патькай, гоў молят?» — «Мон аздан, зюкур батянь геўкьстекь!» — «Сюкур батяй, гоў молят?» — «Калыярынь базаруў!» — «Заимака монь гак!» — «Арак ваксызын ды арт!» Арцьть-арцьть, карчист ривизь. — «Вай! ды нумул батяй, дынь гоў?» — «Мон аздан, верьгез батянь геўкьстекь!» — «Верьгез батяй, дынь гоў?» — «Мон аздан, офты патькань геўкьстекь!» — «Офты патькай, дынь гоў?» — «Мон аздан, зюкур батянь геўкьстекь!» — «Сюкур батяй, дон гоў?» — «Калыярынь базаруў!» — «Саимизь-гак монь-гак!» — «Арак ваксызынык ды

куда идешь?» спрашиваетъ медвѣдь. — «На базаръ въ Колояръ[1])!» — «Возьми-ка и меня!» — «Становись около меня да скачи!» Скакали-скакали, навстрѣчу имъ волкъ. — «Сестричка-медвѣдь, куда идешь?» — «Я не знаю, спроси сестрицу-лепёшку!» — «Сестрица-лепёшка, куда идешь?» — «На базаръ въ Колояръ!» — «Возьми-ка и меня!» — «Становись около меня и скачи!» Скакали-скакали, навстрѣчу имъ заяцъ. — «Сестрица-волкъ, куда идёшь?» — «Я не знаю, спроси сестричку-медвѣдя!» — «Сестричка-медвѣдь, куда идешь?» — «Я не знаю, спроси сестрицу-лепёшку!» — «Сестрица-лепёшка, куда идёшь?» — «На базаръ въ Колояръ!» — «Возьми-ка и меня!» — «Становись около меня и скачи!» Скакали-скакали, на встрѣчу имъ лиса. — «Ой! сестрица-заяцъ, вы куда?» — «Я не знаю, спроси сестрицу-волка!» — «Сестрица-волкъ, вы куда?» — «Я не знаю, спроси сестричку-медвѣдя!» — «Сестричка-медвѣдь, вы куда?» — «Я не знаю, спроси сестрицу-лепёшку!» — «Сетрица-лепёшка, ты куда?» — «На базаръ въ Колояръ!» — «Возьмите-ка и меня!» — «Становись около

1) Село Вольскаго уѣзда Сарат. губ.

арт!» Арцьть-арцьть, ащи покш латка, сынь дозэнь бух, прасть. Ащисть-ащисть латксыньть, пекест вачсть. Ривизись мере: «дайти пряполасы каятана, кинь заты сэвемс!» Каясть, сатыць сюкурыньть сэвемс. Сюкурыньть сэвезь. Ривизись мери офтэньтень: «те мень ярцама, ламы-ли сюкурцыт парысь, дай уш верьгезэньть сэвсэнекь». Офтэсь кацудизи верьгезэньть, повезе. Кода верьгезэсь сэвеўсь, ривизись мери офтэньтень: «ведь нумулынь зывились пекь таньтий, дай нумулыньть сэвсэнекь». Офтэсь повези нумулыньть. Ривизись мере: «дай-ка молян ждаса!» Офтэсь максызе. Ривизись тусь вепелеў, сейсь нумулцтыньть сускумни ды кекшезе, соньць сась ды мере: «тон вант, пачк штыне». И нумулысь сэвеўсь. Ривизись таргизи кекшезь[1]) зускумниньть ды ярцэ. Офтэсь неези ды мере: «ривизь батяй, мезьды ярцат?» — «Сюлын бекен даргинь ды ярцан!» — «Нука-нука, таньтийть?» — «Немоч таньтийть, нака варчитя!» Саизи офтэсь нумулынь зывиль

1) кекшень.

насъ и скачи!» Скакали-скакали, попадается большой оврагъ, они туда бухъ, упали. Побыли-побыли въ оврагѣ, проголодались. Лиса говоритъ: «давайте конаться, кого достанется съѣсть!» Бросили жеребей, вышло съѣсть лепёшку. Съѣли лепёшку. Лиса говоритъ медвѣдю: «это что за ѣда, много ли добра въ твоей лепёшкѣ, давай съѣдимъ волка». Медвѣдь схватилъ волка, задушилъ его. Когда волкъ былъ съѣденъ, лиса говоритъ медвѣдю: «а вѣдь заячье мясо очень вкусное, давай съѣдимъ зайца». Медвѣдь задушилъ зайца. Лиса говоритъ: «дай-ка пойду вымою!» Медвѣдь отдалъ. Лиса отошла въ сторону, оторвала отъ зайца кусочекъ и спрятала, а сама пришла и говоритъ: «ты смотри, очень хорошо я вымыла». И заяцъ былъ съѣденъ. Лиса вытащила спрятанный кусочекъ и ѣстъ. Медвѣдь увидѣлъ и говоритъ: «сестрица-лиса, что ты ѣшь?» — «Я вытащила свои внутренности и ѣмъ!» — «Ну-ка, ну-ка, что сладки?» — «Страсть сладки, нака попробуй!» Взялъ медвѣдь кусочекъ заячьяго мяса, положилъ въ ротъ и говоритъ: «вотъ

зускумниньть, путызи кургызынзы ды мере: «Ваны кодатт таньтийть!» — «Таргить тон-гак сюлыт-пекет ды ярцак», мери ривизись. — «Ды кода сынцт таргамс?» — «Ёкстэкь лапкат кургуват ды оторфтэть!» Офтэсь ёкстэзи лапканзы кургуванза, таргиньзи сюлынзы-пекензы кургуванзы ды кулысь. Лифтясь латкыньть чирис чекчатай. Ривизись мере: «чекчатай батькай, даргамака!»—«Кундак пулызьш ды лисьть!» мери чекчатаись. Ривизись стясь офтэньть рунгыньть ланкс, сацтызи чекчатаиньть пулынзы, ды кундась пулыньтий. Чекчатаись поцкоўсь ды таргизи ривизиньть. Ривизись мере: «чекчатай батькай, андумака монь, бекь пекемь вачсь!»—«Мези аразьди, антан!» мери чекчатаись. Моли паксява тейтерьне, канды началксить. Чекчатаись валксь тейтерьненьть икилиў ды моли икилинза. Тейтерьнесь путыньзи началкситьнинь ги бокас ды кармась чекчатаиньть кундама. Ривизись арць, сэвеньзи началкситьнинь и напусьтясь, а чекчатаись лифтясь. Ривизись мере: «чекчатай батькай, зимдимака! монь бекь симимам зась».—«Мези аразьди, симтян». Моли паксява тейтерьне, канды боза кукшун.

какія сладкія!»—«Вытащи и ты свои внутренности и ѣшь», говоритъ лиса.—«Да какъ ихъ вытащить?»—«Всунь лапы въ ротъ и выдерни ихъ». Медвѣдь всунулъ свои лапы въ ротъ, вытащилъ черезъ ротъ свои внутренности и померъ. На край оврага прилетѣла птица «чекчатай». Лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, вытащика меня!»—«Ухватись, отвѣчаетъ чекчатай, за мой хвостъ и выходи!» Лиса стала на туловище медвѣдя, достала хвостъ чекчатая и ухватилась за хвостъ. Чекчатай дернулъ и вытащилъ лису. Лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, накорми-ка меня, я очень проголодалась».—«Такъ что же, отвѣчаетъ чекчатай, я накормлю тебя!» Идетъ по полю дѣвушка, несетъ блины. Чекчатай опустился передъ дѣвушкой и идетъ передъ нею. Дѣвушка поставила блины у дороги и начала ловить чекчатая. Лиса подскочила, съѣла блины и убѣжала, а чекчатай полетѣлъ. Лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, напои-ка меня! мнѣ очень хочется пить».—«Такъ что же, я напою тебя». Идетъ по полю дѣвушка, несетъ кувшинъ квасу.

Чекчатаись валксь тейтерьненьть икилиў ды моли икилинsа. Тейтерьнесь путызи боза кукшунынь ки бокас[1]) и кармась чекчатаиньть кундама. Ривизись арць удалы пельде, симизи бозаньть ды напустясь, а чектаись лифтясь. Мельи ривизись мере: «чекчатай батькай, ней бу кода-як пеецтелемекь!»—«Мези аразьди пеецьтян», мери чекчатаись. Ве одерьвени пирисы пиўцы покщанsы марта, а покщаньть конязы голэй. Чекчатаись лифтясь ды валксь покщаньть голэй гоняньть лангкс. — «Ужы-ужы! покщай! мон цаўсы пиўцумасыньть», мери одерьвенесь, ды кода пиўцумасыньть ботатьцы атяньть коняланга. Чекчатаись лифтясь, а атясь прась ды кулысь. А ривизись ащи вепели ды от пееди, от пееде! Мельи ривизись мере: «чекчатай батькай, дон бу монь года-як велень гувалт ардуфтылимикь!»—«Мези аразьди, ардуфтан! мон гарман лифтяма веленьть кувалт, а тон вант лангызын ды арт мельган», мери чекчатаись. Чекчатаись алгинива лифтясь веленьть кувалт, а ривизись ваны лангызынsы ды арды мельганsа. Кода несэзь

1) бокс.

Чекчатай опустился передъ дѣвушкой и идетъ передъ нею. Дѣвушка поставила кувшинъ съ квасомъ у дороги и начала ловить чекчатая. Лиса подскочила сзади, выпила квасъ и убѣжала, а чекчатай улетѣлъ. Потомъ лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, ты бы разсмѣшила меня теперь!»—«Такъ что же, отвѣчаетъ чекчатай, я тебя разсмѣшу». Одна молодушечка молотитъ на гумнѣ вмѣстѣ съ дѣдомъ, а голова у дѣда непокрытая. Чекчатай прилетѣлъ и опустился на непокрытую голову дѣда. «Стой-стой! дѣдушка! я ударю его цѣпомъ», говоритъ молодушечка, да какъ стукнетъ старика по лбу. Чекчатай улетѣлъ, а старикъ упалъ и померъ. А лиса стоитъ въ сторонѣ и вотъ хохочетъ, вотъ хохочетъ! Потомъ лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, ты бы прокатилъ меня какънибудь вдоль села!»—«Такъ что же, прокачу! я стану летать вдоль села, а ты смотри на меня да скачи», отвѣчаетъ чекчатай. Чекчатай полетѣлъ по низу вдоль села, а лиса смотритъ на него и скачетъ за нимъ. Какъ увидятъ лису собаки, какъ поднимутъ шумъ.

ривизинь кискат, кода кепедеть шум. Маризи шумуньть чекчатаись, и кармась лифтяма седи верьга. Варчтась чекчатаись верьди ривизинь лангкс, а ривизинь кискатьни веси чубанзы сезьнезь, а соньцензы сэвезь.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, сынцт ульнись цёрэнест ды тейтерьнест. Атинись ульнись понды сакал, бабинись — кеньди пеке, тейтерьнесь — киви сельме, цёрэнесь — нудий бильге. Сась чёкшне, бабась мере: «атясь а ятясь, пувака тол!» Кармась атясь толэнь бувама, кода понды сакалынзы кирвазить. Атяньть сакалтны палыть, а бабась пеede. Пеець-пеець бабась, кеньди пекезы сезеўсь. Атяньть сакалтны палыть, а тейтерьнесь ваны толэньть лангкс. Ванць-ванць тейтерьнесь, кивинь зельмензы соласть.

Услышалъ шумъ чекчатай и началъ летѣть повыше. Взглянулъ чекчатай съ верху на лису, а собаки изорвали на лисѣ всю шкуру, а самое съѣли.

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у нихъ былъ сынокъ и дочка. Старичекъ былъ съ пудовой бородой, старушка съ войлочнымъ брюхомъ, дочка съ оловяннымъ глазомъ, сынокъ съ тростяной ногой. Пришелъ вечеръ, старуха говоритъ: «старикъ а старикъ! вздуйка огонь!» Началъ старикъ вздувать огонь, какъ загорятся его пудовыя баки. У старика горятъ баки, а старуха смѣется. Смѣялась-смѣялась старуха, разорвалось ея войлочное брюхо. У старика горятъ баки, а дочка смотритъ на огонь. Смотрѣла-смотрѣла дочка, оловянные глаза ея расплавились. У старика горятъ баки, а сы-

Атяньть сакалтны палыть, а цёрэнесь чийне,—а цёрэнесь чийне. Чийпись-чийпись цёрэнесь, нудий бильгинэы синьтриўсть.

Ёўкс.

Мольцьть тейтерьнеть вириў ягидас. Ве тейтерьни плутаяўсь. Якась-якась тейтерьнесь вирьганьть, мусь кудыне. Урядызи, штызи кудыниньть тейтерьнесь, уштызи и паньць ягидань брякат, а соньць кекшсь пецька алуў. Се кудынись ульнись орэнь. Састь ортнэ. Ванцызь, гудынись штазь (шлязь) урядазь, сыри орэсь и мере: «кии истя тейсь, се козяйкакс тень улиза». Тейтерьнесь маризе, а эзь листь. Орэсь мере: «кии (ки) истя тейсь, сазырыкс тень улиза». Тейтерьнесь маризи и лиссь и кармась ортнэнь марты эряма. Ортны парьцьти анцьть, симьсть и орчасть-карьцисть тейтерьненьть и тейтерьненьть мельц эрямусь ортнэнь гецы тусь. И ортнэнень бары ульнись тейтерьненьть марта; сон бекь парьцьти

покъ-то бѣгаетъ а сынокъ-то бѣгаетъ. Бѣгалъ-бѣгалъ сынокъ, переломались его тростяныя ноги.

Сказка.

Пошли дѣвушки въ лѣсъ за ягодами. Одна дѣвушка заплуталась. Ходила-ходила по лѣсу, нашла домикъ. Вычистила, вымыла дѣвушка домикъ, истопила и испекла пироги съ ягодами, а сама спряталась подъ печку. Этотъ домикъ принадлежалъ ворамъ. Пришли воры. Видятъ, домикъ вымытъ, старшій воръ и говоритъ: «кто такъ сдѣлалъ, пусть будетъ мнѣ женой». Дѣвушка услышала, но не вышла. Воръ говоритъ: «кто такъ сдѣлалъ, пусть будетъ мнѣ сестрой». Дѣвушка услышала и вышла и начала жить съ ворами. Воры отлично кормили, поили, одѣвали и обували дѣвушку, и дѣвушкѣ понравилось житье у воровъ. И ворамъ было хорошо съ дѣвушкой; она очень хорошо имъ готовила и убирала ихъ домъ.

сряпаясь тест и кудыст урядась. Весть тусть ортнэ; сась Яга-бабась и мери тейтерьненьтень: «мон варчамут сынь, на теть каркске», и карксызи тейтерьненьть; аньцяк карксызи, тейтерьнесь кулысь. Састь ортнэ; аварьцьть-аварьцьть тейтерьненьть велькссa, кармасть штамунsa. Аньцяк юкскизь гаркссынsы, тейтерьнесь живиясь. Радувасть ортнэ, радувась и тейтерьнесь. Тусть омбоцеда ортнэ. Сась тагы Яга-бабась и каясь тейтерьненьть киргава эрькьть. Тейтерьнесь кулысь. Састь ортнэ, аварьцьть-аварьцьть, кармасть штамунsa; саизь эрькьнень гиргастынsы, и тейтерьнесь живиясь. Колмоцеды тусть ортнэ. Тагы сась Яга-бабась и макссь тейтерьненьтень пиликст. Аньцяк пиликснынь ёкстэнsи тейтерьнесь, кулысь. Састь ортнэ, чарасть-чарасть тейтерьненьть кругом, штызь, а пиликснынь даргамуст эсть чарькитть. Тейтерьнесь эзь живия [1]), и ортны калмизь зыньцист кудынинь ваксс.

---

1) живияк.

Однажды ушли воры; пришла баба-яга и говоритъ дѣвушкѣ: «я пришла навѣстить тебя, вотъ тебѣ поясокъ»; и опоясала дѣвушку. Только что опоясала, дѣвушка умерла. Пришли воры; поплакали-поплакали надъ дѣвушкой, начали ее мыть. Лишь только они развязали ея поясъ, дѣвушка ожила. Обрадовались воры, обрадовалась и дѣвушка. Ушли въ другой разъ воры. Пришла опять баба-яга и накинула дѣвушкѣ на шею ожерелье. Дѣвушка умерла. Пришли воры, поплакали-поплакали, начали ее мыть; сняли ожерелье съ ея шеи, и дѣвушка ожила. Въ третій разъ ушли воры. Опять пришла баба-яга и дала дѣвушкѣ серёжки. Лишь только дѣвушка всунула серёжки, она умерла. Пришли воры, повертѣлись-повертѣлись вокругъ дѣвушки, вымыли ее, а вытащить серёжекъ не догадались. Дѣвушка не ожила, и воры похоронили ее рядомъ со своимъ домикомъ.

Ёўкс.

Эрясть атят-бабат; атянь-бабань колмы цёраст; ве цёрась дурак. Цёратьни кармасть сёўнома. Тятясь мере: «яляды сёўна, ветаркасы эрямусь седипара». А цёратьнинь мельцэст как арась тятяньть кулцунумс. Атясь кармась цёратьнинь я(в)умаст. Атяньть ульнись алашазы, скалызы (вазуў) и ревеза. Атясь эстянsы саизи алашаньть, покш цёрантий максызи скалыньть, омбоценень[1]) ревеньть, а дуракыньтий тятязы мерьць: «вазыи покш лялять скалысь, и вазысь тонь». Дуракс[2]) учись-учись, скалысь а вазые. Ве шкани дуракысь сайсь нурды ажия ды кода скалыньть бока ланга вачкитьцэ; скалысь вазынsы каизе. Дуракысь капудизи вазыньть пильгида, тусь мииманsа. Моли дуракысь вирь вакска; лиссь вирьцтыньть ра(в)ужы киска ды онге дуракыньть лангкс. А дуракысь думе, шты кискась вазыньть рамсе. «Аў!» мери кискась. «Зяры максат?» мери дуракысь. «Аў», кискась.

1) омбоценьтень. 2) Дуракысь.

Сказка.

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи было три сына; одинъ сынъ дуракъ. Сыновья стали ссориться. Отецъ говоритъ: «не ссорьтесь, вмѣстѣ жить лучше». А сыновьямъ и не было охоты слушать отца. Старикъ началъ дѣлить сыновей. У старика была лошадь, корова (стельная) и овца. Старикъ себѣ взялъ лошадь, старшему сыну далъ корову, второму овцу, а дураку отецъ сказалъ: «отелится корова старшаго брата, и теленокъ—твой». Дуракъ ждалъ-ждалъ, корова не телится. Однажды дуракъ взялъ санную оглоблю да какъ ударитъ корову въ бокъ; корова выкинула теленка. Дуракъ схватилъ теленка за ноги и пошелъ его продавать. Проходитъ дуракъ около лѣса; вышла изъ лѣса черная собака и лаетъ на дурака. А дуракъ думаетъ, что собака покупаетъ телёнка. »Аў!» говоритъ собака. «Сколько дашь?» спрашиваетъ дуракъ. Собака: «Аў!» — «Дай три рубля!» говоритъ дуракъ.

«Дай голмы полковойть!» мери дуракысь. «Аў», кискась. «Колмоды на!» мери дуракысь и ёрдэзи вазыньть кисканьть ланкс. А кискась ульнись казна. Аньцяк дуракась вассыньть вачкидизи кисканьть, ярмакни чольдерь!!! Дуракысь чийсь кудуў. «Тон мейсь скалыньть чавикь?» мери тятяза. «Паимь заине; мон учинь-учинь, зон истяк а вазые», мери дуракысь. «Ней гоў ялы теки тейсак се вазыньть?» мери тятясь. «Мон уш миине!» мери дуракысь. «Кискась бути рамасэ», мери тятясь. «Мон ра(в)ужы кисканьтинь мининяк, адяды ярмак мельга». Кильдизь алашаньть, мольцьть се тарканьтинь, ванцызь цела куця ярмакт; пещезь ярмакинь грандайс, састь кудуў, ней-гак эреть ветаркаса; пекь сюпафт!

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабань а эйдест а какшист. Кармась бабинись кияксынь деньцеме, мусь репс видьме. — «Атясь а

Собака: «аў!» — «Возьми за три!» говоритъ дуракъ и бросилъ телёнка въ собаку. А собака была кладомъ. Только лишь дуракъ ударилъ собаку теленкомъ, деньги загремѣли. Дуракъ прибѣжалъ домой. «Ты зачѣмъ ударилъ корову?» спрашиваетъ его отецъ. «Я взялъ свою долю; я ждалъ-ждалъ, она такъ не отелится», отвѣчаетъ дуракъ. «А теперь куда ты дѣнешь этого теленка?» спрашиваетъ отецъ. «Я уже продалъ его!» отвѣчаетъ дуракъ. «Можетъ быть, собака купитъ», говоритъ отецъ. «Я и продалъ его черной собакѣ, идите за деньгами». Заложили лошадь, поѣхали на то мѣсто, видятъ цѣлая куча денегъ; собрали деньги въ телѣгу, пріѣхали домой, и теперь живутъ вмѣстѣ; очень богаты!

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи не было дѣтей. Старуха начала мести полъ, нашла рѣпное зерно. —

ятясь, азика видикь репс видьминьть!» мери бабась. Атясь мере: «козэпь видиса?»—«Азя подболокс (куды пряс), видикь». Куссь атясь куды пряс сокат изамут, куссь алаша и кармась подболоконьть сокама. Видизи атясь репс видьминьть. Эрясть-ащисть аламус, бабась и мере: «атясь а ятясь, азяка варчикь репсэньть!» Варчизи атясь репсэньть и мере: «кулакшка». Кучизи бабась атяньть омбоцеды репсэньть варчама. Варчизи атясь и мере: «салдырксышка». Колмоцеды атясь мерць: «чапка крукшка». Нилициды — «суфтимь грукшка». Мельи бабась вередемсь атяньтинь: «кустимак и монь репсэньть варчама», ды и секе. Сайсь атясь мешек, озафтызи бабаньть мешекс и кармась кустима ланга кузиме, а мешекэсь пейсэнзы сускызь. Кузить-кузить, бабась мешекстэньть кеўкссэ атяньть: «ищо васуў?» А атяньтинь нельдзя кургызы афтумс и пеень бачк отьвече: «васуў!» Кузимс кадуўсь авуль васуў. Бабась мешекстэньть мери атяньтинь: «ищо васуў?» Атясь мерексэль:

«Старикъ а старикъ, ступай-ка посѣй рѣпное зерно!» говоритъ старуха. Старикъ говоритъ: «гдѣ посѣю?» — «Ступай на подволоку, посѣй». Втащилъ старикъ на подволоку соху и борону, втащилъ лошадь и началъ вспахивать подволоку. Посѣялъ старикъ рѣпное зерно. Пожили-побыли немного, старуха и говоритъ: «старикъ, а старикъ, ступай-ка, посмотри рѣпу!» Посмотрѣлъ старикъ рѣпу и говоритъ: «она съ кулакъ». Послала старуха старика во второй разъ поглядѣть рѣпу. Посмотрѣлъ старикъ и говоритъ: «она съ солоницу». Въ третій разъ старикъ сказалъ: «она съ кругъ шапки». Въ четвертый: «она съ кругъ рѣшета». Потомъ старуха пристала къ старику: «подсади и меня посмотрѣть на рѣпу», да и только. Взялъ старикъ мѣшокъ, посадилъ старуху въ мѣшокъ и началъ лѣзть по лѣстницѣ, прикусивъ мѣшокъ въ зубахъ. Лѣзутъ-лѣзутъ, а старуха спроситъ старика изъ мѣшка: «еще далеко?» А старику нельзя раскрыть ротъ; онъ и отвѣчаетъ сквозь зубы: «далеко!» Лѣзть оставалось не далеко. Старуха изъ мѣшка говоритъ старику: «еще далеко?» Старикъ хотѣлъ сказать

«авуль!» Апак фатя афтуўсь кургыза, меньць мешекэсь[1]) пейстэнзы, и бабась кустиманьть ланга калдырцы прась и ча(в)уўсь. Атясь валксь. Ванцы бабаньть пеензы низилгафтызь. Атясь сайсь палка и дай бабаньть ча(в)ума, соньць кортэ: «иля пеетть ланґксын, иля пеетть ланґксын, иля пеетть ланґксын». Мельи атясь чарькиць, шты бабась кулысь, кильць алаша и тусь лайшиця вешнеме. Арды атясь, лиссь карчинзы нумул. — «Покщай а покщай, гоў молят?» — «Лайшиця вешнеме». — «Саимак монь». «А кода тон лайшат?» Нумулысь кармась: «кекь-кекь-кекь!» — «Истя пеецьсак бабаньть», мери атясь. Мольць-мольць атясь, карчинзы офта. — «Покщай а покщай, гоў молят?» — «Лайшиця вешнеми, бабам гулысь». — «Саимак монь». — «А тон кода лайшат?» Кода офтэсь ранґкстэ! Атясь патай пилинзы купдыньзи и мере: «истя бабаньть стяўсак». Вастызи атяньть верьгез и се мельц эзь дук. Сы атяньть карчы ривизь. — «Покщай а покщай, дон гоў?» — «Молян лайшиця вешнеме». — «Ды цей монь заи-

1) мешексь.

«нѣтъ!» Нечаянно раскрылся его ротъ, сорвался мѣшокъ изъ его зубовъ и старуха съ грохотомъ унала вдоль лѣстницы и убилась. Старикъ слѣзъ. Видитъ, что зубы у старухи ощерены. Старикъ взялъ палку и давай колотить старуху, самъ приговариваетъ: «не смѣйся надо мной» (3). Потомъ старикъ догадался, что старуха померла, запрягъ лошадь и отправился искать плакальщицу. Ѣдетъ старикъ, на встрѣчу ему вышелъ заяцъ.—«Дѣдушка, а дѣдушка, куда ты ѣдешь?»—«Искать плакальщицу».—«Возьми меня».—«А какъ ты голосишь?» Заяцъ началъ: «кек-кек-кек!»—«Ты такъ разсмѣшишь старуху», говоритъ старикъ. Ѣдетъ-ѣдетъ старикъ, на встрѣчу ему медвѣдь.—«Дѣдушка, а дѣдушка, куда ѣдешь?»—«Искать плакальщицу, моя старуха померла».—«Возьми меня».—«А ты какъ голосишь?» Какъ рявкнетъ медвѣдь! Старикъ инда схватился за уши и говоритъ: «ты такъ разбудишь старуху». Встрѣтилъ старика волкъ, но и онъ не понравился. Идетъ на встрѣчу старику лисица.—«Дѣдушка, а дѣдушка, ты куда?»—«Я иду искать

мак!» — «А лайскими маштат?» — «Ды цей монь гоньдятт лайшицят арасть», мери ривизись. Сазди атясь ривизиньть, ускизи кудуў. Кармась ривизись лайшиме: «бабась лоск, модась тоск; пильгит вереў, брят алуў». Лайши-лайши ривизись, чурасыньзи кандыласнынь и мере: «покщай, ваныка, зяры сельведь!»

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабянь ульнисть кафты тейтерьнест. Кучиньзи авась тейтерьнетьнень вириў ягидас и мерьць тест: «кинь икили пешкеди паргыза, сень мирдининь максса». Пешкець икили паргызы вишка тейтерьненьть. Те покш тейтереньть мельц эзь дук. Сон зазырынзы чавизи ды верьгез ямас каизе. Се тейтерьнестэньть кассь килий сэрей ды виде. Юты килиньть вакска сриикань дейней и мере: «ваны кились сриикакс кодамы пара!» и кармась керямунза. А килийнись кармась морама:

плакальщицу».—«Да чай меня возьми!»—«А голосить ты умѣешь?»—«Да чай подобныхъ мнѣ плакальщиковъ нѣтъ», отвѣчаетъ лисица. Взялъ старикъ лисицу, привезъ домой. Лисица начала голосить: «земля зашуми, старуха туда (чтобъ въ землю); твои ноги къ верху, твоя голова внизъ». Поголоситъ - поголоситъ лисица, об..... гробъ и скажетъ: «дѣдушка, посмотри-ка сколько слёзъ!»

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи были двѣ дочери. Послала мать дочерей въ лѣсъ по ягоды и сказала имъ: «чей кузовокъ прежде наполнится, ту я отдамъ за мужъ». Прежде наполнился кузовокъ младшей дѣвушки. Это не понравилось старшей дѣвушкѣ. Она убила свою сестру и бросила въ волчью яму. Изъ этой дѣвушки выросла берёза высокая и прямая. Проходитъ мимо нея скрипичный мастеръ и говоритъ: «вотъ какъ хороша берёза на скрипки!» И началъ ее рубить. А берёзка начала пѣть:

«Ох, лялинимь, застыне,
Ох, лялинимь, стамбарнэ,
Истякак прям зэреде:
Сука патькам цавимимь,
Верьгез ямас каимимь,
Ашы килийкс мон цачинь,
Килий даратт монь геден,
Килий ѣюцюфт монь зурнын».

Керези сриикань дейнеесь килиинъть, путызи крандайс и тусь мартынѣа. Сувась сриикань дейнецясь[1]) велес удума и сувась хватерас тейтерьненьть тятянцтынь. Тейтерьненьть тятяньтий сриикань дейнейсь мере: «мон годамы килий ускинь, ломанькс кортэ». Лиссь тейтерьненьть тятяза, кармась килийниньть варчниме, и килийнись кармась морама: «Ох тятякай; застыне» (и т. д.). Сувась цёрась кудыс и мери козяйканцтый: «кодамы килий, ломанькс

1) теинейсь.

«Охъ, братецъ, тихонько, охъ, братецъ, легонько, и такъ болитъ головка моя, убила меня сука сестрёнка, бросила меня въ волчью яму. Я родилась бѣлой берёзкой, берёзовыя вѣтки—мои руки, березовыя почки—мои пальцы». Срубилъ скрипичный мастеръ березу, положилъ въ телѣгу и отправился съ ней къ путь. Въѣхалъ скрипичный мастеръ въ село на ночлегъ и въѣхалъ на квартиру къ отцу дѣвушки. Скрипичный мастеръ говоритъ отцу дѣвушки: «какую я привезъ березу, говоритъ по-человѣчьи!» Вышелъ отецъ дѣвушки, началъ разсматривать берёзку, и берёзка начала пѣть: «Охъ, батюшка, тихонько» (и т. д.). Мужикъ вошелъ въ избу и говоритъ своей женѣ: «какая берёза, говоритъ по-человѣчьи!»

кортэ!» Лиссь авась, кармась килиниить варчниме, а килийнись кармась морама: «Охъ, авакай, застыне!» (и т. д.). Сувась авась, ёфтась тейтереньтей. Лиссь тейтересь, кармась килийниить варчниме, а килийнись кармась морама:

«Сука патькай, застыне,
Сука патькай, стамбарнэ.
Истякак прям зэреде.
Кода тон монь цавимикь,
Верьгез ямас каимикь,
Ашы килийкс мон цачинь,
Килий даратт монь геден,
Гилий зюцюфт монь зурнын!»

Саизь гилиниить и думасть пултамунза. Каизь гилиниить пецькас, килиись кирвайсь. Лифтясь килийстыниить гулькине, озась гулькинись брус ланкс и кармась морама: «Сука патькам цавимимь» (и т. д.). Мораўсь морэсь, и лифтясь гулькинись.

Вышла мать, начала разсматривать берёзку, а берёзка начала пѣть: «Охъ, матушка, тихонько» (и т. д.). Вошла мать (въ избу), разсказала дочери. Вышла дочь, начала разсматривать берёзку, а берёзка начала пѣть: «Сука сестрица, тихонько, сука сестрица легонько, и такъ головка моя болитъ. Какъ ты меня убила, бросила въ волчью яму, я родилась бѣлой берёзой, березовыя вѣтки — мои руки, березовыя почки—мои пальцы!» Взяли берёзу и рѣшили ее сжечь. Бросили берёзу въ печь, берёза загорѣлась. Вылетѣла изъ берёзы голубка, сѣла голубка на брусъ и начала пѣть: «сука сестрица моя меня убила» (и т. д.). Спѣлась пѣсня, и улетѣла голубка.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабань ульнись цёрэнест ды тейтерьнест. Прась бабинись, кулысь. Бабининьть калмизь. Мельи тейтерьнесь ды цёрэнесь мереть тятяст туртуў: «тятяй, зайть од ава, тятяй, зайть од ава!» — «Саян, ды мелезэнгк туиза», мери тятясь. — «Од авась од баля сты!» мереть пакшатьне. Сайсь атясь од ава. Од авась мери атяньтий: «печкекь цёрат, карман мартыт эряма, а печксак, а карман мартыт эряма». Атясь цёрэненьы печкезе, а бабась ямукс пидизе (цёрэненьть). Озасть атяньть марты бабась ярцама, а тейтерьненьть полоклангкс панизь. Атяньть марты бабась ямуньть корчезь, и сывилиньть сэвезь, а ловажинитьнинь тейтерьненьть лангкс ёврезь. Тейтерьнесь пурныньѣи ялакскинѣы ловажинитьнинь, сюлминьѣи ашы пацини поц, ды путыньѣи булдырьни пряс. Ловажинитьни тееўсть гулькиникс и кармасть морама:

Сказка. [Превращенная въ голубку дѣвочка].

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи были сынокъ и дочка. Заболѣла старушка и умерла. Старушку похоронили. Послѣ этого дочка и сынокъ говорятъ отцу: «отецъ, возьми мачеху, возьми мачеху!»—«Возьму, отвѣчаетъ отецъ, да понравилась бы вамъ».—«Мачеха, говорятъ ему дѣти, сошьетъ новую рубашку!» Взялъ старикъ мачеху. Мачеха говоритъ старику: «зарѣжь своего сына, тогда стану съ тобой жить; не зарѣжешь, не стану жить съ тобой». Старикъ зарѣзалъ своего сынка, а старуха сварила его (сынка) на щи. Сѣли кушать старикъ со старухой, а дочку прогнали на полати. Старикъ со старухой выхлебали щи, съѣли мясо, а косточки перекидали на дочку. Дѣвочка собрала братишкины косточки, завязала ихъ въ бѣлый платочекъ и положила на брусъ. Косточки сдѣлались голубкой и начали пѣть:

«Гульдирь-гуў-гуў-гуў, дятькам бечкемемь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, авинимь бидимимь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, прякафтумы сэвемезь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, батькань ланкс ёвремезь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, батькам бурнымимь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, ашы пацяс сюлмимимь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, булдырьни пряс путымимь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, гулькинининкс теевень». Бабась маризи морамуньть и мери атяньтинь: «Варчтака [1]), те ки морэ!» Кармась атясь кузими пецька ланкс, а гулькинись кода скокади булдырьни прясты ды вельдярьмава и лифтясь. Лифтясь, лифтясь гулькинись, ванцы карчинsы уры микшний. — «Уры микшний, а уры микшний, дайка монянь коморы ура, мон деть моры моран!» мери гулькинись. Уры микшнийсь макссь гулькининьтий коморы ура. Гулькинись озась уры микшнииньть чирькинsы ланкс и кармась: «Гульдирь-гуў-гуў-гуў, дятькам бечкемемь,

1) варштака.

«гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, тятенька меня зарѣзалъ; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, мачеха меня сварила; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, они съѣли меня безъ пирога (безъ хлѣба); гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, они перекидали меня на сестру; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, сестрица меня собрала; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, она завязала меня въ бѣлый платокъ; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, она положила меня на брусъ; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, я сдѣлался голубкой». Старуха услышала пѣніе и говоритъ старику: «посмотри-ка, кто это поетъ!» Сталъ старикъ лѣзть на печку, а голубка какъ соскочитъ съ бруса, да въ печное окошко и улетѣла. Летѣла, летѣла голубка, смотритъ— навстрѣчу шильный торговецъ. — «Шильный торговецъ, а шильный торговецъ, дай-ка мнѣ горсть шильевъ, я тебѣ спою пѣсню!»— говоритъ голубка. Шильный торговецъ далъ голубкѣ горсть шильевъ. Голубка сѣла на дугу шильнаго торговца и начала:

гульдирь-гуў-гуў-гуў, од авинимь бидимимь» (и т. д.). Морэзи морэньть гулькинись, тусь тагы лифтяма. Лифтясь, лифтясь, карчинзы салмукс микшний. — «Салмукс микшний, а салмукс микшний, дайка монянь гоморы салмукс, мон деть моры моран!» мери гулькинись. Салмуксынь микшниись макссь гулькининьтинь коморы салмукс. Гулькинись озась салмуксынь микшниинъть чирькинзы ланкс ды кармась: «Гульдирь-гуў-гуў-гуў, дятькам бечкемемь» (и т. д.). Мораўсь морэсь, гулькинись тагы тусь лифтяма. Лифтясь-лифтясь, карчинзы медь микшний. — «Медь микшний, а медь микшний, дайка монянь медь беньч, мон деть моры моран!» мери гулькинись. Медь микшницясь макссь гулькининьтинь медь беньч. Гулькинись озась медь микшницяньть чирькинзы ланкс и кармась: «Гульдирь-гуў-гуў-гуў, дятькам цавимимь» (и т. д.). Мораўсь морэсь, гулькинись тагы тусь лифтяма. Лифтясь гулькикинись мекеў гудуў, сувась кудыкилиў, озась куды кенкшеньть велькс и кармась морама: «Гульдирь-гуў-гуў-гуў, тятькам бечке-

---

«гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, тятенька меня зарѣзалъ; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, мачеха меня сварила» (и т. д.). Спѣла пѣсенку голубка, пошла опять летѣть. Летала-летала,—на встрѣчу ей игольный торговецъ.—«Игольный торговецъ, а игольный торговецъ, дай-ка мнѣ горсть иголокъ, я тебѣ спою пѣсню!» говоритъ голубка. Игольный торговецъ далъ голубкѣ горсть иголокъ. Голубка сѣла на дугу игольнаго торговца и начала: «гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, тятенька меня зарѣзалъ» (и т. д.). Спѣлась пѣсенка, и голубка опять пошла летѣть. Летѣла-летѣла,—на встрѣчу ей торговецъ мёдомъ.—«Торговецъ мёдомъ, а торговецъ мёдомъ, говоритъ голубка, дай-ка мнѣ ложку меду, я тебѣ спою пѣсню!» Торговецъ медомъ далъ голубкѣ ложку меду. Голубка сѣла на дугу торговца медомъ и начала: «гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, тятенька меня убилъ» (и т. д.). Спѣлась пѣсня, голубка опять пошла летѣть. Прилетѣла голубка опять назадъ домой, вошла въ сѣни, сѣла надъ избной дверью и начала пѣть: «гульдирь-гувъ-гувъ-

мемь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, од авинимь бидимимь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, прякафтумы сэвемезь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, батькань ланкс'ёвремезь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, батькам бурнымимь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, ашы пацяс сюлмимимь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, булдырьни пряс путымимь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, гулькиникс тееевень». Тятязы маризи морамуда, лиссь кудыкилиў, ды афтынь гуркт ваны вереў. Гулькинись каизи коморы урыньть кургызынsa. Атясь поваўсь, кулысь. Кармась гулькинись тагы морама. Маризи гулькининьть од аваза, лиссь кудыкилиў ды афтынь гуркт ваны вереў. Гулькинись каизи коморы салмуксыньть од аванsы куркс. Поваўсь од авазы, кулысь. Кармась гулькинись тагы морама. Маризи гулькининьть патьказа, лиссь кудыкилиў ды афтынь гуркт ваны вереў. Гулькинись каизи медь беньченьть патянsы куркс.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабань а эйдест а какшист. Тусь бабась орожьянинь; мольць-мольць, мусь кудыне. Сувась бабась

гувъ, тятенька меня зарѣзалъ» (и т. д.) Отецъ услышалъ пѣсню, вышелъ въ сѣни и смотритъ вверхъ разиня ротъ. Голубка бросила ему въ ротъ горсть шильевъ. Старикъ подавился и умеръ. Голубка стала опять пѣть. Услышала голубку мачеха, вышла въ сѣни и смотритъ вверхъ разиня ротъ. Голубка бросила въ ротъ своей мачехѣ горсть иголъ. Подавилась мачеха и умерла. Голубка стала опять пѣть. Услышала голубку сестричка, вышла въ сѣни и смотритъ вверхъ разиня ротъ. Голубка бросила въ ротъ своей сестрѣ ложку меду.

Сказка. [Снѣгурочка].

Жили старикъ и старуха, у нихъ не было дѣтей. Пошла старуха къ ворожеѣ; шла-шла, нашла домикъ, вошла старуха въ

кудыниньтинь, кудынисыньть ащи Яга-баба. Яга-бабась соньць кудышка, прязы кардышка; ве пильгизы пецька ланґкса, а омбоцесь полок ланґкса; ве кедезы эзень бряса, а омбоцесь пецька пкиле. Бабинись сувась, сюкунясь Яга-бабаньтий и мере: «Здороўў, Яга-бабай!» — «Здороў авулить мерьтьдяря, кафтуў зезелетень, вейкеў нилилитинь!» мери Яга-бабась. — «Моньь, Яга-бабакай, эйден арасть!» мери бабась. — «Азя, сювурдак лоў зювуркс, путыкь сонзы лаўсьс; нурьцят-нурьцят, сон деевн пакшакс». Сась авась кудуў; сювурдась лоў зювуркс, путызи лаўсьс; нурьцись-нурьцись авась, марясы пакша вайгиль, штафтызи, лаўсьсыньть тейтерьбакшине. Радувасть цёраньть марты авась и думить, ней годама пакшаньтий лемь буттана. Путызь бакшаньть лемензы Лоўняське. Кассь Лоўняськи уш покшкесты и ульнись пекь пары, превей и мазый. Састь ве шкани Лоўняськинь ялганзы и мереть Лоўняськинь аванцтый: «нолдэкь Лоўняськинь миникь марты вириў ягидас». Лоўняськинь авазы пекь эзь нолда. Мельи

домикъ, въ домикѣ баба-яга. Баба-яга сама съ домъ, а голова ея съ хлѣвъ; одна нога у ней на печкѣ, а другая на полатяхъ; одна рука на передѣ, а другая передъ печкой. Старушка вошла, поклонилась бабѣ-ягѣ и говоритъ: «здравствуй, баба-яга!»—«Если бы ты не сказала здравствуй, отвѣчаетъ баба-яга, я разорвала бы тебя на двѣ части и въ одинъ разъ проглотила бы тебя!»—«У меня, бабушка-яга, нѣтъ дѣтей», говоритъ старуха.—«Иди, скатай снѣжный комокъ, положи его въ люльку; покачаешь-покачаешь, онъ сдѣлается ребенкомъ». Пришла старуха домой; скатала снѣжный комокъ, положила въ люльку; покачала-покачала женщина, слышитъ дѣтскій крикъ, открыла люльку, въ ней дѣвочка. Обрадовались мужъ и жена и думаютъ, какое мы теперь дадимъ имя ребенку. Дали ребенку имя Снѣгурочка. Выросла Снѣгурочка уже большенькой и стала очень хорошая, умная и красивая. Пришли однажды подруги Снѣгурочки и говорятъ Снѣгурочкиной матери: «пусти Снѣгурочку съ нами въ лѣсъ по ягоды».

и ялгатьни и соньць Лоўняськи вередемьсть аваньтий и авась нолдэзе. Тусть тейтерьнетьни вирцў. Якасть-якасть тейтерьнетьне, кочкасть ламы ягидат. Кармасть тейтерьтьни кудуў зыргама, лисьсть вирьцтыньть, а уш кармась суньдирьгадума. Ванцызь дейтерьнетьни вириньть бокасы ащи кудыне, ундыкски стяфтызе, палакски вельтезе, сынь дозэй зувасть и мереть: «дайти теск удытана, а валцки тутана кудуў». Аньцяк тейтерьнетьни маднисть, сувась покш кургы офтэсь, а се кудынись ульнись покш кургы офтэньть. — «Удыды-удыды! мери покш кургы офтэсь, валцки рана мон денкь зафтырк кенерьцтян!» Валцки покш кургы офтэсь стясь рана, уштызи кудынsа. Тейтерьнетьни веси удысть, аньцяк Лоўняськи а удэ; сонь геденsы алга ваны, покш кургы офтэсь местейне. А покш кургы офтэсь похлёпка пиде: каясь чугуньнь-тинь ведь, луфнись ланкстынsы таст (офтэсь ульнись таз боца), кайсиньsи таснынь цугунц, лакафтыньsе. Стяфниньsи офтэсь тейтерьнетьнень. Тейтерьнетьни веси ярцыть, а Лоўняськи соды,

---

Мать ни за что не пускала Снѣгурочку. Потомъ и подруги и сама Снѣгурочка пристала къ матери и мать пустила. Пошли дѣвушки въ лѣсъ. Ходили-ходили дѣвушки, набрали много ягодъ. Стали дѣвушки собираться домой, вышли изъ лѣсу, а ужъ начало смеркаться. Увидѣли дѣвушки на краю лѣса стоитъ домикъ—душлышко поставило, крапивушка покрыла—онѣ вошли туда и говорятъ: «давайте проночуемъ здѣсь, а утромъ пойдемъ домой». Только что легли дѣвушки, вошелъ медвѣдь большой ротъ,—а домикъ этотъ принадлежалъ ему.—«Спите-спите!» говоритъ медвѣдь большой ротъ, «утромъ рано я приготовлю вамъ завтракъ!» На слѣдующій день медвѣдь большой ротъ всталъ рано, вытопилъ свой домъ. Дѣвушки всѣ спали, но не спала лишь Снѣгурочка; изъ подъ рукъ [которыми она закрыла свое лицо] она смотритъ, что дѣлаетъ медвѣдь большой ротъ. А медвѣдь большой ротъ варитъ похлебку: налилъ воды въ чугунъ, наковырялъ съ себя шелудей (медвѣдь былъ покрытъ шелудями), насыпалъ шелуди въ чугунъ, вскипятилъ. Разбудилъ медвѣдь дѣвушекъ. Всѣ дѣвушки ѣдятъ, а Снѣгурочка

мези марты похлёпкась, и а ярцэ. Офтэсь мери, кода ярцаўсть тейтерьнетьне: «кона ярцась, сень гудуў нолдаса, а кона эзь ярца, сень деса каца». Нолдэньзи офтэсь тейтерьнетьнень гудуў, а Лоўняськинь гадызи эстязэа. Суваўсь покш кургы офтэсь нуртт, поводеньзи лаўсь лаца, маць эзэст и мере: «Лоўняськи, нурьцимак!» Лоўняськись нурьцись-нурьцись, офтэзь матидпўсь. Офтэсь уды, а Лоўняськись ащи ды аварьде. Лифтясь вальмалуў орёл и мере: «Лоўняськи, местейнят?» — «Ащан ды аварьдян», мери Лоўняськись. — «Адя озак лангызын, мон гудуў бачтян!» мери орёлэсь. Озась Лоўняськи орёлэньть лангкс. Орёлэсь вачкидиньзи лапанзэа, лифтясь. Лифтясть-лифтясть орёлэньть марты Лоўняськить, сыргыйсь покш кургы офтэсь. Сон царькиць, косы Лоўняськи, и напустясь сасамуст. Орёлэсь лифтясь-лифтясь, сизись, валксь оймама. Покш кургы офтэсь сасыньзи самай оймамста, сезьнези орёлэньть толгань долгань; сапзи мекеў Лоўняськинь. Састь Лоўняськинь ялганзы кудуў, ёфтасть Лоўняськида аванц-

---

знаетъ, съ чѣмъ похлебка, и не ѣстъ. Когда дѣвушки поѣли, медвѣдь говоритъ: «которая поѣла, я ту пущу домой, а которая не ѣла, ту я оставлю здѣсь». Отпустилъ медвѣдь дѣвушекъ домой, а Снѣгурочку оставилъ у себя. Внесъ медвѣдь большой ротъ сани, повѣсилъ ихъ наподобіе люльки, легъ въ сани и говоритъ: «Снѣгурочка, покачай меня!» Снѣгурочка покачала-покачала, медвѣдь заснулъ. Медвѣдь спитъ, а Снѣгурочка стоитъ и плачетъ. Прилетѣлъ подъ окно орелъ и говоритъ: «Снѣгурочка, что ты дѣлаешь?» — «Стою и плачу», отвѣчаетъ Снѣгурочка. — «Иди сядь на меня, я провожу тебя домой!» говоритъ орелъ. Сѣла Снѣгурочка на орла. Орелъ ударилъ крыльями и полетѣлъ. Летѣли-летѣли орелъ и Снѣгурочка, проснулся медвѣдь большой ротъ. Онъ догадался, гдѣ Снѣгурочка, и пустился ихъ догонять. Орелъ летѣлъ-летѣлъ, усталъ, спустился отдохнуть. Медвѣдь большой ротъ застигъ ихъ въ то самое время, какъ орелъ отдыхалъ, разорвалъ орла по перышку и взялъ Снѣгурочку обратно. Вернулись Снѣгурочкины подруги домой, разсказали о Снѣгурокѣ ея матери, что

тый, шты сонзы покш кургы офтэсь эстянзы кадызе. Лиссь Лоўняськинь авазы кардайс, озась мукурь ланкс и кармась аварьдиме. Мольць Лоўняськинь аванзы ваксс тазуў-дузуў букинись, конань мукурцынзы кафты пулыт, и мере: «иля аварьть, мон Лоўняськинь заласа покш кургы офтэньть кецта». Омбоцеды матидиўсь покш кургы офтэсь нурттнынинь. Лоўняськи тагы озась вальмалуў ды аварьде. Мольць вальманьть алуў дазуў-дузуў букинись и мере: «Лоўняськи, месть аварьдят?» — «Покш кургы офтэсь кудуў а нолдасамам», мери Лоўняськись. — «Сак озак лантызын, мон бачтян гудуў», мери тазуў-дузуў букинись. — «Косты тонять пачтимс, орёлнэнь иты эзень залафт», мери Лоўняськись. — «Коли мереть теть, адя озак», мери тазуў-дузуў букинись. Озась Лоўняськись букининьть ланкс, оргоцьть. Сыргыйсь покш кургы офтэсь, напустясь мельгаст. Кармась офтэсь сасамуст, букинись Лоўняськиньтинь мере: «таргикь мукурцтын ве тулыньть!» Таргизи Лоўняськись ве тулыньть букининьть мукурцта, букинись офтэньть и

медвѣдь большой ротъ оставилъ ее у себя. Вышла Снѣгурочкина мать на дворъ, сѣла на пень и начала плакать. Подошелъ къ Снѣгурочкиной матери шелудивый-короставый бычокъ, въ заду котораго было два клина, и говоритъ: «не плачь, я выкраду Снѣгурочку у медвѣдя большого рта». Въ другой разъ заснулъ медвѣдь большой ротъ въ саняхъ. Снѣгурочка опять сѣла подъ окномъ и плачетъ. Подошелъ подъ окошко шелудивый-короставый бычокъ и говоритъ: «Снѣгурочка, ты чего плачешь?»—«Медвѣдь большой ротъ не пускаетъ меня домой», отвѣчаетъ Снѣгурочка.—«Иди садись на меня, я доставлю тебя домой», говоритъ шелудивый-короставый бычокъ.—«Куды тебѣ доставить, орелъ и то не могъ меня украсть», отвѣчаетъ Снѣгурочка.—«Когда тебѣ говорятъ, иди садись», говоритъ шелудивый-короставый бычокъ. Сѣла Снѣгурочка на быка, побѣжали. Проснулся медвѣдь большой ротъ, пустился за ними. Медвѣдь сталъ ихъ нагонять, бычокъ говоритъ Снѣгурочкѣ: «вытащи изъ моего зада одинъ клинъ!» Вытащила Снѣгурочка одинъ клинъ изъ зада бычка, бычокъ обдристалъ и

сельменьы и чаманьы пургизе. Лоткась офтэсь, кармась чаманьы нарьтниме, а букинись ялы ардэ. Нарьтниўсть офтэньть сельменьы чаманьа, напустясь тагы букининьть марты Лоўняськинь мельга. Кармась тагы офтэсь сасамуст, букинись мери Лоўняськининь: «таргикь мукурцтын омбоци тулыньть!» Таргизи Лоўняськись омбоци тулыньть, пургизи букинись офтэньть пряды пилькс. Тагы лоткась офтэсь пургаўснынь нарьтниме, а се шканьть букининьть марты Лоўняськи кудуў бачкицьть.

Ёўкс.

Эрясть атять бабат, атянь бабань ульнись тейтерьнест. Прась бабась, кулысь. Тейтерьнесь мере: «тятяй, зайть од ава, тятяй, зайть од ава!» — «Саян ды мелезэт пары улиза», мери тятясь. — «Од авась од баля сты», мери тейтерьнесь. Атясь урьваксс. Од авась мери атяньтий: «юмафтыкь тейтерет, карман мартыт эряма».

глаза и лицо медвѣдя. Остановился медвѣдь, началъ вытирать лицо, а бычокъ все скачетъ. Вытеръ медвѣдь глаза и лицо, и пустился опять за бычкомъ и Снѣгурочкой. Опять сталъ ихъ нагонять медвѣдь, бычокъ говоритъ Снѣгурочкѣ: «вытащи изъ моего зада второй клинъ!» Вытащила Снѣгурочка второй клинъ, обдристалъ бычокъ медвѣдя съ головы до ногъ. Опять остановился медвѣдь, чтобы вытереть то, чѣмъ его обдристалъ бычокъ, а въ это время бычокъ вмѣстѣ съ Снѣгурочкой добѣжали до дома.

Сказка. [Злая мачеха и медвѣдь].

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи была дочка. Слегла старуха, померла. Дочка говоритъ: «батюшка, возьми мачеху!» — «Возьму, да понравилась бы это тебѣ», отвѣчаетъ отецъ. — «Мачеха сошьетъ новую рубашку», говоритъ дочка. Старикъ женился. Мачеха говоритъ старику: «погуби свою дочку, (тогда) буду

Атясь кильць-повоць, озафтызи тейтерензa, ускизи вириў, ундыкски стяфтызе, палакски вельтези, кудынис су(в)афтызи и мере: «ащикь, тейтерьнемь, мон молян эрявикс чуфтынь геряма». Атясь лиссь кудынистыньть и тусь кудуў. Тейтерьнесь учись-учись, тятязы арась. Сась суньдирьгадумы шка. Тейтерьнесь кармась лайшиме: «Виринь дятят, вирь ават. Сады мартын удумы и удумы ащиме».

Ви-ринь дя-тят, вирь а-ват

Офтэсь маризи и мере: «ужы-ужы, эйдякай, гандан деть понды эрькьть, понды грушат, понды горьнипофт и понды суриведьметь». Сась офтэсь, кандынь8и месть алуфтась и мере: «на, тейтеремь, керьксэть, а мон мадян оймсеме; аньцяк керьксавить, стяфтумак». Офтэсь куссь пецька лангкс и маць. Тейтерьнесь кармась эрьгень герьксама, а чумбулкскись лиссь и мере: «патькай а патькай, дай монянь эрьгене, грушине, горьнипоўне и сури ведьмене!» Тейтерьнесь сайсь эрьгене, грушине, горьнипоўне, сури ведьмени

съ тобой жить». Старикъ заложилъ (лошадь), посадилъ свою дочь повезъ ее въ лѣсъ, ввелъ въ домикъ, который поставило дуплышко, покрыла крапивка, и говоритъ: «побудь дочка, я пойду рубить нужное дерево». Старикъ вышелъ изъ домика и пошелъ домой. Дѣвочка ждала-ждала, отца ея нѣтъ. Наступили сумерки. Дѣвушка начала голосить: «лѣшіе, лѣшачихи, придите ночевать со мной и ночевать посидѣть». Медвѣдь услышалъ ее и говоритъ: «постой-постой, дитятко, я принесу тебѣ пудовку бусъ, пудовку крупныхъ бусъ, пудовку погремушекъ и пудовку концовъ нитокъ». Пришелъ медвѣдь, принесъ, что̀ обѣщалъ, и говоритъ: «возьми дочка, нанизывай ихъ, а я лягу отдыхать; какъ нанижешь, разбуди меня». Медвѣдь влѣзъ на печку и легъ. Дѣвочка начала нанизывать бусы, а ласочка вышла и говоритъ: «сестрица, а сестрица, дай мнѣ бусинку, крупную бусинку, погремушку и конецъ нитки!» Дѣвочка взяла бусинку, крупную бусинку, погремушку и конецъ

и максынь҃ви чумбулкскиньтий. Чумбулкскись саинь҃ви ды мере: «пасиба, патькай, моньць как пары теть теян», и тусь. Стясь покш кургы офтэсь и мере: «керьксаўсть штоли?»—«Керьксаўсть», мери тейтерьнесь.—«Ну, дай гончкесы нальксиме», мери офтэсь. Валксь офтэсь пецька лангкста, макссь тейтерьненьтень сиянь баягини и мере: «тон чийникь и дилиньть! а мон зельмень зюлмасынь». Сюльминь҃ви офтэсь сельменза. А се шканьть лиссь варинисты чумбулкскись, саизи тейтерьненьть кецты баягининьть, а тейтерьненьть кекшези пецька алуў, и кармась баягининьть диливьдиме. Офтэсь мере: «косат?» — «Тесан-досан, ваны косан!» мери чумбулкскись. Офтэсь сюлмань зельмть вемьберьть якась кудыниваньть, а кияк тензы эзь бонкт. Ашилгаць. Офтэсь напустясь вириў. Бабась мери атяньтинь: «азя тункь тейтерет, карман мартыт эряма; а тусак, а карман мартыт эряма». Кильць-повоць атинись, тусь вириў, муизи кудыниньть. Су(в)ась атясь кудыниньтинь, а тейтереньть киргасы эрькьть, грушат, горьнипофт, ащи буты

нитки и дала ихъ ласочкѣ. Ласочка взяла ихъ и говоритъ: «спасибо, сестрица, и я сдѣлаю тебѣ добро», и ушла. Всталъ медвѣдь большой ротъ и говоритъ: «нанизала что ли?»—«Нанизала», отвѣчаетъ дѣвочка.—«Ну, давай играть въ жмурки», говоритъ медвѣдь. Слѣзъ медвѣдь съ печи, далъ дѣвочкѣ серебряный колокольчикъ и говоритъ: «ты бѣгай и звони! а я завяжу свои глаза». Завязалъ медвѣдь свои глаза. А въ это время вышла изъ норки ласочка, взяла изъ рукъ дѣвочки колокольчикъ, а дѣвочку спрятала подъ печку и начала звонить въ колокольчикъ. Медвѣдь говоритъ: «гдѣ ты?»—«Я здѣсь и тамъ, смотри гдѣ я!» отвѣчаетъ ласочка. Медвѣдь съ завязанными глазами ходилъ всю ночь по домику, никто ему не попался. Разсвѣло. Медвѣдь убѣжалъ въ лѣсъ. Старуха говоритъ старику: «ступай, привези свою дочь, (тогда) стану жить съ тобой, а если не привезешь, я не стану съ тобой жить». Заложилъ старикъ (лошадь), поѣхалъ въ лѣсъ, нашелъ домикъ. Вошелъ старикъ въ домикъ, а у дочери на шеѣ бусы, крупные бусы, погремушки, сидитъ точно барыня. Взялъ

боярава. Саизи атинись и тусь мартынзы кудуў. А кискинись ащи орта ланґксы и мере: «каў-каў, батькам зы, пурдань зюлгамни туе!» А бабась мере: «тиба-тя-тя-тя! мерыть: кахмарьне!» Сась атясь, тейтерьнесь ащи наряжазь бояравакс. Неези тейтерьнесь кискининьть, макссь тензы пурдань зюлгамне. Бабась мере: «Атясь а ятясь, азя юмафтыкь монь дейтереньть!» Атясь кильцьповоць, озафтызи бабаньть тейтеренза, тусь вириў юмафтуманза. Су(в)афтызи атясь тейтереньть секи кудыньтинь и мере: «ащикь, дочай, молян эрявикс чуфтынь геряма». Тусь атясь. Тейтерьнесь кадуўсь ськамунза. Сась чёкшне. Тейтерьнесь кармась лайшиме: «виринь дятят, вирь ават, сады мартын удумы и удумы ащиме». Маризи покш кургы офтэсь и мере: «ужы-ужы, эйдякай, гандан деть понды эрькьть, понды грушат, понды горьнипофт, понды сури ведьметь!» Сась офтэсь, кандыньзи месть алфтась и мере: «на керьксак, а мон мадян; аньцяк керьксавить, стяфтумак, и минь гарматана коньчкесы нальксиме». Офтэсь мащь пецька ланґкс,

---

ее старикъ и поѣхалъ съ нею домой. А собачка сидитъ у воротъ говоритъ: «кавъ-кавъ, ѣдетъ моя сестрица, везетъ витую запонку!» А старуха говоритъ: «цыцъ! скажи: мосолокъ!» Пріѣхалъ старикъ, а дѣвочка сидитъ одѣта барыней. Увидѣла дочка собачку, дала ей витую запонку. Старуха говоритъ: «старикъ а старикъ, ступай погуби мою дочь!» Старикъ заложилъ (лошадь), посадилъ старухину дочь, поѣхалъ въ лѣсъ, чтобы ее погубить. Ввелъ старикъ дѣвочку въ тотъ же домикъ и говоритъ: «подожди, дочка, я пойду рубить нужное дерево». Ушелъ старикъ. Дѣвочка осталась одна. Наступилъ вечеръ. Дѣвочка стала голосить: «лѣшіе и лѣшачихи, придите ночевать со мной и ночевать-посидѣть». Услыхалъ это медвѣдь большой ротъ и говоритъ: «постой-постой, дитятко, я принесу тебѣ пудовку бусъ, пудовку крупныхъ бусъ, пудовку погремушекъ и пудовку концовъ нитокъ!» Пришелъ медвѣдь, принесъ то, что обѣщалъ, и говоритъ: «возьми, нанизывай, а я лягу; какъ нанижешь, разбуди меня, и мы начнемъ играть въ жмурки». Медвѣдь легъ на печку, а дѣвочка начала нанизывать.

а тейтерьнесь кармась керьксама. Лиссь чумбулкскись ды мере: «патькай а патькай! дай монянь эрьгени, грушини, горьнипоўни и суриведьмене!» Тейтерьнесь серьгець офтэньтень: «покщай, чумбулкскись веше!» — «Палкасы сонзы стукадикь пря ланга», мери офтэсь. Тейтерьнесь стукадизи чумбулкскиньть пря ланга палкаса, чумбулкскись су(в)ась варинис. Офтэсь сыргыйсь и мере: «керьксаўсть штоли?» — «Керьксаўсть!» мери тейтерьнесь. Офтэсь валксь пецька ланксты и мере: «тонять на сиянь баягине, тон гармат чийними и дилиньдиме, а мон зельмен зюлмасынь ды карман донь куньцимат». Тейтерьнесь сазизи баягининьть и кармась дилиньдиме, а офтэсь сюлминьзи сельмензы и кармась тейтереньть куньциме. Тейтересь баяганьть дилиньдифтизе. Офтэсь чийсь се угулыньтинь, кундызи тейтереньть, порезе, а ловажанзы пурныньзи ды куцинис путыньзи пецька ланкс, а соньць тусь. Бабась валцки рана стясь и мерп атяньтинь: «азя ускикь тейтеремь мекеў, ды вант нарядынзы илять юмафне!» А соньць кармась прякань баниме. Атинись кильць-повоць, тусь бабаньть

Вышла ласочка и говоритъ: «сестрица а сестрица, дай мнѣ бусинку, крупную бусинку, погремушку и конецъ нитки!» Дѣвочка крикнула медвѣдю: «дѣдушка, ласочка проситъ!» — «Палкой ударь ее по головѣ», отвѣчаетъ медвѣдь. Дѣвочка ударила ласочку по головѣ палкой, ласочка скрылась въ норку. Медвѣдь проснулся и спрашиваетъ: «нанизала что ли?» — «Нанизала!» отвѣчаетъ дѣвочка. Медвѣдь слѣзъ съ печки говоритъ: «вотъ тебѣ серебряный колокольчикъ, ты будешь бѣгать и звонить, а я завяжу свои глаза и начну тебя ловить». Дѣвочка взяла колокольчикъ и начала звонить, а медвѣдь завязалъ себѣ глаза и началъ ловить дѣвушку. Дѣвочка позвонила въ колокольчикъ. Медвѣдь побѣжалъ въ этотъ уголъ, схватилъ дѣвушку, съѣлъ, а кости ея собралъ и положилъ кучкой на печку, а самъ ушелъ. Старуха встала рано на слѣдующій день и говоритъ старику: «ступай привези мою дочку обратно и смотри не растеряй ея нарядовъ!» А сама стала печь пироги. Старичекъ заложилъ (лошадь), поѣхалъ за старухиной до

тейтереньть мельга. Сась атясь вириньтинь, су(в)ась кудынинь-тий, ванцы тейтерьнесь арась, аньцяк ловажанзы пецька ланґксы ащить. Пурньньзи атинись ловажинитьнинь мешеккес и тусь кудуў. А бабась кайси пецькас прякат. Кискинись ащись-ащись орта ланґксы и мере: «каў-каў-каў! бокщам зы, монянь кахмарь уске!» Бабась кода напусти койменьть марты кисканьть мельга, соньць пижне: «мерьть: патькам зы, монянь бурдань зюлгама уске!» Сась атясь. Бабась лиссь, ванцы тейтерезы арась. Кода бабась уракадэ!

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабань ульнись тейтерьнест. Бабинись кулысь. Тейтерьнесь мере: «гятяй зайть од ава! тятяй зайть од ава!» — «Саян ды мелезэт пары улиза», мери тятясь. «Од авась од баля сты!» мери тятяньть карчи тейтерьнесь. Сайсь атясь од гозяйка. Козяйканьть ульнись соньцензы тейтереза; соньцензы

черью. Пріѣхалъ старикъ въ лѣсъ, вошелъ въ домикъ, видитъ, что дочки нѣтъ, только кости ея лежатъ на печкѣ. Собралъ старичекъ косточки въ мѣшечекъ и поѣхалъ домой. А старуха сажаетъ пироги въ печь. Собачка сидѣла-сидѣла у воротъ и говоритъ: «кавъ-кавъ-кавъ, дѣдушка ѣдетъ, везетъ мнѣ мосолъ!» Старуха какъ бросится бѣжать съ лопатой за собакой, а сама кричитъ: «скажи, сестрица ѣдетъ, везетъ мнѣ витую запонку!» Подъѣхалъ старикъ. Старуха вышла, видитъ—дочки ея нѣтъ. Старуха какъ рявкнетъ!

Сказка. [Злая мачеха и баба-яга].

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи была дочка. Старуха померла. Двчка говоритъ: «батюшка, возьми мачеху! батюшка, возьми мачеху!» — «Возьму, да понравилось бы это тебѣ», отвѣчаетъ старикъ. «Мачеха сошьетъ новую рубашку!» говоритъ въ отвѣтъ отцу дочка. Взялъ старикъ новую жену. У этой жен-

тейтереньть од авась вечкезе, а атяньть тейгерьненьть эси вечкьть. Весть од авась сайсь раужы сумань бракста, максызи атяньть тейтерьненьтень ды мере: «зяры ашилгадумазынзы муськсак, сесты кудуў зак!» и тутмадизы кудыстыньть. Тусь тейтерьнесь, муськсь-муськсь, а муськиви пракстась. Канзи тейтерьнесь пракстаньть вец, соньць тусь киява молеме. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы ки бокас эльди вашиясь. «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как теть пары теян!» мери эльденесь. Тейтерьнесь урядызи эльдененьть, соньць тагы тусь. Мольць-мольць, ванцы, ки бокас скал вазыясь. «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как теть пары теян», мери скалныясь. Тейтерьнесь урядызе, соньць тагы тусь. Мольць-мольць, ванцы, ки бокас реви леўксэясь. «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как теть пары теян!» мери ревенесь. Тейтерьнесь урядызи, соньць тусь тагы молеме. Мольць-мольць, ванцы, ки бокас сеени леўксэясь[1]). «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как теть пары теян»,

1) леўксыясь.

щины была своя дочь; свою дочь мачеха любила, а старикову дочь она не полюбила. Однажды мачеха взяла черную онучу, дала ее стариковой дочкѣ и говоритъ: «мой ее, пока она не побѣлѣетъ, тогда иди домой!» и вытолкала ее изъ дому. Пошла дочка, мыла-мыла, не отмывается портянка. Бросила дѣвушка портянку въ воду, а сама пошла по дорогѣ. Шла-шла дѣвушка, видитъ у дороги ожеребилась кобыла. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ кобыла, вымой-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка убрала кобылу, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ—на краю дороги отелилась корова. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ корова, вымой-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка убрала ее, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ на краю дороги объягнилась овца. «Дѣвушка а дѣвушка, вымой-ка меня, говоритъ овца, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка убрала, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ на краю дороги объягнилась козочка. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ козочка, вымой-ка меня, и я сдѣлаю тебѣ добро». Дѣ-

мери сеенесь. Тейтерьнесь урядызе, соньць тагы тусь. Мольць-мольць, ванцы, ки бокасы ащи пецькене. «Тейтерьни а тейтерьне, вадьнимака, моньць-как теть пары теян!» мери пецькенесь. Тейтерьпесь вадьнизи пецькенеиьть, соньць тагы тусь. Мольць-мольць, ванцы ки бокасы ащи болотэне. «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как теть пары теян!» мери болотэнесь. Тейтерьнесь урядызи болотэненьть, теези лисьминикс. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы, ащи кудыне. Су(в)ась тейтерьнесь кудынинь-тий. Кудынисыньть ащи Яга-баба. Яга-бабась столь экшса; ве пильгизы пецька ланкса, омбоцесь полок ланкса. «Сюк-сюк! бабай!» мери тейтерьнесь. «Сюк аулить мерьтьдяря, кафтуў зезелетень, вейкеў нилилитинь; месть тия якат?» мери Яга-бабась. «Авам банимимь», мери тейтерьнесь. «Азя уштъ баня!» мери Яга-бабась. Тейтерьненьть банязы явась, сон мольць Яга-бабаньтинь ёфтама. «Кундамак пильгиды, ускумак баняў, ды парямак комель бельде!» мери Яга-бабась. Тейтерьнесь кундызи Яга-бабаньть

вушка убрала, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ—на краю дороги стоитъ печурка. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ печурка, обмажь-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка обмазала печурку, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ—на краю дороги болотце. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ болотце, убери-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка убрала болотце, обратила его въ родничекъ. Шла-шла дѣвушка, видитъ — стоитъ домикъ. Вошла дѣвушка въ домъ. Въ домѣ баба-яга. Баба-яга за столомъ, одна нога ея на печкѣ, а другая на полатяхъ. «Здравствуй, бабушка!» говоритъ дѣвушка. «Если бы ты не поздоровалась, отвѣчаетъ баба-яга, я разорвала бы тебя на двое и въ одинъ бы разъ тебя проглотила; чего ты здѣсь ходишь?» «Меня выгнала мать», отвѣчаетъ дѣвушка. «Ступай истопи баню!» говоритъ баба-яга. Истопилась у дѣвушки баня, она пришла сказать объ этомъ бабѣ-ягѣ. «Возьми-ка меня за ноги, тащи меня въ баню, да вспарь меня комелемъ вѣника», приказываетъ баба-яга. Дѣвушка взяла бабу-ягу за руку, привела въ баню, вспарила ее вершиной вѣ-

кетьта, ветези баняс, лопа пельди паризе, мекеў гудуў ветеза. Яга-бабась таргась покш сундук и мере: «на те сундукуньть, кудуў бачкидят ды паньцикь». Тейтерьнесь саизи сундукуньть, тусь кудуў. Мольць-мольць, пекь симимазы сась, ванцы—ки бокасы ащи сонзы урядафт лисьминись. «Тейтерьни а тейтерьне, сак симьть ведьнедэн!» мери лисьминись. Тейтерьнесь симьсь кельми ведьнеды, тусь. Мольць-мольць, пекь пекезы вачсь, ванцы—ки бокасы ащи сонзы вадьнифьть пецькенесь, пецькенесэньть пары прякат. «Тейтерьни а тейтерьне, сак ярцак прякадын!» мери пецькенесь. Тейтерьнесь ярцась, тусь тага. Мольць-мольць, ащи ки бокасы сеянь здада. «Тейтерьни а тейтерьне, саимизь миникь, минь веси тонь марты мольтяна», мери тейтерьненьть штафт сеенесь. «Адяды!» [1]) мери тейтерьнесь. Тусь сеянь здадась тейтерьненьть мельга. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы— ки бокасы ащи ревень здада. «Тейтерьни а тейтерьне, саимизь миникь, минь веси тонь марты мольтяна!» мери тейтерьненьть штафт ревенесь.

1) Также: адьды; ср. ниже адиды.

ника, привела назадъ въ домъ. Баба-яга вытащила большой сундукъ и говоритъ: «возьми этотъ сундукъ; когда вернешься домой, отопри его». Дѣвушка взяла сундукъ; пошла домой. Шла-шла; очень ей захотѣлось пить; видитъ — на краю дороги устроенный ею родничёкъ. «Дѣвушка а дѣвушка, подойди выпей моей водицы!» говоритъ родничёкъ. Дѣвушка выпила холодной водицы и пошла. Шла-шла; очень она проголодалась; видитъ—на краю дороги стоитъ обмазанная ею печурка, а въ печуркѣ хорошіе пироги. «Дѣвушка а дѣвушка,—говоритъ печурка,—подойди, поѣшь моихъ пироговъ». Дѣвушка поѣла и опять пошла. Шла-шла, на краю дороги пасется стадо козъ. «Дѣвушка а дѣвушка! возьми насъ, мы всѣ пойдемъ съ тобою», говоритъ вымытая дѣвушкой козочка. «Идите!» говоритъ дѣвушка. Пошло козье стадо за дѣвушкой. Шла-шла дѣвушка; видитъ—на краю дороги овечье стадо. «Дѣвушка а дѣвушка,—говоритъ вымытая дѣвушкой овечка,—возьми насъ, мы всѣ пой-

«Адяды!» мери тейтерьнесь. Тусь ревень здадась тейтерьненьть мельга. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы—ки бокасы ащи скалынь здада. «Тейтерьни а тейтерьне, саимизь миникь, минь веси тонь марты мольтяна!» мери тейтерьненьть штафт скалнысь. «Адяды!» мери тейтерьнесь. Тусь скалынь здадась как тейтерьненьть мельга. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы—ки бокасы ащи алашань здада. «Тейтерьни а тейтерьне, саимизь миникь, минь веси тонь марты мольтяна», мери тейтерьненьть штафт эльденесь. «Адьды!« мери тейтерьнесь. Сась тейтерьнесь кудуў, ветясь нили стадат; паньцизи тейтерьнесь сундукуньть, сундукусь эцезь золотада. Од аваньть кармась сельмезы сявадума. Сон цавизи соньцензы тейтереньть, панизе, макссь тензы муськимс раужы сумань бракста. Тейтерьнесь муськсь-муськсь сумань бракстаньть, тусь киява молеме. Мусь тейтерьнесь ки бокас вашиязь эльдене. Эльденесь мере: «тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць как теть пары теян!» — «Мазыян-баран, ды карман урядамут», мери тейтерьнесь. Мусь тейтерьнесь вазыязь згал, сень гак эси шта;

демъ съ тобой».—«Идите!» говоритъ дѣвушка. Пошло овечье стадо за дѣвушкой. Шла-шла дѣвушка, видитъ—на краю дороги коровье стадо. «Дѣвушка а дѣвушка, возьми насъ, говоритъ вымытая дѣвушкой корова, мы всѣ пойдемъ съ тобой».—«Идите!» говоритъ дѣвушка. Шла-шла дѣвушка, видитъ на краю дороги лошадиный табунъ. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ вымытая дѣвушкой кобыла, возьми насъ, мы всѣ пойдемъ съ тобой».—«Идите!» говоритъ дѣвушка. Пришла дѣвушка домой, привела четыре стада; отперла дѣвушка сундукъ, сундукъ набитъ золотомъ. Мачеха стала завидовать. Она побила свою дочь, погнала ее, дала ей вымыть черную онучу. Дѣвушка мыла-мыла онучу и пошла дорогой. Нашла дѣвушка у дороги ожеребившуюся кобылку. Кобылка говоритъ: «дѣвушка а дѣвушка, вымой-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» — «Я красива и пригожа, да начну тебя мыть!» говоритъ дѣвушка. Встрѣтила дѣвушка отелившуюся корову, и ту она не вымыла; встрѣтила объягнившуюся овечку, и ту она не

мусь леўксыязь ревене, сень гак эси шта; мусь леўксыязь зеене, сень гак эси шта; мусь лазнуфт пецькене, эси вадьне; мусь болотэне, эси уряда. Пачкиць тейтерьнесь Яга-бабаньтинь. «Сюк-сюк, бабай!» мери тейтерьнесь. «Сюк аулить мерьтъдяря, кафтуў зезелетень, вейкеў нилилитинь; месть тияня якат?» мери Яга-бабась. «Авам банимимь», мери тейтерьнесь. «Ази уштъ баня, ускумак пильгиды баняў, парямак тенцсы комельбельде», мери Яга-бабась. Тейтерьнесь ушсь баня, саизи Яга-бабаньть пильгиды, ускизи баняў, теньцть комельцы кутьмиринзы веси пупсизе, пильгиды мекеў гудуў ускизе. Яга-бабась сайсь аксялды сундук, максызи тейтерьненьтень ды мере: «кудуў бачкидят ды паньцикь». Тейтерьнесь саизи сундукуньть, тусь. Мольць-мольць, симимазы сась. Муизи тейтерьнесь лисьмининьть. «Лисьмини а лисьмине! симьдимака», мери тейтерьнесь. «Мазыят-парат ды кармат монь ветьты симиме», мери лисьминись. Тусь тейтерьнесь апак симьть. Мольць мольць, муизи пецькененть; пекезы тейтерьненьть вачсь, а пець-

---

вымыла; встрѣтила объягнившуюся козочку, и ту она не вымыла; встрѣтила растрескавшуюся печурку, и ту она не обмазала; встрѣтила болотце, и то она не убрала. Дошла дѣвушка до бабы-яги. «Здравствуй, бабушка!» говоритъ дѣвушка. «Если бы ты не сказала здравствуй,—говоритъ баба-яга,—я разорвала бы тебя на двое, и съѣла бы въ одинъ разъ; что ты здѣсь ходишь?» «Меня прогнала мать», отвѣчаетъ дѣвушка. «Ступай вытопи баню, тащи меня въ баню за ноги, вспарь меня комлемъ вѣника», приказываетъ баба-яга. Дѣвушка истопила баню, схватила бабу-ягу за ноги, потащила ее въ баню, истыкала всю ея спину комлемъ вѣника, и назадъ домой потащила ее за ноги. Баба-яга взяла изъ подъ скамейки сундукъ, дала его дѣвушкѣ и говоритъ: «когда вернешься домой, отопри его». Дѣвушка взяла сундукъ и пошла. Шла-шла, захотѣлось ей пить. Нашла дѣвушка родничёкъ. «Родничёкъ а родничёкъ! — говоритъ дѣвушка, — напои-ка меня». «Ты красива и пригожа, станешь ты пить мою воду!?» отвѣчаетъ родничёкъ. Ушла дѣвушка не напившись. Шла-шла, нашла печурку; проголодалась

кенесь пряка эзь макст. Мольць-мольць тейтерьнесь, мусь сеянь здада. «Стадыни а стадыне, адя монь марта!» мери тейтерьнесь. «Мазыят парат ды кармат сея марты молеме», мери стадынись, «а молян». Тусь тейтерьнесь. Муизи тейтерьнесь ревень здаданьть, эзь мольть мартынзы ревень здадась как. Мольць-мольць тейтерьнесь, мусь скалынь здада; эзь мольть мартынзы скалынь здадась как. Мольць-мольць тейтерьнесь, карчинзы алашань здада. Терьдези тейтерьнесь алашань здаданьть мартынзы; эзь мольть алашань здадась как. Сась тейтерьнесь кудуў, баньцизи сундукуньть, сундукусь эцезь гулуўда.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат; атянь бабань а эйдест а какшист. Атясь тусь роботама; туимстынза мери бабанцтый: «мон а карман сёрмат кучними и тон иля кучне». Аньцяк цёрась тусь, козяйказы

дѣвушка, а печурка не дала ей пирога. Шла-шла дѣвушка, нашла козье стадо. «Стадушко а стадушко, иди со мной!» говоритъ дѣвушка. «Ты красива и пригожа, отвѣчаетъ стадушко, станешь ты идти съ козами!? не пойду я». Ушла дѣвушка. Нашла дѣвушка овечье стадо, не пошло съ ней и овечье стадо. Шла-шла дѣвушка, нашла коровье стадо; не пошло съ ней и коровье стадо. Шла-шла дѣвушка, навстрѣчу ей лошадиный табунъ. Позвала дѣвушка съ собой лошадиное стадо; не пошло и лошадиное стадо. Пришла дѣвушка домой, отперла сундукъ, а сундукъ набитъ золой.

Сказка.

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи не было дѣтей. Старикъ ушелъ на работу; уходя онъ говоритъ своей старухѣ: «я не буду посылать тебѣ писемъ, и ты не посылай». Только лишь ушелъ мужикъ, жена его забременѣла и родила мальчика. Му-

пекеясь и чачсь цёра. Цёрась мольць-мольць, сась симимаза; комась цёрась симими лисьмас, а лисьмасыньть ульнись «Дячка Най-Най». Аньцяк цёрась кармась симиме, Дячка Най-Най капудизи сонзы сакалды ды мере: «алфтыкь монянь мезьды тоньцеть кудысы аздат». Атясь думась-думась и мере: «ды мон веси содасынь, монь мезен улить кудыса».—«Алфтыкь—мезьды аздат», мери Дячка Най-Най. Атясь алуфтызе, Дячка Най-Най нолдэньзи сакалынза. Атясь кувать роботась, мельи кармась сыргамы кудуў. Аньцяк атясь пачкиць кудуў, ванцы сонзы ортава лиси одзёра аварьдизь, а мельганзы лиси атяньть козяйказа, аварьде. Атясь чарьқиць, шты сонзы чачсь цёра, и сон апак сода алфтызи Дячка Най-Найнинь. Кармась атясь-как аварьдиме, а тейнемс неместь, кучумс цёрась Дячка Най-Найнинь эряве. Мольць-мольць цёрась, мусь кудыне, а кудынисыньть Яга-баба. Су(в)ась цёрэнесь кудыниньтинь ды мере: «Сюк-сюк, бабай!» — «Сюк авулить мерьтьдяря, кафтуў зезелетень, вейкеў нилилитинь», мери Яга-

---

жикъ шелъ-шелъ, захотѣлось ему пить; нагнулся мужикъ къ роднику (чтобы) выпить, а въ родникѣ былъ «Дячка Най-Най». Только лишь сталъ мужикъ пить, Дячка Най-Най схватилъ его за бороду и говоритъ: «обѣщай мнѣ то, чего ты въ своемъ домѣ не знаешь». Старикъ думалъ-думалъ и говоритъ: «да я все знаю, что находится въ моемъ домѣ».—«Обѣщай чего не знаешь», говоритъ Дячка Най-Най. Старикъ обѣщалъ. Дячка Най-Най выпустилъ его бороду. Старикъ долго работалъ, потомъ сталъ собираться домой. Только лишь старикъ дошелъ до дому, видитъ—изъ его воротъ выходитъ парень въ слезахъ, а за нимъ выходитъ старикова жена, плачетъ. Старикъ понялъ, что у него родился сынъ и что, не зная, онъ обѣщалъ его Дячка Най-Наю. Сталъ и старикъ плакать, дѣлать нечего, надо послать сына къ Дячка Най-Наю. Шелъ-шелъ парень, нашелъ домикъ, а въ домикѣ баба-яга. Вошелъ паренекъ въ домикъ и говоритъ: «Здравствуй, бабушка!»—«Если бы ты не сказалъ здравствуй, говоритъ баба-яга, я разорвала

бабась. «Месть тия якат?» мери Яга-бабась. «Молян Дячка Най-Найнинь роботникикс», мери цёрась. «А роботавить тонять Дячка Най-Наинь роботатьне», мери Яга-бабась, «азя седи васуў, мусак монь батянь, сон теть ёфты месть теемс». Лиссь цёрэнесь Яга-бабаньть кудыста, тусь тагы молеме. Мольць-мольць цёрэнесь, мусь кудыне, су(в)ась кудыниньтинь. Кудынисыньть Яга-баба. «Сюк-сюк, бабай!» мери цёрэнесь. — «Сюк авулить мерьтьдяря, кафтуў зезелетень, вейкеў нилилитинь; месть тия якат?» мери Яга-бабась. «Молян Дячка Най-Найнинь роботникикс», мери цёрэнесь. «А роботавить теть Дячка Най-Наинь роботатьне», мери Яга-бабась. «Азя муят ищо ве Яга-баба, миникь покш патяныкъ; се тонафтанѕат, месть тейнемс», мери Яга-бабась. Лиссь цёрэнесь Яга-бабаньть кецта, тусь. Мольць-мольць цёрэнесь, мусь колмоци кудыне; су(в)ась кудыниньтий, кудынисыньть Яга-баба. «Сюк-сюк, бабай!» мери цёрэнесь. «Сюк авулить мерьтьдяря, кафтуў зезелетень, вейкеў нилилитинь; месть тия якат», мери Яга-

---

бы тебя на двое, и проглотила бы тебя въ одинъ разъ; что ты здѣсь ходишь?»— «Я иду въ работники къ Дячка Най-Наю», отвѣчаетъ парень. «Не сработать тебѣ работъ Дячка Най-Ная, — говоритъ баба-яга — ступай еще дальше, найдешь мою старшую сестру, она разскажетъ тебѣ что дѣлать». Вышелъ паренекъ отъ бабы-яги, и пошелъ опять. Шелъ-шелъ парень, нашелъ второй домикъ, вошелъ въ домикъ. Въ домикѣ баба-яга. «Здравствуй, бабушка!» говоритъ паренекъ.—«Если бы ты не поздоровался, — говоритъ баба-яга,—я разорвала бы тебя на двое и проглотила бы тебя въ одинъ разъ; что ты здѣсь ходишь?» «Я иду въ работники къ Дячка Най-Наю», отвѣчаетъ парень. «Не сработать тебѣ работъ Дячка Най-Ная,—говоритъ баба-яга,—ступай еще дальше, найдешь мою старшую сестру, она разскажетъ тебѣ, что дѣлать». Вышелъ паренекъ отъ бабы-яги, и пошелъ опять. Шелъ-шелъ парень, нашелъ третій домикъ, вошелъ въ домикъ. Въ домикѣ баба-яга. «Здравствуй, бабушка!» говоритъ паренекъ.—«Если бы ты не поздоровался,—говоритъ баба-яга,—я разорвала бы тебя на

бабась. «Тятям алфтымимь Дячка Най-Найнинь роботникикс», мери цёрэнесь. «А роботавить теть Дячка Най-Наинь роботанза; сонзы кардазынзы перька нилиньгемень голея, веси колеятьнень прясы ломань брят, ве колея ланґксы арась ломань бря, се ланґкс орчаўсы тонь брят», мери Яга-бабась. Цёрась кармась ризнама. Яга-бабась мере: «иля ризна, ази ваны истямы ведь ланґкс, тосы муят — колмы тейтерьть экшелеть, се тейтерьтьни Дячка Най-Наинь. Ве тейтереньть лемезы Мазый Марья, сонзы панарызы каязь вепеле. Тон заикь Мазый Марьяньть панарынзы ды кекшть мартынзы. Лисить тейтерьтьни вецтэньть, кармить орчнеме, а тон брят иляк нефьть. Покш тейтерьтьни орчеть и туить, а Мазый Марьясь кадуве. Мазый Марьясь мери: «бути сыри ломань панарум саизе, покщакс эль бабакс тень улиза, бути од ломань—лялякс-патякс тень улиза», а тон брят иляк нефьть. Кода мере: «бути одзёра панарум заизе, полакс тень улиза», сесты листь и максыкь Мазый Марьяньть

двое и проглотила бы тебя въ одинъ разъ; что ты здѣсь ходишь?» «Отецъ обѣщалъ меня Дячка Най-Наю въ работники», отвѣчаетъ парень. «Не сработать тебѣ работъ Дячка Най-Ная; вокругъ его двора сорокъ кольевъ, на всѣхъ кольяхъ человѣчьи головы, только на одномъ колу нѣтъ человѣчьей головы, на нее надѣнетъ онъ твою голову», говоритъ баба-яга. Парень сталъ горевать. Баба-яга говоритъ: «не горюй, ступай вотъ на такую рѣку, тамъ ты найдешь, что купаются три дѣвушки, это дочери Дячка Най-Ная. Имя одной дочери Красивая Марья; ея рубашка брошена въ отдаленіи. Ты возьми рубашку Красивой Марьи и спрячься съ нею. Выйдутъ дѣвушки изъ воды, станутъ одѣваться, а ты не показывай себя. Старшія дѣвушки одѣнутся и уйдутъ, а Красивая Марья скажетъ: «если мою рубашку взялъ старый человѣкъ, пусть онъ будетъ мнѣ дѣдомъ или бабушкой, если молодой человѣкъ, пусть будетъ старшимъ братомъ или старшей сестрой», а ты не показывай себя. Когда она скажетъ: «если мою рубашку взялъ молодой парень, пусть будетъ онъ моимъ мужемъ», тогда

панарынsа». Цёрась тусь, мольць-мольць, ванцы ведь, вецэньть экшелеть колмы тейтерьть, кафты тейтерьтынень банарыст ве таркаса, а вишка тейтереньть вепеле. Мольць цёрась, салызи Мазый Марьяньть панарынsа, кекшсь кальбоц. Лиссть покш тейтерьтыне, орчасть, тусть. А Мазый Марьяньть панарынsы арась. Мазый Марьясь мере: «бути сыри ломань заизи монь банарум, покщакс эль бабакс тень улиза; бути од ломань заизе, лялякс-патякс тень улиза; бути одsёра саизе, полакс тень улиза». Аньцяк Мазый Марьясь мерьць: «полакс тень улиза», цёрэнесь лиссь, максызи панарыньть. Орчась Мазый Марьясь; тусть Дячка Най-Наиньтий. Дячка Най-Найсь мери Мазый Марьяньтий: «андыкь, симьдикь, а мон думан, годамы тенsы робота максумс». Сапзи Мазый Марьясь цёрэненьть андызи, симьдизи, оймафтызе. Мельи чийсь ломань Дячка Най-Наиньть кецта, терьди цёрэненьть Дячка Най-Наиньтий. Мольць цёрэнесь Дячка Най-Наиньтий; сон денsы мере: «мон ули утум

выходи и отдай рубашку Красивой Марьѣ». Парень пошелъ, шелъ-шелъ, смотритъ—рѣка, въ рѣкѣ купаются три дѣвушки, у двухъ дѣвушекъ рубашки въ одномъ мѣстѣ, а у младшей дѣвушки въ сторонѣ. Подошелъ парень, укралъ рубашку Красивой Марьи, спрятался въ тальникахъ. Вышли старшія дѣвушки, одѣлись и ушли. А у Красивой Марьи нѣтъ рубашки. Красивая Марья говоритъ: «если старый человѣкъ взялъ мою рубашку, пусть онъ будетъ мнѣ дѣдушкой или бабушкой; если ее взялъ молодой человѣкъ, пусть будетъ мнѣ старшимъ братомъ—старшей сестрой; если ее взялъ молодой парень, пусть будетъ мнѣ мужемъ». Лишь только сказала Красивая Марья: «пусть будетъ мнѣ мужемъ», парень вышелъ и отдалъ рубашку. Одѣлась Красивая Марья, и пошли они къ Дячка Най-Наю. Дячка Най-Най говоритъ Красивой Марьѣ: «Накорми и напои его, а я подумаю, какую ему дать работу». Взяла Красивая Марья парня, накормила, напоила, дала отдохнуть. Потомъ прибѣжалъ человѣкъ отъ Дячка Най-Ная, зоветъ парня къ Дячка Най-Наю. Пошелъ парень къ Дячка Най-Наю; онъ ему говоритъ: «у меня есть амбаръ съ просомъ, ступай

бросам, азя лоўпэть зяры зёрна и конёў ланкс сёрмадыть, а конёвоньть кандыкь монянь». Цёрэнесь лиссь Дячка Най-Наиньть кецты и аварьдизь дусь Мазый Марьяньтий. «Тон мекс аварьдят?» мери Мазый Марьясь. «Пекь роботаньть апары макссь, а мерьць бути а роботасак, прят керяса«, мери цёрэнесь. «Те роботаньть роботасыникь», мери Мазый Марьясь. Макссь Мазый Марьясь цёрэненьтей ашы пацини и мере: «листь кардазуў, а(в)улдак пациписыньть нилинь белеў и мерьть: «Дячка Най-Наинь родэнsы племанsа, сады лоўпэнгкь утум бросанsа, сёрмадынгкь конёў ланкс, а конёвоньть максынгкь монянь». Лоткась цёрэнесь аварьдимада, саизи пацининьть и тейсь истя, кода мерьць тенsы Мазый Марьясь. Пурнаўсть веси родэнsы раськинsы Дячка Най-Наиньть, лоўпэзь бросань-бросань, сёрмадызь конёў ланкс, а конёвоньть максызь sёрэненьтей. Омбоци чиньть стясь цёрэнесь, саизи конёвоньть, и мольць Дячка Най-Наиньтий. Дячка Най-Найсь саизи конёвоньть и мере: «пурна(в)уды веси роботникинь, саиды кшнинь

сосчитай, сколько зеренъ, и запиши на бумагу, а бумагу принеси мнѣ». Парень вышелъ отъ Дячка Най-Ная и съ плачемъ пошелъ къ Красивой Марьѣ. «Ты чего плачешь?» говоритъ Красивая Марья. «Очень нехорошую работу онъ мнѣ далъ,—отвѣчаетъ паренекъ,—и сказалъ, что, если не сработаешь, то срублю твою голову».—«Эту работу мы сработаемъ», говоритъ Красивая Марья. Дала пареньку Красивая Марья бѣлый платочекъ и говоритъ: «выйди на дворъ, махни платочкомъ на четыре стороны и скажи: Дячка Най-Наины родня и племя, придите сосчитайте его амбарное просо, запишите на бумагу, а бумагу дайте мнѣ». Переставъ паренекъ плакать, взялъ платокъ и сдѣлалъ такъ, какъ ему велѣла Красивая Марья. Собрались всѣ родственники Дячка Най-Ная, сосчитали по просинкѣ, записали на бумагу, а бумагу дали пареньку. На другой день всталъ паренекъ, взялъ бумагу и пошелъ къ Дячка Най-Наю. Дячка Най-Най взялъ бумагу и говоритъ: «соберитесь всѣ мои работники, возьмите желѣзныя вилы

зянкт и кепеденкь монь брован; мон варчтан конёвоньть ланкс». Пурнаўсть веси роботникне, сайсть кшнинь зянкт и кепедезь Дячка Най-Наиньть брованьза. Варчтась[1]) Дячка Най-Найсь конёвоньть ланкс и мери цёрэнеиьтей: «не префьне авуль доиь, а Мазый Марьяньть; роботак тень ищо ве робота — тонафтыкь карцы айгырум!» Цёрэнесь лиссь Дячка Най-Наиньть кецты и пеедезь моли Мазый Марьяньтий. «Тон месть пейдят[2])?» кеўкьсьни Мазый Марьясь. «Пекь сождя роботаньть тень макссь тятят, карцы айгырыньзы мерьць тонафтумада», мери цёрэнесь. «Ведь зоньзы айгырызы сисимь брясы гуй», мери Мазый Марьясь. Тагы кармась ризнамы цёрэнесь. Мазый Марьясь мери цёрэнеиьтей: «иля ризна, на ваны те пацининьть, листь кардайс, а(в)улдак нилинь белеў и мерьть: Дячка Най-Наинь родэнзы племаньзы, пурна(в)уды эрейста, тонафтынкь соньзы айгырыньза». Цёрэнесь тейсь истя, кода мерьць теньзы тейтересь. Дячка Най-Наинь родэнзы эзезь маря цёрэненьть вайгилиньть, эсть са. Су(в)ась цёрэ-

1) варштась. 2) пеедят.

и поднимите мои брови; я взгляну на бумагу». Собрались всѣ работники, взяли желѣзныя вилы и подняли брови Дячка Най-Ная. Взглянулъ Дячка Най-Най на бумагу и говоритъ пареньку: «эти мысли не твои, а Красивой Марьи; сработай мнѣ еще одну работу, выучи моего жеребца, стоящаго въ хлѣвѣ!» Паренекъ вышелъ отъ Дячка Най-Ная и улыбаясь идетъ къ Красивой Марьѣ. «Ты чего улыбаешься?» спрашиваетъ Красивая Марья. «Очень легкую работу далъ мнѣ твой отецъ, отвѣчаетъ паренекъ, велѣлъ выучить своего жеребца, стоящаго въ хлѣвѣ». «Вѣдь его жеребецъ семиглавый змѣй», говоритъ Красивая Марья. Опять сталъ горевать паренекъ. Красивая Марья говоритъ пареньку: «не горюй, на вотъ этотъ платочекъ, выйди на дворъ, махни имъ на четыре стороны и скажи: Дячка Най-Наины родня и племя, собирайтесь скорѣе, выучите его жеребца». Паренекъ сдѣлалъ такъ, какъ ему велѣла дѣвушка. Дячка Най-Наина родня не услышала голоса паренька, не пришла. Вошелъ паренекъ съ плачемъ къ Красивой

несь аварьдизь Мазый Марьяньтий. Мазый Марьясь макссь тензы кшнинь балка, сисимь бонт сталмуза. Мольць цёрэнесь, саизи карцты сисимь брясы гуиньть, лифтизи ушуў, озась лангызынзы ласте. Гуись вачкидиньзи лапанза, лифтясь вереў. Варчтась цёрэнесь алуў, а модась неяви аньцяк началгышка. А(в)улдась цёрэнесь кшнинь балкасыньть, лифтясть гуиньть сисимниск прятьне. Валксь цёрэнесь, мольць Дячка Най-Наиньтий и мере: «тонафтыне». — «Авуль донь брефьне, не префьни Мазый-Марьяньть; валцкис тейть церькова и церькованьть эйсты сляникинь сэдь монь гудыньть виц; буги валцкис а тееветь, прят керяса», мери Дячка Най-Найсь. Лиссь цёрэнесь и авардизь моли Мазый Марьяньтий. «Иля аварьть, те тевеньть тейсэнекь», мери Мазый Марьясь. «На те пацинниньть, листь кардайс, а(в)улдак нилинь белеў и мерьть: «Дячка Най-Наинь родэнзы племанзы, сады теенкь церькованьть и сэденьть». Саизи цёрэнесь пацинниньть, лиссь кардазуў, а(в)улдась нилинь белеў и мерьць истя, кода тонафтызи Мазый Марьясь. Пурнаўсть Дячка Най-Наинь родэнзы

Марьѣ. Красивая Марья дала ему желѣзную палку, вѣсомъ въ семь пудовъ. Пошелъ паренекъ, взялъ изъ хлѣва семиголоваго змѣя, вывелъ его наружу, сѣлъ на него. Змѣй ударилъ своими крыльями, полетѣлъ на верхъ. Взглянулъ паренекъ внизъ, а земля кажется ему точно сковорода. Махнулъ парень желѣзной палкой, полетѣли у змѣя семь головъ. Слѣзъ паренекъ, пошелъ къ Дячка Най-Наю и говоритъ: «я выучилъ его».—«Это не твои выдумки, это выдумки Красивой Марьи; завтра рано утромъ построй церковь и отъ церкви до моего дома стекляный мостъ; если утромъ не будетъ готово, срублю тебѣ голову». Вышелъ паренёкъ и съ плачемъ идетъ къ Красивой Марьѣ. «Не плачь,—говоритъ Красивая Марья,—мы сдѣлаемъ это дѣло; возьми этотъ платочекъ, выйди на дворъ, махни имъ на четыре стороны и скажи: Дячка Най-Наины родня и племя, придите постройте церковь и мостъ». Взялъ паренёкъ платочекъ, вышелъ на дворъ, махнулъ имъ на четыре стороны и сказалъ такъ, какъ научила его Красивая Марья. Собрались Дячка Най-Наины родственники,

раськинэа, теезь церькованьть и сэденьть и тусть. Омбоци чишьть цёрэнесь стясь, ванцы и церьковась и сэдесь анькт, тусь Дячка Най-Наиньтий. Су(в)ась цёрэнесь Дячка Най-Наиньть кудыс и мере: «и церьковась и сэдесь анькт». «Неть авуль донь брефьне, не префьни Мазый Марьяньть; мон дейсэнь колмонеск тейтерен ве понасы колмы гулькиникс, тон зодэкь юткстыст Мазый Марьяньть». Мольць цёрэнесь Мазый Марьяньтинь и мере: «тятят тейтядызь тынкь ве понасы гулькиникс и монянь эряват тон зодамс». — «Кода карматана минь глюкама, а мон и те гулькининьть клюкатьца и тонань глюкатьца; тон монь и содамак». Омбоци валцкиньть терьдезь сёрэненьть Дячка Най-Наиньтий. Су(в)ась цёрэнесь, а киякс кунчкасы колмы гулькинить просэнеды клюкить. Дячка Най-Наись мере: «содэкь Мазый Марьяньть», а ве гулькинись и тень глюкатьцы и тонань. Цёрэнесь нефьтези клюкаицяньть и мере: «ваны те Мазый Марьясь».—«Не префьни авуль донь, а Мазый Марьяньть», мери Дячка Най-Наись. Мельи терьдези цёрэненьть Дячка Най-Наись и мере: «тейсэнь веси тей-

---

построили церковь и мостъ и ушли. Утромъ всталъ паренёкъ, видитъ—и церковь и мостъ готовы, и пошелъ къ Дячка Най-Наю. Вошелъ парень къ Дячка Най-Наю въ домъ и говоритъ: «и церковь и мостъ готовы». «Это не твои выдумки, это выдумки Красивой Марьи; я обращу моихъ трехъ дочерей въ трехъ голубокъ одного цвѣта, ты узнай между ними Красивую Марью». Пошелъ паренёкъ къ Красивой Марьѣ и говоритъ: «твой отецъ обратитъ васъ въ голубокъ одного цвѣта, и мнѣ надо будетъ тебя узнать».—«Когда мы будемъ клевать, я клюну и ту голубку и эту, ты меня и узнаешь». На другое утро позвали паренька къ Дячка Най-Наю. Вошелъ паренёкъ, а по серединѣ пола три голубки клюютъ просце. Дячка Най-Най говоритъ: «узнай Красивую Марью», а одна голубка и клюетъ то ту, то другую. Паренёкъ показалъ на ту, что клюетъ, и говоритъ: «вотъ это Красивая Марья».—«Не твои это выдумки,—говоритъ Дячка Най-Най,—а Красивой Марьи». Потомъ Дячка Най-Най позвалъ парня и говоритъ: «я обращу всѣхъ своихъ

терен ве понасы тейтерьке; бути содасак ютктыст Мазый Марьяньть, улизы теть козяйкакс». Мольць цёрэнесь Мазый Марьяньтий и мере: «тятят тейтядызь дынгкь ве понаса, и монянь ютктынгк эряват тон содамс; сесты тонь макстанsат монянь гозяйкакс». — «Мон буты карва нанян чамастын, содамак», мери тейтересь. Терьдезь сёрэненьть Дячка Ний-Наиньтий, а сонsы тейтеренsы ащить столекшсы, веси ве понасыт. «Содэкь Мазый Марьяньть», мери Дячка Най-Наись. Се шканьть ве тейтерь чаманsы пацинисы пардызе. Цёрэнесь чарькиць и мере: «ваны те Мазый Марьясь», нефьтези чама пардый тейтереньть. Дячка Най-Найсь мери цёрэненьтей и Мазый Марьяньтий: «азяды су-(в)ады тыньцингкь теефьть церькованьтинь, тоск удыды те веньть, а валцки мон молян и венчатадызь». Мольцьть цёрэненьть марты Мазый Марьясь церькованьтий, су(в)асьть, Мазый Марьясь и мере: «ведь вандый дятям миникь пряныk керясыньsе, эряви оргодемс». Мазый Марьясь путызи поцты круканьть, кадызи валь-

---

дочерей въ одинаковаго вида дѣвушекъ; если узнаешь среди нихъ Красивую Марью, пусть будетъ она тебѣ женой». Пошелъ паренёкъ къ Красивой Марьѣ и говоритъ: «твой отецъ сдѣлаетъ васъ одинаковыми, и мнѣ надо будетъ узнать тебя между вами; тогда онъ отдастъ тебя мнѣ въ жены».—«Я будто муху смахну съ лица, ты меня и узнай», говоритъ дѣвушка. Позвали паренька къ Дячка Най-Наю, а дочери его сидятъ за столомъ, всѣ одного вида. «Узнай Красивую Марью», говоритъ Дячка Най-Най. Въ это время одна дѣвушка вытерла свое лицо платочкомъ. Паренёкъ замѣтилъ и говоритъ: «вотъ эта Красивая Марья», и показалъ дѣвушку, вытеревшую лицо. Дячка Най-Най говоритъ парню и Красивой Марьѣ: «ступайте, войдите въ сдѣланную вами церковь, тамъ ночуйте эту ночь, а утромъ я приду и повѣнчаю васъ». Пошелъ паренёкъ съ Красивой Марьей въ церковь, вошли они, Красивая Марья и говоритъ: «вѣдь завтра отецъ намъ срубитъ головы, надо бѣжать». Красивая Марья наложила изнутри крюкъ, и оста-

ма ланґкс кольцяпsы ды пацянsа; сыньць лисстъ вальмава и оргоцьть. Стясь валцки Дячка Най-Найсь, терьдези сыри работникинsы и мере: «азя од sерьковапьтинь и Мазый Марьяньть цёрэненьть марты терьдеть монянь зюкуняма». Мольць сыри роботьнекесь, кенґкш удалы пижне: «Мазый Марья и цёрэне, адяды тятянґк туртуў зюкуняма!» А пацининьть марты кольцясь мереть карчинsы: «нейкь мольтяна тятяныk туртуў зюкуняма». Учись-учись Дячка Най-Найсь, а сыть. Кучизи сыри роботникиньть омбоцеда. Омбоцеды-як эсть учуфт. Сесты чарькиць Дячка Най-Найсь, шты сынь оргоцьть. Мольць Дячка Най-Найсь, яжиньsе церькова кенґкшнень, калафнизи церьковаиьть, а тосы ки-як арась; аньцяк пацяньть марты кольцясь ащить вальмаланґкса. Дячка Най-Найсь мере: «пурна(в)уды, веси роботникин, ардыды, сасынґкь Мазый Марьяньть марты цёрэненьть». Роботнекне пурнаўсть; кона тенцть ланґкс озась, кона сянгы ланґкс, кона грабля ланґкс, напустясть. Арцьть-арцьть, эль сасасызь

вила на окошкѣ кольцо свое и платокъ; они вышли въ окошко и бѣжали. Всталъ утромъ Дячка Най-Най, позвалъ стараго своего работника и говоритъ: «иди въ новую церковь и позови Красивую Марью съ паренькомъ поздороваться со мной». Пошелъ старый работникъ и кричитъ за дверью: «Красивая Марья и паренёкъ, идите поздороваться съ отцомъ!» А платочекъ вмѣстѣ съ кольцомъ говорятъ въ отвѣтъ: «сейчасъ придемъ поздороваться съ отцомъ». Ждалъ-ждалъ Дячка Най-Най, не идутъ они. Послалъ въ другой разъ стараго работника. И въ другой разъ ихъ не дождались. Тогда Дячка Най-Най понялъ, что они бѣжали. Пошелъ Дячка Най-Най, разбилъ церковную дверь, разрушилъ церковь, а тамъ нѣтъ никого; только платочекъ съ кольцомъ лежатъ на окошкѣ. Дячка Най-Най говоритъ: «соберитесь, всѣ мои работники, скачите, поймайте Красивую Марью вмѣстѣ съ паренькомъ». Работники собрались; кто сѣлъ на метлу, кто на вилы, кто на грабли, и пустились бѣжать. Скакали-скакали, чуть не догоняютъ Красивую

Мазый Марьяньть марты цёрэненьть. Мазый Марьясь мариньзи тятянзы роботникнинь и мери цёрэненьтей: «мон дееван церьковакс, а тон попокс, кода сыть тятянь роботнекне и кармить кеўкьсьнемат миньдедэнэк, мерьть карчист: мон зярдыя уш тесан, а тия ютыцят эзень некь». Тееўсть Мазый Марьясь церьковакс, а цёрэнесь попокс. Арцьть Дячка Най-Наиньть роботникни[1]) церькованьть виц, су(в)асть церькованьтинь и кеўкьсьнеть попоньть, эсть юта ли китькак. Попось мере: «зярдыя уш мон десан, а тия ютыцят эзень некь». Веляўсть Дячка Най-Наиньть роботнекни мекеў, а церькованьть марты попось тееўсть тагы Мазый Марьякс ды церэнекс ды тусть тагы чииме. Сась Дячка Най-Наиньть роботнекни кудуў и мереть: «мези-як эзенекь мукшна, аньцяк мукшныникь церькова и церьковасыньть поп». — «Тынь мекс церькованьть марты попоньть эзенкь сайть, ведь се Мазый Марьяньть марты цёрэнесь ульнисть», мери Дячка Най-Найсь. Напустясть тагы Дячка Най-Наиньть роботнекне. Арцьть-арцьть, а

1) роботнекне.

Марью вмѣстѣ съ паренькомъ. Красивая Марья услыхала отцовыхъ работниковъ и говоритъ пареньку: «я сдѣлаюсь церковью, а ты (сдѣлаешься) попомъ; какъ подойдутъ отцовы работники и начнутъ спрашивать тебя о насъ, скажи имъ въ отвѣтъ: — я давно уже здѣсь, и не видѣлъ тутъ проходящихъ». Сдѣлались Красивая Марья церковью, а паренёкъ попомъ. Прискакали Дячка Най-Наины работники къ церкви, вошли въ церковь и спросили попа: «не проходилъ ли кто-нибудь?» Попъ отвѣчаетъ: «я уже давно здѣсь, и не видѣлъ тутъ проходящихъ». Вернулись Дячка Най-Наины работники обратно, а церковь и попъ сдѣлались опять Красивой Марьей и паренькомъ, и пустились опять бѣжать. Пришли Дячка Най-Наины работники домой и говорятъ: «мы ничего не нашли, но только нашли мы церковь и въ церкви попа». — «Зачѣмъ вы, говоритъ Дячка Най-Най, не схватили церковь и попа, вѣдь это были Красивая Марья и паренёкъ». — Опять пустились въ погоню Дячка Най-Наины работники. Скакали-скакали; ни

церькова а поп, аньцяк мусть кинь гафты бокава кафты тьветкенеть; тьветкенетьнень геўкьстезь. Тьветкенетьни мереть: «минь дундынь васинь цини паньцинкь, а тия ютыцят эзенекь некь». Веляўсть мекеў роботнекне, ёфтасть Дячка Най-Наиньтий, а сон дест мере: «тынянгк сеземальть тьветкатьне, сеть ульнисть Мазый Марьяньть марты цёрэнесь. Ашкать моньць молян!» Озась Дячка Най-Найсь човарц, сайсь панимкакс петькель и напустясь Мазый Марьяньть марты цёрэненьть сасама. Мазый Марьясь марясы—тятязы ардэ, тееўсь эрькенекс, а цёрэненьть теези уткиникс. Арць ваксызыст Дячка Най-Найсь, чарькиць, шты эрькенесь Мазый Марьясь, а уткинись цёрэнесь, аньцяк а саивить; сон азнысь-азнысь эйсэст, веляўсь мекеў. Састь Мазый Марьяньть марты цёрэнесь цёрэненьть тятянцтый, а цёрэненьть тятянsы кудысы свадьба. Мазый Марьясь мери цёрэненьтей: «мон визьдян кудыс сувамун, азя васня тон зу(в)ак; аньцяк вант, ілямак стуфт; весень балцить а вишка сазырныт иляк пала, ата

церкви, ни попа, нашли они только по обѣимъ сторонамъ дороги два цвѣточка; они спросили у цвѣточковъ. Цвѣточки отвѣчаютъ: «мы зацвѣли въ первый день весны, и не видѣли тутъ проходящихъ». Вернулись обратно работники, разсказали Дячка Най-Наю, а онъ имъ говоритъ: «вамъ надо было сорвать цвѣточки, это были Красивая Марья и паренёкъ. Ну-ка я самъ поѣду!» Сѣлъ Дячка Най-Най на ступу, взялъ, какъ погонялку, пестъ и пустился догонять Красивую Марью и паренька. Красивая Марья замѣтила, что скачетъ отецъ, сдѣлалась озёркомъ, а паренька обратила въ уточку. Прискакалъ къ нимъ вплотную Дячка Най-Най, понялъ, что озёрко—это Красивая Марья, а уточка—это паренёкъ, но однако ихъ нельзя взять,—онъ клялъ ихъ, клялъ и вернулся назадъ. Пришли Красивая Марья и паренёкъ къ его отцу, а въ домѣ отца паренька свадьба. Красивая Марья говоритъ пареньку: «я стыжусь войти въ домъ, ступай сначала ты, войди, но смотри, не забудь меня; всѣхъ поцѣлуй, а маленькую сестренку свою не цѣлуй, а то забудешь меня». Вошелъ паренёкъ въ домъ, узнали его

стуўсамак». Су(в)ась цёрэнесь кудыс, сонзы веси содэзь, раду-(в)ась, сон гармась весень балцимаст, аньцяк вишка сазырнынзы а палэ. Вишка сазырнысь мере: «ляляй, а монь мекс а паласамак?» Цёрась думазиўсь: «паряк а стуўса Мазый Марьяньть, паланьдяряса вишка сазырум». Палызе — стуфтызи Мазый Марьяньть. А родьнятьни цёрэненьтень истя раду(в)ась, шты думасть урьвакстуманзэа; мусть мазый дейтерь гозяйкакс, озафтызь зёрэненьть ваксс, кармасть симиме. А Мазый Марьясь тееўсь гулькиникс, валксь се вальманьть алуў, гонань гарчы ульнись озады цёрэнесь, ды морэ: «васиньциньть стуфтызе, васиньциньть стуфтызе». Цёрась марясы гулькининьть морамуда, а соньць а чарькиде. Гулькинись лифтясь вальманьть эйсты и валксь лисьма пайми лангкс и тееўсь мазый дейтерькс. Лиссь цёраньть покш сазырызы вец, кармась лисьмастыньть амульдими ведь, неези лисьмастыньть Мазый Марьяньть сультиньть; ёртэзи курьцяньть тейтересь, тусь кудуў. «Тон мекс ведь эзеть кант?» кеўкьсьтезь дейтереньть. «Мазыян баран ды карман ведень ганлиме!» мери тейтересь. Ку-

---

всѣ, обрадовались, а онъ сталъ всѣхъ цѣловать, но, только не цѣлуетъ маленькую свою сестрёнку. Маленькая сестрёнка спрашиваетъ: «старшій братецъ, а меня почему ты не поцѣловалъ?» Парень подумалъ: «можетъ быть, я не забуду Красивой Марьи, если поцѣлую маленькую мою сестрицу»; поцѣловалъ ее—забылъ Красивую Марью. А родные такъ обрадовались пареньку, что задумали женить его; нашли ему въ жены красивую дѣвушку, посадили ее около паренька и начали пить. А Красивая Марья обратилась въ голубку, опустилась подъ тѣмъ окошкомъ, противъ котораго сидѣлъ паренёкъ, и поётъ: «первую ты позабылъ, первую ты позабылъ». Парень слышитъ пѣніе голубки, но онъ самъ не догадывается. Голубка вылетѣла изъ окошка, опустилась у сруба колодца и обратилась въ красивую дѣвушку. Вышла старшая сестра паренька по воду, начала черпать изъ колодца воду, увидѣла въ колодцѣ тѣнь Красивой Марьи; бросила дѣвушка коромысло, пошла домой. «Ты отчего не принесла воды?» спросили дѣвушку. «Я хо-

чизи вец цёраньть од циянь батяньть. Мольць од циянь батясь, варчтась лисьманьтинь, неези тосты Мазый Марьяньть сультиньть, и сон цалы—се сонзы сультись, ёртэзи курьцяньть, су(в)ась кудыс. «Тон мекс ведь эзеть кант?» кеўкьсьтезь циянь батяньть. «Мазыян баран ды карман ведень гандума», мери чиянь батясь. Лиссь ведень амульдими соньць цёрэнесь; варчтась лисьманьтинь, неези Мазый Марьяньть сультиньть и содэзе; варчтась вереў, а Мазый Марьясь лисьма пайми пряса. Цёрась веньцтези курьцяньть, валцтызи Мазый Марьяньть, су(в)ась мартынзы кудыс и мере: «монь ваны чиянь батям, мон зонзы стуфтыкшныне». Кода неезь Мазый Марьяньть цёраньть родьнятьне, патай сельмест конезь, уш пекь мазый. Цёрась веньчась Мазый Марьяньть марта.

Ёўкс.

Эрясь ащись ве ломань, ведун; урьваксс се ломанись и козяйкакс сайсь ведун дейтерь. Тусь цёрась базаруў. А козяйканьть

роша и пригожа, да стану я воду носить!» отвѣчаетъ дѣвушка. Послала она по воду невѣсту паренька. Пошла молодая невѣста, посмотрѣла въ родникъ, увидѣла тамъ тѣнь Красивой Марьи и подумала, что это ея собственная тѣнь, бросила коромысло, вошла въ избу. «Ты отчего не принесла воды?» спросили невѣсту. «Я красива и пригожа, да стану я воду носить», отвѣчаетъ невѣста. Вышелъ зачерпнуть воды самъ паренёкъ; посмотрѣлъ въ колодезь, увидѣлъ тѣнь Красивой Марьи и узналъ ее; посмотрѣлъ на верхъ, а Красивая Марья на вершинѣ колодезнаго журавля. Парень потянулъ коромысло, спустилъ Красивую Марью, вошелъ вмѣстѣ съ нею въ избу и говоритъ: «вотъ моя невѣста, я было забылъ её». Какъ увидѣли Красивую Марью родные парня, то даже зажмурили глаза, ужъ больно красива. Парень повѣнчался съ Красивой Марьей.

Сказка.

Жилъ былъ одинъ человѣкъ, колдунъ; женился этотъ человѣкъ и взялъ въ жены дѣвушку колдунью. Пошелъ мужикъ на базаръ.

ульнись вечкемаза; сон дерьдези вечкеманьть, ды симить-ярцыть. Ащинь цокшни сась базарцты мирьдись, варчтась вальмава, а козяйкась вечкеманзы марты сими-ярцэ. Вечкемась неези мирьдиньть и мери аванътий: «кии бути вальмава ванэ». — «Мон зодаса!» мери авась; соньць сайсь локша, лиссь ушуў, вачкидизи мирьдиньть локшесэньть и мере: «тонять а(в)уль ломаникс улимс, а тюжа кискакс!» Цёрась тееўсь тюжа кискакс. Ашилгаць. Лия кискатьни неезь дюжа кисканьть и кармасть сонзы сезьнеманза. Тюжа кискась тусь киява ардума; арць-арць, ванцы—пастухт стада ваныть, сон мольць пастухнининь. Пастухни раду(в)ась, шты киска тест педясь, андызь, зимьдизь. Кискась кармась пастухнинь марты стада ванума; ванць истя парьцьте, шты пастухнининь тейнемс как ульнись неместь. Пастухни ванцызь—гискась ськамунзы-як стаданьть ванцэ, и паксяў эсть карма якама. Вешкани кискась ваны стаданьть, а пастухни кабаксыт. Мольць се кабакыньтинь купець и мере: «монянь вередемьсь ор, эрьва вени

А у жены его былъ любовникъ; она позвала любовника, и они пьютъ-ѣдятъ. Вечеромъ поздно вернулся съ базара мужъ, посмотрѣлъ въ окошко, а жена со своимъ любовникомъ пьетъ и ѣстъ. Любовникъ увидѣлъ мужа и говоритъ женщинѣ: «кто это смотритъ въ окошко?»—«Я знаю!» говоритъ женщина; сама взяла плётку, вышла наружу, ударила мужа плёткой и говоритъ: «тебѣ быть не человѣкомъ, а желтой собакой!» Мужикъ сталъ желтой собакой. Разсвѣло. Другія собаки увидѣли желтую собаку и начали ее рвать. Желтая собака побѣжала вскачь по дорогѣ; скакала-скакала; видитъ—пастухи пасутъ стадо; она пошла къ пастухамъ. Пастухи обрадовались, что къ нимъ пристала собака, накормили и напоили ее. Собака стала стеречь стадо вмѣстѣ съ пастухами; стерегла такъ хорошо, что пастухамъ было нечего дѣлать. Пастухи видятъ, что собака и одна устережетъ стадо, и не стали ходить въ поле. Однажды собака стережетъ стадо, а пастухи въ кабакѣ. Пришелъ въ тотъ кабакъ купецъ и говоритъ: «ко мнѣ присталъ

сакшнэ». — «Кабу тонять миниль кискась», мереть пастухни и ёфнезь, годамы сынцт кискаст. Купецесь кармась кисканьть рамсиме. Пастухнинь а мелест ульнись миимс кисканьть, а купеценьть ярмакни манизь. Рамизи купецесь кисканьть, ветези кудуў. Сась ве. А се купеценьтей якась салама самай дюжа кисканьть ведун гозяйкась. Тюжа кисканьть козяйкась сась, су(в)ась купеценьть кудыс, кармась купеценьть ярмак сундукуньть саиме. Тюжа кискась каяўсь козяйканьть ланґкс, нельгези ярмак сундуккиньть, маць ланґгызынsа. Стясь валцки купецесь, ванцы ярмак сундуккись арась, мольць, тюжа кисканьть кучкырдызи и мере: «киска раминь, а ярмакнинь ялы теки салызь!» Аньцяк купецесь кисканьть кучкырдызе, ярмак сундукуньть неезе. Колмы веть удысь тюжа кискась купеценьть кеца, колмксть нельгеньsи козяйканsы кецты купеценьть ярмакнинь. Козяйкась лоткась купеценьтей якама салама.—Инязыравась чачнись кафты цёрат, каўниск цёратьни юмасть веть. А сынцт салыньsи тюжа кисканьть козяйкась. Инязыравась тагы чачтума ланґкса. Инязырысь марясь

воръ, ходитъ каждую ночь».—«Кабы тебѣ да наша собака», говорятъ пастухи и разсказали, какая у нихъ собака. Купецъ началъ покупать собаку. Пастухамъ не хотѣлось продавать собаки, но купцовы деньги смутили ихъ. Купилъ купецъ собаку, привелъ домой. Пришла ночь. А къ этому купцу пришла воровать какъ разъ колдунья, жена желтой собаки. Жена желтой собаки пришла, вошла въ домъ купца, стала брать купцовъ сундукъ съ деньгами. Желтая собака кинулась на жену, отняла сундучокъ съ деньгами, легла на него. Всталъ утромъ купецъ, видитъ, что нѣтъ сундучка съ деньгами, пихнулъ желтую собаку и говоритъ: «я купилъ собаку, а деньги всё равно украли!» Только лишь купецъ пихнулъ собаку, онъ увидѣлъ сундукъ съ деньгами. Три ночи спала желтая собака у купца, три раза отнимала у своей жены купцовы деньги. Жена перестала ходить воровать къ купцу.— Царица родила двухъ сыновей, оба сына пропали ночью. А ихъ украла жена желтой собаки. Царица опять на сносяхъ. Царь

тюжа кискадыньть, мольць купеценьтей, саизи тюжа кисканьть. Купецесь амельцы максызи тюжа кисканьть. Инязыравась чачсь цёра. Тюжа кисканьть козяйкась мольць цёраньть салама веть. Аньцяк су(в)ась тюжа кисканьть козяйкась инязырыньть кудыс, и саизи инязырыньть колмоцекс цёранза, тюжа кискась кода каяве, нельгези пакшаньть. Стясть валцке, ванцызь бакшась киякс кунчкасы кисканьть беремаса. Царись саизи цёраньть и мере тюжа кисканьтий: «улилить дяря ломань, пелензы царствам максылини теть». Кисканьтинь бары ульнись эрямусь инязырыньть кеца, аньцяк тошна саизи козяйканзы киса. Оргоць тюжа кискась инязырыньть кецта, арць соньцензы велеў, мольць соньцензы вальмалуў, варчтась вальмава, а козяйкась тагы вечкеманзы марты сими-ярцэ. Вечкемась неези тюжа кисканьть и мере: «вальмава кипбути ванэ». — «Мон зодаса», мери тюжа кисканьть козяйкась. Лиссь тюжа кисканьть козяйкась, вачкидизи тюжа кисканьть локшеса; тееўсь тюжа кискась озязыкс. Кувать тюжа кискась лифь-

---

услыхалъ о желтой собакѣ, пошелъ къ кущу, взялъ желтую собаку. Купецъ нехотя отдалъ желтую собаку. Царица родила сына. Жена желтой собаки пришла ночью украсть сына. Но лишь только жена желтой собаки вошла въ царёвъ домъ и взяла третьяго царёва сына, желтая собака какъ кинется, и она отняла ребенка. Встали утромъ, видятъ, что ребенокъ лежитъ посреди пола въ объятіяхъ собаки. Царь взялъ сына и говоритъ желтой собакѣ: «если бы ты была человѣкомъ, я далъ бы тебѣ половину моего царства». Хорошо было житьё собакѣ у царя, однако соскучилась она по своей женѣ. Убѣжала желтая собака отъ царя, прискакала въ свое село, пришла къ своему окну, посмотрѣла въ окно, а жена опять пьетъ-ѣстъ со своимъ любовникомъ. Любовникъ увидѣлъ желтую собаку и говоритъ: «кто-то смотритъ въ окно».—«Я знаю его», отвѣчаетъ жена желтой собаки. Вышла жена желтой собаки, ударила желтую собаку плёткой; сдѣлалась желтая собака воробьемъ. Долго летала желтая собака воробьемъ. Потомъ женѣ стало скучно по

нись озязыкс. Мельи козяйканьы кисыньы тошна саизе. Мольць козяйкась вириў, тейсь клеткене, каясь клеткененьтень ямкскить и витизе. Лифьнись-лифьнись мирьдись озязыкс, пекезы вачсь. Лифтясь озязысь се вирьниньтинь, муизи клеткененьть, су(в)ась ямкскиды клюкамы и понксь. Мольць козяйкась, саизи клетканьть, таргизи клеткастыньть мирьдиньть, теези ломаникс и мере: «адя кудуў, саить каськасты инязырыньть кафты васинь сёраньы и вететь теньса». Цёрась мольць козяйканьы марты кудуў, саиньзи инязырыньть кафты васинь сёраньса, тусь мартыст инязырыньтинь. Инязырысь кода нееньзи покш цёраньы, а ёфтави-як, кода радувась, и цёраньть ветецяст казизи седи парыцьти некоў. Цёрась саиньзи ярмакинь, сась кудуў и мере: «ну, бабась, ней ярмакынык лама!» — «Дай, атясь, путтана кевень гуда и карматана пичинь[1]) микшниме», мери бабась. Атясь козяйканьть нарьгамуньть эси стуфт и мере: «теефьть, бабась, карий эльдекс; мон кеўнекь-бруснык тонь эйсы усксисынь». Аньцяк цёрась истя

1) брусынь.

мужѣ. Пришла жена въ лѣсъ, сдѣлала клѣточку, накидала въ клѣточку пшена и поставила ее для ловли. Леталъ-леталъ мужъ воробьемъ, проголодался. Прилетѣлъ воробей въ этотъ лѣсокъ, нашелъ клѣточку, вошелъ поклевать зёрнушки и попался. Пришла жена, взяла клѣтку, вытащила изъ клѣтки мужа, сдѣлала его человѣкомъ и говоритъ: «ступай домой, возьми изъ подполья обоихъ первыхъ сыновей царя и отведи ему». Мужикъ пришелъ съ хозяйкой домой, взялъ обоихъ первыхъ сыновей царя и пошелъ съ ними къ царю. Когда царь увидалъ старшихъ сыновей, не разскажешь, какъ онъ обрадовался, и одарилъ приведшаго ихъ мужика какъ лучше нельзя. Мужикъ взялъ деньги, пришелъ домой и говоритъ: «ну, старуха, теперь у насъ много денегъ!»—«Давай, старикъ,—говоритъ старуха,—построимъ каменный домъ и будемъ продавать брусья». Старикъ не позабылъ женина мученія и говоритъ: «сдѣлайся, старуха, карей кобылой; я перевожу на тебѣ и камни и брусья». Лишь только такъ сказалъ мужикъ—онъ былъ колду-

мерьць, — сон ведуи ульнись, — козяйкась тееўсь карий эльдекс. Атясь кильдизи бабаньть, кармась кевень усксиме. Усксись-усксись атясь кефьть карий эльцэньть, пуць кевень гуда. Путуўсь кудысь, атясь кильдизи карий эльденьть, кармась брусынь усксиме. Усксись-усксись атясь бруст, зярыя ускскись. Кода кардазысь пешкець бруста, атясь мере: «ней, бабась, теефьть тагы авакс». Аньцяк атясь истя мерьць, карий эльдесь тееўсь авакс. Авась нарьгизи цёраньть, цёрась как аваньть нарьгизе. Ней авась ялы пачалксить пани ды мирьдинsы андэ, а мирьдись ялы бруст микшне; пачкинь-бачк эреть.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабань а эйдест, а какшист. Кармась атинись сыргамы паксяў зокама. Бабась мере: «атясь а ятясь, керяка пенгкть!» Кармась атясь пенгень геряма, керези

номъ, жена сдѣлалась карей кобылой. Старикъ запрягъ старуху и началъ возить камни. Возилъ-возилъ старикъ камни на карей кобылѣ, построилъ каменный домъ. Когда домъ былъ готовъ, старикъ заложилъ карюю кобылу и сталъ возить брусья. Возилъ-возилъ старикъ брусья, много навозилъ. Когда дворъ наполнился брусьями, старикъ говоритъ: «Теперь, старуха, сдѣлайся опять женщиной». Лишь только онъ такъ сказалъ, каряя кобыла сдѣлалась женщиной. Женщина поучила мужика и мужикъ поучилъ также женщину. Теперь женщина все печетъ блины и кормитъ своего мужа, а мужъ все продаетъ брусья; живутъ они отлично.

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи не было дѣтей. Старикъ сталъ собираться въ поле пахать. Старуха говоритъ: «старикъ а старикъ, нарубка-ка дровъ!» Сталъ старикъ рубить

пелькаңза. «Бабась, коў дейсэнекь? бабась, коў дейсэнекь?» пижни атясь. — «Дай! дай! дей варякшкис!» Тусь атясь паксяў, а бабинись путызи пельканьть варякшкис и кармась пачалксинь баниме. Паниньзи бабинись пачалкситьнинь ды мере: «Улильдяря цёрэнемь, кучилини бу пачалксинь гандума, а ней не кинь гучумс». Пелькенесь маризи бабининьть и мере: «бабай, дай, мон молян!» Бабинись радувась и мере: «азя-азя!» Скокаць варякшкисты пелькенесь, саиньзи пачалкситьнинь и тусь кандумаст атяньтий. Мольць пелькенесь атяньть удалуў и серье: «покщай, на пачалксить!» Атясь варчтась, ки-як арась; варчтась алуў, икилиңзы пачалкси стопа. Саиньзи атясь пачалкситьнинь, а пачалкситьнинь алы пелькене. Пелькенесь мере: «покщай, дон ярцак, а мон гарман зокама». Атясь радувась, озась ярцама, а пелькенесь кармась сокама. Соки пелькенесь ды морэ. Юты бояр вакскаст; ванцы боярысь— ломань зоканьть удалы арась, а морама маряве. Боярысь мере: «покщай, зе мекс сокась морэ?» — «Се авуль зокась морэ,

---

дрова, отрубилъ свой палецъ. «Старуха, куда мы его дѣнемъ, старуха, куда мы его дѣнемъ?» кричитъ старикъ.—«Дай! дай! сюда въ печурку!» Поѣхалъ старикъ въ поле, а старушка положила палецъ въ печурку и начала печь блины. Испекла старушка блины и говоритъ: «если бы у меня былъ сынокъ, я послала бы его отнести блины, а теперь некого послать». Пальчикъ услышалъ старушку и говоритъ: «бабушка, дай, я пойду!» Старушка обрадовалась и говоритъ: «ступай-ступай!» Выскочилъ пальчикъ изъ печурочки, схватилъ блины и пошелъ отнести ихъ старику. Подошелъ пальчикъ къ старику сзади и кричитъ: «дѣдушка, на блины!» Старикъ оглянулся, нѣтъ никого; взглянулъ внизъ, передъ нимъ стопка блиновъ. Взялъ старикъ блины, а подъ блинами пальчикъ. Пальчикъ говоритъ: «Дѣдушка, ты ѣшь, а я буду пахать». Старикъ обрадовался, сѣлъ ѣсть, а пальчикъ сталъ пахать. Пашетъ пальчикъ и поетъ. Проходитъ около нихъ баринъ; видитъ баринъ— за сохой нѣтъ человѣка, а пѣніе слышится. Баринъ говоритъ: «старикъ, что это соха поетъ?»—«Это не соха поетъ,— отвѣчаетъ ста-

се цёрэнемь, аньцяк сон бекь вишкине, секс а неяве», мери атясь. — «Миикь монянь!» мери боярысь. — «А миса!» А пелькенесь чийсь ды мере: «покщай, миимак, покщай, миимак!» Атясь саизи ды миизи боярыньтий белькененьть. Боярысь максыньsи атяньтинь белькененьть кис ярмакнинь, тапаризи пелькененьть пацини поц ды путызи зепезэнsа. А зепсэньть ульнисть ламы ярмакт. Боярысь озась алашас, тусь. Пелькенесь ащись-ащись боярыньть зепсы ды мере: «бояр бокщай, монянь десы авуль бара!» А боярысь усксь покш сундук ярмак марта. Таргизи боярысь зепстэнsы пелькененьть ды путызи сундукуньтинь, а сундуксыньть ульнись бураў. Боярысь моли, месть-как а думе, а пелькенесь саизи буравуньть, пельць варя и кармась ярмакнинь сундукстыньть кайсиме. Кайсиньsи пелькенесь веси ярмакнинь, серьнесь сундукуньтинь ды лиссь и соньць. Пурныньsи пелькенесь кайсинь ярмакнинь и кандыньsи покщанцтынь. Радувась атинись седи-як. Ней-гак се атясь эри сюпаўста, а пелькененьть урьвак-

---

рикъ,—это мой сынъ; онъ только очень маленькій, поэтому его не видно».—«Продай его мнѣ!» говоритъ баринъ.—«Не продамъ!» А пальчикъ прибѣжалъ и говоритъ: «дѣдушка, продай меня, дѣдушка, продай меня!» Старикъ взялъ да продалъ пальчикъ барину. Баринъ отдалъ старику деньги за пальчикъ, завернулъ пальчикъ въ тряпочку и положилъ его въ карманъ. А въ карманѣ было много денегъ. Баринъ сѣлъ на лошадь, поѣхалъ. Пальчикъ сидѣлъ-сидѣлъ въ карманѣ у барина и говоритъ: «дѣдушка баринъ, мнѣ здѣсь не хорошо!» А баринъ везъ большой сундукъ съ деньгами. Вытащилъ баринъ изъ кармана пальчикъ и положилъ въ сундукъ, а въ сундукѣ былъ буравъ. Баринъ ѣдетъ, ни о чемъ не думаетъ, а пальчикъ взялъ буравъ, просверлилъ дыру и сталъ выбрасывать деньги изъ сундука. Выбросилъ пальчикъ всѣ деньги, на...лъ въ сундукъ да и самъ вышелъ. Пальчикъ собралъ выброшенныя деньги и принесъ ихъ своему дѣдушкѣ. Обрадовался старичекъ еще больше. И теперь этотъ старикъ живетъ богато, а пальчика онъ

стызе, эень мазый дейтереньть тенsы санзе. Сась боярысь кудуў и мере: «эх, бабась, мон мези ускинь!» — «Мезе?» мери бояравась. — «Варчтак сундукуньтинь, тоньць несак!» мери боярысь. Бояравась варчтась, а тосы ваци куця. Истя сась бояравань кеженsа, шты ней-гак боярыньть лангкс ваны чирьцта.

Кискини кляндирь-булыне.

Эрясь ве атя. Атяньть ульнисьть кафты цёранsа. Сынцт ульнись кискинист «кляньдирь-булынист». Кискинись и онге, и мезе, а пряка тенsы а каить. Весть веть ащи кискинись орта лангксы, вачида; сась верьгез икилинsа. Сась верьгезэсь ды мере: «кляньдирь-булыне, кода тефне?» — «Кода, вачиды эль гулан», мери кляньдирь-булынись. — «Каяк монянь реве, кармить андумат!» мери верьгезэсь. Каясь кляньдирь-булынись верьгезэньтей реве.

поженилъ, взялъ за него самую красивую дѣвушку. Пріѣхалъ баринъ домой и говоритъ: «эхъ, старуха, что я привёзъ!»—«Что?» спрашиваетъ барыня.—«Взгляни въ сундукъ, сама увидишь», отвѣчаетъ баринъ. Барыня взглянула, а тамъ куча г...а. Такъ разсердилась барыня, что и теперь косо смотритъ на барина.

Собачка хвостикъ-кренделемъ.

Жилъ одинъ старикъ. У старика было двое сыновей. У нихъ была собачка «хвостикъ-кренделемъ». Собачка и лаетъ и (дѣлаетъ другое) что, а хлѣба ей не бросаютъ. Однажды ночью собачка сидѣла у воротъ голодная; пришелъ (и сталъ) передъ ней волкъ. Пришелъ волкъ и говоритъ: «хвостикъ-кренделемъ, какъ дѣла?»— «Какъ (дѣла)! я отъ голода чуть не умираю», отвѣчаетъ хвостикъ-кренделемъ.—«Брось мнѣ овцу, станутъ тебя кормить!» говоритъ волкъ. Бросилъ хвостикъ-кренделемъ овцу волку. Волкъ схва-

Верьгезэсь сапзи ревеньть, тусь. Стясть валцки цёратьне, ванцызь—ве реви арась; сынь зеди-як кармасть кляньдирь-булыньть анееме. Омбоци чокшненьть верьгезэсь тагы сась. — «Андыть эйсэт, кляньдирь-була?» кеўксни верьгезэсь. — «Арась», отвечи кискась. — «Ну, дай ищо ве реве, кармить андумат!» Макссь кискась ищо реве. Фатясь азырыза, шты реви юмась, кармась кисканьть чаума, мекс сон а караўле. Колмоци чокшненьть сась верьгезэсь тага. — «Андыдизь, гляньдирь-була?» — «Арась!» мери кискась.—«Ну, дай ищо реве!—мери верьгезэсь,—а тоньць вандый азырыт марты мольть паксяў. Тонь занмат а кармить, а тон мольть. Тонь азырыт туить нуиме икильке пеў, а пакшаст кацызь станц лаўсьс. Мон бакшаньть саласа, а тон цийть ды монь гецты пакшаньть нельгекь». Макссь кляньдирь-булысь верьгезэньтень ищо реве. Валцки кисканьть азырынзы кармасть сыргамы паксяў, кармась сыргамы мартыст и кляньдирь-булысь. Азыртны а саить кляньдирь-булыньть, а сон моле. Састь паксяў; азыртны

тилъ овцу и ушелъ. Встали утромъ мужики, видятъ—одной овцы нѣтъ; они стали ненавидѣть хвостика-кренделемъ еще болѣе. На слѣдующій вечеръ волкъ пришелъ опять.—«Кормятъ тебя, хвостикъ-кренделемъ», спрашиваетъ волкъ.—«Нѣтъ», отвѣчаетъ собака.—«Ну, давай еще одну овцу, станутъ тебя кормить!» Собака дала еще овцу. Хозяинъ собаки замѣтилъ, что пропала овца; онъ началъ бить собаку, зачѣмъ она не караулитъ. На третій вечеръ пришелъ опять волкъ.—«Покормили тебя, хвостикъ-кренделемъ?»—«Нѣтъ!» отвѣчаетъ собака.—«Ну, давай еще овцу!» говоритъ волкъ, а самъ завтра иди съ хозяевами въ поле. Тебя не станутъ брать, а ты иди. Твои хозяева пойдутъ жать къ постати, а ребёнка своего оставятъ на стану въ зыбкѣ. Я украду ребенка, а ты прибѣги и отними ребёнка у меня. Хвостъ-кренделемъ далъ волку еще овцу. Утромъ хозяева собаки стали собираться, сталъ собираться съ ними и хвостъ-кренделемъ. Хозяева не берутъ хвоста-кренделемъ, а онъ идетъ. Пришли на поле. Хозяева не-

тусть икилькс пеӱ, а пакшаст кадызь станц лаӱсьс. Верьгезэсь арць, капудизи пакшаньть и напустясь мартынsа. Неезь верьгезэньть азыртны и кармасть пижниме: «вай, бакшаньть верьгез залызе! вай, бакшаньть верьгез залызе!» Мариньsи не серьематьнинь гляньдирь-булысь; кода напусьти верьгезэньть мельга; нельгези пакшаньть, кандызи аванцтынь. — «Вай, гискась кодамы пара, а минь эсэнsы а янтана! Вай, мекс минь гисканьть а янтана!» мери авась и бух, пакшаньть лоӱцэнь гашанsы кисканьтинь ганзе. Сась тагы веть верьгезэсь и мери кляньдирь-булыньтинь: «вандый баксяӱ иля мольть. Тонь гармить саимат, а тон иля мольть. Азырыт вандый моли экшеляма, тон мартынsы мольть; козэй зон банарынsы каясэ, се тарканьть сокарикь, казна муят». Валцкись сась. Азырынsы кармасть паксяӱ зыргама и кисканьть кармасть терьдеме. Кискась а моле. Сынь заизь ды сюлмизь удалуӱ. Кискась карьксыньть порези ды оргоць. Тусть азырынsы паксяӱ кискафтумуньть. Эень зыри азырысь кадуӱсь кудыс. Пеличишкани кармась атясь экшелямы сыргама. Сыргась мартынsы

шли къ постати, а ребёнка оставили на стану въ зыбкѣ. Прибѣжалъ волкъ, схватилъ ребёнка и убѣжалъ съ нимъ. Увидали волка хозяева и стали кричать: «ой, ребёнка укралъ волкъ! ой, ребёнка укралъ волкъ!» Услышалъ эти крики хвостъ-кренделемъ; какъ побѣжитъ за волкомъ; отнялъ ребёнка и принёсъ его матери.— «Ой, какая хорошая собака, а мы её не кормимъ!» говоритъ мать и бухъ! бросила собакѣ молочную кашу своего ребенка. Опять пришелъ ночью волкъ и говоритъ (собачкѣ) хвостъ-кренделемъ: «завтра не ходи въ поле. Тебя начнутъ брать, а ты не ходи. Хозяинъ завтра пойдетъ купаться, ты иди съ нимъ; куда онъ броситъ свою рубашку, то мѣсто вскопай, найдешь кладъ». Настало утро. Хозяева стали собираться въ поле и начали звать собаку. Собака не идетъ. Они взяли да привязали ее сзади. Собака перегрызла веревочку и убѣжала. Хозяева отправились въ поле безъ собаки. Всѣхъ старшій хозяинъ остался въ домѣ. Во время полудня старикъ сталъ собираться купаться. Со-

и кляндирь-булысь. Атясь стардызи кисканьть, а сон ялы-теки моле. Мольць атясь экшеляма, мольць мартынsы и кискась. Каизи атясь панарынsы и сувась веденьтень. А кискась каизи панарыньть бокаў и кармась се тарканьть сокаряма. Сокарясь-сокарясь кискась, мусь казна. Лиссь атясь вецтэньть, ванцы—кляндирь-булысь таргась цела котёл ярмакт. Радувась атясь, кармась кисканьть андумы сывильда. Састь паксясты цёратьне, рамасть кляньдирь-булыньтинь вина, кильцьть алаша арьтнимс. Арьтьниўсть-арьтьниўсть кисканьть; симьсть-симьсть эйсэнsы винада, кулуфтызь винас. Кармасть думама, кода бу седи парьцти кисканьть калмамс. Покш цёрась мере: «мон молян бопоньтень, кеўксьса, а калмасы-ли ломаньлаца». Мольць цёрась попоньтень и мере: «миникь кисканык пекь пары ульнись, ней гулысь, а калмасак-ли ломаньлаца». — «Ну, свет, ара можна!» попось мере. — «Ведь зон эзь онгкт, а тонять кафты сятт цолковой мерьць максумада», мери цёрась. — «Ды мон года мелет калмаса, аньцяк кода дия-

---

брался съ нимъ и хвостъ-кренделемъ. Старикъ пугнулъ собаку, а она всё-равно идетъ. Пришелъ старикъ купаться, пришла съ нимъ и собака. Старикъ сбросилъ рубашку и вошелъ въ воду. А собака отбросила рубашку въ сторону и начала она копать то мѣсто. Копала-копала собака, нашла кладъ. Вышелъ старикъ изъ воды, видитъ — хвостъ-кренделемъ вытащилъ цѣлый котёлъ денегъ. Обрадовался старикъ, началъ кормить собаку мясомъ. Вернулись съ поля мужики, купили вина собачкѣ хвостикъ-кренделемъ, заложили лошадь, чтобы прокатить. Катали они катали собаку; поили-поили ее виномъ, до смерти опоили виномъ. Стали они думать, какъ бы похоронить собаку возможно лучше. Сынъ-большакъ говоритъ: «я пойду къ попу, спрошу, не похоронитъ ли ее какъ человѣка». Пошелъ мужикъ къ попу и говоритъ: «у насъ была очень хорошая собака, теперь она околѣла, не похоронишь ли ее какъ человѣка?»—«Ну, свѣтикъ, развѣ можно!» отвѣчаетъ попъ.—«Вѣдь она не лаяла, а тебѣ велѣла дать двѣсти рублей», говоритъ мужикъ. — «Да я похороню какъ тебѣ желательно,

кынысь?» мери попось. Максыньsи попоньтень ярмакнинь. Тусь цёрась диякыныньтинь, ёфтэзи, мейсь сась. Диякынысь кедынекь пильгиникь кармась ча(в)умаст — нельsя! Цёрась мере: «ведь зон эзь онкт, а тонять мерьць сяды цолковой максумада!» — «Ды моньдедэн девесь а лотке, аньцяк кода диячикысь?» Максыньsи цёрась диякыныньтий ярмакнинь, тусь диячикыньтинь. Сась цёрась диячикыньтинь, даргась ведьгемень sолковой, ды путыньsи столанкс. — «Нень мейсь?» мери диячикысь. — «Кисканык пекь пары ульнись, кулысь, тонять калмамунь гис мерьць ведьгемень sолковой максумада!» мери цёрась. — «А понамариньть марты кортэть?» мери диячикысь. — «Ищо арась!» мери цёрась. — «Тон уш азя и сонянsа,—мери диячикысь,—юмамс уш бути весенень». Тусь цёрась понамариньтинь, таргась комсьветеи цолковой, путыньsи столанкс. — «Нень мейсь?» мери понамарись. — «Не ярмакнинь донять кискань галмамга», мери цёрась.—«Я, те кискась можна пазава марты лифтимс!» мери понамарись. Лифтизь гис-

---

только какъ діаконъ?» говоритъ попъ. Отдалъ деньги попу. Пошелъ мужикъ къ діакону, сказалъ, для чего пришелъ. Діаконъ сталъ отказываться (бить) и руками и ногами—нельзя! Мужикъ говоритъ: «вѣдь она не лаяла, а тебѣ велѣла дать сто рублей!»—«Да за мной дѣло не станетъ, только какъ дьячёкъ?» Отдалъ мужикъ діакону деньги, пошелъ къ дьячку. Пришелъ мужикъ къ дьячку, вынулъ пятьдесятъ рублей и положилъ на столъ. «Это для чего?» спрашиваетъ дьячёкъ.—«У насъ была очень хорошая собака, она околѣла; велѣла дать тебѣ за похороны пятьдесятъ рублей!»—«А съ пономаремъ,—спрашиваетъ дьячёкъ,—ты говорилъ?»—«Нѣтъ еще!» отвѣчаетъ мужикъ.—«Ты ужъ ступай и къ нему,—говоритъ дьячёкъ,—если пропадать, такъ ужъ всѣмъ». Пошелъ мужикъ къ пономарю, вынулъ двадцать пять рублей, положилъ на столъ.—«Это для чего?» спрашиваетъ пономарь.—«Эти деньги,—отвѣчаетъ мужикъ,—тебѣ за похороны собаки».—«А, эту собачку можно вынести съ образами!» говоритъ пономарь. Вынесли собаку съ обра-

каньть пазава марта, калмизь ломаньлаца. Марясь теды эрьхерейсь; кода арды се веленьтень, кода пурнасыньзи попнень-дякытнынь, кода карми эйсэст шкотяма, мейсь истя кисканьть калмизь. Терьдефтези эрьхерейсь кисканьть азырынза и мере: «тон мейсь истя кискат калмафтыкь?» Азырысь мере: «ведь зон эзь онгкт, а тонять мерьць максумада колмы сятт цолковой!»—«Ведь мон мурьнян авуль зень гис, шты кисканьть ломаньлацы калмингкь, а сень гис, мекс тынь истямы киска калмиди апак соборья?» мери эрьхерейсь.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат; атянь-бабань ульнись тейтерьнест. Сынцт ульнись васыпы родэст. Тейтерьнесь кармась сыргамы ащими пакаринзы марта. Тятянзы аванзы а нолдэть, мереть—пекь васуў. Састь тест Вардыни и мере: «мон бровожаса». Тусь тейтерьнесь

зами, похоронили какъ человѣка. Узналъ объ этомъ архіерей; какъ прискачетъ онъ въ это село, какъ соберетъ весь причтъ, какъ начнетъ ихъ пробирать, зачѣмъ такъ похоронили собаку. Архіерей велѣлъ призвать и хозяина собаки и говоритъ: «ты зачѣмъ заставилъ похоронить такимъ образомъ твою собаку?» Хозяинъ отвѣчаетъ: «вѣдь она не лаяла, а тебѣ велѣла дать триста рублей!»—«Вѣдь я браню—говоритъ архіерей,—не за то, что вы похоронили эту собаку какъ человѣка, а за то, зачѣмъ вы похоронили такую собаку безъ соборованія!»

Сказка.

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи была дочка. У нихъ были въ отдаленномъ мѣстѣ родственники. Дочка стала собираться (къ нимъ) на побывку съ прялкой. Отецъ и мать ея не пускаютъ, говорятъ, что очень далеко. Пришла къ нимъ Вардушка [имя собственное дѣвушки] и говоритъ: «я ее провожу». Пошла

Вардыниньъ марта. Тейтерьненьъ сараханынъы парт, а Вардыниньъ каладыт; тейтерьненьъ пильксы котат, а Вардыниньъ калады карьъ; тейтерьненьъ прясы од бацяя, а Вардынись пацяфтума. Мольцьъ-мольцьъ, мусть ведьне. Вардынись мере: «ай, дай экшелятана». — «Давай!» мери тейтерьнесь. Кайсизь орчамуст; тейтерьнесь сувась вец, а Вардынись орчеиьъи тейтерьненьъ одежанъы и аще. Лиссь тейтерьнесь вецтэньъ и мере: «Вардыни, дай монь орчамун, мейсь орчеть?» А Вардынись мере: «орчеть тон монь орчамутнинь, тонять сеть-как парт». Тейтерьнесь серьгець: «авай, Вардынись орчамун а макссыньъе!» Авазы тейтерьнень маризи и мере: «чеки-сюры кепедян, Вардынь бря лазан!» — «Вай! ават тонь годамы кежей!» мери Вардынись и каиньъи тейтерьненьъ орчамунъа. Тейтерьнесь орчеиьъи соньценъы орчамутьнинь, тусть молеме. Мольцьъ-мольцьъ, тагы мусть ведьне. «Дай экшелятана», мери Вардынись. «Тон орчамун дагы сайсыть, ата экшелялинь», мери тейтерьнесь. «Ней а сай-

---

дочка вмѣстѣ съ Вардушкой. У этой дочки сарафаны хорошіе, а у Вардушки разорванные; у дѣвочки на ногахъ коты, а у Вардушки разорванные лапти; у дѣвочки на головѣ новый платокъ, а Вардушка безъ платка. Шли-шли, нашли рѣчку. Вардушка говоритъ: «эй, давай выкупаемся».—«Давай!» отвѣчаетъ дѣвочка. Сняли свои платья; дѣвочка вошла въ воду, а Вардушка одѣла дѣвочкины платья и стоитъ. Вышла дѣвочка изъ воды и говоритъ: «Вардушка, отдай мои платья, зачѣмъ надѣла ихъ?» А Вардушка говоритъ: «надѣнь мои платья, тебѣ и они хороши». Дѣвочка крикнула: «матушка, Вардушка не отдаетъ моихъ платьевъ!» Мать услышала дочку и говоритъ: «подниму я палку (которою мѣрятъ пятины холста) и разобью голову Варды!»—«Ой,—говоритъ Вардушка,—какая сердитая твоя мать!» и сбросила дѣвочкины платья. Дѣвочка надѣла свои платья, и онѣ пошли. Шли-шли, опять нашли рѣчку. «Давай выкупаемся», говоритъ Вардушка. «Ты опять возьмешь мои платья, а то бы я выкупалась», говоритъ дѣвочка. «Теперь я не возьму», говоритъ Вардушка. Дѣвочка

сынь», мери Вардынись. Тейтерьнесь кайсись, су(в)ась вец, а Вардынись орченьзи орчамунзы тейтерьненьть ды аще. Тейтерьнесь лиссь вецтэньть, вешсь-вешсь, Вардынись а думи-як максумаст. Аванцтый-гак тейтерьнесь пижнись, ды авазы эси маря, уш пекь васуў зынь дусть. Орченьзи тейтерьнесь Вардыниньть орчамутьнинь, тусть. Сась родэст туртуў. Родьнятьни ваныть—ве тейтерьнесь парьцьти орчазь, сынь цали, се сынцт родэст, и кармасть Вардыниньть мелензы ванума. Вардыньть уцифтить тодоў лангкса, андыть миниды-цюныда; а родьня тейтерьненьть лангкс а ваныть-как. Кучизь родьня тейтерьненьть орохонь гараўляма. Тейтерьнесь караўлясь парьцьте, орохось цела. Омбоци чиньть Вардынись мере: «мон молян орохонь гараўляма». Мольць Вардынись, орохоньть андызе; родьнятьнинь гежест сась, и мереть: «авуль родьня тейтерьни, иты орохоньть ванцтызе, а родьнясь андызе». Маринъзи не валтнынь родьня тейтерьнесь и мере: «родьнясь тынянгк авуль зон, а мон; сон экшелямсты монь орчамун орченьзе, ды ней-гак эйсэст а максэ». Тейтерьненьть родьнятьни

сбросила (платья), вошла въ воду, а Вардушка надѣла дѣвочкины платья и стоитъ. Дѣвочка вышла изъ воды, просила-просила, Вардушка и не думаетъ ихъ отдать. И матери своей кричала дѣвочка, но мать ея не услышала, ужъ больно далеко онѣ ушли. Надѣла дѣвочка Вардушкины платья, и пошли. Пришли къ родственникамъ. Родственники видятъ, что одна дѣвушка одѣта хорошо, они подумали, что это ихъ родственница, и начали исполнять прихоти Вардушки. Вардушку кладутъ на подушку, кормятъ всякой-всячиной; а на родственницу даже и не смотрятъ. Послали дѣвушку-родственницу караулить ворохъ. Дѣвушка хорошо караулила, ворохъ цѣлъ. На другой день Вардушка говоритъ: «я пойду караулить ворохъ». Пошла Вардушка, стравила ворохъ; родственники разсердились и говорятъ: «не родная дѣвушка, и та укараулила ворохъ, а родная стравила его». Услышала эти слова родная ихъ дѣвушка и говоритъ: «родня вамъ не она, а я; она во время купанья надѣла мои платья, и теперь еще не отдаетъ ихъ». Род-

каяфтуфтызь Вардынинь кецты родьня тейтерьненьть орчамутьнинь; а Вардынинь сюлмизь алашань булыс, ды алашаньть нолдэзь баксява арьтьниме.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабань ульнисть колмы цёраст. Кафтытьни ульнисть превейть, а вишка цёрась ульнись дурак. Сынь эрясть беднэйста. Кармасть покш цёратьни сыргамы роботакшнума, пешсть мартыст ки ланкс сухаря мешек. Дуракысь мере: «ляляй, и монь заимизь! ляляй, и монь-гак саимизь!» — «А еряват, дурак, ащикь уш кудысы ды ярцак аныкъ прякада», мереть лялятьне. Дуракысь зярыякстьвередемкшнэсь лялятьнининь, а лялятьни а думить-как саиманsа. Сухаря мешекэсь, конань бревей sёратьни мартыст пештезь, ащись кудыкиле. Дуракысь лиссь кудыкилиў, сяурьдиньsи сухарятьнинь мешекстэньть, пешсь соньственники дѣвушки сняли съ Вардушки платья родной ихъ дѣвушки, а Вардушку привязали къ хвосту лошади и пустили лошадь скакать по полю.

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи было три сына. Двое были умные, а младшій сынъ былъ дуракъ. Они жили бѣдно. Стали собираться старшіе сыновья на заработки, наполнили мѣшокъ сухарями (чтобы взять) съ собой въ дорогу. Дуракъ говоритъ: «братцы, возьмите и меня! братцы, возьмите меня также!»—«Не нуженъ ты, дуракъ, сиди ужъ дома да ѣшь готовый хлѣбъ», отвѣчаютъ старшіе братья. Дуракъ приставалъ къ старшимъ братьямъ нѣсколько разъ, а старшіе братья и не думаютъ брать его. Мѣшокъ съ сухарями, который наполнили (чтобы взять) съ собой умные парни, стоялъ въ сѣняхъ. Дуракъ вышелъ въ сѣни, вывалилъ сухари изъ мѣшка, набилъ въ свой карманъ су-

ценэы зепс сухарят ды су(в)ась мешекэньтень. Лялятьни ванцызь—дуракысь арась, и мереть: «адя эрейсты, зярц дуракысь арась кудыса, ата тагы мартынык вередеме». Лялятьни лиссьть, капудизь зухаря мешекэньть и тусть. Покш лялясь канць-канць и мери омбоценень: «нака ней дон, мон бачк сизинь!» Саизи мешекэньть омбоцесь. Канць-канць омбоцесь и мере: «кодамы стака мешекэсь, дай аламуды сусктана». Озасть лялятьни ки бокас, варчтасть мешекэньтень, а тосы дуракысь. — «Ах, дурак, ды тон мейсь тезэй эцеть?» мереть лялятьне. — «А мекс тынь монь а сайтяда!» мери дуракысь [1]). Кувать сынь бижнисть. Пижнисть-пижнисть, ве лялясь мере: «Ней мезьды карматаны ярцама?» — «Монь зела зепи сухарян!» мери дуракысь. Ярцасть се сухарятьнида, стясть, тусть. Мольцьть-мольцьть, састь вирьц. Мольцьть ве тумы ваксс, тумуньть алксызы валаня, а тумуньть ланксы кроватть. Ульнись уш чокшне, сынь зайсть ды кусть эень вери кроватиньтинь удума. Аньцяк кенерьцьть мадиме, састь орт (а се таркась ульнись

1) дуракъсь.

харей, влѣзъ въ мѣшокъ. Старшіе братья видятъ, что дурака нѣтъ, и говорятъ: «пойдемъ скорѣй, пока дурака нѣтъ въ избѣ, а то онъ опять пристанетъ къ намъ». Старшіе братья вышли, взяли мѣшокъ съ сухарями и пошли. Старшій братъ нёсъ-нёсъ и говоритъ второму: «возьми-ка теперь ты, я очень усталъ!» Взялъ мѣшокъ второй (братъ). Нёсъ-нёсъ второй (братъ) и говоритъ: «какой тяжелый мѣшокъ, давай немного закусимъ». Сѣли братья у дороги, посмотрѣли въ мѣшокъ, а тамъ дуракъ.—«Ахъ, дуракъ, да ты зачѣмъ сюда влѣзъ?» говорятъ старшіе братья.—«А почему вы меня не берете!» отвѣчаетъ дуракъ. Долго они бранились. Бранились-бранились, одинъ изъ старшихъ братьевъ говоритъ: «теперь что мы будемъ ѣсть?»—«У меня карманъ полонъ сухарей!» говоритъ дуракъ. Поѣли они тѣхъ сухарей, встали, пошли. Шли-шли, пришли въ лѣсъ. Подошли къ одному дубу; низъ у дуба гладкій, а на дубѣ кровати. Былъ уже вечеръ, они взяли да влѣзли спать на самую верхнюю кровать. Только что успѣли лечь,

орэнь дарка). Ортны якасть салама, ламы ярмакт канцьть. Ве орэсь кармась тумуньть алы пидиме, а лиятьни кармасть ярмак лоўнома. Дуракыньть лялятьни пщицьть кроватиньтий, ойместкак а тарксить, а дуракысь ваны, кода орэньть чугунысь лаки тумуньть ала. Ванць-ванць дуракысь, мери лялятьнининь: «монь цурамум зась!» — «На, дурак, чурак монь рукаўцяс!» — «На, дурак, чурак монь зепс!» тошказь серьгецьть лялятьне. А дуракысь сайсь ды кармась алуў цурама, веси ямунь бидий орэньть чурызе. Орэсь тандаць, а лиятьнининь эзь ёфта. Ямусь пись, ортнэнь ярмакыст лоўноўсть, кармасть ортны ужинама. Дуракысь мере: «монь зерьнемам зась!» — «На монь цапкас серьнекь!» мери ве лялясь, соньць кармась уш чапканьть максуманзы дуракыньтинь. Дуракысь капудизи чапканьть, ды ёртэзи ортнэнь лангкс. Чапкась ульнись покш, прась ортнэнь цугунынъть лангкс, веси чугунынъть вельтезе. Ортны тандацьть, сынь цали, сынцт кундызь ды караўлить, ды напустясть, и ужинынъть и ярмакнинь ортны

пришли воры (а мѣсто это было притономъ воровъ). Воры ходили воровать, принесли они много денегъ. Одинъ воръ сталъ варить подъ дубомъ, а другіе стали считать деньги. Старшіе братья прижались къ кровати, и не дышатъ, а дуракъ смотритъ какъ кипитъ у воровъ чугунъ подъ дубомъ. Смотрѣлъ-смотрѣлъ дуракъ, говоритъ старшимъ братьямъ: «мнѣ захотѣлось помочиться!»—«На, дуракъ, мочись въ мою рукавицу!»—«На, дуракъ, мочись въ мой карманъ!» шопотомъ закричали ему старшіе братья. А дуракъ взялъ да сталъ сц..ь внизъ и об....лъ всего вора, готовившаго похлёбку. Воръ испугался, а другимъ не сказалъ. Похлёбка сварилась, деньги свои они сосчитали, и стали воры ужинать. Дуракъ говоритъ: «мнѣ захотѣлось с..ть!» — «На с.и въ мою шапку!» говоритъ одинъ изъ старшихъ братьевъ, и самъ уже сталъ подавать шапку дураку. Дуракъ схватилъ шапку и бросилъ её въ воровъ. Шапка была большая, она упала ворамъ въ чугунъ и покрыла весь чугунъ. Воры испугались, они подумали, что ихъ нашли и караулятъ; и воры убѣжали, оставивъ и ужинъ и деньги. Слѣзъ ду-

кадызь. Валксь дуракысь тумуньть лангста, саизи чугуныньть лангсты чапканьть, давай ярцама. Ярцась-ярцась дуракысь, серьгеденьзи лялятьнинь. Валкстъ лялятьне, ужинасть пачкынь-бачк, саизь орэнь ярмакнинь, тусть кудуў. Ней-гак эреть сюпаўста; дуракыньть урьвакстызь.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат; атянь бабань ульнись цёрэнест, тейтерьнест ды медь барьнист. Прась атясь, кулысь, прась бабась, кулысь. Кадуўсть цёрэненьть марты тейтерьнесь сирётакс. Ськамуст удумаст сынь белеть, кармасть уцими терьтнеми шабрань бабине. Шабрань бабинись якась бабушкакс. Сась васинь веньть бабинись удумы и мере: «мон, эйдякай, мадян вальмалуў, мон якан бабушкакс; аньцяк стукатьцызь вальмининьть, мон и туян». А бабинись медь барьнидыньть содась. Аньцяк чопоць, бабинись соньць стукстук вальманьть стукадизи и мере: «эйдякай, монь дерьдеть!» —

ракъ съ дуба, снялъ съ чугуна шапку, и давай ѣсть. Ѣлъ-ѣлъ дуракъ, крикнулъ старшихъ братьевъ. Слѣзли старшіе братья, отлично поужинали, взяли деньги воровъ и пошли домой. И теперь они живутъ богато, а дурака поженили.

Сказка.

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи былъ сынокъ, дочка и кадушечка меду. Заболѣлъ старикъ и померъ; заболѣла старуха и померла. Мальчикъ съ дѣвочкой остались сиротами. Они боятся ночевать одни, начали звать ночевать сосѣднюю старушку. Эта сосѣдняя старушка ходила повитухой. Пришла ночевать старушка въ первую ночь и говоритъ: «я, дѣтки, лягу подъ окно, я хожу повитухой, лишь только ударятъ въ окошечко, я и пойду». А сама-то бабушка знала о кадушечкѣ съ медомъ. Лишь только смерклось, бабушка сама постучала въ окно и говоритъ: «дѣтки,

«Азя-азя! бабай», мереть пакшатьне. Бабинись кудыстыньть лиссь, куссь подболокс, а тосы ульнись медь барьнись. Ярцась бабась медьты зяры мелеза, валксь, сувась кудыс, маць тарказынѣа. Пакшинитьни кеўкьсьнеть: «бабай, года пакшаньть лемеза?» — «Ушуткске», бабась мере. Сась бабась удумы омбоцеда, тагы маць вальмалуў. Аньцяк тагы чопоць, бабась соньць стукадизи вальманьть, лиссь, ярцась медьты зяры мелеза, сувась, маць тарказынѣа. Пакшинитьни кеўкьстезь: «бабай, года пакшаньть лемеза?» — «Кунчкакске», мери бабась. Колмоци веньть лиссь бабась, сэвези кадувикс меденьть, сувась и маць тарказынѣа. Пакшатьни кеўкьстезь: «бабай, года пакшаньть лемеза?» — «Шляўкски-нардаўкски-комаўкске». Атяньть ды бабаньть колмоцекс чистыст тейсть поминкат. Састь поминкас: офтэсь, верьгеэзь, ривизись, нумулысь и пакшатьнинь марты уциця бабась. Ярцасть ямда, ярцасть кашада, думасть ярцамы медьта. Куссь тейтерьнесь подболокс, ванцы—медь барись натай[1]) гомафтызь. Валксь тей-

1) натый.

меня зовутъ!»—«Ступай-ступай, бабушка», говорятъ дѣти. Бабушка вышла изъ дому, влѣзла на подволоку, а тамъ была кадушечка съ медомъ. Поѣла старуха меду, сколько ей было охоты, слѣзла, вошла въ домъ, легла на свое мѣсто. Дѣтишки спрашиваютъ: «бабушка, какъ имя ребенка?»—«Початочекъ», отвѣчаетъ старуха. Пришла старуха ночевать въ другой разъ, опять легла подъ окошко. Лишь только стемнѣло, старуха сама стукнула въ окошко, вышла, поѣла меду, сколько ей было охоты, вошла и легла на свое мѣсто. Дѣтишки спросили ее: «бабушка, какъ имя ребенку?»—«Серёдышекъ», отвѣчаетъ старуха. На третью ночь старуха вышла, съѣла остальной медъ, вошла и легла на свое мѣсто. Дѣти спросили ее: «бабушка, какъ имя ребенку?»—«Вымытый-вытертый-опрокинутый». На третій день справили они поминки по старикѣ и старухѣ. Пришли на поминки: медвѣдь, волкъ, лиса, заяцъ и ночующая вмѣстѣ съ дѣтьми старуха. Поѣли щей, поѣли каши, хотѣли поѣсть меду. Дѣвушка влѣзла на подволоку, видитъ, что кадушка съ медомъ даже опрокинута. Слѣзла дѣвушка,

терьнесь, ёфтась. Кармасть вешнеми, кiи меденьть сэвезе. Ривизись мере: «дайти ряц-ряц ланьчитяна ды серьнетяна, кинь медень вацинsы, се и меденьть сэвезе». Ланчисть ряц-ряц. Бабась ланьдясь офтэньть ваксс. Зяры офтэсь серьне, бабась шашсыньsи соньценsы алуў, а соньценsы вацьнинь шашсыньsи офтэньть алуў. Веси серьнеўсть, стякшнысть и кармасть ваннумы, кинь вацинsы медень. Пачкицьть офтэньть вацьнинь виц, офтэньть вацьни медень. Прафтызь офтэньть, чавизь; мельи кармасть офтэньть пулыды усксиманsа. Усксисть-усксисть офтэньть пулыда,—пулызы сезеўсь. Ней-гак офтэсь арьтьни пулуфтума.

Ёўкс.

Ве ломань дятянsы пекь эси[1]) вечкьть и миникс цюнькс эйсэнsы нарьгась. Тятясь кулысь. Ломанись радувась, натый гандыласт эзь дейть,— от кода тятянsы эси вечкьть. Путызи ку-

1) эзези.

сказала. Стали искать, кто съѣлъ мёдъ. Лиса говоритъ: «давайте сядемъ въ одинъ рядъ и будемъ с..ть; чьи говна съ медомъ (медовыя), тотъ и съѣлъ медъ». Сѣли въ одинъ рядъ. Старуха сѣла около медвѣдя. Сколько медвѣдь выс...ть, старуха сгребетъ подъ себя, а свои говна сдвинетъ подъ медвѣдя. Всѣ выс..лись, встали и начали разсматривать, чьи говна медовыя. Подошли къ говнамъ медвѣдя, медвѣжьи говна медовыя. Повалили медвѣдя, побили его; затѣмъ стали таскать медвѣдя за хвостъ. Таскали-таскали медвѣдя за хвостъ, хвостъ его оборвался. И теперь медвѣдь бѣгаетъ безъ хвоста.

Сказка.

Одинъ человѣкъ больно не любилъ своего отца и повсячески его мучилъ. Отецъ померъ. Тотъ человѣкъ обрадовался, даже гроба не сдѣлалъ,—вотъ какъ онъ не любилъ своего отца. Поло-

лыньть керь ланґкс и ускизи калмы ланґкс калмама. А се ломаниньть ульнись вишка цёрэнеза, и сон мольць деданьы калмама. Кода атяньть калмизь, тятят цёрат кармасть кудуў зыргама, а кереньть, кона ланґксы ускизь атяньть, кадызь галмы ланґкс. Кудуў молемсты пакшинись мери тятянцтый: «А кереньть мейсь кадыникь?»— «Месть тейнят мартынза?» мери тятясь. — «А тон гулыньдярят, мези ланґксы усктан?» Сесты тятясь чарькиць, шты атяньть а нарьгамаль.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат комсьветеи год. Прась атясь, кулысь. Бабась тейнесь морковонь брякат, кайсиньзи пиими пецькас, а соньць тусь диякыныньть мельга, кулыньть вельксы лоўнома. Диякынысь сась, ванцы вишкизимсы морковонь брякат, а диякыныньть пекезы вачсь. Сон баньцизи киниганьть, а соньць ваны морковонь брякатьнинь ланґс и лоўнэ: «морковонь брякатьни писть,

---

жилъ покойника на лубокъ и потащилъ на кладбище хоронить. А у этого человѣка былъ небольшой сынокъ, и онъ пошелъ хоронить своего дѣда. Когда похоронили старика, отецъ и сынъ стали собираться домой, а лубокъ, на которомъ привезли старика, оставили на кладбищѣ. Идя домой, мальчикъ говоритъ отцу: «А для чего мы оставили лубокъ?»—«А что съ нимъ будешь дѣлать?» говоритъ отецъ.—«А если ты умрешь, на чемъ я тебя повезу?» Тогда отецъ понялъ, что не надо было мучить старика.

Сказка.

Жили старикъ и старуха двадцать пять лѣтъ. Старикъ слегъ и умеръ. Старуха приготовила пироги съ морковью, поставила ихъ печься въ печку, а сама пошла за діакономъ, чтобы онъ читалъ надъ покойникомъ. Діаконъ пришелъ, видитъ на малой лавкѣ пироги съ морковью, а діаконъ проголодался. Онъ раскрылъ книгу, а самъ смотритъ на пироги съ морковью и читаетъ: «пироги съ

морковонь брякатьни писть, морковонь брякатьни писть». А бабась озась кулиньть пря пес и кармась лайшиме:

Атясь, атясь а ятясь,
Морковонь брякатьни писть,
Мартыт комсьветеи год эрень,
А лемнет тонь аздаса.

Сась се шканьть вальмалуў одѕёра сриика марта, кармась морамы кищима мора, соньць мере: «атяньть лемезы Митигом». Бабась маризи атяньть лемеиѕа, и радувамуньть пачк кода туи кищиме. Соньць божазь морэ:

Пежетькезэн[1]) Митигом!
Ойменезэн Митигом!

---

1) Значеніе слова пежетьке (ср. у Видемана pežet: Sünde) въ Сухомъ Карбулакѣ неизвѣстно.

морковью испеклись, пироги съ морковью испеклись, пироги съ морковью испеклись». А старуха сѣла у изголовья покойнаго и начала голосить: «Старикъ, старикъ а старикъ, пироги съ морковью испеклись, я жила съ тобой двадцать пять лѣтъ, а имячка твоего не знаю». Въ это время подошелъ къ окошку парень со скрипкой и началъ пѣть плясовую пѣсню, а самъ приговаривалъ: «имя старика Митигомъ». Старуха услышала стариково имя и съ радости какъ пойдетъ плясать. Сама божась поетъ:

Вотъ мой грѣхъ! Митигомъ!
Вотъ моя душа! Митигомъ!

Ве бабань ёфнема:

Эрясь ащись ве ломань. Сонзы козяйказы ульнись кежей. Кармась аваньть пакшазы аварьдиме. Авась чавизи пакшаньть, сюдызи и кенкш удалуў гаизе. Ютасть аваньть кежэнзы, суваф-тызи пакшаньть кудыс. Вальмань бачк лифтясь кряньчь, капудизи пакшаньть, тусь мартынзы. Кандызи пакшаньть чопода вирьц, озафтызи тумы пряс — пизызынза. Пакшась эрясь кряньчиньть пизысы колмы готт. Колмы годэнь ютазь, юты се чопода вирь-ганьть ломань. Ломанись пачкиць кряньчиньть пизыньть виц, маризи пакшаньть аварьдимада. Лоткась ломанись, варчтась вереў, ванцы—тумы прясы пакша. Ломанись кармась кеўксьне-манза, кода тезэнь годяўсь. Пакшась ёфьнезе, кода теўсь ульнись. Тусь ломаньць пакшадыньть, мольць удумы се веленьтень, госы пакшаньть тятянзы-аванзы. Кармась ломаньць хватера вешнеме, нолдэзь удумы ломаниньть пакшаньть тятятьни-аватьне. Кармась

Разсказъ одной бабы.

Жилъ былъ одинъ человѣкъ. Жена его была сердитая. Ребенокъ этой женщины началъ плакать. Мать ударила ребенка, прокляла и бросила его за дверь. Прошли у женщины сердца, впустила ребенка въ избу. Въ окошко влетѣлъ черный воронъ, схватилъ ребенка и отправился съ нимъ. Принесъ онъ ребенка въ темный лѣсъ, посадилъ его на верхъ дуба въ свое гнѣздо. Ребенокъ жилъ въ гнѣздѣ чернаго ворона три года. По прошествіи трехъ лѣтъ, проходитъ по тому темному лѣсу человѣкъ. Человѣкъ этотъ подошелъ прямо къ гнѣзду чернаго ворона, услышалъ крикъ ребенка. Человѣкъ остановился, посмотрѣлъ наверхъ, смотритъ—на вершинѣ дуба ребенокъ. Человѣкъ сталъ спрашивать его, какъ онъ туда попалъ. Ребенокъ разсказалъ, какъ было дѣло. Пошелъ человѣкъ отъ ребенка, пришелъ ночевать въ то село, гдѣ отецъ и мать ребенка. Началъ человѣкъ искать квартиру, пустили ночевать этого человѣка отецъ и мать ребенка. Началъ этотъ чело-

ломаньць ёфнеме, кода вирьцы пакша неесь. Пакшаньть тятятьни аватьни кулцыныстъ-кулцыныстъ ды мереть: «ведь зе пакшась миникь». Тусть тятятьни-аватьни пакшаньть вешнеме; вешнесть, вешнесть, пакшась эзь муифьть [1]).

---

1) муивь.

вѣкъ разсказывать, какъ онъ увидѣлъ въ лѣсу ребенка. Отецъ и мать ребенка слушали-слушали да говорятъ: «вѣдь тотъ ребенокъ нашъ». Пошли отецъ и мать искать ребенка; искали, искали, ребенка не нашли.

Отдѣлъ V. Загадки, пословицы, поговорки.

А. Оркино.

Sodama joųkst:

1. Ińiŕiń ṕiľiť śuryt, ǩäŕ ṕiťiŕiń ťuľaŕga. — Koctan.

2. Jokstasa torgȯźeṁä, targasa ŕipakadä. — Oža.

3. Ḱijaks kunčkasa ǩäŕ kaval, kunčkasynʒa karaul. — Lauś i äχť. (Ср. Сухокарб. № 31).

4. Kuda ṽäľkska ṁäźä a jordavä? — Komoľa. (Ср. Сухокарб. № 30).

5. Kuda ṕŕasa ruz ava kiśčä. — Kačama. (Ср. Сухокарб. № 33).

6. Kšńiń kšńiń ṕiŕińä, kšńiń ṕilǵä ṕiŕińä, kućkat kućkat äjsynʒa, kućkań tolgat ṕŕasynʒa. — Tarka i ťošak i todoft.

Загадки:

1.

2. Всуну распухнетъ, вытащу завянетъ. — Рукавъ.

3. Посреди пола..., а въ серединѣ этого караульщикъ. — Зыбка и ребенокъ.

4. Чего нельзя бросить черезъ крышу избы? — Хмель.

5. На верху избы пляшетъ русская женщина. — Дымъ.

6. Желѣзная головка, желѣзныя кончики ногъ, въ немъ кучки, на немъ перья кучками. — Кровать, тюфякъ и подушки.

7. Mäźä kuda ugulc a śťaftuvä?—Ṕiks. (Ср. Сухокарб. № 34).
8. Ṕećkasa ľäṕä mykyṛť. — Kšyť.

Пословицы.

1. Пa čuu̯ loma·ńńiń ja·ma, tońć prat äjzy·nza. (Ср. Paasonen, I, № 77).
2. Itykyza araś, jorėkėza uľä (или) Jorėkėza uľä da itykyza araś.
3. Jamy·ś kuja·, dy syvíľiś papa ja·k araś.
4. Ḱiska·ś a·ščä ťikšyńť laŋksa, sońć a ja·rcä i skalny·ń ama·ksä.
5. Ko·da u·ŕinďat, i·śťa po·ŕeńďat.
6. Kosta ṕiksyś čoṽeńä, śesta śeźeṽä.
7. Lomań ǵeca jamkskit, kuvac ṕikśä čakškit.
8. Ḿäks ḿeŕeť: lafča avańť mykyryza jala načka?
9. Ḿińik Uśťa jala iśťa: sońć aṽikšnä, sońć rućat ḿikšńä.

---

7. Чего въ уголъ избы нельзя поставить стоймя?—Веревку.
8. Въ печкѣ осиновые пеньки. — Хлѣба.

---

1. Не рой другому яму, самъ въ нее упадешь.
2. Толку у него нѣтъ, а стараніе есть (или) Стараніе у него есть, да толку у него нѣтъ.
3. Щи жирныя, да мяса ни х.
4. Собака сидитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и коровѣ не даетъ.
5. Какъ сработаешь[1]), такъ и поѣшь.
6. Гдѣ веревка тонка, тамъ и рвется.
7. Крупа твоя у людей, долго будетъ кипѣть твой горшечекъ.
8. Отчего говорятъ: у слабой женщины задъ всегда мокрый?
9. Наша Устинья все такъ: сама не вышиваетъ, а руци продаетъ.

1) Въ Оркинѣ слово uŕiiď'ams теперь не употребляется.

10. Moľa·t dy vant, kuku·u̯ čiŕki ṕŕa·zyt iľa·zy valk.

11. Papa·za äčkä· da ṕiŋ́gi·za išťa·k ṕäčkä·.

12. Tiŕäń ďeŕäń, Tarań jaly para.

13. Ton goṛtat čušt, a mon goṛtan višť.

14. Učä·ńä ku·lyś, kardańä čamś, tarkazyn̯ga mon. (Ср. Сухокарб. № 9).

15. Undy·kśki śťaftyźä, palakśki väl̓ťiźä.

16. Va·ćij pu·la bu·kaźä vä·śi sta·dań ga·ďiźä.

17. Vara·ka ľiśma·ńť čuviźä, pańǯi·j moľć, puly·n̯ga toŋ-ǵe·źä i ḿe·ŕä: moń.

18. Väšť pa·ŕćťä au·stavaŕä, pa·ŕćťä ama·štuŕä ja·k.

---

10. Пойдешь да смотри, чтобы кукушка не сѣла на верхъ дуги.

11. Мужской ч. у него толстый, да вѣкъ-то его такъ проходитъ.

12. У Терентья плохо, а у Тараса всегда хорошо.

13. Ты говоришь про ячмень, а я говорю про полбу.

14. Овечка [1]) померла, хлѣвушокъ опорожнился, вмѣсто нея я.

15. Дуплышко поставило, крапива покрыла (про плохую избу).

16. Быкъ [2]) съ грязнымъ хвостомъ загадилъ все стадо.

17. Ворона вырыла колодезь, пришла...(назв. птички), всунула свой хвостъ и говоритъ: мой.

18. Разъ хорошо не начнется, хорошо и не кончится.

---

1) Въ Оркинѣ значеніе слова učäńä (мокшанскаго слова) неизвѣстно.

2) Слово bukaźä вм. buka въ обыкновенной рѣчи не употребляется.

Б. Сухой Карбулакъ.

Загадки.

1. А чуваля чуваля, тусь чува пизиме, сувась чува кальалуў. — Почтэнь зуфнима. (Ср. Paasonen I, № 313).

2. Ацамнинь ацнян, датар леўкст мацьнян. — Мушкынь ваяфтума.

3. Ведь гунчкаса тол балэ. — Самавар.

4. Вейки тейсь, сяды кундасызь. — Кенгкш кундама. (Ср. Paasonen, I, № 369).

5. Вецы вашынь билить.—Сывилинь брякат; топонь брякат.

6. Вецы керчань датарт. — Лопафтынь мушкт. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 30).

7. Вецы сэнь бетькельть. — Калт. (Ср. Paasonen, I, № 398).

---

1. А тоненькій тоненькій, пошелъ тонкій дождь, попалъ подъ тонкій таловникъ. — Сѣяніе муки.

2. Я стелю постельки, укладываю спать татарскихъ дѣтей.— Мочепіе конопли.

3. Посреди воды горитъ огонь. — Самоваръ.

4. Одинъ человѣкъ сдѣлалъ это, сто человѣкъ берутся за это. — Дверная ручка.

5. Въ водѣ жеребячьи уши. — Мясные вареники; вареники съ творогомъ.

6. Въ водѣ связанные татары. — Моченыя конопли.

7. Въ водѣ синіе песты. — Рыбы.

8. Вириў моли атине, икилинъы кемень уткат, удалинъы кафты мацийть. — Пильгисурт ды кочкарят.

9. Вириў моли атине, мукурцинъы сэнь банкс. — Узирь. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 28).

10. Виринь бачк месть а ютавить? — Изамут. (Ср. Paasonen, I, № 400 и Обр. морд. нар. сл.. II, № 49).

11. Вирьть паксят лякшыть, а каракулят а лякшыть.—Скал ланта и рогат.

12. Вирьцы боза парь. — Лисьма. (Ср. Paasonen, I, № 403 и Обр. морд. нар. сл. II, № 53).

13. Вирьцы сывильть поволезь. — Калина. (Ср. Paasonen, I, № 409 и Обр. морд. пар. сл. II, № 38).

14. Вишка конекке, сиянь бузликке. — Панцума.

15. И цильдирды валдырдэ, иникужы ваньцькафтэ. — Пелема. (Ср. Paasonen, I, № 326).

16. Иникужы серьгеде, пой лопатьни пеереть. — Велень брумкс.

---

8. Идетъ въ лѣсъ старичокъ, передъ нимъ десять утокъ, за нимъ два гуся. — Пальцы на ногахъ и пятки.

9. Идетъ въ лѣсъ старичокъ, на заду его синяя заплата. — Топоръ.

10. Что не пройдетъ черезъ лѣсъ? — Борона.

11. Лѣсъ и поле покроются инеемъ, а рогульки не заиндевѣютъ. — Поверхность тѣла и рога коровы.

12. Въ лѣсу кадушка съ пивомъ. — Колодецъ.

13. Въ лѣсу развѣшана говядина. — Калина.

14. Маленькая кроватка, серебрянный . — Замокъ и ключъ.

15. И блеститъ и свѣтится, очищаетъ большую ниву[1]).—Коса.

16. Большая нива закричитъ, осиновые листья посыплются. — Сельскій сходъ.

1) Р. Ѳ. Учаевъ не знаетъ, что такое «иникужы».

17. Истя улить, истя арасть. — Кеншьть.

18. Карады карча Дарьят Марьят ваныть. — Вальмакосякт. (Ср. Paasonen, I, № 28 и Обр. морд. нар. сл. II, № 46).

19. Кардайсты кардайс якстири атякш яке. — Тол. (Ср. Paasonen, I, № 120 и Обр. морд. нар. сл. II, № 20).

20. Каркасась каркасась Аньдямне, каркс пенеза эзь зата. — Кетькс. (Ср. Paasonen, I, № 85 и Обр. морд. нар. сл. II, № 75).

21. Кафты пельди кундаса, кунчка вицынзы ёкстаса. — Цюлка.

22. Кафты пельди понэнеть, кунчкавицы ёлк-полк. — Сельме.

23. Кафты чукить, кафты яжыть, Акулина ювудэ. — Алашань билькьть и пула. (Ср. Paasonen, I, № 201 и Обр. морд. нар. сл. II, № 42).

24. Кафтыниск братиниск ряц ащить, вейкест вейкест а нееть. — Сельмьть.

25. Ки чирисы килийса, васинь дарад бенеса. — Пиликст.

26. Ки чирисы чирьбря бояр. — Ваци куця.

---

17. Такъ есть, такъ нѣтъ. — Ногти.

18. Дарья съ Марьей другъ супротивъ друга глядятъ. — Оконные косяки.

19. Со двора на дворъ ходитъ красный пѣтухъ. — Огонь.

20. Подпоясывался подпоясывался Андянушка, концы пояса не сошлись. — Браслетъ.

21. За обѣ стороны возьму, въ середину всуну. — Чулокъ.

22. Съ двухъ сторонъ шерстинки, посерединѣ много ёлокъ. — Глазъ.

23. Двое толкутъ, двое молотятъ, Акулина вѣетъ. — Ноги и хвостъ лошади.

24. Два брата стоятъ рядомъ, другъ друга не видятъ. — Глаза.

25. У дороги на березкѣ, на кончикѣ перваго сучка. — Серьги.

26. У дороги скривившійся баринъ. — Куча кала.

27. Кис комась, кенгелесь. — Пещи мукш. (Ср. Paasonen, I, № 102).

28. Кичкири мура, мей мура, коў молят? Нарань закал донь ки кеўкснетянзат? — Ведь ледень дикше.

29. Кичкири мура, мей мура, конань зюдэ, се кулэ.—Ружыя; пузий. (Ср. Paasonen, I, № 106).

30. Куды велькска мези а ёртове? — Комоля. (Ср. Paasonen, I, № 124 и Обр. морд. нар. сл. II, № 56).

31. Куды кунчкасы кель гаур, кунчкасынзы караул. — Лаўсьсы пакша.

32. Куды кунчкасы офтэнь баяга. — Лаўсь.

33. Куды прява руз ава кирякснe. — Сурьцям. (Ср. Paasonen, I, № 128).

34. Куды угулц мези а стяфтуве? — Карькс. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 43).

35. Кудыды кудыс пись пекени яке. — Пачалга. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 50).

---

27. Нагнулся на дорогу, обманулъ. — Скорлупа отъ орѣха.

28. Съ кривой грудью (?), съ косой грудью (?), куда идешь? Бритая борода, тебя кто спрашиваетъ?—Рѣка и на ея берегахъ скошенная трава.

29. Съ кривой грудью (?), съ косой грудью (?), кого клянетъ, тотъ умираетъ. — Ружье.

30. Чего нельзя перебросить черезъ крышу избы?—Хмель.

31. Посреди дома языкъ ...., а въ серединѣ этого караульщикъ. — Ребенокъ въ зыбкѣ.

32. Посреди дома медвѣжій колокольчикъ. — Зыбка.

33. По верху дома скользитъ русская женщина. — Гребень.

34. Чего въ уголъ избы нельзя поставить стоймя? — Бечевку.

35. Изъ избы въ избу обожженное брюшко ходитъ. — Сковорода.

36. Мадизь а неяве, а стяды менель виц сатэ. — Ки.

37. Мастырынь берьть сатэ, стогань берьть а сатэ.—Чиньть сультиза.

38. Мези кардайсты а лифтиве? — Мацт.

39. Мези кудысты а лифтиве? — Пецька.

40. Мези эйстэт а паниве? — Сульть.

41. Менельцы верьгезэнь зельмьть. — Полоксы моркт.

42. Митя пскизись лёд лангкс. — Пачалксинь банима.

43. Митя тей, Митя тоў, Митя сувась аксялуў. — Теньцьть. (Ср. Paasonen, I, № 174 и Обр. морд. нар. сл. II, № 57).

44. Мода поцы атя, сакалынзы ушысыт. — Кшумань.

45. Мода поцы тол балэ, качамузы ушуў. — Моркоў; сёкла.

46. Молян—молеть, лоткан—лоткеть; каян дикшыть, а ярцыть. — Сокст. (Ср. Paasonen, I, № 306: suľejiś).

47. Монь ули кискинимь, пулыды кундаса—каўнэ, а кундаса — а каўнэ. — Чалгамут. (Ср. Paasonen, I, № 182).

---

36. Когда лежитъ, его не видно, а если встанетъ, то достанетъ до неба. — Дорога.

37. Вокругъ земли хватитъ, вокругъ стога не хватитъ. — Тѣнь отъ солнца.

38. Чего нельзя вывезти изъ двора? — Погребъ.

39. Чего нельзя вывезти изъ избы? — Печь.

40. Чего отъ себя не отгонишь? — Тѣнь.

41. На небѣ волчьи глаза. — Сучки въ потолкѣ.

42. Митя надристалъ на лёдъ. — Печеніе блиновъ.

43. Митя сюда, Митя туда, Митя пошелъ подъ лавку.—Вѣникъ.

44. Старикъ подъ землей, а борода его наружи. — Редька.

45. Подъ землей горитъ огонь, а дымъ его наружи. — Морковь; свёкла.

46. Иду—идутъ, остановлюсь—остановятся; брошу травы —не ѣдятъ. — Лыжи.

47. У меня есть собачка, возьму ее за хвостъ—визжитъ, не возьму—не визжитъ. — Мяльцы.

48. Монь ули утумнимь, цукань виштыпешксе. — Курксы пейть.

49. Нилиниск братиниск ве варяс чурыть. — Скалынь ботть. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 5).

50. Нилиниск братиниск ве ябуньця ала. — Столь билькыть. (Ср. Paasonen, I, № 195 и Обр. морд. нар. сл. II, № 1).

51. Нилиниск братиниск вейкест вейкест а сасыть.—Чарыйть. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 4).

52. Паксяды паксяс горбун дувы арьтьне. — Тарваз. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 80).

53. Пексэнзы варя, мукурцынзы тула. — Боцька.

54. Пильгифтими кшнинь лата. — Качама.

55. Пиряўксынь бачк сеени порьне. — Кщирьдима.

56. Прянзы сэвезь, сывилинзы ёрдэзь, а чубанзы лангызыст орчезь. — Мушка.

57. Салтума кулдыркай. — Кель.

58. Састь ломатть, кудынь бряфни кашмолеть; кудынь бряфнинь заизь, а кудысь вальмава лиссь. — Калынь гундама.

---

48. У меня есть амбарушка, наполненная толченою полбой. — Зубы во рту.

49. Четыре брата мочатся въ одну дыру. — Коровьи титьки.

50. Четыре брата подъ однимъ покрываломъ[1]).—Ножки стола.

51. Четыре брата другъ друга не поймаютъ. — Колёса.

52. Съ поля на поле скачетъ горбатая свинья. — Серпъ.

53. На животѣ дыра, на заду клинъ. — Бочка.

54. Желѣзная крыша безъ ногъ. — Дымъ.

55. Козочка грызетъ черезъ загородь. — Пряденіе.

56. Самого съѣли, мясо его бросили, а шкуру его надѣли на себя. — Конопля.

57. И безъ соли болтунъ (?). — Языкъ.

58. Пришли люди, хозяева молчатъ; хозяевъ взяли, а изба вышла черезъ окно. — Уженіе рыбъ.

1) Учаевъ не знаетъ, что̀ значитъ *ябуньця*.

59. Сисимь руцясы паляса, мукурызы ушыса. — Капста. (Ср. Paasonen, I, № 197).

60. Соньць кудышка, сультизы арась. — Мацт. (Ср. Paasonen, I, № 133).

61. Соньць кшнинь, булызы мушкынь. — Салмукс.

62. Соньць тумунь, карксызы калинь. — Боцька; парь. (Ср. Paasonen, I, 285).

63. Соньць штапа, панарызы поцэнsа. — Свеча. (Ср. Paasonen, I, № 286),

64. Стенасты мези а саиве? — Чи валда.

65. Сюлгамусь чопафне, Равусь кельме. — Кодама.

66. Сяды алаша, ве терьть. — Куды матка.

67. Утум цапан угултума, тувут эзэнsы панян пулуфтумут. — Нешки ды брумт. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 47).

68. Чиникь венекь горясан, качама алга олясан. — Заслон. (Ср. Paasonen, I, № 308).

69. Чить киримьтяна, веть венемьтяна. — Карьгаркст. (Ср. Paasonen, I, № 311: acamoćńe).

---

59. Въ семи руцяхъ и рубашкахъ, а задъ наружи. — Капуста.

60. Самъ съ домъ, а тѣни нѣтъ. — Погребъ.

61. Самъ желѣзный, хвостъ его конопляный. — Иголка.

62. Самъ онъ дубовый, поясъ его ивовый. — Бочка.

63. Самъ голый, рубашка его внутри него. — Свѣчка.

64. Чего нельзя взять со стѣны? — Солнечный свѣтъ.

65. Запонка ныряетъ, Волга мерзнетъ. — Тканьё.

66. Сто лошадей, одни путы. — Матка въ домѣ.

67. Амбаръ срублю безъ угловъ, погоню въ него свиней безъ хвостовъ. — Улей и пчелы.

68. Днемъ и ночью я въ горѣ, въ то время, когда топится, я на волѣ. — Заслонъ.

69. Днемъ скорчимся, ночью протянемся.—Оборы въ лаптяхъ.

70. Якаськe пакаськe, кенгкш удалуў оймаськe. — Палка. (Ср. Paasonen, I, № 51 и Обр. морд. нар. сл. II, № 44).

Пословицы.

1. Кирьть кирьть кельнет, таньтий ямды антан.
2. Ломань алашасты рудайс валгат. (Ср. Paasonen, I, S 78).
3. Мези ломаннинь арьцят, се эсьтять уле.
4. Мези марта кольнят, секенень докават.
5. Мези теят, секи неят. (Ср. Paasonen, I, № 75).
6. Неи пинись онге, анеецясь аще.
7. Пряды ушуў билить а касыть.
8. Саразысь клюказь глюке, иты пешкеде.
9. Учаня кулысь, карданя чамсь. (Ср. выше Орк. № 14).

---

70. Ходилка гулялка, за дверью отдыхалка. — Палка.

---

1. Держи, держи свой язычекъ, я накормлю тебя вкусной похлебкой.
2. Съ чужой лошади въ грязь слѣзешь.
3. Что ты желаешь другому, то будетъ тебѣ самому.
4. Съ чѣмъ ты балуешься, до того дотронешься.
5. Что ты дѣлаешь, то и видишь.
6. Зрячая собака лаетъ, незрячая сидитъ.
7. Уши не выростутъ выше головы.
8. Курица клюетъ (по зернушку), и то тучнѣетъ.
9. Овечка померла, хлѣвушокъ опорожнился.

Поговорки.

Божба:

1. Пежеть (мон бежеть эзени некь).
2. Ойменезэн.
3. Татарынь ɥакшс оймемь биизa.
4. Тантарали туизан.
5. Келемь госькеза.

Божба съ хитростью:

1. Коськи эрькс ваязан.
2. Кулы варака сельмемь даргаса (или: даргасэ).

Заклятія.

1. Канцяўсь пачкат, котоў зезенsат, сисимиў лазынsат. — 2. Комады кулык, веляфтыцят как илязы ульть. — 3. Эсь грехезэт тоньць лепеяк. — 4. Пильгит кедет катардыст, кувалмут

---

1. Право (я, право, не видѣлъ этого).
2. Въ мою душу.
3. Пусть сварится моя душа въ татарскомъ горшкѣ.
4. Пусть я провалюсь въ тартарары.
5. Пусть отсохнетъ мой языкъ.
1. Пусть я утону въ сухомъ озерѣ.
2. Пусть мертвая ворона выклюетъ мой глазъ (Мертвая ворона выклюетъ мой глазъ).

---

1. Пусть рожа сквозь тебя, шесть разъ пусть тебя разорветъ, семь разъ пусть расколетъ. — 2. Умри ничкомъ, пусть нѣкому было бы и перевернуть тебя. — 3. Захлебнись самъ въ своихъ грѣхахъ. — 4. Пусть высохнутъ ноги и руки, пусть опустятся вдоль

новолест. — 5. А стявиксысь теенъат. — 6. Эземень гувалт а венемат. — 7. Пильги сурчкат сак. — 8. Пукщать орматьни пачкат. — 9. Сельми варят лисист почкодест, лангкс кумбряск кепетест, икилит праст. — 10. Тантарали туизат. — 11. Мещи потмот пекстаза. — 12. Маний бурыгинись леденъат. — 13. Эсь кельми валызыт тоньць токафт. — 14. Нарынь зэвей нар алуў, сэви тикши мушк пушк. — 15. Нижыт пижыт эсь прязыт, эсь эйдезэт какшызыт.

Скороговорки.

1. Кудысы тулысы панцт.
2. Кафты паринь барьцирить.

тебя. — 5. Чтобы тебѣ не встать. — 6. Не протянуться бы тебѣ вдоль лавки. — 7. Окажись съ ножной палецъ. — 8. Пусть пучащія болѣзни сквозь тебя. — 9. Пусть выйдутъ и лопнутъ глазныя отверстія, пусть поднимутся , пусть упадуть передъ тобой. — 10. Чтобы тебѣ провалиться въ тартарары. — 11. Пусть запрется внутренность твоей груди. — 12. Пусть застрѣлить тебя молнія въ свѣтлый день. — 13. Самъ коснись своего нехорошаго (холоднаго) слова. — 14. Ѣдящій траву «нар» будетъ самъ подъ травой «нар», ѣдучая трава разлетится вдребезги. — 15. Твои заклятія на твою голову, на твоихъ собственныхъ дѣтей.

---

1. Въ избѣ на гвоздѣ узда.
2. Кадушечные края двухъ кадушекъ.

Отдѣлъ VI. Пѣсни.

А. Оркино.

№ 1 [1]).

A ťeľeńä, ťeľeńä!
Ťeľeś uľńiś jakšama.
Kyť jakšama pogȯda,
Lutkńiń latkńiń ṕeščėńʒä,
V́äśij kiťńiń v́äľťińʒä.
Ṕiŕudaluu [2]) v́ä ki kaťć.
Maša moľä kijavańť,
Izvoščėkeś sasyźä,
Izvoščėkeś avyľ pokš,

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующей семь слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго слога. 2) ṕiŕidaluu.

Ахъ, зимушка, зимушка!
Зима была холодная.
Хоть холодная погода,
Она наполнила долы и овраги,
Всѣ дороги она покрыла.
Позади гуменъ оставила одну дорогу.
Маша идетъ по этой дорогѣ,
Ее нагналъ извозчикъ,
Извозчикъ не большой,

Kyť avyľ pokš, jožoųńä.
Karmaś Mašań käų̈kśńiṁä:
— Ton koų moľat, Mašuńa? —
— A vasyluų, ťäťäńiń,
— Kafta kolma latkyń troks,
— Muravľinyj stolbeńä,
— Stolbańť ṕŕasa kudyza,
— Kolma krasnyχ́ť vaľmanza,
— Nurda muška vä kesak,
— Parga moćka vä pula. —
Kosa Maša ṕidïźä?
Bańa ṕećkas kajiźä.
Kuva Maša ľijiźä?
Šušma ṕŕava ľijiźä.
Kozėń Maša śťaftyźä?
Zabyr vaŕas śťaftyźä.

Хоть не большой, умненькій.
Началъ Машу спрашивать:
— Ты куда идешь, Машенька?—
— Недалеко, къ отцу,
— Черезъ два три оврага,
— Муравлёный его столбикъ,
— На столбикѣ его домъ,
— Три красныхъ его окошка,
— Съ возъ конопли—одна пятина,
— Кузовъ мочекъ—одна пасма. —
Гдѣ Маша испекла его?
Она бросила его въ баню.
На чемъ Маша сновала?
По сугробамъ сновала.
Гдѣ Маша поставила его (холстъ)?
Она поставила его въ отверстіе забора.

Ṕeľä čočka—víǵińiś,
Morga vaŕa—kajamyś.

№ 2.

Dova dova, doṷeńä,
Dova baba saldatka,
Dovań kolma ćoranʒa,
Kolma pusta śvetėnʒa.
Pokš ćoranʒa avečksä,
Pokš äjdïnʒa akeľksä.
Ekšėľeźä, vadïźä,
Aša panar orčafńiś,
Šormaų poŋkskeť maksykšnyś,
Sur ṕŕińiďä kundyźä,
Moŕa beŕeks veťeźä,
Čava sudnas noldėźä.

Половина обрубка — бердо,
Отверстіе сучка — челнокъ.

Вдова вдова вдовушка,
Вдова старуха солдатка,
У вдовы три сына,
Три пустыхъ цвѣтка.
Старшаго сына она не любитъ,
Старшее дитя не можетъ терпѣть.
Вымыла его, смазала,
Бѣлую рубашку надѣла,
Дала ему пёстрые штаны,
Взяла его за кончики пальцевъ,
Привела его на берегъ моря,
Пустила его въ пустое судно.

— Proščaj, proščaj, iďakaj. —
— Rad proščaų̯ĺiń, avakaj,
— Ќedeń v́äńf́an, asatä,
— Surṕirińin a tokeť,
— Vaĺǵij maksan, a maŕat.
— Mon aproščan, avakaj,
— Laŋkstyn paĺam kaladums,
— Ṕiĺkstyn poŋksėn surińďams,
— Śesta proščan, avakaj,
— Žarda paĺam kaladä,
— Žarda poŋksėn surińdĭť,
— Tundyń kukuų̯ks t́äjivan,
— Žurav ṕŕäzyt mon valgan,
— Tundyń kukuų̯ks kukyrdan,
— Tundyń ćokoų̯ks ćokȯrdan. —

— Прощай, прощай, дѣточка.—
— Радъ бы простился, матушка,
— Руку протягиваю, не достаетъ,
— Кончики пальцевъ не достаютъ.
— Голосъ дамъ, не услышишь.
— Я не прощусь, матушка,
— Пока не развалится на мнѣ рубашка,
— Пока не пойдутъ по ниточкамъ штаны на моихъ [ногахъ.
— Тогда я прощусь, матушка,
— Когда развалится моя рубашка,
— Когда пойдутъ по ниточкамъ мои штаны,
— Я сдѣлаюсь весеннею кукушкой,
— Я влѣзу на верхъ колодезнаго журавля,
— Я закукую какъ кукушка,
— Я запою какъ соловей.

Ср. Сухокарбул. № 2.

№ 3 [1]).

— Адя, полай, титянь кудув,
— Адя, вастай, алянь кудув.
— Титянь куца мон сэриян,
— Алянь куца мон кялиян. —
Кильдясь повэць сыря ракша,
Озафтызя сон ялганsа,
Икильця ортава сон лифтизя [2]),
Удалциваньть суваftызя,
Кустима пяс арафтызя;
Мязя ванцы—сон кардайса,
Вай, мязя ванцый—кустима пяса! [3])
— Кода, полай, мон сюдытан?
— Кода, вастай, мон эрьдикстан? —

1) Восемь слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго слога.
2) Стихъ испорченъ.
3) Быть можетъ: Мязя ванцый—кустьма пяса.

— Поѣдемъ, муженёкъ, въ отцовскій домъ,
— Поѣдемъ, муженёкъ, въ домъ старшаго деверя.
— Въ отцовскомъ домѣ я выросту,
— Въ домѣ старшаго деверя я пополнѣю.—
Онъ запрягъ старую лошадь,
Посадилъ свою подругу,
Въ переднія ворота онъ вывелъ ее,
Въ заднія ворота онъ ввелъ ее,
У крыльца онъ остановилъ ее.
Что она видитъ — она на дворѣ,
Ой, что она видитъ — она у крыльца!
— Какъ, муженёкъ, я тебя прокляну,
— Какъ, муженёкъ, я тебя закляну?

— Истя, вастай, мон эрьдикстан:
— Пякиязан, лангыязан,
— Истя, полай, мон сюдытан,
— Моньць чачтамста кулызан[1]),
— Пижä эйдись сядий сянгыркскикс кадувыза[2]).
— Пякияза лангыяза сыря ракшась[3]),
— Вашыямста сон кулыза,
— Пижä вашысь кадувыза.
— Пякияза лангыяза сыря скалысь[4]),
— Вазыямста сон кулыза,
— Пижä вазысь кадувыза. —
Ух, пякиясь лангыясь соньць,
Ды чачтамста ды сон кулысь,
Пижä эйдись ды сон кадувсь.

1) Быть можетъ: Моньць чачтамста мон кулызан.
2) Быть можетъ: Пиже эйдись кадувыза, Сядий сянгыркс кадувыза.
3) Быть можетъ: Пякияза сыря ракшась.
4) Быть можетъ: Пякияза сыря скалысь.

— Вотъ такъ, муженёкъ, я тебя прокляну,
— Вотъ такъ, муженёкъ, я тебя закляну:
— Пусть я забременѣю,
— Пусть сама умру во время родовъ,
— Пусть останется маленькій ребенокъ, какъ сердеч-
— Пусть понесетъ старая лошадь, [ная боль.
— Пусть околѣетъ въ то время, какъ жеребится,
— Пусть останется маленькій жеребенокъ.
— Пусть понесетъ старая корова,
— Пусть околѣетъ въ то время, какъ телится,
— Пусть останется маленькій теленокъ. —
Охъ, забременѣла она сама,
Во время родовъ она умерла,
Остался маленькій ребенокъ.

Ух, пякиясь сыря ракшась,
Вашыямста ды сон кулысь;
Пижä вашысь ды сон кадувсь.
Ух, пякиясь сыря скалысь,
Вазыямста ды сон кулысь,
Пижä вазысь ды сон кадувсь.
Истямышка горяс кадувсь,
Истямышка сон апарыс.
Кудув сувя, пижä эйдись рангя [1]),
Сядийстынза лоскэт лутьня.
Ушув лися сон кардазув,
Пижä вашысь ды сон цяхя,
Пижä вазысь ды сон парэ.
Истямышка сон горяса,
Истямышка сон апарыса [2]).

1) Быть можетъ: Кудув сувя, эйдись рангя.
2) Быть можетъ: Истямышка апарыса.

Охъ, понесла старая лошадь,
Въ то время, какъ жеребилась, она околѣла,
Остался маленькій жеребенокъ.
Охъ, понесла старая корова,
Въ то время, какъ телилась, она околѣла,
Остался маленькій теленокъ.
Онъ остался на такое великое горе,
Онъ остался на такое великое зло.
Войдетъ въ избу, плачетъ маленькій ребенокъ,
Съ сердца его отрываетъ лоскутъ.
Выйдетъ наружу на дворъ,
Маленькій жеребенокъ ржетъ,
Маленькій теленокъ мычитъ.
Въ такомъ онъ великомъ горѣ,
Въ такомъ онъ великомъ злѣ.

— Кабы содавлинь мон се горядыньть [1]),
— Кабы содавлинь мон се апарыдыньть [2]).
— Чыстыньть колмэксть ускувлиня
— Титянь кудув мон ведь сонsа
— Чыстыньть колмэксть ускувлиня
— Алянь кудув мон ведь сонsа.

№ 4 [3]).

Pakśińä, pakśa pakśaška,
Pakśańť kunčkasa gubyrnä,
Gubyryńť ṕŕasa kiľijńä,
Ḱiľijńińť aly väľińä,
Väľisyńť uľi kudyńä,

1) Быть можетъ: Каб содавлинь се горядыньть.
2) Быть можетъ: Каб содавлинь се апардыньть.
3) Восемь слоговъ съ цезурой послѣ пятаго слога.

— Если бы я зналъ про это горе,
— Если бы я зналъ про это зло,
— Каждый день по три раза возилъ бы я ее
— Въ отцовскій домъ,
— Каждый день по три раза возилъ бы я ее
— Въ домъ старшаго деверя.

Ср. Обр. морд. нар. слов. I, № XXXV (съ знач. варіантами); у Paasonen, Proben, № L; ниже Сухокарб.

Полюшко, поле съ поле,
По серединѣ поля бугоръ,
На верху бугра берёзка,
Подъ берёзкой деревушка,
Въ деревушкѣ избушка,

Kudysyńť äŕä ťäχťiŕńä,
Ťäχťiŕińť marta uŕkaza.
Täχťiŕiś udä, uduɥkšnyś,
Uŕäžyś śťaftä äjsynʒa.
— Śťaka, śťakaja, aɥńikaj!
— Ćoraťńi pačkyćť umalaŋks,
— Stadaťńi pačkyćť väĭípes. —
Śťakšnyś ťäχťiŕiś, son ḿeŕä:
— Uχiń, uŕińiḿ, avïńiḿ,
— Udyń, udyń mon, uduɥkšnyń,
— A pary onnės čoɥŕaɥkšnyń:
— Blagyj väď čuďä bokavan,
— Säťḿi väď čuďä ombovan,
— Ṕŕam väĭkska blagyj buŕǵińä,
— Čeŕbävan valdy ťäšť śveťeť.—
— Ĭak jofńe ton ťe onnėńť,

Въ избушкѣ живетъ дѣвушка,
Съ дѣвушкой ея сноха.
Дѣвушка спитъ, започивала,
Сноха будитъ ее.
— Встанька, встань-ка, золовушка!
— Мужики подошли къ загону,
— Стада подошли въ конецъ села. —
Встала дѣвушка, она говоритъ:
— Охъ, сношенька моя, матушка моя,
— Я спала, спала, започивала,
— Не въ хорошій сонъ я замѣшалась:
— Злая рѣка течетъ у меня по одной сторонѣ,
— Тихая рѣка течетъ у меня по другой,
— Надъ головой моей злой громъ,
— По концамъ волосъ свѣтятъ свѣтлыя звѣзды. —
— Не сказывай ты этого сна,

— Dušman lomańńiń ťe onnéś!
— Ťe godéńť ľišat ńiŕďińiń,
— Blagyj buŕǵińiś aťafyt,
— Ṕići jondylyś avafyt,
— Säťńi ṽäďńiś toń polèńet,
— Valdy ťäšńä toń äjť kakšyt.—
Uŕäžyś śeki čyńistyńť
Pary ťäχťiŕińť ṕäčkiźä,
Ṽäďńiks ṽäŕńinʒa noldèźä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ кр-ки Татьяны Учуськиной.

№ 5 [1]).

Adïda, jalgat, a tyń adïda
Ṕiży lugava, jalgat, jakama,

1) Въ этой и въ слѣдующихъ пѣсняхъ десять слоговъ съ цезурой послѣ пятаго слога.

— Этотъ сонъ (пусть) для дурного человѣка!
— Въ этомъ году выйдешь замужъ,
— Злой громъ твой свекоръ,
— Жгучая молнія твоя свекровь,
— Тихая рѣчка твой муженекъ,
— Блестящія звѣзды твои дѣти. —
Сноха въ тотъ самый денёчекъ
Зарѣзала добрую дѣвушку,
Пустила кровь ея рѣчкой.

Пойдите, подруги, вы пойдите
Гулять, подруги, по зеленому лугу,

Goŕńi poų ćećäń, jalgat, śeźńeńä,
Ќäŕäm śuruva, jalgat, vačkama,
Uĺćäń kuvalma, jalgat, jutama,
Mazyj morėńeń, jalgat, morama,
Udy lomańiń, jalgat, śťaftuma,
Aščy lomańiń, jalgat, maťťiṁä.
A ńesėńek ĺi mazyj Śemušań?
— Vaśńa vancyńik ikiĺä ṕeĺďä,
— Tosa vancyńik udala ṕeĺďä.
— Kota käĺisa Śemań paĺaza,
— Kolma käĺisa paĺa ožanʒa,
— Väťä käĺisa Śemań poŋksėnʒa,
— Soska paćińiń poŋks potmaksyza,
— Paŕćijiń gajťan poŋks gaśńikiza.

Рвать, подруги, цвѣты колокольчики,
Накладывать, подруги, ихъ по стрижкамъ на лбу,
Проходить, подруги, вдоль улицы,
Пѣть, подруги, красивыя пѣсни,
Будить, подруги, спящихъ людей,
Усыплять, подруги, неспящихъ людей.
А видѣли ли вы красиваго Сёмушку?
— Сначала мы увидѣли его спереди,
— Потомъ мы увидѣли его сзади.
— Семёнова рубашка въ шесть полотнищъ,
— Рукава его рубашки въ три полотнища,
— Семёновы штаны въ пять полотнищъ,
— Изъ марли ширинка его штановъ,
— Шелковый гайтянъ его ошкуръ.

Ср. у Regulу № 15d и ниже Сухокарб.

№ 6.

Čačumda pary Ǵibajś udalaś,
Kasumda vaďŕa Ǵibajś ǰeĸ paryĺ.
Śupaų̈dy śupaft pary Ǵibajiń̈t,
Koźoų̈dy koźoft vaďŕa Ǵibajiń̈t,
M̀äĺganʒy jakiť, kisynʒy jakiť.
Ťäťäś jaksyĺʒä Ǵibajń̈t śupaų̈ńiń̈,
Son čyjaksyĺʒä Ǵibajń̈t koźoų̈ńeń.
— Vaj, mon amoĺan, ťäťkaj, śupaų̈ńiń̈,
— Vaj, mon amoĺan, koŕmaj, koźoų̈ńeń:
— Śupavyń̈t lama pakśa robòta,
— Koźovòń̈t lama kudyń ďäv̀iza;
— Čokšńi pozdas son ǰeĸ robòtaftä,
— Valcĸi rana son ǰeĸ zabòťaftä.
— Mon lučy moĺan, ďäťkaj, pastuχńiń̈:
— Pastuχyń anyk v́idńi źuryza,

Рожденіемъ славная Гибая удалась,
Возрастаніемъ добрая Гибая удалась.
Изъ богатыхъ богатые за хорошей Гибаей,
Изъ зажиточныхъ зажиточные за доброй Гибаей,
Ходятъ за ней, ходятъ ради нея.
Отецъ хотѣлъ проходить Гибаю за богатаго,
Отецъ хотѣлъ просватать Гибаю за зажиточнаго.
— Ой, не пойду, батюшка, я за богатаго,
— Ой, не пойду, кормилецъ, я за зажиточнаго:
— У богатаго много полевой работы,
— У зажиточнаго много домашняго дѣла.
— До поздняго вечера онъ заставляетъ сильно работать,
— Утромъ рано онъ заставляетъ сильно заботиться.
— Лучше я пойду, батюшка, за пастуха:
— У пастуха готовъ посѣянный хлѣбъ,

— Pastuχyń anyk pańiń kšyńiza,
— Pastuχyń anyk ramań salynza. —
Čyjiź Ǵibajiń' pary pastuχńiń.
Ńedľazynza son avaks ťajikšńiś,
Pastuχyń stojlaų Ǵibajś moľekšńeś.
Maky loṕeńeť sonza rućanza
Stojla piŕavań' Ǵibajś strafnyńźä.
Tundyń piźiḿiś rućat piźińźä,
Ćudï vädïńiś rućat salyńźä.
Śesty Ǵibajiś son dy faťakšnyś:
— Äŕavyľ moľems lučy śupauńiń;
— Śupavyń uli putyń gudyza,
— Śupavyń guca piźiń' a tokä;
— Pastuχyń araś putyń gudyza,
— Pakśa kunčkasa stroäń stojlaza. —
Štapa laŋǵińis Ǵibajś varčyźä,

— У пастуха готовъ испеченный хлѣбъ,
— У пастуха готова купленная соль. —
Просватали Гибаю доброму пастуху.
Черезъ недѣлю она сдѣлалась матерью,
Пошла Гибая въ стойла пастуха.
Свои руци какъ маковъ цвѣтъ
Гибая развѣсила надъ стойлами.
Весенній дождикъ замочилъ руци,
Текучая рѣчка утащила руци.
Тогда Гибая спохватилась:
— Надо было лучше идти за богатаго,
— У богатаго есть выстроенный домъ,
— Въ домѣ богатаго дождикъ не достанетъ;
— У пастуха нѣтъ выстроеннаго дома,
— По серединѣ поля его выстроенныя стойла. —
На голое тѣло посмотрѣла Гибая,

Paľanʒa tundyń ǯadyś salyńʒä.
Vačkyć Ǵibajiś kafty kedenʒa,
Śuvyrdaś Ǵibajś käńiń surynʒa,
Čamań ǵäľis tušť pśi śäľvädinʒa.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

№ 7.

Dubylga koŕenėń babań kudyza[1]),
Ofta lapań dy babań vaľmanʒa.
Väšť šälǵä babaś, kaŋkšť varčtä babaś:
Vaľmalgańť ľiŕtä dy už graćiń polk.
— Užyda, graćkiť, a tyń lotkada!
— Kona storonaŋ, graćkiť, moľdada?
— Äźiŋk ńek ľi moń para polėńeḿ? —
— Ḿińďeďenėk ḿäjľä ľiŕtä ǵiǵań polk[1]). —

1) Въ этомъ стихѣ по ошибкѣ записано одиннадцать слоговъ.

Рубашки ея унёсъ весенній потокъ.
Всплеснула Гибая обѣими руками,
Сжала Гибая свои десять пальцевъ,
Во всю ширину лица пошли ея горючія слезы.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I № XXXII и № LVI; у Paasonen, Proben, I № VI.

Изъ корней таволожки старушкинъ домъ,
Изъ медвѣжьей лапы старушкины окна.
Одинъ разъ воткнетъ старуха, два раза посмотритъ:
Подъ окошкомъ летитъ уже стая грачей.
— Подождите, грачики, а вы остановитесь!
— Въ какую сторону вы, грачики, идете?
— Не видали ли вы моего хорошаго муженька? —
— За нами летитъ стая гусей. —

— Užyda, ǵigat, a tyń lotkada!
— Kona storònaų, ǵigat, jakiďä?
— Kona ujezdoų, ǵigat, jakiďä?
— Äźiήk ńeќ ľi moń para polėńeḿ? —
— Ṕenʒań storònaų, babaj, jakińik,
— Ṕenʒań ujezdoų, babaj, jakińik.
— Ńejeńeќ, babaj, toń para polat,
— Säŕij ṕičyška sonʒa säŕiza,
— Ќi ѵä bokasa sonʒa ṕŕiźiza,
— Omba bokasa sonʒa ruŋgyza,
— Čaryj śľeďńeva ѵäŕiza čuďä,
— Syѵ́iľńistynʒa, babaj, bruď bruďiť,
— Lovažastynʒa, babaj, säď mośťeť,
— Ṕŕasa čeŕďenʒa čeŕeń ṕiks ponėť. —

— Подождите, гуси, а вы остановитесь!
— Въ какую сторону вы, гуси, отправились?
— Въ какой уѣздъ вы, гуси, отправились?
— Не видали ли вы моего хорошаго муженечка?
— Мы отправились, бабушка, въ Пензенскую сторону,
— Мы отправились, бабушка, въ Пензенскій уѣздъ.
— Какъ высокая сосна его тѣло,
— Мы видѣли, бабушка, твоего хорошаго мужа,
— На одной сторонѣ дороги его головка,
— На другой сторонѣ его туловище,
— По колеснымъ слѣдамъ течетъ его кровь,
— Изъ мясца его, бабушка, прудятъ прудъ,
— Изъ костей его, бабушка, мостятъ мостъ,
— Изъ волосъ на головѣ вьютъ волосяную веревку. —

№ 8.

Kaťa, Kaťuša, Kaťiŕinuša,
Aďa, Kaťuša, ťäťat ťäŕďińʒiť,
Ťäťat ťäŕďińʒiť, čyjams ʹväšyńʒiť
Parga sakalnyń, syŕä aťäńiń.
— Mon mońć kak safca ťe polańť maṛta:
— Puŕǵińä palakst alynʒa acan,
— Mon ṕićі palakst ṕŕalynʒa putan,
— Śäjiĺiń ʒuba laŋganʒa väĺ'ťan. —
Kaťa, Kaťuša, bojaravuša,
Aďa, Kaťuša, ťäťat ťäŕďińʒiť,
Ťäťat ťäŕďińʒiť, čyjams ʹväšyńʒiť,
Son odʒorańiń, para aľäńiń.
— Mon mońć kak safca ťe polańť maṛta:
— Puχovoj ťošak acan alynʒa,

Катя, Катюша, Катеринуша,
Иди, Катюша, отецъ тебя позвалъ,
Отецъ тебя позвалъ, потребовалъ тебя, чтобы просватать
Старому старику съ бородою лукошкомъ.
— Я и сама сумѣю (сдѣлаться) съ этимъ мужемъ:
— Я постелю подъ него татарникъ,
— Я положу подъ его голову крапиву,
— Я надѣну на него ежовую шубу. —
Катя, Катюша, барышня,
Иди, Катюша, отецъ тебя позвалъ,
Отецъ тебя позвалъ, потребовалъ тебя, чтобы просватать
Парню, доброму молодцу.
— Я и сама сумѣю (сдѣлаться) съ этимъ мужемъ:
— Я постелю подъ него пуховую перину,

— Paŕćijiń todoų putan ṕŕalynʒa,
— Baraškań ʒuba v́äl̓ťan laŋganʒa. —

№ 9.

Kovóloų ʒud̓i Cyḿbiŕuš v́äd̓iś,
Kovóloų mol̓i Kazanuš v́äd̓iś?
Obedoų ʒud̓i Cyḿbiŕuš v́äd̓iś,
Obedoų mol̓i Kazanuš v́äd̓iś.
Vaj, bruďäśť bruďäśť, son a bruďäv́ä,
Vaj, ṕekstaśť ṕekstaśť, son a ṕekstav́ä.
Lomań b́raftumy son a bruďäv́ä,
Lomań b́raftumy son a ṕekstav́ä.
Davajt̓i, bratcy, a ḿiń davajt̓i,
Ḿiń v́äl̓iń brumkskä, bratcy, ťäjďana,
Ḿiń žėŕeb̀ejsy ḿiń gajatana,

— Я положу подъ голову ему шелковую подушку,
— Я надѣну на него барашковую шубу. —

Куда течетъ рѣка Симбирка,
Куда идетъ рѣка Казанка?
На югъ течетъ рѣка Симбирка,
На югъ идетъ рѣка Казанка.
Охъ, прудили ее прудили, ея не запрудить,
Охъ, запирали ее запирали, ея не запереть.
Безъ человѣческой головы ея не запрудить,
Безъ человѣческой головы ея не запереть.
Давайте, братцы, давайте,
Мірской сходецъ, братцы, соберемте,
Мы жеребьемъ кинемъ,

Konańiń zatä vašiń žėŕebejś,
Konańiń zatä ṕŕa jumam' ǯuftyś.
Vaj, Ḿikuž uĺńiś ŕäĺiń zdarysta,
Vaj, Ḿikuž uĺńiś ŕäĺiń bŕačufta.
Ḿikužyń uĺńiś ťäχťiŕ ďakaza.
Ḿikužnyń zatyć vašiń žėŕebejś,
Ḿikužnyń zatyć vašiń bŕaks čuftyś:
Ḿikužyń ďakańť bruďińťi bruďams.
Ḿikužyń ďakaś eščo a sodä.
Son udyś udyś, ťakaś uduqkšnyś,
A par' onnės son ďakaś čoqŕaqkšnyś.
Maŕasy šumńä, ṕeť uš maŕäŕä,
Maŕasy žalfťä, ṕeť uš ćudaŕä.
Syrgyjć Ḿikužyń ṕiży ťakaza.
— Uχiń, avakaj, ḿeŕi, koŕmakaj,
— Ḿäjiń išťamy šumńi maŕäŕä,

Кому достанется первый жеребей,
Кому достанется губящее голову дерево.
Ой, Николай былъ сельскимъ старостой,
Ой, Николай былъ сельскимъ головой.
У Николая была дочка—дитя.
Николаю достался первый жеребей,
Николаю досталось губящее голову дерево:
Николаево дитя должно употребить на запруду.
Николаево дитя еще не знаетъ.
Оно спало-спало, дитя заспалось,
Увидѣло дитя нехорошій сонъ.
Оно слышитъ шумокъ, сильно ужъ слышится,
Оно слышитъ небольшой гулъ, сильно ужъ чудится.
Проснулось Николаево малое дитя.
— Охъ, говоритъ, матушка кормилица,
— Что за шумокъ такой слышится,

Ḿäjiń išťamy žalfki ćudaṽä?
Ḿikužyń šiṁďiť ṽäši ṽinada,
Ḿikužyń ṽeťeť kafty bokava.
Ṽäľiń brumkskińik prumkšnyšť kardazuų.
Ḿikužyń ďakańť kucty targakšnyź,
Bruď gyŕǵińińťi sonzy uskykšnyź,
Brudińť aluų zyń zonzy kajakšnyź,
Navóskesy syń zonzy vaľakšnyź.
Šesty pekstauś ťäst Cyṁbiŕuš ṽädíš,
Išťa kiŕďiź zyń Gazanuš ṽädíńť.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

Варіантъ. (Послѣ сообщенія о снѣ): Onctènza i bŕedä: valdy zoŕaś valdy ťäšńiń maṛta i valdy kovóś i ṽäχc saśť i jauśť.—Užy moľa·n šabra·ń baba·ńiń, jofńesa· ťe o·nnéńť. — Vot, babi·ńiṁ, a par' on ńeje·ń: valdy zoŕa·ś valdy ťäšńi·ń maṛta i valdy kovóś, ṽäχca aščyšť i jauśť. — Baba·ś i ḿeŕä·: valdy zoŕa — ḿeľńeća· ṽädi·ś i

---

Что за гулъ такой чудится?
Николая всѣ поятъ виномъ,
Николая ведутъ съ обѣихъ сторонъ.
Весь мірской сходъ сошелся во дворъ.
Николаево дитя вытащили изъ дому,
Ее повезли къ мѣсту запруды,
Ее бросили на дно плотины,
Ее завалили навозцемъ.
Тогда заперлась у нихъ рѣка Симбирка,
Такъ задержали они рѣку Казанку.

(Варіантъ). Во снѣ она и бредитъ: свѣтлая заря вмѣстѣ съ свѣтлыми звѣздами и свѣтлый мѣсяцъ вмѣстѣ сошлись и разошлись.— Погоди, я пойду къ сосѣдкѣ старухѣ, разскажу ей этотъ сонъ. — Вотъ, старушка, я видѣла нехорошій сонъ: свѣтлая заря вмѣстѣ съ свѣтлыми звѣздами и свѣтлый мѣсяцъ вмѣстѣ стали и разошлись.— Старуха и говоритъ: свѣтлая заря—мельничная рѣка и рѣка Ка-

Kazanu·š v̓ädï·ś, a valdy ťäšńi ḿeľńeća·ń gula·kńä, valdy kovòś uľï·v̓iľ ḿirďï·t, valdy ťäšńä· uľïv̓iľť äjdï·t. Ťe onnė·ś, Agaša· duša, ťe onnė·ś apa·ra. Ućaska·t marta v̓äśi·j moľat ḿeľńeća· v̓ädïų̈ i Kazanu·š v̓ädïų̈. Ḿeľńećäń ǵäv̓i·ś valdy kovò·ś. — Ašylga·dykšnyś valdy čyńi·za, i ḿäźi· vanä· Agaša· duša·: ťäťanzy v̓eťeť kafty ṕeľďä v̓äľï·ń aťat, v̓äľï·ń zuďjat. — Naŕäža·k, Agaša duša·, dočeńeḿ; mońäń zatyć vaśiń bŕaks čuftyś i vaśi·ń žėŕebe·jś. Toń v̓eťams ḿeľńećäń v̓ädïų̈, Kazanuš v̓ädï·ų̈. — Koľeŋka·va naŕäžyź saľja·nca Agašė·ń dušė·ń, karksa·mńiva paŕći·jsa, kafty ṕe·ľďä kundy·ź i saji·ź, v̓eťe·ť sonza, Agašė·ń dušėń Kazanuš v̓ädï·ų̈, ḿeľńećäń v̓ädï·ų̈. V̓eťe·ź ḿeľńeća· be·ŕeks, ḿeľńeća· čy·ŕis. — Ježľi v̓e·čkemga sajsamak, v̓äďava matu·škam, jaft kafta ṕeľej, iľamak tandaft. — Kaftuų jauś ḿeľńeća· v̓ädï·ś i prok utka·ń buχ saji·źä, i avaŕďä i avaŕdä, ava·ŕkšńä: proščäjťe, uŕi·ńin, av̓i·ńin.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

занка, а свѣтлыя звѣзды—мельничные кулаки, свѣтлый мѣсяцъ былъ бы твоимъ мужемъ, свѣтлыя звѣзды были бы твоими дѣтьми. Этотъ сонъ, душа Агаша, этотъ сонъ не хорошъ. Со всѣмъ твоимъ счастьемъ ты пойдешь въ мельничную рѣку, въ рѣку Казанку. Мельничный камень—свѣтлый мѣсяцъ.—Сильно разсвѣло, и что видитъ душа Агаша: ея отца ведутъ съ двухъ сторонъ сельскіе старики, сельскіе судьи. — Одѣвайся, душа Агаша, доченька моя; мнѣ досталось первое дерево на голову и первый жеребей. Тебя надо вести въ мельничную рѣку, въ рѣку Казанку.— По колѣна одѣли душку Агашу въ сафьянъ, по поясокъ въ шелкъ, взяли съ двухъ сторонъ и ведутъ ее, душку Агашу въ рѣку Казанку, въ мельничную рѣку. Привели на берегъ, на край мельницы. — Ежели ты, ведява матушка, возьмешь меня любя, разступись на двѣ стороны, не пугай меня.— На двое разступилась мельничная рѣка и взяла ее, точно утиный пухъ, и плачетъ, и плачетъ она, заливается плачемъ: прощайте, снохи мои, матушки мои.

Ср. у Paasonen, Proben I № XIX.

№ 10.

Lugava jakä syŕä alašaś,
Syŕi tataryś jaki ṁäĺganʒa,
Vä kecénʒy soń dy višyń gopša,
Ombó kecénʒa dy ĺäušyń nofta.
— Iĺamak mańčy višyń gopšasa,
— Iĺamak kuńći ĺäušyń noftasa.
— Kolénǵäṁiń gott služyń-vojovéń,
— Paly śvečat moń uĺńišt dy šäĺṁin,
— Ḱištiž kištiĺt dy jakiĺt ṁoń piĺǵin,
— Nalkšiź nalkšiĺt moń jala dy piĺin,
— Puška vaĺǵijs moń gluχyjgaćt piĺin,
— Puška kačams moń sokòrgaćt šäĺṁin,
— Ḿälka käuṅis moń laznuuśt dy piĺǵin,
— Puškań uskšiź moń šintŕiüś dy ruŋgym.

Записано въ августѣ 1905 году отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

По лугу ходитъ старая лошадь,
Старый татаринъ ходитъ за нею,
Въ одной рукѣ его полбяной пирогъ,
Въ другой рукѣ его мочальный недоуздокъ.
— Не обманывай меня полбянымъ пирогомъ,
— Не хватай меня мочальнымъ недоуздкомъ.
— Тридцать лѣтъ я служила-воевала,
— Какъ горящія свѣчи были мои глаза,
— Пляша плясали и ходили мои ноги,
— Играя играли всегда мои уши,
— Отъ пушечнаго гласа оглохли мои уши,
— Отъ пушечнаго дыма ослѣпли мои глаза,
— Отъ мелкихъ камушковъ потрескались мои ноги,
— Возя пушки истерзалось мое тѣло.

Ср. ниже №№ 11 и 12 и также. Сухокаро.; у Paasonen, Proben I № XLVII; у Reguly № 14e.

№ 11.

Лугава якя сыря алаша,
Мяльганза якя сыря татарысь.
Вай, ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй,
Мяльганза якя сыря татарысь,
Вишинь копшаза кавалалынза
Вай, ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй,
Вишинь копшаза кавалалынза,
Лявшинь нофтаза кедь кыргасынза.
Вай, ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй.
— Вай, иля яка, татар, монь мяльга,
— Илямак маньчэ вишинь копшасыт,
— Илямак куньця лявшинь нофтаса,
— Колэнь кяминь год служинь-воёвень.
— Прок палы свечат монь ульнисть сяльмин,
— Монь кичакс чарасть який пильгинин,

По лугу ходитъ старая лошадь,
За ней ходитъ старый татаринъ.
— — — — — — — —
За ней ходитъ старый татаринъ,
Полбяной пирогъ подъ его мышкой.
— — — — — — — —
Полбяной пирогъ подъ его мышкой.
Мочальный недоуздокъ вокругъ его руки.
— — — — — — — —
— Ой, не ходи, татаринъ, за мною,
— Не мани меня полбянымъ пирогомъ,
— Не хватай меня мочальнымъ недоуздкомъ.
— Тридцать лѣтъ я служила-воевала.
— Будто горящія свѣчи были мои глаза,
— Мои ходящія ножки вертѣлись какъ молотильный цѣпъ,

— Налксизь ды налксисть монь марий пилин,
— Юдмакс ювыць монь, татар, пулынимь.
— Пушкань качамнись сяльмин кяриньзя,
— Пушкань толнэнесь пулым кыртызя,
— Пушкань вальгиись пилин потленьзя,
— Мелка кявнитьня лазнызь копетан,
— Вай-ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй,
— Мелка кявнитьня лазнызь копетан,
— Пушкань усксизь монь синьтривсь рунгынимь,
— Вай-ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй.

Записано І. А. Цыбинымъ въ с. Оркинѣ въ сентябрѣ 1905 г.

№ 12.

Лугава́ яки́ сыри́ ала́ша,
Мяльга́нза яки́ сыри́ тата́р.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!

— Слышащія мои уши играя играли,
— Какъ ночевка вился, татаринъ, мой хвостикъ.
— Пушечный дымомъ вырѣзалъ мои глаза,
— Пушечный огонь обжогъ мой хвостъ,
— Пушечный гласъ оглушилъ мои уши,
— Мелкіе камушки разбили мои копыта.
— — — — — — — — — —
— Мелкіе камушки разбили мои копыта,
— Возя пушки, истерзалось мое тѣльце,
— — — — — — — — — —

По лугу ходитъ старая лошадь,
За ней ходитъ старый татаринъ.
— — — — — —

Вить кецэ́нза лявьши́нь но́фта,
Кярьць ке́цэнза вишинь ко́пша.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!
Вишу́нь копша́са ма́ньча,
Ля́вшинь нофта́са ку́ньця.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!
Иля́мак ма́ньча вишинь ко́пшаса,
Иля́мак куньця́ лявши́нь нофта́са.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!
Ужа, тата́р, нужда́н—го́рян ёфне́сень,
Ульни́сь пу́лынимь турба́шка,
Пу́шкань то́лнэсь куртызя.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!
Пижи́нь сто́пка ульни́сть пильгя кянжанин,
Мелка́ кявс соня́всть.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!

Въ правой рукѣ у него мочальный недоуздокъ,
Въ лѣвой рукѣ у него полбяной пирогъ.
— — — — — —
Полбянымъ пирогомъ онъ манитъ,
Мочальнымъ недоуздкомъ онъ ловитъ.
— — — — — —
Не мани меня полбянымъ пирогомъ,
Не лови меня мочальнымъ недоуздкомъ,
— — — — — —
Погоди, татаринъ, я разскажу свою нужду и горе.
Былъ мой хвостикъ какъ труба,
Его сжегъ пушечный огонёкъ.
— — — — — —
Какъ мѣдные кубки были ножныя копыта,
Они истерлись объ мелкій камень.
— — — — — —

Толкс палы́льть сяльмя́ валды́нин;
Пу́шкань кача́мня ки́ринзя.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!
Щири́кс щирьди́льть пили́нин,
Пушкань шу́мнись глухийгацьть пили́нин.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!
Гуйни́кс юмбы́дыль ла́нгинимь,
Юдма́кс юмбы́дыль лангы́нимь,
Пу́шка а́лув ма́иць вийни́мь.
Карда́с пещёнь ракша́да,
Лама́ пара́ хозяи́ным турту́в тя́инь
Вийни́мь валы́м ма́штумс.
Хозяины́м пу́ста степей панимы́мь. —
Кода́ тата́рысь ку́ндызя,
Пшчи пя́ильца пя́чкизя сы́ря ала́шаньть,
Си́симь ко́телга тата́р пешчёзя,

Какъ огонь горѣли мои глазные свѣтики,
Пушечный дымокъ ихъ изрѣзалъ.
— — — — — —
Какъ веретено двигались мои уши,
Пушечный грохотъ оглушилъ мои уши.
— — — — — —
Какъ змѣй извивалось мое тѣло,
Какъ ночевка извивалось мое тѣло,
Силушка моя пропала подъ пушкой.
Я наполнила дворъ лошадьми,
Много хорошаго сдѣлала своему хозяину
До того, что уничтожила свою силушку.
Хозяинъ выгналъ меня въ пустую степь.—
Когда татаринъ схватилъ ее,
Онъ зарѣзалъ старую лошадь острымъ ножомъ,
Семь котловъ татаринъ наполнилъ,

Вя́сий родьня́нза тярди́ньзя
Сыви́льдя ярца́ма...

Записано въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ с. Оркинѣ учителемъ г. Леонтьевымъ для А. Н. Минха. Запись здѣсь нѣсколько исправлена, согласно живому произношенію.

№ 13.

Luša Lušińä, víška Lušińä,
Luša Lušińä, a pokš ťäχťiŕńä.
Aŋkanza roca kolma gott äŕaś,
Aŋkanza roca koŋtama karmaś:
— Mon čačyńďaŕan, mon kasyńďaŕan,
— Aŋkadyn para śesta mon uľan.
— Ťäťáńiń täťkaj śesta aḿeŕan,
— Aŋkańiń aŋkaj śesta aḿeŕan.
— Ťäťkańiń ḿeŕan: ton syŕä ṕińä,

Всѣхъ родственниковъ онъ позвалъ,
Чтобы ѣсть мяса.

Ср. Paasonen, Proben I № XLVII.

Луша Лушенька, маленькая Лушенька,
Луша Лушенька, невеликая дѣвочка.
Въ утробѣ матери своей она жила три года,
Въ утробѣ матери своей она стала говорить:
— Когда я рожусь, когда выросту,
— Я буду лучше тогда, чѣмъ моя матушка.
— Батюшкѣ я тогда не скажу «батюшка»,
— Матушкѣ я тогда не скажу «матушка».
— Батюшкѣ я скажу: ты старый песъ,

— Aŋkańiń ḿeŕan: ton syŕă suka.
— Mon čačyńďaŕan, śvec ĺiśińďaŕan,
— Uĺćava jutan, oc čačyχť ńejan,
— Pandalga jutan, čudi väď kośťan,
— Lugava—potom ťikšyś a kasă,
— Pakśava—potom śuryś a čačă,
— Mon viŕga jutan, načka čuft kośťan. —
Koda čačykšnyś Lušaś, śvec ĺiśńiś,
Lušaś čačykšnyś, son udalakšnyś,
Makyń loṕeńeť Lušań paťanza,
Maka ťvetťeńeť Lušań rućanza,
Capam' lofcèsa lopańńisyńžä,
Lambamysa son jovaŕisyńžä.
Kulum' urmasa Luša urmakać.
— Kulan, ťaťakaj, juman, goŕmakaj,
— Iḿičyń čysta, Škaj Pazyń čysta,

— Матушкѣ я скажу: ты старая сука.
— Когда я рожусь, когда выйду на свѣтъ,
— Я пройду по улицѣ, увижу новорожденныхъ,
— Я пройду по задворкамъ, высушу текущую воду,
— По лугу—потомъ трава не будетъ расти,
— По полю—потомъ хлѣбъ не уродится,
— Я пройду по лѣсу, высушу сырыя деревья.—
Когда родилась Луша, вышла на свѣтъ,
Луша родилась, она удалась,
Какъ маковые листки Лушины рубашки,
Какъ маковые цвѣточки Лушины руци,
Въ кисломъ молокѣ она ихъ выстираетъ,
Прѣснымъ она ихъ всполоснетъ.
Смертною болѣзнью Луша заболѣла.
— Я умру, батюшка, я погибну, кормилецъ,
— Въ день Пасхи, въ день Шкай-Паса,

— Obeďńada mon ikiľä kulan,
— Zavytyŕńada mon ńäjľä kulan.
— Kandylast ťäjiť do syŕä ṕičyń,
— Do syŕä ṕičyń, ṕičä šädĭjiń,
— Bokaťńiń, aŭkaj, valyŋ̌k ṕižysa.
— Laŋgaksyńť valyŋ̌k, aŭkaj, šijasa.
— Iľińiź kalma, aŭkaj, kalmazyrc,
— Kalmaḿiź, aŭkaj, tyń pokš ki čyŕis,
— Pokš ki čyŕis do, syŕä tumyńť ṕŕas. —

№ 14.

Maštyť, avakaj, ťŕamyn vanumyn,
Äźiť mašt, aŭkaj, maksmyn čyjamyn.
Maksyḿik, aŭkaj, vornėń tatarnyń,
Vornėń tatarnyń dušagubićńiń.

— Я умру передъ обѣдней,
— Я умру послѣ заутрени.
— Гробъ сдѣлаютъ изъ старой сосны,
— Изъ старой сосны, изъ сердцевины сосны,
— Бока его, матушка, засыпьте мѣдными деньгами,
— Верхъ его, матушка, засыпьте серебряными деньгами.
— Не хороните меня, матушка, на кладбищѣ,
— Похороните меня, матушка, около большой дороги,
— Около большой дороги, на старомъ дубѣ.

Ср. Сухокарб. № , но окончаніе здѣсь иное; ср. пѣсню о Кемельтѣ № .

Умѣла ты, матушка, вскормить и воспитать меня,
Не сумѣла ты, матушка, выдать меня и просватать меня.
Ты отдала меня, матушка, за вора татарина,
За вора татарина, душегубца.

Vaj, lomań ojmaź tujiť salama,
Lomań śťamškańa syń salamsta syť.
Vaj, koľeŋkava ṕiľǵist rudazuft,
Vaj, karksamńiva synct paľińist načk,
Ќäńiŕ pakaŕga ķeďest väŕijńiť.
— Vaj, śťaka, Kaťa, śťaka, Kaťuša,
— Vaj, źara para mon tońäť tujiń.
— Äśťäń tujiń mon kaŕej alaša,
— Tońäť tujiń mon ńiľiva paľa,
— Eščo tujiń ťäť kotova ruća,
— A eščo tujiń čoľďeŕďä paŋga.
— Kaŕej alašaś toń ťiŕiń ťätkať,
— Ńiľiva paľaś toń sajiń uŕkať,
— Kotova rućaś toža son soŋža,
— Čoľďeŕďä paŋgyś toń škiń ťŕiń aŋkať.
— Ṕäčkińä ťäťäť, Kaťa, polòk laŋks,

Ой, когда люди отдыхаютъ, они идутъ красть,
Въ то время, когда люди встаютъ, они приходятъ съ кражи.
Ой, по колѣна ноги ихъ грязны,
Ой, по поясъ ихъ рубашки мокры,
По локоть руки ихъ въ крови.
— Ой, встань-ка, Катя, встань-ка, Катюша,
— Ой, сколько добра я привезъ тебѣ.
— Себѣ привелъ я карюю лошадь,
— Тебѣ я привезъ рубашку въ четыре вышивки,
— Еще я тебѣ привезъ руцю въ шесть круживъ,
— А еще я привезъ шумящій шелыганъ.
— Карюю лошадь—твоего кормильца отца,
— Рубашка въ четыре вышивки—твоей снохи,
— Руця въ шесть круживъ—также ея,
— Шумящій шелыганъ—твоей кормилицы матери.
— Я зарѣзалъ, Катя, твоего отца на полатяхъ,

— Ṕäčkińä avaťˌ Kaťa, ṕećka laŋks,
— Ṕäčkińä ľäľäťˌ Kaťa, acam laŋks,
— Ṕäčkińä uŕkaťˌ Kaťa, potmar laŋks,
— A äχńiń kadyń, Kaťa, końek laŋks. —
Koda aščyś son, Kaťa, urakać,
Vačkyďińʒä son kafty ķeďńenʒa,
Puvyrdyńʒä son ķämiń surnynʒa.
Čamań käľis son śäľväďˌ valyźä.
— Vaj, ṁäśťˌ polaj, vaj, ton iśťa ťäjńiťˌ?
— Vaj, ṁäźńiń, polaj, ton roďńan ṕäčkiťˌ?

№ 15.

Pakśa pakśińä, pakśa pakśaška,
Pakśańť kunčkasa gubyr ťiŕińä,
Gubyryńť ṕŕasa ṕiży luǵińä,

— Я зарѣзалъ, Катя, твою мать на печкѣ,
— Я зарѣзалъ, Катя, твоего брата на постелѣ,
— Я зарѣзалъ, Катя, твою сноху на подволокѣ,
— А дѣтей оставилъ, Катя, на коникѣ. —
Какъ стояла она, Катя, вскрикнула,
Всплеснула она обѣими руками,
Сжала она свои десять пальчиковъ,
Облила ее слеза во всю ширину ея лица.
— Ой, зачѣмъ, муженёкъ, ты такъ сдѣлалъ?
— Ой, зачѣмъ, муженёкъ, ты зарѣзалъ моихъ родныхъ?

Ср. *Обр. морд. нар. сл.* I, № IX и Paasonen, Proben I, № XLV.

Поле, полечко, поле съ поле,
Посреди поля верхушка бугра,
На верху бугра зеленая лужайка,

Lugańť kunčkasa ašy kiľijńä,
Ќiľijńiń́ť alga śija ѵäď čudä.
Koų moľä ѵädťiś, koų ǯuďä syѓńiś?
Moѓaų soń moľä, moѓaų son ǯudä.
Moѓa moѓeńä, moѓa moѓaška,
Moѓańť kunčkasa sudnat karaƀťat,
Moѓa čyѓisa ťri polkyń saldatt.
Ѵäśij saldatnä, syń šuťiť päjďiť,
Eѓǯäń saldatyś apäjďä šuťä.
Sońć polkovńikiś ńejźä ŕädťiźä.
— Ќäks ton, saldatyś, a šuťat päjďat
— I kuva jakat jala ńeľaftat,
— I kuva jakat jala avaŕďat?—
— Ńeľǯa, tošna moń, goŕa sajiń́iń,
— Čačy storonaų mon bu moľevѵľeń,
— Čačy storonaų mon bu tujivѵľiń. —

Посреди луга бѣлая березка,
Подъ березкой течетъ серебристая рѣка.
Куда идетъ рѣка, куда течетъ золотая?
Она идетъ въ море, она течетъ въ море.
Море, моречко, море съ море,
Посреди моря суда и корабли,
На берегу моря три полка солдатъ.
Всѣ солдаты шутятъ смѣются,
Эрзякъ солдатъ не смѣется, не шутитъ.
Самъ полковникъ увидѣлъ его и замѣтилъ.
— Отчего ты, солдатъ, не шутишь не смѣешься
— И куда ни ходишь всё печалишься,
— И куда ни ходишь всё плачешь? —
— Нельзя, меня охватила тоска горе,
— Я пошелъ бы на родную сторону,
— Я ушелъ бы на родную сторону. —

— A tujivat ton čačy mastyruṇ,
— Mastyryń ǵälis čudi väď čudä,
— Mäńiľiń ǵälis paly tol balä. —
— Už tolėńť väľkska ľiťtäź mon ľiťtan,
— A vädińť äzga ujiź mon ujan,
— Ita tujan ža čačy storonaṇ. —

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасіи Кожайкиной.

№ 16.

Ravyń tombaľä kukuft kukyrdyť,
Ravyń tombaľä ćokoft ćokȯrdėť.
Kukuft kukyrdyť, sokamda ḿeŕeť,
Ćokoft ćokȯrdėť, izamda ḿeŕeť.
Ravyń ďeŕekka odʒora jakä.

— Не можешь ты уйти на родную землю,
— По землѣ течетъ текучая рѣка,
— По небу горитъ горящій огонь.—
— Ужъ я полечу леткомъ надъ огнемъ,
— Ужъ я переплыву плавкомъ черезъ рѣку,
— И все таки уйду на родную сторону. —

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, №№ II, XVI, LIX. У Paasonen, Proben, I, № XVIII. Сухокарб. ниже.

На той сторонѣ Волги кукуютъ кукушки,
На той сторонѣ Волги поютъ соловьи.
Кукушки кукуютъ, велятъ пахать,
Соловьи поютъ, велятъ бороновать.
По берегу Волги ходитъ юноша.

— Mäśť jakat pakat, ćora paryčy?
— Lomaťť ńej purnyť sokat izamyt,
— Lomaťť ńej syrģiť śury vidiṁä. —
Ćora karčyzyst ṁeŕä išťaña:
— Mon ṁäjsy moľan pakśaų sokama,
— Mäjsy mon syrgan śury vidiṁä?
— Araś kiľďams moń pary rakšyńiṁ,
— Araś povòďems a moń ľišṁiṁiṁ. —
Kuduų-gauų son ćoraś moľekšńeś,
Polanʒa maṛta ćoraś koṛtakšnyś,
Jalganʒa maṛta Aṅďamś dumakšnyś.
— Kukuťńä ṁeŕeť a syń sokamda,
— Ćokoťńä koṛtèť syń izamyda.
— Mon ṁäjsa moľan pakśaų sokama?
— Mon ṁäjsa moľan pakśaų izama?
— Araś kiľďams moń para rakšyńiṁ,

— Что ты ходишь, гуляешь, почтенный?
— Люди теперь собираютъ сохи бороны,
— Люди теперь собираются сѣять хлѣбъ. —
Имъ на это отвѣчаетъ мужикъ такъ:
— На чемъ пахать я поѣду въ поле,
— На чемъ я соберусь сѣять хлѣбъ?
— У меня нѣтъ на запряжку хорошей лошади,
— У меня нѣтъ на запряжку коня. —
Домой пошелъ мужикъ,
Съ женой мужикъ поговорилъ,
Съ подругой Андямъ посовѣтовался.
— Кукушки заставляютъ пахать,
— Соловьи заставляютъ бороновать.
— На чемъ пахать я поѣду въ поле?
— На чемъ бороновать я поѣду въ поле?
— У меня нѣтъ на запряжку хорошей лошади,

— Araś povȯďems a moń ľišḿińiḿ.—
Polaza ḿeŕä ćorańť' iśťańa,
Jalgaza ḿeŕä Ańďamyńť' iśťa:
— Ťäťkaťi kiľďiḱ ton, polaj, sokama,
— Aų̯kaťi kiľďiḱ ton, polaj, izama.
— Ťäťkaťi ponak a ton kšnań lokša,
— Aų̯kaťi ponak ton ľäńģiń lokša. —
Son kiľďakšnyźä ťiŕiń ťäťkanʒa,
Povȯďekšnėźä šḱiń-ďŕiń aų̯kanʒa.
Vaj, gubyr bokas pajiza satyć.
— Vaj, nono-nono, ťiŕiń ťäťkakaj!
— Vaj, nono-nono, šḱiń-ďŕiń aų̯kakaj!—
Vaj, kuźi kuźä ťäťkaś, pupyŕďä,
Vaj, moľi moľä aų̯kaś, pupyŕďä,
Vaj, kaų̯kśť vačkyťcy ťiŕiń ťäťkanʒa,
Vaj, ŕäśť vačkyťcy šḱiń-ďŕiń aų̯kanʒa.

— У меня нѣтъ на запряжку коня. —
Жена его говоритъ мужику такъ,
Подруга его говоритъ Андяму такъ:
— Отца своего запряги ты, муженёкъ, пахать,
— Мать свою запряги ты, муженёкъ, бороновать.
— Для отца свей ременный кнутъ,
— Для матери свей ты кнутъ изъ лыка. —
Онъ запрягъ кормильца отца,
Заложилъ кормилицу мать.
Ой, загонъ его идетъ по склону бугра.
— Ой, ноно-ноно, кормилецъ батюшка!
— Ой, ноно-ноно, кормилица матушка! —
Ой, лѣзетъ лѣзетъ отецъ, спотыкается,
Ой, идетъ идетъ мать, спотыкается.
Ой, два раза ударитъ онъ кормильца отца,
Ой, одинъ разъ ударитъ онъ кормилицу мать.

Ќijava jutä viška Kaťuša,
Ṕävanʒa moľä kumać rućinä.
— Vaj, Boχ pomoč ťäť, a ton odʒora. —
— Uš i paśiba, viška Kaťuša. —
— Ḿäźiń ṕŕän̨ńis ton, odʒora, kundyť:
— Ťäťkasa sokaź śuryś ačačä,
— Aukasa izaź Pazyś amaksä. —
Vačkyć odʒoraś kafta ked'ńenʒa,
Purdyńʒä käńiń ćoraś surnynʒa,
Ṕäŕgaftyźä son ťiŕiń ťäťkanʒa,
Vaj, ṕäŕgaftyźä škiń-d'ŕiń aukanʒa,
Kuduų gauų synct ćoraś noldėńʒä.
D'ikyj alaša ćoraś väšńikšnyś,
D'ikyj skoťena ćoraś mujikšnyś,
Pulyzynʒa son polaňť śulńiźä,
D'ikyj alašaňť śťeṕeų noldėźä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина.

По дорогѣ проходитъ маленькая Катюша,
По конецъ его загона идетъ красная рубашечка.
— Ой, Богъ помочь тебѣ, молодецъ. —
— Ужъ и спасибо, маленькая Катюша. —
— Что это тебѣ взбрело, парень, на умъ:
— Если пахать на отцѣ, хлѣбъ не родится,
— Если бороновать на матери, Богъ не даетъ. —
Всплеснулъ парень обѣими руками,
Сжалъ парень свои десять пальцевъ,
Выпрягъ онъ кормильца отца,
Ой, выпрягъ онъ кормилицу мать.
Пустилъ ихъ мужикъ домой.
Дикую лошадь отыскалъ мужикъ,
Дикую скотину нашелъ мужикъ,
Къ хвосту ея привязалъ онъ жену,
Дикую лошадь пустилъ онъ въ степь.

№ 17.

Ravuń tombaľä kukuft kukyrdyť,
Ravuń tombaľä ćokoft ćokórdéť.
Kukuft kukyrdyť, sokamda ḿeŕeť,
Ćokoft ćokórdéť, vidïḿdï ḿeŕeť.
Rau̯ grajga jaǩä pary odʒ̯ora,
Ružyjaza soń laftylaŋksynʒa,
Ṕŕistaľetaza ked'gyrgasynʒa.
Odʒ̯oraś jaǩä, utkińiť ľeďńä.
Karčyvastyźä syŕ' aťa pokščaj:
— Lomaťť ńej, ćoram, i soǩeť vídït,
— A ton ḿeks, ćoram, a sokat vídat,
— A ton ḿeks, ćoram, uťkińiť čau̯nat?—
— Moń araś rakšäś sokańťi kiľďams,
— Araś povóďems moń izamyńťi. —
— Sokańťi kiľďik ton ďiŕiń ďäťäť,

На той сторонѣ Волги кукуютъ кукушки,
На той сторонѣ Волги поютъ соловьи.
Кукушки кукуютъ, велятъ пахать,
Соловьи поютъ, велятъ сѣять.
По берегу Волги ходитъ славный юноша,
Ружье его у него на плечѣ,
Пистолетъ его у него въ рукѣ.
Юноша ходитъ, стрѣляетъ уточекъ.
На встрѣчу ему вышелъ старый старикъ, дѣдушка:
— Люди теперь, сынъ мой, и пашутъ и сѣютъ,
— А ты, сынъ мой, отчего не пашешь и не сѣешь,
— А ты, сынъ мой, отчего бьешь уточекъ? —
— У меня нѣтъ лошади на запряжку въ соху,
— Нѣтъ на запряжку въ борону. —
— Въ соху запряги своего кормильца батюшку,

— A izamyńťi toń škińiń avaťˊ.
— Ńiľikst vačkydïkˊ toń ďiŕiń ďäťäńťˊ,
— Kolmókst vačkydïkˊ toń škińiń avańťˊ. —
Ќijava jutä mazyj Kaťuša,
Ѵiška Kaťińä, kumać rućińä.
— A i Boγ pomoč tońďäťˊ, odʒora. —
— A i paśiba, mazyj Kaťuša. —
— Ťäťasyńťˊ sokat, śuryś ačačä,
— Aukasyńťˊ izat, Pazyś amaksä. —
Sójeśťˊ sajiźi mazyj Kaťadyńťˊ,
Ṕäŕgaftyźä son ďiŕiń ďätanʒa,
Ṕäŕgaftyźä son škińiń avanʒa.

Записано въ августѣ 1906 года отъ крестьянки д. Косолаповки (Яруги) Евдокимовой (Бажаевой).

— А въ борону свою кормилицу мать.
— Четыре раза ударь своего кормильца батюшку,
— Три раза ударь свою кормилицу мать. —
По дорогѣ проходитъ хорошенькая Катюша,
Маленькая Катюша, кумачевая руценька.
— А и Богъ тебѣ въ помощь, парень. —
— А и спасибо, хорошенькая Катюша. —
— Пашешь на отцѣ, не родится хлѣбъ,
— Боронуешь на матери, Богъ не дастъ. —
Зазрѣла его совѣсть передъ хорошенькой Катей,
Отпрягъ онъ кормильца отца,
Отпрягъ онъ кормилицу мать.

№ 18.

Сука сука сон Трямань Палага,
Дурак сука сон Трямань Палага,
Ков тяить, Поля, сон чачы прявьнит,
Ков тяить, Поля, сон касы прявьнит?
— Кулан, тятякай, юман горьмакай,
— Иничынь чыста, Шкай Пазынь чыста. —
— Вай, иля кула, Поля дочакай,
— Вай, иля кула, Поля корьмакай.
— Монь колма пичынь кудын, доченемь,
— Любовэй кудысь тонять улиза. —
— Вай, палы пожар, тятяй, пултыньзя,
— Кулан, тятякай,

и т. д.

— Монь колма пирить сюра, доченемь,
— Любовэй пирись тонять улиза. —

Сука сука она Трямова Палаша,
Глупая сука она Трямова Палаша.
Куда дѣла ты, Поля, природный свой умъ,
Куда дѣла ты, Поля, взрощенный свой умъ?
— Я умру, батюшка, погибну, кормилецъ,
— На великъ день, на Божій день.—
— Ой, не умирай, Поля доченька,
— Ой, не умирай, Поля кормилица.
— У меня три сосновыхъ дома, моя дочка,
— Любой домъ пусть будетъ тебѣ.—
— Ой, сжигающій пожаръ, батюшка, пусть ихъ [сожжетъ,
— Я умру, батюшка,

и т. д.

— У меня три гумна хлѣба, моя дочка,
— Любое гумно пусть будетъ тебѣ. —

— Вивь вихир сон сюрыт салыньзя,
— Мяниль ёжес сынцт сон кяпидиньзя.
— Кулан, тятякай,

и т. д.

— Вай, иля кула, Поля дочакай,
— Монь колма чельнян, Поля доченемь,
— Любовэй чельнясь тонять улиза. —
— Вялинь цильцихьть сынь няшкит карыньзя.
— Кулан, тятякай,

и т. д.

— Ступай, тятякай, ошень базарув,
— Рамак, тятякай, сырьнинь кандыласт,
— Илить тярьть бабат монь экшелямын,
— Тярьдить, тятякай, оян ялгинин.

Илить тярьть атят калмамс кандумын,
Тярьдить, тятякай, тон одцёратьнинь,

— Сильный вихорь пусть утащитъ твои хлѣба,
— Пусть подниметъ ихъ къ небу.
— Я умру, батюшка,

и т. д.

— Ой, не умирай, Поля дочка,
— У меня три пчельника, Поля дочка,
— Любой пчельникъ пусть будетъ тебѣ. —
— Дятлы пусть прогрызутъ твои улья.
— Я умру, батюшка,

и т. д.

— Ступай, батюшка, на городской базаръ,
— Купи, батюшка, золотой гробъ,
— Не зови бабъ, чтобы мыть меня,
— Позови, батюшка, душенекъ подружекъ.
Не зови стариковъ, чтобы нести хоронить меня,
Позови, батюшка, ты молодыхъ парней,

Илямак калма, тятькай, калмазырц,
Кандуфтумак тон монь покш ки улыс,
Путуфтумак монь, тятькай, килий пряс.

Ютэ покш киява бояр; кучырыза меря: бояр, онэкса казна вандылдэ. — Быдя, меря, казна, тонять улиза, а быдя кандыласт, монянь улист. — Пачкыцьть да сынь килиниьть виц. Мязя ванцызь? Тоса кандыласт. Валфтызь кандыласнынь да сынь мастырув. Ванцызь: тоса красавица Поляша. Таргизя боярысь Поляшань суркъсынъа и мерьць: ставай, Поляша, будит долга спать; ставай, Поляша, что ты долга спишь! Куды, Поляша, на фатер зайдём? — Иди, барин, к родному отцу. — Вай, марясый Полянь тятяза, ортаза сонъа чыкыргаць. Мязя ванцый Полянь тятяза? Кардайсынъа тройка алаша, кибиткаса озада Поля дочаза. А вачкыдиньъя кафта кеденъа, пувырдиньъя кяминь сурынъа.—

Не хорони меня, батюшка, на кладбищѣ,
Вели отнести меня на перекрестокъ большой дороги,
Вели положить меня, батюшка, на вершину березы.

Проѣзжаетъ по большой дорогѣ баринъ; кучеръ его говоритъ: баринъ, вонъ гдѣ кладъ свѣтится. — Если, говоритъ, это казна, пусть будетъ тебѣ, а если гробъ, пусть будетъ мнѣ. — Подъѣзжаютъ они къ березѣ. Что видятъ? Тамъ гробъ. Опустили они гробъ на землю. Видятъ: тамъ красавица Пелагея. Дернулъ баринъ Пелагеино колечко и сказалъ: вставай, Пелагея, будетъ долго спать; вставай, Пелагея, что ты долго спишь! Куда, Пелагея, мы зайдемъ на фатеру? — Иди, баринъ, къ родному отцу. — Ой, услышалъ Пелагеинъ отецъ, ворота его скрыпнули. Что видитъ Пелагеинъ отецъ? На дворѣ у него тройка лошадей, въ кибиткѣ сидитъ Пелагея дочь его. И всплеснулъ онъ обѣими руками,

Вай, мясьть тяйнят истя, Поля доченемь, истякак тонь лаца уливиль, Поля доченемь.

Записано І. Цыбинымъ.

№ 19.

Ťäťazy čav' źä, ќäńkška jordėźä,
Avazy čav' źä, uľćaų jordėźä.
Vačkyć ǵŕešnėjeś kafty ќeďenʒa,
Puvyrdaś ǵŕešnėjś käṁiń zurynʒa:
— Vaj, mon ṁäś ťińan ǵŕešnėjś, koų moľan,
— Mon goda ťäjan śudufś, koų dujan?
— Mon uży ṃoľan dy pokš paťkańiń.
— Pokš paťakaj ton bojaravakaj,
— Ton andykaja vačy päkińiṁ,
— Ton orčėkaja štapy laŋǵińiṁ. —

сжалъ свои десять пальцевъ. — Ой, зачѣмъ ты такъ дѣлаешь, Поля дочка моя, и такъ было бы по твоему, Поля дочь моя.

Ср. Сухокарб. № 12 и Обр. морд. нар. сл. I № XXXIV. Но окончаніе здѣсь иное, взятое изъ пѣсни о Кеменьти. (Сухокарб. № 17).

Отецъ его побилъ, выкинулъ черезъ дверь,
Мать его побила, выкинула на улицу.
Всплеснулъ несчастный обѣими руками,
Сжалъ несчастный свои десять пальцевъ:
— Ой, что я буду дѣлать несчастный, куда пойду,
— Какъ я буду дѣлать проклятый, куда уйду?
— Ужъ я пойду къ старшей сестрицѣ.
— Старшая сестрица ты, барыня,
— Накорми-ка мой голодной животикъ,
— Одѣнь-ка мое голое тѣльце. —

— Uχiń duǵińiń, ǵŕešnėjś jalakskiń,
— Toń ajanduv̆ä vačy ṕäkińit,
— Toń aorčav̆ä štapy laŋǵińit.
— Blagyj buŕǵińä a moń aťafym,
— Moń ʙićі jondyl a moń avafym. —
Vačkyć ǵŕešnėjeś kafty ķeďenʒa.
— Vaj, mon ḿäś ťińan ǵŕešnėjś, koų moľan?
— Mon užy moľan jutksy paťkańiń.
— Jutksy paťakaj, bojaravakaj,
— Ton andykaja vačy ṕäkińiń,
— Ton orčėkaja štapy laŋǵińiń. —
— Uχiń duǵińiń, ǵŕešnėjś jalakskiń,
— Toń a janduv̆ä vačy ṕäkińit,
— Toń a orčav̆ä štapy laŋǵińit. —
— Blagyj v̆äďńi prok a moń avafym,
— Blagyj buŕa prok a moń aťafym. —

— Охъ, братишка, несчастный братецъ,
— Не накормить твоего голоднаго животика,
— Не одѣть твоего голаго тѣльца.
— Злой громъ — мой свёкоръ,
— Жгучая молнія — моя свекровь. —
Всплеснулъ несчастный обѣими руками:
— Ой, что я буду дѣлать несчастный, куда пойду?
— Ужъ я пойду къ средней сестрицѣ.
— Средняя сестрица, барыня,
— Накорми-ка мой голодный животикъ,
— Одѣнь-ка мое голое тѣльце. —
— Охъ, братишка, несчастный братецъ,
— Не накормить твоего голоднаго животика,
— Не одѣть твоего голаго тѣльца. —
— Моя свекровь будто злая рѣчка,
— Мой свекоръ будто злая буря. —

Vačkyć ǵrešnėjeś kafty ked'enza.
— Vaj, mon ńäšť tińan ǵrešnėjś, koŋ moľan?
— Mon uży moľan v'eżėńć paťańiń.
— V'eżėńć paťakaj, bojaravakaj!
— Ton orčėkaja štapy laŋǵińiń,
— Ton andykaja vačy ṕäkińiń. —
— Uχ'iń, duǵińiń, ǵrešnėjś jalakśkiń,
— Toń mon orčasa štapa laŋǵińit,
— Anca mon doń dy vačy ṕäkińit:
— Sätńä v'äďńä prok a moń avafym. —
Suvaftyź'ä son ǵrešnėjńť kuduŋ žiŋ,
Andyź'ä sonzy vačy ṕäkinza,
Orčėź'ä ǵrešnėjńť štapy laŋgynza.
Lomańčkasta son ǵrešnėjńť kastyź'ä.
Službań ǵińiŋ son ǵrešnėjś tujikšńiś,
Nuždań žińiŋ son ǵrešnėjś javykšnyś,

Всплеснулъ несчастный обѣими руками.
— Ой, что я буду дѣлать несчастный, куда пойду?
— Ужъ я пойду къ младшей сестрицѣ.
— Младшая сестрица, барыня!
— Одѣнь-ка мое голое тѣльце,
— Накорми-ка мой голодный животикъ. —
— Охъ, братишка, несчастный братецъ,
— Я одѣну твое голое тѣльце,
— Я накормлю твой голодный животикъ:
— Моя свекровь будто тихая рѣчка. —
Она ввела несчастнаго въ домъ,
Накормила его голодный животикъ,
Одѣла голое тѣльце несчастнаго.
Выростила она несчастнаго съ человѣка.
По служебной дорожкѣ пошелъ несчастный,
Въ нужду ушелъ несчастный,

Pakśa kunčkas son ǵŕešnėjś kulykšnyś,
Ṕiṅikula dy ǵŕešnėjńť kulyza,
Latky čama dy ǵŕešnėjńť kalmyza.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

№ 20.

Ťäχťiŕiś para Śiľäń Oŕena,
Täχťiŕiś vaďŕa Śiľäń Oŕena.
Jakä kotasa Oŕa ćulkasa,
Ńiľiva targań Oŕa paľasa,
Kota kružuva kumać rućasa.
Véŕeť alyt paṛt Śiľäń oṛtanza,
Muravľinyjńiχť oṛta stolbanza,
Jarmakyń ṕižyń oṛta eskėnza.
Obóz ľiś' äzgast, obóst provóžėť.

Среди поля умеръ несчастный,
Собачья смерть — смерть несчастнаго,
Склонъ оврага — могила несчастнаго.

Хорошая дѣвушка Силантьева Орина,
Добрая дѣвушка Силантьева Орина.
Орина ходитъ въ сапогахъ и чулкахъ,
Орина въ рубашкѣ въ четыре вышивки,
Въ кумачевой руцѣ въ шесть кружевъ.
Верхнія и нижнія Силантьевы ворота хороши,
Воротніе столбы муравленные,
Воротніе гвозди изъ мѣди.
Изъ нихъ выѣзжаетъ обозъ, обозъ провожаютъ.

Ṕeŕvėj izvošček mazyj Śemuša,
Śiśiń laŋksa ńeĸ Śema śkamyŋza,
Śiśiṁńist śivyχt Śemań rakšaŋza,
Ḿerluškań čuba Śemań laŋksyŋza,
Ṕižä kušakĸä Śemań ṕäŕťkaŋza,
Surks kuďŕińiť a Śemań kuďŕaŋza,
Ḿerluškań čapka Śemań ṕŕasyŋza,
Garmońejat dy Śemań kecėŋza.

№ 21.

Vaj, bary para Šatĸinań bakśaś,
Vaj, śeďi para Šatĸinań bakśaś,
Vaj, bĺiďaks aščä Šatĸinań bakśaś,
Vaj, judmaks ašči pakśa latkyŋza,
Vaj, žulmyń žulmyń pakśa vädńiŋza,

Первый извозчикъ красивый Сёмуша,
На семи лошадяхъ Сёмуша только одинъ,
Всѣ семь лошадей Семёна сивыя,
На Семенѣ шуба мерлушковая,
На Семенѣ зеленый кушачекъ,
Кудри Семена колечиками кудряшки,
На головѣ у Семена мерлушковая шапка,
Въ рукахъ у Семена гармонія.

Ой, хорошо, хорошо Шаткинское поле,
Ой, очень хорошо Шаткинское поле,
Ой, какъ блюдечко лежитъ Шаткинское поле,
Ой, какъ ночовки лежатъ его полевые овраги,
Ой, какъ узлы его полевые ручейки,

Vaj, bižyń zuŕćam pakśa v́iŕńinʒa,
Vaj, nučkań baŕćiχt v́idiń ź́urynʒa,
Vaj, dargań baŕćiχt uma ḿeżėnʒa.
Obľozoų bojar pakśavańt jakä,
Ḱiśka bojaryś äźganʒy jakä.
Napadäś zloďej bojar pakśäńt laŋks
I χočėt pakśäńt son ńäľǵiḿinʒa,
Äśtänʒa pakśäńt dy sajiḿinʒa.
A jalgaza dy bojaryńt uľńiś
Ṕijanʒań ćora, para odʒora.
Śiśiḿ väľiń son golava uľńiś,
Śesty son uľńiś v́idä sudïja:
I son väľińti ćoraś kadykšnyś
Śiśiḿ kudys śon ańćak v́ä uźiŕ,
A syŕiń syŕit ćoraś atätńiń,
V́äśij Ćibiŕiụ ćoraś pańiźä,

Ой, какъ мѣдный гребень его полевые лѣски,
Ой, какъ согнутый шелкъ его посѣянные хлѣба,
Ой, какъ протянутый шелкъ межи его загона.
Облязовъ баринъ ходитъ по полю,
Собака баринъ ходитъ по нему.
Напалъ злодѣй баринъ на поле,
И хочетъ онъ захватить это поле,
Себѣ взять это поле.
А у барина былъ другъ
Піянзенскій мужикъ, добрый парень.
Онъ былъ головой надъ семью селами,
Тогда онъ былъ праведнымъ судьей:
И онъ оставилъ селу
Всего одинъ топоръ на семь домовъ,
А самыхъ старыхъ стариковъ,
Всѣхъ онъ погналъ въ Сибирь,

A odʒoraťńiń, vášij ćoraťńiń,
Oc počéŕńeź son dy už sakalnyń,
Váśij saldatyks ćoraś naryńʒä.
Śesta ľiśńiś son dy karčyzynʒa
Ťumań ćora dy para odʒora,
Golavańť kak dy sonʒa käďinʒa
Ťumań odʒoraś trupkom vatkiźä.

№ 22.

Vaj, véŕga ľiftiť ǵigań bolk,
Vaj, alga moľeť saldat polk.
Ǵigaťńi ľiftiť, ǵigakśńiť,
Saldatny moľeť, avaŕďiť.
Koľeŋkava śyń väďńiva,
Karks víďga paľast rudazuft,
Ǩäńiŕ bakaŕga čéḿeńeft.

А парней, всѣхъ мужиковъ, —
(У которыхъ) только что выросли бороды, —
Всѣхъ обрилъ онъ въ солдаты.
Тогда вышелъ ему навстрѣчу
Тимоѳеевъ сынъ, добрый парень,
И у головы его кожу
Тимоѳеевъ сынъ сверткомъ содралъ.

Ой, по верху летитъ полкъ гусей,
По низу ходитъ полкъ солдатъ.
Гуси летятъ, гогочутъ,
Солдаты идутъ, плачутъ.
По колѣна они въ водицѣ,
По поясъ рубашки ихъ грязны,
По локоть они заржавленные.

Ružyjast moľeť ćildyrχca,
Palažast moľeť čoľďeŕfca.
Užydy, ǵigat, užyda!
Lotkady, galat, lotkada!
Ojmaftyŋ́k, ǵigat, laṕińiŋ́k,
Lapaṕäńisa tolgėńeŋ́k.
— Kona storònań, ǵigaťńä?
— Kona ujezdėń, galaťńä? —
— Ṕenzań guběŕńäń, saldatnä,
— Ṕenzań ujezdėń, saldatnä. —
— Äźiŋ́k ńek, ǵigat, äźiŋ́k ńek,
— Moń ďäťan avan äźiŋ́k ńek?
— Moń zajiń jalgam äźiŋ́k ńek?
— Moń äjdïn kakšyn äźiŋ́k ńek? —
— Nejeńek, saldatt, ńejeńek:
— Toń ďäťkat aŋkat, syń jarcyť,

Ружья ихъ идутъ съ блескомъ,
Палаши ихъ идутъ съ грохотомъ.
Подождите, гуси, подождите!
Подождите, гуси, подождите!
Дайте, гуси, отдохнуть вашимъ крылушкамъ,
Вашимъ перушкамъ на концахъ крыльевъ.
— Съ какой стороны вы, гуси?
— Изъ какого уѣзда вы, гуси? —
— Изъ Пензенской губерніи, солдаты, —
— Изъ Пензенскаго уѣзда, солдаты.
— Не видѣли ли вы, гуси, не видѣли ли,
— Моихъ родителей не видѣли ли?
— Мою супругу видѣли ли?
— Моихъ дѣтей видѣли ли? —
— Мы видѣли, солдаты, видѣли:
— Твои родители, они кушаютъ,

— Toń ṕiży ťakat avaŕďiť,
— Toń zajiń jalgat, son burnă,
— Lytkat dy latkat laŋksyŋza,
— Sumań prakstat dy ṕŕasyŋza.—
Vačkyć saldatyś ķeďenza,
Puvyrdaś kăńiń surynza.
— Už mon ńăś ťiňan, koŋ moľan?
— Ťe službaňť maŗta ńevoľaňť
— Pokš nuža ńejeť moń ťakan,
— Pokš goŕa ṕŕińă moń jalgam;
— A janduvíť ťäst äś ṕŕińist,
— A orčavíť ťäst äś laŋgyst. —

Записано въ августѣ 1905 года отъ кр-ки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

— Твои малыя дѣти плачутъ,
— Твоя супруга, она собираетъ,
— На тѣлѣ ея лохмотья,
— На головѣ ея онучи. —
Всплеснулъ солдатъ своими руками,
Сжалъ свои десять пальцевъ.
— Ужъ что я сдѣлаю, куда пойду?
— Съ этой службой и неволей
— Большую нужду видятъ мои дѣти,
— Большое горе принимаетъ моя подруга;
— Не прокормятъ они своихъ головушекъ,
— Не одѣнутъ они себя. —

№ 23.

Vaj, veŕga ľiŕtiť galań bolk,
Vaj, alga moľeť saldat polk.
Galaťńä ľiŕtiť, ģigakśńiť.
Saldatnä moľeť, aváŕdiť.
Ružyjast moľeť kaľďiŕfca,
Śäľvädist moľeť poľďeŕfca,
A ķeḿbŕast moľeť, vandylftyť,
Kočkaŕast moľeť, čykyrdyť.
— Užydy, galat, užyda!
— Konaų mastyruų moľďada?
— Konaų ujezdoų moľďada?
— A tyń ojmaftyŋ̀k laṕińiŋ̀k! —
— Ṕenzań mastyruų moľďana,
— Ṕenzań ujezdoų moľďana. —
— Joftady lamy pozdòròft:

Ой, по верху летитъ полкъ гусей,
Ой, по низу идетъ полкъ солдатъ.
Гуси летятъ, гогочутъ,
Солдаты идутъ, плачутъ.
Ружья ихъ идутъ съ грохотомъ,
Слезы ихъ идутъ капая,
А носки сапогъ идутъ, свѣтятся,
Пятки ихъ идутъ со скрипомъ.
— Подождите, гуси, подождите!
— Въ которую землю вы идете?
— Въ который уѣздъ вы идете?
— А вы дайте отдохнуть вашимъ крыльямъ! —
— Мы идемъ въ Пензенскую землю,
— Мы идемъ въ Понзенскій уѣздъ. —
— Передайте много поклоновъ:

— Tosy moń uľi ťŕiń ďaťam,
— Eščo uľi moń škiń avam.
— Ťaťkam kučyza ťäń jarmakt,
— Kučyza kolmy colkóvójχť.
— Laŋgyzyn paľam moń araś,
— Piľǵizyn ķeḿen moń araśť.
— Paly čys laznuŋś moń ťelam,
— Ḿelka käŋs laznuŋśť moń piľǵin,
— Kučyza aŋkam, kučyza
— Son mońäń kolmy arčitt koct;
— Vaj, piľǵizyn moń prakstat ŕeď araśť.—

Записано въ августѣ 1905 года.

№ 24[1]).

Čačuḿńada odʒoraś udalaś,
Kasuḿńada odaľaś ŕeķ paryť.

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующей десять слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго и седьмого слога.

— Тамъ находится мой кормилецъ батюшка,
— Еще находится моя кормилица мать.
— Пусть батюшка мой пришлетъ мнѣ деньги,
— Пусть пришлетъ три цѣлковыхъ.
— На мнѣ нѣтъ рубашки,
— На мои ноги нѣтъ сапогъ.
— Отъ палящаго солнца растрескалось мое тѣло,
— Отъ мелкаго камня растрескались мои ноги,
— Пусть пришлетъ моя матушка, пусть пришлетъ
— Мнѣ три аршина холста;
— Охъ, на мои ноги нѣтъ вѣдь тряпокъ. —

Рожденіемъ парень удался,
Возрастаніемъ молодецъ былъ очень хорошъ.

Ťäťäj ćoraś ťäťansty äź ḿeŕńä,
Avaj aľaś avaŋsty äź bžgaďä.
Ťäťäś śudyś odʒorańť kulumga,
Avaś śudyś odaľańť jumamga.
Kua jaǩä odʒoraś, avaŕďä,
Kua jaǩä odaľaś, ḿeľaftä.
Jaǩä raŋža kuluḿńiś ḿäľganʒa,
Pščy ṕäjiľiś kulumań ǩecėnʒa.
Kuda bokas odaľańť stardyźä.
Śesty ťäťäj täťkanctyj ḿeŕekšńeś,
Śesty avaj avanctyj bžgadĭkšnyś.
— Uχiń, ťäťkaj, ďäťakaj, goŕmakaj,
— Uχiń, aŋkaj, avakaj, dĭŕakaj,
— Jaǩä raŋžy kulumńiś moń ḿäľga,
— Jaǩä raŋžy jumamńiś moń ǵisa.
— Idĭŋkaja tyń ťesta ojḿeńeḿ. —

Отцу своему парень не говоритъ: тятя,
Матери своей молодецъ не говоритъ: мама.
Отецъ клялъ парня до смерти,
Мать кляла молодца до погибели,
Гдѣ ходитъ парень, плачетъ,
Гдѣ ходитъ молодецъ, печалится.
За нимъ ходитъ черная смеретушка,
Острый ножъ въ рукахъ у смерти.
Настигла она молодца на заваленкѣ.
Тогда сказалъ онъ отцу своему: тятя,
Тогда сказалъ онъ матери своей: мама.
— Охъ, тятенька, тятя, кормилецъ,
— Охъ, маменька, мама, кормилица,
— Ходитъ черная смеретушка за мною,
— Ходитъ черная погибель за мною.
— Выручите отсюда мою душеньку. —

Ťäťat avat sońänʒa oťvečeť:
— Konań Bazyś, ćorakaj, butyźä,
— Śeķeń ojńenʒ', iďakaj, zajisca. —

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

№ 25.

Goŕa goŕa Daŕušań goŕalaŋks,
Ṕečaľ ťečaľ Daŕušań ṕečaľlaŋks.
Morgas kulyś Daŕušań babaza,
Goŕas kulyś Daŕušań avaza.
Goŕa goŕa Daŕušań goŕalaŋks,
Ṕečaľ ťečaľ Daŕušań ṕečaľlaŋks.
Ťaťkazy sajś Daŕušań odava,
Goŕa . . . . . .
Ṕečaľ . . . . . .

Отецъ и мать ему отвѣчаютъ:
— Которую Богъ, сынокъ, душу вложилъ,
— У того пусть Онъ, дитятко, возьметъ его душу.—

Горе, горе у Дарьи на горе,
Печаль, печаль у Дарьи на печаль.
Около печки умерла Дарьина бабушка,
Съ горя умерла Дарьина мать.
Горе, горе у Дарьи на горе,
Печаль, печаль у Дарьи на печаль.
Отецъ Дарьинъ взялъ мачеху,
Горе . . . . . .
Печаль . . . . . .

Cokšńä kuvať odavaś aščyťťä,
Ќesak suŕä odavaś ščyŕďiťťä.
Goŕa . . . . . .
Ґečaľ . . . . . .
Valćki rana odavaś son šťaftä
Ґečka sura odavaś čukaftä.
Goŕa . . . . . .
Ґečaľ . . . . . .
Ґiży ťaka odavańť sėŕeďä,
Ѵäń guńčkava Daŕušań šťaftyźä,
Ojḿä ѵäďńis Daŕušań kučyźä.
Goŕa . . . . . .
Ґečaľ . . . . . .
Vačkyć Daŕa son kafty ќedenʒa,
Daŕa ќäḿiń puvyrdaś surynʒa.
—Vaj, ḿäś ťińan, vaj, kozėj mon moľan?
—Kosty sajan mon, kosty ojḿä ѵäď?—

Долго вечеромъ мачеха велитъ сидѣть,
Пятину нитокъ мачеха велитъ прясть.
Горе . . . . . .
Печаль . . . . . .
Утромъ рано мачеха заставляетъ вставать,
Цѣлую печку проса мачеха заставляетъ толочь.
Горе . . . . . .
Печаль . . . . . .
Маленькое дитя мачехино болѣетъ,
Въ серединѣ ночи она разбудила Дярюшу,
За живою водой она послала Дарюшу.
Горя . . . . . .
Печаль . . . . . .
Всплеснула Дарья своими обѣими руками,
Дарья сжала свои десять пальцевъ.
— Ой, что я сдѣлаю, ой, куда я пойду?
— Откуда я возьму живой воды?—

Tukšnyś tukšnyś Daŕušaś kalmylaŋks,
Aŋkań kalmyńť Daŕušaś mujiźä.
Goŕa . . . . . .
Ṕečaľ . . . . . .
— Uχ, avakaj, avakaj, goŕmakaj,
— Uχ, avakaj, avakaj, ďiŕakaj,
— Kosty sajan, avakaj, ojńä väď? —
Čeŕkaźiŋkšnyś dy kalmy kŕostėza,
Ḱäṕiťikšnyś dy moda maryza.
Śťakšnyś tosta Daŕušań avaza,
Surbiŕada Daŕušań kundyźä,
Ojńä väďńis Daŕušań veťeźä.
Kuduŋ gajiŋ Daŕuša kandyźä,
Sėŕeď' äjďińť Daŕuša valyźä,
Son rauža kulymdyńť iďiźä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

Пошла пошла Дарья на кладбище,
Матушкину могилу нашла Дарья.
Горе . . . . . .
Печаль . . . . . .
— Охъ, матушка, матушка, кормилица,
— Охъ, матушка, матушка, кормилица,
— Откуда я возьму, матушка, живой воды? —
Дрогнулъ могильный крестъ,
Поднялся земляной холмъ.
Встала оттуда Дарьина мать,
За концы пальцевъ взяла Дарью,
Повела Дарью къ живой водѣ.
Принесла ее Дарья домой,
Облила Дарья больного ребенка,
Вызволила его отъ черной смерти.

№ 26.

Ṕiŕ' udalga Mašuńa vast v́ăšńä,
V́ăšńiś v́ăšńiś Mašuńa, äśt mujiu̯.
Karčy jonda polanza vastyźä.
— Daj-ka, polaj, ṕiŕińit čau̯śisa. —
Čau̯śiś čau̯śiś, polaza matidiu̯ś.
Targaś ṕäjiľ Mašuńa, čov́eźä,
Polėńenza Mašuńa ṕäčkiźä,
V́iť ṕiľginza Mašuńa jukśńiźä,
V́iť kaŕksynza Mašuńa tarǵiźä,
Polańť kyrgas Mašuńa śulńiźä.
Gubyr bokas Mašuńa uskiźä.
Śeńjon Tatar Mašuńań ńejeźä,
V́äľiń kudys Mašuńań joftėźä.
V́äľiń atat Mašuńań käu̯kśńikšńiź:
— Ton kou̯ t'ajik, Mašuńa, polėńet?—

За гумнами Машенька ищетъ телятъ,
Искала, искала Машенька, не нашлись.
На встрѣчу ей попался мужъ.
— Дай-ка, муженёкъ, я поищу у тебя въ головѣ.—
Искала, искала, мужъ заснулъ.
Вытащила ножъ Машенька, наточила,
Муженечка Машенька зарѣзала,
Свою правую ногу Машенька разула,
Правую обору Машенька вытащила,
Вокругъ шеи Машенька завязала.
Стащила его Машенька на склонъ бугра.
Татаринъ Семёнъ увидѣлъ Машеньку,
Въ общественный домъ про Машеньку заявилъ.
Сельскіе старики спросили Машеньку:
— Ты куда, Машенька, дѣла муженька?—

— Mońć kak azdan, polèńeń ńeť kosa.—
Ńäšńišť ńäšńišť polanʒa, äźiź muk.
Śeńjon Tatar sajińʒä aťätńiń,
Śeńjon Tatar ńeteńʒä aťätńiń.
Vaj, syń mujiź polanʒa Mašuńäń,
Vaj, syń pańiź Mašuńäń Ćibiŕiŭ.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянина с. Оркина В. С. Саюшкина.

№ 27.

Ṕiŕ' udalga Mašuńa vast ńäšńiś,
Ńäšńiś ńäšńiś Mašuńa, äśť mujiŭ.
Polèńenʒa Mašuńa vastyźä.
— Daj-ka, polaj, piŕińit čaŋśisa. —
Caŋśiś čaŋśiś Mašuńa, maťiďiŭś.
Ńiť piĺǵinʒa Mašuńa jukśńiźä,

— Я и сама не знаю, гдѣ мой муженёкъ.—
Искали искали мужа ея, не нашли.
Татаринъ Семёнъ взялъ стариковъ,
Татаринъ Семёнъ повелъ стариковъ.
Ой, они нашли Машенькинаго мужа,
Ой, они погнали Машеньку въ Сибирь.

Ср. прилож. I, № VI.

За гумнами Машенька искала телятъ,
Искала искала Машенька, не нашлись.
Муженёчка Машенька встрѣтила.
— Дай-ка, муженёкъ, я поищу у тебя въ головѣ.—
Искала искала Машенька, онъ заснулъ.
Свою правую ногу Машенька разула,

I kaŕkskinza Mašuńa tarǵiźä,
Polėńenza kyrganza kiľkščyźä.
Targaś päjiľ Mašuńa, čoveźä,
Polėńenza kyrganza käŕiźä.
Beŕek aluų kaŕkskisyńť uskiźä,
Navyz aluų polanza vaľiźä.
Śemon tatar Mašuńäń ńejeźä.
— Iľa jofta, Śemuša, väľińti,
— Lučy mońćeń, Śemuša, čaumak.—
Śesk Mašuńäń Śemuša śulmiźä,
I väľińis Mašuńäń veŕeźä,
I väľińťi Śemuša jońńeźä.

№ 28.

Śišiń godnėť son Kuľa sėŕeľeś,
Acamńä marta Kuľa rovońďaś,

И оборочку Машенька вытащила,
Захлестнула вокругъ шеи муженёчка.
Вытащила Машенька ножикъ, наточила,
Срѣзала шею муженёчка.
Подъ берегъ оборочкой его стащила,
Подъ навозъ своего мужа завалила.
Татаринъ Семёнъ увидѣлъ Машеньку.
— Не говори, Семёнъ, селу,
— Лучше убей меня, Семёнъ. —
Тогда Семёнъ связалъ Машеньку,
И повелъ Машеньку въ деревушку,
И разсказалъ Семёнъ про неё деревушкѣ.

Семь годочковъ Акулина болѣла,
Съ постелью Акулина сровнялась,

Todoŋńä laca Kuľa loftaškać,
Ťaťaj avaj son Kuľa äź ḿeŕńä.
Ṕiŕa ṕäzyŋʒa ťaťkaza ozaś,
Ṕiľǵi ṕäzyŋʒa avaza ozaś.
Vaj, käṕidźä Kuľa ṕiŕanʒa,
Noldaś ṕiľǵinʒa tarka krajńiva.
— Dajka, avakaj, ńiľiva paľam,
— Dajka, avakaj, kotova rućam,
— Dajka, avakaj, šaľin kušakyn,
— Dajka, avakaj, ćulkan bašmakyn.—
Vaj, orčaś kaŕaś Kuľa, naŕažaś,
Udal' oŗta laŋks Kuľa ľišikšnyś.
Čyńśťama ṕeľdä puŕǵińä šäŕǵić,
Čy valgumńista ṕiźiḿä käṕić.
Noldaś Veŕepas sätḿä ṕiźiḿńä.
Šišiḿ godėń ǵis Kuľäń načtyźä.

Подобно подушкѣ Акулина поблѣднѣла,
«Батюшка», «матушка» Акулина не говорила.
Въ изголовьи сидѣлъ ея отецъ,
Въ ногахъ сидѣла ея мать.
Ой, подняла Акулина свою голову,
Опускала свои ноги по краямъ кровати.
— Дай-ка, матушка, рубашку въ четыре шитья,
— Дай-ка, матушка, рущю въ шесть шитьевъ,
— Дай-ка, матушка, мою шаль и кушакъ,
— Дай-ка, матушка, чулки и башмаки. —
Ой, одѣлась обулась Акулина, нарядилась,
Къ заднимъ воротамъ Акулина выходила.
Съ восточной стороны загремѣлъ громъ,
Съ западной сторонки поднялся дождь,
Пустилъ Богъ тихій дождичекъ.
За семь лѣтъ Акулину смочилъ.

Noldaś V́eŕepas śijäń laŋśinʒa,
Vaj, ozaftyźä Kuľań laŋśińťi,
Vaj, käṕidiźä Kuľań äśťänʒa.
Vaj, kuva jaḱä Kuľa, avaŕďä.
Kučyźä Kuľäń sorėń kajama.
Vaj, kuva moľä Kuľa, avaŕďä.
Saś kuduŋ Kuľa, śäľḿinʒa raŋguft.
Ḱäŋḱśťiźä Kuľäńť, vaj, avafyza:
— Vaj,ḿäks, Kuľuša, toń śäľḿit raŋguft? —
— Jaḱiń, avakaj, sorėń kajama,
— Varmaś puv́ińźä, śäľḿin soŕeńźä. —
— Vaj, moľan, Kuľa, varmańť ṕeńaćams. —
— Ḱeŋ́geľä uŕäš toń sajiń ťakat:
— Vaj, äźiń puva, vaj, äźiń soŕa. —
Son kuva jaḱä, Kuľa ḿeľaftä.
Aščy paŕinʒa kisa ḿeľaftä,

Опустилъ Богъ серебряную зыбку,
Ой, посадилъ онъ Акулину въ зыбку,
Ой, поднялъ онъ Акулину къ себѣ.
Ой, гдѣ ходитъ Акулина, плачетъ.
Онъ послалъ Акулину выбросить соръ.
Ой, идя, Акулина плачетъ.
Пришла домой Акулина, глаза ея заплаканы.
Ой, спросила Акулину ея свекровь:
— Ой, отчего, Акулинушка, глаза твои заплаканы? —
— Я ходила, матушка, выбрасывать соръ,
— Вѣтеръ подулъ на него, засорилъ мои глаза. —
— Ой, пойду, Акулина, жаловаться на вѣтеръ. —
— Вретъ, молодуха, твое пріемное дитя:
— Ой, я не дулъ, ой, я не засорялъ. —
Гдѣ она ни ходитъ, Акулина, печалится,
Отъ нехорошей жизни она печалится,

Äŕi paŕiŋza kisa avaŕďä.
Koľi ńeľaftat aščy paŕit kis,
Koľi avaŕďat äŕi paŕit kis,
Śulńińʒä Kuľäń kafta keďńeŋza,
Noldėźä Kuľäń ńäńiľ jožėsta.
Mastyryńť käľis straćť lovažaŋza,
Vaj, paŕćijks čudíś Kuľäń väŕńiza.

Отмѣтимъ нѣсколько варіантовъ изъ другой записи: ст. 2: roŋńaŋkšnyś; ст. 3: todoŋńä maŋta Kuľuša loftaŋkšnyś; ст. 4—7: Vaj, šišíń godnėť Kuľuša Ťaťaj avaj äź ńeŕńä, Aŋkaza ozaś piŕä päzyŋza, Ťäťkaza ozaś piľgi päzyŋza; ст. 9: Noldėńʒä; ст. 16: Čyńśtamńista päľńä puŕgińä syrgaś; ст. 17: Čyńvalgumńista piźiń päľ käpić; ст. 21: laŋśkińti; ст. 28: Mäks, Kuľa, šäľńińit raŋguft; ст. 31: varmańť peńaćasa; ст. 34: kuva jaǩä uŕäš; ст. 41: Mastyryń käľis; ст. 42: väŕiza.

№ 29.

Tatar maŋta Oľuša sovetaś,
Tatar maŋta Oľuša soglašaś.
— Žarda tutad', aľińin tataryнä,

Отъ нехорошей жизни она плачетъ.
Коли ты печалишься отъ нехорошей жизни,
Коли ты плачешь отъ нехорошей жизни,
Она (свекровь) связала обѣ ручки Акулины,
Она опустила Акулину съ неба.
Во всю ширь земли распались ея кости,
Ой, какъ шелкъ, потекла Акулинина кровушка.

Съ татарами Оленушка посовѣтовалась,
Съ татарами Оленушка согласилась.
— Когда вы пойдете, молодцы мои татары,

— Źarda jaŋdad', aľińin tatarχnä? —
— Subytasta, Oľuša, tutana,
— Lomaťť ojḿeť, Oľuša, śťatana,
— Aťakšt moŕéť, Oľuša, tutana. —
— Sajiḿiźga, aľińin, tyń moń gak,
— Sajiḿiźga, koŕḿeńen, tyń moń gak.
— Aźa salak aťafyť ton śada,
— Aźa salak avafyť kafta śatt,
— Aźa salak kakžalať kolma śatt,
— Aźa salyť ton acamyt väľksyt. —
— Kod' acamyn dy väľksyn salasyń?
— Aša polam poďäcä son laŋksyst,
— Polań ľäŭkśkä, ťäkińiḿ, vakscyŋza.—
Koda śadyńť salyńʒä aťafyńť,
Koda kafta salyńʒä avafyńť,
Koda kolma salyńʒä kakžaľäńť,

— Когда уйдете, молодцы мои татары? —
— Въ субботу, Оленушка, мы уйдемъ,
— Люди уснутъ, Оленушка, мы встанемъ,
— Пѣтухи запоютъ, Оленушка, мы уйдемъ.—
— Возьмите-ка вы и меня, молодцы мои,
— Возьмите-ка вы и меня, кормильцы мои. —
— Ступай укради у своего свёкра ты сто рублей,
— Ступай укради у твоей свекрови ты двѣсти,
— Ступай укради у твоего старшаго деверя триста,
— Ступай укради свою постель. —
— Какъ я украду свою постель?
— Бѣлый мужъ мой, подьячій, на ней,
— Мужнинъ ребенокъ, мое дитя, около него.—
Когда она украла сто рублей у свекра,
Когда она украла двѣсти у свекрови,
Когда она украла триста у старшаго деверя,

Kod' acamyťńiń ʼväľksnyń salyńʒä,
Son tataryń kibitkas acyńʒä,
Syń tatarχnä śťäśť, lomaťť äśť ojma,
Syń tatarχnä śťäśť, aťakšt äśť mora.
Tajnyj kińťi tatarχnä tujikšńišť,
Čopda ʼviŕńis tatarχnä suvakšnyšť.
Ѵäχkiś karmaś son karkskiń ponama,
Ombòś karmaś päjiľiń ǯovama.
— Мäźńiń kaŕkśińť ponasak, aľińiм,
— Мäjś čovasak, koŕмeńeм, päjiľińť.—
— Ќeďńet śulmams mon kaŕkśińť ponasa,
— Kyrgat käŕams päjiľińť čovasa. —
Ќi ʼvä bokaɳ Oľušań piŕaza,
Ombò bokaɳ Oľušań ruŋgyza,
Ќi kunčkava ʼväŕiza ľeмbeza,
Ріžä kačamks Oľušań ojмeza.

Когда она украла постель,
И постлала ее въ татарскую кибитку,
Эти татары встали—люди не заснули,
Эти татары встали—пѣтухи не пропѣли.
Тайной дорогой татары ушли,
Въ тёмный лѣсокъ татары вошли.
Одинъ началъ вить веревочку,
Другой началъ острить ножъ.
— Для чего ты вьешь веревочку, мой молодчикъ,
— Зачѣмъ точишь ножъ, мой кормилецъ. —
— Я вью веревочку, чтобы связать твои ручки,
— Я острю ножъ, чтобы срѣзать тебѣ шею. —
На одну сторону дороги — Оленушкина голова,
На другую сторону — Оленушкино тѣло.
Посреди дороги — теплая кровь,
Зеленымъ дымкомъ — Оленушкина душа.

№ 30 (прозаическій варіантъ).

Oľuša·ś para, Oľušaš va·dťa, tatar ma·ṛta druža·kšnyś, tatar maṛta vata·žaś. — Źardy· tuta·da, tyń tatarχnä aľi·ńin, źardy jaṷdada, tatarχnä aľińin? — Sy ṕäćasta, ṕäćäń žo·pòdťiź duta·na i ṕäćäń žo·pòdťiź jaṷda·na.—Kona ḱijava·ńť tuta·da? Kona· ḱijava·ńť jaṷda·da?—Tajnyj ǵija·va tuta·na, tajnyj ǵija·va jaṷda·na.—Saji·ḿiźga mary·ŋk, aľi·ńin tatarχnä, saji·ḿiź moń. — Saly·ḱ vaśńa kota śatt jarmakyṇza aťa·fyť, śe·sta sajďa·dyź ḿiń mary··nyk; a eščo· salyḱ ava·fyť vätі śa·tt jarma·kńiń, śesta· sajďa·dyź ḿiń mary·nyk; eščo· saly·ḱ vaľmań zä·rca ťoša·k, vaľma·dy säŕij todovòt, śesta· sajďa·dyź ḿiń mary·nyk. — Koty śatt jarma·k aťafyṇza salyńźä i vätišatt jarma·k avafyṇza salyńźä i vaľmań zä·rca ťoša·kyṇza saly·źä, vaľma·dy säŕi·j todo·vyṇza saly·źä. Äźi·ź učt tata·rχnä i tuśť, i jordė·źä son ťošakyṇza i todo·vònza i čyji· ḿäľga·st. Kozė·ń ḿeŕćť, śe·sty muji·ńźä. Vä·χki tataryś

Оленушка хороша, Оленушка добра, подружилась она съ татарами, сошлась она съ татарами. — Когда вы уйдете, вы татары дружочки мои, когда вы уйдете, татары дружочки мои? — Въ будущую пятницу, какъ стемнѣетъ въ пятницу, мы уйдемъ, и какъ стемнѣетъ въ пятницу мы уѣдемъ. — Которой дорогой вы пойдете, которой дорогой вы уѣдете? — Тайной дорогой мы уйдемъ, тайной дорогой мы уѣдемъ. —Возьмите-ка меня съ собой, дружочки татары, возьмите меня. — Укради сначала шесть сотъ денегъ у свекра, тогда мы возьмемъ тебя съ собой; а еще укради у свекрови пятьсотъ денегъ, тогда мы возьмемъ тебя съ собой; еще укради перину, доходящую высотой до оконъ, и твою подушку, болѣе высокую, чѣмъ окно, тогда мы возьмемъ тебя съ собой.— Шестьсотъ рублей денегъ она украла у свекра и пятьсотъ рублей украла она у свекрови, и украла она перину свою высотой до оконъ, и украла она подушку свою, болѣе высокую, чѣмъ окно. Не стали ждать татары и ушли, и кинула она свою перину и подушку и бѣжитъ за ними. Куда они сказали, тамъ она ихъ нашла. Одинъ

karma·ś ṕäjľiń žova·ma, ombȯ́će tata·ryś karma·ś kaŕksyń bon·a-ma. — Nu, ṁäźńi·ń pona·sak, aľi·ńiń, kaŕksy·ńť? — Ponasa· toń ruŋgy·t tapa·ŕams i ķäŕća·ms. — A ṁäźńiń žovasa·k, aľińiń, ṕä-jilińť? — Toń ojṁet saji·ms, toń ƀiŕa·t ķäŕa·ms. — Śulṁi·ź ka·ŕkscyńť ruŋgy·nza i ṕäčki·ź ṕäjľcyńť ṕiŕa·nza. Ќiń väṕe·ľej ṕiŕaza, ombȯ́ ṕe·ľej ru·ŋgyza i ķiń guva·lma väŕi·za.

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

№ 31 [1]).

Äŕäś äŕäś Ṁiťäń Kuľa, äŕaŋkšnyś,
Vaśkaś vaśkaś Ṁiťäń Kuľa vaśkaŋkšnyś,
Ќämgaftva god Ṁiťäń Kuľa äŕakšnyś,
Godėń koŕas kämgaftuva paľa ťäjś,

1) Въ этой и въ слѣдующихъ пѣсняхъ одиннадцать слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго и восьмого слога.

татаринъ началъ точить ножъ, другой татаринъ началъ вить лапотную обору. — Ну, зачѣмъ ты вьешь, дружочекъ, лапотную обору?—Я вью для того, чтобы связать твое тѣло и разрѣзать.— А зачѣмъ ты оттачиваешь ножъ, дружочекъ? — Для того, чтобы взять твою душу, отрубить твою голову. Связали ея тѣло лапотною оборой и отрѣзали ножомъ ея голову. На одну сторону дороги — ея голова, на другую сторону — ея тѣло, а вдоль дороги — ея кровь.

Ср. Paasonen, Proben I № XVI и XXXIV. Ср. ниже въ прил. I.

Жила жила Дмитріева Акулина, нажилась,
Нѣжилась нѣжилась Дмитріева Акулина, нанѣжилась,
Двѣнадцать лѣтъ Дмитріева Акулина жила,
На каждый годъ снаряжала двѣнадцать рубашекъ,

Paľań koŕas kämgaftuva ruća ťäjś,
Ṕiŕäń koŕas kämgaftuva paŋga ťäjś.
Maka lopat Ḿiťäń Kuľäń paľanʒa,
Maka ťv́etkeť Ḿiťäń Kuľäń rućanʒa,
Ṕižyń koľćat Ḿiťäń Kuľäń paŋgynʒa.
Jakä pakä Ḿišäń Ťuma ṁäľganʒa,
Säv́ä ćav́ä bojar aťäś kisynʒa.
— Iľa jaka, Ťuma ľäľaj, moń ṁäľga,
— Iľa säv́ čav, bojar aťa, moń ǵisa.
— Ťäť amoľan, Ťuma ľäľaj, pokš uŕvaks,
— Ťäť amoľan, Ťuma ľäľaj, kŕeśjaŋkaks.
— Xyť i moľan, Tuma ľäľaj, pokš uŕvaks,
— Xyť i moľan, bojar aťa, kŕeśjaŋkaks,
— Śiśiṁ godnėť ťäťaj avaj aṁeŕan,
— Śiśiṁ godnėť alyŋk alkśkä ajacan,
— Śiśiṁ godnėť ṕŕalyŋk ṕŕalkśkä aputan,

На каждую рубашку снаряжала двѣнадцать руць,
На голову снаряжала двѣнадцать шелыгановъ.
Какъ маковые листы, Акулины Дмитріевой рубашки,
Какъ маковые цвѣтки, Акулины Дмитріевой руци,
Какъ мѣдныя кольца, Акулины Дмитріевой шелыганы.
Ходитъ ходитъ за нею Михайловъ Тимоѳей,
Вьется, убивается почтенный человѣкъ за нею.
— Не ходи, дядя Тимоѳей, за мною,
— Не вейся убивайся, почтенный, за мною.
— Я не пойду, дядя Тимоѳей, къ тебѣ въ старшія снохи,
— Я не пойду къ тебѣ, дядя Тимоѳей, въ крестьянки.
— Хоть и пойду я, дядя Тимоѳей, въ старшія снохи,
— Хоть и пойду я, почтенный, въ крестьянки,
— Семь годочковъ не скажу: батюшка, матушка,
— Семь годочковъ не постелю подъ васъ перину,
— Семь годочковъ не положу подушки къ вамъ подъ голову,

— Śiśiṁ godnėť kudys v̓ädńa akandan,
— Śiśiṁ godnėť ćoraŋk aluų ajacan,
— Śiśiṁ godnėť ćoraŋk maṛta amaďan,
— Śiśiṁ godnėť v̓ä dumńisa aduman,
— Śiśiṁ godnėť v̓ä valnysa a koṛtan. —
Śiśiṁ gotta ṁäjľä Kuľa naŕažaś,
Uľćäń kuvaļt polańť maṛta tujikšnyś,
Uľća kuńčkas čaųźä mańij puŕǵińä.

№ 32.

Čačymada Ḿiťäń Kuľa udalaś,
Kasymada Ḿiťäń Kuľa udalaś.
Ќämgaftuva Ḿiťäń Kuľa god äŕäś,
Godėń goŕas Ḿiťäń Kuľa paľa ťäjś,
Godėń goŕas ќämgaftuva ruća ťäjś,
Vaj, ṕŕań goŕas ќämgaftuva paŋgy ťäjś.

— Семь годочковъ не буду носить водицы въ избу,
— Семь годочковъ не буду стлать подъ вашего сына,
— Семь годочковъ не буду спать съ вашимъ сыномъ,
— Семь годочковъ не буду думать одною думой,
— Семь годочковъ не буду говорить въ одно слово.—
Послѣ семи годочковъ Акулина нарядилась,
Вдоль улицы пошла съ мужемъ,
Посреди улицы ее убилъ вёдренный громъ.

Рожденіемъ Дмитріева Акулина удалась,
Возрастаніемъ Дмитріева Акулина удалась,
Двѣнадцать лѣтъ жила Дмитріева Акулина,
Погодно Дмитріева Акулина справляла рубашки,
Погодно она справила двѣнадцать руць,
Ой, она справила двѣнадцать шелыгановъ по головѣ.

Jaki paka Mišań Ťuma mäľganza,
Iskuvasy Mišań Ťuma kŕeśťankaks.
— Vaj, a moľan, Ťuma ľaľaj, pokš urvaks,
— Vaj, a moľan, Ťuma ľaľaj, kŕeśťankaks.
— Xoť i moľan, Ťuma ľaľaj, ťäť urvaks,
— Xoť i moľan, Ťuma ľaľaj, kŕeśťankaks,
— Śiśiń godnėť ťäťaj avaj a ńeŕan,
— Śiśiń godnėť polań aluų ajacan,
— Śiśiń godnėť polań malas amoľan;
— Śiśiń gotty ńäjľi ťaťaj avaj mon ńeŕan,
— Śiśiń gotty ńäjľi kijavat mon moľan,
— Śiśiń gotty ńäjľi polań malas mon moľan

. . . . . .

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ кр. В. С. Саюшкина.

Идетъ ходитъ Михайловъ Тимоѳей за нею,
Ищетъ ее Михайловъ Тимоѳей въ крестьянки.
— Ой, не пойду, дядя Тимоѳей, въ старшія снохи,
— Ой, не пойду, дядя Тимоѳей, въ крестьянки,
— Хоть и пойду, дядя Тимоѳей, тебѣ въ снохи,
— Хоть и пойду, дядя Тимоѳей, въ крестьянки,
— Семь годочковъ не скажу: батюшка, матушка,
— Семь годочковъ не буду стлать подъ него постели,
— Семь годочковъ не буду приближаться къ мужу,
— Послѣ семи лѣтъ я скажу: батюшка, матушка,
— Послѣ семи лѣтъ я пойду по твоей дорогѣ,
— Послѣ семи лѣтъ я приближусь къ мужу.

№ 33.

Ќämgaftuva Мiťäń Guľa god äŕäś,
Ruŋgyń goŕas ќämgaftuva paľa ťäjś,
Paľäń goŕas ќämgaftuva ruća ťäjś,
Ṕiŕäń goŕas ќämgaftuva paŋgy ťäjś.
Maky lopat Мiťän Guľän paľanʒa,
Maky ćveťńeť Мiťän Guľäń rućanʒa,
Ṕiżyń goľcat Мiťäń Guľäń paŋgynʒa.
Jaki paki Мišań D'uma mäľganʒa.
Son vannysä Мiťäń Guľäń pokš uŕvaks,
Iskuvasä Мiťäń Guľäń ќŕesťjaŋkaks.
— Mon amoľan, Ťuma ľäľäj, ťäť uŕvaks.
— Xyť i moľan, Ťuma ľäľäj, ťäť uŕvaks,
— Śiśiḿ godnėť polań maŗta a koŗtan,
— Śiśiḿ godnėť čeťťä acamt a jacan,
— Śiśiḿ godnėť pośťeľeńť laŋks amaďan. —

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки д. Косолаповки (Яруги) Евдокимовой (Базаевой).

Двѣнадцать лѣтъ жила Дмитріева Акулина,
На станъ (свой) она справила двѣнадцать рубашекъ,
На (каждую) рубашку она справила двѣнадцать руць,
На голову (свою) она справила двѣнадцать шелыгановъ.
Какъ маковые листья, Дмитріевой Акулины рубашки,
Какъ маковые цвѣтки, Дмитріевой Акулины руци,
Какъ мѣдныя кольца, Дмитріевой Акулины шелыганы.
Идетъ ходитъ за нею Михайловъ Тимоѳей.
Онъ высматриваетъ Дмитріеву Акулину въ старшія снохи,
Ищетъ ее Михайловъ Тимоѳей въ крестьянки.
— Не пойду я, дядя Тимоѳей, тебѣ въ снохи.
— Хоть и пойду, дядя Тимоѳей, тебѣ въ снохи,
— Семь годочковъ не буду говорить съ своимъ мужемъ,
— Семь годочковъ не буду стлать мягкой постели,
— Семь годочковъ не лягу на постель. —

№ 34[1]).

Maŕiń kuľiń, jalgańakaj, ťaťaza jumaś.
Avaza tuś, jalgańakaj, väšyńďimanʒa.
Väšyńć väšyńć, jalgańakaj, äźiźä muk.
Čykyrkaľiś, jalgańakaj, ťaťkań oṛtaza,
Kiľďiŕkaľiś, jalgańakaj, ṕŕikaľetkaza,
Lavyźńaụkšnyśť, jalgańakaj, ćepsa ṕińinʒa;
Kardaz ṕeškeć, jalgańakaj, rogaž nurdyda,
Pajńiť ṕeškeć́ť, jalgańakaj, ṕižä čiŕkiďä,
Tulyt ṕeškeć́ť, jalgańakaj, plaščaụ aškyda,
Karχńa ṕeškeć, jalgańakaj, tatar rakšada,
Lafćat ṕeškeć́ť, jalgańakaj, ťuža šľapada,
Kudyś ṕeškeć, jalgańakaj, tatar aľada,
Tulyt ṕeškeć́ť, jalgańakaj, ṕižä kušakta,

1) Въ этой пѣснѣ тринадцать слоговъ съ цезурами послѣ четвертаго и восьмого слога.

Я слышала, подружка, отецъ его исчезъ.
Мать его, подружка, ушла искать его.
Искала искала, подружка, не нашла его.
Скрипнули, подружка, отцовы ворота,
Прогремѣла, подружка, его калитка,
Залаяли, подружка, его цѣпныя собаки.
Дворъ наполнился, подружка, обитыми рогожей санями,
Вѣшалки наполнились, подружка, зелеными дугами,
Гвозди наполнились, подружка, убранными пуговицами хомутами.
Хлѣвушекъ наполнился, подружка, татарскими конями,
Пóлки наполнились, подружка, желтыми шляпами,
Изба наполнилась, подружка, татарскими молодцами,
Гвозди наполнились, подружка, зелеными кушаками,

Końek ṕeškeć, jalgańakaj, ťuža čapanda,
Stoľeńť ṕeščėź, jalgańakaj, śija jarmakta,
Varčtaživiń, jalgańakaj, vaľma krajńiva
Kundakšnyṁiṁ syŕä tatar ruća polńeďä,
Kajakšnyṁiṁ, jalgańakaj, rogaž nurdyńťi,
Uskykšnyṁiṁ, jalgańakaj, tatar pakśańťi.
—Vanyk, vanyk, eŕźäń ťäχťiŕ, tatar pakśanyk!—
—Śäŕńan čuran, syŕä tatar, tatar pakśazyŋk!—
Uskykšnyṁiṁ, jalgańakaj, tatar väľińťi.
—Vanykaja, eŕźäń ťäχťiŕ, tatar väľinyk!—
—Śäŕńan čuran, syŕä tatar, tatar väľizyŋk!—
Suvaftyṁiṁ, jalgańakaj, tatar kudyzyst.
—Vanykaja, eŕźäń ťäχťiŕ, tatar kudynyk! —
—Śäŕńan čuran, syŕä tatar, tatar kudyzyŋk!—
Ozaftyṁiź, jalgańakaj, tatart stoľest ekšc.
— Jarcak jarcak, eŕźäń ťäχťiŕ, kšyda saldynyk!—

Коникъ наполнился, подружка, желтыми чепанами,
Столъ они наполнили, подружка, серебряными деньгами.
Случайно я выглянула, подружка, въ край окошка,
Схватилъ меня старый татаринъ за полушки руци,
Кинулъ меня, подружка, въ сани, обитыя рогожей,
Повёзъ онъ меня, подружка, на татарское поле.
—Осмотри, осмотри, мордовская дѣвушка, татарское наше поле!—
—Я нас... нас..., старый татаринъ, на ваше татарское поле!—
Повезъ онъ меня, подрушка, въ татарскую деревню.
—Посмотри-ка, мордовская дѣвушка, нашу татарскую деревню!—
—Я нас... нас..., старый татаринъ, на вашу татарскую деревню! —
Ввелъ онъ меня, подружка, въ татарскій ихъ домъ.
—Посмотри-ка, мордовская дѣвушка, нашъ татарскій домъ!—
—Я нас... нас..., старый татаринъ, на вашъ татарскій домъ!—
Посадили меня, подружка, за татарскій ихъ столъ.
—Кушай, кушай, мордовская дѣвушка, нашего хлѣба соли!—

—Śäŕńan čuran, syŕä tatar, kšyzyŋk salzynyk!—
Voŕgeďeń mon, jalgańakaj, tatar väľista.

Варіантъ: 1 и 2 стихъ: Täťäźiń tuś, jalgańakaj, śiṁiźiń kuduŋ, Avaźiṁ tuś, jalgańakaj, väšyńďamunza (Мой батюшка пошелъ, подружка, въ кабакъ, Моя матушка пошла, подружка, искать его). Ťäťaza явилось, очевидно, вмѣсто неупотребительнаго въ Оркинѣ: ťäťäźiṁ. 5-й стихъ: kaldyrkaľiś (ср. kaldorgaľeś другихъ говоровъ). 6-й ст.: lavyžńaŋkšnyśť; вм. ṕiṅinza—kiskanza. 19-й ст.: вм. pakśańťi — pakśazyst. 22-й ст.: вм. väľiṅťi — väľizyst; 27-й ст.: вм. kudyzyŋk—kudyzyt. 29-й ст.: вм. kšyda saldynyk—kšynyk salyńyk. 31-й ст.: вм. väľista — väľistyst.

№ 35[1]).

Väľiś väľiška, väľiń guńčkasa
Od gantor strojeť.
Kantoryń kolmy kolma ugylga
Kolmy čuft kasyť.
Vaj, vašiń žuftyś, son ďeŕvėj ďeŕvaś
Ďelėj ďeŕoza;

1) Въ этой пѣснѣ пятнадцать слоговъ: десять относимъ къ одному стиху, съ цезурой послѣ пятаго слога, а слѣдующіе пять къ другому стиху.

—Я нас... нас..., старый татаринъ, на вашъ хлѣбъ, на вашу соль!—
Убѣжала я, подружка, изъ татарской деревни.

Село съ село, въ серединѣ села
Строятъ новую контору.
По тремъ угламъ конторы
Растутъ три дерева.
Ой, первое дерево, это первое дерево
Бѣлая береза;

Ombȯ́ceks čuftyś, ombȯ́ceks ďeŕvaś,
Krasnaj ŕibina.
Kolmȯ́ceks čuftyś, kolmȯ́ceks ďeŕvaś,
Goŕkej ośena.
Vaśiń ǯuftysyńť, čufty ṕiŕasyńť,
Kukuft kukyrdyť.
Ombȯ́ce čufćyńť, čufty ṕiŕasyńť,
Ćokoft ćokȯrdėť.
Kolmȯ́ce čufcyńť, čufty ṕiŕasyńť,
Oźast ćiľiďiť.
Kukuft kukyrdyť, ćokoft ćokȯrdėť,
Äź goŕast koṛtėť.
A ṕiży sadgańť, a mazyj sadgańť,
Odǯora jaǩä.
Ḱiľijńińť ala ťäχťiŕ avaŕďä,
Ťäχťiŕ avaŕďä.

Второе дерево, второе дерево,
Красная рябина.
Третье дерево, третье дерево,
Горькая осина.
На первомъ деревѣ, на верхушкѣ дерева,
Кукуютъ кукушки.
На второмъ деревѣ, на верхушкѣ дерева,
Поютъ соловьи.
На третьемъ деревѣ, на верхушкѣ дерева,
Чиликаютъ воробьи.
Кукушки кукуютъ, соловьи поютъ,
Говорятъ о своемъ горѣ.
А по зеленому саду, а по красивому саду,
Ходитъ юноша.
Подъ березкой плачетъ дѣвушка,
Плачетъ дѣвушка.

Odžoraś jakä, odžoraś käŭkśńä
Ťäχťiŕińť äjsa.
Ḿäks ton, ďäχťiŕńi, iśťa avaŕďat,
Iśťa avaŕďat?
Ḿäks, bojarava, iśťa ḿeľaftat,
Iśťa ḿeľaftat?
Śeks mon avaŕďan, śeks mon ḿeľaftan:
Ťaťam čyjiḿiḿ,
Ťaťam čyjiḿiḿ, ťaťam jakiḿiḿ,
Ťaťam jakiḿiḿ.
Ḱińiń čyjińžiť, kińiń jakińžiť,
Ḱińiń jakińžiť?
Mońć kak asodan, kińiń čyjiḿiḿ,
Ḱińiń jakiḿiḿ.
Ton iľ' avaŕďä, ton iľa ḿeľaft,
Ton iľa ḿeľaft:

Юноша ходитъ, юноша спрашиваетъ
У дѣвушки.
Отчего ты, дѣвушка, такъ плачешь,
Такъ плачешь?
Отчего, барыня, ты такъ печалишься,
Такъ печалишься?
Оттого я плачу, оттого я печалюсь:
Отецъ мой меня просваталъ,
Отецъ мой меня просваталъ, отецъ мой меня проходилъ,
Отецъ мой меня проходилъ.
За кого тебя просваталъ, кому тебя проходилъ,
Кому тебя проходилъ?
Я и сама не знаю, за кого онъ меня просваталъ,
Кому меня проходилъ.
Ты не плачь, ты не печалься,
Ты не печалься:

Moṅďäṅ čyjiṅžiť, moṅďäṅ jakiṅžiť,
Moṅďäṅ jakiṅžiť.

Записано въ августѣ 1905 года отъ кр-ки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

№ 36 (прозаическій пересказъ пѣсни).

Jakä odžora ružėjńek, ružyjaza ķecėnza, ṕristaľetėza karkscynza. Ṕeľeṽäṅ kunčkaṅa vanä: ćityr-ćityr, tol palä, vandyl-vandyl, ṽäď čuďä. Maŕasyj, ṕižä ťaka avaŕďä. — Uš-ka, moľan ćityr-ćityr tolnėńťej, vándyl-vandyl ṽäďńińťij. Moľć tolnėńťej. Iṅigujiś tolcėńť palä, iṅigujiś tolcėńť korṭä: ṽäńćťik, odžora, ružyjat, ružyjat kuvaļt čyjan. — A targatan, iṅa guj, nory guj! — Anykstyźä ružyjanza ľeďems. — Ľetťan, nory guj! čavdan, nory guj! — Bʹiďä čaṷsamak, odžora, kulä škiṅ-ťriṅ aṷkat; ešča kulä sajiṅ polat i kafty ṕižä ťakat. — Putyźä ružyjanza palä tolnėńťej; ružyjaṅť kuvaļt ľišć, ṽiť ožavanza suvaś, kyrganza krugom tapardaṷś. — Säṷďan,

---

За меня онъ тебя просваталъ, мнѣ онъ тебя проходилъ,
Мнѣ онъ тебя проходилъ.

Идетъ парень охотникъ, въ рукѣ у него ружье, за поясомъ пистолетъ. Въ самую полночь видитъ: блеститъ, горитъ огонь, блеститъ, течетъ вода —Слышитъ, плачетъ малое дитя.—Дай-ка пойду къ блестящему огню, къ сверкающей водѣ. Подошелъ къ огню. Большой змѣй горитъ въ огнѣ, большой змѣй говоритъ въ огнѣ: протяни, парень, твое ружье, я побѣгу вдоль твоего ружья.—Не вытащу тебя, большой змѣй, ...змѣй!—Приготовилъ ружье свое, чтобы выстрѣлить.—Застрѣлю тебя, ...змѣй! убью тебя, ...змѣй!—Если ты убьешь меня, парень, то умретъ твоя кормилица мать; еще умрутъ твоя супруга и двое малыхъ дѣтей.—Положилъ онъ ружье свое въ горящій огонь; змѣй вылѣзъ по ружью, вошелъ въ правый рукавъ его и обмотался вокругъ его шеи.—Съѣмъ

odʒora! — Ľamak säu̯, nory guj, palä tolcta idʹťiń, čudʹä vʹäcta tarǵiťiń. — I to säu̯dʹan, odʒora; ťäťkaťij — täťkaj a ḿeŕat, au̯kaťij — au̯kaj a ḿeŕat. Adʹa vʹijimak škʹiń au̯kaťij, śesta valgan kyrgastyt. — Vʹijiźä odʒora škʹiń avanctyj gujiń. — Nu, odʒora, ḿeŕ au̯kaťij — avaj, ḿeŕ ťäťkaťij — täťaj. — Ḿeŕć odʒoraś ťäťkanctyj — täťaj, au̯kanctyj — avaj. Śesta valkś odʒorań kyrgasta. Śesta ḿeŕć: paśiba täť, odʒora, palä tolcta idʹiḿik, čudʹä vʹäcta tarǵiḿik.

Записано въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ с. Оркинѣ учителемъ Леонтьевымъ для А. Н. Минха. Провѣрено по мѣстному произношенію съ В. С. Саюшкинымъ въ іюлѣ 1905 года.

№ 37 (неточная передача пѣсни).

Ḿiťä-ń Guľa täχťiŕiś para,
Čačumńada Guľa udalaś,

тебя, парень!—Не ѣшь меня, ...змѣй, я выручилъ тебя изъ горящаго огня, я вытащилъ тебя изъ текущей воды.—Всётаки я тебя съѣмъ, парень; ты отцу своему не говоришь батюшка, а матери своей не говоришь матушка. Иди доставь меня къ своей кормилицѣ матери, тогда я слѣзу съ твоей шеи.—Доставилъ парень змѣя къ своей кормилицѣ матери.—Ну, парень, скажи своей матери—матушка, скажи своему отцу—батюшка.—Парень сказалъ своему отцу батюшка, своей матери матушка. Тогда онъ слѣзъ съ шеи парня. Тогда сказалъ: спасибо тебѣ, парень, ты выручилъ меня изъ горящаго огня, ты вытащилъ меня изъ текущей воды.

Ср Paasonen, Proben I, № XXVIII, XV, XLI.

Дмитріева Акулина хорошая дѣвушка,
Рожденіемъ Акулина удалась,

Śupa·u̯ Eŕʒa· jaki· ńäĺga·nʒa.
— Mitŕi·j, čyji·k ťäχťi·rit mońďäń!
— Tuś ńeĺezėn.—Koda ž' a tujä?
Son kšyť pańä· kak para bu·lkat,
Ṕŕaka·t pańä· son kak kala·ćat,
Braga· ťäjä· kak para ṕi·va,
Ṕiva· ťäjä· kak para pu·ŕä.
Dosa·dna stal śeń uŕvaťńińiń.

Ńe možėt i kijak so·nʒy laca a ńi kšyť pańi·ms, ńi ṕŕa·kat pańi·ms so·nʒy laca ńi mo·žut. Braga· ťäji·ms amaštyť sonʒy la·ca, ṕiva· ṕidï·ms ama·štyť sonʒy la·ca. I dosadna stal śeń uŕva·ťńińiń:—so·nʒa kšnasy·ź, a ńiń äŕams ńeĺźa; ńiń rat maksu·ms ńi·ŕďïńiń. — I čyji·ź i maksy·ź. Oďeŕva nuž opäť i tosa· paŕćťä śťŕapa·jä. I tosa· dosadna stal śeń uŕvaťńińiń. Kaft' uŕva·t duma·śť ťäťä·ńť jarmakt sala·ma. — Daj, ke·kščėńeķ, a so·nʒa laŋks jofta·syńiķ, ata· son ṕeķ para.—Saly·ź jarma·kńiń i kekšė·ź. —

Богатый эрзякъ ходитъ за нею.
— Дмитрій, просватай свою дочь за меня!
— Она мнѣ понравилась.—Какъ же не понравится?
Она печетъ хлѣба, какъ хорошія булки,
Она печетъ пироги, какъ калачи,
Она варитъ брагу, какъ хорошее пиво,
Она варитъ пиво, какъ хорошій медъ.
Досадно стало всѣмъ сношкамъ.

Не можетъ никто, какъ она, ни хлѣба печь, ни пироги печь не могутъ, какъ она. Брагу варить не умѣютъ, какъ она, пиво варить не умѣютъ, какъ она. И досадно стало всѣмъ сношкамъ:—ее хвалятъ, а намъ нельзя жить; мы рады отдать ее замужъ.—И просватали и отдали ее. Молодуха, ну, и тамъ опять прекрасно стряпаетъ. И тамъ досадно стало всѣмъ сношкамъ. Двѣ снохи задумали украсть отцовскія деньги.—Давай, спрячемъ, а на нее скажемъ, а то она больно хороша. — Украли эти деньги и спрятали

Kuľa, stupa·j gośťeva·k, kafty ńeďľa gośťeva·k. — Mon rada·n, moľa·n. — Nu, uskiźä ńiŕďi·za gośťeva·ms kafty ńe·ďľas. Kolmy čyť jutaśť, ńiŕďi·za mo·ľä ńäľga·nʒa. — Ḿäźńi·ń zaly·ť ťäťäń jarma·kńiń? — Vačky·ďińʒä kafty ķeďe·nʒa, avaŕga·ć i koŕtä·: «äźi·ń zala·, äźi·ń doka, i a so·dan ńäźi·jak». — A so·dat ńäźi-jak, aďa·! — Nu, i tuśť kudu·u̯. Saśť kuduu̯, käu̯kśńisyź, ńäźńi·ń zaly·ť jarma·kńiń. — Oťveča: «äźi·ń zala i aso·dan ńäźija·k». — A kä·ńiť. Avaŕć, avaŕć i tuś čavy ba·ńau̯, jukśi·źä ka·rksynʒa, ťäji·źä ṕetľa·ks i poźe·źä ṕŕa·nʒa. Ḿiŕďi·za ťäšńä·, amu·jiťä, ťäšńä·, amu·jiťä. — Užy·, suva·n bańä·ńtiń. — Suva·ś ńiŕďi·za, a son pova·f.

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

№ 38.

Pakśa pakśa, pakśińä! Pakśańť kunčkasa gubyrnä, gubyryńť bokasa lužymńä, lužymńisyńť čėjada, čėjadasyńť kandyńä, kandy-

---

ихъ.—Акулина, ступай погости, двѣ недѣли погости.—Я рада, пойду.—Ну, повезъ ее мужъ ея гостить на двѣ недѣли. Прошло три дня, мужъ идетъ за ней.—Ты зачѣмъ украла отцовскія деньги?—Всплеснула она обѣими руками, заплакала и говоритъ: «я не крала, не трогала и ничего не знаю».—Не знаешь ничего, такъ иди! —Ну, и пришли домой. Пришли домой, спросили ее, зачѣмъ ты украла эти деньги. — Отвѣчаетъ: «я не крала и ничего не знаю». — Не вѣрятъ. Заплакала, заплакала и пошла въ пустую баню, развязала свой поясъ, сдѣлала изъ него петлю и повѣсилась. Мужъ ея ищетъ, она не находится, ищетъ, она не находится.— Погоди, зайду въ баню.—Вошелъ мужъ ея, а она повѣшенная.

Поле поле, полечко! Посреди поля бугорокъ, на склонѣ бугра ложбинка, въ ложбинкѣ камышъ, въ камышѣ валёжникъ, въ ва-

ńisyńť pizyńä, pizyńisyńť virutka. Pižyń turba kyrgaza, pižysa valuf laŋgyza, šijas navaf ńeŕeza, syŕńisa valuf grudïza. Čyť alyja, vät naryvä, väń kunčkasta ľifcyńžä kolėńgämiń roŋna alyŋza, kolėńgämiń roŋna ľäŋkst ľifć. Vädïń kuvaļt noldėńžä. Beŕekka jakä odžora, ružyjaza kecėnža, pristaľetėza zaŕaďaf. Xočėt utkańť čavymyŋza. I koŕtä utkaś: iľak rozóŕa pizyńiń, iľiť urykaft äjdńińiń, äśtät kak para auľä. Mon avyľ virïń utkiňan, a mon Veŕepazyń kučuŋksan. — Äź kulcyna son, čavižä, paŕćijks noldėžä väŕinža, kačamks noldėžä ojńenža; karksyŋza aluŋ putyžä. Kuva moľä, sońć morä. Pačkyć vidïń śuryzyŋza, ńejeńžä son, väśi tapaft. — Moń veďma kurva utka kodak śudyńiń, i śuduvïń.

Записано въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ с. Оркинѣ учителемъ Леонтьевымъ для А. Н. Минха. Провѣрено по мѣстному произношенію съ В. С. Саюшкинымъ въ іюлѣ 1905 года.

лёжникѣ гнѣздышко, въ гнѣздышкѣ лѣсная утка. Ея горло какъ мѣдная труба, тѣло ея вылито все изъ мѣди, въ серебро обмакнутъ ея клювъ, грудь ея вылита вся изъ золота. Днемъ несется, ночью высиживаетъ, въ серединѣ ночи она выпускаетъ ровно тридцать яицъ, она вывела ровно тридцать дѣтенышей. Выпустила ихъ по водѣ. По берегу ходитъ молодой парень, въ рукахъ у него ружье, заряженный пистолетъ. Хочетъ застрѣлить утку. И говоритъ эта утка: не разоряй моего гнѣзда, не осироти моихъ дѣточекъ, и тебѣ не будетъ добра. Я не лѣсная утка, а я посланница Божья.—Не послушалъ онъ, убилъ ее, выпустилъ ея кровь шелкомъ, выпустилъ ея душу дымомъ; положилъ ее подъ поясъ. Гдѣ ходитъ, тамъ онъ самъ поетъ. Подошелъ онъ къ посѣяннымъ своимъ хлѣбамъ, посмотрѣлъ на нихъ, всѣ потоптаны.—Какъ вѣдьма курва утка меня прокляла, такъ я сдѣлался проклятымъ.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № VIII (съ значительнымъ уклоненіемъ) и № LXXII (мокш.). У Reguly (мокш.) №2e и (эрз.) № 5.

№ 39.

Víŕ žyŕisa, víŕ grajsa mokšéń ʒoraś pä́ŋk käŕäś i poľäńćäś. Maŕasyj šumńä·, maŕavää, maŕasyj žalfkä·, ćuda·vä, nogaj bolk äľsy i tatar bolk äľsy. — Uš kak kuźan ʒufta pŕas, varčtan baŕćťä·mon.—Mäźi vanä mokšéń ʒoraś? Nogaj bolk äľ sy.—Aška· kekša·n lopa po·c, aška suva·n tarad boc. — Nogaj polkóś juta·ǫkšnyś, tatar po·lkóś juta·ǫkšnyś. Mäjiľćiń beľej syŕi noga·jś moľi la·śtä. Syŕi tata·ryś mokšéń ʒorańť ńeje·źä, syŕi nogajś mokšéń ʒorańť ŕädiźä. I koda·k ŕädiźä syŕi tataryś mokšéń ʒorańť i kundyźä·, kambrazyń droks kaji·źä; tatar väľij veťe·źä, nogaj mastyruǫ víji·źä. — Nogaj ava·, koźajka, na vot ťebe χŕeśťja·n, na vot služa·n. Kodamy roḃótas karma·fcyńik? — Piży· ťaka·ń vanu·ma. — Vanä i nuŕćä·: baľu i baľu, nogaj äχť, i uťu baľu·, nogaj äχť. Ľäḿit toń noga·jiń, a väŕit syvíľit χŕeśťja·ńiń. — Noga·j ava·ś

На краю лѣса, на опушкѣ лѣса парень мокша рубилъ лѣсъ (и рубилъ его) на полѣнья. Слышитъ шумокъ, слышится, слышитъ небольшой гулъ, чудится, приближается ногайскій полкъ и приближается татарскій полкъ.—Ужъ какъ влѣзу я на дерево, посмотрю я хорошенько.—Что видитъ парень мокша? Подходитъ ногайскій полкъ.—Дай-ка спрячусь подъ листья, дай-ка влѣзу подъ сучки.—Ногайскій полкъ проходилъ, татарскій полкъ проходилъ. Послѣднимъ съ конца ѣдетъ старый ногаецъ верхомъ. Старый татаринъ увидѣлъ парня мокшу, старый ногаецъ примѣтилъ парня мокшу. И когда примѣтилъ старый татаринъ парня мокшу и схватилъ его, положилъ его поперекъ сѣдла; татаринъ повезъ его въ село, доставилъ его въ ногайскую землю.—Ногайская жена, хозяйка, на вотъ тебѣ крестьянина, на вотъ тебѣ слугу. Какую работу мы заставимъ его дѣлать?—Смотрѣть за маленькимъ ребенкомъ.—Смотритъ и качаетъ: балю и балю, ногайское дитя, и утю балю, ногайское дитя. Имя твое ногайское, а кровь и мясо твое христіанскія. — Слышитъ ногайская женщина. — Чьего ты рода племени?

kulcy·nä. — Ќiй ton rodė·ń pĺema·ń? Mokšėń ʒora·ś, ton joftė·k mońďäń. — Vot iśťa·my rodė·ń, iśťamy pĺema·ń. — Koda avań ľäńi·za? — Avań ľäńiza Vaśona, ťäťäń ľäńiza Ivan, Ivan sta··rysta. — Ton moń jala·ksym rodno·j. Ќäźńi·ń, syŕi nogajś, ton kundyk, ńäźńiń veťe·k? Son moń jalaksym rodno·j. Stupa·j, syŕi·noga·jś, veťe·k kosta saji·k, kosty kundy·k, veťe·k tozė·j. Syŕi nogajś kambra·styźä alašanʒa i ozaftyźä mokšė·ń ʒora·ńť i tuś. Čopòda· viŕńis pačkyćť syŕi· noga·jś mokšėń ʒora·ńť maṛta. Mokšėń ʒora·ś aščy·ś aščy·ś, nuvaźi·ńś. Syŕi noga·jś panct veďme·sa kiĺkščyźä i mokšėń ʒora·ńť poveźä i lopa poc väĺťi·źä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

№ 40.

Вирь чыриса мокшень цёрась пянькь кяря; кярясь, кярясь, кярякшнысь. Марясый шумня, марявя, марясый жалфкя, пюдавя.

Парень мокша, ты скажи мнѣ.—Вотъ такого рода, такого племени.—Какъ имя матери?—Имя матери Васена, имя отца Иванъ, Иванъ староста.—Ты мой братецъ родной. Зачѣмъ, старый ногаецъ, ты его схватилъ, зачѣмъ привезъ? Онъ мой братецъ родной. Ступай, старый ногаецъ, вези его откуда взялъ, откуда схватилъ, вези туда.—Старый ногаецъ осѣдлалъ лошадь и посадилъ парня мокшу и поѣхалъ. Въ темный лѣсъ въѣхали старый ногаецъ и парень мокша. Парень мокша сидѣлъ, сидѣлъ, заснулъ. Старый ногаецъ сдѣлалъ петлю изъ уздечнаго повода и повѣсилъ парня мокшу и скрылъ его въ листьяхъ.

На краю лѣса парень мокша рубитъ дрова; рубилъ, рубилъ, нарубилъ. Слышитъ шумокъ, слышится, слышитъ гулъ, чудится.

Вай, верей варчтась, чуфта прятьня а нурьцить. Вай, алув варчтась, тикше прятьня а черкеть. Икилий варчтась мокшень цёрась— губан полк, удалув варчтась мокшень алясь — ногай полк. Вай, вачкыць кафта мокшень цёрась кедненза, пурдыньзя кяминь одалясь сурнынза. Вай, козень, козень одцёрась кекшнекшнесь? Виивь каль пулыс одалясь сувакшнысь. Вай, сяда ютасть, мокшень цёраньть эзизь некь; вай, кафта ютасть, мокшень аляньть эзизь некь. Сефьть мяйля моля сыря губанць, эль ютэ. Вай, алашаза сыря губаньть камбрастяф; вай, соколнэза сырь губаныньть вешкезевсь; вай, кискиниза сырь губан атяньть онгэзевсь; вай, алашаза губан атяньть цяхазивсь. — Мон зярда якан, те диваньти эзинь понгэна; мон зярда пакан, те диваньти эзинь понгэна. Вясий рунгыза мокшень цёраньть кекшневкшнэсь, карь кочкаряза мокшень цёраньть эзь кекшевь. Вай, карь пулынинза мокшень цёраньть губан атясь неезя; вай, карь пулыстыньть мокшень цёраньть губан атясь таргизя; вай, вярикь

Ой, посмотрѣлъ наверхъ, верхушки деревьевъ не качаются. Ой, внизъ посмотрѣлъ, верхушки травы не колышутся. Впередъ посмотрѣлъ парень мокша—полкъ татаръ, назадъ посмотрѣлъ парень мокша — полкъ ногайцевъ. Ой, всплеснулъ обѣими ручками парень мокша, сжалъ молодецъ свои десять пальчиковъ. Ой, куда, куда спрятался парень? Въ большой ивовый кустъ вошелъ онъ. Ой, сто (человѣкъ) прошло, парня мокшу не увидѣли; ой, двѣсти прошло, молодца мокшу не увидѣли. Послѣ всѣхъ идетъ старый татаринъ, приближается. Ой, лошадь стараго татарина осѣдлана; ой, соколикъ стараго татарина свистнулъ; ой, собачка стараго старика татарина залаяла; ой, лошадь татарина старика заржала. — Сколько я не хожу, я не попадалъ на такое диво; сколько я не путешествую, я не попадалъ на такое диво.—Все тѣло парня мокши скрылось, пятка отъ лаптя парня мокши не спряталась. Ой, хвостъ отъ лаптя парня мокши увидѣлъ старикъ татаринъ; ой, дернулъ за хвостъ лаптя парня мокши старикъ татаринъ; ой, связалъ сы-

кшнаса мокшень цёраньть губан атясь сюлмизя; вай, кудув гавув губан атясь мурдакшнысь; вай, кудув гавув губан атясь пачкытькшнысь, кудув кардазув губан атясь пачкытькшнысь, — Вай, стяка, стяка, губан ава, стякая; вай, стяка, стяка, ногай ава, стякая. Вай, панжытяя, губан ава, сисимь панжумат; вай, таргитяя, ногай ава, сисимь тулынит. Вай, вить кедьнезэт сахьть, губан ава, чумбра кшы; вай, кярч кедьнезэт сахьть, ногай ава, салдыркс сал. Вай, мяинь радысть, губан ава, тять туян.—Вай, мокшень цёраньть сыря губанысь нолдэзя; вай, кудув гавув губан атясь суваftызя.—Вай, ушта ушта, губан ава, ушгая; вай, куда угылыт губан ава вешкезест.—Вай, думасть арьцисть мокшень цёраньть пячкимя; вай, думасть арьцисть мокшень цёраньть пидимя. Вай, удысь, удысь мокшень цёрась, удувкшнысь. Пелевяшканя мокшень цёрась сыргыйкшнысь. Маря куля—губанынь эйдись аварьдя; маря куля — ногайнь эйдись меляфтэ. Губанынь эйдись мокшень цёраньти жаль марявсь; ногайнь эйдись мокшень

рымъ ремнемъ парня мокшу старикъ татаринъ; ой, домой вернулся старикъ татаринъ; ой, къ дому пріѣхалъ старикъ татаринъ, къ избѣ и къ двору пріѣхалъ старикъ татаринъ. — Ой, встань-ка, встань-ка, татарская жена, встань-ка; ой, встань-ка, встань-ка ногайская жена, встань-ка. Ой, отопри-ка, татарская жена, семь замковъ; ой, выдерни-ка, ногайская жена, семь запоровъ. Ой, правой рукой, татарская жена, возьми здоровый хлѣбъ; ой, лѣвой рукой, ногайская жена, возьми солонку соли. Ой, какую радость, татарская жена, я тебѣ везу.—Ой, парня мокшу старый татаринъ отвязалъ; ой, въ домъ его старикъ татаринъ ввелъ.—Ой, погоди-ка, погоди-ка, татарская жена, погоди-ка; ой, чтобы свистѣли, татарская жена, углы твоего дома.—Ой, вздумали, замыслили зарѣзать парня мокшу; ой, вздумали, замыслили сварить парня мокшу. Ой, спалъ, спалъ парень мокша, выспался. Въ полночь парень мокша проснулся. Слышитъ—что-то плачетъ татарское дитя; слышитъ—печалится погайскос дитя. Жаль показалось парню мокшѣ

цёраньти жаль марявсь. Губанынь эйдиньть мокшень цёрась нурцизя. Балю-лю-лю, губанынь эхть баляль; утю балю, ногайнынь эхть баляль. «Вирь чыриса мокшень цёра пянькь кярясь, вирь чыриса мокшень алясь поляньцясь (и т. д. сначала всю пѣсню). Вай, думасть арьцисть мокшень аляньть пидимя». Вай, кыргазынза мокшень цёраньть губан авась повэтькшнэсь.—Вай, марян кулян—пиже дугась монь улят; вай, дайка, дайка, дугай, пирят чавсиса. Вай, чавсись, чавсись ногай авась, чавсикшнысь. Вай, вя сялмиваньть ногай авась сырьть лифтя; вай, омбэцеваньть губан авась вярьть лифтя.—Вай, кудув гавув, пиже дугай, провэдятан; вай, сэрий вядьганьть, пиже дугай, уизь ухьть; вай, алкиниваньть, мазый дугай, келейсты эскельть.

Записано І. А. Цыбинымъ; но запись его нѣсколько исправлена.

татарскаго дитяти; жаль показалось парню мокшѣ ногайскаго дитяти. Татарское дитя парень мокша покачалъ. Балю-лю-лю, побаюкалъ онъ татарское дитя; утю-балю, побаюкалъ онъ ногайское дитя. «На краю лѣса парень мокша рубилъ дрова, на краю лѣса молодецъ мокша (и т. д.). Ой, задумали, замыслили сварить молодца мокшу». Ой, на шеѣ парня мокши татарская женщина повисла.—Ой, слышу—ты мой малый братецъ; ой, дай-ка, дай-ка, братецъ, я поищу у тебя въ головѣ.—Ой, поискала, поискала ногайская женщина, заискалась. Ой, однимъ глазомъ ногайская женщина пускаетъ гной; ой, другимъ глазомъ татарская женщина пускаетъ кровь.—Ой, домой я, малый братецъ, провожу тебя; ой, по глубокой водѣ, малый братецъ, плавмя плыви; ой, черезъ мелкую воду, красивый братецъ, широко перешагни.

Ср. Сухокарб.

№ 41. Lajšymat[1]).

a)

Jalakskiń Ťiľ́p, tujat služba·ń ǵiń́i·va,
Tujat službań nužda·ń ǵiń́i·va,
Ńiľiń́ǵäm̀iń ǵi·java pačkyďat.
Ńiľiń́ǵäm̀iń ǵipŕasyńt̀ säŕij gubyrnä,
Guby·r boka·ś—alksy·t,
Säŕij guby·r—ṕŕalksy·t.
Čokšńeń käľm̀i·rosa·ś—aca·mut.
Valckiń käľm̀i rosa·ś—väl̓ťamut,
Staka·ružja·ś—dum̀i jalǵi·ńit.
Puvy varma·puva·za,
Kandy·varma·kandy·za,
Veŕ ograduų buva·za,
Kalm' ograduų kandyza,

1) Размѣръ въ передачѣ причитаній не соблюдался въ точности.

Причитанія.

Братецъ Филиппъ, ты пойдешь по служебной дорожкѣ,
Ты пойдешь по дорожкѣ службы и нужды,
Ты пройдешь по сорока дорогамъ.
На концѣ сороковой дороги высокій бугорокъ,
Склонъ бугра—подстилка твоя,
Высокій бугоръ—твое изголовье,
Вечерняя холодная роса—твоя постель,
Утренняя холодная роса—твое одѣяло,
Тяжелое ружье—товарищъ твоихъ думъ.
Дующій вѣтеръ пусть дуетъ,
Носящій вѣтеръ пусть носитъ,
Въ верхнюю ограду пусть дуетъ,
Пусть носитъ онъ въ могильную ограду,

Ve̍rga·, ťikšy pi̍ŕa·va,
Ťikšy pi̍ŕań čyŕkaftyź
Sava·rnasta, sasty·ńa,
Alga· moda· jožo·va,
Moda· puĺńiń zyrga·ftyź,
Aukań biĺis kandy·za,
Koŕma·ń bi·ĺis puva·za.

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

б)

Uχ, ava·kaj goŕma·kaj,
Uχ, avakaj di̍ŕa·kaj,
Ma̍ń gulumńiś saji·ńʒiť,
Ma̍ń jumamńiś saji·ńʒiť,
A po·rava vŕema·va,
A pora·va aška·va?

По верху, по верхушкамъ травы,
Заставляя трястись верхушки травы,
Легонько, нѣжно,
Внизу около самой земли,
Заставляя подняться земляную пыль,
Пусть несетъ въ уши матушки,
Пусть дуетъ въ уши кормилицы.

Охъ, матушка кормилица,
Охъ, матушка кормилица,
Какая тебя взяла смерётушка,
Какая тебя взяла погибель,
Не въ пору, не во время,
Не въ пору, не въ часъ?

Ќi laŋks nadĭjaź kadyṁik
Aŋka·ftuma ury·skiks?
Uryz ďakińiś sodavä
Laŋksy paľań guva·lma,
Ṕŕasy čèŕńeń guva·lma.
Laŋksy paľazy kargyćkä,
Ṕŕasy čèŕńenzy śaŋgyrat.
Eščo, uχ, avakaj goŕmakaj,
Avakaj ďirakaj,
Avíńiṁ žaľijńiṁ,
Ќäpidĭjńiṁ, valftyjńiṁ,
Stalmyń stakań gandyjńiṁ,
Voľnéj śvet laŋks noldėjńeṁ,
Avíńiṁ, aša lofcèńeṁ,
Avíńiṁ, ďuža moń ojńeṁ,
Aša rućińiṁ, baćińiṁ,

На кого надѣясь, ты оставила меня
Безматернею сироткою?
Сирота дитятко узнается,
По рубашкѣ,
По волосикамъ на головѣ.
Рубашка грязненькая,
Волосики на головѣ шершавы.
Еще, охъ, матушка кормилица,
Матушка кормилица,
Матушка, ты моя жалѣльщица,
Подымальщица, сымальщица,
Носительница тяжелой тяжести,
Отпустившая меня на вольный свѣтъ,
Моя матушка, бѣлое мое молочко,
Моя матушка, желтое мое маслице,
Ты моя бѣлая маленькая руця, мой платочекъ,

Kočkaŕava paľińiṁ,
Surbiŕava ožėńeṁ.
Ḿäji·ń ǵisa, ava·kaj,
Stalmy stakam moń gandyḱ,
Ḱäus vačkydĭt ton ǵeďńet,
Varma·s maksyḱ ton vijńi·t?
Äźi·ń maštuu̯, avakaj,
Kuč kijavat moľeṁä.
Äźiń maštuu̯, avakaj,
Čėf't alkskiń acy·ćaks.
Äźiń maštuu̯, avakaj,
Säŕij bŕalkskiń butyćaks.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

До пятокъ моя рубашечка,
До конца пальцевъ мой рукавчикъ.
Для чего, матушка,
Ты несла мой тяжелый вѣсъ,
Объ камень ударила свои ручки,
На вѣтеръ отдала свою силушку?
Я не пригодилась, матушка,
Ходить по послушной твоей дорогѣ.
Я не пригодилась, матушка,
Быть стельщицей мягкой постели.
Я не пригодилась, матушка,
Быть тою, что кладетъ высокія подушечки.

в)

Uχ, avińiṁ goṙṁeńeṁ,
Uχ, avińiṁ ďiřińiṁ,
Ḿäźiń gulumńä, avakaj, sajińʒiť?
Ńeznaj garčy vastyńʒyť.
Ńeznaj ṁäľga sasyńʒiť.
I sajińʒi rauży kulumaś
Kafty ṕiľksy ṕiľǵivijińit,
Kafty keccy ked'vijińit,
Ruŋgy v́iďga kosťeńʒeť,
Ruŋgy v́iďga śińďińʒiť.
Grušyńiška kadyźä,
Mazyj umaŕ ľićijńit.
Raužy kuluma kośťeźä,
Kośḱä čęu̯ńeks kośťeźä ruŋǵińit,
Kaľ daradyks kośťeńʒä

Охъ, матушка кормилица,
Охъ, матушка кормилица,
Какая, матушка, взяла тебя смеретушка?
Незнай, встрѣтила она тебя прямо,
Незнай, догнала она тебя сзади.
И взяла черная смерть
У обѣихъ ногъ твою ножную силушку,
У обѣихъ рукъ твою ручную силушку,
Прямо по тѣлу она тебя высушила,
Прямо по тѣлу она тебя извела.
Она оставила какъ грушу,
Личко твое, какъ красивое яблоко.
Черная смерть высушила,
Какъ сухую лучинушку высушила твое тѣльце,
Какъ ивовыя вѣтки, она высушила

Kafty kundy ked'eńet.
Kal' ʒućuńiks puštyńʒä
Kafty ked'eń käńiń zuryńit.
Ќi laŋks nad'jaź, avakaj, kadyńik?
Koda· karma·n äŕa·ma?
Sy tundy·ń mazy·j vŕeńe·ńä,
Sy tundy·ń mazy·j borė·ńä,
Godovėj pokš praźńik, —
Väśi· narod naŕä·žaft,
Väśi· lomaťťńä naŕä·žaft,
A mon, ava·kaj goŕma·kaj,
Tundyń kukuks karman kukurdama,
Tundyń ʒokoųks karman ʒokordama.
Ťe mazyj moŕėsėńť ńeščasnyj piŋgiń jutafca,
Ťe mazyj moŕėsėńť ńeščasnyj vekeń pečtasa.
Śäd'jńiń beščkśä goŕada,

Обѣ твои хватающія ручки.
Какъ ивовыя почечки, она высушила
Твои десять пальцевъ обѣихъ рукъ.
На кого надѣясь, матушка, ты меня оставила?
Какъ буду я жить?
Настанетъ прекрасное весеннее времячко,
Настанетъ прекрасная весенняя порушка,
Годовой великій праздникъ, —
Весь народъ наряженъ,
Всѣ люди наряжены.
А я, матушка кормилица,
Стану куковать, какъ весенняя кукушка,
Стану пѣть, какъ весенній соловей,
Этою красивой пѣснью я скорочу свой несчастный вѣкъ,
Этой красивой пѣснью я проведу свой несчастный вѣкъ.
Сердечко мое полно горя,

Po·tmom ьeščkśä· tošna·da,
A čyńiń gak jofńe·ŕeť,
A ŕäńiń gak koŗta·ŕiť,
A kuvaka ukstaź uksta·ŕiť,
A ṕśi śäĺŕäcca pańi·ŕiť.

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасіи Кожайкиной.

г)

U⁄, ťaťakaj goŕma·kaj,
U⁄, ťaťakaj diŕakaj,
Ḿäjiń gulu·ḿńiś saji·ńʒiť,
Ḿäji·ń juma·ḿńiś saji·ńʒiť,
Apo·rava ŕŕema·va,
Apo·rava aška·va?
Ḱilaŋks naďijaź kady·ḿiḱ,

Внутренность моя полна тоски,
И дню ея не разсказать,
И ночи ея не изложить,
Тяжелымъ вздохомъ не вздохнуть
Горячими слезами не отогнать.

Охъ, батюшка кормилецъ,
Охъ, батюшка кормилецъ,
Какая тебя взяла смеретушка,
Какая тебя взяла погибель,
Не въ пору, не во время,
Не въ пору, не въ часъ?
На кого надѣясь, оставилъ ты меня

Purnyjf́t́iḿi skoťe·naks?
Ńejuš, ťaťakaj, ton dujat,
Ko·zėj čyńiś ľeḿbeńesta atokä,
Kozėj vaŕḿińiś sätḿińista apu·vä;
Śezė·j, ďaťa·kaj, don duja·t,
Śezėj, goŕma·kaj, don java·t.
Mińiḱ, ťaťakaj, gaca·ḿiź,
Mäńi·Ľ alu·u̯, Baz a·luu̯,
Ťaťkaftum' uryskiks.
Avuľi ḿińiḱ t́iŕiń ďaťkanyk,
Avuľi ḿińiḱ mastyrlaŋgyń žaľi·jnyk.
Ńeščasny·j ďa·kaś sodaŕä,
Ťa·ťakaj, laŋks oďežäń guva·lma:
Laŋks oďežaza, ťaťakaj, kala·da,
Ṕiľksy kaŕńinza, ťaťakaj, gala·dat,
Suf́t́iŕgaduu̯ks čama ľićaza.

Безпризорною скотиною?
Теперь ужъ, батюшка, ты уйдешь,
Куда солнышко тепленько не касается,
Куда вѣтерокъ тихонечко не дуетъ.
Туда, батюшка, ты уйдешь
Туда, кормилецъ, ты скроешься,
Насъ, батюшка, ты оставишь,
Подъ небомъ, подъ Богомъ,
Сиротками безъ отца.
У насъ не будетъ кормильца отца,
У насъ не будетъ жалѣльщика земного.
Несчастное дитя узнаётся,
Батюшка, по одеждѣ:
Его одежда, батюшка, разорвана,
На ногахъ его лапотки, батюшка, разорваны,
Запаршивлено его лицо.

Śeń guvalma ǵŕešnėj ďa·kińiś sodaŕä,
Šty son mastyrlaŋgyń ďakaś uryskä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

№ 42. Колыбельныя пѣсни.

Koda ńäńka·st sajsy·ź äjdï·st i ľiśi·ť uľća·ų, puru·mit kafty ko·lma ńä·ńka i śäŕǵi·dïť:

а)

Jala·kskiḿ, baľaľa·.
Vaj, śijäń kŕuka·,
Jala·kskiń kŕuka·za;
Vaj, pižä ŕiśḿi·ť
Jala·kskiń ve·ďḿenʒa.

По этому несчастное дитятко узнается,
Что это земное дитя сирота.

Когда няньки возьмутъ своихъ дѣтей и выйдутъ на улицу, сойдутся двѣ три няньки и кричатъ:

[Баляля, а баля
Ой, утя баляля.

У кого въ рукахъ дѣвочка, та говоритъ «моя маленькая сестрица», а у кого въ рукахъ мальчикъ, та говоритъ «мой маленькій братецъ»:]

Братецъ мой, баляля.
Ой, серебряный крюкъ,
Братцевъ крюкъ;
Ой, зеленыя цѣпочки
Братцевы зыбочные ремни.

Vaj, ńäńi·ľc masty·rc
Jala·kskiń laṷśki·za.
Vaj, uťa· baľa·,
Vaj, kuva·ť udä.

---

b)

Ťäťa·m ṕäčkś ala·ša,
Mo·ńďäń maksć lova·ža.
Poŕńeń poŕńeń, äź boŕńeṷ.
Tujiń mo·kšėń kijava,
Mujiń mo·kšėń ťäχťiŕńä.
Pana·ryza ka·lada,
Poťä ṕŕaza u·šysa.
Poťä ṕŕada su·skińä,
Bėŕek a·luṷ uskińä.
Bėŕek ala ku·dyńä,

Ой, отъ неба до земли (качается)
Братцева зыбочка.
Ой, утя-баля,
Ой, долго онъ будетъ спать.

Отецъ зарѣзалъ лошадь,
Мнѣ далъ онъ кость.
Глодалъ я, глодалъ, не обглодалъ.
Пошелъ я по мокшанской дорогѣ,
Нашелъ я мокшанскую дѣвушку.
Рубашка ея износившаяся,
Конецъ титьки наружу.
Я схватилъ зубами за конецъ титьки,
Затащилъ ее подъ берегъ.
Подъ берегомъ избушка,

Kudyńi·syńť ba·ďińä.
Ba·baj, pa·nčt! A·mařan.
Ďe·daj, pančt! A·panžan.

№ 43.

a) Śeďä ikiľiń tundyń mora.

Pokš vädiń truks śářgiďan:
Auvéšť, kizyś saza.
Kaftyńä pant, au!
Auvéšť, kara karča.
Kolmòćeńeś auvéšť.
Auvéšť, umař čufta,
Mastyryń páářť, au!
Auvéšť, undykskinža
Mäńiľiń páářť, au!

Въ избушкѣ старушка.
Бабушка, отопри! Не слышу.
Дѣдушка, отопри! Не отопру.

Старинная весенняя пѣсня.

Я крикну черезъ большую рѣку:
Ау, *пусть придетъ лѣто.*
Двѣ горки, ау!
Ау, на встрѣчу (другъ другу).
Третья, ау!
Ау, яблоновое дерево,
Вокругъ земли, ау!
Ау, его дуплышки
Вокругъ неба, ау!

Auv́eśť, taratkiŋza
Ḱeď käľiškat, au!
Auv́eśť, loṕeńeŋza
Mokšandaškat, au!
Auv́eśť, umaŕiŋza.

б)

Aa, v́išaa nasaa
Na v́ijakańaa,
Na v́ijakańaa.
Turbań potomkskä a Ivańiza,
A aša guľkińä a Dŕigańiza,
Tundyń ćokoṵńä a Miťańiza.

Ау, его вѣточки
Шириной съ ладонь руки, ау!
Ау, его листочки
Съ кулакъ, ау!
Ау, его яблоки.

— — —
— — —
— — —

Какъ трубная затычка, Иванова жена,
А бѣлая голубка Григорьева жена,
Весенняя соловушка Дмитріева жена[1]).

---

1) Эта пѣсня поется великимъ постомъ, когда бываютъ проталинки. Къ причитанію прибираютъ женскія имена, при чемъ каждой женщинѣ дается характеристика.

в)

Aǵiź aďa,
Ośka puŕďä
Ośka śiṁä.
Taṅa moľä,
Mongak moľan.
A! ǵiźďiṅ ǵiźďiṅ, a! kaṅa.
Ośka moľä,
Mon amoľan,
Ośkaftuma
Ťää a uľä.
A! ǵiźďiṅ ǵiźďiṅ, a! kaṅa.

A! ǵiźďiṅ ǵiźďiṅ, a! kaṅa.
Aďä, Miša puŕďä śiṁä.

— —
Оська пурю
Оська пьетъ.
Таня идетъ,
И я иду.
— — — —
Оська идетъ,
Я не иду,
Безъ Оськи
Дѣла не будетъ.
— — —

— — — —
Ступай, Миша пьетъ пурю.

A! ǵiźďiń ǵiźďiń, a! kańa.
Tańa moľä, mongak moľan.
A! ǵiźďiń ǵiźďiń, a! kańa.

г)

Ḿäks mon čeŕevan,
A mon puluvan?
Aľuv́eśť ľuv́eśť!
Moń śiśiḿ aľkan,
A mon sazyran,
Aľuv́eśť ľuv́eśť!
Moń śiśiḿ uŕkan,
A mon paryjan,
Aľuv́eśť ľuv́eśť!
Moń ušat v́äca,

— — — —
Таня пойдетъ, и я пойду
— — — —[1])

Отчего я богата волосами,
Отчего я богата косой?
— —
У меня семь деверьевъ,
А я сестра,
— —
У меня семь невѣстокъ
А я золовка,
— —
Ушатомъ воды

1) И т. д. перебираютъ всѣ имена и поютъ эту пѣсню весь вечеръ.

Ṕŕam a ṕäzuv́ä,
Aľuv́eśť ľuv́eśť!
V́ä ṕiťťim(a) ojsa
Ṕŕam a vaďńiv́ä,
Aľuv́eśť ľuv́eśť!
Kšńiń ǵŕeb̀eškasa
Ṕŕam a straftuv́ä,
Aľuv́eśť ľuv́eśť!
Ṕižyń suŕćamsa
Ṕŕam asuďŕäv́ä,
Aľuv́eśť ľuv́eśť!
Śiśiń uŕkańiń
Pulym a ponav́ä,
Aľuv́eśť ľuv́eśť!
Śiśiń aľkańiń
Kaŕť a kodav́iť,

Голова моя не вымоется,
— —
Масломъ отъ одного пахтанья
Голова моя не намажется,
— —
Желѣзнымъ гребешкомъ
Головка моя не расчешется,
— —
Мѣднымъ гребешкомъ
Головка моя не расчешется,
— —
Семи невѣсткамъ моимъ
Косы моей не заплести,
— —
Семи деверямъ моимъ
Лаптей не сплести,

Aĺuv́eśt ĺuv́eśt!
Śiśiṁ dugańiń
Kaŕkst a ponav́iť,
Aĺuv́eśt ĺuv́eśt!

д)

Kolma kiť, kiulyt,
Ḱiulysyńť v́iš uma.
Ḱi sokeźä v́idźä?
Ḱeďä sokeźä v́idźä.
Ḱi nujiźä kočkeźä?
Proska nujiźä kočkeźä.
Ḱi jutä ṕävanʒa?
Ḱeďä jutä ṕävanʒa.
— A! Boχ pomoč, Proska. —
— A! Paśiba, Ḱeďä. —

— —
Семи сестренкамъ моимъ
Оборы не свить,
— —

Три дороги, перекрестки,
На перекресткѣ загонъ полбы.
Кто вспахалъ его, посѣялъ?
Ѳедя вспахалъ его, посѣялъ.
Кто сжалъ его, пропололъ?
Фроська сжала его, прополола.
Кто проходитъ по его краю?
Ѳедя проходитъ по его краю.
— А! Богъ помочь, Фроська. —
— А! Спасибо, Ѳедя. —

— Źara sajat nujimga,
— Źara sajat kočkomga? —
— Tŕi spalťina jolťena,
— Ṕaťrubľovój gumaška. —

---

e)

Ṕiźiḿiś ṕiźä,
Kovòlèń kovòl
Ṕverba ṕäťńä koľgeť
Poɳńeń poɳńeń.
Šekšatyś nalkśä
Pulynʒa maṛta,
Narmyńiś nalkśä
Śormanʒa maṛta.
A Maŕka nalkśä
Dŕiganʒa maṛta.

— Сколько ты возьмешь за жнитво,
— Сколько ты возьмешь за полку? —
— Три съ полтиной (?),
— Пять рублевыхъ бумажекъ. —

Дождь идетъ,
На каждую ковылинку
Съ вербы капли падаютъ,
Какъ пуговки, какъ пуговки.
Дятелъ играетъ
Своимъ хвостомъ,
Пташечка играетъ
Своимъ крыломъ.
А Марья играетъ
Со своимъ Григорьемъ.

Syń kosa nalkśiť?
Uĺćasa strupsa,
Tazuų śäja jutksa.

ж)

A! moĺďana, ḿoĺďana
Kaḿiškerėń bazaruų,
Ramatana, ramatana
Śiv́iks kyrga jakśarga,
Oznėsėńek oznėsėńek
Dř́iga maṛta Daŕäń ǵis:
Muśkimsta, čovamsta
Daŕańiń gak ľeḿbeńä,
Sokamsta, v́iďimsta
Dř́igańiń gak čeft́eńä.

Гдѣ они играютъ?
На улицѣ въ срубѣ,
Около паршивой козы

Ср. Сухокарб.

А! идемъ, идемъ
На Камешкирскій[1]) базаръ.
Купимъ, купимъ
Утку съ колечками на шеѣ,
Помолимся, помолимся
Съ Григорьемъ за Дарью:
При мытьѣ стираніи
Дарьѣ (пусть будетъ) тепло,
При пашнѣ сѣяніи
Григорью (пусть будетъ) мягко.

Ср. Сухокарб.

---

1) Камешкиръ—село Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи.

3)

A! śeľeka, śeľeka!
Konań śudan śiśimga,
Śiśiń kalmyń čuvumga.
Kalmyńť laŋga v́äď čuďä,
V́äďńińť äzga kaľť kasyť,
Kaľńiń ṕrava kumbŕińiť.
Ḱi śeźńeńǯä, noznèńǯä?
Ivan seźńeńǯä, noznèńǯä,
Pokš uľćava tujikšnyś.
Kuva jaǩä, lančä,
Mazyj Tańäń mančä.
Kuva jaǩä, v́eškä,
Tańa laŋksa šèškä.

Ахъ, селезень, селезень!
Кого я прокляну семь разъ,
Черезъ семь могилъ.
По верху могилы течетъ вода,
По водицѣ растетъ тальникъ,
По верхушкамъ тальника почки.
Кто ихъ растерзалъ и разодралъ?
Иванъ ихъ растерзалъ и разодралъ,
И пошелъ по большой улицѣ.
Гдѣ идетъ, тамъ садится на корточки,
Красивую Таню онъ обманываетъ.
Гдѣ идетъ, тамъ свиститъ,
Поверхъ Тани топчетъ.

и)

A! ѵeŕej kuźan,
A! aluu̯ valgan.
Ѵiŕca D'ŕiga
Ḿäśť ťäjńä?
Kaľ taratkiť inzyďä,
Proskań äsa ṕiŋ́gíďä.

№ 44. Скоморошныя.

а)

Tatarava, parava
Praś karda vaŕava,
Muś koṕejka,
Sajś koźajka,
Čačtaś ćora,
Ľäḿinʒa Dora,

А! я влѣзу на верхъ,
А! я слѣзу внизъ.
Въ лѣсу Григорій
Что дѣлаетъ?
Онъ строгаетъ вѣтки тальника,
Набиваетъ обручи поверхъ Фроськи.

Татарская женщина, добрая женщина,
Упала въ дыру хлѣва,
Нашла копейку,
Взяла хозяйка,
Родила сына,
По имени Дора,

Buka laŋga jakića,
Buka pulyń puvŕića.
Tazuų tuzuų uľiza.
— Aźa, Dora, bazaruų. —
— Ḿäźä, ḿäźä ramama? —
— Kuja tuva, boŕćek ľäųks
— Aša maćij, bełaj guś. —

б)

Uχ, avakaj, goŕmakaj,
Ṕäkińäza sėŕeďä.
Kuva kuva sėŕeďä?
Poča viďga sėŕeďä.
I! O! Ańuta,
Śťada papa Ḿikita,
Ozadyń pad Luša,

Онъ ѣздокъ на быкѣ,
Онъ закручиваетъ хвостъ быка.
Пусть онъ будетъ паршивымъ, шелудивымъ.
— Ступай, Дора, на базаръ. —
— Что и что покупать? —
— Жирную свинью ....(?),
— Бѣлаго гуся, бѣлаго гуся. —

Охъ, матушка, кормилица,
Животикъ его болитъ.
Гдѣ и гдѣ болитъ?
Около пупка болитъ.
И! О! Анюта,
Съ возбужденнымъ ч. Никита,
Съ сидячимъ в. Луша,

Kunčkasynʒa Gruša,
Ṕäṕť ṕižyń povònʒa,
Ńiľińġämiń grušaza,
V̀äχkä paŕćij ćokòza,
Śejak ćeķeľ ṕŕasynʒa.

в)

A! ťeľeńä! ťeľeńä!
Ťeľeś uľńiś jakšama,
Kyš jakšama pogòda,
Lutkńiń latkńiń v̀äl̓tińʒä,
Gubyr ṕŕätńiń štaftyńʒä.
Gubyr ṕŕasa kudyńä,
Kudyńisyńť aťińä,
Aťińiś morä dudysa,
Ťäχtiŕiś kiščä dubyrfca,

По серединѣ — Груша,
Вокругъ — мѣдныя пуговицы,
У него сорокъ бляхъ,
Одна шелковая кисть,
И та на кончикѣ ч.

А! зимушка! зимушка!
Зима была холодная,
Хоть холодная погода,
Она наполнила долы и овраги,
Она оголила верхушки бугровъ.
На вершинѣ бугра домикъ,
Въ домикѣ старичекъ,
Старичекъ играетъ на дудкѣ,
Дѣвушка пляшетъ .... (?),

Pulyńiźa bokasa.
— Mäks pulyt bokasa?
— Daj mon surcyn tokasa. —

г)

A! veŕe·j kuźa·n,
A! aluu̯ valga·n.
Aĺńä, kišť iki·ĺin,
A·ĺńä, kišť uda·lyn,
A·ĺńä, ky·ŕńaft la·ŋgyzyn,
Ví·ťiť pä·ťiť ka·ŕazyn,
Toŋgeť gu·ĺkat va·ŕazyn.

Варіанты: въ 5-мъ ст. вм. kyŕńaft — skokaťť; въ 7-мъ ст. вм. toŋgeť gulkat — jokstėť suryt.

Коса ея на боку.
— Отчего твоя коса на боку?
— Дай я трону ее пальцемъ. —

Начало этой пѣсни ср. выше № 1.

А! на верхъ полѣзу,
А! внизъ слѣзу.
Деверь, пляши передо мной
Деверь, пляши позади меня,
Деверь, прыгни на меня,
Выпрями, выправи мои ребра,
Воткни .....

д)

Mäks pa·dyt bokasa·?
Daj guľkasyn tokasa·,
Śeďi vasuų jokstasa··

е)

A vesna·, vesna·, vesna·!
Konań pa·dyza ťesna·,
Śe moľe·za Jolča·ŋkas.
Jolča·ŋkasa gurtoųščeķ,
Utum śľega pa·paza,
Pad potmȯťńeń ta·paza.

ж)

Pad ťäjś supŕatka,
Papa moľć supŕatkas,

Отчего .... на боку?
Дай я трону его ...
Всуну его подальше.

А весна, весна, весна!
У кого ... тѣсно,
Та пусть идетъ въ Елшанку,
Въ Елшанкѣ гуртовщикъ,
... его съ амбарную слегу,
Пусть онъ разобьетъ внутренность ...

... устроилъ супрядку,
... пришелъ на супрядку,

A dĭŕiďa dĭŕiďa,
Kundaś papa ščyŕida,
Praś papań ščyŕiza,
Śiųś ščyŕa ńeŕeza.
Gŕešnėj papa avaŕďä,
Durak pad päjďä.

№ 45. Kaľadamuťńä.

a)

Kaľada! Pizny pŕasa kaša čakš.
— Kaša čakškiś koų moľć?
— Raųža kiska salyźä.
— Raųža kiskaś koų moľć?
— Säŕij vĭŕc voŕgeć.
— Säŕij vĭŕiś koų moľć?
— Pščy uźĭŕiś käŕiźä.

— — —,
Схватилъ за край . . .
Упалъ край . . . .
Разбился . . . .
Несчастный . . . плачетъ
Глупое . . . смѣется.

Колядованья.

Коляда! На печурочкѣ горшокъ каши.
— Горшочекъ каши куда дѣлся?
— Черная кошка его съѣла.
— Черная кошка куда дѣлась?
— Въ высокій лѣсъ убѣжала.
— Высокій лѣсъ куда дѣлся?
— Острый топоръ его срубилъ.

Kaľada! Pščy uźiŕiś koų̯ moľć?
— Ińi v̓äc vajaś.
— Ińi v̓äďiś koų̯ moľć?
— Jakśtiŕä buka śiḿiźä.
— Jakśtiŕä bukaś koų̯ moľć?
— Roštovańiń p̓äčkińik,
— Aų̯ńa ala p̓iďińik,
— Kuśtim' ala oznėńeķ,
— Čovar ala säv̓iḿik.
Lupuški lapuški, daj mńe p̓iroški.

Въ варіантѣ: во 2-й стр. вм. čakškiś — čakšyś; во 2-й, 4-й, 6-й, 8-й, 10-й, 12-й стр. вм. koų̯ moľć — kosa (т. е. гдѣ); въ послѣдней стр.: davaj, uŕäš, śukyra (т. е. дай, молодушка, лепешку).

б)

Kaľada! Avam iľijsa čavyḿiḿ,
— Avam kaśkas kajiḿiḿ,

Каляда! Острый топоръ куда дѣлся?
— Въ большой водѣ утонулъ.
— Большая вода куда дѣлась?
— Красный быкъ ее выпилъ.
— Красный быкъ куда дѣлся?
— Мы зарѣзали его къ рождеству,
— Подъ овиномъ испекли,
— Подъ лѣстницей замолили,
— Подъ ступой съѣли.
Лупушки, лапушки, дай мнѣ пирожки.

Коляда! Мать побила меня прутомъ,
— Мать бросила меня въ подполье,

Kaľada! Ťaťam saś, targyṁiṁ,
— Od kaṙńis kaṙćiṁiṁ,
— Kaľadama kučyṁiṁ,
— Ťäťäńiń taṅťijńiťńiń,
— Avańiń ataṅťijńiťńiń.
Lupuśki lapuśki, davaj, uŕäš, śukyra.

в)

Kaľada! Kudykiľä eŕkeńä,
— Eŕkeńesėńť tuṁińä,
— Tuṁińisyńť lapaskä,
— Lapaskisyńť guľkińä.
— Śijäń orčamt laŋksyŋza,
— Ṕižä čapka ṕŕasyŋza,
— Jakśtiŕä keṁť ṕiľksyŋza,
— Ľiść odʒora, ľeďeźä.

Каляда! Отецъ пришелъ, вытащилъ меня,
— Въ новые лапотки обулъ меня,
— Колядовать послалъ меня,
— Отцу сладенькія,
— Матери не сладенькія.
Лупушки, лапушки, давай, молодушка, лепёшку.

Коляда! Въ сѣняхъ озерко,
— На озеркѣ дубокъ,
— На дубкѣ листокъ,
— На листкѣ голубка.
— Серебряная одежда на ней,
— Зеленая шапка на ней,
— Красные сапоги на ногахъ ея.
— Вышелъ парень, застрѣлилъ ее.

Kaľada! Pukštyr nakštyr tolganʒa,
— Śija v̓äď m̓äľga noldėńʒä.
Lupušk̓i lapušk̓i, davaj, uŕäš, kaľada.

г)

Kaľada! Čačy śuryś čačyza,
— Ažyjaška olgėza,
— Čyŕk̓i p̓äška kolòzėza,
— Kaľadaška ź̓ornaza.
Lupušk̓i lapušk̓i, davaj, uŕäš, śukyra.

д)

Kaľada! Gaj sakala säď ala,
— Tuma pula sodama,
— K̓iľ̓ij pula t̓äχ̓t̓iŕ äχ̓t̓.
Lupušk̓i lapušk̓i, davaj, uŕäš, kaľada.

Каляда! Бацъ! бухъ! — ея перья,
— По серебряной водѣ онъ ихъ пустилъ.
Лупушки, лапушки, давай, молодушка, коляду.

Коляда! Произростающій хлѣбъ да родится,
— Солома его съ оглоблю,
— Колосъ его съ конецъ дуги,
— Зерно его съ коляду.
Лупушки, лапушки, давай, молодушка, лепёшку.

Коляда! Звучащій (?) — подъ мостомъ,
— Дубовый хвостъ — зять
— Березовый хвостъ — маленькая дочь.
Лупушки, лапушки, давай, молодушка, коляду.

Б. Сухой Карбулакъ.

№ 46 [1]). Литюва.

Грешнэй зюдуфт Литюва,
Пазынь зюдуфт Литюва,
Афкинизы авечксэ,
Тятянизы акелькэ,
Сонзы чаўсы афказа,
Паньцы ушуў гудыста.
Сонзы чаўсы тятьказа,
Паньцы ушуў гардайста.

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующихъ семь слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго слога.

Несчастная проклятая Литюва,
Богомъ проклятая Литюва,
Матюшка ея не любитъ ее,
Батюшка ея не любитъ ее,
Ее побьетъ мать ея,
Выгонитъ изъ избы наружу.
Ее побьетъ отецъ ея,
Выгонитъ со двора наружу.

Ульнись чиязь юмамга,
Ульнись чиязь арамга.
Чиизь зыри татарнынь,
Сыри губан сёранинь.
А сон годяўсь боярнынь,
Годяўсь пары цёранинь.
Каня год зон эрякшнысь,
Каня год зон ащикшнысь,
Цёра тяка чачтыкшнысь.
Кодась шолкэнь гоцташка.
Кува яки, аварьде,
Кува яки, меляфтэ.
Ки неезе — аварьдизь?
Ки неезе — меляфтызь?
Полэнезы неезе,
Полэнезы рядизе.

Она была просватана, для того чтобы ей пропасть,
Она была просватана, для того чтобы ей погибнуть.
Ее просватали старому татарину,
Старому татарскому мужику.
А она угодила къ барину,
Угодила къ доброму человѣку.
Не знай годъ она жила,
Не знай годъ она пробыла,
Сына маленькаго она родила.
Соткала она свертокъ шелка.
Гдѣ ходитъ, плачетъ,
Гдѣ ходитъ, печалуется.
Кто увидѣлъ ее — плачущею?
Кто увидѣлъ ее — печалующеюся?
Муженекъ ее увидѣлъ,
Муженекъ ее примѣтилъ.

— Мекс аварьдят, Литюва,
— Мекс, Литюва, меляфтат?
— Титянь гудыт эль мельц лець?
— Титянь гудыт эль преўс сась?
— Паньтя пецька калаця,
— Сайтя шолкэнь гоцташка.
— Кильдян бары ракшынить,
— Кильдян бары алашат.
— Пачтян мон донь, Литюва,
— Пачтян дитянь гудызыт.
— Вийтян мон донь, Литюва,
— Вийтян алянь гудызыт. —
Панць Литюва калацят,
Сайсь Литюва коцташка,
Сайзи цёра тяканsа,
Сайзи цёра эйденsа.

— Отчего ты плачешь, Литюва,
— Отчего, Литюва, ты печалуешься?
— Или отцовскій твой домъ вспомнился?
— Или отцовскій твой домъ пришелъ тебѣ на умъ?
— Испеки-ка печку калачей,
— Возьми-ка свертокъ шелку.
— Я запрягу хорошихъ коньковъ,
— Я запрягу хорошихъ лошадей.
— Я доставлю тебя, Литюва,
— Я доставлю тебя въ твой отцовскій домъ.
— Я привезу тебя, Литюва,
— Я привезу тебя въ твой родной домъ. —
Испекла Литюва калачи,
Взяла Литюва свертокъ,
Взяла сына дитёнка,
Взяла сына ребёнка.

Полэнезы кильць ракшат,
Полазы кильць алашат.
Весть вачкицьть, пакся ютасть,
Каўксть вачкицьть, кафты ютасть.
Колмоцеды вачкидизь,
Окольця пес сынь пачкицьть.
Каравлиця атине
Чапкининsы саизе.
Конелька лангкс атясь прась,
Карксам видис сюкунясь.
— Иля, покщай, сюкуня,
— Мон ведь авуль бояран,
— Грешнэй зюдуфт Литюван.—
Пачкицьть сынь вели курыс,
Ванцызь: ащи велень брумкс.
Саизь цапкаст атятьне,

Муженекъ ея запрягъ коней,
Мужъ ея запрягъ лошадей.
Одинъ разъ ударили, проѣхали поле,
Два раза ударили, проѣхали два поля.
Третій разъ ударили,
Достигли они околицы.
Караульщикъ старичекъ
Снялъ свою шапочку.
На колѣнки упалъ старикъ,
Въ поясъ поклонился.
— Не кланяйся, дѣдушка,
— Я вѣдь не барыня,
— Я несчастная проклятая Литюва. —
Дошли они въ середину села,
Смотрятъ: стоитъ сельскій сходъ.
Сняли шапки старики,

Карксам видьга сюкунясть.
Пачкицьть сыньцист орта лангс.
Арась карчы вастыця,
Арась ортань банцица.
Лиссь карчынзы дугаза,
Эси сода Литювань.
— Косы, дугай, шкинь афкам?
— Косы тиринь дятькинимь? —
— Афкам ярцый гудыса,
— Тятькам симий гудыса. —
— Аська, дугай, зерьгедеть,
— Аська, дугай, ёфтака. —
— Атька, афкай, зась патькам,
— Сась Литюва, тятякай. —
— Литюванинь госты самс,
— Тесы улимс сонянзы?

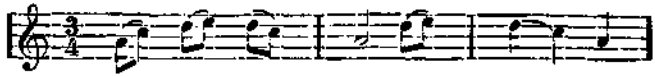
Въ поясъ поклонились.
Доѣхали они до ихъ воротъ.
Нѣтъ встрѣчающаго,
Нѣтъ отпирающаго ворота.
Вышла ей навстрѣчу ея младшая сестра,
Не узнала Литювы.
— Гдѣ, сестрица, родимая моя мать?
— Гдѣ кормилецъ мой батюшка? —
— Мать моя въ харчевнѣ,
— Отецъ мой въ кабакѣ. —
— Ступай-ка, сестрица, позови ихъ,
— Ступай-ка, сестрица, скажи-ка. —
— Иди-ка, матушка, пришла старшая сестрица,
— Пришла, батюшка, Литюва. —
— Литювѣ откуда придти,
— И быть ей здѣсь?

— Минь юмамга максыникь,
— Минь арамга максыникь. —
Тятязы и аваза
Эсть са ярцый гудыста;
Тятязы и авазы
Эсть са симий гудыста.
Кильдифтиньзи ракшатьнинь,
Поводезь алашатьнинь.
Вишкизимс сон гадызе
Панизь бецька калацяньть,
Столанкс кад'зе коцташкыньть.
Сась афказы кудуў циў,
Сась тятькказы кудуў циў,
Кафты кедест вачкидизь,
Кемень зурыст пурдакшнызь.

— Мы отдали ее на погибель,
— Мы отадли ее на погубленіе. —
Отецъ и мать ея
Не пришли изъ харчевни;
Отецъ и мать ея
Не пришли изъ кабака.
Велѣла она запречь коней,
Заложить лошадокъ.
На судной лавкѣ она оставила
Испеченное печиво калачей,
На столѣ она оставила свертокъ.
Пришла ея мать домой,
Пришелъ ея отецъ домой,
Всплеснули обѣими руками,
Сжали свои десять пальцевъ.

Ср. Обр. морд. слов. I, № LXIV («Литова»). Сходна также пѣсня № LIII (Виртява). Съ именемъ Lituva сходная пѣсня у Paasonen, Proben, I, № III.

№ 47. Дова баба.

Дова баба салдатка,
Дованьтъ колмы цёранsа.
Покш цёрэненьть а вечксэ,
Покш цёрэненьть а кельксэ.
Пирининsы пезэзе,
И судьризе, вадьризе,
Кедь бенеды кундызе,
Раў береккес ветезе,
Раў береккес ветезе,
Чавы суднас каизе,
Чавы суднас каизе,
Равунь гувалт нолдэзе.
— Прощай, брощай, эйдякай,
— Прощай, горьменецькемат. —

Вдова баба солдатка,
У вдовы три сына.
Старшаго сына она не любитъ,
Старшаго сына она терпѣть не можетъ.
Головку его она вымыла,
И вычесала, и охорошила,
За конецъ руки его схватила,
На бережокъ Волги привела его,
На бережокъ Волги привела его,
Въ пустое судно бросила его,
Въ пустое судно бросила его,
Вдоль по Волгѣ пустила его.
— Прощай, прощай, мой ребеночекъ,
— Прощай, ты мой кормилецъ. —

— Рад бу, афкай, брощалинь,
— Береккедэньть васылан.
— Кедьни веньцьтемс—а сатэ,
— Вайгиль максумс—а маре,
— Вайгиль максумс—а маре,
— Сёрма кучумс—а моле,
— Сёрма кучумс—а моле,
— Ловнэйнезы а уле.
— Прощай, брощай, авакай,
— Прощай, горьменецькемат,
— Ланґксы палянь галадумс,
— Пильксы понґксэнь зуриямс,
— Пильксы понґксэнь зуриямс,
— Пильксы каринь левшыямс. —

— Радъ бы, матушка, простить,
— Я далекъ отъ бережка.
— Ручку протянуть—не достанетъ,
— Голосъ дать—не услышитъ,
— Голосъ дать—не услышитъ,
— Письмо послать—не дойдетъ,
— Письмо послать—не дойдетъ,
— Не будетъ читающаго.
— Прощай, прощай, матушка,
— Прощай, ты моя кормилица,
— До изношенія рубашки,
— До тѣхъ поръ, какъ разойдутся на ногахъ по ниткамъ штаны,
— До тѣхъ поръ, какъ на ногахъ разойдутся по ниткамъ штаны,
— До тѣхъ поръ, какъ измочалятся на ногахъ лапти. —

Ср. Орк.

№ 48.

Исинь зайфть одерьвась,
Улкынь максуфт тейтересь,
Покай боцы рунгызa,
Фата алы чамаза.
Кучызи тевс полаңsa,
Кармафтызи роботас.
Макссь полаңцтынь гоймене;
Кармась ловонь гаяма.
Лиссь полаңsы варчама:
Коймес кельместь кеденsa,
Турвас кельмесь нолгэза.
Кафты пилькты кундызе,

Вчера взятая молодушка,
Намедни выданная дѣвушка,
Станъ ея подъ вышитой рубашкой,
Лицо ея подъ фатой.
Послала она мужа своего на дѣло,
Заставила его работать.
Дала мужу своему лопатку;
Онъ началъ кидать снѣгъ.
Она вышла посмотрѣть на мужа:
Руки его примерзли къ лопатѣ,
Сопли его примерзли къ губамъ.
За обѣ ноги она его схватила,

Утум угулц эрьтезе.
Варчтась — полазы кула,
Утум алуў ёкстэзе.
Кода кудуў зувакшнысь,
Покш патязы кеўкстезе:
— Пенерьвени, тонь госа
— Мазый бары полэнет? —
— Ох, покш патяй, батюшай,
— Мон болэнемь цавине;
— Кода варчтынь, зон гула,
— Утум алуў ёкстэне. —
— Тон месть кармат тейнеме,
— Кода сыть покш начальникть?
— Велень атят пурнавить,
— Сыняст месть тон отвечат? —
— Авуль ровна полань гис

Объ амбарный уголъ она его ударила.
Посмотрѣла — мужъ ея мертвый,
Подъ амбаръ она его всунула.
Когда она вошла въ избу,
Старшая золовка его спросила:
— Золовушка, гдѣ твой
— Красивый, добрый муженёкъ? —
— Охъ, старшая золовушка, сестрица,
— Я ударила своего муженька;
— Когда посмотрѣла, онъ мертвый,
— Подъ амбаръ я его всунула. —
— Что ты будешь дѣлать,
— Когда придутъ старшіе начальники?
— Когда соберутся общественные старики,
— Что ты имъ отвѣтишь? —
— Изъ-за неровнаго (лѣтами) супруга

— Начальники а полян!
— А тееть тень мезияк
— Велень атят те лангса! —

№ 49.

Павань долга мекш ава,
Сырьнинь долга мекш ава!
Авась авуль ультьдяря,
Мекшкетьни як авульть ульть.
Авась думи лифтяма,
И мекшкетьни мельганsa.

— Я не боюсь начальниковъ!
— Мнѣ ничего не сдѣлаютъ
— Общественные старики за это! —

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № V (значительно отличающуюся) и LV.

Съ павлиными перьями пчелиная матка,
Съ золотыми перьями пчелиная матка!
Еслибы не была матка,
Не было бы и пчелокъ.
Матка думаетъ полетѣть,
И пчелки за ней.

Козэй гозэй лоткакшнысь,
Козэй гозэй валгыкшнысь?
Пармыща ланкс лоткакшнысь,
Пармыща ланкс валгыкшнысь.
Сезэй даркась эзь ладя,
Сезэй даркась эзь ладя.
Кепеденьзи лапанза,
Вачкидиньзи лапанза.
Чопода вирьц лифтякшнысь,
Килийни ланкс валгыкшнысь.
Сезэй даркась эзь ладя,
Сезэй даркась эзь ладя.
Луга велькска лифтякшнысь,
Кальгуры ланкс валгыкшнысь.
Мелезэнзы туикшнысь,
Седеезы эжекшнэсь.

Гдѣ гдѣ она остановилась,
Гдѣ гдѣ она опустилась?
Она остановилась на крышкѣ улья,
Она опустилась на крышку улья.
Тамъ мѣсто не понравилось,
Тамъ мѣсто не понравилось.
Она подняла свои крылья,
Она ударила своими крыльями.
Въ темный лѣсъ она полетѣла,
На березку она опустилась.
Тамъ мѣсто не понравилось,
Тамъ мѣсто не понравилось.
Поверхъ луга она полетѣла,
Въ кустъ таловника она опустилась.
Онъ понравился ей,
Сердце ея согрѣлось.

Сонзы нардызь ройнецяс,
Сонзы нолдэзь нешкенес.
Сон гармакшнысь нальксиме,
Пары сотат тееме,
Кармась медень бурнама.

№ 50. Агута[1]).

Агута думась ащиме,
Агута думась гостяма.
— Паньтять, авакай, гостенець,
— Тон дейть, авакай, гостенець,

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующихъ восемь слоговъ съ цезурой послѣ пятаго слога.

Ее сняли въ роевню,
Ее пустили въ улеёкъ.
Она начала играть,
Хорошіе соты дѣлать,
Начала собирать медъ.

Агута вздумала идти сидѣть на посидѣнкахъ,
Агута вздумала пойти погостить.
— Испеки, матушка, гостинецъ,
— Ты справь, матушка, гостинецъ,

— Пары сюрынь дон доўзерэнь,
— Вадря сюрынь дон доўзерэнь. —
— Агут! коў молят ащиме,
— Агут! коў молят гостяма? —
— Кочотофкаў мон патьканинь,
— Кочотофкаў мон эзнанинь. —
Кода тусь Агут ащиме,
Кода тусь Агут гостяма,
Сон зисимь недлят Агут ащсь,
Сон зисимь була Агут кщирьць.
Паргы моцька—сон ве кщире,
Нурды мушка—сон ве кесак,—
Се як ускума пиксышка,
Сон жерьдя лангынь зиньдийшка.

— Изъ хорошаго хлѣба пшеничнаго,
— Изъ славнаго хлѣба пшеничнаго. —
— Агута! куда ты идешь сидѣть на посидѣнкахъ,
— Агута! куда ты идешь погостить? —
— Въ Кочетовку къ старшей сестрицѣ,
— Въ Кочетовку къ мужу сестры. —
Когда Агута ушла сидѣть на посидѣнкахъ,
Когда Агута ушла погостить,
Семь недѣль Агута сидѣла,
Семь пасмовъ Агута напряла,
Изъ кузова мочекъ она (напряла) одно веретено,
Изъ цѣлаго воза одну пятину, —
(Толщиной) та съ возовую веревку,
Съ нажимающую сверху жердь.

№ 51. Тюгай.

Грешнэй ломань а Тюгай!
Сюдуфт ломань а Тюгай!
Полэнезы а вечксэ,
Полэнезы а кельксэ,
Чефти ацамт а яцэ,
Сэрей брялкске а путэ,
Лемби чуба а вельте,
Мещи ёжес а тарге,
Турва песы а палэ,
Ве думнисы а думе,
Ве валнысы а кортэ.
— Полай, болай, Балага!

Несчастный человѣкъ Тюгай!
Проклятый человѣкъ Тюгай!
Женушка его не любитъ,
Женушка его терпѣть не можетъ.
Мягкую постель не стелетъ,
Высокую подушечку не кладетъ,
Теплой шубой не кроетъ,
Къ груди не прижимаетъ,
Концами губъ не цѣлуетъ,
Одною думой не думаетъ,
Однимъ словечкомъ не говоритъ.
— Женка, женка, Пелагея!

— Мекс тон монь а вечксамак? —
— Полай, болай, а Тюгай!
— Пары полай, а Тюгай!
— Сесты карман вечкемат,
— Зярды афкать юмаўсак. —
— Полай, болай, Балага!
— Кода афкань юмаўса!?
— Потень ашы лофцэнsа,
— Таргинь тюжа оенsа,
— Маштынь зедей виинsа. —
— Буть' афкать аюмаўсак,
— А карман мон эряма. —
Вачкиць кафты кеденsа,
Пурдась кемень зурыnsа.
Кильдизи алашанsа,
Поводези ракшанsа,

— Отчего ты меня не любишь? —
— Муженекъ, муженекъ, а Тюгай!
— Добрый муженекъ, а Тюгай!
— Тогда я начну тебя любить,
— Когда ты погубишь свою мать. —
— Женка, женка, Пелагея!
— Какъ я погублю свою мать!?
— Я сосалъ ея бѣлое молоко,
— Я вытягивалъ ея желтое сало,
— Я истреблялъ ея сердечную силу. —
— Если ты не погубишь свою мать,
— Я не стану жить (съ тобой). —
Ударилъ онъ обѣими руками,
Сжалъ свои десять пальцевъ.
Заложилъ лошадь свою,
Запрягъ свою клячу,

Арафтызи крилиць пес,
Озафтызи афканза.
— Адика, афкай, вирнў
— Пещи лёмзёр гочкама. —
— Мень мон вирьга якицян,
— Пещи лёмзёр гочкецян!
— Чуфтынь уфтямс вий арась,
— Пещень гочкамс сельмть арасьть. —
— Сайтян мон ги ланкс ялгакс,
— Сайтян мон гортэй ялгакс.
— Аныкъ чуўс мон арафтан,
— Уфтянь чуўсы сезьнефтян. —
Чопода вирьц ускизе,
Афканзы вирьц кадызе.
Кода Тюгай сась гудуў,
Перьгафтызи ракшанза.

Поставилъ ее ко крыльцу,
Посадилъ свою мать.
— Иди-ка, маменька, въ лѣсъ
— Собирать орѣхи и черемуху. —
— Какой я ходокъ по лѣсамъ,
— Собиратель орѣховъ и черемухи!
— Дерево нагнуть нѣтъ силы,
— Собирать орѣхи нѣтъ глазъ. —
— Я возьму тебя какъ подругу для дороги,
— Я возьму тебя какъ подругу собесѣдницу,
— Я поставлю тебя къ готовому дереву,
— Я тебѣ дамъ рвать на пригнутомъ деревѣ. —
Въ темный лѣсъ онъ привезъ ее,
Мать свою онъ оставилъ въ лѣсу.
Когда Тюгай пріѣхалъ домой,
Онъ отложилъ свою клячу.

Кудыс Тюгай зувакшнысь,
Кудыс эземс озакшнысь.
Полась ярцамс пурнакшнысь,
Шутясь—басясь мартынэа.
Тюгай кшиды а ярцэ,
Шуткасынэы а пейде.
— Мекс тон, Дюгай, а ярцат?
— Мекс нолдань бирят ащат? —
— Мезень монянь ярцама,
— Мезень монянь зимима.
— Маряты афкань вайгильць.
— Каяты афкань вайгильць. —
Тюгай ракшаньть кильдизе,
Кудуў афканэ' ускизе,
Поводень лаўсьс каизе.
— Ушка, афкай, нурьцитян,

Въ избу вошелъ Тюгай,
Въ избу сѣлъ на скамейку.
Женка собрала ему кушать,
Шутила—болтала съ нимъ.
Тюгай хлѣба не ѣстъ,
Ея шутками не смѣется.
— Почему ты, Тюгай, не кушаешь?
— Почему ты сидишь съ опущенною головой? —
— Какая мнѣ ѣда,
— Какое мнѣ питьё?
— Слышится маменькинъ голосъ,
— Отдается маменькинъ голосъ. —
Тюгай заложилъ лошадь,
Домой привезъ свою мать.
Положилъ ее въ подвѣшенную зыбку.
— Погоди-ка, матушка, я покачаю тебя,

— Ушка, корьмай, морафтан:
— Вейкенева трянь дякась,
— Сука поланьть кулцынызь,
— Вириў афкань' ускизе,
— Вирь гунчкас юмафтызе. —

№ 52.

Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.
Сисимь гудыс мон молекшнэнь,
Зисимь эяркат мон зимикшнынь.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.

— Погоди-ка, матушка, я убаюкаю тебя!
— Единое выкормленное дитятко,
— Послушавъ суку жену,
— Повезло въ лѣсъ свою мать,
— Погубило ее посреди лѣса. —

Ср. Орк.

Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.
По семи домамъ я ходила,
Семь чарокъ я выпила.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.

Чапаксум, гиялць, чапаськаць,
Моргы аксялуў ёкстэне.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.
Сувась тувусь, сон валызе,
Сувась пинись, сон лекезе.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.
Губан болась сон гудыса,
Ногай локшесь сон тулыса.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.
Сон ногай локшеньть саизе,
Сон гутьмиризын гаизе.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.

Тѣсто мое, сноха, скислось,
Я сунула его подъ кухонную лавку.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.
Вошла свинья, она его опрокинула,
Вошла собака, она его слака́ла.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.
Мужъ татаринъ, онъ дома,
Татарскій кнутъ на гвоздѣ.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.
Онъ схватилъ татарскій кнутъ,
Онъ наложилъ его на мою спину.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.

Сон герясь керясь кутьмиримь,
Якстири верьнемь гиякска.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.
Мон до мекеў лангкт веляфтынь,
Сакал боканзы луфтыне.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.

№ 53[1]).

У - ду - мам зась, ма - ди - мам зась,

— Удумам зась, мадимам зась,
— Титянь гудуў молемам зась.
— Кильтя, полай, дон алаша,
— Кильтя, полай, вадря ракша. —

1) Въ этой пѣснѣ восемь слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго.

Онъ рѣзалъ, рѣзалъ мою спину,
Красная кровушка моя по полу.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.
Я на отмашь обернулась,
Края бороды его я выдрала.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.

— Мнѣ захотѣлось спать, мнѣ захотѣлось лечь,
— Мнѣ захотѣлось отправиться въ отцовскій домъ.
— Заложи, муженёкъ, лошадь,
— Заложи, муженёкъ, славнаго коня. —

Полазы кильць сон алаша,
Озафтызи сон боланза,
Чарафтызи, веляфтызе,
Крилиць пенес арафтызе.
— Валкта, полай, алашастыньть,
— Пачкидиникь титянь гудуў. —
— Цёра тяка мон цачтызан,
— Мон цачтызан ды кулызан:
— Се назолась теть улиза.
— Эльдесь вашы вашыяза,
— Вашыязы ды кулыза:
— Се назолась теть улиза.
— Скалысь вазны вазыяза,
— Вазыязы ды кулыза:
— Се назолась теть улиза. —

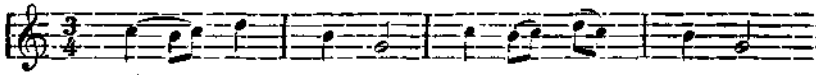
Мужъ заложилъ лошадь,
Посадилъ онъ свою жену,
Покружилъ ее, обратилъ назадъ,
Поставилъ у крылечка.
— Слѣзь-ка, женушка, съ лошади,
— Мы прибыли въ отцовскій домъ.[1]) —
— Пусть я рожу сыночка,
— Пусть я рожу и помру:
— Пусть тотъ будетъ тебѣ назолой.
— Кобыла пусть ожеребится жеребенкомъ,
— Пусть ожеребится и помретъ:
— Пусть тотъ будетъ тебѣ назолой.
— Корова пусть отелится теленкомъ,
— Пусть отелится и помретъ:
— Пусть тотъ будетъ тебѣ назолой.[2]) —

1) Слова обманувшаго жену мужа.
2) Слова оскорбленной жены, обращающейся къ мужу съ проклятіями.

Авась чачь ды, а соньць кулысь:
Се назолась мирьдиньтинь ульць.
Эльдесь вашыясь ды соньць кулысь:
Се назолась цёраньтинь ульць.
Скалысь вазъясь ды соньць кулысь:
Се назолась как тенэы ульць.

Авась, конань лецьнеть те морэсэньть, лиссь мирьдининь ды курукстыт сокоргаць.

№ 54 [1]).

Колмы годнэть ульнись губанца,
Колмы ийнить ульнись ногайса.
Губан здадат сон до ванныкшнысь,

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующихъ девять слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго слога.

Женщина родила, а сама померла:
Та назола сбылась для мужа.
Кобыла ожеребилась, а сама померла:
Та назола сбылась для мужика.
Корова отелилась, а сама померла:
И та назола сбылась для него.

Женщина, которую поминають въ этой пѣснѣ, вышла замужъ и скоро ослѣпла.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № XXXV (съ знач. варіантами); у Paasonen, Proben, № L; Орк.

Три годочка былъ онъ въ татарской землѣ,
Три лѣточка былъ онъ въ ногайской землѣ.
Татарскія стада онъ караулилъ,

Ногай здада мельга якакшнысь.
Каладыкшнысь лангксы паляза,
Сурнякшныстъ пильксы понгксэнза,
Левшыякшныстъ пильксы каринза.
Кува яки Паксяльтъ аварьде,
Кува яки Паксяльтъ меляфтэ.
Пары Саврас ломань гельни панчсь,
Ломань гель панчсь, кармась кортама:
— Адякаять, Паксяльть, базаруў,
— Рамакаять, Паксяльть, пары панцт,
— Рунтум горяс рамак камбрастке,
— Пукшум горяс рамак локшене.
— Пачтян, Баксяльть, эзь стороназыт,
— Вийтян, Баксяльть, эсь мастырызыт. —
Якась Паксяльть ве чинь базаруў,
Рамась Паксяльть панцтке камбрастке,

За ногайскими стадами онъ ходилъ.
Износилась на немъ его рубашка,
По ниткамъ разошлись на ногахъ его штаны,
Измочалились на ногахъ его лапти.
Гдѣ ходитъ Паксяльть, плачетъ,
Гдѣ ходитъ Паксяльть, печалится.
Добрый Саврасъ открылъ человѣческій язычекъ,
Человѣческій языкъ открылъ, началъ говорить:
— Иди-ка, Паксяльть, на базаръ,
— Купи-ка, Паксяльть, хорошую узду.
— На станъ мой купи сѣделышко,
— На бедро мое купи кнутикъ.
— Я доставлю тебя, Паксяльть, на твою сторону,
— Я привезу тебя, Паксяльть, на твою землю. —
Ходилъ Паксяльть на однодневный базаръ,
Купилъ Паксяльть уздечку и сѣделышко.

Ища рамась пары локшене,
Саврaськaньть пряс панцтниньть путызе,
Саврасыйниньть камбрастызе.
— Ушка, кеўксьтян, Баксяльть, кивитьтян:
— Мезд' анцамак эсь сторонасыт,
— Мезды симсамак эсь мастырнысыт? —
— Чукань вишта, пары Саврасый,
— Кельми ветьты, вадря Саврасый. —
— Пачкидят тон эсь стороназыт,
— Пачкидят тон эсь мастырызыт,
— Шкинь афкат тонь лиси карчизыт,
— Саинь болат лиси мартынsa;
— Васьня афкать паланьдярсак,
— Сесты, Паксяльть, тон а стуўсамак,
— Саинь болать паланьдярсак,
— Сесты, Паксяльть, тон монь стуўсамак,

Ещо купилъ хорошій кнутикъ,
На Савраску онъ надѣлъ уздечку,
Саврасочку онъ осѣдлалъ.
— Погоди-ка, спрошу тебя, Паксяльть, выпытаю у тебя:
— Чѣмъ ты накормишь меня на своей сторонѣ,
— Чѣмъ ты напоишь меня на своей земелькѣ? —
— Толченой полбой, добрый Саврасый,
— Холодной водой, славный Саврасый. —
— Доѣдешь ты на свою сторону,
— Доѣдешь ты на свою землю,
— Твоя родная матушка выйдетъ тебѣ на встрѣчу,
— Взятая жена твоя выйдетъ съ нею;
— Если ты сперва поцѣлуешь твою мать,
— Тогда, Паксяльть, ты не забудешь обо мнѣ;
— Если ты поцѣлуешь взятую жену твою,
— То, Паксяльть, ты обо мнѣ забудешь,

— Сесты, Паксяльть, тон монь'гацамак. —
Кода пачкиць Паксяльть орталанкс,
Шкинь афказы лиссь карчизынsа,
Омбоцексэкс саинь болаза.
Эси пала Паксяльть афканsа,
Палызи сон заинь боланsа.
Пары ракшанsы сон стуфтыкшнызе,
— Вадря ' лашанsы сон кадыкшнызе.

№ 55. Мокша.

Орт розбойнекьть мокшеньть грозясызь,
Орт отаматт мокшеньть грозясызь.

— То, Паксяльть, ты меня оставишь. —
Когда Паксяльть подъѣхалъ къ воротамъ,
Его родная мать вышла ему на встрѣчу,
А второю — взятая жена его.
Не поцѣловалъ Паксяльть свою мать,
Поцѣловалъ онъ взятую жену свою.
Славнаго коня своего онъ позабылъ,
Славную лошадь свою онъ оставилъ.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № XLI.

Воры разбойники грозятъ мокшѣ,
Воры атаманы грозятъ мокшѣ.

— А пелян мон ор розбойнекта,
— А пелян мон ор отаманда,
— Сисимь монь до урьвакстынь сёран,
— Сисимь монь до сынь заинь урьван,
— Сисимь монь до сынь нуцька эйден,
— Сисимь монь до поводень лаўсин. —
Кода сакшныстъ ор розбойнекыне,
Кода сакшныстъ ор отаматнэ,
Орэнь нуртта кардазысь пешкець,
Сынцт ракшада латалксны пешкецьть,
Тулытьни пешкецьть сынцт ашкыда,
Кудысь пешкець ор розбойнекта.
— Панцыкь, Мокша, а тон зундукыт,
— Нефтекь, Мокша, а тон барычит. —
— Мон а панчса тыньдянгк сундукум,
— Мон а неўса тыньдянгк парычимь:

— Не боюсь я воровъ разбойниковъ,
— Не боюсь я воровъ атамановъ.
— У меня семь женатыхъ сыновей,
— У меня семь взятыхъ снохъ,
— У меня семь внучатъ,
— У меня семь подвѣшенныхъ зыбокъ. —
Когда пришли воры разбойники,
Когда пришли воры атаманы,
Дворъ наполнился санями воровъ,
Навѣсы наполнились конями,
Гвозди заполнились хомутами,
Изба наполнилась ворами разбойниками.
— Отопри-ка, Мокша, ты свой сундукъ,
— Покажи, Мокша, ты свое добро. —
— Я не отопру вамъ моего сундука,
— Я не покажу вамъ своего добра:

— Вася цёрам арась кудыса,
— Вася цёрам вирьцы укштурца. —
Ванцызь: Вася сы вирь гиява,
Кемгафтува полаза кандэ.
Тусть розбойнекьне Васянь гарчинэа.
— Ади нефьтекь, Вася, парычинк. —
Вася кармась орэнь цаума,
Вася кармась орэнь баниме.
Верьг' аулдэ, орэнь брят лифтить,
Алг' аулдэ, орэнь билькьть сезе.
Ортнэнь нурдыст кадуўсть мокшеньтень,
Ракшаст ашкыст кадуўсть мокшеньтень.

— Сына моего Василія нѣтъ дома,
— Сынъ мой Василій въ лѣсу, въ кленовникѣ. —
Смотрятъ: идетъ Василій по лѣсной дорогѣ,
Несетъ двѣнадцать полозьевъ.
Пошли разбойники на встрѣчу Василія.
— Иди, Василій, покажи ваше добро. —
Василій началъ бить воровъ,
Василій началъ гнать воровъ.
Вверхъ махнетъ, полетятъ головы воровъ,
Внизъ махнетъ, оторветъ у воровъ ноги.
Сани воровъ остались мокшѣ,
Кони и хомуты остались мокшѣ.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № XLVII («Сюпавъ мурза») и № LXIII («Сюпавъ эрзя»).

№ 56 [1]).

Адиды, ялгат, пижи лугава
Горьнипоў зецянь, ялгат, сезьнеме.
Паряк, несэнекь бурлак Сёмушань.
Пекь нарядастыя яки Сёмуша:
Нили келесы кумаць паляса,
Пель геленесы сёрмань ожаса.
Сёмуша мельга яки Дарюша,
Чалкси Сёмушань пильги следэнза,
Куньци Сёмушань зон гедь бенеда.
Котова таргазь Дарьянь баляза,

1) Въ этой пѣснѣ и слѣдующихъ десять слоговъ съ цезурой послѣ пятаго слога.

Идите, подруги, по зеленому лугу
Рвать, подруги, цвѣты бубенчики.
Быть можетъ, мы увидимъ бурлака Семена.
Очень щеголевато ходитъ Семенъ:
Въ кумачевой рубашкѣ въ четыре полотнища,
Въ цвѣтныхъ рукавахъ въ полъ полотнища.
За Семеномъ ходитъ Дарьюшка,
Наступаетъ на слѣды Семеновыхъ ногъ,
Ловитъ она Семена за конецъ рукъ.
Рубашка Дарьи въ шесть вышивокъ,

Кемгафтва таргазь Дарьянь руцяза,
Дарюшань бильксы котат якстирить.

№ 57.

Колмоненеск сынь до патят сазырт,
Нилицись ульнись пижи дугинист,
Пижи дугинист а сынцт ялакскист.
Од афка видис дугаст кадуўкшнысь,
Од афка видис дугаст лиялись.
Од афкась чаўсэ, кудыстыньть паньцэ,
Тятьказы чаўсэ, кардайстыньть паньцэ.
Кува яки сон дугаст, аварьде,
Кува яки сон дугаст, меляфтэ.

Руця Дарьи въ двѣнадцать вышивокъ,
На ногахъ Дарьи красные коты.

Ср. Орк. и у Reguly № 15d и № 3.

Ихъ три сестры,
Четвертый былъ ихъ маленькій братецъ,
Маленькій братецъ, ихъ братецъ.
На попеченіи мачехи остался братъ ихъ,
На попеченіи мачехи очутился братъ ихъ,
Мачеха побьетъ его, выгонитъ изъ дому,
Отецъ побьетъ его, выгонитъ со двора.
Гдѣ онъ ходитъ братъ ихъ, плачетъ,
Гдѣ онъ ходитъ братъ ихъ, печалуется.

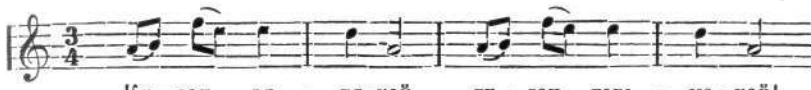
Веженьць патьказы сонsы неезе,
Веженьць патьказы сонsы рядизе.
— Туян, батякай, дуян, авакай,
— Раўга Раўга мон, батяй, якама,
— Раў дикшиды мон, батькай, ярцама,
— Равунь ветьты мон, батькай, зимиме.—
— Зярды, ялакскимь, минь учытадызь,
— Зярды минь Пазынь гецты вештядызь? —
— Колмы годэнь до, патькай, доподезь,
— Колмы годнэнь до, патякай, ютазь. —
Колмы годнэнsы сонsы тополесть.
Учыть ялакскист патятьни, а сы;
Думасть патятьни дугаст вешнеме,
Думасть патятьни дугаст варчама.
Покш патясь теевсь раўжа аргумнякс,
Омбоцексэсь сон ясный зоколнэкс,

Его увидѣла младшая изъ старшихъ сестеръ,
Его увидѣла младшая изъ старшихъ сестеръ.
— Я уйду, сестрица, я уйду, матушка,
— По Волгѣ-Волгѣ, сестрица, ходить,
— Волжской травы, сестрица, кушать,
— Волжской воды, сестрица, пить. —
— Когда, братецъ мой, мы тебя дождемся,
— Когда мы выпросимъ тебя у Бога? —
— Когда три года, сестрица, исполнятся,
— По прошествіи трехъ годочковъ. —
Три годочка его исполнились.
Ждутъ братца сестрички, не идетъ;
Задумали старшія сестры искать брата,
Задумали старшія сестры разыскать брата.
Старшая сестра сдѣлалась ворономъ,
Вторая яснымъ соколикомъ,

Колмоци патькась нишкинь ѕянавне.
Раўжы аргумня чопода вирьга,
Ясный зокол дусь менель ёжова,
Менель ёжова сон до пельэкшка,
Нишкинь ѕянавни ведень цудифтька,
Ведень цудифтька, крута берекка.
Нишкинь ѕянавни сонѕы муизе,
Нишкинь ѕянавни сонѕы варчызе.
Пининь гула до сонѕы кулыза,
Латкы чама до сонѕы калмуза.
Веси сынь бурнаўсть ялакскист кругом,
Раўжы аргумнясь пильги пезэнѕа,
Ясный зоколнэсь валксь пря пезэнѕа,
Нишкинь ѕянавнись сон грудинѕы ланкс.

Третья сестрица Божьей ласточкой.
Черный воронъ (пошелъ) по темному лѣсу;
Ясный соколъ пошелъ по небу,
По небу, по-за облаками,
Божья ласточка по водотекамъ,
По водотекамъ, по крутымъ берегамъ.
Божья ласточка нашла его,
Божья ласточка разыскала его.
Собачья смерть — его смерть,
Склонъ оврага его могила.
Всѣ онѣ собрались вокругъ брата,
Черный воронъ у его ногъ,
Ясный соколикъ спустился у его головы,
Божья ласточка на его грудь.

№ 58. Дарюша.

— Кулан, дятякай, гулан, горьмакай! —
— Тон иля кула, Дарюў дочакай,
— Тон иля кула, Дарюў дейтеремь,
— Сисимь баксява монь видинь зюрын.
— Мельц туикс паксясь тондять улиза,
— Козэй зон цачи пары тикшине. —
— Вииў ѕярахманць, тятькай, цавинѕа,
— Вииў ѕярахманць, тятькай, саинѕа.
— Кулан, дятякай, гулан, горьмакай! —
— Тон иля кула, Дарюў дочакай,
— Тон иля кула, Дарюў дейтеремь.
— Паксява якить монь зисимь гуртын,
— Мельц туикс гуртысь тоньдять улиза. —

— Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
— Ты не умирай, Дашенька, дочка,
— Ты не умирай, Дашенька, дочь моя.
— По семи полямъ мои засѣянные хлѣба.
— Пришедшееся тебѣ по вкусу поле пусть будетъ тебѣ,
— Гдѣ родилась хорошая травка. —
— Сильный градъ, батюшка, пусть побьетъ ихъ,
— Сильный градъ, батюшка, пусть возьметъ ихъ.
— Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
— Ты не умирай, Дашенька дочка,
— Ты не умирай, Дашенька дочь моя.
— По полямъ ходитъ у меня семь гуртовъ,
— Пришедшійся по вкусу гуртъ пусть будетъ тебѣ. —

— Стака морэсь сынцт, тятькай, цавинэа,
— Стака сталмусь сынцт, тятькай, пурнанэа.
— Кулан, дятякай, гулан, горьмакай! —
— Иля кула тон, Дарюў дочакай,
— Иля юма тон, Дарюў дейтеремь,
— Монь зисимь бирин вачкань гопнада,
— Мельц туикс пирись тоньдять улиза. —
— Палы толэсь сынцт, тятькай, бултанэа,
— Кирьви толэсь сынцт, тятькай, заинэа.
— Кулан, дятякай, гулан, горьмакай! —
— Иля кула тон, Дарюў дочакай,
— Иля юма тон, Дарюў дейтеремь,
— Сисимь утумун пешксеть сюрыда,
— Мельц туикс утумсь тонять улиза. —
— Благый бурьгинись, тятькай, леденэа,
— Благый бурьгинись, тятькай, заинэа.

— Тяжелый моръ, батюшка, пусть убьетъ ихъ,
— Тяжелый моръ, батюшка, пусть ихъ заберетъ.
— Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
— Ты не умирай, Дашенька дочка,
— Ты не погибай, Дашенька дочь моя.
— У меня семь гуменъ полны сложенныхъ копенъ,
— Пришедшееся по вкусу гумно пусть будетъ твоимъ. —
— Горящій огонь пусть ихъ, батюшка, сожжетъ,
— Жгущій огонь пусть ихъ, батюшка, возьметъ.
— Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
— Ты не умирай, Дашенька дочка,
— Ты не погибай, Дашенька дочь моя.
— Семь амбаровъ у меня полны хлѣба,
— Пришедшійся по вкусу амбаръ пусть будетъ твоимъ. —
— Сильный громъ, батюшка, пусть застрѣлитъ ихъ,
— Сильный громъ, батюшка, пусть возьметъ ихъ.

— Кулан, дятякай, гулан, горьмакай! —
— Тон иля кула, Дарюў дочакай,
— Тон иля юма, Дарюў дейтеремь,
— Сисимь зивидизь монь роботникин,
— Мельц туикс цёрась тонять улиза. —
— Пасиба, тятяй, баславамузыт,
— Пасиба, тятяй, бары валызыт. —

№ 59.

Лугава яки сыри алаша,
Мельганsы яки сыри татарча.
— Вай, иля яка татар монь мельга,

— Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
— Ты не умирай, Дашенька дочка,
— Ты не погибай, Дашенька дочь моя.
— У меня семь нанятыхъ работниковъ,
— Пришедшійся тебѣ по вкусу парень пусть будетъ тебѣ.—
— Спасибо, батюшка, за твое благословеніе,
— Спасибо, батюшка, за твое доброе слово. —

Ср. Орк. (съ инымъ окончаніемъ), а также Обр. морд. нар. сл. I, № XXXIV, XLVI и LXVIII; Paasonen, Proben I, № XLVI.

По лугу ходитъ старая лошадь,
За ней ходитъ старый татаринъ.
— Ой! не ходи, татаринъ, за мной,

— Тон иля чалкси татар зледэзэн.
— Вай, иля куньцикь левшень нофтазын:
— Ярцамс сывильнимь монь амаштуве,
— А верьнемь зимимс теть амаштуве.
— Комсь ветее год злужбасы служынь,
— Комсь ветее год мон бушкат усксинь:
— Пушка вайгильды пилин амарить;
— Комсь ветее год мон бушкат усксинь:
— Пушка качамнис сельмен а нееть. —

№ 60. Лушыне.

Луша Лушыни, Луша вишкине,
Афканзы поцы Луша ёжеясь,

— Ты не наступай, татаринъ, по моимъ слѣдамъ.
— Ой! не хватайся за мой мочальный недоуздокъ:
— Ѣсть мясо мое не годится,
— А кровь моя пить тебѣ не годится.
— Двадцать пять лѣтъ я въ службѣ служила,
— Двадцать пять лѣтъ я пушки возила:
— Отъ пушечныхъ звуковъ мои уши не слышатъ,
— Двадцать пять лѣтъ я пушки возила:
— Отъ пушечнаго дыма мои глаза не видятъ. —

Ср. Орк.

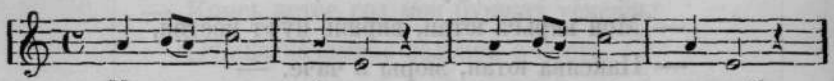
Луша, Лушечка, Луша маленькая,
Въ утробѣ матери Луша стала умной,

Корьмансы поцы кортамы кармась,
— Мон цачиньдярян, зветц лисиньдярян,
— Афканинь афкай а мон а мерян,
— Тятьканинь а мон тятькай а пшкадян;
— Афканинь мерян мон зыри сукась,
— Тятьканинь мерян мон зыри пинись;
— Ведь грайга ютан, цуди ведь гостян,
— Лугава ютан, луга а касэ;
— Мон вирьга ютан, виринь цуфт костян,
— Паксява ютан, зюры а чаче. —
Кода вишкини Лушынись сон цачсь,
Кода вишкини Лушынись сон гассь,
Афканцтый мери сон зыри сукась,
Тятьканцтый мери сон зыри пинись.
— Ней госы минь до Лушань дрясынинь,
— Ней госы минь до Лушань ванцынинь? —

Въ утробѣ кормилицы она начала говорить:
— Когда я рожусь, когда выйду на свѣтъ,
— Ни матушкѣ я не стану говорить матушка,
— Ни батюшкѣ я не стану говорить батюшка;
— Матери моей я скажу «старая сука»,
— Отцу моему я скажу «старый кобель».
— По берегу рѣки пройду, текучую воду изсушу,
— По лугу пройду, лугъ не будетъ расти;
— Я по лѣсу пройду, засушу лѣсныя деревья,
— По полю пройду, хлѣбъ не уродится. —
Когда маленькая Лушенька родилась,
Когда маленькая Лушенька подросла,
Своей матери она говоритъ «старая сука»,
Своему отцу она говоритъ «старый кобель».
— Теперь гдѣ мы вскормимъ Лушу,
— Теперь гдѣ мы воспитаемъ Лушу? —

Вери таркасы, утум нупальцы,
Пуховой додоў Лушань алынза,
Нумулынь дулуп Лушань лангксынза,
Сиянь мукурьни Лушань бильгала.

№ 61.

Мезень дол балэ, мезень гачамне?
Павул Петрович инязыркс озэ,
Павул Петрович оцязыркс арэ.
Сон мере: бути инязыркс озан,
Сон мере: бути оцязыркс аран,
Ломань бириниь, мери, март маран,
Ломань ловажань, мери, сэтыть теян,

На высокомъ мѣстѣ, въ амбарной свѣтлицѣ,
Пуховая подушка подъ Лушей,
Заячій тулупъ на Лушѣ,
Серебряная колбашка у Луши подъ ногами.

Ср. Орк.

Что за огонь горитъ, что за дымокъ?
Павелъ Петровичъ садится царемъ,
Павелъ Петровичъ становится государемъ.
Онъ говоритъ: если я сяду царемъ,
Онъ говоритъ: если я стану государемъ,
Изъ человѣческихъ головушекъ я, говоритъ, настелю холмы,
Изъ человѣческихъ костей я, говоритъ, построю мосты,

Ломань верьнесты, мери, ветьть нолдан.
Кода аракшнысь Павул инязыркс,
Кода озакшнысь Павул оцязыркс,
Ломань бирининь зон март маракшнысь,
Ломань ловажань зон зэтьть тейнекшнэсь,
Ломань верьнень зон ведьнеть нолдакшнысь.

№ 62.

Саратуў бели мезень дол балэ?
Саратуў бельди мезень гачамне?
Паул Петрович инязыркс озэ,
Паул Петрович оцязыркс арэ.
— [1]) Иля, эйдякай, иля, цёракай,
— Моньдянь эзь гирьдифть, лац эзь арафтуфт. —

1) А тятязы мере.

Изъ человѣческой кровушки я, говоритъ, пущу рѣки.
Когда сталъ Павелъ царемъ,
Когда сталъ Павелъ государемъ,
Изъ человѣческихъ головъ онъ насыпалъ холмы,
Изъ человѣческихъ костей онъ построилъ мосты,
Изъ человѣческой кровушки онъ пустилъ рѣчки.

Варіантъ.

На сторонѣ Саратова что за огонь горитъ?
Со стороны Саратова что за дымокъ?
Павелъ Петровичъ садится царемъ,
Павелъ Петровичъ становится государемъ.
— Не (садись,) дитятко, не (садись), сынокъ,
— Я не могъ удержать, привести въ порядокъ. —

— Кирьца, тятякай, гирьца, корьмакай.
— Ломань верень мон гелей ветьть нолдан,
— Ломань ловажань дрокскаст сэтьть теян. —

№ 63.

Моря морене! Моряньть берексы
Суднат караблят, колмы полкт салдатт.
Веси салдаттнэ чувашт ды татарт;
Аньцяк ютксыст ве эрьзянь залдатке,
Аньцяк ютксыст ве эрьзянь некрутке.
Сынь веси симить, сынь веси ярцыть,
Аньцяк а ярцы эрьзянь залдаткись,
Аньцяк а сими эрьзянь некруткись.

— Я удержу, батюшка, я удержу, кормилецъ.
— Изъ человѣческой крови я пущу широкія рѣки,
— Изъ человѣческихъ костей я построю мосты черезъ нихъ. —

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № XXII и Paasonen, Proben I, № XLIII.

Море моречко! На берегу моря
Судна и корабли и три полка солдатъ.
Всѣ солдаты чуваши и татары;
Только между ними одинъ эрзяцкій солдатикъ,
Только между ними одинъ эрзяцкій рекрутикъ.
Они всѣ пьютъ, они всѣ ѣдятъ,
Только не ѣстъ эрзяцкій солдатикъ,
Только не пьетъ эрзяцкій рекрутикъ.

— Мекс тон аярцат, эрьѕянь залдатке,
— Мекс тон асимат, эрьѕянь некрутке? —
— Мезень ярцама, мезень зимима?
— Велес кадыни мон бутынь гудум,
— Курьмишс кадыни зроянь гардазум.
— Пеликулыт до монь дятян аван;
— Ищо кадыни мон заинь болань,
— Кадыни полань голмы эйть марта.
— Васинь эйденесь ракшань гундыйшка,
— Омбоци эйдесь пенчень гирьдийшка,
— А колмоцексэсь лаўсьсы ащиця. —

— Отчего ты не ѣшь, эрзяцкій солдатикъ,
— Отчего ты не пьешь, эрзяцкій рекрутикъ? —
— Какая ѣда, какое питьё?
— Въ селѣ я оставилъ поставленный свой домъ,
— Въ курмышѣ я оставилъ построенный свой дворъ.
— Полумертвы мои отецъ и мать;
— Еще я оставилъ свою взятую супругу,
— Я оставилъ свою супругу съ тремя дѣтьми.
— Первое дитя въ такомъ возрастѣ, что можетъ обращаться съ [лошадью,
— Второе дитя въ такомъ возрастѣ, что можетъ держать ложку,
— А третье дитя — сидящее въ зыбкѣ. —

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № II и XVI, у Regulу № 4; Орк.

№ 64. Кемельте.

Покш кудат якить Кемельти мельга,
Шкаяндат прафтыть Кемельтень гиса.
— Илямак чыя, Карпа лялкай,
— Илямак яка, Карпа корьмакай.
— Кулы ормасы, лялькай, зэредян,
— Юми ормасы, лялькай, марятан.
— Кулан, лялкай, гулан, горьмакай.
— Кулан, лялкай, Бетровонь цине.
— Илямак калма, лялькай, галмазырц,
— Калмамак, лялькай, Бетровскэй ги ланкс,
— Петровскэй ги ланкс, колмы ки улыс.
— Иля тейть, лялькай, бичинь гандыласт,
— Тейтя, лялкай, думунь зедеень,
— Карксамды алга модас путумак,

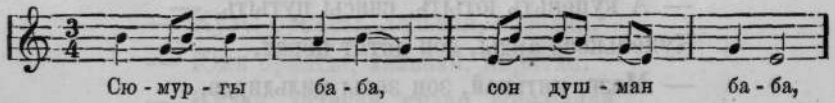
Сватья ходятъ за Кемельтею,
Сватья гонятся изъ за Кемельти.
— Не сватай меня, Карпуха, старшій братецъ,
— Не проходи меня, Карпуха, кормилецъ.
— Я больна, старшій братецъ, смертнымъ недугомъ,
— Я чувствую, старшій братецъ, погибельный недугъ.
— Я умру, старшій братецъ, я умру, кормилецъ.
— Я умру, старшій братецъ, на Петровъ день.
— Не хорони меня, старшій братецъ, на кладбищѣ,
— Похорони меня, старшій братецъ, на Петровской дорогѣ,
— На Петровской дорогѣ, на перекресткѣ трехъ дорогъ.
— Не дѣлай, старшій братецъ, сосноваго гроба,
— Сдѣлай, старшій братецъ, (гробъ) изъ сердцевины дуба,
— Положи меня въ землю ниже пояса,

— Карксамды верьга ушыс кад умак.
— Иляка тон бутт, лялькай, думунь үрёст,
— Тон бутта, лялькай, монянь бижинь үрёст.
— Улизы, лялькай, зиясы вельтязь,
— Васылды як сон, лялькай, цитьниза,
— Маласты, ляляй, сон вандылдыза.
— Нищийнить ютыть, сускумсы путыть,
— А боярт ютыть, пижысы путыть (2 р.),
— А купецьть ютыть, сиясы путыть. —
Купецькесь арды, сон дятят цёрат.
— Мези, тятькай, зон зесы цильдирдэ,
— Мези, тятькай, зон зесы вандылдэ?
— Казна ули сон, тонять улиза,
— Тейтерь ули сон, монянь улиза. —
Кода пачкицьть сынь Гемельтень видис,
Свеченекс палыть сонзы сельменза,

— Оставь меня наружу выше пояса.
— Не ставь мнѣ, старшій братецъ, дубоваго креста,
— Ты поставь мнѣ, старшій братецъ, мѣдный крестъ.
— Пусть онъ будетъ, старшій братецъ, покрытъ серебромъ,
— Пусть онъ и издалека, старшій братецъ, свѣтится,
— Пусть вблизи, старшій братецъ, онъ блеститъ.
— Нищіе будутъ проходить, будутъ класть кусочками,
— А господа будутъ проходить, будутъ класть мѣдью (2 р.),
— А купцы будутъ проходить, будутъ класть серебромъ. —
Купчикъ скачетъ, отецъ съ сыномъ.
— Что это, батюшка, тамъ сверкаетъ?
— Что это тамъ, батюшка, блеститъ?
— Если это кладъ, пусть будетъ тебѣ,
— Если это дѣвушка, пусть будетъ мнѣ. —
Когда они доѣхали до Кемельти,
Какъ свѣчечки горятъ ея глаза,

Пейдезь Гемельтень ащи кургыза.
Алашастынзa цёрась валгыкшнысь,
Кемельтень зёрась кетьты кундызе,
Поосказынзы сон озафтызе,
Сон гудуў гауў зонзы ускизе.

№ 65. Сюмургы баба.

Сюмургы баба, сон душман баба,
Сюмургы баба, сон ведун баба.
Мастыр цалгась сон бильгинзы алуў,
Менель цараўсь сон бирянзы велькса.
Сисимь ийса до сонзы цёраза.
Думась Сюмургы урьвакстуманза,

Ротъ Кемельти улыбается.
Парень слѣзъ съ лошади,
Кемельтю парень взялъ за руку,
Въ повозку свою посадилъ ее,
Домой ее привезъ.

Ср. пѣсню «Кемаль» (съ другою развязкой) въ Обр. морд. нар. сл. I, № III.

Старуха Сюмурга, она злодѣйка,
Старуха Сюмурга, она колдунья,
Весь свѣтъ она захватила подъ свою ногу,
Небо она вертѣла надъ своей головой.
У ней сынъ семи лѣтъ.
Задумала Сюмурга женить его,

Думась сонянsа полань займе.
Якась Сюмурга, якась перьтьпельга,
Эзь мук Сюмурга эстянsы урьва.
— Ашка молян мон Пенsань губерьняў,
— Ашка якан мон Пенsань уездоў. —
Пенsань губернянь муикшнысь урьва,
Пенsань уездэнь варчакшнысь урьва.
Кода муизи Сюмургы урьваньть,
Кода тещезе Сюмургы чуфтыньть,
Сакшнысь Сюмургы кудань бурнама,
Кармась Сюмургы андань варшниме.
Мусь нилиньгемень Зюмургы куда,
Варчакшнысь сон до кемень зуваха.
Кудатьни ракшаст кильдизь боводезь,
Крилиць пес ветезь, ги пес арафтызь.
Сюмургы кода куданs' андыньsе,

Задумала взять ему жену.
Ходила Сюмурга, ходила по округѣ,
Не нашла Сюмурга себѣ снохи.
— Погоди-ка я пойду въ Пензенскую губернію,
— Постой-ка я схожу въ Пензенскій уѣздъ. —
Она нашла сноху родомъ изъ Пензенской губерніи,
Она разыскала сноху родомъ изъ Пензенскаго уѣзда.
Когда Сюмурга нашла сноху,
Когда Сюмурга намѣтила дерево,
Пришла Сюмурга собирать сватьевъ,
Начала Сюмурга разыскивать родственниковъ.
Нашла сорокъ поѣзжанъ Сюмурга,
Разыскала она десять свахъ.
Поѣзжане заложили, запрягли своихъ лошадей,
Привели ихъ къ крыльцу, поставили у дороги.
Старуха Сюмурга, когда накормила поѣзжанъ,

Киякс кунчкас тяканзы арафтызе,
Кармась сон зонзы баславамунза.
— Баславатан тонь болань займе.
— Лисиды, андан, ракшас озада,
— Васылы таркаў, гудан, зыргада!
— Моледы-як тынь Пензань губерьняў,
— Ардыды-як тынь Пензань уездоў! —
Пензань губерьняў бачкиць Сюмурга.
Кулцынэ, лажам' вайгиль марятэ.
— Ащиды-як тынь, гудан ды андан,
— Ащиды-як тынь, гемень зувахан!
— Ащиды, валган мон окольця пряс,
— Кевькстян окольцянь гаравлий атя. —
Каравлий атяньть бабась муизе,
Лажам' вайгильдыньть сонзы кевькстезе.
Окольцянь ваный атясь ёфтэзе:

Поставила своего ребенка на середину пола,
Начала она его благословлять.
— Благословляю тебя взять супругу.
— Выходите, мои поѣзжане, садитесь на коней,
— Трогайтесь въ дальнее мѣсто, мои сватья!
— Ѣзжайте-ка вы въ Пензенскую губернію,
— Скачите-ка вы въ Пензенскій уѣздъ!
Въ Пензенскую губернію прибыла Сюмурга.
Слушаетъ, слышится вопль.
— Постойте-ка вы, мои сватья и поѣзжане,
— Постойте-ка вы, мои десять свахъ!
— Постойте, я сойду у околицы,
— Я спрошу караулящаго околицу старика. —
Караулящаго старика старуха нашла,
Насчетъ вопля его она спросила.
Караулящій околицу старикъ разсказалъ:

— Те авуль дейтерь Наумунь гулысь,
— Чыянь батязы Сюмургынь юмась. —
Сюмургы вачкиць кафты кеденsа,
Сюмургы пурдась кемень зурынsа.
— Мезень монь звадьба уцяскафтума,
— Мезень монь sёра эйди пайстума! —
Лиссь сувахаза, карчынsы мере:
— Сюмургы баба, тон ведун баба,
— Сюмургы баба, тон душман баба. —
Авулдызе сон кафтуў народэньть,
Сувась Сюмургы кулы сэреньть ваксс.
Таргась Сюмургы ашы пацине,
Кармась Сюмургы авулямунsа.
Пря пеў аулдась, прясы превьнеть макссь,
Пильгиў аулдась, пильги вийнить макссь,
Седеень гарча — седей вийни макссь,

— Это умерла не дочь Наума,
— Это погибла невѣста Сюмургина. —
Сюмурга всплеснула обѣими руками,
Сюмурга сжала свои десять пальцевъ.
— Какая у меня свадьба безъ счастія,
— Какой у меня сынъ-дитятко безъ доли! —
Вышла ея сваха, говоритъ ей на встрѣчу:
— Старуха Сюмурга, ты колдунья
— Старуха Сюмурга, ты злодѣйка. —
Махнула (Сюмурга), чтобы разступился народъ на двѣ стороны,
Вошла Сюмурга къ тѣлу покойницы.
Вытащила Сюмурга бѣлый платокъ,
Начала Сюмурга махать имъ.
Къ головѣ махнула, дала головной разумъ,
Къ ногамъ махнула, дала ножную силушку,
Напротивъ сердца (махнула) — дала сердечную силушку,

Кургыс палызе, ойми тенѣы пуць.
Кода Сюмургы урьваньть стяфтызе,
Кода Сюмургы жывияфтызе,
Сюмургынь билькс сон зюкунясь, мере:
— Прости, суваха, мон бокордэтень! —
— Иляк покорда, авай, зувахать:
— Кувак' удумса, авай, удыкшнынь. —

№ 66. Мороз атясь.

Удынь удынь мон, ялгай, удыкшнынь,
Апары онны, ялгай, неекшнэнь.
Мороз атясь сон, ялгай, ютакшнысь,
Конелькава сон, ялгай, лоў бракшнысь.
Вай, лехас кадуўсть миникь мушкынык,

Въ уста ее поцѣловала, положила ей душу.
Когда Сюмурга подняла сноху,
Когда Сюмурга ее оживила,
Она (мать дѣвушки) поклонилась Сюмургѣ въ ноги и сказала:
— Прости, сваха, я тебя укорила! —
— Не кори, матушка, свою сваху (говоритъ дѣвушка):
— Я спала матушка глубокимъ сномъ. —

Я спала спала, подружка, я спала,
Нехорошій сонъ, подружка, я видѣла.
Старикъ морозъ, подружка, прошелъ,
По колѣна, подружка, упалъ снѣгъ.
Ой, въ лѣсѣ остались наши конопли,

Вай, паньдяс кадуўсть миникь капстаныk.
Ох, ялгакай, месть минь тейнетяна?
Арась до кщирьдимс миникь мушкынык,
Арась до кодамс миникь коцтэнэк.
Месть руцякс палякс минь месть тейтяна?
Козэй мазый минь арфткить чафтана?
— Иляка ризна, тон монь ялгакай,
Иляка меляфт, тон монь оякай:
Саньдяряй мазый лемби тундынись,
Саньдяряй мазый лемби порэнесь,
Пижи лугатьни сынь бижилгадыть,
Мазый дьветкатьни светямы панцыть,
Келей лопатьнинь руцякс стасыникь,
Лугань дьветкатьнинь арфтыкс чаўсыникь.
Ох, ялгакай, тон мазый ялгинимь,
Неть я маштувить сынь руцякс палякс,

Ой, на грядкѣ остались наши капусты.
Охъ, подруженька, что мы будемъ дѣлать?
Нѣтъ на пряжу у насъ конопли,
Нѣтъ на тканіе у насъ холста.
Что мы будемъ употреблять на руци и рубашки?
Куда мы набьемъ (накрасимъ) красивыя полоски?
— Не печалься, ты моя подружка,
Не кручинься, ты моя подруженька:
Когда придетъ красивая теплая вёснушка,
Когда придетъ красивое теплое времячко,
Зеленые луга зазеленѣютъ
Красивые цвѣточки расцвѣтутъ,
Широкіе листочки мы сошьемъ на руци,
Луговые цвѣточки мы приложимъ на красивыя полоски.
Охъ, подружка, ты красивая моя подруженька,
Эти не годятся на руци и рубашки,

Неть а маштувить сынь мазый арфтыкс.
Пры кельменесь сон зынцт пумпасыньзе,
Лиси чинись сон зынцт костясыньзе.

№ 67. Арчилоў.

Юмась веленесь эрьзянь Буразысь,
Вальмась веленесь Арчилоў велесь.
Ве пенесэнзы салдат полк аще,
Омбоци песэньть драгун болк аще,
Кунчкавицынзы Шахматуў боярць.
Веси тейтерьтьнень боярць пурныньзе,
Чавы горьнецяс боярць пекстэньзе.
Веси тейтерьтьни вирьга орголесть,
Веси тейтерьтьни зимовьяў дукшныеть.

Эти не годятся на красивыя полоски.
Спустившійся морозецъ сожжетъ ихъ,
Взошедшее солнышко высушитъ ихъ.

Пропала деревушка, Эрзяцкіе Бурасы,
Погибла деревушка, село Арчиловъ.
Въ одномъ концѣ ея стоитъ полкъ солдатъ,
Въ другомъ концѣ ея стоитъ полкъ драгунъ.
Посерединѣ ея баринъ Шахматовъ.
Всѣхъ дѣвушекъ баринъ собралъ,
Заперъ ихъ баринъ въ пустую горницу.
Всѣ дѣвушки разбѣжались по лѣсу,
Всѣ дѣвушки ушли по зимовьямъ.

Веси слуганзы боярць кучыньзе,
Роботьникинзы сон гармафтыньзе:
— Веси тейтерьтьнень азиды вешненкь,
— Веси тейтерьтьнень азиды ветенкь. —
Веси тейтерьтьнень злугатьни вешнезь,
Веси тейтерьтьнень злугатьни ветезь.
Чавы горьнецяс боярць пекстэньзе,
Весень гцирьдими сон гармафтыньзе,
Весень зуринист боярць варчниньзе,
Конань цувини, конань валаня.
Эень цувини пары Натушань,
Эень валаня бояравушань.
Веси тейтерьтьнень боярць нолдэньзе,
Веси тейтерьтьнень гудуў гучыньзе.
Аньцяк кадызи пары Натушань,
Аньцяк кадызи бояравушань.

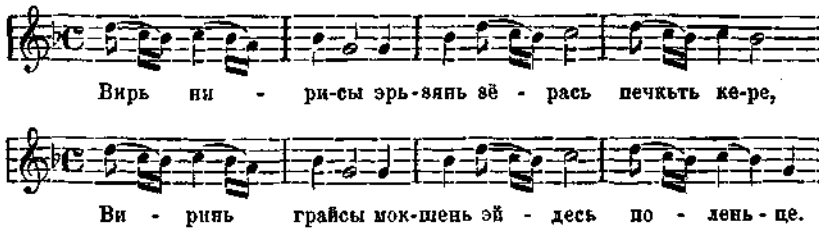
Всѣхъ слугъ своихъ баринъ послалъ,
Работниковъ своихъ баринъ заставилъ:
— Ступайте отыщите всѣхъ дѣвушекъ,
— Ступайте приведите всѣхъ дѣвушекъ. —
Всѣхъ дѣвушекъ слуги отыскали,
Всѣхъ дѣвушекъ слуги привели.
Въ пустую горницу баринъ ихъ заперъ,
Всѣхъ ихъ заставилъ онъ прясть.
У всѣхъ осмотрѣлъ баринъ ниточки,
У которой тонкія, у которой гладкія (ровныя).
Всѣхъ тоньше у доброй Наташи,
Всѣхъ ровнѣе у барышни.
Всѣхъ дѣвушекъ баринъ отпустилъ,
Всѣхъ дѣвушекъ баринъ послалъ домой.
Только оставилъ онъ добрую Наташу,
Только оставилъ онъ барышню.

Вальмады вальмас Натуш кайсиве,
Вальмады вальмас Натуш ёвряве.
Веси ялганцтынь Натуш наказэ,
Веси оянцтынь Натуш приказэ:
— Ёфтады, ялган, диринь дятьканинь,
— Ёфтад', оенен, тынь жгинь афканинь,
— Штобу сядысы тятькам идимам,
— Штобу кафтысы афкам рамамам. —
Шахматуў боярць Натушнынь мере,
Шахматуў боярць Натушнынь гортэ:
— А сядысы тон десты рамават,
— А кафтысы тон десты идиват.
— Улят, Натуша, тон монь болэнемь,
— Улят, Натуша, гнезда ялгинимь. —

Отъ окна къ окну бросается Наташа,
Отъ окна къ окну кидается Наташа.
Всѣмъ подругамъ своимъ Наташа наказываетъ,
Всѣмъ сверстницамъ своимъ Наташа приказываетъ:
— Скажите, подруги, кормильцу батюшкѣ,
— Скажите, подруженьки, вы родной матушкѣ,
— Чтобы ста рублями отецъ мой меня выручилъ,
— Чтобы двумя стами мать моя меня выкупила! —
Шахматовъ баринъ говоритъ Наташѣ:
— Ни ста рублями тебя отсюда не выкупить,
— Ни двумя стами тебя отсюда не выручить.
— Ты будешь, Наташа, моей женушкой,
— Ты будешь, Наташа, подружкой моего гнѣзда. —

Начало этой пѣсни ср. съ началомъ напечатанной въ матеріалахъ Reguly цѣсни: Mezdeń jomaś, mezdeń val'maś Odĭvań bijoś?

№ 68. Эрьзянь sёра [1]).

Вирь цирисы эрьsянь sёрась пенгкьть кере,
Виринь грайсы мокшень эйдесь поленьце.
Кува кери эрьsянь sёрась, аварьде,
Кува кери мокшень эйдесь, меляфтэ.
Вереў варштась эрьsянь sёрась—пель арась,
Алуў варштась мокшень эйдесь—варм' арась.
Мекс саньдяйнить вармафтума каштырдыть,
Пизимтими тикшинитьни росавнить?
Варштазиўкшнысь эрьsянь sёрась губануў,
Варштазиўкшнысь мокшень эйдесь ногануў.
Губан бельди кафты ласьтькить эли сыть,

1) Въ этой пѣснѣ одиннадцать слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго и восьмого слога.

На опушкѣ лѣса парень Эрзякъ рубитъ дрова,
На краю лѣса ребенокъ Мокша рубитъ полѣнья.
Рубя парень Эрзякъ плачетъ,
Рубя ребенокъ Мокша печалится.
Наверхъ посмотрѣлъ парень Эрзякъ — тучи нѣтъ,
Внизъ посмотрѣлъ ребенокъ Мокша — вѣтра нѣтъ.
Отчего тростнички безъ вѣтра шумятъ,
Безъ дождя травки въ росѣ?
Взглянулъ парень Эрзякъ на татарскую сторону,
Взглянулъ ребенокъ Мокша на ногайскую сторону.
Съ татарской стороны подъѣзжаютъ двое верховыхъ,

Ногай бельди кафты ласьтькить эль ардыть.
Чие, тарка эрьѕянь ѕёрась а сае,
Моле, шагат мокшень эйдесь а шаге.
Удалы пельдь' эрьѕянь ѕёраньть сасакшнызь,
Карь булыды мокшень эйденьть чалгакшнызь,
Камбразынь дрокс эрьѕянь ѕёраньть каякшнызь,
Верекь кшнасы мокшень эйденьть таргакшнызь,
Губан мастырц эрьѕянь ѕёраньть ускыкшнызь,
Ногай мастырц мокшень эйденьть пачтикшнызь.
Кода пачкицьть губан гудынь орталанґкс,
Кода пачкицьть ногай гудынь орталанґкс:
— Тон листяять, губан ава, листяять,
— Тон листяять, ногай ава, листяять.
— Ве кедьнесэт, губан ава, лифьть кшине,
— Омбоци тон гецэньть лифтять салдыркске.
— Ван' васькама, губан ава, теть ускинь,

Съ ногайской стороны подъѣзжаютъ двое верховыхъ.
Бѣжитъ, не забираетъ разстоянія парень Эрзякъ,
Идетъ, шаговъ ребенокъ Мокша не переступаетъ.
Сзади догнали парня Эрзяка,
Наступили на лапотный хвостъ ребенка Мокши,
Черезъ сѣдло парня Эрзяка перебросили,
Сыромятнымъ ремнемъ ребенка Мокшу притянули,
Въ татарскую землю привезли парня Эрзяка,
Въ ногайскую землю доставили ребенка Мокшу.
Когда подъѣхали къ воротамъ татарскаго дома,
Когда подъѣхали къ воротамъ ногайскаго дома:
— Ты выходи-ка, татарская жена, выходи-ка,
— Ты выходи-ка, ногайская жена, выходи-ка.
— Въ одной ручкѣ, татарская жена, вынеси хлѣбецъ,
— Въ другой рукѣ вынеси-ка солоночку.
— Вотъ, татарская жена, я привезъ тебѣ нѣгу,

— Ван' оймамни, ногай ава, теть пачтинь. —
Каня чини эрьзянь сёрась эрякшнысь,
Каня кафты мокшень эйдесь ащикшнысь.
— Керякая, эрьзянь сёрась, пентенеть. —
— Миникь пельдень сёрат пенгкть ней а керьцеть. —
— Уштыкаять, эрьзянь сёрась, кудынимь. —
— Миникь пельдень сёрат кудыт а ушнить. —
— Теньцекаять, эрьзянь сёрась, киякскимь. —
— Миникь пельдень сёрат киякст а теньцьнеть. —
— Нурьцикаять, эрьзянь сёрась, монь эйдьнемь.
— Ваныкаять, мокшень сёрась, монь эйдьнемь. —
— Тютю-балю, губан эйде, ба-ля-ля!
— Тютю-балю, ногай эйде, ба-ля-ля!
— Пиря пельди, губан эйде, люкщатьтян,
— Прясы преўды, ногай эйде, мон маштан.
— Пильги пельди, губан эйде, люкщатьтян,

— Вотъ, ногайская жена, я привезъ тебѣ отдохновеньице. —
Денекъ ли жилъ парень Эрзякъ,
Два ли дня пробылъ ребенокъ Мокша.
— Наруби-ка, парень Эрзякъ, дровецъ.—
— Нашей стороны мужики теперь не рубятъ дровъ. —
— Вытопи-ка, парень Эрзякъ, мою избушку. —
— Нашей стороны мужики не топятъ избъ. —
— Вымети-ка, парень Эрзякъ, мой небольшой полъ. —
— Нашей стороны мужики не метутъ половъ. —
— Покачай-ка, парень Эрзякъ, моего ребёнка,
— Покарауль-ка, парень Мокша, моего ребёнка. —
— Баю! баю! татарскій ребенокъ, баю!
— Баю! баю! ногайскій ребенокъ, баю!
— Въ голову, татарскій ребенокъ, я тебя ударю,
— Ума въ головѣ, ногайскій ребенокъ, я тебя лишу.
— Въ ноги, татарскій ребенокъ, я тебя ударю,

— Пильги вийды, ногай эйде, мон маштан. —
— Мекс сюдысак, эрьзянь сёрась, монь эйдьнемь,
— Мекс азнысак, мокшень эйдьнесь, монь эйдьнемь?
— Ёфтэкь монянь, эрьзянь сёрась, тонь тятять!
— Ёфтэкь монянь, эрьзянь сёрась, тонь авать! —
— Монь дятинимь, губан ава, Дуброва,
— Монь авинимь, ногай ава, Дубурда. —
— Азиды-як, эрьзянь сёраньть ускинґка,
— Азиды-як, мокшень эйденьть виинґка.
— Самай моньць-как истямынь тятянь авань. —

№ 69 [1]).

Ох! азикаять, одалякай, базаруў,
Ох! рамакаять, одалякай, баяга,

— Ножной силы, ногайскій ребенокъ, я тебя лишу. —
— Отчего ты проклинаешь, парень Эрзякъ, моего ребеночка,
— Отчего ты заклинаешь, ребеночекъ Мокша, моего ребеночка?
— Скажи мнѣ, парень Эрзякъ, своего отца,
— Скажи мнѣ, парень Эрзякъ, свою мать! —
— Мой тятенька, татарская жена, Дуброва (имя),
— Моя маменька, ногайская жена, Дубурда (имя). —
— Ступайте-ка, отвезите парня Эрзяка,
— Ступайте-ка, доставьте ребенка Мокшу.
— Я и сама такихъ же самыхъ отца и матери. —

Ср. Орк.; у Paasonen, Proben I, № II и XXXII.

Ср. колыбельную пѣсню, которую поетъ мальчикъ, съ напечатанною у Paasonen, Proben I, № XXI.

Охъ! ступай-ка, молодой мой деверь, на базаръ,
Охъ! купи-ка, молодой мой деверь, колоколъ,

Ох! понгафтыка, одалякай, велипес,
Ох! вачкидика, одалякай, баяганьть,
Ох! мастырнысь-как, одалякай, зэрькстаза,
Ох! менельнесь-как, одалякай, гайкстаза,
Ох! пары паця, одалякай, деть теян,
Ох! ве пенесэньть, одалякай, ди сёрма,
Ох! омбоцесэньть, одалякай, гоў зёрма,
Ох! кунчкавицы, одалякай, эсь лемнемь,
Ох! чапам' лофцсы, одалякай, чоўсеса,
Ох! ламбам' лофцсы, одалякай, ёварца,
Ох! салмукски пряс, одалякай, понгаўса,
Ох! ойми кошсэн, одалякай, гостяса.
Сон кулынь гудыс сельми нардамс маштуве,
Сон симий гудыс кургы нардамс маштуве.

Охъ! повѣсь-ка, молодой мой деверь, на конецъ села,
Охъ! ударь-ка, молодой мой деверь, этотъ колоколъ,
Охъ! пусть загудитъ, молодой мой деверь, даже земелька,
Охъ! пусть зазвенитъ, молодой мой деверь, даже небушко.
Охъ! хорошій платокъ, молодой мой деверь, я тебѣ справлю,
Охъ! на одномъ концѣ, молодой мой деверь, нарисованное солнце,
Охъ! на другомъ концѣ молодой мой деверь, нарисованная луна,
Охъ! по серединѣ, молодой мой деверь, мое имячко
Охъ! кислымъ молокомъ, молодой мой деверь, я потру его,
Охъ! прѣснымъ молокомъ, молодой мой деверь, я полосну его,
Охъ! на конецъ иглы, молодой мой деверь, я повѣшу его,
Охъ! дыханіемъ своимъ, молодой мой деверь, я высушу его.
Онъ пригодится вытирать слезы въ домѣ, гдѣ покойникъ,
Онъ пригодится вытирать ротъ въ домѣ, гдѣ пьютъ.

№ 70[1]).

Moderato.

Парыль барыль Иванынь Матрясь тейтересь.
Седеяк парыль Иванынь Матрясь тейтересь.
Чачумниды Иванынь Матрясь удалась,
Касумниды Иванынь Матрясь удалась.
Тюжа парыцийть Иванынь Матряньть черенъа,
Ногай локшы Иванынь Матряньть пулыза,
Павань долга Иванынь Матряньть цёкоза,
Зоря-тещи Иванынь Матряньть чамаза,
Мазый гумбрят Иванынь Матряньть брованъа,
Раўжы лёмзёрт Иванынь Матряньть сельменъа,
Ашы килий Иванынь Матряньть сэреза.

1) Въ этой пѣснѣ двѣнадцать слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго и восьмого слога.

Хороша, хороша была дѣвица Иванова Матрёна.
Еще лучше была дѣвица Иванова Матрёна.
Рожденьемъ Иванова Матрёна удалась,
Возрастаньемъ Иванова Матрёна удалась.
Какъ желтый шелкъ волосы Матрёны Ивановой,
Какъ татарскій кнутъ коса Матрёны Ивановой,
Какъ павлиное перо кисть на косѣ Матрёны Ивановой,
Какъ звѣзда зоря (Венера) лицо Матрёны Ивановой,
Какъ красивыя бусы брови Матрёны Ивановой,
Какъ черныя черемушины глаза Матрёны Ивановой,
Какъ бѣлая береза ростъ Матрёны Ивановой.

Чисты чисты Иванынь Матрясь базарца,
Чи ютазь гак Иванынь Матрясь лафкаса.
Авуль арчинцы Иванынь Матрясь салцикшнысь,
Авуль кафтысы Иванынь Матрясь салцикшнысь,
Цела косяксы Иванынь Матрясь канликшнысь.
Раужы сельми Иванынь Матряньть неезе,
Липан дорговой Иванынь Матряньть рядизе,
Бойка пильги Иванынь Матряньть сасызе,
Липан дорговой Иванынь Матряньть сасызе,
Кувака кедь Иванынь Матряньть кундызе,
Липан дорговой Иванынь Матряньть кундызе.
Кшнинь арчинцы Иванынь Матряньть чавизе,
Липан дорговой Иванынь Матряньть чавизе.

Каждый день Матрёна Иванова на базарѣ,
И черезъ день Матрёна Иванова въ лавкѣ.
Не аршинами крала Матрёна Иванова,
Не двумя крала Матрёна Иванова,
Цѣлыми косяками Матрёна Иванова унашивала.
Черноглазый увидѣлъ Матрёну Иванову,
Липатъ купецъ замѣтилъ Матрёну Иванову,
Быстроногій догналъ Матрёну Иванову,
Липатъ купецъ догналъ Матрёну Иванову,
Длиннорукій поймалъ Матрёну Иванову,
Липатъ купецъ поймалъ Матрёну Иванову.
Побилъ Матрёну Иванову желѣзнымъ аршиномъ,
Липатъ купецъ побилъ Матрёну Иванову.

№ 71 [1]).

Голодяфкань атятьне — ашы капста сынь брятьне.
Чисты чисты велень брумкс, чи ютазь гак велень брумкс.
Ве думнисы думакшныcть, ве кортамсы кортьнекшнэсть,
Кинь бу салдатыкс максумс, некрутыкс кинь бровожамс.
Конань арась тятяза, велень брумкс якицяза?
Петрань арась тятяза, велень брумкс якицяза,
Ве думнисы думийза, ве кортамсы кортэйза.
Петрась арась кудыса, Раў домбале плотьнеце.
Сынь улавни варчакшныcть, Петрай мельга кучыкшныcть.
— Адя, Петрай, залдатыкс, адя, Петрай, некрутыкс. —
Прась кецтэнsы узирись, прянsы Петрай нолдэзе.
Петраинь гудуў ускизь, Арчилоў велеў бачтизь.

1) Въ этой пѣснѣ четырнадцать слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго, седьмого и одиннадцатаго слога.

Голодяевскіе старики — головы какъ бѣлые кочаны капусты.
Каждый день сельскій сходъ, черезъ день сельскій сходъ.
Одной думушкой они думали, однимъ говоромъ говорили,
Кого бы отдать въ солдаты, кого бы проводить въ рекруты.
У кого нѣтъ отца, нѣтъ выходящаго на сельскій сходъ?
У Петра нѣтъ отца, нѣтъ застойщика (за него) на сельскомъ сходѣ,
Одною думушкой думающаго, однимъ говоромъ говорящаго.
Петра нѣтъ дома, онъ плотничаетъ за Волгой.
Они разыскали подводочку, послали за Петромъ.
— Иди, Петруха, въ солдаты, иди, Петруха, въ рекруты. —
Выпалъ изъ его рукъ топоръ, опустилъ Петруха голову.
Петруху привезли домой, доставили его въ село Арчиловъ.

Кува яки аварьде, кува яки меляфтэ.
Арась сонзы неейза, арась сонзы пурныйза.

№ 72. Кантор[1]).

Пижи сатцыньть, мазый затцыньть
Од гантор зроеть.
Од ганторэньть колмы угулга
Колмы чуфт касыть.
Васинь цуфтысь, вейки чуфтысь
Ашы килийне.
Омбоцексэсь, омбоцькс чуфтысь
Сон зэпей бойне.

1) Въ этой пѣснѣ пятнадцать слоговъ: десять относимъ къ одному стиху, съ цезурой послѣ пятаго слога, а слѣдующіе пять къ другому стиху.

Гдѣ ни ходитъ, плачетъ, гдѣ ни ходитъ, печалится.
Нѣтъ у него смотрящаго на него, нѣтъ у него сбирающаго его.

Въ зеленомъ саду, въ красивомъ саду
Строятъ новую контору.
По тремъ угламъ новой конторы
Растутъ три дерева.
Первое дерево, одно дерево
Бѣлая березка.
Второе, второе дерево
Она горькая осинушка.

Колмоцексэсь, колмоцксь чуфтысь
Умарь цуфтыне.
Васинь цуўсыньть, килийнисыньть
Озяст цилидить.
И цилидить и валыдить,
Эсь морэст морэть.
Омбоцесэньть, пойненьть ланґкса
Кукут курурдыть.
И кукурдыть и цёкоўдэть,
Эсь нужаст ёфнеть.
Колмоцксь умарь цуфтыньть ала
Тейтерь аварьде.
Пижи садганьть, мазый садганьть
Одзёра яке.
— Мекс тон, дейтерь, мекс аварьдят?
— Мекс тон меляфтат? —

Третье, третье дерево
Яблоновое деревцо.
На первомъ деревѣ, березкѣ
Чирикаютъ воробьи.
И чирикаютъ и словесятъ,
Поютъ свою пѣсню.
На второмъ, на осинушкѣ
Кукушки кукуютъ.
И кукуютъ и поютъ,
О своихъ горяхъ разсказываютъ.
Подъ третьимъ, яблоновымъ деревомъ
Плачетъ дѣвушка.
По зеленому саду, красивому саду
Ходитъ молодой парень.
— Отчего ты, дѣвушка, отчего ты плачешь?
— Отчего ты печалишься? —

— Кода, цёра, а яварьдян!
— Тятям чиимимь.—
— Иля аварьть, иля меляфт,
— Тейтерь барычи.
— Тонь цииньsить, тонь якиньsить,
— Тейтерьни, моньдянь.
— Дай-ка, тейтерь, мазый ялгам,
— Дай-ка тон гедьнет.
— Варчтак, тейтерь, мазый ялгам,
— Варчтак лангызын. —
— Рад гедь максумс, кеден гетьксэт,
— Цёра парычи.
— Рад, одsёра, рад варчталинь,
— Чамам ватаса. —

— Какъ, парень, мнѣ не плакать!
— Отецъ меня просваталъ. —
— Не плачь, не печалься,
— Честна́я дѣвица.
— Тебя просваталъ онъ, тебя проходилъ онъ,
— Дѣвушка, за меня.
— Дай-ка, дѣвушка, красивая подруга моя,
— Дай-ка ты твою ручку.
— Посмотри, дѣвушка, красивая подруга моя,
— Посмотри на меня. —
— Я рада дать руку, мои руки въ браслетикахъ,
— Честно́й парень.
— Я рада, парень, рада бы взглянуть,
— Лицо мое подъ фатой. —

№ 73. Акамка[1]).

Каргыцькаць Акамкань руцяза,
Челькеясь Акамкань баляза,
Очкы пенес лопафтыньзе,
Кедь гунчкасы чоўсеньзе.
— Козэнь молян муськимаст?
— Козэнь молян муськимаст?
— Ашкать молян Алатыр ведь лангкс,
— Ашкать молян Алатыр ведь лангкс. —
Алатыр ведь лангкс Акамка молекшнэсь,
Палинингзы Акамка муськизе.
Варштазиўкшнысь Алатыр белеў.
Алатыр бельди кафты ластькить элисыть.
Чии, тарка Акамка а сае,
Моли, шагат а шаге.

1) Размѣръ въ записи не выдержанъ.

Загрязнилась Акамкина руця,
Запылилась Акамкина рубашка,
Намочила ихъ въ кра̀юшкѣ корыта,
Потерла ихъ на ладони.
— Куда я пойду ихъ полоскать?
— Куда я пойду ихъ полоскать?
— Ну-ка пойду на рѣку Алатырь,
— Ну-ка пойду на рѣку Алатырь. —
На рѣку Алатырь пошла Акамка,
Свои рубашонки Акамка вымыла.
Оглянулась было въ сторону Алатыря.
Со стороны Алатыря двое верховыхъ приближаются.
Бѣжитъ, мѣста Акамка не беретъ,
Идетъ, шаговъ не шагаетъ.

Удалы пельди Акамкань гундызь,
Алатыр велеў Акамкань ускизь,
Пси банясы Акамкань баризь,
Пси винады Акамкань зимьдизь,
Мельнеця алуў Акамкань алѳтызь,
Мельнеця алуў Акамкань алѳтызь.
Тусть Акамкань вешнеме,
Тусть Акамкань варчама
Чавы паксява, чопода вирьга,
Тиринь дятьказа ведень гувалма.
Тиринь дятьказа Акамкань муизе,
Тиринь дятьказа Акамкань варчизе.
Муизи Акамкань тятьказы пси баняста.
— Идитян, Акамка, идитян,
— Раматан, Акамка, раматан,
— Сядыса, Акамка, идитян,

Сзади Акамку схватили,
Въ село Алатырь Акамку повезли,
Въ горячей банѣ Акамку вспарили,
Горячимъ виномъ Акамку напоили,
Подъ мельницу Акамку обѣщали,
Подъ мельницу Акамку обѣщали.
Пошли искать Акамку,
Пошли высматривать Акамку
По пустымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ,
А кормилецъ отецъ вдоль рѣки.
Кормилецъ отецъ нашелъ Акамку,
Кормилецъ отецъ высмотрѣлъ Акамку.
Нашелъ Акамку отецъ ея въ горячей банѣ.
— А выручу тебя, Акамка, выручу тебя,
— Я выкуплю тебя, Акамка, выкуплю тебя,
— Сотней рублей, Акамка, я тебя выручу,

— Кафтыса, Акамка, раматан. —
— Илямак иди, тиринь дятякай,
— Илямак рама, тиринь горьмакай.
— Пси банясы парязян,
— Пси винады симьдизян,
— Мельнеця алуў алфтазян. —
Вачкиць тиринь дятьказы кафты кеденsа,
Пурдась тиринь дятьказы кемень зурнынsа,
Нолдэньsи тиринь дятьказы пси сельведенsа,
Маштыньsи тиринь дятьказы чачий гасый бревненsа.

№ 74. Колыбельныя пѣсни.

а) Яга баба.

Стук! Стук! Яга-бабань балказа,
Панды прясы Яга-бабань бросаза,

1) Въ трехъ послѣднихъ стихахъ первыя двѣ ноты замѣняются восьмыми.

— Двумя сотнями, Акамка, я тебя выкуплю. —
— Не выручай меня, кормилецъ батюшка,
— Не выкупай меня, кормилецъ.
— Въ горячей банѣ я вышарена,
— Горячимъ виномъ я напоена,
— Подъ мельницу я обѣщана. —
Ударилъ кормилецъ отецъ обѣ свои руки,
Погнулъ кормилецъ отецъ свои десять пальцевъ,
Пустилъ кормилецъ отецъ свои горячія слезы,
Потерялъ кормилецъ отецъ свой родовой умокъ.

Стукъ! Стукъ! Палка Бабы-яги,
На горѣ просо Бабы-яги,

Ажияшка Яга-бабань олгэза,
Сараз алчка Яга-бабань зёрназа.

б)

Сезьган! обезьган!
Мекс пулыт кувака?
Секс пулум гувака:
Тятям зюруў,
Авам лоўцоў,
Ваня лялям ярмакуў,
Ярмакынsы гумашкат,
Тейтеренsы курвашкат.

---

1) Въ слѣдующихъ стихахъ вторая нота замѣняется восьмыми; въ трехъ послѣднихъ восьмыми замѣняются первыя двѣ ноты.

Съ оглоблю солома Бабы-яги,
Съ куриное яйцо зерно Бабы-яги.

Сорока-обезьяна!
Отчего твой хвостъ длинный?
Оттого мой хвостъ длинный:
Отецъ мой хлѣбный,
Мать моя молочная,
Старшій братъ Ваня денежный,
Деньги его бумажки,
Дочери его б....

в)

Кудыкили цигатт,
Пириланкксы карьцягатт,
Вирьцы пивáт.
Симат, симат, иридят,
Баня бокас кеверят.
Баня кефне алыт,
Баня теньцьтьке прялыт,
Каянь бонгкст лангызыт.

г)

Пары пары Купрянизы, уряжум,
Седи пары Купрянизы, уряжум.

Въ сѣняхъ цыганы,
На загороди ястреба,
Въ лѣсу пива́.
Пьешь, пьешь, опьянѣешь,
Къ банѣ подкатишься.
Подъ тобой банные камни,
Надъ твоей головой банные вѣники,
На тебѣ сброшенные штаны.

Хороша, хороша Киприанова жена, невѣстка моя,
Еще лучше Киприанова жена, невѣстка моя.

Прякат пани Саратувунь галацят,
Каша пиди, вармафтума понцафтэ.
Боза каи, сисимь иинь даракатт.
Кона сими, се пандалуў гевере,
Асимицясь пси банинис кенере.

д)

А таракан даракан,
Соньць тараканчка.
Пеки барабанчка.
Тараканыньть ваткизь,
Кеденsы срафтызь.
Дурак сезьган залызе,
Превей зезьган нельгезе,
Нанговой бонгксэкс стызе.

Пироги печетъ какъ Саратовскіе калачи,
Кашу варитъ, безъ вѣтра вѣетъ.
Квасъ водитъ, семилѣтніе тараканы.
Который пьетъ, тотъ падаетъ подъ гору,
Не пьющій спѣшитъ въ теплую банечку.

А тараканъ, тараканъ,
Самъ съ тараканъ,
Животъ съ барабанъ.
Съ таракана сняли кожу,
Кожу вывѣсили сушить.
Глупая сорока стащила ее,
Умная сорока отняла ее.
Сшила изъ нея нанковые штаны.

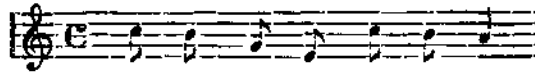
Мольць умаринь залама,
Мольць, Ванинись кундызе,
Авининцтынь ветезе.
— Илямак чафт, авакай,
— Молян вириў укштуруў. —
Вирьц' укштырцы местейнят?
— Тумунь ласт лазнан. —
Тумунь ласнынь мезекс?
— Идимь дувунь гуяфтумс,
— Ваня лялянь урьвакстумс.
— А Хроланинь бряньть,
— Микитанинь зерькатынинь,
— А Ванянинь бузыриньть. —
Пузыриньть рестэзе,
Умарь бириньть пекстэзе.

Пошла красть яблоки,
Пошелъ, Ванюшка поймалъ ее,
Къ матушкѣ своей привелъ ее.
— Не бей меня, матушка,
— Я пойду въ лѣсъ, въ кленовникъ. —
Въ лѣсу, въ кленовникѣ что будешь дѣлать?
— Буду колоть дубовыя доски. —
На что дубовыя доски?
— Чтобы откармливать дикую свинью,
— Чтобы поженить старшаго брата Ваню.
— А Фролу голову,
— Никитѣ ноги [1]),
— А Ванѣ пузырь. —
Пузырь онъ зажарилъ,
Кадушку съ яблоками онъ закрылъ.

---

1) серькат: часть ноги отъ колѣна до ступни.

е)

Бабаньть ульнись тпругаза [1]),
Мольць мамама [1]), вец ваясь.
Таргась таргась, эзь даргафт,
Мольць Васинись, таргизе,
Рогенеды кундызе,
Каль булынис ветезе,
Каль дараткис сюлмизе.
Тусь бабанцтынь ёфтама:
— Ади, бабай, ботяфтыкь,
— Ади, бабай, нурьтяфтыкь,
— Лёленьть[1]) пидикь кашыникс,
— Ойненьть паникь сюкурныкс,

1) Изъ дѣтскаго жаргона.

У старухи была корова,
Пошла пить, въ водѣ утонула.
Вытаскивала, вытаскивала, не вытащить.
Пришелъ Васенька, вытащилъ ее,
За рога поймалъ ее,
Въ тальникъ повелъ ее,
Въ вѣточкѣ тальника привязалъ ее.
Пошелъ сказать своей бабушкѣ.
— Иди, бабушка, подои ее,
— Иди, бабушка, пососи ее,
— Молочко свари на кашечку,
— Масляце испеки на лепешечку,

— Васиньканинь гаша пенч,
— Васиньканинь зюкур белькс. —

ж)

Давай, ялгай, мирятана,
Сёвонь бири пирятана.
Сезэй репст видитяна.
Молеть пакшат салама,
Беданьть теть алама.

з)

Одѕёралинь, барылинь,
Латы ланга кузынилинь,
Чафка леўксэть валцнилинь.
Чафка леўкскеньть прязы покш,
Латы варяс кедемь бонгксь.

— Васенькѣ ложку каши,
— Васенькѣ половину лепешки. —

Давай, дружокъ, помиримся,
Глиняный огородъ загородимъ.
Тамъ рѣпу посѣемъ.
Пойдутъ ребята красть,
Сдѣлаютъ немного бѣды.

Я былъ молодымъ парнемъ, я былъ пригожимъ,
По сараямъ я лазилъ,
Галочьихъ дѣтенышей я снималъ.
У галочьяго дѣтеныша голова большая,
Рука моя застряла въ дырѣ сарая.

Сейрень зейрень Радайнинь.
Радай арась кудыса,
Радай дусь базаруў.
Мези мези рамама?
Ашы маций, бела гусь.
Пецькалангынь угулц куссь.
Зяры зяры питьниза?
Три деньги, ва деньги,
Три копейки с денешкый.

№ 75. Колядат.

Веси калядамутьнинь морцекшнэсэзь ве вайгильца, и весп калядыцятьни морэть ве вайгильца.

Я кричалъ кричалъ Радаю.
Радая нѣтъ дома,
Радай ушелъ на базаръ.
Что и что покупать?
Бѣлаго гуся, бѣлаго гуся.
Онъ влѣзъ на уголъ печки.
Сколько, сколько цѣна его?
Три деньги, вотъ деньги,
Три копейки съ денежкой.

Колядки.

Всѣ колядки поютъ на одинъ мотивъ, и всѣ колядующіе поютъ однимъ голосомъ.

а) Кудыкили эрькене.

Каляда! кудыкили эрькене;
Каляда! эрькенесэньть уткине;
Каляда! пижынь дурба киргаза;
Каляда! ярмак пижынь лангыза;
Каляда! золочи́ный нереза;
Каляда! уе, уе, чопафтэ;
Каляда! седи-як васуў лисе.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

б) Кечи пулы медь зарас.

Каляда! кечи пулы медь зарас;
Каляда! чыйсь чыйсь, валызе;

Въ сѣняхъ озерко.

Коляда! въ сѣняхъ озерко;
Коляда! въ озеркѣ уточка,
Коляда! шея ея мѣдная труба;
Коляда! спина ея мѣдная;
Коляда! золоченый ея клювъ;
Коляда! плыветъ, плыветъ, нырнетъ;
Коляда! еще дальше она выйдетъ.
— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

Курица съ хвостомъ, какъ медъ въ ковшѣ.

Коляда! курица съ хвостомъ, какъ медъ въ ковшѣ,
Коляда! бѣжала, бѣжала, пролила;

Каляда! мольць сеенесь, нолэзе;
Каляда! и нолэзе, палызе.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

в) Сэдь бесы кудыныкъ.

Каляда! сэдь бесы кудыныкъ;
Каляда! ульцяўъ ваныть вальманыкъ;
Каляда! чеень гуда конянык;
Каляда! ленги луткынь ортаныкъ;
Каляда! олгы поцы пиванык;
Каляда! сюва поцы браганык;
Каляда! човарцы винанык.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

Коляда! пришла козочка лизнула;
Коляда! и лизнула, поцѣловала.
— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

Въ концѣ моста нашъ домъ.

Коляда! въ концѣ моста нашъ домъ;
Коляда! на улицу смотрятъ наши окна.
Коляда! изъ чакану нашъ конёкъ;
Коляда! изъ лычной коры наши ворота;
Коляда! въ соломѣ наше пиво;
Коляда! въ мякинѣ наша брага;
Коляда! въ ступѣ наше вино
— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

г) Кудцы, кудцы Деменьтей.

Каляда! кудцы, кудцы Деменьтей;
Каляда! арась кудцы Деменьтей;
Каляда! куд' удалы карца;
Каляда! молян гудуў, ганца;
Каляда! таштыямды анца;
Каляда! кельми ведьты симса!
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

д) А уланый уланый.

Каляда! а уланый уланый;
Каляда! алашазы буланый;
Каляда! кисказы грецкэй;

Въ домѣ, въ домѣ Дементій.

Коляда! въ домѣ, въ домѣ Дементій;
Коляда! нѣту въ домѣ Дементья;
Коляда! за домомъ въ хлѣвѣ;
Коляда! пойду домой, принесу;
Коляда! старыми щами накормлю;
Коляда! холодною водой напою!
— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

А уланый-уланый.

Коляда! — — —
Коляда! лошадь его буланая;
Коляда! собака его греческая;

Каляда! псаказы немецкэй;
Каляда! атякшызы галанцкый.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

е) Кудыкили калядан.

Каляда! кудыкили калядан;
Каляда! кудыс суван, пупурьдян;
Каляда! прякань баний гутмурдан;
Каляда! уряй, уряй, а уряй;
Каляда! паньть, уряй, брякине.
Каляда! бути панят прякине,
Каляда! чачт цёра тякине;
Каляда! ашы прини улиза;
Каляда! лаўця ланггы чыйниза;

Коляда! кошка его нѣмецкая;
Коляда! пѣтухъ его голандскій.
— — —
Дай скорѣе мою лепешку.

Въ сѣняхъ колядую.

Коляда! въ сѣняхъ колядую;
Коляда! войду въ избу, спотыкнусь;
Коляда! пекущую пироги обниму;
Коляда! невѣстка, невѣстка, а невѣстка;
Коляда! испеки, невѣстка, пирожокъ,
Коляда! если испечешь пирожокъ,
Коляда! роди сына дитятко;
Коляда! пусть будетъ бѣлоголовый;
Коляда! пусть бѣгаетъ по полкамъ;

Каляда! толга паркс праза.
Каляда! буть' а панят прякине,
Каляда! чачт тейтерь дякине;
Калада! тазуў дузуў улиза;
Каляда! лаўця лангы чыйниза;
Каляда! чапакс парьц праза.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

ж) Тингине.

Каляда! а тингине, тингине;
Каляда! тингинисыньть эрькене;
Каляда! эрькенесэньть калныть;
Каляда! калыньть ламы сардынsа;
Каляда! сед-як ламы валынsа.

Коляда! пусть упадетъ въ кузовъ съ птичьими перьями.
Коляда! если не испечешь пирожка,
Коляда! роди дочь дитятко;
Коляда! пусть будетъ шелудивая;
Коляда! пусть бѣгаетъ по полкамъ;
Коляда! пусть упадетъ въ квашню.
— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

Небольшой токъ на гумнѣ.

Коляда! токъ небольшой, токъ небольшой;
Коляда! на небольшомъ току озерко;
Коляда! въ озеркѣ рыбки;
Коляда! много костей у рыбки;
Коляда! а еще больше у ней словъ.

А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

з) Томбаланґксы каша чакш.

Каляда! томбаланґксы каша чакш;
Каляда! каша чакшысь коса?
Каляда! псакась сэвезе!
Каляда! псакась коса?
Каляда! лисьмас ваясь!
Каляда! лисьмась коса?
Каляда! раўжы букась симизе.
Каляда! раўжы букась коса?
Каляда! чопода вирьца!
Каляда! вирись коса?
Каляда! пщи узирись керезе!

— — —

Дай скорѣе мою лепешку!

На шесткѣ горшокъ съ кашей.

Коляда! на шесткѣ горшокъ съ кашей.
Коляда! горшокъ съ кашей гдѣ?
Коляда! кошка его съѣла!
Коляда! кошка гдѣ?
Коляда! въ колодцѣ утопилась!
Коляда! колодецъ гдѣ?
Коляда! черный быкъ его выпилъ.
Коляда! черный быкъ гдѣ?
Коляда! въ темномъ лѣсу!
Коляда! лѣсъ гдѣ?
Коляда! острый топоръ срубилъ его!

Каляда! пщи узирись коса?
Каляда! кузьницькаса!
Каляда! кузьницькась коса?
Каляда! палы толэсь пултызе!
Каляда! палы толэсь коса?
Каляда! кельми ведьнесь мацьтизе!
Каляда! кельми ведьнесь коса?
Каляда! пандынись брудизе!
Каляда! пандынись коса?
Каляда! чеерьнесь пельнезе!
Каляда! чеерьнесь коса?
Каляда! псакинись кундызе!
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

Коляда! острый топоръ гдѣ?
Коляда! въ кузницѣ!
Коляда! кузница гдѣ?
Коляда! горящій огонь сжегъ ее!
Коляда! горящій огонь гдѣ?
Коляда! холодная водица потушила его!
Коляда! холодная водица гдѣ?
Коляда! горка запрудила ее!
Коляда! горка гдѣ?
Коляда! мышка разрыла ее!
Коляда! мышка гдѣ?
Коляда! кошечка поймала ее!
— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

№ 76. Рошtоваюткынь морэт.

а)

Покш ульцясыньть каравод, (2)
Нужды нет, дела нет, говорика, каравод.
Каравотцэньть ки цёрась? (2)
Нужды нет, дела нет, говорика, ки цёрась.
Цёрась парысь Гаврила. (2)
Нужды нет, дела нет, говорика, Гаврила.
Гавань берька раўжы каркс. (2)
Нужды нет, дела нет, говорика, раўжы каркс.
Карксынь годэйсь ки уле? (2)
Нужды нет, дела нет, говорика, ки уле.

Святочныя пѣсни.

На большой улицѣ хороводъ! (2)
— — — —
Въ хороводѣ кто парень? (2)
— — — —
Хорошій парень Гаврила. (2)
— — — —
Вокругъ Гаврилы черный поясъ. (2)
— — — —
Ткальщица пояса кто будетъ? (2)
— — — —

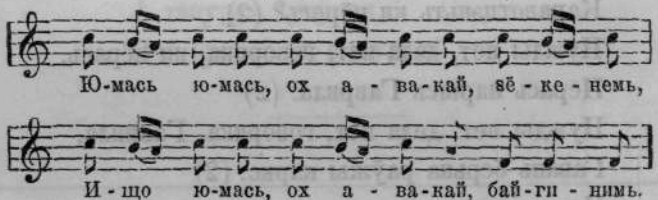
Карксынь годэйсь Стяханька. (2)
Нужды нет, дела нет, говорика, Стяханька.

б)

Ягу! Ягу! Ягу! Кинь булызы кувака?
Ягу! Ягу! Ягу! Олдань булысь кувака.
Ягу! Ягу! Ягу! Кин пини чалгизе?
Ягу! Ягу! Ягу! Марьтимь бини чалгизе.

в) Одӭрада.

Юмась юмась, ох авакай, вёкенемь,
Ищо юмась, ох авакай, байгинимь.

Ткальщица пояса Стешенька. (2)
— — — —

[Про дѣвицу и парня, которые дружатся].

— — — У кого длинная коса?
— — — У Авдотьи длинная коса.
— — — Кто собака на нее наступилъ?
— — — Мартынъ собака на нее наступилъ.

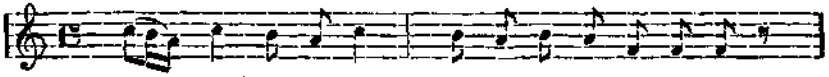
Про парня.

Пропала пропала, охъ матушка, моя кисточка,
Еще пропалъ, охъ матушка, мой колокольчикъ.

Ки муизи, велень зука, тонь сёкот,
Ки муизи, ведь галяга, тонь байгит?
Пары Назар, ох авакай, мупзе,
Кудуў гауў, ох авакай, гандызе,
Стенас тулыс, ох авакай, бутызе.

№ 77. Тундынь морэт.

а) Те морэньть эйса лецьнеть весень: и цёрат, и ават, тейтерьть, одзёрат и лиятьнинь.

Позяра! позяра! Сэрей бичи нувара,
Позяра! позяра! Пичиньть прясы сал барга,
Позяра! позяра! Салмукст салмукст эйсенза,
Позяра! позяра! Салмукс прява горьпипофт.

Кто нашелъ, сельская сука, твою кисть,
Кто нашелъ, водяная кикимора, твой колоколъ?
Добрый Назаръ, охъ матушка, нашелъ его,
Домой, охъ матушка, принесъ его,
На стѣну на гвоздь, охъ матушка, повѣсилъ его.

Весеннія пѣсни.

Въ этой пѣснѣ поминаютъ всѣхъ: и мужчинъ, и женщинъ, дѣвушекъ, парней и прочихъ.

— — — Высокая сосна сухая,
— — — На вершинѣ сосны кузовъ соли,
— — — Въ ней иглы и иглы,
— — — На концахъ иголъ бубенцы.

Позяра! позяра! Алуў валгить, чольдерьдеть,
Позяра! позяра! Вереў гузить, кальдирьдить,
Позяра! позяра! Одѕёратьнинь морафтыть,
Позяра! позяра! Оддейтерьтьнень гищифтить.
Позяра! позяра! Одѕёратьни ульцяса
Позяра! позяра! Мижгороцкэй жляпаса,
Позяра! позяра! Оддейтерьтьни ульцяса
Позяра! позяра! Палы зоря лентаса,
Позяра! позяра! Зоря тещи плащаса.
Позяра! позяра! Одерьватьни ульцяса,
Позяра! позяра! Веси кумаць руцяса,
Позяра! позяра! А аватьни ульцяса
Позяра! позяра! Веси покай руцяса,
Позяра! позяра! А цёратьни ульцяса
Позяра! позяра! Кумаць кавал паляса.
Позяра! позяра! Сыри бабат ульцяса

— — — Внизъ слѣзаютъ, шумятъ,
— — — Вверхъ лѣзутъ, гремятъ.
— — — Поютъ про молодыхъ парней,
— — — Заставляютъ дѣвушекъ плясать.
— — — Парни на улицѣ
— — — Въ нижегородскихъ шляпахъ,
— — — Дѣвушки на улицѣ
— — — Въ лентахъ, какъ горящая заря,
— — — Въ пуговицахъ какъ утренняя звѣзда,
— — — Молодушки на улицѣ,
— — — Всѣ въ кумачевыхъ руцяхъ,
— — — А женщины на улицѣ
— — — Всѣ въ вышитыхъ руцяхъ,
— — — А мужчины на улицѣ
— — — Въ рубашкахъ съ кумачевыми подмышками.
— — — Старыя старухи на улицѣ

Позяра! позяра! Коты таргань баляса.
Позяра! позяра! Сырь' атятьни ульцяса,
Позяра! позяра! Вазынь гедень цубаса.

б)

Молян, молян Галыярынь базаруў,
Раман, раман сивикс кирга яксярга,
Ознан, ознан Хома марта Домнань гис.

в)

Вецы чары чарамузы ки уле, ки уле??
Хома, Хома!!

— — — Въ рубашкахъ въ шесть вышивокъ.
— — — Старые старики на улицѣ,
— — — Въ шубахъ изъ телячьихъ шкуръ.

[Пѣсня про молодыхъ].

Пойду пойду на базаръ въ Колояръ[1]),
Куплю куплю (черную) утку съ (бѣлыми) колечками на шеѣ,
Помолюсь помолюсь за Ѳому и Домну.

Ср. Орк.

[Пѣсня про молодыхъ].

Въ водѣ кто ея мучащій мучитель??
Ѳома, Ѳома!!

1) Колояръ — село Вольскаго уѣзда Сарат. губ.

Юр булыза до мельганзы ки уле, ки уле??
Домна, Домна!!

г)

Пизими пизи, керьба ведь гольге,
А покш паксясыньть ладырман гилий.
Вери таратцыньть Кормилань жляпась,
Алы таратцыньть Маланьянь жались.
Кедь нармунь налькси пулынзы марта,
Кармила налькси Маланья марта.

За нимъ его къ корню приросшій хвостъ, кто это??
Домна, Домна!!

[Пѣсня про молодыхъ].

Идетъ дождь, — [1]) вода капаетъ,
А на большомъ полѣ широкая береза.
На верхней вѣткѣ шляпа Корнила,
На нижней вѣткѣ шаль Маланьи.
Летучая мышь играетъ со своимъ хвостомъ,
Корнилъ играетъ съ Маланьей.

Ср. Орк.

---

1) Въ Оркинскомъ варіантѣ вмѣсто керьба—ve'rьa.

д) Виянама.

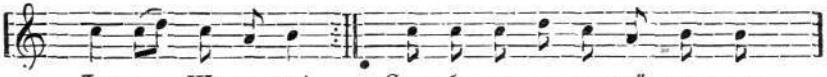
Вияна! вияна! вияканя! Турбань ботомксэсь а Викилныза.
— — — Сеецты кортэйсь а Фарайниза.
— — — Лепень гурьцясь а Родяниза.
— — — Чавус онгейсь а Карпаниза.
— — — Кудынь гирьдийсь а Ондроннэза.
— — — Дёгодь лагунць а Дёманиза.
— — — Офтэнь гицифтийсь Эрёмниза.
— — — Сёрмаў гулькинись Конканиза.
— — — Лисьма паймись а Горьдяйниза.
— — — Калады парись Варланныза.
— — — Ряц який гечесь Обранныза.
— — — Калады панарць Таразныза.
— — — Уды тувинись Исрашканиза.
— — — Апак муськть панарць а Логемнеза.

— — — Трубная затычка Вуколова жена.
— — — Часто говорящая Парамонова жена.
— — — Елховое коромысло Родіонова жена.
— — — Въ пустую лающая Карпова жена.
— — — Держащая домъ Андронова жена.
— — — Лагунъ для дегтя Демьянова жена.
— — — Заставляющая плясать медвѣдей Еремѣева жена.
— — — Пестрая голубка Кононова жена.
— — — Колодязный журавель Гордѣева жена.
— — — Развалившаяся кадушка Варламова жена.
— — — Ходящій подъ рядъ ковшъ Абрамова жена.
— — — Разорванная рубашка Тарасова жена.
— — — Спящая свинка Елистратова жена.
— — — Не мытая рубашка Логинова жена.

Вияна! вияна! вияканя! Мей згалынь бильгись Ёрманиза.
— — — А сокор зукась Лазырьниза.

А те морэсэньть лецьнеть аньцяк авat. Морэньть морцесэзь тейтерьть и пакшат латы лангкса.

е)

Люли Шимара, люли Лимара! Столба прясы косэй зельмесь а те Кузьма а яля.
— — — — Драньця кудря парьций цересь а те Хрола а яля.
— — — — Столба вакссы сеянь зельмесь а те Хока а яля.
— — — — Утум вакссы кляща пильгись а те Тихан а яля.
— — — — Куды бокань пузякс пинись а те Онтон а яля.

— — — Съ коровьими ногами на отмашь Ермолаева жена.
— — — Слѣпая сука Лазарева жена.

А въ этой пѣснѣ поминаютъ только женщинъ. Пѣсню поютъ [въ началѣ марта] дѣвушки и ребятишки, на повѣтяхъ.

— — — На столбѣ съ косымъ глазомъ—это молодецъ Кузьма.
— — — Съ шелковыми кудрями, какъ тесъ—это молодецъ Фролъ.
— — — Съ козьимъ глазомъ у столба—это молодецъ Фока.
— — — Съ ногами въ видѣ клещей около амбара—это молодецъ Тихонъ.
— — — Лѣнивая собака на заваленкѣ—это молодецъ Антонъ.

Люли Шимара, люли Лимара! Ульця кунчкань гривой зельмесь а те Паул а яля.

— — — — Тона бокасы трокс пильгись а те Серьгей а яля.

— — — — Чуди ведень бесэк пекесь а те Фарай а яля.

А те морэсэньть лецьнеть аньцяк одзёрат. Морцесэзь дейтерьть и пакшат латы ланкса.

ж)

Лём-лём! лёмка дыряватый! Уськи суринь гцирьдицятьни Эмель атянь дейтерьтьне.

— — — — Конёў гоцтэнь годэцятьни Кирий атянь дейтерьтьне.

— — — Кривой глазъ посреди улицы — это молодецъ Павелъ.

— — — Нога (протянутая) поперекъ на той сторонѣ—это молодецъ Сергѣй.

— — — Животъ, наполненный пескомъ изъ текущей воды— это молодецъ Парамонъ.

А въ этой пѣснѣ поминаютъ только парней. Пѣсню поютъ дѣвушки и ребятишки на повѣтяхъ.

— — — — Прядильщицы нитокъ, подобныхъ проволокѣ—дочери старика Емельяна.

— — — — Ткальщицы полотна, подобнаго бумагѣ — дочери старика Кирѣя.

— — — — Нузякскитьни цёлакскитьни Тараз атянь дейтерьтне.

— — — — Цюлканьготань гантлицятьни Гостянь Лёвань дейтерьтне.

— — — — Сисимь ленгень гарь гантлийтьни Липань атянь дейтерьтне.

— — — — Поднез лентань гантлицятьни Назар атянь дейтерьтне.

— — — — Парьций гушакынь гантлийтьни Эхремь атянь дейтерьтне.

Те морэсэньть лецьнеть аньцяк оддейтерьть. Морэньть морцесэзь тунда, латы ланкса.

---

3)

Дёгимь-дёгимь-дёкшке!
Весемеды покшке

— — — — Лѣнивицы неумѣхи — дочери старика Тараса.

— — — — Носительницы чулокъ и котовъ — дочери Льва Константинова.

— — — — Носительницы лаптей изъ семи лыкъ — дочери старика Липата.

— — — — Носительницы изукрашенныхъ лентъ — дочери старика Назара.

— — — — Носительницы шелковыхъ поясовъ — дочери старика Ефрема.

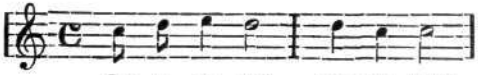
Въ этой пѣснѣ поминаютъ только дѣвушекъ. Пѣсню поютъ весной на повѣтяхъ.

— — —

Всѣхъ больше

Вейки кесакыза,
Се-як кафты пулыза,
Кемгафтувы сазьмиса.

№ 78. Лайшымат.

а) Авань лайшыма.

Ох, авакай, горьмакай!
Ох, авакай, дирякай!
Авинимь, лиси чинимь!
Тон монь пешкеди коўнемь,
Чокшнень валцкинь зоренемь,
Чокшнень зоря тещенемь,
Кочкарява палинимь,

Одна пятина у нея,
И та въ двѣ пасмы,
Въ двѣнадцать чисменниковъ [1])

Заплачка по матери.

Охъ, матушка, кормилица!
Охъ, матушка, воспитательница!
Матушка, мое восходящее солнышко!
Ты мой полный мѣсяцъ,
Ты моя вечерняя и утренняя зорюшка,
Вечерней зари звѣздочка,
До пятокъ моя рубашечка,

1) Въ этой пѣснѣ осмѣиваютъ лѣнивую дѣвушку.

Сурбирява оженемь,
Кавалала лембенемь,
Турва песы ойменемь.
Миникь трямсты ванумста
Эзеть мадьни тон, афкай!
Чефти ацамуни лангкс
Эзекь путьни тон бирят.
Сэрей цефти тодоў лангкс
Эзеть сода вень удумне,
Эзеть сода чинь оймамне,
Пешкедемс эзеть ярца.
Ох, авинимь диринимь,
Тон цокшни мацьтицяныкъ,
Чефти ацамунь ацыцяныкъ,
Таньтий зускумунь деецясь,
Тон балянь муськицяныкъ,

До конца пальцевъ мой рукавчикъ,
Теплота моя подъ мышкой,
Съ конца губъ мое дыханьице.
Кормя и воспитывая насъ,
Ты не ложилась, матушка!
На мягкую постелюшку
Ты не клала своей головы.
На высокой мягкой подушкѣ
Ты не знала сна ночного,
Ты не знала отдыха дневного,
До сыта ты не ѣла.
Охъ, матушка кормилица,
Ты вечеромъ наша укладчица,
Мягкой постели слальщица,
Лакомаго куска приготовительница,
Ты рубашекъ нашихъ стиральщица,

Тон рана стяфтыцяныкъ,
Ламы горянь гадыцясь!

б) Тятянь лайшыма.

Ох, тятинимь горьменемь,
Ох, тятинимь диринимь!
Миникь трямсты ванумста
Тоньцеть нужачиньть марта
Эзеть сода ащимат,
Эзеть сода оймамут.
Тон, дятькай, кадымизь
Вальмад' вальмас якама,
Кши сускумунь бурнама.
О, тятинимь горьменемь,
А саиви миняникь

Ты наша будильщица рано,
Большое горе оставившая!

Заплачка по отцѣ.

Охъ, батюшка мой, кормилецъ мой,
Охъ, батюшка мой, воспитатель мой,
Кормя и воспитывая насъ,
Вмѣстѣ съ твоею бѣдностью,
Ты не зналъ себѣ бездѣйствія,
Ты не зналъ себѣ отдыха.
Ты, батюшка, оставилъ насъ
Ходить отъ окошка къ окошку,
Собирать куски хлѣба.
О, батюшка мой, кормилецъ мой,
Не можемъ мы взять

Аныкстань гак прякинись.
А тон, дятяй, гадымизь
Ломань брякань заиме,
Ломань ортань банцума,
Покш мешекэнь гандума.
Ох, тятинимь диринимь,
Ламы горянь гадыцясь,
Ламы нужань деецясь!

в) Цёрань лайшыма.

Ох, эйдьнемат, леўкскемат,
Чарады чинимь сёрэнемь,
Надиямы таркинимь,
И сокецям, видицям,
И трицям, и ваныцям,

И приготовленнаго хлѣбца.
А ты, батюшка мой, оставилъ насъ
Брать чужой хлѣбъ,
Отпирать чужія ворота,
Носить большіе мѣшки.
Охъ, батюшка мой, кормилецъ мой,
Большое горе оставившій,
Большое несчастіе причинившій!

Заплачка по сынѣ.

Охъ, ты мое дитятко, ты мой дитёнышъ,
Вертящееся мое солнце, мой сыночекъ,
Мѣстечко мое надежды,
И пахарь мой, и сѣятель мой,
И кормитель, и воспитатель,

Сыричисты орчецям,
Кепи пильгинь гарьцицям.
Ней гадымикь, эйдьнемат,
Ломань зускумд' ярцама,
Мешек марты якама,
Лом' одежань гандума.
Марямака, эйдякай,
Кургы поцы вайгильга,
Кельбринисы валныва.
Авуль гукы кукурдэ,
Авуль sёкоў sёкордэ,
Грешнэй афкат кукувдэ,
Грешнэй афкат цёковдэ,
Конань гадыкь юртумукс,
Конань гадыкь грешнэйнекс.
Уцяскаў кукут кукурдыть

Въ старости одѣвальщикъ,
Босыхъ ногъ обувальщикъ.
Теперь ты оставилъ меня, ты мой ребеночекъ,
Ѣсть чужой кусокъ,
Ходить съ мѣшкомъ,
Носить чужое платье.
Услышь-ка меня, мое дитятко,
По голосу изъ глубины рта,
По словамъ на кончикѣ языка.
Не кукушка кукуетъ,
Не соловей поётъ,
Твоя несчастная мать кукуетъ,
Твоя несчастная мать поётъ,
Которую ты оставилъ безъ корня,
Которую ты оставилъ несчастненькою.
Счастливыя кукушки кукуютъ

Тундынь мазый боране,
Валцкинь росас' чамаст штыть,
А грешнэй гукут кукурдыть
Пеливень, а порава,
Грешнэйнетьни кукурдыть,
Пси сельветцы чамаст штыть.
Ох, цёрэнемь, эйдьненемь,
Ламы горянь гадыцясь,
Ламы нужань деецясь!

г) Тейтерень лайшыма.

Ох, тейтерьнемь, эйдьнемат,
Сэредемсты варчыцям,
И кщирьдицям, годэцям,
Лангксы панарынь тон здыцям.

Въ хорошее весеннее времячко,
Въ утренней росѣ они моютъ свои лица,
А несчастныя кукушки кукуютъ
Въ полночь, не въ пору;
Несчастненькія кукуютъ,
Горючими слезами онѣ моютъ свои лица.
Охъ, сыночекъ мой, дитятко мое,
Оставившій много горя,
Причинившій много несчастія!

Заплачка по дочери.

Охъ, дочка моя, дитятко ты мое,
Въ болѣзни моя посѣтительница,
И прядильщица моя, ткальщица моя,
Ты сшивающая на меня рубашку.

Цёра тякась эряве
Кулы сэрень галмицякс,
Саинь урьвась эряве
Поминкас аныкстыцякс.
Тейтерь дякась эряве
Пря пенесы ащицякс,
Лажы вайгиль даргицякс,
Пси сельведень брафтыцякс.

д) Кулыцянь лайшима.

— — — — —

Бути ули те койне,
Бути ули те кирда:
Вери Пазнынь молемста,
Корьменецнень молемста,

Сынъ дитя нуженъ
Для погребенія мертваго тѣла,
Взятая сноха нужна
Какъ приготовительница поминокъ.
Дочь дитя нужна
Для сидѣнія у головы,
Для вытягиванія вопящаго голоса,
Для проливанія горючихъ слезъ.

Заплачка по покойникѣ (вообще).

— — — —

Если есть этотъ обычай,
Если есть этотъ обычай:
Идя къ Верхнему Богу,
Идя къ Кормильцу,

Вейкень вейкень неема,
Эсь юткува кортама,
Паряк, несак шкинь афкань.
Сон васылды содаве:
А порава кульця,
Ламы горянь гадыця.

е) Некрутынь лайшыма.

Ох, эйденемь, ох, леўкскемь,
Ох, трицям, ох, ваньцям,
Эйдьнемат, тонь зайтядызь
Прянь бутумы таркинис.
Тонь зайтядызь, эйдякай,
Инязырнынь злужама,
Стакасты роботама.

Видѣть другъ друга,
Разговаривать промежъ себя,
Можетъ быть, увидишь родимую мою матушку.
Она узнается издалека:
Не во время умершая,
Много горя оставившая.

Заплачка по рекруту.

Охъ, дитятко мое, охъ, дитёнышъ мой,
Охъ, кормилецъ, охъ пѣстунъ,
Ты мое дитятко, тебя возьмутъ
На мѣстечко, гдѣ кладутъ головы.
Тебя возьмутъ, дитятко,
Служить царю,
Тяжело работать.

Инязырыньть службанъа
Роботазы стакине.
Инязырыньть службанъа
Ярцамнизы сождене.
Хунцы онкстазь бряказа,
Золотьниксы ведеза.
Туят, тон монь эйдьнемат,
Кувака кинь молеме,
Келейнесты шагама,
Сеедьнесты чалгама,
Стака ружьянь гандума.
Кармат, эйдьнемь, бримама
Начальникинь цавумат.
И чокшни тон и валцки
Ялы ознэк, эйдякай,
Максызы теть Корьмаись

У службы царской
Работа тяжелая.
У службы царской
Пища плохая.
Его хлѣбъ вѣсится фунтами,
Его вода вѣсится золотниками.
Уйдешь ты мое, дитятко,
Идти длинный путь,
Широко шагать,
Часто ступать,
Нести тяжелое ружье.
Ты станешь, дитятко, принимать
Побои начальниковъ.
И вечеромъ и утромъ
Ты всегда молись, дитятко,
Да дастъ тебѣ Кормилецъ

Сождя служба, чаркидьма,
Чефти мельни начальникь.

ж) Беднэйцисы лайшима.

Ачачумась тень барыль,
Акасумась тень барыль.
Ламы горяс мон цачинь,
Ламы нужа мон неень.
Кафты кедьнен акундыть,
Кафты пильгин амолеть.
Ки барщинаньть нолдэзе,
Стака сталмусь ланганза,
Пининь гулыс кулыза,
Тантарали туиза [1]).

---

1) Мейлевь валтнынь эйсы сюдыть се ломаниньть, кона тейсь барщина.

Легкую службу, пониманіе,
Съ мягкимъ нравомъ начальника.

Причитаніе въ бѣдности.

Не родиться было бы для меня хорошо,
Не вырости было бы для меня хорошо.
На многое горе я родился,
Много нужды я видѣлъ.
Обѣ ручки не берутъ,
Обѣ ноги не ходятъ.
Кто устроилъ барщину,
Тяжелый моръ чтобы на него,
Да умретъ онъ собачьей смертью,
Да провалится онъ въ тартарары [1]).

---

1) Въ послѣднихъ словахъ проклинаютъ того человѣка, который устроилъ барщину.

Отдѣлъ VII. Разсказы, письма и прочее.

А. Оркино.

Ťäťa·m uĺńi·ś ľämi·za Śťäpa·n; ava·m uĺńi·ś Aga ľä·mi̇za. Mi̇ńi·k uĺńi·śť ťäťäń ä·jdi̇nʒa śi·śi̇m, ka·fty ćorat, väťi ťä·χťiŕť. Ťä·χťiŕχńä ko·lmyťńä kuly·śť vi·škińista, a ka·fty ťäχťiŕχńä ľiśśť mi·ŕdi̇ńi̇ń mi·ńćińik väľis. Vä·χkiń ľä·mi̇za Agra (pokš sa·zyr), Maŕi·ś Ťe·ďäńi̇ń uŕva·ks ľiść; o·mboćeńť ľä·mi̇za Ľuba, Ťedot Sajuškinnyń toža uŕva·ks ľiśś. A mi̇ń vi·ška braty·ń ma·ṛta kaduvi·ńik. Ava·m kuly·ś ťäχťi·ŕχńi̇ń ma·ksymady i·kiĺij. No mon uŕva·kstufan avań pi·ŋgsta eščo. Koźa·jka saji·ń Śmiŕka·ń Ťiľä·ń ťä·χťiŕ, ľämi·za Maťŕona. Koda mi̇ń ťäťäń ma·ṛta kaduvi·ńik, to braty·m ŕadym juta·myda mä·jľä kuly·ś. Braty·m ľä·mi̇za uĺńi·ś Pa·vyl. Kuly·ś käm̓ga·ɥksuva go·ca. Son kuly·ś kyk ra·z śe go·c-

---

Отцу моему было имя Степанъ; матери моей было имя Агаѳія. Насъ было у отца семеро дѣтей, два сына, пять дочерей. Три дочери померли въ маломъ возрастѣ, а двѣ дочери вышли за мужъ въ нашемъ селѣ. Одной имя Аграфена (старшая сестра), она вышла за Мартемьяна Ѳедорова; другой имя Любовь, тоже вышла за мужъ за Ѳедота Саюшкина. А мы остались вмѣстѣ съ малымъ братомъ. Мать моя умерла до выдачи за мужъ дочерей. Но я женился еще при жизни матушки. Въ жены я взялъ дочь Филиппа Спиридонова, по имени Матрёну. Когда мы остались вмѣстѣ съ отцомъ, то братъ мой померъ, послѣ того какъ прошелъ мой призывной возрастъ. Брату моему было имя Павелъ. Онъ умеръ двѣнадцати лѣтъ. Онъ

tėńť, koda· moda·ńť jaŋšy·ź od dušc. Ťaťa·m eščo iki·ľä kuly·ś. Mi·ńik uĺńiś väχkä alaša·nyk, ńiľińgämiń cė·lkovoj täjiś. Ramśi··ńik Zaχaro·ŋkasta, ńińik äjsta ko·mś vaľgijbä. I ťaťa·m śe a·lašańť pola·ftyźä, sajś ala·ša poχu·žy i sajś prída·ča ve·jksa cė·lkovyχť. Pola·ftyf a·lašaś uĺńi·ś kaša·ndyća, tak šty ńiń kadu·vińik ja·lga. Śe ala·šäńť eščo väśť ťaťam pola·ftyźä i sajś eščo prída·ča (ľasks) ko·lma cė·lkovyχť i ala·ša sajś śeďija·k beŕäń. Loma·ťť karma·śť pä·jďiḿä i ko·ŗtėť: tarχa·n, tarχa·n, tarχa·n. Śteχpor karma·śť ḿeŕe·mä täŋza· tarχa·n, a moń Tarχanyń Va·śka. Toγda· kak ama·štuvä ala·šaś robota·ms, ḿiń soŋza ḿi·jińik ćigannyń za tŕi rubľa· i kadu·vińik alaša·ftyma. Uĺńi·ś poše·venėk čačk So·kòrskyj ďijačo·kėńťe, i alašafty·ma ḿiń ńe mogli· śury·ńť purna·myŋza. Mo·ľeńek lomań alaša·sa pi·fcymaŋza ro·źeńť. Ďijačokėńť piŕisa uĺńi·ś ro·źeś i to·sy pi·fcyńik. Olgė·ńť ťäťa·m ḿiji·źä ko·klaćńiń i jarma·kńiń saji·ńžä i zaguľa·lcy, vina·s śiḿińžä. Roźe·ńť ďijačokėńť u·tums taĺika·nyk ka·jińik. Mon mo·ľeń

померъ какъ разъ въ тотъ годъ, когда раздѣлили землю на новыя души. Отецъ мой померъ еще раньше. У насъ была одна лошадь, она стоила сорокъ рублей. Мы купили ее въ Захаровкѣ, отъ насъ въ двадцати верстахъ. И отецъ ту лошадь промѣнялъ, взялъ лошадь похуже и взялъ въ придачу девять рублей. Смѣненная лошадь была съ норовомъ, такъ что мы остались пѣшими. Ту лошадь еще разъ батюшка смѣнилъ и взялъ еще въ придачу три рубля и лошадь онъ взялъ еще худшую. Люди стали смѣяться и говорятъ: тарханъ, тарханъ, тарханъ. Съ тѣхъ поръ стали называть его тарханомъ, а меня Василіемъ Тархановымъ. Такъ какъ лошадь не могла работать, мы продали ее за три рубля цыгану и остались безъ лошади. У насъ былъ посѣвъ испольный съ Сокурскимъ дьячкомъ, и безъ лошади мы не могли убрать хлѣбъ. Мы отправились молотить на чужой лошади. Рожь была на гумнѣ дьячка, и тамъ мы молотили. Солому отецъ продалъ хохлу и взялъ деньги и загулялъ, пропилъ ихъ. Нашу долю ржи мы ссыпали въ амбаръ

ḿeľga·nʒa So·kȯ́rskyj ka·baks. Son tosa· śi·ḿä ví̯na·da. —«Adʹa·, ḿeŕan, ťäťa·j kudu·u̯». A son ḿeŕä·: «aľi ton moń tona·ftymyn ka·rḿiť? Mon ví̯eď toń ťäťa·t», i karma·ś pozy·ŕama i ča·ví̯miḿ. I ḿiń tuji·ńik kudu·u̯ lomańi·ńť ma·rta, a son kadu·u̯ś So·kȯ́rc ka·baks. Poto·m ombȯ́će čy·ńä so·n gak saś i ví̯äśi paryčynyk kańńiźä za·klac ví̯inań ǵi·s: pola·tka kanć i sošńi·kat, paľi·ća, pä-ľi·ma, počt ḿe·šėk, kandyńʒä ví̯äχkä pra·sylnyń, ko·nań ľäḿi·za uľńi·ś Ća·lyjiń Śťo·pka. Nu mon raŋga·n i koźa·jkam ra·ŋgä, a braty·m uľńi·ś bestolko·voj. Son ńe pońima·l, šty so̯u̯še·m ḿiń rozȯ́ŕa· ví̯ińik. Moń lomaťť tona·ftyḿiź: «stupa·j ža·lyvujśi uŕa·d-ńikńiń, potomušta zakla·d saji·mś ńe polaga·jetca ví̯ina·ńǵis». Mon moľe·ń uŕa·dńikińťi, kona· sluča·jna sa·kšnyś ḿi·ńik ví̯ä·ľis, i jo·f-tėń uŕa·dńikińťi. Son ḿeŕć: «ja rasľeduju eta ďela». Śesk uŕa·dʹ-ńikiś moľć i ḿäźija·k ví̯ešča·t zakladno·χť äź mu·k. Poto·m mon moľe·ń čo·ťnau̯, oběješńi·l aťaťńi·ńiń. Aťaťńä ḿe·ŕćť mońäń, što ťäťa·t naży·ví̯iźä pary·čyńť, sonʒa· i voľä·ś pary·čyńť la·ŋksa, kou̯

дьячка. Я пошелъ за нимъ въ Сокурскій кабакъ. Онъ тамъ пьетъ вино. — «Ступай, говорю, батюшка, домой». А онъ говоритъ: «или ты началъ учить меня? Вѣдь я твой отецъ», и началъ меня позорить и побилъ меня. И мы отправились домой съ человѣкомъ, а онъ остался въ Сокурѣ въ кабакѣ. Потомъ на другой день пришелъ и онъ и понесъ всё имущество въ закладъ за вино: отнесъ палатку и сошники, палицу, косу, мѣшекъ муки, отнесъ это одному прасолу, которому было имя Стёпка Чалый. Ну, я плачу и жена моя плачетъ, а братъ мой былъ безтолковый. Онъ не понималъ, что мы совсѣмъ разорились. Меня научили люди: «ступай жалуйся уряднику, потому что не полагается брать закладъ за вино». Я пошелъ къ уряднику, который случайно прибылъ въ наше село, и разсказалъ уряднику. Онъ сказалъ: «я разслѣдую это дѣло». Тотчасъ же урядникъ пошелъ и ни одной заложенной вещи не нашелъ. Потомъ я ходилъ въ контору, объяснилъ старикамъ. Старики сказали мнѣ, что твой отецъ нажилъ имущество, его и воля

χočet, toŋ i ťäjsy·. Moń ńe·ŕeń: «ka·kžy, da·jťä mońä·ń χoźa·jstvańť, a to ťäťa·m ku·dyńť ka·k ńi·sy i śi·msy. Mon gadu·van kudyfty·ma», a syń mońäń oťveča·śť, šty jeśli ćora·t karma·tana χoźa·jiŋks ara·fńiḿä, to aťäťńi·ńiń ńeĺźä· uĺä· äŕa·ms. Mon ńeŕa·n: «veť šeźďeśa·t rubĺe·j kasa ťäťä·ń laŋksa. Ki žy pancy·?» A syń ńeŕćť: «tońć kak pa·ncak, ton oda·t eščo». Mon tuji·ń kudu·ŋ a·vaŕdiź. Sy·ń kudu·ŋ. Täťa·m kudyńť äjsa, ńi·kšńä Pa·ĺiťńiń i ńi·jiźä za tŕina·cať rubĺe·j. Jarma·kńiń mon karńi·ń ťäťä·ń Kecta väšyńist. Son i·ŕićta, ama·ksä ä·jsyst. Mon karńi·ń ńä·ĺgiḿä. Soń ďe·śeť rubĺe·j makssä, a tŕi rubĺa· sa·jiś äśťäŋza i tujiś ma·ryst ka·bakoŋ i śiḿińźä vïnas. Mon ďe·śeť rubĺe·jeńť sa·jińä da eščo do·boveń ďe·śeť rubĺe·j i raḿi·ń kuda· za so·rok rubĺe·j: komś cėlko·voj maksyń zada·tka, a komś dolks, do·lžėn ka·duvïń. *Ťäťam śi·vić robo·ťnekeks Śmiŕkińka·ńiń väďgäḿiń cėlko·vyjďä i* peĺeki·zna kady·źä tarka·nza. Sė·ŕeć (urma·lgać). Poto·m saś mońäń, i mo·n radu·vïń, šty son sa·ś. Mo·ža, ńeŕa·n, ńäźija·k

---

въ отношеніи къ имуществу, куда хочетъ, туда и дѣнетъ. Я сказалъ: «Какъ же, дайте мнѣ хозяйствовать, а то батюшка и домъ продастъ и пропьетъ. Я останусь безъ дома», а они мнѣ отвѣтили, что если мы станемъ ставить сыновей хозяевами, то старикамъ нельзя будетъ жить. Я говорю: «вѣдь шестьдесятъ рублей кассы на батюшкѣ. Кто же заплатитъ»? А они сказали: «ты самъ и заплатишь, ты еще молодъ». Я пошелъ домой съ плачемъ. Пришелъ домой. Батюшка въ домѣ, продаетъ Иполиту и продалъ за тринадцать рублей. Деньги я сталъ выпрашивать у отца. Онъ пьяный, не отдаетъ ихъ. Я началъ отнимать. Онъ десять рублей отдалъ, а три рубля взялъ себѣ и пошелъ съ ними въ кабакъ и пропилъ ихъ. Я взялъ тѣ десять рублей и еще добылъ десять рублей и купилъ домъ за сорокъ рублей: двадцать рублей я далъ задатку, а двадцать въ долгъ, остался долженъ. Батюшка нанялся въ работники къ Спиридоновымъ за двадцать пять рублей и въ серединѣ лѣта оставилъ мѣсто. Онъ захворалъ. Потомъ онъ пришелъ ко мнѣ, и я обрадовался тому, что онъ пришелъ. Мо-

podmo·ga ma·ksä. Nu i äŕäś god ka·fta pa·ŕćťä. Poto·m mon śe ku·dyńť ťäťä·ńiń ḿeŕa·n: «dava·j ḿisy·ńiǩ». Son ḿeŕä: «kak χo··češ». Mon śe ku·dyńť ḿiji·ńä ńiľińǵä·ḿiń cė·lkovojdä, kolyńǵä··ḿiń kaŋksa cė·lkovoχť poluči·l jarma·k, ostaľny·i dva rubľa· kadu·ŋśť La·pšań Ju·šań I·van laŋks, i son kuly·ś, äźi·ńžä pant. A mon raḿi·ń ku·da ŕä·ďǵäḿiń ŕä·ťä cė·lkovojdä Ńikano·rań Ja·škań ćo·rańť ke·cta, Pro·gon u·ľćasta, ko·sa i ńej sa·maj äŕa·n. Ťäťa·m äŕa·ś moń ma·ŗta karau·ľščiǩiks Ćikań Śťa·panyń ke·ca, a mon uľńi·ń obje·ščiǩ. Son ťäťä·ń kuči·źä ľija· uča·ska laŋks pulfy·ń karau·ľama, i śkirda·s podošo·l ala·ša. Täťa·m moľć kunda··munźa, ala·šaś sonźa pśťidi·źä piľks, i son kromó·jgać i karma·ś piľǵi·za sėŕe·ďeḿä. Xoťa· avy·ľ peǩ pśťi·dźiźä, no śteχ por χu·žy i χu·žy. Uskśi·ńiǩ alaša·sa śi·ŕiďiń So·kór bo·ľńićas. Son to·sy karma·ś praśi·ť, štyby ḿä·kiŋ kudu·ŋ sa·jiŕľiḿiź. Śiŕi·ďńiǩ taga ala·ša i sa·jińiǩ, uśki·ńiǩ ku·duŋ. Ćela go·d sėŕeć ku·ca. Koźa·j-

---

жетъ быть, говорю, дастъ какую нибудь подмогу. Ну, и жилъ два года хорошо. Потомъ я про тотъ домъ говорю отцу: давай продадимъ его. Онъ говоритъ: «какъ хочешь». Я тотъ домъ продалъ за сорокъ рублей, тридцать восемъ рублей получилъ деньгами, а остальные два рубля остались за Иваномъ Юрьевымъ Лапшинымъ, и онъ померъ, не заплатилъ ихъ. А я купилъ домъ за двадцать пять рублей у сына Якова Никанорова на Прогонной улицѣ, гдѣ и теперь также живу. Батюшка жилъ со мной вмѣстѣ у Степана Чики (Ćika: прозваніе русскихъ) въ караульщикахъ, а я былъ объѣздчикомъ. Онъ послалъ отца на другой участокъ караулить снопы, и къ скирдѣ подошла лошадь. Батюшка пошелъ, чтобы взять ее; лошадь лягнула его въ ногу, и онъ охромѣлъ, и стала болѣть его нога. Хотя не очень сильно она его лягнула, но съ тѣхъ поръ хуже и хуже. Мы повезли его на нанятой лошади въ Сокурскую больницу. Онъ тамъ сталъ просить, чтобы мы его взяли назадъ домой. Мы опять наняли лошадь и взяли его, привезли домой. Цѣлый годъ онъ проболѣлъ дома. Жена моя хо-

kam jaka·ś ḿäľga·nza. Son maja·taś ṕeḱ, daży ńe mok ʼväńi·ľiu̯ jaka·ma. Koźa·jkam ľiḿńi·źä ḱeď ʼvä·ľdä ʼväńi·ľiu̯. A mon kuca·ara·śiľiń, mon äŕi·ń Ćikań Śťapa·nyń ḱe·ca, i son śe ʼvŕemańť äjsta kuly·ś, i mońäń äšť jo·fta, šty ťäťa·m guly·ś. Koźa·jkam kalma·ftyźä ťäťä·ń, panć kalma·mga po·póńťä ńi·ľi ce·lkovȯχť. I spra·vil po·ḿinka·t mońśťeḿen, i zadolža·l tŕi rubľa eščo, kona·ń mon ḿä·jľä pa·ndyń. Mon ka·duʼviń śe ta·rkańťi i kuly·ś bra·tym. Son vanć sta·da i to·sa karma·ś séŕe·ďeḿe, saś kuduu̯. Mo·n kucy ara·śiľiń. Son śe ška·styńť kuly·ś i koźa·jkam kalma·ftyźä. Ťe ʼvŕe·mańť sams eščo tä·ťäń pi·ŋksta čačć ćora·m pe·ŕvoj Iva·n. Kafty ńe·ďľat ä·ŕäś i kuly·ś. Poto·m čačć ombȯ·ćä ćo·ra ľäḿi·za Ga·vŕa uĺńi·ś. Śe to·ža śńa·ryža äŕä·ś i kuly·ś, kuly·ś ra·ŋgyź. Ḿä·jľä koty gott ju·taśť uŕvaksty·mada, ḿäjľä čačć eščo ćo·ra ľäḿi·za Ṕe·ťa. Poto·m eščo· koty gott juta·śť, čačć ta·gy ćo·ra ľäḿi·za Iva·n. Poto·m ko·lmy go·tt juta·śť, čačć ťäχťiŕńä ľäḿi·za Sa·ńa. Poto·m eščo kolmy gott ju·taśť, čačć tagy ćo·ra ľäḿi·za Ḿi·kita.

дила за нимъ. Онъ сильно мучился, даже не могъ ходить на дворъ. Жена выводила его за руку на дворъ. А меня не было дома, я жилъ у Степана Чики, и онъ въ то время померъ, и мнѣ не сказали, что батюшка померъ. Жена похоронила батюшку, заплатила попу за погребеніе четыре рубля. И справила поминки безъ меня и задолжала три рубля ещо, которые я потомъ уплатилъ. Я остался на томъ мѣстѣ, и померъ мой братъ. Онъ пасъ стадо и тамъ сталъ хворать, пришелъ домой. Меня не было дома. Онъ въ то время померъ, и жена моя похоронила его. До этого времени, еще при жизни отца, родился у меня первый сынъ Иванъ. Онъ прожилъ двѣ недѣли и померъ. Потомъ родился второй сынъ по имени Гаврила. Тотъ тоже столько же жилъ и померъ, померъ отъ плача. Потомъ прошло шесть лѣтъ со времени женитьбы, потомъ родился еще сынъ по имени Петръ. Потомъ прошло еще шесть лѣтъ, родился опять сынъ по имени Иванъ. Потомъ прошло три года, родилась дочка по имени Александра. Потомъ прошло еще три года, родился опять сынъ по имени Никита. И

I bo·lʹšy koźa·jkam ača·čtä. Śe vʹŕe·mastyńt mon uɥoľilcy Ćika·ń Śtapa·ńiń ke·cta. Tuji·ń Caŕi·cynaɥ tarka· vʹäšńiḿä. Moń toɥ täŕdi·ḿiḿ śo·rmasa jalgam, ḿeŕć šty tarka·t Caŕi·cynca lama i piťńiχťʹ, tak šty dvacaťʹ paťʹ rubľej ḿešeć možna postupi·ťʹ pe·fčejeks ćeŕkovas χorc. A mon toľko polučal Ćikań Śtapa·ńiń ke·ca käńiń ze·lkovyχťʹ ḿešeć. Poetomu pozaví·doval pokš ža·lovńas i moľe·ń paraχotca Caŕi·cynaɥ jalga·ńiń. Son uľńi·ś to·sa voľnonajomnyj psalo·mščeķ. Sońć eŕźa Kšnajo·ɥskyj, i moń veťe·ḿeḿ ŕe·ġentńyń. Ŕeġe·ntéś karma·ś moń käɥkśńiḿin: «ty zna·ješ li no·ty?» Mon ḿeŕe·ń: «zna·ju». Maksć täń moľi·tva no·tnéj «Na ŕeka·χ Vaľilo·nskiχ». I mon karḿi·ń mora·ftymanźa i ŕe·ġentéńťe ḿeľezénźa äź tuk mora·ftymam i ḿeŕć: «ton eščo sla·byjsta soda·syť nota·ťńiń. Iśťa·my pe·fčej ḿińa·ńiķ a ä·ŕävä. Ḿińi·ķ ťesa· la·ma učo·néχťʹ». I ḿiń jalga· ma·ŗta tuji·ńiķ sońa·nźa. Jalga·m ḿeŕä·: «nu, pogodi· ala·mys, tarka· varča·tana lučšy». Poto·m moľe·ńeķ śpi·ćecnyj za·voc. Maŕi·ńiķ, šty tozė äŕä·vä po-

---

больше жена моя не родитъ. Въ то время я уволился отъ Степана Чики. Я отправился въ Царицынъ искать мѣста. Меня туда позвалъ письмомъ мой товарищъ, сказалъ, что въ Царицынѣ много мѣстъ и дорогія, такъ что можно поступить на двадцать пять рублей въ мѣсяцъ пѣвчимъ въ церковный хоръ. А я у Степана Чики получалъ только десять рублей въ мѣсяцъ. Поэтому я позавидовалъ на большое жалованье и отправился на пароходѣ въ Царицынъ къ товарищу. Онъ былъ тамъ вольнонаемнымъ псаломщикомъ. Онъ самъ Бѣгучевскій мордвинъ, и онъ повелъ меня къ регенту. Регентъ началъ меня спрашивать: «ты знаешь ли ноты»? Я сказалъ: «знаю». Онъ далъ мнѣ ноты на молитву «На рѣкахъ Вавилонскихъ». И я сталъ пѣть, и регенту мое пѣніе не понравилось, и онъ сказалъ: «ты еще слабо знаешь ноты. Такого пѣвчаго намъ не нужно. У насъ здѣсь много ученыхъ». И мы вмѣстѣ съ товарищемъ пошли къ нему. Товарищъ говоритъ: «ну, погоди немного, мы высмотримъ мѣсто получше». Потомъ мы пошли на

mo·šńek kanto·rščikńiń. I tosa· ḿeŕćť: «uży·da», käu̯kšti·ńik χoźa·jnyńť, i ḿiń tuji·ńik faťe·rau̯. O·mbóćä či·sta ta·ga mo·leńek. Tosa· ťäńi·k oťve·čašť, šty ro·dńa χoźa·jnyńťi naχo·dťitca tarkafty·ma, i χoźa·jnyś χo·čet so·nza so·ńćeń ro·dńańť śividi·ḿinza pomošńekeks kanto·rščikińťe. I ḿiń ḿäki·u̯ tuji·ńik. Poto·m eščo· ma·rińik, li·śńä ta·rka. To·zėj ga·k mo·leńek. Tosy· ḿe·ŕćť: loma·ń äŕä·vä ťezėj ry·bnyj la·basc. I śivi·dťiḿiź moń kä·väťi cė·lkovoj ḿe·śećeńť. Mon postupi·l. Karḿi·ń äŕa·ma, ṕeľ ḿe·śeć ä·rińń, spravľa·l ry·bnyj la·basca, ubira·l kalt i to·sa mon karḿi·ń to·skovama i pryń sėŕe·dťeḿä, i χoźa·jnyś moń raščita·l, i mon tuji·ń kudu·u̯ paraχo·tca sė·ŕeďeź ma·štykssa i syń Sa·ratou̯s. Raḿi·ń a·pťeksta χi·na i śiḿi·ń ä·jstynza i śe·sk pički·ń. Poto·m syń kudu·u̯ ja·lga. Ku·ca ńe·dťa ä·rińń, karmaś naro·d ro·botama i mo·n ko·žajkam ma·rta karḿi·ń to·ža robota·ma jarma·kta i zarabo·tal jarma·k pidiśa·t cėlko·vyχ. Śo·kśńä zdu·mal kou̯ga·k χyť ťeľelaŋks postupi·ť dolžnośťc. Moľe·ń vä·χki vä·ľis Ṕetro·u̯skyj

---

спичечный заводъ. Мы узнали, что тамъ нуженъ помощникъ конторщика. И тамъ сказали: «подождите»,—мы спрашивали хозяина,— и мы пошли на квартиру. На другой день мы опять пошли. Тамъ намъ отвѣтили, что родственникъ хозяина находится безъ мѣста и что хозяинъ хочетъ нанять его, своего родственника, помощникомъ конторщика. И мы пошли назадъ. Потомъ ещо узнали, что выходитъ мѣсто. Мы пошли и туда. Тамъ сказали: нуженъ человѣкъ сюда въ рыбный лабазъ. И наняли меня за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Я поступилъ. Началъ жить, полъ мѣсяца прожилъ, работалъ въ рыбномъ лабазѣ, убиралъ рыбу, и тамъ я сталъ тосковать и заболѣлъ, и хозяинъ меня разсчиталъ, и я отправился домой на пароходѣ, захворавъ лихорадкой, и пріѣхалъ въ Саратовъ. Я купилъ въ аптекѣ хины и выпилъ ее и тотчасъ же выздоровѣлъ. Потомъ я пришелъ домой пѣшкомъ. Дома я прожилъ недѣлю, народъ сталъ работать и я вмѣстѣ съ женой началъ также работать за деньги и я заработалъ денегъ пятьдесятъ рублей. Осенью я рѣшилъ поступить куда нибудь на должность хоть на

ujesc popńeń. Mańi·ń, šty so·nza ṕři⸗oc äŕä·vä śo·rmas ma·štyća lo·mań tona·ftyma vä·lisa ćo·rėńeť šo·rmas. Po·póś ńeŕć, šty podava·j prašėńja oďďeľe·ńijas, i mon po·dal prašė·ńja oďďeľe·ńijaṇ, liść oďďeľe·ńijasta, šty mońä·ń postupi·t učі·ťeľks školagra·mytas Ka·rpuṇs, i mon tosy· tona·ftyń ka·fty gott ṕeľ ma·ṛta. Ža·lovńa uľńi·ś väjksyńgä·ḿiń cėlko·voj go·dėńť. Ťeľela·⸗ks śeḿija·m sajńi·ńä äŕa·ma toṇ, Ka·rpuṇs, a kizna· sata·na väši śeḿjo·m ku·duṇ. I śe vŕe·mastyńť oza·ftyń aťamaŕ čuft mońćeń ṕiŕis. Oza·ftyń väšiḿi·za väti šatt čufta. Kona·ńģis oza·ftymańi·k i targamańi·k pa·ndyń lo·mańińiń ńiľi ťŕo·šńekť väźki koŕe·nėńť kis. I ńej soṇše·m ťäji·ṇš sad, tak šty maksy·zä aťa·maŕińť väďgämiń väťä cė·lkovojdä. Koda· juta·ś kafty gott ṕeľ ma·ṛta, monjaly· tona·ftyń ćo·rėńeť. I zdava·li kolmy ćo·rėńeť egza·ḿen. Paśle·ďńej ťeľeńť ä·jsta moľć u·čiľńas nabľuda·tiľ. Učі·liščaś uľńi·ś śi··viďiŕ tonafńi·ća ćo·rėńeťńeń ṕe·ľďä ča·u ku·da za ďvena·tcyť ru-

---

зиму. Я отправился въ одно село въ Петровскій уѣздъ къ попу. Я узналъ, что въ его приходъ нуженъ человѣкъ знающій грамотѣ, чтобы учить грамотѣ ребятишекъ въ селѣ. Попъ сказалъ, что «подавай прошенье въ Отдѣленіе», и я подалъ прошенье въ Отдѣленіе, и вышло изъ Отдѣленія, что мнѣ поступить учителемъ школы грамоты въ Карповку, и я тамъ училъ два съ половиной года. Жалованье было девяносто рублей въ годъ. На зиму я бралъ семью свою жить туда въ Карповку, а лѣтомъ мы всею семьей отправляемся домой. И въ то время я посадилъ яблоновыя деревья на своемъ огородѣ. Я посадилъ всего пятьсотъ деревъ. За каждое, вмѣстѣ съ посадкой и вырывкой, я платилъ человѣку четыре копейки за одинъ корень. И теперь сдѣлался вполнѣ садъ, такъ что онъ далъ яблоковъ на двадцать пять рублей. Когда прошло два съ половиной года, я все училъ ребятъ. И сдавали три мальчика экзаменъ. Въ теченіе послѣдней зимы пришелъ въ училище наблюдатель. Училище было нанято отъ учащихся дѣтей въ пустомъ домѣ за двѣнадцать рублей въ зиму. Наблюдатель сдѣлалъ

bĺej ťe·ĺeńť. Nabĺuda·ťiĺiś ťäjś za·ḿetka žurna·lc: «uśi·liť zańa··ťja», i kro·ḿe tovo· muś ḱija·ksta la·ma sor. I tuś. Popòś totčas arć, ḱäǖkśťiḿiḿ: «koda·my zaḿe·tka pastavi·l žurna·lc?» Mon ńefťeńä ťänza. Son ḿeŕä: «paža·lyj, uvo·lit toń, a skaŕe·j, štyby iĺa kadu·ų tarkafty·ma, podava·j praše·ńja śe·ĺskyj ṕi·saŕks», a mo·n ḿeŕan: «ḿe ṕŕivy·šnyjan śe ťäví·ńťi».

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ крестьянина с. Оркина В. С. Саюшкина.

Śorma.

Мон хочу тонять меремс, шты моньдянь понкс Воянгылит Лукань сёрмадуф, и мон ванныня и тоса муинь рузынь вал'т. Пример: тоса сёрмадуф «глава», мекс авыль «пря»? Эли «1-я», «васинь», эли «2-я», авыль «омбэця», эли «зачало», авыль «ушыткс», хыть мурзакс «ушодкс»? Эли кода ангелесь мерьць Пазынь-аваньти

замѣтку въ журналѣ: «усилить занятія», и кромѣ того нашелъ на полу много сору. И уѣхалъ. Попъ тотчасъ же прискакалъ, спросилъ меня: «какую замѣтку поставилъ въ журналѣ?» Я показалъ ему. Онъ говоритъ: «пожалуй онъ тебя уволитъ, а ты скорѣй, чтобы не остаться безъ мѣста, подавай прошеніе на сельскаго писаря», а я говорю: «я не привыченъ къ тому дѣлу».

Письмо.

Я хочу сказать тебѣ, что мнѣ попалось твое евангеліе отъ Луки въ переводѣ, и я посмотрѣлъ и нашелъ тамъ русскія слова. Напримѣръ: слово «глава» почему тамъ не переведено словомъ «пря»? Или «1-я» не словомъ «васинь»; или «2-я» не словомъ «омбо́ця»; или «зачало» не словомъ «ушыткс» или хоть по говору мурзы[1]) «ушотск»? Или когда ангелъ сказалъ Божьей матери

1) Въ Оркинѣ мурзой называютъ Мордву деревни Бѣгучей и сосѣднихъ селъ Петровскаго уѣзда.

«эрьгеть» (благодатный), а авыль «эрьгеть чаньгыдиФьть». Мяйля тага мерьць «Тон Пазонь пельдя благодать муить», а эрявыль меремс «Тон Пазонь пельдя чяньФь муить». Ведь эрьзятьня везди мерьнеть жа чаньФиньть эса, кыть поменамста: пример, кода ломанись кандэ кшы сал, максцы ваканынза столь ланкс, соньць комя а кырксиця бабинись васинь валцта меря, кода тоса кулыцяньть лямиза, кыть Иван. «Ну, Иван! улиза тять чаньФь, молеза тять доходія. Вана, Даря (али кода тоса кандыцяньть лямиза) течя паньць пидись, кшы сал канць, молеза тять лемьбя парныса таньтій духкиса, симть ярцак, иля пеняця». Али кодак чаньФинь Паз лямь кундамста, тага ведь амереть «Паз благодатный», а ведь вясій яла мереть «Пас чангыть», и те Пас-чангыньтинь эса секя тявь лецьнеть. Кодак аваньть эйдиза, бндя пекь рангя, сон обьязательна меря: «Пас чангыть, Восподи, ды мякс? ды мякс? ды эйдьнимь, ды лявкскимь, ды Пас чангыть, Пас чангыть, ды лот-

---

«эрьгеть» (благодатная), а не «эрьгеть чаньгыдиФьть». Потомъ опять онъ сказалъ: «Тон Пазонь пельдя благодать муить», а слѣдовало сказать «Тон Пазонь пельдя чаньФь муить» (Ты обрѣла у Бога благодать). Вѣдь мордва вездѣ употребляетъ слово «чаньФь», хотя бы въ поминаніи: напримѣръ, когда человѣкъ приноситъ хлѣбъ-соль, онъ положитъ чашку на столъ, а самъ станетъ на колѣни, а старушка, которая скоблитъ, съ перваго слова скажетъ, какъ тамъ имя того покойника, хоть Иванъ. «Ну, Иванъ! да будетъ тебѣ милость, да придетъ къ тебѣ удача. Вотъ, Дарья (или какъ тамъ имя принесшей) сегодня испекла и сготовила, принесла хлѣбъ-соль, да пойдетъ къ тебѣ теплый паръ, сладкій душокъ, ней, ѣшь, не жалуйся». Или когда употребляютъ имя Бога, опять вѣдь не говорятъ: «Паз благодатный», а вѣдь всѣ говорятъ «Пас чангыть», и это «Пас чангыть» поминаютъ при всякомъ дѣлѣ. Когда у женщины ребенокъ, если онъ сильно плачетъ, она обязательно говоритъ: «Пас чангыть, Восподи, да что? да что? да ребеночекъ, да дѣтенышекъ, да Пас чангыть, Пас чангыть, да

как, цюр Пас чангыть». Али кодак бидя кіяк мязя як тяйсь авыль парьцьтя, седта як, кодак лія ломань несэ, тожа исьтяжа меря: «Пас чангыть, ды тон мясьть исьтя тяйнят, исьтя уш цюр улиза». Нама, минь ней уш ступыникь, кода седикиля тявись ульнись, и миньць как аздатана, мязя те валысь «цюр», ну цюрыньть мон тожа ёфтаса, мязя сон ульнись седикиля. Седикиля думасть ломатьня исьтя: кодак ломанись кулэ, то сонянза эрявя тоса и кшысал и одежа, и сон тоста лисьня и ярцама и баняс паряма. А кодак лися покшчакс, седта сонза сайсый эсьтянза Чангыдинь-Пас, и сон кармя апак симь и ярца и одежафтума лифнимя мянильга и кининьгак соньць а неявя и кармя раськинза эса вапфтума, конат эсынза тярдить, и мерьнесьть се покшчаста лисифь раськиньти «цюр». А цюрынь кирьдій Пазыньти, шты сон пек уш вадря и вадряста кирьдя кула раськист эса, и бидя ки вяшя кецтэнза прянза пирямс цюрт, то сон, корьмай, максэ зяра тять эря-

---

перестань, чуръ Пас чангыть». Или если когда кто-нибудь что-нибудь сдѣлаетъ что-либо не хорошо, тогда, когда другой человѣкъ это увидитъ, то онъ тоже такъ же скажетъ: «Пас чангыть, да ты что тамъ дѣлаешь, такъ да будетъ ужъ чуръ». Знамо, мы ужъ теперь забыли, какъ въ старину было это дѣло, и мы также не знаемъ, что значитъ это слово «чуръ», но объ «чурѣ» я тоже скажу, что онъ былъ въ старину. Въ старину люди думали такъ: когда человѣкъ помретъ, то ему нужна тамъ хлѣбъ-соль и одежда, и онъ выйдетъ оттуда и поѣсть и попариться въ банѣ. А когда онъ выходитъ въ образѣ дѣда, тогда его возьметъ къ себѣ Чангыдинь Пасъ, и онъ начнетъ, не употребляя питья и пищи и безъ одежды, летать по небу, и никому самъ онъ не показывается и начинаетъ беречь тѣхъ родныхъ своихъ, которые его зовутъ, и называли происшедшаго отъ того дѣда потомка «чуръ». А содержащаго чуры Бога за то, что онъ очень ужъ хорошъ и хорошо держитъ помершихъ потомковъ, и если кто ищетъ отъ него чуровъ, чтобы оградить себя, то онъ, кормилецъ, дастъ сколько тебѣ нужно, и

вить, и се Пазыньти мерьнесьть Пас чангъить сень гиса, шты сон самай чаньфинь максыця. Минь нейгак кыть и лямдяфтана, ну яла текя пряныкъ эса пирятана цюраса и вяштяна Пас-чангытиньть кецта чаньфьть и цюрат. Пример: кодак ломанись молемста нея вихирь, то сон кармя пряпза эса пиряма, а пирямста меря исьтя: «цюр! Пас чангъить, цюр аминь, цюр аминь, цюр Пас чангъить, цюр, корьменецькемь». Начит, те седикилинь цюрамысь нейгак пекь парьцьтя эря миникь эса. Минь миньць как аздатана, шта истя меремась грехь, а нейгак вясимя таркаса мернеть яла исьтя. Кыть кявькстя ломань ялганза, бидя се коса як эря скамынза: «ды кода тон а пялят тоса удумат», се обьязательна меря исьтя: «ды мяздя пялян, цяй мон мадимста цюраса пиряса прям и мадян». Начит, минь нейгак авыль Паз ланкс надиятана, а цюратьнинь ланкс. Али кыть куца кодак мадимста, обьязательна вясій вальматнинь и кянькшиньть цюраса пирить, а бидя куцыньть уля лавсь, то аваньть мадимста секя мелявксыза лавсись цюрамс пи-

---

этого Бога называли Пас чангъить потому, что онъ самый раздаватель милости. Мы и теперь, хотя и крещеные, но постоянно таки ограждаемъ себя чурами и просимъ отъ «Пас чангъить» милостей и чуръ. Напримѣръ, когда человѣкъ видитъ приближеніе вихря, то онъ начинаетъ ограждать себя, а ограждая себя, говоритъ такъ: «чуръ! Пас чангъить, чуръ аминь, чуръ аминь, чуръ Пас чангъить, чуръ, мой кормилецъ». Значитъ, это старинное чураніе и теперь очень хорошо живетъ у насъ. Мы и сами не знаемъ, что говорить это грѣхъ, а и теперь всюду и вездѣ такъ говорятъ. Хоть спроситъ одинъ человѣкъ другого, если тотъ живетъ гдѣ нибудь въ одиночествѣ: «да какъ ты не боишься спать тамъ», тотъ обязательно скажетъ такъ: «да чего мнѣ бояться, чай, я ложась зачураю и огражу себя и лягу». Значитъ, мы и теперь надѣемся не на Бога, а на чуры. Или какъ ложатся въ домѣ, обязательно ограждаютъ чурами всѣ окна и двери, а если въ домѣ есть люлька, то, при укладываніи на ночь матери, она пусть позаботится зачурать

рямс, штыба идимевьсь илясса сэвь али ведун илясса полафт. Ата бидя полафцы, седа эйдиза уля косаяк чумбылкскикс, а сон теса кармя тряма полафтуф. Ну, мон тявимь стуфтыня. Кармакшнынь чаньфьтя, а туинь киздасы ков. Ну, ней тага карман. Секедя несак мон уш кафтынь тарказа нефтень, шта чаньфись самай се рузынь «благодатись». Ней мерян эшча колмоцень тарказа. Минимь ней кармасть кор'тама яла рускс лама вал'т. Пример: кодак ломанись моля ломаньнинь, бидя се мясьть как а тяйня, то сыцясь меря: «здорова живети», а седикиля мерьнесть: «сюк тянькь», ну «тень», и нейгак эшча лама исьтя мерьнеть. А эшчо мерьнесть Бог помочеиьть таркас: «Пас чангыдиза тянькь!» Ну, ней исьтя а мерьнеть. Можа тянь мерят, коста тон сайкь, то мон тять мерян, шта ней гак вясій аватьня исьтя мерьнеть аньцик коцтэнь кодамста. Кодак хыш кона авась моля шабранцтый, а неть кодэть коцт, то сыцясь, кодак сувя, чекя покя и меря: «чангыдиза тянькь!»

и оградить люльку, чтобы не съѣлъ его или вѣдунъ не подмѣнилъ его. А то, если подмѣнитъ, тогда ея ребенокъ будетъ гдѣ нибудь русалкой, а она поэтому начнетъ кормить подмѣненнаго. Ну, я позабылъ свое дѣло. Я началъ съ слова «чаньфь», а зашелъ кто знаетъ куда. Ну, теперь я снова начну. О томъ, что «чаньфь» то самое, что русское «благодать», я, видишь, показалъ уже на двухъ случаяхъ. Теперь я скажу ещо о третьемъ случаѣ. Наши стали теперь говорить постоянно много русскихъ словъ. Напримѣръ: когда одинъ человѣкъ пойдетъ къ другому, если тотъ ничего не дѣлаетъ, то пришедшій говоритъ: «здорово живете», а въ старину говорили: «сюк тянькь» или «тень» (поклонъ вамъ, или тебѣ), и теперь еще такъ много говорятъ. А ещо говорили вмѣсто «Богъ помочь» «Пасъ чангыдиза тянькь!» (Онъ да благопріятствуетъ вамъ). Ну, теперь такъ не говорятъ. Можетъ быть, ты мнѣ скажешь, откуда ты взялъ это, то я тебѣ скажу, что и теперь всѣ женщины говорятъ такъ только при тканьѣ холста. Когда хоть которая нибудь женщина придетъ къ своимъ сосѣдкамъ, а тѣ ткутъ холсть, то пришедшая, когда войдетъ, перекрестится и скажетъ: «чангыдиза тянькь!».

От ней тон мясьть моньдянь мерят те Пазыньть карча? Мон мерян: те Пазысь «Пас чангытись», рускс «Бог благодати»; чаньфись «благодать», чангыдиза «поблагопріятствуй». Ну, упросьтямак, шты мон сёрмадынь тять те сёрманьти сняра прявь машнимат. Монянь жаль кучумс чава сёрмась.

Выдержка изъ письма І. А. Цыбина, помѣченнаго октябремъ 1905 г.

Вотъ теперь, что ты мнѣ скажешь въ обращеніи къ этому Богу? Я говорю: этотъ Богъ «Пасъ чангытись», по русски «Богъ благодати»; «чаньфись» благодать, «чангыдиза» поблагопріятствуй. Ну, прости меня, что я написалъ тебѣ въ этомъ письмѣ столько, что это утомитъ твой умъ. Мнѣ жаль отослать пустое письмо.

Б. Сухой Карбулакъ.

Mon u·ĺńiń ṽeťi go·tca pa·kša. Ťä·ťiďiń tuśť ṕiŕiu̯ šė·škeńe i moń za·jińiź. Šė·škeńek ṕeĺiči·s, ka·rńińik sy·rgama ja·rcama. Ťa·ťam oza·ftyńiń moń ŕi·žyj e·ĺďeńť laŋks la·śťe i ku·čyńiń gudu·u̯, a sońć sajś kavala·lyn̆a śu·vińiť, tuś moń ńe·ĺga. A·lašańť ka·rmašť su·skuma karft. Son duś bo·jkasta. Ťa·ťam ga·duu̯ś. Pa·čkiďiń mon orta la·ŋks, a ṕŕikaĺe·tkaś pa·nž̆ada. A·lašaś pa·čkić ṕŕikaĺe·tkańť ṽic, tuś ṕŕikaĺe·tkavańť. Mon va·nca ťeťť ber̆a·ťť, ku·ndyń ṕŕikaĺe·tka ṽe·ĺksėńťeń i po·vodeṽeń. A·lašaś tuś ka·rdazuu̯, a mon nu·ŕgan ṕŕikaĺe·tkasyńť. Ťa·ťam zaś ortala·ŋks, moń za·jińiń. —

Moń bokščań uĺńiś ašy čapkazy dy ḱecy vaĺajaź žĺapaza. Sy śokśe, po·kščam poŋgau̯sy ṕi·ŕisy ko·pna ṕŕa·s šĺa·pan̆a, a ča·pkan̆y tosty sa·jsė. Sy tu·nda, po·kščam žĺa·pan̆y tosty sajsė·, a

---

Я былъ мальчикомъ пяти лѣтъ. Отецъ и другіе семейные пошли на гумно молотить и меня взяли. Мы молотили до полудня, стали собираться поѣсть. Отецъ посадилъ меня на рыжую кобылу верхомъ и послалъ меня домой, а самъ взялъ подъ мышку немного отрубей и пошелъ за мной. Лошадь начали кусать мухи. Она пошла скоро. Отецъ остался. Подъѣхалъ я къ воротамъ, а калитка отперта. Лошадь подошла прямо къ калиткѣ, пошла черезъ калитку. Я вижу, дѣло плохо, уцѣпился за верхъ калитки и повисъ. Лошадь пошла на дворъ, а я вишу на калиткѣ. Отецъ пришелъ къ воротамъ и снялъ меня.

У моего дѣда была бѣлая шапка и сваляная руками шляпа. Придетъ осень, дѣдъ прицѣпитъ на гумнѣ на верхъ копны свою шляпу, а оттуда сниметъ шапку. Придетъ весна, дѣдъ сниметъ

ča·pkanzy po·ŋgaųsė. Vešt ti·kšyľe·ďema la·ŋga po·kščam u·ĺńiś so·ńćenzy šľa·pasa. Karmaś po·kščam zy·rgamy ti·kšys. Mon ga·rńiń ma·rtynzy sy·rgama. Pokšča·m večkeźi pakšyma·rta ko·ĺńema·ńť. Sa·jiḿiḿ moń ma·rtynza. A·ńćak ľiśińik ve·ľestė·ńť (veľeńť pe·va čudī veďńe), mon ḿeŕa·n: «po·kščaj, źi·ḿimam zaś». Po·kščam lo·tkaftyźi a·lašańť, sa·jiźi pŕa·stynzy šľapanza, a·muľć šľa··pańťiń veď, ka·rmaś moń źiḿťiḿe. Moń źi·ḿimam ja·vaś. Ka·duviks veďeńť po·kščam va·lyźi a·lašańť laŋks. Ardy·ńik ardy·ńik, ve··ľedėńť tuji·ńik uš vasu·ų; pa·čkidińik ti·kšy vic. Po·kščam ga·rmaś ti·kšy ľe·ďeḿe, a a·lašańť no·ldėźi poŕeŕešńekenza i noldėźi ti·kšys ja·rcama. Po·kščam ľeć lamy ti·kšyť, vačkińźi ŕidvanc, ŕe·ľema·ńť šalǵiźi tikšyťńi·ńiń. Sońć tuś ve·ŕeľeų, sajiźi pŕa··stynzy šľa·panza, praś końe·ĺkala·ŋksa, dy mo·ńań ḿeŕe: «ćoraj, zak ja·ǵidady ja·rcama». Mon moľe·ń bo·kščam vakss. Pokščam źe·źńi ja·ǵidat šľa·pazynza, a mon ga·rńiń ve·šńeḿi e·šťań ja·rcams, dy a mujivit ťeń. Pokščam ḿeŕe: «sak ja·rcak šľa·pastyńť». Pokščam źe·źńi jaǵi·dat, a mon ašćan žľapańť va·kssy dy ja·rcan.

оттуда шляпу, а шапку прицѣпитъ. Однажды во время сѣнокоса дѣдушка былъ въ своей шляпѣ. Сталъ дѣдушка собираться за травой. Я сталъ собираться съ нимъ. Дѣдушка любилъ возиться съ дѣтьми. Онъ взялъ меня съ собою. Только лишь мы выѣхали изъ села (въ концѣ села течетъ рѣчка), я говорю: «дѣдушка, мнѣ хочется испить». Дѣдушка остановилъ лошадь, снялъ съ головы шляпу, зачерпнулъ въ шляпу воды, началъ поить меня. У меня прошла жажда. Оставшуюся воду дѣдушка вылилъ на лошадь. Ѣхали мы ѣхали, отъ села уѣхали уже далеко; пріѣхали къ травѣ. Дѣдушка началъ косить траву, а у лошади отпустилъ пеперечникъ и пустилъ ее ѣсть въ траву. Дѣдушка накосилъ много травы, наложилъ ее въ телѣгу, въ траву воткнулъ косу. Самъ отошелъ въ сторону, снялъ съ себя шляпу, упалъ на колѣнки и говоритъ мнѣ: «сынокъ, иди ѣсть ягоды». Я подошелъ къ дѣдушкѣ. Дѣдушка рветъ ягоды въ свою шляпу, а я началъ искать себѣ, чтобы ѣсть, да не находилъ. Дѣдушка рветъ ягоды,

Po·kščam źe·źńeźi šl̓a·paṅt́ p̓e·l̓eva i ḿeŕe: «a·dï, ćora·j, gudu·u̯». Oza·ftyḿiḿ bokščam t̓i·kšyt́ńiń laŋks, maksyźi e·l̓ezèn žl̓apaṅt́, o·zaś sońć ka·k, i ḿiń tu·jińik kudu·u̯. Mo·l̓emsty šl̓apastyńt́ ja·ǵida·t́ńidy ja·rcyńik. Moľeńek mo·l̓eńek, mon ma·t̓idïv́iń. Koda·sy·rgyźin, ḿiń uš u·ĺńińik ka·rdajsa. Šl̓a·paś u·ĺńiś po·kščam b́ŕa·syn̆za. Po·kščam ḿe·ŕe: «ja·ǵidat t̓eť eŕa·v́it?» Mon ḿeŕa·n: «dava·j». Po·kščam, da·rgaź źepstèn̆za ko·mory ja·ǵida, ma·ksyńźi mo·ńań.

Ḿi·ńćińik v́e·l̓esy mon tona·fńiń ko·lmy gott. Egzaḿen zdal. Śedy ḿel̓ji kafty gott či·jńiń iśt́a·k. Ḿel̓ji sajińe ḿe·l̓eḿ o·šo̯u̯. A·vam u·skiḿiḿ o·šo̯u̯, ma·ksyḿiḿ v́e laų̯šńi·kńiń. Laų̯šńi·kiś ḿi·kšńiś su·ndukt. Mon uĺńi·ń kemgo·lmovy go·tca i mo·ńań sundu·kńiń ǵepśemast uĺńi·ś p̓eť sta·ka. Saś ḿi·ńik la·fkas bo·jar, ra·maś su·nduk. Xoźa·inyś moń ku·čiḿiḿ kanduma·n̆za. Sy·ńik boja·ryńt́ ma·rta son̆zy ku·dys, a mo·n ko·jkak pačkid̓iń. Boja··ryś ḿeŕe: «śiźi·t́?» Mo·n ḿeŕan: «śiźi·ń!» Son ḿeŕe: «Ka·duft mo·

а я сижу около шляпы и ѣмъ. Дѣдушка нарвалъ до половины шляпы и говоритъ: «идемъ, сынокъ, домой». Посадилъ меня дѣдушка на траву, далъ мнѣ въ подолъ шляпу, сѣлъ и самъ, и мы поѣхали домой. Во время пути мы ѣли ягоды изъ шляпы. Ѣхали мы ѣхали, я заснулъ. Когда я проснулся, мы были уже на дворѣ. Шляпа была на головѣ у дѣдушки. Дѣдушка говоритъ: «нужно тебѣ ягодъ?» Я говорю: «давай». Дѣдушка, вытащивъ изъ кармана горсть ягодъ, далъ мнѣ.

Въ нашемъ селѣ я учился три года. Сдалъ экзаменъ. Послѣ того я бѣгалъ два года безъ дѣла. Потомъ мнѣ захотѣлось въ городъ. Матушка отвезла меня въ городъ, отдала меня одному лавочнику. Лавочникъ продавалъ сундуки. Мнѣ было тринадцать лѣтъ и мнѣ было очень тяжело поднимать сундуки. Пришелъ въ нашу лавку баринъ, купилъ сундукъ. Хозяинъ послалъ меня отнести его. Мы пришли вмѣстѣ съ бариномъ въ его домъ, а я кое какъ дошелъ. Баринъ говоритъ: «ты усталъ?» Я говорю: «усталъ»!

ńa·ń, moń ǵeca źardyja·k aśiźa·t». Mon ga·duv́iń. Śe bo·jaryś kiŕć kańdï·ťerckyj, i mon so·nzy ke·cy ka·rḿiń robota·ma. A moń daṷny· uĺńi·ś ḿe·ĺeḿ tona·fńiḿe. Sa·ś ťaťam ošo·ṷ i ḿe·ŕi moña·ń: «loma·ťńi pa·kšast u·skiť Aĺakso·fkaṷ tona·fńiḿe. To·zèń ďejśť pokš uči·ťiĺńa». Mon ḿe·ŕan: «Sa·jimak i moń ťe·sty i u·skumak Aĺakśofkaṷ». Ťaťa·m ejsè·n eź zajť. Mon ga·rḿiń aźaŕďï·me, i iśťa· ṕeќ ava·ŕďiń, na·taj ťa·ťańiń ža·ĺ ńejaźiń, i son za·jiḿiḿ o·šsta i u·skiḿiḿ Aĺakśo·fkaṷ. Aĺakśo·fkasy e·ŕva pa·kšańť ki·sa ko·vońť pańćť ko·lmy co·lkovojť. Moń ǵi·s ťaťa··ńiń pa·ndums u·ĺńiś ńe·ḿejsa. Moń pańi·ksyĺiḿiź, i ka·dyḿiź a·ńćak śeks, šty ṕeќ pa·ŕćťi mon tona·fńiń. Ju·taśť kolmy gott. Mon egza·ḿen zdal ve·śedy pa·ŕćťe. Śormadyńiќ pro·šèńijat i ḿiña·ńiќ maksćť učiťiĺiń da·rkat. Ќińi·ń go·vońť pańćť śišiń zolko·vojť, ki·ńiń ga·ṷksa, a mo·ńań pańćť ke·ḿeń. Va·šiń go·déńť učiťiĺks či·styn Eŕeḿejefkasy mon ga·rḿiń mońć tona·fńiḿe. Čińť tona·ftan pakša·t, a veńť tona·fńan mońć. Saś tu·ndyś, moń bak-

---

Онъ говоритъ: «останься у меня, у меня ты никогда не устанешь». Я остался. Этотъ баринъ держалъ кондитерскую, и я сталъ работать у него. А у меня давно было желаніе учиться. Пріѣхалъ мой отецъ въ городъ и говоритъ мнѣ: «люди везутъ своихъ дѣтей учиться въ Алексѣевку. Тамъ выстроили большое училище». Я говорю: «Возьми и меня отсюда и отвези меня въ Алексѣевку». Отецъ меня не бралъ. Я сталъ плакать, и такъ сильно плакалъ, что отцу стало жаль, и онъ взялъ меня изъ города и отвезъ въ Алексѣевку. Въ Алексѣевкѣ за каждаго мальчика въ мѣсяцъ платили три цѣлковыхъ. За меня отцу нечѣмъ было платить. Меня хотѣли было прогнать, и оставили меня однако потому, что я очень хорошо учился. Прошло три года. Я сдалъ экзаменъ лучше всѣхъ. Мы написали прошенія, и намъ дали учительскія мѣста. Кому въ мѣсяцъ платили по семь рублей, кому по восемь, а мнѣ платили десять рублей. Первый годъ моей учительской жизни въ Еремѣевкѣ я сталъ учить самого себя. Днемъ я учу ребятъ, а ночью учусь

ša·ťńi egza·ḿen zdaľi paŕćťe. Ќi·zyńť tuji·ń ďa·ťańiń i ќi·zyńť ka·rḿiń ťaťań ma·rty robota·ma. Sy pra·źńik eľ piźiḿiči·, mon mońć tona·fńan. Saś šo·kśe. Tu·jiń o·šou̯, ma·ksyń śeḿenaŕijas pro·šėńija. Ńe·ďľady ḿe·ľji mo·ľeń śeḿena·rijas ke·ǖkśťeḿe, pŕima·saḿiź moń egza·ḿenc eľ ara·ś. Mo·ńań ḿe·ŕeť: buťi ḿe··ľet, ќiŕť kuť ńejќ. Ńe·jeḿeń ḿi·ńik po·poś i ḿe·ŕe: «čau·pŕa·, a·źi sa·jik prošėńijańť i aźi Olckėjeǖ, to·sy u·ľi du̯o·vnėj uči··lišče, to·sy egza·ḿenėś śeďi so·žžeńe». Mon mo·ľeń prošė·ńijańť ḿe·ľga. Koj ǵi·ť ḿe·ŕeť: «lac ťeja·t, ťesy ќi eź ǵiŕť, ќija·k ńe vy·ďeržal». Ľiśś ińśpe·ktorėś i ḿe·ŕe: «a·ďa moń ḿe·ľga». Mon duji·ń ḿeľga·nza. Pa·čќiďińik ve ko·mnota vi·c, su·vińik to·zėń. Son ḿe·ŕe: «ašči̯k ala·mus». Sońć tuś. Mon a·šči̯ń ve·ťeška ḿinu·t, va·nca — suve ińśpe·ktorėś, ḿe·ľganzy su·vit ńiľi ľi·ja uči·ťiľť i ve pop. O·zaśť stoľe·kšs. Mon čaŕki·ďiń, šty mo·ń ka·rḿiť ke·ǖkśńema·n. Eś pa·čkan du·man: ḿešť Pas ama·ksė, ka·rman oťveča·ma.

самъ. Пришла весна, мои ребята сдали хорошо экзаменъ. Лѣтомъ я отправился къ отцу, и лѣто я началъ работать съ отцомъ. Придетъ праздникъ или дождливый день, я учу самъ себя. Пришла осень. Отправился я въ городъ, подалъ прошеніе въ семинарію. Спустя недѣлю я пошелъ въ семинарію спросить, приняли ли меня къ экзамену или нѣтъ. Мнѣ говорятъ: если хочешь, держи хоть теперь же. Увидѣлъ меня нашъ священникъ и говоритъ: «пустая голова, ступай возьми прошеніе и отправляйся въ Вольскъ, тамъ есть духовное училище, тамъ экзаменъ легче». Я пошелъ за прошеніемъ. Кой-кто говоритъ: «хорошо сдѣлаешь, здѣсь кто не держалъ, никто не выдержалъ». Вышелъ инспекторъ и говоритъ: «иди за мной». Я пошелъ за нимъ. Подошли мы къ одной комнатѣ, вошли туда. Онъ говоритъ: «подожди немного». Самъ онъ ушелъ. Я подождалъ минутъ съ пять, смотрю — входитъ инспекторъ, за нимъ входятъ другіе четыре учителя и одинъ священникъ. Сѣли за столъ. Я понялъ, что меня начнутъ спрашивать. Думаю самъ въ себѣ: что Богъ дастъ, стану отвѣчать. Спрашивали меня съ часъ. Встали,

Ќeŭќśńeśť ejsėn ča·syśka. Śťaśť, tuśť. Iśśpe·ktorėś ka·duų́ś i ḿeŕe: «zako·n Bo·žėj ton paŕćťe· o·ťvečeť, va·ndyj zak véjksėćeks ča·sta, karma·tana ke·ŭќśńemat slaŕa·nyń ǵeľ». Syń ombo·ći čińť, tagy ve·ťeḿeź śe komnota·ńťiń, tagy· časy·ška ke·ŭќśńeśť e·jsėn. Ta·gy tuśť li·ja učі·ťiľťńe, iśśpe·ktorėś ta·gy kadu·ų́ś. Koda·tuśť ľija·ťńe, son mo·ńań ḿeŕe: «i slaŕa·ńyń ǵeľeńť ton zo·dasa·k, va·ndyj zak ta·gy ťe po·rava». Śedi ḿe·ľji mon ќeḿeńčka raz ja·kiń śeḿena·ŕijas i moń ke·ŭќśńeśť li·jady li·jada. Ḿeľji karma·ftyḿiź sta·ťjań źormadu·ma. Ko·da mon u·ľńiń Aľakśofkasa, Aľakśofkaś ṕeќ palć. Mon śe poža·ryńť śo·rmady·ńe. Śe ḿeľe··zėst ṕeќ tuś. Ve·ťeḿeź učiťi·ľńas, ko·sy tona·fńiť viška pa·kšat. Ka·rmaftyḿiź ba·kšań dona·ftuma. Śeja·k ḿeľezėst tuś. Učiťi·ľťńi śťaśť, iśśpe·ktorėś ḿeŕe: «toń oťve·čamut i tona·ftumat ḿińi·k ḿeľc tuśť, i kaḿi·śijaś du·ḿi ťeť maksu·ma učі·ťiľiń źviďe·ťeľctva» Śe·dy ḿeľji mon iščo ve ťeľi tona·ftyń škol(y) gra·matasa, Ju·ŕ-jefka ve·ľesa. Ḿeľji maksćť ťeń tarka Novapo·ľjasta. Mon to·sy

---

ушли. Инспекторъ остался и говоритъ: «по закону Божію ты отлично отвѣчалъ, завтра приди въ девятомъ часу, мы будемъ спрашивать тебя по славянскому языку». Я пришелъ на другой день, опять меня повели въ ту комнату, опять меня спрашивали съ часъ. Опять пришли другіе учителя, инспекторъ опять остался. Когда другіе ушли, онъ говоритъ мнѣ: «и славянскій языкъ ты знаешь, завтра приходи опять въ это время». Послѣ того я разъ десять ходилъ въ семинарію, и меня спрашивали все о другомъ. Потомъ мнѣ велѣли написать сочиненіе. Когда я былъ въ Алексѣевкѣ, Алексѣевка сильно горѣла. Я описалъ тотъ пожаръ. Это имъ очень понравилось. Меня повели въ училище, гдѣ учатъ малыхъ дѣтей. Мнѣ велѣли учить дѣтей. И это имъ понравилось. Учителя встали, инспекторъ говоритъ: «твои отвѣты и твои уроки намъ понравились, и комиссія рѣшаетъ дать тебѣ учительское свидѣтельство». Послѣ того я училъ еще одну зиму въ школѣ грамоты въ деревнѣ Юрьевкѣ. Потомъ мнѣ дали мѣсто въ Новопольѣ. Я тамъ училъ два

tona·ftyń ka·fty gott. Moń gu·čiḿiź Ńenaro·kofkaų moń apak ķeų̈kśt. U·ĺńiś ča·dy ve·ď. Mo·ńań saų̈ś ju·tams pokš ve·ďeń droks ľemezy Ča·rdyḿ. Mon Ča·rdyḿińť troks ju·tamsta ćut eźeń va·ja. Mo·ľeń Ńenaro·kofkaų, koų̈ dona·ftyń do·sa. Saś o·šsty ťeń go··ńoų̈. Moń ḿeķeų̈ gu·čiť Novopo·ľjaų. Mon źi·vidiń u·skićat·i tu·jiń Novopo·ľjaų. Še·dy ḿeľji uš tu·jiń ko·lmoći gotc Novopo··ľjasa. Ńej ga·k to·sy to·nafta·n.

·Mi·ńik ša·branyk Ťe·dėr a·ťa lo·mańiś au·ľ ģežė·j, a koźaj-ka·nʒy ma·rty śe·jecty tu·ŕkšne. Sokaų̈śť sokamu·nʒy Ťedėr a·ťańť, son ďeŕťeźi alaša·nʒy lu·gas. Alaša·zy tuś ba·rskyj źury la·ŋks, sa·jiźi oƀje·ščik potraų̈s; oƀješčik ku·rudyźe. Ka·rmašť lo·matť mu·šky vi·ďiḿe, a Ťedėr a·ťańť alaša·za ba·rskyj ga·r-dajsa. Moľć Ťe·dėr ata a·lašańć ḿe·ľga. Boja·ryś ťenʒy ḿeťe: «uskt ka·rdajsty umala·ŋks veťi ost na·oz, ma·kssa a·lašat». — «Ko·da ťejat, eťa·vi usku·ms», ḿeŕi Ťe·dėr a·ťaś. Sa·jiźi Ťedėr a·ťaś alaša·nʒa, tuś ba·rskyj ga·rdazuų̈ na·ozėń ľi·ńńiḿe. Mo·ľi

---

года. Меня послали въ Ненароковку, не спросивъ меня. Была полая вода. Мнѣ пришлось переѣзжать черезъ большую рѣку, по имени Чердымъ. Переѣзжая черезъ Чердымъ, я чуть не утонулъ. Прибылъ я въ Ненароковку, мѣсяцъ я училъ тамъ. Пришла ко мнѣ изъ города бумага. Меня посылаютъ назадъ въ Новополье. Я нанялъ извозчиковъ и поѣхалъ въ Новополье. Послѣ того я живу третій годъ въ Новополье. И теперь я тамъ учу.

Нашъ сосѣдъ старикъ Ѳедоръ человѣкъ не злой, а съ женой своей онъ очень часто дерется. Попахалъ Ѳедоръ свою пашню, спуталъ свою лошадь (и пустилъ) въ луга. Лошадь его пошла въ барскій хлѣбъ, взялъ ее объѣздчикъ на потравѣ. Объѣздчикъ загналъ ее. Люди начали сѣять коноплю, а Ѳедорова лошадь на барскомъ дворѣ. Пошелъ Ѳедоръ за лошадью. Баринъ говоритъ ему: «свези со двора на загонъ пять возовъ навозу, я отдамъ твою лошадь». — «Что подѣлаешь, надо свезти», говоритъ Ѳедоръ. Взялъ Ѳедоръ свою лошадь, отправился на барскій дворъ выво-

Ǵe·dèr aťaś naoz oz ma·rta, va·ncy — pa·stuχ va·tki ku·ly ŕe·ve. Ŕe·veś ku·ja. Ǵedèr a·ťaś ḿeŕe: «keŕće·k mońa·ń keĺm' o·jeńť, ḿeźeks kak maštu·ve». Pa·stuχuś keŕćeźi ŕeveńť la·ŋksta ojeńť, ma·ksyźi Ǵedèr a·ťańťiń. Uskuŋśť veťi o·snė, Ǵe·dèr a·ťaś saś kudu·ų. Saś Ǵedèr a·ťaś kudu·ų, a koźajka·zy kudy·sy a·raś. Pu··tyźi o·jeńť, o·rčaś ka·lady pa·nar, ka·rmaś sy·rgamy mu·šky ví··ďiḿe. Alaša·nʒa ku·čiźi loma ma·rta, a sońć tuś ṽicta·. E·ŕaųś ťe·nʒy mo·ĺems veďeń do·mbaĺių. Sonʒy veceńť uĺńiś lo·pafty·ź koloda·za. Son puć koloda·ńťiń ka·ńćiryt, o·zaś sońć ka·k i tuś u·jiḿe. Ańćak tu·tmadźiźi ko·loda·ńť be·ŕekstéńť, ko·lodaś veĺaųś, i Ǵe·dèr aťaś praś veďeńťeń, a kańćiŕy·ťńi tušť ve·ďeńť la·ŋga ujńiḿe. Liśś a·ťaś ve·ctéńť, saś kudu·ų, o·rčaś lija pa·nar, ka·jaś ḿe·šeks ka·ńćiryt, ta·gy tuś veďeń do·mbaĺių. Pu·tyńʒi koloda·ń·ťiń kańćiry·ťńiń i so·ńć oza·ś; a·ńćak tuś uji·ḿe, tagy vaja·ś. Liśś ve·ctéńť, sa·jińʒi ka·ńćiry·ťńiń la·ftuų laŋgyzy·nʒa, saś kudu·ų. O·rčeźi Ǵe·dèr a·ťaś rozo·voj banary·nʒa, tagy tuś to·mba-

---

зить навозъ. Идетъ Ѳедоръ съ возомъ навоза, видитъ — пастухъ снимаетъ шкуру съ палой овцы. Овца жирная. Ѳедоръ говоритъ: «отрѣжь мнѣ сала, на что-нибудь пригодится». Пастухъ вырѣзалъ изъ овцы сало, далъ Ѳедору. Свезши пять возовъ, Ѳедоръ пошелъ домой. Пришелъ Ѳедоръ домой, а жены его нѣтъ дома. Онъ положилъ сало, надѣлъ рваную рубашку, сталъ собираться сѣять коноплю. Лошадь свою онъ послалъ съ людьми, а самъ онъ пошелъ прямо. Ему нужно было идти на ту сторону рѣки. Въ рѣкѣ была замочена его колода. Онъ положилъ коноплю въ колоду, сѣлъ и самъ, и пустился плыть. Только что онъ оттолкнулъ колоду отъ берега, колода перевернулась, и Ѳедоръ упалъ въ воду, а конопля пошла плавать поверхъ воды. Вышелъ старикъ изъ воды, пришелъ домой, надѣлъ другую рубашку, насыпалъ конопли въ мѣшокъ, опять пошелъ на ту сторону рѣки. Положилъ коноплю въ колоду и самъ сѣлъ; только что пустился плыть, опять упалъ въ воду. Вышелъ изъ воды, взялъ коноплю себѣ на плечи, пошелъ домой. Надѣлъ Ѳедоръ розовую рубашку, опять пошелъ

l̈ü̯. Pu·tyńʒi koloda·ńtiń kańćiry·ťńiń. Ozaś sońć koloda·ńtiń, tuś uji·ńe. Ujś ve·ďeń ƀeľevi·c, a sonʒy a·laša veťećaťńi lo·maťńi uš sa·śť i va·nyť, koda· Ťedėr a·ťaś jutė·. Pa·čkić Ťedėr a·ťaś pe·ľevi·c i ńeŕi laŋgyzy·nʒy vanyća·ťńiń: «ujńa·t, ujńa·t, tona·dat u·jńińe». A·ńćak ke·ńeŕć i·śťa ńe·ŕeńe, ve·ľaų̯ś ko·lodaś, čo·pau̯ś Ťe·dėr a·ťaś ve·ďeńť ku·nčkaví·c. Va·ncy Ťe·dėr a·ťas — ju·tams kaduų̯ś a·lama i ko·śki pana·ryzy ara·ś; tuś vi·cty to·mbal̈ü̯. Ľiśś ve·ctėńť Ťedėr a·ťaś, vi·dïźi muškyńť i ka·rmaś so·kama. Saś kuduų̯ Ťe·dėr ba·baś. So·ńďanʒy jo·ftaśť, koda Ťe·dėr aťaś va·jśiś. Ťedėr ba·baś va·rštaś žėŕďalaŋks, rozo··voj ba·naryś a·raś. Tuś Ťe·dėr ba·baś to·mbal̈ü̯, karma·ś Ťedėr a·ťańť a·znuma. Ťe·dėr a·ťaś kulcy·nyś kulcy·nyś, ńe·ľezy moľć, ka·dyźi so·kańť i ka·rmaś Ťe·dėr ba·bańť lo·kšsy čau·manʒa. Ťe·dėr ba·baś čijńiś čijńiś muškńiń la·ŋga, Ťe·dėr a·ťaś ja·ly a·kady e·jsėnʒa. Jortou̯ś Ťe·dėr ba·baś vec i ka·rmaś ve·ctėńť a·znuma. Ťe·dėr a·ťańť lo·kšėś a·satė. Son gočkaś eľezė·nʒy po·koľť i kar-

---

на ту сторону. Положилъ коноплю въ колоду. Сѣлъ самъ въ колоду, пошелъ плыть. Доплылъ до середины рѣки, а ведшіе его лошадь люди уже пришли и смотрятъ, какъ переправляется Ѳедоръ. Дошелъ Ѳедоръ до половины и говоритъ смотрящимъ на него: «плаваешь, плаваешь, выучишься плавать». Только онъ успѣлъ такъ сказать, перевернулась колода, Ѳедоръ нырнулъ въ середину рѣки. Видитъ Ѳедоръ — перейти осталось немного, и сухой рубашки у него нѣтъ; онъ пошелъ прямо на ту сторону. Вышелъ изъ воды Ѳедоръ, разсѣялъ коноплю и сталъ пахать. Пришла домой Ѳедорова старуха. Ей разсказали, какъ Ѳедоръ тонулъ. Ѳедорова старуха посмотрѣла на жердь, розовой рубашки нѣтъ. Пошла Ѳедорова старуха на ту сторону, начала клясть Ѳедора. Ѳедоръ слушалъ, слушалъ, надоѣло ему, бросилъ соху и сталъ бить Ѳедорову старуху кнутомъ. Ѳедорова старуха бѣжала, бѣжала по коноплямъ, Ѳедоръ все ея не оставляетъ. Бросилась Ѳедорова старуха въ воду и начала его клясть изъ воды. Ѳедо-

maś Ćedėr ba·bańť laŋks jovŕe·ńe. Ćedėr ba·baś va·ncy ťeśť beŕa·ťť, ju·taś ťe bo·kaų i ńeŕi Ćedėr a·ťańťiń: «mon doćeť kak ťevet ťejsa», i tuś kudu·ų. Ćedėr a·ťaś ka·rmaś so·kama, a Će·dėrnėza ba·baś sa·jiźi Ćedėr aťańť u·skuft ke·ľm' o·jeńť, ťe·jńiźi ćomara·ks i sė·veźe. So·kaųś Ćedėr a·ťańť ṕi·ŕiza, saś kudu·ų, ṕe·ŕgaftyźi alaša·nza i ńeŕe: «a ťesty keľm' o·jeś ko·sa?» — «A mon gosta so·dan», ńeŕi Će·dėr ba·baś. — «Vana·t, ki·skat sa··lyź, a mon pastuχuń ge·cty keŕćeśťekšnéńe, ńeŕan: ńejś kak ma·štuve», ńeŕi a·ťaś. — «A śe ńe·źeń oj uľńi·ś?» ńeŕi Će·dėr ba·baś. — «Mon guly ŕevi la·ŋksty pastuχuń ge·cty keŕćeśťe·kšnéńe». A·ńćak Ćedėr baba·ś ńe va·ltnyń ma·ŕińźe, koda ka·rńi u·sknuma. — «Ton ďeťkek», ńeŕi Će·dėr a·ťaś. Koda karńi Ćedėr ba·bańť lo·kšy čaumanza, a Ćedėr ba·baś a·ńćak ťe·jńe: «va·j, mon, va·j, mon». — Ćedėr aťańť mu·škýś ľiśś veśeńe·dy i·kiľe. Ťe, vana·t, ťedy, šty son načky pa·narcy vi·dïźe.

Записано отъ Р. Ѳ. Учаева.

ровъ кнутъ не достаетъ. Онъ собралъ въ полу комки земли и сталъ кидать въ Ѳедорову старуху. Ѳедорова старуха видитъ — дѣло плохо, перешла на ту сторону и говоритъ Ѳедору: «я и сама съ тобою сдѣлаюсь», и пошла домой. Ѳедоръ сталъ пахать, а Ѳедорова старуха взяла привезенное Ѳедоромъ сало, изготовила его на вареники и съѣла его. Попахалъ Ѳедоръ свое гумно, пришелъ домой, отложилъ лошадь и говоритъ: «а отсюда сало гдѣ?» — «А я откуда знаю?» говоритъ Ѳедорова старуха. — «Видно, собаки стащили, а я велѣлъ пастуху отрѣзать, говорю: на что-нибудь пригодится», говоритъ старикъ.—«А это чье было сало?» говоритъ Ѳедорова старуха. — «Я велѣлъ пастуху отрѣзать отъ палой овцы». Только услышала Ѳедорова старуха эти слова, какъ начала блевать. — «Ты слопала», говоритъ Ѳедоръ. Какъ начнетъ Ѳедоръ бить Ѳедорову старуху кнутомъ, а Ѳедорова старуха только повторяетъ: «охъ я, охъ я». — У Ѳедора конопля взошла раньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ. Это, видно, оттого, что онъ посѣялъ ее въ мокрой рубашкѣ.

Mon uĺńiń bednėjeń pastuχyń ďeχťeŕ. Pańćiń bojaryń bukat, vanyń véľeń zdadat. Stadavanuma ťeχťeŕńeń víśks. Mon eŕva tujimsty kažnyj valćki avaŕďan, pŕakam zajsa kavalalyn, palkam noldasa bokam guvalt, tujan gardaz udalga, piŕiń bačk, véďeń žuďiťka, štobu lomaťť iľaṁiź ńek. Vantana véľemalasy pandy laŋksa, véľesty kiť moľeť vanca, kijavańť kijak ardė. Mon véšńan véďeń žuďiŕť eśťań ģekšėms, štobu lomańiś iľamam ńek. Lomańiś vakskanyk ardė, jutasaṁiź, mon véďeń žuďiŋkstyńť ľišan, štobu iľamam ńek. Mejľi maksyṁiź ṁiŕďińiń. Širotat kudysyńť, kafty parėjďen, aťaftum, parėχńe moń ṁiŕďińťi odavań, auľ rodnėχť, odavań eχť. Eŕeńek kafty gott, mońćeń bakša čačś, tagy kafty gott jutašť, kolmoćekstėńť Roman čačś. Bednėχť uĺńińik, orčaftums pakšaťńiń laŋks ńeṁeźä, andums kak ńeṁeźďä, eśťań orčams ńeṁeźä. Mon garṁiń Veŕipazyńťi oznoma, eśťań guluma véšńeṁe; čińik véńek jaly kuluma véšėń: «Kuluftumak, koŕṁeńećkemat, čiť iľi véť; véc moľemsty kuluftumak, čem mońań pakšaťńiń laŋks

---

Я была дочерью бѣднаго пастуха. Я гоняла барскихъ воловъ, я пасла деревенскія стада. Пасти стадо для дѣвушки стыдъ. Я каждое утро при каждомъ выходѣ плачу, хлѣбъ свой возьму подъ мышку, палку свою пущу вдоль своего бока, иду позади дворовъ, черезъ гумна, по водотекамъ, чтобы люди меня не видѣли. Пасемъ мы на горѣ близъ села, изъ села кто идетъ, я вижу, и по дорогѣ кто скачетъ. Я ищу водотека, чтобы мнѣ спрятаться, для того чтобы меня не увидѣли люди. Человѣкъ проскачетъ около насъ, проѣдетъ мимо, я выйду изъ водотека, чтобы онъ не увидѣлъ меня. Потомъ меня отдали замужъ. Въ домѣ — сироты, два деверя, свекоръ, девери отъ мачехи моего мужа, не родные, дѣти мачехи. Жили мы два года, у меня родился ребенокъ, опять прошло два года, на третій родился Романъ. Мы были бѣдные, надѣть на дѣтей нечего, и накормить нечѣмъ, на себя одѣть нечего. Я стала молить Всевышняго, просить себѣ смерти; и днемъ и ночью я все прошу смерти: «Дай мнѣ умереть, кормилецъ ты мой, днемъ или ночью; когда я пойду за водой, дай мнѣ умереть, чѣмъ мнѣ на ре-

nalkśńimada, mońćťań štapy jakams». Mon ṕeќ jaly ѵešėń. Mon buty ťejeѵeń šožďa pŕeѵeks. Ṕeќ naďejiń Pazyńťi, šty son kuluų-samam, naďejiń Pazyńť laŋks i karmiń sodama, šty ѵiďi kulan. Va-lćki kapšan, ťeѵeń maštan—ťeѵeń mašsa dy kulan. Kapšan—brovoŕńe ťeѵeń mašsa i učan guluma, učan učan, a kulan. Cokšńi provoŕńi ťeѵeń mašsa, ѵeńbeŕť učan taga, kulan. Ťaťam jakaś ošoų, sazyrum turtuų ramaś bidyun laŋgaks. Mon moľeń ťiťań guduų. Sazyrum ḿeŕä: «Paťaj, mońań bu pary styćat». — «Ḿejs?» mon ǵeų̈kśťeńe.—«Vany, ťaťam bidyunyks laŋga ramaś mońań».— A moń ḿeľezėn śo rovno ľeć: «davaj mońć stasa toń bidyunyńť». Son garmaś mon laŋksa muskyľama. — «Mon ѵešńan zdyćat, paťam-styća, ton kolasyť, moń amakssyń dońat». — Mon aryń pazavaťńiń garča dy ḿeŕan: «Koŕmaj, toń ǵecty kuluma ѵešan, ton amaksat, rodnėen ǵecty žaľama ѵešan, ejsėn ažaľiť; saų̈ś pŕam bovams». — Ťaťam ḿeŕi pećkalaŋksa: «Čem išťatt valt maŕamuda ejďeń beľďä, kadyќ kalasyńźä dy Oľaj stasyńźä». Auľińźi makst

---

бять разстраиваться, самой мнѣ ходить голой». Я постоянно сильно просила. Я сдѣлалась будто слабоумной. Очень надѣялась на Бога, что онъ дастъ мнѣ смерть, надѣялась на Бога и стала сознавать, что впрямь умру. Утромъ спѣшу, кончаю свою работу — кончу работу, и умру. Спѣшу — поскорѣе кончу работу, и жду смерти, жду, жду, не умираю. Вечеромъ поскорѣе кончу работу, всю ночь опять жду — помру. Отецъ мой съѣздилъ въ городъ и купилъ сестрѣ на верхъ бедуина. Я пошла въ отцовъ домъ. Сестра моя говоритъ: «Старшая сестрица, мнѣ бы хорошихъ портнихъ». — «На что?» спросила я ее. — «Вотъ, отецъ купилъ мнѣ верхъ на бедуинъ».—А мнѣ на умъ точно вспало: «давай я сама сошью твой бедуинъ». Она начала смѣяться надо мной.—«Я ищу портнихъ, сестрица-портниха, ты испортишь, я не дамъ тебѣ».—Я стала передъ образомъ и говорю: «Кормилецъ, я прошу у тебя смерти, ты не даешь, я прошу у родныхъ пожалѣть меня, меня не жалѣютъ; пришло—повѣситься». — Отецъ говоритъ на печкѣ: «Чѣмъ слушать такія рѣчи отъ своего дитяти, пусть испортитъ да сошьетъ

ďaŕak, išťak i pŕam povaľińe. Išťa mon eŕeń jala. Ḿejľi ḿiŕďiḿ maŗta aščiťana čau kudysa. Roman ģecėn, ḿiŕďiḿ durtuų ḿeŕan: «Ton ḿeź dumat? Roman gasyńďaŕaj, karḿi ḿińćińik lacy pišči-ḿe». Ḿiŕďiḿ ḿeŕä: «Koda ina, znam išťa karḿi pišćiḿe». Mon ḿeŕan: «Kabu tonaftums kozėj gak!» — «Ḿejsy ḿiń donaųsyńik?» — Mon ḿeŕan: «Lučy purnak da tonaftyk». Son mońań ḿeŕä: «Ton azdasak kodamy purnamuś, mon zodassa. Purnaź atonaftuve. Koda Pas ḿeŕi, dy išťa. Pas vanyńďaŕasy, makssyńik tonafńiḿe». Ḿejľä son gaśś. Purnyńe sėrńeńe, proožėńe učiťiľnaų. Tonafńiś ve god, karmaś omboće tonafńiḿe. Sonzy purnyź moraftuma. Mon žińik veńek oznan Pazyńťi: «maksyzy, Koŕmajś, pary pŕeťť». Tonafńiś paŕćťe. Učiťiľińť ḿeľc tuś, popońť ḿeľc tuś; barckyj zdarystaś morafńiś martyst, ḿeľezėnzy tuś. Ḿiń zajińik dy ošoų uskińik. Kańďiťirckyjs makssyńik. Ḿešeć eŕaś. Popoś ḿeŕä: «Pakšaś para, jumaųsyŋk tosa, sajiŋk tosta, Aľakśofkaų maksyŋk». Bar-

---

Овдотья». Если бы онъ не далъ, я такъ и повѣсилась бы. Такъ я все жила. Потомъ мы съ мужемъ жили въ пустомъ домѣ. Романъ у меня на рукахъ, я говорю мужу: «Ты что думаешь? Романъ, если выростетъ, начнетъ страдать, какъ мы». Мужъ мой говоритъ: «Какъ же, знамо такъ же будетъ страдать». Я говорю: «Какъ бы выучить его чему-нибудь!» — «На что мы его выучимъ?» — Я говорю: «Лучше ходи по міру да выучи его». Онъ мнѣ говоритъ: «Ты не знаешь, каково ходить по міру, я знаю. Ходя по міру, нельзя выучить. Какъ Богъ скажетъ, да будетъ. Если Богъ его упасетъ, мы отдадимъ его учиться». Потомъ онъ выросъ. Я собрала его, снарядила, проводила его въ школу. Онъ учился годъ, сталъ учиться другой годъ. Его выбрали пѣть. Я день и ночь молю Бога: «подай, Кормилецъ, хорошее пониманіе». Учился онъ хорошо. Учителю онъ понравился, попу онъ понравился; барскій староста пѣлъ съ ними, ему онъ понравился. Мы взяли да повезли его въ городъ. Отдали въ кондитерскую. Жилъ онъ мѣсяцъ. Попъ говоритъ: «Парень хорошій, погубите вы его тамъ, возьмите его оттуда, отдайте его въ Алексѣевку».

ckyj zda·rystaś ńe·ŕä: «Saji·ŋk to·sta. Pa·kšaś para·, koĺńe·ńi karńi tosa·, jumaŋsyŋk». Mińsajinik ošsta, Alakśo·fkaŋ ma·ksśyńik. Kojkak jaly kisyŋzy pandyńik počsa·, jamkssa·, jarmaksa·. Ťaťaza· i·zvojs moĺä ńeźä· kojkak; piščińik jala. Piščima·da źardy·jak vidna· a lotkatana jak. Ńej van omboćeś eŕa·ví to·naftums, śady valksyś a satė, ańćik ja·rmaksa, dy eŕa·ví piĺgizyŋzy dy la·ŋgyzyŋza, dy kudynyk ka·lać. Ťejems ńeńejsa; śuryń žačumat araśť. Vidźiź gak a·lama, moda· a·raś. Skalnyś mijims, pakšatńi vačy ka·duvíť. Kudyś jal ťeki apu·tuve. Romanyń girgasy moĺťanak veše, ŕiznamudy kulumazynyk a lotkatana jak. Ťeki maŋta kulytana jak. Veśeńezy śišiń. Prodovoĺśtvija ńińańik amaksyť veśeńeń, ańćik kolmońeń. Ćorat učiťiĺ, keĺi, ťŕatanzat.

Записано отъ старушки Учаевой.

Koda uĺńiś golodnėj god, sajńińik kabal Anaso·voń gecty ďešatina. Moĺeńek nujiḿe; ďešatińaś satyć Čardyń veďeńť kuŋaļt.

Барскій староста говоритъ: «Возьмите его оттуда. Парень хорошій, станетъ тамъ баловаться, погубите вы его». Мы взяли его изъ города, отдали въ Алексѣевку. Кое какъ мы за него все время платили мукой, крупой, деньгами. Отецъ его ѣздилъ въ извозъ за чѣмъ-нибудь; страдали все время. Видно, никогда и не перестанемъ страдать. Теперь вотъ надо учить второго, ста рублей не хватитъ только деньгами, да надо ему на обувь да на одежду, да изба у насъ развалилась. Сдѣлать не на что; урожаевъ нѣтъ. И посѣяно не много, земли нѣтъ. Корову продать, дѣти останутся голодными. Дома все равно не выстроишь. Всѣ мы ѣдемъ на Романовой шеѣ и не перестанемъ, вѣроятно, скорбѣть до самой смерти. Съ этимъ же и помремъ. Всего (насъ) семеро. Продовольствіе намъ даютъ не всѣмъ, только троимъ. Сынъ твой, молъ, учитель, прокормитъ тебя.

Когда былъ голодный годъ, мы брали у Аносова въ кабалу десятину. Мы отправились жать; десятина досталась вдоль рѣки

Roman uĺńiś pakšyńä. Vaśiń ďeχťeŕńiś śedï pokške. Víška parėjďeś eχť vanć. Sońćenzy čisty kumuχa taṕe, ḿiŕďiḿ źgamunzy ṇuje, bratyza udalynzy ašči jala, tarvazyńť čarafty dy morė, a mon pakšaťńiń vakssy dy sėŕeďećańť vakssy aščan; ńekoṇ gadums, ńedľań ḃeŗť nujińik ejsėnza. Koda kepeťi ṕiźiḿi, ḿiŕďiḿ komaṇś ŕidvatt, ťejeś šalaž. Son zajiźi sėŕeďećańť bratynza, mon pakšańť Romanyń, pokš ťeχťeŕ bakšyńiś vakssyn. Ṕiźiś, ṕiźiś ṕiźiḿiś. Koda tujä alganyk ved', ťejeṇś jakšama, valcḱä keľḿśekšnėńek. Jarcams ťeńek ńeḿeźda. Kšynyk véšä. Pakšaťńi véšėť, ḿińańik maksums araś. Paśiba Anasuvńiń, jamkskiť maksś, kašyńi ṕiďińik, śedy jarcyńik. Ḱemgaftuvy śkirda nujińik; ḿiŕďiḿ ǵeďezy iśťaška targyjś. Naśila ḿeńeńek.

Записано отъ старушки Учаевой.

Ḿińik ka·rčy eŕi ve loma·ń ľe·ḿezy Ma·ťvij. Ma·ťvijiń ara·ś kardazy·za, ara·ś o·rtaza. A·ńćak ku·dynzy u·dala ašči vi·ška

---

Чардыма. Романъ былъ маленькимъ мальчикомъ. Первая дочка не много старше. Младшій деверь няньчилъ дѣтей. Его каждый день била лихорадка, мужъ мой жнетъ одинъ, братъ его все сзади него вертитъ серпомъ и поетъ, а я сижу около дѣтей и около больного; некуда оставить, цѣлую недѣлю мы ее жали. Когда поднялся дождь, мужъ мой опрокинулъ телѣгу, сдѣлалъ шалашъ. Онъ взялъ больного своего брата, а я малаго Романа, а старшая дѣвочка около меня. Шелъ, шелъ дождь. Когда пошла вода подъ насъ, сдѣлалось холодно, утромъ мы было замерзли. Ѣсть намъ нечего. Хлѣбъ весь. Дѣти просятъ, намъ дать нечего. Спасибо Аносову, онъ далъ намъ пшенца, сварили мы кашку, ея поѣли. Двѣнадцать скирдъ мы нажали; у мужа рука вотъ такая вспухла. Насилу мы вырвались.

Противъ насъ живетъ одинъ человѣкъ по имени Матвѣй. У Матвѣя нѣтъ двора, нѣтъ воротъ. Только за его домомъ стоитъ

ka·rdyńe. Ma·ťvij — oχo·ťńik; u·ľi ružyja·za, a kiska·t, źa·ry eź ve·ťńe, ve·jkijak kecė·nʒy a e·ŕe. Moń a·vam sty; koda· uľńiń vi·škińe, mon gak ma·rtynʒy styń. Mi·ńik u·ľńiś ki·skanyk, ľe·-ńezy Bu·jan. Bu·janyś u·ľńiś vi·ška va·šyška. Veśt ašćiń žokšńi, mon zdan. Buja·nyś va·ľmaly u·dy kudybokala·ŋksa. Styń, styń, maŕasa — Buja·nyś ka·rmaś veľańńi·ńe. Meľi ka·rmaś o·ŋgoma, ći·jńiḿe, ka·ṇnuma i mu·kuryńť iśťa· va·ľmańťiń ńeža·ďiźe, vaľ-maś na·tyj ća·tyrdė. Mon varšta·ksyľiń va·ľmavańť dy Buja·nyś ašči va·ľmańt ka·rča. Mon źdi·ń, mo·lan ľi·ja va·ľmas. Vanca — Buja·nyń ka·rča puly·nʒy laŋksa loṇ žušmy laŋksa ašči veŕge·z. Mini·k Buja·nyś pokš, a veŕgezėś ka·ṇkśť šeďi pokš. Ašči ve·ŕ-gezėś puly·nʒy la·ŋksa, a śeľńenʒy buty tol baly·ť. Mo·n moľeń tagy· vašiń va·ľmańťiń, konańiń Buja·nyś mukurynʒy pšči·ďiźe, stu·kaďiń kaṇkśť va·ľmańť, dy śe·ŕgeďeń: «Buja·n, uzy». Bu·janyś skokać kudybo·kańt la·ŋksta, gru·tcynʒy, iśťa· ṕek ve·ŕgezėńť, va·čkiďiźe, ve·ŕgezėś na·taj gunct praś. Na·puśťaś veŕgezėś Mať-

---

маленькій хлѣвушокъ. Матвѣй — охотникъ; у него есть ружье, а собаки, сколько онъ ихъ не водитъ, ни одна не живетъ у него. Мать моя шьетъ; когда я былъ маленькимъ, и я шилъ съ нею вмѣстѣ. У насъ была собака, по имени Буянъ. Буянъ былъ съ маленькаго теленка. Однажды я сидѣлъ вечеромъ, я шью. Буянъ спитъ подъ окошкомъ на заваленкѣ. Я шилъ, шилъ, слышу — Буянъ началъ ворочаться. Загѣмъ онъ началъ лаять, визжать, скалить зубами и такъ прижалъ свой задъ къ окну, что окошко даже затрещало. Я хотѣлъ было посмотрѣть въ окно, да Буянъ стоитъ противъ окна. Я всталъ, иду къ другому окну. Вижу — противъ Буяна на хвостѣ на кучѣ снѣга сидитъ волкъ. Нашъ Буянъ великъ, а волкъ вдвое больше. Сидитъ волкъ на хвостѣ своемъ, а глаза его точно огонь горятъ. Я пошелъ опять къ первому окну, къ которому Буянъ прислонилъ свой задъ, стукнулъ два раза по окну и крикнулъ: «Буянъ, вызы». Буянъ соскочилъ съ заваленки, струдилъ волка, такъ сильно ударилъ его, что волкъ даже упалъ навзничь. Волкъ побѣжалъ въ сторону Матвѣя. Буянъ побѣжалъ

vijiń be·ľeu̯. Bu·janyś na·puśťaś me·ľganʒa. Śe škańť ľiśś šabra·ń gi·skińe, na·puśťaś Buja·nyńť marta ve·ŕgezéńť me·ľga. Pa·ńiź ve·ŕgezéńť Ma·ťvijiń gu·dyń udalu·u̯, kurudyź ga·rdyńińť bo·kas. Veŕgezéś vancy — ťeťť be·ŕaťť. Koda ka·pudźi šabra·ń gi·skińińť. Kiskińińťij, vanat, peť maŕa·ś. Koda· karmi ći·jńime. Maťvij u·ľniś pećkala·ŋksa, keŕe. Ma·ŕiźi ki·skińińť ćijńima·da, čaŕki·ć, šty ťe veŕge·z. Ka·pudźi Ma·ťvij ružyja·nʒa, ľiśś ušu·u̯, va·ncy ka·rdyńińť bokasy kiska·ťni tu·ŕiť veŕgez ma·rta. Čijś Ma·ťvij ki·skaťńiń vakss, veŕgezéś kiskaťźi·da na·puśťas. Ma·ťvij na·puśťaś ve·ŕgezéńť me·ľga. Ve·ŕgezéś a·rdė ardė, Bu·janyś sa··sasė; ku·ndasy ľa·škady, ki·ŕdi ejsénʒa. Śe· škańť čiji malau̯ Ma·ťvij. A·ńćak bu veŕgezéńť va·čkidims, ve·ŕgezéś ta·gy na··puśťe. Ta·gy sasa·sy Bu·janyś, ta·gy ki·ŕcė, tagy vi·dizyst čiji Ma·ťvij. A·ńćak bu va·čkidims, ve·ŕgezéś tagy me·ne. Iśťa veŕgezéńť ma·rty Bu·janyś ma·ńiź Ma·ťvijiń va·jgiľbeń da·rkaška ve·ľedéńť. Meľi ve·ŕgezéś na·puśťaś śedi bo·jkasta, a Bu·janyś,

---

за нимъ. Въ то время вышла сосѣдская собачка и побѣжала вмѣстѣ съ Буяномъ за волкомъ. Погнали волка на зады Матвѣева дома, загнали къ стѣнѣ хлѣвушка. Волкъ видитъ — дѣло плохо. Какъ схватитъ сосѣдскую собачку. Собачкѣ, видно, больно показалось. Какъ начнетъ она визжать. Матвѣй былъ на печкѣ, босой. Услышалъ онъ визгъ собачки, понялъ, что то волкъ. Схватилъ Матвѣй свое ружье, вышелъ наружу, видитъ—у хлѣвушка собаки грызутся съ волкомъ. Побѣжалъ Матвѣй къ собакамъ, волкъ убѣжалъ отъ собакъ. Матвѣй побѣжалъ за волкомъ. Волкъ скачетъ, скачетъ, Буянъ его догоняетъ; схватитъ за ляжки, держитъ его. Въ то время подбѣгаетъ Матвѣй. Только бы ударить волка, волкъ опять убѣжитъ. Опять схватитъ его Буянъ, опять держитъ его, опять къ нимъ бѣжитъ Матвѣй. Только бы ударить, волкъ опять вырвется. Такъ Буянъ вмѣстѣ съ волкомъ заманили Матвѣя на разстояніе около версты отъ села. Затѣмъ волкъ побѣжалъ скорѣе, а Буянъ, видно, утомился, пошелъ въ сторону, легъ на жи-

vanat, śiźiś, tuś ve̯pe̯le̯ǯ̯, mać pe̯ke·nʒy laŋks dy nolći la·pkanʒa. Śe·sty a·ńćak Maťvij fa·ťaś, šty son ǵe̯pe̯ aščі końeĺka·va lo̯ǯ̯ bo·ca. Koda tu·ji čijiḿe, čiji, či·ji, pu·puŕd'e. Čijś koj ka·k ku·du·ǯ̯, kuśś pe̯ćkala·ŋks, ke̯pe̯d'e·nʒi pi·ĺǵinʒy ve·ŕe̯ǯ̯. Kafty ńed'ĺat Ma·ťvij aščiś ke·pe̯d'eń bi·ĺkť i iśťa· pe̯k pižńiś, na·taj uĺća·ń droks ḿe̯k ḿi·ńańik maŕa·ǯ̯ś.

Записано отъ Р. Ѳ. Учаева.

Васыцьть кафты ломатть и кармасть кортама. — Кода тефьне? мери вейкесь. — Беда! мери омбоцесь. — Ней мень беда, коли миникь пельксэсь изьне! — Миникь пельксэсь изьни ды конанинь гонанинь пекь салуў. — Кода салуў? — Кода! Ваны тонь ѕёрат саизь, а монь олгэн бултызь. — Мон ѕёраньть кис а ризнан, аньцикь бу миникь пельксэсь изьняль. А тонь госты олгэт пултызь? — Одѕёрэнетьни чокшненьтень злыдарьдить и морэть од морэт, а полицэйскэйтьни эйсэст куньцить. Сыть миникь пеў,

---

вотъ и лижетъ свои лапы. Только тогда Матвѣй хватился, что онъ босой стоитъ по колѣна въ снѣгу. Какъ пойдетъ онъ бѣжать, бѣжитъ, бѣжитъ, упадетъ. Прибѣжалъ кое-какъ въ домъ, влѣзъ на печку, поднялъ ноги кверху. Двѣ недѣли Матвѣй лежалъ съ поднятыми ногами и такъ сильно кричалъ, что инда даже черезъ улицу намъ было его слышно.

Встрѣтились два человѣка и начали говорить. — Какъ дѣла? говоритъ первый. — Бѣда! говоритъ второй. — Теперь что за бѣда, когда одолѣваетъ наша половина! — Наша половина одолѣваетъ, да кое-кому очень солоно. — Какъ солоно? — Какъ! Вотъ твоего сына взяли, а мою солому сожгли. — Я не печалюсь за сына, только бы одолѣла наша половина. А твою солому гдѣ сожгли? — Молодые парни вечеромъ шатаются и поютъ новыя пѣсни, а полицейскіе ловятъ ихъ. Придутъ въ нашу сторону,

зан эрьва полицэйскэйсь монь омъёцты везанка олга, ды кирвайсы ды эжне. — Ды косы тонь олкне? — Кардаз удалуў ускси-кшнынь, седи малаў, ды ней полицэйскэйть эждян.

Ве ава Порт-Артурыньтинь мерьць Орта-тула. Се авась марясь ульцясы лия авань бельди, шты Порт-Артурыньть саизь Япониценэ. Сась авась кудуў ды мирьдинцтынь мере: «Лёф! а Лёф! Ортатулыньть саизь». А мирьдись думи сынцт ортатулыст кияк саизи и мери козяйканьть карча: «Кона нона саизе? Прянsы лазумс уливиль!» — «Ойнасы саязь!» мери козяйкась. — «Мень нонань гис тоў заизь? Мень нонат тосы мартынsы тейнеть?» мери мирьдись. Козяйкась кармась ёфнеме: «авуль зынцт ортатулыньть саизь, а Порт-Артур городэньть саизь Япониценэ Руснынь гецта». — «Нонатьни а улить Порт-Артур городэньть марта, эряви як пекь.

возьметъ каждый полицейскій вязанку изъ моего омёта да зажжётъ и грѣется. — Да гдѣ твоя солома? — Я свезъ позадь двора поближе, а теперь грѣю полицейскихъ.

Одна старуха называла Портъ-Артуръ Орта-тула [воротняя втулка, воротній запоръ]. Эта старуха услышала на улицѣ отъ другой женщины, что Японцы взяли Портъ-Артуръ. Пришла старуха домой и говоритъ своему мужу: «Лёвъ! а Лёвъ! Взяли Ортатулъ». А мужъ думаетъ, что кто-нибудь взялъ ихъ воротній запоръ и говоритъ въ отвѣтъ женѣ: «Какой чортъ взялъ? Разбить бы его голову!» — «На войнѣ взяли!» говоритъ жена. — «На коего чорта взяли его туда? Что сдѣлаютъ черти съ нимъ тамъ?» говоритъ мужъ. Жена начала говорить, что взяли не ихъ воротній запоръ, а городъ Портъ-Артуръ взяли японцы у русскихъ. — «Пропади эти черти съ городомъ Портъ-Артуромъ, больно ужъ

А мон цалы, миникь ортатулыньть саизь, бачкинь бачк тандадыкшнынь», мери мирьдись козяйканьть карча.

Госьтесь. (Невсь тейтерьбакшаньть ланґкс). — Кщирьди што-ли?

Авась. — Вай, а кщирьди. Моньць как эйсэнзы ванцтан. Ушка сюкуртнынь варчтасынь. (Варчтась пецькас).

Тейтерьбакшась. — Авай, дуика пацям.

Авась. — Ази-ази! эйдякай, кусть пецькаланґкс.

Госьтесь. — Продовольствіянґк сатыць?

Авась. — Арась! нили улафт истяк сась Конат розь марты як сась, сеть как авуль веси ускизь. Тынґкь косы од гудысь?

Госьтесь. — Эль аздасак ташты тарканьть...

Авась. — Земскэй начальникиньть кискань андыцясь ёфнесь, Москоўсы студеттнэ пекь ламы ломатть чаўсть.

нужно. А я думалъ, что взяли нашъ воротній запоръ, очень я испугался», говоритъ мужъ въ отвѣтъ женѣ.

Гость. (Показываетъ на дѣвочку). — Прядетъ что-ли?

Женщина. — Охъ, не прядетъ. Я и сама ее караулю. Дайка я посмотрю на лепешки. (Посмотрѣла въ печку).

Дѣвочка.— Матушка, дай-ка мой платокъ.

Женщина. — Ступай-ступай! дитятко, лѣзь на печку.

Гость. — Продовольствія вамъ хватило?

Женщина. — Нѣтъ! четыре воза пришли пустые. И тѣ, которые пріѣхали съ рожью, не всю привезли. Гдѣ вашъ новый домъ?

Гость. — Или не знаешь стараго мѣста...

Женщина. — Псарь земскаго начальника говорилъ, что въ Москвѣ студенты убили очень много людей.

Госьтесь. — А миньдяпикь, кели, киянась пасиба ёфтэ: аламы пултыникь.

Авась. — Кода серьдешнэйть менеди Заоцта?

Госьтесь. — Заотцы минь газакнининь аулиникь понгкт ды винась мещась. (Эрьѣятьни, кода мольцьть Елчанскый ɣутырыньть пултама, муизь барцкый винатьнинь, зимсть ды казакни весень гуньцизь).

Авась. — Тон гак ульнить Заотца?

Госьтесь. — Мон Заодов эзень яка, монь гаднымизь гонёхокс.

Авась. — Кода ины чарькидиди, шты казакт састь?

Госьтесь. — Кода! Минь вантана барцкый алашатьнинь; ванцыникь, эрьѣятьни Заоцты ардыть прянь-болдань зиньдизь. Кона а ярдэ, нолдасы алашаньть, соньць пеликулысты туи кудуў.

Авась. — Вай! зерьдешнэйть.

Госьтесь.— Акиминь Гостя арць, алашаньть лангксты а валгуве, пекь тандаць. Мон мерян: Госьтя! месть тоса? А сон гаш-

---

Гость. — А намъ, говоритъ, княгиня сказываетъ спасибо: не много мы сожгли.

Женщина. — Какъ вы, сердечные, вырвались съ Завода?

Гость. — На Заводѣ мы не попались бы казакамъ да вино помѣшало. (Мордвины, когда ходили жечь Елшанскій хуторъ, нашли барскія вина, выпили, а казаки переловили всѣхъ).

Женщина. — И ты былъ на Заводѣ?

Гость. — Я на Заводъ не ходилъ, меня оставили конюхомъ [караулить барскихъ лошадей Сухокарбулацкой экономіи].

Женщина. — Какъ же вы узнали, что пришли казаки?

Гость. — Какъ! Мы пасемъ барскихъ лошадей; видимъ, что мордвины скачутъ, не жалѣя своихъ головъ, съ Завода. Который не скачетъ, пуститъ лошадь, а самъ полумертвымъ идетъ домой.

Женщина. — Охъ! сердечные.

Гость. — Акимовъ Костя прискакалъ, не слѣзетъ съ лошади, очень испугался. Я говорю: Костя! что тамъ? А онъ мол-

моле. Захарынь Анисимь мере: «чавуды эйсэнэы; мекс сон а ёфтэ!»

Авась. — А Заодэнь булгамы чидыньгь икили месть тейнеде?

Госьтесь. — Сесты тефьни мольцьгь: молят барцкый гардазуў, зывиль зяры мелет; ярцат-теят ды кудуў.

Авась. — Ды тыньпь мейсты кармиде?

Госьтесь. — Икилинь гак моленекь олоснэй управа икилинь. Олоснэй бисырись лиссь, кармась сёрмалиманык. Минь зонэы капудиникь ды жигилёфкас пекстэнекь. Мельи тунникь барцкый гардазуў. Барцкый гардазыньгь пулгыникь, карминикь тоўзеры яўшыме. Омбоци чиньгь миньдяникь яўшималь зготенась ды коромось, а миникь кулумысь кандымизь Заодэньгь пулгама.

Авась. — Ней ванат кискатьнинь гак сапнэи теста?

Госьтесь. — Кода а сайсыньэи, попонэк как оргоць... Те мень ура? Авуль цабатарьничить?

Авась. — Кодамы чабатарьничама; васьня куш барчтинаса

читъ. Захаровъ Анисимъ говоритъ: «бейте его: чего онъ не говоритъ!»

Женщина. — А передъ днёмъ, когда сожгли Заводъ, что вы дѣлали?

Гость. — Тогда дѣла шли (хорошо): пойдешь на барскій дворъ, мяса сколько хочешь; поѣшь немного, да домой.

Женщина. — Да вы съ чего начали?

Гость. — Сначала мы пришли передъ волостную управу. Волостной писарь вышелъ, началъ насъ переписывать. Мы схватили его и заперли въ жигулевку. Потомъ мы пошли на барскій дворъ. Барскій дворъ мы сожгли, начали дѣлить пшеницу. На другой день намъ бы раздѣлить скотину и кормъ, а лѣшій понесъ насъ жечь Заводъ.

Женщина. — Теперь видно даже собакъ она взяла оттуда?

Гость. — Какъ не возьметъ ихъ она, даже попъ нашъ убѣжалъ... Это что за шило? Не сапожничать ли?

Женщина. — Какое сапожничанье; раньше хоть на барщинѣ

гривнань битьне роботась, а ней зе як арась. Ащат-ащат истяк ды кундат мейс как. Куш эрьва тевеньть невь мекь ветямунзы амаштана, а ялы мезияк лисе... А ней месть преўсэнгк?

Госьтесь. — Недлячисты думинкь пурнаумы управаў дребувуньянь зёрмадума.

Авась. — Ней эрьзянь верень зимийсь коса?

Госьтесь. — Саратуўса. Ней бу неемс ды тоначивь бровожамс.

Авась. — Ней, зей, зоньцензы куда?

Госьтесь. — Я, цей, эрьзятьнинь бонгксэст как нельгеневьзе... Те мень жлабикь?

Авась. — Те шлабикись Марюў бабань. Марюў бабам ульнись Осавелень. Кода лиссь миникь велевь, максызи те шлабикиньть Ковра бабанинь, а Ковра бабам максызи монянь. Ковра бабась ульнись монь роднэй бабам, авань аваза.

онъ работалъ за плату въ гривенникъ, а теперь и этого нѣтъ. Сидишь-сидишь безъ дѣла да возьмешься за что-нибудь. Хотя каждое дѣло мы не умѣемъ довести до самаго конца, а все что-нибудь выйдетъ... А теперь что у васъ на умѣ?

Гость. — Въ воскресенье мы рѣшили собраться въ правленіе писать требованіе.

Женщина. — Гдѣ теперь пьющій мордовскую кровь?

Гость. — Въ Саратовѣ. Теперь бы увидѣть его и проводить на тотъ свѣтъ.

Женщина. — Теперь, чай, у него домъ?

Гость. — Да, чай, онъ стаскивалъ съ мордвиновъ даже штаны — Это что за шлабикъ [женскій головной уборъ]?

Женщина. — Этотъ шлабикъ старухи Маріи. Старуха Марія изъ деревни Осановки. Когда она вышла къ намъ въ деревню, она дала этотъ шлабикъ бабушкѣ Хавроньѣ, а бабушка Хавронья дала мнѣ. Бабушка Хавронья была моей родной бабушкой, матерью моей матери.

Ве атя мольць шабрас гиря вешеме. — Э-э-э! сюк тенкь! — Сак тенекь! — Месть вадьнят? (А шабрась сёвоньцы вадьни галанка лазуўкс). Тонь бельбондэт уле? — Арась! — Мезет ины ули? — Пондом! — Ну, тон дай бондэньть! — Саикь, ды тон гандыкь! — Тоньць как молят. — Продовольствияньть мельга тоньць штоли якить? — Арась, рестаныньть кучнине. — Ней года асатуманьть марта? (Эрьэятьнинь эзь заты продовольствияст). — Полнамочийныньтьни магазей утумсты макссызь асатуманьть. — Сынь года смееть магазей утумсты сюрыньть токамунэы? Ды магазей утумсы аньцикь кемголмовы понда. — А се розеньть знярц чеерьть сэвезь.—А Араба тусь магазей утумуў розь мельга?— Араба уш сась.— Рость ускс? — Ванат ускь: месть бути суфне. — Полнамочиныйтьнинь зыньцист фосьни старыста марты саималь! — Арабань буль бочтэзы арась. — Цей минь максыникь тенэы колэньгемень гунт. — Цей моньдянь гак якась;

Одинъ старикъ пришелъ къ сосѣду просить гирю. — Э-э-э! поклонъ вамъ! — Иди къ намъ! — Что ты обмазываешь? (А сосѣдъ обмазываетъ трещины голанки глиной). У тебя есть полупудовая гиря? — Нѣтъ! — Что же у тебя есть? — Пудовая гиря! — Ну, ты дай пудовую гирю! — Возьми, да ты принеси! — Ты самъ придешь. — За продовольствіемъ что ли ты самъ ходилъ? — Нѣтъ, я послалъ арестанта [сынъ этого старика только что вернулся изъ острога]. — Теперь какъ съ нехваткой? (Мордвѣ не хватило продовольствія). — Уполномоченные выдадутъ нехватку изъ магазиннаго амбара. — Они какъ смѣютъ трогать хлѣбъ изъ магазиннаго амбара? Да въ магазинномъ амбарѣ только тринадцать пудовъ. — А ту рожь скоро съѣли мыши. — А Араба [прозваніе одного крестьянина] пошелъ въ магазинный амбаръ за рожью? — Араба ужъ вернулся. — Рожь онъ привезъ? — Видно, привезъ: что то скраиваетъ. — Слѣдовало бы взять рожь у самихъ уполномоченныхъ вмѣстѣ со старостой! — У Арабы нѣтъ ни пылинки муки. — Чай, мы дали ему тридцать фунтовъ. — Чай онъ

мон мерян: адя куш вант, эстяньгак недьляс как а сатыть. — Азя! Ѳедя, максыкь пондэньть. — От! Миша туутьнинь раминьзи колэньгемень золковоень битьне, а миниьзи колэньгемень нилинь битьне. — Кодамы Миша!? — Дёгодь Мишась.

Сась ве ломань жабрас, сувась ды лексезеўсь. — Э-эх! мекс уш пекь якшама! — Иля корта, кум. Пекь штоли якшама? — Цей вант нень лангкс (цёрась неўсь вальматьнинь лангкс, конат ульнисть иськтятг кельмеўкст, шты аньцикь тонадызь можнат ловомс вальмакс). — Тоньць якат как пенцакса. — Цей авуль ги лангкс, кудысты тей года як пачкидян. — Ульцясы мезень жум? — Сывиль микшнить. — Кода? — Вете! — Кода мие? — Ярмакыт максыкь, сывилиньть саикь, веси сеса. — Тон ванат Ёлчанкасы удыть? [1]) — Нама! — Кона порава сыть? — Валцке. —

1) Мордва ѣздили за продовольственнымъ хлѣбомъ въ Чардымъ, чрезъ Елшанку, опоздали и ночевали въ Елшанкѣ. Дѣло было въ святки, и нужда погнала мордвовъ по деревенской знати славить Христа. (Прим. Р. Ѳ. Учаева).

и ко мнѣ приходилъ; я говорю: иди хоть взгляни, самому мнѣ и на недѣлю не хватитъ.—Ступай! Ѳедя, дай пудовую гирю.—Вотъ! Миша купилъ свиней за тридцать рублей, а продалъ за сорокъ четыре. — Каковъ Миша!? — Дёготь Миша [«Дёготь» прозвище отъ торговли дёгтемъ].

Одинъ человѣкъ пришелъ къ сосѣду, вошелъ и прокряхтѣлъ. — Э-эхъ! ужъ что за сильный холодъ!—Не говори, кумъ. Очень сильный холодъ развѣ? — Чай, посмотри на нихъ (мужикъ показалъ на окна, которыя были такъ заморожены, что только по привычкѣ можно было счесть ихъ за окна).—А самъ ты ходишь въ пинджакѣ. — Чай не въ дорогу, изъ избы сюда какъ-нибудь дойду.— На улицѣ что за шумъ? — Продаютъ мясо. — По чемъ? — По пяти копеекъ. — Какъ онъ продаетъ [т. е. въ долгъ или на чистыя деньги]? — Отдай деньги, возьми мясо, всё тутъ. — Ты, видно, ночевалъ въ Елшанкѣ? — Знамо! — Въ какую пору

А моньдянь Гулинка ёфтась — обецта. Яжамы а нороват моле-ме? Мон горомс сырган, чалмыть дровнятьнинь! — Дровнятьни эсьтянь эрявить, мельнецяў.—Мельнецяў якат нурца. Ды тон готёл ажамы кщеньяды мельи, а сыргат ней. — Кода Ёлчанкасы попоньтень моледи славама? — Кода? моленекь, комсь трёшьникь макссь. — Месть мерьць? — Соньць эзь лисьни як, козяйказы лиссь ды макссь.— Мельи месть? — Месть? пачкынь-бачк ужинынинкь.—Аньцяк попоньтей якиде?—Авуль, ищи кодамы бути боярнынь якинкь; се макссь ведьгемень дрёшникь. А Чардымсы якинкь учительнытий, се макссь ве гривна. А Чардымскый бопось эзь банчт как. — Алашатьнининь гак цей месть как рамсиде? — Алашатьнининь гудыстынь гором ульнись. — Кудысь кармась эжеме! мери атясь. — Толэсь кирьпицьнинь бачк цитирды тей мекь, мери карчинзы цёраза. — Нейкь уш лиякстумсь, мери атясь. — Кись пара? тагы кеўкстези атяньть цёрась

ты пріѣхалъ? — Утромъ! — А мнѣ Акулина говорила — въ обѣдъ. Не собираешься ѣхать молоть? Я собираюсь за кормомъ, опростай дровни! — Дровни самому мнѣ нужны, на мельницу.— На мельницу поѣдешь на саняхъ. Да ты хотѣлъ молоть послѣ крещенія, а собираешься теперь. — Какъ вы въ Елшанкѣ ходили славить къ попу? — Какъ? пришли, онъ далъ намъ двадцать копеекъ. — Что онъ сказалъ? — Самъ онъ не вышелъ даже, жена его вышла и дала. — Потомъ что? — Что? поужинали. — Вы ходили только къ попу? — Нѣтъ, мы ходили еще къ какому-то барину; тотъ далъ пятнадцать копеекъ. А въ Чердымѣ мы ходили къ учителю, тотъ далъ одинъ гривенникъ. А Чердымскій попъ даже и не отперъ. — Чай, и лошадямъ вы кое-что купили? — Лошадямъ былъ кормъ, изъ дому взятый. — Изба стала нагрѣваться! говоритъ старикъ.—Огонь выбиваетъ черезъ кирпичи даже сюда, говоритъ въ отвѣтъ ему сынъ его.— Теперь ужъ перемѣнился воздухъ, говоритъ старикъ. — Дорога хорошая? опять спросилъ стариковъ сынъ пришедшаго къ нимъ человѣка. — Мы

сыньдяст сыця ломаниньть. — Минь зыникь, парыль, веть койгить састь, мереть беряниль. — Цей Заодэньть пачк ютамсты пельтяда? — Пельтяна! а вантана як. — Мекс дыкват эзеть печксе? мери атясь цёранцтый. — А те авуль даньтий? кеўкстези цёрась тятяньть, неўсь ве дыква ланґкс. — Тыґкь улить дыкванґк? кеўкстези цёрась сыньдяст сыця цёраньть. — Улить! мери те карчинэы, минь раминикь нили ост, эрьва озэньть кисы пандыникь ве цолковой ды комсьветеи копийка. Коў ней доньць сыргат? — Молян, вазныньтинь дыквинить каян.

Те теў ульнись: Ве ломанинь ульнись бурый эльдезы ды сивой меренэза. Сась сокамы ланґа. Сась ломанись паксясты сокамста, бурый эльдесь вашиясь. Ломанись и думе: вандый бурый эльденьть сокамы кильдимс а еряве, сави аньцяк меренцэньть туимс. Сась валцкинь зоря. Эрьэяньть козяйказы кармась эрь-

---

пріѣхали, была хорошая, ночью кое-кто пріѣхалъ, говорятъ, была плохая. — Чай вы боитесь проѣзжать черезъ Заводъ [одинъ изъ экономическихъ хуторовъ, гдѣ во время аграрныхъ безпорядковъ стояли казаки]? — Боимся! и не смотримъ даже. — Отчего ты не нарѣзалъ свою тыкву, спрашиваетъ старикъ сына. — А эта не сладкая? спросилъ сынъ отца, и показалъ на одну тыкву. — У васъ есть тыквы? спросилъ сынъ у пришедшаго къ нимъ мужика. — Есть! говоритъ ему въ отвѣтъ этотъ, мы купили четыре воза, за каждый возъ мы заплатили одинъ рубль да двадцать пять копеекъ. Куда ты теперь собираешься? — Я пойду брошу тыковки теленочку.

Это было въ дѣйствительности: У одного человѣка были бурая кобыла и сивый меринъ. Наступила пора пахоты. Пришелъ человѣкъ съ поля съ пашни, бурая кобыла ожеребилась. Человѣкъ и думаетъ: завтра не слѣдуетъ запрягать пахать бурую кобылу, придется отправиться только на меринѣ. Наступила утренняя заря.

ѕяньть стяфтума паксяў. А эрьѕясь мере: мон уш талай здялинь, ды пелян ц̧оподава бурый эльденьть эземс сивой меренэньть кундамс, кадыкь парьцтине ашилгадэ. Парьцти ашилгаць, чизы лисьсь. Эрьѕясь стясь, кильдизи бурый эльденьть паксяў, а вашынѕы кадызи сивой меренэньть ваксс. Сокась эрьѕясь обец. Обед борава юты ума певанѕа содавикс ломань. — Ней уш паньдя сокамс, андыкь бурый эльденьть, ды сивоеньть коў-деекь? мери ломаньць. — Эль де мон бурый эльцэньть сокан? Ваныка, кода манявинь: ведь монь бурый эльдесь вашиясь, и мон думинь-арьцинь зонѕы оймамы кадуманѕа, а сон апак фатя кундыне сокама, а тарказынѕы сивоеньть кадыне; пачкыньбачк манявинь — мери эрьѕясь. Озась эрьѕясь бурый эльденѕы лангкс, тусь кудуў. Сась кудуў, бурый эльдесь вашыньть малаў гак а нолдэ, и вашысь малазынѕы а моле. Юмась-арась вашысь. Кодатт чавыпреветь седикили ульнисть ломаттне!

Эрзякова жена стала будить эрзяка (идти) на поле. А эрзякъ говоритъ: я ужъ давно бы всталъ да боюсь въ темнотѣ взять бурую кобылу вмѣсто сиваго мерина, пускай получше разсвѣтаетъ. Разсвѣло хорошо, солнце взошло. Эрзякъ всталъ, впрягъ бурую кобылу (ѣхать) на поле, а жеребенка ея оставилъ около сиваго мерина. Пахалъ эрзякъ до обѣда. Въ обѣденную пору проходитъ по концу его загона знакомый человѣкъ. — Теперь ужъ довольно пахать, покорми бурую кобылу, а сиваго куда ты дѣлъ? говоритъ тотъ человѣкъ.—Или это я пашу на бурой кобылѣ? Посмотри-ка какъ я ошибся: вѣдь моя бурая кобыла ожеребилась, и я думалъ-гадалъ оставить ее отдохнуть, а ее, не спохватившись, взялъ пахать, а вмѣсто нея оставилъ сиваго; совсѣмъ я ошибся — говоритъ эрзякъ. Сѣлъ эрзякъ на бурую кобылу, поѣхалъ домой. Прибылъ домой, бурая кобыла и близко не подпускаетъ къ себѣ жеребенка, и жеребенокъ къ ней не подходитъ. Пропалъ жеребенокъ. Каковы безмозглы были въ старину люди!

Васыцьть кафты цёрат ульця кунчкас.

Васиньцись. — Кода тефьни кум?

Омбоцесь. — Месть кода, Викилынь горомонь заламсты кундыне.

Васиньцись. — Се кода истя?

Омбоцесь. — Кода! аразьди кармат грехс сувама; авулдынь гецэн ды пара.

Васиньцись. — Кода кундыкь?

Омбоцесь. — Кода! веть сыргызинь ды а матидиван, а весь ульнись валда. Варчтынь вальмава, а удалды проволкава сы ломань. Теўсь ульнись пеливешкане. Мольць-мольць ломанись, веляўсь Матьвиинь гардайс. Мон цалы—Матьвий. Мейли, кода ванан, Матвиинь гардайсты лиссь, тусь Викилынь. А сон Викил, аньцяк киньть Матьвиинь гардайс теезе. Мон зеск эзень мольть коромом варчама, а моньць думан: ужы ваныкъ коромось монь. Валцки кармась ашылгадума, мон лисинь ульцяў. Ащинь аламус, лиссь Петраинь Максимь. Мон зерьгедени Максиминь и туиникь пири

Встрѣтились два мужика на серединѣ улицы.

Первый. — Какъ дѣла, кумъ?

Второй. — Чего, я поймалъ Викулу на воровствѣ корма.

Первый. — Это какъ такъ?

Второй. — Какъ! развѣ станешь соваться на грѣхъ; я развелъ руками да ладно.

Первый. — Какъ ты его поймалъ?

Второй. — Какъ! ночью я проснулся да не могу заснуть, а ночь была свѣтлая. Посмотрѣлъ я въ окно, а по заднему проулку идетъ человѣкъ. Дѣло было въ полночь. Шелъ-шелъ тотъ человѣкъ вернулся къ Матвѣеву двору. Я подумалъ—Матвѣй. Потомъ, какъ вижу, онъ вышелъ изъ Матвѣева двора, пошелъ къ Вакулу. А это Вакулъ, только путь онъ продѣлалъ въ Матвѣевъ дворъ. Я тогда не пошелъ посмотрѣть на свой кормъ, а самъ я думаю: ужъ видно кормъ мой. Утромъ начало разсвѣтать, я вышелъ на улицу. Побылъ я не много, вышелъ Петрухинъ Максимъ. Я закричалъ

варчама. Мольтяна проволкаваньть, а проволкаваньть уш ки бути ютась. Кармишкь киксыньть ваннума, мезияк аздаве. А се молецясь ульнись Викил; аньцяк валцкинь зоря появась, сон гильць алаша ды соньценsы шриў горомс тусь. Нолдэзи алашаньть вень гитьнинь эзга, а соньць моли алашаньть мельга ды грабля мельганsы уске; Матьвинь гардайс китьнинь гак граблясыньть валаськафтыньsе. Мон мельчкалинь молемс кардазызынsа, ды мези муят? Коромоньть сон залызи пеливешкане; кодак кандызе, цей, ганзи скотенанинь, а скотенатьни знярц сэвезь. От, кум, эряк неень бингине!

Васиньцись. — Те тон, гум, дюният ёфнят.

Омбоцесь. — Я, цей, де авуль васинь раз. Монь ульнись кардазум удала пенги ярыз, веси Викил ганлизе. Улкы кардайсты лазум юмась. Молень, а лазысь уш Викилынь геца.

Максима и мы пошли смотрѣть гумно. Идемъ мы проулкомъ, а проулкомъ будто кто ужъ проѣзжалъ. Мы стали смотрѣть слѣдъ, ничего не узнаешь. А проѣзжавшій былъ Вакулъ; только появилась утренняя заря, онъ запрягъ лошадь и отправился за своимъ собственнымъ кормомъ на гумно. Пустилъ онъ лошадь по слѣдамъ продѣланнымъ ночью, а самъ идетъ за лошадью и тащитъ за собой грабли. Даже слѣды до Матвѣева двора онъ вычистилъ граблями. Я хотѣлъ было идти на его дворъ, да что найдешь? Кормъ онъ укралъ въ полночь; какъ принесъ его, чай, кинулъ скотинѣ, а скотина уже съѣла. Вотъ кумъ, живи, въ нынѣшнее время!

Первый. — Это ты, кумъ, чудеса разсказываешь.

Второй. — Да, чай это не въ первый разъ. У меня была позади двора куча дровъ, всю переносилъ Вакулъ. Намедни со двора пропала доска. Я пошелъ, а доска ужъ у Вакула.

Ве эрьѕянь атя ульнись ведун. Сыргась сон звадьбас и арцись женихиньть марты невестаньть коламуст. Атяньть ульнись тейтереза. Тейтересь чарькиць атяньть превезэнѕы и мере: «тятяй, иля мольть свадьбас; тон беняцямы ломанят; аньцяк женихиньть марты невестаньтинь месть как улить, кармить тонь лангкс пеняцяма». Атяньть ведувамунѕы эсть кирьдифть; мольць соньценѕы тейтереньть ваксс, токези тейтереньть кутьмирь ланта и мерьць: «а молян, дык а молян». Се токамудыньть мельи кармась тейтереньть кутьмиризы сэредеме. Секи токамудыньть тейтересь кулысь.

Одинъ старикъ эрзякъ былъ колдуномъ. Онъ собрался на свадьбу и задумалъ испортить жениха и невѣсту. У старика была дочь. Дочь догадалась о замыслѣ старика и говоритъ: «батюшка, не ходи на свадьбу; ты человѣкъ, на котораго жалуются; если только съ женихомъ и невѣстой что-нибудь случится, начнутъ жаловаться на тебя». Колдовскія силы старика не могли сдержаться; онъ подошелъ къ собственной дочери, тронулъ дочь по спинѣ и сказалъ: «не пойду, такъ не пойду». Послѣ этого прикосновенія у той дѣвушки стала болѣть спина. Отъ этого прикосновенія та дѣвушка померла.

Приложенія.

I. Пѣсни, записанныя І. А. Цыбинымъ отъ не Оркинской мордвы.

Аньча поланза а вечксэ,
Аньча вастанза а кельксэ.
Аньчань полаза вишкиня,
Аньчань вастаза апокшкя.
Икилий мацьцый, пяля пры,
Удалуў мацьцый, ляпшчавя.
— Вай, мон мястинян те поланьть марта?
— Вай, кода карман а мон эряма? —
Вянь куньчкинива Аньча стякшныкшнысь,
Моря берекс молекшнэсь.
— Вай, вядинь кирьдий, вядь ава,
— Вай, морянь кирьдий, морь ава,

Анюта своего мужа не любитъ,
Анюта своего мужа не можетъ терпѣть,
Анютинъ мужъ маленькій,
Анютинъ супругъ невеликенькій.
Скраю положитъ его спать, боится упадетъ,
Назадъ положитъ его спать, боится задушитъ.
— Ой, что я буду дѣлать съ этимъ мужемъ?
— Ой, какъ я стану жить? —
Посреди ноченьки Анюта вставала,
На берегъ моря Анюта приходила.
— Ой, содержащая воду водяная матушка,
— Ой, содержащая море морская матушка,

— Тон листя марын думама,
— Тон листя марын кортама.
— Мон кода тяйса те поланьть,
— Мон кода тяйса те вастаньть?
— Вай, саинькая ойменза,
— Вай, саинькая соньценза. —
— Вянь куньчькинива ветека,
— Моря вядьнис каика. —
Аньча поланза саизя,
Сур принидя кундызя,
Моря берекс ветезя,
Моря вядьнис каизя.

Записано зимой 1905—1906 г. І. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчіи отъ проѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда.

Ванюша поланза а вечксэ,
Ванюша поланза а кельксэ.

— Ты выйди-ка подумать со мной,
— Ты выйди-ка поговорить со мной.
— Я что̀ сдѣлаю съ этимъ мужемъ,
— Я что̀ сдѣлаю съ этимъ супругомъ?
— Ой, возьмите-ка вы его душу,
— Ой, возьмите-ка вы его самого. —
— Посреди ноченьки приведи-ка его (говорятъ матушки),
— Въ морскую водицу его брось-ка его. —
Анюта взяла своего мужа,
Взяла его за кончики пальцевъ,
Привела его на морской берегъ,
Въ морскую водицу бросила его.

Ванюша не любитъ свою жену,
Ванюша не уважаетъ свою жену.

Васылда неезь сёрмав шекшата,
Малав чаштызь аша килийня.
Киякс кунчкаса повэдень лавськиза,
Аша сисиянь лавсь лангаксыза,
Пиже рисьминь лавсь ведьменза,
Ярмак пижинь лавсь крюказа.
Сеста-як Ванюша а вечксэ,
Сеста-як Ванюша а кельксэ.
Ванюша думась юмафтумынза,
Ванюша думась оймафтумынза.
Васыла вирьнис ускизя.
Кудув гавув вяляфнись,
Карчувастызя однасумынза.
— А моньденен берянь ульнись козяйкат. —
Кудув гавув сакшнысь,
Киякс кунчкаса повэдень лавськиза,

Издали смотрѣть—пестрый дятелъ,
Близко подойти—бѣлая березка.
Посреди пола повѣшенная ея люлька,
Верхъ у люльки изъ бѣлой кисеи,
Ремни у люльки изъ зеленыхъ цѣпочекъ,
Крюкъ у люльки изъ красной мѣди.
Поэтому то Ванюша ея не любитъ,
Поэтому то Ванюша ея не уважаетъ.
Ванюша задумалъ погубить ее,
Ванюша задумалъ убить ее.
Онъ отвезъ ее въ дальній лѣсокъ.
Онъ возвратился домой,
Онъ встрѣтилъ знакомаго.
— А твоя жена была хуже меня. —
Онъ пришелъ домой,
Посреди пола повѣшена ея люлька,

Лавськиньть эса цёра тяказа,
Карксамнива ваця поца.
Вачкыдиньзя кафта кеденза,
Пувырдыньзя кяминь сурынза.

Записано І. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчіи отъ проѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда осенью 1905 года.

Вяля, вяля, вялиня!
Вялиньть пяса кудыня.
Кудынисыньть довеня,
Довань вяхькя цёраза.
Секя цёра тяказа
Мазый Дёмай лямиза.
А полаза Палага
Вя думниса а думя,
Чефтя ацам а ацэ,
Сэрий прялкся а путэ,

Въ люлькѣ сынокъ ея,
По поясъ онъ въ калѣ.
Ударилъ онъ свои обѣ руки,
Согнулъ онъ свои десять пальцевъ.

Деревня, деревня, деревушка!
На концѣ деревни избушка,
Въ избушкѣ вдовушка,
У вдовы одинъ сынъ.
Тотъ сынъ дитя ея
Красивый Дементій по имени.
А жена его Пелагея
Одною думушкою не думаетъ,
Мягкой постели не стелетъ,
Высокаго изголовья не кладетъ,

Лемьбя[1]) чуба а вял'тя.
— Полай, полай, Поляша!
— Мякс вя думса а думат?
— Чефтя ацам а ацат,
— Сэрий прялкся а путат.
— Лемьбя[1]) чуба а вял'тят? —
— Полай, полай, Дёмаша,
— Тон юмафтыкь шкинь авкат,
— Тон юмафтыкь тринь авкат,
— Сеста карман эряма,
— Сеста карман думама,
— Чефтя ацам ацама,
— Сэрий прялкся путума,
— Лемьбя[1]) чубань вял'тяма.—
— Кода юмафца шкинь авкам!?
— Кода юмафца тринь авкам!?

1) Въ записи: леньбя.

Теплою шубою не покрываетъ.
— Жена, жена, Пелагеюшка!
— Отчего ты не думаешь одною думой?
— Не стелешь мягкой постели,
— Не кладешь высокаго изголовья,
— Теплою шубою не покрываешь? —
— Муженекъ, муженекъ, Дёмушка,
— Ты погуби твою кормилицу матушку,
— Ты погуби твою кормилицу матушку,
— Тогда я стану жить,
— Тогда я стану думать,
— Стлать мягкую постель,
— Класть высокое изголовье,
— Покрывать теплою шубою. —
— Какъ я погублю мою кормилицу матушку!?
— Какъ я погублю мою кормилицу матушку!?

— Потень аша лофцэнза,
— Сэвинь тюжа оенза,
— Маштынь сядий виинза. —
— Авай, авай, авакай!
— Васыла вирьца лёмзер'т чачцьть,
— Васыла вирьца пешня чачцьть. —
— Илямак маньча, Дёмаша,
— Лёмзер'т чачыть вядь кувалма,
— Пешня чачыть рошчава. —
Тиринь авканза ускизя
И сэрий вирьц юмафтызя,
И кармасть поланза мар'та
Вя думниса думама.

Записано І. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчіи отъ проѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда осенью 1905 года.

— Я сосалъ ея бѣлое молоко,
— Я ѣлъ ея желтое сало,
— Я уничтожалъ ея сердечную силу. —
— Матушка, матушка, маменька!
— Въ далекомъ лѣсу уродилась черемуха,
— Въ далекомъ лѣсу уродились орѣхи. —
— Не обманывай меня, Дёмушка,
— Черемуха родится вдоль воды,
— Орѣхи родятся въ рощахъ. —
Онъ повезъ кормилицу матушку
И погубилъ ее въ высокомъ лѣсу,
И стали они съ женой
Думать одною думой.

Ср. Сухокарб.

— Чыяфтыкая, матушкам, Анушань. —
— А чыяфца, сватушкам, Анушань. —
Чыяфтызя матушкам Анушань,
Кшить паня Ануша, калацят,
Бозэня тяя Ануша — чан пива,
Брага тяя Ануша — чан вина.
Покшесь киялысь Анушань душманысь,
Покшесь киялысь Анушань злодеесь,
Авафыньть парьцта парычыньть салызя,
Анушань парачыс парачыньть вачкизя.
Авафысь фатякшнысь парьцта парачыньти.
— Урьват урьват, васькамнить,
— Кона саизя монь парьцта парачыньть,
— Кона саизя монь парьцта уличыньть? —
Анушань парьцта парычыньть муизя.
— Кяряк пяньгинить, уштпси баня.

— Просватай-ка, матушка, Анюту. —
— Не просватаю, сватушка, Анюту. —
Просватала матушка Анюту,
Хлѣбы печетъ Анюта — калачи,
Бозъ готовитъ Анюта — чанъ пива,
Брагу готовитъ Анюта — чанъ вина.
Старшая сноха Анютина лиходѣйка,
Старшая сноха Анютина злодѣйка,
Изъ кадушки свекрови украла имущество,
Въ Анютины вещи наложила то имущество.
Свекровь хватилась имущества въ кадушкѣ.
— Снохи снохи, нѣженки,
— Кто взялъ изъ моей кадушки имущество,
— Кто взялъ изъ моей кадушки добро? —
У Анушки въ кадушкѣ нашла она имущество.
— Наруби дровъ, вытопи горячую баню [1]),

1) Говоритъ Анюта своему мужу.

— Васьня парян пси баняса,
— Мяйля юмафца эсь принимь. —
— Полай, полай, Ануша,
— Иляк юмафт тон принит,
— Колма годнэть сивидян алянинь. —
— Иля сивитть монь гиса,
— Мон эсь принимь юмафца. —

Записано І. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчіи отъ проѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда осенью 1905 года.

Уляша.

Вя̀лень [1]) сӯдія, ӧшень судія Уляшань атя̀фысь.
Татàръ мàрта Уляша совѣ̀тась,
Татаръ марта Уляша дружàкшнысь.
— Алѝнимъ [2]) татарнэ, кӧрнемемъ [3]) татарпэ,
— Зя̀рда тутàда, зя̀рда явдàда?

Чит. 1) Вялинь, 2) Алининъ, 3) корьмененъ.

— Сначала я попарюсь въ горячей банѣ,
— Потомъ погублю свою головушку. —
— Женушка, женушка, Анюта,
— Не губи своей головушки,
— На три годочка я наймусь къ тестю. —
— Не нанимайся изъ за меня,
— Я погублю свою головушку. —

Общественный судья, мірской судья—Уляшинъ свёкоръ.
Съ татариномъ Уляша совѣтовалась,
Съ татариномъ Уляша дружилась.
— Дяденька татаринъ, кормилецъ татаринъ (?),
— Когда уйдете, когда разстанетесь?

— Сàимизь мòньсакъ [1]) мàртынкъ. —
— Салàкъ Уляша, какжалѧ̀ть сѧ̀да вàлкс ярмàкъ,
— Атѧ́фыть — кàвта сѧ̀тдъ [2]). —
— Сàимизь, алѝнимъ [3]) татарнэ, моньгàкъ тѣ̀нькъ [4]) мàрта. —
— Васнѧ̀ салàть [5]) вальмàнь сàрьца [6]) ацàмыть [7]),
— Лавцѧ̀нь сàрьца [6]), Уляша, тодòвытъ. —
— А салàвить, алѝнимъ [3]) татарнэ, ацàмыкъ [7]):
— Ашѐ [8]) боѧ́ръ мирдѝмъ [9]),
— Боѧ́ръ-лявксъ тѣ́ранемъ [10]) дѧ̀камъ
— Удѣ̀ть таркàса.
— Зѧ̀рда тутàда, алѝнимъ [11]) татàрнэ,
— Зѧ́рда явдàда, кòрьменемъ [12]) татàрнэ? —
— Сы пятѧ́ста [13]), сы суботѣ́ста [14]), Уляша, тутàда.
— Сàимизь, алѝнимъ [15]), тынь моньгàкъ тынькъ [16]) мàрта.
— Конà кіявàньть тутàда, конà кіявàньть явдàда? —

Чит. 1) моньгакъ, 2) кафта сяттъ, 3) алининъ, 4) тынькь, 5) салыть, 6) сярца, 7) ацамытъ, 8) аша (ашы), 9) мярдимь, 10) цёрэнемь, 11) алининъ, 12) корьменень, 13) пяцяста, 14) субытаста, 15) алининъ, 16) тынькь.

— Берите меня съ собой. —
— Укради, Уляша, у деверя сто рублей денегъ,
— У свекора — двѣсти. —
— Возьмите, дяденька татаринъ (?), и меня съ собой. —
— Сперва укради выше окна постель,
— Съ полку вышиной, Уляша, подушки. —
— Не украдешь, дяденька татаринъ (?), постелю:
— Бѣлый баринъ — мужъ,
— Барченокъ сынъ — ребенокъ
— Спять на постели.
— Когда уйдете, дяденька татаринъ (?),
— Когда разстанетесь, кормилецъ татаринъ (?)? —
— Въ будущую пятницу, въ будущую субботу, Уляша, уйдемъ.
— Возьмите, дяденька (?), и меня съ собой.
— Которой дорогой пойдете, которой дорогой разстанетесь (?)?

— Тайный кіява, Уляша, тутàна,
— Ясля кіявàньть, Уляша, явдàна. —
Сàикшнызь Уляшань гусàртнэ мàрыстъ,
Ясля киньти татарнэ молèкшнесть.
Ки вя бòкавъ алашàстъ татарнэ пèрьгавтызь.
Вяйке татàрнысь карькскить понцè,
Омбòце татàрнысь пильнить[1]) човя.
— Мязьнинь, алинимь, кàрькскитьнинь понцèсеть[2])?
— Мязьнинь, алинимь[3]), пяильтьнинь човàсынькъ?
— Кàрькскитьнинь — тонь пильгитъ сюлмысимсъ[4]),
— Пяильтнинь — тонь кыргàтъ пячкимсъ.
— Мяксъ монь, алинимь[5]) татарнэ, пячксамизь?
— Мяксъ монь, алинимь[5]), сгубасàмизь?
— Мяксъ тонъ, Уляша, кадыкъ[6]) àша бояръ полàтъ,
— Бояръ лявксъ тёрань[7]) дякатъ?

Чит. 1) пяильнить, 2) понцесэть, 3) алининъ, 4) сюлмсимсъ, 5) алининъ, 6) кадыкь, 7) цёрань.

— Тайной дорогой, Уляша, уйдемъ,
— Въ ясляхъ дороги, Уляша, разстанемся. —
Взяли Уляшу гусары съ собой,
До яслей дороги татары дошли,
Около дороги лошадку татары выпрягли.
Одинъ татаринъ веревки вилъ,
Другой татаринъ ножикъ точилъ.
— Зачѣмъ, дяденька, веревки вьешь?
— Зачѣмъ, дяденька, ножикъ точишь? —
— Веревочками — твои ноги связывать,
— Ножикъ — тебѣ горло рѣзать. —
— Зачѣмъ меня, дяденька татаринъ, зарѣжете?
— Зачѣмъ меня, дяденька, сгубите? —
— Зачѣмъ ты, Уляша, оставила бѣлаго барина мужа,
— Барченка сына ребенка?

— Сёксъ [1]) тонь, Уляша, пячктядызь.
Якстирь вярinза ясля кiява нолдызь [2]).
Сань [4]) качамъ [5]) оймёнза Уляшань мяпиливъ [3]) нолдызь [2]).

Записано учителемъ с. Оркина Ложкинымъ въ 1904 году.

Машуня.

Пирй удалга Машуня вастъ вяшнись,
Вяшнись, вяшнись Машуня, эсть муйвъ [6]).
Полянянза [7]) Машуня вастызя.
— Дай-ка, полай, пирянятъ [8]) чавсёса. —
Чавсёсь, чавсёсь Машуня, полаза матидивъ [9]).
Торгась [10]) пяиль Машуня, полапза пячкизя.
Вить пильгинза Машуня юкснiньзя [11]),
Вить карькскинза Машуня таргизя.

Чит. 1) Сексъ, 2) нолдзызь, 3) мяниливь, 4) сань, 5) качамксъ, 6) муивь, 7) полэневза, 8) пиринитъ, 9) матидивьсь, 10) таргась, 11) юксизя.

— За это тебя, Уляша, зарёжемъ. —
Красную кровь въ ясляхъ дороги пустили.
Какъ синій огонекъ, душу Уляши къ небесамъ пустили.

Переводъ сдёланъ г. Ложкинымъ.

Ср. Орк.

За гумнами Машуня телятъ искала,
Искала, искала Машуня, не нашла.
Муженька своего Машуня встрётила.
— Дай-ка, муженекъ, въ головё поищу. —
Искала, искала, Машуня, муженекъ уснулъ.
Вынула ножикъ Машуня, мужа зарёзала.
Правую ножку (?) Машуня разула,
Правую обору Машуня вынула.

Полàнть кыргàзъ[1]) Мàшуня килькщизя.
Килій алýвъ Мàшуня полàнть ускúзя,
Сёксе[2]) лопàса Мàшуня вяльтизя.
Ки неèзя Мàшунянь — рядúзя?
Семенъ татаръ Мàшунянь неезя,
Семенъ татаръ Мàшунянь рядúзя.
— Мя́ксъ, Мàшуня, руця́ полнèтъ[3]) вярíйня?
— Мя́ксъ, Мàшуня, кàрь-пириня́тъ[4]) пургàвтъ? —
— Чіень, чіень[5]), Семенъ татаръ, — пýпырдинь,
— Кýргынь-чамàнь[6]), Семенъ татаръ, тапàвкшныстъ,
— Руця́ полнèтъ[3]), Семенъ татаръ, вя́ріясь,
— Карь-пирúнимъ[7]), Семенъ татаръ, пургàвкшныстъ. —
— Изя кèнгеля, Мàшуня, монъ[8]) эйса:
— Моньсъ[9]) неèтень — рядúтень[10]).
— Мяксъ, Мàшуня, полàть пя́чкинь[11])?

Чит. 1) кыргасъ, 2) сёкся (сёкси), 3) полнэть, 4) пириниmъ, 5) чіинь чіинь, 6) Кургынъ чаманъ, 7) пириниnъ, 8) монь, 9) моньць, 10) рядитинь, 11) пячкинь.

Мужу на шею Машуня захлестнула,
Подъ березу Машуня мужа стащила.
Осенней листвой Машуня покрыла.
Кто видѣлъ Машуню — выслѣдилъ?
Семенъ татаринъ Машуню увидалъ,
Семенъ татаринъ Машуню выслѣдилъ.
— Зачѣмъ, Машуня, у тебя у шушпана полы въ крови?
— Зачѣмъ, Машуня, голова лаптя забрызгана? —
— Бѣжала, бѣжала, Семенъ татаринъ, спотыкнулась,
— Морду-лицо (?), Семенъ татаринъ, разбила,
— У шушпана полы, Семенъ татаринъ, окровянила,
— Лапти мои, Семенъ татаринъ, забрызгала. —
— Не обманывай, Машуня, меня:
— Самъ я видѣлъ, выслѣдилъ.
— Зачѣмъ, Машуня, мужа зарѣзала?

— Мяксъ, Мàшуня, килìй алу̀въ полàть ускы̀къ [1])?
— Мяксъ, Мàшуня, сёксъ [2]) лопàса полàть вя̀льтикъ [3])?—
— Иля̀ ёвтà, Семенъ татарнэ, бабàньти,
— Бабàсь ёвтà [4]), Семенъ татарнэ, атѝнти,
— Атѝсь ёвтэ начàльникнинь,
— Начàльникть [5]) мой [6]) сàйсамизь судьянинь. —

Записано учителемъ с. Оркина Ложкинымъ въ 1904 году.

Изъ рукописи Имп. Академіи Наукъ № 50, aa. Al. Wald, Die Mordwinen (1849 г.), стр. 201—202.

Lúšai Lúšina, wéškinä Lúšina!
Mázi Lúšina!
Awánze pótso kortáma kármas:
Mon kásinderän,

Чит. 1) ускыкь, 2) сёксь, 3) вяльтикь, 4) ёфтэ, 5) начальниктъ, 6) монь.

— Зачѣмъ, Машуня, подъ березу мужа стащила?
— Зачѣмъ, Машуня, осенней листвой мужа покрыла? —
— Не сказывай, Семенъ татаринъ, свекрови:
— Свекровь скажетъ, Семенъ татаринъ, свекру,
— Свекоръ скажетъ начальникамъ,
— Начальство меня возьметъ къ судьямъ. —

Переводъ сдѣланъ г. Ложкинымъ.

Ср. Орк.

Uebersetzung.

Luschai Luschai, kleine Luschina!
Schöne Luschina!
In dem Mutterleibe spricht das Kind,
Hält die Mutter von der Arbeit ab [1]):

1) Ошибочный переводъ; слѣдуетъ: Если я выросту.

Awánin awái améran!
Tätánin tätái améran!
Tätái awánin[1]) síris súka!
Tätánin méran síris kíska. —
Čilísima léntaza,
Pálzoren Lúšenem fátaza.
Wári tášna plaštánza,
Máke twéti rucanza,
Máke pánčna rúcardstánza,
Máke lopátna palánza.

---

1) Чит. Awánin méran.

Mutter werd' ich dich nicht nennen,
Und den Vater auch nicht nennen.
Alten Schelm[1]) werd' ich die Mutter nennen,
Alten Hund werd' ich den Vater heissen. —
Wie ein Sonnchen ist der Kopfputz,
Und das Seiden-Tuch wie rothes Feuer.
Wie die Stern' am Himmel sind die Knöpfe,
Wie die Mohnblumen ist der rothe Brustlatz;
Wie Mohnblätter ist das Sonntagshemdchen.

Ср. Орк. и Сухокарб.

---

1) Слѣдуетъ: Старой сукой.

II. Извлеченіе изъ историко-географическаго описанія Озерской волости Саратовскаго уѣзда, составленнаго А. Н. Минхомъ.

Село Оркино, Рождественское, Кучугуры тожъ. По большой, бывшей Московской почтовой, дорогѣ, верстахъ въ 67 отъ г. Саратова, между селеніями *Озерки* Саратовскаго уѣзда и *Мокрымъ* Петровскаго, вдается угломъ дача, принадлежащая селу *Оркину*, переходящая версты на 2 за большую дорогу и захватившая ее на протяженіи 3—4 верстъ. Отсюда, съ господствующей возвышенности на дорогѣ, называемой русскими *Спорнымъ Сыртомъ*, на поворотѣ отъ с. Мокраго къ с. Озеркамъ, видно на востокъ, въ широкой долинѣ, верстахъ въ 6—7 отъ дороги, раскинувшееся во всю ширину дола, село *Оркино* съ высокой колокольней бѣлой каменной церкви.

Село *Оркино* Озерской волости находится на границѣ Саратовскаго уѣзда съ Петровскимъ и на грани растительной линіи пшеницы въ нашей губерніи: на поляхъ Оркинскихъ дачъ сѣютъ еще пшеницу, но на поляхъ сосѣднихъ селъ, съ западной и сѣверной сторонъ отъ Оркинскихъ дачъ, въ Петровскомъ уѣздѣ, пшеницу хотя иногда и сѣютъ, но она родится плохо и не такъ хороша, какъ полученная съ дачъ с. Оркина и болѣе южныхъ.

Оркинскія дачи представляютъ первую гористую мѣстность по большой дорогѣ отъ г. Петровска, между которымъ и с. Мокрымъ тянется болѣе или менѣе ровная степь. Оркинскія дачи раздѣлены на южную и сѣверную части широкою и плодородною долиною, въ которой лежитъ село. Эта долина — впадина, носящая мѣстное названіе *Провалъ*, начинается у большой дороги

и тянется во всю длину Оркинскихъ дачъ съ запада на востокъ и далѣе къ с. *Сокуру*, на разстояніи болѣе 25 верстъ,—это истокъ рѣки *Чердыма*, вливающагося въ Волгу.

Оркинскія дачи граничатъ съ южной стороны имѣніемъ Брещинскаго — *Нарышкино* и дачами колоніи *Ягодной-поляны;* съ юга и юго-запада дачами с. *Озерокъ;* съ запада — с. *Мокраго* (Петровскаго уѣзда); съ сѣвера — имѣніемъ графа Нессельроде *Сколки* и чрезполосно дачами дер. *Яруги* (*Косолаповки* тожъ); съ сѣверо-востока и востока — дачами деревни *Красной-рѣчки* и *Сокурской* экономіи наслѣдницъ князя Голицына; съ юго-востока — землями той-же экономіи и лѣсной дачей крестьянъ дер. *Богдановки* Саратовскаго уѣзда.

Южная часть Оркинскихъ дачъ представляетъ собою рядъ паралелльныхъ хребтовъ, тянущихся съ запада на востокъ, перерѣзаемыхъ глубокими оврагами и долинами, покрытыхъ сплошной лѣсной порослью, годною только на лыки, плетни и мѣстами на колья. Всѣ овраги и долины, проходящіе въ горахъ, имѣютъ источники свѣжей и чистой ключевой воды, мѣстами безвкусной, мѣстами же горько-соленой или грубой известковой.

Къ югу отъ села, среди высокихъ горъ, лежитъ оврагъ *Самодуровъ* (названный потому, что въ этой долинѣ-оврагѣ былъ пчельникъ нѣкоего Самодурова), берущій начало верстахъ въ 3-хъ отъ села *Озерокъ*, изъ его дачъ, и тянется къ *Оркину* по направленію къ юго-западу на протяженіе болѣе 3-хъ верстъ. *Самодуровъ* въ своемъ источникѣ имѣетъ отличную свѣжую воду, сила которой, по соединеніи съ нимъ водъ источниковъ, впадающихъ въ него овраговъ и логовъ, можетъ поднять мельницу въ одинъ поставъ, но жители с. Оркина не пользуются этой водой для устройства мельницы и даже, почему то, отказываютъ желающимъ построить такую на Самодуровѣ.—На югѣ, прямо противъ села, при выходѣ изъ горъ *Самодурова*, находится возвышенность *Самодурова пàнда* (*пàнда* — по мордовски гора), подымающаяся довольно круто двумя террассами; у подошвы этой *пàнды* расположенъ фруктовый садъ крестьянина с. Оркина М. М. Нервят-

кина, орошаемый естественнымъ источникомъ одного изъ южныхъ отроговъ Самодурова. — Рядомъ съ этой возвышенностью, еще ближе къ селу, находится довольно высокая *Вòрохова пàнда* (гора), имѣющая со стороны села одну обширную террассу съ каменистой, хрящевой почвой, на которой изобильно родится хлѣбъ; со стороны горъ *Вòрохова* сливается съ ними незамѣтно въ одинъ общій сыртъ, покрытый густою лѣсною порослью; юго-западная сторона *Вòроховой* горы осаживается, отъ подземныхъ источниковъ и весеннихъ водъ, обрывами и ползетъ внизъ въ глубокую балку, поросшую торповникомъ и бобовникомъ. Съ вершины *Вòроховой* открывается красивый видъ на Оркино, раскинутое по долинѣ, и Яругу, къ востоку и западу — на сосѣднія горы, покрытыя лѣсомъ, и на долъ *(Провалъ)* съ его зеленѣющими нивами; въ дали же, къ сѣверо-востоку и востоку, синѣютъ горы и горы. — *Вòрохова* похожа на насыпной изъ мелкаго щебня курганъ и, какъ передаетъ народное сказочное повѣрье, была насыпана въ былыя времена удальцами, молодыми ребятами, которые землю и щебень таскали сюда въ голенищахъ своихъ сапогъ; гору эту насыпали они для потѣхи и часто игрывали на ней въ орлянку, доказательствомъ чему указываютъ находимыя и теперь на *Вòроховой* горѣ старинныя монеты.

Къ востоку отъ *Вòроховой* идетъ къ другому довольно большему оврагу *Хряпову* и къ *Козелынь-струбъ-лàтка* (лощина-сруба-козла)[1]) гора *Красная поляна*, отъ которой къ востоку тянется высокій сыртъ, покрытый лѣсомъ и спускающійся обширною террассою, по которой бываетъ порядочный покосъ; къ востоку горы оканчиваются песчаными буграми — *Городничій пàнда*, у подошвы которыхъ есть отличный родникъ—*Городничій*, названный потому, что недалеко отъ него былъ когда-то, когда Оркино принадлежало къ Петровскому уѣзду, пчельникъ Петровскаго *городничаго*. — Къ югу сыртъ *Ляпя-ула-Лапга*, а за нимъ

1) *Козелынь-струбъ-латка*, мѣстное названіе трущобы, въ которой мужикъ, по прозванію *Козель*, какъ разсказываетъ народное преданіе, рубилъ избяной срубъ.

овраги: *Ерёма-Лàтка*, *Пòпань-ч(ж)ельня*, *Чинíй-Лàтка* (вонючíй родникъ), сплошъ покрытые густымъ лѣсомъ. Между оврагами тянутся болѣе или менѣе высокіе и обширные сырты, которые переплетаются между собою и идутъ на востокъ, къ *Сокуру*, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Гранью Оркинскихъ дачъ съ землями экономіи наслѣдницъ князя Голицына служитъ здѣсь оврагъ *Кузменка*, который выходитъ въ *Провалъ* (р. *Чердымъ*) и соединяется съ нимъ незамѣтно. На всемъ протяженіи *Кузменки* течетъ ручей свѣжей воды, который беретъ начало высоко въ горахъ, въ дачахъ колоніи *Ягодной-поляны*, но усиливается онъ только въ самой *Кузменкѣ* отъ родника *Гремячаго*, который, по народному преданію, въ старые годы имѣлъ много воды, съ такой силой выбивавшейся изъ подъ земли, между камней, что она *гремѣла* и звукъ ея былъ слышенъ на разстояніи 2—3 верстъ. Надъ *Гремячимъ* подымается невысокая гора, въ видѣ сѣдла — *Камбразъ-пàнда* (Сѣдло-гора), а рядомъ съ нимъ долина—*Божедомъ*, гдѣ, по народному преданію, извѣстный Оркинскій разбойничій атаманъ *Кудеяръ* побилъ и похоронилъ много народу; по другимъ же разсказамъ—не *Кудеяръ*, а *Уланъ, Кудеяръ* же, хотя и былъ въ Оркинскихъ дачахъ, но жилъ на горахъ, гдѣ теперь находится село *Лохъ* Саратовскаго уѣзда.

Къ западу отъ *Вòроховой*, за *Самодуровымъ* оврагомъ, опять высокій сыртъ — *Озѐрка-пàнда*, по которому лежитъ дорога черезъ лѣсъ въ село *Озерки;* съ дороги, на горѣ, видъ на село и окрестность очень живописенъ: отсюда видны два конусообразные пика *Караульныхъ* горъ въ сѣверной части Оркинскихъ дачъ къ с. *Мокрому*. Между *Оркинымъ* и *Озерками*, по этой дорогѣ въ право, лежитъ глубокій оврагъ *Мазяркинъ-ч(ж)ельня*, въ которомъ есть отличный родникъ, но съ бѣлою известковою водой; въ оврагѣ находится пчельникъ крестьянина Мазяркина, по имени котораго и названъ оврагъ.

Сѣверная часть Оркинскихъ дачъ не менѣе гориста: къ сѣверу, прямо передъ селомъ, тянется сыртъ, а за нимъ долина *Высокая*, а надъ нею гора *Высокая*, сѣверная часть которой по-

крыта мелкимъ кустарникомъ; видъ съ этой горы на окрестность очень красивъ: къ югу видно изъ за горы почти все Оркино, а за нимъ, съ темнѣющими оврагами и долинами, горы — *Ворохова*, *Красная-поляна* и высокіе сырты, сплошь покрытые лѣсомъ; къ востоку и западу, по *Провалу*, — нивы; къ сѣверу, прямо подъ ногами, въ глубокомъ оврагѣ пріютилась деревенька *Яруга* (*Косолаповка*) съ ея садами по срединѣ; далѣе, черезъ послѣдній степной сыртъ, видно въ лѣвѣ село *Мокрое*, съ низенькой бѣлой каменной церковью, за нимъ дубравы въ деревняхъ *Маресьевкѣ* и *Тарановкѣ* (Петровскаго уѣзда), а надъ ними вдали, чуть видная простому глазу, синѣетъ полоса лѣса по рѣкѣ Медвѣдицѣ; прямо, черезъ степь, къ сѣверу — яркая полоса лѣса «*Осиновъ*», въ имѣніи графа Нессельроде *Сколки*; нѣсколько лѣвѣе этого лѣса вдали, виднѣется *городъ Петровскъ* и синѣютъ далекіе лѣса этой части рѣки Медвѣдицы. Къ востоку, по долинѣ, вьется дорога изъ Оркина въ Яругу, а далѣе выступаетъ подковообразная дуга довольно высокаго сырта *Бурлачій чараукъ* (*чараукъ*, въ переводѣ на русскій языкъ, значитъ *кругъ;* причина названія — *бурлачій* неизвѣстна), покрытаго лѣсомъ, а за нимъ опять сыртъ — *Ломъ*, западная часть котораго отъ дѣйствія подземныхъ водъ осаждается и сползаетъ въ оврагъ, отчего получилось названіе сырта — *Ломъ*; за нимъ, вправѣ, виденъ сыртъ, покрытый лѣсомъ,— *Гузиково*. Немного правѣе *Бурлачьяго* рѣзко выдѣляется гора *Шлёпинъ-панда*, на вершинѣ которой, на высотѣ около 30 саженъ отъ подошвы, есть отличный родникъ, къ которому въ засухи ходятъ съ молебнами.

Къ западу вторая высокая гора *Гриша-Лисма-Латка* (Гришина гора, родникъ и лощина), названная отъ разбойника Гришки, проживавшаго недалеко отъ этой горы. На сѣверо-западномъ ея склонѣ, недалеко отъ дороги въ *Мокрое*, ясно виденъ четырехъугольникъ — *Кявинь-Гардазъ* (каменный дворъ): мѣсто это по народному преданію, было дворомъ разбойниковъ, которые огородили его каменной стѣной и до нынѣ ясно видной въ видѣ четырехъ-угольника, хотя она и обвалилась.

За *Высокой* ярко выступаютъ двѣ конусообразныя горы — *Караульныя-пàнды*; онѣ получили это названіе, какъ говоритъ народное преданіе, отъ того, что въ прошломъ столѣтіи (XVIII) служили пунктомъ, съ котораго разбойники, жившіе въ тогдашнихъ непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ и оврагахъ, наблюдали за большой дорогой. — *Кявинь-Гàрдазъ*, гдѣ жили разбойники, отъ *Караульной горы* не болѣе какъ въ полуверстѣ, а потому послѣдняя представляла имъ удобный наблюдательный постъ. Разсказываютъ, что между обѣими горами *Караульной-пàнды*, въ долинѣ, разбойники имѣли землянки, и у нихъ былъ колоколъ, въ который, при извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ — тревогѣ, или для сообщенія товарищамъ о приближеніи обоза, они звонили въ набатъ; здѣсь же потомъ разбойники зарыли все награбленное и колоколъ. Разсказываютъ также, что нѣкоторые видѣли въ землѣ ушки этого колокола, но это бываетъ, будто бы очень рѣдко и только на первый день Пасхи, между заутреней и обѣдней; тогда всякій можетъ видѣть все, что спрятали здѣсь разбойники, все это является въ прежнемъ видѣ: землянки и колоколъ; въ одной отпертой землянкѣ виденъ горящій огонь, а на полу и по угламъ кучи золота, серебра и разныхъ вещей; тогда же можно войти въ эту землянку до трехъ разъ и брать драгоцѣнности, но при попыткѣ вернуться послѣ третьяго раза, дверь за вошедшимъ запирается, и къ нему является хранитель ихъ сокровищъ и требуетъ отъ него его собственную душу, или душу младенца, или того, что для него всего дороже, что̀ и должно быть доставлено въ срокъ. Говорятъ, что бывали случаи, что вошедшій туда пропадалъ или же нѣмѣлъ отъ испуга и вскорѣ умиралъ; ежели же кто бралъ деньги и выходилъ благополучно, то и тогда деньги эти *въ прокъ* не шли: червонцы были *неразмѣнные* и возвращались назадъ, а за истраченные цѣлые золотые, взявшій ихъ платится ущербомъ въ хозяйствѣ и смертью семейныхъ, наконецъ, и самъ онъ дѣлается жертвой сухотки и умираетъ. — Съ вершины *Караульной* горы видъ почти одинаковъ, какъ и съ *Высокой*, только измѣняется ландшафтъ горъ и долинъ: отсюда село *Мокрое*, какъ

будто чуть не подъ ногами; большая дорога видна верстъ на 30 въ сторону Петровска и верстъ на 10 къ Озеркамъ; ясно видно, какъ по ней тянутся обозы съ грузомъ.

Всѣ возвышенности и горы въ Оркинскихъ дачахъ сверху покрыты слоемъ чернозема, подъ нимъ залегаетъ хрящъ, ниже песокъ или глина. Въ глубокихъ лощинахъ, къ сѣверу отъ села, верхній слой чернозема имѣетъ отъ $^1/_2$ до 1 аршина толщины, за тѣмъ слой хряща и песку толщиною въ сажень и болѣе, потомъ глина, преимущественно сѣрая или желтоватая; ее берутъ изъ овраговъ для обмазки стѣнъ избушекъ, отъ чего на этихъ мѣстахъ образуются большія ямы, которыя часто обваливаются, при чемъ иногда случаются несчастія съ людьми. На *Высокой*, *Караульныхъ* (и другихъ горахъ[1]) во множествѣ попаются бурые, даже черные камни съ блестками, по которымъ можно предполагать присутствіе руды —колчедана; сыртъ же къ сѣверу отъ *Яруги* содержитъ мѣлъ, съ виду, въ кускахъ—сѣрый, а распущенный въ водѣ— онъ становится бѣлымъ; жители с. Оркина, д. Яруги и окольные берутъ этотъ мѣлъ, или, какъ они называютъ, глину, для обѣлки избъ. Существующая здѣсь разная глина — желтая, бѣлая и красная употребляется жителями для обмазки избъ и хлѣвовъ, причемъ она идетъ не чистой, а съ примѣсью соломы и навоза.

Почва Оркинскихъ дачъ вообще черноземная, слой чернозема доходитъ иногда до 1 аршина глубины; по всему *«Провалу»*, за небольшими исключеніями,—черноземъ; къ западу супесковатая— *«картофельная»* земля; при впаденіи *Самодурова* и въ самомъ Самодуровѣ — суглинистая; къ востоку отъ села, версты за 3, по горнымъ склонамъ южной части дачъ и склону къ *Кузменкѣ* — песчаная и супескъ, а по дорогѣ въ *Красную-рѣчку* и правѣе — черноземная; затѣмъ въ степи, за дер. *Яругой*, съ которой Оркинскія дачи расположены черезполосно, почва — черноземная, мѣстами глинистая, мѣстами попадаются солонцы.

1) Надо замѣтить, что жители Саратовской губерніи, представляющей преимущественно довольно ровную мѣстность, называютъ горами высокіе бугры и шиханы.

Повсюду горы и горные склоны, за весьма рѣдкими исключеніями, покрыты лѣсомъ и лѣсной порослью; здѣсь растутъ преимущественно: дубъ, береза, осина и липа, затѣмъ вязъ, кленъ, некленъ, рябина и ива, а по оврагамъ и мочажинникамъ—ивнякъ, ольха и во множествѣ торновникъ и орѣшникъ; урожай орѣховъ бываетъ періодически, и въ хорошій годъ бабы и дѣвки набираютъ пуда по 3 каждая. Въ лѣсахъ водятся волки, лисы, бѣлки и во множествѣ — зайцы; изъ птицъ много куропатокъ и тетеревовъ. Всего лѣсу въ Оркинскихъ дачахъ считается по планамъ и межевымъ книгамъ 2549¼ десятинъ казенной мѣры, но въ настоящее время лѣса эти нельзя назвать лѣсами, такъ какъ они вырублены и до того забиты толокою (скотомъ), что трудно подымаются, а мѣстами совсѣмъ пропадаютъ; безтолковая и нерасчетливая вырубка, при небрежномъ надзорѣ общества и запускѣ скота — вотъ причины упадка лѣсного хозяйства.

Повсюду въ южной и сѣверной частяхъ Оркинскихъ дачъ множество ключей, родниковъ и источниковъ, спускающихся въ *Провалъ* и текущихъ затѣмъ ручьемъ, въ небольшомъ овражкѣ, черезъ с. *Оркино* къ *Сокуру*, куда протекаетъ долиною *Елховкою*, и въ 4-хъ верстахъ отъ с. *Сокура*, соединившись съ рѣкою *Сокуромъ*, образуетъ рѣку *Чердымъ*, впадающую въ Волгу.

Вслѣдствіе особеннаго положенія с. *Оркина* въ горахъ, въ глубокой, хотя и открытой для восточныхъ и западныхъ вѣтровъ, долинѣ, климатъ здѣсь отличается отъ климата сосѣднихъ селъ— *Озерокъ*, лежащаго въ 6 верстахъ, и *Мокраго*—въ 5; здѣсь не такъ чувствительны зимнія вьюги, мятели и холодные сѣверные вѣтры: когда на степи, въ с. *Мокромъ*, буря, въ *Оркинѣ* нерѣдко бываетъ тихо, горы сдерживаютъ вѣтеръ, и буря не такъ чувствительна. Весною, при малѣйшей оттепели, въ Оркинѣ таетъ, и по улицамъ бѣгутъ ручьи, тогда какъ въ Мокромъ и Озеркахъ едва чувствуется оттепель. При наступленіи оттепели, горы, окружающія Оркино, начинаютъ дымиться (туманиться); туманъ застилаетъ и село, такъ что его не видно. — «Ну, быть теплу, говорятъ крестьяне, *Озёрка-пàнда* и *Самодуровъ* шумятъ», и какъ

только въ южныхъ горахъ къ Озеркамъ зашумитъ вѣтеръ въ лѣсу, то это первый признакъ оттепели. Весна въ Оркинѣ открывается всегда ранѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ селахъ, и какъ только горы и склоны ихъ освободятся отъ снѣга, такъ уже гонятъ на нихъ для подножнаго корма стада овецъ.

Привольныя мѣста заняты Оркинцами; привольны ихъ дачи и теперь, но что было на этихъ мѣстахъ за сто, полтораста лѣтъ назадъ! Эта роскошная мѣстность, въ давнія времена, по словамъ пріѣзжающихъ въ Оркино татаръ изъ г. Петровска, принадлежала Золотой Ордѣ; до сихъ поръ остались еще слѣды длиннаго, въ нѣсколько верстъ, вала, сложеннаго изъ дикаго камня и плитняка[1]); онъ былъ двойной и отъ времени осѣлъ и развалился; пространство между обоими валами не болѣе 40—50 саженъ; валъ этотъ, или какъ называетъ его мордва — *стьна*, тянется въ западной части Оркинскихъ дачъ, почти на границѣ, то переходя съ Оркинской на Мокринскую (Петровскаго уѣзда), то служа гранью между ними. По словамъ старожиловъ, народное преданіе говоритъ, что «очень давно, при грозномъ царѣ, на нынѣшней грани Петровскаго уѣзда съ Саратовскимъ, между теперешними селами Мокрое и Оркино, было какое то татарское поселеніе и стѣна служила ему защитой отъ нападенія русскихъ сосѣдей, жившихъ не далеко отъ нихъ». — За этимъ валомъ или «стѣной» начиналась степь, на которой до сихъ поръ остались слѣды множества кургановъ, которыхъ много и на Оркинскихъ дачахъ, между прв. Яругой и имѣніемъ графа Нессельроде *Сколки*, а потому, не вслѣдствіе ли этого Оркино получило и другое названіе, болѣе употребительное между народомъ, — *Кучугуры*, передѣ-

1) Изслѣдовавъ эту *сторожевую черту*, я нашелъ, что каменная стѣна вѣроятно существовала лишь въ воображеніи мѣстныхъ крестьянъ, но сторожевая линія дѣйствительно проходила здѣсь и, вѣроятно, состояла изъ *лѣсной засѣки*; остались еще слѣды двухъ параллельныхъ валиковъ. (См. «*Саратовскій Сборникъ*», изд. Губ. Статис. Комитета, т. I, 1881 года: «Поѣздка въ Песчанку, Оркино и Лохъ»). — Позднѣе въ «*Трудахъ*» Сарат. Архив. Комис. 1888 г., стр. 278—284, въ моемъ очеркѣ «Замедвѣдицкій край до р. Карамыша», мною описаны слѣды этой сторожевой черты и приложены: карта мѣстности, чертежи Оркинскихъ горъ и слѣды черты, идущей къ Яругѣ. А. М.

данное по всей вѣроятности на мордовскій или русскій ладъ съ татарскаго — *кечи-гюръ*, т. е. *могилки*; русскіе же толкуютъ это названіе — *куча-горъ*; всякій, кто видитъ мѣстность с. Оркина, оглядываясь кругомъ на горы, говоритъ: «и въ самомъ дѣлѣ — *кучугуры*». Нѣкоторые изъ кургановъ-могилъ раскапывались мѣстными жителями, и въ нихъ находили человѣческія и лошадиныя кости. Въ 1874 году нѣсколько крестьянъ с. Оркина, наслушавшись разныхъ разсказовъ про богатства, скрытыя въ этихъ могилахъ подъ курганами, раскопали одинъ изъ нихъ и, послѣ 3—4-хъ дневныхъ трудовъ по ночамъ, нашли въ разрытой могилѣ кости человѣка и лошади, стремена отъ сѣдла и еще что-то; куда дѣвали они эту находку — неизвѣстно; говорятъ, что стремена были особенной формы и изъ серебра. Преданіе говоритъ, что между селами Оркино и Мокрымъ, въ давныя времена, было татарское селеніе, но слѣдовъ его нигдѣ не видно, кромѣ одного мѣста, а именно: на дорогѣ изъ Оркина въ Мокрое, не далеко отъ грани (сторожевой линіи), между валами, о которыхъ сказано выше, замѣтны были остатки какихъ-то каменныхъ построекъ, совершенно развалившихся и отъ времени заросшихъ въ землю, но теперь они случайно открыты, и крестьяне с. Мокраго и окольныхъ деревень берутъ оттуда камни для своихъ нуждъ [1]); народное преданіе указываетъ на это мѣсто, какъ на татарское древнее городище или кладбище, но послѣднимъ они не могли быть; существованіе здѣсь селенія является тоже крайне сомнительнымъ въ полѣ или лѣсу, который, судя по существующему и теперь, довольно густому перелѣску, былъ здѣсь, какъ видно, изъ стари.

Въ прошломъ XVIII столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, мѣстность, занимаемая дачами Оркина, Озерокъ и Мокраго, была почти

1) Въ 1880 г. я изслѣдовалъ эту мѣстность и ясныхъ слѣдовъ построекъ не нашелъ: слѣды сторожевой черты идутъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, причемъ, по указанію А. Л. Леонтьева (учителя Оркинской школы), я осмотрѣлъ двѣ довольно большія ямы, — одну у дороги на самой чертѣ, другую — по этой же дорогѣ къ Оркину въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ линіи курганчиковъ; камни изъ нихъ были уже вывезены окрестными селеніями. А. М.

сплошь покрыта дремучими лѣсами[1]), служившими надежными притонами многочисленнымъ шайкамъ разбойниковъ и всякому бродячему люду, такъ что проѣзжіе по большой дорогѣ изъ Саратова въ Пензу принуждены были ѣздить большими людными обозами и вооруженные. Этотъ лѣсной околодокъ, изобиловавшій множествомъ озеръ, ручьевъ, болотъ и мочежинъ, далъ свое названіи двумъ сосѣднимъ селеніямъ: Озеркамъ и Мокрому. — Въ лѣсахъ водилось тогда много дикаго звѣря: медвѣдей, о которыхъ теперь забыли, волковъ, приносящихъ и теперь немалый вредъ крестьянскому хозяйству Оркина и сосѣднихъ селеній; было много лисъ, куницъ и прочаго. — Разбойникамъ и бродягамъ привольно жилось въ такихъ мѣстахъ и, какъ говорятъ, они въ прошломъ XVIII столѣтіи жили здѣсь поселками.

Оркино заселено раньше сосѣднихъ *Озерокъ* и *Мокраго*, но и съ основаніемъ мордовской деревни, продолжались убійства, разбои и грабежи по окрестностямъ; старожилы говорятъ даже, что первые засельщики Оркина сами ходили на грабежъ и разбои, а также давали пріютъ и укрывали у себя разбойниковъ и ихъ семейства, награбленное же пряталось въ лѣсныхъ трущобахъ и оврагахъ, въ вырытыхъ тамъ погребахъ и ямахъ. Преданіе указываетъ на нѣсколько такихъ мѣстъ и на зарытые тамъ *клады: Караульная-панда*, *Кевень-гардазь*, *Козелынь-струбъ-лятка*, *Кузменка* и другіе. Разсказываютъ, что въ *Козелынь-струбь-лятка* загналъ случайно старикъ лошадей; спутавъ ихъ, онъ хотѣлъ уже идти домой, какъ подъ ногами, въ промоинѣ, увидалъ конецъ торчащей изъ земли на полъ аршина почти сгнившей колоды; въ ней лежали старинныя мѣдныя деньги и старикъ взялъ ихъ нѣсколько штукъ, но тотчасъ же ослѣпъ; онъ бросилъ деньги обратно и снова прозрѣлъ; раза два повторилъ онъ то же и каждый разъ, какъ бралъ монеты, лишался зрѣнія, возвращавшееся тогда, когда онъ клалъ ихъ обратно; послѣ того никто уже не видалъ этой

1) Лѣса эти тянулись черезъ теперешнія: Озерскую, Ягодно-полянскую, Полчаниновскую и Вязовскую волости далеко на сѣверъ и обозначены на картѣ Волги у Олеарія, первой половины XVII столѣтія. А. М.

колоды. — Года четыре тому назадъ нѣсколько молодцевъ рыли на этомъ мѣстѣ *кладъ* по ночамъ и отрыли конецъ толстой мѣдной проволоки, но отрытая въ одну ночь, она пропадала снова въ слѣдующую; при этомъ нашли они только обыкновенный ножъ. Въ *Козелынь-струбъ-латка*, по преданію, жили разбойники въ каменныхъ и кирпичныхъ землянкахъ, которыя отъ времени разрушились, но и теперь на этомъ мѣстѣ находятъ груды камней и кирпичей.—Искатели кладовъ часто рыли въ окрестностяхъ Оркина, но ничего не находили.—Разсказываютъ, что одинъ мужикъ шелъ однажды лѣсомъ въ Ягодную-Поляну мимо мѣстъ, изрытыхъ кладоискателями; ему тоже пришла мысль попытать счастья и, замѣтивъ старый пень надъ ручьемъ, онъ сталъ обрубать его; послѣ нѣсколькихъ ударовъ топоромъ, изъ разсѣлины пенька выпало нѣсколько серебряныхъ монетъ, похожихъ на рыбью чешую, и онъ набралъ ихъ 90 слишкомъ штукъ, которыя потомъ и были отобраны у него волостнымъ писаремъ, но куда онѣ за тѣмъ дѣвались — неизвѣстно.

Село *Оркино* населено мордвою, но откуда они пришли — мордва не помнитъ; называютъ они себя *Эрзя*. По генеральной ревизіи 1745—47 г.г. уже показана Петровскаго уѣзда деревня *Оркина*, заселенная мордвой изъ Пензенскаго уѣзда деревень *Мачима* и *Садома*; во время ревизіи 1745 г. въ ней показано 110 душъ муж. пола, поселенныхъ до этой ревизіи.—Въ народѣ, о заселеніи Оркина существуетъ преданіе, что пришедшій сверху мордвинъ *Орька*, облюбовавъ эти мѣста, выпросилъ у правительства позволеніе поселиться здѣсь съ нѣсколькими семьями другихъ мордвовъ; полагаютъ, что это было въ началѣ прошлаго XVIII столѣтія. Узнавъ о привольномъ житьѣ *Орьки* и его товарищей, пришло къ нему еще нѣсколько мордовскихъ семей изъ верховыхъ деревень: *Козловки*, *Ерёмовки*, *Сарайкина* и другихъ и поселились на мѣстѣ нынѣшняго Оркина отдѣльными хуторами и дворами, называвшимися: *Ерёмовкою*, *Сарайкинымъ* и другими *куренями*. До сихъ поръ улицы Оркина носятъ названія: *Ерёмовка*—за рѣчкою, въ сѣверной части села; *Сарайкина куреня*—

въ концѣ села къ сѣверо-востоку, по дорогѣ въ с. Лохъ, и прочіе. По разсказамъ другихъ, *Орька* былъ просто шатавшійся мордвинъ, разбойничавшій по дорогамъ и глухимъ мѣстамъ; бродя съ такими же товарищами по лѣсамъ, онъ случайно попалъ въ мѣстность, гдѣ теперь стоятъ *Оркино*, Мокрое и Озерки, гдѣ въ то время разстилались глухія лѣсныя дебри, болота и мочежинники; мѣстность пришлась ему съ руки, и онъ остался здѣсь, построилъ курени и продолжалъ грабить проѣзжихъ по большой дорогѣ; имя его перешло впослѣдствіи къ образовавшемуся селенію, которое потому правильнѣе должно называться — *Орькино*. До сихъ поръ есть въ селѣ нѣсколько семей, носящихъ фамилію перваго засельщика — *Ортины* или *Орькины*.

Средина нынѣшняго Оркина стоитъ на непроходимыхъ въ былые годы — трясинѣ и болотѣ. Избенки первыхъ поселенцевъ стояли на берегу бывшаго тогда озера, которое, по народному преданію, было такъ глубоко, что дна не доставали; его впослѣдствіи завалили и загатили такъ, что на мѣстѣ бывшаго озера и болоть стоитъ теперь сельское правленіе, а рядомъ тянутся огороды, на которыхъ отлично растутъ капуста и картофель; огромныя старыя ветлы на этихъ огородахъ и весною страшная невылазная грязь на площади напоминаютъ еще о заваленномъ здѣсь болотѣ. Есть еще старики въ Оркинѣ, которые помнятъ, какъ гатили болото, образовавшееся изъ бывшаго озера: въ него валили лѣсъ, пни и тысячи возовъ навозу; лѣсу было тогда много, стоялъ онъ крупный, въ нѣсколько обхватовъ толщиною, его тогда не жалѣли, рубили и валили въ болото, такъ что и теперь еще при рытьѣ погребовъ и колодцевъ въ этихъ мѣстахъ находятъ, на глубинѣ 2—3-хъ аршинъ, толстые дубовые комли; вода въ этихъ колодцахъ выступаетъ на незначительной глубинѣ 2—4-хъ аршинъ. Кругомъ озера росъ вѣковой лѣсъ, такъ что деревня строилась въ лѣсу и матерьялъ для построекъ былъ подъ руками у поселенцевъ. Со временемъ лѣсъ этотъ вырубили и выкорчевали, такъ что теперь нѣтъ и слѣдовъ его. — По горамъ, кругомъ села, и теперь еще много лѣсу, но онъ очень плохъ, мѣ-

локъ, и послѣдній старый лѣсъ вырубленъ около 1850-хъ годовъ; но у многихъ еще на памяти, тѣ темные, непроходимые лѣса, застилавшіе горы и бараки съ ихъ полянами, изобиловавшими ягодами и логами, полными студеныхъ ключей и ручьевъ; съ вырубкой лѣса стала пропадать и вода. Въ этихъ лѣсахъ, кромѣ другой дичи, водились медвѣди, и крестьяне часто ходили на нихъ охотой. Между мордвой и теперь есть охотники, которые съ ружьями, а больше съ дубинками ходятъ на лисъ и зайцевъ; на Покровъ же (1 Октября), чуть не половина села выходитъ съ ранняго утра въ лѣсъ, и тамъ крикомъ, шумомъ, гамомъ и собачьимъ лаемъ выгоняютъ дичь, убивая ее ружьями и палками.

Въ старину, когда лѣса притѣняли почву, дававшую много влаги, земля родила лучше и урожаи были баснословные. Теперь почва истощала, но, несмотря на массу навоза, гніющаго въ селѣ и за селомъ, никто не думаетъ удобрить имъ истощенныя поля.

Первые засельщики Оркина занимались хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ, звѣроловствомъ и грабежами на большой дорогѣ *Орька* и пришедшая съ нимъ мордва были язычниками и, какъ говорятъ, имѣли своихъ боговъ, которымъ покланялись и приносили жертвы: у нихъ была въ лѣсу священная поляна, находившаяся, по преданію, или въ лощинѣ *Козелынь-струбъ-латка*, или на сыртy — *Красная-поляна*. Тамъ стоялъ избяной срубъ, въ которомъ жилъ или жрецъ, или же самъ богъ — *Вѣрипасъ-кормилецъ*; въ это святилище никто не могъ входить, иначе бы поплатился головою. Въ извѣстное время, по вечерамъ, мордвы приходили лѣсными тайными тропами на эту поляну и, собравшись, раскладывали костеръ, ѣли, пили и веселились, прыгали черезъ костры, водили вокругъ нихъ хороводы и потомъ приносили жертвы богу въ видѣ хлѣба и мяса, которые и клали около сруба (существуетъ преданіе, что на полянѣ передъ срубомъ стоялъ на возвышеніи *идолъ* (?); названіе Бога — «*Вѣри-пасъ-кормилецъ*» можно понимать двояко: *Вирьпасъ — лѣсной богъ* и *Вѣри-пасъ* — верхній богъ или богъ въ верху). За тѣмъ мордва молилась, становясь на колѣни, и просила своего бога о своихъ

нуждахъ, говоря такъ: «Вѣри-пасъ-кормилецъ, дай монѣнь алàша, монь алàша кулѣсь»... «Вѣри-пасъ-кормилецъ дай монѣнь рѣвя»... или «... ярмàкъ» (въ переводѣ: «Верховный богъ кормилецъ, дай мнѣ лошадь, моя лошадь умерла; ... дай мнѣ овцу; ... дай мнѣ денегъ») и т. д.; каждый высказывалъ свою нужды и на ихъ мольбы голосъ изъ сруба отвѣчалъ: «дамъ». Народное преданіе разсказываетъ, что въ срубѣ жилъ богъ, въ видѣ здороваго мужика.

Кромѣ *Вѣри-пасъ*, мордва обоготворяла: громъ — *«пурйня»*, молнію — *ѣндылъ*, солнце — *чи*, мѣсяцъ — *ковъ*, звѣзды — *тяшть*; вѣрили они также, какъ въ боговъ, и поклонялись: домовымъ — *юртъ-àва*, лѣшимъ — *вирь-àва*, водянымъ — *вядь-àва* и проч.; даже въ шумѣ вѣкового лѣса видѣли они боговъ и трепетали ихъ.—Вѣра въ домовыхъ, лѣшихъ и т. п. и до сихъ поръ такъ же сильна между мордвой, какъ въ старыя времена язычества; кромѣ того мордва вѣрила и теперь вѣритъ всякаго рода гаданіямъ, нашептываніямъ и т. под.; они убѣждены, что люди, находящіеся въ близкихъ сношеніяхъ съ злыми духами: колдуны, вѣдуны, знахари и знахарки могутъ принимать на себя образъ волковъ, собакъ, кошекъ, свиней и другихъ животныхъ; и теперь вѣрятъ, что по селу, въ глухую полночь, ходятъ *оборотни* и пугаютъ народъ. Разсказываютъ, что по ночамъ по селу ходитъ *бука*, родъ оборотня, съ виду похожій на копну сѣна; бродитъ онъ по всему селу, въ особенности на площади вокругъ церкви; гоняясь за прохожими, онъ издаетъ звуки, похожіе на ворчаніе сердитой собаки, и лишь только появится народъ на крикъ попавшагося *буки* человѣка, онъ оставляетъ его и пропадаетъ среди толпы: «въ землю проваливается, въ тартаръ»—говоритъ мордва. Однажды, сказываютъ, *бука* появился среди хоровода парней и дѣвокъ, тѣ подняли крикъ, сбѣжался народъ, начали бить *буку* дубинами, но тотъ, быстро повернувшись, пропалъ.

Мордва боялась и боится мертвыхъ, и между ними нѣтъ такого смѣльчака, который бы пошелъ ночью на гумно, что лежитъ за кладбищемъ или около него: «а ну какъ мертвецы то встанутъ».

Въ былые годы скоропостижно умершихъ: опойцевъ, утопленниковъ и самоубійцъ хоронили внѣ кладбища; такъ и въ Оркинѣ ихъ зарывали далеко отъ села въ лѣсу; на это мѣсто въ *Самодуровомъ* оврагѣ, близъ *Лапань-ч(ж)ельня-ясля* (мордовское названіе ущелья и дороги въ немъ; *ясля* — значитъ дорога между двухъ крутыхъ горъ; мордва произноситъ и — «*чельня*» и — «*желъня*»), мордвинъ боится ходить въ одиночку, потому что похороненный тамъ «*убивецъ*» бродитъ по лѣсу и пугаетъ народъ своимъ крикомъ — «*эдакимъ страшнымъ*»; подъ вечеръ въ особенности *убивецъ* всегда «*больно*» кричитъ: кричитъ и стонетъ филинъ, поселившійся въ дикомъ лѣсномъ ущельѣ, но мордва и слышать не хочетъ такого толкованія. Сказываютъ, что *убивца* нѣкоторые видѣли, и онъ будто-бы разговаривалъ съ однимъ мужикомъ, объяснивъ ему, что онъ потому ходитъ, что «*вѣкъ жизни его не кончился*» и будетъ ходить до тѣхъ поръ, пока не придетъ время, когда бы онъ долженъ былъ умереть своей естественной смертью; тогда ляжетъ онъ въ могилу и не станетъ больше бродить, кричать и пугать народъ, а такъ какъ онъ выходитъ изъ могилы, въ ногахъ — выросла на ней осина, а въ головахъ — орѣховый кустъ.

Здѣшняя мордва были язычниками до конца первой половины XVIII вѣка и были крещены въ 1745—50 г.г. священникомъ Андреемъ Антиповымъ. Мордва крестилась неохотно: когда явилось въ Оркино начальство и священникъ съ причтомъ, то мордвы прятались, кто на дворахъ, а кто въ лѣсъ; ихъ разыскивали и потомъ крестили въ пруду, въ который гнали палками[1]). Разсказываютъ, что одинъ мордвинъ, молодой парень, подгоняемый палкой, бросился на священника и потащилъ его съ собою въ воду. Мордва была крещена не вся сразу, а въ нѣсколько пріемовъ; тотчасъ же въ Оркинѣ начата была постройка небольшого дере-

1) Въ 1743 и 1744 г.г. было повсемѣстное истребленіе мордовскихъ капищъ въ губерніяхъ Казанской и Нижегородской. Сохранились въ архивахъ жалобы мордвовъ 1745 г., что ихъ заставляютъ креститься силою, отказывающихся бьютъ, заковываютъ въ кандалы, или связанными окунаютъ въ *купель* и надѣваютъ кресты. А. М.

вяннаго храма, во имя Рождества Христова, который поставили на берегу озера, на срединѣ небольшой еще въ то время деревни; теперь, на мѣстѣ алтаря этой прежней деревянной церкви, сломанной за ветхостью въ 1840-хъ годахъ, стоитъ на площади за сельскимъ правленіемъ, деревянная часовенка съ крестомъ, а около—нѣсколько уцѣлѣвшихъ еще деревянныхъ крестовъ на старыхъ могилахъ. Въ 1844 году, вмѣсто стараго полуразрушившагося храма, построена на другой, болѣе возвышенной, площади довольно обширная и высокая каменная церковь, тоже во имя Рождества Христова. Въ этомъ новомъ храмѣ, до сихъ поръ, хранятся богослужебныя книги, взятыя изъ старой церкви, съ слѣдующими надписями, указывающими на время крещенія мордвы: «Сія книга Ея Императорскаго Величества казенная отдана изъ конторы новокрещенныхъ дѣлъ въ Петровскій уѣздъ, въ новокрещенное село Рождественское, Оркино тожъ, въ церковь Божію, священнику Андрѣю Антипову. Октября 17 дня 1760 года». Такія надписи имѣются на книгахъ: Евангеліи, Апостолѣ, Октоихѣ и Цвѣтной тріоди; метрическія же книги ведутся при церкви съ 1801 года; весь причтъ въ то время состоялъ изъ священника, дьякона, дьячка и пономаря.

Во второй половинѣ XVIII вѣка мордва была еще болѣе груба и дика, чѣмъ въ XIX столѣтіи: часто оскорбляли они священника и причтъ и ничего не хотѣли платить за совершеніе требъ. Церковь была очень бѣдна, и духовенство жило въ страшной нищетѣ: говорятъ, что священникъ ходилъ въ лаптяхъ и сермягѣ. Принятіе христіанской вѣры мало вліяло на мордву; они хотя и считались православными, но тайкомъ ходили въ лѣсъ на «*моля̀нъ*» и кланялись своимъ прежнимъ богамъ; это преслѣдовалось какъ духовенствомъ, такъ и начальствомъ: *моляны* были запрещены, капища не разъ разрушали, а бывшихъ на *моля̀нахъ* строго наказывали. Поэтому мордва принуждена была бросить свою прежнюю вѣру и, мало по малу, не забывая совсѣмъ своихъ старыхъ боговъ, стала переносить свои прежніе обычаи на праздники и разные случаи православной вѣры. Такимъ образомъ

скоро является у христіанской уже мордвы — *моля̀нъ Пурёскєъ*, напоминавшій своею обрядностью прежнія языческія празднества. — «*Пуря*» — значитъ медовый квасъ, отъ него то и произошло названіе моляна, на которомъ пили брагу и въ особенности медовый квасъ; *Пурёскєъ* всегда посѣщался священникомъ, который съ иконами и хоругвями, продолжая молебное шествіе по извѣстнымъ мѣстамъ, доходилъ и до того мѣста, гдѣ приготовлялся *Пурёскєъ*: здѣсь, на открытой и веселой лужайкѣ, стояли столы и скамьи, а на нихъ ведра и кадки съ брагой, виномъ, а больше всего съ медовымъ квасомъ; тутъ же грудами лежали пироги (*прякд*), мясо и другія закуски. Священникъ служилъ тутъ, надъ ближайшимъ ручьемъ или родникомъ, молебенъ и садился за столъ, а за нимъ и мордва; священникъ скоро уходилъ, но народъ долго пировалъ послѣ него; подвыпивши, принимались пѣть и плясать, а вечеромъ разводили костры, черезъ которые прыгали молодые парни и дѣвки; пиръ продолжался долго при свѣтѣ этихъ костровъ. Кромѣ моляна *Пурёскєъ*, праздновался еще молянъ — «*Сара̀зъ-алъ-оскєъ*» (*саразъ* — сокращенное изъ *саразысъ* — курица; *алъ* — куриное яйце): этотъ молянъ имѣлъ ту особенность, что на немъ ѣли куръ, которыхъ рѣзали тутъ же на мѣстѣ, и куриныя яйца, отъ чего произошло самое названіе моляна. Молянъ *пурёскєъ* праздновался за селомъ, въ оврагѣ подъ *Вороховой* горой, и оврагъ этотъ до сихъ поръ называется *Пурёскєъ*; мѣсто же моляна *саразъ-алъ-оскєъ* неизвѣстно, но, какъ предполагаютъ, было надъ большимъ родникомъ, который теперь находится уже въ селѣ, на концѣ улицы при выѣздѣ на Озерскую дорогу черезъ лѣсъ; вода въ немъ чистая и прѣсная, чего въ другихъ родникахъ села нѣтъ; поэтому водой его пользуется теперь почти все село.

Заслуживаетъ вниманія праздникъ, справляющійся ежегодно на Покровъ (1-го октября) дѣвками и парнями всего села и называвшійся — «*сыпчины*», на который дѣвки, сговорившись заранѣе, снимали неподалеко нѣсколько квартиръ. Сюда приносили онѣ куръ, гусей, мясо и другіе припасы; передъ самымъ праздникомъ варили брагу, въ продоженіи же *сыпчинъ* ежедневно пекли

пироги и приготовляли разныя кушанья, затѣмъ пряли, пѣли пѣсни и плясали подъ обычный свой припѣвъ: «даили-ли-да-да». Къ нимъ приходили парни и гуляли вмѣстѣ съ ними; дѣвки угощали гостей-парней брагой, пирогами и кушаньями, а тѣ покупали вина, орѣховъ и пряниковъ. На *сыпчинахъ* дѣвки одѣвались въ самые лучшіе наряды, а красивыя, ловкія и статныя надѣвали старинную, особенно нарядную, одежду—«*покай*», весь вышитый мишурой, блестками и увѣшанный по плечамъ и рукавамъ маленькими бубенчиками, погремками, блестящими и звонкими бляшками и даже колокольчиками; звучно побрякивая ими въ тактъ во время пляски, дѣвка блистала въ яркомъ пурпуровомъ нарядѣ. За тѣмъ парни приводили имъ, для катанья верхомъ, лошадей въ сѣдлахъ, непремѣнно бойкихъ, которыхъ украшали лентами и разноцвѣтными махорками, а на сѣдло постилали ярко вышитую и блестящую попону. Дѣвки, желавшія покататься, три раза обходили кругомъ лошади, затѣмъ ловко вскакивали въ сѣдло и лихо, съ плетью въ рукахъ, неслись по селу въ своихъ блестящихъ нарядахъ, въ мужскихъ штанахъ и особенныхъ головныхъ уборахъ, причемъ, навѣшанные на нихъ бубенчики и другія побрякушки производили неумолкаемый звонъ, пугавшій строгихъ лошадей, которыя бросались въ сторону и нерѣдко сбрасывали съ себя смѣлыхъ наѣздницъ. На эти *сыпчины*, продолжавшіяся недѣлю, пріѣзжали изъ сосѣднихъ селъ и имѣній помѣщики и даже «господа» изъ Петровска, причемъ холостые гуляли здѣсь на ряду съ парнями. Послѣдняя *сыпчина* была лѣтъ 20 тому назадъ (въ концѣ 1850-хъ годовъ), за тѣмъ годъ отъ году неурожаи заставили оставлять этотъ народный праздникъ, требовавшій много расходовъ, и онъ остался теперь только въ народной памяти; *покай*, въ который рядились дѣвки, почти нельзя уже ни у кого встрѣтить на селѣ и только немногія бабы носятъ еще бусы и остатки отъ бывшихъ на покаѣ украшеній.

Пугачевщина и для Оркина не прошла безслѣдно: толпы Пугачева, шедшія изъ Пензы, черезъ Петровскъ, на Саратовъ, захватили и Оркино. Разсказываютъ даже, что здѣсь былъ самъ

Пугачевъ (вѣроятно, одинъ изъ его атамановъ, которыхъ всѣхъ звали—*Пугачами*) и останавливался въ хатѣ мордвина Скупцова, жена котораго украла у него мѣшокъ съ деньгами и спрятала ихъ, сначала въ солому на крышѣ, а потомъ перенесла «на зады» и тамъ высыпала въ кучу лежавшихъ бревенъ, гдѣ они и остались цѣлы; отъ того Скупцовы и до сихъ поръ богаты. Священникъ, съ прихода Пугача, какъ разсказываетъ народное преданіе, куда то спрятался и пропадалъ все время, пока толпище не оставило совсѣмъ Оркина и его окрестностей; за то досталось дьякону, котораго прислали спросить — гдѣ попъ? и какъ онъ не могъ, а можетъ быть и не хотѣлъ указать убѣжища священника, то его и вздернули на веревкѣ на воротній столбъ и задушили. Многіе относятъ повѣшеніе дьякона вовсе не ко времени пугачевщины, а, говорятъ, его повѣсили мордвы, за то, что онъ спряталъ отъ нихъ попа, на котораго они были злы и съ которымъ хотѣли расправиться по своему. Полчища самозванца вели съ собой много захваченныхъ по пути дворянъ и одного изъ нихъ повѣсили или зарѣзали, верстахъ въ 3-хъ отъ Оркина, на горѣ, получившей оттого названіе — *Бо́ярынь-пря*, т. е. *боярская голова*. Съ пугачевцами ушло изъ Оркина нѣсколько человѣкъ мордвовъ, которые вскорѣ вернулись съ обрѣзанными ушами и носами; свернувъ, съ большой дороги, на Оркино, разсказываетъ преданіе, обезображенные бѣглецы постыдились идти въ такомъ видѣ въ свою деревню и рѣшились лучше умереть, почему, при входѣ въ лѣсъ, они бросились другъ на друга и перерѣзались ножами.

Въ с. Оркинѣ по 10-й ревизіи считалось — 1407 душъ муж. пола, а въ 1880 году числится — 2048 д. м. п. и 2144 женскаго, а всего 4192 д. об. пола мордвовъ.

Оркинская мордва большею частью средняго роста, съ выдающимися скулами, жидкой, рѣдкой и щетинистой бородой, сѣрыми или голубыми глазами, иногда узкими (татарскаго типа) и, въ большинствѣ случаевъ, больными, въ особенности у женщинъ, которыя часто слѣпнутъ. Между молодыми женщинами и дѣвушками нерѣдко попадаются красивыя лица.

Одежда мущинъ состоитъ изъ холщевой бѣлой рубахи — *панар*'а[1]), съ синей оторочкой по косому вороту и съ красной вышивкой по подолу, и набойчатыхъ холщевыхъ портовъ; на головѣ, не смотря на время года, носятъ они бѣлыя бараньи шапки и непремѣнно съ прорваннымъ верхомъ, лоскутъ котораго болтается по вѣтру; на ногахъ постоянно лапти и рѣдко сапоги, которые въ въ иныхъ семьяхъ хранятся какъ завѣтная вещь и надѣваются лишь по годовымъ праздникамъ или при свадьбѣ. Зимой и лѣтомъ носятъ они полушубки, надѣвая зимою посверхъ ихъ тулупы или армяки изъ домашняго сукна.

Одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой, очень узкой, холщевой рубахи — *панар*'а, въ родѣ мѣшка, вышитаго по всѣмъ швамъ, груди и подолу красной шерстью; рубаха эта дѣлается съ открытой грудью и стягивается на груди большимъ мѣднымъ или желѣзнымъ кольцомъ съ пряжкою. Сверхъ рубахи надѣваютъ *шушпанъ*, родъ узкаго халата, съ разрѣзнымъ передомъ; *шушпанъ*, какъ и *панаръ*, имѣетъ короткіе по локоть узкіе рукава и по всѣмъ швамъ, груди, плечамъ и подолу расшитъ красной шерстью и гарусомъ съ блестками и мишурой. Кромѣ того, до 1850-хъ годовъ, женщины носили праздничный *покай* (о которомъ сказано выше), тоже родъ *шушпана*, только сшитаго спереди и имѣвшаго совершенно видъ мѣшка; *покай* весь вышивался красными шерстями, блестками и нерѣдко золотомъ, такъ что бѣлыя холстовыя полосы оставались не болѣе какъ въ четверть аршина ширины, и весь *покай* блестѣлъ словно парчевой.—Перёдъ закрывается краснымъ узкимъ передникомъ, иногда съ грудью, иногда и безъ груди; послѣдняя и низъ передника вышиваются или обшиваются кружевами и прошивками. Талія перетягивается поясомъ, на который привѣшиваютъ мѣшечекъ для разныхъ мелкихъ вещей — *лакомку*, а сверху повязываютъ красный шерстяной кушакъ. На голову бабы надѣваютъ нѣчто въ родѣ мѣшка, спереди твердо вышитаго разными шерстями, преимущественно красной, блестками и мишурой, это — *шылыдаҥ*, въ который они

1) Здѣсь и ниже въ рукописи *понаръ* вм. *панаръ*. А. Ш.

убираютъ голову совсѣмъ съ ушами, такъ что волосъ нигдѣ не видно, кромѣ какъ на вискахъ, гдѣ они выпускаютъ пряди волосъ причемъ щеголихи завиваютъ ихъ въ кудри; сзади *шылыпанъ* стягивается завязкою и спускается на спину бѣлымъ холщевымъ или коленкоровымъ концемъ, длиною вершковъ въ 6, и тяжело вышитымъ по краямъ; надъ ушами, къ *шылыпану*, привѣшиваются маленькія мѣдныя бляшки или пуговки, по три на сторону. — Въ ушахъ носятъ огромныя мѣдныя или оловянныя серьги; этотъ уборъ мордовки работаютъ сами. — Мордовскій національный костюмъ встрѣтилъ здѣсь гоненіе во время земскихъ засѣдателей: одинъ изъ нихъ приказалъ мужикамъ накупить своимъ бабамъ ситцевъ, китаекъ и нарядить ихъ въ сарафаны, снявъ *шылыпаны* и *шушпаны*; мужики, подъ страхомъ строгаго наказанія, исполнили прихоть засѣдателя, но его цѣль обрусенія такимъ способомъ мордвы не удалась, и мордовки, къ удовольствію Оркинскаго населенія, въ особенности стариковъ, остались при своемъ нарядномъ дѣдовскомъ костюмѣ. — Женская обувь состоитъ большею частью изъ лаптей и рѣдко изъ тяжелыхъ, неуклюжей формы, *котовъ* (родъ башмаковъ), которые прикрѣпляются къ ногамъ ремнями. — Щегольство разными украшеніями въ большой модѣ у мордовокъ: огромныя мѣдныя серьги, на пальцахъ — множество мѣдныхъ и оловянныхъ колецъ, въ особенности у дѣвушекъ; бусы, стеклярусъ или нанизанныя на шнурокъ раковинки, рядовъ въ десять, окружаютъ шею; нѣкоторые шнурки съ этими украшеніями, довольно длинные, спускаются на грудь и на каждомъ изъ нихъ непремѣнно крестъ или маленькая монета. Нарядъ дѣвушекъ и молодушекъ (которыя первый годъ замужемъ) отличается отъ бабьяго только тѣмъ, что онѣ не носятъ *шылыпана*, а заплетаютъ волосы въ одну косу, въ которую вплетаютъ узенькую ленточку съ кистью изъ красныхъ шерстяныхъ нитокъ съ блестками на концѣ. Дѣвушки рѣдко покрываютъ головы платками (непремѣнно красными); лѣто и зиму, несмотря на сильные холода, ходятъ онѣ большею частью съ открытыми головами. — Нѣкоторыя женщины нюхаютъ, а иныя курятъ изъ трубокъ—махорку: мордовка,

въ особенности старуха, опершись лѣвой рукой въ бокъ, стоя съ трубкой въ зубахъ, тонкими струйками, съ большимъ наслажденіемъ выпускаетъ вонючій дымъ скверн҃ѣйшаго табаку.

На обязанности женщинъ лежитъ все управленіе домашнимъ хозяйствомъ, присмотръ за скотомъ, птицею, стряпня, шитье мужской, женской и дѣтской одежды; между ними есть хорошія мастерицы по вышиванію шерстями. Обработка полей лежитъ на мужчинахъ, женщины же принимаютъ участіе только въ полотьѣ, жатвѣ, молотьбѣ хлѣба и уборкѣ сѣна.

Оркинцы — государственные крестьяне, живутъ въ достаткѣ, нѣкоторые имѣютъ на гумнахъ по нѣсколько одоньевъ прошлогодняго хлѣба; есть нѣсколько такихъ мордвовъ, у которыхъ лежатъ въ банкахъ капиталы — тысячъ до тридцати рублей; но несмотря на зажиточность, всѣ они живутъ грязно и неопрятно. Въ настоящее время, къ 1 январю 1880 года, въ с. Оркинѣ считается 611 дворовъ, расположенныхъ въ нѣсколько порядковъ и улицъ,—послѣднихъ, довольно большихъ, болѣе 10. Все село съ дворами, площадями и гумнами занимаетъ около $2^1/_2$ квадратныхъ верстъ. Улицы большею частью неправильны и узки, съ очень рѣдкими переулками; избы не отличаются правильностью постройки, красотою и удобствомъ, большинство поставлены на улицу или бокомъ, или задомъ, или же вовсе на дворѣ. Послѣ пожара 3 іюля 1879 г., въ который сгорѣло 94 двора, сгорѣвшая часть Оркина построена теперь по плану, и улицы раздѣлены частыми проулками отъ 8 до 20 сажень шириною. Избы крыты соломою, и во всемъ селѣ только 92 избы, крытыхъ тесомъ; строятся онѣ обыкновенно изъ чернолѣсья, тонкихъ и корявыхъ бревешекъ; стѣны обмазываются потомъ глиной, въ нихъ прорубаютъ небольшія окна, большею частью разной величины: одно меньше, другое больше; сбоку, на улицу, на высотѣ окна, вмѣсто послѣдняго, непремѣнно оставляютъ въ стѣнѣ щель, пальца въ два шириною, которую затыкаютъ тряпкой, а нѣкоторые вставляютъ кусокъ стекла. Въ рѣдкихъ избахъ есть досчатый полъ и тотъ со щелями. Избы въ большинствѣ топятся по черному, а нѣкоторыя, хотя и сдѣланы съ рус-

скими печами и трубами, но зимою, «*для тепла*» топятся также по черному. Въ этихъ избахъ живутъ семьи, нерѣдко человѣкъ въ 30, а съ ними, въ зимнее время, помѣщается и скотина: телята, ягнята, поросята и куры; воздухъ въ такихъ избахъ постоянно пропитанъ одуряющей вонью и къ тому же въ зимнее время не достаетъ и свѣта, такъ какъ маленькія окна промерзаютъ насквозь; повсюду грязь и нечистота, по щелямъ тысячи таракановъ, пауки заплетаютъ углы, по потолку, палатямъ, по стѣнамъ, всюду висятъ паутины. Понятно, что подобныя избы представляютъ мало удобствъ въ гигіеническомъ отношеніи, и обитатели ихъ часто страдаютъ отъ различныхъ болѣзней, въ особенности— накожныхъ и глазныхъ; болью глазъ страдаютъ и взрослые и дѣти.

Въ селѣ есть нѣсколько избъ, содержимыхъ относительно чисто, потому что для скота имѣются другія избы, или онѣ дѣлаются двойныя, раздѣленныя сѣнями: въ одной — помѣщаются хозяева, въ другой же — кухня и скотина.

Заболѣетъ мордвинъ, и его лѣчатъ всякими домашними средствами, а чаще приглашаютъ старуху-знахарку, или водятъ къ ней. Знахарка нашептываетъ на что нибудь больному, или же прежде всего велитъ истопить по-жарче баню и въ ней выпарить больнаго, причемъ страдающему животомъ накладываетъ на него горшки, какъ это дѣлается съ сухими банками. Знахарки эти лѣчатъ и разными зельями, травами, даже мышьякомъ, сулемою и тому подобными ядами, отъ которыхъ паціенты ихъ часто залѣчиваются на смерть. Причины болѣзней преимущественно сырость и холодъ отъ земляного пола, по которому ходятъ босикомъ, отъ зловонныхъ испареній въ жилищахъ, а также отъ неудобоваримой и непитательной пищи.

Умираетъ взрослый парень, спросимъ родственниковъ о причинѣ смерти: «А кто его знаетъ, чѣмъ онъ фаралъ, — отвѣчаетъ мордва, такъ все ходилъ, все ходилъ, а тутъ фарать сталъ; день, другой — съ недѣля лежалъ и умеръ». — Спросимъ, лѣчили-ли чѣмъ и ѣздили-ли къ доктору? — «Лѣчили, какъ фарать сталъ,

такъ бабка призвалъ, онъ лѣчилъ; въ банѣ парилъ ее, послѣ бани *лёфка* (легко) будто сталъ ей, потому послѣ бани всякій человѣкъ *лёфка* бываетъ и ей *лёфка* сталъ; допрежъ онъ кашлялъ, а тутъ пуще сталъ, такъ и хрипитъ, такъ и хрипитъ, а тутъ пересталъ: *тятяй, авай* (отецъ, мать), говорила она, душно мнѣ, вотъ тутъ больно (мужикъ показываетъ на горло), дыхать нельзи; и болѣсть никакой не видать, а баялъ больно, дыхать нельзя». — Попрекнешь, что не съѣздили къ доктору и не попросили у него лѣкарства: — «Зачѣмъ лѣкарь, у насъ бабка все знаетъ, лучше лѣкарь всякой знатъ. Ужъ *Пасъ-кормилецъ* знатъ, что надо, противъ него никакой лѣкарь нейдетъ. Чего знатъ лѣкарь: дастъ ему какой горькой вода, пить тошно, а онъ дастъ. Однова жена лихоманка хватилъ, долго мучилъ его, ѣздилъ къ лѣкарю, въ нѣмцы (въ Ягодную-поляну), онъ какой-то мука, съ ложку такъ, далъ мнѣ, баетъ по-съ-эстольку глотать надыть. Пріѣхалъ, да и далъ, такъ жена совсѣмъ было околѣлъ: тошно, тошно, кричитъ; я скорѣе воды— и отошло». — Спрашиваешь, давалъ-ли онъ еще этого лѣкарства? «Зачѣмъ? ишъ онъ скверна какой далъ. Мы потомъ въ банѣ парилъ ее, ротъ чернилой мазалъ, газъ (фотонафтиль) пить давалъ, сульемой ротъ мазалъ, ... сульема — это такихъ еще лошадямъ даютъ». — А то, напримѣръ, разсказываютъ, какъ бабка-знахарка вылѣчила одной бабѣ простое воспаленіе глазъ: знахарка сдѣлала изъ сулемы и еще какихъ-то зелій смѣсь и, завязавъ въ тряпицу, «*на пробу*» привязала къ одному изъ больныхъ глазъ бабы, та сѣла прясть и пряла до тѣхъ поръ, пока видно не въ терпежъ стало отъ снадобья; отвязала тряпицу, а глаза какъ не бывало, — сулема сдѣлала свое дѣло; понятно, что другой глазъ она уже не дала лѣчить! — Эти знахарки въ тоже время и повитухи, но въ большинствѣ случаевъ и въ этомъ дѣлѣ, такъ же какъ и въ лѣченіи, ничего не смыслятъ. — Между знахарками есть особенно выдающіяся, которыхъ знаетъ окрестность верстъ на 30; есть и спеціалистки по лѣченію сибирки: является къ одной изъ нихъ паціентъ съ подозрительнымъ прыщемъ, сибиркой будто бы; знахарка, не задумываясь, накаляетъ до бѣла острый шпигорь

(большой гвоздь) и выжигаетъ подозрительное пятнышко, не обращая вниманія на вопли паціента. — Нѣкоторыя изъ нихъ довольно успѣшно лѣчатъ заболѣвшихъ сифилисомъ. — Не такъ давно знахарки придумали новое лѣкарство отъ лихорадки: даютъ больному клоповъ, которыхъ кладутъ, потихоньку отъ него, въ хлѣбный мякишъ, закатывая его вродѣ пилюли; послѣ пріема такого оригинальнаго лѣкарства больного рветъ ужасно, и лихорадка иной разъ проходитъ.

Такъ лѣчится мордва; иные и ѣздятъ къ фельдшеру; разъ дадутъ больному, а потомъ бросаютъ. До 1877 года земскій фельдшеръ и аптечка находились въ с. Озеркахъ, за 6 верстъ отъ Оркина, а съ 1877 г. земскій фельдшерскій пунктъ переведенъ въ колонію Ягодную-Поляну, тоже въ 6 верстахъ отъ села. Мордва ужасно боится оспы, оттого что она безобразитъ дѣтей, почему они имъ охотно прививаютъ ее, чего нельзя сказать про русскихъ сосѣдей въ с. Озеркахъ.

Интересенъ уходъ мордвы за ребенкомъ; лишь только онъ появится на свѣтъ, то мать-роженицу ведутъ въ баню, съ нею несутъ и новорожденнаго, котораго также моютъ и парятъ, какъ и мать, не разбирая, что для него вода можетъ быть горяча и въ банѣ черезчуръ жарко: терпитъ рука — значитъ можно купать и мыть. Выходя изъ бани, уносятъ всѣ вещи роженицы, даже вѣникъ, которымъ ее парили, а то злые люди могутъ испортить ее. На первыхъ порахъ ребенка кормятъ грудью, но черезъ нѣсколько дней ему даютъ соску изъ кислаго ржаного хлѣба; надо замѣтить, что бабка, только что родившемуся ребенку даетъ жёвку изъ ржаного хлѣба съ солью, причемъ стараются влить непремѣнно въ горло ребенку цѣлую ложку такой жёвки. Съ перваго же дня ребенка помѣщаютъ въ колыбель — *лаусь*, которая чаще всего дѣлается изъ корзинки или загибается изъ лубка въ родѣ ящика, въ который набиваютъ соломы или трухи, а сверху кладутъ ветошку — старый *шушпанъ*, а на него ребенка, завернутаго въ разное тряпье; подстилка въ колыбели рѣдко просушивается и еще рѣже перемѣняется, такъ что вонь и сырость почти

никогда не покидаютъ ребенка: онъ заболѣваетъ, кричитъ и не спитъ, тогда его лѣчатъ,—кипятятъ маковыя головки въ молокѣ и поятъ его этимъ настоемъ, отъ котораго онъ дурѣетъ и засыпаетъ; но это продолжается недолго: отъ частаго употребленія маковаго настоя чувства ребенка притупляются, и настой на него не дѣйствуетъ, но лишь раздражаетъ и онъ мечется. — Мѣсяца черезъ два ребенка пріучаютъ ѣсть все то, что ѣдятъ взрослые, ему даютъ картофель, хлѣбъ и вареную во щахъ капусту: появляются поносы, дитя слабѣетъ и нерѣдко, отъ плохого ухода и лѣченія домашними зельями, умираетъ. Отъ дурного ухода рость ребенка и развитіе его замедляются, а потому нерѣдкость встрѣтить между мордвою мужчинъ и женщинъ не болѣе 2-хъ аршинъ. — Въ лѣтнее время, когда мать занята работой, дитя поручается нянькѣ — 5—6 лѣтней сестренкѣ или наемной дѣвочкѣ, которая, укачавъ его въ колыбели, убаюкиваетъ пѣсней и выноситъ на улицу; лишь только ребенокъ въ состояніи немного сидѣть, нянька сажаетъ его къ себѣ на плечи, ноги перевѣшиваетъ впередъ и, зацѣпивъ его рубашенку себѣ за голову, носитъ его на себѣ, убаюкивая при этомъ постояннымъ напѣвомъ: «ба-ля-ля-а-а». Надо слышать, чтобы составить себѣ понятіе, какъ баюкаютъ дѣтей пѣсней: ребенокъ-нянька оретъ такъ, что въ ушахъ звенитъ даже у взрослаго.

Посмотримъ теперь на свадебные обряды мордвы: въ старину у нихъ, обыкновенно, за мальчика лѣтъ 10—12 сватали дѣвку лѣтъ 20 и старше, такъ что случалось и еще не такъ давно, что 12 лѣтній парнишка женатъ на 20—25 лѣтней бабѣ, нянчающейся съ нимъ, какъ мать: мужъ-ребенокъ вволю набѣгается и наиграется днемъ, а вечеромъ заснетъ гдѣ-нибудь, жена отыскиваетъ его и несетъ спать домой. И теперь мордва женитъ парней рано, преимущественно лѣтъ 17-ти, испрашивая часто разрѣшеніе архіерея, по несовершеннолѣтію жениха. Невѣстъ же не берутъ моложе 19—20 лѣтъ, почему нерѣдко случается видѣть молодаго, часто мальчишку, передъ пожилой бабой—женой. Парень, желающій усватать себѣ невѣсту, нѣсколько дней, по

вечерамъ, ходитъ по окнамъ избъ, высматривая и выбирая невѣсту «по вкусу и мысли», и затѣмъ посылаетъ къ родственникамъ ея своихъ сватовъ, которые, съ полуштофомъ водки, входятъ въ избу невѣсты и помолясь садятся въ передній уголъ за столъ; поговоривъ о томъ—о семъ, какъ водится, приступаютъ къ дѣлу Невѣста, замѣтивъ за чѣмъ пришли гости, тотчасъ убѣгаетъ или прячется гдѣ нибудь въ избѣ. Ежели рѣчь сватовъ и ихъ предложеніе нравится ей и ея родственникамъ, то она выходитъ изъ своего убѣжища, наливаетъ, изъ принесенной сватами бутылки, водку въ стаканы и подчуетъ гостей; если же предложеніе не нравится, то, выбѣжавъ, она схватываетъ бутылку и разбиваетъ ее объ полъ, затѣмъ ругаетъ жениха и его родственниковъ, и даже выгоняетъ ихъ изъ избы; обычай этотъ теперь вывелся.

Въ старину бывали часто случаи, что ежели невѣста или ея родные не соглашались отдать дѣвку, то ее брали и вѣнчали силою, причемъ родственники жениха предварительно уговаривались съ священникомъ и, отыскавъ затѣмъ прятавшуюся невѣсту, силой привозили ее въ церковь, гдѣ священникъ, чтобы избѣжать шума и драки, запиралъ двери, какъ только введутъ парня и дѣвушку, и вѣнчалъ ихъ, несмотря на мольбы и упорство невѣсты. Но случалось, что изъ за этого, между родными той и другой стороны завязывались не только драки, но и цѣлыя побоища: такъ, разсказываютъ, что однажды въ полѣ, откуда схватили невѣсту, произошла между той и другой стороной страшная рѣзня серпами [1]); этотъ обычай теперь совершенно вывелся.

Въ случаѣ согласія невѣсты, сваты предлагаютъ родственникамъ ея выпить, послѣ чего договариваются о *кладкѣ* и кончаютъ обыкновенно на томъ, что женихъ обязанъ выставить отъ

1) Мы видимъ изъ Архива историко-юридическихъ свѣдѣній Н. В. Калачева (1855 г.), что мордва въ Инсарскомъ уѣздѣ, Пензенской губ., крещена въ половинѣ XVIII вѣка, т. е. одновременно съ Оркинской: Мордовскіе браки совершались тамъ также *самокрутомъ* — похищеніемъ невѣсты, хотя всегда съ согласія невѣсты и ея матери. О поливаніи могилъ, оставленіи на нихъ пищи, табаку, одежды и прочаго (о чемъ будетъ сказано ниже), тоже упоминается Калачевымъ, также какъ и о разговорахъ съ покойникомъ (пиршества эти назывались *молянами*, но священники ихъ запретили).

10 до 15 ведеръ водки, сшить невѣстѣ новую шубу, купить нѣсколько красныхъ платковъ, коты и непремѣнно сундукъ для всякаго добра. Послѣ совѣщанія о *кладкѣ* идетъ пиръ горой, причемъ выпиваютъ на первый разъ нѣсколько ведеръ водки. Проходитъ недѣля, другая и настаетъ время свадьбы; до того женихъ иногда посѣщаетъ невѣсту и приноситъ ей лакомства: рожки, дешевые пряники, орѣхи, конфекты-леденцы.

Въ промежутокъ между усватаніемъ и свадьбой, у невѣсты бываютъ *«супрядки»* — помочь, причемъ ей помогаютъ шить *пандры*, *шушпаны*, платки и прочее; угощеніе на этихъ *супрядкахъ* и водку дѣвкамъ доставляетъ женихъ. Наканунѣ свадьбы невѣсту водятъ въ баню, гдѣ она моется съ подругами; потомъ имъ запрягаютъ пару или одну лошадь, съ колокольчикомъ подъ дугой, и онѣ ѣдутъ кататься по селу, причемъ, почти всѣ онѣ пьяныя, становятся въ телѣгу или сани, смотря по времени года: по срединѣ стоитъ невѣста, а подружки, охвативъ другъ друга руками, кольцемъ окружаютъ ее; у дѣвокъ за красными кушаками заткнуты бѣлыя полотенца (куски холста) или платки, подаренные женихомъ; всѣ раскраснѣвшіяся, какъ маковъ цвѣтъ, съ открытыми головами, не смотря ни на какую погоду и морозъ, онѣ катаются по селу и съ пѣснями ѣздятъ изъ улицы въ улицу; на перекресткахъ невѣста плачетъ, рыдаетъ и причитаетъ; затѣмъ ѣдутъ къ церкви и, остановившись на перекресткѣ, отъ котораго проулокъ ведетъ къ кладбищу, невѣста выходитъ изъ телѣги или саней, рыдаетъ и причитаетъ такъ громко, что слышно бываетъ на сосѣднихъ улицахъ, — это невѣста прощается съ умершими родственниками; случается, что она не умѣетъ причитать, тогда одна изъ подругъ, закрывъ ротъ платкомъ или рукавомъ, исполняетъ необходимый обычай, иначе люди будутъ смѣяться; ежели же и подруги не умѣютъ причитать, то нанимаютъ плакальщицу.

Наканунѣ же свадьбы, въ домахъ жениха и невѣсты готовятся къ пріему гостей, а у послѣдней еще съ вечера, собравшіяся бабы-свахи и родные готовятъ особаго рода пирогъ для молодыхъ — *лукшу*, изъ хорошаго бѣлаго тѣста, начиняя его

разными снадобьями и всѣмъ, что ни попало подъ пьяную руку: мясомъ, яйцами, лукомъ, кашей и прочимъ. Въ то время какъ разваливаютъ для такого пирога тѣсто, бабы поютъ разныя сальныя пѣсни, съ такими же прибаутками; на это время изъ избы выгоняютъ всѣхъ мужиковъ, и пирогъ готовится непремѣнно при невѣстѣ. Кто видѣлъ, какъ готовится *лукша*, — ѣсть его не станетъ, ежели брезгливъ. — *Лукша* относится свахами къ матери невѣсты, причемъ на верхъ пирога, убраннаго украшеніями изъ тѣста, кладутъ кусокъ сыраго мяса, солонины или ветчины.

Вечеромъ, у жениха и невѣсты, служатъ молебны, а на другой день, приготовившись къ свадьбѣ, благословляютъ жениха, и онъ ѣдетъ въ церковь. За нимъ собирается невѣста: изба ея полна народу — дѣвокъ и родственниковъ; шумъ, гамъ, спертый воздухъ — стоятъ въ ней невообразимые; при благословеніи невѣсты (*кудать*), снимаютъ съ полки, служащей образницей, маленькую икону и ею раза три-четыре, отецъ, а потомъ мать обводятъ вокругъ головы невѣсты и даютъ ей приложиться, послѣ чего невѣста прощается съ отцемъ, матерью, родственниками, причемъ раздаются уже непритворные плачъ и рыданія; затѣмъ она прощается со столомъ, скамейкой, печью, ухватами и прочей утварью; выходя на дворъ — прощается со скотиной, телѣгами, санями, сохами, столбами, подпирающими навѣсы двора; наконецъ, ѣдетъ въ церковь, на присланныхъ женихомъ лошадяхъ. Въ это время *полдружье*, или «*пельуридивь*», пріѣзжаетъ отъ жениха за имуществомъ невѣсты, но дѣвки — ея подруги не выдаютъ его даромъ, ему передъ носомъ запираютъ ворота: полдружье платитъ гривну или семикъ; его впускаютъ во дворъ, но въ сѣни — не пускаютъ; онъ опять даритъ дѣвокъ семикомъ или гривной (3 копейки серебр.), входитъ въ сѣни,—въ избу не пускаютъ; наконецъ, онъ въ избѣ, но дѣвки не даютъ вещей невѣсты—выкупи; платитъ снова и уложивъ добро въ привезенный сундукъ, увозитъ къ жениху, тамъ онъ въ свою очередь не уступаетъ сундука, стоящаго у него въ телѣгѣ или саняхъ, сидитъ на немъ и требуетъ платы — водкою. Сундукъ снимается только тогда, когда пьяный полдружье до того охме-

лѣетъ, что свалится съ него. За подарки, дѣвки нашиваютъ всѣмъ поѣзжанамъ-мужикамъ мохорки изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ къ шапкамъ.

Поѣздъ съ невѣстой, выѣхавъ со двора, останавливается на улицѣ: здѣсь дружко, съ иконой въ рукахъ, крестясь, три раза обѣгаетъ кругомъ поѣзда, и тогда отправляются къ церкви, причемъ невѣста, покрывъ лицо краснымъ платкомъ, ѣдетъ стоя въ кругу своихъ подругъ и непремѣнно рыдаетъ.

Мордва суевѣрна, поэтому никогда не согласится вѣнчаться въ тотъ день, когда въ церкви отпѣвали покойника, тогда свадьбу откладываютъ до слѣдующаго дня.

Введя невѣсту въ церковь, ей расплетаютъ дѣвичью косу, вѣнчаютъ съ распущенными волосами, и такъ же ведутъ въ домъ молодого, причемъ молодые идутъ въ вѣнцахъ, въ сопровожденіи священника и причта, при перезвонѣ колоколовъ.

Дома, молодая угощаетъ молодого яйцами, лепешками и *лукшей*: все это привозится въ сундукахъ, вмѣстѣ съ добромъ невѣсты, котораго обыкновенно бываетъ очень немного. Вскорѣ молодого, почти совсѣмъ пьянаго, отводятъ въ амбаръ, потомъ берутъ молодую и подойдя къ дверямъ амбара, говорятъ: «*Вѣ̀ргисъ, вѣ̀ргисъ на̀ тоня̀ть ря̀вя*» (волкъ, волкъ, на тебѣ овцу), повторяя это до трехъ разъ, послѣ чего толкаютъ молодую въ дверь, гдѣ ее схватываетъ молодой. Начинается гулянье и тянется недѣлю, рѣдко, развѣ въ рабочую пору, три-четыре дня; толпами въ 20, 30 и болѣе человѣкъ ходятъ въ гости, а чаще ѣздятъ, къ молодымъ и ихъ роднѣ, выпивая при этомъ огромное количество водки: у мордвы нѣтъ другого угощенья, какъ водка и мясо, а то и просто одинъ хлѣбъ на закуску, ежели же кто остается обѣдать, то подаютъ на столъ: щи съ мясомъ, лапшу, кашу, блины. На каждой свадьбѣ гуляющихъ бываетъ до 100 человѣкъ; угощаютъ сперва родные, но послѣ 3—4 дней, каждый угощается на свой счетъ— въ складчину. Послѣ вѣнца, молодые гуляютъ вмѣстѣ съ гостями. Теща угощаетъ молодого зятя яйцами въ смятку и яичницей.

Молодая, тотчасъ послѣ свадьбы, принимается за работу по хозяйству, и ей обыкновенно приходится работать больше всѣхъ, такъ какъ она должна подчиняться и быть на побѣгушкахъ у старшихъ снохъ и свекрови. Проходитъ годъ и молодая (*ӱрьва*) надѣваетъ уже *шылыгань* (бабій головной уборъ) и тогда становится совершенно бабой — «*урящъ*».

Погребальные обряды мордвы отличаются своеобразностью: лишь только больной начинаетъ томиться, какъ торопятся перенести его въ передній уголъ, а на столъ или окно ставятъ чашечку съ водой, чтобы душа, какъ только вылетитъ изъ тѣла, могла омыться въ ней. Сказываютъ, что нѣкоторыя бабы «*изъ досужихъ*» (знахарки и монашествующія въ селѣ дѣвки) видѣли, какъ колыхалась вода въ этихъ чашкахъ, лишь только умретъ человѣкъ и душа изъ него вылетитъ. Тѣло покойнаго обмываютъ, надѣваютъ чистое бѣлье и обуваютъ въ лапти; къ умершему собираются родственники, знакомые, сосѣди и прежде всего, обыкновенно, бабы — старухи. Плакать по умершемъ считается обязанностью для женщинъ; каждая приноситъ съ собою по пирогу (хлѣбу): вошедшая молится Богу, потомъ плачетъ и причитаетъ около покойника; плачущую унимаютъ, и она, послѣ долгихъ увѣщаній, переставъ наконецъ рыдать, отламываетъ кусокъ отъ принесеннаго хлѣба, ѣстъ и тѣмъ поминаетъ покойника. Такъ дѣлаетъ каждая вошедшая. Какъ только она начнетъ рыдать, старшая въ домѣ женщина беретъ грошъ или трешникъ и, ставъ передъ лицомъ покойника, начинаетъ ножомъ скоблить мѣдь, приговаривая: «Вотъ тебѣ деньги, дѣлай на нихъ тамъ все, что хочешь; пойдешь можетъ въ бесѣду, на крестины, свадьбу, аль еще куда. Поворожи за насъ (живыхъ) тамъ и кланяйся Ивану, Дарьѣ, Надѣ.... и проч.», называя всѣхъ умершихъ родныхъ. Если умершій былъ самъ знахарь (а въ Оркинѣ ихъ много, въ особенности между бабами), то просятъ поворожить на томъ свѣтѣ о живыхъ, а также просятъ покойника, чтобы онъ объ этомъ передалъ прежде умершимъ знахарямъ, чтобы они тоже поворожили о живыхъ.

Настаетъ ночь, собравшіяся бабы сидятъ вокругъ по лавкамъ и ведутъ шопотомъ разговоры на приличную случаю тему, больше всего о покойникѣ; нѣкоторые зажиточные приглашаютъ чтецовъ — читать псалтырь. Поздно ночью, нѣсколько бабъ ложатся спать и, проснувшись черезъ часъ или два, начинаютъ разсказывать сны: кто какъ видѣлъ покойника; по снамъ судятъ о томъ, въ чемъ онъ нуждается, чѣмъ надо помянуть его и что подать за него. — Готовъ и гробъ, въ него кладутъ усопшаго и, въ былое время — лѣтъ 15 — 20 тому назадъ (еще въ 1860-хъ годахъ), съ нимъ клали лепешки, яйца, лапти, кочедыкъ (чѣмъ дѣлаютъ лапти) и даже трубку, ежели покойный курилъ, — потому что на томъ свѣтѣ пригодится.

Покойника выносятъ въ церковь, въ домѣ же скамейку, на которой онъ лежалъ, посыпаютъ въ концѣ, къ переднему углу, золой и втыкаютъ топоръ или ножъ, чтобы *«укрыпить»* мѣсто для другихъ, чтобы не умирали оставшіеся. Послѣ похоронъ дѣлаютъ обѣдъ-поминки, на который собираются всѣ родственники, являющіеся непремѣнно съ своимъ хлѣбомъ, и сначала каждый поминаетъ принесеннымъ, а потомъ уже собираютъ обѣдъ и поминаютъ хозяйскимъ. На третій, девятый и сороковой дни поминаютъ снова умершаго и, когда соберутся всѣ родственники, выходятъ на дворъ или на улицу, и здѣсь, передъ избой, старшая въ домѣ баба, разломивъ яйцо, бросаетъ его на землю, потомъ скоблитъ ножомъ мѣдный грошъ, поминая всѣхъ умершихъ, какъ своихъ, такъ и всѣхъ пришедшихъ на поминки родственниковъ. На *родительскую*, послѣ Пасхи и на Дмитріевъ день, мордвы ходятъ на могилы, куда приносятъ брагу, водку, блины и т. под., поминаютъ усопшихъ и служатъ на могилахъ панихиды. На кладбище ходятъ обыкновенно бабы и ребятишки; поплакавъ и помолившись надъ могилой, разстилаютъ кусокъ холста и, выливъ стаканъ водки или браги на могилу, пьютъ потомъ сами и ѣдятъ. Плакать надъ могильнымъ крестомъ и плакать громко, во весь голосъ, считается обязанностью, а потому, во время родительскихъ поминовенныхъ дней, на кладбищѣ стонъ стонъ отъ

бабьяго вопля и рыданій. Часть блиновъ, лепешекъ и прочаго оставляютъ на могилахъ, а также нѣкоторыя оставляютъ и бѣлье: рубаху, штаны и т. под., при чемъ говорятъ: — «На вотъ тебѣ одёжа, можетъ, тамъ нужно». — Все это собираютъ потомъ нищіе, а наряду съ ними и собаки.

Мордвы суевѣрны и трусливы, но бабы, въ особенности знахарки, бываютъ смѣлы и ночью ходятъ на кладбище, затѣмъ чтобы просить умершихъ знахарей помочь въ ихъ нуждахъ по исцѣленію какого либо больного; для этого знахарка идетъ вечеромъ на кладбище, отыскиваетъ нужную ей могилу, ставитъ на ней чашку съ хлѣбомъ и, скобля ножомъ мѣдный трешникъ, проситъ у мертваго, что ей надо.

Праздникъ, особенно почитаемый мордвами — *Рождество Христово* (въ Оркинѣ — престольный). Въ этотъ день мордвы гуляютъ и ходятъ другъ къ другу въ гости. Утромъ на Рождественскій сочельникъ ребятишки, мальчики и дѣвочки 6—10 лѣтъ, собираются и ходятъ *колядовать*: остановившись передъ окнами избы и, построившись въ рядъ, они поютъ. [Текстъ колядки напечатанъ выше. А. Ш.].

Кончатъ ребятишки *каля̀ду*—и имъ выносятъ, нарочно испеченныхъ для того, лепешекъ, называемыхъ *калядà̀шками*.

Въ святки дѣвки и парни мало гадаютъ, старики же и старухи гадаютъ больше объ урожаѣ слѣдующаго лѣта: для этого берутъ обыкновенно луковицу и, разрѣзавъ пополамъ, снимаютъ чешуйки, изъ нихъ 12 ставятъ на столъ и насыпаютъ въ каждую по щепоткѣ соли, оставляя ихъ такъ на ночь; утромъ смотрятъ, въ которой изъ нихъ больше воды отъ распустившейся соли, и такъ какъ каждая чешуйка изображаетъ собою одинъ изъ 12-ти мѣсяцевъ въ году и, по счету, первая съ правой стороны принимается за Январь, вторая — за Февраль и т. д., то поэтому судятъ, въ которомъ мѣсяцѣ, какая будетъ погода: сухая или дождливая. Объ урожаѣ гадаютъ также на снопахъ хлѣба: на ночь выставляютъ на кольяхъ снопы — ржи, пшеницы и другихъ хлѣбовъ, и на которыхъ будетъ больше инея, тотъ уродится

лучше.—Молодые ребята, подлежащіе рекрутству, ходятъ ночью съ кольями на прудъ и опускаютъ ихъ въ прорубь: кто изъ нихъ легче выдернетъ, черезъ нѣсколько времени, изъ замерзшей проруби свой колъ, тотъ освободится отъ рекрутчины, но кто совсѣмъ не вынетъ — пойдетъ непремѣнно на службу. Бабы, подъ Новый годъ, ходятъ, садясь верхомъ на помело, слушать на перекрестокъ.

Но вотъ настаетъ Крещеніе, хозяйки опять запасаются лепешками — *конями*, которыя дѣлаютъ въ видѣ серпа полумѣсяца. Съ утра ребятишки и взрослые парни скачутъ по селу на лошадяхъ отъ одного родственника къ другому и собираютъ *лепешки-кони*. Послѣ маленькихъ, ѣздятъ взрослые, которые, конечно, не ограничиваются лепешками, и хозяева угощаютъ ихъ водкой. Послѣ обѣдни, лишь только станутъ выходить изъ церкви съ иконами, мордвы стрѣляютъ изъ ружей залпами и въ одиночку, что продолжается и на *Іордани*, при погруженіи креста въ воду.

Масляницу мордва проводитъ такъ же, какъ и русскіе: ѣдятъ блины, гуляютъ, катаются на лошадяхъ, а молодые парни и дѣвки—больше съ горъ на салазкахъ. По вечерамъ водятъ хороводы. Но лишь наступитъ постъ, какъ всѣ, и взрослые и малые, стараются говѣть на первой же недѣлѣ, чтобы, очистившись въ началѣ, не грѣшить во весь постъ. Со второй или третьей недѣли поста, лишь только солнышко начнетъ пригрѣвать по-сильнѣе и пойдутъ оттепели, по вечерамъ дѣвки собираются гдѣ нибудь на площади у амбара, или прижавшись гдѣ у избы, поютъ «*веснянки*» — славятъ весну. Мордвы обыкновенно поютъ русскія пѣсни, конечно, съ выговоромъ на свой мордовскій ладъ; мордовскихъ пѣсенъ у нихъ осталось мало и изъ нихъ многія становятся непонятны самой мордвѣ; такова, напримѣръ, одна изъ *веснянокъ*, словъ которой они не понимаютъ:

Авѝ, ся̀на ся̀на
Новѝ яка̀ня
Новѝ яка̀ня!...

Дальше они добавляютъ въ этой пѣснѣ свое — про всѣхъ мужиковъ и бабъ своей улицы: однихъ хвалятъ, другихъ хулятъ и ругаютъ, называя чумичкою, затычкою въ трубѣ и пр. — Другая, понятная, *веснянка*, имѣющая религіозный характеръ стараго времени, поэтично сравниваетъ весну съ красивой дѣвушкой, взлелѣянной родными батюшкой, матушкой и братьями. Вообще пѣсни, которыя поются постомъ, — религіознаго содержанія.

Наступаетъ Свѣтлая недѣля, за ней *Красная горка*, и дѣвки цѣлыя ночи водятъ съ парнями хороводы: отъ вечерней до утренней зари раздаются по селу ихъ громкія пѣсни, а то вдругъ заиграютъ «*даили-ли-да-да*» и подъ эту пѣсню и игру на рожкѣ, на которомъ нѣкоторые парни играютъ мастерски, дѣвки идутъ плясать: *хороводъ* образуетъ продолговатый кругъ, въ средину котораго выходятъ двѣ дѣвушки, начинаютъ потоптывать на мѣстѣ и, медленно разводя руками, подергивая плечами и станомъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто (мѣняются мѣстами) — въ этомъ и состоитъ вся пляска. Нѣкоторые парни, большею частью рекруты, имѣютъ гармоники, но играютъ на нихъ очень плохо и на свой мордовскій ладъ.

На *Троицу* и русскій *семикъ* дѣвки, собравшись хороводами, идутъ въ лѣсъ, рвутъ цвѣты, вьютъ изъ нихъ вѣнки и, надѣвъ ихъ на головы, идутъ въ село; впрочемъ, собственно вѣнки вьютъ рѣдкіе, обыкновенно же убираютъ цвѣтами голову, втыкая ихъ въ волосы надъ ушами и въ косу, въ конецъ которой, вмѣсто шнурковъ съ кисточками, вплетаютъ красныя ленты. Дѣвушки входятъ въ село шеренгой, схватившись рука съ рукой; обнявшись, идутъ по улицѣ и поютъ пѣсни.

Всю зиму бабы прядутъ ленъ и пеньку, а весною, во время пашни и междупарья, онѣ ткутъ холсты, и далеко слышно по улицѣ, какъ онѣ торопливо бьютъ бёрдами. Бабѣ много работы: всю зиму пряла, а весной должна соткать столько холста, чтобы его хватило на *панáры* и *шушпáны* себѣ, на рубашки мужу и ребятишкамъ — словомъ на все, такъ какъ у мордвы нѣтъ ни

одного купленнаго базарнаго лоскута, а вся одежда состоитъ изъ домашняго приготовленія; самое меньшее, что выпрядетъ и наткетъ баба за зиму и въ весну — это 60 аршинъ посконнаго и столько же льняного холста. За послѣднее время молодые парни стали носить по праздникамъ красныя кумачевыя рубашки, бумажные триковые штаны и сапоги съ каблуками.

Время пашни — мужики торопятся пахать и сѣять; засѣваютъ не только свою душевую землю, но и много съемной: бѣднякъ—и тотъ имѣетъ не менѣе 3-хъ десятинъ съемной земли, такъ какъ главное занятіе Оркинцевъ — земледѣліе. Они снимаютъ земли у окрестныхъ владѣльцевъ: Киндякова (Петровскаго уѣзда) — за 10 верстъ отъ Оркина, мѣщанскую — города Петровска — тоже за 10 и болѣе верстъ, Сокурской экономіи наслѣдницъ князя Голицына — за 5 — 10 верстъ, и другія, иногда за 30 и болѣе верстъ, платя (въ 1880-хъ годахъ) за десятину тридцатку (2400 квадр. саженъ) отъ 5 до 12-ти рублей, а за вспаханную — до 18 — 20 рублей. Сѣютъ они пшеницу, овесъ, ячмень, просо, гречу и особенно много подсолнечниковъ; картофель сѣется на своихъ поляхъ и въ огородахъ. Всѣ не вошедшія въ разверстку и неудобныя мѣста по горамъ запахиваются подъ бахчи, на которыхъ сѣютъ и садятъ: арбузы, дыни, тыквы (*«дурдкъ куяртъ»*), огурцы (*«куяртъ»*) и картофель.

Всего въ Оркинскихъ дачахъ удобной для пашни земли, въ 1880-хъ годахъ, было 7128 десятинъ; хозяйство ведется трехпольное: паръ, озимь и яровое. Душевой надѣлъ на каждую душу не особенно великъ, такъ какъ они кромѣ земледѣлія ничѣмъ другимъ не занимаются за весьма немногими исключеніями, при чемъ нѣкоторые изъ мордвовъ нанимаются въ междупарье и осенью *корчевать* пни, по 4 копѣйки отъ каждаго пенька, или огульно — отъ 25 до 45 рублей за тридцатную десятину. Убравшись осенью съ хлѣбомъ, они всю зиму ничего не дѣлаютъ, развѣ намолотятъ оставшійся хлѣбъ и отвезутъ его на мельницу или въ Саратовъ на базаръ. Нѣкоторые въ междупарье и зимою занимаются извозомъ, но не особенно много и лишь въ хорошій

годъ. Ремеслами занимаются мало: 3 — 4 плохихъ сапожника изъ мордвовъ и 1 странній, человѣкъ 10—15 плотниковъ, 1 столяръ, онъ же и стекольщикъ, 2—3 плохихъ печника, сложенныя которыми печи непремѣнно дымятъ; нѣсколько *швецовъ* крестьянской одежды — кафтановъ и полушубковъ (послѣдній промыселъ открылся не болѣе 6 лѣтъ тому назадъ — въ самомъ началѣ 1870-хъ годовъ), 3 кузнеца и 1 плохой слесарь — вотъ и всѣ ремесленники въ Оркинѣ, въ 1880-мъ году. Въ селѣ имѣется одно овчинное заведеніе, содержимое крестьяниномъ Резянкою, у котораго работаютъ 4 овчинника. Четверо Оркинскихъ крестьянъ имѣютъ мелочныя бакалейныя лавочки (въ 1880 г.), но только у двоихъ: Саюшкина и Цибина онѣ порядочны, и въ нихъ можно найти все, что нужно для сельчанина. Нѣкоторые крестьяне торгуютъ мясомъ и хлѣбомъ: послѣднимъ дѣлали большіе обороты (въ 1870-хъ и 80-хъ годахъ) братья Кичайкины. Лѣтомъ и зимою пріѣзжаютъ въ Оркино *офени*, или какъ ихъ здѣсь называютъ — «*шабольники*»: они торгуютъ иглами, блестками и разной мишурой для украшенія *шушпановъ* и *шылыгановъ*, красной мережью, тесемками, нитками и тому подобной мелочью, между прочимъ и воблой; *офени* обыкновенно мѣняютъ свой товаръ на тряпки *(шаболы)*, за что и прозвали ихъ *шабольниками*.

Съ весной уходятъ изъ села половина ребятишекъ, отъ 10 до 18 лѣтняго возраста, въ погонщики воловъ къ Сокурскимъ хохламъ, у которыхъ проводятъ все лѣто до поздней осени; за эту работу, кромѣ выговоренной одежды, они получаютъ каждый отъ 25 до 35 рублей за все время.

Осенью поздно, убравши хорошій урожай, мордва принимается за свадьбы. Мордва вообще не прочь повеселиться и быть въ кампаніи. Любитъ мордва и пѣсни, и свои мордовскія и русскія. [Далѣе приводятся три пѣсни, напечатанныя выше. А. Ш.].

У мордвы не особенно много своихъ пѣсенъ, но онѣ не лишены поэзіи и напоминаютъ былые ихъ годы. Рѣдко услышишь въ Оркинѣ мордовскую пѣсню, поютъ ее чаще старики и старухи, а молодежь больше — русскія.

У мордвы есть и сказки, но содержаніе ихъ, въ большинствѣ случаевъ, взято изъ русскихъ; несмотря однако на это, а также и на то, что у нихъ давно школа, что кругомъ Оркина, въ близкомъ сосѣдствѣ, живутъ русскіе, даже въ самомъ селѣ есть около 10 русскихъ семей (мало отличающихся, впрочемъ, отъ мордвы) и въ самомъ языкѣ ихъ много русскихъ словъ и такихъ своихъ— значеніе которыхъ уже позабыто всѣми, полное обрусеніе мордвы въ с. Оркинѣ не замѣтно, и оно идетъ очень медленно.

Въ 1840-хъ годахъ открыта была приходская церковная школа; потомъ, вслѣдствіе плохой постановки дѣла, она нѣсколько разъ закрывалась и опять открывалась. Въ 1861 году, при образованіи Озерской волости, въ составъ которой вошло и село государственныхъ крестьянъ *Оркино*, въ школѣ было, какъ видно изъ вѣдомости, 50 учениковъ; учителемъ состоялъ священникъ А. Преображенскій. Затѣмъ церковно-приходская школа была закрыта и въ 1869 г. вновь открыта — уже на средства общества съ участіемъ въ содержаніи ея Саратовскаго уѣзднаго земства. Сначала школа помѣщалась въ наемной квартирѣ, но въ 1872 г. общество построило, около сельскаго правленія, отдѣльное помѣщеніе для школы въ 5 саженъ длины и 3 сажени ширины; въ немъ же помѣщается и квартира учителя. Въ 1875 г. училище это перенесено на церковную площадь и поставлено рядомъ съ церковью. За 1875/6 учебный годъ въ школѣ было 88 учениковъ, въ томъ числѣ 2 дѣвочки — дочери священника и дьячка, а къ 1 января 1880 г. (при учителѣ А. Л. Леонтьевѣ) въ Оркинскомъ земскомъ училищѣ было болѣе 100 учениковъ; изъ нихъ въ февралѣ 1880 года 6 учениковъ окончили полный курсъ сельскихъ училищъ и получили свидѣтельства на льготу 4-го разряда по воинской повинности. Ученики неаккуратно посѣщаютъ школу: въ день приходитъ отъ 40 до 70 дѣтей; виною тому — невѣжество родителей, часто задерживающихъ дѣтей дома, а также недостатокъ помѣщенія въ школѣ, гдѣ на всю массу учениковъ только 8 столовъ, длиною въ 1 сажень. Занятія въ школѣ начинаются поздно, нерѣдко въ концѣ

октября; оканчиваются къ веснѣ, какъ сойдетъ снѣгъ и оттаютъ горы, окружающія село; тутъ большинство мальчиковъ уже не ходятъ въ школу: одни — гонятъ овецъ на подножный кормъ, по прошлогодней высохшей травѣ, другіе—уходятъ въ отхожій промыселъ — въ погонцы воловъ, а потому въ школѣ занятія продолжаются, при очень небольшемъ количествѣ учащихся. Несмотря на то, что уже 10 лѣтъ, какъ существуетъ въ Оркинѣ правильная школа, едва ли здѣсь наберется (въ 1880 г.) человѣкъ 100 грамотныхъ, умѣющихъ читать и кое какъ подписать свое имя, и то изъ нихъ $^1/_3$ солдатъ, научившихся читать и писать на службѣ.

Мордва по русски объясняется плохо, женщины же часто вовсе не умѣютъ говорить по русски. Мордвы, вообще, отъ природы — хитры, честолюбивы и часто неуважительны; до сихъ они относятся къ школьному дѣлу — иные холодно, а другіе даже непріязненно. (1880 г.).

Приложеніе III.

Очеркъ звуковыхъ особенностей Сухокарбулацкаго и Оркинскаго говоровъ.

§ 1. Настоящій очеркъ составленъ на основаніи: 1) наблюденій надъ языкомъ нѣсколькихъ крестьянъ (преимущественно женщинъ) Сухого Карбулака и Оркина, 2) записей, переводовъ и словаря, приготовленныхъ уроженцемъ села Сухого Карбулака Р. Ѳ. Учаевымъ, 3) записей, сдѣланныхъ по Оркину І. А. Цыбинымъ и отчасти В. С. Саюшкинымъ, по Сухому Карбулаку И. Ѳ. Мироновымъ. Главное вниманіе очерка обращено на Сухокарбулацкій говоръ; данныя Оркинскаго говора привлечены только для сравненія.

Звуковой составъ. Гласныя.

§ 2. Въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорахъ наблюдаются слѣдующія гласныя: *заднія* а, ы, о, ô; *среднія* у, ė, å, u̇, ȯ, ô; *переднія* і, е, ė, ä, å. Кромѣ того имѣются гласныя неполнаго образованія: задняя ɑ и передняя ɛ. Гласныя ы, і, а также ü употребляются въ неслоговомъ видѣ послѣ гласныхъ, т. е. въ дифтонгахъ: аы̯, ыы̯, оы̯, аі̯, ыі̯, оі̯; уы̯, ėы̯, уі̯, ėі̯; іü̯, ėü̯, äü̯; іі̯, ėі̯, äі̯.

§ 3. *Объ употребленіи названныхъ гласныхъ.* Гласная а (среднее или нижнее по образованію, вообще не напряженное) извѣстна при всякомъ положеніи въ словѣ и рѣчи: šta (воскъ), арага (нехорошій), топ ʼiiґga jutan (я по лѣсу пройду). Ей пред-

шествуютъ и палатальныя согласныя: jalga (пѣшкомъ), aʹaṅat (ребята), kiʹdʹams (чтобы запрячь). Особенно часто въ Оркинскомъ, рѣже въ Сухокарбулацкомъ а, въ положеніи между двумя палатальными согласными, а также послѣ палатальныхъ въ концѣ слова, замѣняется черезъ ä (см. объ этомъ ниже въ § 15): paťäś, moŕäńť, išťä. — Звукъ а восходитъ какъ къ первоначальному (общемордовскому) а, напр. modava (по землѣ), tarka (мѣсто), aťa (старикъ), такъ и къ общемордовскому ɑ (о которомъ скажемъ ниже), а именно — въ конечномъ открытомъ слогѣ послѣ твердой согласной: kuda (домъ), čiza (солнце), avanza (его мать), kalda (о рыбѣ); во многихъ другихъ эрзянскихъ говорахъ звуку а въ такомъ положеніи соотвѣтствуетъ о (ė): kudo, čizė, avanzo, kaldo. Кромѣ того а извѣстно въ словахъ заимствованныхъ.

§ 4. Гласная и (кажется, вообще напряженное подъ ударе-ніемъ) встрѣчается при всякихъ сосѣднихъ звукахъ только въ начальномъ слогѣ: ujä (онъ плаваетъ), kurga (ротъ), jutka (промежутокъ времени), muś (онъ нашелъ). Въ конечномъ открытомъ слогѣ и неизвѣстно, за исключеніемъ безударныхъ (слабоударяемыхъ) словъ, заимствованныхъ изъ русскаго: nu (но), bu (бы), kabu (кабы), štobu (чтобы); также въ припѣвахъ колыбельной пѣсни: uću baʹu или ćuću baʹu. Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова и встрѣчается: 1) послѣ задненёбныхъ, когда въ предшествующемъ слогѣ находится звукъ и: kukuž (кукишъ), mukuŕ (пенёкъ), ugul (уголъ), sukuńams (клаияться); 2) послѣ губныхъ, когда въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ звуковъ о или е: lapuža (плоскій), kavuŕ (хрящъ), salmuks (игла), sapuń (мыло), glupuj (глупый), puuŕks вм. puvuŕks (мозоль), štapuśkadums (обнажиться); 3) передъ губными и ų, когда въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ звуковъ о или е: kandums (нести), saluų (солёный), lazuųks (трещина), jalufka (яловка, яловица), argumńa (ласточка), munzuų (хитрый), jarmaktuma (безъ денегъ); 4) въ серединномъ слогѣ между двумя слогами съ гласными и: čudužuų (осотъ), kulcumums (слушать), kurudums (загнать), ukšturuų (въ кленовникъ), čurumums (рѣдѣть); 5) въ нѣсколькихъ заимствованныхъ съ русскаго и татарскаго

словахъ: pastuχ (пастухъ), kartuχa (картофель), vatula (дерюга, вотола), mantuz (налимъ), balduz (свояченица), davul (вихрь), jarunʒi (ярость); 6) въ словахъ śeĭmukšt (очки), ṕeštuft (сковородникъ), несмотря на e въ предшествующемъ слогѣ, также въ gorbuĭ (горбыль), несмотря на предшествующее o.

Примѣчаніе. Въ Оркинскомъ говорѣ u гораздо ограниченнѣе въ своемъ употребленіи; вмѣсто u находимъ y, напр. въ narmyń (птица, Сухокарб. устар. narmuń), laryža, gubyr (холмъ, Сухокарб. gubur), salmyks, śukyr (лепешка, Сухокарб. śukur), śkamyt (ты одинъ, Сухокарб. škamut), avyĭ (не, нѣтъ, Сухокарб. avuĭ), čumbylkskä (ласочка, Сухокарб. čumbulkske), numyl (заяцъ, Сухокарб. numul), kavyŕks (кочка), puvyrks (мозоль), śupavyń (богатаго, Сухокарб. śupavuń), также baldyz. Но u въ šäĭmukš, также въ amuĭdäš, puvuŕif (мозоль), čudužuu, čukšturuu (смородина). Кромѣ того u, не y по общему правилу передъ губными и u̯ (когда въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ e или o): raduvaš (обрадовался), aluu̯ (внизъ), kaladums (разрушить), rudazuft (грязные), alašaftuma (безъ лошади), puruńiť (собираются); однако sodamyn (мой зять), mukyrym (мой задъ), и т. д. передъ m, что̀ въ говорѣ нѣкоторыхъ лицъ является правиломъ.

§ 5. Гласная o (не напряженное) въ начальномъ слогѣ встрѣчается въ сосѣдствѣ со всякими звуками: moda (земля), orta (ворота), por (мѣлъ), tol (огонь), śorma (письмо), jožova (около, близко), poŕńems (грызть). Въ конечномъ открытомъ слогѣ o неизвѣстно, за исключеніемъ пѣсеннаго припѣва do (вмѣсто чего и dy; соотвѣтствуетъ русскому да) и междометія no (при понуканіи лошади); также въ iščo (еще), вмѣсто чего въ связной рѣчи также iščy (išči). Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова o встрѣчается: 1) въ положеніи послѣ слога o въ своихъ словахъ: α) передъ губными и u̯: kočom (горбушка), korpoma (храпъ), potomks (затычка), końou̯ (бумага), ćokoudė (поетъ); β) передъ конечнымъ въ слогѣ l: jondol (молнія), tonol (головешка), pokšolma (величина); γ) послѣ губныхъ: komoĺa (хмель), komora (горсть), kol-

moće (третій), śovoń (глина); δ) послѣ задненёбныхъ: kotkodaᵱ (муравей), kočkoldyk (перепелъ), orgoďems (бѣжать), ćokoza (его кисть); ε) послѣ палатальныхъ: ľomźor (черемуха), toᵱźora (пшеница); 2) въ положеніи послѣ слога съ e, передъ губной: koŕťńekšnoms (говорить), nolťńekšnoms (отпускать), ṕeᵱďekšnoms (улыбаться), ľezdoms (набавить), ľezdoᵱks (прибавокъ), ľeᵱksoᵱ (суягная), kevekstomoms (каменѣть); 3) въ положеніи послѣ слога съ o въ заимствованныхъ изъ русскаго словахъ на мѣстѣ русскихъ звуковъ o, u, y и даже e: molotka (молотокъ), koźol (козёлъ), koŕon (корень), χoťol (хотѣлъ), oboća (характеръ, нравъ), omot (омутъ), podošova (подошва), sosolka (сосулька), okoń (окунь), posoda (посуда), końoχ (конюхъ), oboška (обухъ), koćon (кочанъ); 4) въ иномъ положеніи, въ словахъ, заимствованныхъ изъ русскаго, напр.: α) послѣ звука v: kŕivoi̯ (кривой), puχovoi̯ (пуховый), śivoi̯ (сивой); β) послѣ палатальныхъ: śiŕota (сирота), maśľonka (масляникъ), žavŕonka (жаворонокъ), guśom (гусемъ); γ) передъ v: višovams (вышивать), χarčovńa (харчевня). — Въ словахъ незаимствованныхъ o въ начальномъ слогѣ восходитъ къ первоначальному o, а въ слогахъ неначальныхъ къ общемордовскому α.

§ 6. Гласная ô (напряженное o) замѣняетъ o частью только въ индивидуальномъ произношеніи: ôzė· (садится), sôke (пашетъ), dôčam (моя дочь). Обычно ô вмѣсто o передъ v или w: kôvjor (ковёръ), dôwa (вдова), dubrôwa (имя собств.). Въ Оркинѣ я отмѣтилъ напр.: dôska (доска), pôkš (большой).

§ 7. Гласная y — частью верхняго образованія, тождественная или почти тождественная съ великорусскимъ ы, частью верхнесредняго образованія, звучащая между ы и польскимъ e; подъ удареніемъ произносится напряженно. Въ начальномъ слогѣ встрѣчается при ограниченныхъ условіяхъ: 1) въ своихъ словахъ только послѣ s, d и t: syv́iľ (мясо), syŕe (старый), syń (они), tyń (вы), tyžnums (шипѣть), dyrnums (дребезжать), syrgams (трогаться), syrgyźims (проснуться), syŕńe (золото), syjaftums (нарывать); 2) въ словахъ заимствованныхъ также только послѣ s, t и d: syṕńa (сыпь), tyśića (тысяча), dykva (тыква), dynt (тынъ), dyna (дыня),

dyšlat (дышло). Неясно происхожденіе у послѣ l въ lyjńims (качаться), lytkat-latkat (лохмотья), rynda (растрёпа), орк. lyŋka (жолобъ, вм. lunka?); 3) въ положеніи послѣ k, если затѣмъ слѣдуетъ r + согласная: орк. kyrga, kyrmaraŋ, kyrvaśtims.—Въ конечномъ открытомъ слогѣ у встрѣчается: 1) въ односложныхъ формахъ 3-го лица ед. числа настоящаго времени: sy (идетъ), sty (шьетъ), šty (моетъ), šny (хвалитъ), pry (падаетъ); 2) въ неодносложныхъ словахъ только въ связной рѣчи, не передъ абсолютной паузой: čaraty lofca (кислымъ молокомъ), kafty bokava (по обѣимъ бокамъ), užydy ǵigat (подождите, гуси), tašty jamdy anca (накормлю старыми щами), narmuń bizy a teje (птица не вьетъ гнѣзда). Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова у является, не передъ губными: 1) послѣ переднеязычныхъ (въ широкомъ смыслѣ этого термина, обнимающаго и зубныя и альвеолярныя согласныя), если однако въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ звуковъ e, o: mastyr (земля), ṕizyńe (гнѣздушко), udyń (я спала), kandylast (гробъ), sazyryn (мои сестры), kulyś (онъ умеръ), kučsyź (они пошлютъ), vanyda (смотрите), ragyz (парусъ), vatyrdums (квакать); 2) послѣ задненёбныхъ, если въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ ни звуковъ e, o, ни звука u: ajgyr (жеребецъ), jarmakyt (твои деньги), kušakynza (его кушакъ), kargyćkać (запачкалась), čikyrduma (скрипъ); также и послѣ слога съ u, если онъ отдѣленъ группой согласныхъ: muškyr (молотокъ).—Въ словахъ незаимствованныхъ у въ начальномъ слогѣ восходитъ къ первоначальному y, а въ слогахъ неначальныхъ къ общемордовскому α. Въ словѣ nyŕťakšnyś (нащёлкалъ) у замѣнило болѣе обычное u: nuŕťams (цѣдить). — Какъ указано, извѣстно произношеніе у верхне-средняго образованія; очень часто я слышалъ его въ Оркинѣ: bojaryś, V́eŕepazyś, ksnansyńť, čuftyńť, kijakstyńť и т. д. произносились почти какъ bojarés, V́eŕepazés и т. д.; въ Сухомъ Карбулакѣ я слышалъ отъ старухъ почти ińazérèńť вм. ińazyryńť. Особенно часто такое произношеніе имѣетъ конечное у въ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи, когда въ предыдущемъ слогѣ стоитъ e или o; напр. въ Оркинѣ: tostė i ṕeŕä, ťesė äŕama, kosėjak,

šestė Gibajiś, sonʒė joftams, olgė plastyza, popóń ǵectė idʲiʲńiʲm; въ Сухомъ Карбулакѣ: oftė paťkaį, kostė Ľiťʲuań zams, toňať oftė koťoněńť, pondė gruša, pondė kumbʲŕa, ťejksė pŕasy gujińť.

Примѣчаніе. Согласно съ § 4 ждемъ произношенія kulcunums (слушать), но извѣстно и kulcynums. — Вмѣсто y послѣ задненёбныхъ (однако не передъ личными и падежными окончаніями) находимъ і съ предшествующей палатальной средненебной согласной: aįǵir, pačkidʲiń (я доѣхалъ), vačkidʲik (ударь); въ Оркинѣ держится y: pačkydan, vačkydʲiʲńʒä. Чередованіе y и і замѣчается послѣ k и въ начальномъ слогѣ въ положеніи передъ r + согласная: kirvajsyź при kyrvajsyź (они зажгутъ), kirga (шея), kirnums (храпѣть), kirmalaų (репей), ср. въ Оркинѣ kyrga, kyrvaśtims, kyrmaraų, aįgyr. — О звукѣ y вм. і послѣ отвердѣвшихъ согласныя скажемъ ниже.

§ 8. Гласная ė, не напряженное (Sievers: ė²), какъ и y, встрѣчается только послѣ непалатальныхъ согласныхъ. Въ начальномъ слогѣ только послѣ s, рѣже послѣ z; приведу всѣ извѣстныя мнѣ коренныя слова съ ė: sėŕeį (высокій), sėŕa (желудь), sėṕeį (горькій), sėťiʲńe (тихій), sėď (мостъ), sėĽ (длина извѣстнаго конца нитокъ при пряденіи), sėń (синій), sėvems (съѣсть), sėŕeďems (болѣть), sėstams (околѣть), sėŕńams (собираться), sėńems (трепать шерсть), sėʲme (чесалка изъ щетины для конопли), sėks (грязь, плоть); zėŕkstams (крикнуть), zėɣeľk moľems (притихнуть, о ребенкѣ). Такъ произносятся эти слова въ Сухомъ Карбулакѣ, между тѣмъ въ Оркинѣ одни изъ нихъ произносятся такъ же, съ ė (sėŕa, sėṕeį, sėŕeďems, sėks, sėťks), а другія съ à или ä: sàvims, sàŕiį, sàď (sàďiś), sàťiʲmä, sàń, sàmä, sàŕńams; это зависитъ отъ того, что въ Сухомъ Карбулакѣ въ звукѣ ė совпали первоначально различавшіяся ė и à (ä), между тѣмъ какъ къ Оркинѣ первоначальное à (ä) перешло въ ė, а первоначальное ė въ à (ä): ср. съ одной стороны, мокш. säpä (желчь), särädan (я боленъ), а съ другой, мокш. seri (высокій), sevan (я ѣмъ), setman (я становлюсь тихимъ), senem (голубой), sed (мостъ). — Въ конечномъ открытомъ слогѣ

въ словахъ, взятыхъ отдѣльно, внѣ связной рѣчи, или иначе — передъ абсолютной паузой ė является: 1) послѣ переднеязычныхъ въ окончаніи 3-го л. ед. числа настоящаго времени: parė (мычитъ), kortė (говоритъ), mańasė (слышитъ), loцnė (читаетъ), laįšė (вопитъ); 2) послѣ n съ предшествующими ему согласными s, z, d, t (tt), rt, lt въ окончаніяхъ имен. ед. уменьшительныхъ словъ и именительнаго множ. опредѣленнаго склоненія: sarazпė (курочка), godпė (годокъ), ve'ŕgesпė (волки), rottпė (родные), tarattпė (сучья), śukurtпė (лепешки), skaltпė (коровы). Впрочемъ, такое произношеніе извѣстно преимущественно въ Сухомъ Карбулакѣ; рядомъ тамъ же, а также и въ Оркинѣ вмѣсто ė слышится à (ă): орк. kandà, maksà, vanà, ozà, kaladà, jutà, vandyldà, robòtaftà, nurtnà, tataŗnà; сухокарб. ozà, udà, stambarnà, meľaftà.—Въ конечномъ закрытомъ слогѣ, а также въ серединѣ слова ė встрѣчается только послѣ слога съ e или съ o, и при томъ послѣ переднеязычной: rodėń (rod: родъ), morėt (mora: пѣсня), oftėńt (ofta: медвѣдь), oznėda (молитесь), kotėćė (шестой), kolėńģeńeń (тридцать), śoцnėkšńeśt (они бранили), teįťeŕńedėńt (teįťeŕ: дочь), śezėį (туда), ŕezėmada (отъ чахлости), ve'ŕgezėńt (ve'ŕgez: волкъ), lofcėńeń (мое молочко); орк. podėšnėį (подушное), zolėta (золото).—Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что ė въ начальномъ слогѣ восходитъ (въ Сухокарб. говорѣ) къ первоначальнымъ ă и ė, а въ неначальныхъ слогахъ (въ Сухокарб. и Орк. говорахъ) къ общемордовскому ə.

§ 9. Гласная à средняго ряда нижняго образованія въ начальномъ слогѣ извѣстна только въ Оркинѣ; ср. приведенныя въ предшествующемъ §: sàvizà, sàŕiza, sàťmińista, sàŕńan, sàďiń́t, sàńnà; она восходитъ къ общемордовскому ė. Въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой à встрѣчается и въ Сухомъ Карбулакѣ (рядомъ съ ė) и въ Оркинѣ: примѣры см. въ предшествующемъ §. Необходимо отмѣтить, что въ индивидуальномъ произношеніи вмѣсто ė слышится à иногда и въ серединѣ слова въ Сухомъ Карбулакѣ: я отмѣтилъ, напр., ľeцksàn вм. ľeцksėn, źeŕezànza вм. źeŕezėnza, polàńenza вм. polėńenza, kodàjś вм. kodėjś; въ Оркинѣ: źeŕezàn (въ мой карманъ), koŗtàť (говорятъ).

§ 10. Гласная ù средняго ряда верхняго образованія лабіализованная опредѣлялась мною тамъ, гдѣ я схватывалъ звукъ между у и u, причемъ записывалъ у, а при провѣркѣ по чужой записи находилъ u; такъ напр. въ словѣ pargùm (моя корзина) всего вѣроятнѣе для того или иного индивидуальнаго произношенія принимать звукъ ù.

§ 11. Гласная ò средняго ряда средняго образованія лабіализованная извѣстна только въ неначальномъ слогѣ. Въ Сухомъ Карбулакѣ встрѣчается, повидимому, преимущественно въ говорѣ старшаго поколѣнія на мѣстѣ болѣе обычнаго теперь звука o (см. § 5): kozòma (кашель), loųnòms (читать), tonòl (головешка), jondòl (молнія), kotkòdaų (муравей), molòtka (молотокъ), poròška (порошокъ), osrogònť (osrog: острогъ). Въ Оркинѣ этотъ звукъ обычнѣе; онъ является преимущественно послѣ губныхъ и задненебныхъ (но передъ губными вмѣсто ò слышится o); śovòń (глина), komòĺa (хмѣль), koròlfca (галопомъ), poròń (pop: попъ), čoròć (стемнѣло), omòćä (другой), pokòĺ (глыба), kolmòška (съ трое), navòz (навозъ), povònza (его пуговицы), povòć (повѣсилъ), oųgòźeų̈ś (залаялъ), olgòza (его солома), ćokòrdan (я щебечу), ćokòza (его кисть), sokòr (слѣпой), äź poųgòna (не попался), pogòda (погода), kotkòdaų (муравей), torgòźeńś (разбухъ), loskòt (лоскутъ), oχòta (охота), dobòvama (добывать); въ русскихъ словахъ также и въ другомъ положеніи: porógóń droks (черезъ порогъ), pológóńť, pológ laųks (pológ: пологъ), borózda, poróg, goród, potólók, osóďams (осуждать), prolóp (прорубь), bolóta, gorób'ija (коробья); также въ словѣ toróχ (ничуть; съ татарскаго?).

§ 12. Гласная ô — напряженный оттѣнокъ ò является въ Сухокарбулацкомъ говорѣ при слѣдующихъ условіяхъ на мѣстѣ ó, притомъ только за задненёбными: 1) послѣ слога съ o, и именно въ положеніи послѣ двухъ или нѣсколькихъ согласныхъ: olgôza (его солома), olgôt (твоя солома), šolkôń (šolk: шелкъ), dolkônza (dolk: долгъ); 2) послѣ слога съ e: ťešèkôś (этотъ мѣшокъ), eskôń (eska: гвоздь), ťegôį̈ (пѣгій). При тѣхъ же, кажется, условіяхъ ô является и въ Оркинѣ: eskônza (его гвозди).

Вмѣсто ô я слышалъ иногда ė, но думаю, что это ошибка слуха. Отмѣчу počkôks при počkoks (цѣвочникъ).

§ 13. Гласная i (повидимому, вообще напряженное) въ первомъ слогѣ слова встрѣчается вообще при всякихъ условіяхъ: iŕďiz (ребро), ṕiza (гнѣздо), ľiśma (родникъ), ṽiďims (сѣять). Въ конечномъ открытомъ слогѣ i является: 1) въ словахъ односложныхъ: ki (дорога), ṕśi (жаръ), kśńi (желѣзо), śťi (встанетъ), či (солнце, день); 2) въ двусложныхъ и многосложныхъ словахъ на či: vačyči (голодъ), skuroǰǰi (скупость), ragyči (честной); 3) въ связной рѣчи не передъ паузой: syŕi alaša, ṕiźiṁi uľä, jakśťiŕi šaľca, karman paŕćťi eŕama, орк. säťṁi ṽäďńiś, čudi ṽäď, и т. д. (передъ паузой находимъ e или ä). Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова i встрѣчается только при условіи отсутствія въ предшествующемъ слогѣ звуковъ o или e: syṽiľ (мясо), śiśiṁ (семь), ńiľićisk (они четверо), vaǰǵiľ (голосъ), ńiľǵidiṽims (опротивѣть), ńiṁiľaų (бабочка), targyźims (вспухнуть), ṕŕiṁita (примѣта), uźiŕ (топоръ), kačaṁńiś (дымокъ), орк.: täɣťiŕiś (дочь), ṽäľiva (по деревнѣ), ťäŕďiṅǯiť (позоветъ тебя), ṕäjiľiń (ṕäjiľ: ножъ), äŕďikstan (проклинаю тебя), säŕiį (высокій), säďiś (мостъ), ṕäjit (твои зубы), ṕäkińiṁ (мой животикъ); въ Сухокарб. говорѣ эти слова звучатъ ťeɣťeŕeś (ťeįťeŕeś), ṽeľeva, sėŕeį, ṕeķeńeṁ и т. д. вслѣдствіе того, что въ начальномъ слогѣ не ä (ä), а e. Гласная i вообще извѣстна только послѣ палатальныхъ согласныхъ; какъ увидимъ, č въ значительной части населенія, а š и ž всюду произносятся твердо; въ связи съ этимъ вмѣсто či, ši, ži слышится čy, šy, žy: čyza (солнце), kšy (хлѣбъ), ṕiźyń (ṕiźä или ṕiźa: мѣдь); но, кажется, возможно услышать и či, ši, ži съ твердыми č, š, ž.

§ 14. Гласныя e (не напряженное) и ê (напряженное) находятся между собою въ чередованіи въ зависимости отъ послѣдующей твердой или мягкой согласной; передъ твердой согласной и въ односложныхъ словахъ (въ концѣ ихъ) является e, а передъ мягкой согласной ê: ṽe (ночь), ķesak (пятина), ṁekš (пчела), ťest (имъ), ṕesėk (песокъ), но ṽêńeķ (отъ ṽe: ночь), ṁêkšť (пчелы),

ṕêšt (орѣхи), kêńêй (десять), v̂êŕ (кровь), орк. êźems (на лавку). Неясно, почему слышится ê въ êzna (мужъ старшей сестры) при твердомъ z; быть можетъ, извѣстно и прозношеніе êźna.—Гласная e въ начальномъ слогѣ въ Сухокарб. и Оркинскомъ говорахъ имѣетъ различную судьбу; въ Сухокарб. въ гласной e совпали общемордовскіе звуки e и ä, напр., съ одной стороны: ked' (рука, мокш. käd), keľ (языкъ, мокш. käl), keń (сапогъ, мокш. kämä), keṕe (босой, мокш. käpä), kež (злой, мокш. käži), ľembe (теплый, мокш. lämbä), eľďe (кобыла, мокш. äldä), eŕke (озеро, мокш. äŕhkä), eska (гвоздь, мокш. äska), eźńe (членъ, мокш. äznä), eźeń (лавка, мокш. äzim), ńeŕ (рыло, мокш. när), ṕeľks (половина, мокш. pälks), ṕekstan (запирать, мокш. päkstan), śeźgan (сорока, мокш. säzgan), śeśke (комаръ, мокш. säskä); съ другой: ked' (шкура, мокш. ked), keńeń (десять, мокш. kemen), keľńe (морозъ, мокш. kelmä), ńeńeľ (небо, мокш. menel), ṕeľan (боюсь, мокш. peľan), ṕeke (животъ, мокш. pekä), v̂eťe (пять, мокш. vetä), v̂eŕ (кровь, мокш. ver), v̂ed' (вода, мокш. ved) и т. д. Въ Оркинѣ сохранилось различіе между e и ä, но при этомъ общемордовское (и мокшанское) e перешло здѣсь въ ä, а общемордовское (и мокшанское) ä въ e: käd' (шкура), käńiń (десять), käľńä (морозъ), v̂äd' (вода), v̂äŕ (кровь), v̂äŕik (сырой, мокш. veŕik), ńäńiľ (небо), ṕädľi̯ (піявка, мокш. pedli), ṕäi̯ (зубъ, мокш. pei), ṕäŋgä (полѣно, мокш. peŋgä), ṕä (конецъ, мокш. pe), ṕäŕť (кругомъ, вокругъ, мокш. perť), ľäń (имя, мокш. lem), ľäpščams (жать, прижимать, мокш. lepštan), läŋgä (лыко, мокш. leŋga), śäjiľ (ежъ, мокш. seyel), ńäžadťims (подпереть, мокш. neždan), äčkä (толстый, мокш. ečkä), äŕan (живу, мокш. eŕan), äi̯dťiś (дитя, мокш. ed), äŕva (каждый); напротивъ: ked' (рука), śeśkä (комаръ), śeźgan (сорока), keže̯ (злой, мокш. käži), keľ (языкъ), ńeľaftan (забочусь, мокш. mälaftan), ńeščä (грудь, мокш. mäštä), ńeŕ (рыло), ľei̯ (рѣка, мокш. läi), ľeńbä (теплый), śeľei̯ (вязъ, мокш. säli), ei̯ (ледъ, мокш. äi), ekšeľan (моюсь, мокш. äšelan), eska (гвоздь), eŕkä (озеро), eľďä (кобыла), eźeń (лавка), veŕä (верхній, мокш. värï), и т. д. Странно оркинское kesak при мокш. kesak;

напротивъ, äźńä (членъ, суставъ) при мокш. äznä[1]). — Въ конечномъ открытомъ слогѣ е извѣстно, какъ кажется, только въ произношеніи одной части населенія Сухого Карбулака (напр. въ говорѣ Р. Ѳ. Учаева), притомъ только передъ паузой: ṕiĺe (ухо), ńeŕeńe (говорить), kaŕńe (начнетъ), véśe (пять); болѣе обычно и въ Сухомъ Карбулакѣ произношеніе â (напряженнаго) и ä (ненапряженнаго) въ такомъ положеніи; между тѣмъ въ Оркинѣ господствуетъ ä (ненапряженное). — Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова е извѣстно только послѣ слога съ о или е (ė): ṕejeĺ (ножъ), eńeź (огородъ), ńeŕeĺeń (я было сказалъ), oftėnťeń (медвѣдю), soḱeť (пашутъ), kolmoćeda (kolmoće: третій), oďeŕva (молодуха), oznėńeḱ (мы молились), zoŕeńä (зорюшка), tolǵeńejḱ (ваши крылушки), koŕńeńeń (мой кормилецъ), ojńeza (его душа), śeźńeńä (рвать), eźeńńes (на лавочку), soḱeća (пахарь), oźeń (озимь), ŕeṕešča (рѣпище), tŕošńeḱ (трёшникъ), ṕeŕelat (перила), ṕeŕena (перина), χońenėj ńeďĺa (Ѳомина недѣля), ejťeńä (бездѣтный), ńeĺńeća (мельница), skoťena (скотина), véŕčena (вершина), орк. moḱŕeća (мокрица, сухокарб. muḱŕića), и т. д. — Какъ указано, въ рядѣ случаевъ сухокарбулапкому е начальнаго слога въ Оркинѣ соотвѣтствуетъ ä: соотвѣтственно этому въ слѣдующихъ слогахъ, согласно съ § 13, является i: орк. käńiŕ (локоть), ṕäjiĺ, äjďinza, ńäĺǵiḿinza (ńäĺǵiḿä: отнимать), väĺisynyḱ (въ нашемъ селѣ), śäĺḿiďimada (о сглазѣ), śäŕǵidiť (кричать) — сухокарб.: keńeŕ, ṕejeĺ, ejďenza, ńeĺǵeńenza, véĺesėnėḱ, śeĺḿeďemada, śeŕǵeďeť, и т. п. Въ зависимости отъ отвердѣнія предшествующей согласной е переходитъ въ ė, напр. ortnė; то же имѣетъ мѣсто послѣ č (въ индив. произношеніи оно мягко), š, ž: čeŕťä (мягкій), čėčėna (щетина), ńešėḱ (мѣшокъ), ekšėĺams (мыться), ńežė (подпорка), ṕižė (мѣдь), kežėj (злой). Возможно, что въ этихъ случаяхъ произносятъ и е, несмотря на предшествующую твердую согласную.

1) Отмѣчу, что у Видемана въ описанномъ имъ эрзянскомъ говорѣ ä соотвѣтствуетъ мокшанскому ä: käd (рука), käž (гнѣвъ), väre (верхній), läi (рѣка), но рядомъ и kāpe (босой), kämeń (десять), mānel' (небо), mäkš (пчела).

§ 15. Гласная ä въ начальномъ слогѣ неизвѣстна въ Сухокарбулацкомъ говорѣ; въ предыдущемъ § указаны условія ея появленія въ Оркинѣ. Въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой ä обычно въ Оркинѣ: syŕä, ḿeŕä, moľä, kuńćä, ŕeŕä, ťeľä, ŕäťä, puŕǵińä, ŕäšńiḿä, ombońä, ḿäźä, biďä, ťečä (сегодня), sur ṕŕińiďä, śiḿiḿä, и т. д. Часть населенія Сухого Карбулака имѣетъ такое же произношеніе: ŕeśä, moľä, kandyŋ̇ä, avaŕďä, keŕä, ťeľä, ťekä, kečä; я слышалъ даже: ikiľa, keŕeťeja, ḿińik ṕeľďa, ṕeńa съ а вмѣсто ä; въ говорѣ старушки Учаевой я отмѣтилъ: ńeḿeźďä, ńeḿeźä, ḿeŕä, stasyńŋ̇ä, ḿeźä, ḿeiľä, moľä, ľiśä, valckä и т. д. Но рядомъ извѣстно и произношеніе съ â, т. е. съ закрытымъ, напряженнымъ оттѣнкомъ звука ä, который является какъ бы переходною ступенью къ e: moľâ, ki uľâ и т. д.—Кромѣ этого ä, восходящаго къ первоначальнымъ звукамъ e и ä, оба говора имѣютъ ä другого происхожденія — изъ a подъ вліяніемъ сосѣднихъ палатальныхъ звуковъ. Въ Оркинѣ, какъ общее, повидимому, правило, можно признать переходъ a въ ä въ положеніи между двумя палатальными согласными: aťäń, ṕäďäś, käŕäś, guľäjaśť, ľiťťäśť, ľeŕäństa, mońďäń, śťäś, äŕäśť; также въ концѣ словъ (слабоударяемыхъ?) послѣ палатальной согласной: iśťä, aźä. Такое же произношеніе приходилось слышать, но гораздо рѣже въ Сухомъ Карбулакѣ; въ говорѣ Р. Ѳ. Учаева я отмѣтилъ: mońďäń и нѣк. др.; но въ говорѣ другихъ обитателей села это явленіе довольно обычно: keŕäü̯ś, moŕäńť, paťäś, ťiťäń, aľäń и т. д. (ср. ниже).

§ 16. Гласныя неполнаго образованія ɑ и ɛ исчезли вообще изъ произношенія; но онѣ могутъ являться на мѣстѣ u (u, o, ė) и i (e) при быстрой рѣчи. Опредѣлить условія ихъ появленія я не умѣю. Укажу напр. на произношеніе jarcamɑ (и даже jarcam) въ фразѣ karmaś oftėś jarcamɑ ṕŕaťńida (сталъ медвѣдь ѣсть пироги), причемъ отсутствіе перехода p въ b въ ṕŕaťńida доказываетъ, что послѣ m произносится гласный звукъ; то же въ фразѣ ton von kodamɑ pačalkśidy jarcat (ты вотъ какіе блины кушаешь); также loucɑ вм. loucu (передъ паузой было бы louca)

въ фразѣ: omьoćesėn loucα kandan (въ другой несу молоко). И въ Сухомъ Карбулакѣ и въ Оркинѣ я слышалъ α вмѣсто u передъ r + согласная или конечнымъ r, напр. kαrvaśtiḱ (зажги), kαrkśiḱ (поскобли); орк.: śaŋgαrks, ajgαr, zavytaŕńa (заутреняя), kαrmaraų; также передъ l въ jondαl (молнія). Быть можетъ, r и l въ этихъ случаяхъ слоговыя, а α звукъ неслоговой.

§ 16. Дифтонги съ неслоговою частью въ видѣ i̯, u̯, ü̯ по общему правилу извѣстны только въ концѣ слова и передъ согласными; въ положеніи передъ гласными имъ соотвѣтствуютъ сочетанія гласная + j, v, v́: Rau̯ (Волга), но Ravuń (при Rauń), lou̯ (снѣгъ), но lovoń, ke̯ü̯ (камень), но kev́eń, ć̀e̯ü̯ (дѣло), но ć̀ev́eń, rai̯ (доля, пай), но rai̯iḿ (при raiḿ), roi̯ (осина), но roi̯eń, śeď́ei̯ (сердце), но śeď́ei̯eń, mazyi̯ (красивый), но mazyi̯an (я красивъ) и т. п. Повидимому, вмѣсто v и v́ при этомъ обычно произношеніе w и ẃ (т. е. губногубныхъ звуковъ); появляющееся же вмѣсто w u̯ исчезаетъ изъ произношенія; поэтому принимаю, что между гласными произносится j, а не i̯, которое исчезло бы изъ произношенія: raiḿ вм. *rai̯iḿ, а это вмѣсто rai̯iḿ.—Неслоговое ü̯ извѣстно только въ соединеніи съ предшествующими гласными передняго ряда: tombaľü̯, v́iŕü̯, ke̯ü̯kśt̀eźä, če̯ü̯ksėń laznuma, vasyly kińü̯; но, кажется, u̯ можетъ переходить въ ü̯ и подъ вліяніемъ слѣдующей палатальной согласной: ulaü̯ńe (им. мн. отъ ulau̯: возъ). Вмѣсто iü̯ обычно произношеніе ij: śińd'ij́ś вм. śińd'ü̯ś (сломался), ikiľij, iľij (прутъ) при iľü̯, орк. ńäkij (сухокарб. ńekeü̯). Равнымъ образомъ eü̯ переходитъ въ ei̯, если ü̯ не защищено формами съ ev: ć̀ei̯ (сюда) вм. ć̀e̯ü̯, ср. tou̯, kou̯; ke̯ľei̯ (широкій) вм. ke̯ľe̯ü̯. Послѣ ė слышится, кажется, u̯, а не ü̯: iľamak sėu̯ (не ѣшь меня). — Особо должны быть разсмотрѣны дифтонги съ очень краткимъ i̯, являющіеся въ индивидуальномъ произношеніи вмѣсто монофтонговъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ палатальныхъ согласныхъ: сухокарб. pai̯ľa (рубашка), sai̯ś (пришелъ), kai̯ńć (принесъ), suvai̯ś (вошелъ), pai̯ńan (гоню), ai̯śtiś (былъ), ai̯d'ika (иди), pavai̯ń dolga (павлиное перо), kodái̯ś (плетущій), polái̯ńe (муженекъ), goi̯śt̀eńeć (гостинецъ), koi̯rmanstyi̯

(матери кормилицѣ). Кажется, можно отмѣтить и дифтонги a^{e} такого же происхожденія: loška^{e}ŕńik (лошкарникъ), boćka^{e}ŕńik (бочкарникъ). — Неслоговыя u, ü, i передъ гласными (дифтонги u̯a, ü̯a, i̯a и т. п.) возникаютъ вслѣдствіе встрѣчи гласныхъ u, ü, i съ гласной a, напр. Liťu̯a (имя собств.) вм. Liťüva, koľi̯a при и вмѣсто koľeja, oďeńi̯a при и вм. oďeńeja, ku̯a jaki вм. kuva jaki (куда идетъ, въ быстрой рѣчи).

§ 18. Долгія гласныя встрѣчаются въ индивидуальномъ произношеніи въ зависимости отъ эмфазы.

§ 19. Извѣстны случаи стяженія гласныхъ при встрѣчѣ конечной гласной одного слова съ начальной другого: kudaluu̯ (за домомъ) вм. kudy aluu̯, kudazyr (хозяинъ дома) вм. kudy azyr, pandaluu̯ (подъ горой) вм. pandy aluu̯, vaľmalga (по окнамъ) вм. vaľma alga; также vaľmaluu̯, ṕećkaluu̯; ortalga (подъ воротами); kudykiľä (въ сѣняхъ) вм. kudy ikiľä, parėjďä (младшій деверь) вм. pary ejďä. Кромѣ такихъ случаевъ, гдѣ составныя части тѣсно слились въ одно цѣлое, отмѣтимъ, что вообще въ связной рѣчи стяженіе гласныхъ при встрѣчѣ двухъ словъ — явленіе обыкновенное: ср. ṁeľńećaś para jaž' ašy počt (хорошая мельница мелетъ бѣлую муку), saś tag' oftėś (пришелъ опять медвѣдь, вм. tagy), kotova targaź banaryz' uľńiś (въ шесть нитокъ была его рубашка, вм. panaryzy), aľaťńeśt ķeṁt (братья не повѣрили, вм. aľaťńi eśt), ťaťaz' aṽečksė (отецъ его не любитъ, вм. ťaťazy), afkaz' a ķeṁä (мать его не вѣритъ), syṽiľńiṁ buty rauž' uguľja (мясце мое точно черные уголья, вм. rauży), službas' uľńiń (я былъ на службѣ, вм. službasy), ṽeśelasty 'šči ľićaza (весело его лицо, вм. ašči) и т. п. — Выпаденіе i въ сочетаніяхъ ia, iu сохраняетъ предшествующую согласную смягченною: ṕiŕudalks (загуменье) вм. ṕiŕi udalks, ṕiŕudaluu̯ (за гумномъ), buťapańat (если не прогонишь, вм. buťi); но губныя отвердѣваютъ: keľmojeś вм. keľṁiojeś.

§ 20. Встрѣча гласныхъ не устраняется, когда она вызвана выпаденіемъ между ними звука v (w): naoz (навозъ) при navóz, loaža (кость), ńeoľńik (невольникъ, въ пѣснѣ), kiľć pooć (запрягъ), suaś (вошелъ), tua (свинья), roaṽä (подавится), śioi̯ (сивый), pro-

olok (проволока), tuuks (по свински), stolooj (столовый), časooj (часовой), pooska (повозка), šraχoams (страховать), čaus (по пусту), jaums (разнимать, отдѣлять). Не устраняется она и тогда, когда гласныя встрѣтятся вслѣдствіе выпаденія между ними j: paiza (его пай), guiń (змѣиный), čaryiń (колёсный), saiḿä (взять), nuims (жать), uiť (плаваютъ) и т. п.; сочетаніе uy переходитъ въ ui: орк. tuiń вм. tuyń, tuvyń (свинячій). Выпаденіе j въ сочетаніи eje ведетъ за собой переходъ ее въ ej: ṕejďems (смѣяться) при и вмѣсто ṕejeďems. Не стягивается съ слѣдующею гласною гласная a въ отрицаніи и въ междометіи: a; напр. okoń, a okoń (окунь, а окунь; въ сказкѣ), aojkstaumška (безмѣрный). Сочетаніе aa такого происхожденія переходитъ въ aja: aťa, a jaťa (старикъ, а старикъ), aťakš, a jaťakš (пѣтухъ, а пѣтухъ), a ťaťkazy saś a jaťkasy saś (ни отецъ ея не пришелъ, ни мать ея не пришла), a jacė (не лежитъ), a jandyť (не кормятъ), a javaś uĺńiś kežej (а женщина была сердитая), орк. a jalťyť (не обѣщаютъ). Сочетаніе ae переходитъ въ aje: ajeŕaŕä (не надо) при a eŕaŕä. Рядомъ съ au является avu, awu: avuĺ (не, нѣтъ). Неясно происхожденіе слова aira (пасмурный).

§ 21. Въ положеніи передъ согласными дифтонги uj, ej, ij измѣняются въ нѣкоторыхъ глагольныхъ корняхъ въ u, e, i: nuś, nuk, nutana, nutada (отъ nujims: жать); muś, mutana (отъ mujims: найти), tuś, tuk, tutada (отъ tujims: уйти); ḿiś (продалъ, отъ ḿijims); ṕiś, ṕišť (сварилъ, сварили, отъ ṕijims): ńešť, ńeś (увидѣли, увидѣлъ, отъ ńejems). Но также: čijś, čijšť (побѣжалъ, побѣжали, отъ čijims).

§ 22. Дифтонги yj и ij въ концѣ слова теряютъ свою неслоговую часть: mazy при и вмѣсто mazyj (красивый); въ причастіяхъ: paly tolėś (горящій огонь), kuly ormasa (смертною болѣзнью), ṕšťidĭ alaša (лягающаяся лошадь), kičkiŕďi skal (бодающаяся корова), ṕeškeďi koćńeń (мое полное мѣсячко), ĺiśi čińiś (восходящее солнышко), udy lomańiń (спящему человѣку); въ дат. находимъ -ťi вмѣсто и при -ťij, и также -ťe вм. и при -ťej: ćorańťi, pačalgyńťi, ćorėńťe. Рядомъ сохраняются въ причастіяхъ

формы на -yį, -iį (-eį): śiṁiį gudys (въ кабакъ), meĺ vanyį (угождающій), korc kiŕdiį (то же), karavĺiį aťa (караульщикъ), śŕipkań ďeįńeį, jamuń bidiį, zolotaks keźeŕeį, vašiń gulyį, pizyń burnyį, źeďeń ģiŕdiį. Въ Оркинѣ упорно держится форма 3 ед. опредѣленнаго спряженія на syį: śimsyį (онъ напоитъ), saįsyį (возьметъ), maksyį (дастъ), rucyį (положитъ), kăpiťcyį (подниметь); въ Сухомъ Карбулакѣ: śimsė, saįsė, keŕeťcė.

§ 23. Вмѣсто e въ положеніи передъ j весьма обыкновенно произношеніе i; такое i держится вопреки § 13, не допускающему звука i послѣ звуковъ o или e въ предшествующемъ слогѣ: koĺija при koĺeja (колъ), orožijama при orožejama (ворожить), kežijaųś при kežejaųś (разсердился), ĺeųšijakšnyśt при ĺeųšejakšnyśt (измочалились), ĺeŕijams при ĺeŕejams (задыхаться), loźijama (запачкаться въ снѣгу) вмѣсто ожидаемаго loźejama, čoźijaftums при čoźejaftums (пѣнить, вспѣнить). Въ словѣ ṁijokśńems (ржать) i, конечно, также на мѣстѣ e, ибо только въ ṁejoksńems законно o во второмъ слогѣ (см. § 5). Кажется, и дифтонгъ eį въ неначальномъ слогѣ переходитъ по общему правилу въ iį: koŕiįka (копейка), keźiįkije (одиннадцать), ср. veįke (одинъ); сохраненіе eį напр. въ śeďeį, ŕeďĺeį, śeĺeį и т. п. вызвано аналогіей формъ, какъ śeďejeń, śeĺejeńt, гдѣ e передъ j въ свою очередь ограждено отъ перехода въ i вліяніемъ слѣдующаго e. Кажется, слѣдуетъ допустить перехода ė въ y передъ j: ср. ĺeųksyjams (ягниться) при ĺeųksėjams, počtyjams (мучить) при počtėjams; законнымъ, согласно § 8, является въ такихъ случаяхъ именно ė.

§ 24. Приведу нѣсколько словъ, гдѣ замѣчается чередованіе звуковъ e и i. При eśkeĺams извѣстно и iśkiĺams; при сухокарб. eńaldums (молить) въ орк. ińaldä. Любопытно чередованіе e и i въ другомъ положеніи: kiźidims (вывѣдывать) при keįkśtems.

§ 25. Чередованіе o и u находимъ въ орк. urma при сухокарб. orma (болѣзнь), murga (кухня; часть избы, гдѣ кухня) при morga. Въ čoźeńe при čuźińe это чередованіе стоитъ въ зависимости отъ слѣдующаго v.

§ 26. Какъ указано въ § 7, звукъ у имѣетъ ограниченное употребленіе даже въ заимствованныхъ словахъ (въ начальномъ слогѣ). Вмѣсто у (въ положеніи не послѣ s) находимъ i: напр. ŕiżyd̨, ŕićaga (жерздь), ŕidvan (рыдванъ), kŕilić (крыльцо), kopita (копыто), kavil (ковылъ), kŕisa (крыса), kŕiša (крыша), gŕiza (грыжа), višovams (вышивать); при byďä (вм. буди) орк. biďä; viýid (выходъ); mišajak (мышьякъ), ubitka (убытокъ), piška (пышка). Слова vystyfka, zapyviď, vykryjka, vyviska являются новыми, быть можетъ, и не вошедшими въ общее употребленіе заимствованіями. Въ старыхъ заимствованіяхъ вмѣсто у послѣ k находимъ u, напр. kušlat (кисель), стар. кыслый, кысель; также послѣ b, p: buka (быкъ), puž (пыжъ). Отмѣтимъ у въ štyk (штыкъ), šlyk.

§ 27. Чередованіе o и e находимъ въ moďeŕams при meďeŕams (мять, сминать), ср. moďerdams (давить), въ moŕkams при meŕkams (мять, раздавливать).

Согласныя.

§ 28. Въ сухокарбулацкомъ и оркинскомъ говорахъ имѣются слѣдующія согласныя: *Шумныя* губныя: p, b, w; губнозубныя: f, v; зубныя или точнѣе зазубныя: t, d, s, z; альвеолярныя: š, ž; средненёбныя: k, ǵ, χ́, j; задненёбныя: k, g, χ, γ. *Носовыя:* губная m, зубная n, средненёбная ń, задненёбная ŋ. *Плавныя:* r и l (т. е. ɫ, русск. л), безголосые оттѣнки которыхъ r̥ и l̥ надо признать шумными фрикативными согласными. *Аффрикаты* являются въ результатѣ соединенія мгновенныхъ зубныхъ и альвеолярныхъ съ соотвѣтствующими фрикативными: c (ts), ʒ (dz), č (tš), ǯ (dž). Губныя, губнозубныя, альвеолярныя, какъ шумныя такъ и носовыя, а также плавныя и аффрикаты извѣстны также со смягченнымъ (палатализованнымъ) произношеніемъ: ṕ, b́, t́, d́, č́, ĺ, и т. д. О нѣкоторыхъ условіяхъ, вызывающихъ палатилизацію, скажемъ ниже. О долгихъ согласныхъ скажемъ въ § 42.

§ 29. Губное w слышится довольно часто вмѣсто v между гласными: dawajťi, čawa (пустой). Быть можетъ, вообще v склонно

къ переходу въ w передъ гласными задняго ряда. Дальнѣйшее измѣненіе w въ u влечетъ за собой его изчезновеніе. Примѣры выпаденія v въ серединѣ слова приведены выше, въ § 20. Укажу здѣсь на отпаденіе его передъ начальнымъ o въ заимствованныхъ изъ русскаго словахъ: сухокарб.: or (воръ), oz, oiпa, ozduχ, oĺa, oĺnėj, Oloďa, olośńik, olośt, orožeja, oźńeśeńjań žińc, ožžat (возжи). Въ Оркинѣ, правда, также orta, но вообще v удерживается: vozduχ, voz, voroχ, ср. voŕgedan при сухокарб. oŕgoďan (убѣгаю), voŕtems (скрыть), vorkaftyms (уколоть). Передъ u выпаденіе v также обычно: Daut (Давыдъ). — Звукъ f въ своихъ словахъ имѣетъ ограниченное употребленіе и восходитъ къ болѣе древнему χ (см. ниже § 39); и въ заимствованныхъ словахъ f восходитъ къ χ передъ согласными: ďŕafiyj (дряхлый), ĺofkej (лёгкое); напротивъ, передъ гласными, какъ увидимъ, русское ф передается черезъ χ (§ 34); впрочемъ, находимъ и сохраненное f, напр.: fata (фата), fiĺun, ferčeĺ, fiak и въ другихъ болѣе новыхъ заимствованіяхъ.

§ 30. Мягкія губныя извѣстны только въ положеніи въ концѣ слова (послѣ гласныхъ передняго ряда), передъ согласными и передъ гласными передняго ряда; передъ гласными задняго ряда онѣ отвердѣваютъ: ср. keĺmoj (сало) вм. keĺńioj. Ср. русскія слова pĺema, ĺeŕema. Передъ o въ русскихъ словахъ находимъ сочетанія мягкая губная + j вмѣсто мягкой губной: oŕjoŋka (опёнки), ońjot (омётъ), zaŕjorka (завёртка), Neĺjot (Нефёдъ), koŕjor (ковёръ); передъ jo v отпало въ josna (весна), jorctak (верстакъ); v выпало въ śokla (свёкла). Въ četvortak видимъ отвердѣніе v. Ср. § 79. Въ Оркинѣ говорятъ oŕjazaťeĺna. Въ Оркинѣ довольно послѣдовательно отвердѣваетъ конечное ń: bratkiń, viŕiń, tăχtiŕiń, păkiń, rożeń.

§ 31. Звуки š, ž обыкновенно произносятся твердо, непалатально: alaša, žaĺams (жалѣть), uštums (затопить); вмѣсто i за š, ž слышится обыкновенно y: при kši, ašilgadė, žilokoń (прозваніе) — kšy, ašylgadė, žyŋsta (живьёмъ). Если не ошибаюсь, š и ž имѣютъ болѣе палатальное произношеніе послѣ гласныхъ перед-

няго ряда: eḿež съ полумягкимъ ž; также полумягко š въ сочетаніи kš послѣ гласной передняго ряда: ḿekš, ѵeďťekš (теленокъ); поэтому aťakš во мн. звучитъ aťakšt съ твердымъ š, а ḿekš, ѵeďťekš — ḿekšť, ѵeďťekšť съ мягкимъ š. Мягкое š извѣстно въ сочетаніи št: kišťiḿä, ṕešťeźä, äšťä, kešť (злобствованія, отъ kež: гнѣвъ). Сочетаніе žď въ sožďa, sožďeńä. Вмѣсто št я обыкновенно слышалъ šš и отождествлялъ напр. kešť съ русскимъ написаніемъ кещ. Вмѣсто žď — žž: čoźźa орк. Замѣчательна передача русскаго ž черезъ ź въ старомъ заимствованіи: roź (рожь). Въ началѣ слова š сохраняется только передъ согласными: šta (воскъ), štams (мыть), šťams (мыть), šnams (хвалить). Передъ гласными оно переходитъ въ č: čačtuma (въ другихъ говорахъ šačomo), čožďa, čaryj. Ср. č въ русскихъ словахъ: čarka, čin (шина), čar, čuba, činovams (шиновать), но šolk, šuŕin.

§ 32. Средненёбныя извѣстны вообще только въ смягченномъ видѣ передъ гласными передняго ряда и передъ согласными: ki (дорога), puŕǵińä (громъ), ѵiχid (выходъ). Возможно, что средненёбное k несмягченное слышится въ сочетаніяхъ kš въ положеніи послѣ гласныхъ передняго ряда: ḿekš. Въ концѣ слова k встрѣчается только послѣ гласныхъ передняго ряда: ṕek, ḿińik, а также послѣ гласныхъ y, ė, когда онѣ восходятъ или къ дифтонгу αj: kadyk, ṕekstėk, или къ гласнымъ передняго ряда i, e: poŋksnėk, krandazuyk. Неясно произношеніе k въ заимствованныхъ словахъ: šlyk (ермолка), štyk (штыкъ): быть можетъ, здѣсь вліяніе формъ мн. ч. русскихъ словъ шлыки, штыки.

§ 33. Звукъ j въ положеніи передъ начальными гласными и между гласными, бытъ можетъ, долженъ быть признаваемъ за j: орк. jurtava, jouks (сказка), joza (чувство, хитрость); сочетанія je, ji въ началѣ слова неизвѣстны. Ср. e вм. je въ русскихъ именахъ: Eųśej, Eťťej (Евтихій), Eχŕem, Eŕoma. О выпаденіи j передъ i послѣ гласной мы говорили выше въ § 20: nuima, muiźä, saims. Въ положеніи послѣ согласныхъ j слышится, во-первыхъ, въ заимствованныхъ изъ русскаго словахъ: čaśja (счастье), śeḿja (семья), Ńeťjod (Нефёдъ), orožja (ворожея), при чемъ рядомъ

находимъ и śeḿeja, orožeja (ср. ṕijańića, sudïja): во-вторыхъ, въ случаяхъ какъ vazjaś вм. vazyjaś, vašjaś вм. vašyjaś (въ пѣснѣ), komoľadjak soždeńä (легче хмѣля), mastyrdjak staka (тяжелѣе земли), varmadjak boi̯ka (быстрѣе вѣтра).

§ 34. Звукъ χ извѣстенъ только въ русскихъ словахъ: χŕon, χvalba, χloročamut (хлопоты), χlopadïms (хлопать), dḯeχńams (дрыхнуть); χ передъ r замѣняетъ въ русскихъ словахъ k: χraľa (краля), χrant (кранъ), χŕeslat (кресло). Кромѣ того χ замѣняетъ русское f передъ гласными; возможно, впрочемъ, что эта замѣна произошла на русской почвѣ: χunt, χonaŕ, χabrik, χoma, Oχońa (Аѳанасій), Jaχiḿ, Oχraį (Ефросинья). Напротивъ, въ нѣкоторыхъ словахъ русское χ передается черезъ k: kutyr (хуторъ), Kovra (Хавронья), koźai̯ka, kovraľ при χovraľ (февраль), kokol, kokolka (хохолъ, вихоръ); обратно: osoχoŕ вм. осокорь. — Звукъ γ извѣстенъ только какъ видоизмѣненіе звука χ въ началѣ слова послѣ звонкой согласной предшествующаго слова: ṕižuń γŕost (мѣдный крестъ).

§ 35. Передъ средненёбными и задненёбными носовая—средненёбная и задненёбная: laŋga (поверхность), poŋkst (штаны), oŋgoms (лаять), ṕeŋkť (дрова), ľeŋ́ge (лыко), kadyŋ́k (оставьте его), avaŋk (ваша мать). И въ русскихъ словахъ видимъ замѣну носового n задненёбнымъ: luŋka (лунка), plaŋka (планка), орк. kŕeśjaŋka. Возможно, что передъ k ŋ не мягко, а только полумягко: kadyŋ́k, tyŋ́k, keŋ́geľat.—Вмѣсто конечнаго ń слышится нерѣдко i̯ въ положеніи послѣ гласныхъ передняго ряда: avańťii̯, kuŕeśeńťei̯ вм. avańťiń, śorańťiń, kuŕeśeńťeń (формы дат. пад.); также avaťii̯, paťaťii̯, sazyryťii̯.

§ 36. Ниже укажемъ условія, при которыхъ r, l замѣняются безголосыми r̥, l̥. О томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ r, l могли быть слоговыми, см. § 16. Русское завтракъ передается черезъ zaftyrk.

§ 38. Аффрикаты c и ʒ извѣстны какъ въ твердомъ, такъ и въ мягкомъ видѣ. Твердое c является въ результатѣ соединенія t(d) и s: keca (въ рукѣ), goroca (въ городѣ) изъ kedsa, gorodsa:

а также въ результатѣ измѣненія s послѣ извѣстныхъ согласныхъ, при чемъ тѣ же согласныя измѣняютъ z въ ʒ: рогса (мѣломъ, отъ рог), ťaťaпʒa (его отецъ), Ṕenʒa (Пенза). Мягкое с замѣняетъ между прочимъ русскія ц и ч въ болѣе старыхъ заимствованіяхъ: ćad, ćarka, ćas, ćićav́ića, ćulka (чулокъ), ćut (чуть), ćuda, ṕeća (пятница), ĭišića (лисица), ṕećka (печка), kumać, grać, gŕeća, ćiŕiį, ćeťv́eŕk, ćeį (нарѣчіе, чай), ćotams (считать), ploťńeće (плотничаетъ). Многіе, въ особенности въ Оркинѣ, произносятъ ć близко къ č: ćoraś, ućaskas, syńćist, maćiįsa почти какъ čoraś и т. д. Что до ʒ, ʒ́, то въ положеніи въ началѣ слова оно является обычно замѣной глухого с, ć послѣ звонкой предшествующаго слова (см. § 65). Въ новыхъ заимствованіяхъ изъ русскаго находимъ с твердое: caŕ, caŕovama, colkovoį, colovaĺńik. Вмѣсто с (ć) иногда, подъ вліяніемъ той или иной аналогіи, замѣчается произношеніе ts (tś), напр. vaťśa (калъ); далѣе вмѣсто с можетъ слышаться tc: v́etca, ńetca, ketca (въ шкурѣ) вм. v́eca и т. д.

§ 38. Аффрикаты č и ǯ въ говорѣ однихъ мягки, въ говорѣ другихъ тверды. Кажется, твердое произношеніе является вообще болѣе первоначальнымъ, напр. передъ гласными. Возможно, что č обязано русскому вліянію. О č вмѣсто š въ началѣ слова сказано выше въ § 31. Что до ǯ, то оно является или на мѣстѣ č послѣ звонкой согласной предыдущаго слова, напр. čińǯarama, или на мѣстѣ ž послѣ извѣстныхъ согласныхъ, о чемъ см. § 65. Послѣ тѣхъ же согласныхъ š переходитъ въ č. Кромѣ того č и ǯ извѣстны въ сочетаніяхъ šč и ǯǯ, замѣняющихъ št и žd, какъ указано въ § 31. Русское щ произносится какъ šč или какъ šč въ зависимости отъ палатальнаго или непалатальнаго произношенія самаго č: ščuka или šču̇ka; въ болѣе старыхъ заимствованіяхъ въ началѣ слова щ замѣняется черезъ č: čečena (щетина).

§ 39. Общемордовское χ, или звукъ близкій къ χ, перешелъ въ сухокарб. и оркинскомъ говорахъ въ f въ положеніи передъ t и послѣ гласной: kafta (два), varmaftuma, piĺifťiń̈ä (безъ ушей); въ другихъ говорахъ находимъ на мѣстѣ такого f — v или ų: kavto, ovto; имѣя въ виду, что ų передъ t переходитъ въ изслѣдуемыхъ

двухъ говорахъ въ f, можно принимать, что это f изъ χ произошло непосредственно изъ ц̨. Въ концѣ слова послѣ гласной общемордовскому χ соотвѣтствуетъ — въ сухокарбулацкомъ говорѣ ft (едва-ли не изъ ц̨k), а въ оркинскомъ f: сухокарб. povaft (удавленный), śuduft (проклятый), maksuft (отданный), sajift (взятый), aťaft (свекорь), avaft (свекровь); орк. povaf, maksuf, kalmaf (погребенный), raŋguf, ťäjif. Въ положеніи послѣ согласныхъ l, n, на мѣстѣ χ находимъ въ Сухомъ Карбулакѣ st (ct), а въ Оркинѣ f: сухокарбул. pulct (снопъ), kańśť (конопель), ťeńśť (метла), čańśťiŋk (ваша милость, стар.); орк. pulf, ťeńf, čańf, čańfiŋk. Но на мѣстѣ lχ находимъ lť въ sulť (тѣнь) и въ Сухомъ Карбулакѣ. Послѣ другихъ согласныхъ χ и въ Сухомъ Карбулакѣ и въ Оркивѣ перешло въ st: mact (погребъ, изъ matst — matχ), tańćť (сладость, изъ tańťχ, ср. tańťij); véćťeme и véťťeme, kećťeme и keťťeme; сухокарб. pe̮jśťeme (и pe̮jťeme), сухокарб. pajstuma, koct (холстъ, изъ kodχ), орк. tyńśťiṁiŋk (безъ васъ), mońćťemen (безъ меня). Группа sχt перешла въ ft: liftims (выводить), ср. liśims (выходить, Paasonen, § 32, 1). Группа χtn перешла въ χn и далѣе въ vn: орк. и сухокарб. kaṇńist (они оба). Группа čχ въ čt: počt (мука, Paasonen, § 54, 1). Что до ft въ alftams (Оркино и Сухой Карб.), то оно явилось между гласными, ср. параллельную форму aluftams. — Неясно χ въ орк. jaχyjams, jaχydims (махать); неясно, что такое орк. ṁiť ǯäχäť (весь міръ).

§ 40. Звукъ k(ќ) еще въ общемордовскомъ языкѣ перешелъ въ t (ť) въ положеніи послѣ согласной въ концѣ слова; напр. въ формахъ 2 л. ед. пов.: tonaft, kučt, valt, makst, čaft, čačt, jaft, ṕeznaft, targaft (вынься), kaduft, vant, pančt, uskt, oŋkt, śormatt, pant (изъ pand-k), art (изъ ard-k); uľť, moľť, śiṁť, kiŕť (изъ kiŕďќ), saj̨ť (при sajiќ), uj̨ť, nuj̨ť, čij̨ť, ľeťť, keľќť, čaŕkiťť, véčќť. Въ naŕťimks (полынь), ср. орк. naŕkimks (и naŕkamaz), видимъ переходъ ќ въ ť послѣ ŕ; ср. Aŕťir вм. Архипъ. Но k въ концѣ слова сохраняется послѣ ŋ, ŋ̑: avaŋk, čavi̯ŋ̑k, véťeŋ̑k; также послѣ s: kolmońesk, kotéńesk, ńiľińisk, kaṇńisk; ср. еще tosk, śesk. Слова pačk (черезъ), čačk (пополамъ) едва ли не утратили

въ концѣ звукъ α. Неясна причина отпаденія k въ окончаніи 1-го л. мн. ч.: -tana при и вм. болѣе рѣдкаго -tanak (мы ожидали бы -tanyk): jakatana, vantana при jakatanak, vantanak, ozatanak, eŕatanak.

§ 41. Звонкія шумныя согласныя (b, d, g, z, ž) въ началѣ словъ употребляются почти исключительно въ словахъ, заимствованныхъ изъ русскаго и татарскаго: buka (быкъ), balduz (свояченица), durak (дуракъ), goloď (голодъ), grać (грачъ), zalyk (залогъ), źeŕe (карманъ, ср. мокш. serä), žala (жало), žurav́ĺa (журавль). При этомъ звонкая согласная замѣняетъ иногда русскую глухую согласную: dykva (тыква), braźńik (праздникъ), dynt (тынъ). Рѣдко встрѣтится звонкая согласная въ началѣ своего слова: duga (братецъ, сестрица), goga (жукъ), guį (змѣя), zėŕkstams (крикнуть). Какъ увидимъ ниже, глухія согласныя, всѣ вообще, переходятъ въ началѣ слова въ звонкія въ положеніи за звонкой согласной въ концѣ предшествующаго слова (§ 65). Въ концѣ слова звонкія шумныя согласныя по общему правилу переходятъ въ глухія: такъ во вносительномъ падежѣ s замѣнило конечное z: kudys, tarkas, v́eĺes (ср. въ соединеніи съ личными мѣстоименіями: kudyzyn, tarkazyt, v́eĺezėnėk); ср. весьма обычное произношеніе Pas (при Pazyń), ср. Paščangyt́ не Paššaŋgyt́, а также случайныя: kńaś (при kńaźiń), saras (при sarazyń), uŕäš (но uŕäžyń: Оркино); вмѣсто болѣе древняго v́iď (v́iď boka: правая сторона) находимъ v́it́ (правый), откуда и v́itiń (род. пад.). Нарѣчное jutaś съ ś, ср. jutaź какъ причастіе: орк. jutaś v́äńä. Но вообще, какъ въ именахъ, такъ и въ глаголахъ, та или иная аналогія способствуетъ поддержанію звонкости конечной согласной въ основѣ (формѣ им. ед.) и флексіяхъ: ср. произношеніе saraz, sėď, v́eď, laz при sarazyń, sėďeń, v́eďeń, lazyń. Поэтому же въ заимствованныхъ словахъ удерживается конечная звонкая согласная: polog, obed, moroz, gorod, uŕad, obod, osrog, povod, paraχod, roź (но jaśŕiṕ, žemčuk). Вытѣсненіе polok, moros черезъ polog, moroz (подъ вліяніемъ pologoń, morozėń) и т. п. имѣетъ слѣдствіемъ появленіе и koloz, ruz, ďogoď, bruď (прудъ), pustyž,

Boŕez, Taraz, Dʹeńez, otʹved вм. kolos, rus и т. д. Неясна причина сохраненія конечнаго ź въ глагольныхъ формахъ, какъ soḱeź, šnasyź, šnatadyź, vʹečkséḿeź, sokaź (прич.); въ Сухомъ Карбулакѣ я не разъ слышалъ произношеніе soḱeźɛ, sajiźɛ съ весьма краткой редуцированной гласной.

§ 42. Согласныя t, ť, k, ḱ, s, ś, l, ľ, n, ń, š могутъ быть долгими, какъ въ положеніи между гласными и въ концѣ словъ, такъ и послѣ согласныхъ. Долгія согласныя возникаютъ: 1) вслѣдствіе встрѣчи двухъ согласныхъ при постпозиціи: stolaŋks (stolʹ laŋks), 2) вслѣдствіе встрѣчи конечной согласной основы съ согласною флексіи: brat (т. е. bratt: братья), kijaks (т. е. kijakss: на полъ), salmukṣa (salmukssa: иглой), časta (čassta: отъ часа), орк. keťä (т. е. keťťä: за руку), lomať (lomaťť вм. lomańť: люди), maksyḿik (makssyḿik: меня отдали), maksyź (makssyź: дадутъ), ƀeŕeka (ƀeŕekka: по берегу), lomaṇiń (lomaṇńiń: человѣку); 3) вслѣдствіе встрѣчи согласной основы со согласною суффикса: ḿešeḳä (ḿešeḳḳä: мѣшечекъ); 4) вслѣдствіе встрѣчи согласной основы съ согласною флексіи или суффикса послѣ выпаденія между ними конечной гласной основы ɑ или ɛ: antana (вм. andɑtana: накормимъ), kaṣ (вм. kasɑś: росъ), орк. vʹečkeṣa (вм. vʹečkezɑza: пусть любитъ его). — Долгія согласныя стремятся вообще къ сокращенію: brat поддерживается вліяніемъ конечнаго t въ alašat, sarast, vʹeŕǵest и т. п.; sata подъ вліяніемъ sad и окончанія da (ta) въ alašada, ḿešekta, ošta. Стремленіе къ сокращенію доказывается произношеніемъ stolaŋks, stolaŋksta, также saldatnė, rotnė вм. saldatnė, rotnė, elʹť (кобылы, отъ elʹďe); ср. еще сухокарб. ramasa вм. ramaṣa (пусть купитъ его), eśe вм. eṣe. — Кромѣ долгихъ согласныхъ твердыхъ и мягкихъ (brat, gośť) въ положеніи между двумя слогами извѣстны такія сочетанія двухъ тождественныхъ согласныхъ, въ которыхъ первый элементъ относится къ первому слогу, а второй ко второму: bratta при и вмѣсто brata (о братѣ), при чемъ распаденіе долгой согласной на составныя части обязано, конечно, вліянію аналогіи (brat-ta); ср. произношеніе: ḿeťta, keťta, vʹeťta, гдѣ мягкость пер-

ваго элемента вызывается вліяніемъ родственныхъ формъ, какъ ḿeď, keď, ve̮ď.

§ 43. Долгія шумныя согласныя неизвѣстны въ языкѣ: d̲, z̲, g̲ еще въ общемордовскомъ перешли въ соотвѣтствующія глухія t̲, s̲, k̲: sat̲a вм. sadda, ve̮t̲a вм. ve̮ďda, ket̲a вм. keďda, ḿet̲a вм. ḿeďda. Равнымъ образомъ ramazzza перешло въ ramazza и далѣе въ ramas̲a, откуда въ Сухомъ Карбулакѣ ramasa; eźeźe въ eźźe, es̲e, eśe.

§ 44. *Встрѣчи согласныхъ.* Какъ въ серединѣ, такъ и въ началѣ словъ извѣстны довольно сложныя группы согласныхъ, возникшія частью вслѣдствіе выпаденія между ними гласной. Въ началѣ словъ, не заимствованныхъ изъ русскаго языка, находимъ напр. слѣдующія группы: pr — praksta (портянка), pra (голова), tr — troks (черезъ), ťrams (кормить), kr — krandaz (телѣга), kŕanč (ворона), šl — šlams (мыть), šn — šnams (хватать, изъ kšnams?), ps — psaka (кошка), pśi (горячій), pst — pśťiťca (лягну), pśťiźilkst (рябина), psk — pśkiźiś (надристалъ), pšk — pškaďims (ублажать, утѣшать), pšč — pšči (острый), sk — skal (корова), st — stams (шить), śtams (встать), šk — ška (время), št — štams (мыть), kš — kši (хлѣбъ), kšumaй (редька), kšn — kšńi (желѣзо), kšna (ремень), kšńat (корь), kšč — kščiŕä (веретено), ksn — ksnaų (горохъ).

§ 45. Въ заимствованныхъ словахъ нѣкоторыя группы претерпѣваютъ различныя измѣненія. Вмѣсто pr, fr находимъ tr въ началѣ словъ: tropka (пробка), truχta (плодъ); zn переходитъ въ n: načit (значитъ), nama (знамо), vn въ n: nuča (внучка), pt въ t: ťiča (птица), ps въ s: solomščiк (псаломщикъ), skl въ sl: śĺańiк (стекло), sladnyį pejeĺ (скадной ножъ), skr въ sr: śŕipka (скрипка), ǵŕ въ ďŕ: Ďŕigoŕej, śṕ въ śm̀: Śm̀iŕka (Спиридонъ), śṕ въ pśť: pśťiča (спичка). — Особенно распространено измѣненіе str въ sr: śŕigan, śŕaṕńa, śŕariχa, śrela, srojams, srupa, srup, sraś zaryška (страсть сколько), также въ серединѣ словъ: jaśŕiṕ, osrog, posromkat. Въ Оркинѣ обычно сохраненіе str: straṕńa, также въ

нерусскомъ словѣ straftums (раскидывать, развѣшивать), вмѣсто чего въ Сухомъ Карбулакѣ sraftums.

§ 46. По общему правилу t выпадаетъ передъ n въ положеніи послѣ согласной (кромѣ r, l, m, а также u̯, i̯). Ср. sn вм. stn: vasnė, ve̯ŕ̓gesnė, kandylasnuy̯ń, rasnuy̯ń, gošńe; kšn вм. kštn: atakšnė, mekšńe, ke̯ukšńe; čn вм. čtn: pe̯nčńe; fn вм. ftn: čufńe; χn вм. χtn: pastuχńe; kn вм. ktn: jarmakńe, pe̯ukńe, robotńikńida, pi̯ĺkńiń, jamščikńe. Впрочемъ, рядомъ съ ltn, rtn, напр. въ skaltnė, sazyrtnė, извѣстно и ln, rn: kalnyt̓ (рыбки), t̓e̯it̓eńe; въ Оркинѣ: tataṛnä, t̓äχt̓i̯ŕńä, aṛńiḿä (съ глухими ṛ). — t выпадаетъ въ группѣ ntl: kańĺims (носить).

§ 47. Въ концѣ слова послѣ k выпадаетъ t: jarmak (деньги) вм. jarmakt, losk (уфни) вм. loskt; но рядомъ и jarmakt, olkt; въ Оркинѣ я слышалъ: olk, śauk (вилы); 2 пов.: usk (вези), ve̯čk, susk (схвати зубами), орк. päčk (зарѣжь), valk (слѣзь).

§ 48. Звукъ χ, о которомъ сказано выше, въ § 39, выпадаетъ въ положеніи между согласными: при avaftuma, t̓ikšift̓iḿe — jarmaktuma, saltumuńt̓, sazyrtumuńt̓, gorottoma, oštoma, kolostoma; ńeŕt̓eḿe, paŕt̓iḿe, śeĺńt̓eḿe, stoĺt̓eḿe, pi̯ziḿt̓iḿe. Въ Оркинѣ упорно сохраняется f въ такомъ положеніи послѣ r, l: panarftyma, skalftyma, bojarftyma, päi̯ft̓iḿe, t̓äi̯ft̓iḿe, vi̯rft̓iḿe, uźi̯rft̓iḿe, päi̯lft̓iḿe, но ke̯ńt̓eḿe, pänčt̓iḿe, koromtėma, jarmaktyma; также kaṛt̓iḿe.

§ 49. Звукъ v (u̯) выпадаетъ передъ ĺ: kapšaĺiń, ḿeŕeĺeń, karmaĺiń, targaksyĺiźe, ḿeĺčkaĺims (хотѣть, думать, вм. ḿeĺčkauĺims). Звукъ j выпадаетъ вообще послѣ согласныхъ: орк. äśutkuvast вм. äś jutkuvast.

§ 50. Звонкія шумныя согласныя переходятъ въ соотвѣтствующія глухія въ положеніи за другой звонкой въ предѣлахъ одного слога. Это имѣетъ мѣсто преимущественно въ сочетаніяхъ гласная + r, l, n, m + звонкая согласная, по выпаденіи за звонкой согласной гласныхъ ɑ или ɛ. Поэтому aŕd̓ńims перешло въ aŕt̓ńims (скакать), kańdĺims въ kant̓ĺims (носить), pi̯ĺgɛda въ pi̯ĺkta (pi̯ĺge: нога), ke̯ńžɛda въ ke̯ńčta (ke̯ńže: коготь); равнымъ

образомъ русскому слову скорбь — скорби соотвѣтствуетъ skoŕp (орк. skoŕpeŋza).

§ 51. *Прогрессивная ассимиляція.* Шумныя звонкія d, g, z, ž, ǯ переходятъ въ соотвѣтствующія глухія передъ k, t, s: veťť (воды), tarattnė (сучья), mėťťeme (безъ меду), čarkiťť (смекай), kivíťťan (я спрашиваю тебя), śormatt (пиши), keťks (браслетъ, ср. keď), vačkić (ср. vačkidims), orgoć (ср. orgoďems: убѣжать), mėťc (въ медъ, ср. mėď), satcyńť (ср. sad: садъ), kecta (ср. keď: рука), karaoctėńť (ср. karaod: хороводъ), osroks (въ острогъ), kurks (kurga: ротъ), osks (моленіе, ср. ozoms), ost (возы, ср. oz), veŕgest (волки, ср. veŕgez), kaśś (подарилъ, ср. kaźims), kuśś (влѣзъ, ср. kuźims), lassta (изъ досокъ, ср. laz), vassyńť (въ телкѣ, ср. vaz), čuvašt (ср. čuvaž), maťťiḿä (укладывать, ср. maďims: ложиться), орк. käṕiťcyj (подниметъ, ср. käṕiďims); saraske (курочка, ср. saraz), kardaskiť (дворочки, ср. kardaz), и т. п.

§ 52. Несложговое u̯ (w) переходитъ въ f передъ t и k: им. мн. koft (kou̯: мѣсяцъ), karft (karva: муха), ulaft (ulau̯: возъ), śupaft (богатые: śupau̯), końoft (końou̯: бумага), iľiť (iľiu̯: прутъ), keť (keu̯: камень); 2 л. пов.: čaft (čaums), jaft (jaums); — afka, afkaj (ср. ava: мать), Usofka, Kumarofka, Andŕofka, goŕńipofka (goŕńipou̯).

Примѣчаніе. Передъ s нѣтъ перехода u̯ въ f: iľiu̯sa, čuu̯s (при čuft), śťau̯sak (разбудишь), suu̯śims (входить), pou̯sa (pou̯: пуговица), kazna mujiu̯ś (но eź mujiť), arau̯syź, lau̯s, ńeu̯sė. — Нѣтъ такого перехода и передъ ks: leu̯ks, Usou̯skėj; нѣтъ его обычно и передъ c: ṕiu̯cyť, lau̯ća, lau̯ćińe, lou̯ca, lou̯cėńe (но встрѣчается и lofca). — Какъ мы видѣли въ § 39, общемордовское χ передъ t перешло въ f, но передъ ks является вмѣсто него u̯: kafta (два), но kau̯ksa (восемь).

§ 53. Несложговое i (j) въ говорѣ нѣкоторой части жителей Сухого Карбулака (преимущественно мужчинъ) сохраняется передъ t и k безъ измѣненія: ťejťeŕ, veji̯ke. Но другая часть жителей этого села, а также Оркинцы измѣняютъ j (изъ i̯) въ χ въ

указанномъ положеніи: сухокарб. ťeχťeŕ, veχke, kednėχť, mazyχť, odžačyχť sėuńan, tajnyχť, colkovoχť, saχť (возьми), veχki piľgin (одну мою ногу), veχkeška, keľeχka (келейка), daχťi (дайте), peχťe (пейте); орк. ťäχťiŕ, äχńiй, maćiχńä (вм. maćiχtńä), päχńiй, päiľχńiй, ľeχńedä (о рѣкахъ), moй kudyn ploχoχť. Въ Сухомъ Карбулакѣ извѣстно еще произношеніе съ iχ, представляющееся какъ бы комбинаціей произношеній съ i и съ χ: od ďeiχťeŕ, teiχťanak.

Примѣчаніе. Передъ s не имѣетъ мѣста подобный переходъ: iľiįsa, ńeįs, saįsa. Также передъ ks: veįksa (но veχke).

§ 54. Звуки r, ŕ, l, ľ въ Оркинѣ и у значительной части населенія Сухого Карбулака переходятъ въ глухіе звуки въ положеніи передъ t, ť—ṛ, ĺ, ļ, ľ; напр. skaļt, skaļtnė, kaŕťńe, orta, panaṛt, koŕťńeť, kuvaļt, nuŕťiť, vaļt, iľa peľť; орк. päŕťkast, Глухія r, l удерживаются и передъ n послѣ выпаденія слѣдовавшаго за нимъ t: орк. ťäχťiŕńä, tataṛnä, aŕńiḿä, aťamaŕńe, umaŕńe, sazyṛnė, skaļnė; также передъ k: päŕkanza; но чаще наблюдается переходъ ихъ въ такомъ положеніи въ rχ, lχ, ŕχ, ľχ: sazyrχnė, skalχnė, valχné, kalχnė, pisyŕχńä, pejeľχńä, aŕχńä.

§ 55. Сочетаніе nt измѣняется въ tt (явленіе общемордовское): lomaťť, sažytt, otamatt, čatt, ott, vakatt, sumaťť, dokuḿett, saraχatt, ćigatt, kaŕćagatt, ďeťaťť, śovoťť, lomaťńe. Формы ont, vakant, pont, čant, χoźaint, sažynt объясняются вліяніемъ формъ ед. числа; равнымъ образомъ грамматическая аналогія сохранила nt съ глагольныхъ формахъ: vant, eź kant, pańť, ďiľińť (звони).

§ 56. Сочетаніе mt измѣняется въ tt, очевидно, черезъ посредство nt: išťatt (отъ išťama: такой), końďatt. Въ suŕćamt (гребни) вліяніе грамматической аналогіи.

§ 57. Сочетаніе nb переходитъ въ mb: veḿbeŕť, орк. väḿbeŕť (всю ночь, изъ veńpeŕť), veľembrumks, pačalkśimbańima, moľem borońťeń, moľeḿ bŕetśedaťiľńiй, ejem bary rakšat, sajim bolaza; какъ видно изъ примѣровъ, ń передъ твердымъ b перешло въ твердое m.

§ 58. Мягкія переднеязычныя ассимилируютъ себѣ въ отношеніи палатальности предшествующія губныя и задненёбныя въ начальномъ слогѣ: ṕŕa, kŕíša. Въ серединномъ слогѣ въ положеніи послѣ задняхъ гласныхъ такой ассимиляціи нѣтъ: tónafńiiṁe, но послѣ переднихъ гласныхъ губныя и задненёбныя вообще смягчаются (ср. ниже).

§ 59. Мягкія переднеязычныя ассимилируютъ себѣ въ отношеніи палатальности предшествующія переднеязычныя. Поэтому и въ начальномъ слогѣ и въ серединныхъ, какъ послѣ переднихъ, такъ и послѣ заднихъ гласныхъ видимъ сочетанія двухъ мягкихъ переднеязычныхъ: Maŕťiṁ, Oŕťom, Ќeńťa (Викентій), Arćeńťej (Арсеній), Oźńeśeńja, kuŕńiḱ, kuźńića, roďńa, paŕćťe, kaŕćiť, suŕćam, aŕćiḱ (желай), provoŕńe, avaŕďiṁe, muŕńan, pupuŕďan, kańžiryt, tańťij, mańčims, ańćak, pańćims, styńže: kaźńe (даръ), vaśńa, laśťe, vaďŕa, čavuśńida, napuśťe, ćoraťńe, kudyťńe, ṕŕaťńiń.

§ 60. Твердыя переднеязычныя ассимилируютъ себѣ предшествующія мягкія переднеязычныя въ отношеніи твердости: ví̯ed lanḡuḡ вм. ví̯eď lanḡuḡ, stollanḳs вм. stoľanḳs.

§ 61. Мягкія губныя ассимилируютъ себѣ предшествующія переднеязычныя въ отношеніи палатальности: ťvet, oťveče, Maťvij, kuŕṁiš (курмышъ), śvetéj, koŕṁeńeć.

§ 62. Мягкія губныя ассимилируютъ себѣ предшествующія губныя: toṁbeźe, ľeṁbä.

§ 63. Задненёбныя измѣняютъ предшествующія мягкія губныя въ твердыя: eźemga (eźem: скамейка), čuďiŕka (čuďiŕ: текучій), ṕićiŕka.

Примѣчаніе. Мягкія передненёбныя сохраняютъ свою мягкость передъ твердыми губными и задненёбными: víśks, séťks, орк. śavyŕkšnyśt, koŕmakaj, keŕksams, puuŕks (мозоль), ṕiťiŕkaj (пиголица), śeľmukšt.

§ 64. Вмѣсто soźďa, soźďeńe (легкій), какъ говорятъ обыкновенно въ Сухомъ Карбулакѣ, я слышалъ тамъ же šoźďeńe, а въ Оркинѣ даже čoźžeńä съ č вм. š по § 31.

§ 65. *Регрессивная ассимиляція.* Глухая согласная и группа глухихъ согласныхъ въ началѣ слова переходитъ въ соотвѣтствующія звонкія въ положеніи за звонкой согласной и также за j и ц предшествующаго слова (явленіе общемордовское): tolǵeľ вм. tol ķeľ (пламя), ṽiŕgaľ вм. ṽiŕ ķaľ (ива), od ʒora вм. odćora (юноша), oʙedʙeľks (югъ), čińʒarama (подсолнечникъ), ṕejzyṽiľ (десна), kasumʙŕa (затылокъ), ńiľińǵeńeń (сорокъ), ķeńźišińge (семнадцать), mon ʒačyńďaŕan mon gasyńďaŕan, ķeńeń ʒolkovoj (десять рублей), čamam vatasa (лицо мое въ фатѣ), moń ýŕosnéj ďaŕam (мой крёстный отецъ), jarmakńiń žľapasy saida (деньги берите шляпами), mońań γočiśa (мнѣ хочется), Ščerbatuц gńaźiś; kiľij daratt moń ǵeďen, ǵiľij ʒućuft moń zurnyn; moń žǵiń afkam (škiń afka: кормилица мать), ton moń zduцsamak (stuцsamak: ты меня забудешь), ṕižyń bsaka (psaka: кошка), ķeṽeń źďena (каменная стѣна), numulyń zdada (заячье стадо), karman bžgaďiḿe (начну приговаривать), ďikyj źďeps noldéḿeź (меня пустили въ дикую степь). Но какъ только два подобныхъ слова раздѣлены паузой, глухая согласная второго слова вновь возстанавливается: pačkić ṽeľeń ṕes (доѣхалъ до края села), ṽeľeń kunčkasy aťat (въ серединѣ села старики). Въ Оркинѣ мнѣ казалось, что дѣйствіе этого закона, въ особенности въ мужской рѣчи, стирается: я слышалъ и въ быстрой рѣчи tuiń syṽiľ, usksyj toц, mon synst ḿäľga kulan, nu a možyš utum ťäiḿe, noldéḿeź pažalyjsta, toń kudyt ḿiif śińťŕims, ďikyj śťepsa, ṽäľiń starysta, ṽäŕǵizyń tulup, ponań ćulkat (но oľgóń ǵŕiša, mon žečas alašaftyma).

Примѣчаніе. Въ kodǵeḿeń, ṽeďǵeḿeń звонкія согласныя появились подъ вліяніемъ ńiľińǵeḿeń, kaцksyńgeḿeń; можно бы ждать: kotķeḿeń, ṽeťķeḿeń.

§ 66. Въ Оркинскомъ говорѣ, какъ и во многихъ другихъ эрзянскихъ говорахъ, окончанія -tana (-ťana), -tada (-ťada) въ 1-мъ и 2-мъ л. множ. ч. наст. вр., -tan (-ťan), -tadyź (-ťadyź), -tanzat (-ťanzat) въ опредѣленномъ спряженіи того же времени переходятъ въ -dana (-ďana), -data (-ďata), -dan (-ďan) и т. д. въ положеніи именно за звонкими согласными и за j, ц окончанія основъ: moľďana

(мы идемъ), uĺďana (мы есмы), ujďada (вы плывете), loudana (мы читаемъ), kaduudana (мы оставляемъ), amaštuudada (вы не можете), poŕďana, poŕďada (poŕems: грызть), ḿeŕďana, ḿeŕďada (ḿeŕems: приказывать), ťäjďan (я тебя заколдую), sajďan (возьму тебя), poŕďadyź (онъ васъ загрызетъ), čaudanzat (онъ тебя побьётъ) и т. д. Въ Сухомъ Карбулакѣ t въ указанныхъ окончаніяхъ сохраняется: moĺťana, uĺťada, valtada, ťejťana, sajťan, šiḿťan, poŕťanzat, eŕťanzat (оглоушитъ тебя), ńiĺťanzat. — Но аналогичное этому измѣненіе t въ d въ склоненіи мѣстоименій имѣетъ мѣсто и въ Сухомъ Карбулакѣ: mońďań, tońďať, syńďast, sońďanza.

Примѣчаніе. Въ Оркинѣ появленіе слоговой гласной (хотя бы и вмѣсто дифтонга) тотчасъ же ведетъ за собой возстановленіе t: ńeťana при ńejďada. Неясно, почему въ Оркинѣ держится t въ ṕejeŕťana, ṕejeŕťada (ṕejeŕems: попадать).

§ 67. Въ Сухомъ Карбулакѣ мнѣ пришлось слышать (повторно) произношеніе dumaś kośťama (вм. dumaś gośťama): здѣсь видимъ переходъ звонкой согласной въ началѣ слова въ глухую подъ вліяніемъ конечной глухой предшествующаго слова.

§ 68. Глухая согласная въ концѣ основы ассимилируетъ себѣ шумныя согласныя падежныхъ окончаній въ отношеніи къ звонкости. Такъ окончаніе da (отлож. пад.) переходитъ въ ta послѣ глухой согласной основы: ḿešekta, jarmakta, ošta, suksta, ŕeveťeuksta, Kĺučtyńť (о селѣ Ключахъ), орк. pulfta (о снопѣ), орк. roboťńikťä, орк. ťeńťťä. Окончаніе ga (пронос. падежъ) переходитъ въ ka: kruta ťeŕekka, kijakska, keukška, tuś veďeń žudifka, орк. son sodaŕä ťeškska (ťešks: мѣтка). Частица gak измѣняется въ kak: kiťkak, kikskak, kiskak ср. kijak, kińgak. Отмѣчу въ Оркинѣ: äśkanza, äśkan, äśkat при äźganza, äźgan, äźgat.

§ 69. Твердая переднеязычная въ концѣ основы ассимилируетъ себѣ слѣдующее за нею мягкое n, превращая его въ твердое (а это влечетъ за собой переходъ ńi, ńe въ ny, nė). Такъ имѣемъ въ дат. окончаніе -nyń вм. ńiń: saraznyń, Paznyń, bojarnyń, kujarnyń, Ivannyń, malaviksnyń, godnėń, oŕolnėń, narodnėń,

obednėń; -nė вм. -ńe въ им. мн.: kijaksnė, vasnė, azyrtnė, rusnė, ortnė, veŕgesnė, osnė, otamatnė, орк. tataŗnä; -nуń вм. -ńiń въ род. мн.: rasnуń, pulcnуń, kandylasnуń, kaltnуń, ortnėń, koŕotnėń; -nуńiń вм. -ńińiń въ дат. мн.: kaltnуńiń, nurtnуńiń, veŕgesnėńeń, ľeŋksnėńeń, ortnėńeń; -nуda вм. -ńida въ отлож. мн.: śukurtnуda, sazyrtnуda, kaltnуda; -nė вм. -ńe въ уменьшительныхъ: tolnė, godnė, onnė, saraznė, vakannyś, piśmarnyś, орк. śukyrnyt; -nyk вм. -ńik въ совмѣстительномъ падежѣ: brusnyk, panarnyk, poŋksnėk. Равнымъ образомъ находимъ при указанныхъ условіяхъ -nуza вм. -ńiza въ именахъ женскаго полу: Tarazнуza, Obrannуza, Varlannуza, Vikilnуza, Ondronnėza. Ср. sy godnė (въ будущемъ году) при čokšńä, ťeĺńä.

Примѣчаніе. Здѣсь очевидно стремленіе сохранить характеръ согласной именно основы; сочетаніе: t окончанія им. мн. съ ńe, признакомъ опред. склоненія, даетъ ťńe, а не tnė: alašaťńe. Твердыя губныя и задненёбныя имѣютъ за собой не отвердѣвшее ń: poŕńe, čufńiń, Ščerbatufńiń, końofńeń, kudyńbŕafńe, pastuɣńe, tolkńe (умы), suskumńe (кусочекъ), očkńeńeń, olkńeń alda (ср. олтнэ въ Калейк. говорѣ, Обр. морд. слов. II, 92). При сухокарб. čufńiń въ Оркинѣ: čufnуń, čuftnуń, čufnуńiń.

§ 70. Мягкая переднеязычная въ концѣ основы ассимилируетъ себѣ въ отношеніи палатальности t глагольныхъ окончаній -tana, -tada, -tan и т. д.: ср. veckťana, ńeŕťana, paŕťan, ľukščaťťan, sajťan, uĺťada, śeźeŭťana, skokaťťana, śińťan.

Примѣчаніе. Звуки š, č, ž не ведутъ къ отвердѣнію ń: ľeŭšńe, uŕažńe, ŗepčńeń (но однако Aľekśeičnуń). — Группа kš послѣ переднихъ гласныхъ не ведетъ къ отвердѣнію ń: ńekšńe, орк. ńäkšńä, keĺkšńe (плёнки въ мясѣ), keŋkšńe; послѣ заднихъ гласныхъ наступаетъ отвердѣніе: ataкšnė, lukšnė (корки), vatrakšnуń (vatrakš: лягушка).

§ 71. Мягкая согласная основы переднеязычная, губная и среднеязычная ассимилируетъ себѣ въ отношеніи мягкости согласную t окончанія: им. мн. kaŕť, keńť, keťť, ťeŕť, 3 л. мн. saśť,

2 пов. śiḿť; 1 л. мн. ḿeŕťana, 2 л.мн. moľťada. Таково же дѣйствіе j: ṕejť (зубы), sajťan, ujť, орк. uẋť (плыви), орк. čiẋť (бѣги).

Примѣчаніе. Окончаніе 2 л. ед. и мн.—притяжательное t не подвергается смягченію: ṕiľit, ked'et, keḿet; орк. śäľḿit, орк. čeŕd'et (сухокарб. čeŕdet), орк. v'äd'it. Изрѣдка въ Оркинѣ я слышалъ мягкое t въ этомъ окончаніи.

§ 72. Мягкая губная основы ассимилируетъ себѣ слѣдующее g (частицы ga) и смягчаетъ его; ġa переходитъ въ ġe: śiśiḿġe.

§ 73. Сочетаніе ńď переходитъ въ ńń, откуда ń: mońań, tońaťь, sońanza, ḿińańiḱ при и вмѣсто mońďań, tońďaťь, sońďanza, ḿińďańiḱ; также въ дат. ńiń вм. ńďiń: avańiń; также keńeŕ, ср. keńďiŕ другихъ говоровъ (Paasonen § 38, 2); орк. kanyrga (глина въ печкѣ) при сухокарб. kandyrgan (уголь).

§ 74. *Неполное приспособленіе звуковъ.* Въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ сочетаніе nk переходитъ не въ ŋk, а въ mk: oromka (воронка), орк. šygymka (ширинка); а также въ ŋg: naŋgovoj (нанковый).

§ 75. Звуки ť и ď въ положеніи за š и ž переходятъ вообще въ č и ǯ: ťešče (звѣзда), ḿešče (грудь), pšči (острый).

§ 76. Звуки s, z, š и ž переходятъ послѣ r, l, n въ c, ʒ, č и ǯ: parc вм. pars, kaldyrca (съ грохотомъ), uźirćyńť, sazyrcyńť, paŕcyńť, viŕca, synct; ḱeveŕć (кубаремъ); barckyj, źverctva, polcaposkat, jorctak (верстакъ), vajġiľca, ṕeľca, Aŕćańťej (Арсеній), arčinca, ranc, lomańcyńť, vakancyńť, орк. ugylc; — Borʒoŋ (прозваніе), sońćenza (Калейк. сонсэнзэ), sonza, Ṕenza, ľićanza, palatanzat (онъ тебя поцѣлуетъ), kadyńǯe, ńeľǯa, ińǯij; — mańčiť (Калейк. маньшить, Обр. II, 82), ṕeľarčinčka (съ полъ аршина), Jelčanka, starčina, veŕčok, jorč (ершъ); — barǯa баржа), keńǯe (коготь).

Примѣчаніе. Произношеніе съ z вмѣсто ʒ встрѣчается довольно часто и въ Оркинѣ и въ Сухомъ Карбулакѣ: sonza, avanza и т. д. Нерѣдко сохраняютъ свой звукъ s и š передъ t въ указанномъ выше положеніи: varštaś при varčtaś, sa-

zyrstyńť. Даже с иного происхожденія можетъ перейти передъ t въ s: karstyńť (изъ хлѣва).

§ 77. Подобный же переходъ имѣетъ мѣсто послѣ u̯ въ Оркинскомъ говорѣ, при чемъ u̯ переходитъ въ f: ozafcyź, arafcyź, ľifcyź, ńefcėź, orčafcy, kajafcy, pulfca, ср. въ Сухомъ Карбулакѣ: ozau̯syź, arau̯syź (поставятъ), sėu̯sėź (съѣдятъ), čau̯syź (выбьютъ), valuu̯syź (выльютъ), polau̯syź (обмѣняютъ). Впрочемъ, я слышалъ въ Оркинѣ также и säü̯syź, lou̯sa (lou̯: снѣгъ). Въ Сухомъ Карбулакѣ lafća, ср. Калейк. лався, Обр. II, 86, lofca (молоко).

Примѣчаніе. Послѣ i̯ такого перехода нѣтъ ни въ Оркинѣ, ни въ Сухомъ Карбулакѣ; произношеніе ʼviiįca (силкомъ, Сухокарб.) вмѣсто ʼviįsa заимствовано, очевидно, изъ такого говора, гдѣ s переходитъ въ c и послѣ i̯.

§ 78. Звукъ s переходитъ въ c послѣ s, š и č въ Оркинскомъ говорѣ: kijakscyńť, ʼpikscyńť, käŋkščyńť, maksca вм. makssa, pańčyź, makscyź, orta ʼvälksc, son kasć, ľišć, vakscyŋza, rybnyj labasc, rybnyi̯ labasca; — kučcyńžä, kyrvaścyź, lokšca (кнутомъ), ušca, stoľest ekšc; — mašć, čačć, vačć, ʼväšć. Въ Сухомъ Карбулакѣ: maksa, maksyź, kučsyńže, kirvai̯syź, stoľest ekšs.

§ 79. *Диссимиляція.* Сочетанія ss, śś, śs, sš, замѣнившія подъ вліяніемъ той или иной аналогіи s̯, ś, š̯, переходятъ въ Сухокарб. говорѣ по общему правилу послѣ согласной въ i̯s, i̯š: kardai̯s (kardazs), krandai̯sa (krandazsa), tarvai̯sa, rudai̯s (въ грязь), sarai̯s (въ курицу), lai̯sta (отъ доски); ʼriviįś (въ лисицу), ʼriviįstyńť; oįśeť, oįśešť; eįsėn (во мнѣ), eįstėn, ʼmeįs, ʼmeįsta, šeįś (изъ šeźś: изорвался); lajška (съ доску), sarajška (съ курицу), kardajška. Въ Оркинѣ то же, но, кажется, рѣже: krandai̯s, kardai̯sa, tarvai̯sa; ср. тамъ формы sarasc (въ курицу), ʼväŕgisc (въ волка), son goďeźe ʼriviśc (онъ попалъ въ лису), kyrvaścyź (см. § 78).

Примѣчаніе. Въ Сухомъ Карбулакѣ говорятъ и lassta, krandassta, rudassta, kuššt (ср. Калейк. куйсть).

§ 80. *Вставка гласныхъ.* Довольно часто находимъ ее въ начальномъ слогѣ заимствованныхъ словъ: kińiga вм. книга, ŕeŕestol (престолъ), suvat, suvaχa (сватъ, сваха), kuvas (квасъ);

не въ начальномъ слогѣ: roštova (рождество). Произношеніе korom (вм. korm) возникло едва ли не для избѣжанія встрѣчи въ одномъ слогѣ двухъ звонкихъ согласныхъ (ср. § 50). — При alftams находимъ aluftams (обѣщать), ср. въ другихъ говорахъ: alvtams, alstams, altams (Paasonen, § 54, 1).

Взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ.

§ 81. Заднія гласныя не терпятъ передъ собой мягкихъ губныхъ и средненёбныхъ согласныхъ. Поэтому при śiṁims, śeźevems, večkems 1-е л. наст. вр. śiman, śeźevan, večkan (но при panims — pańan, keŭkśtems — keŭkśtan); при oχoťneĺ — oχoťnekan (я охотникъ), при ejďneṁ — ejďnemat (ты мое дитя); keĺmoį вм. keĺṁi oį, kevaluų (подъ камень) вм. keų aluų; ср. также русскія слова: vrema, pĺema, beŕema, znama. — Ср. § 30.

§ 82. Переднія гласныя имѣютъ передъ собой вообще только смягченныя согласныя: ṁeŕe, tenza, kiĺďims. Отвердѣніе согласной ведетъ за собой переходъ передней гласной въ соотвѣтствующую среднюю (ср. §§ 13 и 14). Неясно, переходятъ ли всегда i, e въ y, ė послѣ отвердѣвшихъ š, ž, č; мнѣ казалось, что многіе произносятъ šina, lajšima и т. п. съ твердымъ š, но съ i.

§ 83. Передъ средними гласными неизвѣстны вообще палатализованныя согласныя. Въ Сухомъ Карбулакѣ ограничено употребленіе передъ ними и задненёбныхъ согласныхъ: мы находимъ ихъ тамъ, гдѣ онѣ поддержаны вліяніемъ аналогіи: jarmakyt, kušakunza подъ вліяніемъ jarmak, kušak; syrgyźiń, targyźima подъ вліяніемъ syrgams, targams; вообще же ky, gy замѣняются сочетаніями ki, ġi: vačkiďiń, čaŕkić, pačkiďiń (Калейк. пачкодинь), въ русскихъ словахъ: jaġida, viχid, Mikila. Въ Оркинѣ ky, gy, χy удерживаются: pačkyďiń, čarkyďims, vojangyĺä (евангеліе), šalgynysyź, čangyďiza. Равнымъ образомъ при сухокарб. ajġir, kirga, kirmalaų, kirvaźims находимъ въ Оркинѣ: ajgyr, kyrmaraų, kyrga, kyrvaśćyź, kyrnyms (храпѣть), хотя, впрочемъ, ky, gy передъ r + согласная извѣстны и въ Сухомъ Карбулакѣ:

čikyrdima, ajgyr, kyrvajsyź (ср. § 7 прим. и § 16, гдѣ высказано предположеніе о томъ, что въ такихъ случаяхъ слышится сочетаніе αr̥). Въ положеніи передъ лабіализованными гласными средняго ряда употребленіе задненёбныхъ k и g довольно обычно: poŋgóms, kotkódaŋ, olgót, ńešekóś. — Въ Сухомъ Карбулакѣ совсѣмъ неизвѣстны сочетанія губной съ нелабіализованными средними гласными; неясно parmyšča (рѣдкое слово, означающее дощечку, которою закрывается улей и которая втыкается потомъ на шестъ для привлеченія роевъ). Въ русскихъ словахъ сочетанія губная + у переходятъ или въ сочетанія губная + u, напр. puĭ (пыль), puž (пыжъ), buka (бык̆ъ), или въ сочетанія губная мягкая + i: vi'id (выходъ), Saṁila, Miśeį, kurṁiš (курмышъ, татарское слово). Въ Оркинѣ сочетанія губной съ у довольно обычны: sodamym, acamyn, laryža. Въ Сухомъ Карбулакѣ вмѣсто этого находимъ сочетанія съ u или съ o (послѣднія въ слогѣ, слѣдующемъ за слогомъ съ o или e): sodamuś, poroś.

§ 84. Еще въ общемордовскую эпоху сочетанія губная + αį и задненёбная + αį перешли въ сочетанія мягкая губная + εį (откуда ε съ дальнѣйшими его измѣненіями) и мягкая средненёбная + εį (откуда ε). Такъ объясняется появленіе: karṁiť, kaduvíť, raṁiń, vatkiť, vatkiń, sokeń, при udyń, sodèń, kandyń: равнымъ образомъ: baḃińe, psakińe, loṕeńe при pulyńe, kudyńe.

§ 85. Губныя и задненёбныя въ концѣ слога смягчаются въ положеніи послѣ переднихъ гласныхъ, задненёбныя переходятъ при этомъ въ средненёбныя: udi'ṁ, uźiŕi'ṁ, eźeṁ, jaśŕiṕ, Aŕťiṕ, Ośeṕ, oχoťńek̆, veľeńek̆, raṁińik̆, šlaḃik̆. Законъ о смягченіи дѣйствовалъ еще въ то время, когда дифтонгъ αį не измѣнился въ y; ср. k̆ въ положеніи за y изъ дифтонга αį въ putyk̆ (положи, въ опред. спряж.), oznėk̆, sodėk̆, noldėk̆ (a въ неопр. спряж.: oznėk, putyk, kulyk). Этотъ законъ дѣйствовалъ также еще до отвердѣнія согласной n передъ i (e), о которомъ см. § 69: ср. k̆ въ krandaznyk̆, poŋksnėk̆, kijalnyṁ.

§ 86. Въ рядѣ случаевъ можно установить измѣненіе звука t (d) въ ť (d') въ зависимости отъ предшествующей передней

гласной. Ср. чередованіе t и ť напр. въ окончаніи им. мн.: avat, kudyt, morėt, но ṕiľiť, v́eľeť; или напр. въ 3 л. ед. при объектѣ во 2 л. ед.: v́ečkeńžeť, iźńińžiť, toḿbeńžeť (прош. вр.) при šnatanžat, makstanžat, v́ečkťanžat. Такой же переходъ t въ ť имѣетъ мѣсто и передъ гласной a въ глагольныхъ окончаніяхъ -tana, -tada, -tan, -tadyź и т. д., напр. ťeḑńeťana, ťeḑńeťada, śeŕńeťana, v́idiťada, mańčiťada, aŕťńiťana, čiḑńťada, idiťan, ńeťanžat, v́eťanžat, kaŕćiťanžat, ср. karmatana, ramatada, makstanžat. Также смягчается, повидимому, n. Смягченіе t, n при указанныхъ условіяхъ имѣло мѣсто до перехода ai въ y; такъ объясняется мягкость t и n въ формахъ прош. времени: udyń, udyť, sodėń, karḿiń, soḱeť.

Примѣчаніе. Личныя постпозитивныя окончанія t для 2-го л. ед., n для 1-го л. ед. и мн., ŋk для 2-го л. мн. не смягчаются въ Сухокарб. и Оркинскомъ говорахъ въ противоположность многимъ другимъ говорамъ: ṕiľiť (твои уши), v́eľet (твое село), śeľḿen (мои глаза). Можно думать, что t, n смѣнили здѣсь ť, ń подъ вліяніемъ t, n послѣ гласныхъ заднихъ и среднихъ: avat, kudyt, sazyгуn. Впрочемъ, въ Оркинѣ я слышалъ изрѣдка и ń, ť: ṕiľiń (мои уши), śäľḿiť (твои глаза), v́iŕiŋk (ваши лѣса).

§ 87. Въ связи съ указаннымъ вліяніемъ переднихъ гласныхъ на слѣдующія согласныя стоитъ и то, что въ коренныхъ слогахъ мы почти не находимъ твердой переднеязычной послѣ переднихъ гласныхъ; могу указать только на заимствованное слово ḿir. Ср. въ своихъ словахъ: v́iŕ, uźiŕ, syv́iĺ, ŕiv́iź, v́eŕ, keŕ, keĺ, čeŕ, v́eď, ked́, ńeŕ, ńeď, ťejťeŕ, ṕejeĺ, čejeŕ; въ заимствованномъ словѣ: ḿeď вмѣсто ḿed (мёдъ). — Едва ли не въ зависимости отъ предшествующей передней согласной стоитъ появленіе смягченной переднеязычной въ положеніи передъ задненёбной: ḿeťkaz (ящерица), śeźgan (сорока), keťks (браслетъ), ńeťks (стебель), v́eľks (сливки), v́iśks (стыдъ), ṕeľks (половина), ḿeńks (перемѣна), čeŕkams (трястись), keŕksams (нанизывать), ṕeŕgaftums (отпрягать), čeŕkstaś (черкнулъ). Ср. сохраненіе ŕ въ заимствованныхъ словахъ: ćeŕkova, źeŕkala, koćeŕgan.

§ 88. Послѣ коренного слога съ i сочетаніе kš измѣнилось въ ḱš въ глагольныхъ образованіяхъ; такимъ образомъ находимъ -ḱšńims, напр. въ ḿikšńims (покупать), ṿikšńims (вышивать). Неясно однако, почему при tuikšnyś, muikšnyś, ḿeŕekšnėś, moľekšnėś найдемъ въ Оркинѣ и tuiḱšńišť, puťńiḱšńišť, avaŕḱšńiḿä.

§ 89. Какъ указано въ предыдущихъ §§, согласныя смягчаются передъ гласными передняго ряда. Во многихъ случаяхъ гласная ε, также смягчавшая согласныя, исчезла изъ произношенія, но предшествовавшія ей согласныя остались мягкими. Такъ, вѣроятно, объясняется мягкость многихъ согласныхъ, какъ въ концѣ, такъ и въ серединѣ слова. Ср. kaĺ, paŕ (кадушка), sėd (мостъ), lomań (человѣкъ), kavuŕ (хрящъ), umaŕ (яблоко), mukuŕ (пенекъ), sumań (кафтанъ), suĺť (тѣнь), kańšť (конопель). Сюда же могутъ относиться многія изъ словъ, перечисленныхъ въ § 87. Также выпаденіемъ ε объясняется, вѣроятно, мягкость согласныхъ въ словахъ: vaĺma (окно), kaśka (подполье), uĺma (удочка), uŕva (невѣста), uśkaz (пырей), naŕgams (мучить), kaŕks (бечевка), puvuŕks (мозоль), kudykiĺks (сѣни), śkamut (ты одинъ), tuŕkšnums (драться), čaraśkać (скисся); здѣсь всюду за мягкими переднёбными слѣдуютъ твердыя губныя и задненёбныя.—Возможно, что фонетически мягкія согласныя должны были отвердѣть передъ твердыми переднеязычными; мягкость въ сухокарб. kaŕda, lomańda, umaŕdynt, орк. и сухокарб. bruťsta, śovoństa, paŕca (въ кадушкѣ) была поддержана или вызвана вновь вліяніемъ формъ lomań, lomańiń, lomańć.

§ 90. Мягкія согласныя, появившись тѣмъ или инымъ образомъ въ словѣ, измѣняютъ заднюю гласную α, за ними слѣдующую, въ переднюю ε (отсюда i, e): ńeŕťeme, paŕťiḿe отъ ńeŕ, paŕ, ср. saltuma, toltoma. Возможно, что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ гласная α переходила въ ε подъ вліяніемъ самой передней гласной начальнаго слога. Въ śiśiḿǵe видимъ переходъ a въ e подъ вліяніемъ предшествующаго ǵ.

§ 91. Отмѣтимъ появленіе мягкихъ согласныхъ подъ вліяніемъ переднихъ гласныхъ въ русскихъ словахъ: Śidĭr, śiŕota, Miťŕoχa.

§ 92. Гласная e звучитъ напряженно передъ слѣдующей палатальной согласной: ńêŕ, ḿêď при ťenʒa. Гласныя a, o передъ слѣдующей палатальной согласной измѣняются въ индивидуальномъ произношеніи въ ä, ȯ и даже въ a^{i}, o^{i} (ср. § 17): suvaiś, saiś, kaińć, goiśťeńeć.

§ 93. Гласная a между двумя палатальными согласными склонна къ переходу въ ä, что имѣетъ мѣсто особенно въ Оркинѣ: сухокарб. mońďäń, paťäńť, paťäś, ťiťäń, aľäń, moŕäńť; орк. guläjaśť, śťäś, ťiťäśť. Въ Оркинѣ также измѣняется a въ концѣ слова послѣ мягкой согласной: aźä, iśťä. Отмѣчу еще syńäst, sońänza. Любопытно, что въ Оркинѣ ä вм. a находимъ и послѣ š, ž и передъ š, ž при условіи, если другая согласная, слѣдующая за a или предшествующая ему, палатализована: alašäń, oďežäń, uŕäžyś, kŕišäńť, kašäń. Въ Сухомъ Карбулакѣ я слышалъ paŕäžä.

§ 94. Въ §§ 4, 5, 11 указано на переходъ α въ u или o передъ губными и u вмѣсто ожидаемыхъ y или ė, также на переходъ α въ u или o послѣ губныхъ, наконецъ, на переходъ α въ u или o, ȯ послѣ задненёбныхъ.

§ 95. Въ § 82 указано на то, что отвердѣніе палатальной согласной ведетъ за собой переходъ слѣдующей за нею гласной передняго ряда въ гласную средняго ряда. Это имѣетъ мѣсто послѣ отвердѣвшаго n, при чемъ вмѣсто e и i являются ė и y (ср. § 69). Довольно обычно такой же переходъ i въ y (и e въ ė?) наблюдается послѣ отвердѣвшихъ š, ž, а также и č (ср. § 82).

Удареніе.

§ 96. Къ сожалѣнію, несмотря на неоднократныя наблюденія, я не могу сказать чего-нибудь опредѣленнаго даже о мѣстѣ ударенія. Совершенно ясно, что между слогомъ ударяемымъ и неударяемымъ нѣтъ рѣзкаго отличія. Прислушиваясь къ фонографическимъ записямъ, я нерѣдко колебался относительно мѣста ударенія: передавая запись, я одинъ разъ отмѣчалъ ударяемымъ одинъ слогъ, а другой разъ—другой. Повидимому, колеблется не только

мѣсто ударенія, но и наличность музыкальнаго повышенія слога; одинъ разъ неударяемый слогъ произносится высоко, а другой разъ низко. Весьма важно утвержденіе Р. Ѳ. Учаева, вообще чуждаго какой бы то ни было теоретической подготовки, что удареніе каждаго слова въ Сухомъ Карбулакѣ падаетъ на первый слогъ; это проведено имъ и въ словарѣ. Многочисленныя мои записи разсказовъ Учаева потверждаютъ, что и въ связной рѣчи значительная часть словъ получаетъ въ его произношеніи удареніе на первомъ слогѣ. Но однако нѣкоторыя слова и онъ ударялъ не на первомъ слогѣ: oza·ftyмiм, ku·čiмiм gudu·u̯, kavala·lyŋza, ṕŕikaĺe·tkaś, ťeft̕ ťeŕa·tt̕, ortala·ŋks, tona·fńiń, iśt̕a·k, laų̯šńi·ǩiś, uĺńi·ń, kemgo·lmova, sundu·kńiń (но su·nduk), χoźa·inyś, kanduma·nʒa, ťoja·ryś (но ťo·jar), robota·ma, sa·ś ťaťam ošo·u̯ (но a·vam u·skiмiм o·šou̯), loma·ťńi, ťaťa·m ejsė·n eź zaj̓t̕, avaŕd̕i·me (но ava·ŕd̕iń). Не придавая значенія чего-либо непреложнаго дѣлаемымъ ниже наблюденіямъ, я всетаки изложу то, что могъ обобщить на основаніи моихъ записей, провѣренныхъ самимъ Учаевымъ спеціально со стороны ударенія.

§ 97. Въ говорѣ Учаева удареніе стоитъ на первомъ слогѣ при произнесеніи слова не въ связной рѣчи. Въ связной рѣчи (въ теченіи рѣчи) удареніе можетъ стоять на первомъ слогѣ, но передвигается и на другіе. Различаю двусложныя отъ трехсложныхъ и многосложныхъ словъ. Въ двусложныхъ удареніе переходитъ: а) на конечный слогъ, если онъ закрытый: jaǩi·ń, moĺe·t́, ṕeĺe·s, ara·ś, numu·l, ťeŕa·tt̕; čarǩi·ć šty ťe ṕeŕǧe·z, na··rodéś tuś kudu·u̯, kra·ndazyńt̕ sai·ms mo·žna; б) на окончаніе 3 лица ед. ė (y), e (i), происшедшее изъ -yį, iį: kundė·, sajsė·, eŕe·; в) на открытый конечный слогъ при утвержденіи: Oŕa·, eĺd̕e·. Въ трехсложныхъ словахъ удареніе переходитъ: а) на серединный слогъ, когда конечный слогъ открытый: soda·sa, purna·ma, ťed̕e·d̕e, ǩeže·jsta; б) на конечный слогъ, когда онъ закрытый и гласная въ немъ та же, что въ предшествующемъ серединномъ слогѣ: ḿińiki·ńt̕, azdasa·k, koromo·ńt, ṕeĺeńe·k, ŕeṕeťńe·ń, kudysy·ńt̕, uŕid̕i·ü, ťeĺeńb̕e·ŕt̕, ortala·ŋks, va·ĺiź ťerčatka·ńt̕; в) на

серединный слогъ, когда конечный слогъ закрытый, а гласная его не тождественна съ гласной серединнаго слога: kuly·zan, ava·ŕďan, tona·fńan, ńiń̓a·ńiǩ, но также: kartu·zum, kulcy·nyś. Въ четырехсложныхъ словахъ ударение переходитъ: а) на предпослѣдній слогъ: oďeŕ́ve·ńe, oχota·ma, mašynka·sy, koromo·zy, veśeńe·dy, kuśtima·va, kardazy·za, veľafńi·ńe, čauma·nʒa, mukury·nʒa, avafty·za, kemgaftu·va, avaťńi·ńiń, tandady·kšnyń, ťaťaťńi·ńiń; б) на второй отъ начала слогъ, подъ вліяніемъ родственныхъ словъ: tona·fńińe (ср. tona·fńań), mora·ftuma (ср. mora·ftan), oťve·čamut (ср. oťve·čam), pańi·ksyľiń (ср. pańi·ksyľ). Въ пятисложныхъ словахъ ударение переносится: а) на серединный слогъ: aťama·ŕinyk, uŕidi·viń̓iń; б) на второй отъ начала слогъ, подъ вліяніемъ аналогіи: pańi·ksyľińiź (ср. pańi·ksyľ) — Нерѣдко весьма отчетливо слышатся въ слогѣ два ударенія въ связной рѣчи: lo·pafty·ź, ko·loda·ńť, ku·nčkavi·c, na·rodė·ś, ka·baksty·ńť, ve·šńema·st, ńe·ľezė·nʒy.—Многія слова въ связной рѣчи произносятся энклитически; напр. теряютъ свое ударение глагольныя двусложныя формы послѣ отрицанія: a·pŕińe, a·maksė; ср. еще mo·n ńeŕan, sa·ś ťaťam.

§ 98. Въ Оркинѣ ударение еще менѣе прикрѣплено къ первому слогу. Но болѣе подробныя наблюденія надъ мѣстомъ ударенія я думаю изложить въ другомъ мѣстѣ.

Къ исторіи неударяемыхъ слоговъ. Первый экскурсъ.

§ 99. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ общемордовскомъ праязыкѣ ударение падало на начальный слогъ; вѣроятно, что оно было экспираторнымъ и сопровождалось сильнымъ ослабленіемъ неударяемыхъ слоговъ. Подъ вліяніемъ этого ослабленія неударяемыя гласныя стали переходить въ гласныя неполнаго образованія. Но при этомъ оказывается, что такому измѣненію подверглись только узкія гласныя, т. е. лабіализованныя и палатализованныя; широкія гласныя — а, а также ä остались въ неударяемыхъ слогахъ безъ измѣненія.

Примѣчаніе. Въ общеэрзянскую эпоху ä перешло въ e, какъ въ начальныхъ, такъ и въ неначальныхъ слогахъ (ср. § 14); e въ неначальныхъ слогахъ подверглось общей судьбѣ узкихъ (палатальныхъ) гласныхъ и перешло въ ɛ: ср. śeŕɛ-ďan (мокш. särädan), čejɛŕ (откуда čeŕ: волосъ, мокш. šäyär), ṕejɛŕan (падаю, мокш. päyäran). — Замѣчательно, однако, что во второй части сложеній ä перешло въ a со смягченіемъ предшествующей согласной (но губная передъ такимъ a отвердѣла): tomʙaĺe (на той сторонѣ, изъ tonα ṕäĺɛ), tuĺaɳks (поросенокъ, изъ tu ĺäɳks, ср. однако мокш. lefks), koďajńe, koďajźe, koďajk или kojďajk (изъ koɳ ťäjińe, koɳ ťäjiźe, koɳ ťäjik).

Лабіализованныя гласныя (въ положеніи за твердыми согласными) перешли въ гласную неполнаго образованія α (вѣроятно, средняго ряда), а палатализованныя гласныя (въ положеніи за мягкими согласными) перешли въ гласную неполнаго образованія ɛ (вѣроятно, передняго ряда). — Аналогичныя явленія извѣстны изъ исторіи и другихъ языковъ, между прочимъ славянскихъ: такъ въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ узкія гласныя (i, u, ê) сохранялись въ неударяемыхъ слогахъ безъ измѣненія, а широкія (a, o) перешли въ гласныя неполнаго образованія (α послѣ твердыхъ, ɛ послѣ мягкихъ согласныхъ); въ словенскомъ языкѣ широкія гласныя сохраняютъ свой звукъ въ краткихъ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ, между тѣмъ узкія (u, i, ê изъ ѣ, â изъ ъ, ь) переходятъ въ гласныя неполнаго образованія въ краткихъ слогахъ ударяемыхъ и неударяемыхъ; въ болгарскихъ говорахъ, сходно съ указанными русскими, гласныя широкія (a, o, e и др.) въ неударяемыхъ слогахъ переходятъ въ гласныя неполнаго образованія, а узкія сохраняютъ свой звукъ. — Общемордовскія α и ɛ въ эрзянскихъ говорахъ вообще не сохранились въ видѣ гласныхъ неполнаго образованія; они замѣнились различными гласными полнаго образованія. Разсмотрю судьбу α и ɛ въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорахъ.

§ 100. Еще въ общеэрзянскую эпоху дифтонги aį, äį, αį, ɛį перешли черезъ посредство уį, іį въ монофтонги ў, ĭ, которые подверглись затѣмъ редукціи и замѣнѣ гласными неполнаго образованія — α̂ и ɛ̂; обозначаю такъ напряженные оттѣнки α и ɛ.

§ 101. Въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ α въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой перешло въ a, въ противоположность значительному числу другихъ говоровъ, имѣющимъ вмѣсто α въ такомъ положеніи o: kuda, karda, kafta, kardajsa, vanuma, tosta, lofca, užyda, ofta, ošsta, kudyza, jalganʒa, ṕŕaftuma, iĺaza, орк. äŕada и т. д. Ср. напр. въ Калейкинскомъ говорѣ Мензелинскаго уѣзда (ср. Образцы морд. нар. слов.): саламо, вадо, овто, илядо, кудо, кудозо, тосто; въ говорѣ села Кардавили Арзамасскаго уѣзда: purnamo, toso, jomaftonzo, valgomo; въ говорѣ села Новой Тепловки Бузулуцкаго уѣзда находимъ a: avaza, morama, sonʒa, potmarca, ťeťaza, kosa, kandyda; также въ говорѣ села Каляева Темниковскаго уѣзда (Paasonen, Proben der mordw. Volksliteratur): kumčkasa, koṛtama, puḷtatanʒa. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи не передъ паузой α вообще переходитъ въ y: jalganʒy marta, aščiń ošsy kolmy čiť, son vašiń lacy karmaś ṕižńiḿe, tagy tušť, ńedĺady ḿeĺje, karḿiń ťaťań marty robotama, karmaś syrgamy mušky v́iďiḿe, a koźaįkazy kudysy araś, orčaś kalady panar, kuly ŕev́e, muiụ̈ś išťamy lomań, ṕŕazy golėį, čaramy lofca. Но иногда въ положеніи послѣ слога съ o и e слышится не y, а ė: сухокарб. oftė paťkaį, pondė gruša pondė kuḿbŕa, орк. šesťé v́ä ava-nfńiť, kosė kiś jäv́i i ťeį i toụ, ťesé v́äď araśiĺ, орк. sonzé ĺićanza, kosé kolmy kiť. Послѣ губной, если передъ ней слогъ съ o, иногда слышится o: kolmo čyť.

§ 102. Въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ ɛ въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой перешло вообще въ ä: сухокарб. ńeḿeźďä, kšyпyk v́eśä, valćkä, karman avaŕďiḿä, syŕi ṕińä, орк.: v́aťä, ŕev́ä, ŕišḿä, ťeťeďä, ćoŕéńä, šiḿiḿä, sur ṕŕińiďä kudaťńä, omboćä и т. д. Въ Сухомъ Карбулакѣ это ä въ говорѣ значительной части населенія звучитъ какъ ä напряженное, а у нѣкоторыхъ оно перешло въ e (не напряженное). Такъ Учаевъ

произносить: ʼveʼe, piʼe, aʼińe, čudiʼirkske, ʼveiʼke, šeʼińe, kadyźe, kadyńe, aiń̇e и т. д. — Такой же переходъ ɛ въ e находимъ во многихъ эрзянскихъ говорахъ, напр. въ Калейкинскомъ, Кардавильскомъ, Новотепловскомъ, Каляевскомъ. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи не передъ паузой ɛ переходятъ въ i: roboʼńikńi šiʼńiʼi, šedi boikasta, a ʼveʼgezéš kaikšʼtedi pokš, koda kapudiźi šabrań giskińiń̇ʼ, syʼ eʼrva čiń̇i, peʼrt ʼveʼesty lomaʼtʼ, noldèźi tikšys jarcama, maksyńźi ʼteń jarmakńiń, ʼriʼviški moʼlć, koiʼmi laiga, орк. sätʼmi ʼvädʼńiš, орк. ʼväχki latksa, орк. ʼväʼti celkovyχʼtʼ и т. д.

§ 103. Какъ указано въ §§ 14 и 69, звукъ e послѣ отвердѣвшей согласной перешелъ въ ė. Въ Оркинѣ и частью въ Сухомъ Карбулакѣ находимъ въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой ȧ: nuṛtnȧ (сани), käčȧ, pižȧ, ťečȧ (вм. ťeči), tataṛnȧ, godnȧ. Но въ Сухомъ Карбулакѣ это ȧ перешло въ произношеніи многихъ въ ė: ʼveʼgesnė, uskuiśtʼ ʼveʼti osnė, tolnė, sarazne, kijalnė. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ не передъ паузой въ связной рѣчи такому ė соотвѣтствуетъ y: aʼiakšny moraśtʼ.

§ 104. Возникшій изъ дифтонга aį, αį звукъ неполнаго образованія ȧ (§ 100) перешелъ въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ въ неначальномъ открытомъ слогѣ передъ паузой въ звукъ ȧ (Оркино и часть Сухого Карбулака) или ė (часть Сухого Карбулака): jutȧ, kandȧ, maksȧ, vanȧ, ozȧ; vanė, kortė, vancė, ńesė, kortasė. (Въ начальномъ слогѣ въ такомъ же положеніи находимъ y: pry, sy, šty, sty). — Ср. появленіе ы на мѣстѣ α въ Калейкинскомъ говорѣ, гдѣ α перешло въ o: ваны, уды. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи не передъ паузой въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ находимъ y: орк. koṛty ťäst, сухокарб. juty bojar, i omboći ʼiaʼiazy ʼśʼtaža alufty ťenza, maʼrasy son, vany ʼriʼviźiń̇ʼtʼ.

§ 105. Возникшій изъ дифтонговъ αį, ɛį звукъ неполнаго образованія ɛ̂ (§ 100) перешелъ въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ въ неначальномъ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой въ звукъ ä (Оркино и часть Сухого Карбулака)

или e (часть Сухого Карбулака): ḿeŕä, moľä, soḱä, śiḿä, орк. äŕaväˈ; сухокарб. ḿeŕe, moľe, uľe, raḿe, väčḱe. (Въ начальномъ слогѣ въ такомъ же положеніи находимъ i: śťi). — Ср. появленіе i на мѣстѣ ɛ въ Калейкинскомъ говорѣ, гдѣ ɛ перешло въ e: ашти, мери, неи. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи не передъ паузой въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ находимъ i: karḿi kortama, eŕaví moľems, ḿeŕi vašiń ďejťeŕńeś, ašči końeľkava loų boca, kundasy ľaškady, kiŕďi ejsénʒa, tagy vidïzyst čii Maťvíį, ḿińiḱ karčy eŕi ve lomań, орк. iḱiľi laca.

§ 106. Судьба α, ɛ и $\hat{\alpha}$, $\hat{\varepsilon}$ въ конечныхъ открытыхъ слогахъ должна быть отдѣляема отъ судьбы тѣхъ же звуковъ въ слогахъ серединныхъ или конечныхъ закрытыхъ. Въ конечныхъ открытыхъ слогахъ измѣненіе редуцированныхъ гласныхъ не зависитъ отъ предшествующихъ или послѣдующихъ звуковъ (хотя и здѣсь возможны исключенія: ср. oťtè вм. oťty въ связной рѣчи въ индивидуальномъ произношеніи). Напротивъ, во всѣхъ иныхъ положеніяхъ редуцированный звукъ принималъ ту или иную окраску въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ. Что до $\hat{\alpha}$, $\hat{\varepsilon}$, то въ неконечныхъ открытыхъ слогахъ они совпали съ α, ɛ въ обоихъ изслѣдуемыхъ говорахъ, между тѣмъ какъ напр. Калейкинскій и другіе, измѣняющіе α, ɛ вообще въ o, e, имѣютъ ы, и вмѣсто $\hat{\alpha}$, $\hat{\varepsilon}$: ваныть, штавтызе, штавтызь, кандынзе, аштить, вечкилизинзе, эринекъ, бабине, атине, кискинетне.—То или иное измѣненіе α, ɛ въ обоихъ изслѣдуемыхъ говорахъ зависитъ прежде всего отъ гласной предшествующаго слога: гласныя o (ȯ) и e (ė) вліяютъ на измѣненіе α и ɛ въ одномъ направленіи, а всѣ остальныя гласныя — въ другомъ. Имѣя въ виду, что α и ɛ послѣ слога съ o (ȯ) или e (ė) переходятъ сами въ o, e или близкіе къ нимъ звуки (ȯ, ė), заключаемъ, что эти гласныя o, e вліяли на α, ɛ ассимилирующимъ образомъ; остальныя гласныя не имѣли вообще такого ассимилирующаго вліянія, и измѣненія α, ɛ послѣ нихъ протекали болѣе самостоятельно. Разсмотримъ отдѣльно судьбу α, ɛ послѣ гласныхъ, не ассимилировавшихъ ихъ себѣ, и послѣ гласныхъ o, e.

§ 107. Гласныя α, ε въ положеніи за всѣми гласными кромѣ о, е (ȯ, ė) измѣнились въ у, і; ср. переходъ α, ε въ у, і въ открытомъ конечномъ слогѣ не передъ паузой. Примѣры для перехода α въ у: kardazyń, valyś, kudyś, mastyr, sazyr, šadyće, kudydyst, sudystyńť, šabranyk, piŕinyk, kandylaz, ukštyr, vanyda, орк.: lapyža, numyl, ăŕavyl', salmyks, kavyŕks (кочка), šk'amyt, kukyrdyť, izamyt, kuryk, čumbylkskă, amyl'dă, šukyr; у изъ дифтонга: palyť, naryń, vanyť, sajsyť, kandyńe, kundyźe, putyźe, kadyṁiṁ, vanyk, andyća; kudyńe, paryńe, pizyńe. Примѣры для перехода ε въ і: ṁiŕdiś, ŕivizis, pil'iť, avińiza, araśil', uźiŕ, sufťiṁ, kalťńiṁe, viškizim (лавка въ кухнѣ, т. е. viška eźeṁ), kuťṁiŕinʒa, sazyryńťiń, psakińiś, ul'iv'il', śiśiṁ, kiŕińiks, aťińe, babińe, jalǵiń'iń, piŕiś; і изъ дифтонга: maŕiť, aščiť, jakiť, čaviť, pidiźe, val'ińe, jakidе, kaduv'iń'ik, navi'ť, navik, maŕiźe, sokaŕiźe, aťińe, vaŕińe, tuṁińe, psakińe. Какъ указано въ § 14, общемордовское е перешло въ Оркинскомъ говорѣ въ ä; это ä не вліяло ассимилирующимъ образомъ на слѣдующія ε, α не измѣняло ихъ въ е, ė; поэтому находимъ і, напр. въ käńiŕ, ṁäńil', ṁäźńiń, väťiška, käṁiška, käďinʒa (käď: шкура), päkijaza, äjdinʒa, säŕij, päjil'iń, päjit (твои зубы), täχťiŕiś, väl'iva, väl'isynyk, tärďiń'ʒiť, śäl'ṁidimada, päjdiźiftiŋk, näl'ǵiṁinʒa, ärďikstan и т. п. (въ Сухомъ Карбулакѣ, гдѣ е не измѣнилось въ ä, въ такихъ случаяхъ вмѣсто і (у) неначальныхъ слоговъ всюду е (ė): keńeŕ, ṁeńeŕ, veŕesėnėk, eŕďekstan и т. д.).— Во многихъ говорахъ вмѣсто такихъ у, і Сухокарбулацкаго и Оркинскаго говора слышатся о, е, напр. въ Калейкинскомъ: минек, варянтень, налксеме, симеме, сисемь, ривезнень, мирьденень, лиснесь, низельгавтозь, ломанесь, аламодо, витеме, пурнакшнось, пряштомо, крандазонзо, айгоронкъ, и т. д. (но вм. дифтонговъ: ы, и). Въ Каляевскомъ говорѣ вм. α, ε въ такомъ положеніи находимъ u, i: ińazurs, jutkuva, sodamut, tumuŋ, kuduŕes, sarazuń, vajakšnuś, kačamuś, kuduś, martunza, kudusa, masturs, karšuzuń, janduluń vasula; śiśiṁ, iŕić, ŕiviś, kevij, ṁeńiľś, paruńik, ikiľe, pŕevij (въ конечномъ открытомъ слогѣ не передъ паузой тоже u, i: kodamu paruś, načku tumuń, peľńin udalu kekšiť). Въ Новоте-

пловскомъ говорѣ: ińazyr, stuftyźe, pazyś, maksyźe, keŕasyńiḱ, vinyńi kandyń, kudys, kardazynyk; eźińiń zoda, araśiĺ, uĺims, śeĺńiŋa, ikiĺij, ĺaĺińit.

§ 108. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто y находимъ u и въ Оркинѣ и въ Сухомъ Карбулакѣ. Это имѣетъ именно мѣсто передъ губными неконечными и передъ ų. Сухокарб.: kaluų, saluų, rudazuų, lazuųks, učuft, kaduv́iń, čačtums, učums, jutkuva, kaftuva; орк.: kardazuų, kukuųks, lazuųks, uduųkšnyś, kuduų, śuruva, jutkuva, maštuv́ä, rudazuft, paŋžumat, vanuma, kaladums, urvakstums, śtaftuma, raduvaś, alašaftuma, učuńiź, kulums, utumt, mon kandufan, suskumsa, suskumyks, ḱämgaųksuva, kaduv́ińiḱ, kaduųśt.

Примѣчаніе. Въ Оркинѣ очень распространено произношеніе -yma вмѣсто ожидаемого -uma: vanyma, kasymada, kandyma, maštyma, kulyma, čavyma, ačačyma, čijaftyma, pifcyma; также -yms вм. -ums: ardyms, kandyms, salaftyms.

§ 109. Въ Сухомъ Карбулакѣ u вм. y гораздо распространеннѣе, чѣмъ въ Оркинѣ. Кромѣ указаннаго въ предыдущемъ § условія, u вызывается здѣсь: 1) положеніемъ передъ конечной губной: utum (амбаръ), kudum, skalum, sazyrum, bratum; 2) положеніемъ послѣ губной: tumuś, sodamuńt́, salmuks, kavuŕ, čavums, lapuža, eŕamuś, kortamus, tuvuks, tuvuń, śuvurks (рубецъ), numul, škamun, alamus, kortamut, puvuŕks, jamuks, kapudźe, ťapuťcé (тянетъ), pupuŕďan; 3) положеніемъ между двумя слогами съ u: kulcunums (при kulcynan), sudukstuma (насморкъ), čukšturuų (смородина), ukšturuų (въ кленовникъ, но ukštyr); 4) положеніемъ послѣ слога съ u и послѣ задненёбной: śukur, mukur, mukuŕ, kŕukuś, kukuťńe, kukurdė, pastuχuś, sundukuńt́; 5) рѣже простымъ сосѣдствомъ съ слогомъ съ u: kuruk (при kuryk), undukśke, masturuų (при mastyruų). — Въ Оркинѣ въ такихъ положеніяхъ находимъ вообще y; гораздо рѣже въ единичныхъ случаяхъ u: kauŕist (при kavyŕist), puvuŕiŕ (мозоль, при puvyrks), kauńist при kavyńist, kauńiḱ при kavyńiḱ, amuĺďäś, čukšturuu, čudužuu (осотъ), šäĺmukš, masturuų, äŕavuĺ, dubuškom: довольно обычно

и передъ конечнымъ f: tonaftuf, kanduf, kuluftuf, vajaftuf, putuf, vorkaftuf; рядомъ: vorkaftyf, polaftyf.

Примѣчаніе. Въ Сухомъ Карбулакѣ въ индивидуальномъ произношеніи я слышалъ: pargym, moй ǯapaksym. — Вопреки п. 4-му находимъ здѣсь kurgyza, kučkyrdyźe, что объясняется отдѣленіемъ y отъ предшествующаго и группой согласныхъ. — При kulcunums извѣстно и kulcynums подъ вліяніемъ kulcynan.

§ 110. Послѣ слога съ o, e, какъ указано, редуцированныя гласныя α, ε, ассимилируясь гласной предшествующаго слога, переходятъ въ гласныя o (ė), e. Разсмотрю отдѣльно судьбу α и судьбу ε. Звукъ α, ассимилируясь предшествующимъ o, e, переходитъ вообще въ é: oftéś, tolés, pokšéńť, lofcéda, louṣtéńť, onctét, koléngeḿeń, kotéće, oznéda, noldéźä, oznéť, ćoréńä, modéńä, sodéľek, louṣéńek; сухокарб.: véćténť, pejsénza, śeľmsét, véľeséńť, véŕgezéńť, eŕkeńeséńť, véďeksénť; орк. и сухокарб.: keďezést, čoksńestéńť, ḿeščezést, beŕeksénť, ńefcéź. Но послѣ губныхъ и задненёбныхъ вмѣсто é находимъ въ Оркинѣ и одной части Сухого Карбулака ȯ (ô), между тѣмъ какъ въ другой части Сухого Карбулака слышится o; въ положеніи же передъ губными и въ Оркинѣ и въ Сухомъ Карбулакѣ находимъ o. Положеніе послѣ губныхъ и слога съ o: čopȯda, kolmȯška, ombȯćä, povȯnza, kolmȯkśt, čopȯć, орк. kopȯŕ (спина), popȯń, śovȯń, komȯľa, орк. kopȯlfca (галопомъ), topȯń bŕakińe, potmȯza, kovȯlou, koromȯś; въ говорѣ напр. Р. Ѳ. Учаева: čovoń, śovoń, końovońť, kolmoń beľeü, ombоće, komora, komoľa, Arčilovoś, popoń, povoďems и т. д. Положеніе послѣ задненёбныхъ и слога съ o: sokȯr, ćokȯrdan, pokȯľ, torgȯźems (разбухнуть), kočkȯdyk (перепелъ), орк. äź poŋgȯńa, poŋgȯńeś, ćokȯza, olgȯza; въ говорѣ Учаева: kotkodau, ćokordė, pokoľ, sokor, poŋgońeń (я попался). Въ положеніи послѣ слога съ e и послѣ задненёбной согласной въ Сухомъ Карбулакѣ и также въ Оркинѣ слышится ô (напряженное o): ḿeśėkôś, eskônza, eskôń, орк. eskôda. Такое же ô слышится въ Сухомъ Карбулакѣ и, кажется, также въ Оркинѣ въ положеніи послѣ

слога съ o и послѣ задненёбной, которой предшествуетъ другая согласная: olgôza, olgôt, šolkôń, dolkônʒa, čočkôń, орк.: kotkôdaft, oŋgôźeŋ̈ś, poŋgôna, olgôza, očkôńť. Звукъ ô удерживается и въ говорѣ Учаева. Въ положеніи передъ губной и въ Оркинѣ и въ Сухомъ Карбулакѣ находимъ o: odoŋ, ošoŋ, loŋnoms, poŋgoms, kočkoms, kozoma, todoŋ, sornoftèźe; орк.: kočomńä, końoŋ, kozoft, obedoŋ, ďeŕekoŋ, śoŋnomsta, ćokoŋks, kämgolmova, potomdèźä, potomksèń, oznoma, loŋnoma; сухокарб.: keṕśekšnoms, koŕťńekšnoms, nolťńekšnoms. (Въ Оркинѣ передъ m, впрочемъ, и ô: sornôma, и даже è: gorottèma, koromtèma, lofcèftèma, loŋftèma). Кажется, и передъ l въ концѣ слога слышится o, не è: сухокарб. pokšolma, jondol; въ Оркинѣ, кажется, jondól.

§ 111. Отмѣтимъ въ индивидуальномъ произношеніи въ Сухомъ Карбулакѣ ò вмѣсто è въ слогѣ послѣ слога съ o и послѣ переднеязычной согласной: ozónza, ozòt ṕeššа śuryda, todovozónza.

§ 112. Звукъ ɛ за слогомъ съ e, o, è, ò переходитъ вообще въ e: сухокарб.: śeľńeś, ṽeťńeda, ťeťťeńe, vešńeťana; орк. и сухокарб. keďeń, čeŕenʒa, eźeńńeś, ńeŕǵeńä, ńejeźä, ńesèńek, ńeŕekšnèź, śeźńeńä; oďeŕva, moľeť, ojńeza, soket, loṕeńenʒa, oznèńeť, povòďekšnèźä, moľeda, ćoŕéńeza, oftèńťeń, sońćeń, poŕńeń, ombòćeś, moľeńeť, tombeźe, pokščeďeń (дѣдъ и другіе семейные: pok-šča j ejďen), ľetkeńe (сырость), ṕeńeŕva (младшая сноха), вм. ṕeńuŕva, ср. Калейк. пенурьва (Образцы, I). Оркинскому toŋźera соотвѣтствуетъ въ Сухомъ Карбулакѣ toŋźora, что очевидно указываетъ на позднѣйшій переходъ ťoŋźura въ toŋźarα, а не toŋźerα (подъ вліяніемъ śurα); такое же o въ ľomżor (черемуха).

§ 113. Изъ правила, по которому за слогомъ съ o, e слѣдуютъ звуки o, e, è, ò, находимъ лишь очень немного исключеній: сухокарб. śeľmukšt (ср. šäľmukšt въ Оркинѣ) съ непонятнымъ и вмѣсто o; ṕeščuft подъ вліяніемъ čufta.

§ 114. Заимствованныя изъ русскаго слова во многихъ случаяхъ подверглись измѣненіямъ, аналогичнымъ съ тѣми, которыя испытали неначальные слоги мордовскихъ словъ. Отмѣчу рядъ

подобныхъ измѣненій. Разсмотрю отдѣльно слова съ гласными a, u, y, i въ началѣ и отдѣльно слова съ o, e въ началѣ. Слова съ гласными a, i, y, u въ начальномъ слогѣ имѣютъ въ слѣдующихъ слогахъ y, i вмѣсто различныхъ гласныхъ русскаго слова: dĭjakyn, dĭkyį, mazyųka, garyz, jaryz, vystyfka, kutyr, puzyŕ, paryz, sundykyt (твой сундукъ, при sundukyt), starysta, radyśt, pisyŕ. pustyš, zalyk, mĭilyśtĭke, musyr; орк.: jagydat, supyń, glupyśtiś, lukyška, kukyš, omyt, čugyn, subyta, skupyį, šivyχt, saχyr, zabyr, ugylija, ugyl; — jaśŕip, tyśića, trutiń, utižams (утюжить), braźńik, badĭika, pravĭidnyį, učitiĺ, pŕiḿita, tabakirka, vyviska, dušagubić. — Но передъ v вм. y находимъ u: jalufka, kružuva, pŕistuų (приставъ), pŕiguur (приговоръ), ugur (угорь), puduųka, сухок. nakuvlina, орк. nakulina (наковальня). Въ Сухомъ Карбулакѣ и вмѣсто y является еще послѣ губныхъ и задненёбныхъ: kukuž, ugul, subuta, kumuχa, kukuĺ, supuń, lukuška, glupuį, lakumka, kĺapuč (клапышъ), garmuńat (гармонія), dĭjavul; передъ губными: darum, Stalupin; рѣже послѣ слога съ u послѣ передненёбныхъ: brusuk, butulka, kukšun. Послѣ v является не u, а o передъ į: šioį, kŕivoį.

§ 115. Послѣ слога съ o въ заимствованныхъ словахъ является на мѣстѣ гласныхъ за твердыми согласными въ Оркинѣ вообще ȯ въ положеніи не передъ į и не передъ ų: pokȯŕama, osȯďams, zolȯta, kolȯz, loskȯt, Okȯĺa, storȯška, storȯna, porȯg, gorȯd, polȯg, moklȯška, obȯz, potȯlȯk, gorȯbiia, oχȯta, morȯz, dobȯvama, borȯzda, prolȯp, bolȯta, pogȯda, podvȯlȯk (подволока), provȯlȯk (проволока). Передъ į находимъ ė: prostėį, voĺnėį, borzėį, golėį, kosėį, rozovėį, но послѣ v—o: puχovoį, jarovoį; передъ ų находимъ o: morkoų, zdoroų, boroų, ostroų; ė вм. ожидаемаго o: podėška, podėšnėį (подушное). — Въ Сухомъ Карбулакѣ, кажется, преобладаетъ o въ положеніи не передъ į: žolop, goloboį, okoń, omot, dovoĺ (вдоволь), komnota, koloz, poloza (полозъ), oromka (воронка), oboška (обухъ), proolok, posoda (посуда), sosolka (сосулька), dobovams; но также ė: opostėl (апостолъ), pozėŕams, kozėŕ (козырь, козырёкъ), kosėŕa (косырь); передъ į обыкновенно ė: bezrodnėį, Spornėį banda, gornėį (конецъ свадьбы), Solockėį banda,

duχovnėj, Ṕetrouskėj, olosnėj, ozornėj, oľnėj, rozmoľnėj bočt, oχotnėj ǵiska, prostėj, golėj, šodėj; но послѣ губныхъ находимъ o: puχovoj, dušovoj, jarovoj, goloboj, ńomoj. — Послѣ слога съ e находимъ ė, напр. ėelėj, ǵŕešnėj, ṕesėk, ľekéŕ, ṕeŕvėj (орк.), ėešénėj, ńeńeckėj, śvetėj, ǵńedėj, Ŕedėr, Ŕedėt.

§ 116. Послѣ слога съ o, e въ заимствованныхъ словахъ является на мѣстѣ гласныхъ, слѣдующихъ за мягкими согласными, e. Послѣ слога съ o: oźeń, ofčena, ploťńeĸ, gośťeńeć, tŕošńeĸ, Oŕena, skoťena, toćela, ošena, goŕńeca, stoľešńeĸ, Troχeń, Jogoŕej, Dŕigoŕej, koľeja (колъ), орк. garmońejat (гармонія), орк. mokŕeća, орк. koṕejat, орк. gorobeja, орк. koľešńeĸ, орк. obežams (грабить); dolžńeĸ, poľena, polťeńńeĸ, rozboǰneĸ, dovéć, Boŕez, Logeń, poḿela, mošeľńeĸ, moľebena, poḿenkat, podńez (передъ шлабика), robotńeĸ, roǰńeća, końeĸ, izvoščeĸ, kantoŕščeĸ, rośṕetja (распятіе), olośńeĸ. Послѣ слога съ e: čeľńeĸ, ṕeŕena, Ŕeṕešča véď (назв. урочища въ Сух. Карб.), véčeŕenka, орк. śeḿeja; ḿeľńeća, véŕekėj bost, véŕčena (вершина), śeḿešńeĸ, žeńeχeś, ṕľeťeń, ľebéď, ťeťeŕa, poṕeŕešńeĸ, ṕeŕelat (перила), sočeľńeĸ, śŕeťeńja, ďešťena (десятина), Ŕekľest, Ďeńez, čeŕńela, čečena (щетина), ćeľekom.

§ 117. Отмѣчу, что рядомъ встрѣчается и произношеніе, нарушающее указанныя отношенія, и это прежде всего въ новѣйшихъ заимствованіяхъ: polťińńiĸ, tŕošńiĸ, roboťńiĸ, izvoščiĸ, stoľešńiĸ, žeńiχiś; орк. gorbyĺ и сухокарб. gorbuĺ (горбыль), podošuva, toćila. Далѣе находимъ отступленія иного рода: końoχ вмѣсто ожидаемаго końeχ (конюхъ); ср. oŕol, kotol, koćon (качанъ), koŕon. Любопытно aj вмѣсто ej послѣ слога съ a: орк. samaj, krasnaj, ďŕaχlaj. Нерѣдко a вм. o, что едва ли не подъ вліяніемъ акающаго русскаго нарѣчія: polaga (пологій, при pologa); a вм. e: suľama, goľańišča. Непонятно e въ сухокарб. ponaŕeda, орк. kāŕej (карій).

§ 118. Въ дополненіе къ сказанному относительно судьбы α, ε въ мордовскихъ говорахъ необходимо указать на стремленіе α, ε къ выпаденію, изчезновенію изъ произношенія. Слѣдуетъ, кажется, признать, что вообще они отпадали и выпадали: сохраненіе ихъ

въ серединѣ слова задерживалось стеченіемъ согласныхъ, а также, быть можетъ, и выпаденіемъ этихъ самыхъ звуковъ въ слѣдующемъ слогѣ; сохраненіе же въ конечномъ слогѣ едва ли не обязано вліянію аналогіи: čufta при ŭ вм. čuft подъ вліяніемъ čuftyń; ср. čaų при čava, śokś при śokśe (осень). Ср. uźiŕ (топоръ) при uźeŕe другихъ говоровъ, udĭḿ (мозгъ) при udĭḿe у Видемана, keḿ (сапогъ) при keḿe у Видемана; орк. kodam' byd'ă. Появленіе panda, ṕeŋ́ge, ṕiľ́ge, paŋga, śaŋga и т. п. тѣмъ понятнѣе, что фонетически въ силу § 50 pand, ṕeŋ́g, ṕiľ́g, paŋg, śaŋg обратились бы въ pant, ṕeŋ́k, ṕiľ́k, paŋk, śaŋk и утратили бы связь съ падежами. — Приведу примѣры выпаденія α, ε въ серединѣ слова: makstada (при maksums), śormattana (при śormadums), čaftana (при čavums), vantana (при vanums), valtana (при valums), puttana (при putums), antana (при andums), poŋkś (при poŋgoms), kasś (при kasums), čačś (при čačums), valkś (при valgums), kanć (при kandums), palć (при palums), vasśt (при vasums), arćt (при ardums), kaduŋśt (при kaduvums), śupalgaćt (при śupalgadums), oŋkt (при oŋgoms), vant (при vanyda), čaųda и čaft (при čavums), olkt (при olgoń), paŋkt (при paŋgyń). — śeźeťtana (при śeźeṽems), ṽešťada (при ṽešems), ṽečk-ťana (при ṽečkems), ľeťťana (при ľeďems), skokaťťana (при skokaďims), pačkiťťana (при pačkiďims), uľťada (при uľims), šiḿťana (при šiḿims), sajťana (при sajims), kaśś (при kaźims), kiľć (при kiľďims), pańć (при pańims), ľišś (при ľišims), kuśśt (при kuźims), ľeć (при ľeďems), čoroć (при čoroďems), toroćt (при toroďems), ṽeŕeďeḿśt (при ṽeŕeďeḿems), ťejś (при ťejems), moľt (при moľems), ḿeŕt (при ḿeŕems), ṕiľ́kt (при ṕiľ́giń), eŕ́kt (при eŕ́ke), ṕeŋ́kt (при ṕeŋ́geń).

Примѣчаніе. Вмѣсто jarcatana, jarcatada находимъ jarctana, jarctada подъ вліяніемъ аналогіи образованій, какъ antana, čaftana и т. п.

§ 119. И въ заимствованныхъ словахъ замѣчается выпаденіе гласныхъ въ неначальныхъ слогахъ: kapsta (капуста), орк. katfa (картофель, изъ kartχa, ср. сухокарб. kartuχa), deśťena, uľća (улица), rukavća (рукавица), pagľiŋka (паголенокъ), okoľca (околица), ṕeća (изъ ṕeťńća: пятница), ńedľa (недѣля).

§ 120. Изъ сложныхъ словъ выпаденіе гласной переносится и въ простое слово; отсюда случаи выпущенія гласной въ начальномъ слогѣ: ṕŕa вм. ṕiŕa (обычнаго въ пѣсняхъ), ср. čaṇbŕa, kasumbŕa; pruńiť при puruńiť, ср. veľeń brumks.

Второй экскурсъ.

§ 121. Въ общемордовскомъ и общеэрзянскомъ праязыкахъ сохранялся старый общефинскій законъ о гармоніи гласныхъ. Согласно этому закону коренной слогъ съ гласной задняго ряда требовалъ за собой въ суффиксальныхъ слогахъ гласныя того же задняго ряда, а слогъ съ гласной передняго ряда имѣлъ за собой въ суффиксальныхъ слогахъ гласныя того же передняго ряда. Этотъ законъ не выдерживается въ первоначальной чистотѣ въ современныхъ эрзянскихъ говорахъ; причиной нарушенія его было, съ одной стороны, появленіе въ языкѣ гласныхъ средняго ряда (изъ α), а съ другой, появленіе смягченныхъ согласныхъ въ положеніи за гласными задняго ряда (вслѣдствіе вліянія выпавшаго за ними ε): ср. напр. въ Калейкинскомъ говорѣ, сохранившемъ старыя отношенія лучше говоровъ, здѣсь описываемыхъ, появленіе kadyźe, baḃińe, sazoryńest, ńesyŋk (съ у и съ происшедшимъ изъ у послѣ губныхъ і, изъ дифтонга), а также формъ какъ авардеманзо, вечкема (любимый), лисема (восходъ), или видьга, вирьга и т. д. Но вообще законъ гармоніи гласныхъ выдержанъ въ этомъ говорѣ въ отношеніи именно къ обоимъ замѣстителямъ α и ε, т. е. о и е: о является только послѣ гласныхъ задняго ряда, замѣняясь черезъ е (вѣроятно, ė), несмягчающее предшествующей согласной, послѣ гласныхъ передняго ряда, если согласная, предшествующая этому о, не подлежитъ смягченію (таковы s, st, z); е (смягчающее согласную) находимъ послѣ согласныхъ, подлежащихъ смягченію (t, d, n, m), какъ за гласными передняго ряда, такъ и за смягченными согласными, хотя бы онѣ слѣдовали за гласными задняго ряда. Такъ напр. находимъ о изъ α: тятязо, кудозонзо, ялганзо, варштамо, човъ потсо, пазавадо,

ашкодо, пурнамо, уголсо, куломсто, алашадо, сонзо, сазорозо, илязо, піядо (пива), озномо, ули-паросонокъ; э вмѣсто о: пейсэнзэ (зубами своими), тензэ, сельмстэнзэ, польдерсэ (градомъ), кедстэстъ, вальгейсэ, черензэ, пезэстъ, икелензэ, сестэ, седеезэ, вельксэзэстъ (противъ нихъ), лемсэ, омбоцесэ, улезэ (да будетъ), чизэ (солнце), тевезэнзэ, пильгсэ, чистэ; е находимъ: парьде, теде, седе, пансеме (загонять), пуреде (меду), учнеме; чиде чисъ, недлядо недлясъ, іеде іесъ; весемеде мазы, верьденть, мереме, молеме, кельмеде, кудо-чисэнекъ, сельменекъ, кеженекъ. Но первоначальное чередованіе гласныхъ а — ä въ окончаніи проноситѣльнаго падежа нарушено: извѣстно только одно окончаніе -ga (ср. мокш. va, ga при gä: avava, kudga, lоuga при virgä, pirĺkä); ср. Калейк.: вирьга, кутьмерьга; то же находимъ и въ другихъ эрзянскихъ говорахъ (ge вм. gä сохранилось въ нарѣчномъ: śiśiṁge).

§ 122. Какъ въ Сухокарбулацкомъ, такъ и въ Оркинскомъ говорѣ на мѣстѣ о—э Калейкинскаго говора находимъ въ концѣ слова а, а въ серединѣ у или, при предшествующихъ о, е—ė; такимъ образомъ законъ о гармоніи гласныхъ послѣ твердыхъ согласныхъ нарушенъ окончательно. Ср. kecta, źepsta, ťikšista, vaĺǵiįsa, śovońca, ví́rca, ví́rctyńť, ťeńśtėńť, vä́lisyńť, ví́rcyńť, ťenźa, ńeŕeza, ŕeźeza, uźiŕiza, ví́rizyt, pejedeźa, ĺiśiza, tuŕiza, píŕisa. Въ силу того же, вмѣсто píže (мѣдь, зеленый) находимъ въ Сухомъ Карбулакѣ píža; рядомъ извѣстно и píže, вѣроятно, съ е передняго ряда.

§ 123. Законъ о гармоніи гласныхъ послѣ мягкихъ согласныхъ въ Оркинѣ сохраняется въ большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ въ Сухомъ Карбулакѣ. Такъ при -da послѣ твердыхъ согласныхъ и заднихъ (среднихъ) гласныхъ находимъ въ Оркинѣ -ďä послѣ мягкихъ согласныхъ и переднихъ гласныхъ въ отложительномъ падежѣ: sarazda, pulyda, kalda, loucėda, vínada, panarda, aťafta, но umaŕďä, vä́ťťä, ketťä, čeŕďä, kaŕďä, gujďä, ví́rďä, čajďä (čaj: чай), roboťńikťä; также kudydyńť, touzėrėdėńť, sarazdyńť, kardydyńť, pä́limadyńť, sońďeďenzu ńäjĺä, но pisyŕďińť, ví́rďińť, píriďińť, roźďeńť, vä́ťťińť, píĺgiďińť, umaŕďinza, syví́ĺďinza, píĺkťist (объ ихъ ногахъ). Въ Сухомъ Карбулакѣ имѣемъ umaŕda, veťta, čeŕda, kaŕda, paŕdy

baška, víŕda, robotńikta, načaľńikta, ombоćeda, véśeńeda, víŕdyńť, píŕidyńť, roźdėńť, véttėńť, piľgidyńť. Исключенія очень рѣдки: keľńi véttä śińiń̈ä, or rozbojńekťä; но даже у Р. Ѳ. Учаева: keždėnza при keždėnza, ńeľdėnza при ńeľdėnza; чаще ńeńeźdä при ńeńeźda, а также въ нарѣчныхъ выраженіяхъ: bojaryńť véľde. tyuk péľde, varčtaś véŕde, véŕde píźimks píźiza, śedї parćťe, kaukśťeďe (вдвое), vépeľde (однажды), ikiľde (спереди). Но Оркинскій говоръ согласно съ Сухокарбулацкимъ устранилъ окончаніе -dä во 2 л. мн. повел. наклоненія, ср. въ Калейк. говорѣ: моледе, лиседе, саеде при ванодо, эрядо, пекстадо. Въ Оркинѣ находимъ: kyrvaśtida, tärďida, kuźida, ľiśida, ńeŕeda, ľeďeda, въ Сухомъ Карбулакѣ: moľeda, śińďida, keṕeďeda, ľeńďeda, śińťŕida. Также притяж. окончаніе 1-го лица множ. въ Оркинѣ и Сухомъ Карбулакѣ звучитъ только nyk (nėk); оно вытѣснило ńek (ńik) послѣ переднихъ гласныхъ; орк.: píŕinyk, suŕinyk, píľginyk, víŕinyk, väľinyk, šäľńinyk, keďenėk (наши шкуры), сухокарб.: ṕekenėk, oj̀menėk, šeľńenėk, véďenėk, kńaźinyk, uźiŕinyk, suŕinyk. Указанныя нарушенія закона о гармоніи гласныхъ вызваны несомнѣнно вліяніемъ аналогіи: moľeda подъ вліяніемъ suvada, vanyda; umaŕda подъ вліяніемъ panarda, sarazda и т. п.— Напротивъ, въ совмѣстительномъ падежѣ находимъ распространеніе окончанія ńik (ńek) и послѣ основъ на твердую согласную и заднія гласныя: птакъ, не только véľeńek, píŕińik, но и kudyńik, modańik, орк. pològńeк, kiskańik, skoťenańik (въ krandaznyk, skalnyk, sadnyk и т. п. у явилось слѣдствіемъ отвердѣнія п послѣ твердой согласной основы). Въ Калейк. говорѣ -нек находимъ также при всякихъ основахъ: утомонекъ отъ утомо (амбаръ).

§ 124. Во многихъ случаяхъ и Оркинскій и Сухокарбулацкій говоры соблюдаютъ до сихъ поръ гармонію гласныхъ. Напр. въ окончаніи 2 л. мн. прош. вр. находимъ -ďe: styďe, pańiďe, ńeŕeďe, śińiďe, uľńiďe, ср. -da въ окончаніи 2 л. мн. наст. вр.: jakatada, loqnėtada; въ окончаніи 1 л. мн. прош. вр. находимъ -ńik (ńek): syńik, raḿińik, soḱeńek, ср. -nak (которое вмѣсто nyk, подъ вліяніемъ -na) въ 1 л. мн. наст. вр.: jakatanak, ozatanak, vantanak. Болѣе

интересно чередованіе гласныхъ въ окончаніи изъятельнаго падежа, вызванное старымъ закономъ о гармоніи: рядомъ съ -ftuma, -ftyma (-ftoma) послѣ твердыхъ согласныхъ и заднихъ гласныхъ, находимъ -ft̕iḿe (-ft̕eḿe) послѣ мягкихъ согласныхъ и переднихъ гласныхъ; сухокарб.: p̕raftuma, alašaftuma, kuduftuma, joroktoma, oštoma, но v̕eľeft̕eḿe, v̕eft̕eḿe, piľift̕iḿe, ḿird̕ift̕iḿe, piźiḿift̕iḿe, p̕eįšt̕eḿe, орк. skalftyma, lofcėft̕ėma, sudyftyma, gorottėma, panarftyma, но v̕irft̕iḿe, täįft̕iḿe, v̕äľift̕iḿe, kaŕt̕iḿe, keḿt̕eḿe. Въ окончаніи сушина находимъ -ma послѣ гласныхъ заднихъ, -ḿe послѣ переднихъ: сухокарб.: eŕama, vanuma, loumoma, kuluma, ramama, но kiŕd̕iḿe, čijiḿe, šiḿt̕iḿe, ľišiḿe, kuźiḿe, v̕ečkeḿe, keŕeď eḿe, p̕eįd̕eḿe; орк.: avaŕkšńiḿä, v̕äšńiḿä, moŕćeḿä, aŕ́ńiḿä, šukyńafńiḿe.

§ 125. Особаго разсмотрѣнія заслуживаютъ отглагольныя существительныя. Въ сухокарб. и оркинскомъ говорахъ глагольныя основы на а имѣютъ для нихъ окончанія -ma (изъ -mɑ), -muń (муń, изъ mɑń), muda (myda, изъ mɑda) и т. д.; между тѣмъ какъ глагольныя основы на u, i, e, o имѣютъ окончаніе -ma (съ первон. a), mań, mada. Ср., съ одной стороны, сухокарб.: sodamuś, čińžaramut, jakšamuś, jarcamuńt̕, čuramum, šukuńamuda, maŕamuda, kortamut, lapaksamut (враки), ojmamut, keŕamunža, ḿeľaftumada; съ другой: andumat, učumada, uŕvakstumada, kulumadynža, maksumada, čavumast, kandumast, kozomada, ŕezėmada (отъ чахотки), šiḿimam, targyźimada, avaŕd̕imada, aščimat, pandaľimada (отъ испуга), šeŕńemam̀, ekšeľemada, ḿeŕemat, p̕eįd̕emaza. Здѣсь видимъ какъ будто диссимиляцію; за слогомъ съ а слѣдуетъ узкое ɑ, а за слогомъ съ узкими гласными широкое а. Ср. то же въ Калейк.: ярсамотъ, но симеметъ; эрямомъ, но аштимамъ (стр. 108 и 110 Обр. нар. сл. II, гдѣ опечатка аштомамъ?), содамоть (120). Калейкинскому чіемеде лоткинь (с. 90) соотвѣтствовало бы въ Сухомъ Карбулакѣ lotkeń žijimada (я пересталъ бѣжать); но здѣсь различіе синтактическое: въ Калейкинѣ употреблена глагольная склоняемая форма, а въ Сухомъ Карбулакѣ—отглагольное существительное.

Краткій очеркъ морфологіи.

А. Склоненіе существительныхъ и мѣстоименій.

§ 126. Въ эрзянскомъ нарѣчіи различаются два склоненія: неопредѣленное и опредѣленное; окончанія второго изъ этихъ склоненій принимаютъ слова, получившія въ рѣчи значеніе опредѣленныхъ, уже извѣстныхъ слушателю лицъ или предметовъ. Остановлюсь сначала на неопредѣленномъ склоненіи.

§ 127. *Признакъ множественнаго числа.* Именительная форма множественнаго числа отличается отъ соотвѣтствующей формы еденственнаго числа неопредѣленнаго склоненія особымъ признакомъ, а именно согласною t (съ фонетическимъ ея измѣненіемъ въ ť), приставляемою къ основѣ: ava (женщина, мать) — avat, ve̮le̮ (село) — ve̮le̮ť. Для образованія падежей множ. числа къ окончанію t можетъ присоединяться еще другое окончаніе ńe (nė, ńi, ny), которое само по себѣ вноситъ значеніе опредѣленности: ava-ń (матери, род.)—avať-ńi-ń (матерей), ve̮le̮-ń (села)— ve̮le̮ť-ńe-ń (селъ).

§ 128. *Падежныя окончанія неопредѣленнаго склоненія.* Окончанія падежей множественнаго и единственнаго тождественны. Значеніе падежей можетъ быть выяснено только въ отдѣлѣ синтаксиса. Приблизительное представленіе о значеніи падежей дается ихъ названіями. Перечислю здѣсь падежныя окончанія.

ń для родительнаго падежа (genitivus): avań, ve̮rńń (ve̮ŕ: лѣсъ), орк. va̮lń (va̮la̮: село), sarazyń (saraz: курица). — Множ.: ťńi-ń: avaťńiń, valtnyń (val: слово).

ńiń (ńeń, nėń, nyń изъ ńɛń) для дательнаго падежа (dativus): avańiń, ve̮rńiń, ve̮le̮ńeń, aťakšnyń (aťakš: пѣтухъ). — Множ.: ťńińiń: avaťńińiń, орк. ťäχťiŕťńińiń (ťäχťiŕ: дочь), kaltnyńiń (kal: рыба).

Примѣчаніе. Кажется ńiń явилось вмѣсто ńdïń, при чемъ къ формѣ род. на ń присоединено окончаніе дат. ti (ср. мокш. avańdi).

da (ďä, изъ dα, dɛ) для отложительнаго (ablativus): avada, syv́iľda (syv́iľ: мясо), kaŕda (kaŕ: лапоть); въ Оркинѣ является dä, мало извѣстное вообще въ Сухомъ Карбулакѣ, послѣ переднихъ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ: śiv́iďä (śiv́e: воротъ), v́iŕďä, kaŕdä. — Множ.: ťńi-da: kiskaťńida (kiska: собака), орк. v́iŕńidä, bratnyďä (brat: братъ), ŕepsnėďä (ŕeps: рѣпа).

Примѣчаніе. Ср. da въ нарѣчныхъ образованіяхъ: alda (исподъ), udalda (сзади), vasylda (издали); ďä (ďe): v́eŕďe (сверху), ikiľďe (спереди), ṕeľďe (со стороны), v́eľďe (черезъ, за), kaŋkśťeďe (вдвое).

sa (изъ sα) для вмѣстительнаго (inessivus): avasa, pakśasa (pakśa: поле), utumsa (utum: амбаръ), tarvaȷsa (tarvaz: серпъ), орк. ṕäľca (ṕäľ: облако).

Примѣчаніе. Ср. sa въ нарѣчныхъ образованіяхъ: ṕesa (въ концѣ), kisa (изъ за), vakssa (близъ), v́idïsa (благодаря), maľasa (вблизи), jutksa (между), eȷsa (изъ eśsa: посредствомъ), poca (изъ potca: подъ), kunčkasa (посреди), ṕŕasa (на), ekšsa (у, за), v́eľkssa (надъ), laŋksa (у, около), ķeca (изъ ķeďsa: у).

sta (изъ stα) для выносительнаго (elativus): alašasta (alaša: лошадь), ṕiľista (ṕiľe: ухо), jarmaksta (jarmak: деньги).

Примѣчаніе. Ср. sta въ нарѣчныхъ образованіяхъ: jutksta (во время, въ серединѣ), laŋksta (съ, сверху), kunčkasta (изъ середины), ķecta (отъ), eȷsta (отъ, изъ), ṕŕasta (сверху).

s (изъ z) для вносительнаго (illativus): modas (moda: земля), utums, v́iŕńis (v́iŕńe: лѣсокъ).

Примѣчаніе. Ср. s въ нарѣчныхъ образованіяхъ: troks (черезъ), kis (для), vakss (объ, къ), čiŕis (на край), v́idïs (прямо въ), kunčkas (на середку), ķec (въ), v́ic (до), ṕŕas (на, поверхъ), potmakss (на дно), ṕes (къ, надо что-нибудь), poc (въ, подъ), laŋks (на), v́eľkss (надо что-нибудь), ekšs (за кого-нибудь).

va, послѣ согласныхъ *ga*, для проносительнаго (prolativus): vaĺmava (vaĺma: окно), v́eĺeva, karduva (karda: хлѣвъ), v́iŕga, eźemga (eźeḿ: лавка).

Примѣчаніе. Ср. va, ga въ нарѣчныхъ образованіяхъ: ṕeva (по), kunčkava (посреди), alga (подъ), udalga (позади), v́idga (до), v́eŕga (выше, повыше), ḿeĺga (за), ṕeĺga (по), v́eĺkska (черезъ), vakska (по близости), jutkuva (между), laŋga (по).

ks для переносительнаго (translativus): avaks, kudyks (на домъ), eĺd́eks (eĺd́e: кобыла), v́iŕks, v́eŕgezéks (волкомъ, отъ v́eŕgez).

Примѣчаніе. Ср. ks въ нарѣчныхъ выраженіяхъ: ḿeks (почему), śeks (оттого).

ų (ų, ӱ послѣ гласныхъ, oų, uų, eӱ, iӱ послѣ согласныхъ) для приносительнаго (lativus): pakśaų (въ поле), v́eĺeӱ, v́iŕiӱ, kuduų, ošoų (oš: городъ), mastyruų (mastyr: земля).

Примѣчаніе. Ср. ų въ нарѣчныхъ выраженіяхъ: aluų (подъ), ṕeӱ (на конецъ), udaluų (назадъ), turtuų (къ), malaų (близъ), ṕeĺeӱ (на сторону), ṕŕaų (по), kovoloų (на какую сторону), vasuų (далеко), turtuų (къ).

ftuma (ftoma, f́tiḿe, f́teḿe, послѣ согласныхъ обыкновенно tuma, tiḿe, toma, teḿe, изъ ftœma, f́tœḿe) для изъятельнаго (caritivus): alašaftuma, ṕŕaftuma (ṕŕa: голова), saltuma (sal: соль), piźiḿiff́iḿe (piźiḿe: дождь), joroktoma (jorok: толкъ).

ška для сравнительнаго (comparativus): pakśaška, kudyška, saldyrksyška (saldyrks: солонка), kulakška (kulak: кулакъ), lomańška (lomań: человѣкъ).

ńiḱ (ńeḱ, nyḱ, néḱ, изъ ńɛḱ) для совмѣстительнаго (comitativus): kedńeḱ ṕiĺǵińiḱ (ked́: рука, ṕiĺǵe: нога), kudyńiḱ (со всѣмъ домомъ), aškyńiḱ (aška: хомутъ).

Укажу здѣсь на нѣсколько окончаній, имѣющихъ также падежное значеніе, но сохранившихся только въ нарѣчныхъ образованіяхъ: a (послѣ твердыхъ согласныхъ), e (послѣ мягкихъ) для обозначенія мѣста: udala (сзади), ṕeĺe (на, въ сторонѣ, напр. obedbeĺe: на югѣ), ikiĺe (передъ); — t для обозначенія продолжи-

тельности во времени: kuvať (долго), ѵeť (ночью), čiť (днемъ), vandyį čiť (завтра днёмъ); — t (а послѣ мягкихъ согласныхъ ť) означаетъ движеніе съ мѣста: ѵeŕi mastyrt (высоко надъ землей), ńeį ģeńeŕť (наотмашь, ķeńeŕ: локоть); — ńa означаетъ время: ťeĺńa (зимой), śokśńa (осенью), vaśńa (сначала); — ńe (nė послѣ твердыхъ согласныхъ) означаетъ время: ѵeškańe (однажды), pśiškańe (въ жаркое время), орк. oʙetškańä (въ обѣдъ), čokšńä (вечеромъ), kažnyį čińe (каждый день), ťeĺi kunčkańe (среди зимы), kažnyį buŕańe (въ каждую бурю), mazyį borańe (въ хорошее время), eŕva ѵeńe (каждую ночь), sy godnė (на будущій годъ).

§ 129. *О звуковой сторонѣ падежныхъ окончаній.* Окончаніе множ. числа t переходитъ въ ť, во-первыхъ, послѣ переднихъ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ: alašat, ѵeŕģest, alt (al: яйцо), но piĺiť, ѵeĺeť, ѵeť (ѵe: ночь), stoĺť (stoĺ: столъ), ѵiŕť, орк. guźť (guį: змѣя); во-вторыхъ, передъ мягкимъ ń въ окончаніи множ. числа ńe (ńi): avaťńiń, alašaťńińiń, ср. avat, alašat.

Примѣчаніе. Въ valnyť (valnė: словечко), godnėť (godnė: годокъ) и т. п. ť явилось еще до отвердѣнія ńi, ńe въ ny, nė.

Окончанія ńiń (ńen) дат. ед., ťńiń (ťńeń) род. мн., ťńińiń (ťńeńeń) дат. мн., ťńida (ťńeda) отлож. мн., ńiķ (ńeķ) совмѣст. переходятъ въ nyń (nėń), tnyń (tnėń), tnyńiń (tnėńeń), tnyda (tnėda) послѣ твердыхъ переднеязычныхъ согласныхъ (ср. § 69): kujarnyń дат. ед. (kujar: огурецъ), aťakšnyń дат. ед. (aťakš: пѣтухъ), valtnyń род. мн., sazyrtnyń род. мн. (sazyr: сестры), ľeųksnėńeń дат. мн. (leųks: дитя), śukurtnyda (śukur: лепешка), brusnyķ совмѣст. (brus: брусъ), krandaznyķ (krandaz: телѣга).

Чередованіе гласныхъ i и e въ окончаніяхъ ńiń — ńeń, ťńiń — ťńeń, ťńińiń — ťńeńeń, ťńida — ťńeda, ńiķ — ńeķ, ťťiṁe — ťteṁe зависитъ отъ гласной предшествующаго слога; если онъ содержитъ e или o, то является звукъ e, а если другую гласную, то звукъ i (§§ 107 и 110): съ одной стороны — ŕeѵeťńeń (ŕeѵe: овца), gośńeń (gośť: гость), očkńeńeń (očka: корыто), stoĺťeṁe, ѵeĺeťteṁe, čejeŕťńeńeń (čejeŕ: мышь), съ другой — avaťńiń, kudyńiń, piĺgiťtiṁe, ŕiѵiźiń, орк. ѵäĺińiń.

Чередованіе гласныхъ u и o въ окончаніи ftuma — ftoma зависитъ отъ того же; послѣ слога съ o является ftoma, а послѣ слога съ иною гласною u: oštoma, kolostoma (koloz: колосъ), но avaftuma, kuduftuma.

О чередованіи окончаній da — ďä (ďe) сказано выше; оно обычно въ Оркинѣ и почти изчезло въ Сухомъ Карбулакѣ; примѣры ďe для Сухого Карбулака указаны въ § 123.

Звонкія согласныя окончаній da и ga переходятъ въ глухія (ta, ka) въ положеніи послѣ глухой согласной въ окончаніи основы (ср. § 68): ḿešekta, ŕeṽeľeŋksta, počta (вм. počtta), suksta, brusta, ṕićifta (отъ ожога), čudïfta (о текучемъ), pancta (вм. panctta; panct: узда); — čudïfka (по текучему), ďeŕekka, kijakska, keŋkška, ťeškska (ťešks: мѣтка; по мѣткѣ).

Согласная s въ окончаніяхъ s, sa, sta переходитъ въ c послѣ r, l, n (ср. § 76): ćotmarca (ćotmar: палка съ круглымъ наконечникомъ), bazarca (bazar: базаръ), ṽiŕca, salca (sal: соль), орк. ṕäľca, onca (во снѣ), podvalcta (podval: подвалъ), ukštyrcta (ukštyr: клёнъ), tolc (въ огнѣ), ŕidvanc (въ рыдванъ), mastyrc, aťamarc, śeźganc, skalc.

Въ Оркинѣ такой же переходъ s въ c наблюдается послѣ окончаній основы s, š (§ 78): sarasc (въ курицу), vä́ŕǵisc (въ волка), ŕiṽiśc (въ лису), lokšca (кнутомъ). — Въ Сухомъ Карбулакѣ слышится долгое s или ss: salmukssa, ṽessa (ṽes: вѣсы) ṕiŕaŋkssa (ṕiŕaŋks: ограда), ńeťkssa (ńeťks: стебель), rudassta, krandassta.

Согласная š въ окончаніи ška переходитъ въ č послѣ r, l, n (§ 76): alčka, skalčka, barabančka. Впрочемъ, въ Оркинѣ и lomańška.

Въ окончаніяхъ ťńiń, ťńińiń, ťńida согласная ť выпадаетъ послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ r, l, j (§ 46): malaŋksnyń (malaŋks: ближній), rasnyń (raz: разъ), vatrakšnyń (vatrakš: лягушка), ľeŋksnéńeń, kandylasnyńiń (kandylast: гробъ), rotnéńeń, nurtnyńiń (nurt: сани), taratnyń (tarad: сучокъ, вѣтка), roboťńiḱńida, pastuχńińiń, poṕńeń, keŋkšńeń, čufńiń, kńaśńiń, eŕḱńeń, piľḱńiń, jarmakńiń, očḱńeńeń (očka: корыто), ŕiṽišńiń. — Въ

Оркинѣ ť можетъ выпадать и послѣ ŗ, ļ, χ́ (изъ ǰ), которыя при этомъ не измѣняются: skaļnyń, pä̆χ́nіń (pä̆ǰ: зубъ), čäjіŗ́nіńіń, uźіŗ́nіńіń, sazyŗnyďe, kaļnyďe, stoļńeďe, ľeχ́ńeďe, äχ́ńіďe, vіŗńіďe.

Въ окончаніи ftuma — ftoma согласная f выпадаетъ послѣ всѣхъ согласныхъ (§ 48): орк. vakantyma, keńťeńä, jarmaktyma, сухокарб.: saltuma, salmukstuma (salmuks: игла), jurtuma (jur: корень, домъ), panartuma. Но въ Оркинѣ f удерживается послѣ r, l, ų, ǰ: vіrŕťіńä, bojarftyma, pä̆ǰlŕťіńä, pä̆ǰťіńä, panarftyma, końouftóma. Въ Сухомъ Карбулакѣ при paǰtuma является и paǰstuma, при ṕeǰťeńe — ṕeǰśťeńe (§ 39).

§ 130. *Замѣчанія о склоненіи нѣкоторыхъ падежныхъ формъ.* Нѣкоторыя падежныя формы могутъ подлежать измѣненію по числамъ и даже падежамъ, получивъ значеніе какъ бы именъ прилагательныхъ: такъ kuduftuma (безъ дома) можетъ имѣть значеніе и бездомный; отсюда возможность образовать падежи: kuduftumuń (бездомнаго), kuduftumut (бездомные); ср. kaŕist puluftumut (ихъ лапти безхвостые), jurtumuks (бездомнымъ), syń ašči̇ť čapkaftumut (они сидятъ безъ шапокъ; возможно и čapkaftuma).— Равнымъ образомъ отъ kabaksa, ke̊tkske̊sa, ke̊ca, ponasa и т. д. возможно образовать формы множ. числа: kabaksyt (a pastuχ́ńi kabaksyt, т.-е. въ кабакахъ или въ кабакѣ), ke̊tkske̊sėt (въ браслеткахъ), ke̊cėt (jarmakńi poroń́ť ke̊cėt: въ рукахъ; впрочемъ, ke̊ca получило значеніе предлога у), ke̊ńńesėt (въ камушкахъ), keńńesėt (въ сапожкахъ), čuběńisyt (въ шубкахъ), kudyńisyt (въ домочкахъ). — Kudystyń korom (кормъ изъ дому привезенный или принесенный).— Образованія на -ks обозначаютъ матеріалъ, изъ котораго что-нибудь сдѣлано или дѣлается: kudyks не только переносительный падежъ отъ kuda, но и самостоятельное слово (матеріалъ для постройки дома) и образуетъ формы: kudykst и т. п.; ср. ťe utumuńťіń vačksaśť ṕiksykst (въ этотъ амбаръ сложили матеріалъ для изготовленія веревокъ; ṕiks: веревка).

§ 131. *Объ окончаніяхъ опредѣленнаго склоненія.* По происхожденію своему окончанія опредѣленнаго склоненія представляются указательными мѣстоименіями: -ś, ср. śe (тотъ), -ť, ср. ťe

(этотъ), -ńe, ср. ńe (эти). Повидимому, первоначально эти окончанія приставлялись только къ формамъ имен. ед. и имен. мн., а также къ формѣ родит. падежа, падежа прямого дополненія: ava-ś, avat-ńe, avań-ť; впослѣдствіи avańť (р. опр.) при avań (р. неопр.) вызвало при avań-iń (д. неопр.) — avańť-iń (д. опр.); а затѣмъ окончаніе -ńť (р. опр.) приставлялось къ окончаніямъ другихъ падежей ед. числа, кромѣ, однако, вносительнаго и переносительнаго, не вошедшихъ въ систему опредѣленнаго склоненія. Перечислю окончанія опредѣленнаго склоненія и звуковыя ихъ измѣненія:

ś для имен. ед.: avaś, kudyś, ʹveľeś, vazyś (vaz: теленокъ), tolnėś (tolnė: огонёкъ). — Вмѣсто -ś находимъ -ć послѣ согласныхъ r, l, n основы: kijalć (kijal: золовка), ćaraχmanć (ćaraχman: градъ), panarć (panar: рубашка), mastyrć, numulć.

-ńť для родит. ед : lapańť (lapa: крыло), pakśańť (pakśa: ребенокъ), skalyńť, oftėńť (ofta: медвѣдь), eľďeńť (eľďe: кобыла), uźiŕińť, kiźyńť (kiza: лѣто). Замѣчу, что во многихъ другихъ говорахъ соотвѣтствующимъ окончаніемъ является -śť.

-ńťiń (ńťeń) для дательнаго ед.: atańťiń (ata: старикъ), tarkańťiń (tarka: мѣсто), iviźińťiń, oftėńťeń, ʹveŕgezėńťeń, ʹveľeńťeń. Какъ видно изъ примѣровъ, -ńťeń вмѣсто -ńťiń является послѣ слога съ e, o. Вмѣсто ńťiń (ńťeń) извѣстно произношеніе ńťiį (ńťeį) и ńťi (ńťe): послѣднее особенно распространено въ Оркинѣ: ʹviŕińťi, ʹväľińťi, gorodėńťä, ŕeʹveńťe.

dyńť (dėńť) для отложительнаго ед.: ṕŕadyńť, kudydyńť, ʹvedėńť (ʹve: ночь), sazyrdyńť, ʹveľedėńť. Въ Оркинѣ, гораздо рѣже въ Сухомъ Карбулакѣ, послѣ гласныхъ переднихъ и согласныхъ мягкихъ является -ďińť (ďeńť): roźďeńť, ṕiźimiďińť, ʹväľiďińť, ojḿeďeńť, lomańďińť. Чередованіе dyńť (dińť) и dėńť (ďeńť) зависитъ отъ предшествующей согласной: формы съ ė, e являются послѣ слога съ o, e. Вмѣсто dyńť и т. д. является tyńť и т. д. послѣ глухихъ согласныхъ основы: kijakstyńť, ḿešėktėńť, орк. načaľńiktiińť.

syńť (sėńť) для вмѣстительнаго ед.: goŕńećasyńť (goŕńeća: горница), ṕiľksyńť, morėsėńť (mora: пѣсня), ojsėńť (oj: масло), utum-

syńť. Окончаніе sėńť замѣняетъ syńť послѣ слога съ o, e. Вмѣсто syńť (sėńť) является cyńť (cėńť) въ Сухомъ Карбулакѣ послѣ r, l, n, а въ Оркинѣ и послѣ s, š основы: uźiŕcyńť, umaŕcyńť, lomaŕcyńť, орк. päjiĺćyńť (päjiĺ: ножъ), орк. kijakscyńť, pikscyńť, käŋkščyńť.

styńť (stėńť) для выносительнаго ед.: turvastyńť (turva: губа), kiĺiįstyńť (kiĺij: береза), sazyrstyńť, ťeįťeŕńestėńť (ťeįťeŕńe: дочка), sudystyńť (suda: носъ). Окончаніе stėńť замѣняетъ styńť послѣ слога съ o, e. Вмѣсто styńť (stėńť) является, но далеко не постоянно, ctyńť (ctėńť) послѣ r, l, n: vïŕctyńť, numulctyńť, šovońctėńť.

vańť (gańť) для проносительнаго ед.: vaĺmavańť, pakśavańť, troṕeńevańť (troṕeńe: тропинка), ḿeščevańť (ḿešče: грудь), kardazgańť, kalgańť, vïŕgańť, sadgańť. Послѣ глухой согласной основы вмѣсто gańť находимъ kańť: kijakskańť, keŋkškańť.

ksyńť (ksėńť) для переносительнаго ед.; примѣры недостовѣрны; сухокарб. veďeksėńť.

ftumuńť (ftomońť) и ťťiḿińť (ťťeḿeńť) для изъятельнаго ед.: kiskaftumuńť, kuduftumuńť, ṕisyŕťtiḿińť, tikšiťťiḿińť, oįťťeḿeńť. Въ Оркинѣ вмѣсто ftumuńť находимъ ftymyńť: sodamyftymyńť, matkaftymyńť. Окончанія ftomońť, ťťeḿeńť имѣютъ мѣсто послѣ слога съ o, e. Окончанія ťťiḿińť (ťťeḿeńť) употребляются послѣ переднихъ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ. Послѣ согласныхъ употребляются окончанія tumuńť и т. д., но въ Оркинѣ послѣ r, l также ftymyńť: sazyrtumuńť, saltumuńť, орк. sazyrftymyńť.

škańť для сравнительнаго ед.: Vańaškańť (съ этого Ивана).

-ťńe (tnė) для именительнаго мн.: ćoraťńe, lopaťńe (lopa: листъ), tulyťńe (tula: гвоздь), numultnė, skaltnė, morėťńe. Окончаніе tnė находимъ послѣ твердой передненёбной согласной основы. Звукъ ť (t) въ окончаніяхъ ťńe (tnė) между согласными выпадаетъ: pastuχńe, peŋkńe, ťeńe, gośńe, vasnė, veŕgesńė, tuĺaŋksnė (tuĺaŋks: поросенокъ), bratnė, rusnė (русскіе). Въ Сухомъ Карбулакѣ t удерживается послѣ r, l: sazyrtnė, skaltnė, ortnė, въ Оркинѣ оно выпадаетъ, но r, l удерживаются глухими: skaļnė, sazyŗnė, umaŗńe, рядомъ и skalχnė; въ Оркинѣ при äχťńä (дѣти) также äχńä.

Опредѣленное склоненіе не имѣетъ особыхъ формъ для другихъ падежей множ. числа; формы на -ťńiń, -ťńińiń, -ťńida въ род., дат., отлож. множ. числа относятся, какъ мы видѣли, къ склоненію неопредѣленному, хотя онѣ и образованы отъ основы на -ťńe, являющейся въ имен. падежѣ множ. числа склоненія опредѣленнаго. — Вмѣсто падежей ед. числа вносительнаго и приносительнаго въ опредѣленномъ склоненіи употребляется дательный.

§ 132. *О формѣ звательнаго падежа.* Имена, обозначающія лица, могутъ образовывать особую звательную форму на -aį и -kaį. Такъ находимъ: dugaį (duga: сестра), paťaį (paťa: старшая сестра), ťaťaį (ťaťa: отецъ), jalgaį (jalga: другъ), suvaχaį (suvaχa: сваха), roďńaį (roďńa: родственникъ), pokščaį (pokšča: дѣдъ), paťušaį (paťuša: старшая сестрица), Kuľaį (Kuľa: Акулина), uŕaį (uŕe: братнина жена), afkaį (afka: матушка), avaį, babaį, paťkaį, ťaťkaį, eįkaį (eįďe: дитя), avakaį, odavakaį (odava: мачеха), ťaťakaį, dočakaį, ťiŕakaį (кормилецъ), eįďakaį, pokščakaį, ľaľakaį (ľaľa: старшій братъ), koŕmakaį (кормилецъ), jalgakaį, ojakaį (oja: душа).

§ 133. *О звуковой формѣ основы существительныхъ.* Основы именъ существительныхъ различаются по своему окончанію: 1) основы на a (не измѣняющееся и въ косвенныхъ падежахъ): ava, aťa, moda (земля), końa (лобъ), ṕŕa, kšna (ремень); 2) односложныя основы на e (орк. e и ä) и на i: v́e, ṕe, орк. ṕä (конецъ), čі, ki (дорога), kši (хлѣбъ), kšńi (желѣзо), ṕśi (жаръ); 3) основы на согласную, на į, ų, ų̈, и на гласныя α, ε. Эти послѣднія основы въ свою очередь дѣлятся: а) на основы, оканчивающіяся въ имен. падежѣ на нeслоговые звуки — твердые или мягкіе: aťakš (пѣтухъ), oš (городъ), koct (полотно), χŕost (крестъ), saraz (курица), loų (снѣгъ), ksnaų (горохъ) — laų́s (зыбка), tŕušńik (копейка), v́iŕ (лѣсъ), syv́iľ (мясо), v́eď (вода), орк. ľeį (рѣка); б) на основы, оканчивающіяся въ имен. падежѣ на -a послѣ твердой согласной и на -e (-ä) послѣ мягкой, причемъ эти a, e восходятъ къ звукамъ редуцированнымъ, α, ε: kuva, tuva (свинья), čufta (дерево), olga (солома), śura (хлѣбъ) — eľďe, oįńe, aų́ńe (золовка), ṕiŕe (гумно), eįďe, ŕivíźńe

(лисичка), aťakšќe (пѣтушокъ); вм. -ńe послѣ твердой передненебной согласной основы находимъ -nė: tolnė, saraznė (курочка), barannė (барашекъ).

Основы на гласныя полнаго образованія во всемъ склоненіи не измѣняютъ гласной основы: moda, modań, modaś, modada, modastyńť, modaťńe; kiń, kiť; ṕe, ṕeńeń, ṕeda, орк. ṕä, ṕäńiń, ṕädä. Къ основамъ на i относится нѣсколько многосложныхъ словъ, а именно сложенныя съ či: ďednoįǯi (бѣдность), skupoįǯi (скупость), araščі (бѣдность). — Что касается основъ на гласныя неполнаго образованія и на неслоговые звуки, то нѣкогда тѣ и другія основы различались рѣзче, чѣмъ въ позднѣйшую эпоху жизни языка, когда гласныя неполнаго образованія исчезали изъ произношенія при стеченіи благопріятныхъ условій; особенно благопріятствовало исчезновенію гласной неполнаго образованія положеніе въ концѣ слова; поэтому рядъ словъ, оканчивающихся на согласную въ имен. ед., можетъ быть отнесенъ по происхожденію къ основамъ на гласную неполнаго образованія. Иногда находимъ параллельныя образованія и въ современномъ языкѣ: numyl орк. (заяцъ), при numyla (въ Сухомъ Карбулакѣ только numul). Во многихъ косвенныхъ падежахъ видимъ выпаденіе гласной, являющейся въ имен. пад. въ видѣ a или e: tunťńiń при tunda, olkńe при olga, paŋkt при paŋga. Основы на неслоговые звуки и на гласныя неполнаго образованія имѣютъ то общее между собою, что представляютъ одинаковыя гласныя передъ падежными окончаніями: въ основахъ на согласную эти гласныя, восходящія къ гласнымъ неполнаго образованія ɑ и ɛ, представляются вставными гласными, явившимися для устраненія тѣхъ или иныхъ неудобо-произносимыхъ группъ согласныхъ; въ основахъ на гласныя неполнаго образованія эти гласныя оказываются старыми гласными, сохранившимися благодаря частью неудобо-произносимымъ группамъ согласныхъ, а частью благодаря разнымъ другимъ условіямъ. Разсмотримъ ближе эти «бѣглыя» въ однѣхъ, устойчивыя въ другихъ основахъ гласныя. — Названныя основы имѣютъ всегда подобную гласную, во-первыхъ, передъ оконча-

ніемъ ń въ род. ед., ńť въ род. опред., ńťiń въ дат. опред.: jarmak — jarmakyń, jarmakyńť, jarmakyńťiń; ḿešėk — ḿešėkėń, ḿešėkėńť, ḿešėkėńťeń; sazyr — sazyryń, sazyryńť, al — alyń, sur (палецъ) — suryń, mact — mactyńťiń, ksnaų — ksnavuń, śupaų — śupavuńť, narod — narodėń, loų — lovoń, porog — porogońť, počt — počtėń, ŕiv́iź — ŕiv́iźiń, śeźgau — śeźganyń, орк. v́ăŕģiz — v́ăŕģizyń, v́iŕ — v́iŕiń, kardaz — kardazyń, kuda — kudyń, čufta — čuftyń, ťeľe — ťeľeń, utum — utumyń, и т. д.; во-вторыхъ, передъ окончаніемъ ų (ü) въ приносительномъ падежѣ: jarmakuų, ḿešekoų, ďeŕeķeü, Kuźńecķejeü, орк. v́ăľiü, v́eŕeü, ķeŋkšeü (къ двери), gorodoų, mastyruų, ošoų, kaluų. Передъ окончаніемъ ś въ им. ед. опред. склоненія наличность соединительной гласной въ Оркинскомъ нарѣчіи обязательна, а въ Сухокарбулацкомъ эта гласная иногда опускается: kocťéś, orėś, tolėś, jamuś, śupavuś, ksnavuś, oroχoś, klokoś, popoś, v́eŕeś, uźiŕiś, syv́iľiś; сухокарб.: śupaųś, ksnaųś, Ščerbatuųś, ťeųś, ďednėjś, maćijś, uŕidīųś, śeŕejś, portnojś, ťejńejś, tatarć, Oprakśinć, ośolć, ajgyrć, bojarć, stulć, numulć, panarć, čaraχmanć, mastyrć, lagunć, čugunć, koromś, syv́iľć (итакъ послѣ ų, r, l, n, m, но также: durakś); въ переносительномъ сухокарб. и орк.: jarmakyks, ḿešėkėks, čeų (лучина) — čev́eks, gośť—gośťeks, pop—popoks, krandazyks, v́eŕģezėks, сухокарб. jondolks (при jondolōks), ajģirks (при ajgyryks), ķŕeśjanks, panarks, rusks (отъ ruz: русскій), guberna-tyrks; въ орк.: lomańks (сухокарб. lomańks и lomańiks), bojarks, pisyŕks, učiťiľks. Передъ окончаніемъ сравнит. падежа -ška соединительная гласная обязательна только послѣ согласныхъ s, z: kardazyška, saldyrksyška, časyška; но въ Сухомъ Карбулакѣ извѣстны и образованія: kardajška, sarajška, восходящія непосредственно къ kardazška, sarazška, ср. kulakška, čapka krukška, lomańška, jarmakška.

Всѣ остальныя окончанія приставляются къ основѣ безъ соединительной гласной. Если тѣмъ не менѣе мы находимъ передъ ними соединительныя гласныя, то, кажется, только отъ основъ, оканчивающихъ на a, e въ именительномъ, почему можно

думать, что гласная эта перенесена изъ имен. падежа. Какъ общее правило можно выставить, что гласная, появившись въ имен. падежѣ ед., удерживается и въ прочихъ падежахъ: pula—pulysa, pulyda; ura (шило)—urysa, uryda, mora (нѣсня)—morėt, morėda; ťeľe — ťeľeńeń; morama — moramuda, ńiŕńe — ńiŕńiś, ńiľe — ńiľista, ńiľisa, ńiľida, орк. ńäľe — ńäľis, ńäľiďä, ńäľiva, ńäľińiń; vaša — vašyt, vašyda, и т. п. Напротивъ, слова, оканчивающіяся въ имен. на согласную, образуютъ всѣ падежи, кромѣ отмѣченныхъ выше, безъ соединительной гласной: ńiŕ — ńiŕca, ńiŕda, орк. ńiŕdä; орк. ńäď — ńäca, ńätťä; ŕińiź — ŕińiįs (въ лису), rudaz — rudaįs (въ грязь), moroz — moroįsta (въ морозъ), utum — utumsta, ukštyr — ukštyrcta, stoľ — stoľťeḿe, oš — oška, oštoma, ošta; vaįģiľ — vaįģiľca, sazyr — sazyrda, sazyrga, sazyrnyń, и т. д.—Но рядомъ находимъ и много исключеній, а именно видимъ опущеніе гласной, являющейся въ окончаніи именительнаго ед.: ńiľģe — ńiľks, ńilksa, ńiľkta (и ńiľģida), lokša — lokšsa (и lokšėsa), para — parca, parc (но paryda), karda (хлѣвъ) — karca (и kardysa), орк. kaŗt (хлѣва), śeľḿe — śeľmsa, śeľḿť (орк. śäľḿiť), kuda — kuca (и kudysa), kudga (при kuduva), ľeŋģe — ľeŋksa (лыкомъ), ćoka — ćoksa (и ćokosa), ťešče — ťeščsa (звѣздами), tombalaŋga — tombalaŋksa, čufta — čufsta, čuŋsa, čuŋs, źeṕe — źepsta, źeps, kurga — kurks, paŋga — paŋks, eŕke — eŕks, ṕešče — ṕeščs (за орѣхами), aška (хомутъ) — aškta (и aškyda), komora — komorca (горстями, и komorėsa), parga (кузовъ) — parks, kalma (могила) — kalms, eľďe — eľca, eľc; eska (гвоздь)—esksta, esksa, eįďe (дитя)—eįť, ṕiźiḿe (дождь)—ṕiźiḿťiḿe (при ṕiźiḿiffiḿe), latka (оврагъ) — latkt. Особенно послѣдовательно опущеніе гласной въ отглагольныхъ существительныхъ на ma: suskumda, kortamsa, ṕeľikulums, orožjams, putumsta, aŕťńimsta, čavumsta, moľemsta, suńďirgadumsta (въ сумеркахъ), kalmamga, jumamga, aramga, veďeńbŕams.

§ 134. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно измѣненія конечныхъ согласныхъ основъ передъ падежными окончаніями. Согласныя z, ž передъ t переходятъ въ s, š: ost, veŕģest,

kolost, sarast, čuvašt, kukušt, vasnė; dt переходитъ въ tt: ke'ť, gorótt, rott, gott; nt переходитъ въ tt: sažytt, atamatt, dokuńett, ćigatt, vakatt, kaŕćagatt, tarakatt, saraχatt, kŕešjatt, studettnė, vagott, lomaťńe; но рядомъ и vakant, χoźaint, sažynt, а также въ односложныхъ: ont, čant (но въ Оркинѣ: ott, čatt); въ pant, pont nt удерживается, ибо t замѣнило dt; gt переходитъ въ kt: olkt, орк. ṕäŋk'ť, ṕiľk'ť; ų передъ t переходитъ въ f: loft (снѣга), čuft, karft, ťeft, keft, šupaft, ulaft; į въ Оркинѣ передъ t переходитъ въ χ: ṕäχ'ť, suľiχ'ť, vaľǵiχ'ť. Сочетанія zs, ss, zš, šš переходятъ въ įs, įš: tarvaįsa, krandaįsa, kardaįs, laįsta, rudaįstyńť, morojsta, ŕivíįs (рядомъ krandassta, rudassta, lassta), laįška, saraįška, kardaįška. Вмѣсто gs находимъ ks: ostroks, paŋks. Звукъ f слова čufta является въ видѣ ų передъ s въ вмѣстительномъ и вносительномъ падежахъ: čuųsa, čuųs. Мягкія губныя и средненёбныя отвердѣваютъ передъ твердыми окончаніями: eźemga, ťeŕeksa, rozbojńikta. Сочетанія ds, ts переходятъ въ c: ke'ca, ve'ca, ńec, ńec (къ черенку); вмѣсто c подъ вліяніемъ аналогіи tc: ke'tca (шкурой), но ke'ca (рукой). Вмѣсто šč'ť находимъ šť: ve'šť (вещи), ṕešť (орѣхи). Сочетаніе ť'ť замѣняется сочетаніемъ ć'ť: ke'ć'teńe (безъ рукъ; но ke'ť'teńe: безъ шкуръ, подъ вліяніемъ ked').

§ 135. Образцы склоненія неопредѣленнаго и опредѣленнаго.

Неопредѣленное склоненіе.

Единств. число.

Им.	moda	ṕiľe	ke'ń
Род.	modań	ṕiľiń	ke'ńeń
Дат.	modańiń	ṕiľińiń	ke'ńeńeń
Отлож.	modada	ṕiľida [1])	kemda [2])
Вмѣст.	modasa	ṕiľisa	kemsa
Вынос.	modasta	ṕiľista	kemsta
Внос.	modas	ṕiľis	kems

1) Орк. ṕiľidä. 2) Орк. ke'mdä.

Пронос.	modava	pil'iva	ќemga
Перенос.	modaks	pil'iks	ќemks
Изъят.	modaftuma	pil'ift'im'e	ќeḿt'eḿe
Принос.	modaų̈	pil'ių̈	ќeḿeų̈
Сравнит.	modaška	pil'iška	ќeḿeška
Совмѣст.	modańiќ	pil'iḿiќ	ќeḿńeќ

Опредѣленное склоненіе.

Единств. число.

Им.	modaś	pil'iś	ќeḿeś
Род.	modań't	pil'iń't	ќeḿeń't
Дат.	modań'tiń	pil'iń'tiń	ќeḿeń'teń
Отлож.	modadyń't	pil'idyń't [1])	ќeḿdèń't [2])
Вмѣст.	modasyń't	pil'isyń't	ќemsèń't
Вынос.	modastyń't	pil'istyń't	ќemstèń't
Пронос.	modavań't	pil'ivań't	ќemgań't
Изъят.	modaftumuń't	pil'ift'imiń't	ќeḿt'eḿeń't
Сравнит.	modaškań't	pil'iškań't	ќemškań't

Неопредѣленное.	Опредѣленное.

Множ. число.

Им.	modat	pil'it'	ќeḿt'	modat'ńe pil'it'ńe ќeḿt'ńe
Род.		modat'ńiń	pil'it'ńiń	ќeḿt'ńeń
Дат.		modat'ńińiń	pil'it'ńińiń	ќeḿt'ńeńeń
Отл.		modat'ńida	pil'it'ńida [3])	ќeḿt'ńeda [4])
Пронос.		modat'ńiva	pil'it'ńiva	ќeḿt'ńeva

1) Орк. pil'idiń't. 2) Орк. ќeḿdeń't. 3) Орк. pil'it'ńidä. 4) Орк. ќeḿt'ńedä.

Склоненіе прилагательныхъ, причастій и числительныхъ.

§ 136. Имена прилагательныя, когда употребляются не въ качествѣ аттрибута, склоняются какъ существительныя. Напр. štapa (голый): štapuń, štapuńiń, štapuda, štapusta, štapuva, štapuška, štapuks, štapuftuma, множ. štaput, štapuťńiń, štapuťńińiń, štapuťńida; para (хорошій) — paryń, paryńiń, paryda, parysta (или parcta), parys (или parc), paruva, paryška (или parčka), paryks (или parks), partuma, part, partnyń, partnyńiń, partnyda.

Такъ же склоняются причастія на uj (ėj) и ij (ej): kulyj, (умирающій), moľej (входящій), kortėj (говорящій), kiŕdij (держащій): kulyjiń, moľejeń, kortėjeń, kiŕdijiń и т. д. Также причастія на -ft, когда имѣютъ значеніе существительныхъ: tuś veďeń ǯudifka (пошелъ по теченію воды), daj ńekeų maksufńiń (дай назадъ отданныя).

Такъ же склоняются числительныя: veįke (одинъ), veįkeda, veįkesta, veįkes, veįkeška, veįkeŕťeńe; kolma (три) — kolmoń, kolmońeń, kolmoftoma и т. д.; kafta (два) — kaftyń, kaftyftuma и т. д.; keńeń — keńeńeń, keńeńńeń, keńeńda, keńeńca, keńeństa, keńeńc, keńeńčka, keńeńťeńe; komś — komśeń, komśńeń, komśsa, отл. komśta, вынос. komśsta, пронос. komśka, сравн. komśška, изъят. komśťeńe; Формы veįkeń-veįkeń, kaftyń-gaftyń имѣютъ значеніе: по одному, по два; veįkeų значитъ сразу, kaftuų — надвое.

Порядковыя числительныя, какъ vašiń, vašińće, omboće, kolmoće, šišińće, keńeńće, komśeće и т. д., также подвергаются склоненію: vašiń (vašińće) образуетъ: vašińćiń, vašińćińiń, vašinda (vašińćida), vašińca (vašińćisa), vašincta (vašińćista), vašińčka (vašińćiška), vašińga (vašińćiva), vašińťińe.

Отмѣчу соединеніе числительныхъ съ личными мѣстоименіями: veįkeńek (мы одни), kaųńik (мы оба), kaųńiįk (вы оба), kolmońek (мы трое), kolmońeįk (вы трое). Вмѣсто -st въ 3 л. мн. находимъ sk: kaųńisk (они оба), kolmońesk, ńiľińisk, veįksėńesk.

Склоненіе именъ, соединенныхъ съ притяжательными мѣстоименіями.

§ 137. Для опредѣленія отношенія того или другого предмета или дѣйствія къ лицу, названіе предмета или дѣйствія можетъ принимать за собой сокращенныя формы личныхъ мѣстоименій. А именно для опредѣленія принадлежности или ближайшаго отношенія къ 1-му лицу ед. присоединяется окончаніе -m (ср. moń мой) въ имен. пад. ед., окончаніе -n въ прочихъ падежахъ ед. и мн. ч.; ближайшее отношеніе къ 1-му лицу множ. выражается окончаніемъ nyk (ср. mi-ńik: мы); ближайшее отношеніе ко 2-му лицу ед. — окончаніемъ t (ср. toń: твой); ближайшее отношеніе ко 2-му лицу множ. — окончаніемъ ŋk (ср. tyŋk: вы); ближайшее отношеніе къ 3-му лицу ед. — окончаніемъ -za для имен. падежа и -nza для прочихъ падежей (ср. sonza, sonza: его); ближайшее отношеніе къ 3-му лицу множ. ч. — окончаніемъ -st (ср. synst изъ synst: ихъ). Отмѣчу, что -za (-nza) въ нѣкоторыхъ словахъ не вноситъ значенія притяж. мѣстоименія 3-го лица: čiza значитъ солнце, véza — ночь; въ Оркинѣ: koŋ iśťa vä̈nzylaŋks (ночью) tutada? Ср. еще véśeḿeza въ значеніи всего: véśeḿezy śiśiḿ uĺńińik (насъ было всего семеро).

§ 138. Названныя окончанія подвергаются слѣдующимъ измѣненіямъ. Окончаніе -m смягчается, переходитъ въ ḿ, подъ вліяніемъ предшествующей гласной передняго ряда: avam, но ṕiŕiḿ, véľeḿ, kijalnyḿ (непосредственно изъ kijalniń); другія окончанія не подвергаются подобному смягченію: avat и ṕiŕit, véľet, kijalnyt, ṕiŕiŋk, véľeŋk. Впрочемъ, въ индивидуальномъ произношеніи употребляются и смягченныя окончанія ť, ŋ́k при указанныхъ условіяхъ: ṕiŕiŋ́k (Оркино); такія смягченныя окончанія свойственны многимъ эрзянскимъ говорамъ. Въ Оркинѣ весьма обычно произношеніе съ m вм. ḿ: šuŕiń̈im, äjdïm, aĺńim. Чередованіе nyk съ nėk зависитъ отъ предшествующей гласной; о и e въ предыдущемъ слогѣ обусловливаютъ появленіе nėk: avanyk, ṕiŕinyk, но véľenėk, koromonėk; вмѣсто nyk (nėk) неиз-

вѣстно ńiќ (ńeќ) въ положеніи за гласными передняго ряда, ср. такое ńeќ во многихъ другихъ эрзянскихъ говорахъ. —. При -nza извѣстно и произношеніе -nza.

§ 139. Названныя окончанія присоединяются къ основамъ на гласныя полнаго и неполнаго образованія непосредственно; послѣднія подвергаются измѣненіямъ подъ вліяніемъ какъ гласныхъ предшествующаго слога, такъ и сосѣднихъ согласныхъ; α переходитъ въ у, и, ė, о, ȯ: skalyn, kudum, ćokot, olgȯt, oftėza; ε переходитъ въ і, е: ṕiṕiń, ṽeĺest, ojest (ср. §§ 107 и 110). Къ основамъ на согласныя названныя окончанія присоединяются при помощи соединительной гласной α или ε, подвергающейся соотвѣтственнымъ измѣненіямъ: bratum, sazyryt, valynza, kaŕist. Соединительная гласная не можетъ быть выпущена: формы какъ ќedza (ќedzė), sazyrza (sazyrzo) въ изслѣдуемыхъ говорахъ неизвѣстны. Ср. jarmakyt: твои деньги, jarmakt: деньги. Вставка гласной послѣ окончанія вносительнаго падежа дѣлаетъ возможнымъ отличить его отъ вмѣстительнаго, въ виду того что окончаніе s вносит. падежа переходитъ въ z: kudyzynza, ќeďezėnza; отъ краткихъ формъ того же падежа, какъ kuc, ќec, поэтому не образуется форма съ мѣстоименнымъ окончаніемъ.

§ 140. Впрочемъ, присоединеніе указанныхъ окончаній къ согласнымъ можетъ имѣть мѣсто вообще только въ формѣ именительнаго единственнаго; падежи, оканчивающіеся на согласную, не принимаютъ этихъ окончаній: поэтому, напр., отлож. kudydyn, вмѣст. kudysyn, выносит. kudystyn, внос. kudyzyn, пронос. kuduvan, сравн. kudyškat, но отъ род. kudyń, дат. kudyńiń формъ съ мѣстоименіями притяжательными не образуется. Им. мн. образуется путемъ присоединенія окончаній n, t, nyk, ŋk, nza, st къ основѣ: kudyn (мои дома), kudyt (твои дома), kudynyk (наши дома), kudyŋk (ваши дома), kudynza (его дома), kudyst (ихъ дома). Только окончанія nza и st присоединяются и къ согласнымъ падежнымъ окончаніямъ: alašań-nza даетъ alašanza въ род.; отсюда образуется форма дат. падежа съ присоединеніемъ окончанія -tiń: alašanzαtiń даетъ alašanctyń

или alašanstyń; alašań-st даетъ alašast; отсюда образуется форма дат. пад. съ присоединеніемъ окончанія -ťiń: alašast-ťiń даетъ alašastyń. Отмѣтимъ, что всѣ формы, образованныя посредствомъ указанныхъ окончаній (кромѣ однако формъ на -m), имѣютъ значеніе не только единств., но и множ. числа.

§ 141. Приведу примѣры для существительныхъ съ притяжательными мѣстоименіями.

Первое лицо единств. числа (мой, моя).

Имен.: modam, ďedam, ćoram; сухокарб.: skalum, uŕažum, lazum, aťaftum; орк.: skalym, sudym, utymym, kardazym; сухокарб.: ozom, pondom, końovom; орк.: końovòm; сухокарб.: ķeľeń, ṕeķeń, ťejťeŕeń, kuťńiŕiń, aṽińiń; орк.: uźiŕim, rożem, ŕeṽem, ťeńf́em, ťäχťiŕim, kšim.

Слова на -ma образуютъ форму косв. падежа (родительнаго) на -man или -mun: syť moń gundamun (идутъ, чтобы взять меня); karńiť ķeüķśńeman (начнутъ спрашивать меня).

Отлож.: avadyn, vazdyn, krandazdyn, brattyn; сухокарб.: ṽedńedėn, ṕilïdyn, ṕiŕidyn; орк.: uźiŕdïn, ṕiŕidïn.

Вмѣст.: pulysyn, alašasyn, śeďejsėn, ķecėn, panarcyn, ńešcėn (на моей груди), ṕiŕisyn, kucyn.

Вынос.: skalstyn, čamastyn, ṕilïstyn, onctėn, krandajstyn, sactyn, źepstėn.

Вносит.: ṕŕazyn, kurgyzyn, mukuryzyn, noftazyn, ķeďezėn, ṕeķezėn, eľezėn, kuťńiŕizyn, ṽiŕizyn, орк.: šäľńizyn, źeṕezàn.

Пронос.: pakśavan, ṕiľġivan, kurguvan, ťelavan, kardazgan, sadgan, kudgan, ķijakskan.

Имен. множ.: bratyn, utumun, prakstan, jalgan, uŕvan, ćoran, sazyryn, śulyn ḃeķen (мои внутренности), godėn, orčamun, ťejťeŕen, ṕeŋ̓gen, umaŕin, uźiŕin.

§ 142. Второе лицо единств. числа (твой, твоя).

Имен.: alašat, ṕŕat, pakśat, valyt, sadyt, kudyt, bratyt; ćokot, potmot, olgėt; ŕeṽet, ṕiŕit, ķeńet, koj̓ńet, ojet, орк. ṽädït, орк. äjdït, орк. vaľġiit.

Косв. падежъ (родительный): karman ʹvečʹkemat, tonaftumat, andumat, karʹme naʹgamut, syń varčamut.

Отлож.: skaldyt, vašydyt, pakśadyt, sattyst, čudʹikiʹlʹkstyt, kijakstyt; орк.: ʹvirʹdʹit, ʹmirʹdʹidʹit, čeʹrʹdet, ʹpirʹidʹit; сухокарб.: ʹpirʹidyt, kettèt.

Вмѣст.: kudysyt, palkasyt, ʹvirʹcyt, surcyt, čovoʹncèt, śelmsèt, kecèt, śukurcyt, ʹpiʹlʹisyt, ʹpiʹlʹksyt, орк. kijakscyt.

Вынос.: kudystyt, ʹveʹdʹnestèt, ʹpriʹnistyt, onctèt, ʹprastyt, орк. kyrgastyt, mactyt (изъ твоего выхода), krandajstyt.

Вносит.: krandazyt, tarkazyt, ʹticazyt, śuryzyt, andumazyt, ejʹdʹezèt, ʹmeʹlʹezèt, źeʹpezèt.

Пронос.: kurguvat, ʹtelavat, ʹpiʹlʹgivat.

Сравнит.: kudyškat, ʹpiʹlʹgisurčkat.

Имен. множ.: azyryt, bratyt, śulyt ʹpeket, keʹdet, орк. pologòt, орк. śäʹlʹmit.

§ 143. Третье лицо единств. числа (его, ея).

Имен.: avaza, sazyryza, skalyza, орк. ťäχʹťiriza; сухокарб.: ćokoza, obrokoza, koromoza; kijalyza, pulyza, sarazyza, kardazyza, χʹrostèza, počtèza; ʹvijiza, ʹpriniza, сухокарб. vajʹgiʹlʹiza; ʹleʹneza, ńeʹreza, sèʹreza, ʹlezèza (облегченіе, польза), sonzy sajimazy možna.

Родит.: avanza, šabranza, ʹpenza, ťaťanzy avanza, brovanza; ʹpiʹlʹinza, sazyrynza, rodènza, komorènzy poc, kundamunza, štamunza, ʹveʹlʹenza.

Дат.: jalganctyń, ojanctyń, babanctyń, avanctyi, nućkanctyń, ťejťeʹrʹńenctèń, ʹmirʹdʹinctyń; орк.: jalgansty, sodamunsty, ťäχʹťiʹrʹinsty, paťansty, ćoréńenstè. Образуется, кажется, только отъ одушевленныхъ.

Отлож.: goʹrʹadynza, afkadynza, kulumadynza, сухокарб.: ťeɳdènza, bednèjžidynza, орк.: bednyjžidʹinza, umaʹrʹdʹinza, syʹviʹlʹdʹinza.

Вмѣст.: ʹprasynza, lopasynza, ʹvijsynza, pulyńisynza, ken̆csènza, ʹpejsènza, ʹpeksènza, panarcynza, kurksynza, орк. lokščènza.

Вынос.: kirgastynza, udʹimstynza, lovažastynza, tuimstynza, kuctynza, kectènza, očkstènza, krandajstynza.

Вносит.: tarkazynʒa, pooskazynʒa, ṕŕazynʒa, ṕiĺǵizynʒa, samuzynʒa, kudyzynʒa, eĺezénʒa, koŕonézénʒa, źeṕezénʒa, орк. śäĺḿizynʒa, ḱeďézénʒa.

Пронос.: ḱijavanʒa, lugavanʒa, ví́rganʒa, орк. ĺejganʒa, сухокарб. ḱirgavanʒa.

Сравнит.: kudyškanʒa.

Имен. мн.: alašanʒa; орк.: ṕäŋǵinʒa, ṕäinʒa; sazyrynʒa, šabranʒa, sakalynʒa, ḱeḿenʒa, орк. pológónʒa.

§ 144. Первое лицо множ. числа (нашъ, наша).

Имен.: luganyk, turbanyk, psakanyk, šabranyk, ví́nanyk, śurynyk, kudynyk, ṕiĺínyk, орк. ví́äĺínyk, ví́ŕínyk, oi̯ḿenék, poponék, koromonék, solodénék (солодъ).

Косв. падежъ (родительный): andumanyk, suvaftymanyk.

Отлож.: kudydynyk, орк. kšidínyk, орк. ksnaṇdénék, śukyrdynyk, jamdynyk.

Вмѣст.: kudysynyk, орк. ví́äĺísynyk, орк. ṕŕäṇsynyk (въ нашихъ умахъ), sacynyk.

Вынос.: kudystynyk, oncténék, орк. kuctynyk, ví́ŕctynyk.

Вносит.: końazynyk, kudyzynyk, sadyzynyk, źeṕezénék, орк. ví́äĺízynyk.

Пронос.: kuduvanyk, pakśavanyk, ṕŕavanyk, ṕiĺǵivanyk, sadganyk, krandazganyk.

Сравнит.: kudyškanyk.

Изъят.: sodamuftumunyk, kuduftumunyk.

Имен. мн.: ortanyk, jarmakynyk, ḱiskanyk, aťamaŕínyk, ḱeďénék, ṕiĺǵinyk, орк. śädiinyk, орк. śäĺḿinyk.

§ 145. Второе лицо множ. числа (вашъ, ваша).

Имен.: paksaŋk, modaŋk, ťaťaŋk, oi̯ḿeŋk, sodamuŋk, moχoŋk, ḱińigaŋk.

Косв. падежъ (родительный): andumaŋk.

Отлож.: kudydyŋk, skaldyŋk, alašadyŋk, орк.: aťamaŕďíŋk, koi̯ḿeďeŋk, ŕeźeďeŋk, ví́ŕďíŋk.

Вмѣст.: ṕŕeṇsépk (на умѣ у васъ), kudysyŋk.

Вынос.: kudystyŋk, kardaistyŋk, орк. kuctyŋk, onctéŋk.

Вносит.: lugazyŋk, kardyzyŋk, орк. utymyzyŋk, mešėkėzėŋk, źeṕezėŋk, boćkazyŋk, ṕŕazyŋk, veďńezėŋk, beŕekezėŋk.

Пронос.: kuduvaŋk, krandyzgaŋk.

Сравнит.: kudyškaŋk.

Изъят.: sodamuftymuŋk, ťikšyfťiḿiŋk, орк.: bojarftymyŋk, kudyftymyŋk, stražńikťiḿiŋk.

Имен. мн.: sazyryŋk, kudyŋk, орк. šäľḿiŋk, jarmakyŋk, ṕiŕiŋk.

§ 146. Третье лицо множ. числа (ихъ).

Имен.: modast, ťaťast, ružyjast, ďedast, орк. ťäẏťiŕist, орк. väľist, rodėst, ťeṽest, ejďest, sazyryst, mėľest.

Косвенный падежъ (родительный): udumast, palćimast, ťeŕďemast, sasamust, vačkamust.

Дательный: sazyrystyį, орк.: ťaťasty, äįďisty, ćorasty, ćorėńestė, starystasty, uŕadńikisty. Образуется, кажется, только отъ одушевленныхъ.

Отлож.: kudydyst, sajimadyst, pandydyst и орк. pantyst, орк. pulftyst, орк.: keťťest, ṕiľkťist, roźďest, ŕeṽeďest.

Вмѣст.: kudysyst, mėľcėst.

Вынос.: kudystyst, čistyst, орк. väľistyst, орк. utymstyst, ploščećstėst, mešėkstėst.

Вносит.: ṕŕazyst, mėľezėst, keďezėst, ṕilġizyst, čoťńazyst (въ ихъ контору), víŕizyst, bruďizyst, орк. väľizyst.

Пронос.: ťelavast, ṕiľġivast, krandazgast, veďgast, źeṕevast, víŕgast.

Сравн.: kudyškast.

Изъят.: kuduftumust, орк.: alašaftymyst, sodamyftymyst.

Имен. мн.: vaľmast, nurdyst, jarmakyst, kaŕist, skalnyst, oďežast, skalyst, ŕeṽest, kotast.

Склоненіе нѣкоторыхъ именъ личныхъ.

§ 147. Нѣкоторыя имена преимущественно родства сохранили въ отдѣльныхъ падежахъ особыя окончанія, неизвѣстныя въ

склоненіи другихъ именъ. Такъ имена родства avaṫ (твоя мать), ṫaṫaṫ (твой отецъ), paṫaṫ (твоя старшая сестра) и т. п. образуютъ въ род. (косв.) падежѣ: avaṫ, ṫaṫaṫ, paṫaṫ, suvaχaṫ, sazyryṫ, sazyrnyṫ, ľaľaṫ, mačkaṫ, baṫkaṫ; въ Оркинѣ mon v́ečksa avaṫ значитъ я люблю твою бабу, а mon v́ečksa avaṫ — я люблю твою мать; ср. тамъ же avaṫ ḳecta (у твоей матери), sodamyṫ ḳecta, aĺńiṫ ḳecta, bratyṫ ḳecta, toń ź́oraṫ čav́iź́ (твоего сына убили), toń zodamyṫ v́ečksėź́ (твоего зятя любятъ), toń ṫaṫaṫ śoṇėz (твоего отца бранили), pokš ľaľaṫ skalyś (корова старшаго брата). Въ дат. падежѣ тѣ же имена имѣютъ окончаніе ṭi̯: ṫaṫaṭi̯ (твоему отцу), avaṭi̯, suvaχaṭi̯, sazyryṭi̯. Относительно такихъ именъ родства, какъ avam (моя мать), ṫaṫam, pokščam, отмѣтимъ, что род. и дат. неопредѣленнаго склоненія: avań, afkań, ṫaṫań, pokščań, ľaľań, avańiń, paṫańiń, afkańiń, ṫaṫkańiń относятся преимущественно къ нимъ: avań и avańiń означаютъ моей матери (род.) и моей матери (дат.); mon čav́iṅe ṫaṫań (я ударилъ своего отца), mon v́ečksa (я люблю) ṫaṫań, avań, paṫań, babań, ľaľań, но mon večksa sazyrym, а не sazyryń, bratym, koźaḑkam, орк.: äḑḑim, sodamym. Замѣчательно, что при постпозиціи отъ именъ какъ avaṫ (твоя мать), ṫaṫaṫ употребляются формы ṫaṫaṫ, avaṫ, напр. ṫaṫaṫ turtuṇ, между тѣмъ какъ paṫkań, afkań, avań и т. п. замѣняются, какъ кажется, обыкновенно формами paṫkam, afkam, avam: paṫkam durtuṇ.

Склоненіе мѣстоименій.

§ 148. Указательныя мѣстоименія: ťe этотъ, śe тотъ, tona тотъ, išťama такой, ťeke этотъ же, śeke тотъ же. Отмѣтимъ еще основу ńe, означающую эти.

§ 149. Склоненіе ťe и ťeke.

	Ед. число.		Мн. число.	
Имен.	ťe	ťeke	ńe (ńeť)	ńeke
Родит.	ťeń	ťekeń	ńeń (ńeťńeń)	ńekeń

Дател.	ťeńeń	ťeḱeńeń	ńeńeń (ńeťńeńeń)	ńeḱeńeń
Отлож.	ťeda[1])	ťeḱeda[1])	ńeda (ńeťńeda)[2])	ńeḱeda[2])
Вмѣст.	ťesa	ťeḱesa	ńesa	ńeḱesa
Вынос.	ťesta	ťeḱesta	ńesta	ńeḱesta
Внос.	ťes	ťeḱes	ńes	ńeḱes
Пронос.	ťeva	ťeḱeva	ńeva	ńeḱeva
Перенос.	ťeks	ťeḱeks		ńeḱeks
Изъят.	ťeťťeḿe	ťeḱeťťeḿe	ńeťťeḿe (ńeťńeťťeḿe)	ńeḱeťťeḿe
Сравн.	ťeška	ťeḱeška	ńeška	ńeḱeška

Отъ основы ťe образуется рядъ нарѣчій, которыя можно разсматривать какъ падежныя формы этого мѣстоименія: ťesa (здѣсь), ťeda (отъ этого), ťesta (отсюда), ťesk (тутъ), ťezėń и ťezėį (сюда), ťeį (сюда, изъ ťeй̈); ťi вмѣсто ťe передъ j въ нарѣчіяхъ: ťija (по этому мѣсту), ťijak, ťijańa (то же).

§ 150. Склоненіе śe и śeḱe.

	Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	śe	śeḱe	śeť (śeťńe)	śeḱeť
Род.	śeń	śeḱeń	śeťńeń	śeḱeťńeń
Дат.	śeńeń	śeḱeńeń	śeťńeńeń	śeḱeťńeńeń
Отлож.	śeda[3])	śeḱeda[3])	śeťńeda[4])	śeḱeťńeda[4])
Вмѣст.	śesa	śeḱesa		
Вынос.	śesta	śeḱesta		
Внос.	śes	śeḱes		
Пронос.	śeva	śeḱeva		
Изъят.	śeťťeḿe	śeḱeťťeḿe		
Сравн.	śeška	śeḱeška		

Къ этой основѣ возводится рядъ нарѣчныхъ образованій: śesa (тамъ, потому), śesta (оттуда, тогда), śeks (оттого, потому), śezėń и śezėį (туда, въ извѣстное мѣсто), śesk (тотчасъ же, тутъ

1) Въ Оркинѣ ťeďä, ťeḱeďä. 2) Въ Оркинѣ ńeďä, ńeťńeďä, ńeḱeďä. 3) Въ Оркинѣ śeďä, śeḱeďä. 4) Въ Оркинѣ śeťńeďä, śeḱeťńeďä.

же). Передъ j вм. śe является śi: śija (по тому мѣсту), śijak, śijańa (тамъ же, по тому же мѣсту).

§ 151. Мѣстоименіе tona образуетъ, кажется, только падежи ед. числа: mon saińe tonań kecta; mon tonańiń gortėń; mon tonada kortėń; орк. tonaftyma ťäv́iś ploχoį (безъ него дѣло плохо). Отъ основы to образуются нарѣчныя выраженія: toų (туда), tozėń и tozėį (туда, тамъ), tosta (оттуда), tostėń (тамошній), tosk (тамъ).

§ 152. Склоненіе мѣстоименія iśťama.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	iśťama	iśťamut iśťatt
Род.	iśťamuń	iśťattnyń
Дат.	iśťamuńiń, iśťamńiń	iśťattnyńiń
Отлож.	iśťam(u)da	iśťattnyda
Вмѣст.	iśťam(u)sa	
Выносит.	iśťam(u)sta	
Вносит.	iśťam(u)s	
Пронос.	iśťamuva iśťamga	
Перенос.	iśťam(u)ks	
Изъят.	iśťamuftuma iśťamtuma	[(iśťaškat)
Сравн.	iśťamuška iśťamška (iśťaška)	iśťamuškat iśťamškat

Это мѣстоименіе можетъ принимать и окончанія опредѣленнаго склоненія: iśťamuś, iśťamuńť.

§ 153. Относительныя и вопросительныя мѣстоименія: ki (кто), kona (который), kodama (какой), końďama (какой, подобный), ńeźe (что).

§ 154. Склоненіе ki.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	ki или kije	kiť и kiťńe
Род.	kiń	kiťńiń
Дат.	kińiń	kiťńińiń
Отлож.	kida[1])	kiťńida[2])

1) Въ Оркинѣ ḱidä. 2) Въ Оркинѣ ḱiťńidä.

Вмѣст.	kisa
Вынос.	kista
Внос.	kis
Пронос.	kiva
Перенос.	kiks
Изъят.	kiťťiṁe

§ 155. Мѣстоименіе kona склоняется какъ tona; во множ. konat и konaťńe, konaťńiń, konaťńińiń, konaťńida, konaťńiťťiṁe. Отъ основы ko образуются нарѣчныя выраженія: kozėį и kozėń (куда), kosta (откуда), kosa (гдѣ), koda (какъ); ko передъ v переходитъ въ ku: kuva (гдѣ, по какому мѣсту). Мѣстоименія kodama и końďama склоняются какъ iśťama: kodamuńiń и kodamńiń, kodamuva и kodamga, kodamuška и kodamška (kodaška), kodamutt и kodatt, kodamuťńiń и kodattnyń.

§ 156. Склоненіе ṁeźe (орк. ṁäźä).

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	ṁeźe	ṁeśť, ṁeśńe
Род.	ṁeźeń, ṁeń	ṁeśńeń
Дат.	ṁeźeńeń, ṁeźńeń	ṁeśńeńeń
Отлож.	ṁeźda [1])	ṁeśńeda [2])
Вмѣст.	ṁeįsa	
Вынос.	ṁeįsta	
Внос.	ṁeįs, ṁeįś	
Пронос.	ṁeźga	
Перенос.	ṁeźeks	
Изъят.	ṁeźeťťeṁe, ṁeśťeṁe	
Сравн.	ṁeźeška, ṁeįška	

Ṁeśťeįńat, ṁeśťeįńe вмѣсто ṁeśť ťeįńat, ṁeśť ťeįńe. Отъ основы ṁe образуются нарѣчія: ṁeks (почему), ńeṁezda и ńeṁeźďe (нечего), ṁeįźbuťi (зачѣмъ то), ṁeźeń (отчего), ṁeń (что за).

1) Въ Оркинѣ ṁäźďä и также частью и въ Сухомъ Карбулакѣ: ṁeźďe.
2) Въ Оркинѣ ṁeśńeďä.

§ 157. Отрицательное kijak (никто) склоняется какъ ki съ присоединеніемъ частицы gak (jak): kiŋgak, kiŋiŋgak, kidyjak, kikskak, kivajak, kiťkak и т. д.

§ 158. Склоненіе ʼveśe (всѣ).

Им.	ʼveśe, ʼveśeḿe
Род.	ʼveśeń, ʼveśeḿeń
Дат.	ʼveśeńeń, ʼveśeḿeńeń
Отлож.	ʼveśeda, ʼveśeḿeda [1])
Вмѣст.	
Вынос.	ʼveśesta, ʼveśeḿesta
Внос.	ʼveśes, ʼveśeḿes
Пронос.	ʼveśeva, ʼveśeḿeva
Изъят.	ʼveśeťteḿe, ʼveśeḿeťteḿe
Сравн.	ʼveśeška, ʼveśeḿeška

§ 159. Слово ḿiŋiśćuna означаетъ всякую всячину, всякое; ср. ḿiŋidy ćunyda kandyť, ḿiŋiks ćunyks (всячески); ḿiŋiŋ ʒunyŋ имѣетъ значеніе прилагательнаго: ḿiŋiŋ ʒunyŋ źŕaṕńat (всяческія кушанья), ḿiŋiŋ ʒunyŋ vajǵiľca, suvaśť ḿiŋiŋʒunyŋ lomatť; въ дат. ḿiŋiŋ ʒunyńiŋ, во множ. ḿiŋiŋ ʒunyt.

§ 160. Личныя мѣстоименія: mon (я), ton (ты), son (онъ), ḿiŋ (мы), tyŋ (вы), syŋ (они). Формы, сложенныя съ мѣстоименіемъ eś (самъ) — moŋć, toŋć, soŋć, ḿiŋć, tyŋć, syŋć означаютъ я самъ, ты самъ, они сами и т. д. Род. moŋćeń вм. moŋ eśeń, дат. moŋćťaŋ вм. moŋ eśťaŋ, отлож. moŋćťedėn вм. moŋ eśťedėn и т. д. Гласная e вмѣсто i въ сухокарб.: ḿiŋďedénėk, ḿiŋćťeḿenėk, tyŋďedėŋk, tyŋćťeḿeŋk, syŋďedėst, syŋćťeḿest являются подъ вліяніемъ moŋďedėn, moŋćťedėn, toŋćťeḿet, soŋćťeḿenʒa; въ Оркинѣ удерживается i: ḿiŋďiďiŋiḱ, tyŋďiďiŋk, syŋćťiḿist и т. д. Замѣчательно, что въ Оркинѣ вмѣсто -nėk, -ŋk въ склоненіи ḿiŋ и tyŋ являются -ńiḱ, -ńk: ḿiŋďiďiŋiḱ, tyŋďiďiŋk. Въ дат. ед. вмѣсто moŋaŋ, toŋať, soŋanʒa употребляются и формы ťeŋ, ťeť, ťenʒa (орк.: ťäŋ, ťäť, ťänʒa), а вмѣсто ḿiŋaŋiḱ, tyŋaŋk, syŋast—

1) Въ Оркинѣ: ʼveśeďä, ʼveśeḿeďä.

ťeńeǩ, ťeŋǩ, ťest (орк. ťäńiǩ, ťäŋǩ, täst). Вмѣсто mońć, ḿińć, tyńć, syńć говорятъ и mon mońć, ḿiń ḿińć, tyń dyńć, syń zyńć и т. д.

§ 161. Склоненіе mon, mońć и ḿiń, ḿińć.

Им. ед.	mon	mońć
Род.	moń	mońćeń
Дат.	mońań, mońďań (ťeń)	mońćťań
Отлож.	mońďedėn [1])	mońćťedėn [1])
Изъят.		mońćťeḿen
Им. мн.	ḿiń	ḿińć
Род.	ḿińiǩ	ḿińćińiǩ
Дат.	ḿińańiǩ, ḿińďańiǩ (ťeńeǩ)	ḿińćťańiǩ
Отлож.	ḿińďedėnėk [2])	ḿińćťedėnėk [2])
Изъят.		ḿińćťeḿenėk

§ 162. Склоненіе ton, tońć и tyń, tyńć.

Им.	ton	tońć
Род.	toń	tońćeť
Дат.	tońať, tońďať (ťeť)	tońćťať
Отлож.	tońďedėt [3])	tońćťedėt [3])
Изъят.		tońćťeḿet
Им.	tyń	tyńć
Род.	tyŋǩ	tyńćiŋǩ
Дат.	tyńaŋk, tyńďaŋk (ťeŋǩ)	tyńćťaŋk
Отлож.	tyńďedėŋk [4])	tyńćťedėŋk [4])
Изъят.		tyńćťeḿeŋk

§ 163. Склоненіе son, sońć и syń, syńć.

Им.	son	sońć
Род.	sonza	sońćenza
Дат.	sońanza, sońďanza (ťenza)	soućťanza
Отлож.	sońďedėnza [5])	sońćťedėnza [5])
Изъят.		sońćťeḿenza

1) Въ Оркинѣ mondeden, moncteden. 2) Въ Оркинѣ mindidinik, minctidinik. 3) Въ Оркинѣ tondedet, tonctedet. 4) Въ Оркинѣ tyndidiŋk, tynctidiŋk. 5) Въ Оркинѣ sondedenza, sonctedenza.

Им.	syń	syńć
Род.	synct	syńćist
Дат.	syńast, syńďast (ťest)	syńćťast
Отлож.	syńďedėst [1])	syńćťedėst [1])
Изъят.		syńćťeḿest

§ 164. Недостающіе падежи отъ мѣстоименій личныхъ образуются посредствомъ постпозиціи съ наръчіями ejsa (вмѣст. пад.), ejsta (вынос.), ejs (внос.), ezga (пронос.); итакъ: moń ejsa, toń ejsta, sonza ejs; ḿińiḱ, tynḱ, synct ezga.

§ 166. Возвратное мѣстоименіе образуется отъ основы eś (орк. äś), чередующейся съ ejs (которое явилось вмѣсто eś въ падежахъ съ окончаніемъ на s). Приведу формы склоненія возвратнаго мѣстоименія.

1-е л. ед.

Род.	esėn, ejsėn
Дат.	eśťań
Отлож.	estėn, ejstėn; eśťedėn, ejstėdėn
Вмѣст.	ejsėn, esėn
Вынос.	estėn, ejstėn
Внос.	ezėn
Пронос.	ezgan
Изъят.	eśťeḿen

2-е л. ед.

Род.	esėt, ejsėt
Дат.	eśťat
Отлож.	estėt, ejstėt; eśťedėt, ejstėdėt
Вмѣст.	ejsėt, esėt
Вынос.	estėt, ejstėt
Внос.	ezėt
Пронос.	ezgat
Изъят.	eśťeḿet

1) Въ Оркинѣ syndidist, synctidist.

3-е л. ед.

Род.	eś, esėnʒa, ęjsėnʒa
Дат.	eśťanʒa
Отлож.	estėnʒa, ęjstėnʒa; eśťedėnʒa, ęjstėdėnʒa
Вмѣст.	ęjsėnʒa, esėnʒa
Вынос.	estėnʒa, ęjstėnʒa
Внос.	ezėnʒa
Пронос.	ezganʒa
Изъят.	eśťeḿenʒa

1-е л. мн.

Род.	esėnėk, ęjsėnėk
Дат.	eśťańik
Отлож.	estėnėk, ęjstėnėk; eśťedėnėk, ęjstėdėnėk
Вмѣст.	ęjsėnėk, esėnėk
Вынос.	ęjstėnėk, estėnėk
Внос.	ezėnėk
Пронос.	ezganyk
Изъят.	eśťeḿenėk

2-е л. мн.

Род.	esėŋk, ęjsėŋk
Дат.	eśťaŋk
Отлож.	estėŋk, ęjstėŋk; eśťedėŋk, ęjstėdėŋk
Вмѣст.	ęjsėŋk, esėŋk
Вынос.	ęjstėŋk, estėŋk
Внос.	ezėŋk
Пронос.	ezgaŋk
Изъят.	eśťeḿeŋk

3-е л. мн.

Род.	esėst, ẹjsėst
Дат.	eśťast
Отлож.	estėst, ẹjstėst; eśťedėst, ẹjstėdėst
Вмѣст.	ẹjsėst, esėst
Вынос.	ẹjstėst, estėst
Внос.	ezėst
Пронос.	ezgast
Изъят.	eśťeḿest

Въ Оркинѣ: äjsyn, äjśťań, äjstyn (отлож.), äjsyn (вмѣст.), äźgan и äśkan (пронос.); äjzyt (внос.), äźgat и äśkat (пронос.); äjsynza (вмѣст.), äjzynza (внос.), äźganza и äśkanza (пронос.); äjstynyk (отлож.), äjzynyk (внос.), äjsynyk (родит.), äjsyst (родит.), äjzyst (внос.).

§ 166. Въ соединеніи съ предлогами и нарѣчіями личныя мѣстоименія подвергаются постпозиціи. При этомъ 1-е лицо ед. опредѣляется въ разныхъ падежахъ окончаніями -n, -syn, -styn -zyn, -gan (-kan): martyn (со мной), ikiľin (передъ меня), laŋksyn (надо мной), karčyn (противъ меня), kuvalman (мимо меня), laŋkstyn (съ меня), laŋgyzyn (на меня), vaksyzyn (около меня), malazyn (близко ко мнѣ), ḿeľgan (за мной), krugomgan (вокругъ меня), vakskan (около меня). 2-е лицо опредѣляется окончаніями -t, -syt, -styt, -zyt, -gat (-kat): martyt, alyt (подъ тебя), kuvalmut (вдоль тебя), laŋksyt, laŋkstyt, vakzyzyt, ḿeľgat, ṕŕazyt (тебѣ на голову), pačkat (сквозь тебя), ṕeŕkat (вокругъ тебя), vakskat (около тебя). 3-е лицо опредѣляется окончаніями -nza, -dynza, -synza, -stynza, -zynza, -ganza (-kanza): ṕeľďenza (съ него), kisynza (у него), kecénza (у него), laŋksynza, vidïzynza (до него), malazynza, langanza, pačkanza. 1-е л. мн. ч. опредѣляется окончаніями -nyk, -dynyk, -synyk, -stynyk, -zynyk, -ganyk: aldynyk (изъ подъ насъ), martynyk, vaksyzynyk. 2-е л. мн. опредѣляется окончаніями -ŋk, -dyŋk, -syŋk, -styŋk, -zyŋk, -gaŋk:

martyŋk, jutkstyŋk (между вами). 3-е л. мн. ч. опредѣляется окончаніями -st, -dyst, -syst, -styst, -zyst, -gast: martyst, karčyst, ƙectėst (отъ нихъ), langyzyst (на нихъ), ƙeďezėst (имъ въ руки), ʼvidʼizyst (до нихъ), ʼveʼlkskast (черезъ нихъ), langast (по нихъ), vakskast (рядомъ съ ними), vaksyzyst.

Передъ такими нарѣчными выраженіями употребляется eś, вносящее возвратное значеніе: eś langyzyn (на меня), eś kisyn (для меня), eś ʼmeʼlganʒa (за нимъ), eś pʼranʒa (самого себя), eś laŋkstyst (съ себя), eś jutkuvast (между собой), eś pačkanʒa (про себя), eś ekšezėn (за себя), орк. mon äś pʼram šʼlasa, mon äś äjstyn duman, äś ƙecėn (у меня въ рукахъ).

§ 167. Притяжательныя личныя мѣстоименія могутъ склоняться въ опредѣленной формѣ, образуясь частью отъ основы, тождественной съ формой род. пад. личныхъ мѣстоименій: sonʒėś (его), и далѣе: sonʒėńťʼ, sonʒėńťeń, sonʒėvańťʼ и т. д., во мн.: sonʒėťʼńe, sonʒėťʼńeda; synctyś (ихъ), и далѣе: synctyńťʼ, synctyńťʼiń, synctyńťʼ (вынос.), synctyńťʼ (отлож.), syncsyńťʼ (вмѣст.), śynctʼiʼmińťʼ (изъят.), synčkańťʼ (сравн.), множ.: syncnė, syncnyń, syncnyńiń, syncnyda; ʼmińikiś (нашъ), и далѣе: ʼmińikiʼmťʼ, ʼmińikstyńťʼ, ʼmińiksyńťʼ, ʼmińikʼtiʼmińťʼ, во множ.: ʼmińikʼńe, ʼmińikʼńińiń, ʼmińikʼńida; ʼmiń-ćiʼńikiś, и далѣе: ʼmińćiʼńikʼńe (множ.); tyŋkiś (вашъ), и далѣе: tyŋkiʼmťʼ, tyŋkstyńťʼ, tyŋksyńťʼ, tyŋkʼtiʼmińťʼ, tyŋkškańťʼ. Кромѣ этихъ образованій извѣстны и другія. Отъ mon — mońekeś и mońekś, и далѣе: mońekeńťʼ, mońektėńťʼ, mońekstėńťʼ, mońekʼteʼmeńťʼ, mońekkańťʼ, ʼmońekškańťʼ, во множ. mońekʼńe; также еще: moćeś и далѣе: moćeńťʼ, moćeńťeń; еще moćeťeś, и далѣе: moćeťeńťʼ, moćeťeńťeń. Отъ ton — tońekeś и tońekś, и далѣе: tońekeńťʼ, во мн. tońekʼńe, еще toćeś и toćťeś, и далѣе ťoćeńťʼ и toćeťeńťʼ. Отъ tyń образуется еще tyńikiś, и далѣе tyńikiʼmťʼ, tyńikstyńťʼ, tyńiksyńťʼ, tyńikʼtiʼmińťʼ, tyńikškańťʼ.

§ 168. Въ соединеніи съ опредѣленными существительными и частью съ личными мѣстоименіями предлоги подвергаются постпозиціи. Сами предлоги получаютъ тѣ или иныя падежныя окончанія. Обороты съ предлогами замѣняютъ во многихъ случаяхъ

падежныя формы. Назову наиболѣе употребительные предлоги, отмѣтивъ, что предшествующія имъ существительныя употребляются какъ въ формѣ имен., такъ и родительнаго падежа; послѣдній, кажется, обязателенъ въ опредѣленномъ склоненіи.

ala, alda, aluu̯, alga (подъ, исподъ, внизъ, по): šadyška deśatina ʼveľeńť ala (около ста десятинъ подъ деревней), mon ľišiń olkńeń alda (я вылѣзъ изъ подъ соломы), madʼiń grandaz aluu̯ (я легъ подъ телѣгу), utkaś jaki eźeń alga (утка ходитъ подъ скамейкой).

boka, bokas (у, при): ki bokas eľdi vašyjaś (у дороги ожеребилась кобыла).

baška (за, сзади): kudydyńť baška aščі ʼviška kardyńe (за домомъ находится небольшой дворикъ).

čiŕisa, čiŕis, čiŕiva (на берегу, на край, по краю): ľiťťaś latkyńť čiŕis (онъ полетѣлъ на край оврага), moľć-moľć ʼviŕińť čiŕiva (шелъ-шелъ по краю лѣса), ʼveď ǯiŕisa ṕiva ṕidiť (на берегу рѣки варятъ пиво).

eu̯sa (при помощи, съ), eu̯sta (изъ, отъ): pščidʼiź alašaťńiń eu̯sa (сжали народъ лошадьми), ćeŕkovańť eu̯sta (изъ церкви).

ekšsa, ekšs (за): aščiť stoľekšsa (сидятъ за столомъ), oi̯śešť stoľekšs obedama (сѣли за столъ обѣдать).

iki̯ľe, iki̯ľiu̯, iki̯ľde (спереди, напереди): uprava iki̯ľiu̯ targaśť pokš skaṅja (передъ управу вытащили большую скамейку), ľišš ʼveśeńedy iki̯ľi (вышелъ раньше всѣхъ).

jutksa, jutksta, jutkuva (между): aťaťńiń jutksa uńńiś (былъ между стариками), varče eś narodėnza jutksta (онъ наблюдаетъ свой народъ), javiźe ʼveśe modanza... kafta sodamunza jutkuva (онъ раздѣлилъ всю землю между двумя своими зятьями).

karča (противъ): od godėń garča (наканунѣ новаго года). Кажется, всегда съ родительнымъ.

ki̯sa, ki̯s (ради): tošna saiźi koźai̯kanzy ki̯sa (скучно стало ему по женѣ), pravdańť ki̯s soslaľi (сослали за правду).

ki̯eca, ki̯ecta (у, отъ): moń ǵeca (у меня), pastuy̯uń ki̯ecta (отъ пастуха). Кажется, всегда съ родительнымъ.

kuvalt, kuvalma (вдоль, по): ardan uĺćaĺ guvalt (скачу вдоль улицы), ʹveďeń guvalma (вдоль рѣки).

kunčkasa, kunčkas, kunčkasta, kunčkava (въ серединѣ, въ середину, изъ середины, посреди): purnyź uĺća kunčkas (собрали на середину улицы), ked' gunčkasa čoŋśeńʒe (потерла на ладони), vastyźe kńaźińť uĺća kunčkasta (встрѣтилъ князя посреди улицы), ʹveń gunčkava (среди ночи).

laŋga, laŋksa, laŋksta, laŋks (на, по, съ, за): jaǩiń oχotama moŕa ǩeŕeǩ laŋga (я ходилъ охотиться на берегу моря), panda laŋksa (подъ горой), valkś ṕećka laŋksta (слѣзъ съ печки), ĺiśiť orta laŋks (выйдутъ за ворота).

laca (какъ, наподобіе): kuky lacy kukyrdė (кукуетъ какъ кукушка).

malasa, malas, malaŋ (близъ): ʹveĺeńť malasa (близъ села), a ńeį ṕeĺeʹve malaŋ (а теперь близъ полночи).

ḿeĺga (за): tuś moń ḿeĺga (онъ пошелъ за мной).

marta (съ): sunduk jarmak marta (сундукъ съ деньгами).

ṕesa, ṕesta, ṕes, ṕeŋ, ṕeva (въ концѣ, въ конецъ): sėď ǩesa (въ концѣ моста), ʹveŕe ṕesta ala ṕeŋ̈ (съ верхняго конца на нижній), ʹveĺeńť ṕeva čudi ʹveďńe (по концу села течетъ рѣчка).

poca, poc (подъ): olgy poca (въ соломѣ), ǩekšť polog ǩoc (спрячься подъ пологъ).

ṕeĺe, ṕeĺďe, ṕeĺga, ṕeĺeŋ̈ (сзади, въ сторонѣ, въ сторону): śukuńiť kudy ṕeĺeŋ̈ (кланяются въ сторону дома), saįsyź kafty ṕeĺďe (его взяли съ двухъ сторонъ), paŕamak koḿeĺ ṕeĺďe (вспарь меня комлемъ), Alatyr ǩeĺeŋ̈ (въ сторону Алатыря).

pačk (сквозь): ṕejeń ǩačk oťʹveče (отвѣчаетъ сквозь зубы).

ṕŕa, ṕŕas, ṕŕasa, ṕŕaŋ (на, у): ʹve keďezy eźeḿ ǩŕasa (одна рука его на скамейкѣ), valgan mon okoĺća ṕŕas (я слѣзу у околицы), jutaś eźeḿ ǩŕaŋ.

potmakss (внизь, внутрь): krandaz ǩotmakss kaiŋk (бросьте въ телѣгу).

ṕeŕť, ṕeŕka (со всѣхъ сторонъ): ńeďĺań ǩeŕť (всю недѣлю), śe

kaŕksyś ve̮śi eŕʒań mastyryńť pe̮ŕka satyć (эта бечевка охватила всю вокругъ мордовскую землю),

troks (черезъ): pokš pakśań droks (черезъ большое поле).

tarka, tarkasa, tarkas (въ разстояніи, вмѣсто): ke̮ve̮teje vaj-ǵilʲbeń darkasa Arčiloṇdéńť ašči ve̮le̮ (въ разстояніи 25 верстъ отъ Арчилова находится село), kopnańť tarkas purnyť moda kućińe (вмѣсто копны собираютъ кучу земли).

turtuṇ (къ): ńe̮ŕe̮ť ťaťast turtuṇ (говорятъ ихъ отцу), saśť rodèst turtuṇ (пришли къ родственникамъ).

udala, udaluṇ (за): ašči ke̮ŋkš udala (стоитъ за дверью), moľć ať́ańť udaluṇ (пошелъ за старикомъ).

ve̮ŕe̮, ve̮ŕga (выше): karksamdy ve̮ŕga ušys kadumak (оставь меня наружу повыше пояса).

ve̮ľde (черезъ): piksyńť ve̮ľďe valǵiń (я влѣзъ по веревкѣ).

vakssa, vakss, vaksḱa (близъ, около, объ): mastyr vakss vačkiďiť (ударь ихъ о землю), ńińik mastyryńť vakssa uľńiś ruzyń mastyr (близъ нашей земли была русская земля), moľe durakyś viŕ vaksḱa (идетъ дуракъ близъ лѣса).

viďisa, viďis, viďga, vic (до, черезъ, по): karksam viďis śukuńaś (поклонился по поясъ), karksamńi viďga śukuńaś (поклонился по самый поясокъ), lomań viďisa pŕast ťŕiť (они кормятъ себя благодаря людямъ).

Спряженіе глагола.

Спряженіе неопредѣленное (безъ опредѣленнаго объекта).

§ 169. *Личныя окончанія неопредѣленнаго спряженія.* Времена настоящее и прошедшее имѣютъ какъ будто разныя окончанія, возводящіяся однако къ слѣдующимъ:

1-е лицо ед. оканчивается на -n, которое въ прошедшемъ времени, подъ вліяніемъ предшествующаго j (въ дифтонгѣ aj, αj, ɛj), переходитъ въ -ń: наст. вр. stan, karman, ľeďan; прош. styń, karńiń, ľeďeń.

1-е лицо мн. оканчивается на -nɑ̈k, а въ прошедшемъ, подъ вліяніемъ предшествующаго i̯, -nɑ̈k перешло въ -nɛ̈k. Въ сухокарб. говорѣ -nɑ̈k измѣнялось при извѣстныхъ условіяхъ въ -nɑ̈, откуда, согласно § 101, -na. Чередованіе -na и -nyk (изъ -nɑ̈k) вызывало -nak вм. -nyk. Наст. вр. stata-nak, stata-na; karmata-nak, karmatana; ľeťťanak, ľeťťana; прош. вр. styńik, karḿińik, ľeďeńek.

2-е лицо ед. оканчивается на -t, которое въ прошедшемъ времени, подъ вліяніемъ предшествующаго i̯, переходитъ въ ť: наст. вр. stat, karmat, ľeďat; прош. styť, karḿiť, ľeďeť.

2-е лицо мн. оканчивается на -da, которое въ прошедшемъ времени, подъ вліяніемъ предшествующаго i̯, переходитъ въ ďe: наст. stata-da, karmata-da, ľeťťa-da; прош. styďe, karḿiďe, ľeďeďe.

3-е лицо ед. ни въ настоящемъ вр., ни въ прошедшемъ не имѣетъ окончанія: въ настоящемъ оно оканчивается на дифтонгъ ai̯, ɑi̯, ɛi̯, откуда yi̯, ii̯ (y, i, e), а въ прошедшемъ на ś. Наст. sty, karḿe, ľeďe; прош. staś, karmaś, ľeć.

3-е лицо мн. образуется изъ формы 3 л. ед. посредствомъ прибавленія t (ť), т. е. окончанія мн. числа: наст. вр. styť, karḿiť, ľeďeť; прош. staśť, karmaśť, ľećť.

Окончанія наст. вр. изъявительнаго наклоненія -n, -na, -t, -da находимъ и въ желательномъ наклоненіи наст. вр.: ramaza-n, ramasta-na; ramaza-t, ramasta-da—и въ условномъ наклоненіи наст. вр.: ramańďaŕa-n, ramańďaŕa-t, ramańďaŕata-na, ramańďaŕata-da; 3-е л. ед. представляетъ основу, а 3-е л. мн. основу + окончаніе t (ť): ramaza (вм. ramazɑ̈), ramast (изъ ramazɑ̈t); ramańďaŕai̯, ramańďaŕai̯ť. Также находимъ окончаніе -da въ повелит. накл.; 2 л. мн.: sa-da, korta-da, moľe-da, ľeďe-da.

Примѣчаніе. -da во 2 л. мн. повел. отъ основъ на переднюю гласную въ сухокарб. и оркинскомъ говорахъ замѣнило -ďe другихъ говоровъ, подъ вліяніемъ -da въ основахъ на гласную задняго ряда.

Окончанія изъяв. прош. вр. -ń, -ńiḱ (-ńeḱ), -ť, -ďe находимъ въ желат. прош. вр.: kapšaksyľi-ń, kapšaksyľi-ńiḱ, kapšaksyľi-ť, kapšaksyľi-ďe; и въ сосл. прош. вр. kapšaľi-ń (орк. kapšaʊľiń), kapšaľi-ť, kapšaľi-ńiḱ, kapšaľi-ďe. 3-е л. ед. представляетъ основу, а 3-е л. мн. основу + окончаніе ť: kapšaksyľ, kapšaksyľť; kapšaľ (орк. kapšavyľ), kapšaľť.

Къ личнымъ окончаніямъ неопредѣленнаго спряженія принадлежитъ еще окончаніе 2 л. ед. пов. k (ḱ), которое послѣ согласныхъ переходитъ въ t (ť): sak, kortak, piďiḱ; vant, meŕť, moľť.

§ 170. *Основа изъявительнаго наклоненія наст. времени и спряженіе ея.* Основа наст. времени является производной по отношенію къ основѣ другихъ глагольныхъ формъ. Въ спряженіи настоящаго времени различаются три основы: 1) основа на -a для образованія 1-го и 2-го л. ед.; передъ этимъ a исчезаютъ гласныя окончанія глагольной основы; мягкость предшествующей окончанію язычной согласной сохраняется (кромѣ однако отвердѣвшихъ š, ž), мягкость предшествующей губной и средненёбной исчезаетъ, при чемъ средненёбныя переходятъ въ задненёбныя: korta, korta-a-n, kortan; suskɑ (suskums), suskɑ-a-n, suskan; ľeďɛ (ľeďems), ľeďɛ-a-n, ľeďan; śiḿɛ (śiḿims), śiḿɛ-a-n, śiman.

2) Основа на -ta для образованія 1 и 2 л. мн.; ta приставляется къ глагольной основѣ, которая при благопріятныхъ условіяхъ (отсутствіи сложной группы согласныхъ) утрачиваетъ свое окончаніе, если оно восходитъ къ ɑ, ɛ, а иначе сохраняетъ его: korta-, korta-ta-na; suskɑ-, suskɑ-ta-na, susktana; kraśa-, kraśatana; vanɑ vantana; loun̥ɑ-, loun̥ėtada; tukšnɑ-, tukšnytana. Въ положеніи за окончаніемъ ɛ (e, i) основы, ta переходитъ въ ťa: ťejɛ, ťejɛ-ťa-na, ťejťana; ľedɛ, ľeďɛťana, ľeťťana; kanľi- kanľiťana.

Примѣчаніе. Въ сухокарбулацкомъ говорѣ ta (ťa) удерживается и послѣ r, l, m, n, u̯, i̯, тогда какъ во многихъ говорахъ вмѣсто ta (ťa) въ такомъ положеніи является da (ďa): сухокарб. valtana, орк. valdana; сухокарб. čaftada, орк. čaʊdada; сухокарб. ťejťana, орк. ťäjďana; сухокарб.

śiṁťana, орк. śiṁďana. Неясно, почему въ Оркинѣ иногда удерживается t, напр. въ vantana, kämťada, pańťana.

3) Основа на ̯i для 3 л. ед. и мн. Въ соединеніи съ предшествующими a, ɑ, ɛ ̯i образуетъ дифтонги ɑ̯i, ɛ̯i, при чемъ губныя и задненёбныя передъ ɑ переходятъ въ мягкія губныя и мягкія средненёбныя. Не въ концѣ слова (въ 3 л. мн. передъ окончаніемъ t́) ɑ̯i, ɛ̯i стянулись въ ɑ, ɛ (съ дальнѣйшими ихъ измѣненіями), а въ концѣ слова они перешли въ ŭ̯i, ĭ̯i, откуда u, i (а передъ паузой ė, e): korta-̯i, korta-̯i-t́—kortɑ̯i, kortɑ̯it́—kortŭ̯i, kortɑt́ — kortė, kortėt́; palaɨ — palė, sokaɨ — soke, ramaɨt́ — raṁiť.

§ 171. *Образцы спряженія настоящаго времени изъявительнаго наклоненія.*

Основы на a.

palan	kortan	raman	sokan
palat	kortat	ramat	sokat
palė	kortė	raṁe	soke
palatana(k)	kortatana(k)	ramatana(k)	sokatana(k)
palatada	kortatada	ramatada	sokatada
palyt́	kortėt́	raṁiť	sokeť

Основы на ɑ.

maksan	loṷnan	suskan	čavan
maksat	loṷnat	suskat	čavat
maksė	loṷnė	suske	čave
makstana(k)	loṷnėtana(k)	susktana(k)	čaftana(k)
makstada	loṷnėtada	susktada	čaftada
maksyt́	loṷnėt́	suskiť	čaviť

Основы на ɛ.

kaɨśan	ťeɨńan	v́ečkan	śiman
kaɨśat	ťeɨńat	v́ečkat	śimat
kaɨśe	ťeɨńe	v́ečke	śiṁe

kaįśiťana(k)	ťejńeťana(k)	v́ečkťana(k)	śiṁťana(k)
kaįśiťada	ťejńeťada	v́ečkťada	śiṁťada
kaįśiť	ťejńeť	v́ečkeť	śiṁiť

Замѣчанія къ 1-му образцу. Такъ же спрягаются основы на a съ предшествующею мягкою согласною: kraśan, kraśatada, kraśe, kraśiť; oťv́ečan; srojan.

Изъ основы на a только jarca можетъ опускать a передъ окончаніями tada, tana: jarctana при jarcatana.

Замѣчанія ко 2-му образцу. Не выпускаютъ гласной α въ окончаніи основы только основы на nα, если этому n предшествуетъ другая согласная, иногда также если ему предшествуетъ гласная: tukšnytana, kuńćikšnytada, kulcynytada (но vantana). Также udytana, kulytana, śudytana (клянемъ). Ср. kandα: kantana; eńaldα: eńaltada (вы выспрашиваете); oŋgα: oŋktada (вы лаете).

Замѣчанія къ 3-му образцу. Не выпускаютъ гласной ε въ окончаніи основы основы на ńε, если согласной ń предшествуетъ другая согласная: ťejńeťana, v́ešńeťana, śeźńeťana, arťńiťada, čijńiťada. Также основы на śe съ предшествующей согласной: jumśiťada, uskśiťada,—основы на ćε, čε съ предшествующею согласной: kuńćiťada, mańčiťada, aščiťada. Также v́idiťana. Ср. орк. ṕąįďε: ṕąįťťana (мы смѣемся), сухокарб. maďε: maťťana (мы ложимся), ṕeįeŕε: ṕeįeŕťana (мы попадаемъ); séŕeďε: séŕeťťana (мы хвораемъ). Въ § 21 было указано на выпаденіе į въ положеніи послѣ u, послѣ чего ťa переходитъ въ ta: nutana, nutada. Вм. aįε является aį (saįťana) и aįi или ai (skokaiťana). Въ орк. при ńejďada, ńeįďana отъ ńejems (смотрѣть) употребляется и ńeťana, ńeťada.

Замѣчанія ко всѣмъ тремъ образцамъ. Чередованіе гласныхъ y, ė съ гласными i, e въ 3 л. ед. и мн. зависитъ отъ того, предшествуетъ ли имъ твердая язычная или задненёбная, губная, мягкая язычная: valyt, ardyt, purnyt, ozėt, joftė, jutė, но lakė, targė, puv́e, taṕiť, nav́iť, śalgiť, nuŕgiť, jav́iť, purnav́iť, kepeďet, uľiť. Чередованіе y, i съ гласными ė, e въ 3 л. мн. зависитъ отъ гласной предшествующаго слога: если гласная эта a, i, u, y, въ

Оркинѣ еще ä, то окончаніе является въ видѣ yť, iť, если же гласная e, o, то — ėť, eť: kundyť, salyť, ṕŕašnyť, śulṁiť, kučiť, ṕiцcyť, ľišiť, ṕidïť, но kodėť, morėť, orčeť, oběděť, provožėť, śoцnėť, toŋ-ǵeť, ńejeť, śeŕǵeďet, veŕeďeṁeť, kašmoľeť; оркинск. äŕiť, käŕiť.

§ 172. *Желательное наклоненіе настоящаго времени.* Формы спряженія принадлежатъ къ тремъ основамъ: 1) основа для 3 л. ед. на -zα (въ концѣ слова za), которое присоединяется къ глагольной основѣ: ramaza, uľiza, večkeza, śupalgadyza, loцnėza, čaŋgyďiza, орк. mon karman Veŕepazyńť prośiť, štoby panaryś stavyza (я начну просить Всевышняго, чтобы рубашка сшилась); 3 л. мн. образуется посредствомъ присоединенія t къ формѣ 3 л. ед.: zαt переходитъ вслѣдствіе выпаденія α въ zt — st: ramast, vidïst, ľišist, morast, kasyst, čačist, lounėst; орк. mon χoču, štoby śyń udyst (*я хочу, чтобы они спали*).

2) основа на -za для 1-го и 2 л. ед., которая образуется черезъ присоединеніе основы на -a- (ср. эту основу въ наст. вр. изъяв.) къ основѣ на zα (3 л. ед.): ramazan, kandyzan, ťejezat, tцjizat.

3) основа на -sta для 1-го и 2 л. мн., которая образовалась черезъ присоединеніе основы на -ta- (ср. эту основу въ наст. вр.) къ основѣ на zα (3 л. ед.): zαta перешло въ sta послѣ выпаденія α: turistata, morastada, karmastana, орк. mon oznan, štoby tyń uistada tona bokaц (*я прошу, чтобы вы переплыли на тотъ бокъ*); saistana.

ramazan	uľizan	moľezan	kandyzan
ramazat	uľizat	moľezat	kandyzat
ramaza	uľiza	moľeza	kandyza
ramastana	uľistana	moľestana	kandystana
ramastada	uľistada	moľestada	kandystada
ramast	uľist	moľest	kandyst

§ 173. *Условное наклоненіе настоящаго времени* образуется посредствомъ присоединенія слоговъ ďaŕa къ глагольной основѣ, обосложненной окончаніемъ -ń (вѣроятно, къ причастію наст. вр.).

Въ спряженіи тѣ же три основы, что въ спряженіи изъяв. наклоненія: 1) основа на -a- для 1 и 2 л. ед.: ramańďaŕan, kulyńďaŕat; 2) основа на -ta- для 1 и 2 л. мн.: sańďaŕatana, ramańďaŕatada; 3) основа на ị для 3 л. ед., отъ которой образуется и 3 л. мн. посредствомъ окончанія ť: sańďaŕaị, kasyńďaŕaịť, keŕaŕińďaŕaịť (неясно, почему aị не стянулось въ ɛ).

ramańďaŕan	kulyńďaŕan	śiḿińďaŕan
ramańďaŕat	kulyńďaŕat	śiḿińďaŕat
ramańďaŕaị	kulyńďaŕaị	śiḿińďaŕaị
ramańďaŕatana	kulyńďaŕatana	śiḿińďaŕatana
ramańďaŕatada	kulyńďaŕatada	śiḿińďaŕatada
ramańďaŕaịť	kulyńďaŕaịť	śiḿińďaŕaịť.

Замѣчаніе. Основы на a, очевидно, подъ вліяніемъ прочихъ основъ, образуютъ условное наклоненіе въ Сухокарб. говорѣ не только отъ глагольной основы съ окончаніемъ -ań, но также съ окончаніемъ -yń (послѣ мягкихъ согласныхъ, губныхъ и заднепёбныхъ -iń): palyńďaŕaị, raḿińďaŕan, salyńďaŕan и salańďaŕan.

Образованія какъ ramanďaŕaị, ramatďaŕaị, извѣстныя въ другихъ говорахъ, въ Сухокарб. и Орк. не встрѣчаются.

Въ Оркинѣ вмѣсто aịť является aχť: syń ramańďaŕaχť vir, karḿiť uguľjat puḷtama (если они купятъ лѣсъ, то станутъ жечь уголья); jeśli učiťiḷťńä karmańďaŕaχť tonaftyma, to učińikńä karḿiť sodama (если учителя станутъ учить, ученики будутъ знать).

§ 174. *Повелительное наклоненіе.* Окончанія -k (2 ед.), -da (2 мн.) присоединяются прямо къ глагольной основѣ. При этомъ конечная гласная основы передъ -k выпадаетъ при благопріятномъ стеченіи согласныхъ, а передъ -da всегда сохраняется; но сухокарб. saịda, čaụda, ср. purnavuda, panʒuvuda. Послѣ гласныхъ передняго ряда k измѣняется въ k: śulmśik, kuńćik, ṽešńek, aščik, śeŕńek, aŕćik, оркинск. ťaŕďik (позови), ṽäšńik (ищи). Послѣ согласныхъ k измѣняется въ t, которое послѣ мягкихъ согласныхъ звучитъ какъ ť: ojkt (лай), čact, ṕeznaft (воткни), čaft, vant, kučt, tonaft, kaduft, jaft, uskt, орк. susk (вм. suskt),

usk (вм. uskt), pančt, ant, art (скачи), орк. valt, uľť, moľť, ľišť, šiṅť, ṅeŕť, večkť (орк. večk), tejeŕť, keľkť (полѣзай), čangyť, vešť, kekšť, paṅiŕť, орк. väšť, орк. päčk (зарѣжь), ľeťť, kiŕťť, startaťť (попробуй), kušť, paṅť, sajť, nujť, čijť (орк. saχ́ť, čiχ́ť, uχ́ť).

Примѣчаніе. При nujť извѣстно и nuk.

kortak	vant	loṇnėk	aščik	šiṅť
kortada	vanyda	loṇnėda	aščida	šiṅida

veśńeķ	teŕťť	tejť
veśńeda	teŕďeda	tejeda

Для усиленія 2 л. ед. употребляется частица a, передъ которой вм. ķ является k: sodaka, varčtaka, vanyka, keŕaka, poṇgaftyka, vačkidïka, loṇnėka, putta, paṅta, sajta, tejta, орк. čiχ́ta, орк. ľeťťa. При a извѣстно и aja: keŕakaja; ajaŕ: vanykajaŕ, nuŕćikajaŕ, uštykajaŕ, ramakajaŕ, ľišťajaŕ. Кажется, кромѣ того извѣстно окончаніе -ka (съ русскаго): uštka baṅa (вытопи-ка баню), tejtka, moľtka, vantka, орк. ľeťtka. Отмѣтимъ заимствованное изъ татарскаго: aďa (иди, подойди), adï, aď, aďka, aďida; aźa (ступай), aźi, aźaka, aźika, орк. aźida. Неясно: panďa (довольно); aška и uška (погоди-ка). Изъ русскаго: daj, davaj, dajka, dajťi, proščaj, na, naka. Обратилось въ нарѣчіе: vanak (вѣроятно).

§ 175. *Прошедшее время изъявительнаго наклоненія* имѣетъ: 1) для 1 и 2 л. ед. и мн. окончанія -ń, -ť, -ńiķ (ńeķ), -ďe, присоединяемыя къ глагольной основѣ, осложненной примѣтою j, при чемъ aj, αj и εj измѣнились въ α и ε (α переходитъ въ ε послѣ губныхъ и задненёбныхъ); 2) для 3 л. ед. окончаніе ś, присоединяемое къ основѣ, при чемъ 3 л. мн. образуется посредствомъ прибавленія еще t (признака множ. числа).

Основы на a.

purnyń	ozėń	uľmiń	lotkeń
purnyť	ozėť	uľmiť	lotkeť
purnaś	ozaś	uľmaś	lotkaś

purnyńiƙ	ozėńeƙ	uĺḿińiƙ	lotƙeńeƙ
purnyďe	ozėďe	uĺḿiďe	lotƙeďe
purnaśť	ozaśť	uĺmaśť	lotkaśť

Основы на α.

kadyń	jordėń	kaduv́iń	uskiń
kadyť	jordėś	kaduv́iť	uskiť
kać	jorć	kaduų́ś	uskś
kadyńiƙ	jordėńeƙ	kaduv́ińiƙ	uskińiƙ
kadyďe	jordėďe	kaduv́iďe	uskiďe
kaćť	jorćť	kaduų́śť	uskśť

Основы на ε.

śiḿiń	moĺeń	ťejeń	avaŕďiń
śiḿiť	moĺeť	ťejeť	avaŕďiť
śiḿś	moĺć	ťeįś	avaŕć
śiḿińiƙ	moĺeńeƙ	ťejeńeƙ	avaŕďińiƙ
śiḿiďe	moĺeďe	ťejeďe	avaŕďiďe
śiḿśť	moĺćť	ťeįśť	avaŕćť

Замѣчанія къ 1-му образцу. Такъ же спрягаются основы на -a съ предшествующею мягкой согласной: eŕeń, eŕaś, kajińiƙ, kąjaśť, орк. čeƙeń (я молился), äŕiń, äŕašť.

Замѣчанія ко 2-му образцу. Не выпускаютъ гласной α въ 3 л. ед. и мн. тѣ основы, въ концѣ которыхъ значительное стеченіе согласныхъ: такъ послѣ kšn: moĺekšnéś, ežekšnéś (согрѣлся), lotkśekšnéś, loųnėkšnéś, ťejńekšnėśť, śoųnėkšnėśť; такъ же, напр. loųnéś, kulyś, udyś, ṕifcyś. Ср. maksć, ṽeĺafć, śupalgać, śormać, orčafć, puć, suskś, орк. säųś.

Замѣчанія къ 3-му образцу. Выпаденіе гласной ε въ 3 л. ед. и мн. задерживается группою согласныхъ: ṽidïś, uĺńiś, muŕńiś, naĺkśiś, śulmśiś, lakśiś (натесалъ), kąjśiś, śiźiś, čudïś, čijńiś, ĺiŕńiś, ṕižńiś, aŕćiś (разсудилъ), ičiś (мѣсилъ), nuŕćiś, aščiś, ašči̇śť, draź-

ńišť, urvakšńišť, uskšišť, orgoľeš, keľńeš, ečeš, ťerťńeš, jofńeš, vešńešť.

Отмѣтимъ выпаденіе jɛ: piš, pišť, muš, tuš, nuš, mišˈ (продалъ), ńeš, но ujš, čijš, tujš, mujš, mijš, ťejš, ńejš. Звуки š, šť послѣ r, l, n переходятъ въ č, čť: kščirčť, pańč, merč, peľč.

Сочетаніе žš, šš извѣстны въ Сухомъ Карбулакѣ, вмѣсто чего также jš: syrgyjš (проснулся), kirvajš, ľijš, но также kušš, kašš (kažims), lišš, kušťť, ľišťť. Въ Оркинѣ вмѣсто этого šč, а вмѣсто šš — šč: ľišč, väšč, kekšč.

Замѣчанія ко всѣмъ тремъ образцамъ. Чередованіе гласныхъ основы u, ė, съ одной стороны, i, e, съ другой, стоитъ въ зависимости отъ предшествующей согласной: послѣ твердой язычной является u, ė, послѣ мягкой язычной, а также губной и средненёбной (вм. задненёбной) i, e. — Чередованіе же въ окончаніи основы, съ одной стороны, звуковъ u, i, съ другой, ė, e зависитъ отъ гласной предшествующаго слога; послѣ гласныхъ a, i, u, y, a въ Оркинѣ и послѣ ä, являются u, i, а послѣ гласныхъ e, o являются ė, e: karmiń, naryń, varštyń, aryń, sajiń, syrgyźiń, stukadiń, pačkidiń, kuźiń, šiźiń, kadyť, satyńik (достались), kulyšť, орк. ärińˈ, ärińikˈ, säviń, käukšńiń, šärgidiť; но joftėń, morėń, ozėń, lotkeńek, nejekšnėń, lounėkšnėń, ečeš (полѣзъ), сухокарб. eŕeń, keľńeš (примерзъ), peľeń, poŕńeń.

§ 176. *Сослагательное наклоненіе со значеніемъ прошедшаго и настоящаго времени* образуется отъ глагольной основы посредствомъ присоединенія -ulɛ (первоначально глагольной основы, ср. uľims: быть). Къ этому суффиксу присоединяются въ 1 и 2 л. ед. и мн. окончанія прошедшаго времени при посредствѣ суффикса прошедшаго времени į (ɛį переходитъ въ ɛ). Въ 3 л. ед. и мн. является основа безъ окончаній, при чемъ 3 л. мн. образуется изъ 3-го л. ед. посредствомъ окончанія мн. числа t. Гласная u суффикса uľɛ въ соединеніи съ окончаніемъ основы образуетъ дифтонги: au, uu, ou, eu, iu. Эти дифтонги сохраняются въ Оркинѣ, но въ Сухомъ Карбулакѣ вмѣсто нихъ: a, y, o, e, i: орк. kapšauľiń, meŕeuľeńek, šormadyuľiť, сухокарб. čauľiń вм. čauuľiń, čavuuľiń.

Употребляется обыкновенно съ русской частицей by (bu). Въ сухокарбулацкомъ говорѣ:

kapšaľiń	udyľiń	pańiľiń	ḿeŕeľeń
kapšaľiť	udyľiť	pańiľiť	ḿeŕeľeť
kapšaľ	udyľ	pańiľ	ḿeŕeľ
kapšaľińik	udyľińik	pańiľińik	ḿeŕeľeńek
kapšaľiďe	udyľiďe	pańiľiďe	ḿeŕeľeďe
kapšaľť	udyľť	pańiľť	ḿeŕeľť

Замѣчанія. Въ сухокарб. выраженіяхъ ṕŕazy pravuľ, savuľ (при praľ), tujiv́iľ (при tujiľ), uľiv́iľ сохранились старыя формы 3 л. ед. Ср. орк. son by udyvyľ, da pśi (онъ бы заснулъ, да жарко), ṕiďiv́iľ, moľev́eľ; son by jarcavyľ, da kšiza araś (онъ бы поѣлъ, да нѣтъ у него хлѣба); loṷnov̀oľ, valuvyľ, oṷgov̀oľ, putyvyľ, voŕ-ǵeďev́eľ. Другія орк. формы: ḿeŕev́ľeńek, naraṷliďä, ekšeľavyl̓ť, śormadyṷľiť, čauvľiń, čaŕkyďiv́iľ̓ť.

§ 177. Та же форма желат. наклоненія употребляется и въ значеніи прошедшаго вр. изъявительнаго наклоненія, но рѣдко; съ такимъ значеніемъ она выходитъ изъ употребленія. Такъ son zokaľ значитъ онъ пахалъ; орк. śediḱiľi mon jaly kapšaľiń (въ старину я все торопился) (Р. Ѳ. Учаевъ скажетъ: kapšyń); орк. śediḱiľi ḿiń jaly śedi eŕaľińiḱ (въ старину мы жили лучше); орк. son sakšnyľ (онъ приходилъ), śyń sakšnyl̓ť, son ńekšńeľ (онъ видѣлъ), syń ńekšńeľ̓ť.

§ 178. *Желательное наклоненіе прошедшаго времени* образуется черезъ присоединеніе къ основѣ суффикса -ks- и глагольныхъ формъ uľiń, uľiť и т. д., при чемъ u переходитъ въ ɑ (откуда y, ė).

kapšaksyľiń	udyksyľiń	ḿeŕeksėľeń
kapšaksyľiť	udyksyľiť	ḿeŕeksėľeť
kapšaksyľ	udyksyľ	ḿeŕeksėľ
kapšaksyľińik	udyksyľińik	ḿeŕeksėľeńek
kapšaksyľiďe	udyksyľiďe	ḿeŕeksėľeďe
kapšaksyľť	udyksyľť	ḿeŕeksėľť

Отмѣтимъ нѣсколько примѣровъ: loụnėkséľeń, putyksyľiń, vanyksyľiń, uŕvakstyksyľ (онъ хотѣлъ жениться), varštaksyľiń, čaŕiksyľiń, ńeŕekšnéľ (онъ сталъ было говорить), eŕaksyľiń, šťaksyľiń (я всталъ было), karmaksyl (началъ было); орк. ton udyksyľiť, da äźidiź katt (ты хотѣлъ спать, да тебѣ не дали). Употребляется и съ частицей by: орк. tyń by ekšeľaksyľiďä, da väďiš käľḿä (вы хотѣли бы выкупаться, да вода холодна). Чередованіе e и i въ глагольной флексіи обусловливается вліяніемъ предшествующей гласной: послѣ y — i, послѣ ė — e.

§ 179. *Условное наклоненіе прошедшаго времени* образуется изъ соединенія формъ сослагательнаго наклоненія прош. вр. съ частицей ďaŕa (ďaŕak): uľiľiń ďaŕa, uľiľiť ďaŕa, uľil ďaŕa; ńeŕeľeń ďaŕa, uľiľiń ďaŕa ńejgak odʒora; орк. mon loụnoụľeń ďaŕa, to sodaụľiń ďaŕa (если бы я читалъ, то узналъ бы); syń tonaftyvíľť ďaŕa, ćoŕéńeťńä čaŕkyďiv́iľť ďaŕa (если бы вы учили, мальчики бы понимали); tyń oznovľeďe ďaŕa, možet byť i ṕiźiḿe tuiv́iľ (если бы вы помолились, то, быть можетъ, пошелъ бы дождь).

§ 180. *Спряженіе съ отрицаніемъ.* Въ соединеніи съ отрицаніемъ формы наст. вр. изъяв. наклоненія спрягаются такъ же, какъ безъ отрицанія: asodan (или azdan), amaŕat, aśiḿe, ajandan (вм. a andan, не кормлю), ajardan (вм. a ardan, не скачу) и т. д. Кромѣ того съ отрицаніемъ соединяются формы сослагательнаго наклоненія наст. времени: орк. syń akočkańďaŕaχť umaŕť, to bazaruụ amoľeť (если они не станутъ собирать яблоки, то не поѣдутъ на базаръ); son ajarcańďaŕaj, ṕäkiza vačä (если онъ не поѣстъ, то будетъ голоденъ). Равнымъ образомъ и формы прош. вр. желательнаго наклоненія, напр. mon aḿeŕekséľeń (я бы не совѣтовалъ), mon a ťejekséľeń (я желалъ бы не дѣлать), a moľekséľeń (я было не хотѣлъ идти). Всѣ остальныя наклоненія и времена образуются посредствомъ соединенія глагольной основы (при извѣстныхъ условіяхъ обосложненной окончаніемъ -k) съ формами вспомогательныхъ глаголовъ, содержащими въ себѣ и отрицаніе (iľa-, eźɛ-, auľɛ-). Простую основу находимъ отъ тѣхъ глаголовъ, которые въ спряженіи не выпускаютъ конечной гласной (это

прежде всего основы на -a, затѣмъ основы на ɛ, ɑ съ предшествующею сложною группою согласныхъ): soda, juta, karma, ekšeľa, madńe, uĺńe, ńeťńe, ašče, ramśe, ṕiće, ľišńe, ozna, mukšna, śoŋna, sata, tarna. Также на неслоговой звукъ: ńiťiŋ̈, sajiŋ̈, ķiŕďiŋ̈. Основу, обосложненную окончаніемъ -k, имѣютъ тѣ глаголы, которые выпускаютъ конечную гласную основы. При этомъ k послѣ согласныхъ переходитъ въ t: tuk, ńeķ, muk; mašt (вм. maštt), kant (вм. kandt), palt, čaft, tonatt, tonaft, vanuft, katt, oŋkt, lovoft, targaft, putt, uskt, učuft, ant, pančt, ḿeľaft; ťejť, ńiťiŕť, moľť, ľišť, čaŕķiťť, sajiŕť, mujiŕť; poŕńeŕť, ķeńeŕť, avaŕť. — Рѣже является -k въ основахъ на гласную: sak, jakak, sokak, kuńćiķ, žyńijak. — Въ Оркинѣ извѣстны и формы какъ čaŋ, pal, van, kaduŋ, moľ, saį, ķäń, tuŕ, poŕ (безъ окончанія t изъ k).

1) Сослагательное наклоненіе прошедшаго времени образуется черезъ соединеніе желательнаго наклоненія прош. вр. глагола auľɛ — съ указанными выше формами на гласную или k (ķ, t, ť), къ которымъ присоединена частица ďaŕa: avuľ uľ ďaŕa; avuľiť ḿeŕť ďaŕa; avuľiń ḿeŕť ďaŕa; avuľiń̀iķ, avuľiďi, avuľť ḿeŕť ďaŕa; орк. jeśľiby ḿiń avyľiń̀iķ jarca, to śupaft uľiń̀iķ (еслибы мы не ѣли, то были бы богаты).

2) Желательное наклоненіе настоящаго времени образуется посредствомъ соединенія указанныхъ выше формъ съ глагольными формами:

iľazan
iľazat
iľaza
iľastana
iľastada
iľast

Напр. iľaza ķeńeŕť; iľast uľť, ḿeŕť; ton joftak ťest, štobu syń iľast ḿeŕ; орк. koda mon iľazan moľ, śoroŋno apačkyďan (какъ бы я ни шелъ, все равно не дойду); koda ḿiń iľastana kapša, śoroŋno akäńiŕďana (какъ бы ни спѣшили, все равно не поспѣемъ).

3) Повелительное наклоненіе образуется посредствомъ соединенія указанныхъ выше формъ съ глагольными формами:

iľa, iľak, iľaka
iľada.

Напр. iľa jaka (не ходи), kapša, soka, kula, śukyńa, ŕizna, ant, moľť, pejeťť, kuńćiḱ, boroća; iľaka ŕizna, ńeľaft, putt; iľak tokšė, iľak vant (не смотри); орк. iľa moľ, iľa saį; iľady jaka (не ходите), śouna, jakak, sokak, pančt, moľť; орк. iľady van.

4) Прошедшее время изъявительнаго наклоненія образуется посредствомъ соединенія указанныхъ выше формъ съ глагольными формами:

eźeń
eźeť
eź
eźeńeḱ
eźeďe
eśť

Напр. eźeń vaja, eź veťńe, eśť karma, eźeť madńe, eź kiŕť, eśť korta, eź za, eśť piće, eźeť mašt, eźeť čikyr (ты не скрипѣлъ), eź moľť; орк. äźiń, äźiť, äź, äźińiḱ, äźiďä, äśť, напр. korta, veľaft, čačt, pižakatt (закричалъ), jumśä (пропалъ), pal (сгорѣлъ), čaį (билъ) и т. д.

§ 181. *Причастія.* Извѣстны четыре образованія:

1) Причастія настоящаго времени съ окончаніемъ į, которое сливается съ окончаніями основы a, α, ε въ дифтонги uį, iį, откуда въ концѣ слова и фразы ė, e, a иначе—u, i (ср. форму 3 л. ед.); рядомъ — и окончанія uį, iį, восходящія, очевидно, къ тѣмъ же дифтонгамъ. Эти причастія употребляются и какъ существительныя и какъ прилагательныя. Значеніе дѣйствительное и среднее; χŕostéń gańľij atańť; śijaks čudij veďńestėt, jarcuį gudysta (изъ дома гдѣ ѣдятъ; изъ трактира), zolotaks keveŕeį ġevńestėt, śijaks

ľišį ľišmaṕŕińistyt, śiḿį gudysta, kudy varčį numulyś, karavľį aťa (караулящій старикъ), ḿeľ vanyį (угождающій), korc kiŕdį, paly toléś (горящій огонь), ľiśi čińiḿ (восходящее солнышко), ṕeškeďe koɳńeḿ (наполняющееся мѣсячко), kičkiŕďe skalyń, ṕśťidį alašań, čama nardyį ťeįťeŕeńť, ṕizyń burnyį.

Формы склоненія: ṕeńčeń ǵiŕdįįška; śejecta kortėįś; čavus oŋǵeįś (лающій попусту); karksyń godėįś; čačtajińť; kudyń ǵiŕdįjiś; kulyįť; juḿiįť. Въ соединеніи съ личными мѣстоименіями: ľišįża, vastyįża, duḿįża, kortėįża, purnyįża.

Тождественны по значенію существительныя на -ća, образованныя посредствомъ присоединенія этого окончанія къ сокращенной формѣ причастія настоящаго времени: kortėća, andyća, kulyća, čaŕkidįća, orčeća, séŕeďeća, syća, čačtyća, kośťećaś, salyćaś, čačića (родившійся), kiskaś oŋǵeća, орк. mon ńejeń käŕića (я видѣлъ рубящаго), ťäjića.

2) Причастіе прошедшаго времени на -ń, присоединяемое къ глагольной основѣ (значеніе страдательное): noldań galtnyń, andyń boroɳ (откормленный боровъ), kiľďiń alašaza, kiľďiń alaša ḿeľga, kirvaśťiń χonaŕ (зажженный фонарь), kekšeń zuskumńińť, purnyńźe kaįśiń jarmakńiń (онъ собралъ разсыпанныя деньги), čijań baťa, śiśiḿ moń bovoďen laɳśin (у меня семь подвѣшенныхъ зыбокъ), anykstań ṕŕakińe, ve'esa kodań bulysa, putyń gudysa, keŕań vi'ŕ (срубленный лѣсъ), śulmań źeľḿť, srojań gardazum, vačkań gopnada. Отмѣтимъ ťiŕiń ťaťa, škiń aɳka (кормилецъ отецъ, кормилица мать), ср. ťŕams (кормить).

3) Причастіе прошедшаго времени на -ź, присоединяемое къ глагольной основѣ (значеніе и страдательное и среднее). При среднемъ значеніи эти причастія можно признать дѣепричастіями: čijiź (бѣжа), madźiź (лежа), avaŕdźiź (плача, рыдая), ŕiznaź, jakaź, toškaź (шепотомъ), mogaź (поя), aščiź (погодя), uŕńiź (воя), vačkidźiź (ударивши), oznéź (помоливши), ardyź (вскачь), ṕejďeź (смѣясь), raduvaź (радостно), nadźijaź (надѣясь), jutaź (проходя), varčńiź (ощупью), kulakyń ǵeṕeďeź; či jutaź gak veľeń brumks; mon dońavźiń ekšeľaź (я усталъ купаясь), ḿiń tuińik jarcaź (мы пошли поѣвши), —

страд. sokaź moda, śulmaź, kundaź, anykstaź, kolaź (испорченъ), ramaź (купленный), ṕekstaź (запертый), rańaź (раненый), taraź (затоптанный), keŕaź, salaź (украденный), ṽeľťaź, naŕažaź, šľaź, štaź, uŕadaź, ńeńďeź (согнутая), oŋkstaź (взвѣшена), orčaź (одѣта), eśeź (наполненный), kodaź (сплетенный), kalaftyź (разоренъ), kandyź (занесенъ), putyź (положенъ), komaftyź (опрокинутъ), šiṽidźiź ǵiskaťńe, ṕilćiź (напиленъ), nujiź (сжатъ), mujiź (найденъ), ľeǩeź (вылаканъ), putyź kudysa, kirvaśtiź χonaŕ, kiľdźiź alašasa.

Формы склоненія: ṽeľťaźiń (покрытаго), kundaźiń (пойманнаго, напр. čubaś kundaźiń: шуба пойманнаго), ṽeši latyťńi ṽeľťaśť, ṽeši kudyťńi kraśaśť, ṽeši lomaťńe tonaftyśť, skotinaťńe andyśť, štaźga, nardaźga, ṽeši čavuśńida žiŋsta kaduŋśť ńiľi eľ ṽeťe (изъ всѣхъ побитыхъ остались въ живыхъ четверо или пятеро), р. мн. kundaśńiń, дат. мн. kundaśńińiń.

4) Причастіе прошедшаго времени на ft (ťť), присоединяемое къ глагольной основѣ. Имѣетъ страдательное значеніе. — Напр. uŕadaft, štaft, uskaft, lazmuft, śuduft, vaďńiťť, sajiťť, ťejeťť.

Формы склоненія: ťicaś valkś štaftyń (раскрытый) utum laŋks; ťe panagyś štafńiń nardafńiń (это полотенце для вымытаго и вытертаго), štafka nardafka jak śiįť jakiť (вши ходятъ и по вымытому и вытертому); ṽeši pakšaťńi štaft nardaft (всѣ ребята вымыты и вытерты).

Въ Оркинѣ причастіе это оканчивается не на -ft, а на -f: śormaś śormaduf (письмо это написано), son kuluftuf (онъ умершвленъ), naraf, ťäiť, ḿiiť, ṽiďiť, kundaf, śulmaf, sokaf, и т. д. Во мн. ч. kučuft, sokaft, ľeďeťť, čauft, и т. д.

§ 182. Дѣепричастіе съ отрицаніемъ образуется посредствомъ соединенія отрицанія apak съ указанными въ § 180 глагольными формами: apak duma (не думая), žaľa, loŋna; ojḿeń apak targa (не переводя духъ), apak kapša (не спѣша), apak faťa, soboŕja, soda, orča, kaŕće, орк. apak koŋta, apak šiḿ duś (пошелъ не напившись), apak rama kaduŋś (осталось не купленнымъ), apak čaŋ tuś (ушелъ не битый), сухокарбул. apak ľeḿť, šiḿť, muśkť, keŋkśť, piŋǵitť, uŕvakst.

§ 183. Глагольныя окончанія -an, -at, -tana (-ťana), -tada (-ťada) въ наст. времени, -ľiń, -ľiť, -ľ, -ľińik, -ľiďe, -ľť въ прош. времени употребляются въ соединеніи съ существительными, прилагательными, мѣстоименіями и нарѣчіями въ видѣ связки. Примѣры для наст. времени: mon roďńan, mon oχoťńikan, mon ćolakan (я лѣнтяй), ton roďńat, ton bokš kurgy oftat, ejďńemat, mon uŕidďivan, ton uŕidďivat, ľeuksķemat, ton auľ roďńat ťeńeń? (ты не родня этому?), mon syŕan, ćut živan, víškińan, vasylan, paran, ton pokšat (ты большой), víškińat, mazyjat, parat, kijat (кто ты),— mon rogasan (я владѣю рогами), koṕitasan, mon pakśasan, víŕcan, ton uľćasat, — ťesan (я здѣсь), kosan, ťesat, kosat.

Прошедшее время: odʒoraľiń paryľiń (я былъ молодъ, красивъ), son bek paryľ, ton bek paryľiť, syń bek paryľť; paryľińik, paryľiďe; орк. syń víŕcyľť (они были въ лѣсу), son uľćaśyľ, ńiń pakśasyľińik; mon araśiľiń (меня не было), ton araśiľiť, son araśiľ, и т. д.

§ 184. Соединеніе причастій прош. стр. на -ź и -ft (f) съ окончаніями -an, -at, -tana, -tada даетъ возможность образовать формы наст. вр. страд. залога: paŕaźan (я выпарена), alftaźan (я обѣщана), śiṅďiźan (я напоенъ), ńeźda śividiśťada? ńeźda karmaftyśťada? (за какую цѣну васъ заставили?), ton baŕaźat (тебя попарили), son baŕaź, ńiń keŕaśťana, орк. mon kandufan (я оставленъ), śividiľan, koṛtafan, ton uskufat, ťäifat, tyń ṕäčkiťťada, ľeďeťťada; ńiń naraftana.

Другія времена и наклоненія образуются при помощи вспомогательнаго глагола uľi: uľiza veľťaź, uľńiś lopaftyź.

§ 185. Соединеніе -ľ съ отглагол. существительнымъ на -ma образуетъ безличный оборотъ для выраженія желательнаго наклоненія: moľemaľ ďeť (надо бы тебѣ идти), son čaŕkić, šty aťańť a naŕgamaľ (онъ понялъ, что не надо было мучить отца); a čijimaľ (не надо бы бѣжать) — ťeť (тебѣ), ťeń (мнѣ), ťeńek (намъ) и т. д.

§ 186. Инфинитивъ и супинъ образуются при помощи суффиксовъ mα, mε, присоединяемыхъ къ глагольной основѣ. Гласная основы (α, ε) передъ этими суффиксами обыкновенно не

выпускается. Формы эти подлежатъ измѣненію по падежамъ: suvama, moľeme, avarďiḿe, oznoma, kortama, uduma; suvams, moľems, suvamsta, moľemsta, suvamda, moľemda, suvamga, moľemga, suvamsa; mon ńejeń moľemda или moľemada (я видѣлъ, какъ онъ шелъ), v́e suamsa ťeį́ś aťejev́e (однимъ входомъ это дѣло не дѣлается), v́e jakamsa ťeį́ aťejat (однимъ приходомъ дѣло не дѣлается).

Замѣчаніе. Основы на -a имѣютъ непремѣнно -ama. Въ прочихъ основахъ чередованіе -oma, -uma, съ одной стороны, и -eḿe, -iḿe, съ другой, зависитъ отъ предшествующей согласной. Послѣ мягкой язычной является -iḿe, -eḿe, послѣ твердой язычной, губной и задненёбной -oma, -uma. Чередованіе -oma, -eḿe, съ одной стороны, -uma, -iḿe, съ другой, зависитъ отъ гласной предшествующаго слога; въ положеніи за слогомъ съ o, e является -oma, -eḿe, въ положеніи же за другой гласной -uma, -iḿe: čavuma, uduma, kščiŕďiḿe, pškaďiḿe, kańľiḿe, ťeŕťńeḿe, loŋoma, šoŋoma, tujiń moľeḿe, ľišińiǩ moľeḿe.

Отдѣльно стоитъ отглагольное существительное на -ma (между тѣмъ какъ инфинитивъ и супинъ оканчиваются на -mα, -mɛ): moľema, udumam, avaŕďima (склоненіе: avaŕďimada и т. п.), ḿeľezėn duś moľemaś (мнѣ захотѣлось пойти).

§ 187. Отмѣтимъ нѣсколько заимствованій изъ русскаго языка въ области глагольныхъ образованій. Частица bu (by) отмѣчена выше.

mon byl (я было): a mon byl soń̃aŋ̃a śijan v́iľkiḿe kandykšnyń; a mon byl zyrgakšnyń (а я было собрался).

Также формы прошедшаго времени на ľ: egzaḿen zdal, zdaľi; χoťol son въ значеніи dumaś son (онъ захотѣлъ, хотѣлъ).

Также прошедшее время на la, ľi: mon, ton, son ž̃ala (я думалъ, чаялъ), ḿiń, tyń, syń ž̃aľi (чаяли), ṕiŋ̃cyćaťńi čaľi (молотильщики думали). Орк. mon χoču (я хочу).

Спряженіе опредѣленное (съ опредѣленнымъ объектомъ).

§ 188. Формы этого спряженія употребляются при опредѣленномъ объектѣ, выраженномъ или личнымъ мѣстоименіемъ или существительнымъ. Въ зависимости отъ объекта измѣняются и самыя формы спряженія. Такимъ образомъ получается шесть разрядовъ глагольныхъ формъ въ зависимости отъ шести возможныхъ объектовъ: 1) объекта въ 1 л. ед., 2) объекта во 2 л. ед., 3) объекта въ 3 л. ед. или въ формѣ того или иного существительнаго въ ед. ч. въ формѣ опредѣленнаго склоненія, 4) объекта въ 1 л. мн., 5) объекта во 2 л. мн., 6) объекта въ 3-мъ лицѣ мн. или въ формѣ того или иного существительнаго во мн. ч. въ формѣ опредѣленнаго склоненія.

§ 189. Формы опредѣленнаго спряженія въ прошедшемъ времени образуются отъ глагольной основы, обосложненной суффиксомъ j. Напротивъ, формы опредѣленнаго спряженія настоящаго времени образуются при помощи особыхъ суффиксовъ, а именно: 1) суффикса -sa для формъ съ объектомъ въ 1 л. ед. и мн. и 3 л. ед. и мн.: šnasa-, noldasa-, ńesa-, vanca-, sajsa-, v́ečksa-, и 2) суффикса -ta (ťa) для формъ съ объектомъ 2 л. ед. и мн. šnata-, noldata-, ńeťa-, vanta-, sajťa-, v́ečkťa-.

§ 190. Бо̀льшая часть личныхъ окончаній настоящаго и прошедшаго времени—одной формы, одного происхожденія. Общими окончаніями являются: *при объектѣ въ 1 л. ед.*: m̓iź для 2 и 3 мн.; *при объектѣ въ 1 л. мн.*: m̓iź для 2 и 3 ед. и мн.; *при объектѣ въ 3 л. ед.*: ńiḱ для 1 мн., ŋḱ для 2 мн., ź для 3 мн.; *при объектѣ въ 3 л. мн.*: ń для 1 ед., ť для 2 ед.; ńʒe для 3 ед., ńiḱ для 1 мн., ŋḱ для 2 мн., ź для 3 мн.

Нѣкоторыя отличія зависятъ отъ той формы, которую эти окончанія получили, благодаря соединенію съ j — примѣтою прошедшаго времени. *При объектѣ въ 1 л. ед.* находимъ для 2 ед. въ настоящемъ mak, а въ прошедшемъ m̓ɛḱ; это m̓ɛḱ восходитъ къ majk; въ 3 л. ед. въ настоящемъ mam, а въ прошедшемъ

ńɛń изъ maịn. *При объектѣ во 2 л. ед.* находимъ для 1 ед. въ настоящемъ tan, а въ прошедшемъ ťɛń: это ťɛń восходитъ къ taịn; для 3 ед. въ настоящемъ nzat, въ прошедшемъ ńʒɛť изъ nzaịt; для 1 и 3 мн. въ настоящемъ dyź (изъ dɑ́ź), а въ прошедшемъ ďɛź изъ dɑ́ịz. *При объектѣ во 2 л. мн.* находимъ въ настоящемъ для 1 и 3 ед. и мн. dyź, а въ прошедшемъ ďɛź. *При объектѣ во 2 л. ед.* для 1 и 3 мн. находимъ въ настоящемъ dyź, а въ прошедшемъ ďɛź. *При объектѣ въ 3 л. ед.* находимъ для 2 ед. въ настоящемъ k (šnasak), а въ прошедшемъ ḱ подъ вліяніемъ предшествующаго ị (šnyḱ изъ šnaịk).

Несходными оказываются окончанія для 1 л. ед. *при объектѣ въ 3 л. ед.*: въ настоящемъ находимъ -a (šnasa), восходящее, быть можетъ, къ aja (šnasa-ja), а въ прошедшемъ -ńɛ (ńe), вмѣсто чего въ другихъ говорахъ -ja (сухокарб. и орк. štyńe, а въ другихъ говорахъ štyja). Далѣе несходны окончанія для 3 л. ед. *при объектѣ въ 3 л. ед.*: въ настоящемъ находимъ ė (y) неяснаго происхожденія, напр. šnasė (šnasy), а въ прошедшемъ źɛ (šnyźɛ изъ šnaịźɛ, šnaịzɑ).

§ 191. Настоящее время изъявительнаго наклоненія.

Объектъ въ 1 л. ед.

ед.	2	šnasamak	v́ečksamak	kacamak	idĭmak
	3	šnasamam	v́ečksamam	kacamam	idĭmam
мн.	2	šnasaḿiź	v́ečksaḿiź	kacaḿiź	idiḿiź
	3	šnasaḿiź	v́ečksaḿiź	kacaḿiź	idĭḿiź

2 ед. ancamak, kacamak (ты меня оставишь), stuṇsamak, palasamak (ты меня поцѣлуешь), орк. säṇsamak (ты меня съѣшь), udufcamak (ты даешь мнѣ спать), śimsamak.

3 ед. ramamam (онъ меня купитъ), starcamam (онъ меня настигнетъ), noldasamam, arafcamam (онъ меня поставитъ).

2 мн. mańasaḿiź, mańčisaḿiź, noldasaḿiz (вы меня пустите).

3 мн. noldasaḿiź (они меня пустятъ), loṇsaḿiź, kundasaḿiź, śeźńesaḿiź, ṕŕimasaḿiź, čaṇsaḿiź, ozafcaḿiź (они меня посадятъ).

Объектъ въ 1 л. мн.

ед. 2, 3 | мн. 2, 3 — šnasaḿiź, ṽečksaḿiź (ты насъ любишь), орк. ton ťärcaḿiź ḿińiḱ (ты насъ позовешь), čaŋsaḿiź (вы насъ побьете), rańcaḿiź (они насъ погонятъ), śimsaḿiź.

Объектъ во 2 л. ед.

ед.	1	šnatan	ṽečḱťan
	3	šnatanʒat	ṽečḱťanʒat
мн.	1	šnatadyź	ṽečḱťadyź
	3	šnatadyź	ṽečḱťadyź

1 ед. palatan (я тебя поцѣлую), usktan, lastan, antan, ramatan, povatan, baslavatan, kučtan, arduftan, noldatan; орк. čaŋdan, saŋťan, iďiťan, śiḿťan, kiṽiťťan, ľukščaťťan, pańťan, ṕejeťťan; орк. saŋďan, ťäŋďan (я тебя заколдую).

3 ед. tonaftanʒat, makstanʒat (онъ тебя отдастъ), iźńatanʒat, ṽeťatanʒat, sasatanʒat, kundatanʒat, ńiľťanʒat, prośťatanʒat, poŕťanʒat, ṽeľaftanʒat, ńeťanʒat, eŕťanʒat (оглоушитъ), орк. son toń čaŋdanʒat (онъ тебя побьетъ), son toń karćiťanʒat od gaŕńisa (онъ тебя обуетъ въ новыя лапотки).

1 и 3 мн. ukstadyź (мы тебя отведемъ), noldatadyź, učytadyź, ṽeščadyź, venčatadyź, орк. ḿiń ṕäčḱťadyź toń (мы тебя зарѣжемъ), syń toń ťäŋďadyź (они тебя сдѣлаютъ).

Объектъ во 2 л. мн.

ед. 1, 3 | мн. 1, 3 — šnatadyź, ṽečḱťadyź, ḿiťadyź, iźńatadyź, ťeŋťadyź, mutadyź, salćitadyź, pultatadyź, saŋťadyź, kiľťadyź, pańťadyź, орк. ḿiń tyŋḱ robotaftadyź (мы васъ заставимъ работать), ḿiń tyŋḱ śormattadyź (мы васъ запишемъ), son dyŋḱ ḿiťadyź (онъ васъ продастъ), орк. mon saŋďadyź tyŋḱ (я васъ возьму), targaftadyź (я дамъ вамъ покурить), śyń tyŋḱ jumaftadyź (они васъ погубятъ).

Объектъ въ 3 л. ед.

ед.	1	šnasa	ʼvečksa
	2	šnasak	ʼvečksak
	3	šnasė	ʼvečksė
мн.	1	šnasyńiḱ	ʼvečksėńeḱ
	2	šnasyŋ́ḱ	ʼvečksėŋ́ḱ
	2	šnasyź	ʼvečksėź

1 ед. čausa, sajsa, ḿisa, ťejsa, stuusa, nusa, ńeusa, орк. ńefca, prauṣa, jumauṣa, musa, maŕasa (vaľǧiińť), ʼviďisa, jovarca, kanca, kičḱiŕca, valca, śimsa ťe čaškańť (выпью эту чашку), kadca, makssa, vačḱiťca, keŭkśsa, pančsa, ṕśťitca, pačsa (доставлю его или это).

2 ед. vancak, śopsak, musak, ńesak, muśksak, sodasak, jumauṣak, tusak, ṕečksak, śťauṣak, ton sokasak umat (ты вспашешь свое поле), ton ńefcak umańť (ты покажешь поле).

3 ед. kortasė, prośťasė, azdasė, iźńasė, palasė, idïsė, ńesė, ḱirkśisė, poŋgauṣė, ozauṣė, kortauṣė, čauṣė, jumauṣė, tokauṣė, sėuṣė. sajsė; śimsė, vancė, kancé, valcsė (сниметъ), počotcė (обсыплетъ), stukaťcė, ḱeľksė, ḱeṕeťcė, ḱeŭkśsė, ťapuťcė, ʼveńcsė (протянетъ), pančsė (откроетъ), pucė (поставитъ). Въ Оркинѣ: čauṣi, tonafci. kšnasi, но śejsė, ńesė, ńefcė, śoŭnėsė.

1 мн. ḿiń sonʒy palasyńiḱ (мы его поцѣлуемъ), kavańasyńiḱ (угостимъ).

2 мн. tyń śormacyŋ́ḱ sonʒa (вы его запишете), орк. ṕäčksyŋ́ḱ (вы его зарѣжете).

3 мн. syń zonʒa ancyź (они его накормятъ), ozafcyś (посадятъ), орк. ʼväŕijafcyź (окровянятъ).

Объектъ въ 3 л. мн.

ед.	1	šnasyń	ʼvečksėń
	2	šnasyť	ʼvečksėť
	3	šnasyńʒe	ʼvečksėńʒe

мн. 1 šnasyńiǩ ʼvečksėńek
2 šnasyŋ̓k ʼvečksėŋ̓k
3 šnasyź ʼvečksėź

1 ед. ke̓rasyń, sodasyń, śulmasyń (я ихъ свяжу), kičkiŕisyń, jovŕesėń, tarkśisyń, uskśisyń, sa̯jsyń, te̯jsėń, ṕečksėń, ke̯ŭksėń, makssyń, орк. ńe čaškaťńiń ʼväśi śimsyń (я вымою всѣ эти чашки).

2 ед. sa̯jsyť, орк. ton kšnasyť synct (ты ихъ хвалишь), ton ʼväšńisyť synct (ты ихъ разыщешь), ton čau̯syť ťicaťńiń (ты убьешь этихъ птицъ).

3 ед. sodasyńǯe (онъ ихъ узнаетъ), iźńasyńǯe, tokau̯syńǯe, laznysyńǯe, stakšnysyńǯe, kaśsyńǯe, kortau̯syńǯe, aŕťńiu̯syńǯe, kancyńǯe, орк. son kacyńǯä synst (онъ ихъ оставитъ), ke̓ŕćesėńǯe, lou̯sėńǯe, ćotcėńǯe, орк. son ńesėnǯä synct (онъ ихъ видитъ).

1 мн. ḿiń ḿińć mańasyńiǩ synct (мы сами ихъ обманываемъ), ḿiń ḿińć modaťńiń sokasyńiǩ (мы сами вспашемъ эти земли).

2 мн. tyń ťŕasyŋ̓k synct (вы пропитаете ихъ), tyń śormacyŋ̓k synct (вы ихъ запишете).

3 мн. syń synct mańčisyź (они ихъ обманутъ), орк. syń synct ʼväl̓-ťasyź (они ихъ покроютъ), pozėŕasyź (срамятъ).

§ 192. Повелительное наклоненіе.

Объектъ въ 1 л. ед.	Объектъ въ 1 л. мн.
ед. 2 noldamak	noldaḿiź
мн. 2 noldaḿiź	noldaḿiź

ед. kandumak, kuśtimak, kadumak (оставь меня), paŕamak, uskumak, sodamak, sajimak (возьми меня), nuŕćimak, ozaftumak, śťaftumak, ḿijimak, kundamak, putumak (поставь меня), toŋgomak (всунь меня)

мн. maŕaḿiź, kekšeḿeź, sajiḿiź, ńeľ́geḿeź, palaḿiź, kandyḿiź, toŋ́geḿeź (всунь насъ).

Объектъ въ 3 л. ед.			Объектъ въ 3 л. мн.		
2 noldėk	putyk	sajik	noldėt	putyt	sajit
2 noldėŋk	putyŋk	sajiŋk	noldėŋk	putyŋk	sajiŋk

1 palyk (поцѣлуй его), učyk, varčyk, vanyk, kundyk, vanctyk, prośtek, oznėk, karavlik, varčik, tonaftyk, sokek, jokstėk.

2 putyt (поставь ихъ), loųnėt, kerksėt, vanyt, otorftėt (дерни ихъ), artyt (покрой ихъ дымомъ), śormadyt, purnyt, navit, kajit, palćit (поцѣлуй ихъ), vačkidit, śerģedet, vetet, tejet, końet, terďet, orčet.

3 tonaftyŋk, maksyŋk, kadyŋk, uskiŋk, sajiŋk, javiŋk, śimďiŋk, litiŋk, vetejŋk, kerejŋk, vešńejŋk, kepeďejŋk, tejejŋk.

Какъ и въ неопредѣленномъ сряженіи, къ формамъ 2 л. ед. и мн. можетъ присоединяться -a, передъ которымъ k отвердѣваетъ.

2 ед. noldamaka (пусти-ка меня), sajimaka, targamaka, śimďimaka, maŕamaka, uŕadamaka, vaďńimaka (вычисти-ка меня).

2 ед. varčita (пусти-ка ихъ), pultyta.

2 мн. uskiŋka (везите его или ихъ), vijiŋka.

§ 193. Сослагательное наклоненіе. Окончанія тѣ же, что въ изъявительномъ. Но между глагольной основой и примѣтами -sa, -ta вставлена частица ďaŕa.

Объектъ въ 1 л. ед.: 2 ед. palańďaŕasamak (если ты меня поцѣлуешь), veckeńďaŕasamak; 3 ед. čavińďaŕasamam, veckeńďaŕasamam, stuftyńďaŕasamam (если онъ меня забудетъ). — Объектъ въ 1 л. мн.: 2, 3 ед. и мн. ńejeńďaŕasamiź (если ты насъ увидишь); 3 мн. ńejeńďaŕasamiź (если они насъ увидятъ).—Объектъ во 2 л. ед.: 1 ед. palańďaŕatan (если я тебя поцѣлую), veckeńďaŕatan; 1 мн. kundańďaŕatadyź (если мы тебя схватимъ); 3 мн. keükśteńďaŕatadyź (если они тебя спросятъ). — Объектъ во 2 л. мн.: 1, 2, 3 ед. и мн. terďeńďaŕatadyź, palańďaŕatadyź (если я васъ поцѣлую).—Объектъ въ 3 л. ед.: 1 ед. palańďaŕasa, ramańďaŕasa (если я его куплю), орк. mon orčańďaŕasa oďežam, to tujan uľćańgualt (если я надѣну свое платье, то пойду вдоль улицы); 2 ед.

palańďařasak (если ты его поцѣлуешь); 3 ед. čaʹińďařasė (если онъ его убьетъ), орк. ramańďařasy, ʹečkeńďařasy: son p̓ačkińďařasy lomańiń̓, to son dolžen tuims Ćibiŕiŭ (если онъ убьетъ человѣка, то долженъ идти въ Сибирь); 1 мн. mujińďarasyńiḱ (если мы его найдемъ); 3 мн. ramańďařasyʹ (если они его купятъ). — Объектъ въ 3 л. мн.: 1 ед. ramańďařasyń (если я ихъ куплю), ʹečkeńďařasyń, 2 ед. ńejeńďařasyt́ (если ты ихъ увидишь), 3 ед. purnańďařasyńʒe (если онъ ихъ соберетъ), 1 мн. keŭkśt́eńďařasyńiḱ (если мы ихъ спросимъ), 2 мн. tandaftyńďařasyŋḱ (если вы ихъ напугаете), 3 мн. mujińďařasyʹ (если они ихъ найдутъ).

§ 194. *Желательное наклоненіе.* — Объектъ въ 1 л. ед.: 2 ramamak, purnamak, sajimak, ńejemak, 3 ramamam, purnamam, ľeďemam, 2 мн. ramamiʹ, purnamiʹ, ńejemeʹ, 3 мн. ńejemeʹ. — Объектъ въ 1 л. мн.: 2 purnamiʹ, ńejemeʹ, sajimiʹ, 3 sajimiʹ, 2 мн. purnamiʹ, sajimiʹ, 3 мн. ńejemeʹ. — Объектъ во 2 л. ед.: 1 ramatan, purnatan, ńejetan, 3 ramanʒat, purnanʒat, ľeďenʒat, ńejenʒat, sajinʒat, lazynʒat, t̓ejenʒat, śeźenʒat, 1 мн. ramaďiʹ, sajidiʹ, ńejeďeʹ, ramaďiʹ, purnaďiʹ, paladiʹ, 3 мн. nejeďeʹ. — Объектъ во 2 л. мн.: 1 ramaďiʹ, ńejeďeʹ, 3 purnaďiʹ ńejeďeʹ, 1 мн. ńejeďeʹ, 3 мн. ńejeďeʹ. — Объектъ въ 3 л. ед.: 1 ramasa, sasasa, ńejesa, sajisa, t̓ejesa, kundasa, targasa, maksysa, 2 purnyḱ, ńejeḱ, ramiḱ, 3 purnasa, kundasa, ńejesa, kandysa, sajisa (чтобы онъ его взялъ), 1 мн. ńejesėńeḱ, purnasyńiḱ, 2 мн. ńejesėŋḱ, purnasyŋḱ, 3 мн. ńejeʹ, kundyʹ, sajiʹ, t̓ejeʹ; также: sasasyʹ (sasyʹ), keŕasyʹ (ḱeŕeʹ), toŋgasyʹ (toŋgeʹ). — Объектъ въ 3 л. мн.: 1 ramasyń, ńejesėń, 2 ramasyt́, purnasyt́, ńejesėt́, 3 sasanʒa, ńejenʒa, t̓ejenʒa, sajinʒa, kundanʒa, čaʹinʒa, purnanʒa, pultanʒa, ľeďenʒa, 1 мн.: ńejesėńeḱ, 2 мн. ńejesėŋḱ, 3 мн.: ńejeʹ, kundyʹ; также: pultasyʹ.

§ 195. *Прошедшее время.*

Объектъ въ 1 л. ед.

ед. 2 štyńiḱ ʹečkeḿeḱ
3 štyńiń ʹečkeḿeḿ

мн. 2 štyńiź ́večkeńeź
3 štyńiź ́večkeńeź

2 śińďińik, kiŕďińik, mańińik, kadyńik (ты меня оставилъ), ton moń palyńik (ты меня поцѣловалъ), vačkyďińik (ударилъ).
3 kadyńiń, putyńiń, alftyńiń, vanctyńiń, kučyńiń, jaǩińiń, uskińiń, čavíńiń, ńejeńeń, keu̯kśťeńeń, poŕńeńeń, ṕečkeńeń, moŕeńeń, son moń joftèńeń (онъ про меня сказалъ), ṕiďińiń, kajińiń, pańińiń, maćťińiń.
3 мн. kadyńiź, ́veťeńeź, sajińiź, jovŕeńeź, sèveńeź, čavíńiź, karmaftyńiź, śtaftyńiź, syń moń čavíńiź (они меня побили).

Объектъ въ 1 л. мн.

ед. 2
3
мн. 2
3
kadyńiź, štyńiź, ́večkeńeź, son ramíńiź ńińik (онъ насъ купилъ).

Объектъ во 2 л. ед.

ед. 1 štyťiń ́večkťeń
3 štyńźiť ́večkeńźeť
мн. 1 štyďiź ́večkeďeź
3 štyďiź ́večkeďeź

1 pokordèťeń, kandyťiń, mon ramíťiń toń (я тебя купилъ).
3 iźńińźiť, tombeńźeť, čijińźiť, jaǩińźiť, čavíńźiť, panźińźiť, son toń moŕeńźeť (онъ про тебя пѣлъ).
3 мн. andyďiź, syń toń tombeďeź (они тебя ушибли).

Объектъ во 2 л. мн.

ед. 1
3
мн. 1
3
štyďiź, ́večkeďeź, syń tyu̯k šeškeďeź (они ихъ мяли), son tyu̯k kyrvaśtiftyďiź (онъ заставилъ васъ зажечь), mon tyu̯k uduftyďiź (я далъ вамъ спать).

Объектъ въ 3 л. ед.

ед.	1	štyńe	ʹvečkeńe
	2	štyk	ʹvečkek
	3	štyźe	ʹvečkeźe
мн.	1	štyńik	ʹvečkeńek
	2	štyŋk	ʹvečkeŋk
	3	štyź	ʹvečkeź

1 kandyńe (я его принесъ), kadyńe, ṕerǵaftyńe, maksyńe, śormadyńe, otkazyńe, ṕekstèńe, noldèńe, ke'ćeftekšnèńe, soḱeńe, śulḿińe, ťejeńe, sajińe, ḱiľďińe.

2 kadyk, kandyk, kalmaftyk, čavik, targik, vaľik, uskik, poŕńek, sevek, ťetkek (ты слопалъ его).

3 palyźe (онъ поцѣловалъ его), uštyźe, andyźe, putyźe (онъ поставилъ его), raḿiźe, vatḱiźe, kapuďiźe, pańiźe, noldèźe, jordèźe (онъ его вытряхнулъ), ťejeźe, keŭkśťeźe, орк. käuḱśńiźä, säviźä.

Объектъ въ 3 л. мн.

ед.	1	štyń	ʹvečkeń
	2	štyť	ʹvečkeť
	3	štyńźe	ʹvečkeńźe
мн.	1	štyńik	ʹvečkeńek
	2	štyŋk	ʹvečkeŋk
	3	štyź	ʹvečkeź

1 л. ṕekstèń, vaľiń, ńijiń, sodèń, mon synct maćtiń (я ихъ уложилъ).

2 л. ṕekstèť, śeźeť, orčeť, орк. ton synct käŕiť (ты срубилъ ихъ)

3 л. kandyńźe, pultyńźe, lopaftyńźe (намочила), maksyńźe, kortaftyńźe, lakaftyńźe (вскипятилъ), sasyńźe, śulḿińźe, čavińźe, pupśińźe (тыкалъ), mińźe (продалъ), ṕekstèńźe, son synct poŕeńźe (онъ ихъ загрызъ), орк. son synct ťäŕďińźä (онъ ихъ позвалъ).

§ 196. *Сослагательное наклоненіе прошедшаго времени.* Въ Оркинѣ основы: ramaɰľi, večkeɰľe, sokaɰľi, päčkiɰľi и т. д., а въ Сухомъ Карбулакѣ: ramaľi, večkeľe, sokaľi, pečkeľe.

Объектъ въ 1 л. ед.: ед. 2 pańiľiḿiḱ, śiḿďiľiḿiḱ, орк. večkevľeḿek, 3 pańiľiḿiḿ, орк. anduvľiḿiḿ, мн. 2 pańiľiḿiź, орк. śoɳnovľeḿeź, śiḿďivľiḿiź, 3 pańiľiḿiź, орк. sukuvľiḿiź. — Объектъ въ 1 л. мн.: ед. 2, 3, мн. 2, 3: pańiľiḿiź, орк. tyń by ḿińiḱ ramavľiḿiź, ton ḿińiḱ večkevľeḿeź, son by ḿińiḱ palćivľiḿiź, syń by ḿińiḱ stukaďivľiḿiź. — Объектъ во 2 л. ед.: ед. 1 noldaľitiń, pańiľitiń, śeżeľeťeń, ńiľiľitiń, орк. palaɰľitiń, 3 pańiľińʒiť, žaľaľińʒiť, zdoχńaľińʒiť, орк. son by toń večkevľeńʒeť, ramavľińʒiť, мн. 1 pańiľiďiź, орк. ḿiń by toń kekševľeďeź, 3 pańiľiďiź, орк. syń by toń muivľiďiź. — Объектъ во 2 л. мн.: ед. 1, 3, мн. 1, 3: pańiľiďiź, орк. mon tyɳḱ käḿivľiďiź (я повѣрилъ бы вамъ), son by tyɳḱ śormadyvľiďiź (онъ бы васъ записалъ). — Объектъ въ 3 л. ед.: ед. 1 pańiľińe, čaviľińe, орк. mon sonʒa ramaɰľińe, ťäŕďivľińe, 2 pańiľiḱ, орк. ton sonʒa večkevľeḱ, 3 pańiľiźe, орк. son sonʒa jakaɰľiźe (выѣздилъ бы его), мн. 1 pańiľińiḱ, 2 pańiľiɳḱ, 3 pańiľiź. — Объектъ въ 3 л. мн.: ед. 1 pańiľiń, орк. mon synct kalmaɰľiń, 2 pańiľiť, орк. ton synct večkevľeť, 3 pańiľińʒe, орк. son by synct sokaɰľińʒä, мн. 1 pańiľińiḱ, орк. miń by synct śoɳnovľeńeḱ, 2 pańiľiɳḱ, орк. tyń by synct kočkaɰľiɳḱ, 3 pańiľiź, орк. syń by synct maŕaɰľiź.

§ 197. *Желательное наклоненіе прошедшаго времени.*

Объектъ въ 1 л. ед.: ед. 2 ramaksyľiḿiḱ, 3 ramaksyľiḿiḿ, мн. 2 ramaksyľiḿiź, 3 ramaksyľiḿiź. — Объектъ въ 1 л. мн.: ед. 2, 3, мн. 2, 3: ramaksyľiḿiź, pańiksyľiḿiź. — Объектъ во 2 л. ед.: ед. 1 ramaksyľitiń, 3 ramaksyľińʒiť, мн. 1 ramaksyľiďiź, 3 ramaksyľiďiź. — Объектъ во 2 л. мн.: ед. 1, 3, мн. 1, 3: ramaksyľiďiź. — Объектъ въ 3 л. ед.: ед. 1 ramaksyľińe, 2 ramaksyľiḱ, 3 ramaksyľiźe, мн. 1 ramaksyľińiḱ, 2 ramaksyľiɳḱ, 3 ramaksyľiź. — Объектъ въ 3 л. мн.: ед. 1 ramaksyľiń, 2 ramaksyľiť, 3 ramaksyľińʒe, мн. 1 ramaksyľińiḱ, 2 ramaksyľiɳḱ, 3 ramaksyľiź.

§ 198. *Условное наклоненіе прошедшаго времени* образуется изъ соединенія формъ сослагательнаго наклоненія прошедшаго времени съ частицей ďaŕa (ďaŕak): орк. mon ḿiiv'ĺińe ďaŕa alašańt, ramav'ĺiń by skal (если бы я продалъ лошадь, я купилъ бы корову); ton tapav'ĺik ďaŕa vaĺmańt, to panduq'ĺik (если бы ты разбилъ окошко, то заплатилъ бы), jeśĺi by mon toń ve'čkev'ĺeťeń ďaŕa, to ton avy'ĺiḿik mańa moń (если бы я тебя полюбилъ, ты бы не обманывалъ меня); jeśĺi by syń äžžauĺiḿiź ďaŕa, to by ḿiń auĺińik prostuďaų (если бы они согрѣли насъ, то мы бы не простудились); son ḿiiv'ĺiźe ďaŕa alašańt, to savy' by jalga (если бы онъ продалъ лошадь, то пришелъ бы пѣшкомъ).

§ 199. *Опредѣленное спряженіе въ соединеніи съ отрицаніемъ.* Къ формамъ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, настоящаго времени условнаго наклоненія, а также сослагательнаго наклоненія присоединяется отрицаніе a: a've'čksa (я его не люблю), azdasė (онъ этого не знаетъ), aramańďaŕatan (если я тебя не куплю), mon doń aramaksy'ĺiťiń (я бы желалъ тебя не купить), mon asasaksy'ĺiťiń (я желалъ бы тебя не догнать).

Всѣ остальныя наклоненія настоящаго времени, а также прошедшее время во всѣхъ его наклоненіяхъ образуются посредствомъ соединенія вспомогательныхъ глаголовъ, слитыхъ съ отрицаніемъ, и глагольныхъ формъ указанныхъ выше, въ § 180.

§ 200. *Желательное наклоненіе съ отрицаніемъ.* Спряженіе вспомогательнаго глагола.

Объектъ въ 1 л. ед.		Объектъ въ 1 л. мн.
ед. 2	iĺamak	iĺaḿiź (iĺiḿiź)
3	iĺamam	
мн. 2	iĺaḿiź (iĺiḿiź)	
3	iĺaḿiź (iĺiḿiź)	

	Объектъ во 2 л. ед.	Объектъ во 2 л. мн.
ед. 1	iľatan (iľazatan)	iľadyź (iľidiź)
3	iľanʒat	
мн. 1	iľadyź (iľidʹiź)	
3	iľadyź (iľidʹiź)	

	Объектъ въ 3 л. ед.	Объектъ въ 3 л. мн.
ед. 1	iľasa	iľasyń (iľiń)
2	iľak, iľasak	iľasyť (iľiť)
3	iľasė, iľasy (iľassa)	iľanʒa, iľasyńʒe (iľińʒe)
мн. 1	iľasyńik (iľińik)	iľasyńik (iľińik)
2	iľasyŋ́k (iľiŋ́k)	iľasyŋ́k (iľiŋ́k)
3	iľaź, iľasyź (iľiź)	iľaź, iľasyź (iľiź)

Примѣры: iľasa ťeįť kudyńť (чтобы я не сдѣлалъ дома), son nakazaś, iľasak čaft alašańť (онъ наказывалъ, чтобы ты не билъ лошади), iľasy čaft (чтобы онъ не билъ), iľasyń ǯaft sonʒy alašanʒa (чтобы я не билъ его лошадей), iľasyť čaft — (чтобы ты не билъ его лошадей), iľanʒa čaft—(чтобы онъ не билъ его лошадей), iľasyńik čaft; iľaź ǯaft; iľaź gundak или gunda (какъ бы его не поймали), iľasyź gunda (то же); iľanʒa или iľasyńʒe čaft (какъ бы онъ ихъ не побилъ); iľamak stuft (какъ бы ты забылъ меня); орк. ṕŕikazak ťänʒa, štoby son boįkasta pańiza, iľassa sasa lomań (прикажи ему, чтобы онъ погонялъ скорѣй, какъ бы его не догналъ человѣкъ), ton ńäľgan vant, son iľamam čaų (ты смотри вокругъ меня, чтобы онъ меня не побилъ). — Заключенныя въ скобки формы употребляются въ Оркинѣ: ton moľat maryst, da vanyk iľidʹiź čaų (ты пойдешь съ ними, да смотри, чтобы они тебя не побили); vanyk, iľiź kunda alašańť (смотри, чтобы они не взяли лошадь).

§ 201. *Повелительное наклоненіе съ отрицаніемъ.* Спряженіе вспомогательнаго глагола.

Объектъ въ 1 л. ед.	Объектъ въ 1 л. мн.
ед. 2 iľamak мн. 2 iľaḿiź (iľiḿiź)	iľaḿiź (iľiḿiź)

Объектъ въ 3 л. ед.	Объектъ въ 3 л. мн.
ед. 2 iľak мн. 2 iľaŋk (iľiŋ́k)	iľaṫ (iľiṫ) iľaŋk (iľiŋ́k)

Примѣры: iľak čaft (не бей его), iľaṫ čaft (не бей ихъ), iľamak keľḿeṁṫ (не заморозь меня), iľamak rama, iľaŋk kaja (не накидывайте на нихъ), iľaṫ kaiśe sortnèn (не выбрасывай моихъ соринокъ). Съ усиливающей частицей -a: iľaŋka noldak (не пускайте его). Формы, заключенныя въ скобки, употребляются въ Оркинѣ.

§ 202. *Прошедшее время изъявительнаго наклоненія съ отрицаніемъ.* Спряженіе вспомогательнаго глагола.

Объектъ въ 1 л. ед.	Объектъ въ 1 л. мн.
ед. 2 eźeḿek 3 eźeḿeḿ мн. 2 eźeḿeź 3 eźeḿeź	eźeḿeź

Объектъ во 2 л. ед.	Объектъ во 2 л. мн.
ед. 1 eźeťeń 3 eźeńʒeť мн. 1 eźeďeź 3 eźeďeź	eźeďeź

Объектъ въ 3 л. ед.	Объектъ въ 3 л. мн.
ед. 1 eźeńe 2 eźek 3 eźeźe (eśe)	eźeń eźeť eźeńʒe

мн.	1	eźeńek
	2	eźeŋ́k
	3	eźeź

eźeńek
eźeŋ́k
eźeź

Въ Оркинѣ: äźiṁiḱ, äźiṅṁiṁ, äźiṁiź, äźiťiń, äźiṅʒiť, äźidʹiź, äźiṅäź, äźiḱ, äźiźä (äśśä), äźiṅiḱ, äźiŋ́k, äźiź, äźiń, äźiť, äźiṅʒä, и т. д.

Примѣры: eźeṁeń bťima (онъ меня не принялъ), eźeṁek vadʹńe (ты меня не вычистилъ), eźek puťńi (ты его не клалъ), eźeďeź žija (они не просватали тебя), eźeńʒe sasa (онъ не догналъ ихъ).

§ 203. *Прошедшее время сослагательнаго наклоненія съ отрицаніемъ.* Спряженіе вспомогательнаго глагола.

Объектъ въ 1 л. ед.		Объектъ въ 1 л. мн.
ед.	2 auľiṁiḱ	auľiṁiź
	3 auľiṁiṁ	
мн.	2 auľiṁiź	
	3 auľiṁiź	

Объектъ во 2 л. ед.		Объектъ во 2 л. мн.
ед.	1 auľiťiń	auľidʹiź
	3 auľiṅʒiť	
мн.	1 auľidʹiź	
	3 auľidʹiź	

Объектъ въ 3 л. ед.		Объектъ въ 1 л. мн.
ед.	1 auľiṅe	auľiń
	2 auľik	auľiť
	3 auľiźe	auľiṅʒe
мн.	1 auľiṁiḱ	auľiṁiḱ
	2 auľiŋ́k	auľiŋ́k
	3 auľiź	auľiź

Въ Оркинѣ: avyľiḿik, avyľiḿiń, avyľiḿiź, avyľiń́ʒiť, avyľiź и т. д.

Примѣры: auľiź zala или zalak (какъ бы не украли его, ихъ), ṕeľeń kabu avuľiḿiź gunda (боюсь, какъ бы меня не поймали), auľiďiź ʒaft (какъ бы они тебя или васъ не побили), auľiń́e jumaft (какъ бы я не потерялъ), auľiń́i tapa butulkaǹť (какъ бы я не разбилъ бутылку), kudyť́ń́iń́ auľiń́ʒe pulta (какъ бы онъ не сжегъ эти дома); орк. ḿiń́ toń́ avyľiďiź saį, jeśliby avyľiť eŕaų (мы бы тебя не взяли, если бы ты не былъ нуженъ), tyń́ avyľiŋ́k śesta ľeťť umaǹť (вы бы не скосили тогда загона), kaby mon avyľiťiń́ tandaŕ (какъ бы я тебя не напугалъ), kaby mon avyľiťiń́ rama, to jarmakyn ešĉo kaduvy]'t (еслибы я тебя не купилъ, то у меня остались бы еще деньги).

§ 204. *Прошедшее время условнаго наклоненія съ отрицаніемъ.* Образуется посредствомъ присоединенія частицы ďaŕa (ďaŕak) къ формамъ прошедшаго времени сослагательнаго наклоненія: auľiź makst ďaŕa (если бы онъ или они не дали его или ихъ); kiskaǹť auľiń́i čaft ďaŕa (если бы я не убилъ собаку).

Оглавленіе.

СТРАНИЦА.

Предисловіе . . . . . I—IX

Отдѣлъ I. Преданія . . . . . 1—56

А. Оркино. (Начало Оркина: первые поселенцы — 1; Старинныя преданія: Петровскій попъ, Пугачевцы, происхожденіе нѣкоторыхъ семействъ— 6; Пожаръ, падежъ скота, людской моръ—15; Умный старшина — 17; Устройство садовъ — 18; Преданія о крещеніи—19; Воспоминанія о морѣ и голодѣ—22).

Б. Сухой Карбулакъ. (Начало Сухого Карбулака: старикъ Павелъ; помѣщикъ Апраксинъ, его наслѣдники — 25; Герасимъ «первоумершій» — 34; Грузинскій царевичъ и крещеніе мордвы — 35; Какъ въ прежнее время заключались браки—36; Женихъ-ребенокъ — 37; То же — 38; Наказаніе вдовы за ослушаніе—38; Жестокіе нравы—39; Расположеніе селенія—40; Силачъ старикъ Одай—41; Отъѣзжее гумно —42; Кабакъ—43; Барскій дворъ—44; О томъ, какъ прудили воду «Верхней мельницы»—45; Какъ перешла мордовская земля къ русскому князю — 46; Преданіе о выборѣ мѣста подъ поселеніе—48; Жестокіе нравы —49; Воспоминанія старушки о крѣпостномъ времени—50; Барщина—54; Пугачевцы—55).

Отдѣлъ II. Обычаи . . . . . 57—186

А. Оркино. (Старинныя моленія—57; То же—58; Современныя поминки—61; Косточка-невидимка—71; Семиверстные сапоги—72; Кладъ Стеньки Разина— 73; Старинный бытъ—74; Гаданія—81; Ворожба противъ безплодія—82; Старинныя забавы—83; Ранніе

СТРАНИЦА.

браки—85; Ручные жернова—86; Женскія заботы—86; Ругательства—88; Заговоры—89; Моленіе на могилахъ—89; Молитвенное приговариваніе—91; Отговоръ—92; Заговоръ отъ болѣзни—93; Заговоръ насчетъ двора — 93; Молитва и жертва Юртавѣ — 94; Заговоръ при паденіи ребенка — 95; Молитва тремъ богамъ, когда человѣку попритчится—96; То же при болѣзни—97; Жертвоприношенія во время рождества —98; Молитва Юртавѣ о благополучіи—99; Мѣряніе стана—99; Ворожба надъ дѣтьми—100; Ворожба при болѣзни отъ сглазу—101; Заговоръ надъ рубашкой—103; Молитва передъ пашней — 103; Другія молитвы — 104; Обнаруженіе укравшаго при помощи сухой лутошки—104; Игры—105; Наряды—126; Чертогонъ—126).

Б. Сухой Карбулакъ. (Гаданія наканунѣ новаго года—127; Гаданія и обычаи въ другіе дни—131; Примѣты—138; Какъ ежъ самого себя проклялъ —141; Разсказъ старушки о старинныхъ обычаяхъ—142; Молитвы и приговариванія по разнымъ случаямъ —145; Какъ поются мордовскія пѣсни—148; Изъ стариннаго житія—148; Какъ давались личныя имена—149; Богъ-Чуръ—150; Медвѣдь—это прòклятый человѣкъ — 150; Антихристъ — 151; Юртавы — 151; Изъ старины — 154; Болѣзни, заговоры отъ нихъ — 155; Уходъ за ребенкомъ, заговоры — 157; Цѣлебныя травы—160; Лѣчебные пріемы—162; Лѣченіе жабы—167; Лѣченіе грыжи—168; Заговоры отъ зубной боли —168; Заговоръ отъ обжога—169; Какъ лѣчатъ ячмень на глазу — 169; Какъ лѣчатъ отъ паденія въ воду — 170; Какъ удаляютъ воду, попавшую въ уши при купаніи—171; Какъ мордвинъ заговорилъ чирій у русскаго—172; Неумѣлая колдунья—173; Лѣченіе отъ изжоги, отъ удушья, отъ глазного ячменя—174; Ворожба: «бросаніе ногтями»—175; О кладахъ—175; Объ одеждѣ—179).

Отдѣлъ III. Свадьба . . . . . 187—250

А. Оркино (187).

Б. Сухой Карбулакъ (213).

СТРАНИЦА.

Отдѣлъ IV. Сказки . . . . . 251—395

А. Оркино. (Коза и козлята—251; Старикъ, медвѣдь и лисичка—253; Медвѣдь, лисичка и кадушечка меду—255; Старикъ, старуха и медвѣдь—258; Мальчикъ и дѣвочка, попавшіе къ бабѣ-ягѣ и освободившіеся отъ нея, при чемъ мальчикъ былъ превращенъ затѣмъ въ козлёнка—262; Брошенные въ воду царица и царевичъ, чудесное ихъ освобожденіе и прославленіе—267; Обреченный нечистому юноша—275; Емеля-дурачекъ и отпущенная имъ на свободу рыба — 288; Мальчикъ съ пальчикъ—303; О томъ, какъ женился Гриша Трофимовъ—305).

Б. Сухой Карбулакъ. (Козочка и козлята—309; Пѣтушокъ и кошечка—313; Старикъ и медвѣдь—320; Сестрица-лепёшка—322; Старикъ съ пудовой бородой, старушка съ войлочнымъ брюхомъ и проч.—327; Дѣвушка и разбойники—328; Дуракъ и телёнокъ — 330; Старуха и рѣпное зерно — 331; Какъ сестра погубила сестру—334; Превращенная въ голубку дѣвочка — 337; Снѣгурочка — 340; Злая мачеха и медвѣдь—345; Злая мачеха и баба-яга—350; Обреченный нечистому юноша — 350; Мужъ и жена, колдунъ и колдунья—370; Мальчикъ съ пальчикъ — 375; Какъ похоронили собачку — 378; Злая дѣвушка — 383; Дуракъ, выручившій братьевъ—386; Кадушечка меду—389; Какъ сынъ хоронилъ отца—391; Какъ старуха поминала своего покойнаго мужа — 392; Унесенный ворономъ ребенокъ—394).

Отдѣлъ V. Загадки, пословицы, поговорки . . . . . 396—408

А. Оркино (396).

Б. Сухой Карбулакъ (399).

Отдѣлъ VI. Пѣсни . . . . . 409—620

А. Оркино. (Маша и извозчикъ — 409; Вдова солдатка и нелюбимый ею сынъ — 411; Прóклятый женою мужъ — 413; Зловѣщій сонъ дѣвушки — 416; Видѣли ли вы красиваго Семушку?—418; Гибая, жена пастуха — 420; Жена узнаетъ отъ пролетающихъ птицъ о судьбѣ своего мужа — 422; Катя, Катюша,

Катеринуша—424; Какъ прудили рѣчку Симбирку—425; Конецъ той же пѣсни въ прозаическомъ варіантѣ—427; По лугу ходитъ старая лошадь—429, 430, 431; Луша, проклятая во чревѣ матери — 434; Жена разбойника—436; Горе солдата—438; Андямъ, пахавшій землю на своихъ родителяхъ — 440, 444; Пелагея ищетъ смерти и похоронена живою—446; Изгнанный изъ родительскаго дома — 449; Ирина Силантьева и Семенъ извозчикъ—452; Шаткинское поле—453; Солдатъ узнаетъ отъ пролетающихъ птицъ о бѣдствіи семьи — 455; Солдатъ черезъ пролетающихъ птицъ передаетъ о своихъ нуждахъ—458; Прòклятый сынъ — 459; Дарюша спасаетъ дитя своей мачехи — 461; Какъ Маша зарѣзала мужа—464, 465; Акулина, взятая замужъ на небо — 466; Оленушка, бѣжавшая съ татарами—469; То же въ прозаическомъ варіантѣ—472; Акулина Дмитріева семь лѣтъ не хочетъ знать мужа—473, 475, 477; Мордовка—татарская полонянка—478; Контора или нечаянная встрѣча помолвленныхъ—480; Прозаическій пересказъ пѣсни объ охотникѣ и змѣѣ—483; То же въ неточной передачѣ—484; Охотникъ и лѣсная утка — 486; Мордвинъ (мокша)—татарскій полоняникъ, въ прозаическомъ пересказѣ—488, 489; Причитанія—493; Колыбельныя пѣсни—501; Нѣкоторыя старинныя пѣсенки—503; Скоморошныя—512; Колядованья —517).

Б. Сухой Карбулакъ. (Литюва—521; Вдова солдатка и нелюбимый ею сынъ—527; Какъ молодая жена убила своего мужа-ребенка—529; Пчелиная матка—531; Агута—533; Несчастный Тюгай, погубившій свою мать — 535; Опьянѣла я, сноха, опьянѣла—539; Прòклятый женою мужъ—511; Паксяльть и его лошадь Саврасый — 513; Мокша, отбившійся отъ разбойниковъ — 516; Быть можетъ, мы увидимъ бурлака Семена—519; Изгнанный изъ родительскаго дома — 550; Дарюша, любимая дочь отца — 553; По лугу ходитъ старая лошадь — 555; Луша, прòклятая во чревѣ матери — 556; Царь Павелъ Петровичъ — 558, 559; Горе солдата—560; Кемельте, похороненная живою — 562; Старуха Сюмурга сватаетъ въ Пензѣ невѣсту своему сыну — 561; Старикъ морозъ — 568; Арчиловъ (Сухой Карбулакъ) — 570; Мордвинъ—татарскій полоняникъ—573; Просьба къ деверю купить колоколъ — 576; Какъ попалась въ кражѣ Матрена Иванова—578; Несправедливая отдача въ рекруты—

СТРАНИЦА.

580; Контора или нечаянная встрѣча помолвленныхъ—581; Акамка, принесенная въ жертву мельницѣ—581; Колыбельныя пѣсни—586; Колядки—593; Святочныя пѣсни—601; Весеннія пѣсни—603; Заплачки—611; Причитаніе въ бѣдности—620).

Отдѣлъ VII. Разсказы, письма и прочее . . . . . 621—666

А. Оркино. (Жизнеописаніе В. С. Саюшкина—621; Письмо І. А. Цыбина—630).

Б. Сухой Карбулакъ. (Жизнеописаніе Р. Ѳ. Учаева — 636; Разсказъ Р. Ѳ. Учаева о старикѣ Ѳедорѣ — 642; Воспоминанія старушки Учаевой — 646; То же—649; Воспоминанія Р. Ѳ. Учаева—650; Разговоръ двухъ крестьянъ—653; Недоразумѣніе по поводу Портъ-Артура—654; Разговоръ женщины съ гостемъ—655; Разговоръ двухъ сосѣдей—659; То же—660; Разсказъ о разсѣянномъ мордвинѣ — 662; Разсказъ сосѣда сосѣду о произведенной у него кражѣ — 664; Разсказъ о колдунѣ—666).

Приложенія.

І. Пѣсни, записанныя І. А. Цыбинымъ отъ неоркинской мордвы, а также записи учителя Леонтьева и другія . . . . . 667—680

(Анюта избавляется отъ мужа-ребенка—667; Ванюша губитъ нелюбимую свою жену—668; Несчастный Дементій, погубившій свою мать—670; Какъ погубили снохи Анюту — 673; Уляша, бѣжавшая съ татарами—674; Какъ Машуня зарѣзала своего мужа—677; Луша, проклятая во чревѣ матери—679).

ІІ. Извлеченіе изъ историко-географическаго описанія Озерской волости Саратовскаго уѣзда, составленнаго А. Н. Минхомъ . . . 681—720

III. Очеркъ звуковыхъ особенностей и краткая морфологія Сухокарбулацкаго и Оркинскаго говоровъ . . . . . 721—842

(Звуковой составъ. Гласныя—721; Согласныя—737; Взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ—755; Удареніе — 759; Къ исторіи неударяемыхъ слоговъ. Первый экскурсъ — 761; Къ исторіи неударяемыхъ слоговъ. Второй экскурсъ — 773; Краткій очеркъ морфологіи. Склоненіе существительныхъ и мѣстоименій — 777; Спряженіе глагола — 810).

Опечатки.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
6	5 снизу	съ	ея
26	12 снизу	господское	мѣсто господское
171	2 снизу	которыя	который
189	2 сверху	v́ăšă	v́ăšă»
251	1 сверху	Отдѣлъ III	Отдѣлъ IV
259	9 сверху	ma·sć́yńiḱ	ma·kscyńiḱ
413	16 сверху	Стихъ испорченъ	Стихъ испорченъ. Варіантъ (Оркинскій): Верь ортава лифтизя:
435	12 сверху	Carам'	Čaram'
439	4 сверху	soń	son
525	12 сверху	ёфтака	ёфтака: